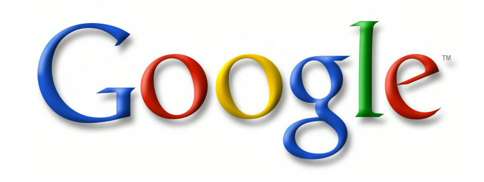
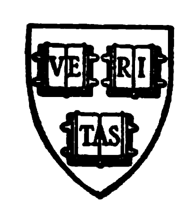
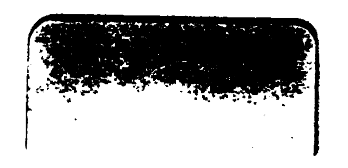

VE
RI
TAS

SLAVIANSKII SBORNIK
3

СЛАВЯНСКІЙ СБОРНИКЪ

ТОМЪ ТРЕТІЙ

изданный

подъ наблюденіемъ

Члена Славянскаго Комитета

П. А. Гильтебрандта

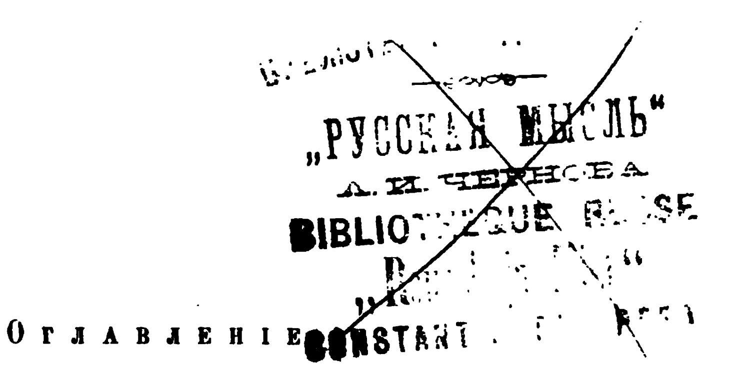

ПЕТЕРБУРГЪ — 1876

3

Типографія брат. Пантелеевыхъ Казанская ул. д. № 33

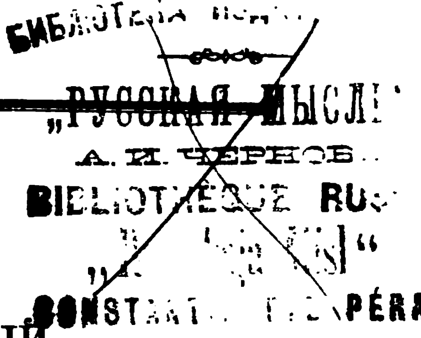

Оглавленіе.

Отдѣлъ первый.

Отдѣлъ вторый.

Отдѣлъ третій.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОСЪ

въ XVI и XVII вѣкахъ.

(По неизданнымъ Итальянскимъ памятникамъ).

По замѣчанію Цинкейзена [1]), въ XVI вѣкѣ совершился переворотъ въ политикѣ западно-Европейскихъ державъ, относительно Турціи.

Слѣдуя общему настроенію умовъ, Европа продолжала смотрѣть на Оттоманскую имперію еще непріязненно. Иначе и быть не могло: борьба между христіанствомъ и исламомъ еще не была кончена; раны, нанесенныя христіанамъ мусульманами втеченіе вѣковъ, были слишкомъ глубоки и не могли такъ легко зажить. Существованіе Оттоманской имперіи не признавалось еще политическою необходимостью, непремѣннымъ условіемъ Европейскаго мира. Но уже произошла большая перемѣна въ общественномъ мнѣніи Европы о Туркахъ: дружественныя сношенія съ ними перестали считаться измѣною христіанскому дѣлу, и великія державы заискиваютъ расположенія къ себѣ султана и ведутъ при его дворѣ политическія интриги, подкапываясь одна подъ другую. Султанъ презиралъ всѣхъ почти западно-Европейскихъ государей, но не отказывался отъ ихъ услугъ; надъ безсиліемъ папы, который напрасно металъ въ него перуны, въ видѣ болѣе или менѣе краснорѣчивыхъ буллъ, Мурадъ III издѣвался и, для потѣхи, заставлялъ читать себѣ вслухъ, въ присутствіи приближенныхъ лицъ, словоизверженія Римской куріи; о Нѣмцахъ онъ отзывался, какъ о

---

[1]) «Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa von J. W. Zinkeisen» III Th., ss. 397—433.

народѣ ни къ чему непригодномъ, и пренебрегалъ императоромъ, какъ врагомъ неопаснымъ и союзникомъ безполезнымъ; не высоко онъ ставилъ Венеціянскую синьорію, преданную меркантильнымъ интересамъ, и торговался съ Венеціянцами, какъ съ купцами, за всякую уступку; Французовъ и Англичанъ онъ всячески унижалъ и поддерживалъ съ ними сношенія только для того, чтобы возбуждать ихъ противъ Испаніи—единственной державы въ западной Европѣ, внушавшей ему опасенія, какъ своими морскими силами, такъ и богатствомъ, особенно послѣ соединенія съ Португаліею при Филиппѣ II (1590 г.). Султанъ сознавалъ свою силу и считалъ неосуществимымъ союзъ противъ него западно-Европейскихъ государей. Признавала его силу и Европа: враждовавшія между собою державы не могли соединить своихъ силъ противъ общаго врага христіанства, а каждая въ отдѣльности не была въ состояніи бороться съ нимъ. Нужно было искать новыхъ союзниковъ, и они нашлись: это были Россія и ея единовѣрцы въ Турціи.

Съ послѣдней четверти XVI столѣтія распространяются по Европѣ проэкты легкаго завоеванія Турціи, при поголовномъ возстаніи христіанскихъ подданныхъ султана и при содѣйствіи Россіи. Два такіе проэкта находятся въ богатомъ рукописномъ собраніи Амвросіанской библіотеки въ Миланѣ.

Одинъ изъ нихъ носитъ слѣдующее громкое заглавіе: «Рѣчь, посвященная его святѣйшеству папѣ Пію V, объ удобоисполнимомъ и вѣрномъ способѣ предпринять крестовый походъ противъ Турокъ, побѣдить ихъ въ Европѣ и уничтожить въ Азіи, возвратить не только Константинополь, резиденцію древнихъ христіанскихъ императоровъ, но также Гробъ Господень, со всею Св. Землею, о чемъ днемъ и ночью должны бы помышлять всѣ христіанскіе государи, ибо такимъ способомъ объединилась-бы и распространилась-бы наша святая христіанская вѣра» [1]). Въ этомъ проэктѣ любопытно для насъ только то, что неизвѣстный авторъ предлагаетъ произвести возстаніе христіанъ въ Турціи, при помощи ихъ единоплеменниковъ, поселившихся во многихъ мѣ-

[1]) Mss. Bibl. Ambros. R. 121: «Discorso dedicato al beatissimo et santissimo Papa Pio V circa il modo riuscibile et sicuro per far l'impresa et cruciata contra il Gran Turco, che al certo si vincerebbe in Europa et anichalarebbe in Asia, con la quale non solo si potria ricuperare Constantinopoli sedia degli antichi imperatori christiani, ma anco il Santo Sepulcro con tutta Terra Santa, al che notte et giorno si doveria attendere da tutti li priucipi christiani, perche con tal mezo si riunirebbe et ancora s'ampliarebbe la nostra santa religione et fede di nostro Signor Giesu Christo».

стахъ Италіи и преимущественно въ Неаполитанскомъ королевствѣ и въ Маркѣ Анконской [2]). Онъ совѣтуетъ образовать изъ нихъ отдѣльные отряды подъ начальствомъ ихъ собственныхъ вождей. При ихъ посредствѣ, Крестоносцы тотчасъ по высадкѣ на берега Турціи вступятъ въ братскія сношенія (s'affratellassero) съ мѣстными христіанами и раздадутъ имъ оружіе (100,000), необходимое для возстанія. Замѣчательно также, что авторъ совѣтуетъ взять съ собою не только священниковъ, но также хорошихъ проповѣдниковъ, для скорѣйшаго обращенія еретиковъ (т. е. православныхъ) въ католическую вѣру [3]).

Въ другомъ проектѣ Веронскій дворянинъ Леонидъ Пиндемонти [4]) предлагаетъ воспользоваться безпорядками, происшедшими въ Турціи по смерти Мурада III, для изгнанія Османовъ изъ Европы. За такое дѣло берется Трансильванскій князь, располагающій 200,000 дукатовъ и сорокатысячною арміею (въ томъ числѣ 10,000 конницы), если Польша, Россія и императоръ дадутъ ему вспомогательное войско въ 100,000 человѣкъ, а папа—субсидіи.

Извѣстно, что Трансильванскій князь, Сигизмундъ Батори, и господари Молдавіи и Валахіи, Ааронъ и Михаилъ, отпали въ 1594 году отъ Турціи, прогнали изъ своихъ владѣній Турокъ и заключили союзъ съ императоромъ Рудольфомъ II противъ султана [5]). Въ январѣ 1595 года союзники сосредоточили значительныя силы на берегахъ Дуная: Сигизмундъ Батори стоялъ съ 13,000 своей конницы и пѣхоты въ Молдавіи; при немъ находилось 3,000 козаковъ и войско господарей изъ 14,000 конницы и 5,000 пѣхоты; Валахію занимало вспомогательное Угорское войско изъ 10,000 человѣкъ. Дубровчанинъ Павелъ Джорджичъ, предложилъ союзникамъ перейти черезъ Дунай и занять Болгарію, гдѣ онъ брался произ-

[2]) «Massime che in molti loghi d'Italia et specialmente nel regno di Napoli et nella Marca d'Ancona si potriano far soldati, che havessero la lingua loro et che fussero del medesimo sangue, si portariano tutti da proprii paladini». О Славянскихъ и Албанскихъ поселеніяхъ въ Маркѣ Анконской см. изд. мною «Monum. histor. Slav. meridion.», t. I, vol. 1, pp. 74—84, 195—210. — О Славянахъ въ Неап. корол. см. мою статью въ «Зап. Акад. Н.» 1870 г., а объ Албанцахъ — T. Morelli, «Cenni storici sulla venuta degli Albanesi nel regno delle due Sicilie» (Napoli 1842), — G. Crispi, «Memorie storiche di talune costumanze appartenenti olle colonie Greco-Albanesi di Sicilia» (Palermo 1853), M. Scutari, «Notizie istoriche sull'origine e stabilim. d. Alban. nel regno delle due Sicilie» (Potenza 1825) и др.

[3]) «Di modo che più presto unissero gli heretici con li catholici».

[4]) Ibid. G. 289, ff. 1721—1739: «Discorso del s-r Leonida Pindemonti gentilhuomo Veronese fatto l'anno 1595 et raggioni di scacciare l'Ottomano dall'Europa et d'annichilare il suo imperio secondo il corso de presenti tempi». [5]) Zinkeisen, 596—597.

вести возстаніе, обѣщая, что, при первомъ ихъ появленіи, Болгаре выставятъ 25,000, а Албанцы 7,000 храбрыхъ и хорошо вооруженныхъ воиновъ [1]). Сигизмундъ принялъ услуги Джорджича, и ему, дѣйствительно, удалось поднять Болгаръ. Центромъ возстанія было Терново [2]).

Между тѣмъ Сигизмундъ Батори не переходилъ черезъ Дунай: видно, мало онъ расчитывалъ на силы Болгаръ и сознавалъ свое безсиліе для наступательной войны противъ Турокъ. Его бездѣйствіемъ воспользовался Синан-паша, вторгся въ Валахію и занялъ Джюрджево, Букарештъ и Терговиштъ. Правда, не долго онъ удержался здѣсь: Валашскій господарь Михаилъ, получивъ сильное подкрѣпленіе изъ Трансильваніи, разбилъ Синан-пашу на-голову и очистилъ Валахію отъ Турокъ. Въ тоже время Могамет-паша потерпѣлъ страшное пораженіе подъ Граномъ въ Угріи отъ союзнаго Нѣмецко-Итальянскаго войска. Но эти побѣды не принесли никакой пользы христіанамъ: весною слѣдующаго (1596) года султанъ Могаметъ III лично повелъ свое войско въ Угрію и подъ Эрлау жестоко отомстилъ христіанамъ за пораженіе подъ Граномъ. Война въ Угріи продолжалась до 1606 года. Въ ней принималъ личное участіе Сигизмундъ Батори [3]).

Такимъ образомъ вниманіе Трансильванскаго князя и его союзниковъ было отвлечено отъ Болгаріи, и вмѣсто наступательной войны пришлось вести оборонительную. Дѣятельнымъ союзникомъ императора въ этой войнѣ былъ папа, пославшій ему на помощь 14,000 пѣхоты и 2,000 кавалеріи. Помогали ему также Нѣмецкіе и Итальянскіе князья.

По словамъ Миланской рукописи, всесильные въ то время Польскіе паны, прельщенные Турецкимъ золотомъ, отказали Сигизмунду Батори въ помощи. Едва-ли нужно было султану прибѣгать къ подобному средству: за пять лѣтъ передъ тѣмъ (1590 г.), онъ самъ требовалъ харача съ Поляковъ, и они должны были подкупать великаго визиря, чтобы освободиться отъ этой позорной дани невѣрнымъ; а еще ранѣе тотъ-же султанъ Мурадъ III посадилъ на Польскій престолъ Стефана Батори, грозя Полякамъ, что онъ по-

---

[1]) «Copia d'un discorso fatto dal s-or Paolo Giorgiu gentilhuommo Ragugeo al ser-mo principe di Transilvania sotto il di 10 gennaro 1595» (Рукопись той-же Библіотеки R. 94 sup.). Извлеченіе изъ нея въ статьѣ моей: «Болгарія подъ Турецкимъ владычествомъ въ «Журн. Мин. Нар. Просв.», ч. CLXIII, отд. 2, стр. 314—320.

[2]) Сборникъ памятниковъ Флорентинскаго архива, касающихся этого возстанія, находится въ рукахъ извѣстнаго слависта, М. С. Дринова, доцента Харьковскаго университета. [3]) Zinkeisen, ss. 598—622.

корить и разорить ихъ королевство, уведетъ ихъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, займетъ своими войсками Краковъ и Львовъ, если они осмѣлятся избрать въ короли императора или царя Московскаго [4]). Поляки трепетали передъ однимъ именемъ Турокъ, и этого не скрываютъ Польскіе историки, объ этомъ говорятъ во всеуслышаніе Польскіе писатели XVI вѣка. Кому изъ Поляковъ неизвѣстны слѣдующія строфы ихъ царя поэтовъ, Яна Кохановскаго, невольно вылившіяся изъ его беззлобной души:

---

[4]) Въ рукописи библіотеки св. Марка въ Венеціи (Cod DCCCCXXXII, Cl. VII Ital.) находится слѣдующее, кажется, никому еще неизвѣстное, письмо Мурада III къ Польскимъ панамъ, помѣченное 30 сентября 1575 года:

«Illustri et potenti signori conventienti gratie.

«Amurath, Dio della terra, Governatore dell'universo mondo, Angelo di Dio, Guardiano del paradiso et del gran Profeta Mahumeto fedel servitore.

«Non è dubbio, illustri et potenti signori, che li nostri antecessori con il regno di Polonia hanno tenuto lega et patti santi et immortali li tempi antichi, onde ci è parso cosa conveniente et giusta ridurvi a memoria questo legame di amicitia et di pace, perchio che noi sappiamo, che il vostro regno in questi tempi è abbandonato per la partita del coronato rè Henrico duca di gran sangue et a noi amico grande, il quale del vostro regno per la cattiva estimatione et non data a voi a lui la debita obedienza si è partito, et habbiate per certo, che lui di nuovo non se ne tornerà in Polonia, per la qual causa, secondo che ci vien riferito, s'è certo, non lo sappiamo, è motivo fra voi, che lasciando da banda il coronato duca Henrico, volete eleggere un'altro, et particolarmente cesare overo il duca di Moscovia gente inconstante et a noi grandemente nemici. Voi stessi potete conoscere, che loro non solo a chi si voglia di voi, ma a loro stessi non possono porgere ajuto; onde nissuna speranza potete conseguirne, guardate, che non vi giontino, et avvertite, cho questa lega et patti constituiti nei sempiterni tempi possano restare nella loro virtù, che de pericoli, li quali, come pensiamo, in questi tempi potriano nascere ci è parso ricordarli. Fate opera donque, che così importanti et peggiori non vengano alla vostra repubblica.

«Noi sappiamo, che fra di voi sono persone assai nobili et savie, le quali va potriano con più utile dominare, et se voi non volessino eleggere di vostre natione, ci è un principe non molto Sontano da voi di gran dignità Steffano di Battori, palatino di Transilvania, che per l'opere et ingegno del quale in pace et tranquillità potete esseguire.

«Et se conosciamo, che facciate altramente, ci protestiamo per il vero Dio et per il nostro signore et gran Profeta Mahometo, che voi per mezo nostro sarete dissolati et ridutti in niente, il regno vostro sarà tutto il nostro dominio, le facoltà vostre saranno in rapina distribuite, e voi stessi, le moglie vostre, figlioli et figliole vostre saranno in rapina et destribuite in eterna servitù, et le miglior città fra le vostre Cracovia et Leopoli circonderemo de soldati armati. Tuttavolta noi non dubitiamo niente dela fede et constantia vostra verso di noi. Nell'altre cose donque a Soldano ambasciatore et secretario nostro habbiamo commesso, che parli con voi a bocca, al quale preghiamo, che diate fede. Dato in Constantinopoli l'ultimo delmese di settembre l'anno della natività di Mahometho Profeta 991.

На сколько вѣренъ Итальянскій переводъ, не ручаемся; но содержаніе письма отлично характеризуетъ отношеніе Турокъ къ Полякамъ въ концѣ XVI вѣка.

Niewierni Turczyn psy [1]) zapuścił swoje,
Którzy zagnali piękne łanie twoje
Z dziećmi pospołu: a niemasz nadzieje,
By kiedy miały nawiedzić swe knieje.
Jedne za Dunaj Turkom zaprzedano,
Drugie do Hordy dalekiej zagnano:
Córy szlacheckie (żal się mocny Boże)
Psom bisurmańskim brzydkie ścielą łoże.
. . . .
Jakiego serca Turkowi dodamy,
Jeśli tak lekkim ludziom nie zdołamy?
Ledwieć nam i tak króla nie podawa,
Kto się przypatrzy, mała nie dostawa.

Въ иныхъ отношеніяхъ къ Турціи находилась Россія.

Съ начала XVI вѣка отношенія Россіи къ Турціи принимаютъ непріязненный оборотъ. Филиппъ II, король Испанскій, возбуждалъ великаго князя Московскаго противъ Турецкаго султана и посылалъ въ Москву разнаго рода оружіе, и въ особенности огнестрѣльное, и искусныхъ артиллеристовъ, и пушечныхъ мастеровъ (1558 г.). Вскорѣ послѣ того Сулейманъ I имѣлъ случай убѣдиться въ военной силѣ Россіи: войско, отправленное имъ подъ начальствомъ Казимбега, для изгнанія Русскихъ изъ Астрахани и для прорытія канала между Дономъ и Волгою, было разбито и обращено въ бѣгство царемъ Иваномъ IV Васильевичемъ (1569 г.). Съ тѣхъ поръ султанъ сталъ бояться Московскаго царя болѣе, чѣмъ другихъ христіанскихъ государей, потому что онъ располагалъ огромными военными силами и пользовался неограниченнымъ довѣріемъ Болгаръ, Сербовъ и Грековъ, которые, по одному его слову, готовы были взяться за оружіе, чтобы изгнать Турокъ изъ Европы и подчиниться его власти [2]).

Силу Россіи и ея вліяніе на нашихъ единовѣрцевъ въ Турціи хорошо знала западная Европа, и не далѣе какъ за годъ до Пиндемонти, именно въ 1594 году, Хварскій епископъ Петръ Чедолини представилъ папѣ Клементу VIII записку о пользѣ союза противъ Турокъ императора Рудольфа II, съ царемъ Московскимъ, который можетъ выставить въ поле 200,000 отличной конницы съ значительною артиллеріею и, что̀ еще важнѣе, пользуется

[1]) Татаре.—Писано по поводу опустошенія Подола Татарами.

[2]) Zinkeisen, ss. 522—529. Свидѣтельства Якова Соранцо (1576 г.), эмиссара Донъ-Жуана Австрійскаго (1576) и неизвѣстнаго автора «Ragguaglio dello stato di Turchia 1594» приведены мною въ статьѣ «Болгарія подъ Турецкимъ владыч.», стр. 320—321.

преданностью своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ не только въ Европейскихъ, но и въ Азіятскихъ владѣніяхъ султана [3]. И царь не былъ противъ такого союза, какъ видно изъ того, что въ слѣдующемъ (1595) году онъ отправилъ въ Прагу посольство съ предложеніемъ императору помощи противъ Турокъ [4].

Если наши единоплеменники и единовѣрцы въ XVI вѣкѣ, по словамъ эмиссара Донъ-Жуана, надѣялись освободиться отъ Турецкаго ига только при нашей помощи, то такимъ ихъ довѣріемъ къ намъ мы обязаны преимущественно козакамъ, безпрестанно воевавшимъ съ Турками «во славу Божію и на вѣчную память козацкаго имени». Эти Русскіе Ускоки [5]) невѣроятными подвигами храбрости приводили въ трепетъ Турокъ, поддерживали въ нашихъ единовѣрцахъ и единоплеменникахъ вѣру въ православную Русь и снискали себѣ уваженіе даже у расчетливой и дальновидной синьоріи Венеціянской.

Въ «Памятныхъ книгахъ» (Commemoriali) Венеціянскаго сената есть любопытная «Записка о томъ, какую пользу можно извлечь изъ союза съ козаками, въ случаѣ войны съ Турціею» [6]. Эта записка была представлена дожу 12 іюля 1585 года Карломъ Гамберини изъ Болоньи, секретаремъ папскаго нунція въ Польшѣ, кардинала Болоньетти, при возвращеніи его на родину. По словамъ Гамберини, сообщаемыя имъ свѣдѣнія онъ получилъ отъ гетмана козаковъ, съ которымъ познакомился и подружился въ Вильнѣ, гдѣ въ то время находился Польскій дворъ. Услугами и подарками онъ вкрался въ довѣріе къ гетману, который наконецъ открылъ ему свое задушевное желаніе — воевать съ Турками «во славу Божію и на вѣчную память козацкаго имени».

[3]) Zinkeisen, 592—593. [4]) Ibid. 600—601.

[5]) Съ при-Адріатическими Ускоками сравниваетъ козаковъ Венеціянскій посланникъ въ Польшѣ, Петръ Дуодо, въ своей реляціи 1592 г.: «Tra questi due fiumi (Boristene et Niester) habitano Cosacchi gente valorosissima di un numero di forti da 12 a 15,000, i quali sono una mescolanza, di Poloni, Littuani, Moldavi, Vallachi, Turchi, Italiani et d'ogni altra natione, vivono per l'ordinario di rapine, come, fanno Uscocchi, particolarmente fanno gran depopulatione contro i Tartari, et spesse volte gli impediscono il penetramento adentro nella Polonia, per le scorrarie, che essi fanno nei loro paesi, quando essi tentano d'entrar in Polonia, contro Turchi anco fano spesse volte progressi grandissimi, et ultimamente 1200 d'essi con un Voivoda scacciato di Moldavia, ruppero una grandissima quantità de Turchi et Moldavi, et si sarebbero anco fatti sentire più oltre, se non erano traditi da esso Voivoda». (Ркп. библ. св. Марка въ Венеціи. Cod. Ital. 879, Cl. VII).

[6]) Commemoriali, vol. 24 (1573—1584) da carte 161 t° (въ Венеціянскомъ архивѣ).

Гетманъ сѣтовалъ, что Польскій король запретилъ козакамъ нападать на враговъ христіанской вѣры и, въ угоду султану, казнитъ храбрыхъ воиновъ. Такъ, когда въ 1583 году козаки, въ числѣ 7,000, овладѣли Бендерами, разрушили эту крѣпость и изрубили въ куски до 6,000 Турокъ, Польскій король (Стефанъ Батори), чтобы смягчить гнѣвъ султана, приказалъ отрубить голову 32 козакамъ, попавшимся въ его руки.

Въ минувшія времена, говоритъ Гамберини, множество бѣглыхъ и бездомныхъ людей разныхъ странъ и народностей поселилось на Днѣпровскихъ островахъ. Они проводили жизнь въ постоянныхъ войнахъ съ Турками и Татарами, грабившими Польскія области. Со смертью Сигизмунда I, число ихъ постоянно увеличивалось, ихъ слава росла по мѣрѣ ихъ подвиговъ, и имя козаковъ наводило ужасъ, не только на сосѣдніе народы, но и на самого султана. Часть козаковъ находится въ подданствѣ Польскаго короля: 800 изъ нихъ получаютъ отъ него жалованье, а остальные въ числѣ 2 или 3,000 сами о себѣ промышляютъ. Всѣ они находятся подъ начальствомъ одного гетмана. Съ ними живутъ въ дружбѣ и согласіи другіе козаки—вольные, и вмѣстѣ съ ними воюютъ противъ кого случится. Такихъ козаковъ можно набрать при первой надобности до 15,000.... Козацкіе острова укрѣплены природою и искусствомъ: окруженные глубокимъ Днѣпромъ, они обнесены прочнымъ палисадомъ и изрыты множествомъ рвовъ, служащихъ къ оборонѣ. Зимою, когда замерзнетъ Днѣпръ, козаки строятъ ледяныя стѣны вокругъ острововъ.... Козаки живутъ охотою и грабежемъ въ Татарскихъ земляхъ. Ихъ вооруженіе состоитъ изъ сабли и ружья. Они такіе искусные стрѣлки, что приносятъ клятву не давать промаха въ битвѣ. Они щадятъ болѣе Татаръ, чѣмъ Турокъ: этихъ послѣднихъ они смертельно ненавидятъ.

На вопросъ Гамберини, съ какой стороны козаки могли бы успѣшнѣе дѣйствовать противъ Турокъ, и какая нужна имъ внѣшняя помощь, гетманъ отвѣчалъ: «Для насъ все равно съ какой бы стороны ни ударить на Турка: это зависитъ отъ воли государей, которые окажутъ намъ помощь; и при томъ послѣдствія будутъ тѣ же самыя, начнешь-ли съ Татаръ, или съ Турокъ. Съ Татарами справиться легко, это—безпорядочный, дурно вооруженный сбродъ, способный только къ грабежу и бѣгству. Но истребленіе Татаръ, обычно преданныхъ султану, было бы для него весьма чувствительнымъ ударомъ—не потому, чтобъ онъ цѣнилъ ихъ очень высоко, а потому, что они поставляютъ ему—по уговору или за день-

ги—безчисленное множество рабовъ изъ Русскихъ и Польскихъ земель».—Безъ этихъ рабовъ, прибавляетъ отъ себя Гамберини, султанъ не могъ бы вооружить своихъ галеръ, какъ увѣряютъ козаки, и какъ чистосердечно признается король. — «Что касается непосредственнаго нападенія на Турокъ, сказалъ гетманъ, то, пользуясь настоящею войною съ Персіею, козаки, въ союзѣ съ сосѣдними народами, легко могли бы проникнуть въ-расплохъ до самаго Константинополя: ибо Турки нынѣ столь ослаблены и истощены, что не могли бы оказать имъ надлежащаго сопротивленія». При этомъ гетманъ замѣтилъ, что, когда Османъ-паша былъ вызванъ изъ Персіи для низверженія и умерщвленія Мехмета, хана Крымскихъ Татаръ,—беглербей Греціи, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, не могъ доставить ему болѣе 14 или 15,000 весьма плохой конницы, хотя было объявлено, что Турецкое войско состоитъ изъ 50,000 человѣкъ.

Что касается народовъ, на помощь которыхъ могли бы расчитывать козаки, то гетманъ увѣрялъ, что онъ находится въ дружественныхъ сношеніяхъ съ Московскими козаками, которые живутъ на островахъ Дона и постоянно воюютъ съ Ногайскими Татарами, а также съ Черкесами, храбрѣйшими въ тѣхъ странахъ воинами. Кромѣ того, пользуясь раздорами Крымскихъ Татаръ, козаки легко могли-бы привлечь на свою сторону тѣхъ, которые не расположены къ Туркамъ. Далѣе, Волохи, Молдаване, Болгаре и Сербы, которые не въ состояніи переносить долѣе тяжкое Турецкое иго, при первомъ появленіи сильнаго козацкаго войска, безъ сомнѣнія, пристанутъ къ нему. Наконецъ, въ самомъ Константинополѣ постоянно находится отъ четырехъ до пяти тысячъ невольниковъ изъ христіанъ, которые, лишь только будутъ освобождены, станутъ отважными помощниками. Въ заключеніе гетманъ сказалъ, что такое предпріятіе не будетъ тяжело для козаковъ, если только имъ помогутъ.

На вопросъ Гамберини, какая нужна имъ помощь, гетманъ отвѣтилъ, что имъ достаточно было бы отъ 15 до 20 тысячъ дукатовъ на оружіе и военные припасы, что жалованья за свою службу они не просятъ, а желаютъ только пособія для войны съ невѣрными, во славу Божію за честь козацкаго имени. Гамберини прибавляетъ, что все это онъ слышалъ за нѣсколько мѣсяцевъ до отъѣзда на родину отъ гетмана, «особы благороднаго происхожденія и весьма опытной: онъ провелъ въ тѣхъ краяхъ цѣлые 23 года, постоянно сражаясь съ невѣрными».

Передъ самымъ отъѣздомъ Гамберини изъ Польши, прибылъ въ Варшаву двоюродный братъ гетмана, особа немаловажная и близко знающая Оттоманскую Порту. Онъ былъ лично знакомъ съ баиломъ Барбаро и съ другими посланниками въ Константинополѣ. При свиданіи съ Гамберини, онъ сказалъ ему, что долго бесѣдовалъ съ своимъ двоюроднымъ братомъ о предметѣ ихъ разговора въ Вильнѣ и, послѣ долгихъ объясненій, заключилъ этими словами: «Козаки во всякое время готовы идти на службу свѣтлѣйшаго дожа, куда онъ прикажетъ, и я самъ поведу на поле битвы 10,000 храбрыхъ воиновъ». И въ исполненіе этого обѣщанія онъ далъ Гамберини удостовѣреніе, собственноручно имъ подписанное и скрѣпленное его печатью. Вручая Гамберини это удостовѣреніе, онъ сказалъ: «Теперь въ вашихъ рукахъ голова моя и моего двоюроднаго брата. Полагаюсь на вашу честь и совѣсть, что вы будете держать это дѣло въ тайнѣ». И Гамберини поклялся не выдавать ихъ.

Гамберини былъ извѣстенъ преданностью Венеціи, гдѣ прежде онъ прожилъ пять лѣтъ, пользуясь милостями нобилей, а потому не удивительно, что его «Записка» обратила на себя вниманіе Венеціянскаго сената, который съ тѣхъ поръ сталъ слѣдить за дѣйствіями козаковъ, какъ видно изъ помѣщенныхъ въ тѣхъ-же «Коммеморіалахъ», вслѣдъ за «Запискою» Гамберини, выписокъ изъ донесеній Венеціянскаго баила въ Константинополѣ, Лаврентія Бернардо.

«Козаки изъ Польскихъ областей, доносилъ Бернардо дожу отъ 13 мая 1587 года, въ значительномъ числѣ напали съ суши и съ моря на окрестности Варны, угнали 13,000 головъ скота, захватили два карамусала, и частью умертвили, частью увели въ плѣнъ 200 Турокъ, оказавшихъ имъ сопротивленіе. Султанъ только теперь отправилъ для защиты береговъ двѣ небольшія галеры, чего прежде не могъ сдѣлать по недостатку денегъ».

Отъ 23 іюля баилъ доносилъ, что козаки во множествѣ напали на пограничную Турецкую крѣпость Усіанъ (Ussian), служившую вѣрнымъ убѣжищемъ для Татаръ, во время ихъ вторженій въ Польшу, разграбили и разрушили ее. Позже (отъ 30 іюля и 5 августа) баилъ писалъ, что козаки, число которыхъ постоянно увеличивается, напали на Бендеры и разорили его предмѣстья, и что султанъ, опасаясь, чтобы они, съ помощью отнятыхъ у Турокъ пушекъ, не овладѣли этою крѣпостью, отправилъ туда двѣ небольшія галеры и нѣсколько каиковъ съ 500 янычаръ. Въ Константинополѣ, по словамъ того-же баила, сильно опасаются дальнѣйшихъ успѣховъ козаковъ.

Легко понять, почему «Записка» Гамберини обратила на себя такое вниманіе Венеціянскаго сената. Истощенная трехлѣтнею войною съ Турками, окончившеюся невыгоднымъ миромъ 1573 года, Венеціянская синьорія должна была съ тѣхъ поръ поддерживать вооруженный нейтралитетъ, обходившійся ей весьма дорого, такъ какъ ежеминутно она могла ожидать разрыва съ султаномъ, помышлявшимъ о томъ, какъ-бы отнять у нея не только Кандію, но и Далмацію: поэтому, не щадя издержекъ на подарки султану и его приближеннымъ, она старалась найти союзниковъ на случай войны съ Турками. На помощь Западной Европы она не полагалась; Московскій царь еще недавно (въ 1570 году) отказался отъ союза съ нею противъ султана [1]); а потому предложеніе козаковъ, извѣстныхъ столько-же своею отчаянною храбростью, какъ и ненавистью къ Туркамъ, она должна была принять съ большою радостью.... Но войны она не желала.

Не только нежелая, но даже опасаясь войны съ Турками, Венеціянская синьорія запасалась союзниками, какъ между вольными козаками, такъ и между подневольными христіанскими подданными султана. Предложенія услугъ со стороны послѣднихъ начались еще до войны ея со Турками.

Венеціянскій посланникъ въ Римѣ, Михаилъ Суріано, при донесеніи отъ 8 іюля 1570 года, препроводилъ въ Совѣтъ Десяти письмо знатнаго Албанца Франциска Дукагина, въ которомъ онъ предлагалъ дожу организовать возстаніе въ Албаніи, Боснѣ и Болгаріи и, при содѣйствіи синьоріи, изгнать Турокъ изъ Европы. Планъ его былъ слѣдующій. Съ пятью стами Албанцевъ, набранныхъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ и Маркѣ Анконской, онъ высадится въ Кóторѣ, и затѣмъ, при помощи Албанскихъ глáварей, съ которыми находится въ постоянныхъ сношеніяхъ, произведетъ возстаніе въ Албаніи. Онъ увѣрялъ, что въ короткое время будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи болѣе 30,000 храбрыхъ воиновъ, одушевленныхъ ненавистью къ Туркамъ. Чтобы Турки не могли пробраться въ Албанію, онъ предлагалъ немедленно построить четыре укрѣпленія со стороны Черногоріи, и столько-же по Дрину, и, кромѣ того, укрѣпить весь берегъ этой рѣки траншеями, такъ какъ преимущественно съ этой стороны слѣдуетъ опасаться ихъ вторженія. Укрѣпившись такимъ образомъ, Дукагинъ

---

[1]) Romanin, Storia documentata di Venezia, t. VI, p. 287.—Объ отношеніяхъ Венеціи къ Турціи въ послѣдней четверти XVI вѣка см. Цинкейзена, стр. 434—456.

намѣревался перевести всѣхъ жителей, неспособныхъ къ оружію, изъ-за Дрина въ горы, а на границахъ расположить 6000 воиновъ, которыхъ было-бы вполнѣ достаточно для ихъ защиты. Венеція, владѣя за Дриномъ городомъ Улькиномъ (Dulcigno), легко-бы могла препятствовать переправѣ черезъ эту рѣку. Дукагинъ не сомнѣвался, что примѣру Албанцевъ послѣдуютъ христіане Босны и Болгаріи, областей плодородныхъ, которыя легко могутъ продовольствовать значительное войско. Онъ просилъ отъ синьоріи только нѣсколько тысячъ штукъ оружія, сѣделъ и сбруи, ручаясь, что христіане будутъ биться съ Турками до послѣдней капли крови [1]. Препровождая это письмо въ Совѣтъ Десяти, Суріанъ писалъ, что Дукагинъ пользуется славою хорошаго воина, и что его земляки народъ воинственный и страшно ненавидятъ Турокъ [2].

Синьорія приняла предложеніе Дукагина, и въ началѣ октября онъ находился въ Санзано (Sanzano) съ 200 Албанцевъ, ожидая кораблей для переправы въ Кóторъ [3]. Переправившись наконецъ въ Кóторъ, Дукагинъ имѣлъ совѣщаніе съ нѣсколькими преданными ему Албанскими глáварями, которые избрали его своимъ вождемъ. Отсюда онъ возвратился въ Апулію и Абруццы, для новаго набора солдатъ, извѣщая при этомъ синьорію, что онъ не сомнѣвается въ успѣхѣ ввѣреннаго ему предпріятія, если только она окажетъ ему денежное пособіе и сохранитъ тайну [4]. Позже онъ изъявлялъ желаніе прибыть въ Венецію, для личныхъ объясненій [5]. Дукагинъ не обманывалъ синьорію, ручаясь за успѣхъ возстанія въ Турціи. Дѣйствительно, въ то время броженіе умовъ было такъ сильно между христіанскими ея подданными, что достаточно было одной искры, чтобы пожаръ охватилъ всю Оттоманскую имперію.

Одновременно съ Дукагиномъ, замышлялъ возстаніе въ Турціи Боснякъ Влатко Козача. Онъ успѣлъ обратить въ бѣгство нѣсколько Турецкихъ кораблей близь Новаго (Castelnuovo) въ Бокѣ Кóторской и поднялъ противъ Турокъ окрестныхъ христіанъ. Извѣщая о своихъ успѣхахъ Совѣтъ Десяти, онъ просилъ, чтобы въ Боку Кóторскую было отправлено на помощь ему пять галеръ. Его просьба была поддержана ректоромъ и провизоромъ Кóтора, Захаріею Саломономъ, который, донося (22 октября 1570 года), что

---

[1]) Письмо Фр. Дукагина отъ 8 іюля 1570 г. находится при донесеніяхъ Венеціянскихъ пословъ въ Римѣ въ Совѣтъ Десяти: Roma 1568—1576, VI.

[2]) Тамъ-же. [3]) Тамъ же, донесенія Суріана и Ив. Соранцо отъ 7 октября 1570.

[4]) Донесеніе Кóторскаго провизора въ Совѣтъ Десяти отъ 16 марта 1571 года, и письмо Дукагина отъ 17 того-же мѣсяца и года. Comunicate del Cons. X, filza I. [5]) Его письмо, отъ 15 января 1572 г., тамъ-же.

«окрестные христіане, услышавъ объ успѣхахъ Козачи, начали обнаруживать радость и высказывать надежду на скорое освобожденіе отъ Турецкаго ига», предлагалъ синьоріѣ отправить къ Кòтору значительную эскадру, «для поддержанія духа въ народахъ, возставшихъ и имѣющихъ возстать». Совѣтъ Десяти потребовалъ отъ ректора и провизора Кòтора, а также отъ провизора флота свѣдѣній о томъ, на сколько можно расчитывать на успѣхъ предпріятія Козачи, и, узнавъ отъ нихъ, что, при бдительности Турокъ, трудно ожидать удачи, отказалъ Козачѣ въ помощи [6]). Тогда онъ обратился къ эрцгерцогу Австрійскому и вмѣстѣ съ нимъ сталъ ковать какія-то козни противъ синьоріи, о которыхъ доносилъ Совѣту Десяти Венеціянскій посланникъ при Мадритскомъ дворѣ, Морозини [7]), со словъ его племянника Петра Черноевича, предлагавшаго, съ своей стороны, въ непродолжительномъ времени предать въ руки Венеціянцевъ Албанію, Черногорію и Босну, если только они окажутъ ему необходимое денежное пособіе. Но синьорія, слѣдуя примѣру Мадритскаго двора, которому безуспѣшно предлагалъ свои услуги Черноевичъ, отклонила его предложеніе. Осторожная Венеціянская синьорія, хорошо знавшая силы Турокъ, относилась съ недовѣріемъ къ подобнымъ предложеніямъ Албанскихъ и Сербскихъ глàварей и, въ то же время, внимательно слѣдила за всѣми проявленіями народнаго движенія въ христіанскихъ областяхъ Турціи.

21 сентября 1595 года «Венеціянскій сенатъ писалъ ректору и провизору Кòтора [8]): «Отъ достовѣрнаго лица мы узнали, что въ Будву прибыли епископъ Корчулы и кавалеръ Пелеса, находящіеся въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми Дукагинами и другими Албанцами и замышляющіе отнять у Турокъ Улькинъ, при помощи измѣны коменданта этой крѣпости. Какъ епископъ, такъ и кавалеръ дѣйствуютъ съ-вѣдома папы: они были въ Римѣ и получаютъ отъ его святѣйшества субсидіи на этотъ конецъ». Замыслы этихъ папскихъ агентовъ казались синьоріи столь опасными, что она нашла нужнымъ приказать Кòторскому провизору забрать немедленно необходимыя свѣдѣнія и доставить ихъ спѣшно въ Венецію съ нарочною галерою.

---

[6]) Письмо Козачи отъ 22 октября 1570 года при донесеніи З. Соломона отъ того-же числа, и донесенія Бернарда Контарини, ректора, Захаріи Саломона, провизора Кòтора, и Якова Чельзи, провизора флота, отъ 18 марта 1571 года—тамъ-же.

[7]) Депеша Gianfrancesco Morosini въ Совѣтъ Десяти отъ 20 февраля 1580 года—въ Capi del Consiglio X.

[8]) Miscellanea di atti diversi manoscritti, filza 39.

И вотъ чтò узналъ объ этомъ Кòторскій провизоръ отъ одного изъ жителей Будвы [1]): «Ѳома Пелеса Будванинъ, находясь въ Венеціи нѣсколько мѣсяцевъ назадъ одновременно съ Корчуланскимъ епископомъ, задумалъ вмѣстѣ съ нимъ предать Скадаръ и Улькинъ его святѣйшеству. Затѣмъ епископъ отправился въ Римъ, гдѣ получилъ приказаніе посѣтить Будву, подъ предлогомъ рукоположенія новаго епископа Даміана Марковича, и узнать на мѣстѣ, какія нужны средства для осуществленія задуманнаго предпріятія. Здѣсь онъ имѣлъ совѣщаніе съ кавалеромъ Пелесою и вручилъ ему 500 дукатовъ для раздачи старшинамъ и гла́варямъ Албаніи, которые обязывались произвести возстаніе и овладѣть Скадромъ и Улькиномъ. Вслѣдствіе просьбъ и убѣжденій епископа и кавалера, я отправился съ этимъ послѣднимъ въ Албанію, гдѣ мы имѣли совѣщаніе съ восемью Албанскими гла́варами. Было рѣшено, что они съ 50 товарищами проникнутъ въ Скадарскую крѣпость (спрятавъ оружіе), подъ предлогомъ обычнаго снабженія ея провіантомъ, и будутъ ждать въ ней прибытія изъ Бриндизи въ Сан-Зуанъ-де-Медоа (отстоящій отъ Скадра на 20 миль) папскихъ солдатъ, которые ночью должны занять лѣсъ, находящійся въ разстояніи четырехъ миль отъ Скадра. Тогда Албанцы должны умертвить коменданта и всѣхъ Турокъ, число которыхъ не превышаетъ 20, считая мужчинъ и женщинъ (такъ какъ остальные разбѣжались отъ страха чумы), и затѣмъ отпереть ворота солдатамъ, которые будутъ уже стоять подъ Скадромъ. Что касается Улькина, то мы уговорились съ однимъ ренегатомъ по имени Хусейнъ-Абдуллà, тамошнимъ жителемъ, который за 300 дукатовъ обязался (давъ намъ въ заложники двухъ своихъ сыновей) ввести въ крѣпость нѣсколькихъ вооруженныхъ Албанцевъ и отпереть намъ ночью ворота съ моря, какъ только мы прибудемъ туда на вооруженномъ суднѣ. Проникнувъ въ крѣпость, мы перебьемъ находящихся въ ней Турокъ, числомъ 120 человѣкъ (живущіе въ предмѣстьи, числомъ 200, не могутъ быть помѣхою намъ). Было также условлено, для облегченія предпріятія, пригласить въ тотъ самый вечеръ 15 Турецкихъ гла́варей на пирушку въ Рожано. Епископъ, отправивъ капитана Марка Гина въ Римъ, съ просьбою о немедленной присылкѣ солдатъ изъ Бриндизи, и уговорившись съ посланцемъ епископа Кучей, поѣхалъ въ Дубровникъ, а я—въ Кòторъ...»

Общее настроеніе умовъ въ Албаніи благопріятствовало возста-

---

[1]) Копія протокола отъ 9 октября 1595 года—тамъ-же.

нію, но она была раздроблена на партіи: старѣйшіе глáвари желали предаться папѣ, съ которымъ уже два года вели переговоры, чрезъ посредство епископа Кучей и кавалера Бертуччи, обѣщавшихъ имъ ежемѣсячную пенсію по 25 дукатовъ каждому; другіе же предпочитали Испанское господство и отправили въ Испанію и къ Неаполитанскому вице-королю Николая Гина и брата его капитана Аріо, который съ этою цѣлью уже четыре мѣсяца проживалъ въ Апуліи; но самая сильная партія была Венеціянская [2]), и нѣтъ сомнѣнія, что Венеція легко могла бы овладѣть нѣкоторыми Албанскими мѣстностями, но удержать ихъ за собою было гораздо труднѣе. Этимъ объясняется ея нерѣшительность и уклончивость.

Будванинъ, сообщившій Кóторскому провизору свѣдѣнія о заговорѣ въ Албаніи, убѣждалъ его просить синьорію, чтобы она приняла Албанцевъ подъ свое покровительство, обѣщая въ три—четыре дня выставить 30,000 отважныхъ воиновъ, не нуждающихся ни въ чемъ иномъ, кромѣ оружія. Самъ провизоръ былъ увѣренъ въ неизбѣжности возстанія Албанцевъ, «рѣшившихся освободиться отъ Турецкаго ига, тяжесть котораго увеличилась невыносимымъ управленіемъ новаго санджака, и отдаться тому, кто первый приметъ ихъ подъ свое покровительство» [3]). Синьорія въ началѣ была непрочь отъ предложеній Албанцевъ и, «съ осторожностью», старалась расположить къ себѣ ихъ глáварей [4]), но позже нашла опаснымъ для себя Албанское движеніе и приказала провизору флота отправиться въ Кóторъ съ такимъ числомъ галеръ, которое онъ сочтетъ достаточнымъ, «для отвращенія этихъ замысловъ» [5]).

Возстаніе въ гораздо болѣе обширныхъ размѣрахъ—не только въ Албаніи, но и во всѣхъ областяхъ Турціи замышлялъ Болгарскій патріархъ Аѳанасій. Въ январѣ 1596 года изъ Бутринто (Эпирскій портъ на-супротивъ Корфу) онъ отправилъ къ провизору и капитану Корфу, Ангелу Базадонна, письмо, въ которомъ изъявлялъ желаніе свидѣться и переговорить съ нимъ о дѣлахъ весьма важныхъ для синьоріи [6]). И провизоръ, въ сопровожденіи своего совѣтника Баффо, прибылъ на свиданіе съ нимъ въ Бутринто 26 января. «На встрѣчу ему вышла особа весьма скромная и умная, пріятной наружности, лѣтъ около 36, пользующаяся большимъ по-

[2]) Эти свѣдѣнія заимствуемъ изъ вышеуказаннаго источника.
[3]) Донесеніе провизора Кóтора отъ 12 октября 1595 г. въ Senato IV, Secreta, 1. [4]) Отвѣтъ ему отъ сената отъ 18 октября—тамъ-же. [5]) Тамъ-же.
[6]) Тамъ-же, его письмо съ слѣдующимъ титуломъ: «Athanasius Dei gratia archiepiscopus Prime Justiniane, Achridensis, Vulgarie, Servie, Albanie Valachie, Moldavie, Litivanie, patriarca Rassie» etc.

четомъ и большою властью въ прелатурѣ, имѣя въ зависимости отъ себя 17 епископовъ. Онъ на́чалъ на языкѣ Франкскомъ (in lingua Franca) говорить о бѣдствіяхъ Албаніи подъ Турецкимъ игомъ, съ которыми онъ познакомился во время нынѣшняго своего объѣзда (visita), и благодарилъ Бога, что онъ доставилъ ему случай содѣйствовать облегченію ея страданій. Какъ человѣкъ преданный синьоріѣ, онъ предлагалъ ей немедленно овладѣть Албаніею и тѣмъ уничтожить планы Испаніи, задумавшей занять Авлону и произвести возстаніе въ свою пользу. Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ сказалъ, что въ своей резиденціи Охридѣ онъ видѣлъ переписку Неаполитанскаго вице-короля съ отцемъ Захаріею, пользующимся большимъ вліяніемъ въ странѣ, что и къ нему обращался вице-король, чрезъ посредство отца Дмитрія, также человѣка весьма вліятельнаго, убѣждая его содѣйствовать возстанію Албанцевъ, и что такого-же рода письма онъ видѣлъ въ Авлонѣ у епископа Юрія Вендери, доставленныя ему изъ Неаполя, чрезъ посредство отца Франци. Далѣе онъ говорилъ, что разубѣждалъ ихъ довѣряться Испанцамъ, подъ владычествомъ которыхъ будутъ страдать болѣе, чѣмъ нынѣ, и совѣтовалъ имъ обратиться къ синьоріи, которая будетъ обходиться съ ними, какъ со своими дѣтьми. При этомъ онъ прибавилъ, что Христофоромъ Кимаріотомъ были доставлены помянутому Франци 700 ружей и военные снаряды, для вооруженія Кимаріотовъ [1]). Наконецъ онъ предложилъ, при помощи двухъ или трехъ тысячъ солдатъ, предать Венеціи Авлону и всю Албанію, безъ всякаго вознагражденія; но требовалъ поспѣшнаго рѣшенія, въ ожиданіи котораго онъ будетъ проживать въ окрестностяхъ Кимары, утверждая, что, въ случаѣ промедленія, Испанцы овладѣютъ Албаніею. Мы отвѣтили ему весьма любезно, прибавляетъ провизоръ Корфу, что синьорія съумѣетъ оцѣнить его дружеское расположеніе; но что мы не можемъ ничего другого сдѣлать, какъ только донести обо всемъ, что̀ онъ намъ сообщилъ. Впрочемъ, мы замѣтили, что синьорія, при всемъ своемъ благожелательствѣ къ христіанамъ, едвали рѣшится нарушить миръ съ такимъ сильнымъ государемъ, какъ султанъ. На это онъ возразилъ, что, съ одной стороны, султанъ лишился повиновенія и опоры столькихъ народовъ и главныхъ военачальниковъ и что, съ другой стороны, хри-

[1]) Это оружіе было доставлено Кимаріотамъ папою чрезъ посредство Неаполитанскаго вице-короля. Баилъ и капитанъ Корфу, донося объ этомъ дожу отъ 29 декабря 1595 года., сообщаютъ, что лица, служащія посредниками въ этомъ дѣлѣ, продаютъ Туркамъ оружіе, назначенное для христіанъ. Senato IV, Secreta 1, 1582—1596.

стіане ждутъ только появленія знамени св. Марка, чтобы самимъ расправиться съ своими врагами [2]). Синьорія, дѣйствительно, не прельстилась предложеніемъ патріарха Аѳанасія и предпочла миръ съ Турками ненадежному пріобрѣтенію Албаніи, а потому онъ присталъ къ Испанской партіи и, какъ увидимъ далѣе, искалъ покровительства въ Мадритѣ, Неаполѣ и Палермо.

Въ это время образовалась въ Албаніи новая партія, рѣшившаяся искать помощи у императора Рудольфа II, воевавшаго тогда съ Турками. 7 Января 1599 года фра Вароололомей, гвардіанъ монастыря св. Франциска делла-Винья, движимый чувствомъ патріотизма, представилъ въ Совѣтъ Десяти [3]) францисканца Гіацинта де-Фарсинъ (de Farcine) изъ Намюра во Фландріи, который сообщилъ слѣдующія свѣдѣнія о составленномъ Албанцами заговорѣ, съ цѣлью предаться императору: «Провинціалъ Албаніи, прибывъ въ нашъ монастырь св. Франциска делла-Винья, передалъ мнѣ, подъ величайшимъ секретомъ, что въ ноябрѣ прошлаго года происходило народное собраніе въ епархіи Сапы и Задримы (Sapatense e Sardanense), въ присутствіи епископа, его (провинціала), викарія Крои и депутатовъ Скадра, Сеи, Леша, Драча и Призрена. На этомъ собраніи было рѣшено отправить провинціала къ императору съ письменною просьбою о принятіи Албаніи подъ его покровительство. Провинціалъ отправился изъ Венеціи къ императорскому двору 6-го или 7-го прошлаго мѣсяца». Совѣтъ Десяти 13 числа того-же мѣсяца передалъ это дѣло въ сенатъ [4]), но что̀ за тѣмъ послѣдовало—неизвѣстно. Можно догадываться, что императоръ, занятый отчаянною борьбою съ Турками въ Угріи, отклонилъ предложеніе Албанцевъ.

Сношенія ихъ съ папою увѣнчались бо̀льшимъ успѣхомъ. Онъ посылалъ имъ оружіе и деньги, и его эмиссары успѣли въ 1601 организовать возстаніе въ Албаніи; но оно было такъ слабо и непрочно, что, при первомъ появленіи на Албанскихъ границахъ Турецкой конницы, повстанцы разсѣялись [5]).

Албанцы однако не унывали и снова рѣшились обратиться за помощью къ Венеціи, какъ къ ближайшей сосѣдней державѣ, хва-

---

[2]) Тамъ-же. Донесенія Ив. Сагредо и А. Базадонны изъ Корфу отъ 27 января 1596 года.

[3]) Consiglio Dieci. Parti Secrete filza 26 (1595—1598).

[4]) Тамъ-же.

[5]) Донесеніе Венеціянскаго шкипера Ѳомы Томазео изъ Ливорно отъ 23 іюля 1601 г. въ Comunicate del Consiglio dei Dieci al Senato filza II.

лившейся своимъ господствомъ на Адріатическомъ морѣ. Филиппъ Пасквалиго, генеральный провизоръ моря (по-нашему—адмиралъ), доносилъ дожу отъ 5 мая 1602 года изъ Задра, что въ св. Александрѣ (Sant' Alessandro), въ трехъ дняхъ пути отъ Леша, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, собирались многочисленные главари разныхъ областей Албаніи, съ цѣлью обдумать мѣры и способы къ освобожденію отъ Турецкаго ига. Нѣкоторые предлагали продолжать переговоры съ папою и съ Испаніею; другіе же рѣшили отправить въ Венецію епископа Сапы и Павла Дукагина съ письмомъ, въ которомъ обѣщали предать Крою въ руки синьоріи и втеченіе трехъ дней выставить сто тысячъ отличныхъ воиновъ, если она (синьорія) окажетъ имъ помощь и покровительство. Поздно вечеромъ, 4 мая, эти послы прибыли въ Задаръ и имѣли совѣщаніе съ Пасквалиго. Онъ успѣлъ выманить у нихъ бумаги, съ которыми они отправлялись въ Венецію, и, снявъ съ нихъ копіи, послалъ дожу при своемъ донесеніи, чтобы предупредить его о цѣли Албанскаго посольства [1]).

Въ письмѣ Албанскихъ главарей къ дожу значилось слѣдующее: «Мы, старѣйшины и главари всего Албанскаго народа, одушевленные однимъ съ народомъ нашимъ духомъ, вѣроисповѣданія Римско-католическаго, собрались въ числѣ 2656 лицъ въ странѣ Дукагиновъ въ св. Александрѣ и поклялись возвратить нашему Албанскому народу древнюю свободу и независимость, которою онъ пользовался во времена князя нашего Юрія Скандербега. Нѣкоторые иностранные государи возбуждали насъ къ возстанію противъ этихъ варваровъ (Турокъ), обѣщая намъ помощь войскомъ и оружіемъ, если мы сдадимъ имъ крѣпость Крою или Скадаръ. И предстали предъ нами въ нашемъ собраніи и совѣщаніи епископы Скадра и Сапы и Павелъ Дукагинъ, вѣрный слуга вашей свѣтлости, и повѣдали намъ многое, и совѣтовали на-время жить въ мирѣ и покоѣ. И мы, вѣрноподданные вашей свѣтлости, не будучи въ состояніи долѣе переносить варварское иго, тайно, подъ присягою, избрали послами нашими къ вашей свѣтлости епископа Сапы и Павла Дукагина, чтобы они лично объяснились съ вашею свѣтлостью и предложили вамъ крѣпость Крою, а съ нею и всю нашу страну, природную твердыню, богатую серебряными и золотыми рудниками. Насъ католиковъ всего 40,000 храбрыхъ воиновъ, готовыхъ сражаться за святую вѣру, какъ во дни нашего князя

---

[1]) Тамъ-же.

Юрія; къ намъ присоединятся православные Албанцы и Сербы, наши сосѣди, и втеченіе трехъ дней мы выставимъ болѣе 100,000 отважныхъ воиновъ, и съ каждымъ днемъ будутъ увеличиваться наши силы, и съ помощью Бога и вашей свѣтлости мы пойдемъ на Царьградъ. Въ остальномъ извольте вѣрить нашимъ посламъ. Данъ въ св. Александрѣ, въ странѣ Дукагиновъ, 15 февраля 1602 года». Слѣдуютъ подписи многихъ главарей Дукагиновъ, Сербіи, Дибрей (въ числѣ ихъ Осяпъ Кастріота), Скадра, Леша, Матіи, Курпина, Крои, Петреллы, Эльбассана, Драча, Музакіи и Паденіи.

При письмѣ приложены условія, на которыхъ Албанцы желали принять Венеціянское подданство: 1) Управленіе Албаніею должно быть ввѣрено Венеціянскому нобиле, члену сената, съ титуломъ генералъ-губернатора (capitano generale). 2) Албанскіе главари назначаются полковниками, капитанами и губернаторами съ соотвѣтствующимъ ихъ положенію содержаніемъ. 3) Албанцы освобождаются отъ набора въ матросы и отъ податей и пошлинъ внутри страны на вѣчныя времена. 4) Единственная пошлина на всѣ мѣстныя произведенія остается прежняя старо-Албанская, т. е. 30%. 5) Свѣтлѣйшая синьорія обязывается защищать ихъ отъ непріятелей, покровительствовать имъ, какъ своимъ вѣрноподданнымъ, и никому никогда ихъ не уступать.

Такія условія не могли понравиться синьоріи; да и при томъ она не раздѣляла слишкомъ радужныхъ надеждъ Албанцевъ и поглощенная Итальянскими дѣлами, не желала разрыва съ султаномъ; а потому Албанское посольство не имѣло никакого успѣха [1]). Быть можетъ синьоріи удалось убѣдить Албанцевъ въ несвоевременности, какъ она выражалась, задуманнаго ими возстанія, которое могло привести ихъ не къ свободѣ, а къ еще большему рабству... Какъ бы то ни было, они притихли и спокойно ждали лучшихъ временъ, ждали болѣе двѣнадцати лѣтъ и, ничего не дождавшись отъ Венеціи, рѣшились искать помощи у Испаніи.

Испанія въ XVI вѣкѣ была самою сильною державою въ Западной Европѣ: ея одной боялась Турція, и напрасно интриговалъ противъ нея Французскій король Генрихъ IV при дворѣ султана, напрасно взывалъ къ нему о помощи противъ Филиппа II, кото-

[1]) Цинкейзенъ (op. cit. 624—625) упоминаетъ объ этомъ посольствѣ Албанцевъ и, на основаніи Венеціянскаго историка Морозини, сообщаетъ уклончивый отвѣтъ синьоріи, заслужившій одобреніе Порты; но онъ ошибается, говоря, что Албанское посольство состояло изъ двухъ епископовъ

рый, по его словамъ, покоривъ Францію, не замедлитъ обратить свое побѣдоносное оружіе противъ Оттоманской имперіи.... Христіане уже не разъ обращались къ Испаніи съ просьбою о помощи; но, занятая войною съ своею соперницею Франціею, она остерегалась раздражать противъ себя султана. Въ началѣ XVII вѣка у нея уже были развязаны руки... Тогда обратился къ ней Болгарскій патріархъ Аѳанасій съ обширнымъ планомъ произвести поголовное возстаніе въ Турціи и изгнать Турокъ изъ Европы.

Въ началѣ 1615 года онъ прибылъ въ Неаполь, гдѣ уже ожидали его депутаты отъ епископа и общины Майны, Петръ Хрисопатъ и братъ его Дмитрій. Съ большимъ затрудненіемъ онъ былъ допущенъ на аудіенцію къ Неаполитанскому вице-королю, графу де-Лемосъ, и изложилъ ему свой планъ; но не могъ ничего иного добиться отъ него, кромѣ обѣщанія отправить его викарія въ Мадритъ. Прошло полтора мѣсяца, и Майноты, не получивъ никакого отвѣта изъ Неаполя, отправили новую депутацію. Вице-король не только не принялъ ее, но даже запретилъ говорить кому бы то ни было о цѣли ея пріѣзда въ Неаполь. Миновало ужъ нѣсколько мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ патріархъ съ Майнотскими депутатами безполезно проживалъ въ столицѣ южной Италіи. Наконецъ, по совѣту Донъ-Педро де-Лева, онъ рѣшился, вмѣстѣ съ девятью Греческими депутатами, отправиться въ Палермо къ герцогу д'Оссуна. Тамъ онъ нашелъ епископа Каріопольскаго и пятерыхъ депутатовъ отъ епископа Майны [1]).

Герцогъ д'Оссуна не походилъ на графа де-Лемосъ. Честолюбивый и предпріимчивый, сильный при дворѣ Филиппа III, онъ самовластно правилъ Сициліею. Справедливый ко всѣмъ безразлично, онъ преслѣдовалъ злоупотребленія сильныхъ и богатыхъ, немилосердно казнилъ строптивыхъ, очистилъ Сицилію отъ разбойниковъ, прекратилъ набѣги Турецкихъ корсаровъ, покровительствовалъ торговлѣ и промышленности, заботами о народномъ продовольствіи снискалъ любовь черни, а пышностью празднествъ онъ придалъ своему двору королевскій блескъ.... Но для его честолюбивой души было мало *казаться* въ глазахъ народа королемъ: онъ хотѣлъ быть имъ *въ дѣйствительности*. Съ этою цѣлью, онъ обратилъ особое вниманіе на увеличеніе сухопутныхъ и морскихъ военныхъ силъ и ежегодно затрачивалъ громадныя суммы

---

[1]) Всѣ эти подробности заимствованы нами изъ письма патріарха Аѳанасія къ герцогу д'Оссуна отъ 28 іюня 1615 года, находящагося въ архивѣ Палермо: *Real Segretaria* 1, 1502—1624.

на постройку и вооруженіе галеръ. Предлогомъ ему служили набѣги Турокъ. Вскорѣ отъ оборонительныхъ мѣръ онъ перешелъ къ наступательнымъ, и Сицилійскій флотъ не разъ появлялся у береговъ Греціи, подъ командою даровитаго и неустрашимаго адмирала Октавія Аррагонскаго, и всякій разъ возвращался съ богатою добычею, которую д'Оссуна дѣлилъ между побѣдителями и народомъ, оставляя часть для себя и для вооруженія новыхъ галеръ. Донося Мадритскому двору о своихъ блестящихъ успѣхахъ противъ Турокъ, онъ представлялъ легкость завоеванія Турецкихъ областей и просилъ субсидій [1]).

Появленіе въ Палермо Болгарскаго патріарха было какъ нельзя болѣе кстати, и его обширный планъ поголовнаго возстанія въ Турціи вполнѣ соотвѣтствовалъ замысламъ герцога д'Оссуна. Въ «Запискѣ о легкости изгнанія Турокъ изъ Европы», патріархъ писалъ: «Долгое время видя жестокость и невыносимый деспотизмъ безбожныхъ и проклятыхъ магометанъ, тяготѣющій надъ христіанами, посрамленіе церкви и поношеніе имени Христова, чего мы не въ состояніи болѣе сносить, мы рѣшились избавиться отъ столь тяжелаго ига и нашли къ тому путь и способъ весьма легкій. Мы обошли всю Сербію, Босну, Далмацію, Албанію, всю Македонію, верхнюю и нижнюю, Грецію, Ѳракію, Болгарію, Архипелагъ, короче—всѣ Турецкія области въ Европѣ и были поражены тѣмъ, что повсюду христіане составляютъ огромное большинство населенія, что они занимаютъ горные проходы и нѣкоторые замки, что Турецкіе правители непослушны Портѣ, что повсюду царствуютъ несправедливость, жестокость и грабежъ, что разбойники дѣлятся добычею съ правителями и этою цѣною покупаютъ себѣ безнаказанность, что войско утратило прежнюю доблесть и дисциплину... Видя все это, мы задумали истребить проклятыхъ магометанъ и освободить христіанъ и, въ качествѣ ихъ отца и пастыря, собрали соборъ изъ нѣсколькихъ епископовъ и архіепископовъ и положили отправить избранное лице для возбужденія христіанъ противъ Турокъ: это порученіе мы возложили на нашего генеральнаго викарія Александра Мутеллу, и онъ собралъ 12,000 человѣкъ, готовыхъ къ войнѣ. И въ то время, когда хотѣли уже начать наше предпріятіе, мы получили отъ

---

[1]) Характеристика герцога д'Оссуна представлена нами по замѣчательной монографіи директора Сицилійскихъ архивовъ, г. Ла-Лумiа: «Ottavio d'Arragona e il duca di Ossuna», помѣщенной въ его «Studj di storia Siciliana» (Palermo, 1870), vol. II, pp. 310—386.

графа Беневенто, бывшаго вице-короля Неаполитанскаго, письмо, въ которомъ онъ увѣщевалъ насъ обождать помощи отъ его величества (Испанскаго короля), и мы рѣшились ждать. Не получая долго обѣщанной помощи, мы снова принялись за задуманное дѣло: тогда ваше сіятельство [1]) (графъ де-Лемосъ) сообщилъ намъ письменно приказаніе его величества не предпринимать ничего безъ его вѣдома, ибо при первомъ удобномъ случаѣ его величество намѣревался обратить свои силы противъ Турокъ и изгнать ихъ изъ Европы, и мы повиновались приказанію его величества. Видя, что дѣло слишкомъ затянулось, всѣ христіане обратились къ намъ съ просьбою, чтобы мы лично отправились къ его величеству доложить о легкости предпріятія и готовности народа. И мы пустились въ путь и, прибывъ сюда въ Неаполь, получили приказаніе вашего сіятельства ждать здѣсь, пока прійдетъ отвѣтъ изъ Испаніи, куда вы обѣщали послать нашего викарія, для личныхъ объясненій съ его величествомъ. Если его величество пошлетъ къ намъ отъ 5 до 6.000 пѣхоты Испанской или Итальянской, оружія и военныхъ снарядовъ на 13,000 человѣкъ и сѣделъ и сбруй для 4,000 лошадей, то мы обѣщаемъ въ короткое время предать ему Македонію и обязуемся уплатить его величеству за оружіе и военные снаряды и продовольствовать войско, такъ какъ эта область весьма плодородна и изобилуетъ провіантомъ. Мы испрашиваемъ незначительное число солдатъ, потому что предпріятіе легко и вѣрно и потому что мы организовали возстаніе въ обширныхъ размѣрахъ, чрезъ посредство архіепископовъ, епископовъ и священниковъ, имъ подчиненныхъ, которыя на исповѣди подготовляютъ ихъ къ этому святому предпріятію, обязывая ихъ клятвою къ молчанію, и это—единственный вѣрный путь; иначе потребовалась бы сильная армія, да и въ такомъ случаѣ можно было-бы опасаться измѣны отъ этихъ людей честолюбивыхъ, гордыхъ и злостныхъ (genti ambitiosi, superbi et maligni), ищущихъ взаимной гибели, каковы Греки, Албанцы, Болгаре и Волохи. Всѣ они одушевлены ненавистью къ угнетающимъ ихъ Туркамъ, и предпріятіе удастся, какъ нельзя лучше, если его величество, по мѣрѣ занятія страны, снабдитъ крѣпости Испанскимъ или Итальянскимъ гарнизономъ и займетъ горные проходы: иначе будетъ угрожать гражданская война между Греками, Болгарами, Волохами и Албанцами. Лишь

[1]) Эта «Записка» была представлена графу де-Лемосъ, а потомъ копія съ нея герцогу д'Оссуна.

только будетъ занята Испанцами Македонія, подымутся Босна, Далмація, Болгарія и Греція и безъ всякой посторонней помощи истребятъ или изгонятъ незначительное число Турокъ, находящихся между ними. И я смѣло ручаюсь за это, потому что во всѣхъ этихъ областяхъ я уговорился съ архіепископами, епископами и главарями, которые съ нетерпѣніемъ ожидаютъ удобной минуты, чтобы свергнуть Турецкое иго. Во всякое время можно поднять Дукагиновъ, Клементи и Пастровичанъ, подготовленныхъ нами и подчиненныхъ нашему патріархату: въ этихъ областяхъ нѣтъ ни одного Турка, такъ какъ мѣстные жители, во время своего возстанія въ Кимарѣ, изрубили ихъ въ куски, и съ тѣхъ поръ Турки не помышляютъ болѣе о господствѣ надъ нами. Кромѣ того, я обязуюсь взять Константинопольскія укрѣпленія и всѣ острова Архипелага, числомъ 53, на которыхъ находится 70,000 христіанъ способныхъ къ войнѣ: когда наступитъ время, всѣ они будутъ готовы и вооружены. И говорю я это, потому что большую часть этихъ странъ я посѣтилъ лично, а въ другія послалъ надежныхъ людей и уговорился съ ихъ главарями. Константинопольскія укрѣпленія легко занять при помощи пятисотъ солдатъ на четырехъ карамусалахъ; ибо у меня готовы вѣрные люди, которые подоспѣютъ къ нимъ на помощь съ двумя бертонами. Тридцать вооруженныхъ бертоновъ будетъ достаточно для занятія 53 острововъ архипелага. Нужно начать съ Митилена, жители котораго немедленно возстанутъ и истребятъ тамошнихъ Турокъ. Этотъ островъ находится въ разстояніи 80 миль отъ Константинополя и имѣетъ въ окружности 360 миль. Онъ весьма плодороденъ. Его обширный (20 миль въ окружности) и безопасный портъ не защищенъ Турецкими укрѣпленіями и окруженъ христіанскими селеніями. Въ 20 миляхъ отъ него находится городъ Митилене, безъ стѣнъ, съ незначительною крѣпостью. На этомъ островѣ насчитывается 360 христіанскихъ селеній, которыя могутъ выставить 20,000 воиновъ, Турокъ-же не болѣе 2000. На всемъ этомъ островѣ имѣется только одна полуразрушенная крѣпостца. Далѣе, въ 40 миляхъ отъ Константинопольскихъ укрѣпленій, находится островъ Тенедосъ (18 миль въ окружности) съ укрѣпленіемъ, въ которомъ помѣщается 30 Турокъ съ 6 пушками; другія 6 пушекъ находятся при портѣ. Въ мѣстечкѣ 300 Турецкихъ и 150 христіанскихъ домовъ. Въ 40 миляхъ на западъ находится островъ Лемносъ, имѣющій въ окружности 260 миль, съ прекраснымъ портомъ, въ которомъ удобно можетъ по-

мѣститься большой флотъ. Этотъ островъ изобилуетъ хлѣбомъ, виномъ и скотомъ. На немъ считается 4000 способныхъ къ оружію христіанъ и только 200 Турокъ. Укрѣпленіе полуразрушено. Оттуда, по направленію къ Кандіи, въ 40 миляхъ отъ нея, находится островъ Милосъ, 80 миль въ окружности. На немъ всего только 30 Турокъ, а христіанъ, способныхъ къ войнѣ, 3000. Изъ области Сфакіи, на островѣ Кандіи, принадлежащемъ Венеціи, можно имѣть 25,000 храбрыхъ и хорошо вооруженныхъ воиновъ, которые, по первому сигналу (такъ какъ мы находимся въ сношеніяхъ съ ихъ гла́варями), прибудутъ къ намъ на помощь на Милосъ. Имѣя въ рукахъ нашихъ эти четыре острова, мы можемъ быть увѣрены, что и остальные о́строва, населенные почти исключительно христіанами, присоединятся къ намъ, такъ какъ мы уже уговорились съ ихъ гла́варями. Необходимо также, чтобы его величество послалъ 80 галеръ въ архипелагъ, на всякій случай, для отвращенія опасности, которая могла бы угрожать сообщенію между островами со стороны всякаго другого флота (Венеціянскаго?). Мы обязуемся одновременно поджечь Константинополь съ четырехъ или шести сторонъ: такъ какъ домы построены изъ дерева, то пожаръ будетъ продолжаться много дней. Все это предпріятіе обойдется безъ сраженія съ Турками и безъ потери людей, потому что все будетъ исполнено одною хитростью. Видя возстаніе во всѣхъ областяхъ и пожаръ въ Константинополѣ, Турки въ испугѣ обратятся въ бѣгство изъ Европы. Кромѣ того, есть островъ св. Мавра съ превосходнымъ портомъ, городомъ того-же имени и крѣпостью съ 60 пушками. На немъ не болѣе 5000 Турокъ и 20,000 христіанъ способныхъ къ оружію: съ ними мы находимся въ полномъ согласіи, такъ-что занятіе этого острова, лежащаго внѣ архипелага, будетъ дѣломъ весьма легкимъ. Одновременно можно занять и Превезу съ портомъ и крѣпостью: мѣстные христіане, по первому призыву, подымутся и истребятъ Турокъ. Если его величество рѣшится на это предпріятіе, то я обязуюсь разослать надежныхъ эмисаровъ въ тѣ страны, гдѣ не могу быть лично».

Предпріимчивый герцогъ д'Оссуна отнесся къ плану Болгарскаго патріарха совершенно иначе, чѣмъ графъ де-Лемосъ. Еще до пріѣзда патріарха въ Палермо, онъ рѣшился помогать поднявшимся противъ Турокъ Майнотамъ. Въ іюнѣ 1615 года Октавій Аррагонскій отплылъ къ берегамъ Мореи. Ему предшествовалъ неустрашимый корсаръ Яковъ Пьерръ изъ Нормандіи, находившійся на службѣ у герцога д'Оссуна, съ пятью легкими галерами. Въ

Майнѣ Сицилійскій адмиралъ выгрузилъ оружіе и военные припасы, привезенные имъ для Майнотовъ, и сталъ поджидать извѣстій отъ другого корсара, Викентія Роберта изъ Марсильи, отправленнаго имъ для рекогносцировки. Черезъ три недѣли онъ вернулся съ Турецкимъ судномъ, взятымъ имъ въ плѣнъ, и съ извѣстіемъ, что въ непродолжительномъ времени отплывутъ изъ Александріи десять карамусаловъ, нагруженныхъ монетою, на сумму свыше милліона дукатовъ. Сицилійскій флотъ сталъ выжидать добычу, и въ сентябрѣ овладѣлъ всѣмъ karavаномъ безъ малѣйшаго сопротивленія и привелъ его въ Мессину, откуда было послано донесеніе вице-королю въ Палермо.

Д'Оссуна былъ занятъ въ это время военными приготовленіями въ обширныхъ размѣрахъ на суммы, щедро ему ассигнованныя парламентомъ. Назначенный въ декабрѣ 1615 года вице-королемъ въ Неаполь, онъ не покидалъ своихъ замысловъ. Октавій Аррагонскій былъ отправленъ въ архипелагъ, но на этотъ разъ долженъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Постигшая его неудача еще болѣе воспламенила герцога д'Оссуна: въ 1619 году онъ составилъ лигу противъ Турціи изъ папы, великаго герцога Тосканскаго и Мальтійскихъ рыцарей. Главнокомандующимъ былъ назначенъ Филибертъ Эммануилъ Савойскій. Было предположено начать съ осады Сузы въ Архипелагѣ, но Турки были извѣщены во время о планахъ христіанъ, и предпріятіе не удалось.

Въ это время надъ головою гордаго герцога разразилась страшная буря, готовившаяся издавна: обвиненный въ государственной измѣнѣ, въ іюнѣ 1620 года онъ былъ арестованъ и отправленъ въ Испанію, гдѣ окончилъ свою тревожную жизнь въ замкѣ Альмеда въ мартѣ 1621 года. Съ паденіемъ герцога д'Оссуна рушились обширные его замыслы на Востокѣ.

Христіане, повидимому, пали духомъ и отчаялись въ помощи Западной Европы. По крайности, до конца XVII вѣка не встрѣчаемъ ни одной серьёзной попытки съ ихъ стороны въ возстанію противъ Турокъ [1]). Въ 1673 году прибылъ въ Венецію Петръ Врчевичъ, архіепископъ Маркіанопольскій, апостольскій викарій и администраторъ въ Молдавіи. Онъ представилъ дожу свою вѣрительную грамоту и письмо Молдавскаго господаря Петра Стефана,

[1]) О планахъ разныхъ самозванцевъ, таскавшихся въ 1615—1635 г. по дворамъ Франціи, Испаніи, Италіи и Германіи, см. въ статьѣ моей: «Болгарія подъ Турецк. владыч.» («Журн. Мин. Нар. Просв.» ч. CLXIII, отд. 2, стр. 324—327).

епископа Софійскаго Петра Деодата и генерала Григорія Габбасресто и на аудіенціи объявилъ устно, что ему поручено христіанами Молдавіи, Валахіи, Болгаріи и Сербіи просить помощи синьоріи, для сверженія невыносимаго Турецкаго ига. Онъ увѣрялъ, что христіане искренно преданы Венеціи и горячо желаютъ вступить въ ея подданство, что при первомъ сигналѣ они поголовно возстанутъ подъ предводительствомъ господарей Валахіи и Молдавіи, успѣвшихъ пріобрѣсти на свою сторону двухъ пашей и т. п., и ручался за успѣхъ возстанія. Дожъ отвѣчалъ ему, что синьорія желаетъ восточнымъ христіанамъ всѣхъ возможныхъ благъ и будетъ радоваться успѣху ихъ возстанія, но что предлагаемое предпріятіе требуетъ многосторонняго обсужденія, а потому, добавилъ дожъ, все дѣло будетъ передано въ сенатъ, и о послѣдующемъ его увѣдомятъ въ свое время [1]. Архіепископъ долго ждалъ отвѣта и—не дождался.

Викентій Макушевъ.

Варшава, 26 Февраля 1876 года.

---

[1]) Esposizioni Principi filza 87 (въ Венеціанскомъ архивѣ).

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ВОПРОСЫ

ВЪ ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

XVI ВѢКА.

Ни одно изъ Славянскихъ племенъ не заслуживаетъ столь тщательнаго съ нашей стороны изученія, какъ сосѣднее намъ Польское племя, съ которымъ мы находимся въ непрерывныхъ сношеніяхъ и столкновеніяхъ съ древнѣйшихъ временъ и понынѣ; а между тѣмъ, при всей ограниченности свѣдѣній нашихъ о Славянахъ вообще, Поляковъ мы знаемъ менѣе, чѣмъ, напримѣръ, Герцеговинцевъ или Сербовъ-Лужичанъ. Сольются-ли когда-нибудь Славянскіе ручьи въ Русскомъ морѣ—это еще вопросъ, который, по всей вѣроятности, рѣшится отрицательно, такъ какъ положительное его рѣшеніе не представляется возможнымъ и желаннымъ ни Славянскимъ нашимъ братьямъ, ни намъ самимъ; а Польскій ручей (по крайности, значительнѣйшая его часть) уже давно влился въ наше море, и есть надежда, что въ ближайшемъ будущемъ окончательно съ нимъ сольется.

Мы слишкомъ мало знали и знаемъ Поляковъ, и потому, при всякомъ столкновеніи съ ними, дѣлали непростительные промахи и ошибки. Поляки, съ своей стороны, также не знали, или вѣрнѣе не хотѣли знать Россію и Русскихъ въ ихъ настоящемъ, а не извращенномъ видѣ, и потому часто дѣйствовали безразсудно, безтактно и безтолково; но они уже сознали свою ошибку, и даже самые ярые защитники польщизны совѣтуютъ имъ всесторонне изучать Россію—съ цѣлью эксплоатировать ее въ свою пользу, какъ это ясно высказано въ брошюрѣ Крашевскаго «Programm Polski. 1872». И они достигнутъ предположенной цѣли, если мы, по-прежнему, будемъ относиться апатично ко всему Польскому и не будемъ

стараться поближе ознакомиться съ Польскимъ народомъ въ его прошломъ и настоящемъ. Вотъ почему было бы желательно, чтобы наши періодическія изданія почаще помѣщали на своихъ страницахъ серьёзныя и безпристрастныя статьи по Польской этнографіи и исторіи политической и литературной. Съ своей стороны мы предлагаемъ читателямъ «Славянскаго Сборника» свой скромный трудъ, касающійся золотаго вѣка Польской литературы.

ВВЕДЕНІЕ.

Не даромъ XVI вѣкъ называется «золотымъ вѣкомъ» Польскаго государства и Польской литературы: никогда—ни прежде, ни послѣ—Польша не достигала такой славы и такого могущества; никогда Польская литература не имѣла такого важнаго значенія, общественнаго и государственнаго! Кто хочетъ знать Польшу и Поляковъ, тотъ долженъ обратиться къ изученію XVI вѣка, къ его исторіи, политической и литературной, тѣсно связанныхъ между собою и немыслимыхъ одна безъ другой. Тотъ не пойметъ смысла и значенія Польской литературы XVI вѣка, кто незнакомъ съ Польскою исторіей не только этого, но и предшествовавшихъ вѣковъ.

Никогда Польша не обнимала такой обширной территоріи, какъ въ XVI вѣкѣ. Кромѣ земель Коронныхъ (Великая и Малая Польша, Червонная Русь, Мазовше и Королевская Пруссія), ей принадлежали Литовская и по-Днѣпровская Русь до Чернаго моря и Лифляндія (1582 г.). Верховенство Польскаго короля признавали надъ собою княжества Прусское и Курляндское, Кашубское Поморье, Молдавія и Валахія. Народонаселеніе двухъ главныхъ составныхъ частей Польскаго государства, Короны и Литвы, было самаго разнообразнаго происхожденія: кромѣ Поляковъ, тутъ жили Нѣмцы, Литовцы, Евреи, Цыгане, Армяне, Румыны, Мадьяры, Татары и Итальянцы; но большинство народонаселенія составляли Русскіе. Обладаніе обширными равнинами Западной Руси было вопросомъ жизни для Польскаго государства. Это понималъ уже Болеславъ Храбрый, побывавшій въ Кіевѣ, въ качествѣ союзника Святополка Окаяннаго (1018); на память по себѣ, по словамъ поэта [1]), онъ вбилъ въ Днѣпръ желѣзные столпы:

---

[1]) J. U. Niemcewicza, «Śpiewy historyczne», XIII.

Na pamięć gdzie się Polacy zagnali
Jakie z Czech, Niemiec odnosili łupy,
Bije na Dnieprze, i Ossie, i w Sali
Żelazne słupy.

Такое вколачиваніе Польскихъ желѣзныхъ столповъ въ Русскихъ водахъ пріостановилось при преемникахъ Болеслава Храбраго на триста лѣтъ. При Владиславѣ Локоткѣ, союзникѣ Гедимина, появляются первыя Польскія поселенія въ Литовско-Русскихъ земляхъ. Сынъ его, Казиміръ Великій, чтобы закрѣпить за Польшею вновь пріобрѣтенную имъ (1339—1340) Червонную Русь (она уже принадлежала Полякамъ при Болеславахъ Храбромъ и Смѣломъ), сталъ усердно ее ополячивать, обращая бояръ въ католицизмъ, преслѣдуя православіе, распространяя Латинскую вѣру и поощряя Польскую въ ней колонизацію [2]). Вслѣдъ за тѣмъ онъ взялъ Луцкъ, Владиміръ-Волынскій и Брестъ-Литовскъ. Ягайло, возвративъ отъ Угровъ Червонную Русь (1388), поручилъ управленіе ею Польскимъ панамъ и роздалъ имъ обширныя Русскія земли: въ своихъ помѣстьяхъ паны строили Латинскіе костёлы и каплицы и, соболѣзнуя о малочисленности «правовѣрныхъ», т. е. католиковъ, призывали изъ Мазовша, для заселенія Русскихъ земель, хлоповъ и бѣдную шляхту. И эти огромными толпами шли на ихъ призывъ, преимущественно въ Русь Бельзскую, которая, по словамъ Польскаго историка, совсѣмъ «омазурѣла» (cała Ruś Bełzka zmazurzała). Тоже было и на Украйнѣ. Подольскую землю король пожаловалъ Краковскому воеводѣ Спытку, который заселилъ ее Поляками; Волынскимъ старостою былъ назначенъ каштелянъ Судомірскій, Кржеславъ Курожвенцкій — ревностный католикъ [3]). Крестивъ въ католическую вѣру (1387) присоединенную къ Польшѣ Литву, Ягайло настроилъ въ ней Латинскихъ костёловъ, при которыхъ поселилъ множество Польскихъ ксендзовъ. Въ ревности

---

[2]) Этого не скрываетъ добросовѣстный Польскій историкъ Андрей Морачевскій, («Dzieje rzeczypospolitéj Polskiéj», I, 195): «Skoro Kazimierz Ruś do Korony przyłączył, duchowieństwo Polskie zaczęło tępić kościół Ruski, a zaprowadzać laciński. Który bojar dał na sobie chrzest pokatolicku poprawić, ten zaraz znaczenia i wpływu nabierał, człowiekiem do wszystkiego się stawał». Напротивъ того К. Шайноха («Jadwiga i Jagiełło», wyd. 2, t. III, str. 269) старается увѣрить, что Казиміръ не только не преслѣдовалъ, но даже покровительствовалъ православной церкви въ Червонной Руси, хотя и заботился объ учрежденіи католическаго бискупства во Львовѣ — «dla coraz liczniej nadpływaiących tu katolików łacińskich!» Лучшимъ опроверженіемъ Шайнохи служитъ то, что Русскіе обратились за помощью противъ мнимаго своего благодѣтеля къ Татарамъ, которые и не замедлили явиться на ихъ призывъ (1344 г.).

[3]) K. Szajnocha, «Jadwiga i Jagiello», III, 295—310.

къ католицизму онъ дошелъ до того, что издалъ указъ, которымъ воспрещалось католикамъ вступать бракъ съ православными. Униженные и оскорбленные королемъ, православные-Русскіе, составлявшіе большинство народонаселенія Литвы, возстали подъ предводительствомъ Витовта. Съ помощью Меченосцевъ, Витовтъ опустошилъ Литву, сжегъ всѣ костёлы, построенные Ягайломъ, и предавалъ жестокимъ истязаніямъ приверженцевъ католицизма [1]. Назначенный правителемъ Литвы Вигундъ Александръ подражалъ въ одеждѣ, языкѣ, обычаяхъ и образѣ жизни Полякамъ, такъ-что казался «стародавнимъ Полякомъ и шляхтичемъ». Виленскимъ воеводою былъ Малополянинъ Ясько Олесьницкій [2]. Вѣнцемъ дѣятельности Ягайлы въ Литвѣ былъ знаменитый съѣздъ въ Городлѣ (1413), называемый Польскимъ историкомъ «uzupełnieniem katolicizmu na Litwie, uzupełnieniem wiary i swobód katolickich» [3]. На немъ 47 Литовскихъ бояръ, принявшихъ католицизмъ, получили правà Польскаго шляхетства. На немъ же были установлены на Польскій ладъ: воеводства, каштеляніи и другія должности, которыя могли быть замѣщаемы только Римско-католиками, но отнюдь не православными [4]. Вмѣстѣ съ Ягайлой присутствовалъ на этомъ съѣздѣ Витовтъ, ознаменовавшій уже себя казнью Жмуди, прогнавшей бискупа и каплановъ Латинскихъ. Оба задумали обращеніе православныхъ-Русскихъ въ католицизмъ, и съ этою цѣлью Витовтъ отправилъ на Констанцскій соборъ православныхъ епископовъ и священниковъ для принятія уніи, а Ягайло писалъ, что «онъ уже давно бы привелъ Русскій народъ къ послушанію святой Римской церкви, если бы не мѣшали тому безпрестанныя войны» [5]. Съ переходомъ Витовта въ лагерь Поляковъ и католиковъ, во главѣ православныхъ-Русскихъ сталъ князь Иванъ Чорторыйскій, пріобрѣвшій извѣстность убійствомъ жестокаго и подозрительнаго Сигизмунда Кейстутовича, правителя Литвы. Тяжелая зависимость отъ Польши и преслѣдованіе православія довели Литовцевъ и Русскихъ до того, что на съѣздѣ въ Люблинѣ (1448) они открыто

---

[1]) J. Moraczewski, I, 288—294. Въ томъ же духѣ дѣйствовалъ Ягайло и въ Червонной Руси, какъ видно изъ словъ Шайнохи (IV, 333). (Jagiełło) dla zyskania poklasku cudzoziemców rozkazał, aby uboga dotąd katedra Rzymska w Przemyślu zajęla miejsce okazalszej cerkwi stołecznej Ruskiej. Wyrzucono więc duchowieństwo Greckie z dotychczasowej głównej świątyni w zamku, która dla naocznego przekonania uradowanych gości zachodnich poświęcona została natychmiast na katedrę łacińską. W zapale rugowania ołtarzów Ruskich nie przebaczono żadnemu z zakątów cerkwi, narażając się na słuszną niechęć krajowców, której żadne pochwały zagraniczne nie wynagrodziły chwałonym». [2]) Ibid. 39. [3]) Ibid. 326. [4]) Moraczewski, II 81—83. [5]) Schajnocha, IV, 334.

заявили о своемъ желаніи отложиться отъ Польши, и съ тѣхъ поръ не участвовали на сеймахъ. Нѣсколько позже призванные ими Татаре стали грабить пограничныя Польскія области и толпами уводили жителей въ плѣнъ. Начало правленія Сигизмунда I, было ознаменовано возстаніемъ князя Михаила Глинскаго, Русскаго и православнаго, заклятаго врага Польскихъ порядковъ на Литвѣ. Съ двумя тысячами всадниковъ онъ разъѣзжалъ по Литвѣ, преслѣдуя Поляковъ и ихъ приверженцевъ. При помощи Василія II Ивановича, онъ надѣялся стать независимымъ Литовско-Русскимъ княземъ съ столицею въ Кіевѣ, поднять на Литвѣ и по-Днѣпровской Руси Русскую народность и православіе, уничтожить Польскіе порядки и истребить католицизмъ. Но замысламъ его не было суждено осуществиться, хотя онъ и овладѣлъ большею частью Литовско-Русскихъ земель. При Сигизмундѣ-Августѣ ненависть къ Польскому католицизму выразилась сочувствіемъ Литовской Руси къ новому ученію лютеранъ, Кальвинистовъ и анабаптистовъ, которымъ открыто покровительствовалъ знаменитый князь Николай Ивановичъ Радивилъ. Для противодѣйствія имъ, были вызваны въ Литву іезуиты, основавшіе коллегіи въ Вильнѣ и Полоцкѣ. Они были вѣрными союзниками Стефана Баторія и Сигизмунда III.

Втеченіе нѣсколькихъ вѣковъ Поляки ясно сознавали, что ихъ политическое существованіе тѣсно связано съ обладаніемъ Литовско-Русскими землями; а въ половинѣ XVI вѣка стали уже опасаться, что постоянно возраставшая въ силѣ и могуществѣ, православная Россія не только возвратитъ себѣ утраченныя Литовско-Русскія земли, но даже поглотитъ саму Польшу. Тревожимый такими опасеніями, Сигизмундъ-Августъ созвалъ представителей Литвы и Польши въ Люблинъ (1569). На этомъ съѣздѣ было постановлено, что впредь Литва и Польша будутъ имѣть одинъ общій сеймъ и сообща будутъ выбирать короля. Люблинская унія не вводила ничего новаго въ политическія отношенія Польши и Литвы, а только закрѣпляла за первою господство надъ послѣднею въ томъ видѣ, какой создали вѣка.

Какъ на Руси Червонной и по-Днѣпровской, такъ и въ собственной Литвѣ, гдѣ господствовали Русскій языкъ и православная вѣра, Польша преслѣдовала одну и ту же политику — ополяченія посредствомъ католицизма. Преслѣдуя и унижая православныхъ, Поляки разными приманками старались совращать ихъ въ католицизмъ: бояре, принявшіе Латинскую вѣру, получили права Польскаго шляхетства; всѣ доходныя должности отдавались

только католикамъ; даже мѣщаниномъ Польскаго города могъ быть только католикъ. Вслѣдствіе этого принимали католицизмъ и полячились не только бояре, но и мѣщане. Католическія школы были также средствомъ къ ополяченію. Съ другой стороны, твердыхъ въ православіи и Русской народности старались всячески унизить. Такъ, въ коренномъ Русскомъ городѣ Львовѣ Русскіе (православные) могли покупать и строить домы только на Русской улицѣ, могли вступать только въ Русскія братства и вести только мелочную торговлю. Оттого такіе быстрые успѣхи оказалъ католицизмъ во Львовѣ: въ XV вѣкѣ въ немъ считалось 5 костеловъ и только одна православная и одна Армянская церковь. Не лучше было на Литвѣ и на Украйнѣ: на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года Русскіе бояре жаловались на притѣсненія со стороны Польскихъ воеводъ, которые заставляли ихъ даже работать на себя. Еще хуже было положеніе Русскаго духовенства—*нешляхетнаго*, *хлопскаго* (samego tylko chłopstwa): не только сеймы отягощали его всякими поборами, но каждый шляхтичъ считалъ Русскаго священника своимъ слугою, нерѣдко гонялъ его на барщину и подвергалъ тѣлесному наказанію. И *православное духовенство*, по сознанію самихъ Поляковъ, *вполнѣ терпѣливо переносило всю тяжесть неволи*. Короче: положеніе Русскихъ въ Польшѣ XV и XVI вѣковъ было нисколько не лучше положенія Словаковъ въ Венгріи въ наше время.

Совершенно въ иномъ положеніи находились *Нѣмцы*, жившіе въ Пруссіи и Лифляндіи и разсѣянные по городамъ и селамъ всей Польши и Червонной Руси. Извѣстно, что во второй половинѣ X вѣка Польша подпала двойной зависимости отъ Нѣмцевъ—церковной черезъ Познанскаго епископа, подчиненнаго архіепископу Магдебургскому, и свѣтской черезъ Мечислава, признавшаго надъ собою верховенство императора. Оттого былъ такъ легокъ Нѣмцамъ доступъ въ Польшу, путь куда первый указалъ имъ Болеславъ Храбрый (†1025), надѣлившій Нѣмецкихъ поселенцевъ разными льготами и преимуществами. Королю подражали шляхта и духовенство. Малонаселенность Польши и политическія обстоятельства содѣйствовали быстрому распространенію въ ней Нѣмцевъ, особенно въ XIII вѣкѣ. Нѣмецкіе поселенцы не только пользовались самоуправленіемъ, но даже были освобождены отъ всѣхъ государственныхъ податей и повинностей. Нѣмецкія общины составляли

---

[1]) *Moraczewski*, VI, 197: «znosiło duchowieństwo kościoła wschodniego wszelkie dolegliwości niewoli zupełnie cierpliwie».

statum in statu. Въ XIII вѣкѣ Нѣмецкіе ремесленники проникаютъ въ Польскіе города̀, а что̀ еще важнѣе—на Польской землѣ возникаютъ Нѣмецкіе города̀. Въ 1230—1240 годахъ Нѣмцы поселяются въ Краковѣ и Судомірѣ съ правомъ самоуправленія по Магдебургскимъ законамъ. Въ 1252 году, они основываютъ чисто-Нѣмецкій городъ Neumarkt. Въ 1264 году они заселяютъ Корчинъ, и на мѣстѣ монастырскаго селенія Skarzessowia возникаетъ Нѣмецкій городъ. Въ Познани на-супротивъ стараго Польскаго города былъ построенъ новый Нѣмецкій (1252). Во второй половинѣ XIII вѣка нѣмечатся многіе города̀ въ Великой и Малой Польшѣ: Сѣрадзь, Люблинъ, Лубница, Побѣдзишка, Слупца и др., а въ концѣ этого вѣка Нѣмцы заселяютъ въ Куявіи города̀ Иновроцлавъ и Брестъ. Въ Мазовшѣ они появляются еще ранѣе (въ 1254 г. они поселились въ Плоцкой епархіи). Города̀, основанные Нѣмцами, получали въ собственность окрестныя поля близь-лежащій лѣсъ, деревни,—пользовались свободою рыбной ловли, освобождались на много лѣтъ отъ податей, пошлинъ, повинностей и т. п. , что́ всего важнѣе, были изъяты изъ вѣдомства каштеляновъ и составляли свободныя общины, управлявшіяся Нѣмецкими законами. Во главѣ этихъ общинъ стояли наслѣдственные войты (Woyt съ Нѣмецкаго Vogt), изъ локаторовъ (locatores), т. е. основателей города. Они были высшими судьями во всемъ городскомъ округѣ и получали $1/3$ судебныхъ доходовъ. Въ ихъ рукахъ была также полицейская власть; но гражданскія дѣла были въ вѣдѣніи бургомистра (proconsul) и его совѣтниковъ (consules jurati). Та̀къ было до XV вѣка, когда произошла реформа въ городскомъ управленіи, во главѣ которой стояли бургомистры (въ Познани 2, во Львовѣ 3) съ совѣтниками, а за войтами (advocati) и ратманами (райцами, лавниками, scabini) была оставлена только судебная власть.

Заимствованное отъ Нѣмцевъ, городское право (jus municipale Maideburgense, speculum Saxonum, jus Teutonicum, jus Sredense s. Novifori=Neumarkt въ Силезіи, jus Culmense) окончательно выработалось XVI вѣкѣ, хотя на Польской почвѣ оно подверглось вліянію мѣстныхъ обычаевъ, каноническаго и Римскаго права, но по своему духу осталось чужимъ: такъ, напримѣръ, въ немъ мѣсто Польской глувчизны (пени за убійство) занимаетъ смертная казнь, независимо отъ вергельта; такъ, въ городскомъ судѣ употреблялись пытки (огнемъ и желѣзомъ) и т. п. По Нѣмецкому образцу, въ Польскихъ городахъ были купеческія и ремесленныя братства или цехи. Во главѣ каждаго цеха стоялъ старшина или цехмистръ

съ столовыми: они завѣдывали дѣлами братства и были его представителями передъ городскими властями. Членомъ братства могъ быть только мастеръ и притомъ мѣстный житель. Благодаря своему исключительному положенію въ государствѣ, Нѣмецкіе и онѣмеченные города быстро развивались и богатѣли. XV вѣкъ составляетъ эпоху ихъ процвѣтанія. Въ XVI они приходятъ въ упадокъ вслѣдствіе притѣсненій со стороны шляхты, которая не только подрывала городское самоуправленіе и унижала мѣщанъ, но даже буквально грабила города. Тѣмъ не менѣе и въ XVI вѣкѣ торговля и промышленность были въ рукахъ преимущественно Нѣмцевъ—этихъ паразитовъ Польши. Въ XVI вѣкѣ Польскій элементъ въ городахъ усиливается и польщизна начинаетъ вытѣснять нѣметчину, пустившую столь глубокіе корни, что еще въ началѣ этого вѣка въ такихъ городахъ, какъ Львовъ, говорились проповѣди по-Нѣмецки, и городскія дѣла велись на Нѣмецкомъ языкѣ, а Нѣмецкіе обычаи и одежда продолжали господствовать въ городахъ втеченіе всего этого вѣка.

Еще вреднѣе Нѣмцевъ для Польскаго государства были Евреи, жившіе по городамъ и селамъ и занимавшіеся торговлею, державшіе на откупахъ шинки и таможни и ссужавшіе деньги за большіе проценты. О нихъ упоминается уже въ X вѣкѣ: тогда они торговали рабами и были извѣстны, какъ ростовщики. Имъ покровительствовалъ Мечиславъ Старшій. Позже, во времена крестовыхъ походовъ, они массами бѣжали изъ Германіи въ гостепріимную Польшу, гдѣ стали эксплоатировать слишкомъ довѣрчивый народъ. Въ XVI вѣкѣ имъ покровительствовала расточительная шляхта, постоянно нуждавшаяся въ деньгахъ, а Степанъ Баторій сравнялъ ихъ во многихъ правахъ съ христіанами, отъ которыхъ они не отличались даже одеждою. Въ первой половинѣ этого вѣка они проникли въ Литву, гдѣ пользовались полною свободою.

Вмѣстѣ съ Нѣмцами и Евреями, торговлею занимались въ Польшѣ Армяне (съ XIII вѣка, если не ранѣе, преимущественно во Львовѣ, Луцкѣ, Каменецъ-Подольскѣ и Кіевѣ), Румыны и Мадьяре (на Подолѣ), Итальянцы (въ большихъ городахъ) и Татаре (на Литвѣ со временъ Витовта, во Львовѣ и на Подолѣ). Сами же Поляки имѣли отвращеніе отъ занятій торговлею и промышленностью, а шляхтѣ это было даже возбранено закономъ, подъ страхомъ утраты шляхетства.

Любимое занятіе Поляка—сельское хозяйство. Но и оно было въ XVI вѣкѣ въ упадкѣ, такъ какъ шляхтичъ рѣдко имъ зани-

жался, а чужіе люди, работавшіе за него, думали только о личной корысти. Можетъ показаться страннымъ, что хлѣбородная Польша, считавшаяся житницею Западной Европы, нерѣдко сама голодала. Это происходило оттого, что чрезмѣрное количество хлѣба отпускалось заграницу—ради барышей. Успѣхамъ сельскаго хозяйства препятствовали ненормальныя отношенія шляхты къ хлопамъ. Это были безправные рабы, прикрѣпленные къ панской землѣ; надъ ними панъ имѣлъ даже право жизни и смерти [1]). Какъ панъ, такъ и фермеры (войты или солтысы) безнаказанно разоряли и угнетали хлоповъ, а потому они были, конечно, плохими работниками [2]). Войты же или солтысы, вполнѣ зависѣвшіе отъ произвола пана, который имѣлъ надъ ними право суда, думали только объ одномъ—какъ-бы поскорѣе нажиться.

Съ конца XV вѣка законъ и право въ Польшѣ существовали только для шляхты: все, что было ниже шляхтича, было лишено всякихъ гражданскихъ и политическихъ правъ; вся государственная власть—законодательная, судебная и административная—была сосредоточена въ рукахъ шляхты. Избираемый ею, король вполнѣ зависѣлъ отъ сената и сейма, которые вмѣшивались даже въ его частныя дѣла. Хотя въ принципѣ признавалось шляхетское равенство (извѣстная поговорка: szlachcic na zagrodzie równien wojewodzie), но на дѣлѣ всѣмъ заправляли сильные и богатые паны; мелкая же шляхта спасалась отъ ихъ насилія и своеволія по деревнямъ или находилась у нихъ на службѣ. Польскій панъ любилъ хвастаться, что ему прислуживаютъ равные ему шляхтичи; но шляхтичъ, служившій при панскомъ дворѣ, зналъ, что онъ не болѣе, какъ слуга пана: для него панъ былъ, по словамъ одного современнаго Польскаго писателя, «земнымъ богомъ». Чѣмъ былъ знатнѣе панъ, тѣмъ былъ многочисленнѣе его дворъ — подражаніе королевскому двору: при дворѣ князя Константина Острожскаго было до двухъ тысячъ пановъ и шляхты. Пана сопровождали его дворяне повсюду; а на сеймъ онъ являлся не иначе, какъ со своимъ придворнымъ войскомъ, съ большимъ обозомъ и множествомъ преданной ему шляхты. Меньшіе дворы примыкали къ бо́льшимъ, такъ-что на сеймахъ бывали только двѣ или три партіи. Чья партія побѣждала, тотъ властвовалъ въ Польшѣ. Свое-

---

[1]) Mart. Cromerus, «Polonia» (Coloniae, 1576, p. 91): «Habent sane in eos domini vitae necisque potestatem».

[2]) Свободные земледѣльцы, кметы уже въ XV вѣкѣ обратились въ крѣпостныхъ; между ними и хлопами исчезло всякое различіе.

волію шляхты не было предѣловъ; она безнаказанно разбойничала по дорогамъ и грабила города, а паны нападали даже на иностранныя земли, хотя, по закону 1447 года de guerris, полагалась за это смертная казнь и вознагражденіе убытковъ. Также безнаказанно оставались убійства, совершаемыя шляхтою, хотя, по закону, она обязывалась платить глувчизну (въ началѣ XVI вѣка 120 гривенъ [1]), а съ 1588 вдвое больше; изъ огнестрѣльнаго же оружія вчетверо) и сидѣть въ тюрьмѣ годъ и 6 недѣль [2]). Законъ бездѣйствовалъ, потому что шляхтича могъ судить только король на сеймѣ, а сеймы собирались рѣдко, и то—на короткое время; судебныхъ же дѣлъ было такъ много, что они откладывались съ одного сейма до другого—до безконечности.

Своевольная и буйная шляхта отличалась пьянствомъ, обжорствомъ, развратомъ и страстью къ роскоши, для удовлетворенія которой считала всѣ средства позволенными. Поэтому каждый думалъ только о личной корысти, а не о пользѣ отечества. Сутяжничество и погоня за доходными должностями составляютъ характеристическія черты Польской шляхты XVI вѣка, и она исключительно занимаетъ всѣ должности, не только государственныя, но и церковныя. Поэтому не удивительно, что шляхетское по происхожденію духовенство было вѣрнымъ союзникомъ шляхты. Высшія духовныя званія и выгоднѣйшія церковныя должности были раздаваемы шляхтѣ не за заслуги и образованіе, а по протекціи. Для полученія такихъ званій и должностей, не требовалось и личнаго призванія, не было даже нужно, чтобы конкурентъ былъ изъ духовенства. Были примѣры, что король не только жаловалъ церковныя beneficia свѣтскимъ людямъ (Янъ Кохановскій, Судивой Чарнковскій), но даже назначалъ въ епископы мірянъ (такъ, Сигизмундъ Старшій назначилъ на Познанскую епархію короннаго канцлера Павла Вольскаго). Закономъ 1538 года было постановлено, что аббатомъ монастыря могъ быть только Польскій шляхтичъ; если братія не находила такого между духовными, то выбирала между свѣтскими шляхтичами и представляла избраннаго ею на утвержденіе короля и посвященіе епископа. Понятно, что такіе импровизованные епископы, прелаты, каноники и аббаты менѣе всего думали о церкви и паствѣ: воспитаніемъ дѣтей они не занимались, защищать ученіе своей церкви были не въ состоя-

---

[1]) Гривна равнялась суммѣ около 10 рублей на нынѣшнія деньги.
[2]) Простой народъ за убійство подвергался смертной казни.

нія (для этого нужна и особая подготовка, и особое призваніе); они умѣли — только жить по-шляхетски, т. е. утопать въ роскоши, нѣгѣ, развратѣ, пьянствѣ и обжорствѣ. Если чѣмъ занимались они, то—политикой: ѣздили по сеймамъ, интриговали, составляли партіи. Вотъ почему такъ низко пала Польская церковь въ XVI вѣкѣ: шляхта не хотѣла подчиняться церковному суду и смѣялась надъ церковнымъ проклятіемъ, а новыя вѣроученія, благодаря провозглашенному принципу вѣротерпимости, свободно ширились по огромному Польскому государству.

Съ 1520 года начинаетъ распространяться Лютеранское ученіе въ Польшѣ, откуда въ 1539 оно проникло въ Литву, гдѣ нашло защиту и покровительство у князя Николая Ивановича Радивила, по прозванію Чернаго, двоюроднаго брата королевы Варвары, маршала, а потомъ канцлера великаго княжества Литовскаго и воеводы Виленскаго. Къ послѣдователямъ Лютеранскаго ученія, принадлежали такіе знаменитые Польскіе писатели, какъ Андрей Фричъ Модржевскій (секретарь Сигизмунда Старшаго), Станиславъ Оржеховскій, Николай Рей изъ-Нагловицъ. Лютеране поддерживали Чешскихъ Братьевъ, которые изъ Великой Польши распространились въ Малую, подъ покровительствомъ Якова Остророга. Кальвинисты или Социніане (такъ названныя по проповѣднику этого ученія въ Польшѣ, Lelius Socinus) склонили на свою сторону даже короля Сигизмунда-Августа. Ни духовенство, ни шляхта не принимали никакихъ мѣръ для противодѣйствія нововѣрцамъ, а инквизиторская дѣятельность папскаго нунція Леонтія Липомана побудила ихъ только крѣпче сплотиться и дѣйствовать сообща. Съ этою цѣлью, они устроиваютъ съѣзды, сначала въ Пинчовѣ, потомъ въ Хрженцицахъ и, наконецъ, въ Козьминкѣ (1555). Эти съѣзды окончились слитіемъ Кальвинистовъ съ Чешскими Братьями. Тоже случилось съ Аріанами и анабаптистами, поддерживаемыми въ Литвѣ Радивилами, сначала Николаемъ Ивановичемъ, а по смерти его въ 1565 г. его двоюроднымъ братомъ Николаемъ Юрьевичемъ: они слились въ одно вѣроисповѣданіе. Въ Пруссіи большинство народонаселенія исповѣдывало Лютеранскую вѣру, признанную королемъ равноправною съ католическою, вопреки епископу Варминскому Гозію. Не находя въ королѣ опоры для поддержанія католицизма, кардиналъ Гозій вызвалъ іезуитовъ и поселилъ ихъ въ Эльблонгѣ (1564). Въ слѣдующемъ году они основали свои коллегіи сначала въ Браунсбергѣ, а потомъ въ Пултускѣ и Познани. Втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ они распространились по Польшѣ и Литвѣ: ихъ

коллегіи находились въ Вильнѣ (1569), въ Ярославлѣ на Руси Червонной (1571), въ Полоцкѣ (1580), Ригѣ (1582), Люблинѣ, Несвижѣ, Гданскѣ, Калишѣ и Львовѣ. Большая часть этихъ коллегій была основана Степаномъ Баторіемъ, покровителемъ іезуитовъ. Въ 1572 году онъ преобразовалъ Виленскую іезуитскую коллегію въ академію, сравнивъ ее въ правахъ съ Краковскою. Первымъ ректоромъ этой академіи былъ знаменитый проповѣдникъ Петръ Скарга. При Сигизмундѣ III, воспитанникѣ іезуитовъ, этотъ орденъ распространился по всему Польскому государству, захватилъ въ свои руки воспитаніе дѣтей и пріобрѣлъ большія богатства и политическое значеніе. Подъ видомъ благочестія и ревности къ католицизму, іезуиты преслѣдовали науки и литературу и воспитывали въ своихъ школахъ юношей въ духѣ своего ордена, пріучая ихъ къ ханжеству и лицемѣрію, наполняя ихъ головы кухонною латынью и богословскими трактатами, но, пуще всего, стараясь богатыхъ шляхтичей втянуть въ свой орденъ или, по крайности, сдѣлать ихъ своими адептами и благотворителями. Благодаря такой дѣятельности іезуитовъ, не только науки и литература въ Польшѣ, но и само Польское государство пришли въ упадокъ.

Какъ духовенство мало заботилось о защитѣ вѣры и церкви, такъ-же шляхта мало думала объ оборонѣ государства отъ внѣшнихъ непріятелей. По закону, каждый шляхтичъ былъ обязанъ не только лично идти на войну, но также вести съ собою опредѣленное число воиновъ (въ XV вѣкѣ шляхтичъ, имѣвшій сто гривенъ дохода, долженъ былъ поставить одного копейщика и трехъ хорошо вооруженныхъ всадниковъ). Но его обязанностью было только защищать границы государства; походы-же заграничные были предпринимаемы насчетъ короля, что̀ было сопряжено съ большими затрудненіями, такъ какъ въ королевской кассѣ былъ постоянный недостатокъ въ деньгахъ. Паны ходили на войну съ своимъ придворнымъ войскомъ; но обыкновенно ограничивались защитою своихъ староствъ, державъ королевскихъ имѣній и своихъ собственныхъ помѣстьевъ. Шляхта составляла конницу. Пѣхота состояла изъ мѣщанъ и иностранныхъ наемниковъ (большею частью Нѣмцевъ, а при Степанѣ Баторіѣ — Венгерскихъ гайдуковъ; въ концѣ XVI вѣка было много Французовъ, Англичанъ и Шотландцевъ). До второй половины XVI вѣка въ Польшѣ не было постояннаго войска, а на такъ называемое pospolite ruszenie шляхта собиралась неохотно, неисправно и медленно. Въ походы она забирала съ собою складныя постели, разную посуду и цѣлые сундуки съ дорогимъ платьемъ,

которымъ щеголяла, какъ на смотру: разноцвѣтныя шелковыя и атласныя одежды, — панцыри, блиставшіе золотомъ и серебромъ, съ коршуновыми крыльями, — леопардовыя и медвѣжьи шубы. За шляхтою шла цѣлая толпа слугъ, исполнявшая всѣ панскія прихоти. Отъ такого войска было мало пользы государству; а потому на сеймѣ 1562 года было учреждено для защиты отъ Турокъ, Татаръ и козаковъ, безнаказанно грабившихъ Польскія области, постоянное войско (obrona potoczna, wojsko kwarciane). На его содержаніе была назначена четвертая часть королевскихъ доходовъ. Подъ командою польнаго гетмана оно стояло лагеремъ около Днѣстра и Днѣпра. Въ 1576 году Степанъ Баторій учредилъ конную гвардію (wojsko nadworne jeżdne) изъ тысячи охотниковъ, одѣтыхъ по-Венгерски или гусарски и тяжело-вооруженныхъ; а въ 1578 году онъ организовалъ Польскую пѣхоту изъ жителей городовъ, мѣстечекъ и селъ (20 кметовъ поставляли одного рекрута). По ея образцу была впослѣдствіи (1595) организована Литовская пѣхота. Число Польскаго войска (считая Запорожскихъ и Низовскихъ козаковъ, панскія и городскія войска, а также значительную артиллерію) простиралось въ XVI вѣкѣ до 200,000. Главнокомандующимъ былъ коронный или великій гетманъ; ему былъ подчиненъ польный гетманъ. Войско получало незначительное жалованье, притомъ неисправно платимое, а потому дозволяло себѣ всякаго рода своеволіе и насиліе въ деревняхъ, черезъ которыя проходило. Жалобы на недостатокъ дисциплины въ войскѣ часто повторялись; но дѣла поправить было нельзя, потому что Польскіе финансы находились въ плохомъ состояніи, благодаря упадку торговли и промышленности и дурной системѣ податей и повинностей, вся тяжесть которыхъ падала на мѣщанъ и хлоповъ. Многочисленная и богатая шляхта вмѣстѣ съ духовенствомъ не платила ни гроша въ государственную казну.

Таково было въ общихъ чертахъ состояніе Польскаго государства въ XVI вѣкѣ,—извнѣ блестящаго, внутри гнилаго. Польскій Златоустъ, Петръ Скарга сравнивалъ его съ гніющимъ внутри яблокомъ, для спасенія котораго нѣтъ никакого средства [1]). Но напрасно онъ указывалъ на болѣзни Польши, предвѣщающія близкую ея смерть [2]); напрасно онъ предсказывалъ ей грозную будущность; напрасно всѣ передовые люди того времени требовали для

[1]) «Kazania sejmowe», wyd. Turowskiego, str. 37.
[2]) Ibid. 16: «A jeśliście ostrożni i mądrzy lekarze, najdziecie kilaś szkodliwych chorób jej, które jej bliską smierć ukaznją».

спасенія Польши немедленныхъ коренныхъ реформъ въ обществѣ и государствѣ.... Ихъ голосу не внимали правившіе Польшею своекорыстные паны, и предсказаніе Скарги исполнилось: она распалась, досталась въ чужія руки, стала предметомъ насмѣшекъ и поруганій, а сыны ея стали влачить бѣдственную и презрѣнную жизнь на чужбинѣ [1]).

Не одинъ Скарга, а всѣ сколько-нибудь замѣчательные Польскіе писатели XVI вѣка ясно сознавали, въ какомъ опасномъ состояніи находилась больная Польша. Историки, публицисты, ораторы, проповѣдники, поэты изображаютъ ее въ самыхъ мрачныхъ краскахъ и, въ тоже время, предлагаютъ мѣры для ея спасенія. Рядомъ съ непріятными, иногда отвратительными картинами дѣйствительности, передъ нами рисуются свѣтлые идеалы, къ которымъ стремились передовые люди Польши того времени. Такимъ образомъ, Польская литература XVI вѣка знакомитъ насъ не только съ внутреннимъ состояніемъ Польши, но и съ воззрѣніями на различные вопросы, общественные и государственные, лучшихъ ея представителей.

Мы разсмотримъ рядъ такихъ вопросовъ, начиная съ самаго важнаго о положеніи шляхты въ Польскомъ обществѣ и государствѣ. Въ связи съ этимъ вопросомъ находится нѣсколько другихъ: о воспитаніи, о государственномъ управленіи, о законахъ и судахъ, о военной оборонѣ. Затѣмъ постепенно мы перейдемъ къ вопросамъ о духовенствѣ, о королевской власти, о мѣщанахъ и, наконецъ, о простомъ народѣ. Говоря о мѣщанахъ, коснемся вопроса о положеніи иностранцевъ и иновѣрцевъ въ Польскомъ государствѣ. Разсматривая эти вопросы, мы будемъ сначала изображать дѣйствительность, на основаніи современныхъ сказаній Польскихъ и иностранныхъ, а за тѣмъ будемъ указывать, ка̀къ относились къ этой дѣйствительности Польскіе писатели и какія реформы они предлагали.

---

[1]) Ibid. 35—36: «I ta niezgoda przywiedzie na was niewolą, w której wolności wasze utoną i w smiech się obrocą.... Ziemie i księstwa wielkie, które się z Koroną ziednoczyły i w jedno ciało zrosły, odpadną i rozerwać się dla waszej niezgody muszą... Odbieżą was, jako chałupki przy jabłkach, gdy owoce pozbierają, którą lada wiatr rozwieje; będziecie, jako wdowa osierociała, wy, coście drugie narody rządzili, i będziecie ku pośmiechu i wrąganiu nieprzyjaciołom swoim. — Język swój i naród swój pogubicie, i ostatki tego narodu.... potracicie, i w obcy sie naród.... obrócicie.... Będziecie nie tylo bez pana krwi swojej i bez wybierania jego, ale też bez ojczyzny i królestwa swego, wygnańcy wszędzie nędzni, wzgardzeni, ubodzy, włóczęgowie, które popychać nogami tam, gdzie was pierwiej ważono, będą....»

I. ШЛЯХТА.

1. Паны и шляхта.

Освященное закономъ, шляхетское равенство никогда въ Польшѣ не существовало: оно было такимъ-же идеаломъ, какъ единогласіе [2]). Съ тѣхъ поръ какъ начинается достовѣрная исторія Польши, паны отличались отъ шляхтичей: однихъ лѣтописи титулуютъ barones, primates, nobiles, domini, другихъ—fratres [3]); позже, въ XVI вѣкѣ, пановъ называютъ proceres, optimates, ordo senatorius, а шляхтичей—nobiles, ordo equester [4]). При Пястахъ только паны принимали участіе въ государственномъ управленіи, а шляхта служила лишь въ войскѣ; паны въ это время располагаютъ Польскимъ престоломъ. Внѣшнимъ образомъ паны отличались отъ шляхты золотыми цѣпями, а потомъ, по примѣру Нѣмцевъ, гербами (вся шляхта получила гербы только въ XVI вѣкѣ). Когда былъ учрежденъ сенатъ (въ концѣ XII вѣка), въ немъ засѣдали только паны и епископы. Шляхта принимаетъ участіе въ государственныхъ дѣлахъ только съ сейма въ Хенцинахъ (1331). Присоединеніе къ Польшѣ Литвы при Ягайлѣ способствовало еще большему возвышенію пановъ надъ шляхтою; по рѣшенію Городельскаго съѣзда 1413 года, въ ряды Польскихъ пановъ стали Литовско-Русскіе княжескіе роды Слуцкихъ или Олельковичей, Острожскихъ, Вишневецкихъ, Пронскихъ, Масальскихъ, Збаражскихъ, Корецкихъ, Корачевскихъ, Чорторыйскихъ, Лукомльскихъ, Сангушекъ, Рожинскихъ, Порыцкихъ. За ними признается княжескій титулъ, несуществовавшій въ Польшѣ. Съ тѣхъ поръ, мало-по-малу вводятся въ Польскомъ государствѣ иностранные титулы: Тенчинскіе, Гурки, Тарновскіе и нѣкоторые другіе получаютъ титулы графовъ, а Радивилы—князей Римской имперіи; папа Климентъ VIII пожаловалъ Мышковскихъ въ маркизы. Въ началѣ XVI вѣка паны пытались утвердить свое преимущество передъ шляхтою путемъ законодательнымъ, но встрѣтили грозное

---

[2]) D-r Siegfried Hüppe («Verfassung der Republiq Polen», s. 71) говоритъ, что «die Gleicheit des Adels in Polen niemals mehr als ein Ideal war. Ebenso wie die Einstimmigkeit!»

[3]) W. A. Maciejowski, «Historya prawodawstw Słowiańskich», wyd. 2, t. II, str. 101—103, 107—108. — J. Lelewel, «Considérations sur l'état politique de l'ancienne Pologne» (Paris, 1844), p. 15. [4]) Hüppe, 72.

сопротивленіе со стороны безчисленныхъ шляхтичей, собравшихся въ Львовѣ (1537). Хотя закономъ и не было признано разграниченіе между панами и шляхтою, тѣмъ не менѣе въ общежитіи оно существовало. Въ общественномъ мнѣніи старая, родовитая шляхта стояла несравненно выше новой, пожалованной королемъ [1]); а богатые паны содержали при своемъ дворѣ цѣлыя толпы мелкопомѣстной шляхты и, чтобы поддержать блескъ своего рода, учреждали ординаціи или майораты (Николай Ивановичъ Радивилъ въ 1589 г., Янъ Замойскій въ 1590 г.). Такимъ учрежденіемъ они обезпечивали будущность своего потомства, которое, въ противномъ случаѣ, при раздробленіи родоваго имущества, могло снизойти въ ряды простой шляхты, подобно тому, какъ шляхта уже въ это время съ утратою земельной собственности стала терять правà шляхетства: безземельная шляхта (gołota, odartus, impossessionatus) въ Польскихъ законахъ XVI вѣка рѣзко отличается отъ шляхтичей, которые были не только bene nati, но и possessionati. Голота подлежала гродскому суду, а не земскому, не могла занимать государственныхъ должностей и участвовать на сеймахъ. Своимъ происхожденіемъ она обязана развившемуся въ Польшѣ въ XV и XVI вѣкахъ принципу: каждый шляхтичъ долженъ быть помѣщикомъ. Вслѣдствіе этого принципа шляхетскія помѣстья дробились до безконечности, по мѣрѣ увеличенія потомства, чтó порождало пауперизмъ. «Восемь шляхтичей изъ Ошмяны ведутъ одну козу на торгъ», говоритъ Польская поговорка. Въ Мазовшѣ, гдѣ шляхта составляла половину народонаселенія, были нерѣдки помѣстья объемомъ въ одинъ Магдебургскій моргъ, и шляхтичъ самъ обработывалъ свою землю босикомъ, но при шпорахъ (!) и саблѣ. О такихъ шляхтичахъ помѣщикахъ говаривали Русскіе мужики: «Если собака сядетъ на землю шляхтича, то хвостомъ достанетъ земли его сосѣда» [2]). Въ особыхъ отношеніяхъ къ панамъ находилась чиншóвая и ленная шляхта: первая (на Руси Червонной и въ Литвѣ) платила имъ чиншъ, вторая-же (въ Польшѣ) находилась въ вассальныхъ къ нимъ отношеніяхъ (напр. Горайскимъ, по привилегіи 1583 г., была

[1]) Вислицкій статутъ 1347 года отличаетъ уже отъ старой шляхты (equites) новую (scartabellus, świerczałka), которая до послѣднихъ временъ не пользовалась равноправностью съ нею, какъ говоритъ Hüppe (s. 74): «Und bis auf die spätesten Zeiten hatte nicht der Neugeadelte die volle Berechtigung des Freien, sondern erst seine Urenkel, wenn nicht in der Nobilitationsurkunde ausdrücklich gesagt war praeciso scartabellatus».

[2]) Hüppe, s. 73.

подчинена шляхта въ окрестностяхъ Щебржешпина [3]). Такимъ образомъ, и въ общежитіи, и въ законодательствѣ дѣлалось различіе между старою, родовитою шляхтою и новопожалованною, между шляхтою-помѣщиками и беземельною голотою, между панами и ихъ вассалами; а слѣдовательно—шляхетскаго равенства не существовало. Если-же обратимся къ исторіи, то она намъ скажетъ, что надъ шляхтою, составлявшею десятую часть всего народонаселенія Польши и простиравшеюся до милліона людей [4]), господствовало нѣсколько сильныхъ и богатыхъ пановъ.

Какъ-же смотрѣли Польскіе писатели XVI вѣка на такое нарушеніе шляхетскаго равенства?

Одни изъ нихъ слѣдовали общественному мнѣнію и учили любить и чтить пановъ, какъ земныхъ боговъ (pana swego prawdziwie milować i we czci, jako ziemskiego boga, mieć), Представителемъ ихъ можно считать Луку Гурницкаго. Другіе-же, какъ Андрей Фричъ Моджевскій, Николай Рей изъ-Нагловицъ и Себастіанъ Клёновичъ, возставали противъ родовитой шляхты, гордившейся гербами и подвигами предковъ, и проповѣдывали новое ученіе о превосходствѣ личныхъ заслугъ передъ знатностью происхожденія.

Понятно, что такой писатель, какъ Лука Гурницкій, который почти всю жизнь свою провелъ при панскихъ дворахъ [5]),

---

[3]) Moraczewski, «Dzieje rzeczypospol. Polsk.», VI, 96—97.

[4]) По вычисленію Гюппе (стр. 79).—Іеронимъ Липпомано, Венеціанскій посолъ при Польскомъ дворѣ, въ реляціи отъ 1575 г., насчитываетъ только 200,000 штяхты («relazione del regno di Polonia di Girolamo Lippomani l'anno 1575»). Рукопись библ. св. Марка въ Венеціи № 917 Cl. VII, Ital. По моей копіи л. 18 об. По Польскому переводу Рыкачевскаго («Relacye nuncyuszów apostolskich i innych osób o Polsce od roku 1548 do 1690», t. I) стр. 257.—Фульвій Руджери, папскій нунцій въ Польшѣ, въ реляціи отъ 1565 г., говоритъ, что жителей въ Польскомъ королевствѣ, безъ шляхты, было 3.500,000, именно 2.500,000 хлоповъ и 1.000,000 мѣщанъ. «Шляхта живетъ большею частью по деревнямъ, и число ея весьма значительно; говорятъ даже, что изъ трехъ сословій—шляхты, мѣщанъ и хлоповъ—шляхта самая многочисленная (!), и притомъ такъ убога, что сама по большей части обработываетъ землю, именно въ Мазовшѣ, гдѣ не болѣе 20 зажиточныхъ шляхтичей, а остальные ходятъ за плугомъ» («Relacye nuncyusz.», t. I, str. 125).

[5]) Возвратившись изъ Италіи, гдѣ учился въ Падуанскомъ университетѣ, Гурницкій поступилъ ко двору славившагося гостепріимствомъ и ученостью Самуила Мацѣевскаго, епископа Краковскаго и великаго канцлера Короннаго, по смерти котораго (1545) пошелъ въ дворяне его преемника Андрея Зебржидовскаго († 1550 г.); затѣмъ онъ служилъ при дворахъ Пржирембскаго (впослѣдствіи архіепископа Гнѣзненскаго) и Филиппа Падневскаго, епископа Краковскаго и великаго канцлера Короннаго, по рекомендаціи котораго получилъ мѣсто секретаря и библіотекаря короля Сигизмунда-Августа. Гурницкій занималъ эту должность до 1565 года, когда былъ назначенъ старо-

не могъ относиться къ панамъ иначе, какъ съ раболѣпнымъ подобострастіемъ. Въ сочиненіи «Dworzanin Polski» (Польскій придворный) онъ представилъ апологію родовитой шляхты.

«Придворный, образовать котораго я хочу», говоритъ Гурницкій [1]), «долженъ происходить изъ знатнаго шляхетскаго дома; ибо не такъ стыдно нешляхтичу не поступать честно и благородно, какъ шляхтичу: если онъ хоть немного своротитъ съ того пути, по которому шли его предки, то оставитъ пятно на своемъ домѣ, и не только ничего не прибавитъ, но утратитъ и то, что было пріобрѣтено. Шляхетство подобно возженному свѣточу, который освѣщаетъ и дѣлаетъ очевидными добрые и злые поступки людей, возбуждаетъ, воспламеняетъ къ доблести, какъ боязнью хулы, такъ и надеждою на честь и славу [2]). Но этотъ свѣточъ не освѣщаетъ дѣлъ подлыхъ людей (низкаго происхожденія), а потому они не имѣютъ ни побужденія къ доблести, ни боязни хулы; напротивъ, имъ сдается, что они не обязаны стараться о томъ, чтобъ превзойти въ чемъ-нибудь своихъ предковъ; а шляхтичу кажется непристойнымъ не подойти хоть сколько-нибудь къ тому предѣлу, къ которому пришелъ его предокъ. А потому почти всегда бываетъ, что въ битвѣ или на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ люди добываютъ почести, шляхтичъ лучше поступаетъ и болѣе отличается, чѣмъ нешляхтичъ; ибо природа повсюду посѣяла сокровенныя зерна, которыя способность и силу, полученныя отъ своего предка, перваго зерна, передаютъ тѣмъ зернамъ, которыя выпустили изъ себя, и уподобляютъ ихъ самимъ себѣ. Это мы видимъ не только на табунахъ лошадей и у иныхъ животныхъ, но также на растеніяхъ, отрасли которыхъ всегда подобны стволу:

стою Васильковскимъ и Тыкотинскимъ. Умеръ послѣ 1602 года. Знаменитѣйшее его произведеніе—«Dworzanin Polski» (1-е изд. Краковъ, 1566). Образцомъ для него послужило «Il libro del Cortegiano» графа Вальтасара Кастильони (Венеція, 1528 г.); но содержаніе взято изъ высшаго Польскаго общества, половины XVI вѣка. Оно написано въ формѣ пріятельскихъ бесѣдъ при дворѣ Самуила Мацѣевскаго о томъ, каковымъ долженъ быть придворный; раздѣлено на 4 книги; отличается образцовымъ языкомъ.—Гурницкій писалъ также политическія брошюры и записки о своемъ времени («Dzieje w koronie Polskiej», 1538 — 1572). См. о немъ монографію Владислава Трембицкаго («Zbiór wiadomości o życiu i pismach L. Górnickiego», въ «Bibl. Warsz.», 1843, III, 77 sqq.).

[1]) «Rozmowy o dworzaninie», изд. Варш., 1761, кн. I, стр. 17 (по изд. Туровскаго, стр. 24—25).

[2]) «Szlachectwo jest jako rozpalona pochodnia, która objaśnia i kładzie przed oczy dobre i złe człowiecze sprawy, i pobudza, zapala ku cnocie, tam bojaznią niesławy, jako też nadzieją czci a chwały».

если-же случится выродокъ, то вина въ томъ не природы, а небрежнаго садовника. Тоже бываетъ и съ людьми: при хорошемъ воспитаніи они почти всегда подобны своимъ родителямъ, а часто и лучше ихъ. Если не будетъ хорошаго садовника или воспитателя, то, какъ садовое дерево обращается въ лѣсное, а домашнее животное въ дикое, такъ и человѣкъ скоро одичаетъ и никогда не подымется изъ такого состоянія, развѣ если naturae benignitas разсыплетъ на него свои дары....»

Изъ приведеннаго отрывка видно, что Гурницкій отдавалъ предпочтеніе старой, родовитой шляхтѣ передъ новою, подобно тому, какъ древніе Римляне считали патриціевъ выше, чѣмъ homines novi; отъ Римлянъ-же онъ заимствовалъ и свои доводы. Извѣстно, что, по ученію Горація,

Fortes creantur fortibus et bonis,
Est in juvencis, est in equis patrum
Virtus. Nec imbellem feroces
Progenerant aquilae columbam.

Какъ увидимъ впослѣдствіи, Гурницкій въ своемъ «Придворномъ» проповѣдывалъ не только прирожденность шляхтѣ гражданскихъ доблестей, но даже обоготвореніе пановъ.

Еще яснѣе Гурницкій выразилъ свой взглядъ на отношенія шляхты къ панамъ въ двухъ политическихъ брошюрахъ, въ которыхъ совѣтовалъ учредить въ Польшѣ аристократическое правленіе, по Венеціанскому образцу. Въ одной изъ нихъ («Rozmowa o elekcyi, o wolności, o prawie y obyczaiach Polskich, podczas elekcyi krola jego mości Zygmunta III czyniona») онъ говоритъ, что «трудно быть порядку тамъ, гдѣ всѣ управляютъ: демократія (pospolstwo)—звѣрь многоголовый, а не объ одной головѣ, а потому не легко ее укротить»—демократія (populus) ведетъ къ тираніи, единодержавію; единственное средство для ея обузданія—возвышеніе сенаторскаго сословія и образованіе изъ него постояннаго сейма (sejm ustawiczny), который бы находился при особѣ короля [3]).

Въ другой брошюрѣ, изданной уже по смерти автора его сыномъ (въ Эльблонгѣ 1650 г.) подъ заглавіемъ «Droga do zupełney wolności», Гурницкій подробнѣе развиваетъ свой проэктъ преобразованія Поль-

---

[3]) Мы пользовались 2-мъ изданіемъ 1616 года (Краковъ). Первое изданіе, неизвѣстно гдѣ и когда вышедшее, озаглавлено такъ: «Rozmowa Polaka z Włochem o wolnościach i prawach Polskich». Эта брошюра раздѣлена на три разговора: 1—объ избраніи короля, 2 — о Польскихъ законахъ и 3 — о необходимости реформъ въ Польскомъ государствѣ. Подъ выраженіями pospolstwo, populus Гурницкій понимаетъ шляхту.

скаго правительства: кромѣ постояннаго сейма, члены котораго выбираются ежегодно и который былъ-бы тѣмъ-же, чѣмъ былъ въ Венеціи Большой Совѣтъ (Consiglio Maggiore), онъ предлагаетъ учрежденіе еще двухъ новыхъ Управленій или Совѣтовъ: Верховнаго (Rada или Urząd Gorny), изъ 17-ти членовъ, выбираемыхъ на полгода, и Совѣта Двѣнадцати (Urząd dwunastu mężów), ежегодно избираемыхъ, по образцу и съ атрибутами Венеціянскихъ Consiglio Minore i Consiglio Dieci. По проэкту Гурницкаго, король былъ-бы только предсѣдателемъ этихъ двухъ совѣтовъ съ правомъ голоса, а Польшею управляли-бы 28 пановъ. «Самъ по себѣ онъ не имѣлъ-бы никакой власти, а правилъ-бы вмѣстѣ съ ними. Что-же касается его неволи, то это святая неволя — жить хорошо, имѣть большіе доходы, прекрасный дворъ, потѣшаться охотою, быть у всѣхъ въ почетѣ, быть избирателемъ на высшія государственныя должности и не трястись по дорогамъ» [1]).

Совѣты Гурницкаго пришлись какъ нельзя болѣе по сердцу Польскимъ панамъ, которымъ хотѣлось имѣть de jure ту власть, которою они пользовались de facto [2]).

Иначе смотрѣлъ на отношенія пановъ къ шляхтѣ, иной взглядъ на шляхетство имѣлъ другой Польскій писатель XVI вѣка, Николай Рей изъ-Нагловицъ [3]). Хотя онъ и воспитался при

---

[1]) «Sam (Król) nie będzie nic mogł, ale ze wszystkiemi władać wszystkiem będzie. A co się tej niewoli tycze, swięta to niewola — mieć się dobrze, mieć wielkie dochody, dwor ozdobny, używać przejazdek w łowy, być we czci u wszystkich, elektorem być wszystkich dostojenstw a nie kołatać się po drogach» (по изд. 1650 г. G. III; эта брошюра перепечатана Туровскимъ: «Pisma prozaiczne Łukasza Górnickiego»).

[2]) Впослѣдствіи мы подробнѣе разсмотримъ проэктъ государственныхъ реформъ Польши, представленный Гурницкимъ.

[3]) Сохранилась любопытная его біографія, написанная другомъ его Андреемъ Тржецескимъ (она перепечатана Туровскимъ въ приложеніи къ сочиненію Рея «Żywot człowieka poczciwego»). Новѣйшее изслѣдованіе о немъ Бронислава Завадскаго вышло во Львовѣ въ 1875 году: «Mikolaj Rej z Nagłowic». Рецензія на это изслѣдованіе, написанная П. Хмѣлевскимъ, помѣщена въ выходящемъ въ Варшавѣ журналѣ «Niwa» (январь 1875). Характеристику Рея изъ-Нагловицъ представилъ I. И. Крашевскій въ сочиненіи «Dziś i lat temu trzysta» (Вильна, 1863): авторъ сопоставляетъ современную ему шляхту съ шляхтою временъ Рея. Для сравненія съ Реемъ любопытно также извѣстное сочиненіе Игнатія Красицкаго, «Pan podstoli», въ которомъ представленъ идеалъ шляхтича конца прошлаго вѣка. О жизни Рея (1505—1568) извѣстно очень мало. Онъ происходилъ изъ стараго Чешскаго рода Вершовцевъ, назвавшихся впослѣдствіи Окшичами. Отецъ его былъ зажиточный шляхтичъ и жилъ въ своемъ мѣстечкѣ Журавнѣ на Днѣстрѣ. Заботясь о воспитаніи своего сына, онъ отдалъ его въ школу сначала въ Краковѣ, а потомъ въ Львовѣ; но Николай, ничему не научившись, вернулся домой, гдѣ, по словамъ его біографа, до 18 лѣтъ билъ баклуши (baki strzelał). Отданный на 20-мъ году ко двору Тенчинскаго, онъ мало-по-малу привыкалъ къ чтенію Латинскихъ класси-

дворѣ пана Андрея Тенчинскаго, воеводы Судомiрскаго, но, какъ человѣкъ самостоятельный, обязанный образованiемъ самому себѣ, онъ не таскался по панскимъ дворамъ, не искалъ милостей знатныхъ и богатыхъ пановъ, а жилъ независимо въ своихъ имѣнiяхъ, изрѣдка появляясь при королевскомъ дворѣ и на сеймахъ. Въ знаменитѣйшемъ своемъ произведенiй «Żywot człowieka poczciwego» онъ представляетъ идеалъ шляхтича по своему образцу. «Не тотъ, говоритъ онъ [4]), правый шляхтичъ, кто не украшенъ доблестями, а такъ только титулуется или печать съ гербомъ носитъ на пальцѣ, или повѣсивъ ее на шнурѣ на шеѣ, или кто печатаетъ краснымъ или зеленымъ воскомъ, или кто на красивыхъ воротахъ навѣшалъ или прибилъ таблицы съ гербами, или кто хвалится дѣдами, прадѣдами и иными своими предками. Это еще мало. Напротивъ, если ты выродился изъ нихъ, отличаясь только распутными нравами, то лучше бы и не вспоминалъ ихъ, потому что ты ихъ унизилъ, и если бы они были живы, то очень бы гнѣвались, что ты называешься ихъ потомкомъ. Если ты и подобенъ имъ лицемъ или ростомъ, то обычаями далеко отъ нихъ различенъ. И не знаю, не отказались-ли бы они отъ отъ тебя. Правое шляхетство есть нѣкая чудная сила и настоящее гнѣздо доблести, славы, достоинства и чести [5]). Кто столь почтенное гнѣздо добровольно самъ оскверняетъ, тотъ уподобляется смердящему удоду, который и самъ смердитъ, и гнѣздо свое пакоститъ, чего ни одна птица не дѣлаетъ, напротивъ—каждая чиститъ его. Ибо это благороднѣйшее сокровище основывается на трехъ

ковъ, на которыхъ и образовалъ себя. Женившись, поселился въ деревнѣ, гдѣ занимался хозяйствомъ и чтенiемъ. Николай государственной должности не хотѣлъ принять, но на сеймахъ изрѣдка бывалъ и даже говорилъ рѣчи, (на Петрковскомъ сеймѣ 1558—9 гг. о правахъ шляхты, о неповиновенiи Прусскихъ городовъ и о папскихъ аннатахъ, которыя совѣтовалъ употребить на оборону государства). Выдвинутый на литературное поприще своими единовѣрцами—Кальвинистами, онъ въ первыхъ своихъ сочиненiяхъ нападалъ на католицизмъ, но потомъ сталъ вѣротерпимѣе. Писалъ много въ стихахъ и прозѣ. Для насъ особенно важны: «Wizerunek własny żywota człowieka poczciwego» (1560), «Zwierzyniec» (1562) и «Zwyerciadlo» (1567), главную часть котораго составляетъ «Żywot człowieka poczciwego».

[4]) «Zwierciadło albo kształt, w którym każdy stan snadnie się może swym sprawam jako we zwierciadle przypatrzyć (Краковъ, 1568). Księgi wtore Żywota poczciwego człowieka, List 52 (въ изд. Туровскаго, стр. 108—109). —Въ составъ этой книги вошли: «Żywot człowieka poczciwego», «Apophtegmata», «Narzekania wszey Korony» и «Zbroia rycerza». — «Żywot», по тремъ возрастамъ человѣческимъ, раздѣленъ на 3 книги: въ 1-й говорится о воспитанiи юношества, во 2-й—о жизни домашней и общественной шляхты, въ 3-й—о томъ, какъ слѣдуетъ проводить старость.

[5]) «Albowiem szlachectwo prawie iest iakaś moc dziwna a prawie gniazdo cnoty, slawy, każdej powagi y poczciwośći».

вещахъ: на благородномъ происхожденіи благородныхъ предковъ, на благоразумномъ воспитаніи и, болѣе всего, на приличномъ и пристойномъ поведеніи». Примѣрами изъ Греческой и Римской исторіи авторъ старается доказать, что человѣка возвышаютъ личныя его доблести, а не внѣшній блескъ или знатное происхожденіе, и заключаетъ словами: «Шляхетство заключается не въ благородствѣ происхожденія, не въ красотѣ лица, не въ гордой осанкѣ, не въ выставленныхъ на показъ гербахъ: все это какъ-бы ягоды на шиповникѣ—съ-виду красны, но вкусу никакого, а шипы колятъ-себѣ! Но кто украсится доблестью, воздержаніемъ, благородными поступками, прекрасными дѣлами,—тотъ подобенъ хорошо привитому деревцу, которое приноситъ красивые и вкусные плоды [1]).

Рей представляетъ намъ идеалъ человѣка-шляхтича: въ его головѣ, непривыкшей къ строгому мышленію, понятія о шляхетствѣ и доблести смѣшались, и его poczciwy człowiek есть идеалъ шляхтича. Подсмѣиваясь надъ панами, хвалящимися славою своихъ предковъ, гордящимися гербами, онъ, по воззрѣніямъ своимъ на другія, низшія сословія остался шляхтичемъ: онъ признавалъ человѣческія достоинства только въ шляхтѣ, а потому признавалъ важность шляхетскаго происхожденія, но не въ такой степени, какъ Гурницкій. Много въ его глазахъ значило шляхетское происхожденіе, но далеко не все: чтобъ быть шляхтичемъ въ томъ смыслѣ, какъ онъ понималъ, необходимо было еще получить хорошее воспитаніе и отличаться безукоризненною жизнью. Личныя качества, личныя заслуги возвышаютъ одного шляхтича надъ другимъ, а не древность рода, не слава предковъ, не богатство.

Шляхетское происхожденіе и недостатокъ образованія не позволили Рею повыше подняться надъ сословными предразсудками своего вѣка: это удалось жившему нѣсколько позже его, замѣчательному эпическому и сатирическому поэту, Севастіану Фабіану Клёновичу [2]), и это удалось ему, благодаря преимущественно

---

[1]) «A tak nie toć iest szlachectwo zacność narodu, piękna uroda, wspaniała postawa, wywieszone herby, wszytkoć to są iako iagody na głogu, chociaż się pięknie czyrweneią, ale smaku w nich żadnego nie masz, a głog przedsię drapie. Ale ktho się nie ozdobi cnotą, pięknym na wszem umiarkowaniem, poććiwemi postępki, nadobnemi a ozdobnemi sprawami, ten iest iako szczep pięknie usczepiony, któryś siebie nadobne iagodki a wdzięczne owoce zawszdy podawać może» (по изд. 1568 г. л. 52 об., по изд. Туровскаго стр. 110).

[2]) Клёновичъ (по Латыни Acernus) родился въ 1551 году въ Сульмержицахъ (въ нынѣшнемъ великомъ княжествѣ Познанскомъ), гдѣ отецъ

тому, что онъ происходилъ изъ мѣщанскаго сословія и получилъ основательное образованіе въ Краковской академіи. «Мудрецы, говоритъ онъ въ поэмѣ «Victoria deorum» [3]), поставили шляхетство съ его титулами на высокой скалѣ доблести, подобно тому, какъ искусный архитекторъ построилъ среди мраморныхъ утесовъ замокъ, высѣченный изъ твердаго алмаза. Если мать природа возжетъ счастливую звѣзду, то шляхетство будетъ тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ снисходительнѣе посмотритъ на тебя царственное свѣтило, и если небо броситъ на тебя дружественный лучъ и при твоемъ рожденіи не зажжется злая звѣзда. Но природу и звѣзды побѣждаетъ трудъ и постоянство: ими достигаются божественные чертоги Пиѳагора, его положили боги на границѣ доблести». Далѣе поэтъ описываетъ гордый замокъ добродѣтели на неприступной скалѣ. Путь къ нему затрудняетъ судьба, несправедливая къ доблестнымъ; но трудомъ, постоянствомъ и терпѣніемъ побѣдишь и Юнону, и мачиху-природу. «Богъ-же могущественнѣе всѣхъ геніевъ: онъ управляетъ звѣздами; его святая воля движетъ невидимыми силами и людьми. Онъ обуздываетъ страсти людей, онъ побуждаетъ ихъ къ доблести — матери шляхетства. Отожествляя шляхетство (nobilitas) съ доблестью (virtus), Клёновичъ вѣритъ въ прирожденныя человѣку качества и во вліяніе на него звѣзды, появляющейся на небѣ при его рожденіи; но природа

его былъ войтомъ; изучалъ въ Краковской академіи право, филологію и философію и, по окончаніи курса, получилъ степень доктора философіи и магистра свободныхъ наукъ; съ 1576 по 1580 годъ служилъ при магистратѣ во Львовѣ, откуда переселился въ Люблинъ, гдѣ съ 1583 г. былъ писаремъ и лавникомъ, а потомъ райцею—до своей смерти (1608 г.). Писалъ по-Польски и по-Латыни. Въ поэмѣ «Flis» (1595 г.) онъ описалъ берега Вислы отъ Варшавы до Гданска и нравы и обычаи прибрежныхъ жителей. Въ другой поэмѣ на Польскомъ языкѣ—«Worek Iudaszow» (1600)—онъ изобразилъ пороки современной ему Польши. Изъ двухъ его поэмъ на Латинскомъ языкѣ—«Roxolania» описываетъ Червонную Русь и ея жителей, а «Victoria deorum» (1595—1605) представляетъ этику въ стихахъ, вмѣстѣ съ описаніемъ Польскаго общества и государства: за эту ѣдкую сатиру на шляхту и духовенство поэтъ подвергся преслѣдованію преимущественно со стороны іезуитовъ. О немъ A. Mierzyński написалъ монографію: «De vita, moribus scriptis que latinis S. Z. Acerni» (Берлинъ, 1857). При ней приложенъ текстъ «Роксоланіи».

[3]) Sebastiani Sulmircensis Acerni, «Victoria deorum, ubi continetur veri herois educatio» (безъ обозначенія мѣста и года изданія), cap. II, pp. 12—12. Это обширная дидактико-сатирическая поэма въ 44 главахъ (683 страницы), основанная на изреченіи: bene nasci, bene vivere et bene mori,—переполненная заимствованіями изъ Латинскихъ классиковъ, особенно Ювенала и Виргилія. Въ посвященіи Адаму Горайскому поэтъ такъ опредѣляетъ свою цѣль: «Movit nos igitur et incitavit ad hoc opus aggrediendum morum nostri saeculi superba, invidiosa et insignis depravatio, qua propter haec scripta nostra multis in locis accedunt ad satyricam petulantiam».

и звѣзды побѣждаются упорнымъ трудомъ надъ самимъ собою. Онъ вѣритъ также въ судьбу и въ предопредѣленіе Божіе.

Эта смѣсь языческихъ съ христіанскими вѣрованіями была свойственна его вѣку. Эти вѣрованія раздѣлялъ и Рей. Онъ говоритъ: «одинъ родится злымъ, другой—добрымъ, одинъ—гордымъ, другой—покорнымъ, одинъ—щедрымъ, другой—скупымъ, одинъ—пьяницею, другой—трезвымъ, одинъ—мудрымъ и разсудительнымъ, другой—глупымъ, тупымъ и прирожденно-беззаботливымъ.... Это называется по-Латыни fatum....» [1]). И онъ также вѣрилъ во вліяніе на человѣка звѣздъ и и въ предопредѣленіе (praedestinatio [2]). Для борьбы съ прирожденными склонностями, по его словамъ, Богъ далъ человѣку разумъ, указывающій ему путь къ добру и правдѣ [3]).

Шляхетство, продолжаетъ Клёновичъ [4]), столь-же древне какъ родъ человѣческій: оно столь-же естественное вознагражденіе за доблести, какъ за пороки—наказаніе. Какъ въ древности награждали доблестныхъ людей конями, щитами и золотыми цѣпями, такъ въ Польшѣ въ награду жаловали ихъ шляхетствомъ (pasowanie na rycerstwo). Высшею наградою за доблести были царскія корона и скипетръ. Шляхта отъ хлопства отличается между людьми такъ-же, какъ между богами Dii majores et minores, какъ солнце отличается отъ звѣздъ, левъ отъ прочихъ животныхъ, орелъ отъ остальныхъ птицъ. Даже въ республикѣ пчелъ есть свой царь.

Война была первымъ случаемъ къ проявленію доблести и къ наградѣ шляхетствомъ. Но одной храбрости на войнѣ еще недостаточно, чтобъ заслужить званіе шляхтича. Тотъ только настоящій шляхтичъ, достойно носящій свой гербъ, кто угоденъ богамъ, кто защищаетъ и украшаетъ отечество, кто съ доблестью соединяетъ умъ, кто счастливо выполняетъ замыслы ума, кто своими талантами побѣждаетъ природу и звѣзды.... Тотъ шляхтичъ, кого вѣнчаютъ его благодѣянія, кого милуютъ небесные боги.... Тотъ только достоинъ званія шляхтича, кто возвышается надъ чернью славою своихъ подвиговъ.... Все равно изъ древняго или новаго рода происходитъ тотъ мужъ, что сіяетъ собственною славою, пріобрѣтенною блистательными дѣлами. Если онъ желаетъ хвалы отъ отдаленныхъ потомковъ, пусть достойно служитъ современникамъ. Если кто такъ поступаетъ, зачѣмъ мнѣ спрашивать объ его предкахъ? Доблесть есть един-

[1]) «Żyw. człow. poczciw.», kn. I, cap. I, f. 2 (1568,—по изд. Туровскаго, стр. 6). [2]) Ibid. f. 2 (у Туровскаго, стр. 7). [3]) Ibid., cap. II, f. 4 (у Туровскаго, стр. 9). [4]) «Victoria deorum», cap. III, pp. 12—16.

ственное украшеніе шляхтича [5]). Примѣрами изъ исторіи поэтъ доказываетъ, что многіе знаменитые люди были низкаго происхожденія; а слѣдовательно, основаніе шляхты—не происхожденіе, а доблесть [6]).

Но зачѣмъ обращаться къ исторіи другихъ народовъ, продолжаетъ поэтъ [7]), если собственная наша исторія свидѣтельствуетъ:

> Nobilitatis opes modicis exurgere rivis
> Virtutemque sacram nil stemmata prisca morari.

И въ примѣръ приводитъ Пяста и Лешка II. Даже не отъ законнаго брака, говоритъ онъ далѣе [8]), происходили знаменитые люди (Ахиллъ, Александръ Македонскій, Ромулъ и Ремъ), но славою подвиговъ они стерли съ себя пятно своего происхожденія. Потомъ Клёновичъ приводитъ argumenta e contrario [9]), у знаменитыхъ людей бываютъ негодныя дѣти. Наконецъ, переходитъ къ argumentum ad minus: подобно царствамъ, погибаютъ и вымираютъ знатные роды, и ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть вѣчнымъ; а слѣдовательно, самый принципъ родовитой шляхты непроченъ; старые шляхетскіе роды раньше или позже должны уступить мѣсто новымъ [10]). Возраженіе защитниковъ старой шляхты, опирающееся на вышеприведенномъ изреченіи Горація, поэтъ находитъ тупымъ, потому что отъ животныхъ нельзя заключать о людяхъ: качества животныхъ—матеріальныя, качества людей—духовныя [11]).

Съ такою силою и послѣдовательностью Клёновичъ опровергалъ теорію общественныхъ преимуществъ, даруемыхъ рожденіемъ. Теорія личныхъ заслугъ нашла въ немъ ревностнаго поборника, незараженнаго, подобно Рею, шляхетскими предразсудками: онъ не только не отрицалъ человѣческихъ достоинствъ въ среднемъ и низшемъ сословіи, но, напротивъ, старался доказать, что пятно самаго низкаго происхожденія смывается личными заслугами, а знатность происхожденія унижается и оскверняется личными недостатками и пороками. Онъ проповѣдуетъ равенство не одной шляхты, а всѣхъ сословій: по его теоріи, законъ долженъ одинаково карать и награждать всѣхъ гражданъ, не взирая на ихъ происхожденіе. И эту теорію онъ проводитъ во всей своей обширной поэмѣ, какъ будемъ имѣть случай убѣдиться впослѣдствіи. Клёновичъ выше Рея, не только по своей теоріи, но и по впечатлѣнію, которое онъ производитъ на читателя; самоучка Рей, почерпавшій свои свѣдѣнія изъ опыта

---

[5]) Ibid. cap. IV, pp 16—18. [6]) Ibid. cap. V—XI. [7]) Ibid. cap. XII, pp. 64 sqq. [8]) Ibid. cap. XIII, pp. 69 sqq. [9]) Ibid. cap. XIV—XVII. [10]) Ibid. cap. XVII, p. 82. [11]) Ibid. cap. XVIII—XIX.

жизни, дѣйствуетъ на сердце; Клёновичъ силою науки дѣйствуетъ на умъ. Отъ того современники смотрѣли на Рея, какъ на забавнаго шутника и остряка, а на Клёновича, какъ на опаснаго новатора; надъ однимъ трунили, другого преслѣдовали.

Тѣже доводы противъ общественныхъ преимуществъ родовитой шляхты представилъ почти за полвѣка до Клёновича, знаменитый Польскій политикъ, Андрей Фричь Модржевскій (Modrevius) [1]. Въ сочиненіи «De republica emendanda» [2]) онъ говоритъ: «Вижу, что, по нашимъ обычаямъ и законамъ, высшія государственныя должности отдаются только шляхтѣ. И, по-видимому, тàкъ и слѣдуетъ: ибо одни почти шляхтичи имѣютъ у насъ постоянныя мѣстà жительства и вѣрные доходы: они не занимаются грязными ремеслами или прибыльными операціями, поселяющими въ людяхъ отвращеніе, а обработываютъ землю, плоды которой составляютъ ихъ доходъ. Для государства-же важно, чтобы начальники (praefecti) были людьми зажиточными; ибо люди черезъ-чуръ бѣдные или слишкомъ богатые, занимая высшія государственныя должности, обыкновенно эксплоатируютъ государство, по бѣдности или другой причинѣ. Слѣдуетъ въ пользу шляхты припомнить еще то важное обстоятельство, что она происходитъ отъ тѣхъ, которые храбро защищали государство и часто жертвовали за него своею жизнію; а почти всегда случается, что сыновья всегда стараются походить на своихъ отцевъ и предковъ, а потому государство ожидаетъ отъ потомковъ тѣхъ-же результатовъ доблести, какіе оно получило отъ предковъ. Но слѣдуетъ, чтобы всѣ шляхтичи были того мнѣнія, что государство удостоиваетъ ихъ почестей не столько за ихъ происхожденіе, сколько за доблесть ихъ предковъ: кто изъ нихъ выродился, тотъ ихъ недостоинъ. Должно-бы войти въ обычай, что-

[1]) Отвѣчая на пасквиль Станислава Оржеховскаго («Tricius sive de majestate sedis Apostolicae»), Модржевскій сообщаетъ краткія свѣдѣнія о своей государственной службѣ: «разъ я былъ посломъ къ Альберту, князю Прусскому, два раза секретаремъ посольства къ императору Карлу V и къ брату его Римскому королю Фердинанду и разъ къ Генриху Младшему, князю Брауншвейгскому; при женѣ его королевнѣ исправлялъ должность канцлера». Онъ происходилъ изъ небогатыхъ шляхтичей; родился около 1500, умеръ около 1590 года

[2]) A. Fr. Modrevii, «Commentariorum de republica emendanda» libri V, Basileae 1554, lib I, cap. XVIII, pp. 60—63.— Первое изданіе вышло въ Краковѣ въ 1551 году. Это сочиненіе раздѣлено на 5 книгъ: I—de moribus, II—de legibus, III—de bello, IV—de Ecclesia, V—de schola. — 4 книги (за исключеніемъ 4-й о церкви) были изданы въ Польскомъ переводѣ Кипр. Баришка въ Лейпцигѣ въ 1577 г. (есть и новыя изданія: Виленское 1770, Перемышльское 1857). Изображая современную ему Польшу, авторъ предлагаетъ разныя реформы. Мы неоднократно будемъ обращаться къ этому замѣчательному произведенію Польскаго ума XVI вѣка.

бы, при отличеніи почестями, болѣе всего обращалось вниманіе на доблесть. Да не попуститъ король или тотъ, кому подобаетъ, чтобы хвалились передъ нимъ закоптѣлыми изображеніями предковъ; но пусть узнаетъ умъ и характеръ того, кого намѣренъ удостоить почестей, — пусть услышитъ его голосъ въ сенатѣ или въ судѣ, пусть истребуетъ его совѣта, пусть узнаетъ его дѣятельность на войнѣ и въ мирное время. Ибо кто не привыкъ къ подобнымъ дѣламъ ума и науки, кто не знаетъ и не терпитъ честнаго труда, кто обыкновенно проводитъ большую часть времени въ игрѣ и на пирахъ, едва-ли будетъ замѣчательнымъ государственнымъ человѣкомъ. Тому, кто соединяетъ съ лѣностью порочность, развѣ государственная служба не дастъ случая произвольно нарушать законъ и несправедливо оскорблять? Такой человѣкъ будетъ пристрастенъ какъ въ выборѣ, такъ и въ обхожденіи съ подчиненными. Такіе люди ненавидятъ честныхъ, храбрыхъ и умныхъ, усматривая въ ихъ молчаніи дурное о себѣ мнѣніе, зная, что ихъ болѣе уважаютъ и считаютъ болѣе достойными, чѣмъ ихъ самихъ. Итакъ, слѣдуетъ знать познанія и поведеніе того, кого назначаютъ на государственную службу. Пусть представятъ его заслуги для государства или церкви, пусть будутъ на лице доказательства его доблести и способности. А такимъ образомъ почестями будутъ вонаграждаемы не прадѣдовскіе гербы, а доблести, съ ними соединенныя. Но такъ какъ многіе полагаютъ, что при назначеніи на почетныя должности слѣдуетъ болѣе обращать вниманіе на шляхетское происхожденіе чѣмъ на доблесть, то слѣдуетъ изобличить это заблужденіе и постановить, что истинное шляхетство состоитъ не столько въ знаменитости предковъ или въ древности гербовъ, сколько въ доблести (veram nobilitatem non tam in majorum claritate, aut stemmatum vetus tatepositam esse, quam in virtute). Ибо кто не знаетъ, что никто не таковъ, какъ его предки, и что какъ имѣнія, такъ и родители не въ насъ, а внѣ насъ. Если у меня больше средствъ, чѣмъ у тебя, то я богаче тебя, если мои предки оказали государству больше услугъ, чѣмъ твои, то они выше твоихъ; но какъ богатства не дѣлаютъ меня доблестнымъ, такъ и шляхетство предковъ не дѣлаетъ меня шляхетнымъ.... На столько-же кровь твоихъ шляхетныхъ предковъ дѣлаетъ тебя шляхетнымъ, на сколько кровь отцевъ-ремесленниковъ дѣлаетъ сыновей ремесленниками, кровь атлетовъ атлетами, кровь медиковъ медиками. Если отъ медиковъ не родятся медики, отъ ремесленниковъ ремесленники, отъ атлетовъ

атлеты, то по сходству слѣдуетъ заключить, что отъ шляхтичей также не родятся шляхтичи; ибо часто сыновья не походятъ на родителей, иногда отъ хорошихъ родятся дурные, какъ отъ дурныхъ хорошіе».

Подтвердивъ это положеніе примѣрами изъ Римской и Польской исторіи, авторъ продолжаетъ: «Кто-же думаетъ, что шляхетство предковъ можетъ чрезъ посредство крови (sanguinis communione) перейти къ потомкамъ? Гербы свидѣтельствуютъ только о доблести и подвигахъ нашихъ предковъ. Ихъ побѣды и тріумфы должны насъ побуждать къ подражанію ихъ дѣяніямъ; но они не могутъ возвысить насъ надъ другими, пользующимися равными съ нами правами, точно также какъ надпись или изображеніе не придаетъ вѣсу сосуду. Дуракъ, пожалуй, этому и повѣритъ, но не человѣкъ знающій и разсудительный. Гербы не могутъ имѣть инаго вліянія, какъ только возбуждать насъ къ подражанію доблестямъ предковъ, которыми они пріобрѣли важные титулы и славное имя. Если-же мы не стремимся походить на нашихъ родителей, то, по справедливости, считаютъ насъ выродками, стоящими ниже тѣхъ, у кого нѣтъ такихъ славныхъ семейныхъ преданій. Доблесть не можетъ передаваться по наслѣдству отъ предковъ потомкамъ, какъ имущество по завѣщанію: она пріобрѣтается собственными дѣлами и трудомъ. Кому болѣе нравится бездѣйствіе и нѣга, кто поступаетъ неблагородно, кто безчеститъ своими пороками себя, родителей и друзей, да знаетъ тотъ, что онъ выродился изъ шляхетности предковъ и ни къ чему не послужатъ ему древнія изображенія и славныя дѣянія дѣдовъ и прадѣдовъ, какъ слѣпому самый яркій свѣтъ, какъ глухому самые пріятные звуки. Но большая часть нашей шляхты заражена превратными мнѣніями; ибо они придаютъ происхожденію большее значеніе въ государствѣ, чѣмъ чему-нибудь иному, а потому весьма многіе не заботятся о томъ, чтобъ блистать нравами, ученостью, славными дѣяніями: непривычные къ труду, они проводятъ долгія ночи въ игрѣ въ кости и въ возліяніяхъ Бакху; ни о чемъ они столько не заботятся, какъ о томъ, чтобъ блистать драгоцѣнными камнями, серебромъ и золотомъ, дорогими одеждами и многочисленною дворнею».

Сравнивая Модржевскаго съ Клёновичемъ, находимъ большое между ними сходство: и тотъ, и другой представляютъ тѣже самые доводы противъ ненормальнаго положенія въ Польскомъ государствѣ знатныхъ пановъ, захватившихъ въ свои руки всю власть. Нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы Клёновичъ копиро-

валъ Модржевскаго; скорѣе, оба они были отголоскомъ мнѣнія передовыхъ людей Польши XVI вѣка, къ сожалѣнію, весьма немногочисленныхъ, а потому неимѣвшихъ рѣшительнаго вліянія на общественное мнѣніе, которое отдавало предпочтеніе знатности происхожденія передъ личными заслугами. Такіе единичные представители правды и разума, какъ Модржевскій, Клёновичъ и Рей, не могли повліять на массу шляхты, жившей на панскомъ хлѣбѣ и видѣвшей въ своихъ панахъ земныхъ боговъ; а исторически развивавшаяся впродолженіе нѣсколькихъ вѣковъ власть пановъ не могла быть такъ легко и такъ скоро поколеблена усиліями нѣсколькихъ людей, хотя бы они были одушевлены самыми благородными стремленіями.

2. Воспитаніе и общественныя школы.

Даже такіе писатели, какъ Рей, Гурницкій и Клёновичъ, которые вѣрили во вліяніе звѣздъ на судьбу человѣка и во врожденные ему пороки и доблести, не отрицаютъ важности воспитанія; другіе-же писатели, стоявшіе выше ихъ по своему уму и образованію, считаютъ вопросъ о воспитаніи однимъ изъ важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ. Многіе изъ Польскихъ писателей XVI вѣка оставили намъ свои воззрѣнія на этотъ вопросъ: признавая единогласно дурное состояніе школъ и дурную систему воспитанія въ современной имъ Польшѣ, они предлагаютъ, каждый по своему разумѣнію, необходимыя реформы.

На недостатокъ школъ нельзя было жаловаться: ихъ было довольно много, и число ихъ втеченіе XVI вѣка постоянно увеличивалось; но многочисленныя школы католическія и иновѣрческія болѣе вредили государству и отдѣльнымъ гражданамъ, чѣмъ приносили пользу: онѣ были въ рукахъ духовенства, которое преслѣдовало своекорыстныя цѣли, вовсе не заботясь о томъ, чтобы его воспитанники получили образованіе сколько-нибудь пригодное для ихъ самихъ и для государства.

Во главѣ общественныхъ школъ стояла Краковская академія, учрежденная Казиміромъ Великимъ (1364) и возобновленная Владиславомъ Ягайлой (1397 — 1400); но, находясь въ рукахъ духовенства, она стала исключительно католическою духовною семинаріею (по постановленію Пётрковскаго синода 1542 года, ея воспитанники должны были даже носить «habitum clericalem»), которая,

по словамъ Польскаго писателя [1]), заботилась болѣе о царствѣ небесномъ, чѣмъ о пользѣ государства. «Богословіе и схоластическая философія Ѳомистовъ (послѣдователей и толкователей Ѳомы Аквинскаго) и Дунсъ-Скота (съ начала XVI вѣка), диспуты, астрологическія бредни занимали ее болѣе всего; необходимыя-же для края науки, каковы: право, даже каноническое, и медицина, были въ полнѣйшемъ пренебреженіи». Поэтому Польская молодежь искала образованія за границею — въ университетахъ Пражскомъ, Парижскомъ, Итальянскихъ (въ Падуѣ, Болоньѣ и Римѣ) и Нѣмецкихъ (католики ѣздили въ Вѣну, Ингольштадтъ и Стразбургъ,— протестанты въ Виттенбергъ, Лейпцигъ, Франкфуртъ-надъ-Одрою, Крулевецъ и Лейденъ). Изъ нихъ выходили люди, дѣйствительно, замѣчательные по уму и образованію, а Краковская академія порождала только золотую посредственность: изъ среды своихъ профессоровъ она поставляла епископовъ и архіепископовъ, а своими воспитанниками переполняла монастыри, отнимая у государства тысячи рукъ и головъ. Вмѣсто истиннаго просвѣщенія, она распространяла суевѣрія; не давая необходимыхъ въ жизни познаній, она посредствомъ пустыхъ богословско-схоластическихъ препираній пріучала своихъ учениковъ къ фразёрству; возбуждая ихъ къ насилію надъ единовѣрцами и позже надъ іезуитами и защищая ихъ отъ заслуженной за это кары, она развивала въ нихъ своеволіе и пренебреженіе закона. Даже такіе защитники Краковской академіи, какъ ректоръ ея, Яковъ Гурскій [2]), сознавались, что ея профессоры думали только о личной корысти, а не о наукѣ, и что своимъ безнравственнымъ поведеніемъ привели ее въ упадокъ [3]).

Какъ было велико число среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній въ XVI вѣкѣ, опредѣлить невозможно по недостатку источниковъ. Къ среднимъ принадлежали школы въ Пултускѣ, Познани (основана епископомъ Любранскимъ въ 1502 г.), Львовѣ, Эльблонгѣ, Торунѣ и Гданскѣ. Низшихъ (элементарныхъ) школъ было болѣе въ городахъ и мѣстечкахъ, чѣмъ въ деревняхъ, хотя со времени Сигизмунда Старшаго рѣдко при какомъ деревенскомъ костелѣ не было школы. Всѣ католическія школы находились подъ непосред-

---

1) J. Łukaszewicz, «Historya szkół w Koronie i w wielkiem księstwie Litewskiem od najdawniejszych czasów aż do roku 1794». T. I. (Познань, 1849), стран. 49.

2) «Apologia D. Jacobi Gorscii pro academia Cracoviensi, publice in renunciandis novis magistris dicta A. D. 1581 die 11 mensis Martii». Cracoviae, 1581.

3) J. Łukaszewicz, op. cit. I, 49—66.—Cnf. J. Sołtykowicza «O stanie akademii Krakowskiey od założenia jey w roku 1347 aż do teraźnieyszego czasu». W Krakowie 1810 (панегирикъ академіи и ея профессорамъ).

ственнымъ надзоромъ духовенства. Въ низшихъ школахъ учили читать и писать, ариѳметикѣ, катихизису, церковному цѣнію и Латыни по грамматикѣ Доната и по Катоновымъ «Disticha moralia»; въ среднихъ-же школахъ обучали также Греческому языку и риторикѣ. Школы протестантскія стояли выше католическихъ: въ нихъ обучали преимущественно классическимъ языкамъ по новой системѣ, заимствованной у иностранцевъ, и по лучшимъ Латинскимъ и Греческимъ писателямъ (читали и переводили на Польскій языкъ Теренція, Цицерона, Юстина, Виргилія, Горація, — Ксенофонта, Лукіана и Демосѳена); учили также немного риторикѣ, ариѳметикѣ и музыкѣ, а позже и Нѣмецкому языку; но болѣе всего занимались Лютеранскимъ катихизисомъ и объясненіемъ обрядовъ Лютеранской церкви. Такимъ образомъ, хотя методъ преподаванія и учебныя пособія въ протестантскихъ школахъ были лучше, чѣмъ въ католическихъ, направленіе ихъ было одинаково: на первомъ планѣ были интересы вѣроисповѣданія, а не народа и государства [4]).

Со второй половины XVI вѣка появляются въ Польшѣ новыя школы—іезуитскія, съ новымъ направленіемъ, отъ котораго ожидали въ началѣ такъ много пользы для церкви и государства, но которое впослѣдствіи погубило Польскій народъ. Кардиналъ Станиславъ Гозій, епископъ Варминскій, находясь на Тридентскомъ соборѣ, познакомился съ нѣкоторыми членами только-что созданнаго ордена іезуитовъ, занимавшагося воспитаніемъ дѣтей, и вскорѣ убѣдился, что они могутъ оказать ему большую услугу въ противодѣйствіи быстро ширившейся по Польшѣ реформаціи. Съ этою цѣлью онъ поспѣшилъ вызвать іезуитовъ изъ Рима и Германіи въ Брунсбергъ въ Варміи, отдалъ имъ покинутый Францисканцами монастырь и доставилъ необходимыя средства для открытія школы: въ 1565 году была открыта первая въ Польшѣ іезуитская школа въ Брунсбергѣ. Ревнитель католицизма Гозій содержалъ въ этой школѣ на свой счетъ много дѣтей бѣдной шляхты съ разныхъ концевъ Польши. Въ тоже время онъ письменно увѣщевалъ пановъ отдавать своихъ сыновей на воспитаніе ученымъ іезуитамъ, а епископовъ побуждалъ къ открытію іезуитскихъ коллегій, — и съ легкой руки Гозія іезуиты быстро распространились по всей Польшѣ: втеченіе 20 лѣтъ, благодаря ревности кардинала и покровительству Степана Баторія, іезуиты открыли свои школы въ Пултускѣ, Вильнѣ, Ярославлѣ (на Руси Червонной), Познани, Полоцкѣ, Ригѣ,

[4]) J. Łukaszewicz, op. cit. I, 66—73.

Люблинѣ, Неовижѣ, Гданскѣ, Калишѣ и Львовѣ. По просьбѣ Виленскаго епископа Протасевича, Степанъ Баторій преобразовалъ іезуитскую коллегію въ Вильнѣ въ академію (1578 г.), сравнявъ ее въ правахъ съ Краковскою. Хотя для начала были открыты два факультета—богословскій и филологическій, но программа ея была обширнѣе программы Краковской академіи, и предметы преподаванія были разнообразнѣе: кромѣ богословскихъ и философскихъ наукъ, въ ней преподавались: піитика, риторика, математика, физика, и языки: Еврейскій, Греческій, Латинскій, Французскій, Англійскій и Итальянскій [1]. При Сигизмундѣ III, воспитанникѣ іезуитовъ, число іезуитскихъ школъ сильно увеличилось, а орденъ чрезвычайно разбогатѣлъ и пріобрѣлъ большое вліяніе на государственныя дѣла [2]. Единственными предметами обученія въ іезуитскихъ школахъ были Латынь и богословіе; много времени тратилось на риторическія упражненія и театральныя представленія Объ образованіи ума и сердца своихъ воспитанниковъ іезуиты не заботились: напротивъ того, они старались заглушить въ нихъ добрые зародыши, убить въ нихъ волю и сдѣлать ихъ автоматами, которыхъ они сами приводили въ движеніе, когда хотѣли. Если воспитанникъ былъ богатъ и знатенъ, то изъ него они дѣлали своего поклонника и благотворителя; если-же онъ былъ бѣденъ, но даровитъ, то они вербовали его на службу своему ордену [3].

Для противодѣйствія развращающему вліянію іезуитовъ, гетманъ Янъ Замойскій основалъ въ 1595 году въ своемъ городѣ Замостьѣ академію по образцу Итальянскихъ университетовъ съ тремя факультетами юридическимъ, филологическимъ и медицинскимъ; но, не смотря на всѣ его пожертвованія и заботы, академія не могла процвѣтать и находила безпрырывно препятствія въ своей полезной дѣятельности, то со стороны Сигизмунда III, нелюбившаго Замойскаго, то со стороны іезуитовъ [4].

Дѣвушки воспитывались въ монастыряхъ Францисканскихъ, Доминиканскихъ, Цистерскихъ и т. п.: ихъ учили грамотѣ и рукодѣлью. Съ 1550 года протестанты стали заводить женскія школы, въ которыхъ стали также обучать догматамъ своей церкви. Вообще на воспитаніе дѣвушекъ обращали мало вниманія, неохотно ихъ отдавали въ школы, и грамотная шляхтянка еще рѣдкость въ XVI вѣкѣ [5].

---

1) Исторію Виленской академіи написалъ Михаилъ Балинскій: «Dawna akademija Wileńska». Pb. 1862. 2) J. Łukaszewicz, o. c. I, 116—126.
3) Moraczewski, Dzieje rzeczyposp. Polsk. V, 185. 4) J. Łukaszewicz, I, 127 — 129. 5) Moraczewski, ibid. VI, 211. Łukaszewicz, o. c. I, 80.

Удивительно, что вопросъ о воспитаніи такъ мало занималъ какъ Поляковъ, такъ и иностранцевъ, описывавшихъ Польшу въ XVI вѣкѣ: какъ тѣ, такъ и другіе или совершенно о немъ умалчиваютъ, или же сообщаютъ самыя поверхностныя свѣдѣнія. Янъ Красинскій въ своемъ описаніи Польши (1574 г.) [6]) не говоритъ ни слова о школахъ и воспитаніи своихъ соотечественниковъ. Писавшій тремя годами позже его, Мартынъ Кромеръ [7]), свидѣтельствуетъ, что воспитаніе юношества было въ небреженіи, несмотря на то, что школы были посѣщаемы какъ богатыми, такъ и бѣдными, какъ шляхтою, такъ и мѣщанами и хлопами; въ нихъ съ малолѣтства обучали не только мальчиковъ, но и дѣвушекъ Латинскому языку, который поэтому былъ въ большемъ употребленіи въ Польшѣ, чѣмъ въ самой Италіи. Знаніе иностранныхъ языковъ и «humanitatis studia» были также въ ней распространены. Не пренебрегали и изученіемъ медицины. Что знаніе иностранныхъ языковъ было весьма распространено въ Польшѣ, свидѣтельствуетъ также Александръ Гваньини [8]): по его словамъ, Поляки

---

[6]) «Ioannis Crassinii Polonia. Ad sereniss. et potentiss. Henricum I Valesium, Dei gratia utriusque Poloniae regem». Bononiae 1574. — Польскій переводъ съ комментаріями Станислава Будзинскаго вышелъ въ Варшавѣ въ 1852 году: «Jana Krasińskiego Polska czyli opisanie topograficzno-polityczne Polski w wieku XVI, oraz materyały do panowania Henryka Walezyusza».

[7]) «Polonia sive de situ, populis, moribus, magistratibus et republica regni Poloniae libri duo. Authore Martino Cromero». Coloniae 1577, lib. I, pp. 67—72: «Juventutis laxior est paulo et neglectior educatio... Ad scholas quidem et magistros mittere mares liberos et latinis litteris teneram aetatulam imbuere omnibus, pauperibus juxta ac divitibus, nobilitati ac plebi, oppidanae praesertim studium est. Multi paedagogos domi alunt. Itaque ne in medio quidem Latio quis reperiat tam multos vulgo, cum quibus latine tamen loqui possit. Puellae quoque nobiles et urbanae vel domi, vel in monasteriis vernacula imo et latina lingua legere et scribere discunt... Nunc certe, posteaquam animadversum est in precio esse linguarum, eloquentiae, humanitatisque studia, cupide ea quoque nostrates amplexi sunt, sed ad usum civilem et vulgarem magis, quam ad gloriam... Nec medicinam posthabent, postea quam ea vulgatis delicatiore et laxiore victus ratione morbis, in praecio esse coepit. In aliis minus elaborant, propterea quod minus ea conducere videntur ad commoda et ornamenta vitae comparenda».

[8]) «Sarmatiae Europeae descriptio, quae regnum Poloniae, Lituaniam, Samogitiam, Russiam, Masoviam, Prussiam, Pomeraniam, Livoniam, et Moscoviae Tartariaeque partem complectitur. Alexandri Guagnini Veronensis, equitis aurati, peditumque praefecti, diligentia conscriptae. Typis Matthiae Wirzbięte». (Cracoviae 1578). «Poloniae descriptio» f. 77: «Viri sunt excellentissima industria praediti, variarumque gentium idiomata callent, imprimis vero linguae Latinae peritissimi, qua ut vulgari majori ex parte in civitatibus et pagis passim utuntur, idque omnibus divitibus ac pauperibus peculiare est, quod imprimis pueros litteris imbuendos apprimeque ad consumptionem sedecim plusve annorum in pulveribus scholasticis committunt, sumptibus pro magistris indulgendo, unde linguam Latinam omnes fere congrue callent... Qua de re Polonia omnium fere gentium studia vicisse videtur, quod rarus esset, qui Latinas litteras non cal-

не щадили средствъ (?) на содержаніе школъ, въ которыхъ дѣти до 16 лѣтъ и болѣе учились Латинскому языку, а потому почти всѣ говорили по-Латыни: занимались также изученіемъ Нѣмецкаго, Мадьярскаго, Итальянскаго, Французскаго и Испанскаго языковъ. Павелъ Муканте, секретарь кардинала Генриха Гаетано, отправленнаго папою Климентомъ VIII къ Сигизмунду III для заключенія союза противъ Турокъ въ 1596 году [1]), говоритъ, что въ Польшѣ нѣтъ недостатка въ школахъ, въ которыхъ дѣти не только бѣдной шляхты, но также мѣщанъ и хлоповъ учатся Латинскому языку и музыкѣ; хотя для бѣдныхъ учениковъ существуетъ много бурсъ и пріютовъ, однако какъ въ Краковѣ, такъ и въ другихъ городахъ можно встрѣтить учениковъ, побирающихся по улицамъ и живущихъ подачкою.

На разсматриваемый нами вопросъ гораздо болѣе обращали вниманіе Польскіе поэты и публицисты. Особнякомъ между ними стоитъ Рей изъ-Нагловицъ: школы не только ничему его не научили, но даже поселили въ немъ и отвращеніе къ школьному ученію, и онъ не только порицаетъ господствовавшій въ нихъ методъ преподаванія, но и самыя науки, которыя въ нихъ, преподавались. Въ своей передѣлкѣ поэмы Марка Полингенія Стеллата [2]), вышедшей въ Краковѣ въ 1558 году подъ заглавіемъ «Wizerunek własny żywota człowieka poczciwego» [3]), онъ выражается съ пренебреженіемъ о наукахъ вообще [4]), жалуется, что малолѣтнимъ дѣ-

---

leret, deinde Germanicum, Hungaricum, ac passim Italicum et magna ex parte Gallic·m, Hispanicumque extra vulgare suum Sarmaticum idiomata nesciret».

[1]) Польскій переводъ его дневника въ изданіи Нѣмцевича: «Zbior pamiętnikow historycznych o dawnéy Polszcze», t. II, str. 141.

[2]) Вышла въ свѣтъ въ 1531 году.

[3]) Полное заглавіе этой длинной и скучной поэмы: «Wizerunek własny żywota człowieka poczciwego, w ktorym iako we źwierciedle snadnie każdy swe sprawy oględać može: zebrany y z filozophow y z rożnych obyczaiow swiata tego». Раздѣлена на 12 пѣсенъ. Содержанія морально-сатирическаго: нѣкій ученикъ философа Гиппократа, наслушавшись его ученія о правдѣ, отправляется отыскивать ее по свѣту; онъ путешествуетъ отъ одного философа къ другому (отъ Гиппократа къ Діогену, Эпикуру, Анаксагору, Сократу, Θеофрасту, Солину, Платону, Зороастру (!), Ксенократу, Солону и, наконецъ, къ Аристотелю) и каждый изъ нихъ излагаетъ ему свою систему этики (jak poczciwie żyć). Примѣры взяты изъ жизни Польскаго народа. Въ началѣ предисловія авторъ жалуется, что Поляки не любятъ своего языка и не читаютъ Польскихъ книгъ.

[4]) Rozdzyał szosty, list 80 (изд. Матвѣя Виржбенты 1558 г.).

Baw' sie więcey mądrością niżli naukami,
Stłuczesz dyabła by szermierz prostemi sztukami.
Boć nauka iest by kwiat co na drzewie rośćie,
Ale mądrość za owoc stanie wszytkim prośćie.

тямъ вбиваютъ въ голову грамматику посредствомъ побоевъ и сѣченія розгами [5]), смѣется надъ Овидіемъ и Виргиліемъ [6]), и надъ Греческою и Римскою миѳологіею [7]), отъ которыхъ нѣтъ никакого проку,—считаетъ безполезными логику, грамматику и риторику [8]), порицаетъ страсть къ заграничнымъ путешествіямъ, которыя пріучаютъ молодёжь къ иностраннымъ обычаямъ и къ порочной жизни: «одинъ стремится въ Римъ, другой во Францію; было бы, вѣдь, дурно миновать Падую и Венецію; Феррара, Неаполь, Миланъ и Парижъ, все это, можно сказать, по дорогѣ» [9]). Осмѣивая изнѣженное домашнее воспитаніе, Рей совѣтуетъ родителямъ держать дѣтей въ страхѣ и съ малолѣтства пріучать ихъ къ добродѣтельной жизни [10]); это, по его мнѣнію, конечная цѣль воспитанія [11]). Разбросанныя въ этой поэмѣ отрывочныя замѣчанія о воспитаніи Рей собралъ, дополнилъ и привелъ въ систему въ позднѣйшемъ, уже извѣстномъ читателямъ, трудѣ «Żywot człowieka poczciwego». По его мнѣнію, воспитаніе должно быть основано на началахъ религіи, которыя слѣдуетъ черпать изъ св. писанія, а не изъ общераспространенныхъ книгъ, переполненныхъ разными вымыслами и удивительными заблужденіями [12]). Когда дитя научится познавать Бога, къ злымъ строгаго, къ добрымъ милосерднаго, тогда легче будетъ приступить къ другимъ наукамъ; но пусть съ малолѣтства не учатъ его грамматикѣ, логикѣ, ариѳметикѣ, труднымъ и для болѣе взрослыхъ, ни запутаннымъ поэтическимъ

---

5) Rozdz. VII, l. 88:

A nasz pan aż ledwo w rok, y tho aż z nauki,
A przy tey Grammatice częste będą puki.
Potrze sobie koliana a potłucze czoło,
Bo się musi satoczyć przytym nieraz w koło.
A gdy mało podroście, wnet woyt nad nim stoi
Z brzeziny, a pan młody barzo sie go boi.
Siecze ociec, siecze żak, więc też pani matka
Chce też uczyć swoich praw, dobije ostatka.

6) Rozdz. I, l. 6:

Łacnoć z Owidyuszem kiedy o miłości
Przeczytasz iego błędne swieckie wszeteczności.
Albo y Wirgiliusz gdy wiedzie s przełaie
Ony dziwne fabuły czo ie baba baie.

Изъ Римскихъ поэтовъ Рей хвалитъ одного Горація (Rozdz. V, l. 55):

Nadobnie Horaciusz roskosz swiata thego
Wypisał, a napirwey zaczął ią od tego,
Gdy kto rownego dobra szczęściem przypadłego
Używa s poczciwoscią wedle stanu swego.

7) Ibid. l. 5. 8) Rozdz. VII, l. 86—87. 9) Ibid. l. 89—90. 10) Rozdz. V, l. 57; rozdz. VII, l. 88. 11) Rozdz. VII, l. 90.
12) Ks. I, cap. IV, list 8 (ed. 1568, по изд. Туровск. стр. 17).

баснямъ; ибо какая ему польза отъ того, что онъ будетъ знать, какъ Цирцея перемѣняла людямъ головы, какъ странствовалъ Улисъ, какъ проказничала Елена или что дѣлала Пенелопа: эти басни не мѣшаетъ ему прочесть для развлеченія впослѣдствіи, когда онъ научится чему иному. Но пусть читаетъ житія знаменитыхъ людей древности, прославившихся умомъ и доблестью [1]).

Чему-же слѣдуетъ учить? спрашиваетъ авторъ далѣе [2]). «Конечно, не грамматикѣ, которая учитъ только щебетать и выкручивать обольстительныя слова, и то не съ малымъ затрудненіемъ молодыхъ головокъ: ей онъ охотно научится потомъ, когда привыкнетъ къ дивнымъ выраженіямъ и прекраснымъ словамъ Латинскимъ, которымъ и конца нѣтъ. И безъ грамматики Полякъ такъ легко научается Итальянскому, Нѣмецкому, Турецкому и Татарскому языкамъ, какъ будто это были его природные языки. Не знаю также, какая бы была польза Поляку отъ логики, которая учитъ только хитросплетенными словами изъ правды дѣлать неправду, изъ неправды правду: кого Богъ не обидѣлъ умомъ, тому не зачѣмъ этому учиться. Найдется у насъ иной, съ виду простачекъ, который съумѣетъ такъ ловко вывернуться, какъ самый ученый магистръ въ коллегіи. Такъ называемыя свободныя науки — грамматика, логика, риторика, музыка, ариѳметика, геометрія и астрономія—суть науки важныя и трудныя. Есть еще другія яко-бы людьми вымышленныя: живопись, рѣзьба, фехтованіе и т. п. Кто къ чему готовится, кому что нравится, тотъ тому и учится. Но для добродѣтельной жизни нѣтъ наукъ важнѣе тѣхъ, которыя украшены разумомъ и добродѣтелью, какъ-то: справедливость, постоянство, разсудительность, воздержаніе, милосердіе, степенность и самосознаніе. Ибо къ чему послужатъ, продолжаетъ Рей [3]), пышныя и разукрашенныя слова, заимствованныя изъ грамматики, если онѣ далеко расходятся съ правдою и дѣйствительностью? Не все-ли это равно, что одѣть прекрасное платье и потомъ запачкать его грязью или засыпать пухомъ? Или что поможетъ геометрія, учащая измѣрять свѣты и чужія земли, тому, кто не умѣетъ размѣрить на самого себя того клочка земли, который Богъ ему даровалъ, такъ чтобы жить благочестиво воздержно и спокойно, какъ слѣдуетъ христіанину? Или какая польза отъ астрономіи, которая учитъ по движенію небесныхъ свѣтилъ узнавать будущее, если ты не умѣешь разузнать и того,

---

[1]) Ibid. f. 12. (Туровск. стр. 25). [2]) Ibid. cap. V, f. 13 r⁰. (Туровск. стр. 28).
[3]) Ibid. ff. 13 r⁰—14 r⁰. (Туровск. стр. 29—30).

что̀ совершается передъ твоими глазами?... Къ чему учиться пѣть по музыкѣ, когда другой передъ тобою скверно верещитъ? Къ чему учиться изъ ариѳметики считать чужія тысячи, когда ты не умѣешь справиться и съ тѣмъ немногимъ, что̀ у тебя есть?» Выше всѣхъ наукъ и искусствъ Рей ставитъ науку жить, ка̀къ слѣдуетъ (żyć poczciwe).

Такое воззрѣніе на науки, напоминающее извѣстныя слова Простаковой въ комедіи Фонвизина «Недоросль», могъ имѣть только человѣкъ, самъ ни чему неучившійся, а такимъ и былъ Рей, посвидѣтельству его біографа Тржецескаго. Имѣя весьма смутное понятіе о наукахъ, преподававшихся въ школахъ, образовавъ самъ себя чтеніемъ книгъ Латинскихъ и Польскихъ безъ системы, безъ надлежащаго выбора, метаясь отъ богослововъ къ классикамъ, прислушиваясь къ разговору людей образованныхъ,—самоучка Рей въ самомнѣніи считалъ себя идеаломъ того шляхтича, котораго онъ хотѣлъ изобразить въ своемъ произведеніи, а потому свое самовоспитаніе ставилъ образцомъ для другихъ: отсюда отрицаніе пользы школьнаго ученія, отсюда своеобразная система практическаго воспитанія, основаннаго на хорошихъ примѣрахъ образованнаго и неиспорченнаго общества. Хорошее общество — вотъ та школа, въ которой долженъ учиться юноша. Бесѣда въ такомъ обществѣ, по его мнѣнію, полезнѣе чтенія книгъ, или, выражаясь его словами, живой голосъ лучше здохлой шкуры, изъ которой выдѣлываютъ пергаменъ [4]). О слышанномъ слѣдуетъ размышлять и хорошее удерживать въ памяти [5]).

Хотя самъ Рей никогда не выѣзжалъ за границу Польши [6]), тѣмъ не менѣе онъ считаетъ заграничное путешествіе полезнымъ дополненіемъ домашняго воспитанія: онъ совѣтуетъ молодымъ людямъ присмотрѣться къ образу жизни, нравамъ и обычаямъ другихъ народовъ и усвоить себѣ то, что̀ есть у нихъ хорошаго [7]). Цѣль и результатъ заграничнаго путешествія онъ представляетъ такъ [8]): «Поѣзжай въ чужіе краи не за тѣмъ, чтобы удивляться роскошнымъ палаццо или невиданнымъ видамъ, а за тѣмъ, чтобы присмотрѣться къ иностраннымъ обычаямъ и нравамъ, особенно къ

[4]) Ibid. f. 15 r° (Тур. 32): «Lepszy iest zawżdy żywy głos niż zdechła skora czo ią na pargamin wyprawnią». [5]) Ibid. ff. 15 r°—16 (Тур. 33).

[6]) Рей писалъ о себѣ:

Bom ja też prosty Polak, nigdzie nie ieżdzaiąc,
Tum sie pasł na dziedzinie, iako lesie zaiąc.
Z granicy Polskiej milim nigdzie nie wyiechał,
Lecz co widzieć przystoi, przedsiem nie zaniechał.

[7]) Ibid. cap. VI—VII. [8]) Ibid. cap. VIII, ff. 23 t°—24 (Туров. стр. 49).

такимъ, съ которыхъ ты могъ бы взять примѣръ для себя.... Не трать времени по-пустому, ибо его никогда не воротишь, но будь постоянно занятъ: или читай, или учись чему-нибудь, или присматривайся къ окружающему тебя и разсуждай, что̀ хорошо и что̀ дурно. Старайся своимъ поведеніемъ въ чужихъ краяхъ снискать себѣ общее расположеніе.... Старайся вернуться домой не только съ танцами, съ надушенными перчатками, съ разноцвѣтными жилетами, но съ умомъ, украшеннымъ добродѣтелью и наукою, дабы ты могъ служить примѣромъ для другихъ и утѣшеніемъ для твоихъ родственниковъ».

Когда молодой человѣкъ достигнетъ зрѣлаго возраста, женится и станетъ полнымъ хозяиномъ въ своемъ имѣніи, пусть онъ свободные часы посвящаетъ чтенію [1]). «Не нужно большихъ средствъ, чтобъ наговориться съ философами и рыцарями, объѣхать весь свѣтъ, сидя на мѣстѣ, не подвергаясь при томъ опасностямъ путешествія.... Хорошо знать природу каждаго звѣрька, каждой птички, каждаго деревца, каждой травки, что̀ можетъ пригодиться тебѣ въ хозяйствѣ и сдѣлать тебя человѣкомъ пріятнымъ въ обществѣ. Но не читай все, что̀ попало: какая тебѣ польза отъ Овидія и Горація, писателей для тебя трудныхъ и переполненныхъ баснями? Читай такія книги, изъ которыхъ ты могъ бы научиться добродѣтельной жизни, а не пустымъ сказкамъ».... Врагъ школьнаго воспитанія и классическаго образованія, Рей проповѣдуетъ житейскую мудрость, которой слѣдуетъ учиться не столько изъ книгъ, сколько изъ обращенія съ людьми въ его смыслѣ образованными и добродѣтельными, какъ у себя дома, такъ и заграницею.

Замѣчательно, что поэтъ, стоявшій несравненно выше Рея по образованію и дарованіямъ, и при томъ самъ учившійся заграницею,—Янъ Кохановскій [2]), возставалъ противъ заграничныхъ

---

[1]) Ibid. lib. II, cap. XVII f. 112 r°. (Туров. стр. 238—239).

[2]) Янъ Кохановскій (1530—1584) учился въ Германіи и Италіи; въ Парижѣ познакомился съ поэтомъ Ронсаромъ; по возвращеніи на родину, былъ нѣкоторое время (1560—1566 гг.) королевскимъ секретаремъ; большую часть жизни провелъ въ своей деревнѣ Чернолѣсье. О немъ Осипъ Пржиборовскій издалъ въ Познани въ 1857 г. хорошую монографію: «Wiadomość o życiu i pismach Jana Kochanowskiego». Это былъ замѣчательный лирическій поэтъ. Лучшія его произведенія: «Псалтырь Давыдовъ», «Трены» на смерть малолѣтней его дочери Урсулы (въ подражаніе Овидію) и «Пѣсни». «Псалмами» Кохановскаго восхищался Мицкевичъ. По его словамъ, ни на одномъ изъ новыхъ языковъ нѣтъ такого вдохновленнаго, высокопоэтическаго перевода псалмовъ; но это не переводъ, а подражаніе. Иногда у Кохановскаго сквозь спокойный лиризмъ пробивается сатира на современные нравы и политическія ошибки Поляковъ (таковы: «Satyr», «Fraszki» и прозою «Wróżki»).

путешествій: въ своемъ «Сатирѣ»[3]) онъ говоритъ, что иностранное воспитаніе (postronne ćwiczenie) испортило Поляковъ. Въ уста Сатира онъ влагаетъ такую рѣчь: «Не понимаю, почему вы посылаете дѣтей въ Италію или Германію, когда у васъ есть свои школы, куда прежде пріѣзжали учиться иностранцы. Вамъ кажутся простаками ваши учители; да, если вы у нихъ отнимете и то немногое, что́ они имѣютъ, они вскорѣ станутъ и грегоріанцами. На десять гривенъ, однако, они довольно измышляютъ; но вознаграждайте по заслугамъ, и, скажу вамъ, школы ваши сравняются съ Сорбонами. Не жалѣйте только издержекъ на воспитаніе дѣтей дома (на родинѣ), и увидите, что вся Падуа пріѣдетъ къ вамъ. Если же вы посылаете ихъ (заграницу) ради обычаевъ, то, повѣрьте мнѣ, найдете тамъ и добрые, и злые, и не знаю, которые болѣе по вкусу молодёжи. Понимайте по себѣ: что́ вамъ, то и ей (нравится). Я, глупый, та̀къ разумѣю и при томъ останусь, что Польшу та̀къ измѣнило только иностранное воспитаніе [4]). О чемъ бы я болѣе говорилъ, если бы не было мнѣ противно. Каждое государство стоитъ своими порядками, къ которымъ слѣдуетъ пріучать дѣтей съ-малолѣтства; если имъ понравится новизна, то по ней со-временемъ они будутъ перестроивать міръ». А въ одномъ изъ мелкихъ стихотвореній [5]) Кохановскій та́къ изображаетъ изнѣженную и испорченную молодёжь: «Не умѣетъ сынъ шляхетскій сѣсть на коня; не любо ему ѣхать на охоту на дикаго звѣря съ копьемъ въ рукахъ: лучше онъ умѣетъ пить и играть въ писанныя карты или запрещенныя кости».

Странно, что Кохановскій, самъ путешествовавшій нѣсколько лѣтъ заграницею и получившій образованіе въ иностранныхъ университетахъ, не только отвергаетъ пользу заграничнаго воспитанія, но даже приписываетъ ему упадокъ Польши; онъ видитъ только дурную сторону, а хорошую какъ бы преднамѣренно скрываетъ; между тѣмъ, онъ долженъ былъ знать, что лучшіе представители современной ему Польши (а въ томъ числѣ и онъ самъ) обра-

---

[3]) «Dzieła Jana Kochanowskiego» (Warszawa, 1864), str. 173—174.

[4])
Ja głupi tak rozumiem i przy tem zostanę,
Że Polskę nic inszego o taką odmianę
Nie przyprawiło, jedno postronne ćwiczenie.

[5]) Ibid. p. 56 (Pieśni, ks. II, № 10).
Nie umie syn szlachecki na koń wsięść, i w łowy
Na dziki zwierz z oszczepem jechać nie gotowy:
Lepiej kufla świadomy, albo kart pisanych,
Każeszli dać i kostek, prawem zakazanych.

зовались заграницею; если-же большинство не выносило никакой пользы изъ заграничнаго путешествія, а заражалось только страстью подражать иностранцамъ въ одеждѣ, экипажахъ, пищѣ, напиткахъ и увеселеніяхъ, то виновато было въ томъ первоначальное воспитаніе молодыхъ шляхтичей, неприготовленныхъ къ тому, чтобы воспользоваться плодами Европейской образованности, нравственно испорченныхъ уже дóма. Еще страннѣе слышать изъ устъ Кохановскаго, воспитанника Краковской академіи, жалобу на то, что школы въ Польшѣ не находили достаточной поддержки со стороны общества и государства и, вслѣдствіе того, пришли въ упадокъ. Краковская академія (такъ какъ ее преимущественно имѣлъ въ виду поэтъ) была болѣе обезпечена, чѣмъ многіе иностранные университеты, въ которыхъ науки процвѣтали [1]); но она далеко отстала отъ Сорбоны и Падуи по другимъ причинамъ, выше упомянутымъ; что же касается среднихъ и низшихъ школъ, то въ упадкѣ ихъ виновато духовенство, въ рукахъ котораго онѣ находились: обязанное содержать школы на свои обширныя средства, оно думало только о томъ, какъ-бы перещеголять шляхту въ роскоши и развратѣ. Въ изнѣженности-же и испорченности молодёжи были виноваты не столько школы, сколько сами родители, какъ это прекрасно изобразилъ Петръ Збылитовскій [2]) въ «Разговорѣ Польскаго шляхтича съ иностранцемъ» [3]): «Имѣя сына, шляхтичъ спѣшитъ отдать его въ школу, чтó конечно хорошо: пусть будетъ изъ него сначала бѣдный школьникъ; я этого не хулю. Это — хорошее дѣло, здравый совѣтъ настоящаго мудреца: пусть каждый учится, пока есть время, ибо потомъ не получишь его и за дорогое золото. Отвезши его въ школу, часто навѣщаетъ, чтобы знать, учится ли сынъ, иль праздно проводитъ время; и всякій разъ, что пріѣдетъ, даритъ его щедро: справляетъ ему башмаки, бѣлыя перья, дорогое платье. А школьникъ въ довольствѣ, вмѣсто грамматики и риторики, учится въ корчмѣ танцамъ, попиваетъ винцо — дорогую мальвазію, никого не боится, ни чьего не спрашиваетъ позволенія. Одѣвъ новые башмаки, атласную курточку, а поверхъ гранатовую Мадьярскую делію (широкій плащъ съ большими рукавами), ду-

[1]) J. Łukaszewicz, o. c. I, 62—64.—Ту-же жалобу столь-же несправедливо повторяетъ Я. Гурскій въ своей «Апологіи Краковской академіи».

[2]) Онъ былъ воспитанникомъ Краковской академіи; много путешествовалъ; считался знаменитымъ юристомъ; большую часть жизни провелъ въ своей деревнѣ; умеръ въ 1649 году. Прославился своими идиліями.

[3]) «Rozmowa szlachcica Polskiego z cudzoziemcem» (первый разъ издана въ Краковѣ въ 1600 г.) стр. 32—34, по изд. Туровскаго.

наетъ себѣ: «я-ли это, пышно убранный, буду ходить съ голою головою — не отпущу чуприны? Да что-же? ксендзомъ, вѣдь, я не буду, — я хочу пожить на свѣтѣ, пойду ко двору, а между тѣмъ, пока отецъ замѣтитъ, весело буду проводить молодые свои годы». Бѣгаетъ изъ корчмы въ корчму, пируетъ: вѣдь, молодежь не слушаетъ совѣта старшихъ. Потомъ внимательный наставникъ даетъ знать отцу, что его сынокъ рѣдко бываетъ въ школѣ. Отецъ встревожится, пріѣдетъ въ городъ, и чтобъ въ гнѣвѣ не прибилъ онъ сына, сопровождаетъ его жена. Пріѣхавши отецъ принимается бранить сына, а онъ, выросшій въ своеволіи, мало боится его рѣчей или, вѣрнѣе, ни во что́ ихъ не ставитъ: «Такъ скажу тебѣ, батька рѣшительно, что не быть мнѣ отнынѣ школьникомъ: я хочу быть молодцомъ-дворяниномъ при дворѣ». И тотчасъ беретъ его домой немудрый отецъ и даетъ ему полную волю. И держитъ его при себѣ, а потомъ спроситъ: «какую службу, сынокъ, хочешь себѣ выбрать? Хочешь, говоритъ, отвезу тебя въ городъ (do grodu)[4]; не печалься: еще на пару платья, а не то и на двѣ, возьму тебѣ у купца бархату, а на верхнюю делію дорогой багряницы». Найдется такой, что сейчасъ-же согласится, чтобы по-прежнему обмануть отца и въ довольствѣ и распутствѣ проводить время, ничего не дѣлая, таскаясь по пирамъ. Не умѣетъ онъ написать даже вызова въ судъ, въ законахъ ни аза не разумѣетъ, — а пріѣдетъ домой, ему нужна ужъ шестерня, да карета разноцвѣтная съ дорогими коврами, для козачковъ тонкое Голландское сукно, а для кучеровъ Лондонское, да къ тому-жъ мѣдныя шоры и сбрую для лошадей. Наѣздится онъ шумно по своему уѣзду, и отцовское гумно хорошо объ этомъ знаетъ: скирды уже кланяются своему пану, а цѣпы стоятъ безъ дѣла (т. е. гумно опустѣло и нечего уже болѣе молоть). Скажетъ отецъ ласково своему сыну: «послушай, Ѳомушка, вотъ-то новость: всегда съ гумна сберегалъ я денежки (жена и всѣ объ этомъ знаютъ), а теперь, клянусь, нѣтъ у меня и полной копы (60) грошей въ кошелькѣ, и долженъ я поскорѣе затребовать у хлоповъ чиншъ (оброкъ). На тебя пошло все гумно: видно, съ руки тебѣ добрые гроши. Въ этомъ году, какъ ты знаешь, я купилъ себѣ только сѣрую куртку (sajan) да карюю лошадку. Потерялъ ты масляницу—женю тебя въ маѣ. Хоть пора и трудная, не

[4]) Гродъ (по-Русски городъ) обозначалъ у Поляковъ укрѣпленный городъ въ отличіе отъ мяста (мѣста, откуда мѣщанинъ)—торговаго и промышленнаго города. Гро́ды были военными и отчасти судебными центрами. Гро́дскому или старостинскому суду подлежали уголовныя дѣла шляхты; но, по преимуществу, это былъ судъ беземельной шляхты—голо́ты.

бойся, а только принарядись. Если нѣтъ у тебя въ шкатулкѣ, займу у сосѣда: такова моя воля, таковъ мой совѣтъ». И женятъ молодаго человѣка—отчасти въ долгъ, отчасти на свои».

Еще Рей жаловался на изнѣженное воспитаніе, которое шляхтичи давали своимъ дѣтямъ: только родится ребенокъ, приставятъ къ нему нянюшекъ и мамушекъ, одѣваютъ его, какъ куклу, балуютъ, пичкаютъ всякою всячиною, и чѣмъ онъ больше ростетъ, тѣмъ больше у него капризовъ: отецъ возьми, гдѣ хочешь, а подай милому сынку, чтó ему вздумается, и деретъ онъ отца, какъ шерсть съ овцы: гумно пустѣетъ, псарня распускается [1]).

Зная, какое вліяніе имѣетъ на дѣтей первоначальное домашнее воспитаніе, Кленовичъ [2]) совѣтуетъ родителямъ заботиться о хорошемъ выборѣ кормилицъ и нянекъ и собственнымъ примѣромъ вліять на нравственное развитіе ребенка: вмѣстѣ съ испорченнымъ молокомъ, говоритъ онъ, всасываются зародыши разныхъ болѣзней; испорченная нравственность кормилицы и няньки, неприличныя игры и пѣсни, наполненныя суевѣріями сказки, характеръ и образъ жизни родителей, наконецъ вся домашняя обстановка вліяютъ на сердце и умъ ребенка. Далѣе [3]) онъ оплакиваетъ изнѣженное воспитаніе, получаемое шляхтою, говоритъ о вредѣ изысканной и разнообразной пищи, порицаетъ обжорство и пьянство шляхты и восхваляетъ простую деревенскую жизнь съ ея тихими удовольствіями и разнородными, мѣняющимися по временамъ года, занятіями: среди такой обстановки выростаютъ люди здоровые и тѣломъ, и духомъ.

«Ваша молодежь, говоритъ Гурницкій устами Итальянца въ своемъ «Діалогѣ по поводу избранія Сигизмунда III» [4]), получаетъ чрезвычайно дурное воспитаніе, ибо вы воспитываете своихъ дѣтей не въ трудѣ, а въ нѣгѣ; прежде-же, какъ я слышалъ, у васъ было воспитаніе весьма строгое. А какъ я уже говорилъ, тщетны законы, гдѣ нѣтъ хорошихъ обычаевъ; а хорошихъ обычаевъ не можетъ быть тамъ, гдѣ молодые люди растутъ въ распущенности. Иной, прежде чѣмъ придетъ въ возрастъ, умираетъ отъ пьянства и разврата. У васъ не считается стыдомъ жить распутно, проводить въ городахъ время въ развратѣ и пьянствѣ, никто не обуздываетъ молодежь, никто не пріучаетъ ее къ труду. Ей позволяется

---

[1]) «Wizerunek» ll. 57, 88. [2]) «Victoria deorum» cap. XX.
[3]) Ibid. cap. XXI.
[4]) «Rozmowa o elekcyi, o wolności, o prawie y obyczaiach Polskich. Podczas elekcyi krola jego mci Zygmunta III czyniona». (Варшава 1761 г.).

забрать въ городѣ у купца товаровъ и не заплатить, скандалъ учинить, увести дѣвушку и потомъ отдать ее слугѣ, стрѣлять, напасть на домъ, увести изъ дому, избить, поранить, убить — все это шутки».

Въ другомъ, уже извѣстномъ читателямъ, сочиненіи [5]) Гурницкій говоритъ: «Мнѣ уже было двадцать лѣтъ, а я еще не былъ отлученъ отъ матери и сестеръ, и долго еще послѣ того не зналъ, что́ такое женщина, а теперь дѣти, едва вышедшіе изъ пеленокъ, болѣе знакомы съ развратомъ, чѣмъ въ то время пожилые люди». Въ этомъ сочиненіи Гурницкаго разбросано много здравыхъ мыслей о воспитаніи: правда, онъ имѣетъ въ виду только дворянина (т. е. придворнаго, въ такомъ смыслѣ и мы будемъ употреблять это слово); но такъ какъ шляхта обыкновенно начинала свою карьеру службою при дворахъ знатныхъ пановъ, то мысли Гурницкаго о воспитаніи дворянина можно отнести къ шляхтѣ вообще. Дворянинъ или, что̀ тоже, шляхтичъ—по призванію воинъ, а потому, прежде всего, долженъ обращать вниманіе на изученіе военнаго дѣла; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы онъ ему исключительно посвящалъ себя, ни о чемъ иномъ не думалъ, какъ о войнѣ, ничего другого не говорилъ, какъ только, что оружіе для него самая мягкая постель и что ему пріятнѣе всего пить изъ шлема. Такой шляхтичъ, вѣчно съ нахмуренными бровями, съ суровою осанкою, съ закрученными усами, скоро каждому опротивитъ и заслужитъ слова, сказанныя одною почтенною барынею на вечерѣ подобному самохвалу. Всякій разъ, когда она приглашала его принять участіе въ танцахъ или въ разговорѣ съ дамами, онъ отвѣчалъ, что это не его ремесло. Наконецъ, барыня его спросила: «какое-же ваше ремесло?» Пріосанившись, онъ отвѣчалъ: «бродить въ непріятельской крови и своей не жалѣть». Возразила ему затѣмъ барыня: «такъ какъ теперь нѣтъ войны, то я совѣтовала бы вамъ хорошенько намазаться саломъ вмѣстѣ съ оружіемъ и со всѣмъ, что́ вы употребляете противъ непріятеля, и затѣмъ спрятаться въ шкафъ, чтобы до войны вы еще болѣе, чѣмъ теперь, не заржавѣли» [6]).

Гурницкій совѣтуетъ своему дворянину не только изучать все что́ нужно знать воину, но также заниматься гимнастическими упражненіями, развивающими и укрѣпляющими тѣло, музыкою, танцами и пѣніемъ, дѣлающими человѣка пріятнымъ въ обществѣ. Пусть также не пренебрегаетъ науками и иностранными языками

---

[5]) «Dworzanin Polski» (изд. Туровск.) стр 70. [6]) Ibid. 28–30.

и бережется во всемъ утрированія, особенно въ разговорѣ. «Оно распространено въ Польшѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Полякъ, если хоть не далеко уѣхалъ заграницу, не хочетъ иначе говорить, какъ на языкѣ той страны, въ которой онъ немного побывалъ: если онъ былъ въ Италіи, то къ каждому слову прибавляетъ signor, если во Франціи, то—par ma foi, если въ Испаніи, то—nos otros cavaglieros; иной и не бывалъ въ Чехахъ, а переѣхалъ только Силезскую границу, и ужь не хочетъ говорить иначе, какъ по-Чешски, а какая это будетъ чехизна, Богъ вѣдаетъ. Если ему скажешь, чтобъ говорилъ на своемъ языкѣ, то отвѣтитъ, что забылъ или что родной языкъ ему кажется грубымъ и въ доказательство вырветъ какое-нибудь старо-Польское слово изъ «Богородицы» [1]) и сопоставитъ его съ какимъ-нибудь гладкимъ словечкомъ Чешскимъ, чтобъ показать грубость своего и прелесть чужаго языка; наконецъ, онъ сошлется и на то, что почти каждый Польскій ораторъ пересыпаетъ свою рѣчь Чешскими словами, какъ будто-бы это было дѣйствительно хорошо» [2]).

Гурницкій съ жаромъ защищаетъ пользу наукъ, пренебрегаемыхъ шляхтою. Онъ указываетъ на знаменитыхъ героевъ древности, посвящавшихъ себя съ любовью научнымъ занятіямъ (Александръ Великій, Алкивіадъ, Сципіонъ Африканскій, Лукуллъ, Силла, Помпей, Брутъ и др.). Знаніе иностранныхъ языковъ онъ считалъ также необходимымъ для шляхтича: «Я хочу, чтобы онъ зналъ не только Греческій и Латинскій языкъ, чтобы читать классиковъ, но также чтобы понималъ по-Нѣмецки, по-Итальянски, по-Французски и по-Испански. Необходимо, чтобы онъ перечиталъ и обдумалъ всѣхъ поэтовъ, ораторовъ и историковъ, чтобы ознакомился съ исторіею и географіею каждой страны. Пусть онъ умѣетъ писать и прозою, и стихами: это можетъ ему пригодиться при дворѣ для развлеченія другихъ и для собственнаго удовольствія» [3]).

Защитникъ классическаго образованія, Гурницкій требуетъ положительнаго знанія и смѣется надъ всезнайками. Но что̀ еще важнѣе, онъ проповѣдуетъ равноправность женщинъ съ мужчинами, въ чемъ опередилъ свой вѣкъ: по его словамъ, женщина по своимъ способностямъ нисколько не ниже мужчины; она можетъ съ

[1]) Польскій переводъ «Богородицы» приписываютъ св. Войтеху, просвѣтителю Поляковъ. Сохранился въ позднѣйшихъ спискахъ, изъ коихъ древнѣйшій (Краковской академіи наукъ) относится къ 1408 году.
[2]) «Dworz. Polski» 33—44. Срв. 46—50, гдѣ авторъ говоритъ объ отношеніи Польскаго языка къ иностраннымъ и, въ особенности, Славянскимъ.
[3]) Ibid. 54—57.

такимъ-же успѣхомъ, какъ онъ, заниматься науками, поэзіею и государственными дѣлами. «Бывали женщины, которыя предпринимали войны и одерживали блистательныя побѣды, правили королевствами и дѣлали все то, что̀ и мужчины, и подъ ихъ мудрымъ правленіемъ никто не терпѣлъ несправедливости, не былъ взятъ въ плѣнъ непріятелемъ, не былъ притѣсняемъ сосѣдомъ. Если обратишься къ наукамъ, то изъ лѣтописей узнаешь, что многія занимались философіею, другія писали отличные стихи, третьи изучали законы и своимъ краснорѣчіемъ спасали невинноосужденныхъ» [4]).

Подобно Гурницкому, Станиславъ Оржеховскій [5]) защищалъ классическое образованіе и совѣтовалъ королю серьезно заняться преобразованіемъ школъ. Въ поднесенномъ имъ въ 1549 году Сигизмунду-Августу сочиненіи «Вѣрный подданный» [6]) онъ говоритъ: «Высшія и низшія школы, эти жилища мудрости въ твоемъ государствѣ, учреди, гдѣ ихъ нѣтъ, возстанови, гдѣ онѣ пришли въ упадокъ. Пусть въ нихъ юноши твоего государства научаются человѣколюбію и мудрости,—пусть въ нихъ твои подданные съ малолѣтства пріучаются къ полезной дѣятельности и къ повиновенію тебѣ, мудро правящему. Если, пренебрегая воспитаніемъ, ты станешь побуждать твоихъ подданныхъ къ доблести законами и наказаніями, то уподобишься тому, который страхомъ наказанія заставлялъ попадать въ цѣль человѣка, неумѣвшаго стрѣлять. Поэтому, чтобъ поднять науки, прежде всего возстанови Краковскую академію, учрежденную твоимъ предкомъ: особымъ указомъ исправь безчисленные ея недостатки и изгони изъ нея писателей негодныхъ, варварскихъ и безполезныхъ—Копулатовъ, Голкотовъ, Брикоттовъ и

4) Ibid. 181—183.

5) Станиславъ Оржеховскій, Русскій изъ Перемышля (1513—1567), получилъ образованіе въ Вѣнѣ и въ Италіи. Вернувшись на родину, не смотря на то что былъ каноникомъ, не только писалъ противъ безбрачія духовенства («De coelibatu»), но и самъ женился, что̀ было причиною всѣхъ его несчастій. Отъ него осталось до 40 сочиненій по-Латыни и по-Польски. Важнѣйшія: «Turcica», «Fidelis subditus», «Chimera» (противъ ереси Станкара), «Dyalog albo Rozmowa okolo exekucyi Polskiej Korony» (1563), «Quincunf to jest wzór Korony Polskiej na cynku wystawiony», «Zemianin albo Rozmowa oyca z synem o sprawie Polskiej», «Policya królestwa Polskiego» (по образцу Аристотелевой Политики). Обо всѣхъ этихъ сочиненіяхъ мы скажемъ впослѣдствіи, а теперь укажемъ только на обширную монографію о Ст. Оржеховскомъ, занимающую весь III-й томъ извѣстнаго труда графа Оссолинскаго: «Wiadomości historyczno-krytyczne do Dziejów literatury Polskiej» (Krakow, 1822).

6) «Fidelis subditus sive de institutione Regia» (Cracoviae, 1584). Lib. II, pp. 53—54.

грязнаго Глоговиту [1]), Предпиши, чтобы профессоры замѣнили эти грязнѣйшіе подонки классическими писателями какъ Греческими, такъ и Латинскими, дабы изъ этого чистаго и прозрачнаго источника текла та царственная наука, которая сдѣлаетъ твоихъ подданныхъ мудрыми и твоему королевству полезными. Точно также съ величайшимъ стараніемъ преобразуй низшія школы и во главѣ ихъ поставь людей ученыхъ, а не царедворцевъ, блистающихъ пурпуромъ и самоцвѣтными камнями. Позаботься также, чтобы какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ школахъ достойные наставники пріучали дѣтей съ нѣжнаго возраста къ добродѣтельной жизни и къ полезной дѣятельности».

О необходимости преобразованія школъ въ Польшѣ въ томъже духѣ и направленіи, какъ предлагалъ Оржеховскій, писалъ двумя годами позже его Модржевскій въ извѣстномъ уже читателямъ сочиненіи «De republica emendanda», пятая и послѣдняя книга котораго посвящена этому вопросу. По стародавнему и исконному обычаю, каждое государство печется о школахъ, отъ процвѣтанія которыхъ зависитъ благосостояніе подданныхъ, говоритъ Модржевскій [2]); а потому люди, посвятившіе себя педагогической дѣятельности, освобождаются отъ всякихъ государственныхъ повинностей. Какъ велики заслуги для государства педагоговъ, такъ-же должно быть почетно ихъ общественное положеніе. Слѣдуетъ помнить, что школа есть разсадникъ добродѣтели, мать хорошихъ законовъ. Но не только для государства, а также и для церкви важна школа: она рѣшаетъ спорные вопросы въ ученіи церкви, она образуетъ проповѣдниковъ и наставниковъ народа, точно также, какъ она даетъ государству искусныхъ ораторовъ, мудрыхъ совѣтниковъ и нелицепріятныхъ судей. Школа во всѣхъ трудныхъ вопросахъ государственныхъ и церковныхъ есть верховный ареопагъ, приговоры котораго считаются непогрѣшимыми. Къ сожалѣнію, въ Польшѣ не умѣютъ цѣнить школъ, и люди, занимающіеся наукою и воспитаніемъ юношества, находятся въ незаслуженномъ пренебреженіи.

«Какими-же наградами, какими почестями слѣдуетъ поощрять къ занятіямъ науками какъ учителей, такъ и учениковъ»? спрашиваетъ далѣе Модржевскій [3]) и такъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: «Епископы и государственные люди должны всѣми силами

[1]) По руководству Яна Глоговчика («Minoris Donati de octo partibus orationis», 1503), написанному варварскою Латынью, учились Латинскому языку. Онъ написалъ также много иныхъ учебниковъ по разнымъ наукамъ.
[2]) «De republ. emend.» (ed. Basil. 1554) Lib. V, cap. 1, pp. 351—356.
[3]) Ibid. cap. II, pp. 356—361.

защищать и поддерживать школы: они должны доставлять необходимыя средства существованія бѣднымъ ученикамъ и вознаграждать, какъ слѣдуетъ, учителей за ихъ труды. Ежедневно, какъ мы видимъ, издерживаются огромныя суммы денегъ на разную утварь, на роскошныя постройки, на изысканные пиры и на другія ненужныя вещи. Почему-же нельзя найти средствъ для законныхъ издержекъ, которыя едва-ли на чтó иное могутъ быть съ большею пользою употреблены, какъ на возобновленіе и поддержаніе школъ? Ибо школы нужнѣе всего государству и церкви. Что касается средствъ, то они находятся преимущественно въ рукахъ богатаго духовенства. Много нуждъ учащейся молодежи можно было-бы удовлетворить изъ монастырскихъ доходовъ: часто въ монастыряхъ, имѣющихъ огромные доходы, проживаетъ нѣсколько монаховъ, а потому слѣдовало-бы государству, приведя въ извѣстность монастырскіе доходы, опредѣлить, сколько учениковъ долженъ содержать каждый монастырь. Эти ученики могутъ быть или посылаемы въ академіи, или же обучаться въ самыхъ монастыряхъ приглашенными съ этою цѣлью наставниками. Ихъ можно-бы заставлять пѣть въ костёлахъ по-очереди псалмы, или исправлять иныя обязанности, а потомъ за свое воспитаніе они были-бы обязаны служить государству или церкви. Тоже самое правило слѣдуетъ примѣнить и къ лицамъ, пользующимся большими церковными доходами: пусть и они даютъ что-нибудь въ пользу учащагося юношества. Но едва-ли кто иной могъ-бы болѣе помочь учащимся, какъ тѣ, которые раздаютъ церковныя должности, каковыя были предназначены предками нашими преимущественно для людей, занимающихся наукою, какъ видно изъ самихъ названій: praepositi, scholastici, cantores, canonici». Далѣе авторъ объясняетъ, что первоначально канониками называли духовныхъ лицъ, обязанностью которыхъ было, на основаніи каноническихъ книгъ, рѣшать спорные вопросы въ ученіи церкви,—схоластиками—начальниковъ школъ, бывшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и наставниками,—кàнторами—учителей церковной музыки и пѣнія, препозитами—экономовъ и т. д. «Конечно, никто меня не увѣритъ, продолжаетъ Модржевскій, что наши предки, установляя эти церковныя должности, соединенныя съ большими доходами и почестями, предназначали ихъ для людей праздношатающихся, а не для дѣятельныхъ и отличающихся отъ остальнаго духовенства познаніями и добродѣтелями. Кого-же слѣдуетъ избирать на столь священныя и столь полезныя для церкви должности, если не людей ученыхъ, которые-бы хотѣли и могли

достойно поучать, сомнительные вопросы рѣшать и ереси истреблять? Въ недавнее еще время высшія церковныя должности отдавались только шляхтѣ, какъ особыя привилегіи и милости, испрашиваемыя иногда въ самомъ Римѣ. Случалось даже, что въ самомъ сердцѣ Польши монастыри вручались иностранцамъ. Еще на нашей памяти богатыя аббатства переходили во власть шляхты, а о людяхъ ученыхъ никто не заботился. Было время, когда законъ обязывалъ епископовъ содержать при всѣхъ подобныхъ духовныхъ учрежденіяхъ (contubernia sacerdotum) пó два ученыхъ (binos literarum doctores); но нашлись люди, которые, собравъ синодъ, освободили епископовъ отъ этой повинности и, вмѣсто двухъ ученыхъ, разрѣшили имѣть одного. И, увы! не было на этомъ синодѣ никого, кто-бы принялъ на себя защиту ученыхъ и воспротивился бы такому постановленію. Чтó вы тогда дѣлали, питомцы наукъ власть имѣющіе? кáкъ вы отблагодарили вашихъ учителей, достоинство которыхъ такъ унижалось? Вы молчали; но и между чернью есть поклонники наукъ, и между рабами есть такіе, которые смѣло возражаютъ разгнѣваннымъ господамъ. Ужели такія были тогда времена, что все рѣшалось по волѣ одного, которому никто не смѣлъ противорѣчить? Хорошо, что они миновали. Дѣйствуйте-же вы, поклонники наукъ, имѣющіе власть: посмотрите на себя, порадѣйте съ епископами о наукахъ, уничтожьте это постановленіе и всѣми силами постарайтесь, чтобы вмѣсто одного, не два, а цѣлыя толпы ученыхъ (integrae literatorum turmae) были приведены.... Если когда, то теперь болѣе всего слѣдуетъ заботиться объ ученыхъ и церковныя beneficia раздавать тѣмъ, которые заслужили.... а не тунеядцамъ, которые, подобно саранчѣ, пожираютъ церковный хлѣбъ.... Слѣдуетъ озаботиться, чтобы учители получали заслуженное жалованье и не были принуждены искать иныхъ средствъ къ жизни, которыя-бы отрывали ихъ отъ науки,— чтобы какъ учители, такъ и ученики были побуждаемы къ занятіямъ науками особыми наградами.... чтобы церковныя должности были отдаваемы только ученымъ....»

Переходя къ вопросу объ устройствѣ школъ [1]), Моджевскій говоритъ, что, прежде всего, слѣдуетъ стараться, чтобы какъ учители были способны къ преподаванію, такъ и ученики къ занятіямъ науками: неспособныхъ не принимать въ школу. О предметахъ обученія онъ говоритъ слѣдующее: по окончаніи элемен-

[1]) Ibid. cap. III, p. 361.

тарнаго курса (artibus trivialibus perceptis), каждый ученикъ выбираетъ себѣ одну изъ наукъ для спеціальныхъ занятій; преподаваться-же въ школѣ должны и философія, и всѣ науки, и въ особенности языки, безъ знанія коихъ нельзя съ успѣхомъ заниматься ни богословіемъ, ни иными науками. Необходимо также упражнять учениковъ въ сочиненіяхъ, диспутахъ и декламаціяхъ. Во второмъ курсѣ къ школьнымъ упражненіямъ слѣдуетъ присоединить еще суды (judicia). Прежде-же всего, слѣдуетъ изгнать изъ школъ варварскую Латынь, чтеніе писателей пустыхъ и ничтожныхъ и безполезныя словопрепиранія.

Хотя наукою слѣдуетъ заниматься для науки, а не изъ какихъ-либо корыстныхъ видовъ, тѣмъ не менѣе Модржевскій скорбитъ[2]), что, при раздачѣ почетныхъ и прибыльныхъ церковныхъ должностей, руководствуются не познаніями и способностями конкурентовъ, а знатностью происхожденія и родственными и всякими иными связями. Отъ того науки въ упадкѣ, отличные умы съ отчаянія занимаются прибыльными ремеслами, а люди безграмотные сидятъ на мѣстахъ, принадлежащихъ ученымъ, какъ праздные трутни на чужихъ поляхъ (immunesque sedent aliena ad pabula fuci).

Никто изъ Польскихъ писателей XVI вѣка не взглянулъ такъ глубоко на вопросъ о воспитаніи, какъ Модржевскій, что слѣдуетъ приписать не только его высокообразованному, государственному уму, но также тому, что онъ былъ протестантъ: католикъ не могъ-бы съ такимъ спокойствіемъ и безпристрастіемъ разсуждать о причинахъ упадка школъ въ Польшѣ, не могъ-бы предложить такихъ радикальныхъ средствъ для исправленія дѣла, испорченнаго католическимъ духовенствомъ. Оно было главнымъ виновникомъ паденія школъ, находившихся въ его рукахъ: утопавшее въ нѣгѣ и и роскоши, лѣнивое, большею частью необразованное, неруководившееся никакими возвышенными помыслами, недумавшее ни о церкви, ни о государствѣ, оно давно измѣнило своему призванію быть наставниками народа и погрязло въ себялюбивыхъ расчетахъ. Въ этой измѣнѣ церкви и государству Модржевскій громко его обвиняетъ и, не надѣясь на его исправленіе, требуетъ вмѣшательства государства, которое могло и должно было заставить богатыхъ прелатовъ и лѣнивыхъ, развращенныхъ фратровъ удѣлять часть своихъ доходовъ на содержаніе школъ. Указавъ на средства, Модржевскій требуетъ преобразованія школъ: прежде всего, онъ совѣ-

[2]) Ibid. cap. IV, pp. 362—363.

туетъ озаботиться о выборѣ способныхъ и достаточно подготовленныхъ наставниковъ, а затѣмъ изгнать изъ школъ варварскую Латынь и разный средневѣковый хламъ, а вмѣсто того ввести серьезное изученіе наукъ и иностранныхъ языковъ—этого ключа ко всякому знанію, положивъ въ основаніе классическія литературы.

Мы разсмотрѣли мнѣнія лучшихъ Польскихъ писателей XVI вѣка о занимающемъ насъ вопросѣ: всѣ они признаютъ дурное состояніе школъ въ современной имъ Польшѣ и необходимость неотлагательныхъ реформъ; но одни изъ нихъ (меньшинство, представителемъ котораго былъ Рей) желали реальнаго, а другіе (большинство съ Модржевскимъ, Оржеховскимъ и Гурницкимъ во главѣ) классическаго образованія [1].

3. Домашняя жизнь шляхты.

Домашняя жизнь шляхты XVI вѣка возбуждала негодованіе современныхъ Польскихъ писателей: они жалуются, что никто не думаетъ объ отечествѣ, что личнымъ интересамъ приносится въ жертву все, что есть наиболѣе священнаго для человѣка и гражданина. На государственную службу шляхта смотрѣла какъ на средство для удовлетворенія своей страсти къ непомѣрной роскоши, ради которой она разоряла своихъ хлоповъ, грабила промышленные города, разбойничала по дорогамъ, дѣлала наѣзды на своихъ сосѣдей, сутяжничала. Гдѣ была пожива, тамъ не было для нея препятствій. Поскорѣе нажиться и поскорѣе прожить нажитое было девизомъ Польской шляхты XVI вѣка.

«Скажите мнѣ, спрашиваетъ Андрей Збылитовскій [2], на что обращаете вы свои доходы? На роскошь, на одежду, на дворню, на коней, на дорогіе экипажи, на кушанья, на вино: хорошо застроенные города, деревни и замки вы уже отдаете другимъ, потому что не хватаетъ вашихъ доходовъ. У иного больше слугъ, чѣмъ крестьянъ въ деревнѣ, а иной и деревню заложитъ,

---

[1]) Любопытныя подробности о воспитаніи, нравахъ и обычаяхъ Польской молодёжи въ XVI вѣкѣ читатель найдетъ въ сочиненіи Мацѣёвскаго, «Polska aż do pierwszéj połowy XVII wieku pod względem obyczajow i zwyczajow», tom III, str. 1—58.

[2]) «Żywot szlachcica we wsi» (идиллія, въ первый разъ изданная въ Краковѣ въ 1597 г.) по изд. Туровск. стр. 6 и 10.—Андрей Збылитовскій былъ придворнымъ поэтомъ Степана Баторія и Сигизмунда III. Кромѣ «Жизни шляхтича въ деревнѣ», онъ описалъ въ стихахъ путешествіе Сигизмунда III въ Швецію («Droga do Szwecyi króla j. mości w r. 1594»; съ перваго Краковскаго изданія 1597 г. перепечатана Туровскимъ въ 1860 г.), въ которомъ самъ онъ принималъ участіе.

чтобъ подать на обѣдъ сто блюдъ. Кто полагаетъ все наслажденіе въ золотѣ, тотъ не задумается обмануть ближняго, лихвою разорить бѣднаго человѣка, насиліемъ отнять чужое имущество или силою выгнать кого изъ собственнаго дома, продать при дворѣ отечество въ надеждѣ на невѣрную награду...»

Извѣстный Польскій историкъ и поэтъ, Мартынъ Бѣльскій [3]), въ сатирѣ «Разговоръ двухъ барановъ объ одной головѣ» [4]), называя современную ему шляхту «выродками доблестныхъ отцевъ», такъ описываетъ перемѣну, происшедшую въ его время въ Польшѣ: «Прежніе мужи стали бабами, какъ видно и по ихъ одеждѣ. Я вижу Испанцевъ, Итальянцевъ, Нѣмцевъ и даже Мадьяръ [5]): куда-же дѣлись Поляки съ древними Мазурами,—тѣ, что́ садились на коня въ простой суконной курткѣ съ мечемъ въ рукахъ и ногъ себѣ не подвязывали китайкою? И было хорошо, хотя и не по-Мадьярски; а теперь все далеко отъ нихъ удалилось: настали раздоры, вѣра разодрана, мѣсто умѣренности заступили надменность, любостяжаніе, корыстолюбіе, духовенство упало, король, ксёндзъ и всѣ вообще потеряли значеніе. Боже, избавь насъ отъ казни»! Словомъ, упадокъ во всемъ: порокъ побѣждаетъ добродѣтель, глупцы первенствуютъ передъ умными, своевольная молодежь не боится наказанія, и кто посильнѣе, тотъ мылитъ другому шею: говоритъ сладкія слова, а въ сердцѣ ядъ кроетъ. «Какія убійства, клеветы, вражды, того и гляди, что одинъ бросится на другого. Кинулись люди на всѣ излишества свѣта, возстали другъ противъ друга. Часто дерутся отецъ съ сыномъ, братъ съ братомъ. Дѣти не слѣдуютъ обычаямъ отцевъ: если отецъ порядочный, то сынъ

---

[3]) Мартынъ Бѣльскій (1495 — 1575) молодость провелъ при дворѣ Краковскаго воеводы, Петра Кмиты, потомъ служилъ въ войскѣ и участвовалъ въ походахъ въ Валахію и противъ Татаръ; на старости поселился въ своей деревнѣ Бѣлой въ Сѣрадаскомъ повѣтѣ. Пріобрѣлъ извѣстность своими историческими трудами, особенно же своею «Польскою хроникою», изданною съ дополненіями и измѣненіями сыномъ его Іоахимомъ въ Краковѣ въ 1597 г. См. Неринга, «O życiu i pismach Joach. Bielskiego» (Poznań 1860).—Отъ него остались также три весьма рѣдкія нынѣ сатиры: «Женскій сеймъ» (Sejm niewieści), «Майскій сонъ» (Sen majowy) и «Разговоръ двухъ барановъ объ одной головѣ» (Rozmowa dwu baranów o jednéj głowie). О первой см. статью Войцицкаго въ «Archiwie domowym» 1856, о двухъ послѣднихъ Владислава Вислоцкаго: «Dwie rzadkości bibliograficzne» (Lwow, 1873).

[4]) «Rozmowa nowych prorokow, dwu baranow o iedney głowie, starych obywatelow Krakowskich» (Krakow 1587)—у Вислоцкаго стр. 16—18, 23.—Въ Краковѣ до нашего времени на углу рынка и улицы св. Анны былъ домъ съ изображеніемъ двухъ барановъ объ одной головѣ. Домъ этотъ еще въ XVI вѣкѣ назывался «Pod Barany». Въ уста этихъ барановъ авторъ влагаетъ жалобу на испорченность современныхъ ему нравовъ.

[5]) Здѣсь разумѣется страсть Поляковъ носить иностранныя одежды, — о чемъ скажемъ впослѣдствіи.

мотъ. Пріятель-опекунъ отдаетъ его въ ксендзы, а другой самъ пойдетъ въ монахи, и, таскаясь по улицамъ въ сѣрой рясѣ, проситъ милостыни. Всѣ вообще развратились, каждый ищетъ своей корысти, а объ отечествѣ никто не думаетъ. Границы государства оставлены безъ защиты, и некому объ этомъ заботиться. Москва трубитъ намъ подъ ухомъ, Шведъ бьетъ въ барабанъ и старается отнять у насъ ключи отъ Лифляндскихъ замковъ. Татары хотятъ отъ насъ дани, сукна и кожуховъ, Волохи помышляютъ объ измѣнѣ, Нѝзовскіе козаки охотно поссорили-бы насъ съ Туркомъ. А мы что́ дѣлаемъ? сидимъ спокойно за чарками, оставляя непріятелю полную свободу грабить насъ». Указавъ на безправіе судовъ, пустую болтовню и пьянство на сеймахъ, поэтъ продолжаетъ: «Не достало-бы бумаги, если-бы я хотѣлъ описать, какая во всемъ роскошь, какія одежды у шляхтянокъ и молодыхъ людей, за которыя выманиваетъ деньги Жидъ и Итальянецъ, хитрый народъ, ка̀къ дорого стоютъ напитки и кушанья, которыя потомъ приводятъ къ большой нуждѣ. Не могу смотрѣть на нынѣшній свѣтъ: съ каждымъ годомъ приходимъ къ худшему». Обманъ, вымогательство, взяточничество господствуютъ повсюду; вымышленныхъ пошлинъ требуютъ съ хлопа, съ котораго и безъ того каплетъ кровавый потъ. «Но возвратимся къ шляхтѣ. Какая расточительность! Одинъ другого старается перещеголять... хотя-бы пришлось заложить деревню съ усадьбою».

Съ подобными-же укорами обращается къ шляхтѣ даже беззлобный поэтъ чернолѣсскій—царь Польскихъ поэтовъ XVI вѣка [1]): «Укажите мнѣ, вы, люди денежные, что́ хорошаго вы сдѣлали. Не буду вспоминать старины: въ нѣсколько лѣтъ Татаре пять разъ васъ обобрали, братью вашу продали Туркамъ въ неволю, — деспотъ, настоящій потомокъ тѣхъ давнихъ деспотовъ, на вѣчное ваше посрамленіе, дважды прошелъ всю вашу землю, Московитянинъ отнялъ у васъ Полоцкъ и въ грамотахъ пишетъ, что Галичъ его отчина. Шведы черезъ море протягиваютъ къ вамъ руки и изъ горсти вашей вырываютъ Лифляндію; наконецъ, если-бы не Висла, то у насъ были бы ужь Нѣмцы, отъ которыхъ вы откупились Поморьемъ. Вотъ плодъ вашихъ богатствъ, вотъ что̀ вы выиграли, оставивъ саблю и сидя за плугомъ. Но это еще только нача̀ло: не того еще дождетесь со-временемъ, милые братья, когда снимутъ съ васъ маску и узна̀ютъ люди, ка̀къ Поляки отстали отъ

[1]) «Jana Kochanowskiego, Satyr». Первое его сочиненіе, вышедшее въ 1563 г., по изд. Варш. 1861, стр. 168—170.

своихъ предковъ. Не разсчитывайте на праздность Турковъ: они—себѣ-на-умѣ; вѣдь, послѣ затишья на морѣ бываетъ сильная буря. Не знаю, что за пріязнь у васъ съ Нѣмцами, что за самонадѣянность; знаю только то, что они съ васъ глазъ не спускаютъ и съ каждымъ годомъ все ближе къ вамъ присосѣживаются. Копайте-же каналы, свозите изъ боровъ къ Вислѣ корабельный матеріалъ, обращайте въ пепелъ лѣса, рубите, и я увижу, куда припрутъ васъ, Поляковъ, такъ прозванныхъ отъ полей [2]), куда вы скроетесь. Нѣтъ у васъ ни коней, ни хорошаго оружія, ни надлежащей подготовки, а безъ этого плохо воевать. Посмотрите-же, куда васъ привели эти богатства: вы совсѣмъ забыли военную науку, а отъ нея зависятъ не только ваши помѣстья, но и жизнь и вольность ваша. Пусть себѣ другіе, какъ хотятъ, разумѣютъ право, пусть себѣ умѣютъ красно писать и говорить: все пустяки, если на границѣ не будетъ надежнаго воина. Если же золотомъ хотите быть грозны сосѣдямъ, то тѣмъ скорѣй они пожалуютъ къ вамъ въ гости. Но и богатства у васъ я не вижу: гораздо больше между вами такихъ, что разстались съ своими деревнями и отцовскую утварь дали Жидамъ на храненіе. Тяжело нуждаться, а еще тяжеле поневолѣ убираться изъ дома. Какая же тому причина, ради Бога, что вы—такіе хозяева—терпите нужду? Роскошь, сосѣдушка, роскошь, которая, какъ море ненасытное, все пожираетъ: мало ей на разъ все годовое гумно, съѣстъ она иногда вмѣстѣ съ нимъ и землю, и хлоповъ, а наконецъ и пана: вотъ что это за гостья! Хоть пропади, никому не уступитъ. Даетъ кто пятьдесятъ блюдъ—онъ [3]) дастъ втрое; ты его напоишь, а онъ и слугъ твоихъ; ты въ рысьей шубѣ, а онъ въ собольей; у тебя золото на шапкѣ, а у него и на башмакахъ, хотя-бы была грязь на улицѣ; шаровары у него шире, чѣмъ у кого; за кафтанъ сто злотыхъ—это еще не дорого; а когда онъ нарядится по-гусарски, узнаешь по воротнику, на который пошла цѣлая шкура звѣриная... Сколько-бы онъ ни проигралъ, никогда не смутится, да еще остатокъ разбросаетъ пажамъ; его дворъ—льстецы, а совѣтникъ—сводникъ; привратниковъ ему не нужно—его ворота стерегутъ кредиторы. Вотъ кому вы служите, вотъ кто вводитъ васъ въ долги, выживаетъ изъ деревень и обращаетъ въ слугъ. Бѣдность вашихъ пред-

[2]) Polak od pola rzeczon, pospolite głosy.

[3]) Здѣсь поэтъ олицетворяетъ роскошь—z b y t e k (по-Польски муж. рода). Въ переводѣ, по необходимости, удержанъ мужескій родъ, такъ какъ поэтъ олицетворяетъ роскошь въ образѣ мужчины.

ковъ была лучше нынѣшнихъ богатствъ. Кто теперь заложитъ замокъ? кто построитъ монастырь? кто подаритъ королю городъ и значительную сумму денегъ? а это бывало часто при вашихъ отцахъ, которые отечество любили больше самихъ себя. А нынѣ скорѣе возьмутъ, чѣмъ дадутъ королю или священнику...»

Клёновичъ, въ извѣстной уже читателямъ поэмѣ «Victoria deorum» [1]) говоритъ, что въ роскоши и изнѣженности Поляки превзошли Сибаритовъ и Клёопатру: «всѣ домогаются чрезвычайнаго и гнушаются обычнымъ,—чуть не начинаемъ выжимать сокъ изъ ягодъ, чуть не растворяемъ въ уксусѣ жемчугъ». Въ другой поэмѣ на Польскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ «Мѣшокъ Іудинъ» (Worek Judaszow) [2]), Клёновичъ называетъ изнѣженность и страсть къ роскоши источникомъ всего злаго, и представляетъ намъ нѣсколько образовъ, схваченныхъ съ натуры: картёжника, плута, вора и разбойника, ханжу, сутягу и т. п. Все это люди, непривыкшіе къ труду и промотавшіе свое состояніе въ пьянствѣ, роскоши и развратѣ. Между ними находимъ и такихъ, которые обогащались на счетъ государства. «Есть еще и теперь такія государства, въ которыхъ вельможные сенаторы получаютъ обильные доходы. Ни кто имъ не завидуетъ, никто ихъ не упрекаетъ: глупая и слабая зависть безсильна противъ нихъ. Какъ встарину, такъ и теперь говорятъ: пойдемъ на золотое жниво (eamus ad messem auream), какъ совѣтовалъ Дромоклидъ Стратоклесу, когда съ алчностью зазывалъ его на такое жниво. И нынѣ между корыстолюбивыми раздаются такіе голоса: будемъ жать золотую пшеницу, будемъ жать золотые колосья,—будемъ доить государство, будемъ рѣзать золотое гроздіе: вѣдь виноградникъ богатъ, а вымя полное. На такихъ мѣстахъ можешь и разбогатѣть, и утратить доброе имя и душу» [3]).

О людяхъ, покупавшихъ государственныя должности, поэтъ такъ отзывается: «Не знаю, что̀ ты покупаешь, несчастный; не знаю, долго-ли ты, невольникъ, просидишь на своемъ княжествѣ. Вотъ тотъ купилъ бургомистерство въ большомъ городѣ, чтобы слупить

---

[1]) Cap. XXI, p. 122.

[2]) «Worek Judaszow to iest złe nabycie maiętności». Эта сатира въ первый разъ вышла въ Краковѣ въ 1600 году. Названіе объясняется эпиграфомъ изъ евангелія отъ Іоанна, 12: «Iudas fur erat, et loculos habens, ea quae mittebantur portabat». Раздѣлена на 4 части: 1-я—волчья шкура или тайное любостяжаніе, 2-я — лисья или присвоеніе чужой собственности хитростью, 3-я—рысья или присвоеніе чужой собственности подъ видомъ права и купли и 4-я—львиная или присвоеніе чужаго насиліемъ.

[3]) По Краковскому изданію 1607 г. В. 4. (изд. Туровск. стр. 74—75).

съ другихъ, что̀ далъ за свой выборъ. Онъ продаетъ справедливость, беретъ взятки, потому что эту должность купилъ безмѣрно дорого» [4]). А вотъ изображеніе чиновника-казнокрада и плута [5]): «Иной, получивъ государственную должность, завѣдуетъ городскимъ имуществомъ или судомъ въ цѣлой области: общественные доходы присвоиваетъ себѣ, притѣсняетъ королевскихъ подданныхъ,— пугая своимъ мундиромъ, вымышляетъ всякія штуки—winy, deputacye, pamiętne i sosze [6]) и забираетъ неповинные гроши съ простаковъ, которые не смѣютъ, или не умѣютъ противиться кривдѣ...»

Страсть къ роскоши, говоритъ Модржевскій [7]) порождаетъ любостяжаніе и влечетъ ко многимъ порокамъ. «Мы хвалимся измѣною, обманомъ, пьянствомъ, обжорствомъ, распутствомъ и всякаго рода пороками. Сдѣлать наѣздъ, овладѣть чужою собственностью, убить человѣка, попирать божеское и человѣческое право считается у насъ славнымъ».

Ограничиваясь вышеприведенными отзывами лучшихъ Польскихъ писателей XVI вѣка (чтобъ исчерпать весь матеріалъ находящійся у насъ подъ руками, не достаетъ намъ ни времени, ни мѣста) о томъ, ка́къ вліяла домашняя жизнь шляхты на Польское общество и государство, постараемся проникнуть въ «святая-святыхъ» шляхтича, посмотримъ, ка́къ онъ жилъ и проводилъ время въ кругу своей семьи и друзей.

Устройствомъ домъ шляхтича мало отличался отъ панскаго палаццо или замка: вся разница была въ размѣрахъ, въ придаточныхъ видахъ, въ роскоши. Домъ шляхтича обыкновенно былъ деревянный, одноэтажный, но иногда имѣлъ еще gadę (этажъ). По угламъ въ немъ были двѣ комнаты (izby), а посрединѣ сѣни. Во дворъ, находившійся передъ домомъ, вели высокія ворота. Обыкновенной величины домъ назывался дворомъ; если же онъ былъ бо́льшихъ размѣровъ и имѣлъ при себѣ флигели (officyny), то его величали палаццо; если же былъ построенъ изъ камня на холмѣ и окруженъ водою или рвами и валомъ, то звался за́мкомъ. Панскіе палаццо и за́мки строились изъ прочнаго камня и имѣли обыкновенно два, рѣдко три этажа. Фасадъ украшался гербами и вензелями владѣтеля или владѣтельницы. Фронтонъ поддерживался колонами. Галерея (ambit, krużganek) иногда окружала все зда-

[4]) Ibid. f. C. (Туровск. стр. 76). [5]) Ibid. f. C. 2 (Туровск. 78—79).
[6]) Названія налоговъ и пошлинъ.
[7]) «De republ. emend.», lib. I, cap. XXIII, p. 79.

ковъ бы... мокъ? к... значит... пахъ, ... скорѣ...

В... deo... пр... на...

...подъѣзда крыльцо ... столбы ... балюстрады и балконы. На... ...башни, на одной изъ которыхъ ... иногда золочеными шпилями ... палацо или замкѣ находились ... службы и кордегарда (сторожка ...). Посреди обширнаго двора ... фонтаномъ. Внутреннее расположе... обширныя сѣни вели въ перед... ...вала цѣлая амфилада комнатъ ... разнообразною обстановкою. ... поговорка: «za wysokie ... высоки для моихъ ... тяжелыми портьерами. Полъ ... работою изъ ... расписанный ... были круг... ...стью. Стѣны ... картинами ... портреты Поль... ...палаци или замка. ... матеріею, ...лины). ... стѣ... ... полъ ... столы. ... дорогою ... гости. ... и сто... ... и жи... ...ывали Ту... ... роскош... ... меньшею

... въ ко... ... Такіе ... ...ino). ... ...рами, ...ный ... ...ный

прудъ, окруженный липами, а при немъ иногда роща съ множествомъ птицъ, зайцевъ, кроликовъ, сѣрнъ и оленей [1]).

Въ немногихъ словахъ Рей [2]) описываетъ наружность замка: «Увидѣлъ на горѣ замокъ особенной красоты: съ высоты онъ блестѣлъ, какъ цвѣтокъ. Какія правильныя крыльца! Какія прекрасныя башни! мастерски расположенныя, одна другую стережетъ. На позолоченыхъ шпиляхъ скрипятъ флюгеры—точно музыка играетъ...»

А нѣсколько ниже онъ такъ изображаетъ домъ простаго шляхтича: «Подошли къ дому: онъ былъ огороженъ, и за приличнымъ заборомъ были насажены деревья — каштаны, фиги, померанцы, сливы, персики. Между ними стоятъ красивыя розы, бѣлыя и красныя,—а далѣе красуются огурцы, арбузы и разныя ягоды. Посреди течетъ ручеекъ, окаймленный зеленою травкою. По деревьямъ летаютъ фазаны, а цыплята, какъ муравьи, подъ ними копошатся. Скачутъ кролики и зайчики. Подъ самымъ заборомъ течетъ красавица-рѣка, переливаясь по камнямъ золотою струею. Плаваютъ по ней рыбки и, преслѣдуя червяковъ, скачутъ на зеленые кустарнички. Вошли потомъ въ домъ: всего полно, вездѣ чистота. Стоитъ опрятная кровать, покрытая одѣяломъ, а за нею въ головахъ lilium convalium. На столѣ лежатъ книжки и стоятъ часы».

Въ другомъ мѣстѣ Рей подробно описываетъ панскій садъ и внутренность панскихъ покоевъ [3]): мы не будемъ вслѣдъ за поэтомъ перечислять всѣ растенія, большею частью—рѣдкія, которыя украшали панскій садъ; пройдемъ молчаніемъ заморскихъ птицъ и животныхъ, содержавшихся для панской потѣхи; остановимся только на постройкахъ. «По угламъ чудныя бесѣдки, построенныя съ большими издержками. Онѣ украшены рѣзными изображеніями изъ кипариса и слоновой кости въ новомъ вкусѣ. Мебель изъ дорогаго дерева съ мозаикою изъ камней и жемчуга. Полъ изъ серебряныхъ досокъ, покрытыхъ лазурью, а потолокъ въ дивныхъ цвѣтахъ весь позолоченный. Шпалеры на стѣнахъ изъ серебра, изъ золота, такой чудной работы, что въ глазахъ рябитъ. На нихъ изображены Ахиллесы, Парисы, Язонъ, Гекторъ, Улиссъ и Пріамъ, Елена въ драгоцѣнной одеждѣ, Дидона, Пенелопа, прекрасная Эксіона: Какъ живые, они стояли предъ очами удивленнаго зрителя. Разныхъ видовъ столы, дорогіе буфеты были украшены дорогими камнями и разно-

[1]) Ł. Gołębiowskiego, «Domy i dwory» (Warszawa 1830) str. 7—27, 145—156.—W. Maciejowskiego, «Polska pod względem obyczajow i zwyczajow», t. II, str. 231—240.

[2]) «Wizerunek żywota człowieka poczciwego» (Krakow, 1558), Rozdz. VI, 64—65. [3]) Ibid. Rozdz. III, 23—25.

ніе; по угламъ были барьеры, у подъѣзда крыльцо со столбами (balasy); надъ галереею бывали балюстрады и балконы. Надъ палаццо или зáмкомъ возвышались башни, на одной изъ которыхъ были часы, съ металлическими, иногда золочеными шпилями, съ разнообразными флюгерами. При палаццо или зáмкѣ находились: каплица, павильоны, разныя службы и кордегарда (сторожка), съ турмою или козою (карцеромъ). Посреди обширнаго двора былъ прудъ, съ бьющимъ фонтаномъ. Внутреннее расположеніе покоевъ было слѣдующее: обширныя сѣни вели въ переднюю (antikamera), за которою слѣдовала цѣлая амфилада комнатъ разныхъ названій, разной величины, съ разнообразною обстановкою. Порогъ былъ высокій, откуда произошла поговорка: «za wysokie te progie na moje nogi» (эти пороги слишкомъ высоки для моихъ ногъ). Высокія же двери покрывались дорогими портьерами. Полъ былъ каменный, мраморный или деревянный. Лѣпною работою изъ гипса или воска украшались двери, окна и потолокъ, расписанный золотомъ или красками. Стекла въ окнахъ обыкновенно были круглыя, зеленыя; бѣлыя, Венеціянскія были большою рѣдкостью. Стѣны покрывались Цареградскими коврами или расписывались картинами и арабесками. Иногда на стѣнахъ изображались портреты Польскихъ королей, но чаще—предковъ владѣльца палаццо или замка. Покрывали также стѣны парчею, атласною или бархатною матеріею, или же шпалерами съ историческими изображеніями (гобеллины). На стѣнахъ висѣли зеркала, сначала металлическія, а потомъ стеклянныя. У оконъ были занавѣси, маркизы и ставни. Мебель подъ цвѣтъ обоевъ была самая разнообразная; аптечки, шкапы, столы, лавки съ матрацами, кресла, стулья, диваны, этажерки съ дорогою посудою и разными бездѣлушками изъ кипариса и слоновой кости, башенки съ часами, бившими или игравшими. На каминахъ и столикахъ (иногда мраморныхъ) стояли дорогіе подсвѣчники и жирандоли; на потолкѣ висѣло люстро. Столы и полъ покрывали Турецкими, Персидскими и Англійскими коврами. Широкая роскошная лѣстница вела въ женскую половину, отдѣланную съ меньшею роскошью.

Необходимую принадлежность палаццо составлялъ садъ, въ которомъ разводились рѣдкія заграничныя растенія и цвѣты. Такіе сады назывались wiridarze или dziardyny (съ Итальянскаго giardino). Они украшались фонтанами, каскадами, кіосками, бельведерами, гротами, руинами и т. п. Дубовый заборъ отдѣлялъ цвѣточный садъ отъ фруктоваго. Съ другой стороны палаццо былъ рыбный

прудъ, окруженный липами, а при немъ иногда роща съ множествомъ птицъ, зайцевъ, кроликовъ, сѣрнъ и оленей [1]).

Въ немногихъ словахъ Рей [2]) описываетъ наружность замка: «Увидѣлъ на горѣ замокъ особенной красоты: съ высоты онъ блестѣлъ, какъ цвѣтокъ. Какія правильныя крыльца! Какія прекрасныя башни! мастерски расположенныя, одна другую стережетъ. На позолоченыхъ шпиляхъ скрипятъ флюгеры—точно музыка играетъ...»

А нѣсколько ниже онъ такъ изображаетъ домъ простаго шляхтича: «Подошли къ дому: онъ былъ огороженъ, и за приличнымъ заборомъ были насажены деревья — каштаны, фиги, померанцы, сливы, персики. Между ними стоятъ красивыя розы, бѣлыя и красныя,—а далѣе красуются огурцы, арбузы и разныя ягоды. Посреди течетъ ручеекъ, окаймленный зеленою травкою. По деревьямъ летаютъ фазаны, а цыплята, какъ муравьи, подъ ними копошатся. Скачутъ кролики и зайчики. Подъ самымъ заборомъ течетъ красавица-рѣка, переливаясь по камнямъ золотою струею. Плаваютъ по ней рыбки и, преслѣдуя червяковъ, скачутъ на зеленые кустарнички. Вошли потомъ въ домъ: всего полно, вездѣ чистота. Стоитъ опрятная кровать, покрытая одѣяломъ, а за нею въ головахъ lilium convalium. На столѣ лежатъ книжки и стоятъ часы».

Въ другомъ мѣстѣ Рей подробно описываетъ панскій садъ и внутренность панскихъ покоевъ [3]): мы не будемъ вслѣдъ за поэтомъ перечислять всѣ растенія, большею частью—рѣдкія, которыя украшали панскій садъ; пройдемъ молчаніемъ заморскихъ птицъ и животныхъ, содержавшихся для панской потѣхи; остановимся только на постройкахъ. «По угламъ чудныя бесѣдки, построенныя съ большими издержками. Онѣ украшены рѣзными изображеніями изъ кипариса и слоновой кости въ новомъ вкусѣ. Мебель изъ дорогаго дерева съ мозаикою изъ камней и жемчуга. Полъ изъ серебряныхъ досокъ, покрытыхъ лазурью, а потолокъ въ дивныхъ цвѣтахъ весь позолоченный. Шпалеры на стѣнахъ изъ серебра, изъ золота, такой чудной работы, что въ глазахъ рябитъ. На нихъ изображены Ахиллесы, Парисы, Язонъ, Гекторъ, Улиссъ и Пріамъ, Елена въ драгоцѣнной одеждѣ, Дидона, Пенелопа, прекрасная Эксіона. Какъ живые, они стояли предъ очами удивленнаго зрителя. Разныхъ видовъ столы, дорогіе буфеты были украшены дорогими камнями и разно-

[1]) Ł. Gołębiowskiego, «Domy i dwory» (Warszawa 1830) str. 7—27. 145—156.—W. Maciejowskiego, «Polska pod względem obyczajow i zwyczajow», t. II, str. 231—240.

[2]) «Wizerunek żywota człowieka poczciwego» (Krakow, 1558), Rozdz. VI, 64—65. [3]) Ibid. Rozdz. III, 23—25.

образною позолотою. Тарелки, миски, ложки изъ чистаго хрусталя, а кораловыя вилки оправлены въ золото. Куда ни посмотришь, вездѣ блестѣло...»

По словамъ Петра Збылитовскаго [1]), стѣны съ верху до низу и даже камины покрывались дорогими коврами; кровати были на винтахъ, перины атласныя, а подушки изъ золотой парчи.

Еще больше роскоши было въ одеждѣ, и это съ отдаленнѣйшихъ временъ. По свидѣтельству перваго Польскаго лѣтописца, Мартына Галла [2]), паны и пани при дворѣ Болеслава Храбраго носили дорогія одежды и шубы, крытыя парчею; паны украшали шеи тяжелыми золотыми цѣпями, а золотыя украшенія панъ были такъ тяжелы, что ихъ должны были поддерживать, чтобъ онѣ не упали подъ тяжестью металла. Въ правленіе Альбрехта и Александра Ягеллончика еще болѣе развилась роскошь въ одеждѣ: носили длинныя одежды изъ дорогихъ шелковыхъ матерій, драгоцѣнныя шубы, и отпускали длинные волосы. Позже (съ 1515 г.), въ подражаніе Татарамъ, стали носить короткія одежды. Польскіе короли изъ иностранцевъ (Вячеславъ Чешскій, Лудовикъ Венгерскій, Степанъ Баторій) и кровные Поляки на иностранныхъ престолахъ (Владиславъ Варненчикъ и сынъ Казиміра Ягеллончика), путешествія молодыхъ людей заграницу и служба Поляковъ при иностранныхъ дворахъ—развили въ Польшѣ страсть къ иностраннымъ одеждамъ, преимущественно Итальянской, Французской и Испанской. Заимствовали одежду даже у непріятелей (Турокъ, Волоховъ, Татаръ) на память о побѣдахъ, одержанныхъ надъ ними. Сигизмундъ-Августъ любилъ одѣваться по-Испански; Степанъ Баторій распространилъ въ Польшѣ Мадьярскую одежду. Только Нѣмецкая одежда возбуждала въ Полякѣ отвращеніе, и въ Бохнѣ простолюдинъ до сихъ поръ говоритъ:

Nie cyń gzechu niecystego,
Stseż się stroju Niemieckiego [3]).

Объ одеждѣ Польской шляхты въ XVI вѣкѣ современники-Поляки и иностранцы, описывавшіе Польшу, оставили нѣсколько любопытныхъ извѣстій.

Янъ Красинскій въ «Описаніи Польши», посвященномъ

---

[1]) «Zchadzka ziemiańska» (первое изданіе въ Краковѣ 1605 г.), по изд. Туровск., стр. 26. [2]) Lib. I, cap. 6, 12, 16.

[3]) Gołembiowskiego, «Ubiory w Polsce» (Krakow, 1861), str. 7.

Генриху Валуа въ 1574 году [4]), говоритъ: «Шляхта и паны носятъ весьма дорогія одежды изъ парчи, обшитой перлами, подбитой собольимъ или куньимъ мѣхомъ, съ отворотами, шитыми серебромъ и золотомъ. На пальцы одѣваютъ серебряные позолоченные и золотые перстни съ жемчугомъ. Весьма дорогіе кривые мечи, называемые Персидскими саблями, въ серебряныхъ или золотыхъ ножнахъ, припоясываютъ къ боку; ножны и рукоятки украшаютъ драгоцѣнными камнями».

По словамъ другаго современника, Мартына Кромера [5]), одежда у Поляковъ чрезвычайно разнообразна. Многимъ нравится иностранная одежда. Съ недавняго времени женщины стали носить мужскіе плащи. Замужнія носятъ на головѣ кисейныя или газовыя покрывала, а дѣвушки по старому обычаю ходятъ съ открытыми головами, украшая ихъ золотыми, жемчужными и шелковыми повязками и вѣнками цвѣтовъ; но теперь женщины, подобно мужчинамъ, стали носить на головѣ шелковыя шапки, отороченныя мѣхомъ. Нѣсколько далѣе (стр. 76) Кромеръ говоритъ: «Вошло въ обычай одѣваться не только въ иностранные сукна и мѣха̀, но также въ шелкъ и пурпуръ и украшаться серебромъ, золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Примѣру богатыхъ пановъ страстно подражаютъ шляхта и мѣщане».

Бывшій на Польской службѣ при Степанѣ Баторіѣ, Итальянецъ Александръ Гваньини [6]) говоритъ: «Поляки носятъ одежду различныхъ народовъ, въ особенности же Итальянцевъ,

---

[4]) Впослѣдствіи секретарь Степана Баторія; умеръ въ 1592 году. Его «Polonia» издана въ 1574 г., въ Болоньѣ, гдѣ онъ въ то время учился.—Польскій переводъ Будзинскаго (Варшава, 1852), стр. 21.

[5]) «Polonia sive de situ, populis, moribus, magistratibus et republica regni Poloniae» (Coloniae, 1577). Lib. I, pp. 63—64. Знаменитый Польскій историкъ и дипломатъ, Мартынъ Кромеръ (1512—1589) учился сначала въ Краковской академіи, а потомъ заграницею (въ Германіи и Италіи). По возвращеніи на родину получилъ мѣсто секретаря короля Сигизмунда-Августа, который въ 1552 году пожаловалъ его въ шляхтичи и далъ ему Варминскую канонію. Съ тѣхъ поръ онъ принялъ дѣятельное участіе въ государственныхъ дѣлахъ, и нѣсколько разъ былъ отправляемъ посломъ къ заграничнымъ дворамъ (къ папѣ Павлу III, императорамъ Карлу V и Фердинанду) и на Тридентскій соборъ. По смерти извѣстнаго кардинала Гозія, былъ назначенъ Варминскимъ епископомъ. Славился ученостью и дипломатическими способностями. Въ 1555 году въ Базелѣ онъ издалъ свою исторію Польши «De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX». Она доведена до 1506 года и отличается критическими пріемами и образцовымъ языкомъ. Другое его сочиненіе «Polonia» (Описаніе Польши и ея жителей) издано въ первый разъ въ Кёльнѣ въ 1577 г.—Кромеръ оставилъ также много политическихъ рѣчей и посланій и сочиненій богословскихъ (противъ Лютеранъ). См. о немъ монографію Кипріана Валевскаго: «Marcin Kromer» (Warszawa 1874)

[6]) «Sarmatiae Europeae descriptio» (Cracoviae, 1578). Poloniae descriptio f. 77 r°.

Испанцевъ и Мадьяръ (одежда этихъ послѣднихъ наиболѣе распространена); иные одѣваются по-Нѣмецки, по-Турецки, по-Московски и по-Чешски; ибо, странствуя по разнымъ, даже отдаленнымъ странамъ, они заносятъ въ отечество чужіе обычаи».

Другой Итальянецъ, Антонъ Граціани въ жизнеописаніи кардинала Коммендони [1]), бывшаго папскимъ легатомъ въ Польшѣ подъ конецъ правленія Сигизмунда-Августа и при Генрихѣ Валуа, также свидѣтельствуетъ о разнообразіи одежды Польской шляхты: «одни носятъ народную одежду, другіе—Мадьярскую, Татарскую, многіе—Итальянскую, нѣкоторые—Французскую. Одни съ луками, стрѣлами и кривою саблею, другіе съ копьями и щитами, иные въ панцыряхъ и шлемахъ; немногіе тяжело вооружены, почти всѣ составляютъ легкую конницу. У нѣкоторыхъ были бритыя головы, у другихъ стриженныя, у многихъ были отпущены длинные волосы; у однихъ была длинная борода, у другихъ бритые подбородки и длинные усы. Разнообразіе одеждъ, голубыя, зеленыя и красныя платья, дорогіе мѣхà, блестѣвшіе шелкомъ и золотомъ, поражали взоръ зрителей».

Менѣе обстоятеленъ въ описаніи одежды Польской шляхты Юлій Руджери, состоявшій нунціемъ папы Пія V при дворѣ короля Сигизмунда-Августа съ 1566 по 1568 годъ [2]): «Вся шляхта одѣвается богато въ разноцвѣтныя платья, преимущественно Мадьярскія, иногда Итальянскія, не только изъ шелка, но также изъ парчи, подбитыя дорогими мѣхами».

Венеціянскій посолъ, Іеронимъ Липпомано, возвратившись изъ Польши въ 1573 году, въ представленной имъ въ Венеціянскій сенатъ реляціи [3]) говоритъ, между прочимъ, объ одеждѣ

---

[1]) Польскій переводъ въ изданіи Нѣмцевича: «Zbior pamiętnikow historycznych o dawnéy Polszcze», t. I, str. 249.

[2]) «Relatione data al S. S. N. papa Pio V da monsig^r Giulio Ruggieri protonat^o apostolico ritornato nuntio di S. S. dal serenissimo rè di Polonia nell' anno 1568». (Съ рукописи библ. св. Марка въ Венеціи моя копія, стр. 10): «Usano nondimeno li nobili tutti di andare riccamente vestiti, et de varii colori, con habiti per il più all'Ungaresca, benche alle volte vestano ancora all'Italiana, con drappi non solo di seta, ma d'oro ancora e fodre di pelle molto honorate».—Польскій переводъ изд. Рыкачевскаго, «Relacye nuncyuszów apostolskich i innych osób o Polsce 1548—1690 r.», t. I, str. 170.

[3]) «Relazione del regno di Polonia di Girolamo Lippomano l'anno 1575» (Съ рукописи библ. св. Марка въ Венеціи моя копія, листъ 12): «Vestano tutti li nobili pomposamente, e non solo di seta, ma d'argento ancora e d'oro, usando le fodre di perle preziose, ed abiti alcuni all'Italiana, ma per il più all'Unghera, siccome si radano il capo alla medesima usanza, costumando scarpe ferrate, e portando l'estate berretini alla Schiavona, e l'inverno di veluto o d'altro panno fodrati di pelle, adornandoli d'oro e d'argento, con le staffe d'argento, mostrando l'istessa pompa nelle scimitare ed in gran spadoni,

шляхты слѣдующее: «Вся шляхта одѣвается роскошно, не только въ шелкъ, но также и въ серебрянную и золотую парчу, и украшаетъ одежду драгоцѣннымъ жемчугомъ. Нѣкоторые носятъ Итальянскую одежду, но большая часть—Мадьярскую. Подобно Мадьярамъ, брѣютъ голову. Сапоги подковываютъ. Лѣтомъ носятъ шапки Далматинскія, а зимою изъ бархата или другой матеріи отороченныя мѣхомъ, съ золотыми и серебряными украшеніями. Съ такою же роскошью украшаютъ сабли и огромные палаши, которые носятъ за ними ихъ слуги....»

Приведемъ, наконецъ, свидѣтельство извѣстнаго Французскаго историка, De Thou [4]). Онъ такъ описываетъ одежду Польскихъ пословъ, прибывшихъ въ Парижъ къ Генриху Валуа: «Парижане съ удивленіемъ смотрѣли на такихъ видныхъ мужей. Ихъ благородный и нѣсколько гордый взглядъ, ихъ сановитость, длинныя и густыя бороды, собольи шапки, мечи, украшенные драгоцѣнными камнями, сапоги съ серебряными подковками, луки, колчаны—все приводило въ удивленіе и очарованіе».

Лучшій комментарій къ сообщеннымъ нами извѣстіямъ современниковъ находимъ въ произведеніяхъ Польскихъ поэтовъ и публицистовъ. Бѣда тому государству, въ которомъ размножится и крылья распуститъ корыстолюбіе, говоритъ Рей [5]); ибо вмѣстѣ съ нимъ возсѣдаютъ несправедливость и грабительство. И какъ-же всему этому не размножиться при нашихъ издержкахъ, при нашихъ излишествахъ въ питьѣ, въ ѣдѣ, въ посудѣ, въ одеждѣ и въ экипажахъ,—для иныхъ и названія не приберешь. «Если вспомнишь дивныя чухи [6]), фальзарухи [7]), страдіотки [8]), деліи [9]) съ дивными воротниками, жупаны [10]), различные вымыслы Итальян-

---

che si fano portare dietro da loro servitori...» Въ напечатанномъ Рыкачевскимъ Польскомъ переводѣ (op. cit. I, 251—252) есть значительныя ошибки и пропуски.

[4]) Niemcewicza, «Zbior pamiętn. histor.» t. I, str. 231.

[5]) «Żywot poczciwego człowieka» (Краков. изд. 1538 г.), kn. II, kap. VI, ll. 57—58.

[6]) Czucha—шуба, крытая иногда красною камкою. Въ нихъ щеголяли молодые люди и паны. Ксендзы носили Турецкія шубы вмѣсто реверенды (Стрыйковскій). Чуха до сихъ поръ въ употребленіи у Карпатскихъ Лемковъ (см. «Славянскій Сборникъ», томъ I, 37).

[7]) Неизвѣстно, какой родъ одежды. Упоминается только Реемъ. Быть можетъ также, что falszura—длинная Турецкая одежда.

[8]) Родъ куртки, употреблявшійся для верховой ѣзды.

[9]) Делія, у Турокъ телей,—плащъ съ широкими рукавами, подбитый рысьимъ или инымъ мѣхомъ, съ огромнымъ мѣховымъ воротникомъ. Чѣмъ больше былъ воротникъ, тѣмъ пышнѣе считался нарядъ.

[10]) Стародавняя Польская одежда, почетная, въ употребленіи до сихъ поръ кое-гдѣ у простолюдиновъ.

скіе и Испанскіе, дивные плащи, саяны [1]), колеты [2]), оберцухи [3]), становится страшно о нихъ говорить: иныхъ назвать и заказать себѣ не умѣешь, а только прикажешь портному, чтобы сшилъ модное платье. И я слышалъ, что въ иностранныхъ краяхъ, когда случится нарисовать каждый народъ, изображаютъ Поляка нагаго съ ножницами въ рукахъ и кускомъ сукна передъ нимъ—крой себѣ, какъ хочешь! А сколько дивныхъ понталиковъ [4]), феретовъ [5]), эмалевыхъ цѣпочекъ, пестрыхъ беретовъ [6]) съ различными бубенчиками [7]). Есть такіе, что не только на головѣ, но и къ ногамъ привѣшиваютъ эти понталы и фереты. Кто-же можетъ достаточно надивиться этимъ чуднымъ вымысламъ, отъискивая которыя, мы исколесили землю и море, чтобы присвоить ихъ себѣ? А посмотри, сколько блага Божія тратится на эти золоченыя нитки, на эти форботы [8]), на эти теперелли [9]), на эти ткани и шитья, рисунковъ для которыхъ не можетъ уже болѣе выдумывать художникъ. Кто могъ-бы перечислить и запомнить всѣ эти различныя петлицы, строчки, затѣйливыя пуговицы и дивные шнуры съ кистями? Если-бы десять покроевъ выдумалъ въ одну недѣлю, все-таки каждый найдетъ своихъ поклонниковъ. Если будетъ платье съ большимъ воротникомъ по самый поясъ, то скажутъ: хорошо, красиво и удобно— и отъ вѣтра можно прикрыться, и спина не такъ почувствуетъ палочный ударъ. У другаго платья не будетъ воротника и на палецъ,—все таки хорошо: можно свободно оборачиваться на всѣ стороны, и воротникъ не будетъ кусать шею. Если платье съ длинными рукавами, иногда съ тремя, все-таки хорошо: придаетъ важности, когда ѣдешь на лошади, а рукава раздуваются. Если у платья рукава до локтя, все-таки хорошо: движенія свободнѣе и легче сѣсть на коня. Если платье будетъ длинное до земли, все-таки хорошо: кажешься рослымъ, идешь-ли пѣшкомъ, ѣдешь-ли верхомъ, и вѣтеръ не такъ гуляетъ около колѣнъ; если будетъ короткое—по поясъ, все-таки хорошо: чувствуешь себя легче и сво-

---

[1]) Sajan—Итальянская куртка на распашку.

[2]) Kolet—короткая одежда изъ лосьей шкуры для верховой ѣзды.

[3]) Obercuch, съ Нѣмецкаго,—верхнее платье, распущенное или шнурованное.

[4]) Pontal, pontalik — серебряныя и золотыя украшенія въ родѣ бусъ на шеѣ, въ ушахъ и на платьѣ.

[5]) Feret, fereta—пряжка изъ золота или серебра.

[6]) Bieret, biret — старинная рогатая шапка первоначально духовенства и академиковъ, а впослѣдствіи также женщинъ и мужчинъ вообще, даже Жидовъ (желтыя).

[7]) Czętki, cętki—бубенчики металлическіе, янтарные и стеклянные.

[8]) Forbot—кружева, вывозившіяся преимущественно изъ Голландіи бывали даже золотыя и серебряныя. [9]) Teperelle, trepelle—жабо.

боднѣе пѣшкомъ и на конѣ. Если будутъ шпоры въ пол-локтя, также хорошо: красивѣе кажешься на лошади и легче на ней держаться; если будутъ такія, что едва замѣтны на пяткахъ, также хорошо: и легче, и въ травѣ не завязнешь, если лишишься коня. Я увѣренъ, что если-бы кто приставилъ себѣ ко лбу позолоченные рога, то и это нашли-бы также хорошимъ, потому что все хорошо, что появилось сегодня и чего мы не видѣли вчера. А сколько будетъ стоить это хорошее, спросите у кошелька—пусть онъ отвѣтитъ. Одна работа стóитъ теперь столько, сколько прежде вся одежда порядочнаго шляхтича и его челяди».

Такою роскошью въ одеждѣ отъ богатыхъ пановъ заразилась шляхта средней руки, говоритъ Рей въ другомъ сочиненіи, изданномъ десятью годами раньше [10]: подобно панамъ, она украшается рубинами и жемчугомъ, одѣвается въ атласъ и парчу, хотя бы пришлось для этого заложить Жиду свою деревеньку.

На страсть Поляковъ подражать въ одеждѣ иностранцамъ, преимущественно Итальянцамъ, жалуется Мартынъ Бѣльскій въ извѣстной уже читателямъ сатирѣ «Разговоръ двухъ барановъ объ одной головѣ [11]». «Когда глупые Поляки не обращаютъ вниманія на дороговизну, пусть продаютъ (Нѣмцы и Итальянцы) кáкъ можно дороже. Будь самое дорогое платье, скажи только—Итальянское, и Полякъ купитъ, хоть-бы пришлось подъ залогъ занимать. Пока Поляки не знали этихъ Итальянцевъ, до тѣхъ поръ давали хорошій отпоръ непріятелю. А нынѣ самый ничтожный шляхтичъ считаетъ нужнымъ ѣхать въ Италію—посмотрѣть свѣтъ, хотя-бы долженъ для этого заложить вотчину. А вѣдь это народъ изнѣженный, ибо въ маскахъ ходитъ, и въ военномъ дѣлѣ намъ не наставники. Прежде, у насъ этихъ Итальянцевъ не бывало: они занесли къ намъ Французскую болѣзнь (franca), мускусъ и салатъ. Эти широкіе панталоны (pludry [12]), чулочки, горчицу недавно къ намъ принесъ гордый Итальянскій народъ».

Далѣе поэтъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о модныхъ товарахъ, продававшихся въ его время въ суконномъ ряду (sukiennice) въ Краковѣ [13]. «Если пойдешь въ тотъ прекрасный суконный рядъ, то тамъ скоро выворотятъ наизнанку твой кошель. Фалендушемъ [14]) прозвали дорогое Итальянское сукно, чтобъ лу-

10) «Wizerunek żywota człowieka poczciwego» (ed. 1558), Rozdz. II, 15—16. Cnf. V, 53 r°. 11) «Dwie rzadkości bibliograficzne», str. 19.

12) Pludry—заимствованы не отъ Итальянцевъ, а отъ Шведовъ.

13) Ibid. 19—21.

14) Съ Нѣмецкаго fein-Holländisch, тонкое Голландское сукно.

каво сводить съ ума бѣдныхъ Поляковъ. Другое сукно для прелатовъ—зовутъ Итальянцы per cento, чтобы поболѣе выманить денегъ. Навозили котныровъ [1]), чтобъ обрѣзывать кошельки: купите, милые Поляки, есть въ чемъ показаться; а купивши, щипли по перышку съ барвы, продай за это платье старыхъ воловъ и овецъ: есть еще у насъ, слава Богу, иной скотъ. Куда вы дѣли стаметы [2]), двойные кольтрыши [3]), Мехельнскія [4]), Амстердамскія, Фламанскія сукна? Все это вы промѣняли на болѣе дорогія, за которыя Нѣмцы дерутъ съ васъ Польскіе злотые.... Пойдешь ли черезъ суконный рядъ на рынокъ, кричитъ торговка: купите, баринъ, брыжи; есть у меня двойная китайка, тонкое полотно; скажите только, что вамъ нужно....»

Вслѣдствіе страсти къ роскоши и предпочтенія иностраннаго своему родному настала страшная дороговизна на всѣ товары и развилось мошенничество купцовъ: что́ прежде стоило два гроша, продавали за 30, и при томъ низшаго качества.

«Но вернемся къ шляхтѣ, продолжаетъ поэтъ. Какая расточительность! Хотя иного въ крюкъ свели годы, все-таки онъ хочетъ перещеголять другаго въ одеждѣ, имѣть Турецкаго коня, золоченую сбрую. Чтобъ справить для своего коня серебряную упряжь, онъ заложитъ деревеньку съ усадьбою. Его Турецкое платье должно быть до земли; Венгерскіе полусапожки (ciżmy) и огромныя шпоры настали въ наши лѣта. Огромный воротникъ на куцомъ платьѣ прикрытъ шапкою: вѣтеръ и сзаду, и сверху поддуваетъ. Съ тѣхъ поръ какъ въ Польшѣ настали эти огромные воротники, перевелись у молодыхъ людей денежки (halerze, нѣмецкое Häller, мелкая монета): воротникъ больше сто́итъ, чѣмъ все платье. У иныхъ висятъ они до колѣнъ: ихъ оставляютъ въ наслѣдство женамъ вмѣсто недолговѣчныхъ полей....»

А женщины?—«Что за дива строютъ,—людей не стыдятся, Бога не боятся! Принялись читать книги, оставили веретено: отъ того такъ вздорожало у насъ полотно на рубахи. Какіе роскошные наряды каждый годъ вымышляютъ,—удивительно, какъ мужья это допускаютъ. Если нѣтъ своихъ платьевъ, индѣ занимаетъ.... Ибо онѣ сто разъ въ день перемѣняютъ наряды, а если нечего перемѣнить, притворится больною и лежитъ до вечерни.... Всѣ шляхтянки хотятъ имѣть кружевные рукава, хотя-бы пришлось зало-

---

[1]) Ворсъ на сукнахъ. [2]) Легкая шерстяная матерія.
[3]) Простое сукно. [4]) Изъ города Мехельна въ Голландіи.

жить деревню. Юнкеры [5], салтарелле [6], ментлики [7], индераки [8] приводятъ несчастныхъ людей въ разореніе.... Посмотри-жъ, что̀ стоитъ жемчужная рубашка, а на перстень и золотую цѣпочку идетъ послѣдній грошъ....»

Замужнимъ подражаютъ дѣвушки: онѣ отправляются по воскресеньямъ на балъ въ атласѣ; подъ тяжестью золотыхъ цѣпей едва могутъ ходить; зашнурованы такъ, что едва дышатъ.

До насъ дошла весьма ѣдкая сатира Петра Збылитовскаго [9] на страсть Полекъ къ роскошнымъ иноземнымъ нарядамъ. Она начинается такъ: «Что̀ со мною дѣлается? куда я занесенъ? Во Францію, въ Италію, или въ иныя страны? Вѣдь ты, сосѣдушка, просилъ меня къ себѣ на свадьбу, а я вижу удивительные наряды въ здѣшнемъ женскомъ кружкѣ и не замѣчаю тутъ ни одной Польки. Не знаю, кому кланяюсь, кого угощаю. Вотъ тамъ сидитъ Венеціянка, а тутъ—въ одеждѣ Испанской страны; тамъ, вѣроятно, Француженка, а тутъ—въ нарядѣ Нидерландскомъ или Флорентинскомъ. Одна прикрѣпила себѣ къ темени прозрачное покрывало.... другая одѣла на голову блестящую корону, шляпу съ перьями, съ которой ниспадаетъ великолѣпное покрывало, а высоко на лбу стоитъ кудрявая мушка [10]—настоящая чужеземка; третья пришпилила на голову какіе-то воротнички (kreziki) и проткнула ухо жемчужнымъ кольцомъ: жаль, что у носа она не привѣсила чего-нибудь — цѣнную жемчужину, или дорогой рубинъ! На шеѣ ожерелье изъ драгоцѣнныхъ алмазовъ: какъ выноситъ шея такой жесткій гальсбандъ! У той на шеѣ настоящая сѣтка, у другой Фламандское, у третьей газовое покрывало. Одна спустила его на плечи, а другая подставила подъ него серебряный обручъ. А та, посмотри, что̀ въ углу, какой воротникъ одѣла на шею: концы его спустились до самаго пояса. Ну а та въ дорогомъ платьѣ ужаснаго покроя: кругомъ—хоботы [11] не дадутъ ей пошевелиться; шесть рукавовъ виситъ у нея, она усыпана жемчугомъ и разными драгоцѣнностями. А какъ ту охватилъ Португальскій нарядъ! мнѣ даже больно смотрѣть на нее. А когда наклонится, всѣ ноги видны....» Далѣе въ числѣ жен-

---

[5]) Неизвѣстный нарядъ, неупоминаемый Голембёвскимъ. Вислоцкій производитъ отъ Латинскаго jungere—едва ли правдоподобно.

[6]) Saltarella—извѣстный Итальянскій танецъ. Здѣсь разумѣется одежда, вѣроятно, заимствованная у Итальянокъ.

[7]) Mentlik,—съ Нѣмецкаго Mantel, плащъ.

[8]) Inderak, съ Нѣмецкаго Unterrak, юбка.

[9]) «Przygana wymyslnym stroiom białogłowskim» (Krakow, 1603).

[10]) Muszczka kędzierzawa—вѣроятно, особый головной уборъ, а не мушки, которыя налѣпляли на лице. [11]) Растопыренная юбка.

скихъ нарядовъ поэтъ упоминаетъ высокій киверъ, какъ у Турка, какой-то головной уборъ, называемый kornufas, и Испанскій хвостатый козубъ (Hispański kozub ogonisty).

По словамъ Андрея Збылитовскаго [1]), нигдѣ въ чужихъ краяхъ нельзя найти такихъ замысловатыхъ нарядовъ, какіе въ Польшѣ. Женщины подражаютъ мужчинамъ. «Одни одѣваются по-Турецки, другіе по-Персидски, третьи по-Татарски, четвертые по-Итальянски (мнѣ такія фигуры совсѣмъ не нравятся, такъ какъ онѣ имѣютъ въ себѣ что-то подозрительное); есть такіе, что носятъ козацкое или Московское платье. Одинаково одѣваются паны и ихъ слуги. Одинъ далъ себѣ сдѣлать куцый кафтанъ, другой—шаровары, какъ мѣшки, третій—плащъ съ широкими рукавами (телей), четвертый—обрѣзанную делію, въ которой ходитъ, какъ полуощипанный гусь...»

Збылитовскій, подобно Бѣльскому, осмѣивая страсть къ роскоши и къ иноземнымъ нарядамъ современной ему шляхты, вспоминаетъ старыя времена, когда носили простую народную одежду, но зато имѣли денегъ въ изобиліи и не щадили ихъ на нужды государства.

Объ утратѣ народной одежды скорбитъ и Гурницкій; но онъ не имѣетъ достаточно смѣлости, чтобы возстать противъ модныхъ одеждъ, и совѣтуетъ только держаться въ предѣлахъ умѣренности и не впадать въ излишества и крайности [2]). «Нынѣ такъ много у нась нарядовъ, что нѣтъ имъ числа: Итальянскій, Испанскій, Брауншвейгскій, гусарскій двоякій—старый и новый, козацкій, Татарскій, Турецкій и много иныхъ нарядовъ, которыхъ я не знаю. Кромѣ того, одни брѣютъ бороды и отпускаютъ усы, другіе стригутъ бороду по-Чешски, третьи подстригаютъ по-Испански. И усы носятъ различно: одни спускаютъ внизъ, другіе задираютъ вверхъ. Если-же кто совсѣмъ не стрижетъ бороды, то и этому находятъ оправданіе. Хотѣлъ-бы я знать, что-же лучше? Трудно дать на это отвѣтъ. Было-бы желательно, чтобы дворянинъ одѣвался какъ большинство; но, при необыкновенномъ множествѣ нарядовъ, трудно сказать, который болѣе употребителенъ: при томъ-же мы, Поляки, черезчуръ пристрастны къ иностраннымъ нарядамъ... Не знаю, хорошо-ли это, или дурно, что мы, Поляки, не имѣемъ своего собственнаго наряда: вѣроятно онъ былъ прежде, но потомъ омерзѣлъ намъ, когда мы стали гоняться за модами. Охопни намъ не нравятся, а между тѣмъ они пахнутъ честною и святою свободою Польскою, которая была соединена съ

[1]) Ibid. 23—26. [2]) «Żywot szlachcica we wsi», str. 7—8.
[3]) «Dworzanin Polski», ks. II, str. 92—95 (изд. Туровскаго).

здоровьемъ государства, тогда какъ нынѣшніе новые наряды сіяютъ распутнымъ нахальствомъ,—источникомъ всего злаго, которое, сохрани Боже, чтобъ не привело къ Польской неволи...»

«Богъ знаетъ, продолжаетъ авторъ, принесетъ-ли что̀ добраго намъ существующее въ Польшѣ разнообразіе нарядовъ; если же бы разорвали Польшу всѣ тѣ, наряды которыхъ мы носимъ, не знаю, что̀ бы ей осталось. Поэтому нужно просить Бога, чтобы не было у насъ ни столь разнообразныхъ нарядовъ, ни столь дивнаго тщеславія. Возвращаясь-же къ предмету, о которомъ была рѣчь, скажу, что дворянинъ долженъ не уклоняться отъ общепринятаго обычая и одѣваться, сообразно съ своимъ призваніемъ. Если онъ будетъ гусаромъ, то пусть не носитъ огромныхъ воротниковъ и шпоръ (хотя бы находили въ томъ, не знаю—какую, пользу), потому что онъ можетъ быть виднымъ гусаромъ безъ этихъ крайностей. Кому нравится итальянщина, пусть броситъ слишкомъ короткую одежду—саянъ на распашку и одѣвается ка̀къ можно приличнѣе. Прежде все сіяло, а теперь, не знаю почему, вошелъ въ моду черный цвѣтъ—знакъ скорби и печали: хорошо-бы было, если-бы онъ уступилъ мѣсто веселому и блестящему цвѣту, гдѣ это нужно, какъ-то на турнирахъ, на охотѣ, въ маскарадахъ: эти блестящіе цвѣта̀, если они хорошо расположены, имѣютъ въ себѣ грацію, оживляютъ и веселятъ взоры зрителей. Но, кромѣ этихъ случаевъ, пусть одежда дворянина будетъ не слишкомъ пестра ему слѣдуетъ одѣваться степенно, потому что по одеждѣ судятъ о людяхъ. Не даромъ у насъ говорятъ: «iako się widzą, tako się piszą» (какъ тебя видятъ, такъ тебя и пишутъ) или: «szalony strój—szalona głowa» (безумный нарядъ—безумная голова)...

«Прежде всего дворянинъ долженъ заботиться объ опрятности въ одеждѣ; такая—мужская, а не женская—опрятность должна быть соблюдаема не въ одной какой-нибудь вещи, а во всѣхъ: есть люди, которые выбрѣютъ себѣ голову и вздернутъ чуприну, а объ остальномъ не думаютъ; есть и такіе, что̀ разчешутъ себѣ бороду или одѣнутъ акуратные сапожки и мечтаютъ, что ужъ они щеголи. Есть еще и такіе, что̀ заботятся только о головѣ, чтобы шляпа была съ пряжками, съ красивою запонкою и съ разноцвѣтными перьями. Чѣмъ щеголяютъ они, то кажется не ихъ собственностью, а заимствованнымъ у другихъ; ихъ-же собственностью кажется то, что̀ лежитъ на нихъ какъ ни попало...»

Въ томъ, что роскошь въ одеждѣ и страсть къ иностраннымъ нарядамъ имѣла развращающее вліяніе на нравы Поляковъ, согла-

сенъ съ Гурницкимъ знаменитый авторъ сочиненія «О преобразованіи Польскаго государства», Модржевскій[1]). Онъ говоритъ: «Честолюбцы, по большей части, живутъ въ чрезмѣрной роскоши и въ этомъ полагаютъ свою славу: понятно, ка́къ это вредно дѣйствуетъ на нравы. Ка́къ они тщеславятся богатствомъ и разнообразіемъ одежды—невозможно передать словами! Одежду, изобрѣтенную по необходимости для защиты отъ холода и жара или для прикрытія срамныхъ частей тѣла, люди тщеславные и честолюбивые употребляютъ, какъ средство для возбужденія въ другихъ уваженія къ ихъ богатствамъ, знатному происхожденію или къ общественному ихъ положенію: безразсудно они желаютъ, чтобы по блеску одежды считали ихъ великими. Стараясь передать матеріи честь, должную доблести, они болѣе украшаютъ одежду, чѣмъ самихъ себя. Я говорю это не съ тѣмъ, чтобъ не порицать небрежность и неопрятность въ одеждѣ, а чтобы внушить умѣренность и устранить излишнюю роскошь въ одеждѣ, которая, сто́я такъ дорого, доказываетъ только пустоту ума, по слову поэта: «vestitu nimio indulges, nimium ineptus es» (ты слишкомъ заботишься объ одеждѣ, потому что ты слишкомъ глупъ). Разнообразіе формъ и цвѣтовъ одежды обнаруживаетъ разнообразіе и непостоянство нравовъ. Развѣ это не безобразіе, что въ одномъ и томъ-же домѣ члены одного и того-же семейства одѣваются различно—одни по-Нѣмецки, другіе по-Итальянски, а третьи по-Турецки, точно они родились въ различныхъ частяхъ свѣта? Но еще безобразнѣе, когда тотъ, кто утромъ ходилъ въ Итальянской шапкѣ, вечеромъ одѣваетъ Турецкую фалшуру, остроконечную шляпу и красные загнутые сапожки съ желѣзными подковками[2]). На перья тратится весьма много денегъ безъ всякой пользы и въ огромный ущербъ. Этотъ родъ украшеній простителенъ дѣтямъ, но мужей онъ не до-

---

[1]) «De republica emendanda», lib. I, cap. XXII, p. 74.

[2]) Въ современномъ Польскомъ переводѣ Кипріана Базилика (1577 г.) слѣдуетъ любопытная вставка, дополняющая Латинскій подлинникъ: «Пять или шесть лѣтъ назадъ (слѣдовательно, послѣ 1570 года), наши (Поляки) стали носить одежды короче, чѣмъ иностранцы, не стыдясь показывать тѣ части тѣла, которыя должны быть закрыты. А такъ какъ природа устроила наше тѣло такъ, что нѣкоторыя части должны быть скрыты отъ глазъ людей, то слѣдуетъ хвалить длинное платье или доходящее до колѣнъ, какъ признакъ стыдливости и скромности; ибо не только женщины, но и мущины оставивъ приличную одежду, теряютъ стыдъ. Развѣ не мерзко было бы, если бы женщины ходили въ платьяхъ немного ниже шагу? Старая пословица говоритъ: «u onych niemasz czoła, u których wstyd zagasł». А что-же это былъ бы за человѣкъ—безъ чела? Итакъ мы должны думать о стыдѣ, стараться заслужить доброе мнѣніе о себѣ и стыдиться взоровъ и сужденій людей». (По изданію Туровскаго, стр. 123).

стоитъ. Не знаю, не вредитъ-ли добрымъ нравамъ, что золотыя цѣпи—этотъ знакъ храбрости—носятъ одинаково люди храбрые и трусы. Въ Карѳагенѣ, во время его независимости, никому иному не было позволено носить перстней, кромѣ тѣхъ, которые отличались въ сраженіяхъ съ непріятелями: сколько кто совершилъ походовъ, столько перстней носилъ. Нынѣ-же настали такія времена, что не только перстни, но и цѣпи носятъ всѣ безъ разбора—не только люди честные, но и сводники, сутяги и ростовщики. Многимъ кажется, что ихъ мало уважаютъ, если они не сіяютъ золотою цѣпью, и чѣмъ она будетъ цѣннѣе, тяжелѣе и длиннѣе, тѣмъ болѣе будутъ ихъ почитать; а на самомъ дѣлѣ это только тщеславіе богатствомъ и признакъ необразованности».

Изъ вышеприведенныхъ выдержекъ, надѣемся, читатели могли познакомиться не только съ разнообразіемъ нарядовъ въ Польшѣ XVI вѣка, но также со взглядомъ Польскихъ писателей того времени на вопросъ объ одеждѣ. Съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ наше выраженіе: в о п р о с ъ о б ъ о д е ж д ѣ; но кто поглубже вникнетъ въ то значеніе, какое имѣетъ одежда для народа, легко согласится съ нами, что такой вопросъ не только возможенъ въ наукѣ, но даже имѣетъ важное значеніе общественное и государственное. И это понимали Польскіе писатели XVI вѣка: они понимали, что нарядъ самъ по себѣ, какого бы онъ ни былъ покроя и происхожденія, дешево или дорого стоилъ, не имѣетъ никакого значенія для общества и государства, но что важно его вліяніе экономическое и нравственное на народъ. Всякій можетъ одѣваться, какъ ему хочется и нравится; но если для удовлетворенія его прихоти имѣть роскошные и модные наряды истощаются его средства, если онъ рѣшается, для пріобрѣтенія щегольскаго наряда, заложить Жиду или Нѣмцу деревню, продать необходимый въ сельскомъ хозяйствѣ скотъ, какъ это бывало въ Польшѣ XVI вѣка, если потомъ разорившись онъ старается поправить свои дѣла насчетъ государственной казны или выжать послѣдніе соки изъ своихъ хлоповъ, что тоже было нерѣдко между Поляками того времени,—то цѣлое общество и государство заинтересовано въ томъ, чтобъ положить предѣлъ такой пагубной страсти. Вотъ почему Польскіе писатели осмѣивали страсть шляхты XVI вѣка къ роскоши въ одеждѣ, указывали на дурныя послѣдствія экономическія такой страсти и напоминали своимъ современникамъ объ ихъ предкахъ, носившихъ простое платье, но зато располагавшихъ достаточными средствами, чтобъ помочь ближнему

или принести свою лепту въ пользу церкви и отечества: «такъ бывало встарину, говорятъ они, а нынѣ шляхта не даетъ, а только беретъ». Такова экономическая сторона вопроса объ одеждѣ; но онъ имѣетъ еще другую—болѣе важную сторону—національно-политическую. И на эту сторону обращали вниманіе Польскіе писатели XVI вѣка: они скорбятъ, что современная имъ шляхта забыла народный нарядъ и иначе о немъ не вспоминаетъ, какъ съ презрѣніемъ, что подобно ребенку, она съ жадностью кинулась на всевозможные иностранные наряды; они утверждаютъ, что разнообразіе въ одеждѣ порождаетъ рознь въ нравахъ, обычаяхъ, мнѣніяхъ; они высказываютъ даже опасеніе, что зависимость отъ иностранцевъ въ модѣ можетъ кончиться зависимостью отъ нихъ политическою, что со временемъ тѣ народы, у которыхъ Поляки заимствовали наряды, разорвутъ Польшу по клочкамъ, такъ что и слѣда ея не останется. Нѣтъ сомнѣнія, что высокомѣрная шляхта съ улыбкою снисхожденія или сожалѣнія слушала подобныя предсказанія; но увы! имъ суждено было исполниться.

Польская шляхта XVI вѣка отличалась роскошью не только въ украшеніяхъ жилищъ и въ одеждахъ, но также въ экипажахъ и лошадяхъ. Она пренебрегала породою Польскихъ и украинскихъ лошадей и разводила иностранныя породы: Арабскую, Турецкую, Татарскую (бахматъ), Трансильванскую (секель), Испанскую (дзянетъ), Нѣмецкую (фризъ), Англійскую и Итальянскую (Неаполитанскую) [1]). Не жалѣя издержекъ на пріобрѣтеніе дорогихъ лошадей, шляхта не скупилась также на сбрую и упряжь, которыя блестѣли золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями; сѣдла, чепраки, попоны покрывались бархатомъ, атласомъ и краснымъ Итальянскимъ сукномъ съ разными украшеніями. Лошадь убирали, какъ куклу, въ перья, ленты, цвѣты и металлическіе бубенчики. Красинскій говоритъ, что шляхта ѣздила на коняхъ богато убранныхъ; ихъ шею и груди покрывали серебряными или золотыми бляхами и дорогими мѣхами; сѣдла-же, головы и хвосты украшены драгоцѣнными камнями; многіе красили лошадей въ различные цвѣта. По словамъ Липпомано [3]) шляхта украшала лошадей золотомъ, серебромъ, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями; стремена бывали золотыя.

Экипажи были весьма разнообразны. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательны колыбки (kolébka, т. е. колыбель), кораби (ко-

[1]) Ł. Gołębiowskiego, «Domy i dwory», str. 164.

[2]) «Polska», str. 21. [3]) «Relazione del regno di Polonia».

рабли) и кочи (Мадьярское kocsi—экипажъ вообще). Колыбки были большія и малыя; вмѣсто рессоръ, которыхъ въ то время не знали, употребляли цѣпочки или ремни; онѣ обивались бархатомъ и атласомъ, а у наиболѣе богатыхъ были посеребренныя или позолоченныя; подушки были набиты шерстью; покрывала для ногъ дѣлали изъ краснаго атласа. Кареты (karoce, вывозились сначала изъ Вѣны) большихъ размѣровъ назывались кораблями, а коляски (kolasa) полуоткрытыя—кочи: снаружи онѣ обивались разноцвѣтнымъ атласомъ, а внутри серебряною или золотою парчею[4]). На роскошь въ экипажахъ и лошадяхъ Рей та́къ жалуется въ лучшемъ своемъ произведеніи[5]). «Лошадь стоитъ 500 злотыхъ и столько-же сбруя. Какіе хальсбанды (alszband съ Нѣмецкаго halsband), кисти, бахромы! дивно смотрѣть на эти страшные вымыслы нынѣшняго свѣта... Какія также разнообразныя и чудно раскрашенныя колыбки съ вывѣшанными коврами, съ подушками изъ золотой парчи, съ покрывалами изъ краснаго атласа, съ позолоченными львами! А сколько это сто́итъ, кто расчитаетъ? Какъ-же при этомъ не размножиться корыстолюбію и грабительству? Какъ-же при этомъ можетъ остаться правда и справедливость? возможна-ли при этомъ беззаботная и веселая жизнь? Доставай, гдѣ хочешь, fas или nefas, чтобъ только удовлетворить страсти къ роскоши и съ другими сравняться, хотя бы пришлось кривить совѣстью и занимать безъ отдачи».

Шляхетскіе экипажи запрягались обыкновенно шестернею, потому что, какъ тогда говорили,

Już teraz tuzem jezdzić i kwatrem i dryją
Tylko tym należy, co żebracko żyją

(т. е. ѣздить въ одну, четыре и три лошади считается теперь приличнымъ только тѣмъ, которые живутъ, какъ нищіе).

Андрей Збылитовскій[6]) говоритъ, что шляхтичъ считалъ «необходимымъ имѣть коляску, внутри обитую телетомъ[7]), а снаружи покрытую бархатомъ, запряженную въ шестерку лошадей. Пажи должны быть одѣты въ дорогой атласъ. Кто-же, спрашиваю, сидитъ въ коляскѣ? Одна только пани въ коронѣ; а я думалъ—королева, потому что шляхтянка не держитъ такъ роскошно убран-

[4]) Ł. Gołębiowski, o. c. 174—176.
[5]) «Żywot człowieka poczciwego» (ed. 1568), list. 58.
[6]) «Żywot szlachcica we wsi» (изд. Туровскаго) str. 7—8.
[7]) Telet, tylet, telej — родъ дорогой матеріи, изъ которой дѣлали платья. Локоть бархата стоилъ 20 талеровъ, парчи 100, а телета 50.

ныхъ пажей, и непристойно ей ходить въ такой коронѣ и впрягать въ коляску такихъ дорогихъ Турецкихъ коней.... Богатыя украшенія вашихъ колясокъ (к о ч и), обитыхъ дорогими коврами, показываютъ, что у васъ господствуетъ такая роскошь, какой нѣтъ у иныхъ народовъ. Вы болѣе ихъ украшаете, чѣмъ алтари въ костёлахъ; вы дѣлаете изъ нихъ настоящія Армянскія лавки....»

Но какъ-бы ни были велики издержки на убранство домовъ, на одежду, на лошадей и экипажи, онѣ были ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ тратилось на содержаніе д в о р о в ъ богатой шляхты, устроенныхъ по образцу королевскаго. Безпристрастный наблюдатель современныхъ нравовъ и обычаевъ, К р о м е р ъ [1]) говоритъ, что шляхтичъ иначе не выходилъ изъ дома, какъ въ сопровожденіи свиты (assedis maribus), а шляхтянку, кромѣ мужчинъ, сопровождали женщины. Съ этою цѣлью каждый содержитъ въ своемъ домѣ, сообразно со своими средствами, д в о р ъ (famulitium): дворянъ одѣваютъ въ однообразныя и одноцвѣтныя одежды, не щадя издержекъ. Болѣе почетные изъ нихъ сопровождаютъ пана пѣшкомъ, если онъ ѣдетъ верхомъ на лошади или въ экипажѣ въ городѣ или въ предмѣстьяхъ; сенаторовъ же окружаетъ цѣлая толпа на лошадяхъ и пѣшкомъ: передъ ними идутъ болѣе почетные, а за ними и остальные съ пажами. Шляхтянкамъ предшествуетъ мужская свита, а женская слѣдуетъ за ними. При выборѣ дворянъ и слугъ обращается вниманіе не только на ихъ способности, но также на ростъ, красоту, щеголеватость (elegantia) и происхожденіе. Есть много молодыхъ шляхтичей, которые или для личнаго образованія, или по бѣдности, или же для снисканія покровительства за незначительное жалованье, или же даромъ служатъ при дворахъ не только знатныхъ пановъ и епископовъ, но даже равныхъ себѣ, а иногда и низшихъ по происхожденію, особенно же тѣхъ, которые или занимаютъ государственныя должности, или имѣютъ вліяніе при королевскомъ дворѣ, или же отличаются богатствомъ, умомъ и ученостью. Ихъ служба продолжается, пока имъ самимъ и господамъ нравится. Многіе принимаютъ къ своему двору на воспитаніе сыновей даже богатыхъ своихъ родственниковъ и друзей. Съ этою же цѣлью отдаются ко дворамъ и дѣвушки. Такая служба вовсе не считается постыдною и позорною: напротивъ, на нее смотрятъ, какъ на школу жизни. Нерѣдко случается, что тотъ, въ услуженіи котораго находится сынъ, служилъ его родителямъ. Полагаютъ,

[1]) «Polonia» (ed. 1576), pp. 87—89.

что такой способъ воспитанія имѣетъ хорошую сторону, ибо поддерживаетъ равенство между неравными по фортунѣ. Многіе низкаго происхожденія и бѣдные, пройдя эту школу, достигали высшихъ почестей и большихъ богатствъ, благодаря отчасти своимъ способностямъ, отчасти же покровительству своихъ пановъ....»

По словамъ другаго современника, Гваньини [2]), шляхта содержитъ невѣроятное множество дворянъ и слугъ, которые ничего инаго не дѣлаютъ, какъ только сопровождаютъ пана, если онъ куда-нибудь отправляется, или исполняютъ его порученія. Механическую работу дворяне-шляхтичи считаютъ позорною: ее исполняютъ хлопы, содержимые съ этою цѣлью при панскихъ дворахъ. Вопреки западно-Европейскому обычаю, панамъ служитъ шляхта, большею частью равнаго съ ними происхожденія и воспитанія. Отъ того, когда панъ садится за столъ, садятся вмѣстѣ съ нимъ дворяне въ порядкѣ, предписанномъ этикетомъ, занимая иногда три или четыре стола; имъ подаютъ роскошныя блюда въ такомъ количествѣ, что каждый изъ нихъ своею порціею можетъ прокормить еще трехъ слугъ: обыкновенно, наѣвшись досыта, дворянинъ передаетъ блюдо стоящему за нимъ слугѣ. Тотъ дворянинъ считается у Поляковъ лучшимъ, который болѣе пьетъ за здоровье пана. При каждомъ дворянинѣ находится нѣсколько слугъ и пажей, у которыхъ опять есть свои слуги и пажи, и это соблюдается до четвертой степени. Всѣ они получаютъ столъ и жалованье отъ пана. Большая ихъ часть служитъ только при столѣ. По окончаніи обѣда или ужина, насытившись, они преклоняютъ колѣна предъ паномъ, снимаютъ шапки и уходятъ, куда хотятъ. Случается, что слуга три—четыре дня или же цѣлую недѣлю пируетъ въ корчмѣ въ въ веселой компаніи и не показывается на глаза пану. Рѣдко когда онъ спроситъ о причинѣ долгаго отсутствія своего слуги, и въ такомъ случаѣ получаетъ отвѣтъ: «весело пилъ за здоровье пана»,— и панъ съ улыбкою поблагодаритъ его и еще щедро наградитъ. Когда-то случилось, что одинъ епископъ раздавалъ черезъ своего подскарбія (казначея) жалованье дворянамъ и слугамъ, разставленнымъ въ извѣстномъ порядкѣ; въ ихъ ряды втерся какой-то тунеядецъ, который никому не служилъ, а только ежедневно ѣлъ и пилъ за епископскимъ столомъ; слуги пришли въ негодованіе отъ его нахальства и стали ворчать, что онъ, ни кому не служа, желаетъ получать жалованье. Услышавъ это, епископъ спросилъ

[2]) «Sarmatiae Europeae descriptio» (Poloniae descriptio), ff. 78 r° — 79.

его, кому онъ служитъ и какой родъ его службы. «Вашему преосвященству служу, отвѣчалъ онъ, и усердно исполняю то, что и другіе». Когда-же епископъ спросилъ, въ чемъ состоитъ его служба, отвѣтилъ: «ежедневно два раза за вашимъ столомъ весело ѣмъ и пью». И епископъ разсмѣявшись заплатилъ ему жалованье.

Итальянецъ Фульвій Руджери (Ruggieri), сопровождавшій въ Польшу папскаго нунція, кардинала Коммендони, въ своей реляціи, помѣченной 1565 годомъ[1]), говоритъ, что много бѣдной шляхты находится на службѣ у болѣе богатой и что ни одинъ шляхтичъ не принимаетъ къ себѣ въ услуженіе хлоповъ, которые занимаются только обработкою земли... Шляхта живетъ обыкновенно съ большою роскошью, любитъ содержать много слугъ и лошадей, такъ-что многіе шляхтичи имѣютъ ихъ сто и болѣе: слуги сопровождаютъ пановъ въ путешествіи верхомъ на лошадяхъ, а въ городѣ идутъ за ними пѣшкомъ. Сенаторамъ предшествуютъ дворяне, а толпа слугъ сопровождаетъ ихъ; мущины идутъ передъ панями, а женщины слѣдуютъ за ними. Другой Итальянецъ, Іеронимъ Липпомано[2]) говоритъ, что шляхта старается держать какъ можно болѣе слугъ и что на роскошное ихъ содержаніе тратитъ болѣе, чѣмъ дозволяютъ средства.

Какъ были многочисленны панскіе дворы, можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ: при дворѣ князя Константина Острожскаго было 2000 шляхты подъ начальствомъ гофмаршала-воеводы, получавшаго ежегодно 70,000 злотыхъ (на нынѣшнія деньги 1,100,000 злотыхъ) за то, что онъ два раза въ годъ—въ торжественныхъ случаяхъ являлся къ нему на службу; у Яна Замойскаго было нѣсколько сотъ пажей, множество шляхты и большое придворное войско; дворъ Станислава Любомірскаго состоялъ изъ 6000 дворянъ, слугъ и воиновъ, а на войну онъ водилъ 9000 человѣкъ; у Станислава Яблоновскаго, воеводы Русскаго, было 7000 дворянъ, слугъ и воиновъ[3]). Естественно, что при столь многочисленныхъ дворахъ должно было соблюдаться извѣстное чиноначаліе. Меньшіе дворы состояли изъ дворянъ и слугъ; при дворахъ знатныхъ пановъ были, кромѣ того, дружина и войско.

Дворяне (dworzanie) служили одному только пану. Между ними бывали богатые шляхтичи, жившіе при панскомъ дворѣ на соб-

---

[1]) «Relacye nuncyuszów apostolskich», t. I, str. 125, 127.

[2]) Relazione del regno di Polonia», 1575 (Ркп. библ. св. Марка). У Рыкачевскаго въ Польскомъ переводѣ, I, 252.

[3]) Ł. Gołębiowskiego, «Domy i dwory», str. 198, 202. Moraczewskiego, «Dzieje rzeczyposp. Polsk.», t. VI.

ственномъ содержанiи и служившiе только ради собственной своей пользы: ихъ называли панскою дружиною (drużyna pańska, assistentia). Менѣе богатые получали содержанiе отъ пана: ихъ называли вообще дворянами. Начальникомъ двора былъ маршалъ (marszałek), которому были подчинены дворяне-маршалы. За ними слѣдуютъ старосты, ключники, канцлеры и цѣлая вереница такъ называемыхъ оффицiалистовъ (officyaliści), занимавшихся хозяйствомъ пана. Важное мѣсто между дворянами занимали ксендзъ-капеланъ, докторъ (часто иностранецъ), гувернёръ панскихъ дѣтей и секретарь, который иногда бывалъ посвященъ въ тайны политики. Въ числѣ дворянъ непремѣнно также находился шутъ (błazen или stańczyk), потѣшавшiй пана шутками и позволявшiй себѣ иногда рѣзкiя выходки противъ дворянъ[4]).

День при панскомъ дворѣ начинался слушанiемъ богослуженiя въ костёлѣ, какъ говоритъ Петръ Збылитовскiй[5]): «Рано вставши, отправлялись въ костёлъ помолиться Богу, а потомъ собирались передъ панскимъ покоемъ въ ожиданiи приказанiй и порученiй пана».

Иногда дворянамъ приходилось долго подпирать своими плечами панскiя двери, какъ выражается Андрей Збылитовскiй[6]), и они отъ бездѣлья пускали на вѣтеръ пухъ и, какъ лошади, стучали въ землю подковами, бренча шпорами. Вообще дворяне проводили въ праздности время, которое могли бы употребить съ пользою для себя и для отечества, и тратили здоровье въ неумѣренныхъ попойкахъ; а потому поэтъ сожалѣетъ, что шляхтичи отдаютъ своихъ дѣтей ко дворамъ, вмѣсто того, чтобы прiучать ихъ къ сельскому хозяйству[7]).

Не то было въ старину: тогда паны не тратились на роскошную одежду для своихъ дворянъ и награждали ихъ по заслугамъ, а дворяне были дѣятельны, трезвы и здоровы. Такъ противополагаетъ современнымъ дворянамъ дворянъ стараго времени Петръ Збылитовскiй[8]): «У каждаго даже незначительнаго пана дворяне

---

[4]) Ibidem, 203—205.—Maciejowskiego, «Polska pod względem obyczajow», t. II, str. 241—243, 249—250.

[5]) «Schadzka ziemiańska» (изд. Туровскаго), str. 21.

[6]) «Żywot szlachcica we wsi» (изд. Туровскаго), стр. 6:

Nie pragnę ja podpierać cudzych drzwi ramiony,
I biegać za nastułką pańską, jak szalony....
Czupryny wygoliwszy na piórka dmuchali,
Podkówkami jak szkapy w ziemię kołatali,
Ostrogami brząkając....

[7]) Ibid. p. 11. [8]) «Zchadzka ziemiańska», str. 19—22

такъ одѣты, какъ прежде не бывало: у одного хранится въ ларцѣ цвѣтная делія на рысьемъ мѣху, у другаго парчевая на куньемъ или на собольемъ мѣху. Но лучше было прежде ходить въ сѣромъ жупанѣ, въ лосьей шкурѣ, иль въ старомъ кафтанѣ, потому что паны старались тогда обезпечить каждаго своего слугу на будущее время, смотря по его заслугамъ: они дарили не шелковыя матеріи, а деревни; кто-же менѣе заслужилъ, тому давали хорошее солтыство или войтовство, мельницу или корчму, и эти панскіе дары перешли къ внукамъ, которые понынѣ хорошо живутъ получаемыми съ нихъ доходами... Въ то время, когда паны такъ награждали своихъ дворянъ, ихъ содержаніе обходилось гораздо дешевле: ихъ одежда не стоила цѣлыя тысячи; значительный шляхтичъ получалъ жалованья двѣ гривны въ кварталъ (три мѣсяца); не подавали на столъ множества блюдъ; бутылку вина ставили только передъ паномъ, маршалу едва давали одну рюмочку, а молодому дворянину ничего. И это не по скупости, а по привычкѣ къ трезвости. Послѣ обѣда бывали приличныя забавы, а не легкомысленные разговоры. Парни отличались передъ паномъ въ верховой ѣздѣ, въ гимнастическихъ играхъ, въ стрѣльбѣ, въ фехтованіи. И зато былъ народъ здоровый и тѣломъ, и умомъ: не нужно было водки для пищеваренія, ни заморскихъ травъ для возбужденія аппетита... И было пріятно пану имѣть дѣло съ такими слугами—исправными, трезвыми, вѣжливыми. А теперь для чиновниковъ у великаго пана настоящее чистилище, особенно-же для старшаго слуги (маршала). Да и самому пану бываетъ бѣда отъ многочисленнаго двора: вмѣсто того, чтобы спокойно сидѣть въ своихъ палатахъ и заниматься важными государственными дѣлами, онъ часто долженъ сердиться на неисправныхъ слугъ. А въ какой бѣдѣ старшій слуга: ни днемъ, ни ночью онъ не имѣетъ покоя. Тѣ ночью подрались, другіе двери выбили, третьи чуть не подожгли панское мѣстечко. Тотъ въ шутку приколотилъ пивничаго, а другой столкнулъ съ лѣстницы эконома. Что̀ дѣлать маршалу противъ такого своеволія? Наказать рукою, сохрани Боже; словами не урезонишь пьянаго. Станетъ мирить подравшихся, а разбившихъ двери штрафуетъ... Итакъ, по двумъ причинамъ въ старину каждый богатый панъ держалъ болѣе многочисленный дворъ и такъ щедро награждалъ своихъ слугъ: во-первыхъ, имъ лучше служили, чѣмъ теперь, а во-вторыхъ—легче было содержать слугъ, потому что они отличались трезвостью. А теперь — хорошо это знаютъ имѣющіе въ своихъ рукахъ хозяйство пановъ — ка́къ

дорого обходится содержаніе панскаго двора, какъ всѣмъ хочется ежедневно пировать, напиваться до безобразія, имѣть весь столъ заставленнымъ блюдами—варенымъ и жаренымъ мясомъ, дичью и тортами: всего этого вдоволь у дружины. Каждый хочетъ имѣть роскошное платье—изъ бархата, атласа и дорогаго пурпура. О, безуміе! лучше было прежде, когда цѣлый годъ ходили въ сѣрой одеждѣ; ибо теперь дворяне тѣмъ и ограничиваются, что пышно одѣваются, попиваютъ винцо, приправляютъ кушанья пряностями. И хотѣлъ бы панъ обезпечить своего слугу, чтобы привязать его къ себѣ на долгое время или вѣрнѣе до смерти, какъ это бывало въ старину; но теперь (дворянинъ) едва прослужитъ четверть года, чтобы дождаться только шелковаго жупана, и уходитъ къ другому пану: обдираютъ только пановъ, а сами ничего не имѣютъ...»

Дворяне чиновные, т. е. занимавшіе придворныя должности, не только обдирали, но и обкрадывали своего пана, какъ пишетъ Рей [1]). «Этого знатнаго князя зовутъ Зелаторомъ: повѣрь мнѣ, онъ много ломаетъ себѣ голову, чтобы не унизить своего сана, и отъ того онъ такъ блѣденъ. Его замокъ на горѣ называютъ Tumultus: повѣрь, что въ немъ бываетъ не одинъ stultus; ибо гдѣ разбушуетъ своеволіе, тамъ изъ костёла станетъ вертепъ разбойниковъ. Изъ тѣхъ двухъ, что ѣдутъ впереди, одного зовутъ Invidus, а другаго Cupidus: это важные дворяне, которые имѣютъ великое попеченіе о цѣломъ замкѣ. По правой рукѣ ѣдетъ панъ Avarus: онъ все загребаетъ, что только попадется. Если-бы ты посмотрѣлъ на его сокровища, подумалъ-бы, что пришелъ въ домъ знатнаго князя; но ничѣмъ онъ не пользуется, все гніетъ въ ожиданіи его смерти. По лѣвой рукѣ ѣдетъ Simulator—сильный пана Procurator. При немъ съ другой стороны Adulator — его племянникъ. Оба получаютъ большіе доходы съ своихъ должностей, какъ всѣ это знаютъ. Того, что̀ несетъ жезлъ, называютъ Superbia: гордо на всѣхъ смотритъ, никого не знаетъ и никто его не знаетъ, только всѣ пальцемъ на него указываютъ, какъ на шута... За нимъ ѣдетъ панъ Приватъ—первый совѣтникъ: повѣрь, что и онъ имѣетъ не мало въ кладовой, потому что, подъ видомъ попеченія о всѣхъ, онъ печется только о самомъ себѣ. Всѣ это знаютъ, но никто не смѣетъ доложить объ этомъ пану. А вотъ стороною ѣдетъ панъ Rixa—извѣстный нахалъ и забіяка, съ искривленною губою, съ выбитыми зубами. За нимъ ведетъ запаснаго коня Козырь—пріятный собе-

[1]) «Wizerunek żywota człowieka poczciwego» (изд. 1558 г.), Rozdz. VI, 74—75.

сѣдникъ, который получаетъ иногда шишки на лбу, не смотря на трехъ королей и на трехъ тузовъ. Передъ гвардіею бьетъ въ барабанъ Nugas—парень знатнаго рода, родной племянникъ Симулятора: и онъ не скрывается отъ пирушекъ и, какъ мудрецъ, пользуется, чѣмъ можетъ. Старосту замка зовутъ Забираломъ (Sobiegarnem): это хитрая голова; онъ постоянно грѣетъ себѣ руки, никогда не упуститъ поживиться, чѣмъ можно, и часто чужой кошелекъ къ нему заблудится. Онъ не думаетъ о справедливости: только-бы нажиться, хотя бы и кривдою. Не мало тамъ иныхъ чиновниковъ—всякаго сброда: каждый хватаетъ, что̀ попадется, и лакомъ до кошелька, какъ ястребъ до падали; ибо корыстолюбіе тамъ въ большой силѣ, и каждый помышляетъ о поживѣ болѣе, чѣмъ о панѣ...»

Конечно, не всѣ дворы были одинаковы: каковъ былъ панъ, таковы были обыкновенно его дворяне. У пана пьяницы, картежника и развратника дворяне проводили дни и ночи въ кутежѣ и за картами; но были и такіе паны, дворъ которыхъ былъ настоящею школою для молодыхъ людей: тамъ они учились наукамъ и литературѣ, знакомились со свѣтскими обычаями или изучали военное искусство. Такимъ, напримѣръ, былъ дворъ Короннаго канцлера, епископа Краковскаго, Самуила Мацѣёвскаго, описанный Гурницкимъ въ его «Дворянинѣ». «У Кракова, надъ рѣчкою Прондникъ, говоритъ онъ, [1]) Самуилъ Мацѣёвскій, епископъ Краковскій и канцлеръ Коронный, построилъ прекрасный домъ въ Итальянскомъ вкусѣ, между прочимъ, для того, чтобы имѣть гдѣ принимать и угощать иностранцевъ и пословъ великихъ державъ, ибо, занимая высокое положеніе въ государствѣ, онъ долженъ былъ держать открытый домъ, что̀ было не такъ удобно въ самомъ городѣ, какъ въ его окрестностяхъ, и это не для наслажденій или изъ чванства, которымъ онъ гнушался, а ради чести короля и славы Польскаго народа. Для достиженія столь похвальной цѣли, природа щедро надѣлила его необходимыми качествами внѣшними и внутренними: осанка у него была настоящая панская; его пріятное лице выражало искренность и добродушіе; онъ отличался проницательностью ума, опытностью въ государственныхъ дѣлахъ и неутомимою дѣятельностью; въ счастьи онъ не былъ гордъ, въ несчастьи не падалъ духомъ; но болѣе всего заслуживаетъ похвалы его самообладаніе: онъ не стремился къ пріобрѣтенію богатствъ,

---

[1]) «Dworzanin Polski» (изд. Туровск.), str. 10 — 12. (По Варшавскому зданію 1761 г., стр. 1—4).

не расточалъ значительныхъ своихъ средствъ, не былъ грознымъ, имѣя власть, должность свою исполнялъ богобоязненно, жилъ примѣрно, такъ-что никто не зналъ и не слышалъ о какихъ нибудь грубыхъ его недостаткахъ. Человѣческое чувство такъ мудро въ немъ соединялось съ сенаторскимъ достоинствомъ, что нельзя было узнать, что въ немъ преобладаетъ. Онъ былъ настоящимъ паномъ не потому, что̀ былъ богатъ, а потому, что умѣлъ владѣть собою. Этотъ епископъ, какъ второй Сократъ, окружалъ себя людьми честными, учеными и дѣятельными; не жалѣя ни издержекъ, ни стараній на привлеченіе такихъ къ своему двору, который былъ знаменитою школою для шляхты, и жилъ съ ними не какъ панъ съ слугами, а какъ отецъ съ сыновьями, радуясь всякому, кто желалъ провести свою молодость при его особѣ. А такъ какъ онъ постоянно жилъ при королевскомъ дворѣ, то знатнѣйшіе шляхтичи старались быть въ домѣ епископа Мацѣёвскаго не гостями, а своими. Тамъ можно было и другихъ послушать, и себя показать въ кругу тѣхъ знаменитыхъ людей, которыми былъ полонъ его дворъ. Глядя на своего пана и удивляясь въ немъ столь великимъ дарамъ Божіимъ, прямодушію, умѣренности, добротѣ, стыдливости, благочестію, всѣ постоянно брали съ него примѣръ, и каждый, кто хоть сдалека могъ приблизиться къ этому идеалу, становился современемъ великимъ человѣкомъ и пользовался любовью согражданъ. Такъ, напримѣръ, доблестный Пржерембскій, который изъ дворянъ Мацѣёвскаго сталъ сначала Короннымъ подканцлеромъ, потомъ епископомъ Холмскимъ и, наконецъ, архіепископомъ Гнѣзненскимъ съ великою для себя честью и славою, заслужилъ всеобщую любовь, потому что къ своимъ природнымъ доблестямъ—къ уму, къ трудолюбію, къ необыкновенной дѣятельности и къ инымъ добрымъ качествамъ—присоединилъ нѣкоторые обычаи своего пана... Я не намѣренъ перечислять тѣхъ, которые изъ школы Мацѣёвскаго достигли высшихъ должностей въ церкви и государствѣ, а скажу только, что изъ Троянскаго коня не вышло столько храбрыхъ воиновъ, сколько изъ дома епископа Мацѣёвскаго добрыхъ, доблестныхъ и способныхъ людей».

Самъ Гурницкій былъ дворяниномъ Мацѣёвскаго; при его дворѣ возникъ въ головѣ Гурницкаго тотъ идеалъ Польскаго дворянина, который онъ представилъ въ знаменитомъ своемъ произведеніи, столько-же замѣчательномъ по образцовому языку, сколько по тѣмъ даннымъ, которыя въ немъ содержатся для характеристики современныхъ автору дворянъ. Гурницкій жалуется, что дворяне обык-

новенно подражаютъ пану въ томъ, что̀ есть въ немъ дурнаго и смѣшнаго. «При дворѣ графа Гурки, кастеляна Познанскаго, говоритъ онъ [1]), есть дворянинъ, который старается подражать своему пану не въ хорошихъ его качествахъ, а въ произношеніи въ носъ. Вообще-же есть много такихъ дворянъ, которые полагаютъ, что много выиграли, если умѣютъ что̀ дѣлать, какъ панъ; но, желая подражать ему въ обычаяхъ, обыкновенно перенимаютъ то, что̀ достойно въ немъ порицанія». Восхваляя нравы и обычаи дворянъ прежняго времени, Гурницкій [2]) скорбитъ, что «между дворянами не только совсѣмъ исчезла братская любовь и порядочная жизнь съ добрыми обычаями, но что даже нигдѣ нельзя найти болѣе зависти, злобы, разврата, измѣны, лицемѣрія и всякихъ пороковъ, какъ при дворахъ».

«Мнѣ было уже двадцать лѣтъ, говоритъ онъ далѣе [3]), жалуясь на испорченность современныхъ нравовъ,—а я еще не былъ отлученъ отъ матери и сестеръ, и потомъ еще много лѣтъ я не зналъ, что̀ такое foemina, а теперь мальчишки, дѣти, едва вышедшіе изъ пеленокъ, болѣе знакомы съ развратомъ, чѣмъ въ то время взрослые люди». Далѣе Гурницкій излагаетъ правила придворной жизни, почерпнутыя имъ при дворѣ Мацѣёвскаго: дворянинъ долженъ держать себя съ достоинствомъ, избѣгать во всемъ крайностей и постоянно имѣть въ виду честь и славу не только самого себя, но и пана, которому онъ служитъ [4]); онъ долженъ помнить, что онъ не болѣе, какъ слуга, и что онъ обязанъ любить и чтить своего пана, какъ земнаго бога, и стараться во всемъ угождать ему [5]); волю пана онъ долженъ исполнять безъ прекословія и безъ лести; изъ угожденія пану онъ долженъ переломить себя и дѣлать даже то, къ чему чувствуетъ отвращеніе; предъ лице пана онъ долженъ являться съ веселымъ челомъ, оставивъ всякую злую мысль до̀ма; онъ долженъ остерегаться сплетенъ и не говорить ничего дурнаго о панѣ, если бы даже былъ имъ обиженъ; пусть онъ избѣгаетъ разврата, не разноситъ новостей; пусть будетъ остороженъ въ разговорѣ, не упорствуетъ, не споритъ, не хвастаетъ, а держитъ себя скромно и съ

[1]) Ibid. 39—40. [2]) Ibid. 68. [3]) Ibid. 70. [4]) Ibid. 73—76.

[5]) Ibid. 83: «Towarzystwo między dworzaninem a panem zda zię jakoby żadną miarą być nie mogło; to dla tego, iż sobie są nierówni. Ale jednak tak się to porówna; kiedy dworżanin będzie zawżdy na to pomniał, iż on jest sługą, a pan panem,—k'temu iż pana swego prawdziwe miłować, i we czci, jako ziemskiego boga, mieć będzie, wszystek się stosując k'temu obycjajmi, sposobem życia, chęcią szczerą. aby mu się co najwięcej pobobał».

достоинствомъ; пусть не дозволяетъ себѣ фамильярности въ обращеніи съ паномъ подобно тѣмъ, которые, имѣвъ разъ случай говорить съ какимъ-нибудь знатнымъ воеводою, при встрѣчѣ съ нимъ бѣгутъ къ нему съ ужимками и усмѣшками; пусть ничего у пана не проситъ для себя и безъ его приказанія не входитъ въ его комнату, а когда панъ позоветъ его къ себѣ, пусть старается развлечь его пріятною бесѣдою и остерегается наскучить ему пустою болтовнею» [6]).

Подобно Гурницкому и многимъ другимъ своимъ современникамъ, Модржевскій [7]) смотрѣлъ на дворъ, какъ на отличную школу для шляхты; но при этомъ сознавалъ, что дворы его времени далеко не соотвѣтствовали его идеаламъ. При дворахъ, говоритъ онъ, есть много молодыхъ людей, которые съ легкостью усвоиваютъ себѣ придворные нравы и обычаи, но, къ сожалѣнію, рѣдко съ пользою для себя; ибо при дворахъ господствуютъ тщеславіе, необыкновенная роскошь въ посудѣ, одеждѣ и пирахъ, зависть и интриги, глупость и злоба; дворяне забавляются любовными пѣснями и посланіями, и кто въ нихъ не находитъ удовольствія, того считаютъ дуракомъ; они проводятъ время въ игрѣ въ кости, въ развратѣ и попойкахъ, или забавляются съ шутами, или занимаются сплетнями; они гнушаются не только ремеслами, но и науками. Въ такомъ развращеніи придворныхъ нравовъ Модржевскій винитъ пановъ, которые, вмѣсто того, чтобы обуздывать и карать молодежь, сами подаютъ ей дурной примѣръ своимъ поведеніемъ.

Говоря о дворянахъ, нельзя забыть шута (błazen, trefnis или stańczyk), который былъ необходимымъ украшеніемъ какъ королевскаго, такъ и панскаго двора. Шутовъ называли и называютъ до сихъ поръ Поляки «станьчиками» по знаменитой, исторической личности, называвшейся этимъ именемъ (Stańczyk уменьшительное отъ Станиславъ) и бывшей придворнымъ шутомъ Альбрехта, Александра и Сигизмунда I. Кохановскій, Гурницкій и Бѣльскій сохранили довольно много образцовъ его остроумія. Хорошо зная всѣхъ при королевскомъ дворѣ, онъ говорилъ, что въ Польшѣ есть только два человѣка, которые не выдадутъ тайны — архіепископъ Гамратъ и епископъ Самуилъ Мацѣёвскій: первый, ничего не зная, показываетъ видъ, будто-бы все знаетъ, а второй, все зная, притворяется, что ничего не знаетъ. Указывая на пьявки, которыя

---

[6]) Ibid. 84—86.

[7]) «De republica emendanda», lib. I, cap. VII, pp. 23 — 24 (ed. Basileae 1554).

ставили больному Сигизмунду, Станьчикъ сказалъ: «вотъ настоящіе дворяне и друзья короля». Находясь въ Варшавѣ, онъ замѣтилъ, что почти за каждою панею слуга несъ въ костёлъ подушку (на которой становились на колѣни), и, какъ бы не зная назначенія этихъ подушекъ, спросилъ: «развѣ эти пани будутъ спать въ костёлѣ?» Подобныхъ остротъ Станьчика современники записали довольно много, а это показываетъ, что онъ мѣтко попадалъ въ цѣль. При раздражительномъ Сигизмундѣ-Августѣ онъ впалъ въ немилость, потому что его остроты иногда попадали въ больное мѣсто короля.

Современникомъ Станьчика былъ шутъ Гонска (Gąska, Гусакъ), дожившій до 80 лѣтъ. Кохановскій почтилъ его эпитафіею, начинающеюся словами:

Już nam, Gąska nieboże, nie będziesz błaznował [1]).

Роль придворнаго шута была не такъ ничтожна, какъ кажется съ перваго взгляда: онъ не только забавлялъ, но въ шутливой формѣ высказывалъ горькую правду самому даже королю; это была совѣсть двора.

Слугъ называли барвою (barwa съ нѣмецкаго Farbe), потому что они носили ливрею одинаковаго цвѣта, именно такого, какой принятъ въ домѣ ихъ пана. Старшихъ возрастомъ называли pachołkami, младшихъ pacholętami и chłopiętami. Въ услуженіе брали не только Поляковъ, но и иностранцевъ—Мадьяръ, Турковъ, Татаръ, Козаковъ, Негровъ, Цыганъ и т. д. Мужская прислуга находилась подъ начальствомъ гофмаршала, а женская, называвшаяся фрауцимеромъ, подъ начальствомъ старой пани или экономки. Каждый слуга вписывалъ въ свой реестръ (rejestr) обязанности, возложенныя на него гофмаршаломъ, и свыше положеннаго ничего не хотѣлъ дѣлать. Отъ трудной работы каждый отказывался, а на легкую бросалось нѣсколько человѣкъ разомъ. Гурницкій [2]) говоритъ: когда панъ плюнулъ, трое слугъ подтирали его плевотину,—когда онъ умывался, четверо подавали ему полотенце. Случалось, что изъ многочисленной прислуги не было человѣка, который во время могъ бы услужить пану. Отсюда поговорка: «ka-

---

[1]) L. Gołębiowskiego, «Domy i dwory», str. 229–241. — Seweryna Gołębiowskiego «Czasy Zygmunta Augusta» (Wilno, 1851), Część II, str. 316—319.—Наружность шута та́къ описываетъ Рей («Wizerunek», л. 39): «A za nimi błazenek w kukle a s czepami—Zową go Stulticia, a pas okowany.—Uszy iako u sarny, na nich wiszą dzwonki, — A czepy na pstrym kiju z lisiemi ogonki». [2]) «Dworzanin Polski».

zał pan, musiał sam» (панъ приказалъ, а исполнить долженъ самъ [3]). Слуги отличались неисправностью, лѣностью, непослушаніемъ и вели самую распутную жизнь, чему не мало способствовали сами паны. Кромеръ [4]) говоритъ: «когда пьютъ господа, не воздерживается отъ чарки прислуга. Считается скрягою тотъ хозяинъ дома, который не позаботится о томъ, чтобы слуги его гостей были хорошо накормлены и напоены». Вслѣдствіе щедраго панскаго угощенія нерѣдко происходила драка между прислугою его гостей. Особенно много хлопотъ было съ пажами. Маршалъ не сѣкъ ихъ, а сажалъ въ карцеръ (kosz): отъ того ихъ называли koszowemi rycerzami [5]).

Паны разорялись на богатыя ливреи для своихъ слугъ. «Такой роскоши не было при доблестныхъ вашихъ предкахъ, говоритъ Андрей Збылитовскій [6]), она началась только въ наше время. Помню, хотя я еще недавно на свѣтѣ, что панскій слуга (pachołek) не носилъ на своихъ плечахъ ливреи изъ бархата, атла́са, дорогаго пурпура и тонкаго Голландскаго сукна, а теперь вы ихъ одѣваете даже въ телеты. Поэтому вы на нихъ тратите деревни и города, а иногда и здоровье, и все ваше имущество». Другой Збылитовскій, Петръ [7]), восклицаетъ: «А какая ливрея у пановъ и шляхты! Теперь дорогà, а современемъ будетъ еще дороже. У одного изъ бархата, у другаго изъ атла́са, а черезъ годъ будетъ навѣрно изъ драгоцѣнной Турецкой матеріи (altębas). Мѣхà куньи и даже цвѣтные рысьи, а для лѣта красивыя шерстянныя пошевки [8]). И это не только у пановъ, но и у небогатой шляхты. У инаго увидишь до десяти пажей въ атла́сѣ, иль въ камкѣ. Сравни старыя времена: бывало-ли тогда что̀-нибудь подобное, щеголяли-ли тогда такъ, какъ теперь? Вспомни самъ, носилъ-ли ты когда такую ливрею, въ какой ходитъ твой сынъ? Какую-жъ награду получалъ прежде дворянинъ отъ пана? Долго онъ служилъ изъ-за сѣраго жупана иль лосьей шкуры, да и то прятали въ ларецъ на случай выѣзда».

У каждаго пана было свое войско, называвшееся chorągiew nadworna. Оно шло съ паномъ на войну, а въ мирное время ходило на караулъ къ панскимъ покоямъ, сопровождало пана въ путешествіяхъ и въ торжественные дни выходило на парадъ. Въ

[3]) Maciejowskiego, «Polska pod względem obyczajow», t. II, str. 243—249. [4]) «Polonia», p. 74. [5]) Górnicki, «Dworzanin Polski».
[6]) Żywot szlachcica we wsi», str. 6. [7]) «Schadzka ziemiańska», str. 8—9.
[8]) Poszwa, poszewka—родъ Сербской струки и нашего пледа.

послѣднемъ случаѣ оно являлось во всемъ своемъ блескѣ, какъ видно изъ словъ Петра Збылитовскаго [1]: «Если ты былъ когда-нибудь на военномъ парадѣ, то видѣлъ, какъ каждый ротмистръ показываетъ свою роту, какъ каждый унтер-офицеръ (towarzysz) выводитъ свой взводъ, какъ каждый красиво сидитъ на своемъ конѣ. Сбруя блеститъ золотомъ, серебромъ и дорогими камнями. Виднѣются бѣлые бунчуки. Одинъ накинулъ на плечи дорогую леопардовую шкуру, другой шелковый плащъ. На одномъ дорогой телей, на другомъ чудно вышитая делюра [2]). У ногъ блестящій палашъ, литая сабля». Въ такомъ-же блескѣ являлось панское войско во всякомъ торжественномъ случаѣ, напримѣръ, при въѣздѣ въ Варшаву иностранныхъ пословъ, при королевской коронаціи и т. д.

Павелъ Муканте [3]), описывая въѣздъ въ Варшаву папскаго посла, кардинала Гаэтано (1596 г.), говоритъ, что его сопровождали придворные чины и государственные сановники, каждый со своимъ отборнымъ войскомъ. «Впереди ѣхали шесть трубачей. За ними несли большое знамя изъ красной китайки, на которой былъ вышитъ серебряный орелъ. За тѣмъ слѣдовалъ Коронный хорунжій съ 200 всадниками, въ рукахъ у которыхъ были пики гораздо длиннѣе Итальянскихъ съ красными значками; на нихъ были латы, при боку кривой палашъ, верхняя одежда изъ чернаго бархата, сапоги со шпорами, сзади къ сѣдлу были прикрѣплены два большія крыла изъ огромныхъ птичьихъ перьевъ.

«За ними шелъ другой отрядъ изъ 200 всадниковъ съ вождемъ на челѣ; на длинныхъ копьяхъ развивались значки изъ пунсовой и желтой китайки; зеленые бархатные плащи по краямъ были обшиты золотомъ; у лука сѣделъ были серебряные молотки; съ боку кривые мечи.

«За нимъ вождь велъ иныхъ 200 всадниковъ, также съ копьями, въ стальныхъ панцыряхъ съ широкими рукавами изъ золотой сѣтки; плечи были покрыты тигровыми шкурами; у сѣдла серебряные молотки, мечи съ боку. Передъ ними ѣхали два воина, одѣтые по-Турецки, въ чалмахъ на головѣ; одинъ держалъ дротикъ, другой лукъ со стрѣлами; ихъ одежда была изъ дорогихъ мѣховъ; у сѣдла висѣла сѣкира. Лошади были убраны въ пунсовый сафьянъ, ши-

---

[1]) «Zchadzka ziemiańska», str. 8.

[2]) Волошская делія или ферезія обыкновенно пунсоваго или краснаго цвѣта.

[3]) Niemcewicza, «Zbior pamiętnikow historycznych o dawnѳy Polszcze», tom II, str. 153—155.

тый золотомъ. Пять иныхъ отрядовъ въ столь-же роскошномъ вооруженіи слѣдовали одинъ за другимъ.

«За этими отрядами ѣхалъ обер-гофмаршалъ въ черной бархатной одеждѣ съ большимъ гофмаршалскимъ жезломъ въ рукѣ. На головѣ у него была маленькая Польская шапка; подъ нимъ вороной Турецкій конь. За нимъ шли 50 воиновъ съ копьями, на которыхъ развивались красные значки. Посреди несли бѣлое знамя съ гербомъ гофмаршала. На нихъ были позолоченные панцыри, покрытые сзади леопардовыми шкурами; сбоку висѣли мечи [4])».

На встрѣчу Генриху Валуа, когда онъ въѣзжалъ въ Краковъ, по современному извѣстію [5]), выѣхали Польскіе паны со своими войсками. Всего было до 32 отрядовъ, каждый приблизительно въ 300 человѣкъ, вооруженныхъ по-Французски, по-Нѣмецки или по-Мадьярски. Это послѣднее вооруженіе состояло изъ шлема, кольчуги, огромнаго щита до самой головы и копій. Лошади были покрыты медвѣжьею или леопардовою шкурою [6]). Какъ всадники, такъ и лошади были убраны въ такое множество большихъ перьевъ и, кромѣ того, въ орлиныя крылья, расписанныя золотомъ, что казались скорѣе привидѣніями или масками, чѣмъ воинами. Еще болѣе странный видъ придавали имъ длинные значки, развивавшіеся на копьяхъ. Музыка состояла изъ трубъ, роговъ и небольшихъ мѣдныхъ барабановъ. Четвертый родъ вооруженія—козацкій: употребителенъ на Литвѣ и Руси. Онъ состоитъ изъ пикъ и колчана со стрѣлами. У козаковъ лошади быстрые, какъ вѣтеръ. Ко въѣзду короля въ Краковъ не поспѣли воевода Русскій (Юрій Язловецкій), пріѣхавшій позже съ 500 козаками, и Самуилъ и Христофоръ Зборовскіе, каждый съ 200 всадниками [7]).

Современный Польскій историкъ Святославъ Оржельскій [8]) говоритъ, что Французы, сопровождавшіе Генриха Валуа, при въѣздѣ его въ Познань и особенно въ Краковъ до такой степени были поражены роскошнымъ убранствомъ войска Польскихъ пановъ, что недоумѣвали, простые ли это смертные, или небесныя силы, нигдѣ еще невиданныя.

Изъ другихъ источниковъ [9]) извѣстны болѣе точно военныя

---

[4]) Войско было одѣто въ черный цвѣтъ по случаю траура при дворѣ.

[5]) Напечатано въ Польскомъ переводѣ Будзинскимъ въ III приложеніи къ Красинскаго «Польшѣ», стр. 158—159.

[6]) Едва ли вѣренъ въ этомъ мѣстѣ Польскій переводъ. Обыкновенно медвѣжьи и леопардовыя шкуры набрасывали на плечи воины, а не покрывали ими лошадей. [7]) Ibid. 163. [8]) Świętosława Orzelskiego «Bezkrólewia ksiąg osmioro» (1572—6). Wyd. Wł. Spasowicza. Petersb. 1856, t. I, str. 190, 206. [9]) Moraczewski, «Dzieje rzeczyposp. Polsk.» t. VI.

силы, приведенныя Польскими панами на встрѣчу Генриху Валуа: примасъ имѣлъ 200 гусаровъ, епископъ Красинскій 200 всадниковъ въ атласныхъ одеждахъ, Фирлеи, Зборовскіе, Ласкіе, Мелецкіе, Мацѣёвскіе, Тенчинскіе, Гербурты и иные по нѣскольку сотъ всадниковъ; у Русскихъ бояръ были козаки, у Прусскихъ пановъ Нѣмецкіе рейтары; у кастеляна Коморовскаго было до тысячи собственной пѣхоты; Гурки привезли съ собою значительную артиллерію.

Такова была chorągiew nadworna Польскихъ пановъ! Ка́къ дорого она имъ обходилась и насколько была пригодна на войнѣ, всякій самъ пойметъ.

Чѣмъ знатнѣе былъ панъ, тѣмъ многочисленнѣе былъ его дворъ. Окруженный дворянами-льстецами, утопавшій въ нѣгѣ и роскоши, привыкшій къ необузданному произволу, панъ воображалъ себя чуть не земнымъ богомъ, по выраженію Гурницкаго [1]. Хотя этотъ придворный писатель самъ проповѣдывалъ обоготвореніе пановъ, тѣмъ не менѣе онъ видѣлъ и подмѣчалъ ихъ пороки и слабости, и до такой степени они были далеки отъ его идеаловъ, что онъ сравнивалъ ихъ съ гробами, снаружи блестящими, а внутри наполненными гнилью, прахомъ и смрадомъ. Но они еще хуже такихъ гробовъ, прибавляетъ онъ, потому что гробы, вмуравленные въ стѣны, стоятъ на прочномъ фундаментѣ и извнутри скованы желѣзомъ, такъ что не могутъ упасть, а паны не имѣютъ подъ собою почвы, внутри ни чѣмъ не сдерживаются, а потому должны падать отъ собственной тяжести и отъ одного порока переходить къ безчисленному множеству другихъ. Ихъ неспособность и глупость въ соединеніи съ ложнымъ мнѣніемъ о себѣ, о своей непогрѣшимости, о своей силѣ приводитъ ихъ къ присвоенію себѣ чужаго: какъ короли захватываютъ чужія королевства, такъ паны—земли и имущества своихъ своихъ крестьянъ... А отъ неспособности управлять людьми происходитъ много злого: убійства, разрушеніе городовъ, неволя, пожары, опустошеніе земли [2]... Надменный панъ ходилъ по своимъ покоямъ, задравъ къ верху голову и не обращая ни на кого вниманія; привыкши къ праздности, онъ цѣлый день ухаживалъ за

[1]) «Dworzanin Polski» (изд. Туровскаго) 239: «Panowie mimo to, że niewiędzą prawdy w żadnej rzeczy, upiwszy się oną swowolną swobodą, która im ztąd roście, iż się pany czują, zawróciwszy sobie mózg dostatkiem, pływając i ledwie nie topiąc sie w rozkoszach, tak się bardzo zdradzają sami, tak się barzo w wnątrz na umyśle każą, widząc iż im wszyscy ulatają, iż się im kłaniają, iż ich ledwie nie za bogi chwalą...» Cnf. 240: «mniemają... żeby je ledwie nie za bogi u siebie mieli!..»

[2]) Ibid. 240—243.

соколомъ, котораго держалъ, какъ необходимое украшеніе своего палаццо, а не для нужды, потому что на охоту не ходилъ [3]). Хозяйствомъ онъ не занимался; жилъ въ своемъ домѣ, но былъ въ немъ только тѣнью, по выраженію Мацѣёвскаго [4]). Проводя праздную и безпорядочную жизнь, онъ часто нуждался въ деньгахъ на угощеніе знатныхъ пановъ дорогими яствами и напитками, потерявъ кредитъ, закладывалъ Жиду или продавалъ за безцѣнокъ золотыя цѣпи, доставшіяся ему отъ предковъ, за цѣпями шли помѣстья, а когда ужь нечего было заложить, отдавалъ подъ залогъ своихъ дѣтей, какъ свидѣтельствуетъ Рей. «Ты видѣлъ, говоритъ онъ [5]), этого блѣднаго князя: его доходовъ далеко не хватаетъ на удовлетвореніе его страсти къ роскоши; если-бы онъ имѣлъ мѣшокъ до неба, то все бы изъ него высыпалъ... Ты слышалъ музыку, ты слышалъ трубачей; при ихъ, хоть пріятномъ, звукѣ не одинъ заплачетъ. Этотъ звукъ призываетъ къ платежу барщины: дѣла пана идутъ такъ плохо, что вскорѣ придется закладывать дѣтей».

Полякъ стараго времени отличался гостепріимствомъ. Гостю онъ былъ чрезвычайно радъ. «Гость въ домъ—Богъ въ домъ», говоритъ Польская пословица. Сидѣть въ заперти было не по душѣ Поляку. Передъ гостемъ растворялись настежь ворота. Его кормили и поили до упаду [6]). Поляки необыкновенно гостепріимны, говоритъ Кромеръ [7]): даже незнакомыхъ и чужестранцевъ они не только охотно угощаютъ, но даже сами зазываютъ къ себѣ.

Полякъ любилъ угощать и угощаться, но, къ сожалѣнію, не въ мѣру: угощеніе обращалось въ обжорство и пьянство, а слишкомъ щедрое гостепріимство разоряло амфитріоновъ. На столы подавали множество дорогихъ блюдъ, расписанныхъ въ добавокъ золотомъ, какъ пишетъ Рей [8]). «Посмотри на роскошь изысканныхъ нашихъ кушаній... Посмотри на эти различные соусы, которые называютъ сапорами (съ Итальянскаго sapori): по истинѣ «сапоры», потому что обожравшійся ими сопитъ, какъ боровъ въ берлогѣ. Посмотри на разныя приправы, на позолоту, на краски, на дивную живопись, и быть можетъ, ты подумаешь, что это не кушанья, а какія-нибудь картинки. На одномъ блюдѣ позолоченный баранъ, на другомъ левъ,

---

3) Górnicki, «Dworzanin Polski».
4) «Polska pod względ. obycz.» t. II, str. 268.
5) «Wizerunek żyw. człow. poczciw.» Rozdz. VI, 69.
6) Sewer. Gołębiowskiego, «Czasy Zygm. Aug.» t. II, str. 259—260.—Cnf. Łuk. Gołębiowskiego «Domy i dwory», str. 101—102.
7) «Polonia» p. 66.
8) «Żywot człowieka poczciwego», ks. II, kap. VI, л. 58—59 (ed. 1568). По изд. Туровскаго стр. 122—124.

на третьемъ пѣтухъ, на четвер омъ какая-то разодѣтая барыня. Ихъ окружаютъ дубы съ желудями, позолоченныя розы и разные цвѣты Все блеститъ золотомъ—курицы, орлы, зайцы, а за позолотою—гниль и слизь: гораздо лучше и вкуснѣе они были-бы, еслибы изъ горшка выложили ихъ прямо на блюдо. Вотъ тотъ, что съ позолоченными ушами, еще въ пятницу варился, и только въ воскресенье его подали на столъ. Вотъ тортъ изъ хлѣба и миндалей склеенныхъ клеемъ: онъ приготовленъ уже нѣсколько дней назадъ. Одно жаркое высохнетъ, пока испечется его товарищъ. Если же подадутъ какую-нибудь жареную рѣдкость, то сверху ея скорлупа, а что въ рединѣ, тѣмъ могъ бы накормить ястреба. Какъ же быть при этомъ здоровымъ? какъ-же при этомъ не разболѣться и кошельку вмѣстѣ съ паномъ? какъ же не размножиться при этомъ корыстолюбію? Иногда на ужинъ бываетъ недочетъ въ блюдахъ: ихъ радушно пристроилъ у себя Жидокъ, хотя и смердятъ они свининою, которую онъ не ѣстъ. Каковъ долженъ быть желудокъ. чтобъ переварить эти склеенныя, замороженныя и сожженныя кушанья, облитыя виномъ и ликерами? Потомъ лей въ горло соки. витпахеры, розекеры, ривулы, мальвазіи, мускателли [1]): какъ же отъ этого не сгорѣть? какъ же можно при этомъ долго жить? иной. какъ обожравшійся песъ, едва дотащится до своей берлоги, и еще хорошо, если за столомъ же не издохнетъ» [2]).

Богатымъ панамъ подражали шляхта средней руки и мѣщане: они старались подавать на столъ кáкъ можно больше блюдъ, и притомъ по возможности дорогихъ, а столы покрывали узорчатыми скатертями. Рей разсказываетъ, что одна пани, увидѣвъ на столѣ у шляхтича скатерть, на который былъ вышитый такой же узоръ, какъ и у нея, сказала: «не знаю, что ужь и придумать, чтобъ отличаться отъ васъ, развѣ жемчугомъ вышивать скатерти». На это шляхтянка отвѣчала ей: «вышьемъ и мы такой же узоръ жемчугомъ, хотя помельче».

Обжорство, говоритъ Рей [3]), влечетъ за собою пьянство. «Когда напекутъ и нажарятъ себѣ этихъ тортовъ... то ужь на ногахъ не держатся, а иногда въ растяжку на землю падаютъ и валяются.

[1]) Witpacher—дорогое заграничное вино.—Rozekier—вино, пáхнувшее розами.—Rywuła—вино, привозимое моремъ изъ Франціи, Италіи и Испаніи.—Małmazya—вино изъ го ода Napoli di Malvasia въ Мореѣ.—Muszkatel—Македонское (? не вѣрнѣе ли Итальянское?) вино. L. Gołębiowski, «Domy i dwory», 108—109.

[2]) Cnf. «Wizerunek», rozdz. II, л. 14—15.

[3]) «Żywot człow. poczciw.», л. 61 (у Туровск. стр. 127—129). Cnf. «Wizerunek», rozd. II, л. 15, rozdz. III, л. 30.

какъ свиньи, продолжая лить себѣ въ горло. Иной три раза завернетъ за уголъ и еще хорошенько губъ себѣ не вытретъ, а ужь кричитъ: «налей еще»! Блюютъ, чтобъ пить, и опять пьютъ, чтобъ снова блевать. Это, по истинѣ, прекрасная приправа къ хорошей бесѣдѣ. Говорятъ, что та́къ дружба скрѣпляется. Что̀ это за дружба, мы видимъ во очію. Одинъ имѣлъ что̀-то противъ другаго цѣлый годъ, но, пока былъ трезвъ, молчалъ, а подпивши все высказалъ, и вотъ они поссорились и валятъ другъ друга подъ лавку. Слугамъ насильно льютъ въ горло, пригозаривая: «осуши же за здоровье твоего милостиваго пана»; а панъ едва дышетъ гдѣ-нибудь у забора или подъ лавкою».

Кто видитъ въ словахъ Рея поэтическое преувеличеніе, тому мы можемъ указать на свидѣтельства современниковъ-Поляковъ и иностранцевъ, описывавшихъ Польшу. Кромеръ [4]) говоритъ, что на неумѣренныхъ попойкахъ (intemperantioribus compotationibus) происходитъ иногда жестокая драка между собутыльниками-друзьями и родственниками, большею частію вслѣдствіе ссоръ между ихъ прислугою... Многіе истрачиваютъ всѣ свои доходы на пиры и попойки. Напиваются не только на бесѣдахъ, но и въ корчмахъ (in cauponis). Въ пьянствѣ одинъ не хочетъ уступить другому, и у болѣе знатныхъ роскошь въ пищѣ и напиткахъ съ каждымъ днемъ возрастаетъ. По словамъ Гваньини [5]), Поляки разоряются на неумѣренные пиры и попойки. По обычаю, когда пьютъ за здоровье, высушиваютъ до дна большую чашу (изъ стекла, дерева или глины) и потомъ разбиваютъ ее о свою голову: отъ того просыпаются на другой день со страшною головною болью. Пьютъ, хотя бы претило, по очереди одинъ за здоровье другаго. Заставляютъ, особенно въ Мазовшѣ, силою пить, предлагая на выборъ или выпить за здоровье, или драться на дуэли. Такъ они разстроиваютъ свое здоровье. Іеронимъ Липпомано [6]) удивлялся пьянству и обжорству Поляковъ. По его словамъ, они пролеживали по 7 и 8 часовъ за столомъ. Хозяинъ считалъ для себя обидою, если гость не пилъ; а между гостями часто происходили драки, оканчивавшіяся иногда убійствомъ того, который отказывался пить за здоровье.

Модржевскій [7]) скорбитъ, что пьянство распространилось между всѣми сословіями въ Польшѣ и что нѣтъ средствъ искоренить

---

[4]) «Polonia» pp. 74—75. [5]) «Descriptio Poloniae», f. 78 r°.
[6]) «Relazione del regno di Polonia» (по моей рукописи л. 12 об.).
[7]) «De republ. emend.» lib. 1, p. 76.

этотъ порокъ. «Есть люди, говоритъ онъ, которые наканунѣ пира принимаютъ рвотное, чтобы побольше мѣста приготовить въ желудкѣ для яствъ и напитковъ; вообще-же не стыдятся уходить изъ-за стола для очищенія желудка, и совершивъ эту операцію, снова принимаются пировать, снова ѣдятъ и пьютъ». Какъ для возбужденія аппетита, такъ и для очищенія желудка, загроможденнаго яствами и напитками, прибѣгаютъ къ помощи медицины, «и не только сами пьютъ, но и возбуждаютъ къ пьянству другихъ, уже изнемогающихъ, состязаясь съ ними въ количествѣ выпитыхъ бокаловъ: пьютъ за здоровье другихъ, чтобы самимъ сдѣлаться нездоровыми». Пили за здоровье стоя, что̀, при множествѣ безпрестанно повторявшихся тостовъ, было въ высшей степени утомительно.

«Хозяинъ пьетъ за здоровье», говоритъ Янъ Кохановскій [1], «вставай, гость: а за чье? За королевское: встанемъ и также выпьемъ». «За здоровье королевы: нужно встать и выпить, вѣдь это обычный второй тостъ». «За здоровье королевны: ужь я стою, подай живѣй мою (чашу)»... «За здоровье епископа: встанемъ, или лучше не будемъ садиться». «За здоровье маршала: вставай снова, гость». «За здоровье графа: встанемъ опять, но отдохнутъ ли когда ноги? Хозяинъ держитъ въ рукахъ чашу,—мы знаемъ обязанность нашу». «Эй, хлопъ, убери мою лавку: ужь я такъ простою обѣдъ».

Въ другой пѣснѣ [2]) поэтъ жалуется на навязчивость хозяина въ угощеніи: «Челомъ бью за честь, добрѣйшій мой сосѣдушка: не дай Боже бывать у тебя на бесѣдѣ [3]): ты заставляешь меня противъ воли пить твое прескверное пиво [4]) и, когда не выпиваю до дна, смотришь на меня косо».

«Все тебѣ мѣшаетъ: на носъ сѣла муха, и ты крутишь головою, думая, что она укусила тебя до крови. Жену прогналъ отъ стола, на прислугу кричишь, мечешь тарелки, опрокинешь и столъ».

«Подожди, достанется тутъ и гостямъ: гнѣвайся, сколько хочешь, не бей только, пане! Въ твоемъ пивѣ я не нахожу наслажденія: здоровье мнѣ дороже тебя, куфля (кружки) я не принимаю».

«Если идетъ о славу, кто больше можетъ выпить, охотно уступаю и иду спать: будь ты рыцаремъ, побѣждающимъ пиво; а не убѣжишь ли ты предъ хлопомъ, этого не знаю».

---

[1]) XXVII пѣснь первой книги (по изд. Варшавскому 1864 г. стр. 38).
[2]) XXI пѣснь второй книги, стр. 65—66.
[3]) Besiada тоже, что̀ посидѣлки, пирушка.
[4]) Пиво и медъ—обыкновенный напитокъ Польскаго шляхтича, изгнанный изъ панскихъ палаццо; но за здоровье пили вино, и притомъ Венгерское, держась поговорки: non est vinum nisi Hungaricum.

«Если ты такъ намѣренъ угощать меня, то знай, что ты меня мучишь, а не угощаешь: вотъ тебѣ моя благодарность. Хочешь угостить меня? — такъ оставь меня въ покоѣ дóма, чтобъ мнѣ не наливать поневолѣ никому».

«Напрасно даешь мнѣ рвотное: я не буду блевать, хотя бы очень былъ радъ выпить вчерашнее пиво; знаю, что твои псы меня бы стерегли: какъ только бы легъ, стали бы лизать мнѣ губы».

«На это я не охотникъ: на это пристануть тѣ, чтò грызутъ недопеченную свиную шкурку (szperki) и твердый сыръ, чтò острятъ себѣ горло на невинное пиво рыжиками, селедками, огурцами; не знаю, въ чемъ оно передъ ними провинилось».

«И когда трезвы, немного у нихъ ума въ головѣ; хотятъ и остатокъ залить въ этомъ миломъ весельи: пусть лучше ничего не будетъ, чѣмъ мало, а то пожалуй еще съ ума сойдетъ».

«Ну, вотъ бой безъ вызова: хозяинъ мечется, а гости рвутся, какъ на смерть: я разнималъ васъ до тѣхъ поръ, пока мнѣ самому не досталось; бейтесь же, сколько хотите, мнѣ все равно».

«Куфли летятъ, какъ градъ. Вотъ тотъ ужь стонетъ: угодили въ него боченкомъ, такъ что на лбу его остались обручи. Но вотъ схватили ружья... Такова ваша бесѣда? Если вамъ такъ весело, изъ-за чего же вы ссоритесь?»

«Назавтра мирятся и снова пьютъ; безголосый поетъ передъ панами: «помнишь, моя душенька, ходилъ я въ чудной красной шапочкѣ».

«Услышишь тамъ пять басовъ, двѣнадцать дискантовъ, шесть альтовъ, восемь теноровъ, двѣнадцать вагантовъ. Потомъ отъ мелодіи заснутъ на столѣ; а другіе кричатъ: на дворъ, на дворъ!»

«Богъ дай вамъ, милые пьяницы, смрадъ въ ротъ и угри на лице—въ угоду вашимъ женамъ, кривыя ноги на старость, неповоротливую шею; авось когда-нибудь упьетесь до смерти.»

Еще болѣе мрачными красками изображаетъ пирушки Польской шляхты Петръ Збылитовскій [5]). «На каждой свадьбѣ иль на похоронахъ мы не толкуемъ о своихъ нуждахъ, нѣтъ у насъ иной забавы, какъ только пьянство. Выпить одинъ стаканъ и я не прочь, но тебя заставляютъ разомъ высушить шесть и десять стакановъ. Если ты отговариваешься, то навѣрно тебѣ скажутъ: «не трать словъ попустому, а выпей поскорѣе». А вотъ другой предлагаетъ выпить за твое здоровье: встанутъ всѣ, какъ на службу, и ты пей за свое здоровье, хотя бы это была конская моча. И если у тебя

[5]) «Zchadzka ziemiańska», str. 23—24.

не лошадиная и не коровья голова, то сколько здоровья потратишь ты въ одинъ день. Подъ вечеръ неминуемая ссора, ибо нѣтъ трезвой души: и самъ пьянъ, и его слуга. Если не онъ самъ, то слуга начнетъ ссору. Одни спокойно сидятъ за столомъ, а другіе гасятъ свѣчи, и у печки начинается ужь потасовка. Изъ сѣней бѣжитъ прислуга, бѣжитъ и кучеръ; всѣ смѣшались. Ты ничего не понимаешь, кто затѣялъ ссору—братъ-ли твой, или шуринъ, кому помогать,— видишь только красный капишонъ (кровь) на лбу. Хамы кричатъ, и одинъ другому перерѣзалъ губу. Часомъ и ты въ потьмахъ получишь такой ударъ въ лобъ, что едва удержишься за ближайшую стѣну. Если же въ то время, какъ началось побоище у печки, случится при тебѣ жена, заверещитъ несчастная: «гдѣ сидитъ мой мужъ, гдѣ онъ, живъ ли, Бога ради, куда онъ дѣлся»! Часомъ бѣдная протискается къ тебѣ черезъ столъ, при чемъ нерѣдко сама получитъ шишку. Иная въ такой суматохѣ потеряетъ цѣпочку, и все ея платье обольютъ и испачкаютъ. Часомъ убьютъ кого, котораго ты едва зналъ, а тебѣ бѣда изъ-за него: его сторонники назовутъ тебя пособникомъ и, хотя ты съ нимъ и не сидѣлъ никогда вмѣстѣ, обвинятъ тебя въ соучастіи, а его родственники требуютъ съ тебя удовлетворенія, какъ съ виноватаго. И ты долженъ заплатить за убійство и сидѣть въ тюрьмѣ, или же дорогою цѣною откупиться».

Въ другой идилліи, «Разговоръ Польскаго шляхтича съ чужеземцемъ» [1]), поэтъ говоритъ: «Ты меня спрашивалъ объ изысканныхъ и дорогихъ кушаньяхъ, о крѣпкомъ винѣ и дорогой малвазіи, на которыя столько денегъ тратится въ наше время. Наши предки такихъ крѣпкихъ напитковъ не пили, а были всегда здоровы. Нынѣ же наши домы сверхомъ переполнились всякаго рода излишествами. Смѣется надъ нами воздержный Испанецъ, издѣвается ученый Итальянецъ, всѣ страны знаютъ о нашихъ излишествахъ, не одинъ фунтъ перцу отвѣсилъ Армянинъ, не одинъ лотъ шафрану отпустилъ Гданчанинъ (житель Гданска или Данцига)... Не хватаетъ кораблей для дорогихъ заморскихъ кореньевъ, которыми мы такъ щедро приправляемъ кушанья, какъ бы они у насъ родились или доставались намъ за полцѣны... а при такой приправѣ неудивительно, что вмигъ выходитъ бочка Венгерскаго... Если гость пріѣдетъ къ шляхтичу иль даже мѣщанину, тотчасъ на столъ три блюда, а четвертое—дорогая закуска... Разлей, налей, вотъ ужь и

[1]) «Rozmowa szlachcica Polskiego z cudzoziemcem» (первое изданіе вышло въ Краковѣ въ 1600 году), по изд. Туровскаго, стр. 36—38.

конецъ обѣда, а хозяинъ и не думаетъ вставать изъ-за стола. Каждый взявъ двух-ушный куфель дорогаго вина, сидитъ въ углу: таковъ ужь порядокъ вездѣ».

Представленныя Реемъ, Кохановскимъ и Збылитовскимъ, картины Польскихъ пировъ возбуждаютъ въ насъ одно отвращеніе; но есть поэтъ, который съ древне-эпическою простотою и объективностью изображаетъ ихъ величіе и роскошь: это — Клёновичъ. «Дѣло кипитъ, говоритъ онъ въ своей Латинской поэмѣ [2]), сіяетъ кухня отъ сильнаго огня. На вертелахъ торчитъ мясо; жарятся тучные тельцы: шипящія плечи обращаются около яркаго пламени и пекутся обнаженныя внутренности; отъ обильнаго жира дымитъ раскаленный уголь. Жирный запахъ и гарь несутся изъ кухни. На трещащемъ огнѣ дрожатъ неизмѣримыя сковороды. Кипящая вода, не вмѣщаясь въ сосудѣ, идетъ черезъ край, и въ глиняныхъ горшкахъ прыгаетъ вареное мясо. Что только питаетъ море, земля и неосязаемый воздухъ, все стараемся мы выставить на нашихъ столахъ. Триста кушаньевъ стараемся подать на ужинъ и нагрузить столъ множествомъ блюдъ. Начинять быковъ и свиней жаренными птицами и пряностями научило насъ ненасытное обжорство. Кухни не вмѣщаютъ огромныхъ чревъ, и тучная дичь жарится подъ открытымъ небомъ; подъ ихъ тяжестью сгибаются воткнутые во внутренность колы. Не довольствуемся тяжелыми блюдами и немногими мисками по обычаю предковъ, но часто окружаемъ огромныя блюда тарелками. Стоятъ лакомства для горла и изнѣженнаго нёба, и уже давно гостя смущаетъ запахъ кушаньевъ. Лишь только пробудилась жажда, приносятъ на столъ изъ темной кладовой пѣнящіеся бокалы—играетъ въ нихъ старое вино. Лице гостя оживляется при видѣ тароватости хозяина. Вдругъ увидишь серебряныя чаши, наполненныя чистѣйшимъ виномъ, и какъ изъ обильнаго источника льются потоки вина и текутъ свободныя рѣчи. Уже огромный стаканъ и большой сосудъ о двухъ ушахъ смотрятъ съ презрѣніемъ съ высокаго стола на низенькія кружки: старое вино шипитъ и горитъ въ червонномъ золотѣ. Высокій бокалъ, сопровождаемый тысячью рюмокъ, гордится ученою рѣзьбою и находящимися на немъ изображеніями. Уже разноцвѣтный, оправленный въ золото кубокъ середи стола превышаетъ всѣ чаши, до чиста опорожненныя, и нѣтъ ни одного кубка безъ ментора».

Въ другомъ мѣстѣ [3]) поэтъ снова обращается къ описанію рос-

---

[2]) «Victoria deorum», cap. XXI, pp. 123—124.
[3]) Ibid. cap. XXXV, pp. 375—377.

кошныхъ пировъ Польскихъ пановъ XVI вѣка: «Богатства, нажитыя дѣдами и отцами, тратятся на изысканныя яства, испускающія благоуханія. Кушанья разставлены; вереница пышно одѣтыхъ слугъ суетится, подобно странствующимъ журавлямъ. Стоятъ длиннымъ рядомъ многочисленныя блюда, и паръ подымается съ нихъ густымъ облакомъ. Мяса, рѣдкія рыбы (mulli) и шестьсотъ мучныхъ чудовищъ въ тысячѣ образовъ, на подобіе Протея, пекутся и жарятся, возбуждая аппетитъ, щекоча гортань. Омаръ и ракъ, варясь, прыгаютъ въ кострюлѣ, и на блюдахъ краснѣется пища подъ цвѣтъ лица гостей: бобровые хвосты [1]), свиное вымя и фрикасé. Разные соусы и приправы, на видъ невзрачные, но на вкусъ пріятные. Тысяча мисокъ занята разными супами. Какъ роскошны и разнообразны пиры! Продолжительные завтраки и обѣды среди постояннаго излишества смѣняются ужинами; за ужиномъ слѣдуютъ десерты, которыхъ касается розовыми перстами благодѣтельная заря, проникая въ скважины затворенныхъ ставень и украдкою привѣтствуя гостей своимъ сіяніемъ и блескомъ; а полусъѣденные ужины покрываютъ своими парами утренніе завтраки. Та́къ вращается хаотическій рядъ роскошныхъ наслажденій, и за пирами слѣдуютъ безчисленные пиры»...

Далѣе въ числѣ лакомыхъ блюдъ, подаваемыхъ на панскихъ столахъ, поэтъ упоминаетъ морскія чудовища (frutti di mare, какъ называютъ Итальянцы), озерныхъ лягушекъ, кривыхъ молюсковъ и лѣнивыхъ черепахъ.

Кто желалъ-бы провѣрить сообщаемыя Клёновичемъ свѣдѣнія о Польской кухнѣ и о панскихъ пирахъ, тому мы посовѣтывали бы обратиться къ извѣстному сочиненію Луки Голембёвскаго, «Domy i dwory», гдѣ на стран. 32—60 онъ найдетъ перечень нѣсколькихъ сотъ блюдъ, бывшихъ въ употребленіи у Поляковъ, и разсчетъ блюдъ по числу гостей: оказывается, что дѣйствительно на панскихъ столахъ подавалось до трехъ сотъ блюдъ, считая прибавленіе къ каждому блюду, приправы и такъ называемые поварскіе секреты (sekreta kucharskie). На стр. 103—110 авторъ перечисляетъ множество напитковъ, употреблявшихся въ старой Польшѣ, а на стр. 84—95 представляетъ описаніе знаменитѣйшихъ въ Польской исторіи пировъ. Мы не будетъ повторять сообщаемыхъ Голембёвскимъ свѣдѣній: въ сущности они мало прибавляютъ къ тому, что̀ уже намъ извѣстно изъ современныхъ писателей и только

[1]) Бобровый хвостъ (plusk) считался лакомымъ блюдомъ. См. Ł. Gołębiowskiego, «Domy i dwory», str. 40.

подтверждають ихъ извѣстія о необыкновенной роскоши и продолжительности Польскихъ пировъ XVI вѣка. Въ дополненіе къ приведеннымъ нами выдержкамъ изъ Польскихъ писателей скажемъ только, что пышные панскіе пиры сопровождались не только музыкою, пѣніемъ и танцами, но также маскарадами и театральными представленіями; а подъ вечеръ пускали фейерверкъ [2].

Къ числу обычныхъ развлеченій принадлежала игра въ кости и въ карты [3], занесенная въ Польшу изъ Венгріи. Бывали отчаянные игроки, проигрывавшіе все свое состояніе.

Та́къ проводила время Польская шляхта XVI вѣка. Бывали, конечно, исключенія, но весьма рѣдкія. Число пановъ, занимавшихся науками, литературою и изящными искусствами, было чрезвычайно ограничено: отъ того такъ мало извѣстій дошло до насъ о частныхъ библіотекахъ, картинныхъ галереяхъ и музеяхъ [4].

Тунеядство, роскошь, обжорство, пьянство и развратъ составляютъ отличительныя черты домашней жизни Польской шляхты XVI вѣка [5].

ВИКЕНТІЙ МАКУШЕВЪ.

Варшава, 28 января 1876 года.

---

[2]) Moraczewski, «Dzieje rzeczy posp. Polsk.» t. VI.—О музыкѣ, пѣніи и танцахъ на панскихъ пирахъ вспоминаютъ Рей («Wizerunek», л. 25, 27) и Модржевскій («De repnbl. emend.» lib. I, p. 77).

[3]) Клёновича, «Worek Judaszow» (по Краковскому изданію 1607 г. л. 3, по изд. Туровскаго стр. 93).

[4]) Maciejowskiego, «Polska pod względem obyczajow», t. II, str. 267—271.

[5]) Модржевскій возставалъ противъ господствовавшаго въ его время разврата («De rep. emend.» I, p. 77). Противъ пьянства и обжорства современной шляхты Кіевскій бискупъ Осипъ Верещинскій издалъ въ Краковѣ въ 1585 году брошюру: «Gościniec pewny niepomiernym moczygębom a obmierzłym wydmikuflom świata tego (перепечатана Туровскимъ въ его «Польской Библіотекѣ»). Противъ тѣхъ-же пороковъ писали: Андрей Волянъ, секретарь Сигизмунда III, противникъ Скарги, въ брошюрѣ «O wolności rzeczypospolitej albo szlacheckiej (1-е изд. 1606 г., по изд. Туровск. стр. 59) и неизвѣстный авторъ брошюры «Votum szlachcica Polskiego» (написана въ 1589 г.; по изд. Туровскаго стр. 17).

ОТРЫВКИ ВИЗАНТІЙСКАГО ЭПОСА ВЪ РУССКОМЪ.

Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ.

«Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ» принадлежитъ къ числу тѣхъ Византійскихъ повѣстей, съ которыми древняя Русь знакомилась при посредствѣ южно-Славянскихъ переводовъ и передѣлокъ. На Византійское происхожденіе «Повѣсти» указываетъ уже то обстоятельство, что весь ея интересъ исчерпывается идеей политическаго значенія Византіи; южно-Славянскій отпечатокъ остался, быть можетъ, въ именахъ Находа, Болгаристра, Далматинскихъ царей и т. п. Въ послѣднее время Вавилонское «Сказаніе» не разъ было издано, но, всякій разъ, по одной какой нибудь рукописи; многіе списки остаются до сихъ поръ еще неизслѣдованными и не опредѣлены ихъ взаимныя генеалогическія отношенія. Пока эта работа не сдѣлана, не установлена генеалогія различныхъ редакцій «Сказанія» и не возстановленъ, на сколько возможно, его первичный текстъ, — до тѣхъ поръ всякій опытъ свода можетъ притязать лишь на это названіе. Лишь такое, именно — временное, значеніе я и даю первой части предлагаемаго изслѣдованія. Бо́льшій интересъ можетъ представить вторая часть, въ которой я старался, по мѣрѣ возможности, указать на то мѣсто, какое «Повѣсть о Вавилонѣ» занимаетъ въ средѣ такъ-называемой «странствующей» литературы, недаромъ возбудившей въ послѣдніе годы вниманіе изслѣдователей.

Изданныхъ текстовъ «Повѣсти» извѣстны мнѣ шесть; я распредѣлю ихъ по нѣсколькимъ внѣшнимъ категоріямъ, которыя легко будетъ распространить и на другіе, пока неизвѣстные мнѣ рукописные тексты.

1. Текстъ, представляющій лишь I § полнаго «Сказанія». Сюда

относится текстъ, изданный Костомаровымъ, по сборнику проф. Буслаева [1])=**b**.

2. Текстъ, представляющій §§ I—II «Сказанія»: изданъ проф. Тихонравовымъ, по Синодальному списку XVII вѣка, № 850: «Притча о Вавилонѣ градѣ» [2]). Я положилъ его въ основаніе своего пересказа, какъ древнѣйшій изъ мнѣ доступныхъ=**a**.

3. Текстъ, обнимающій I — III §§ «Повѣсти» изданъ Тихонравовымъ [3]), по сборнику новаго письма, принадлежавшему А. В. Горскому. Въ концѣ § III недостаетъ лишь немногихъ строкъ=**c**.

4. Тексты, представляющіе лишь § III «Повѣсти». Сюда относится: текстъ Румянцовской рукописи, № 374, напечатанный Пыпинымъ [4]) и Костомаровымъ [5])=**d** (сходенъ съ текстомъ, занесеннымъ въ Макарьевскія Четьи-Минеи, декабрь, по списку Московскаго Успенскаго собора, об. 367 л. [6]); текстъ у Тихонравова изъ раскольничьей рукописи новаго письма [7])=**e**.

5. Особая редакція «Сказанія», своеобразная въ § I, опускающая § II, и за § III прибавляющая еще одинъ эпизодъ, § IV, невстрѣчающійся въ другихъ, перечисленныхъ выше, пересказахъ. Эта редакція=**f** представлена текстомъ рукописи гр. Уварова, № 66 нач. XVIII вѣка, напечатанной Тихонравовымъ, съ варьянтами по рукописи Забѣлина [8])=**f**.

Г. Пыпинъ [9]) собралъ нѣсколько указаній на рукописные тексты «Сказанія», которыя я позволяю себѣ повторить, присоединивъ къ нимъ нѣсколько другихъ:

1. Царск. № 382 сборн. конца XVI вѣка, л. 210—214: «Слово о святыхъ трею отроцѣхъ Ананьи и Азарьи и Мисаила». Нач. «Посланіе отъ Улева царя, во крещеніи нареченнаго Василья, иже посла въ Вавилонъ испытати».

2. Царск. № 743 сборн. 1602 года, л. 340—343. «О Вавилонѣ

---

[1]) «Памятники старин. Русск. литер.» II, 391—393: «Повѣсть града Вавилона». [2]) «Лѣтописи Русск. литер. и древности» 1859—60, кн. 5, стр. 20—26.

[3]) l. c. 27—31: «Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ и о царѣ Аскеркеѣ, какъ онъ людей своихъ отъ мору соблюлъ».

[4]) «Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и словесности», т. III: А. Н. Пыпинъ, «Старинная русская сказка о Вавилонскомъ царствѣ», стр. 313—320, текстъ на стр. 314—318. Заглавіе: «Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ, и о зміи, и о царскомъ вѣнцѣ, и о багряницы, и о святыхъ отрокахъ и о виссо[н]я, и о бряницѣ серцоликовой, и о иныхъ многихъ вещехъ Вавилонскихъ, сія рече, и о Намаховѣ шапочки, и о царской перфиръ, и о царскомъ ожелельцѣ». [5]) «Памятники старин. Русск. лит.», II, 394—396.

[6]) Тихонравовъ, «Лѣтоп.» 1859, II, 161—2 прим. [7]) «Лѣтописи» 1859—60 г., кн. 5, 31—33. [8]) «Лѣтоп.» 1859, кн. 2-я, стр. 161—165.

[9]) «Очеркъ», стр. 101—2.

сказаніе и о трехъ отроцѣхъ». Нач. «Посланіе отъ Волуя царя, а въ крещеніи Василія».

3. Царск. 401 сборн. XVII вѣка, л. 218—224. «Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ и о трехъ отрокахъ Ананія, Азарія, Мисаила и о зміяхъ, како лежать кругъ града Вавилона и како ходили три мужа». Нач. «Въ Вавилонѣ былъ первый царь Насоръ и покры кровлю всю желѣзомъ». Вѣроятно одна редакція съ нашимъ f.

4. Толст. 2, 229, Публ. Библ. XVII, Q, 82 полууставный сборн. XVII вѣка, л. 57.—61. «Слово о Вавилонѣ и о трехъ отроцѣхъ, Ананьи, Азарьи, Мисаила». Нач. «Посланіе отъ Левуя царя».

5. Рукопись Забѣлина XVII вѣка, № 75: «О запустѣніи Вавилона града и о зміяхъ лютыхъ, и како посла царь Греческій трехъ мужей въ Вавилонъ градъ». Вѣроятно, эта рукопись тождественна съ тою, варьянтами которой пользовался Тихонравовъ при изданіи текта f: «О запустѣніи Вавилона града и о зміяхъ лютыхъ и како посла царь Греческій трехъ мужей въ Вавилонъ градъ». Тихонравовъ относитъ ее къ XVIII вѣку.

6. Сборникъ Дрезденской библ. XVII в., л. 56—61: «Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ и о трехъ отрокахъ» (см. Строевъ, «Описаніе пам. Слав.-Русск. литер.», М. 1841, стр. 66).

7. Рукопись проф. Буслаева, отрывки которой приведены имъ въ статьѣ «О пословицахъ» въ «Архивѣ» Калачева 2, 2, 47—49.

8. Рукопись Ундольскаго, № 530, конца XVII в., л. 93: «Повѣсть о Вавилонскомъ царьствѣ, и о великомъ зміи, и о царскомъ вѣнцѣ и о многихъ Вавилонскихъ вещѣхъ». Нач. «Посланія отъ [Т] Олевуя, царя Греческого, во св. крещеніи Василія, иже посла въ Вавилонъ градъ посланники своя итти и взяти тамъ знаменіе у святыхъ трехъ отроковъ, у Ананія, и у Азарія и у Мисаила».

9. Ундольскаго, № 605, XVII в., л. 87: «Посланіе отъ Ливуя царя въ Вавилонъ градъ».

10. Ундольскаго, № 632 XVII вѣка, л. 215: «О Вавилонскомъ царствѣ».

11. Ундольскаго, № 638, XVII в., л. 114: «О запустѣніи Вавилонскаго царства и о зміяхъ лютыхъ».

12. Ундольскаго, № 643, л. 480: «О Вавилонскомъ царствѣ»; л. 488: «О царѣ Алевуѣ».

Тождественъ ли съ какимъ нибудь изъ указанныхъ мною текстовъ Ундольскаго, текстъ, приводимый Пыпинымъ,—я не знаю. Онъ помѣчаетъ его такъ: «Ундольскаго сборн. XVII в.»: «Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ, о царѣ Аксерксѣ и о Новходеносорѣ

царѣ и о царѣ Васильѣ». Нач. «Бысть въ Вавилонскомъ царствѣ».

Знакомые съ другими рукописными библіотеками легко увеличать этотъ списокъ.

I. Текстъ.

§ I (а) «Бысть въ Вавилонскомъ царствѣ царь Аксерксъ, славою и величествомъ превыше многихъ великихъ царей. Много лѣтъ во царствующемъ градѣ Вавилонскомъ царствовавъ, нравъ же имѣлъ во срдцы своемъ таковъ (бяше): аще у котораго князя или у болярина, или у велможи, или отъ простыхъ людей увидитъ на лбу красно съ копеику [1]), и царь Аксерксъ велитъ тѣхъ людей высылати изъ града на лѣсъ за двадесятъ поприщъ отъ града, да пусть тамо живутъ, а хоти и помрутъ. И царь Аксерксъ тако Вавилонъ градъ отъ мору соблюлъ: та убо есть признака—моровой пострѣлъ [2]). Минувше же той призначной лунѣ многое время, родители же тѣхъ людей выношаху къ нимъ изъ града ясти, и покладаше на пняхъ; а съ родителями своими не схождашеся. Той-же царь Аксерксъ отъ царствія своего преставися умре. Тѣже люди мнози на лѣсу живучи, не видали ни каковой птицы, ни звѣря. Слышавше же тѣ люди, что въ Вавилонѣ царя не стало, и начаша собиратися, хотяху бо [во] градъ итти. И обрѣтоша на соснѣ сову, да тутоже подъ сосною младенецъ, да у тойже сосны козу дикую. И тѣ люди, не знающе какъ младенцу имя дати, и нарекоша совѣ имя Н о с о р ъ, а козѣ имя А х а, а младенцу имя Н а в х о д ъ; и даша младенцу изъ [о]боева во трою: Навходъносоръ [3]). И взяша младенца и начаша питати его [4]). И поидоша вси людіе безчислено много во градъ Вавилонъ, и внидоша вси люди во градъ съ лѣсу, и бысть радость велика во градѣ Вавилонѣ, что вси сродичи снидошася, а иніи мнози на лѣсу помроша. Князи же и боляре и велможи и вси Вавилоняне живяху немногое время, донележе царя не бысть [5]).

---

[1]) c. «аще у котораго князя . . . увидитъ мало нѣчто пожитковъ или одѣяніе на нихъ красно, и тѣхъ людей велитъ на лѣсъ высылать».

[2]) c. «та убо придта моровой пострѣлъ»; b. «та убо притчя моровое повѣтріе».

[3]) b. «и даша имя совѣ Осоръ, а младенцу Находъ, а козѣ Ахаизда (?вѣроятно: «аха и да-ша»); младенцу второе имя Находъ-Осоръ.—c. «и даша имя совѣ Осоръ, а младенцу Находно, а козѣ Осоръ (sic). И взяша младенца въ трою Новходоносоръ».

[4]) b. «и видѣша ево, яко левъ бяше лицемъ, и взяша ево и начяша питати». c. «и видѣша его, яко левъ бяше, и взяша его начатъ питати».

[5]) b. «и поидоша съ лѣсу въ Вавилонъ. Вавилонски же князи и бояре, и вельможи, и вси храбрыя Вавилонстіи витези, и вси Вавилоненя встрѣтоша

Въ нѣкоторый день князи и боляре и велможи и вси Вавилонстіи витязи снидошася къ лобному мѣсту и совѣтъ сотвориша, како бы имъ себѣ въ Вавилонѣ царя обрѣсти, чтобы единъ надъ ними царь былъ большой. И рекоша вси князи и боляре и велможи и вси Вавилоняне: «немочно намъ царя выбрати изъ князей и изъ бояръ и изъ велможъ, но суть много великихъ и великородныхъ» [1]). И придумаша вси, и приговориша вси Вавилоняне, что поставити рогъ со измирномъ во вратѣхъ градныхъ. И повелѣша всѣмъ княземъ и бояромъ и велможамъ и всѣмъ Вавилоняномъ итти и ѣхати изъ града вонъ, и во градъ въѣхати: «и надъ кѣмъ рогъ воскипитъ, тотъ и царь буди надъ нами въ Вавилонѣ». И сотвориша тако: поставиша рогъ со измирномъ во вратѣхъ градныхъ, той-же часъ по единому вси князи и боляре и велможи и вси Вавилоняне ѣздяше конные и пѣшіе хождаху изъ града и во градъ многажды, и ни надъ кѣмъ рогъ не воскипѣлъ. Какъ поѣхалъ найденой младенецъ [2]) Навходъносоръ изъ града и во градъ, той часъ рогъ воскипѣ со измирномъ. Князи же и боляре и велможи и вси Вавилоняне видѣша такое великое чюдо, и снидоша съ коней своихъ и бысть съ пѣшими вкупѣ и поклонишася вкупѣ вси Навходъносору и рекоша вси: «радуйся, Навходъносоре, царю Вавилонскій, царствуя на престолѣ, сидя на скипетродержателномъ великомъ преславущемъ государствѣ; и буди намъ и всему Вавилонскому государству поборникъ и заступникъ своимъ велеумнымъ смысломъ и великимъ храбрымъ храбрьствомъ отъ нахожденія великихъ царей» [3]). И введоша его въ царской домъ и возложиша на него царское одѣяніе и вѣнецъ царскій возложиша на главу ему [4]), и скипетръ царскій въ руку ему вдаша и посадиша его на царскомъ престолѣ и поклонишася

сродниковъ своихъ съ великою радостію, и внидоша во градъ безчисленное многое великое войско, яко бысть болѣ двѹ сотъ тысячь, и бысть въ Вавилонѣ радость великая, что вси сродницы съѣхались, иныхъ знающе, иныхъ незнающе; понеже на лѣту мнози померли, а болѣ того породилися, и поженилися, во градъ вшедъ вѣнчашася. И бысть вкупѣ три лѣта безъ царя».— c. сходно съ b.

[1]) c. «къ лобному мѣсту и начаша совѣтывать: «царя у насъ нѣтъ надъ нами, всякъ у насъ большой; а нынѣ мнози царіи совокупляются съ великими силами на градъ нашъ Вавилонъ, хотятъ насъ разорить до основанія; изъ князей, изъ боярь, изъ вельможъ выбрать намъ царя—ино много большихъ, и никто ни подъ кѣмъ быть не похощетъ». b. сходно съ c.

[2]) b, c прибавляютъ: «что на лѣсу нашли подъ сосною».

[3]) b, c сокращаютъ привѣтствіе: b «Находъ-Осоръ царь скипетродержатель намъ въ Вавилонскомъ царствѣ, буди надъ нами царь во вѣки!» c. «Радуйся, Новходоносоръ царь во скипетродержавномъ въ Вавилонскомъ царствѣ! Буди надъ нами царь во вѣки!»

[4]) c. «и воздѣша на него діадиму царскую»; b. «и воздѣша на него діадиму царскую, и на главу его возложиша перфиру царскую».

вси, князи и боляре и велможи и вси Вавилонстіи витязи, и рекоша: «радуйся, великій, силный и храбрый, велеумный Навходъносоръ, царю Вавилонскій, царствуя въ скипетродержателномъ Вавилонскомъ государьствѣ!» [5]). Той-же Навходъносоръ царь Вавилонскій бысть младъ зѣло, но велеумною мудростію и храбростію старъ. Нача царствовати, и бысть мудръ зѣло.

«Въ нѣкоторый день Навходъносоръ царь повелѣ къ себѣ быти [6]) всѣмъ княземъ, и болярамъ и велможамъ и всѣмъ Вавилоняномъ. Тотъ часъ и вси съѣхалися. Навходъносоръ царь нача говорити: «князи и боляре и велможи и вси Вавилонстіи витязи, сотворите мнѣ новый градъ Вавилонъ о седми стѣнахъ, на семи верстахъ, а въѣздъ и выѣздъ едины врата, а около града сотворите змій великъ, во главу бы зміеву въѣздъ во градъ [7]). Они же вси князи и боляре и велможи и вси Вавилонстіи витязи и вси Вавилоняне царя не ослушалися [8]), сотвориша новый градъ Вавилонъ велми чюденъ [9]). Полюбися новый градъ Вавилонъ Навходъносору царю, и вниде [10]) Навходъносоръ царь въ новый царскій домъ, и вси князи и боляре и велможи въ новыя домы свои. И повелѣ Навходъносоръ царь по всемъ Вавилонѣ градѣ знамя учинити на платье и на оружіе, и на коняхъ, и на уздахъ, и на сѣдлахъ, и на хоромахъ на всякомъ бревнѣ, и на дверяхъ, и на окошкахъ, и на [со]судахъ, на ставцахъ, и на блюдахъ, и на лошкахъ, и на всякихъ [со]судахъ, и на всякомъ скоту. Знамя все зміи. Полюбися царю то знамя [11]) и повелѣ себѣ здѣлати мечь самосѣкъ аспидъ-змій, и взя за себя царицу отъ великаго роду царьского и прижилъ съ нею сына, царевича, имянемъ Василія [12]).—Въ нѣкоторый день великій Навходъ-

---

[5]) c. «Радуйся и веселися, великій и сильный, и храбрый, и велеумный Новходоносоръ, царь Вавилонскій въ скипетродержавномъ государствѣ (подчеркнутыхъ словъ нѣтъ въ b. «Находъ-Осоръ царь, царствуй») надъ нами во вѣки! И оборони насъ и заступи храбростію своею и велеумно (b. «велеумнымъ») смысломъ своимъ отъ находящихъ на насъ людей и великихъ царей».—Бысть въ Вавилонѣ радость великая. Новходоносоръ царь нача царствовати въ Вавилонѣ, и бысть мудръ (b «зѣло») и храбръ и велеуменъ (b. «и храбръ велми»). Бысть же Новходоносоръ царь тритцети лѣтъ (b. «на царствѣ три лѣта»), а сѣлъ на царство шти лѣтъ (b. «а сѣлъ на царствѣ шесть лѣтъ»). [6]) c. b «къ лобному мѣсту».

[7]) c. «а около града змій великій, глава бы зміева во вратѣхъ градныхъ и хоботомъ свилась». b. id. [8]) c. «царева повелѣнія послушались». b=a.

[9]) c. «новый градъ Вавилонъ сотвориша. И повелѣ царицѣ домъ учинити (b. «царскій домъ учинить») и всѣмъ домы своя устроити. И по цареву велѣнію вся устроиша». b=id. Далѣе b. c: «И полюбися».

[10]) c. «въ него со всѣми силами своими. И повелѣ». b=id: «съ князи и съ бояры и съ велможи, и съ храбрыми витези и со всѣми Вавилоняны. И повелѣ». [11]) Въ c, b предшествующее описаніе сокращено.

[12]) Подробно о мечѣ-аспидѣ и женитьбѣ Навуходоносора b. говоритъ позднѣе.

носоръ царь повелѣ [1]) во вратѣхъ градныхъ, въ главѣ зміевѣ по обѣ сторонѣ рѣшотки мѣдные подѣлати, и за тѣ рѣшотки повелѣ уголія навозити; и какъ во время посольскаго приходу, егда послы пріидутъ отъ великихъ царей или отъ великихъ кралей, и тогда Навходъносоръ царь Вавилонскій повелитъ грознымъ своимъ воеводамъ за градомъ на полѣ, на двадцати верстахъ до града полки великія урядити, и по полкамъ знамена львовы, и во всѣхъ полцѣхъ набаты и накры и многогласныя трубы. Егдаже послы поидутъ въскрозь великіе полки, тогда во всѣхъ полкахъ ударити повелятъ воеводы во всѣ набаты и накры и во многогласные трубы, и тогда послы весело-буяше идучи. А какъ близъ вратъ градныхъ пріидутъ и, тогда триста кузнецовъ начнутъ въ мѣхи дути разжогши уголье, и тогда дымъ и искры: а какъ внидутъ послы во врата во главу зміеву, и тогда огнь и полюмя ополятъ пословъ. И тогда послы ужасти великія наполнятся и пришедъ къ великому царю Навходъносору поклонятся и трепеташе сердцами своими, и едва посольство справятъ.

«Въ нѣкоторый день собрашася многи цари съ великими силами и поидоша на великій градъ Вавилонъ. И егда многія цари съ великими силами внидоша въ Вавилонскіе предѣлы и начаша плѣнити, мнози грады Вавилонского держательства поплѣниша и устремишася на Вавилонъ градъ. Той-же часъ возвѣстиша вѣстницы великому царю Новходъносору Вавилонскому о прихожденіи многихъ великихъ царей съ великими силами. Великій же царь Новходъносоръ Вавилонскій слышавъ отъ вѣстниковъ ярости и гнѣву наполнися [2]), тойчасъ повелѣ грознымъ воеводамъ на полѣ

[1]) b, c опустивъ эпизоды a, продолжаютъ такимъ образомъ: c. «(И полюбися царю знамя то) повелѣ царь во вратѣхъ градныхъ, во главѣ зміевѣ по обѣ стороны рѣшетки желѣзныя и мѣдныя подѣлати». Всего слѣдующаго за тѣмъ нѣтъ.— b тоже сокращаетъ: «И повелѣ царь во вратѣхъ градныхъ во главѣ зміевѣ по обѣ стороны рѣшетки мѣдныя подѣлать, а за рѣшетки повелѣ навозить уголья; какъ посламъ будетъ приходъ, тогда царь повелитъ кузнецамъ въ мѣхи дуть, и повелитъ разжечь; и какъ послы въѣдутъ во врата, и во главу зміеву, тогда кузнецы начнутъ въ мѣхи дуть; и тогда искры, и дымъ, и поломя повалитъ; послы же отъ ужасьти едва посольство справятъ, велики же Находъ-Осоръ царь [велитъ?] подчивать и отпустить. И взя царь Находъ-Осоръ за себя царевну отъ великова царскова роду и прижилъ съ нею царевича Василія, и повелѣ себѣ царь здѣлать мечь самосѣкъ, аспидъ-змій».

[2]) c. «Въ нѣкоторый же день съ рубежа Вавилонскихъ предѣлъ пріѣхаша вѣстницы и повѣдаша царю Новходоносору, что пришли съ великимъ войскомъ въ Вавилонскіе предѣлы. (b. «что пришли въ Вавилонски предѣлы многія великія цари съ великими силами и плѣниша Вавилонскія предѣлы»). Великій-же царь Новходоносоръ великія ярости наполнися».—Здѣсь c представляетъ значительный пропускъ; переписчикъ, очевидно, перескочилъ глазомъ съ одной сходной фразы на другую и, такимъ образомъ, пропустивъ описа-

полки великія урядити яко бысть т҃ тысящей, да всякій воевода во своемъ полку по уставу на златой колесницѣ во всей храбрости смѣлово серца мужествено на бои направитися повелѣ. Грозный-же воевода Тевризъ Вавилонскій Мореистровичь, — любимъ бяше Навходъносоромъ царемъ—[съ] своимъ полкомъ—яко бысть м҃ тысящей въ полку у него храбрыхъ Вавилонскихъ витязей—

ніе битвы, прямо перешелъ къ смерти Навуходоносора. Въ а читаемъ: «Великій-же царь Н...... ярости и гнѣву наполнися» (слѣдуетъ пространное описаніе битвъ и побѣды Навуходоносора, послѣ чего говорится): «и много веселяся Навходъносоръ царь въ Вавилонѣ, много лѣтъ царствовалъ и узна смерть свою». — Въ с. «Великій же царь Н. великія ярости наполнися и повелѣ въ тотъ часъ царицѣ великія радости наполнитися. Великій царь Н. Вавилонскій узналъ свою смерть».—Въ b пропуска нѣтъ, но описаніе битвы такъ сокращено противъ а, что я приведу конецъ этой редакціи цѣликомъ: «Велики царь Находъ-Осоръ, слышавъ, великія ярости наполнися и гнѣву, и повелѣ царь въ тотчасъ 60 грозныхъ воеводъ на полѣ полки великія урядить. Подъ немъ подъ однимъ же воеводою въ полку по сту тысячи и кійждо воевода въ полку своемъ по уставу на златой колесницѣ; во всѣхъ полкахъ знамена, и набаты, и понакры, и многогласныя трубы. Егда многія цари съ великими силами къ Вавилону прıближахуся, тогда Находъ-Осоръ царь воеводамъ повелѣ битися. Тотчасъ Вавилонскія воеводы начаша битися, другъ другу помогаша, изъ утра и до вечера сѣчяхуся; безъ милости пришедшихъ царей на градъ напрасно Вавилонеия побили болѣ двою сотъ тысячь, а Вавилонянъ побито три тысячи. И не могоша пришедшихъ царей съ великими силами отъ града отбити. Егда ночь приспѣ, тогда вси своимъ полкамъ по станамъ разъѣхались. На утри же день возвѣстиша царю Находъ-Осору, что не могоша отъ града пришедшихъ царей съ великими силами отбить, понеже безчисленная сила. Велики же царь Находъ-Осоръ, слышавъ отъ воеводъ своихъ, ярости и гнѣва наполнися, аки левъ ревы, пыхая, и повелѣ велики царь той часъ грознымъ воеводамъ во всѣхъ полкахъ знамена урадить, въ набаты бить, въ понакры, во многогласныя трубы, а битися имъ не велѣлъ. Самъ-же Находъ-Осоръ царь повелѣ себѣ велики конь осѣдлать, и опояса по бедрѣ своемъ мечь свой самосѣкъ, аспидъ-змій; и сяде на велики конь, и взя съ собою царевъ дворъ 200,000, а на всѣхъ знамахъ змѣи, и пойде изъ града къ своимъ на помощь. И какъ пришелъ къ полкамъ своимъ, въ тотъ часъ мечь самосѣкъ аспидъ-змѣй изъ ноженъ выпоркнулъ отъ царя, и начя сѣчь безъ милости; а что знамя было у Вавилонскаго войска, змѣи стали живы изъ коней (ркп. с. «конемъ»), изъ сѣделъ, изъ платья— все змѣи стали живы; пришедшихъ царей съ великими силами всѣхъ поѣли. Вавилонскія же грозныя воеводы, князи и бояре и вси храбрыя витези видѣша храбрость и мудрость цареву, возопиша велiими гласы: «радуйся и веселися, велики и сильны Находъ-Осоръ, царь заступа и боритель отъ враговъ!» А что знамя змѣи во своихъ собрѣтахуся, мечь самосѣкъ аспидъ-змій у царя въ ножнахъ во свое мѣсто вниде. Велики царь Находъ-Осоръ со всѣми силами своими вниде въ градъ Вавилонъ. Много лѣтъ царствовалъ Находъ-Осоръ въ Вавилонѣ, и узналъ свою смерть (отсюда текстъ с снова совпадаетъ съ b), мечь самосѣкъ аспидъ-змѣй во градную стѣну замуравилъ до скончанія вѣка и заповѣда: не повелѣ никому вымати. И умре велики царь Находъ-Осоръ, и нача царствовати [въ] его мѣсто въ Вавилонѣ, сяде на царство сынъ ево Василій Находъ Осоровичь. Аминь» (конецъ текста b).— Чудо съ оживленными змѣями, вѣроятно, не у мѣста въ b; въ а его нѣтъ; помѣщалось ли оно въ немъ далѣе—мы не знаемъ, такъ какъ а не идетъ далѣе § I; настоящее мѣсто этого эпизода въ § II, какъ онъ и стоитъ въ с: запустѣнію Вавилона естественно предшествуетъ оживленіе змѣй. — Въ е эпизодъ объ оживленныхъ змѣяхъ отнесенъ совершенно неорганически къ § III.

толико храбро и мужественно ударишася на полки многихъ великихъ царей, бесчисленно много поби, двухъ царей живыхъ взи и великому царю Навходъносору во градъ отославъ, п҃ побилъ. Той-же часъ многи цари совокупишася полками своими великими, зъ двухъ сторонъ ударишася на полкъ Тевризовъ, и едва его съ мѣста тронуша. Той-же часъ грозный воевода Атланъ Вавилонскій [съ] своимъ полкомъ ҂ꙁ҃ приспѣ къ Тевризу, елико храбро и мужественно ударишася, безъ милости сѣчаху, яко бысть ҂р҃ побиша, донелѣже приспѣша къ нимъ еі҃ царей Траклинскихъ съ великими силами, яко бысть ҂с҃, тако поженуша грозныхъ воеводъ. Той-же часъ царевичь Василей Навходъносоровичь ярости и гнѣву наполнися, Дятькови[ча] властеличника Болгаристра на бой посла, дастъ ему отъ полку своего царскаго двора ҂р҃ храбрыхъ Вавилонскихъ витязей, повелѣ ему совокупитися зъ грозными воеводами, съ Тевризомъ да съ Атланомъ, и повелѣ имъ ударитися на многи цари мужественно. Ониже, Болгаристръ властеличникъ и Тевризъ воевода и Атланъ воевода храбрость восприяша, [съ] великою яростію мужественно ударишася, толико безъ милости сѣчаху, на пять поприщь гнаша, десять царей Траклинскихъ живыхъ взяша, ҂с҃ побиша, и тѣхъ царей отослаша въ великія полки къ царевичу Василію Навходъносоровичу. Царевичь же Василій отосла ихъ во градъ ко отцу своему, къ великому царю и грозному Навходъносору Вавилонскому. Великій же царь Навходъносоръ повелѣ той часъ за градомъ на древѣ распяти ихъ. Той-же часъ приспѣша л҃ царей Долматинскихъ съ великими силами, съ ними ҂т҃; елико вкупѣ замѣсиша Вавилоньстіи витязи и цари Далматиньстіи, безъ милости сѣчахуся изо утра и до вечера, и побиша промежу собою безчисленно много, еі҃ царей Далматинскихъ живыхъ взяша и отослаша въ великіе полки, къ царевичу Василію Навходъносоровичу. Великій же царь Навходъносоръ повелѣ ихъ за градомъ на древѣ распяти. А силы ихъ побито ҂т҃, а Вавилонскихъ витязей побито ҂в҃. Той-же часъ пріидоша къ нимъ о҃ царей нечестивыхъ съ великими силами, и налегоша безстудно на грозныхъ воеводъ Вавилонскихъ. Грозный-же воевода Тевризъ нача битися [съ] своимъ полкомъ точма, а грозный воевода Атланъ [съ] своимъ полкомъ съ правой руки мужественно наступи, а Дятковичь властеличникъ [съ]своимъ полкомъ велми храбро и свободно наступи, яростію и гнѣвомъ одержимъ бяше, аки неудобъ мнима. Грозно бяше видѣти и слышати таковое кровопролитіе супостатныхъ враговъ, многихъ великихъ царей: безъ милости сѣчахуся изутра и до вечера. Егда наста нощная

сѣнь. тогда разыдошася по своимъ становъ; и на томъ бою л̃ царей нечестивыхъ живыхъ взяша, ҂у̃ побиша, а Вавилонянъ побито ҂ї. Слышавъ же Навходъносоръ царь Вавилонскій, что побито Вавилонянъ, наутріи же день Навходъносоръ царь убрався во златокованные царскіе воиньскіе брони и опояса по бедрѣ своей мечь свой самосѣкъ аспидъ-змій, и повелѣ себѣ великій конь осѣдлати, и всѣде на великій конь, и взя съ собою двора своего царского храбрыхъ витязей ҂р̃ и поиде за градъ къ своимъ на помощь. Егда войско съ войскомъ сразишася, начаша битися, Навходъносоръ царь вельми борзо приспѣ къ своимъ и вмѣнися во свое войско. Тогда мечь самосѣкъ аспидъ-змій отъ царя изъ ноженъ выпорхнулъ, и нача безъ милости сѣчь. Тотъ часъ всѣхъ царей посѣче съ великими силами, токмо единъ царь Траклинскій со стомъ конникъ утече; грозніи же воеводы Вавилонстіи и храбріи витязи снидоша съ коней вси вкупѣ, поклонишася великому царю Навходъносору Вавилонскому и рекоша вси единогласно: «Радуйся и веселися, великій царю силный и грозный и велеумный и храбрый, Навходносоре Вавилонскій, вся сопостаты своя побѣдивъ, Вавилонское государьство заступивъ отъ нахожденія нечестивыхъ царей. И всѣдоша вси на великіе кони, и вниде Навходъносоръ царь со всѣми силами своими во градъ и нача пити и ясти и веселитися; и много веселяся Навходъносоръ царь въ Вавилонѣ много лѣтъ царствовалъ, и узна свою смерть, и повелѣ во градную стѣну мечь свой самосѣкъ аспидъ-змій замуровати, и закля не повелѣ вымати до скончанія вѣку. И умре великій и силный, грозный и храбрый и велеумный Навходъносоръ царь Вавилонскій отъ царьствія своего, и на его мѣсто постави во цари въ Вавилонѣ на царство сына его, царевича Василія. И царь Василей Навходъносоровичъ немного лѣтъ царствова въ Вавилонѣ, только одну седмь лѣтъ [1]).

§ II а [2]). «Въ нѣкоторыя дни, слышавъ многіе цари, что въ Вавилонѣ Навходъносора царя не стало, а царствуетъ въ Вавилонѣ сынъ его царь Василей, и совокупишася многіе цари съ великими силами, и поидоша къ Вавилону. И егда внидоша въ Вавилонскіе предѣлы, тогда возвѣстиша царю Василію Навходъносоровичу о пришествіи многихъ великихъ царей съ великими силами. Тотъ-же часъ царь Василей Навходъносоровичъ повелѣ грознымъ своимъ

[1]) Въ с послѣднія слова отнесены къ началу § II («Сказаніе о царѣ Василеи, сынѣ Новходоносора, царя Вавилонскаго»): «Бысть царь Василей въ Вавилонѣ на царствѣ токмо седмь лѣтъ».
[2]) Отмѣны редакціи с незначительны, почему и не помѣчены здѣсь.

воеводамъ полки великіе урядити, яко бысть ⁺т. и повелѣ имъ битися. Ониже грозніи воеводы Вавилоньстіи начаша битися, но не въ силу имъ бяше, вспять ко граду понуждаеми. Грозніи же воеводы, князи же и боляре и велможи приступиша къ великому царю Василію и рекоша вси велегласно: «великій царю Василій Навходъносоровичь, не въ силу намъ битися со многими великими цари; выни, государь царь, изъ градныя стѣны отца своего мечь самосѣкъ, аспидъ-змій, на нынѣшнее воиньское время, да заступи насъ и Вавилонское государство отъ нахожденія многихъ царей иноплеменныхъ». Царь же Василій рече къ нимъ: «заклятъ мечь у отца моего до скончанія вѣка, не повелѣлъ его вынимати». Они же вси Вавилоняне велегласно рекоша: «выми, государь, на ны[нѣ]шнее время, а какъ минется воиньское время, и ты, царю, опять сохрани его». Онъ же великій царь зжалився о Вавилонянѣхъ повелѣ имъ битися, а самъ великій царь Василей вынявъ мечь отца своего самосѣкъ, и повелѣ себѣ великій конь осѣдлати и убрався во златокованные царскіе воиньскіе брони и опояса мечь самосѣкъ по бедрѣ своей, и всѣде на великій конь и взя съ собою храбрыхъ витязей Вавилонянъ и поиде изъ града къ своимъ на помощь. Егда же царь Василій Новходъносоровичь вмѣнися въ свои полки хотѣ битися, тотъ же часъ мечь самосѣкъ аспидъ-змій отъ царя изъ ноженъ выпорхнулъ и отсѣче царю Василію главу и царей великихъ посѣче съ великими силами. А у Вавилонскихъ витязей, войско все, что у нихъ было знамя на платіи и на оружіи, на коняхъ и на уздахъ и на сѣдлахъ и всякой воиньской збруѣ зміи, тѣ всѣ зміи живы стали, Вавилонское войско всѣ поѣли. А во градѣ, что было знамя зміи, женъ и дѣтей поѣли и всякой скотъ; а что былъ великій змій около града каменъ, и тотъ живъ сталъ, свистая и рыкая. Отъ тѣхъ-же мѣстъ и до нынѣ царствующій Вавилонъ градъ новый пустъ сталъ; и сему дѣлу то и конецъ» (конецъ ред. **а**).

§ III. Трудно согласить между собою имѣющіяся у насъ редакціи «Сказанія» (**c**, **d**, **e**, **f**,) для возстановленія его третьяго эпизода. Редакція **d** цѣльнѣе другихъ, почему я кладу ее въ основаніе дальнѣйшаго изложенія. Императоръ названъ въ ней Л ь в о м ъ, онъ-же во святомъ крещеніи Василій; иногда просто: Василій. Текстъ **e** представляетъ пропускъ въ срединѣ [1]) и неполонъ въ концѣ; императоръ названъ А л е в у е м ъ, «а царица у него Александра», какъ и въ **d**; въ **e**: царь, «нареченный во святомъ креще-

[1]) стр. 30-я Тихонравовскаго изданія 1. с. «велеумныхъ... языкомъ».

ніи Василій Іоанновичъ», царица Александра; въ d: Василій, но въ варьянтѣ Забѣлинскаго списка: Ливонъ. Въ рукописныхъ текстахъ, извѣстныхъ мнѣ лишь по заглавію нашей статьи, имя также колеблется: Волуй («а во крещеніи Василій»), Улевъ («во крещеніи нареченнаго Василья»), Левуй, Олевуй (онъ-же Василій), Алевуй, Ливуй. Всѣ эти разночтенія сводятся къ имени Льва: для меня несомнѣнно, что имя Василія подставилось позднѣе на мѣсто Льва, или рядомъ съ нимъ, подъ вліяніемъ Василья Навуходоносоровича, о которомъ была рѣчь во второмъ эпизодѣ, и, можетъ быть, по смѣшенію съ другимъ Василіемъ, который является позднѣе, въ особой приставкѣ текста f (§ IV).

Далѣе я сообщаю текстъ d съ указаніемъ на главныя отличія остальныхъ.

«Посланіе отъ Льва, царя Греческаго, во святомъ крещеніи Василія, иже послалъ въ Ва[ви]лонъ градъ посланники своя испытати [2]), и взяти тамо знаменіе у святыхъ трехъ отроковъ Ананія, Азарія и Мисаила. Прежде царь Греческій Василій хотя послати въ Вавилонъ градъ двухъ человѣкъ, розныя языкъ, христіанска роду. Они же рекоша царю: «не достоитъ намъ двумъ отрокамъ, понеже путь тѣсенъ; и ты, царю, пошли изъ Грекъ Греченина, а изъ Обежанъ Обежанина, изъ Русскихъ Словянина» [3]). И бысть сіе слово угодно царю Василію: сотвориша тако, якоже восхотѣша посланники его, и посла трехъ благочестивыхъ мужей христіанскаго роду: перваго именемъ Юрія Греченина, втораго Иякова Обежанина, третьяго Исавла Словянина [4]). Егда-же посла ихъ, а самъ царь Василій собра воинство, и поѣхаша вслѣдъ посланниковъ своихъ; и доѣхавъ царь Василій Вавилона града за 15 поприщъ, и призва посланниковъ своихъ и глагола имъ: «послушайте мене: вамъ глаголю, Юрье, Исавле и Якове, нынѣ же пойдите отъ мене въ Вавилонъ градъ, водими Богомъ. Аще обрящете глаголъ знаменіе у святыхъ трехъ отроковъ, да принесите сѣмо на мѣсто, то и самъ азъ не отлучюся отъ мѣста сего, но буду соборникъ на враги о православнѣй

---

[2]) e. «како святіи тріе отроцы лежатъ, и повелѣ взяти у нихъ знаменіе».

[3]) e. «И посла первіе три человѣка, они же ему рѣша: «Нельзя намъ, царю, идти единовѣрнымъ въ Вавилонъ градъ; посли, царю, изъ Грекъ Греченина, изъ Руси Русинина и отъ [О]бежа [О]бежанина». — Въ c. «Русенинъ, Греченинъ, Обѣженинъ»; f. «Греченинъ, Русенинъ, Обоженинъ».

[4]) Текстъ здѣсь испорченъ: «и посла трехъ благочестивыхъ мужей, первого христіанского роду, именемъ Юрія, втораго Греченина Иякова, третіего Обежанина Исавла Словянина». Далѣе Яковъ названъ: «Обежаниномъ»; въ c. «Василій Русенинъ, Лавръ Греченинъ, Іяковъ Обѣженинъ»; въ e. «Іяковъ Обожескій».

вѣрѣ и за родъ христіанскій». Тріе мужіе слышавша отъ царя глаголемая, и поклонишася до земли, и поидоша отъ царя путемъ ко граду Вавилону. Идоша посланницы медливо зѣло, понеже путь тѣсенъ, и съ великою нуждою идоша; и уже пріидоша близъ града, и ничтоже не видятъ, ни града, ни полатъ. И они пустиша кони своя въ поле, и обрѣтоша малаго звѣря [1]; ту бо израсте быліе великое, аки есть волчецъ трава безугодная, кругъ всего Вавилона града; а вдаль отъ града Вавилона тоя травы за 16 верстъ; бысть же по тому былію двѣ травы, а противъ тѣхъ травъ гадовъ всякихъ, зміи и жабы великія, и разно различнаго роство, имъ же числа нѣсть, аки великія копны сѣнныя віющеся отъ земли и до верху: ови свисташа, а иныя шипяше, и отъ иныхъ студено изхождаше, аки въ зимѣ студено бысть. Божіимъ изволеніемъ и молитвами святыхъ отроковъ не бысть посланникомъ тѣмъ страха и ни единыя отъ гадовъ тѣхъ, но сами вси гади бѣжаша отъ нихъ съ великимъ шумомъ, крыюще главы своя, и бѣжаша тропами въ доли въ траву былія того. Оныя же посланницы [на] третій день пріидоша и до великаго змія того, иже лежитъ кругъ всего града, и обогнувся, како и малый змій согнувся лежитъ [2]) Бысть же по стѣнѣ лѣствица отъ древа кипариса положена чрезъ великаго змія того на градную стѣну; а кто поставилъ ту лѣствицу, того никто не знаетъ, токмо самъ Христосъ вѣдаетъ; а высота лѣствицѣ 18 ступеней; на той же лѣствицѣ написано три писма: первое Греческимъ языкомъ, второе Обежанскимъ языкомъ, третіе Словянскимъ и Россійскимъ языкомъ. А написано глаголетъ сице: Греческимъ: «коего человѣка Богъ принесетъ, пойди къ лѣствицѣ»: се же Обежанскимъ языкомъ глаголетъ: «полѣзи на лѣствицу сію безъ боязни чрезъ великаго змія»; а по Словянски глаголетъ: «да пойди и по другой лѣствицѣ во градъ и до самыя тоя церкви, не убояся». Бысть же тамо [лѣствица] внутрь града чрезъ великаго того

---

[1]) е. «И когда пріѣхаша близъ Вавилона, и видѣша стезицу малую, единаго звѣря хожденіе; а градъ бяше оброслъ быліемъ, едва видѣша Градъ стоитъ надъ моремъ близъ поля Сенаарскаго; во градѣ же Вавилонѣ нѣсть живущаго человѣка, токмо едини зміи и гади. И бысть той день воскресеніе заутра». — Въ f эпизодъ о звѣрѣ разсказанъ иначе: «и дойдоша до великаго града Вавилона, и найдоша на пути тецемаго звѣря зайца, и поставиша кони своя, и убили того звѣря, а сами пойдоша заячьимъ слѣдомъ и дошли ко граду Вавилона».

[2]) Текстъ е, непосредственно за цитатою, приведенною въ предъидущей ссылкѣ, продолжаетъ: «И видѣша змія велика, облежащаго около града кругомъ; вхожденіе же во градъ — змію во уста: змій же той содѣланъ хитростію: тогда же зміемъ молишася, и потомъ вселися въ онь діяволъ и начатъ человѣки пожирати».

змія; самъ же той змій великій обогнулся лежитъ кругъ всего града Вавилона, а хоботъ свой пригнулъ и съ другія страны къ тѣмъ же вратамъ, гдѣ лежитъ глава. Посланницы же съ боязнію идоша на лѣствицу чрезъ великаго змія того, и по второй лѣствицѣ идоша внутрь, идѣже поставлена зъ градныя стѣны и до церкви, и тамо на той лѣствицѣ написано три писма, что и на первой же лѣствицѣ: повелѣваетъ гадовъ тѣхъ ни самого того змія великаго не боятися, ни величества его [3]). Посланницы же вшедше въ церковъ трехъ святыхъ отроковъ, и наполнишася у святыхъ благоуханія. Бысть же въ церкви святыхъ трехъ отроковъ многія ихъ писанія и дѣянія писаны въ лицѣхъ по стѣнамъ церковнымъ. Оныя же тріе благочестивыя мужи поклонишася гробомъ трехъ отроковъ и глаголаста: «придохомъ сѣмо поклонитися вамъ, святымъ отрокомъ Ананія, и Азарія, и Мисаила, Божіимъ изволеніемъ [и] государя нашего Греческаго царя Льва, во святомъ крещеніи Василія, принести отъ васъ къ нему, елико есть вы изволите дати». И видѣша посланницы кубокъ стояше на гробѣ чюденъ зѣло, сотворенъ отъ злата и украшенъ жемчюгомъ и каменіемъ драгимъ; стоитъ же тотъ кубокъ полнъ мира и ливана. Посланницы же взяша тотъ кубокъ, испиша изъ него, быша весели и уснуша многое время [4]). И воспрянуша отъ сна своего, и хотѣша взяти тотъ кубокъ со благоуханіемъ тѣмъ и нести ко царю. Бысть же имъ въ то время отъ гробовъ въ девятомъ часѣ дни гласъ: «не дерзайте сего кубка взяти, но пойдѣте въ царскія сокровища, сія рече въ царевъ дворъ, и тамо возмите знаменіе». Посланницы же ужасни быша. Тогда же имъ третицею (?) гласъ бысть: «не ужасайтеся, но поидѣте въ царевы полаты». Они же восташа и поидоша. Бѣ же дворъ царевъ стоитъ отъ церкви, какъ мочно изъ лука стрѣлить; на дворѣ же цареви полатъ многое множество. Бысть же одна полата велика зѣло и украшена паче прочихъ (ркп. «прежнихъ») полатъ многими

[3]) e продолжаетъ непосредственно за предъидущимъ: «Они же посланники пріѣхаша ко вратамъ града того и привязаша кони и видѣша змія лежаща, а входъ во градъ во уста зміины. Оня же устрашишася вельми. Змій же устнама своими недвижимъ лежитъ, яко мертвъ». Перекрестясь и помолившись, посланцы идутъ къ церкви трехъ отроковъ: о переходѣ черезъ змія по лѣстницѣ нѣтъ рѣчи. Этотъ эпизодъ ошибочно отнесенъ далѣе, когда послы отправляются изъ церкви въ царскія палаты: «и поидоша къ дому цареву и пріидоша къ лѣствицѣ; лѣствица же чрезъ зміевъ хвостъ къ полатамъ царевымъ, а ступеней осмьнадесятъ» и т. д. — Въ c (на сколько можно заключить по неполному въ этомъ мѣстѣ тексту) и въ f эпизодъ съ лѣстницей у мѣста = тексту d; въ f «15 ступеней».

[4]) c. «Видѣша на гробахъ кубокъ златъ со змирномъ; они же, чающе вино и чары златая, они же испиша изъ кубка по три чары и по просвирѣ съѣли, и быша сыти и пьяни и уснуша долго часъ».

вещми. Посланницы же внидоша внутрь полаты тоя, въ полатѣ же той стоитъ одръ царской сотворенъ отъ драгихъ узорочей и украшенъ, на немъ же два вѣнца царьскихъ: первой Навходоносора, царя Вавилонскаго и всея вселенныя, [и] его царицы; и тутъ же видѣша грамоту лежащу, написану Греческимъ языкомъ: сице глаголь: «сіи вѣнцы сотворены бысть, егда Навходоносоръ царь тѣло златое сотвори, въ то время воспрянувши отъ сна своего и хотяше взяти на полѣ Деирѣ. И бысть тебѣ вѣнцы отъ каменія самѳира, и отъ бысара драгаго, и отъ злата Аравитскаго сотворены суть и доселѣ Богомъ, а нынѣ же будутъ (ркп. «бысть») на Греческомъ царѣ Львѣ, во святомъ крещеніи Василіи, и на его царицѣ Александрѣ, молитвами святыхъ отроковъ» [1]). Посланницы же взяша вѣнцы и грамоту, и поидоша во вторую полату и тамо видѣша драгіе запоны, и [сія] рече царскія завѣсы. Посланницы же хотяше взяти ихъ руками, и запоны разсыпашася въ прахъ, понеже лежать много лѣтъ. Въ той же видяша крабицу сердоликову (ркп.—ой), въ ней бысть царская (ркп.—ія) багряница, сія рече порѳира; да тутъ же и видѣша стоятъ два ларца насыпаны злата и сребра и бисера драгаго, и многоцѣннаго каменія; и тутъ же видѣша кубокъ златый таковъ же, что̀ и въ церкви святыхъ на гробѣ у святаго Ананія. Посланницы же, вземше крабицу и злато и тотъ кубокъ и царскую багряницу и вѣнцы и каменія драгаго (ркп. — іе — ихъ) числомъ 25 камней, и драгихъ тѣхъ вещей, какъ бы можно нести къ царю Василію [2]), и возвратишася отъ царскаго двора и пріидоша паки въ церковъ трехъ святыхъ отроковъ и поклонишася гробомъ ихъ, и уже къ нимъ гласа нѣсть отъ гробовъ тѣхъ. Посланницы же сего ради въ великой печали быша и приступиша со страхомъ ко гробу святаго отрока Ананіи, и веземъ кубокъ, испиша изъ кубка того и бысть весели, якоже и преж-

---

[1]) въ текстѣ e (голосъ изъ гроба): «Поидите въ домъ царевъ: и есть въ дому цареву таковъ же кубокъ, и возьмите его; и да есть тамо два вѣнца Новходоносора царя и его царицы: а тѣ вѣнцы издавна сотворены были отъ драгаго макакула и отъ санфира; тѣ вѣнцы да будутъ положены на благовѣрномъ царѣ Василіѣ и на его царицѣ Алексанирѣ»; c сообщаетъ, что въ первой палатѣ посланцы «видѣша на грядахъ царское платье уложено, видѣша тѣло, а все нетлѣно».

[2]) Другія редакціи передаютъ этотъ эпизодъ (посѣщенія дворца) существенно въ тѣхъ же чертахъ, но съ отличіями, которыя я не помѣчаю въ подробности, такъ какъ иныя изъ нихъ поздняго происхожденія и заключаются въ повтореніи разсказаннаго въ другихъ отдѣлахъ «Повѣсти». Такъ въ c послы находятъ во дворцѣ «хлѣбецъ малъ бѣлъ и скляницу съ виномъ»; они ѣдятъ, выпили по три чары и «уснуша долго часъ»; палатъ во дворцѣ четыре. Въ c: «взяша царю 24 камени драгихъ», что̀ ближе отвѣчаетъ 24-мъ камнямъ на ѳеудѣ первосвященника, чѣмъ 25 въ текстѣ d.

де сего, и уснуша на всю нощь. Заутра же, свитающу воскресному дни на 1-мъ часу, бысть имъ гласъ вторицею глаголь: «умойте лица своя». Посланницы же воспрянуша скоро и видѣша кубокъ стоящъ церковный съ водою; они же веземше его, и умыша (ркп. — ся) лица своя, и воздаша хвалу Богу и святымъ тремъ отрокомъ [3]). И егда совершися пѣніе утренное и часы, тогда бываше имъ гласъ глаголя: «кое взясте знаменіе у насъ, и нынѣ же пойдите въ путь свой, водими Богомъ, къ царю Василію». Они же слышавше сіе, и поклонишася гробомъ святыхъ трехъ отроковъ, и еще испиша по три чаши изъ кубка того; кубокъ же тотъ, Божіею благодатію, стоитъ полонъ: не убываетъ изъ него. Потомъ же посланницы поидоша къ лѣствицѣ и донесоша своя тяжкія бремена, иже взяше во градѣ Вавилонѣ, и поидоша по лѣствицѣ изъ града, и вторую лѣствицу чрезъ великаго того змія. Единъ же отъ нихъ, Ияковъ Обежанинъ, ступи съ верху на третію ступень и упаде съ лѣствицы на великаго того змія и убуди его отъ сна. Великій же той змій послыша его, и воста на немъ чешуя, яко волны морскія, и нача колебатися. Посланницы же, веземше третіяго своего друга Якова, и скоро бѣжаша, и обрѣтоша быліе, къ царю Василію. И уже близъ полудни бѣжаша и обрѣтоша кони своя на мѣстѣ, идѣже оставиша ихъ, и положиша обѣ бремена своя на кони своя. И въ той же часъ свиснулъ великій змій, и не бысть таковаго звуку слышати нигдѣже. Посланницы же отъ свистанія того съ коней повергошася на землю, и лежаще на земли долгъ часъ мертви; по малѣ же времени очнулися и сѣдши на кони своя, и поидоша на мѣсто, идѣже стоялъ царь Василій съ воиньствомъ своимъ [4]). И не бысть на томъ мѣстѣ царя, ни воинства,

---

[3]) въ с разсказъ объ омовеніи отнесенъ къ первому посѣщенію церкви послами (и повторенъ при посѣщеніи дворца); въ f, какъ въ d.

[4]) Бѣгство изъ Вавилона: c. «Лавръ Бѣженинъ (раньше онъ былъ названъ Яковомъ) двухъ ступень не доступился», — f: «и пойде на перьвую степень Греченинъ со златомъ и соиде на землю здраво; на седьмой степени пойде мужъ Русенинъ съ драгимъ каменіемъ и многоцѣннымъ бисеромъ и сойде на землю здраво; на двѣнадцатой (var. «пятойнадесять») степени пойде мужъ Обоженинъ и за чешую зміеву запялся и урони ту сердоликову крабицу на того большаго змія. И въ той часъ возсвистася зміи (var. «и малые всѣ съ нимъ возсвисташа»), которые и въ сосудѣхъ лежаща, и отъ того свиста зміева тѣ три мужіе падоша мертвы.... Но абіе тѣ три мужіе очютишася и возсташа на третій день, аки отъ сна, и кійждо кто (что ?) несъ изъ града, то все взяли.... и пріидоша, гдѣ ихъ стояли кони — и кони ихъ стояли цѣлы, невредими ничѣмъ, ни зміинымъ ядомъ не уязвлены. Они же, хваляще Бога, и воздаша молебную пѣснь; зміи же всѣ свишася въ клубы». — Особенно интересенъ варьянтъ e: «запенся Іяковъ Обожескій до земли за пятьнадесятъ ступеней и паде на змія. И возста на зміи чешуя, аки волна морская; а иныхъ зміевъ и гадовъ много во градѣ безъ числа, но Божіемъ повелѣніемъ въ воскресеніе отъ восхода солнечнаго зміи лежатъ яко мертви до захожденія солнцу, къ понедѣльнику-же и

ни вѣсти про него слуху, точію видѣша мертвыхъ множество. Въ коеже время тотъ великій змій свиснулъ, и въ то время въ стану царевѣ сотворися великая напасть царю Василію и людемъ его: людіе же его и все воинство съ коней спадоша, овіе умроша отъ свистанія того, и коней множество умроша. Царь же Василій, убоявся сего и отступи отъ мѣста того, за 15 поприщъ, на второе мѣсто отъ града Вавилона за 30 поприщъ [1]). Печаленъ же бысть царь Василій о тѣхъ трехъ мужехъ, ихъ же посла въ Вавилонъ градъ, глагола о нихъ: «уже дѣти моя умроша отъ свистанія того змія». Тако си стуживъ царь о посланницѣхъ онѣхъ и своими дѣтми (е. «назва»). И потомъ тако глагола царь Василій: «да пождемъ ихъ на мѣстѣ семъ малое время; чаю они сохранены живымъ Богомъ и молитвами святыхъ трехъ отроковъ». Посланницы же они дошедше на второмъ мѣстѣ царя Василія и воинство его, и пріидоша, поклонишася царю Василію. Царь же Василій видѣ посланниковъ своихѣ и возрадовашеся зѣло, и прославише Бога и святыхъ трехъ отроковъ. Посланницы же повѣдаша царю Василію вся бывшая по ряду, и крестъ чюденъ у святыхъ отроковъ, и о великомъ зміи, и о себѣ, како пострадали отъ змія того, и даша царю Василію грамоту, что взяше на дворѣ царевѣ въ полатѣ [2]). Царь же у посланниковъ взявъ, поиде [къ] патріярху; патріярхъ же вземъ у посланниковъ царскія вѣнцы и положиша на главу царю Василію, а другой царицѣ Александрѣ, и благослови ихъ. Царь Василій вземъ у посланниковъ своихъ 20 каменей и (ркп. «а») 5 каменей и кубокъ, и посла въ Іерусалимъ, а (ркп. «и») 5 каменей остави у себѣ. А что они посланники принесоша злато и сребра

оживутъ. Вси зміи ожиша и быша живы всю недѣлю до воскресенія. Они же пріѣхаша во градъ въ Вавилонъ въ день въ Воскресеніе Христово. И подняша друга своего и видѣша бывшая, и нападе на нихъ страхъ и ужасъ, и отъ страха омертвѣша и поидоша въ церковь святыхъ тріехъ отрокъ, и пѣвше вечерню, и поклонишася гробомъ ихъ и взяша кубокъ и второе испиша и весели быша. И бысть има гласъ изъ гроба: «Се уже вечеръ; поидите вы вонъ изъ града путемъ своимъ вспять, а ни мало медлите, Богомъ хранимы, къ царю Василію». Они же поидоша вонъ изъ града и быша у вратъ града и видѣша змія великаго жива. И бысть солнечное захожденіе и начаша зміи оживати; и егда поидоша во градныя врата, въ зміевы уста, и хотѣша змія пожраги ихъ, но еще не можаше. Они же изыдоша изъ града и борзо сѣдоша на коня свои, и начаша зміи вельми великимъ гласомъ свистати. Отъ зміева же свистанія падоша кони подъ ними; они же сами невредими быша, святыхъ тріехъ отрокъ молитвами».

[1]) Редакція с кончается словами: «а въ ту пору въ полкахъ у царя Алевуя за двадцать поприщъ трядесятъ тысящь войска отъ свистанія зміева померли. Въ той же часъ царь Алевуй....» — е. Василій стоитъ за 15 поприщъ, за тѣмъ отодвигается на 6.

[2]) е. «Они-же даша ему вѣнцы царевы Новходоносора царя».

и бисера драгаго и всякихъ узорочевъ царскихъ, и то все царю объявиша Василію. Царь же Василій не взя у нихъ ничтоже, и отдавъ имъ, и свыше того давъ имъ свой даръ по 50 златницъ злата; и тако глагола царь Василій: «пойдите со мною и просите у мене елико хощете, и азъ по прошенію вашему и со вторицею дамъ вамъ». Посланницы же, слышавше то отъ царя Василія, и поклонишася ему, и шедшеся, прославиша Бога и благочестиваго царя Лва, во святомъ крещеніи Василія. Богу нашему слава» [3]).

Редакція **e** предлагаетъ послѣ этого разсказа еще одинъ эпизодъ, представляющій неудачное пріуроченіе разсказа о запустѣніи Вавилона, извѣстнаго намъ изъ § II. Это неумѣстное перенесеніе объясняется тѣмъ, что, выдѣливъ изъ «Повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ» лишь одну его часть (§ III: посланіе Алевуя въ Вавилонъ), **e** нашла нужнымъ пополнить себя въ концѣ заимствованіемъ изъ § II, съ цѣлью объяснить запустѣніе Вавилона. Вотъ конецъ **e**: «И самъ царь (Василій-Алевуй) поиде на страны нблунощныя, на языки иновѣрные, и призывая себѣ вышняго Бога на помощь. Въ градѣ же Вавилонѣ, когда Вавилоняне моляшася (зміямъ ?) и чтяху ихъ, яко Бога, обложиша около града змія древяна и сотвориша его хитра вельми, яко жива, и на всѣхъ хоромѣхъ, и рекоша: «се есть стражъ граду нашему». — И начаша въ нихъ вѣровати вси Вавило[ня]не и чтити ихъ, яко боги, и жертвы ему приносити. И виде вышній Господь Богъ прелесть людей и разгнѣвася на нихъ и вдастъ врагомъ ихъ: и вселися во змія діаволъ и нача пожирати человѣки, на всякъ день множество людей. И видѣша людіе погибель града своего и разыдошася вси по единому лицу всея земли, и запустѣ градъ и домове ихъ падоша по многихъ лѣтѣхъ, и токмо едини зміи живутъ; людіе же нѣсть ни единаго живущаго въ Вавилонѣ».

§ IV. Слѣдующій разсказъ, непосредственно помѣщенный въ **f**, за посланіемъ императора Льва, встрѣтился мнѣ лишь въ этой редакціи:

«Въ тоже время, услышавъ князь Владиміръ Кіевскій и посла (вои своя множество на Царьградъ. Царь Василій, видѣвъ) воя сильныя Владимірова и убояся ихъ. И посла царь Василій къ великому князю Владиміру посла своего, а съ нимъ дары великіе и ту сердаликову крабицу со всѣмъ висс[он]омъ царскимъ. И отъ того часа прослы (ркп. «прослыша») великій князь Владиміръ Кіев-

[3]) Конецъ редакціи **d**.

скій Мономахомъ (ркп. «Мономахова»), иже есть взято (ркп. «взяті») отъ Вавилона. И донынѣ та шапка Мономахова въ Русскомъ государствѣ богохранимомъ, въ царствующемъ градѣ Москвѣ у великихъ государей, царей, великихъ князей Іоанна Алексіевича, Петра Алексіевича, всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи самодержцевъ. Конецъ и Богу слава, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь».

II. Объясненія.

Первая часть «Повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ» составляла, быть можетъ, вмѣстѣ со второю одно легендарное цѣлое: сказаніе о построеніи и запустѣніи Вавилона, о Навуходоносорѣ и сынѣ его Василіи. Таковъ былъ, вѣроятно, составъ Иранско-Семитической сказки, перешедшей въ Византію, гдѣ она получила своеобразное продолженіе: въ эпизодѣ о послахъ Греческаго императора Льва (нашемъ § 3).

Прототипа этой сказки мы не имѣемъ, точно также какъ неизвѣстенъ Греческій оригиналъ, съ котораго переводили Славянскіе пересказщики. Въ слѣдующихъ строкахъ я поневолѣ долженъ былъ ограничиться собраніемъ и группировкой нѣсколькихъ данныхъ, которыя, быть можетъ, помогутъ будущему изслѣдователю разрѣшить вопросъ объ источникахъ нашей загадочной «Повѣсти». Всего болѣе разъясненія, по крайней мѣрѣ, для двухъ первыхъ ея частей, позволено ожидать отъ орьенталистовъ.

1. Навуходоносоръ. Онъ является найденышемъ; онъ найденъ въ лѣсу подъ сосною, на которой сидѣла сова; рядомъ съ нимъ коза дикая. Сова и коза представлялись, вѣроятно, кормильцами, покровителями найденыша, какъ волчица и дятелъ въ сагѣ о Ромулѣ и Ремѣ [1]). Въ связи съ этимъ разсказомъ, «Повѣсть» даетъ объясненіе имени Навуходоносора: будто-бы сложеннаго изъ нарицательныхъ для совы и козы и имени, даннаго младенцу: Навходъ или Находъ. Какимъ языкомъ объясняются эти нарицательныя—о томъ пусть судятъ лингвисты. Навходъ, вѣроятно, не что иное, какъ переложенное Nebukad (Евр. Nebukadnezzar); Носоръ, истолкованное, по недоразумѣнію, совою, напоминаетъ Евр. neser, Арабск. nisr=ястребъ, орелъ, символъ верховнаго бога-покровителя Ассиріи, Nisroch'а, изображавшагося съ ор-

[1]) Ovid. Fast. III, vv. 37—8; сл. Stat. Silv. I, 2, 242.—Сл. въ Тидрексъсагѣ роль оленьей самки при мальчикѣ Сигурдѣ; волковъ въ эпизодѣ о Шалу въ Арджи-Борджи; въ «Шахнамэ» разсказъ о Саль-Серѣ и Симургѣ (Görres, «Heldenbuch von Iran», I, 71 seqq.) и друг.

львою головою (сл. Gumpach. «Abriss der Babylonisch-Assyrischen Geschichte», p. 65—66, note 18, и Keil, «Biblischer Commentar über die prophetischen Geschichts-bücher des alten Testaments», III B. стр. 341). Весьма вѣроятно предположеніе, если подобная этимологія находилась въ подлинникѣ нашей «Повѣсти», что Славянскіе пересказщики должны были исказить ее и даже попытаться приладить ее къ звукамъ и словамъ своего собственнаго языка. Доказательство тому я нахожу въ варьянтѣ Находъ вм. Навходъ. Въ Сербскихъ пѣсняхъ о Находѣ Симеунѣ и Находѣ Момирѣ [2]), находъ=найденышъ, какимъ является въ нашей «Повѣсти» и Навуходоносоръ. Еслибъ это предположеніе оказалось вѣроятнымъ, оно явилось бы свидѣтельствомъ въ пользу южно-Славянскаго происхожденія Русскихъ повѣстей о Вавилонѣ [3]).

Навуходоносоръ — найденышъ, воцаряется въ Вавилонѣ, когда тамъ не было царя. Онъ не находится въ родствѣ съ царствовавшею дотолѣ династіей. По хроникѣ Табари, онъ—военачальникъ Сеннахерима, Лохраспа и Гуштаспа [4]); сынъ послѣдняго, Bahman, отдаетъ ему Иракъ и Вавилонъ, гдѣ онъ и царствуетъ [5]); но ранѣе Сеннахерима двоюродный братъ (cousin) Навуходоносора Ligan, властвовалъ въ Вавилонѣ [6]). Навуходоносоръ, стало быть, царскаго рода.

Въ связи съ ролью найденыша, въ какой онъ является въ нашей «Повѣсти», я поставлю слѣдующія два свидѣтельства, которыхъ

---

[2]) Караджичъ, «Српске нар. пјесме», књига друга, №№ 14, 15, 30.

[3]) Другую столь-же загадочную этимологію имени Навуходоносора я вижу въ «Mystère des Prophètes du Christ» (у Édélestand Duméril, «Origines latines du théatre moderne», p. 184): (Præcentor ad Nabuchodonosor): Age, fare os laguene, что напоминаетъ этимологію: Philippus=os lampadis. О послѣдней сл. замѣтку Darmestetter'а въ «Romania», III, p. 360—2; она извѣстна была Brunetto Latini («Trésor» ed. Chabaille, p. 74: Phelipe: bouche de lampe); за ней скрылся переводчикъ Овидіевыхъ Героидъ, Philippo Ceffi, «il quale sono chiamato in lingua Ebrea Bocca di lampana, e nella lingua. Greca guardia d'Amore» («Cod. Magliab». cl. VII, c. 261, s. XIV, cart. 6) Сличи съ этимъ новымъ толкованіемъ (guardia d'amore: φίλος + ἱππότης) отрывокъ сатиры у Wright'a, «Anecdota literaria» («Satire on the men of Stockton», p. 51):

Rusticus est lippus victus sine fine Philippus,
Sillaba putrescit, phi sordida, lippus aquescit,
Phi nota foetoris, lippus gravat omnibus horis,
Sit procul hinc lippus, sit phi procul, ergo Philippus,
Sit procul a terra, nunquam vixit sine guerra:
Philos fertur amor, equus ippus, et modo Philippus
Sortitur nomen, amisit nominis omen.

См. Wright, Piers Ploughman, «Glossary», p. 59; «Latin Stories», p. 253.

[4]) «Chronique de Tabari», trad. par M. H. Zotenberg, t. I, part. I ch. CVI, p. 499. [5]) l. c. ch. CVII, p. 501. [6]) l. c., ch. CIV, p. 488.

источникъ мнѣ неизвѣстенъ. Брунетто Латини говоритъ въ своемъ «Trésor» (éd. Chabaille, p. 36): «Li regnes de Babiloine est contés sor celui des Assyriens et des Egyptiens; mais il avint chose que N a b u g o d o n o s o r en fu rois, non mie par droit, car il n'estoit pas de réal lignie, ains estoit uns estranges hom qui nasqui d'avoutire celéement».—Слово Меѳодія Патарскаго [1]) сообщаетъ, что, по убіеніи Сенерифа, царствовалъ въ Вавилонѣ сынъ его Сарудумъ. «Н а в у х о д о н о с о р ъ - ж е, и ж е изъ отца Лузіа родивыйся, а отъ матере царицу Савы, егда въниде Сенерифъ братися съ царемъ Индійскимъ и даже до Савы опусти страны многы, изыде съ нимъ и Навуходоносоръ, явѣ яко изведшу ему и того съ собою и постави его воеводу себѣ; и премудрости ради сущая въ немъ и силы дастся ему царство Вавилонское». — Въ извѣстномъ разсказѣ Славянской Палеи [2]), заимствованномъ изъ талмудическихъ источниковъ, царица Савская или Южицкая также является матерью Навуходоносора; но она родила его отъ Соломона. «И бысть царица Южичьскаа иноплеменница, именемъ Малъкатышка. Си пріиде искусити Соломона гадками, и та бѣ мудра зѣло. И принесе ему дары к҃ капій злата и зѣлья многа вельми, и древеса негніющая. Слышавъ-же Соломонъ пришедшю царицю, сѣде на полатахъ стекла бѣлого на помостѣхъ, хотя бо искусити ю. Она-же видѣ яко въ водѣ сѣдитъ царь, воздья порты противу ему. Онъ-же видѣ, яко красна есть лицемь, тѣло-же ей власято бысть яко щеть, власы-же онѣми она убадаше мужа бывающа съ нею. И рече Соломонъ мудрецемь своимъ: «створите ми скражду [3]) съ зеліемь и помажете тѣло ея на отпаденіе власомь». Хитреци-же и книжници молвяхуть, яко совокупляется съ нею. Заченши-же отъ него, и иде въ землю свою, и роди сынъ, и сей бысть Навъходоносоръ».

Въ особой редакціи «Повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ», отмѣченной нами буквою f, тотъ же разсказъ, нѣсколько измѣненный, перенесенъ на самого Навуходоносора, который отождествленъ съ

---

[1]) Тихонравовъ, «Памятники отречен. Русск. лит.», II, p. 216.

[2]) Ib. I, p. 271; сл. «Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ», стр. 347—8; текстъ приведенъ по Румянцовской Палеѣ 1494 г. («Памят. старинной Русск. лит.», стр. 54) и 1477 г. (Тихонравовъ, «Лѣтописи, 1859, кн. 2, стр. 162, прим. 5: «Повѣсть, какъ приходилъ Греч. царь Василій» и т. д.)

[3]) Такъ въ текстѣ Палеи XVI в. у Тихонравова l. c., I, p. 271; въ Палеѣ 1477: «створите мовъкражму»; въ текстѣ 1494: «створите ми въкражму».

Немвродомъ. Вотъ начало этой редакціи, сходящейся въ дальнѣйшемъ развитіи разсказа съ остальными, сообщенными выше:

«Въ Вавилонѣ градѣ былъ первый царь Іоаннъ, именемъ Невротъ, потомъ царь Новходоносоръ, и покрылъ онъ градъ Вавилонъ весь желѣзомъ, и позлатилъ кровлю ясно, и повелѣ сотворити во градѣ палату стеклянуую, а въ палатѣ царское мѣсто стекляное же. И обручилъ за себя царевну Перскаго царя и повелѣ внити къ себѣ во стекляную палату, а самъ сидитъ на царскомъ мѣстѣ. А царевна къ нему вниде въ палату, а въ той палатѣ мостъ стекляной. И видѣ тотъ мостъ царевна аки вода, ризы своя подняше; царь же видѣ тѣло ея и пусти огнь въ палатѣ, и подпали ей нижніе власы, и тое ради вины царевна сама его нарекла Навходоносоромъ (вар. «Навходомъ»), прозва его Насоромъ за то, что нижніе власы подпалилъ. И повелѣ Навходоносоръ царь около всего града Вавилона сотворити змія великаго» и т. д.

Отождествленіе Навуходоносора съ Немвродомъ указываетъ намъ на точку зрѣнія, по которой можетъ направиться изслѣдованіе. Немвродъ и Навуходоносоръ—баснословные типы гордыни. По Арабскимъ сказаніямъ [4]), Немвродъ считалъ себя богомъ; какъ извѣстно, тоже разсказывается о Навуходоносорѣ, и въ Русской Палеѣ о Даріи-Дарьянѣ, въ Талмудѣ—объ Александрѣ Македонскомъ [5]). Немвроду приписывается не только построеніе извѣстной Вавилонской башни, которая должна была приблизить его къ небу, но и проектъ — вознестись на небо въ корзинѣ, къ которой привязаны два орла, либо четыре ястреба, чтобы вступить съ богомъ въ борьбу [6]). Такое же предпріятіе приписывалось и Александру Македонскому [7]), хотя оно скорѣе внушено было его любознательностью, чѣмъ гордынею. Наконецъ, весьма вѣроятно, что подобный же разсказъ ходилъ и о Навуходоносорѣ, если согласиться съ моимъ пониманіемъ одного мѣста въ толкованіяхъ блаж. Ипполита на видѣніе Даніила [8]). Замѣчу напередъ, что изъ четырехъ звѣрей ви-

[4]) Weil, «Biblische Legenden der Muselmänner»: «Abraham», p. 68 seqq. «Chronique de Tabari», trad. par H. Zotenberg, t. I (Paris 1867): «Histoire d'Abraham», p. 136 seqq.

[5]) «Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ», стр. 91—92.

[6]) Weil, l. c. 77 seqq; «Tabari», 148 seqq.

[7]) См. «Славянскія сказанія о Соломонѣ» и т. д., стр. 213—14 прим. 2. Упомянутая тамъ Сербская сказка о Соломонѣ помѣщена въ сборникѣ Караджича подъ № 43. Сл. также сказку «о премудромъ Соломонѣ и его злой матери» въ «Малороссійскихъ народныхъ преданіяхъ и легендахъ, изъ матеріаловъ, сообщенныхъ членами Юго-Западнаго Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общ., собраны и изданы М. Драгомановымъ», стр. 100—108.

[8]) Срезневскій, «Сказанія объ Антихристѣ» (СПБ. 1874 г.): «Сказ. объ Антихристѣ, приписанныя бл. Ипполиту», № 1, стр. 10.

дѣнія—три толкуются, какъ намёкъ на трехъ властителей, извѣстныхъ своимъ легендарнымъ кощунствомъ.

«Львицю рекъ въсходящю отъ моря Вавулоньское црство сказаеть, бывшее въ миру, то бо есть образу златая глава; еже то рече: пера ей яко орьлу, яко възвышися царь Навходоносоръ и на Бога ся възнесе; по томъ рече: испадоша пера ей, яко отъяся отъ него слава его, отгнанъ бысть отъ царства своего...... По лвици же вторый звѣрь видѣ подобенъ мечьцѣ, иже бяше Пьрси: по Вавулоненѣхъ бо Перси предржаша...... По томъ же третій звѣрь рысь, еже бѣша Елини: по Пьрсѣхъ бо Альксандръ предржа Македонянинъ, удолѣвъ Дарію да тъ ся показа мѣдь». Четвертый звѣрь толкуется грядущимъ Антихристомъ.

Имена Навуходоносора и Немврода (Ymelot, Nibelot), вообще Вавилонскаго царя, являются въ средневѣковой романтической литературѣ постоянными типами самообожанія [1]; къ нимъ присоединяется впослѣдствіи образъ Хосроя, если не правильнѣе будетъ предположить, что именно свѣжее впечатлѣніе послѣдняго оживило легендарную память о его предшественникахъ.

У Wolfram von Eschenbach («Parcival», 102) Nabchodônosor читаетъ въ лживыхъ книгахъ, что онъ самъ—Богъ:

Er solte selbe sin ein got.

Тоже въ Варлаамѣ и Іоасафатѣ Rudolf'a von Hohen-Ems (60, 35): Er (т. е. Навуходоносоръ) wolde wesen und heizen Got. Въ поэмѣ о Ротерѣ Ymelôt-Немвродъ царитъ надъ 72-ми королями пустынной Вавилоніи

v.2570.her was ein heidin vreissam,
ime ne mochte nicht widerstân,
her wolde die rîche alle hân
bedwungin mit grôzir gewalt.
Uber al uncristin lant
sone virsaz nieman sîn gebôt.
her wolde selve wesen got.
(Rother, ed. Rückert).

Въ Битерольфѣ (ed. Jänicke v. 295 seqq.) Немвродъ названъ Нибелотомъ и представленіе тоже:

Man saget von Nibelôte daz,
wie er ze Bâryse saz
in einem rîchen lande;
den ich vil wol erkande.
der machte himele guldîn,
selbe wolde er got sîn.

Здѣсь мы впервые встрѣчаемся съ декоративною подробностью («онъ сотворилъ золотое небо»), которая считалась характерною

[1]) Другіе примѣры самообожанія см. у Wüstenfeld, «Die älteste Aegyptische Geschichte nach den Zauber und Wundererzählungen der Araber», въ «Orient u. Occident», I, p. 332 (Mancâwûs) и 338 (el-Walid).

для типа богоотмѣтника и встрѣтила особое развитіе въ разсказахъ о Хосроѣ. Хосрой не только считалъ себя богомъ (о чемъ говорятъ и Византійцы, и западные писатели [2]), но и окружалъ себя неслыханнымъ великолѣпіемъ и тайною; чудеса искусства должны были воспроизводить чудеса божества. По Аймоину, онъ возсѣдаетъ въ серебряной башнѣ, на золотомъ престолѣ; Винцентій изъ Beauvais и Jacobus de Voragine присоединяютъ къ этому искусныя изображенія солнца, мѣсяца и звѣздъ; въ тонкихъ, потаенныхъ трубкахъ проведена была вода, превращавшаяся, по мановенію царя, въ подобіе дождя. Новая подробность, общая Якову de Voragine и большому Passional'ю: подъ башней въ подземельномъ покоѣ двигались въ кругу лошади, запряженныя въ повозки, что̀ заставляло колебаться башню и производило впечатлѣніе грома.— Hermann von Fritzlar повторяетъ тѣже образы: серебрянной башни и золотого трона, искусственнаго неба, съ солнцемъ, луною, звѣздами и облаками. «По желанію царя наступала тамъ ночь и снова день, гремѣлъ громъ, сверкала молнія, шелъ дождь и снѣгъ, становилась зима и лѣто, поднимались вѣтры и наступала ясная погода».—Во Французскомъ романѣ Gautier d'Arras, Eracles, Хосрой:

v.5187.un ciel ot fait faire li fos
à cières pières et à clos
molt ricement l'ot fait ouvrer.
Ileuc se fasoit aourer
à la caitive fole gent
. . . .
v.5195.et par engien, si con je truis,
fasoit plouvoir par un piertuis,
q'il ot fait faire el ciel là-sus.
Encore i a-il asses plus:
la tiere estoit de-sous cavée
et bien plancie et bien levée.
u n s f o l e s i o t p o r s o u f l e r,
cant il voloit faire tourner,
tout e s i ot: venter fasoit
et plus asses, con li plaisoit.

Замѣтимъ въ заключеніи особое описаніе «Kaiserchronik»:

ein heidenscher künc hiez Cosdroas,
dem geriet der vâlant,
d a z e r w o r h t e ü b e r s î n i u l a n t
e i n e n h i m e l ê r î n.
gerne wolder got sîn.
Er hiez machen dinne
die sunne unt maeninne
ûzen karfunkêln,
von blîwe die wolken,
ûz edelme gesteine
die sterne vil kleine,
enzwischen niun koeren
den regen in den roeren [3]).

Построеніе «новаго» Вавилона о семи стѣнахъ, на семи верстахъ и т. п., съ чудесными подробностями котораго знакомитъ

[2]) См. Massmann, «Eraclius», p. 501—4; его-же, «Kaiserchronik» III, 891—2. — «Житіе» Евтвхія, патріарха Константинопольскаго, называетъ Хосроя перваго—вторымъ Навуходоносоромъ: ὅτε ὁ νέος Ναβουχοδονοσὼρ Χοσρόης ἦλθεν. («Acta Sanctorum», Bolland. April. I).

[3]) О башнѣ, престолѣ и другихъ диковинкахъ Хосроя см. Massmann, «Eraclius», 496—501, и «Kaiserchronik», III, 889—891.

насъ «Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ», относится къ одному тому же кругу представленій, какъ и золотое небо Нибелота-Неврода и разсказы о диковинкахъ Хосроя. То и другое должно характеризовать могущество и демоническое самомнѣніе царя, граничащія съ кощунствомъ. Хосроя наущаетъ къ его начинаніямъ демонъ, vâlant; въ такой-же роли являются впослѣдствіи змѣи Навуходоносора. Мѣдное небо, которое, по разсказу «Kaiserschronik», Хосрой устроилъ надъ всѣмъ своимъ царствомъ, напоминаетъ начало редакціи f: «и покрылъ онъ градъ Вавилонъ весь желѣзомъ»; стеклянную палату, производящую впечатлѣніе настоящей воды, не трудно сравнить съ разсказами о чудесахъ Хосроевой башни. Наконецъ, мѣхи и другія приспособленія Хосроя, назначенныя произвесть впечатлѣніе грома и внушить чувство ужаса—что̀ это, какъ не уловка Навуходоносора въ нашей «Повѣсти», съ помощью которой онъ устрашаетъ пословъ? Въ воротахъ города «во главѣ зміевѣ» подѣланы рѣшетки мѣдныя, навезены уголья; когда послы подойдутъ къ воротамъ, триста кузнецовъ начнутъ раздувать мѣхи, пойдетъ дымъ, искры и пламя. «И тогда послы ужасти великія наполнятся». Ворота устроены во «главѣ зміевѣ»; это даетъ мнѣ поводъ повторить здѣсь замѣтку Петра de Natalibus, по поводу Даніилова змѣя: «Sacerdotes.... ejus habebant vasa plena aquâ facta de coriis vitulorum, et ea virgis percutiebant, ut facerent sonitum terribilem quasi tonitruum: ad quem excitatus draco quandoque emittebat ignem, quandoque fumum, quandoque visibiliter apparebat» [1]).

Остается еще опредѣлить чудесную роль змѣй въ разсказѣ о построеніи Вавилона. На этотъ счетъ я могу предложить пока лишь нѣсколько общихъ соображеній.

a) Иранско-Семитическія отношенія. Змѣй былъ символомъ главнаго бога Халдео-Вавилонянъ и Ассирійцевъ—Eâ, бога высшаго знанія и разума. Въ религіи Иранцевъ, наоборотъ, змѣй былъ образомъ темной силы: подъ его личиной Angrômainyous старается проникнуть въ небо Ахурамазды; въ эпосѣ свѣтлый герой Thraêtaona побѣждаетъ темную силу, змѣя Azhi-dahâka. Когда Вавилонъ и Ассирія подпали подъ власть Мидянъ-Иранцевъ, оба культа слились, но такъ, что религіозныя представленія побѣжденныхъ оказались преобладающими, и побѣдители приняли народный культъ змѣя, обоготворили его [2]): Моисей Хоренскій приписываетъ

[1]) «Acta Sanctorum», Bolland. Julii V, 21 Julii, p. 129».

[2]) Lenormant, «La magie chez les Chaldéens et les origines accadiennes» (Paris, Maisonneuve, 1874), p. 207—8; Lenormant, «La divination et la science des présages chez les Chaldéens» (ib. 1875), p. 89—90.

его царственной династіи Мидянъ-Арійцевъ, а Кодинъ (Georg. Codini «Europ. de official. Palat. Const. Feriae», 117) сообщаетъ о Кирѣ, что, побѣдивъ Ассирійцевъ, онъ велѣлъ Персамъ и Мидянамъ перенять ихъ военное знамя — съ изображеніемъ дракона. Змѣи нашего «Сказанія» стоятъ на почвѣ этихъ смѣшанныхъ, Иранско-Семитическихъ представленій: они — темная сила, отъ нихъ гибнетъ родъ Навуходоносора, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, они окружены какимъ-то суевѣрнымъ культомъ—на что указываетъ ихъ особая роль въ разсказѣ о построеніи Вавилона.

Выше я поставилъ этотъ разсказъ въ связи съ гордыней, самообожаніемъ Навуходоносора. Извѣстно въ Иранскихъ сказаніяхъ преданіе о Джемшидѣ и Зохакѣ. Джемшидъ до того возгордился своею долгою удачей, что возмечталъ о себѣ, что онъ — Богъ. За эту ложь правда и, вмѣстѣ съ тѣмъ, царственная сила покидаютъ его. Онъ становится жертвою Зохака (Azhîs dahâka Зендскихъ текстовъ), то-есть вредоноснаго змѣя, который велитъ распилить его по-поламъ. Зохакъ представляется змѣеобразнымъ, съ головою дракона, либо прямо дракономъ [3]). Моисей Хоренскій, называя Зохака Бюраспомъ-Аждахакомъ (Астіагомъ) и отождествляя его съ Кентавромъ Пиритомъ [4]), упоминаетъ о народныхъ пѣсняхъ, «въ которыхъ упоминается Артаксерксъ и его сыновья, и иносказательно — потомки Аждахака (Астіага) подъ именемъ потомковъ дракона, потому что на нашемъ (т. е. Армянскомъ) языкѣ Аждахакъ (Астіагъ) значитъ драконъ» [5]). Замѣтимъ, что Маг, т. е. змѣи, было у Армянъ постояннымъ названіемъ Мидянъ [6]). О потомкахъ Астіага, драконовомъ родѣ или «драконитахъ» не разъ говорится въ «Хроникѣ» Моисея Хоренскаго [7]), который замѣчаетъ: «Родоначальникъ Персовъ, называемый ими Бюраспъ-Аждахакъ жилъ при Немвродѣ [8]). Это упоминаніе приводитъ насъ къ Навуходоносору=Немвроду нашего «Сказанія». Восточныя свидѣтельства указываютъ, что преданіе отождествляло Зохака-Аждахака именно съ Немвродомъ. По Tarikh Montekheb, Немвродъ Евреевъ — тоже что Зохакъ Персовъ, которому, какъ и Немвроду, приписывается построеніе Вавилона; авторъ «Mesatih alôloum» (и за нимъ, хотя

---

[3]) См. «Славян. сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ», стр. 120—123.

[4]) Ib., стр. 140. Замѣтимъ, что Табари (l. c., t. I, part 1, ch. XL, p. 105—106), отдѣляя Beyourasp'a отъ Dhòhâk'a (=Зохакъ, part I. ch. XLII, p. 115 seqq), говоритъ: «Les Arabes l'ont nommé Dhòhâk et les Mages disent qu'il est le même que Beyourasp». Beyourasp-Dhòhâk=Бюраспъ Аждахакъ.

[5]) «Storia di Mosè Corenesc, versione italiana, illustr. dai monaci armeni Mechitaristi» (Venezia, 1841) l. I, c. XXX, p 82. [6]) Ib. l. c., p. 83. [7]) Ib. l. c. 83; l. II c. LXI, pp. 208—9. [8]) l. c. p. 91.

и съ сомнѣніемъ, Мирхондъ въ своемъ «Raoudath Alsafa») отождествляетъ его съ другимъ миѳическимъ королемъ Персидской саги Кавусомъ, которому приписываетъ такую-же попытку взойти на небо, какая разсказывалась, мы видѣли, и о Немвродѣ [1]). «Шахнамэ» разсказываетъ о чудесныхъ постройкахъ Cawus'а на Альбурсѣ: тамъ нѣтъ ни лѣтнихъ жаровъ, ни зимней стужи, воздухъ — амбра дождь—вино, весна длится круглый годъ, розы цвѣтутъ какъ дѣвичьи ланиты, нѣтъ ни печалей, ни болѣзней, и смерть спускалась на счастливцевъ, какъ сонъ, такъ-что они и не замѣчали ее. Дивы завидуютъ царю; они хотятъ смутить его, отвратить его мысль отъ Бога—къ землѣ. Идея гордыни, первоначально выражавшаяся въ постройкахъ царя и приводившая его къ самообожанію—устранена въ разсказѣ «Шахнамэ», который та́къ развивается далѣе: дивъ, въ образѣ мальчика, встрѣчаетъ Кавуса на охотѣ и, преклонившись передъ нимъ, говоритъ: «твоему могуществу подобаетъ небо; вся земля тебѣ подвластна и твоя память не пропадетъ на ней, если ты узнаешь тайны неба: что̀ содержитъ солнце, ка́къ устроенъ мѣсяцъ, что̀ такое—день и ночь?» Эти вопросы смущаютъ царя, который начинаетъ думать, ка́къ ему безъ крыльевъ взлетѣть на небо. Разсказъ о полётѣ, при помощи четырехъ орловъ—обычный въ легендахъ этого рода. Полетъ окончился неудачею, послѣ чего Кавусъ пришелъ къ сознанію своей грѣховности, покаялся и началъ царствовать въ мирѣ и справедливости, уподобляясь Джемшиду и Феридуну. Что̀ думалъ онъ дѣлать въ небѣ? сосчитать звѣзды; много о томъ ходитъ разсказовъ; тайну знаетъ одно небо. Одни говорятъ, что онъ поднялся въ облака, чтобы вступить въ борьбу съ Господомъ; другіе отождествляютъ его съ Немвродомъ. Таковъ разсказъ «Шахнамэ» [2]).

Возвращаясь къ нашей «Повѣсти», я не могу не указать еще разъ на роковое значеніе змѣй въ сагѣ о Навуходоносорѣ и его сынѣ Василіи: въ извѣстномъ смыслѣ они—змѣиный родъ, «дракониты».

в) Библейско-христіанскія отношенія [3]). Въ христіанской

---

[1]) D'Herbelot, «Bibl. orientale, art. Nemrod и Babel».

[2]) Görres l. c. I, 210—214. Ср. «Chron. de Tabari» l. c. I, part. 1, ch. C, p. 464—5.

[3]) Я могу отдать лишь незначительную долю, въ развитіи символики Навуходоносора и змѣя, слѣдующему свидѣтельству Талмуда («Tractat Sabbat», f. 150a): Раббн Jehudah (около половины III вѣка по Р. X) говоритъ отъ имени Rabbi Jeremiah: «Навуходоносоръ ѣздилъ на львѣ самцѣ и обуздывалъ его, вокругъ головы, з м ѣ е й, вмѣсто узды—что̀ должно оправдать слова Іереміи (27, 6): «я подчинилъ ему полевыхъ звѣрей, чтобы они служили ему» (сообщено Хвольсономъ).

литературѣ, вдохновлявшейся идеями Апокалипсиса и пророчествами Даніила, Вавилонъ получилъ особое значеніе. «Вавилонъ великій мать блудницамъ и мерзостямъ земнымъ» (Апок. 17, 5); «палъ, палъ Вавилонъ, великая блудница, сдѣлался жилищемъ бѣсовъ и пристанищемъ всякому нечистому духу, пристанищемъ всякой нечистой и отвратительной птицѣ» (Апок., 18, 2). Образъ опустѣлаго Вавилона, населеннаго одними змѣями и гадами, станетъ общимъ мѣстомъ средневѣковой повѣствовательной литературы. Въ Вавилонѣ, по древнему преданію, надлежало родиться Антихристу, котораго видѣли въ четвертомъ звѣрѣ Даніилова видѣнія. На него переносили пророчество Исаіи и Іезекіиля и тѣже черты гордыни, которыя приписываются Навуходоносору, Александру Великому и другимъ. «Ты бо рече въ умѣ своемъ: на небо възиду, выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ свой, сѣсти имамъ на горѣ высоцѣ, на горахъ высокыхъ и иже къ сѣверу, възиду выше облакъ и буду подобенъ вышнему» (Ис. XIV, 13—14); «възнесеся срьдце твое и рече: Богъ есмь азъ, вселеніемъ божіимъ вселихся въ срьдци морю» (Іез. XXVIII, 2) [4]. Антихристъ родится изъ колѣна Данова. «Да будетъ Данъ зміа на пути сѣдящи а хаплющи пяту коню» (Быт. XLIX, 17). «Зміа убо кьто онъ яко искони льстьць, яже въ Бытіи нарицается» [5]. Антихристъ — дьяволъ, древній змій; образъ Вавилонскаго змѣя выражалъ собою—Антихриста, въ связи съ разсказомъ о его рожденіи въ Вавилонѣ и съ апокалипсическимъ значеніемъ послѣдняго. Во Французскихъ и Итальянскихъ пророчествахъ Мерлина названіе «Вавилонскій драконъ»—постоянное для Антихриста, либо чередуется съ нимъ [6].

Замѣтимъ, съ другой стороны, что, подъ вліяніемъ тѣхъ же идей, представленіе апокалипсическаго Вавилона, великой блудницы, города погибшаго, предоставленнаго демонамъ и всякой нечисти, отождествился съ представленіемъ ада. Такъ, для Giacomino da Verona [7]) это—адскій городъ:

Ke Babilonia magna per nomo si s'apella,
Segundo ke li santi de parla e de favella (vv. 7—8).

---

[4]) Срезневскій, «Сказ. объ Антихристѣ» № 1, стр. 7—8.

[5]) ib. № 1, стр. 6.

[6]) Сл. въ 1-мъ Венеціанскомъ изданіи «Profezie», кн. VI, гл. VI. Въ заглавіи: «Capitulo VI dove si tracta de le grande richeze de Antichristo et de la sua superbia»; въ срединѣ главы: «la corona de quel dragon».—Онъ будетъ убитъ Архангеломъ Михаиломъ: «St. Michael le archaingle mettera le dragon de Babilone mort» («Cod. Paris. anc. fonds», 6772, f. 255 r. c. 1).

[7]) «De Babylone infernali» у Mussafia, «Monumenti antichi di dialetti Italiani» (Vienna 1864) p. 31 seqq.

Въ ней возсѣдаетъ Люциферъ, сказавшій въ своей гордыни:

En celo metrò el me se',
Eo serò somejento a l'alto segnor De (vv. 26—27).

Надъ городомъ металическое небо:

Sovra la città è fato un celo reondo
D'açal e de ferro, d'andranego e de bronço (vv. 41—2).

(слич. желѣзную кровлю Навуходоносора надъ Вавилономъ). Городъ полонъ змѣй, василисковъ, драконовъ и жабъ (vv. 93 — 4), чудовищъ, которыми средневѣковое воображеніе любило наполнять «пустынную» Вавилонію.

Въ связи съ этими библейско христіанскими представленіями Антихриста и Вавилона слѣдуетъ, быть можетъ, объяснить нѣкоторыя подробности нашей «Повѣсти». Навуходоносоръ велитъ учинить знаменіе змѣя на всемъ, что̀ было въ Вавилонѣ: на платьяхъ, оружіи, на домахъ и всякой утвари, даже на скотѣ. «Полюбися царю то знамя» — что̀ ведетъ къ тѣснѣйшему сплоченію царя и змѣя. Тоже пророчится объ Антихристѣ (Апок. 13: 16, 17): «И онъ сдѣлаетъ то, что всѣмъ, малымъ и великимъ, богатымъ и нищимъ, свободнымъ и рабамъ положено будетъ начертаніе на правую руку ихъ или на чело ихъ. И что никому нельзя будетъ ни покупать, ни продавать, кромѣ того, кто имѣетъ это начертаніе, или звѣря или число имени его».

Во Французскихъ и Итальянскихъ пророчествахъ Мерлина [1]) говорится о коронѣ Вавилонскаго дракона съ четырьмя драгоцѣнными камнями и о такомъ же вѣнцѣ императора Orbante'ы — властителя баснословнаго города, покараннаго за свою чрезмѣрную грѣховность. Въ разсказѣ о гибели города есть черты, напоминающія пророчество о гибели Византіи въ «Житіи Андрея Юродиваго», въ свою очередь воспроизводящее апокалипсическое видѣніе — о паденіи Вавилона. Императоръ Орбанты, Aurians-Adriano отождествляется въ заголовкѣ одной главы Итальянскихъ пророчествъ (l. III, cap. XXI) съ Вавилонскимъ дракономъ. Вѣнецъ властителя Орбанты найденъ случайно въ морѣ, и рыбакъ приноситъ императору Фридриху II драгоцѣнные камни, его украшавшіе: ихъ четыре, какъ четыре ихъ было и въ вѣнцѣ Вавилонскаго дракона; Фридрихъ II посылаетъ Вавилонскому султану пророчество, бывшее ему объ этой чудной находкѣ. Все это, разумѣется, отрывочныя

---

[1]) См. мои «Опыты по исторіи развитія христіанской легенды» II: «Легенда о возвращающемся императорѣ», въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1875, апрѣль, стр. 103—108.

черты, которыя прольютъ лишь слабый свѣтъ на тотъ эпизодъ Вавилонской повѣсти, гдѣ императору Льву приносятъ изъ опустѣлой Вавилоніи, между прочимъ, два вѣнца Навуходоносора и его царицы: «а тѣ вѣнцы издавна сотворены были отъ драгого макакула и отъ самфира».

Я не могу предложить никакого комментарія къ разсказу «Повѣсти» о битвахъ Навуходоносора съ враждебными ему царями. Имена Вавилонскихъ витязей (Тевризъ Мореистровичъ, Атланъ, Дятковичъ Болгаристръ) и «супротивныхъ» королей (Траклинскіе, Далматинскіе, «нечестивые») ожидаютъ толкователя. (Тевризъ=Таврисъ? Атланъ=Алтанъ?) Траклинскіе цари, можетъ быть, Рахлинскіе или Рахлейскіе (т. е. Рахманскіе=Индѣйскіе) Русскихъ сказокъ и духовныхъ стиховъ? Побѣда остается за Вавилонянами, благодаря чудному мечу самосѣку, «аспиду-змѣю». Этотъ мечъ, очевидно, относится къ той же символикѣ, которою проникнута вся «Повѣсть». Навуходоносоръ «узналъ въ немъ смерть свою», говоритъ «Сказаніе» вѣрнѣе—гибель своего рода. Онъ велитъ замуравить его въ городскую стѣну и не вынимать до скончанія вѣка. Гибель Навуходоносорова рода объясняется именно презрѣніемъ къ этому запрету. Мечи, заложенные въ стѣну, камень, въ дерево, вытащить которые суждено лишь немногимъ избраннымъ, не рѣдки въ средневѣковыхъ сказаніяхъ (Русская легенда о Петрѣ и Февроніи, мечъ Одина въ палатѣ короля Вельсунга и др. [2]). Съ ними соединено обыкновенно какое-нибудь заклятіе. Такъ, мечъ, достающійся Бедвару, имѣлъ то качество, что за всякимъ его взмахомъ слѣдовала смерть человѣка; его нельзя было класть подъ голову, становить остріемъ кверху, и точить его слѣдовало только три раза въ жизни [3]). Такое же заклятіе соединено, очевидно, и съ мечемъ Навуходоносора.

2. **Василій.** Навуходоносору наслѣдуетъ на царствѣ сынъ его Василій. Услышавъ о смерти его отца, многіе цари поднимаются на Вавилонъ; Вавилоняне отбиваются, но имъ стало не въ силу. Тогда они просятъ Василія вынуть изъ градной стѣны мечъ самосѣкъ, «аспидъ-змій», чтобы было чѣмъ отбиться отъ непріятеля. Царь сначала отказывается: «заклятъ мечь у отца моего до скончанія вѣка, не повелѣлъ его вынимать». Новыя просьбы заставляютъ его уступить: онъ выѣзжаетъ въ поле, опоясавшись чуднымъ мечемъ, и хочетъ биться; — но тутъ аспидъ-мечъ выпорхнулъ

[2]) См. мою статью: «Новыя отношенія Муромской легенды о Петрѣ и Февроніи» и т. д., стр. 137. [3]) Сл. ib., примѣч.

у него изъ ноженъ и отрубилъ голову первому — царю Василію а затѣмъ посѣкъ и все непріятельское воинство. Въ тоже время ожили тѣ змѣи — «знаменія», что находились на Вавилонянахъ, и поѣли всѣхъ, въ войскѣ и въ городѣ, женъ и дѣтей и всякій скотъ [1]; ожилъ и великій каменный змѣй, лежавшій вокругъ города, свистая и рыкая. «Отъ тѣхъ же мѣстъ и донынѣ царствующій Вавилонъ градъ новый пустъ сталъ». Такъ своебразно объясняется запустѣнье Вавилона, безлюднаго, наполненнаго змѣями, какимъ именно представлялся онъ въ средніе вѣка.

Съ этимъ представленіемъ мы познакомимся тотчасъ-же. Постараемся, прежде всего, опредѣлить легендарныя отношенія царевича Василія Навуходоносоровича. Въ Нѣмецкой поэмѣ о Ротерѣ играють роль 72 царя «пустынной Вавилоніи» (von wôster Babilônje, vv. 2564—5, 3770—1 и passim); главный между ними Ymelôt.

iz is der hêrre Ymelôt
von wôster Babilônje (vv. 2594—5).

Выше мы видѣли, что этотъ Имелотъ, считавшій себя богомъ, не кто иной какъ Немвродъ. Онъ хочетъ насильно взять за своего сына дочь Византійскаго императора Константина, увезенную Ротеромъ, ставшую его женою и снова похищенную у мужа хитростью ея отца. Сынъ Имелота названъ однажды «Василистіемъ» (Василискіемъ?).

ein koninc heiz Bâsilistjum
unde was Ymelôtis sun (vv. 3846—7).

Я не сомнѣваюсь, что это нашъ царевичъ Василій, сынъ Навуходоносора—Немврода; Василискій — сынъ Имелота — Немврода; тамъ и здѣсь они царствуютъ въ Вавилонѣ и даже «пустынномъ Вавилонѣ». Это — первое изъ встрѣтившихся намъ указаній, что сюжетъ нашей «Повѣсти» былъ извѣстенъ и въ литературѣ Запада. Одно названіе «пустынной Вавилоніи», встрѣчающееся тамъ по различнымъ поводамъ, еще не составляетъ указанія: съ одной стороны—апокалипсическій образъ былъ слишкомъ извѣстенъ, съ другой—разсказы путешественниковъ знакомили съ дѣйствительнымъ

[1]) Сл. Лукіанъ, «Ка́къ слѣдуетъ писать исторію», § 29: одинъ изъ самозванныхъ историковъ, заявляющихъ, что они сообщаютъ лишь видѣнное ими лично,—говоритъ, что змѣи на знаменахъ Пареянъ (каждый такой значекъ приходился на отдѣленіе въ тысячу человѣкъ) были настоящія змѣи, страшной величины, водящіяся въ Персіи, немного повыше Иберіи. На походѣ ихъ поднимаютъ вверхъ на копьяхъ, чтобы устрашить непріятеля; во время схватки ихъ отвязывали и бросали въ непріятеля: многіе Римляне были пожраны или задушены этими чудовищами.

фактомъ запустѣнія, засвидѣтельствованнаго уже Страбономъ (XII, X, c. 5), Плиніемъ (VI, 30, 4) и Павзаніемъ (IV, 31, 5). Если Филостратъ, въ жизнеописаніи Аполлонія Тіанскаго (l. I c, 25), говоритъ о великолѣпіи Вавилона, то онъ лишь повторяетъ общія мѣста древнихъ авторовъ, которымъ дѣйствительность далеко не отвѣчала. Упоминанія Вавилона, la mirable chité (Huon de Bordeaux, v. 2322) во Французскихъ chansons de geste должны быть поставлены особо, такъ какъ разумѣется не старый Вавилонъ, а Каиръ [2]; зато великолѣпное описаніе Вавилона въ «Floire и Blanceflor» относится къ одной категоріи со свидѣтельствомъ Филострата:— къ воспоминаніямъ о чудесахъ дѣйствительнаго Вавилона [3]): онъ имѣетъ 20 миль въ окружности, обведенъ высокими стѣнами, съ 140 воротами; въ немъ было 700 башенъ, между ними особенно выдается одна, изъ зеленаго мрамора съ золотою крышей; на ней карбункулъ самоцвѣтъ, свѣтящій ночью, словно солнце; въ трехъ этажахъ расположены до 140 покоевъ:

Li cieus desus, qui ferme au mur
Est pains a or et a azur;
Moult a apris de l'escripture
Qui puet savoir de la painture!
Li fait i sont des ancissours,
Les proueces et les estours (v.1655—60).

Сличите съ этимъ описаніе у Филострата: дворцы Вавилонскихъ царей покрыты мѣдью, которой блескъ замѣтенъ издалека; покои женщинъ и мужчинъ и портики украшены не живописью, а серебряными и золотыми изображеніями. Сюжеты, представленные на обояхъ заимствованы изъ Греческихъ преданій. Въ одной изъ залъ куполъ изъ сафира, синій цвѣтъ котораго воспроизводилъ цвѣтъ неба; на самомъ верху золотыя изображенія боговъ казались парящими въ воздухѣ [4]). Все это напоминаетъ золотое небо Нибелота (въ Битерольфѣ), мѣдное небо Хосроя (Каі-

[2]) Рюккертъ («König Rother», Namenverzeichniss) объясняетъ, по моему мнѣнію, несправедливо, Babilônje, wôste Babilônje поэмы о Ротерѣ—Каиромъ, столицею Фатимидскихъ калифовъ.

[3]) «Floire et Blanceflor», ed. Édél Duméril v. 1571 seqq. перваго текста.

[4]) «La fameuse tour de Borsippa, après sa restauration par Nabuchodonosor, avait sept étages revêtus des couleurs des sept corps planétaires. (Lenormant, «La magie» etc., p. 202).—La grande inscription dite de la Compagnie des Indes заставляетъ Навуходоносора разсказывать о постройкахъ, предпринятыхъ имъ въ столицѣ. Nous y voyons qu'il a fait plaquer en or pur d'un poids immense un autel monumental, transporté par ses soins devant la pyramide de Babylone, et revêtir intérieurement «d'or battu au marteau, brillant comme le levant et le couchant», tout le sanctuaire supérieur de la pyramide de Borsippa. Dans cette dernière Hérodote vit encore de ses yeux (I, 181)..... une table, un trône et un escabot d'or, pesant ensemble 800 talents. (Lenormant, «La divination», 193).

serchronik) и желѣзную кровлю Навуходоносора (въ нашей «Повѣсти»), равно какъ и чудеса Хосроевой башни.

Первая часть нашей «Повѣсти» воспроизводитъ, съ особыми подробностями, одинъ изъ традиціонныхъ образовъ Вавилона, знакомый и на Западѣ:—чудеса Вавилонскихъ построекъ; вторая и третья знакомитъ насъ съ другимъ представленіемъ, не менѣе распространеннымъ въ средневѣковой литературѣ—съ Вавилономъ, обратившимся въ пустыню. Пророчества Мерлина говорятъ о пустыняхъ Вавилоніи, desers de Babilone [1]), Tesoretto Брунетто Латини—о Babilonia cassa [2]). Въ Нѣмецкой поэмѣ объ Оренделѣ герцогъ Даніилъ и король Вольфрамъ берутъ въ плѣнъ Бриду, и ведутъ ее въ Monteval, къ Синольду, властителю пустынной Вавилоніи, которому подвластны 72 короля [3]). Эти 72 царя, встрѣтившіеся намъ уже въ Ротерѣ, являются еще разъ въ извѣстномъ посланіи пресвитера Іоанна, вмѣстѣ съ образами пустыннаго, населеннаго змѣями Вавилона «Septuaginta duo reges nobis tributarii sunt» говоритъ о себѣ пресвитеръ [4]). «In tribus Indiis dominatur magnificentia nostra, et transit terra nostra ab ulteriore India, in qua corpus sancti Thomae requiescit, per desertum et progreditur ad solis ortum, et redit per declivum in B a b i l o n e m d e s e r t u m juxta turrim Babel» [5])... «Singulis annis visitamus c o r p u s S a n c t i D a n i e l i s p r o p h e t a e c u m e x e r c i t u m a g n o i n B a b i l o n e d e s e r t o e t o m n e s a r m a t i s u n t p r o p t e r t y r o s e t a l i o s s e r p e n t e s, q u i v o c a n t u r t e r r a n t e s v e l t a r a n t e s» [6]).—Веніаминъ Тудельскій даетъ сходное описаніе Вавилона, но помѣщаетъ въ другомъ мѣстѣ гробницу Даніила. Онъ нашелъ старый Вавилонъ совершенно разрушеннымъ: городъ имѣлъ тридцать миль въ окружности; развалины дворца Навуходоносора неприступны, по причинѣ ядовитыхъ животныхъ, въ нихъ находящихся, змѣй и скорпіоновъ. Въ двадцати миляхъ оттуда поселилось до двадцати тысячъ Евреевъ: у нихъ синагоги, они собираются для молитвы въ храмѣ, построенномъ прор. Даніиломъ на подобіе храма и дворца Навуходоносора, съ печью, въ которую брошены были отроки Ананія, Азарія и Мисаилъ. Гробница Да-

---

[1]) «Cod.» id. f. 254 v. c. 2. [2]) Brunetto Latini, «Il Tesoretto», p. 80.

[3]) «Orendel und Bride», hrsg. v. L. Ettmüller, (Zürich., 1858) p. 84 (str. 18), 85 (str. 23), 88 (str. 19), 95 (str. 35), 96 (str. 42). Сл. Monteval, столицу Синольда, съ Montabûr, столицею короля Махореля въ Вольфдитрихѣ.

[4]) Fr. Zarncke, «De epistola quæ sub nomine presbyteri Iohannis fertur». p. 34 (университетское изданіе, непоступившее въ продажу. Я обязанъ поблагодарить проф. Царнке, доставившаго мнѣ экземпляръ своего критическаго изданія «Epistolæ», и двѣ другія работы по смежнымъ вопросамъ).

[5]) Ib. стр 35. [6]) Ib. стр. 40.

ніила находится, по тому-же свидѣтельству, въ Сузахъ (Susis), гдѣ она служила одно время предметомъ распри между двумя частями города, раздѣленнаго рѣкою Улой, и населеннаго Іудеями и Магометанами. Обладаніе св. тѣломъ приносило счастье и благоденствіе; положено было, что каждая часть города будетъ обладать имъ поочередно, втеченіе года, пока султанъ Санджаръ не рѣшилъ: положить св. тѣло въ стеклянную раку, которая привѣшена была на желѣзныхъ цѣпяхъ по срединѣ моста, соединявшаго обѣ части города [7]).

«Itinerarium» Bernardi Sapientis [8]) говоритъ о Вавилонѣ, «ubi regnavit Nabugodonosor, quam nunc serpentes et bestie inhabitant», и таже картина рисуется въ «Путешествіи» Лудольфа [9]): «Etiam patet inaccessibilis via inter ipsas ruinas (древняго Вавилона) et Baldach ob venenosa animalia et multa alia signa, ibidem Babyloniam antiquam stetisse, et ab incolis certissime creditur. Nam propter ipsa animalia venenosa civitas Babyloniae antiqua est translata, et alio nomine scilicet Baldach, vocata». Петрарка («De remediis utriusque fortunae» l. I, c. CXVIII): «Гдѣ башни и стѣны Вавилона, ставшаго теперь жилищемъ звѣрей и змѣй? Я говорю о древнемъ Вавилонѣ, потому что другой, новый (т. е. Каиръ) еще стоитъ и красуется». Тоже у Боккачьо («De casibus virorum illustrium», l. I, c. 3: De Nemroth), по поводу Немвродовой башни: «Ajunt enim, longo terrarum tractu interposito (cum serpentum timore noxiorum, quorum ferax locus est, nemo ausus est propius accedere), non turris ad instar, sed surgentis ex planitie montis molem fere usque ad nubes ascendentem vidisse». Въ связи съ этимъ обще-Европейскимъ представленіемъ необходимо поставить современное народное повѣрье въ Солоньѣ (Sologne), что когда змѣи достигаютъ семи лѣтъ, у нихъ отростаютъ крылья и онѣ улетаютъ—въ Вавилонъ (A. Maury, «Essai sur les légendes pieuses», p. 142, со ссылкою на «Acad. celt. mém.», t. 2, p. 204).

Помѣчу, наконецъ, свидѣтельство Русскаго «Луцидарія», вѣроятно, встрѣчавшееся и въ его источникѣ. Оно особенно интересно

[7]) «Benjamin», éd. Ascher, p. 106 и 117; Bergeron, «Voyages faits principalement en Asie dans les XII, XIII, XIV et XV siècles», t. 1 (à la Haye 1735): «Voyage de Benjamin, fils de Ionas», p. 38.—Oppert, «Presbyter Iohannes» (1-е изд.), p. 40, прим. 1).

[8]) «Recueil de la société de géographie» IV, p. 791.

[9]) Ludolphi rectoris ecclesiae parochialis in Suchem, «De itinere terrae sanctæ liber», ed. F. Deycks («Bibliothek d. litter. Vereins», № XXV, Stuttg. 1851, p. 56). Написано около 1350 года.

по отношенію къ той редакціи Вавилонской «Повѣсти», въ которой Навуходоносоръ замѣненъ Неврродомъ: «Въ той-же земли (Месопотаміи) есть и великій Вавилонъ, его-же созда нѣкій виноградникъ (?), именуемый Невротъ, иже бѣ гигантъ исполинъ. Стѣна же града того есть въ толстоту н҃ локтей, а въ высоту с҃ локтей, а въ широту у҃ѕ миль Болгарскихъ. И въ томъ градѣ стоятъ врата мѣдная, и никтоже можаше отъ человѣкъ внити во врата та, зміевъ ради и звѣрей» [1].

Преданіе, какъ видно, колебалось, относительно пріуроченія гробницы пророка Даніила между Вавилономъ и Susis (Сузою, Shusahn—Tustar). Іосифъ Флавій («Antiqu.» 10), говоритъ о великолѣпной башнѣ, построенной Даніиломъ близъ Экбатаны, въ которой до его времени погребались Мидійскіе, Персидскіе и Пареянскіе властители; Псевдо-Дороеей [2]) сообщаетъ о Даніилѣ, что онъ умеръ въ землѣ Халдеевъ и съ большою честью похороненъ въ царскомъ склепѣ [3]), что необходимо сопоставить съ преданіемъ о его царскомъ происхожденіи, равно какъ и трехъ отроковъ, Ананія, Азарія и Мисаила [4]). Замѣтимъ, что въ Еврейской редакціи посланія пресвитера Іоанна, пророкъ Даніилъ названъ царемъ Іудеевъ [5]).

Наша Вавилонская «Повѣсть» помѣщаетъ (§ III) въ опустѣломъ Вавилонѣ гробницы трехъ царственныхъ отроковъ Навуходоносора. И здѣсь тоже колебаніе въ пріуроченіи. Славяно-Русское «Житіе Макарія Римскаго» [6]) находитъ ихъ въ Ктесифонѣ: «внидохомъ въ градъ имянемъ Котисифонъ, да въ томъ градѣ лежать 3 отроци Онанья, Озарья, Мисаилъ, и поклонихомся 3-мъ отрокомъ и славихомъ Бога». Въ Итальянской редакціи «Житія» городъ названъ Tiassefedo, очевидно Ктесифонъ [7]).—Замѣтимъ въ заключеніе, что, рядомъ съ образомъ Вавилона, населеннаго гадами и бѣсами, сложилось и другое представленіе о такомъ-же темномъ царствѣ—Троянскомъ, запустѣломъ жилищѣ нечистой силы. Такимъ оно представляется въ нашемъ «Луцидаріи»: «Таможъ превеликое Троянское царство, зломерзского же ради волхвованія разорися попущеніемъ

---

1) Тихонравовъ, «Луцидаріусъ», стр. 50, въ «Лѣтопис. Русск. литер. и древн.», т. I (1859).

2) Сл. «Synopsis de vita et morte prophetarum», «Biblioth. Patrum», t. 7, per Margarinum de la Bigne, ed. secunda, 1589.

3) «Acta Sanctorum» Bolland. Julii V. Die 21 Julii: De S. Daniele propheta, § V, p. 123 seqq. 4) l. c., § 1, p. 117.

5) Oppert, «Presb. Iohannes», p. 40. прим. 1.

6) Тихонравовъ, «Пам. отречен. литер.», II, стр. 60.

7) «Leggende del secolo XIV», ed. I. del-Lungo, v. I, p. 456.

божія чудодѣйства и въ конечную погибель осуждено, яко отнюдь тамо нѣсть жилища человѣкомъ, но дивіе звѣріе и зміеве тамо пожираютъ» [8]).—Вспомнимъ «темную» Трою Гагена и «проклятый» городъ Троянъ Сербскихъ пѣсенъ [9]), вмѣсто котораго является то Индія «проклятая» [10]), то какая-то Легенская, Паливянская (Вавилонская?) или даже Палестинская земля [11]).

§ III. Посланіе Византійскаго императора Льва въ Вавилонъ, о которомъ далѣе разсказывается въ нашей «Повѣсти», имѣетъ цѣлью: «испытати, како святіи тріе отроцы лежатъ» и взять у нихъ «знаменіе». Императоръ названъ Львомъ; разумѣется, вѣроятно, Левъ VI Философъ, и его интересъ къ чудеснымъ тайнамъ Вавилона становится въ такомъ случаѣ въ связи съ вѣщимъ чародѣйскимъ знаніемъ, которое ему издавна приписывали. Извѣстны пророческія хризмы [12]), ходящія съ его именемъ; рядъ разсказовъ о его диковинныхъ продѣлкахъ. Такъ, онъ будто-бы устроилъ волшебное зеркало, въ которомъ можно было усмотрѣть все, что происходило, либо затѣвалось въ свѣтѣ [13]); одну или двѣ мраморныя черепахи, ходившія по Константинополю и уничтожавшія всякія нечистоты, которыя извергали потомъ въ море; доску изъ краснаго мрамора и такую же руку при ней, носившую названіе «праведнаго судьи»: всякій разъ, когда между продавцемъ и покупателемъ возникали несогласія о цѣнѣ, они отправлялись къ вѣщей рукѣ, и послѣдній клалъ въ нее золотыя монеты; рука сжималась, когда количество вложенныхъ въ нее монетъ отвѣчало настоящей цѣнѣ. Многіе изъ этихъ разсказовъ напоминаютъ такіе же—о чудесныхъ устроеніяхъ Виргилія, точно также, какъ къ тому и другому имени примкнула восточная сказка о любовникѣ, котораго ночью поднимаютъ въ корзинѣ къ его милой, съ тѣмъ, чтобы оставить на полу-пути и сдѣлать его, съ наступленіемъ дня, посмѣшищемъ для всѣхъ проходящихъ [14]).

Посланіе въ Вавилонъ относится, по моему убѣжденію, къ той

---

[8]) Тихонравовъ, «Лѣтописи». l. c., стр. 40, прим. 2.

[9]) Петрановичъ, «Срп. нар. пјесме из Босне и Херцеговине», № 1.

[10]) Караджичъ, II, № 5. [11]) Миладиновы, «Булг. нар. пѣсни», № 30 и 5?.

[12]) О нихъ см. мои «Опыты по исторіи развитія христіанской легенды» и т. д. въ «Журн. Мин Нар. Просв»., 1875, апрѣль, стр. 55 seqq., и новый текстъ у Legrand, «Les Oracles de Léon le Sage», Paris, Maisonneuve, 1875, въ «Collect. de mon. pour servir a·l'étude de la langue néo-hellénique», nouvelle série, № 5.

[13]) Этотъ разсказъ, заимствованный, вѣроятно, изъ Глики, встрѣчается и въ Русскихъ хронографахъ.

[14]) F. Liebrecht, «Neugriechische Sagen» въ «Zacher's Zeitchr. f. deutsche Philologie», II, 181—3, №№ VIII—XI.

же категоріи легендарныхъ разсказовъ. Остановлюсь на нѣкоторыхъ подробностяхъ. Посланные царя «обрѣтоша змія около града лежаща, дышуща и пышуща»; они пробираются въ городъ по лѣстницѣ, положенной черезъ змѣя. Раньше (§ 1) говорилось, что въѣздъ въ городъ былъ черезъ главу змѣя, что̀ очевидно, представляетъ болѣе древнюю черту. Въ сагѣ о Рагнарѣ Лодброкѣ змѣй Торы лежитъ вокругъ ея покоя, такъ-что хвостъ сходится съ головою, и изъ-за него никто не смѣетъ подступиться къ покою [1]). По разсказу одного «Патерика», великій змѣй обвился вокругъ Антіохіи [2]).—Когда послы царя Льва исполнили свое порученіе и идутъ назадъ (черезъ «зміевы уста», ред. е, § 3) проснулся великій змѣй, лежавшій вокругъ города, и всѣ другіе змѣи ожили; путники падаютъ на землю словно мертвые, отъ великаго свиста и ужаса, но спасаются молитвами святыхъ угодниковъ.

Въ Русской сказкѣ о кривой царевнѣ, Весельчакъ-пьяница берется вылѣчить ея глаза и ѣдетъ въ змѣиное царство; въ томъ царствѣ жили одни змѣи да гады. Кругомъ города лежала большая змѣя, обвившись кольцомъ, такъ-что голова съ хвостомъ сходилась. Пьяница воспользовался сномъ исполинской змѣи, сдѣлалъ веревочную лѣстницу съ желѣзными крюками на концѣ, накинулъ лѣстницу на городскую стѣну (змѣю?), забрался въ городъ и посреди его нашелъ камень, а подъ камнемъ цѣлебную мазь: стоитъ только помазать ею глаза, какъ слѣпота тотчасъ-же проходитъ. Взялъ онъ эту мазь, спряталъ подъ мышку, сѣлъ на корабль и—въ море. Пробудилась большая змѣя, погналась за воромъ; плыветъ по морю, а подъ нею вода словно въ котлѣ кипитъ; махнула хвостомъ и разбила корабль въ дребезги. Пьяницѣ удалось выплыть на берегъ; онъ вылѣчилъ кривую царевну и получилъ щедрую награду [3]).

Сказка воспроизводитъ лишь общія очертанія нашей «Повѣсти», безъ именъ и подробностей, которыя бы позволили привязать ее генетически къ разбираемому нами «Сказанію». Въ этомъ отношеніи гораздо интереснѣе одинъ изъ эпизодовъ, которыми Генрихъ von Neustadt любилъ украшать свою поэму, вводя новые сюжеты въ

---

[1]) См. мою статью: «Новыя отношенія Муромской легенды о Петрѣ и Февроніи» и т. д., стр. 127.

[2]) Петровъ, «О происхожденіи и составѣ Славяно-Русскаго печатнаго Пролога» (Иноземные источники), Кіевъ, 1875, стр. 152.

[3]) Аѳанасьевъ, «Народныя Русскія сказки», нов. изд., IV, стр. 197, прим. къ № 104. Сл. Малорусскій разсказъ о двухъ солдатахъ, которыхъ ночью, въ степи «така змія обляглa, якъ гора кругомъ». См. сборникъ Драгоманова, стр. 11—12.

содержаніе древней Греческой сказки объ Аполлоніи Тирскомъ [4]). Въ эпизодѣ, который я сообщаю далѣе, мы встрѣтимся съ знакомымъ образомъ «пустынной Вавилоніи», съ хожденіемъ въ нее за «знаменіемъ», съ чудовищами и драконами, съ именами Навуходоносора и Немврода (послѣднее представляется, впрочемъ, случайнымъ). Аполлоній, отправляющійся въ Вавилонъ, называетъ себя Лоніемъ. Впрочемъ, имя Аполлонія — Лонія слѣдуетъ, быть можетъ, истолковать въ связи съ однимъ эпизодомъ житія св. Кира и Іоанна мучениковъ при Діоклетіанѣ («Acta Sanctorum (Jan III, 31 янв., p. 696 seqq.). Эпизодъ этотъ я склоненъ отнести къ одному циклу съ § III Русской «Повѣсти» и слѣдующимъ далѣе разсказомъ Генриха von Neustadt, хотя и не могу ближе опредѣлить ихъ генеалогическія отношенія. Въ Русской «Повѣсти» послы отправляются въ Вавилонъ къ тѣламъ св. трехъ отроковъ, за знаменіемъ; въ Нѣмецкой — цѣль хожденія другая; посолъ названъ Аполлоніемъ — Лоніемъ; въ «Житіи» говорится объ Александрійскомъ епископѣ Аполлинаріи, который строилъ въ честь Вавилонскихъ отроковъ храмъ и посылаетъ въ Вавилонъ именитаго, боголюбиваго мужа съ грамотой къ святымъ, въ которой молитъ ихъ дать ему для новаго храма частицу ихъ мощей. Посланный молится у ихъ гроба; рука св. мученика, лежавшаго посреди двухъ другихъ, протягивается къ грамотѣ и беретъ ее. Не получивъ отвѣта на свое моленіе, посланный возвращается назадъ и затѣмъ вторично идетъ въ Вавилонъ, по настоянію епископа: можетъ быть, угодники внемлятъ его просьбѣ; если нѣтъ, то пусть принесетъ хоть грамоту, оставшуюся при нихъ и освятившуюся. Послѣ слезныхъ молитвъ у гроба, посланный беретъ грамоту, которую святой держалъ въ рукѣ — и рука чудесно отдѣляется отъ тѣла, вмѣстѣ съ грамотою. Посолъ доставляетъ эти мощи епископу Аполлинарію. Еслибъ я не боялся упрека въ натяжкѣ, я бы припомнилъ, что въ нашей «Повѣсти» посольство снаряжается императоромъ Львомъ, Левуемъ, Ливономъ, какъ значится въ одномъ варьянтѣ (Lonius—Leonius?).

---

[4]) Одинъ изъ такихъ эпизодовъ былъ сопоставленъ мною со сказаніемъ о «раѣ», записаннымъ Новгородскимъ епископомъ Василіемъ (см. «Филолог. Записки», 1875, III: «Историко-литературн. замѣтки, I: Параллели къ сказанію о Новгородскомъ раѣ»). Я могъ пользоваться тогда лишь незначительными отрывками поэмы Генриха von Neustadt, сообщенными Шредеромъ (Schröder, «Griseldis, Apollonius von Tyrus». Aus Handschriften herausgegeben, въ «Mittheilungen der deutschen Gesellschaft zur Erforschung vaterländischer Sprache und Alterthümer in Leipzig», V B., 2 H., p. XIV—LXXI). Съ тѣхъ поръ явилось болѣе полное его изложеніе въ изданіи Strobl'я: Heinrich von Neustadt, «Apollonius — Von Gotes Zuokunft». Wien, 1875; см. pp. 38—41.

Обратимся теперь къ разсказу Генриха:

Къ Аполлонію приходятъ послы Валтасара (Balthasar), властителя (voget) Арменіи, который предлагаетъ свою страну и самого себя Аполлонію, лишь бы онъ защитилъ его отъ Аввакума (Abakuk) Болгарина (Bulgaere), могущественнаго властителя великой Романіи. Аполлоній обѣщаетъ помощь и съ большимъ войскомъ переправляется на корабляхъ въ Филадельфію, гдѣ его дружественно принимаетъ Валтасаръ. Аполлоній отказывается отъ предложенія подданничества; у него и у Валтасара 120 тысячъ войска; у непріятеля 200. Онъ вторгся въ область Парахіи (Parachia); его союзники: царь Лодомеръ, Хиранъ, король Македонскій, и Немвродъ (Nemrot), король Романіи. Происходитъ битва: Валтасаръ, на щитѣ котораго красуется на золотомъ полѣ черный драконъ, убиваетъ Аввакума; Немвродъ спасается въ крѣпость Габилотъ; Аполлоній и Ассуръ, сынъ Валтасара, направляются къ ней, но попадаютъ въ засаду, устроенную Немвродомъ; Ассуръ спасается бѣгствомъ; Аполлоній, послѣ храброй защиты, вынужденъ принять предложеніе Немврода, подсказанное ему Климодиномъ, и сдается, сохранивъ оружіе. Онъ называетъ себя бородатымъ Лоніемъ (Lonius mit dem Barte); Климодинъ предлагаетъ ему себя въ товарищи. Однажды Немвродъ говоритъ Лонію, что дастъ ему свободу и что̀ онъ ни пожелаетъ, если онъ согласится отправиться въ пустынный, необитаемый Вавилонъ, осмотритъ его и принесетъ оттуда знаменіе. Лоній согласенъ. Немвродъ провожаетъ его до вершины Ливана, гдѣ обѣщаетъ втеченіе трехъ дней ожидать его возврата. Лоній ѣдетъ по глухой мѣстности, гдѣ нѣтъ ни пути, ни тропы; съ береговъ Евфрата передъ нимъ открывается городъ. Былъ полдень, когда все покоится сномъ; благодаря этому, Лоній могъ проникнуть въ городъ, незамѣченный чудовищами, которыя въ немъ обитали [1]). Въ городѣ, пространномъ и великолѣпномъ, нѣтъ ни людей, ни деревьевъ; только кое-гдѣ росла трава, иная крыша лежитъ повалена: «все это совершилось отъ Божья проклятія, какъ

---

[1]) Русская «Повѣсть» (ред. е) иначе̇ и, можетъ быть, ближе къ своему легендарному типу, объясняетъ, почему, при вступленіи въ Вавилонъ посланниковъ царя Льва, чудовища покоились и потому не тронули ихъ. Извѣстенъ фактъ воскреснаго покоя, соблюдавшагося повсемѣстно въ средніе вѣка: отъ вечера субботы, либо отъ восхода солнца въ воскресенье — «до захожденія солнца къ понедѣльнику». Въ это время не только человѣкъ покоился отъ работъ, но и грѣшники въ аду освобождались отъ мученій. Вспомнимъ, что запустѣлый Вавилонъ представляется царствомъ демоническимъ; вотъ почему демоны=чудовища покоятся именно въ это время и оживаютъ лишь къ заходу солнца въ воскресенье.

гналъ я изъ библіи», замѣчаетъ авторъ. Ни одному человѣку нельзя тамъ остаться долѣе дня. Іоній находитъ лѣстницу, и по ней проникаетъ въ огромный дворецъ изъ чернаго мрамора: на полу— драгоцѣнные камни.

v.8212 er sach dort ein enge tür,
dâ was mit kunst geleit für,
zwên guldîn lewen wol pereit.
dâ wâren steine in geleit,
als mir deu wârheit ist pekant,
pezzer dan allez Osterlant.
deu tür was ein jochant,
ein vellslôz man daran vant.
an guldine spangen
was deu tür gehangen,
die wâren starc unde groz.
daz vellsloz er ouf slôz
und gie zuo der tür in.
dô gie gegen im ein schin,
daz im des sehenes geprast.
alzô kreftic was der glast,
der im in deu ougen schein.
manic kosterîcher stein
stuont in der kemenâten,
deu was ouch wol perâten,
mit karfunkeln und rubin,
die teten gegen im solhen schin
daz im daz sehen gar vergie.
zehant er ein kraft gevie
daz er hôrte unde sach
was in der kemenâtn geschach.
von ârabischem golde
von jaspis und krisolde
wâren die vier mûren.
er sach dort zwô figuren
der antlütz was minniclich
ir kleider kostpaer unde rîch.
ez was ein man unde ein wîp.
alsô rehte schoener lip
wart ouf erden nie gesehen
(als man in selben hôrte jehen)
von menschlichem pilde.
niderhalp was ez wilde,
als ein kleinez rösselîn
wolgemachet unde fîn,
iegliches hete vier pein,
snêwîz als âlabasterstein
was sîn hout und sîn hâr.
vor in lac ein pret clâr
sie spilten schâchzabelspil.
ir unmuoze was sô vil,
daz sie sîn niht teten war
unz daz er ouf sie kam aldar.

Чудовища, встрѣчаемыя Лоніемъ, относятся къ разряду кентавровъ, которыми западныя (sagittarii) и Славянскія (киторасы=китоврасы, кентавры) редакціи посланія пресвитера Іоанна населяютъ его баснословное царство, простиравшееся, мы видѣли, до пустынной Вавилоніи. Лоній ударилъ кентавра-мужчину, который скрывается по потаенной лѣстницѣ на башню; женщина хотѣла-было послѣдовать за нимъ, но Лоній схватилъ ее за волосы и повалилъ на землю, когда она стала брыкаться. Ея спутникъ является снова, вооруженный лукомъ, и стрѣляетъ въ Лонія. Имя кентавра — Пирамортъ; его жены — Пліадесъ; она—дочь Ахирона, предлагаетъ Лонію въ откупъ за себя два перстня и пряжку (Heftel) и бѣжитъ къ своему мужу. Забравъ шахматы, Лоній садится на коня и готовится уѣхать. За городомъ онъ слышитъ грохотъ: 500 чудищъ, кентавровъ, драконовъ, змѣй, ехиднъ бросаются за нимъ въ погоню, особенно гнался за нимъ одинъ драконъ, и не

будь съ нимъ волшебнаго зелья, онъ не убѣжалъ бы отъ него. Этимъ зельемъ или кореньемъ, чудесно питающимъ человѣка и возвращающимъ ему силу, снабдилъ Лонія баснословный звѣрь, инорогъ Milgot, властитель надъ всѣми звѣрями[1].—Я думаю, что этотъ эпизодъ Нѣмецкой поэмы можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на запутанное изложеніе Вавилонской «Повѣсти» (ред. d): когда, приблизившись къ Вавилону, посланники «обрѣтоша малаго звѣря; ту бо израсте быліе великое.... кругъ всего Вавилона града, а вдаль отъ града Вавилона тоя травы за 16 верстъ; бысть же по тому былію двѣ травы, а противъ тѣхъ травъ гадовъ всякихъ, зміи и жѫбы великія.... ови свисташа, а иныя шипяше.... Божіимъ изволеніемъ и молитвами святыхъ трехъ отроковъ, не бысть посланникомъ тѣмъ страха.... отъ гадовъ тѣхъ, но сами вси гади бѣжаша отъ нихъ съ великимъ шумомъ». Когда посланцы возвращаются и змѣи ожили, быліе снова является имъ помощнымъ: «и скоро бѣжаша и обрѣтоша быліе».—Прибывъ къ рѣкѣ, Лоній подкрѣпилъ и своего коня чудотворнымъ зельемъ, и, помощью перстней, перебрался на другой берегъ; въ бѣгствѣ онъ потерялъ всего одинъ шахматъ. Сзади онъ слышитъ ревъ чудовищъ: они столпились на томъ берегу, потому что не въ состояніи были переправиться. Причина тому такая:

v.8499 daz kom von sô getân geschiht:
ir lant enhalp verfluochet was;
hie dishalp wuohs loup unde gras,
daz truoc allez muskat pluot,
muskatnegel, wurzen guot,
ingwer unde galgân,
man sach daz tierel ouch dâ gân
daz den guoten pisem treit.

Наступила ночь, конь Лонія усталъ, и самъ онъ спѣшитъ въ лѣсъ, гдѣ располагается на ночлегъ около одного источника, сложивъ оружіе и спрятавъ въ шлемѣ пряжку и шахматы. Въ полночь является дикая женщина, которая угоняетъ лошадь Лонія, нагрузивъ на нее его оружіе и драгоцѣнности. На другой день Лоній просыпается въ сильномъ го́рѣ; слышитъ призывный звукъ рога: Немвродъ и Климодинъ видѣли издали, ка́къ онъ сражался, переправился черезъ рѣку, и удивляются, почему его еще нѣтъ. Лонію стыдно явиться. Климодинъ отправляется искать его; въ лѣсу на ржаніе его лошади отвѣчаетъ другое: конь Лонія бѣжитъ ему на встрѣчу, за нимъ дикая женщина; пряжку, похищенную у Лонія, она привязала себѣ на грудь. Ржаніе испугало ее, она упустила коня и теперь бѣжала за нимъ; при видѣ Климодина, она спѣшитъ скрыться. Климодинъ поймалъ Лоніева коня и вскорѣ находитъ и

[1]) См. въ изданіи Strobl'я, стр. 37—38.

его хозяина. Ноша цѣла; не достаетъ лишь пряжки; но и она найдена, когда, окруживъ лѣсъ, поймали дикую женщину. Въ добычѣ Лонія Немвродъ узнаетъ камни (шашки) Навуходоносора, которому принадлежалъ и тотъ дворецъ, гдѣ Лоній засталъ играющихъ кентавровъ. Всѣ отправляются въ Габилотъ, удивляясь подвигу Лонія.

Сличивъ разсказъ Генриха von Neustadt'а съ эпизодомъ нашей «Повѣсти» о посланіи въ Вавилонъ, мы получимъ еще одинъ лишній фактъ къ исторіи литературнаго общенія Востока и Запада. Одинъ такой фактъ былъ сообщенъ выше: я напоминаю тождество Вавилонскаго царевича Василія съ Bâsilistjum Нѣмецкой поэмы о Ротерѣ. Едва ли можно сомнѣваться въ существованіи древней Византійской «Повѣсти о Вавилонѣ», сохранившейся лишь въ немногихъ именахъ и отрывочныхъ эпизодахъ на Романо-Германскомъ западѣ, и въ сравнительной полнотѣ идей и образовъ на Славянскомъ востокѣ. Разборъ послѣдней части нашей «Повѣсти» укажетъ, въ какомъ именно смыслѣ я говорю о Византійскихъ идеяхъ.

§ IV. «Знаменія Вавилона» ограничиваются, въ разсказѣ Генриха von Neustadt, драгоцѣнными камнями—шашками Навуходоносора и пряжкою. Въ различныхъ редакціяхъ Русско-Византійской «Повѣсти» говорится также о золотѣ, серебрѣ, узорочьяхъ, но, главнымъ образомъ, о царскомъ виссонѣ и порфирѣ, о царскомъ жезлѣ и шапкѣ Мономаховой, которая замѣнила болѣе древнюю подробность: вѣнцы Навуходоносора[2]) и его супруги, которые надлежало возложить на императора Льва и его «царицу» Александру. Нѣтъ ли тутъ ошибки перескащика и не было ли рѣчи о соцарствовавшемъ императору Льву VI его братѣ Александрѣ?—Можетъ быть, мы не ошибемся, если въ этомъ перенесеніи вѣнца усмотримъ перенесеніе царственной власти и могущества съ Востока на Византію. Съ этой точки зрѣнія «Повѣсть о Вавилонѣ» представляется намъ легендарнымъ комментаріемъ къ тому, что̀ проповѣдывала литература пророческихъ видѣній и политическихъ апокрифовъ, толковавшая о прошломъ и будущемъ чередованіи царствъ.

Власть, символически выраженная въ образѣ вѣнца, перенесена съ Востока въ Византію, которая становится средоточіемъ и источникомъ царственнаго достоинства. Евсевій Памфилъ говоритъ объ отношеніяхъ Константина Великаго къ варварамъ, что болѣе знат-

---

[2]) Въ Русской повѣсти объ Иверской царевнѣ Динарѣ, послѣдняя убиваетъ Персидскаго царя Адрамелеха, беретъ его городъ Тевризъ, «и взятъ вся сокровища Перскихъ царей, и каменіе многоцѣнное, и блюдо ланное, на немъ же ядяше Навуходоносоръ царь» и т. д. («Пам. стар. Русск. литер.», II, стр. 375).

ные изъ нихъ получали отъ него Римскія званія и титулы; въ XIV вѣкѣ Никифоръ Грегора указываетъ на величіе властительнаго Рима при кесаряхъ и августахъ: туда стекались со всѣхъ сторонъ правители побѣжденныхъ народовъ съ тѣмъ, чтобы получить утвержденіе своей власти, быть признанными царями народовъ и властителями странъ и городовъ [1]. Это была идея Византійскаго политическаго самосознанія: власть исходила и передавалась далѣе изъ Византіи; легенда нашла для нея удобную форму выраженія—перенесеніе вѣнца. Та́къ могъ развиться разсказъ о присылкѣ царственныхъ регалій Византійскимъ императоромъ Константиномъ (эпонимомъ Византійской имперіи) Русскому князю Владиміру (эпониму Русскаго князя), разсказъ, встрѣчающійся въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборникахъ и хронографахъ, въ отдѣльномъ сказаніи о великихъ князьяхъ Владимірскихъ [2]), упоминаемый, какъ нѣчто общеизвѣстное, и въ «Повѣсти о Новгородскомъ клобукѣ» [3]). Если позволено истолковать въ нашемъ смыслѣ слѣдующее баснословное извѣстіе Кедрина, то къ легендѣ о передачѣ вѣнца Константиномъ Владиміру можно пристроить еще одну предъидущую стадію: первоначальное перенесеніе символовъ власти Востока въ Византію. Кедринъ та́къ говоритъ о причинахъ разрыва между Сапоромъ, царемъ Персидскимъ, и Константиномъ Великимъ: нѣкто Митродоръ, родомъ Персъ, подъ предлогомъ занятій философіей, пробрался въ Индію къ брагманамъ, похитилъ тамъ изъ одного святилища много драгоцѣнныхъ камней и жемчуга и, по возвращеніи въ Византію, представилъ Константину свои драгоцѣнности, объяснивъ, что то, что̀ было отправлено имъ впередъ, похищено Персами. Константинъ требовалъ возврата отъ Сапора и не получилъ, чего требовалъ: это было причиною непріязни. Изъ драгоцѣнныхъ камней, привезенныхъ изъ Индіи, императоръ приказалъ сдѣлать какое-то одно произведеніе, и послалъ его народамъ, живущимъ за Дунаемъ, съ надписью: «даръ принадлежитъ болѣе великому» (достойнѣйшему). Эта надпись была для нихъ причиною гибели, заключаетъ Кедринъ, не давая никакихъ дальнѣйшихъ объясненій. Г. Васильевскій заключаетъ, по этому поводу, что къ за-Дунайскимъ народамъ принадлежали и тѣ Сар-

---

[1]) Васильевскій, «Русско-Византійскіе отрывки», I: Два письма Византійскаго императора Михаила VII Дуки къ Всеволоду Ярославичу—въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1875, декабрь, стр. 313.

[2]) Библіографію этого «Сказанія» см. у Пыпина «Очеркъ лит. исторіи старин. повѣстей» и т. д., стр. 102.

[3]) «Памятники стар. Русск. литер.», I, 296.

иты (Готы), которые жили при Мэотійскомъ озерѣ со своимъ княземъ Равсимодомъ или Русамундомъ; о гибели его разсказываетъ Зосимъ [4]).

Если привлечь разсказъ Кедрина къ легендѣ о дарѣ Константина Владиміру, то Вавилонская «Повѣсть», въ своей 3 и 4-й частяхъ, представитъ къ нимъ удачную параллель. И въ ней вѣнецъ, вообще символъ власти, переносится въ началѣ съ Востока на Западъ, изъ Вавилона въ Византію, къ императору Льву VI; четвертый эпизодъ сообщаетъ намъ о вторичномъ переходѣ регаліи (царскаго виссона) изъ Византіи на Русь, при чемъ дѣйствующими лицами являются императоръ Василій и князь Владиміръ Кіевскій. Можно разумѣть Василія II и Владиміра Святаго, что̀, по крайней мѣрѣ, не перечитъ хронологіи, тогда какъ всѣ попытки пріурочить Константина и Владиміра, дѣйствующихъ въ легендѣ о Константиновскихъ регаліяхъ, къ Константину и Владиміру Мономахамъ, разбиваются именно о подводный камень хронологіи [5]).

Но дѣло не въ именахъ и не въ исторической подлинности событія, а въ идеи. Ничто не мѣшаетъ предположить, что послѣдняя часть Вавилонской «Повѣсти» составлена Русскимъ грамотникомъ но ничто также не мѣшаетъ усмотрѣть въ ней Русскій пересказъ эпизода, намѣченнаго уже въ Византійскомъ подлинникѣ. Та̀къ, или иначе,—какъ въ этомъ эпизодѣ, такъ и во всей «Повѣсти» нельзя не признать отраженія Византійскаго политическаго міросозерцанія.

Александръ Веселовскій.

[4]) Васильевскій, с., l. стр. 314.

[5]) Ib. 313. Его-же, «Русско-Византійскіе отрывки, III» въ «Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія» за 1876 годъ, мартъ, стр. 154.

СЛѢДЫ РУССКАГО ВЛІЯНІЯ

на

старопольскую письменность.

Старо-Польская письменность извѣстна еще мало,

Есть основанія полагать, что найдется еще много памятниковъ Польскаго языка до XVI вѣка: вновь открываемые памятники почти ежегодно увеличиваютъ число уже извѣстныхъ и обнародованныхъ; а указанія на употребленіе Польскаго языка въ церквахъ, школахъ и при дворѣ въ XI — XII и слѣдующихъ вѣкахъ заставляютъ насъ думать, что уже въ это время существовали письменные памятники на Польскомъ языкѣ. Быть можетъ, не все еще погибло; возможно, что найдутся памятники древнѣе XIV вѣка.

Число уже обнародованныхъ памятниковъ Польскаго языка XIV и XV вѣковъ довольно значительно; но, къ сожалѣнію, только весьма немногіе изданы удовлетворительно: нѣсколько псалмовъ Флоріанскаго псалтыря (Неринга), Библія Софіи (Малецкаго), Молитвы Вацлава (Л. Малиновскаго) и велико-Польскія роты (т. е. показанія присяжныхъ свидѣтелей, Пржиборовскаго); почти всѣ остальные памятники изданы такъ дурно, что ими нельзя пользоваться. Снимковъ съ рукописей обнародовано мало. Вѣкъ памятниковъ опредѣляется чаще гадательно, чѣмъ на прочныхъ основаніяхъ палеографическихъ и лингвистическихъ; филологическое-же ихъ изученіе едва начато [1]).

Въ числѣ вопросовъ, естественно возникающихъ при изученіи старо-Польской письменности, видное мѣсто занимаетъ вопросъ о

---

[1]) Опытъ такого изученія одного изъ памятниковъ Польскаго языка XV вѣка недавно представилъ г. Малиновскій («Modlitwy Wacława. Zabytek języka Polskiego z wieku XV. Wydał i objaśnil Łucyjan Malinowski, dr. fil.». W Krakowie, 1875).

вліяніи на нее письменности другихъ Славянскихъ племенъ. Для насъ, Русскихъ, было бы особенно важно опредѣлить Русское вліяніе на старо-Польскую письменность; но для рѣшенія этого вопроса еще слишкомъ мало данныхъ: я постараюсь только указать на тѣ слѣды Русскаго вліянія, на которые я напалъ при изученіи старо-Польскихъ памятниковъ.

Я не рѣшаю, а только возбуждаю этотъ вопросъ. Если бы даже у меня не было никакихъ положительныхъ данныхъ, то и въ такомъ случаѣ я не усомнился бы возбудить этотъ вопросъ, на основаніи слѣдующихъ соображеній.

Съ конца XIV вѣка большинство народонаселенія Польскаго государства было Русское по происхожденію, православное по вѣрѣ. Подъ давленіемъ польщизны и католицизма, Червонно-Русскіе (со временъ Казиміра Великаго) и Литовско-Русскіе (со временъ Ягайлы) бояре становятся въ ряды Польской шляхты, и нѣкоторые принимаютъ католическую вѣру. Знатные, богатые и вліятельные роды Литовско-Русскихъ князей (Слуцкіе, Острожскіе, Вишневецкіе, Пронскіе, Масальскіе, Чорторыйскіе, Сангушки и другіе) усиливаютъ власть и значеніе Польскихъ пановъ. При пышныхъ ихъ дворахъ сотнями и тысячами служитъ Польская шляхта (при дворѣ князя Константина Острожскаго служило до двухъ тысячъ пановъ и шляхты). Примѣръ бояръ находитъ послѣдователей между мѣщанами и и даже духовенствомъ. Въ то же время обширныя Русскія земли заселяются Поляками.

Поставленныя въ столь близкія взаимныя отношенія, обѣ народности, Русская и Польская, неизбѣжно должны были вліять одна на другую, и Русскій языкъ долженъ былъ проникать въ государственную и общественную жизнь старой Польши. И дѣйствительно: при Ягайлѣ Русскій языкъ былъ придворнымъ и дипломатическимъ языкомъ въ Польшѣ. Еще болѣе усилилось вліяніе Русскаго языка на Польскій въ правленіе Александра. И позже, Русскій языкъ остался оффиціальнымъ языкомъ на Литвѣ и дипломатическимъ для сношеній не только съ Русскими, но и съ Татарами.

Вліяніе Русскаго языка на старо-Польскій не отвергаютъ сами Поляки: сошлюсь только на такого популярнаго писателя, какъ Крашевскій [2]), и на такого знатока старо-Польской письменности, какъ Пржиборовскій [3]).

---

[2]) J. J. Kraszewski, «Nowe studja literackie» (Warszawa, 1843), въ статьѣ «Rys dziejów języka Polskiego» (str. 80, 83) говоритъ: «Ważną epokę

Вліяніе Русскаго языка на Польскій шло двумя путями: 1) Поляки, жившіе въ Русскихъ земляхъ, усвоивали себѣ Русскія слова и выраженія, пословицы, поговорки, пѣсни и т. п. и 2) Русскіе, писавшіе по-Польски, невольно или преднамѣренно вносили русизмы въ свою Польскую рѣчь.

Въ числѣ Польскихъ писателей золотаго вѣка были люди, сознававшіе себя Русскими и любившіе свою народность. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ публицистовъ того времени, Станиславъ Оржеховскій, въ своихъ Латинскихъ сочиненіяхъ, обыкновенно называетъ себя Русскимъ (Roxolanus), а въ его Польскихъ сочиненіяхъ встрѣчаются не только русизмы («o sprawach też innych sejmowych sorom i mówić, jakowe są»), но и цѣлыя выраженія Русскія (knyasche wyd, yakoby pietuch den y nosc poiet, woschechda korol) [1].—Осипъ Верещинскій, бискупъ Кіевскій († 1599 г.), не только не скрываетъ своего Русскаго происхожденія, но даже разсказываетъ, какъ его отецъ насиліемъ и хитростью былъ крещенъ въ католическую вѣру [2].—Я. Ф. Гербуртъ Добромильскій, бывшій Польскимъ посломъ въ Турціи въ 1598 г., въ письмѣ къ папѣ Павлу V, признавая себя Русскимъ, порицалъ насильственную унію и предсказывалъ, что она будетъ источникомъ многихъ бѣдъ для церкви и государства [3]. Въ его «Геркулесѣ», подъ которымъ онъ изобразилъ самого себя, попадаются русизмы и выраженія Русскія («ty na mene hramotoju, a ja na tebe szabloju») и приводится цѣликомъ одна Малороссійская пѣсня.—Варѳоломей Зиморовичъ, родившійся во Львовѣ въ концѣ XVI и писавшій въ XVII вѣкѣ, выбиралъ для своихъ идиллій (sielanki) сюжеты преимущественно изъ Русской жизни («Kozaczyzna», «Burda Ruska» и др.), къ которой относился съ большимъ сочувствіемъ. Его идилліи переполнены Русскими словами и изреченіями, напр.: sołowij, trużenicy, praźnik, mołojcy, derewnie, świaszczennik, horylica, molczańka, – bateńku choroszyj! nie-

w dziejach języka stanowi złączenie Litwy i Rusi z Polską, za Władysława Jagiełły. Z tym prawie czasem w języku ludu ustaje trwający od X wpływ bezpośredni Niemców i Czechów, a nastaje Ruski.—Stosunki na wschód otwierają się, dwór mówi po Rusku, język ten staje się pośrednikiem między Litwą a Polską... Jego (Alexandra) panowanie, stosunki wojny z Rusią przytrzymały czas jakiś język w formach więcéj Słowiańskich, mieszając go często z dialektem pobratymczéj, a mniéj zdenaturalizowané kulturą zachodnią, Rusi. Pobyt dworu i panów w Litwie także się do tego przykłada...»

[3]) «Wiadomość o życiu i pismach Jana Kochanowskiego». Poznań, 1857.

[1]) «Dyałog albo rozmowa około exequucyey Polskiej Korony». Wyd. 1564 r.

[2]) «Pisma treści moralnej ks. Józefa Wereszczyńskiego». Wyd. Turowskiego, str. 101—102.

[3]) M. Wiszniewskiego, «Hist. liter. Polsk.», t. VII, str. 118.

choczem twojij wiry, łysze ditczych hroszyi!—Ej czołowik, ta i wasza wira,—Lach sobaka,—przyczaszczali popi, prawosławni, cerkiewni, koniunni bojarowie и т. п. [4]).—Младшій братъ его, Симонъ, написалъ «Roxolanki to jest Ruskie panny — na wesele Bartolomeja Zimorowicza» (1629).

И у чисто Польскихъ по происхожденію писателей встрѣчаемъ Русскія слова и выраженія и сюжеты, заимствованные изъ жизни Русскаго народа. Такъ, въ извѣстной сатирѣ Кленовича «Worek Judaszów» читаемъ: mużowie, podzmy na zolote żniwo,—kupiec, wołki, izmiennik, mołodziec, dumał, skrowiszcze (сокровище), fiałki, kóża, chochoł, pop,—Właśnie iako Ruś mowi: ieden idzie k lesu,—I ręcznika nie rzeżąc, drugi czesze k biesu и т. п. [5]). Русскія слова попадаются и въ его «Флисѣ» (напр.: odzieża, łąg вм. łąka), а Латинская его поэма «Roxolania» описываетъ Червонную Русь и ея жителей. Русизмы, хотя рѣже, встрѣчаются и у другихъ Польскихъ писателей, какъ напр. у Рея-изъ-Нагловицъ, Андрея Збылитовскаго. Они встрѣчаются въ Польской письменности гораздо раньше XVI вѣка: они попадаются въ памятникахъ XIV и XV столѣтій, рядомъ съ чехизмами и старославянщиной. Приведу нѣсколько примѣровъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ памятниковъ.

Флоріанскій псалтырь (конца XIV и начала XV вѣка): cyecyerza=тетеря, czyerekwa=церква, szyzn=жизнь, zaszecz=зажечь, swecza=свѣча, и др.—Библія королевы Софіи (1422—1461 г.): czaszka=чашка, korczak=корчакъ, lekarstwa, ług, pasieka, pawłoka, posadka=посадъ, postawiec=поставецъ, robionok=ребенокъ, rubel=рубль, wienniki=вѣники, wiodro=ведро, zaponka и т. д.—Молитвы Вацлава (первой половины XV вѣка): dziewka (дѣвка), tuk (тукъ, откуда тучный), zażedz (зажечь), sleza (слеза) и др. Примѣры изъ двухъ другихъ памятниковъ будутъ приведены ниже.

Какъ бы ни былъ слабъ сравнительно съ старо-Славянскимъ и Чешскимъ элементомъ въ старо-Польскихъ памятникахъ элементъ Русскій, тѣмъ не менѣе отрицать его нельзя; элементъ же старо-Славянскій такъ въ нихъ силенъ, что необходимо допустить, что Польскіе переводчики св. Писанія и церковныхъ молитвъ имѣли передъ собою переводъ не только Чешскій, но и старо-Славянскій—въ спискахъ Русскихъ, откуда перешли въ Польскій текстъ ру-

---

[4]) «Sielanki B. i Sz. Zimorowiczów». Wyd. Turowskiego, str. 5, 9, 18, 29, 31, 74, 78, 86, 87, 89.

[5]) «Worek Judaszow to iest złe nabycie maiętności». W Krakowie. 1607 (2 изд.).

сизмы. Послѣднее предположеніе тѣмъ легче допустить, что, какъ извѣстно, съ конца XIV и начала XV вѣка (время написанія Флоріанскаго псалтыря) Русскіе составляли большинство народонаселенія Польши, и знаніе Русскаго языка, а чрезъ его посредство и старо-Славянскаго, должно было быть весьма распространено между Поляками. Гораздо труднѣе предположить, чтобы они получили старо-Славянскій переводъ отъ южныхъ Славянъ, Болгаръ или Сербовъ, которые въ то время были уже подавлены Турецкимъ завоеваніемъ. Не слѣдуетъ также забывать, что въ числѣ Русскихъ, принявшихъ католицизмъ для пріобрѣтенія равноправности съ Поляками, были люди образованные изъ боярскаго и духовнаго сословія, и они могли познакомить Поляковъ съ распространенною у насъ старо-Славянскою письменностью, — могли даже сами кое-что болѣе нужное или болѣе занимательное переложить на Польскій языкъ.

Такой трудъ Русскаго человѣка я вижу въ «Проповѣдяхъ», изданныхъ Дзялынскимъ въ Познани въ 1857 году подъ заглавіемъ «Zabytek dawnej mowy Polskiej».

Эти «Проповѣди» находятся въ бумажной рукописи, принадлежащей библіотекѣ архикаѳедральной капитулы Гнѣзненской, именно въ ея началѣ и концѣ, на листахъ, незанятыхъ Латинскими проповѣдями, составляющими главное содержаніе рукописи. Польскія проповѣди писаны иною рукою, чѣмъ Латинскія, и, конечно, позднѣйшею.

Въ приготовляемомъ мною къ печати трудѣ о памятникахъ старо-Польскаго языка я сообщу обстоятельныя свѣдѣнія о содержаніи и языкѣ изданныхъ Дзялынскимъ Польскихъ «Проповѣдей» и постараюсь съ точностью опредѣлить время, къ которому они относятся; теперь же замѣчу только, что, по признакамъ палеографическимъ и лингвистическимъ, я отношу эти «Проповѣди» къ первой половинѣ XV вѣка и что, по правописанію, онѣ были писаны въ Малой Польшѣ, или же человѣкомъ, привыкшимъ къ мало-Польскому нарѣчію. На сколько вѣрно мнѣніе Дзялынскаго, что онѣ писаны около 1420 г., не нахожу въ настоящемъ случаѣ нужнымъ говорить: скажу только, что относить ихъ къ какому-нибудь опредѣленному году—нѣтъ достаточныхъ основаній. Для насъ гораздо важнѣе, что ихъ правописаніе указываетъ на Малую Польшу и мало-Польское нарѣчіе. Правда, по изданію Дзялынскаго, далеко неудовлетворительному въ научномъ отношеніи, такого заключенія сдѣлать нельзя; но читая не по напечатанному

имъ тексту, а по fac-simile, видимъ, что носовые звуки обозначаются обычно въ рукописи черезъ ǫ (т. е. an), а такой выговоръ ихъ господствуетъ въ Малой Польшѣ.

Въ правописаніи этого памятника есть еще другая важная для насъ черта: согласные *р*, *р* и *т* часто не имѣютъ переходнаго Польскаго смягченія въ *rz*, *dz* и *ć*. Такъ, мы читаемъ въ рукописи: p*r*esto, p*r*ęsz daru ducha svǫtego, p*r*es pomocz, p*r*es anyola—posla, p*r*iscza (przyścia), p*r*igǫcz, p*r*ydze, p*r*ycz (przyić);—*d*iv, *d*ivny, utvir*d*il,—o*t*iec, o*t*ca, o*t*cu и т. д. Частое употребленіе такого непереходнаго смягченія *р*, *д* и *т* рядомъ съ переходнымъ (а такой переходъ совершился въ Польскомъ языкѣ уже въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка) свидѣтельствуетъ, что писавшій эти «Проповѣди» былъ не твердъ въ Польскомъ языкѣ, что онъ былъ не Полякъ.

Малковскій [1]) полагаетъ, что эти «Проповѣди» писаны Нѣмцемъ, научившимся Польскому языку по слуху, а встрѣчающіяся въ нихъ чуждыя Польскому языку слова и формы онъ считаетъ архаизмами, и потому относитъ языкъ этого памятника къ половинѣ XIII столѣтія, т. е. къ такому времени, отъ котораго мы не имѣемъ ни одного письменнаго памятника на Польскомъ языкѣ.

Къ архаизмамъ или остаткамъ погибшаго нарѣчія (zniktego narzecza) Малковскій относитъ такія слова и формы: czystota, sczyt, zaszczycać, kazń, krasny, mǫcić (infestare), mir, smierny (смирный), smiertny, otiec, zapad, nasilnie, stajali (стояли); wiekui (вѣчный, вѣкый), czyn (dignitas), licemiernik (лицемѣрникъ), wieliko, do sich miast, sego, ostrow, strada, swadziebne wesele (nuptia sponsalia) и т. под.

Къ такимъ же словамъ и формамъ, неотмѣченнымъ Малковскимъ, принадлежатъ: pred, krivda, grech, krest, div, divny, diewka, utvirdil, diura (дыра), jedienie, sego roku, siego dnia и т. п.

Кто же изъ знающихъ хоть сколько нибудь старо-Славянскій и Русскій языкъ станетъ принимать эти слова и формы за остатки погибшаго Польскаго или Ляхитскаго нарѣчія, о которомъ грѐзится Малковскому? Кто же не узна́етъ въ нихъ словъ старо-Славянскихъ и Русскихъ, находящихся донынѣ въ живомъ употребленіи въ Русскомъ народѣ? Эти слова и формы записаны такъ правильно, иногда даже съ соблюденіемъ Русскаго выговора (st*a*jali), что невозможно допустить, чтобы онѣ были записаны Нѣм-

---

[1]) «Przegląd najdawniejszych pomnikow języka Polskiego. Sporządził Konstanty Małkowski» (Warszawa, 1872) str. 95, 98.

цемъ, научившимся Польскому языку по слуху. Откуда Нѣмца, плохо знавшаго по-Польски, могло взяться основательное знаніе старо-Славянскаго и Русскаго языка, обнаруженное писателемъ «Проповѣдей»? Очевидно, что предположеніе Малковскаго нелѣпо.

Языкъ «Проповѣдей» доказываетъ, что онѣ были писаны человѣкомъ, для котораго Польскій языкъ былъ чужой, но который хорошо зналъ старо-Славянскій и Русскій языкъ, а правописаніе свидѣтельствуетъ, что онъ принадлежалъ къ Славянскому племени, неимѣющему *rz*, *dz* и *c*, и что Русскій выговоръ былъ родной ему; а слѣдовательно, что онъ былъ Русскій по происхожденію.

Обычное въ «Проповѣдяхъ» написаніе носовыхъ черезъ ǫ служитъ доказательствомъ, что онѣ писаны въ Малой Польшѣ, центромъ которой былъ Краковъ. Въ то же время это былъ центръ политическій и литературный Польши XV вѣка, къ первой половинѣ котораго относится разсматриваемый нами памятникъ. Съ Малою Польшею сосѣдила Червонная Русь, въ которой со временъ Казиміра Великаго и особенно Ягайлы заводятся Польскіе порядки и которая насильственно полячится и католичится. Ополяченію и окатоличенію подвергается и православное духовенство, преслѣдуемое и унижаемое. Изъ его среды долженъ былъ выйти и писатель «Проповѣдей», изданныхъ Дзялынскимъ. Изъ православныхъ священниковъ ставъ католическимъ патеромъ, онъ, какъ всякій ренегатъ, усердствовалъ на новомъ своемъ поприщѣ, и плодомъ его ревности къ католицизму и польщизнѣ были его «Проповѣди», написанныя подъ вліяніемъ мало-Польскаго нарѣчія, которое онъ зналъ практически, а не теоретически. Отсюда неправильность языка «Проповѣдей».

Естественнымъ, логическимъ заключеніемъ изъ всего вышесказаннаго является слѣдующее положеніе: проповѣди, изданныя Дзялынскимъ, писаны Русскимъ изъ Червонной Руси, вѣроятно, бывшимъ сначала православнымъ священникомъ, а потомъ католическимъ патеромъ.

Черезъ Русскихъ, совращаемыхъ въ католицизмъ и ополячиваемыхъ, Поляки могли знакомиться со старинною Русскою письменностью, развивавшеюся, какъ извѣстно, подъ вліяніемъ старо-Славянской и Византійской. Результатомъ этого знакомства могли быть заимствованія изъ Русской письменности и подражанія ей.

Сохранился одинъ любопытный въ этомъ отношеніи памятникъ

старо-Польской письменности, на который, къ сожалѣнію, никто не обратилъ вниманія. Онъ изданъ Сигизмундомъ Глогеромъ въ «Варшавской Библіотекѣ» за 1873 годъ, подъ заглавіемъ «Ułamek starożytnego kazania o małżeństwie» (Отрывокъ старинной проповѣди о бракѣ).

Разбирая инкунабулы своей библіотеки въ деревнѣ Ежевѣ, Глогеръ нашелъ на оберткѣ одной изъ нихъ два пергаменные листа, писанные съ обѣихъ сторонъ въ два столбца по-Польски. Съ нижняго конца оба листа, при переплетаніи инкунабулы in 4°, были обрѣзаны. Заинтересовавшись содержаніемъ палимпсеста, Глогеръ снялъ съ него фак-симиль и издалъ, вмѣстѣ со своимъ чтеніемъ и краткими объясненіями. По его мнѣнію, это—отрывокъ изъ обширнаго сборника Польскихъ проповѣдей, именно изъ проповѣди о бракѣ. Г. Пржиборовскій причисляетъ его къ древнѣйшимъ памятникамъ Польскаго языка [1]).

По внимательномъ изученіи этого памятника, я долженъ отвергнуть мнѣнія Глогера и Пржиборовскаго: это—не проповѣдь и далеко не одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ Польскаго языка.

Постараюсь сначала, на основаніи признаковъ палеографическихъ и лингвистическихъ, опредѣлить вѣкъ, къ которому относится этотъ памятникъ.

Начертаніе буквъ въ немъ то же самое, что и въ послѣдней части Библіи Софіи, какъ въ этомъ легко можетъ убѣдиться всякій, кто сравнитъ изданный Глогеромъ fac-simile съ fac-simile 5-го листа Библіи Софіи въ изданіи Малецкаго; слѣдовательно, по палеографическимъ признакамъ, нашъ памятникъ относится ко второй половинѣ XV вѣка.

Только по fac-simile можно представить характеристику правописанія и языка нашего памятника, такъ какъ Глогеръ не умѣлъ его прочесть и передалъ его произвольно новымъ правописаніемъ.

Долгіе гласные отличаются отъ краткихъ двойнымъ написа-

---

[1]) «Najpierw karta pochodząca prawdopodobnie z wielkiéj księgi zdaje się dowodzić, że istniał zbiór Polskich kazań wcale inny od znanych i wydanych dotąd. Piękny i staranny styl naszego ułamku zdaje się wskazywać, że mógł to być zbiór znakomicie jak na owe czasy opracowany, a który późniéj pocięty został na okładki i poszukiwać go w bibliotekach klasztornych należy. Professor Józef Przyborowski, którego uczonego sądu zasięgałem w tym przedmiocie, jest zdania, że zabytek nasz należy do najstarszych jakie dotąd posiadamy. Treścią kazania było, jak się zdaje, małżeństwo i kobiéta, o której jest tu kilka trafnych uwag psychologicznych».

ніемъ буквъ, ихъ изображающихъ: Ad*aa*ma, D*aa*wida, Absolonc krasz*nee*go, ny*ee*wiasta, zensczyn*aa*, skl*aa*d, ieg*oo*, dobreg*oo*, kwapi*ee*ny klǫǫtwa, mǫǫdrego.

Такое обозначеніе долгихъ гласныхъ двойными буквами, существовавшее и въ старыхъ Сербскихъ памятникахъ, употребляется въ Флоріанскомъ псалтырѣ, Молитвахъ Вацлава, Библіи Софіи и другихъ Польскихъ памятникахъ до второй половины XV вѣка. Первый Польскій грамматикъ, Яковъ Паркошъ изъ-Журавицъ (половины XV вѣка) говоритъ, что долготу гласныхъ слѣдуетъ обозначать двойною буквою (ut vocalis longa geminetur et brevis simpla ponatur), и въ примѣръ приводитъ слово Ad*aa*m, написанное такъ же, какъ въ нашемъ памятникѣ. Въ памятникахъ конца XV вѣка такое обозначеніе долгой гласной уже не встрѣчается, а въ началѣ XVI столѣтія оно стало давнимъ преданіемъ, несоблюдавшимся болѣе, какъ видно изъ словъ Заборовскаго: «Antiqui Poloni longas vocales geminabant, breves simplicibus pingebant figuris».

Носовые звуки, какъ во всѣхъ велико-Польскихъ памятникахъ XIV—XV вѣковъ, обозначаются безразлично, черезъ ǫ, которое въ случаѣ долготы удвоивается: klǫǫtwa, swǫtego, wǫǫcz, mǫǫdrego. Рѣдко передаются черезъ *a* (zaprawd*a*) и *e* (dzewycz*e* вин. п. ед. ч.). Нынѣшнее правописаніе (ą для ѫ, ę для ѧ) установилось въ XVI вѣкѣ. Такъ, напр., въ предисловіи Рея-изъ-Нагловицъ къ поэмѣ «Wizerunek» (1558 г.) читаемъ: «Ile słychamy o tych co daley niż w Polszcze bywa*ią*, tedy postronni narodowie *ię*zyk (a podobno y dowćip) Polski na małey pieczy ma*ią*».

Написаніе остальныхъ гласныхъ не представляетъ никакихъ особенностей.

Изъ согласныхъ въ правописаніи смѣшиваются шипящіе со свистящими: такъ буквами *z* и *sz* обозначаются звуки *ж* (*z*ensczynaa, tee*sz*) и *з* (*z*lemv, obraa*sz*), буквами *cz*—звуки *ц* (mo*cz*nego, wielebnos*cz*) и *ч* (*cz*istota), буквами *s* и *sz* — звуки *з* (*s* raya = изъ рая), *с* (*s*klaad, kra*sz*neego) и *ш* (w*sz*ego, *s*la = шла). Кромѣ того, для обозначенія звука *ц* употребляется сочетаніе *czs* (*czs*nota, ny*czs*), Точно такое же написаніе свистящихъ и шипящихъ находимъ въ Библіи Софіи: zyv, boszy, zelje, szemya; gest, szwyatlo, czmi, czsosz, neuszyteczna; gesto—geszto, wszistek. Оно значительно отличается отъ правописанія памятниковъ болѣе древнихъ, каковы: Флоріанскій Псалтырь и Молитвы Вацлава.

Въ фонетическомъ отношеніи нашъ памятникъ не представляетъ такихъ особенностей, по которымъ можно было бы заклю-

чать о времени, къ которому онъ относится: встрѣчаемыя въ немъ звуковыя формы употребляются во всѣхъ Польскихъ памятникахъ XIV — XV вѣковъ, а нѣкоторыя даже въ Латинскихъ грамотахъ XII—XIII столѣтія.

Флексія представляетъ нѣкоторыя замѣчательныя черты. Паденіе склоненій выразилось смѣшеніемъ родовыхъ и падежныхъ окончаній. Во множественномъ числѣ только въ двухъ падежахъ, творительномъ и мѣстномъ, и только въ двухъ примѣрахъ, мужское склоненіе отличается отъ женскаго: miedzi wszemi grzesznymy skutk*y*, w iegoo wszeech vczynk*och*. Въ обоихъ этихъ падежахъ, хотя и рѣдко, мужское склоненіе отличается отъ женскаго и у писателей XVI вѣка; въ памятникахъ же XIV—XV вѣковъ (Флоріанскій Псалтырь, Молитвы Вацлава, Библія Софіи); кромѣ того, мужское склоненіе отличается отъ женскаго еще въ дательномъ множ. числа (съ XVI вѣка для обоихъ родовъ употребляется мужское окончаніе).

Смѣшиваются въ нашемъ памятникѣ окончанія падежей родительнаго, дательнаго и мѣстнаго единств. числа: syostra czistocz*e*, kloótwa wsz*emu* zl*emu*, do dom*u*—w dom*u*, przez rozum*u*, w siercz*u*, we sklenycz*y*, w naboszneem vkazan*ju*, pokorn*ey* grzesznycz*y*, pysne*ey* dzewcz*e* (род.), w slodk*ey* strdz*y*. Замѣчательна форма родительнаго множ. ч. на *ы*: od zlich mysl*y*, slow*y*, vczynk*y* y obyczayow. Такое смѣшеніе падежныхъ окончаній указываетъ на довольно позднюю пору, ибо у писателей XVI вѣка, хотя спорадически, еще отличаются особыми окончаніями вышепомянутые падежи (срв. d-ra A. Małeckiego, «Gram. jęz. Polsk. większa», str. 59, 60, 72).

Въ спряженіяхъ особенность нашего памятника составляетъ постоянное употребленіе прошедшаго сложнаго сокращеннаго, т. е. съ опущеніемъ вспомогательнаго глагола, напр. szdradzil, sla, pospieszala, byly. Опущеніе глагола въ прошедшемъ сложномъ встрѣчается часто въ памятникахъ XV вѣка, но, рядомъ съ такими сокращенными формами, употребляются полныя или слитныя, существующія понынѣ и установившіяся въ XV — XVI вѣкахъ. Такое исключительное господство въ нашемъ памятникѣ прошедшаго сложнаго сокращеннаго, равно какъ смѣшеніе падежныхъ окончаній, по моему мнѣнію, составляетъ признакъ не времени, а иностраннаго вліянія.

Но какого? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ могутъ служить слѣдующія слова, встрѣчающіяся въ нашемъ памятникѣ: dzewka (дѣвка), zensczynaa (женщина), vczennyk (ученикъ, въ смыслѣ учитель), krasny (прекрасный), smysl (смыслъ), gospodin, ymaam (имамъ),

yzee (иже), mosczyna (мжщина). wielmy. pomny, jako, czistota (чистота), obraasz (образъ). Это—слова Славяно-Русскія, т. е. такія, которыя употреблялись въ старой Русской письменности.

Соображая всѣ вышеприведенныя мною данныя, я дѣлаю такое заключеніе: по признакамъ палеографическимъ, по правописанію и языку, нашъ памятникъ относится ко второй половинѣ XV вѣка, и ближе къ концу его, чѣмъ къ серединѣ (онъ моложе Библіи Софіи), то-есть: точнѣе выражаясь, къ послѣдней четверти этого вѣка; онъ носитъ на себѣ слѣды Русскаго вліянія. Такимъ, образомъ, мнѣніе Пржиборовскаго оказывается невѣрнымъ.

Обращаюсь къ содержанію нашего памятника.

По формѣ изложенія, онъ нимало не напоминаетъ проповѣди: это—собраніе краткихъ изреченій о женахъ злыхъ и добрыхъ и о чистотѣ и цѣломудріи, такихъ изреченій, какія мы встрѣчаемъ въ сборникахъ, извѣстныхъ у насъ подъ именемъ «Пчелъ».

Для болѣе удобнаго сравненія нашего памятника съ «Пчелою» (по изданію П. А. Безсонова: «Временникъ Моск. Общ. Ист. и Древн. Рос.» 1857, кн. 25), я разобью его на шесть частей по содержанію и сопоставлю съ изреченіями, находящимися въ немъ, соотвѣтствующія въ нашихъ «Словахъ»: о женахъ, о житейской добродѣтели и о чистотѣ и цѣломудріи. При этомъ я долженъ напомнить читателямъ, что нашъ отрывокъ сохранился въ обрѣзанномъ видѣ, и прибавить къ этому, что, для сравненія съ нимъ, у меня было только изданіе г. Безсонова.

I. Жена есть источникъ всего добраго и злаго.

1 л. 1 ст. *Текстъ подлинника* [1]).	*Чтеніе* [2]).
Kto szdraadzil adaama nyewŷn-	Kto sdrādził Adāma niewin-
nego, a daawida swọtego, a salo-	nego, a Dāwida Swotego, a Salo-
mona mọọdrego, a samsona	mona mǭdrego, a Samsona
mocznego, absolonaa krasznee-	mocnego, Absolona krasnē-
go, zaprawda nŷkt yedno nŷee-	go? Zaprawda nikt iedno niē-
wiasta, prawa dobra zensczŷnaa	wiasta. Prawa dobra żenszczynā
ta îest sklaad wszego dobregoo	ta iest sklād wszego dobregō
îest sŷostra czîstocze, ŷ klọọtwaa	iest siostra czistocie i klǭtwā
wszemv zlemv, îest stroza myslî	wszemu złemu, iest stroża mysli.
a îest wîelebnoscz przyrodzenŷa	a iest wielebnosc przyrodzenia,
a stolecz czsnoty, iest okrasa zywo-	a stolec cnoty, iest okrasa żywo-
taa.	tā.

[1]) По fac simile, буква въ букву и строка въ строку.

[2]) Долготу обозначаю знакомъ ¯ надъ буквою.

Въ нашихъ «Словахъ о женахъ» читаемъ:

«Отъ жены начало грѣху, и тою вси умираемъ.—Оле зло злаго злѣйшее жена лукава. — Жена добра въ дому, аки мравій, а зла жена, аки ладія утла.—Жена добра—жизнь дому и спасеніе мужу, а зла жена—пустота дому, печаль мужу.—Добра жена въ дому, яко очи въ тѣлѣ, а зла жена, яко трудъ въ лядвеяхъ. — Добра жена въ дому—добрый тіунъ отъ царя» и т. п.

Срв. «Домострой»: «Добра жена дѣлаетъ мужу своему все благо житіе.—Жена добра веселитъ мужа своего и лѣта его исполни съ миромъ» и т. п.

II. Лице женщины уподобляется огненному мечу; изъ устъ ея каплетъ отравленный медъ.

2 л. 2 ст. Nŷe-	Nie-
wyesczy obraasz iest iako ognŷo-	wiesci obrāz iest iako ognio-
wî miecz. Przeto baacz sŷe wielmŷ:	wy miecz. Przeto bācz się wielmi.
Pomny ŷze nŷewiasta wîpǫdzy-	Pomni iże niewiasta wypǫdzi-
la adama s raya, bo yaad nygdy	ła Adama z raia, bo iād nygdy
nye bǫdze richley daan iednoo	nie bǫdzie rychley dān iednō
w slodkey strdzy.	w słodkiej strdzi.

Этимъ изреченіямъ соотвѣтствуютъ въ «Словѣ о Женахъ» слѣдующія: «Въ огнь и во жену въпасти равно есть. Не внимай злой женѣ, медъ бо каплетъ отъ устенъ жены блудницы, яже въ время наслаждаетъ твой гортань, послѣди же горьнае желчи (и полына) обрящеши, и изъострень паче меча обоюдуостра».

III. Наставленія о чистотѣ и цѣломудріи; удаленіе отъ соблазна, удрученіе тѣла, удаленіе отъ людей, обращеніе къ Богу; но, при всемъ томъ, только лишеніе разумное.

л. 1 ст. 1.

Yeden vczennŷk mowi tako.	*Ieden uczennik mowi tako.*
Troiakǫ rzeczǫ bǫdze czîstota	Troiakǫ rzeczǫ bǫdzie czistota
schowana Pyrzwa iest richle	schowana: pirzwa iest rychłe
vczeczenŷe od zlich mŷslŷ slowŷ	ucieczenie od złych mysli, słowy,
vczynky, y obyczayow Drvga	uczinki i obyczaiow; druga
iest vdrǫczenye czala Trzecza iest	iest udrǫczenie ciała; trzecia iest
ostrzeszenŷe smŷsla y kwapiee-	ostrzeżenie smysła i kwapie-
nye od lvdzŷ. iako matka boza	nie od ludzi. Iako matka boża
taagdy przesz vliczǫ sla wszdi sye	tāgdy przez ulicǫ szla wżdy się
pospieszała do domv a w domv	pospieszała do domu, a w domu
. . . .	. . . .

2 ст.

. . . . *yedno pismoo*	*Iedno pismō*
mowŷ: Teen iest odlǫczon kto	*mowi:* Tēn iest odłǫczon kto
sie gospodnv offervîe w îegoo	się gospodnu offeruje w iegō

wszeech vczŷnkoch, y opvsczany czyrzpeecz, tako wǫǫcz naŷdzee gospodna na kaszdy czasz. *Yeden vczennŷk mowŷ tako.* Odlǫczenŷe przesz rozvmv, to iest sleepota czlowŷecza. *Yeden vczenŷk mowi tako.* Kto bogv dosŷcz iest, kv samemv bozeemv kaazanŷv, ŷ napomŷnanŷv w roozvmŷe odlǫczenŷa, temv bǫdze odplaczono rownosczǫ yszczŷnǫ bozǫǫ. *yeden vczennŷk mowŷ,* kto swego wszego po[ku]szenya y czyrzpyenya moczen iest teego ya ymaam za naŷlepszego czlowieka. *yeden mystrz mowi.* Swǫte pismo to wszeem ukazvie nato s drz . . . .

wszēch uczynkoch, i opusczany cirzpieć, tako wǫc najdzie gospodna na każdy czas. *Ieden uczennik mowi tako*: Odłǫczenie przez rozumu, to iest slēpota człowiecza. *Ieden uczenik mowi tako*: Kto bogu dosyć iest, ku samemu bożēmu kāzaniu i napominaniu w rozumie odłǫczenia, temu bǫdzie odpłacono rownosciǫ iscinǫ bożǫ. *Ieden uczennik mowi:* kto swego wszego pokuszenia i cirzpienia mocen iest, tēgo ja imām za najlepszego człowieka. *Ieden mistrz mowi:* Swǫte pismo to wszēm ukazuje na to . . . .

Первому отрывку соотвѣтствуютъ въ «Словѣ о житейской добродѣтели и о злобѣ» слѣдующія изреченія (у Безсонова стр. 4): «Отеческое отъ патерика. Четырми вещми оскверняется душа: хоженіемъ по граду, несоблюденіемъ очнымъ и съ женами имѣти приближеніе и со славными любовь тѣлесныя похоти и тщеславіе любви». Для дополненія сравни (на стр. LXXXIII) изреченія апостола Петра (Аще отбѣгъше нечистотъ мирьскыхъ...), Кирилла Іерусалимскаго (Бѣгай убо злыхъ дѣлъ...), Златоустаго (Аще посреду радъ живущемъ и въ мятежихъ...) и др.

Второй отрывокъ заключаетъ извѣстныя евангельскія изреченія и, кромѣ того, предостереженія отъ лишенія неразумнаго. Имъ соотвѣтствуютъ въ «Словѣ о чистотѣ и цѣломудріи» слѣдующія слова св. Василія (стр. 18): «Недостойно хвалы даяти кажникомъ (скопцемъ), имже отрѣзана суть тайная удеса ихъ». Сравни тамъ же Златоуста: «Да не измягчимъ нашея крѣпости, ни отрѣзаемъ жилъ своихъ обычаемъ тѣмъ: неизреченна бо и велика погибель въ душу нашу входитъ отъ нихъ» и т. д.

IV. Сердце человѣка отражается въ его наружности, какъ въ зеркалѣ.

Л. 2 ст. 1.

Swǫty dvch mowi. Odzenŷe czelnee, a smyanye vstnee vkazviǫ czso w sierczv iest, ŷako we sklenŷczŷ wszistko widzeecz.

Swǫty duch mowi. Odzienie cielnē, a smianie ustnē ukazuiǫ co w sercu iest, iako we sklenicy wszistko widziēc.

Съ этимъ изреченіемъ, впрочемъ весьма обычнымъ, можно сравнить слова Аристипа («Жена лицемъ красящися душевное безобразіе являетъ») и Сенродита («Якоже зеркало съ златомъ и съ драгимъ каменіемъ ковано, отъ красоты нѣсть похвально, тако же и жена похвальна и богата») въ нашихъ «Словахъ о женахъ» (стр. XXXV, XL).

V. Изнѣженный мужчина имѣетъ женственное сердце.

Л. 2 ст. 1.

Bernhardus. Mila bracza powiadaam waam zaprawdø yzee vrøpnoscz czŷny czøsto z møsczyny nŷewîeesczee serczee.	*Bernhardus*. Miła bracia, powiadām wām zaprawdǫ iżē urǫpnosć czyni cząsto z mǫszczyny niewiescie serce.

Въ «Словѣ о чистотѣ и цѣломудріи» читаемъ (изъ Златоуста): «Також е и женская приближенія всѣхъ елико обуймутъ уловленыхъ діяволу представляютъ. Потомъ-же бываютъ ти мужи мягцы, бестудни, несмыслени... и просто рещи, вся женская страсть душегубная несуще на душу ихъ возложатъ... языку его преобразившуся женскимъ рѣчемъ...» (стр. 19). Сравни тамъ же изреченіе Хариклія: «Видѣнія похотная воспоминаніе стражущему бываетъ и ражаетъ ума теплоту, яко трость огнь, ражже бо и на похоть слово похотное» (стр. 27). Это послѣднее изреченіе напоминаетъ также третій отрывокъ нашего памятника.

VI. Кающаяся грѣшница лучше гордой дѣвы.

Л. 2 ст. 1.

Augystinus. Nayd... østo w naboszneem vkazanŷv skritego angŷala nŷeczystoty. ya wøczeŷ dowierzaam pokorneŷ grzesznyczŷ nyz pyszneey dzewcze.	*Augustinus*. Najd... ǫsto w nabożnēm ukazaniu skritego angiała nieczistoty. Ia wǫcej dowierzām pokornej grzesznicy niż pysznēj dziewce.

Наше «Слово» та́къ поучаетъ о гордыхъ женахъ: «Жены гордѣя себе не поимай, не яко господинъ ей будеши, но яко госпожа ти будетъ».

Листы разсматриваемаго нами памятника, какъ было выше замѣчено, снизу обрѣзаны, и, кромѣ того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пергаменъ испорченъ: отъ того нѣкоторыя изреченія не сохранились вполнѣ. Такія изреченія (а между ними есть одно Сенеки, а другое Іеронима) я опускаю.

Изъ сопоставленія отрывковъ Польскаго памятника съ нашими «Словами» о женахъ, о чистотѣ и цѣломудріи и о житейской до-

бродѣтели и злобѣ видно, что онъ сходенъ съ ними не только по содержанію, по мыслямъ, но иногда даже по уподобленіямъ, по выраженіямъ. Мои сравненія случайны, такъ какъ я могъ пользоваться только изданіемъ г. Безсонова. Легко можетъ статься, что въ нашихъ многочисленныхъ рукописяхъ «Пчелъ» найдутся болѣе подходящія и болѣе близкія къ выраженіямъ Польскаго памятника изреченія. Я сдѣлалъ, что̀ могъ. Для меня достаточно было выяснить, что, по содержанію и по формѣ, разсматриваемый мною Польскій памятникъ принадлежитъ къ числу тѣхъ многочисленныхъ «Словъ», которыя входятъ въ составъ весьма распространенныхъ у насъ встарину сборниковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «Пчелъ».

Какъ извѣстно, эти сборники (Пчела, по-Гречески Μελίσσα) Византійскаго происхожденія. Μελίσσα Максима Исповѣдника относится къ VII вѣку. Позже подобный же, но болѣе обширный сборникъ былъ составленъ инокомъ Антоніемъ. Съ принятіемъ христіанства эти сборники перешли изъ Византіи въ Болгарію, откуда въ переводѣ на Славянскій языкъ были перенесены къ намъ. Есть указанія, что они были извѣстны у насъ съ XI вѣка и позже (Сборникъ Святославовъ, Даніилъ Заточникъ, Несторъ) и долгое время были любимою книгою для чтенія, какъ это доказывается многочисленными рукописями съ XIV по XVIII вѣкъ. У насъ они подверглись новой переработкѣ.

Эти сборники, насколько мнѣ извѣстно, не были въ обращеніи въ западной Европѣ въ средніе вѣка. Отъ того въ западно-Славянскихъ литературахъ мы не находимъ ничего имъ подобнаго. Откуда же они могли зайти къ Полякамъ? — Сходство разсматриваемаго мною Польскаго памятника съ нашими «Пчелами» и встрѣчающіеся въ немъ русизмы указываютъ на Русь. Возможность такого литературнаго заимствованія объяснена выше.

Палимпсестъ Глогера указываетъ на существованіе у Поляковъ цѣлыхъ сборниковъ богословско-философскаго содержанія, въ родѣ нашихъ «Пчелъ»; онъ указываетъ также, что наши «Пчелы» подверглись у нихъ переработкѣ: все, что̀ носило характеръ православія, подъ перомъ Польскихъ католическихъ писателей сглаживается и затемняется, и обычная лаконичность нашихъ «Пчелъ» превращается въ жидкую риторичность. Палимпсестъ Глогера представляется намъ слабою копіею съ хорошаго оригинала: въ «Пчелахъ» обыкновенно называется по имени тотъ отецъ, или учитель церкви, или же древній философъ,

изреченіе котораго приводится; въ палимпсестѣ же читаемъ: jeden uczennik или mistrz mowi; а слѣдовательно, гдѣ въ «Пчелахъ» ясность и отчетливость, тамъ въ палимпсестѣ туманность и запутанность. Причина понятна. До конца XV вѣка въ западной Европѣ, а потому и въ западно-Славянскихъ краяхъ, творенія Греческихъ отцевъ и учителей церкви, древне-Греческая и Византійская литературы извѣстны были весьма мало и весьма немногимъ. Полякъ, имѣвшій передъ глазами Русскую «Пчелу», встрѣчалъ въ ней незнакомыя ему имена отцевъ церкви и Греческихъ философовъ,—имена, которыя, быть можетъ, не умѣлъ и прочесть, и потому или оставлялъ ихъ неизвѣстными своимъ читателямъ (анонимами), или же замѣнялъ ихъ именами извѣстныхъ ему учителей католической церкви (Августина, Іеронима, Бернарда), или же выражался темно: pismo (сочиненіе, твореніе, Св. Писаніе), Sw. Duch (!). Что имена учителей католической церкви вставлены случайно, видно изъ того, что Бернарду приписаны слова Златоустаго (по «Пчелѣ»). Вообще, характеръ палимпсеста—компилятивный, подражательный: въ немъ находимъ заимствованія изъ нѣсколькихъ словъ «Пчелы»; новыхъ мыслей нѣтъ; нѣтъ и той образности выраженій, какою отличаются наши «Слова»; кое-что сокращено, кое-что распространено излишними примѣрами и пустыми фразами.

Что Полякамъ дѣйствительно была извѣстна наша «Пчела», доказательствомъ служитъ знаменитый Польскій писатель половины XVI вѣка Рей изъ-Нагловицъ, въ сочиненіи котораго «Żywot człowieka poczciwego» находимъ тѣ же самыя изреченія о злыхъ и добрыхъ женахъ, что и въ нашихъ «Словахъ»; напр. «Czytayże zasię iako złą (żoną) swowolną a plugawą pismo też plugawie przezywa. Bo ią zowie swinią w bramkę ubraną, a pierscień złoty w nozdrach noszącą, ktora przedsię zawždy w gnoiu dłubie («Zwyerciadlo» 1568, l. 33),—чему соотвѣтствуетъ въ «Словѣ о женахъ»: «Якоже усѣрѧзь злато въ ноздрѣхъ оу свини, тако и женѣ злоумнѣ доброта» (у Безсонова, XLII).

На основаніи вышеизложеннаго, можно сдѣлать слѣдующее заключеніе: 1) первые переводчики Св. Писанія на Польскій языкъ имѣли передъ собою, кромѣ Чешскаго, старо-Славянскій переводъ въ Русскихъ спискахъ; 2) отъ насъ зашли къ Полякамъ также весьма распространенные у насъ сборники, извѣстные подъ названіемъ «Пчелы»; они подверглись у нихъ новой переработкѣ; 3) въ числѣ важнѣйшихъ памятниковъ старо-Польской письменности находимъ «Проповѣди», писанныя Русскимъ человѣкомъ

на Червонной Руси въ половинѣ XV вѣка; и 4) Русское вліяніе на Польскую литературу XVI вѣка отразилось не только на языкѣ, но и на содержаніи нѣкоторыхъ замѣчательнѣйшихъ произведеній того времени.

Викентій Макушевъ.

Варшава, 6 апрѣля 1876.

СЕРБСКІЯ ЖИТІЯ И ЛѢТОПИСИ,

какъ источникъ для исторіи южныхъ Славянъ,

въ XIV и XV вѣкахъ.

Литература, современная Стефану Душану, не смотря на блестящую эпоху его царствованія, по достоинству гораздо ниже литературы времени Стефана Немани и его первыхъ преемниковъ; равно какъ и жупанство Немани имѣетъ больше достоинства, нежели царство Душана: изъ жупанства перваго развилось королевство, а за царствомъ послѣдняго послѣдовало окончательное паденіе Сербскаго государства [1]). Не смотря на то, что въ эпоху правленія Душана Сербское государство достигло степени самодержавнаго царства, литература этого періода не могла развиваться. Дѣло въ томъ, что идея самодержавія, положенная первымъ основателемъ Сербскаго государства, Стефаномъ Неманею, стала колебаться въ народѣ сейчасъ же, при его преемникахъ, которые первые подали примѣръ подавленія этой идеи: возстаніе Вукана противъ Стефана Первовѣнчаннаго и другія вплоть до Стефана Душана поколебали въ глазахъ народа святость этой идеи. Задатки такого направленія въ Сербскомъ народѣ сильно укоренились, чрезъ что духъ самодержавія окончательно палъ, а съ нимъ вмѣстѣ и литература. Геніальная личность царя Душана и его идея самодержавія не въ силахъ были возвратить Сербской народности прежнее направленіе.

Письменность, начавшаяся быстро развиваться со временъ Немани, имѣла въ концѣ XIII и началѣ XIV в., одного изъ своихъ представителей въ лицѣ архіепископа Даніила II († 1336). По времени своей дѣятельности на поприщѣ историческомъ и литературномъ, Даніилъ хотя и не входитъ въ періодъ, разсматриваемый

---

[1]) Ягичъ, «Histor. knižev.», стр. 172.

нами (отъ смерти Стефана Душана, т. е. съ 1355), но такъ какъ твореніе съ его именемъ обнимаетъ періодъ до 1376 г., мы должны разсмотрѣть его труды и указать, чтò писано собственно имъ самимъ и чтò дополнено послѣ его смерти другими.

Архіепископъ Даніилъ былъ сынъ знатныхъ родителей Сербскаго происхожденія [1]. Получивъ хорошее, по тогдашнему времени, образованіе, онъ поступилъ ко двору Сербскаго краля Стефана Уроша II Милутина [2] (1275—1321); затѣмъ вскорѣ принялъ монашеское постриженіе въ Кончульскомъ монастырѣ [3], откуда перешелъ въ Жичьскій, уже въ санѣ пресвитера [4], а чрезъ полтора года мы видимъ его игуменомъ Хиландарскаго монастыря. Избраніе это состоялось [5] по соглашенію между архіепископомъ Евѳиміемъ и кралемъ Стефаномъ Урошемъ II Милутиномъ, въ 1302 году, какъ полагаетъ Рачкій [6]. Во время игуменства Даніила, Хиландарскій монастырь подвергся нападенію разбойниковъ, нанятыхъ Византійскимъ императоромъ Андроникомъ II Палеологомъ (1282—1328), для борьбы съ Турками, отнявшими тогда у Грековъ Никею въ Малой Азіи. При защитѣ монастыря, Даніилъ оказалъ большія услуги [7]. Послѣ перемирія съ ними (1307) [8], Даніилъ поручилъ Хиландарскій монастырь своему ученику Никодиму, а самъ отправился въ Сербію, съ тѣмъ, чтобы обо всемъ разсказать Сербскому кралю. На заявленіе игумена Даніила о великой бѣдѣ, претерпѣваемой Аѳонскими иноками отъ разбойниковъ, Сербскій краль отвѣтилъ: «приходи ко мнѣ, будешь жить въ покоѣ». Но Даніилъ предпочелъ лучше страдать со своими соиноками, и возвратился на Аѳонъ. Послѣ этого ему съ братіей пришлось испытать еще большее угнетеніе отъ враговъ. Монастырь былъ разоренъ, но братія, ободряемая игуменомъ Даніиломъ, осталась на мѣстѣ и скоро, благодаря руководству мудраго своего игумена, привела все въ порядокъ. Даніилъ послѣ этого оставилъ Хиландарскій монастырь и поселился въ уединенной кельѣ св. Саввы въ Кореѣ [9]. Возникшая въ то время въ Сербіи междоусобная борьба между Милутиномъ и сыномъ его Стефаномъ заставила Даніила покинуть уединенную жизнь. Въ самомъ началѣ этой борьбы Ми-

---

[1] Даничичъ, «Животи краљева и архиепископа Српских — написао архиепископ Данило и други». У Загребу. 1866. Житіе архіепископа Даніила II (нашего писателя) стр. 331. [2] Ib. стр. 333. [3] Ib. стр. 335. [4] Ib. стр. 336.
[5] Ib., стр. 338.
[6] Рачкій, «Ocjena starijih izvora». См. «Književnik», годъ 1865, книга II.
[7] «Житіе арх. Даніила», II, стр. 342. [8] Ib. стр. 357—359.
[9] Ib., стр. 344—356.

лутинъ призвалъ Даніила къ себѣ въ совѣтники и, назначивъ его епископомъ Баньянской епархіи (1310) [10]), поручилъ ему на сохраненіе все свое богатство. Въ 1315 году заключенъ былъ миръ между отцемъ и сыномъ, благодаря посредничеству Даніила, который послѣ этого сейчасъ же возвратился на Аѳонъ, оставивъ Баньянскую епархію. Изъ Аѳона Даніилъ пожелалъ отправиться въ Іерусалимъ; но Милутинъ, узнавъ объ этомъ, призвалъ его къ себѣ (1317) и оставилъ при архіепископѣ Саввѣ III, съ цѣлью сдѣлать его преемникомъ этого послѣдняго. По смерти архіепископа Саввы III, по неизвѣстной причинѣ архіепископомъ былъ назначенъ не Даніилъ, а ученикъ его Никодимъ [11]); Даніилъ же былъ переведенъ въ Хлумскую епархію [12]). По смерти Милутина († 1321), сынъ его Стефанъ Урошъ III не замедлилъ опять вызвать Даніила къ себѣ для совѣта. Въ то время сынъ Драгутина Владиславъ предъявилъ-было свои права на Сербскій престолъ, и къ тому же были нарушены мирныя отношенія между дворами Болгарскимъ, Сербскимъ и Греческимъ. Краль Стефанъ Урошъ III созвалъ соборъ для совѣщанія, ка́къ повести дѣло при такихъ запутанныхъ обстоятельствахъ. Но всѣ собравшіеся на соборъ громогласно заявили: «никто не можетъ разрѣшить этого дѣла по твоему желанію, развѣ только преосвященный Даніилъ» [13]). Даніилъ принимаетъ на себя роль посланника въ Болгарію и Царьградъ (1323—1324), удачно улаживаетъ дѣла и, затѣмъ тотчасъ опять отправляется въ свое уединеніе, на Аѳонъ. Но здѣсь недолго ему пришлось оставаться. Наступившая вскорѣ смерть архіепископа Никодима († 1325) заставила Даніила покинуть Аѳонъ и принять архіепископскую каѳедру, такъ какъ онъ былъ избранъ всѣмъ соборомъ [14]). Послѣ избранія въ архіепископы, Даніилъ обратилъ свои заботы на образованіе народа: со всѣхъ частей Сербіи приходили люди, чтобы поучиться у него и приносили съ собою въ даръ много богатства, которое Даніилъ употреблялъ на постройку церквей. Стефанъ Душанъ, при своемъ вступленіи на престолъ (1331), призвалъ Даніила, который цѣлымъ соборомъ вѣнчалъ его на королевство 8 сентября того же 1331 года [15]).

Изъ представленныхъ біографическихъ свѣдѣній видно, что архі-

[10]) Ib., стр. 357—359.

[11]) Ib. стр. 360—361. «Житіе Стеѳ. Дечанскаго», стр. 167.

[12]) «Жит. Стеѳ. Дечанскаго», стр. 193. [13]) Ib., стр. 173.

[14]) Даничичъ, «Животи... Житіе краля Стеѳ. Деч.», стр. 176, и «Жит. арх. Даніила» II, стр. 363. Ibid. стр. 363—377.

[15]) Какъ фактически доказалъ Руварацъ въ статьѣ «O prvich godinah kraljevanja Dušanova» («Rad. jugosl. akad.», кн. XIX, стр. 183.

епископъ Даніилъ былъ человѣкъ влiятельный и оказалъ дѣйствительную услугу своему отечеству, какъ своимъ посредничествомъ въ междоусобіяхъ Неманичей, такъ и желаніемъ распространенія образованности въ средѣ Сербскаго народа вообще, а не только одного духовенства, какъ свидѣтельствуетъ его біографъ: «книгы же многочисльные сьставляе и изобрѣтае прѣжде небывшее николиже» и, затѣмъ, дальше: «сь бо господинь мои прѣосвештеныи вь обоемь угоди господеви, собою бо вьса творе и иные научае» [1]. Такая личность не могла не знать обстоятельствъ государственной жизни Сербскаго народа, Даніилъ долженъ былъ оставить послѣ себя достовѣрный историческій памятникъ. Таковъ его «Родословъ» или «Цароставникъ», отличный отъ другаго «Цароставника», на который такъ часто ссылается Раичъ въ своей «Исторіи разныхъ Славенскихъ народовъ». «Родословъ» архіепископа Даніила II изданъ Даничичемъ, подъ заглавіемъ: «Животи краљева и архиепископа Српских», 1866 г. въ Загребѣ. Для своего изданія Даничичъ взялъ три списка этого «Родослова»: два Карловачскихъ, изъ которыхъ одинъ помѣченъ 1765 годомъ [2]), другой — 1780 г., третій—Львовскій, съ помѣткою 1575 года [3]). Списки эти писаны съ оригинала, составленнаго въ Хиландарскомъ монастырѣ. Приписанный архіепископу Даніилу II «Родословъ» («Животи краљева и архиепископа Српских») обнимаетъ такой періодъ времени, когда уже не жилъ самъ архіепископъ Даніилъ († 1336); такъ, напр., въ этотъ трудъ вошли «Житія» царей и архіепископовъ до 1376 года. Ягичъ поэтому дѣлаетъ очень вѣроятное предположеніе, основанное на данныхъ изъ самихъ этихъ «Житій» [4]), что Даніилъ

---

[1]) «Житіе Даніила II», стр. 367.

[2]) Копія съ этого списка сдѣлана для Румянцевскаго музея и извѣстна подъ именемъ Румянцевскаго списка, который описанъ Востоковымъ («Опис. рукоп. Румянц. музея», стр. 155—158).

[3]) Предисловіе Даничича къ своему изданію, стр. I — II. Кромѣ этихъ списковъ извѣстны слѣдующіе: одинъ Гильфердинга, найденный имъ въ Довольскомъ монастырѣ, и три списка, принадлежавшіе П. I. Шафарику.

[4]) Ягичъ, «Historia kniżev.», стр. 184—5. Мы приведемъ подлинныя свидѣтельства самихъ «Житій», на основаніи которыхъ подтверждается вѣрность предположенія проф. Ягича. Въ «Житіяхъ», писанныхъ самимъ Даніиломъ, имя его, какъ автора, употреблено въ первомъ лицѣ: «и мнѣ грѣшному убо Даніилу, нѣкоторыимь таковыимь подвигомь его таинаповѣстьнику бывьшу». (Даничичъ, «Житіе краля Драгутина», стр. 39), или: «мнѣ сьмѣреному Даніилу даеть се слово... похвалити житие сего светааго» (Евстаѳія арх.) (Ib. стр. 319); въ «Житіи» же самого Даніила и слѣдовавшихъ за нимъ архіепископовъ и патріарховъ мы читаемъ: «сь господинь мои прѣосвештеныи архиепископь кирь Даніилъ» (ib. стр. 329), а составитель этихъ послѣднихъ «Житій» о себѣ говоритъ: «азь грѣшныи и недостоиныи рабь его» (Даніила) (ib.); равно также въ «Житіи» Стефана Дечанскаго

занимался составленіемъ «Житій» до своего поставленія на архіепископскую каѳедру, что̀ случилось, по мнѣнію Ягича [5]), съ 1325 года, такъ что «Житія» Стефана Дечанскаго, Стефана Душана, а равно «Житіе» самого же Даніила и патріарховъ Іоанникія, Саввы и Ефрема, вошедшія въ его «Родословъ», написаны не имъ самимъ, а его продолжателями [6]). Однимъ изъ первыхъ продолжателей труда архіепископа Даніила II былъ его ученикъ [7]), діаконъ Даніилъ, который вполнѣ послѣдовалъ своему учителю въ написаніи «Житій» Стефана Дечанскаго [8]), Стефана Душана, Уроша V и самого Даніила II, а «Житія» Сербскихъ патріарховъ Іоанникія, Саввы и Ефрема писаны опять другимъ лицемъ (игуменомъ Дечанскаго монастыря) и внесены въ трудъ Даніила и его ученика гораздо позднѣе.

«Житія» королей и архіепископовъ, входящія въ составъ «Родослова» архіепископа Даніила, имѣютъ характеръ панегирика, но не дѣйствительно-историческаго очерка. Правда, составитель никогда ничего не измышляетъ отъ себя, но вдается въ крайность, представляя только тѣ хорошія черты, которыя способствуютъ къ большему возвеличенію лица. Потому-то составители такъ щедры

мы читаемъ: «и въ то врѣме сушту вьсеосвештеному епископу Хльмскому кирь Даніилу, о немже указахомь прѣди...»

[5]) Ягичъ, «Histor. kniżev.», стр. 184.

[6]) Мнѣніе Ягича должно быть предпочтено мнѣнію Востокова («Опис. рукоп. Румянц. музея», стр. 157), который полагаетъ, что всѣ «Житія», включительно до «Житія» самаго Даніила II, писаны самимъ Даніиломъ; объясненіе Востокова о томъ, что упоминаніе о Даніилѣ въ 3-мъ лицѣ въ «Житіяхъ», приписываемыхъ ему Востоковымъ, вопреки мнѣнію Ягича, произошло вслѣдствіе передѣлки подлинника кѣмъ нибудь другимъ, можетъ быть принято относительно «Житій» Драгутина и Милутина, въ которыхъ встрѣчаются подобные примѣры, и, пожалуй, относительно «Житія» Стефана Дечанскаго (да и то сомнительно), но никакъ не относительно «Житія» царя Душана.

[7]) Составитель «Житія» архіеп. Даніила II называетъ его своимъ учителемъ (Даничичъ, «Животи», стр. 331).

[8]) «Житіе» Стефана Дечанскаго, составленное мѣстнымъ игуменомъ Григоріемъ Цамблакомъ, представляетъ собою совершенно самостоятельный трудъ, независимый отъ творенія архіепископа Даніила или его ученика. Рачъ, а за нимъ и Рачкій («Kniżev.» II, стр. 224: «Ocjena star. izvora») считали этого Григорія Цамблака продолжателемъ архіепископа Даніила; но Ягичъ («Histor. kniżev.», стр. 188), признавъ полную самостоятельность въ написаніи этого «Житія» Григоріемъ Цамблакомъ, а равно и независимость его отъ «Житія» этого же Стефана Дечанскаго въ «Житіяхъ арх. Даніила II», подрываетъ тѣмъ самымъ гипотезу, признаваемую почти за истину, что Григорій Цамблакъ былъ продолжателемъ труда архіепископа Даніила II. Уже изъ одного заглавія «Житія» Стефана Дечанскаго, писаннаго Григоріемъ Цамблакомъ («Гласник друштва Србске словесности», XI, стр. 43—91), сравнительно съ заглавіемъ «Житія» того же Стефана Дечанскаго въ сборникѣ «Житій» архіепископа Даніила II (стр. 162—214), не говоря о текстѣ,—видно, что каждое изъ нихъ вышло изъ-подъ пера особаго книжника и, вѣроятно, не въ одно время... Игуменъ Дечанскаго монастыря (продолжатель архіепископа Даніила) носилъ другое имя.

на риторическія украшенія и общія мѣста, заимствованныя ими изъ другихъ (Греческихъ) источниковъ. Поставивъ за норму опредѣленія полезной дѣятельности извѣстнаго лица щедрые вклады въ монастыри и церкви, Даніилъ чрезъ это самое характеризуетъ въ своихъ «Житіяхъ» всегда только одну сторону дѣятельности лица — на пользу монастырей, умолчивая обо всемъ, что могло бы представить историческое лице въ дурномъ свѣтѣ. Это всего нагляднѣе видимъ въ «Житіи краля Милутина»: взявъ за мѣрило нравственной добродѣтели наружную набожность, состоявшую въ созиданіи церквей и монастырей и въ надѣленіи ихъ разными надачами, архіепископъ Даніилъ II представилъ его дѣятельность только съ этой стороны, умолчавъ о его разнузданной жизни, о которой свидѣтельствуютъ иностранные источники (напр. Никифоръ Григора).

Эта односторонность Сербскихъ «Житій», благодаря которой описываются только хорошія стороны извѣстнаго лица, повела къ болѣе серьезнымъ недостаткамъ: составители умолчиваютъ и передаютъ невѣрныя свѣдѣнія о такихъ событіяхъ, которыя занесены на страницы иностранныхъ лѣтописей и вѣрно сохранились въ народномъ преданіи. Напримѣръ, о смерти Стефана Дечанскаго составитель его «Житія» говоритъ, что онъ, заключенный сыномъ Душаномъ въ славный городъ Звѣчанъ, умеръ своею смертью [1]) тогда какъ другіе Сербскіе источники свидѣтельствуютъ, что Стефанъ Дечанскій умеръ «удавою отъ сына своего Стефана вь граду Звѣчану» [2]). Сообразно съ этимъ характеромъ труда Даніила — восхвалить королей—самый слогъ и рѣчь преисполнены риторическихъ фразъ, и очень часто совершенно неумѣстныхъ, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующихъ: «христолюбивый сынъ схватилъ своего возлюбленнаго отца и ослѣпилъ».

Сдѣлаемъ маленькое замѣчаніе: какъ слѣдуетъ пользоваться Сербскими «Житіями», входящими въ «Родословъ» архіепископа Даніила II? Сербскія «Житія» заключаютъ нерѣдко очень важныя историческія данныя, къ которымъ нужно относиться съ должнымъ вниманіемъ, но, при пользованіи ими, необходимо также вооружиться предварительно вспомогательною наукою — пасхаліею. Въ Сербскихъ «Житіяхъ» событія непомѣчены годами, но за то отмѣчены число мѣсяца, день недѣльный и, по большей части, праздничный день, въ который или предъ которымъ событіе совершилось. Обративъ вниманіе на эти указанія, можно съ надлежащею

[1]) Даничичъ, «Животи... Житіе Стеф. Дечанскаго», стр. 214.
[2]) Schafarik, «Památky drevn. pisemn. Jugoslov.», стр. 71.

математическою точностью опредѣлить годъ событія. Какъ на образчикъ подобнаго рода, мы укажемъ на одинъ фактъ. Составитель «Житія» Стефана Душана [3]), передаетъ намъ слѣдующее: «сушту убо славьну праздьнику рождьству прѣсветые богородице, и вь навечерии сьтворьше хвальная славословия.... и вь утрѣи же дьнь недѣльныи сьтворьше вьса по законьному уставу», архіепископъ Даніилъ вѣнчалъ Душана въ его дворцѣ Сверчинѣ королевскимъ вѣнцомъ. На основаніи пасхальныхъ вычисленій, г. Руварацъ [4]) нашелъ, что 8-е сентября въ XIV в. пришлось въ воскресенье только въ 1331 и 1336 годахъ. И, затѣмъ, изъ сопоставленія другихъ данныхъ, напримѣръ, что въ 1333 году Стефанъ Душанъ уже сидитъ на королевскомъ престолѣ и раздаетъ «баштины» (такъ, грамотою отъ 1333 г. [5]), уступаетъ Дубровнику Стонъ, Рътъ и Превлакъ и въ грамотѣ отъ 1334 г. 19 мая [6]), онъ уже ссылается на прежнюю грамоту), онъ приходитъ къ заключенію, что должно принять 1331 годъ за годъ вѣнчанія Душана на королевскій престолъ [7]). Подобнымъ образомъ, «Житіе» Душана не опредѣляетъ года мира между Душаномъ и Андроникомъ въ Солуни, а говоритъ только, что миръ былъ заключенъ «подь славьныимъ градомь Солуномь мѣсеца авьгуста вь 26 дьнь, въ петькь дьнемъ» [8]). Г. Руварацъ [9]), при помощи пасхаліи, опредѣлилъ, что втеченіе первыхъ 40 лѣтъ XIV вѣка 26-е августа пришлось въ пятницу только въ 1334 году, и потому, значитъ, миръ этотъ между Душаномъ и Андроникомъ былъ заключенъ въ 1334 году.

Изъ труда архіепископа Даніила II, какъ первоначальнаго источника, проистекли «Сказанія» о житіи Сербскихъ архіепископовъ (въ рукописи XVIII вѣка). Таково «Сказаніе о житіи преосвященихъ архіепископовъ» [10]). «Сказаніе» это писано въ концѣ XVIII в., въ царствованіе Франциска I и Маріи Терезіи, какъ видно изъ словъ самаго же сказанія [11]). Оно содержитъ «Житія» Сербскихъ владыкъ—архіепископовъ отъ св. Саввы до Іоанникія, перваго патріарха; съ него начинаются «Житія» Сербскихъ патріарховъ, которыя доходятъ до времени прекращенія патріаршаго сана въ Сербской Церкви (1765),—и затѣмъ слѣдуютъ «Житія» архіепископовъ и епископовъ

---

[3]) Даничичъ, «Животи краљева и архиепископа», стр. 218—19.
[4]) «Rad. jugoslov. akad.», кн. XIX, стр. 180. «O prvih godin. kralevanja Dušanova».
[5]) Miklosich, «Monumenta Serbica», № LXXXVIII. [6]) Ib. № XC.
[7]) Νιχ. Γρηγορ. «Ῥωμ. Ἱστ.» («Corp. scr. hist. Byz.) lib. XIII.
[8]) Даничичъ, «Животи», стр. 224. [9]) «Rad», кн. XIX, стр. 181.
[10]) «Гласник друштва Србске словесности», кн. VI, стр. 25—87.
[11]) Ib., стр. 47.

въ Австрійскихъ владѣніяхъ, начиная отъ Арсенія Черноевича, Сербскаго патріарха, перешедшаго въ Австрію. Въ этомъ «Сказанія» приведены въ хронологическомъ порядкѣ только имена Сербскихъ владыкъ съ чрезвычайно-краткою ихъ біографіею; свѣдѣнія о Сербскихъ владыкахъ въ самый періодъ паденія Сербскаго государства—со времени князя Лазаря слишкомъ скудны: перечислены одни имена Сербскихъ патріарховъ, безъ всякихъ замѣчаній о времени ихъ дѣятельности. Такого же рода—другое «Сказаніе о архіепискупехь Срьбьскыхь, иже въ Пеки бывшихь» [1]). Здѣсь есть нѣкоторыя данныя для исторіи, которыя, впрочемъ, заимствованы составителемъ этого «Сказанія» изъ «Житія» св. Саввы IV въ сборникѣ «Житій» архіепископа Даніила II [2]).

Въ «Родословѣ» архіепископа Даніила II (по изданію Даничича: «Животи кральева и архіепископа»), не находится «Житіе» Уроша V. Фактъ этотъ не можетъ не показаться страннымъ. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ случилось, что въ «Родословъ» архіепископа Даніила II вошли «Житія» архіепископовъ, жившихъ по смерти Уроша V, а не вошло «Житіе» Сербскаго царя Уроша V, послѣдняго изъ династіи Немани? Патріархъ Паисій, какъ «рачитель ко святымъ», принялъ на себя трудъ составить «Службу» и «Житіе» св. Уроша V, оставленнаго всѣми книжниками въ забвеніи. Въ заглавіи этого «Житія»—«Повѣсть вь кратцѣ благочьстиваго и прѣвисокаго и приснопоминаемаго и храбраго цара Стѣфана и сина его, Уроша младаго цара, и о житіи и о скончани его...... списано мною недостоиным и многогрѣшнимь, иже нѣсьмь достоинь нарѣщи се, архіепископь Паvсеи»—прибавлено авторомъ: «понудихом се начети повѣсть вькратцѣ..... да не забвенію прѣдаши елико постигнути могохомь божіею помощію и светаго» [3]). Не смотря на то, что «Житіе» это было писано Паисіемъ во времена несчастныя, «вь послѣдня врѣмена нуждна и усилна отъ безбожнихъ» [4]), когда, могло статься, и хорошихъ источниковъ нельзя было найти, оно является важнымъ историческимъ памятникомъ. Мы считаемъ невѣрнымъ мнѣніе П. І. Шафарика, составленное имъ, по нашему мнѣнію, послѣ бѣглаго прочтенія этого «Житія царя Уроша», что патріархъ Паисій «durchaus unkritisch» [5]). Изъ ближайшаго изслѣ-

---

[1]) «Гласникъ», кн. XI, стр. 160—165.

[2]) Срв. стр. 162—164 этого «Сказанія» съ «Житіемъ» св. Саввы IV въ Родословѣ Даніила («Животи кральева и архіепископа», стр. 382).

[3]) «Житіе» Царя Уроша V издано въ «Гласникѣ Српск. Учен. Друштва» за 1867 г., св. XXII, стр. 213—232, по рукописи 1642 г. [4]) Ib., стр. 232.

[5]) Мнѣніе П. І. Шафарика склоняется принять и издатель этого «Житія» («Гласн.», XXII, стр. 207).

дованія оказывается совершенно противное. Составителю этого «Житія» Паисію помогло его важное общественное положеніе. Какъ Ипекскій патріархъ [5]), онъ могъ легко воспользоваться важнѣйшими источниками, хранившимися въ библіотекѣ Ипекскаго патріархата. Въ предисловіи къ своему труду патріархъ Паисій дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе объ источникахъ, послужившихъ ему пособіемъ при составленіи этого «Житія»: «поискавь сь вьсакьмь усрьдіемь и подвигомь и едино изобрѣтох вь лѣтопису Срьбскому, а друго въ родослову, и вь хрісовулу Пекскому, еже есть и до дьньсь вь Пекскои Црькви, а ина слышавь оть свѣтопочившихь архіепископь прѣжде нась бывших, понеже и семь велми рачитель бѣхь и имѣх о семь желаніе разумѣти и увѣдети откуду прозебоше Срьблы и по чему» [6]). Изъ указанныхъ самимъ авторомъ источниковъ, нѣкоторые сохранились до нашего времени: Сербскій лѣтописъ этого «Житія» мы понимаемъ не какъ единичную какую нибудь лѣтопись, а какъ общее названіе для извѣстнаго рода Сербскихъ лѣтописей, данное Сербскими книжниками; мы, поэтому, полагаемъ, что составитель «Житія» царя Уроша V имѣлъ подъ руками древнѣйшіе списки Сербской лѣтописи, именно — Копривничскій или Крушедольскій, Сеченичскій и Карловачскій, изъ которыхъ больше всего довѣрился лѣтописи Копривничской [7]). Родословъ, это—«Родословъ» или «Ца-

[5]) Патріархъ Паисій родомъ изъ Задра, ученикъ патріарха Іоанна (предисловіе издателя «Житія», «Гласн.», XXII, стр. 210). До своего поставленія на патріаршую каѳедру, онъ былъ митрополитомъ въ Новобрдѣ (Miklosich, «Monumenta Serbica», № CDLXXXV). По смерти патріарха Іоанна (14 октября 1614) въ Константинополѣ, Паисій былъ избранъ въ патріархи въ томъ же году на соборѣ въ Грачаницѣ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ лѣтопись деспота Юрія II Бранковича: «Tunc ergo collecti seniores magno numero in concilium, quippe omnes mitropolitae et episcopi et clerus et magnates seu vlasteli, et personae nobiles beneque natae non paucae, colligentes se in metropoli Graczanizensi, clegerunt Novobrdensem mitropolitam, cumque fecerunt archiepiscopum seniorem». Несомнѣнно, что это митрополитъ Паисій, имѣвшій свою митрополичью каѳедру въ Новобрдѣ, какъ видно изъ вышеприведенной грамоты. [6]) «Житіе» царя Уроша, XXII, стр. 215.

[7]) Приведемъ два примѣра, изъ которыхъ видно ближайшее сходство «Житія» съ Копривничскою лѣтописью.

Житіе Уроша V.	Копривничская лѣтопись.
(Стеѳанъ Душанъ) по божію изволенію. и жить лѣть на престолѣ 24. прѣстави се дек. 20 (стр. 216 «Житія») въ лѣто 6864 (стр. 227).	(Schafarik, «Pam.», стр. 54). Прѣбывь же похвално и благочьстно коньць постизаеть вь лѣто 6864 декембріа 20 вь недѣлю.
Житіе Уроша.	**Копривничская лѣтопись.**
(Царь Урошь) толикь бѣ въ разумѣ яко дивити се всемь, прѣспеваеть дьнь отъ дьне вь благости и разуме старих сьвѣти не пріемле, младих же сьвѣти дрьже.	Сь же Урошь по истинѣ красньи достодивнь видѣніемь, младь же смыслом, прѣвелиха милостивь и кроткь яви се, старьчьские сьвѣти отмѣще младихь же сьвѣти приемлѣ и любе.

роставникъ», на который такъ часто ссылается Раичъ въ своей «Исторіи разныхъ Словенскихъ народовъ». Изъ сопоставленія «Житія» Уроша съ указанными источниками видно, что составитель патріархъ Паисій отнесся къ своему труду добросовѣстно. Правда, онъ, слѣдуя общему характеру Сербскихъ «Житій», восхваляетъ только царя Уроша, но при этомъ нисколько не погрѣшаетъ противъ исторической истины. Встрѣчаемыя же въ «Житіи» погрѣшности объясняются достоинствомъ тѣхъ источниковъ, которые послужили пособіемъ автору при составленіи этого «Житія». Такъ, убіеніе Уроша V Вукашиномъ «Житіе» относитъ къ 1371 году точно такъ же какъ первоначальный источникъ — Сербскій лѣтописъ, именно Сеченичская лѣтопись [1]).

Житіе Уроша.	Сеченичская лѣтопись.
Бысть по немь (по смерти Душана) младь царь Урошь 17 лѣть и лишають его сего свѣта; и оть толи бысть вь тимени земльнемь, яко быти прѣставленію его вь лѣто 6880.	Вь лѣто 6865 поставляеть се Урошь царемь, и царьствова лѣть 17, вь лѣто 6880 постизаеть коньць царя Уроша мѣсеца декемвріа 2, вь четврьтькь. Вукашинъ и Углеша погибоше вь Македони на Марици, вь петькь, на Іоана Богослова, сентемвріа 26 вь лѣто 6880, тожде лѣто, вь кое Урошь.

Но за то совершенно вѣрно, согласно съ Копривничскою лѣтописью, «Житіе» относитъ смерть Душана къ 20 декабря 1355 года, а не къ 24 декабря, какъ Сеченичская лѣтопись. Послѣ обстоятельнаго вычисленія оказывается, что въ 1355 году воскресенье приходилось 20-го, а не 24-го декабря [2]). Изъ неизвѣстнаго намъ источника Паисій заимствовалъ свѣдѣніе о власти Стефана Душана въ Дубровникѣ и другихъ приморскихъ городахъ: «такожде и поморскіе градови, глаголю же Упаню и Мнѣткь и Дубровникь сь поморскими градови покори подь свою область, яко и дани даяти сему благочьстивому» [3]). Объ убіеніи Уроша V Вукашиномъ «Житіе», сравнительно со всѣми прочими доступными намъ Сербскими источниками, сообщаетъ довольно подробныя свѣ-

Кажущееся различіе этихъ двухъ послѣднихъ мѣстъ въ тонѣ рѣчи объясняется отношеніемъ составителя «Житія» къ описываемому св. Урошу— съ цѣлью представить его въ наилучшемъ свѣтѣ.

[1]) Schafarik, «Památky», стр. 71—2; Копривничская лѣтопись не обозначила года убіенія Уроша V, и потому этотъ пробѣлъ составитель «Житія» восполнилъ заимствованіемъ изъ Сеченичской лѣтописи.

[2]) При этомъ мы употребили самый простѣйшій способъ, сообщенный Н. И. Чернышевымъ въ «Русской Старинѣ» за 1873 годъ, мѣсяцъ іюль.

[3]) «Житіе Уроша», стр. 216.

дѣнія. Если вѣрно будетъ, что «Житіе» Уроша V впервые составлено патріархомъ Паисіемъ, то оказывается, что, при написаніи этого «Житія», авторъ воспользовался живымъ народнымъ преданіемъ, записаннымъ, быть можетъ, имъ самимъ въ области самой Неродимли, гдѣ произошло убіеніе Уроша V, жители которой, по свидѣтельству А. Θ. Гильфердинга [4]), до сихъ поръ помнятъ это роковое для Сербскаго народа преступленіе, какъ чисто-историческое событіе. Равно также болѣе подробный разсказъ въ «Житіи» Уроша о пораженіи Вукашина Турками на рѣкѣ Марицѣ, объясняемое ни чѣмъ инымъ, какъ только тѣмъ, что патріархъ Паисій въ основу своего разсказа положилъ народное преданіе. Замѣчательно здѣсь удивительное сходство съ повѣствованіемъ Турецкихъ лѣтописцевъ—Нешри, Сеадеддина и другихъ [5]). Но никто, конечно, не станетъ утверждать, что патріархъ Паисій воспользовался Турецкими источниками. Здѣсь мы находимъ, напримѣръ, свѣдѣнія, что, наканунѣ битвы (1371), Сербскіе воины провели время въ пьянствѣ, чрезъ что произошелъ полный безпорядокъ въ Сербскомъ лагерѣ; этимъ воспользовались Турки и поразили Сербовъ на-голову. Одно только отличіе, происшедшее вслѣдствіе самолюбія Сербскаго народа: самолюбіе сербскаго народа передало народному преданію фактъ, неподтверждаемый Турецкими источниками о прибытіи въ станъ Сербскій Турецкихъ пословъ съ предложеніемъ отъ султана—давать Сербамъ опредѣленную дань, только бы они дозволили ему остаться на Европейской территоріи [6]). Пришедшіе послы нашли все Сербское войско въ спящемъ положеніи и въ полномъ безпорядкѣ; немедля они возращаются въ свой станъ, и тотчасъ Турецкій отрядъ въ 4,500 воиновъ [7]) сдѣлалъ нападеніе на врага и привелъ въ такое замѣшательство, что Сербскіе соратники убивали другъ друга и потерпѣли совершенное пораженіе.

Въ концѣ «Житія» присоединены свѣдѣнія о мощахъ св. Уроша и о перенесеніи ихъ.

Похвальный слогъ Сербскихъ «Житій» еще сильнѣе сказался

---

[4]) А. Θ. Гильфердингъ, III: «Боснія, Герцеговина и Старая Сербія», стр. 157.

[5]) Врличъ, «Извори Српске повjестнице из Турскиjех споменика», св. I., 1857 года. [6]) «Житіе» цара Уроша, XXII, стр. 224.

[7]) Здѣсь сказалось заимствованіе составителя «Житія» изъ Карловачской лѣтописи.

Карловачская лѣтопись.	Житіе Уроша, гл. XXII, стр. 225.
Аще не бы божіи судь, како могли быше. 4 тысуще 70 одолѣти.	Аще не би Господь попустиль, како бы могли 4 тысуще и ф (500) вои одолѣти седмь десетимь?

въ «Похвальныхъ Словахъ», произносимыхъ въ честь святыхъ Сербскихъ государей. Князь Лазарь, павшій на Косовомъ полѣ, былъ причисленъ Сербскою церковью къ лику святыхъ, и его святое дѣло—борьба противъ Турокъ—больше всего было предметомъ подобныхъ поученій. Къ намъ дошло нѣсколько такихъ «Похвальныхъ Словъ»:

1) «Похвала кнезу Лазару» [1]), въ рукописи конца XIV или начала XV в., какъ полагаетъ издатель Даничичъ. Это произведеніе не представляетъ никакихъ историческихъ данныхъ. Авторъ его, взявъ за исходную точку бой христіанъ съ мусульманами, постоянно вращается около нея, не сообщая ни одного историческаго факта. Все «Похвальное Слово» состоитъ изъ однѣхъ фразъ, заимствованныхъ изъ библейской исторіи, которыми авторъ восхваляетъ мученика Лазаря, и обращается къ нему съ умилительною молитвою о помощи противъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ. Будучи плодомъ восторженной души Сербскаго книжника, а не спокойно размышляющаго ума о святости дѣла мученика, произведеніе это обставлено однѣми только пустыми фразами, изъ которыхъ ни историкъ, ни филологъ не могутъ извлечь никакихъ данныхъ.

2) Слово «о блаженнѣмь и присно поминаемѣмь кнезе Лазаре, и съ нимь избіенныхь православныихь оть нечьстивихь Агарень и оть чести житіа его въспомѣнутія и о страданіи его и мощеи прѣнесеніе», въ рукописи XVII в., издано проф. Вукомановичемъ [2]). Изъ столь подробнаго заглавія этого произведенія можно бы полагать, что въ немъ мы найдемъ много историческихъ данныхъ; но на самомъ дѣлѣ здѣсь только одни общія мѣста, которыми восхваляется мученикъ Лазарь. Изложеніе полно оборотовъ, сильно дѣйствующихъ на воображеніе и совѣсть слушателей. Цѣль этого «Слова» видна изъ слѣдующаго выраженія: «едва бо аще и многые и великые нась повѣсти воздвигнути могуть къ житіа исправленію и прѣдлагаеть се убо намь слово прочитающіихъ ради ползи, а не мужа ради похвалы» [3]). Неудивительно поэтому, что при такомъ назначеніи подобныхъ «Словъ», они мало представляютъ историческихъ данныхъ. Проповѣдники выставляли на видъ только то, что могло сильнѣе подѣйствовать на слушателей и склонить ихъ къ раскаянію; они, поэтому, предпочитали разглагольствованія въ самыхъ изысканныхъ фразахъ фактическому пересказу подви-

[1]) Издана въ «Гласникѣ», XIII, стр 354—368.
[2]) «Гласникъ», XI, стр. 108—118. [3]) Ib. стр. 109.

говъ Лазаря, которые въ равной мѣрѣ, если не больше, могли бы пробудить въ слушателяхъ раскаяніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и энергію въ борьбѣ съ невѣрными. Но энергія не угасала въ Сербскомъ народѣ, будучи поддерживаема разсказами очевидцевъ и пѣснями народныхъ пѣвцовъ; духовенство же старалось вліять только на нравственность народа. Поэтому-то составители такихъ «Словъ» избѣгали точнаго обозначенія событій: «ихъ же ныня оставляем слова ради съкращеніа» [4]), а между тѣмъ вдавались въ пустыя разглагольствованія; даже само названіе Косова-поля, мѣста несчастной катастрофы, не упомянуто, а говорится только, «на нѣкоемь зѣло велицѣ поли» [5]).

3) Рѣзко отличается отъ этихъ «Похвальныхъ Словъ» — «Похвала кнезу Лазару», вышитая Евѳиміею [6]), вдовою Углеши Мрнявчевича на покровѣ мученика Лазаря [7]). По мнѣнію Даничича, это произведеніе—очень важный памятникъ Сербской письменности. «Похвала» эта далеко оставляетъ за собою «Похвальныя Слова», указанныя выше; вмѣсто пустыхъ разглагольствованій, свидѣтельствующихъ только о начитанности ихъ составителей-священниковъ въ библейскихъ книгахъ, Евѳимія въ своей «Похвалѣ» выразила вѣру въ непреложность судебъ Божіихъ, и потому обращается къ своему мученику съ молитвою о помощи оставшимся въ живыхъ, послѣ роковаго пораженія, его сыновьямъ Стефану и Вуку и всѣмъ людямъ, выражая тѣмъ надежду или, лучше сказать, незаглохшую еще въ народѣ мысль о возможности возстановленія прежняго величія Сербскаго государства.

«Житіе кнеза Лазаря», входящее въ составъ одной рукописи, въ которой вмѣстѣ съ «Правилами Юрію Кратовцу» помѣщено «Послѣдованіе вь паметь сзетаго и блаженаго кнеза Лазара, бывшаго самодрьжца вьсее Срьбьскые земле», издано Стояномъ Новаковичемъ въ «Гласникѣ Друштва Србске Словесности», кн. XXI, за 1867 г. [8]). Новаковичъ относитъ написаніе этого «Житія» къ

[4]) Слова этого «Похвальнаго Слова». [5]) Тоже.

[6]) Востоковъ («Опис. рукоп. Румянцев. муз.» стр. 148) невѣрно приписываетъ это произведеніе Милицѣ, вдовѣ Лазаря.

[7]) «Похвала» эта помѣщена въ «Památkah» Шафарика (стр. 127—8),— издана Даничичемъ въ «Гласникѣ», IX, стр. 185, по Кипріановой рукописи, которая содержитъ «Правила кнезу Лазарю и св. Ромилу», и въ составъ ихъ внесены также «Житіе Лазаря» и «Похвала» ему же, сдѣланная Евѳиміею. «Похвала» по рукописи Кипріановой сходна съ «Похвалою», помѣщенною въ «Památkah» Шафарика, какъ видно изъ сравненія ихъ Даничичемъ «Гласникъ», IX). Похвала, вышитая Евѳиміею, приведена также у Гильфердинга («Боснія, Герцеговина и Старая Сербія». ч. III, стр. 196—7).

[8]) «Гласникъ», XXI, стр. 159—164.

концу XIV в., вскорѣ послѣ Косовской битвы. «Житіе» это совершенно сходно съ «Житіемъ» того-же князя въ Кипріяновой рукописи, изданной въ извлеченіяхъ въ «Гласникѣ», за 1857 годъ, (св. IX), какъ это можемъ заключать на основаніи тѣхъ нѣкоторыхъ различій этого «Житія» по послѣдней рукописи отъ «Житія», помѣщеннаго въ книгѣ «Правила молебная святыхъ Сербскихъ просвѣтителей» (Москва, 1865); приведенныя различія этого «Житія» въ «Гласникѣ» (св. IX) находятся въ «Житіи», изданномъ въ XXI кн. «Гласника» (стр. 248). Это «Житіе» не преисполнено пустыми фразами тѣхъ «Похвальныхъ Словъ», о которыхъ мы выше сказали, а представляетъ вкратцѣ всю жизнь князя Лазаря, хотя и односторонне представлена только хорошая сторона его дѣятельности—постройки церквей и монастырей и трагическая кончина его на Косовѣ за интересы народности и христіанской вѣры. Иначе и не могъ писать составитель этого «Житія», когда князь Лазарь былъ уже тогда признанъ святымъ; лицу святому приписывается и дѣятельность чисто на пользу вѣры и мученическая смерть, чтò въ «Житіи» и представлено. «Житіе» это писано вскорѣ послѣ смерти князя Лазаря и несчастной катастрофы, когда въ народѣ были еще свѣжи воспоминанія: здѣсь и рѣзня на Косовомъ полѣ, и убіеніе князя Лазаря, и самый день битвы представлены близко къ исторической истинѣ.

«Житіе деспота Стефана Лазаревича» издано проф. Янкомъ Шафарикомъ въ «Гласникѣ», за 1870 г. (св. XXVIII, стр. 366—428), по рукописи, уступленной проф. Григоровичемъ библіотекѣ Одесскаго университета. Изъ краткаго предисловія Шафарика мы узнаёмъ, что рукопись эта представляетъ собою сборникъ разныхъ «Житій» и «Похвальныхъ Словъ». Въ числѣ ихъ находится и «Житіе деспота Стефана Лазаревича». Имя составителя изъ текста самаго «Житія» не обнаруживается: мы только узнаёмъ, что оно писано, спустя четыре года по смерти деспота Стефана, слѣдовательно въ 1431 году, и писано по повелѣнію патріарха Никона и другихъ вліятельныхъ особъ: «Бысть повелѣніе аще и выше нашеа крѣпости въспріахомъ отъ всесветѣишаго патріарха кирь Никона...... еще же и оть воеводы силѣ и прочіихъ избраныихъ»,—и затѣмъ дальше говоритъ: «вь четвртое лѣто къ господу отшествіа его тому самому...., подщахомь ся назнаменати» [1]). Имя составителя этого «Житія» открывается изъ Карловачской лѣтописи

[1]) «Гласникъ», XXVIII, стр. 427.

въ которой онъ названъ Константиномъ Философомъ [2]). Все «Житіе» состоитъ изъ двухъ частей: вступленія, состоящаго изъ 14 главъ, и самаго «Житія» изъ 102 главъ. Составитель, Константинъ Философъ, обнаруживаетъ большую начитанность. Въ своемъ вступленіи къ «Житію» онъ цитуетъ Θукидида, Аристотеля, Платона [3]), Гомера [4]) и др.; обнаруживаетъ знаніе исторіи, напримѣръ, объ Александрѣ Македонскомъ [5]), пользуется также грамотами, или, быть можетъ, сочиненіями самого Стефана Лазаревича [6]). Переходя къ изложенію исторіи деспота Стефана, составитель представляетъ сначала описаніе Сербской земли «по писаніихъ землѣмѣріа» [7]): говоритъ о воздухѣ (климатѣ), почвѣ и ея производительности, рѣкахъ, животныхъ и, наконецъ, о людяхъ, населяющихъ эту благодатную страну [8]), при этомъ онъ представляетъ краткую характеристику Сербской народности: «Сербы послушны...., милостивы, дружественны, почтительны къ старшимъ, другъ друга болша себе творяще, чьстию господа нарицающе откровенною главою, якоже древле и нинѣ въ южныхъ странахъ» [9]). Изложивъ вкратцѣ первоначальную исторію Турокъ и ихъ появленія въ Европѣ, составитель переходитъ къ изложенію Косовской битвы [10]), о которой вкратцѣ сообщаетъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія, отмѣтивъ главнѣйшіе моменты несчастной катастрофы; изъ дѣятельности Лазаря отмѣчаетъ построеніе имъ города Крушевца [11]). Съ 23-й главы составитель переходитъ къ описанію дѣятельности деспота Стефана Лазаревича: здѣсь мы находимъ много интересныхъ подробностей, которыхъ нельзя не счесть вѣрными, зная, что передаетъ эти свѣдѣнія писатель-очевидецъ, человѣкъ образованный, начитанный, Таково, напримѣръ, свѣдѣніе, что султанъ Баязетъ давалъ совѣтъ Стефану остаться вѣрнымъ ему до его смерти, и затѣмъ, по его смерти, употребить всѣ свои усилія противъ Турецкой силы, когда въ средѣ его наслѣдниковъ начнутся междоусобія [12]); или другое подобнаго-же рода свѣдѣніе, что султанъ Мехеметъ требовалъ со-

---

[2]) Schafarik, «Památky drevn. pisemn. Jihoslov.», изд. II, 1873, стр. 63: «Житіе же (Стефана) все по реду написует се Константинь Философомь по многе умоления синклить». [3]) «Гласн.», XVIII, стр. 372. [4]) Ib. стр. 403 и 55. [5]) Ib. стр. 388, и 27.

[6]) Ib. стр. 395. Говоря, что Стефанъ Лазаревичъ, послѣ Анкирской битвы, освободился отъ Турецкаго порабощенія, составитель «Житія» прибавляетъ: «Яко же и самь (Стефанъ) пишеть: еже отъ Косова порабощен быхь Исмаилитскому языку». Карловачская лѣтопись (Schafar., «Památky», стр. 62) тоже свидѣтельствуетъ, что деспотъ Стефанъ самъ лично занимался литературою: «многа писаніа превѣдѣ от Грьчьскыихь писаніи, паче инѣхь прѣжде бывшихь того». [7]) Ib. стр. 372. [8]) Ib. стр. 372—376 [9]) Ib. стр. 376. [10]) Ib. 382—85 (гл. 19). [11]) Ib., глава 21. [12]) «Гласникъ», XXVIII, стр. 392, гл. 31.

вѣта у деспота Стефана [1]; или свидѣтельство, что деспотъ Стефанъ пользовался уваженіемъ у западныхъ государей [2]. Подробнѣе говоритъ «Житіе» объ участи Стефана въ походахъ Баязета на Мирчу, воеводу Валахіи, и Босну [3]. Согласно съ Византійскими и Венгерскими источниками, «Житіе» передаетъ довольно подробныя свѣдѣнія о Тамерланѣ и его судьбѣ [4], о битвѣ у Никополя [5], о смутахъ въ средѣ Турокъ, о возстановленіи Бѣлграда [6]; вѣрно назначаетъ годъ смерти Милицы († 1405), какъ подтверждаетъ это и грамота въ сборникѣ Миклошича [7]. Однимъ словомъ, составитель, Константинъ Философъ, представляетъ намъ не «Похвальное житіе» св. Стефана, а можно сказать, критическую исторію своего времени, къ которой и мы теперь можемъ отнестись съ полнымъ довѣріемъ, особенно, когда видимъ, что многія свидѣтельства этого «Житія» подтверждаются показаніями Византійскихъ лѣтописцевъ: (Дука, Франца и Халкондилъ), которые писали позже Константина Философа, а также надписями и грамотами. Составитель не ограничивается одною личною судьбою деспота Стефана, а говоритъ о ней въ связи съ исторіей тѣхъ народовъ, съ которыми Сербское государство было въ сношеніяхъ; равно также въ немъ представлена отчасти жизнь и дѣятельность всего народа, а не однихъ только Сербскихъ государей: здѣсь мы встрѣчаемъ имена некоронованныхъ особъ — бояръ — Николы Зоика, Новака Бѣлоцерковника [8].

Имѣя предъ собою столь важный и интересный памятникъ древне-Сербской письменности, мы вправѣ счесть сужденіе А. Ѳ. Гильфердинга [9] о Сербской письменности не вполнѣ основательнымъ, такъ какъ оно опирается на случай частный и не представляетъ общаго характера. И «Житіе» это—не единственный памятникъ такого рода. Обратимъ наше вниманіе на другія произведенія, входящія въ составъ той-же Одесской рукописи, гдѣ находимъ, что на такой-же ладъ передѣлано и «Похвальное Житіе» св. Саввы, писанное Доментіаномъ. Въ Одесской рукописи это «Житіе» значительно сокращено—всего лишь 44 листа крупнаго письма; между тѣмъ какъ полное «Житіе», писанное Доментіаномъ, имѣетъ 109

[1]) Ib., стр. 423, гл. 80. [2]) Ib. [3]) Ib. гл. 32 и 34. [4]) Ib. гл. 39. [5]) Ib., гл. 36. [6]) Ib. стр. 407, гл. 51.

[7]) Miklosich, «Monumenta Serbica», № CCXLIX.

[8]) «Гласн.» XXVIII, стр. 389. Эти бояре замыслили недоброе дѣло противъ Стефана Лазаревича и наклеветали на него предъ султаномъ Баязетомъ.

[9]) Гильфердингъ («Боснія, Герцеговина и Старая Сербія», III, стр. 194) высказалъ мнѣніе о Сербской письменности, что она не имѣетъ никакого значенія для исторіи.

листовъ: въ «Житіи» по Одесской рукописи мы находимъ собранными только историческіе факты, а всѣ риторическія фразы, восхваленія и сравненія опущены. Не безъ достоинствъ критико-историческаго сочиненія и «Краткое жизнеописаніе Лазаря», изданное въ «Гласникѣ» (св. XXI, за 1867 г.). Оба эти памятника писаны въ XV в. [10]), и потому могутъ служить доказательствомъ, что въ Сербской литературѣ XV в. началъ возникать новый періодъ, приближавшійся къ требованіямъ исторической науки новыхъ временъ [11]).

«Житія» и «Похвальныя Слова» послужили главнымъ источникомъ для составленія Сербскихъ лѣтописей.

Πρωτότυπον Сербской лѣтописи обыкновенно распадается на два совершенно отличные другъ отъ друга отдѣла: общій, въ которомъ излагается общая повѣсть отъ Адама до Немани, основателя Сербскаго государства, и собственно-Сербскій отдѣлъ—отъ Стефана Немани [12]). Изъ дошедшихъ до насъ лѣтописей, однѣ имѣютъ болѣе пространный общій отдѣлъ, другіе болѣе сокращенный, а иные, оставивъ совсѣмъ общую часть, прямо начинаютъ разсказъ изъ Сербской исторіи: чѣмъ древнѣе лѣтопись, тѣмъ обширнѣе общій отдѣлъ. Источникомъ для общей части послужили хроники Малалы, Іоанна Зонары и Константина Манассіи, которыхъ Славянскіе переводы съ ранняго времени вращались въ средѣ Сербскихъ книжниковъ. Сербскіе лѣтописцы выписали изъ этихъ Византійскихъ лѣтописей свѣдѣнія, касавшіяся исторіи Римлянъ, Грековъ и древнихъ библейскихъ народовъ, но не съумѣли привести въ связь съ нею древнюю исторію своего народа, въ періодъ до Немани. Общій отдѣлъ Сербскихъ лѣтописей, какъ компиляція, не имѣетъ ни какого значенія для исторіи, ибо свѣдѣнія въ немъ сведены безъ всякой связи и плана, что̀ можетъ служить только

---

[10]) По палеографическимъ даннымъ Одесской рукописи видно, что она писана, какъ полагаетъ Янко Шафарикъ, во второй половинѣ XV вѣка.

[11]) Впрочемъ, составитель Константинъ Философъ не вознесся надъ всѣми ошибками прочихъ Сербскихъ источниковъ, которые, напр., родъ Сербскаго жупана Немани выводятъ отъ Константина Великаго чрезъ посредствующее звено Ликинія («Житіе», стр. 379—80, гл. 14 и 15).

[12]) Фактъ, что Сербскіе лѣтописцы начинаютъ свою исторію со Стефана Немани, оставляя въ забвеніи періодъ до Немани, А. Ѳ. Гильфердингъ объясняетъ вліяніемъ строгаго православія Сербскихъ лѣтописцевъ, которые считали Неманю основателемъ православія и искоренителемъ ереси, бывшей до него; вслѣдствіе того они прежній періодъ, какъ періодъ языческаго состоянія, оставили въ сторонѣ и начали свою повѣсть съ Немани, о которомъ говорятъ, что онъ «новыи мироточьць, утврьдивь православіе, потрѣбивь ереси своего отьчьства Срьбскые земле» (Schafarik, «Pam.», Карловачская лѣтопись, стр. 51).

доказательствомъ того, на какой низкой степени развитія стояла исторіографія въ Сербскомъ государствѣ въ средніе вѣка. Благодаря этому-же неразвитію исторической науки въ Сербіи, составилась та нелѣпая родословная Немани отъ Константина Великаго, которою каждый лѣтописецъ начинаетъ свою лѣтопись. Неманю считаютъ они внукомъ Бѣло-Уроша, который, по свидѣтельству Троношской лѣтописи [1]), былъ утвержденъ Конрадомъ I Французскимъ (911—18), въ достоинствѣ жупана надъ Захлуміей, Травуніей, Дубровникомъ, Далмаціей и Зетою; слѣдовательно, Бѣло-Урошъ долженъ былъ жить въ X вѣкѣ; самъ же Неманя родился въ 1114 году, такъ-что отъ Бѣло-Уроша до Немани прошло почти два столѣтія, и въ этотъ промежутокъ времени смѣнилось только три поколѣнія! Само собою понятно, что это неправдоподобно.

Источникомъ для этой послѣдней части Сербской лѣтописи послужили «Житія» Сербскихъ королей и владыкъ, именно—въ описаніи событій до времени правленія деспота Юрія Г Бранковича, а съ этого времени источникомъ служили разсказы современниковъ, которые, быть можетъ, заносимы были на страницы лѣтописи вскорѣ послѣ совершенія событія. Довольно вѣрное и подробное, сравнительно, повѣствованіе о событіяхъ изъ періода Бранковичей говоритъ въ пользу этого предположенія.

Одни изъ лѣтописцевъ заимствовали больше, другіе меньше изъ этихъ «Житій» и, помѣтивъ заимствованныя эти свѣдѣнія годами, они тѣмъ исполнили свою работу. Первымъ плодомъ этой работы, мы полагаемъ, была Копривничская или Крушедольская лѣтопись. Чѣмъ древнѣе лѣтопись, тѣмъ яснѣе видны въ ней заимствованія изъ «Житій». Самыя древнія по времени написанія Сербскія лѣтописи—Копривничская (въ спискѣ 1453 г.) и Сеченичская (въ спискѣ 1501 г.), можемъ сказать рѣшительно, прямо и непосредственно произошли изъ Сербскихъ «Житій», тогда какъ другія источниками своими могли имѣть уже готовыя древнѣйшія Сербскія лѣтописи. Мнѣніе свое мы постараемся подтвердить данными изъ этихъ же лѣтописей. Однимъ изъ самыхъ главныхъ доказательствъ тому можетъ служить фактъ, что только въ этихъ двухъ лѣтописяхъ, какъ и въ Сербскихъ «Житіяхъ», находятся еще остатки помѣтокъ событій не только годами и числами мѣсяца, но и недѣльными днями. Такъ, въ Копривничской лѣтописи о смерти царя Стефана Душана читаемъ: «прѣбывь же похвално и благочьстно коньць постизаеть вь лѣто 6864 =1355 декемвріа

[1]) «Гласникъ», св. V, стр. 25.

.20. (*вѣрно*) въ недѣлю» [2]), а въ лѣтописи Сеченичской: «постиже его коньць въ лѣто 6864 = 1355 декемвріа 24, (*невѣрно*) въ недѣлю [3]); или о битвѣ на рѣкѣ Марицѣ въ Копривничской лѣтописи читаемъ: «въ лѣто 6879=1371 погибе Влькашинь и Углеша въ Македоніи вь петькь дьнемь» [4]), а въ лѣтописи Сеченичской: «сіи же безаконии Вльканшинь и Углеша, погыбоше въ Македони на Марици, въ пьтькь, на Іоана Богослова, септемвріа 26. (*вѣрно*) вь лѣто 6880=1371, тождe лѣто, вь кое Урошь» [5]); о смерти Уроша V въ Сеченичской лѣтописи нѣсколько выше читаемъ: «вь лѣто 6880=1371 постизаеть коньць цара Уроша мѣсеца декемвріа 2, (*невѣрно*), вь четврьтькь» [6]); о смерти деспота Юрія I Бранковича въ Сеченичской лѣтописи читаемъ: вь «лѣто 6965=1456 скончa се деспоть Гюргь, декемвріа. 24. (*вѣрно*) вь петькь» [7]); о смерти сына его Лазаря: «вь лѣто 6966=1458 скончa се сынь его деспоть Лазарь, генвара. 22. (*невѣрно*) вь четврьткь» [8]), а на страницѣ 79-й вѣрно: «1458 кончa се деспоть Лазарь генвара. 20. вь петькь». Подобныхъ примѣровъ можно много привесть изъ Сеченичской лѣтописи. Степень вѣрности мы опредѣляли по самому простѣйшему способу, сообщенному г. Черухинымъ въ «Русской Старинѣ» (1873, іюль).

Выше мы сказали о степени важности этихъ помѣтокъ недѣльными днями. Интересно было бы, при пособіи пасхаліи, сравнить всѣ годовыя помѣтки въ лѣтописяхъ съ числовыми помѣтками «Житій». Чрезъ это, сами собою, могли бы разрѣшиться противорѣчія относительно года и числа, столь нерѣдкія въ Сербскихъ лѣтописяхъ.

Сербскія лѣтописи дѣлятся на собственно-лѣтописи и хронографы. Первыя, въ свою очередь, могутъ быть раздѣлены на лѣтописи, представляющія только лишь родословныя росписи Сербскихъ государей, и на лѣтописи, повѣствующія о событіяхъ, касающихся всего народа. Составители лѣтописей перваго подраздѣленія избѣгаютъ, поэтому, всякого описанія событій, касающихся интересовъ цѣлаго народа: занесеніе событій погодно на страницы лѣтописи—не ихъ дѣло; они имѣютъ въ виду представить только въ порядкѣ имена Сербскихъ государей, ихъ взаимныя родственныя отношенія, затѣмъ представить ихъ благочестивыя дѣйствія, т. е. постройки церквей и монастырей. Можно предполагать, что они имѣли особенное назначеніе: быть можетъ, какъ книги благо-

[2]) Schafarik, «Památky», стр. 54. [3]) Ib. стр. 71. [4]) Ib. стр. 54. [5]) Ib. стр. 72. [6]) Ib. стр. 71. [7]) Ib. стр. 73. [8]) Schafarik, стр. 73.

честиваго содержанія, для назиданія вѣрныхъ. Составители такихъ лѣтописей или, вѣрнѣе, сказаній (большею частью, вѣроятно, духовныя лица), представляли только то, что имѣло ясную назидательность, въ смыслѣ христіанскаго благочестія, и потому оставили въ сторонѣ погодную запись событій и нерѣдко—даже упоминаніе о самыхъ событіяхъ. Слѣдующія слова Карловачской лѣтописи [1]) могутъ служить тому доказательствомъ: «яже (т. е. житія Стефана Лазаревича) мы не довлѣемь къ повѣсти тьчію оть чьсти вьспомѣнухомь, дльготы словь убѣжавше, якоже от нѣкие пучины ужасни краи вьзехомь, да не потопленіе ума подимѣмь»; между тѣмъ это «Житіе» представляетъ собою единственный памятникъ средневѣковой Сербской письменности, къ которому можно отнестись съ полнымъ довѣріемъ, какъ объ этомъ мы сказали выше.

Однако, замѣтить слѣдуетъ, эти сказанія составляютъ самый вѣрный источникъ для исторіи собственно-Сербскихъ государей. Составители такихъ сказаній или лѣтописей самымъ тщательнымъ образомъ собрали всѣ свѣдѣнія, разбросанныя въ «Житіяхъ» относительно судебъ Сербскихъ государей и вѣрно обозначили годами. Къ лѣтописямъ такого рода мы относимъ лѣтописи: Копривничскую или Крушедольскую (въ спискѣ 1453 года) и Карловачскую (въ спискѣ 1503 г.). Содержаніе этихъ лѣтописей говоритъ въ пользу этого мнѣнія. Но, по преимуществу мы признаёмъ это за лѣтописью Копривничскою, какъ самою древнею. Въ доказательство приведемъ, для образчика, хоть слѣдующій примѣръ: лѣтопись эта, одна изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ Сербскихъ лѣтописей, относитъ вѣрно, согласно съ «Житіемъ», вступленіе Стефана Душана на Сербскій престолъ—къ 1331 году, а не къ 1336-му, какъ свидѣтельствуютъ всѣ прочія Сербскія лѣтописи. Хотя прямо лѣтопись этого и не говоритъ, но можемъ заключать изъ вѣрнаго обозначенія года смерти Стефана Дечанскаго, отца Душанова [2]). Строго выполняя поставленную цѣль — представить только родословную Сербскихъ Неманичей, лѣтопись эта совмѣщаетъ въ себѣ только тѣ факты, которые прямо относятся къ судьбѣ потомковъ Немани. Такъ, желая представить законченную повѣсть о судьбѣ дома Немани, прекратившагося въ Сербіи со смертью Уроша V, составитель лѣтописи присовокупляетъ свѣдѣнія о судьбѣ послѣд-

[1]) Schafarik. «Památky drevniho pisemnictvi Jihoslovanuv, 1873 года изд. II. V Praze: «Okázky občanskeho pisemnictvi», стр. 63.

[2]) Schafarik, «Památky», стр. 53. Стефанъ Дечанскій «постизает же кончину оть сына своего сьмрьтію мучьничьскою вь лѣто 6840 = 1331, и сь мученикы равночьстіе получи».

нихъ Неманичей и въ предѣлахъ Греческихъ: утвердившійся въ г. Трикалѣ (въ Өессаліи) родной братъ царя Стефана Душана Синиша (Симеонъ) оставилъ по смерти своей двухъ сыновей, о несчастной судьбѣ которыхъ одна только Копривничская лѣтопись сообщаетъ, что они были изгнаны изъ отцовскаго владѣнія и скитались по чужимъ краямъ [3]). Это послѣднее свѣдѣніе переноситъ насъ къ концу XIV в., ибо изъ исторіи знаемъ, что сыновья Синиши лишены отцовскаго наслѣдства въ 1396 г. [4]). Принявъ во вниманіе этотъ фактъ, не можетъ не показаться страннымъ, почему составитель этой лѣтописи не упомянулъ о Косовской битвѣ (1389 г.). Приходится принять, или что дошедшая до нашего времени Копривничская лѣтопись представляетъ только лишь копію первоначальнаго подлинника, къ которому переписчикъ прибавилъ свѣдѣніе о судьбѣ сыновей Синиши, или что составитель этой лѣтописи имѣлъ въ виду выполнить только предначертанную себѣ цѣль— представить родословную Сербскихъ государей изъ рода Стефана Немани. Мы склоняемся больше ко второму предположенію.

Копривничская или Крушедольская лѣтопись, самая древняя, хранится нынѣ въ Крушедольскомъ монастырѣ, переписана П. I. Шафарикомъ и издана имъ въ «Изборѣ юго-Славянскыхъ достопамятности» [5]), писалъ эту лѣтопись дьяконъ Демьянъ, по повелѣнію Зетскаго епископа Іосифа; она обнимаетъ періодъ времени отъ великаго жупана Степана Немани до смерти краля Вукашина (1371). Самый наглядный примѣръ того, что Сербскіе лѣтописцы пользовались «Житіями» при составленіи своихъ лѣтописей, представляетъ Карловачская лѣтопись. Въ этой послѣдней мы находимъ упоминаніе о «Житіи» деспота Стефана Лазаревича, писанномъ Константиномъ Философомъ [6]), что̀ доказываетъ, что это произведеніе было подъ руками у составителя Карловачской лѣтописи.

Довольно подробное, сравнительно, и вѣрное описаніе событій изъ послѣдняго времени владѣнія Сербскихъ государей (деспотовъ) служитъ доказательствомъ, что лѣтопись эта, по времени своего написанія, относится къ концу XV в.; сохранилась она въ спискѣ

[3]) Ibid.: «Симеонъ роди сына два, иже и дьньсь видимы суть, обаче по нашихь грѣсѣхь кромѣ своего отьчьства оземльствовани быше, вьзырающе сь нами на благоутробіе вьседрьжителя Бога, могущаго и отъ камени Ісраилю нашему курь Сімеону чеда вьздвигнути».

[4]) Въ приготовляемомъ нами къ печати трудѣ «Паденіе Сербскаго Царства по сказаніямъ иностранцевъ и пѣснямъ Сербовъ и Болгаръ» мы касаемся этого событія.

[5]) Schafarik, «Památky», стр. 51—54. [6]) Ibid., стр. 63

1503 г. Можно предполагать, что составитель этой лѣтописи былъ родомъ изъ Срема и даже можно согласиться съ мнѣніемъ П. І. Шафарика, что написаніе ея принадлежитъ епископу Максиму (Бранковичу) [1]). Въ потвержденіе мнѣнія П. І. Шафарика приведемъ слѣдующее свидѣтельство этой же лѣтописи: говоря о церкви, созданной Стефаномъ Душаномъ, анонимный лѣтописецъ прибавляетъ: «и такова доброта грѣхъ ради моихъ близь есть разореніа» [2]). Подобныя слова могъ, кажется, сказать только человѣкъ, близко стоявшій къ управленію Сербскимъ государствомъ, заинтересованный судьбою потомковъ своихъ предковъ—Неманичей.

Не имѣя возможности пользоваться полнымъ изданіемъ каждой Сербской лѣтописи, мы должны были ограничиться извлеченіями изъ восьми лѣтописей, сдѣланными П. І. Шафарикомъ. Почтенный славистъ прекрасно ихъ сопоставилъ и издалъ въ «Изборѣ юго-Словянскыхъ достопамятностій» [3]). Взявъ за основу текстъ лѣтописей Сѣченичской, Рачской и Магарашевича, Шафарикъ сравнилъ текстъ всѣхъ прочихъ лѣтописей и особенности каждой вмѣстилъ въ скобки, такъ-что предъ нами является, такимъ образомъ, текстъ каждой лѣтописи, на основаніи котораго можно составить понятіе о степени важности этихъ лѣтописей для Сербской исторіи. Шафарикомъ сравнены слѣдующія восемь лѣтописей: 1) Сѣченичская лѣтопись (въ спискѣ 1501 г.) обнимаетъ событія отъ сотворенія міра до 1474 г.; по мнѣнію П. І. Шафарика, это—самая достовѣрная лѣтопись [4]); 2) Рачская (въ спискѣ 1680 г.) хранится въ Пражской библіотекѣ; 3) Давидовича (въ спискѣ 1554 г.) напечатана въ «Сербскомъ лѣтописѣ» (за 1828, книга I); названа такъ по имени ея первоначальнаго владѣтеля Давидовича, который уступилъ ее редакціи «Сербскаго Лѣтописа»; 4) Магарашевича (въ спискѣ 1699); нынѣ находится въ Прагѣ; 5) Верхне-Березницкая (въ спискѣ 1650 г.); названа такъ по мѣсту нахожденія въ Верхне-Березницѣ, въ Герцеговинѣ; 6) Ковильская (въ спискѣ 1672 года); 7) Свято-Андреевская (въ спискѣ 1700 года); 8) Хиландарская (въ спискѣ 1552 г.); обнимаетъ періодъ времени отъ Адама до 1482 года [5]).

Въ первомъ изданіи труда П. І. Шафарика «Pamatky dřevniho

[1]) Schafarik, «Památky, IV, Okázky občanskeho pisemnictvi».
[2]) Ibid., стр. 63. [3]) Ibid., стр. 65—89.
[4]) Schafarik, «Památky», стр. IV (Okazky občan. pisemn.).
[5]) Нѣсколько краткихъ выписокъ приведено изъ нея проф. Григоровичемъ при изданіи Гобаровской лѣтописи (Григоровичъ, «О Сербіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ».

pisemnictvi Jihoslovanùv» (1851 г.), находятся нѣкоторыя темныя мѣста, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующихъ: «за утреною у гору» вмѣсто «у вьнутрьну Угрію», «ословни» вмѣсто «славни» [6]) и др., которыя во второмъ изданіи исправлены чрезъ сопоставленіе ихъ съ текстомъ одной лѣтописи «Родословь святіхъ ктиторь и господь Срьбскыхъ земль», входящей въ составъ одного сборника, писаннаго Кириллицею и хранящейся нынѣ въ библіотекѣ Кукулевича-Сакцинскаго. Эта послѣдняя лѣтопись сопоставлена проф. Ягичемъ [7]) съ лѣтописями, изданными П. I. Шафарикомъ. Изъ сопоставленія оказывается, что лѣтопись эта имѣетъ ближайшее сходство съ Карловачскою лѣтописью.

Содержа краткія погодныя замѣтки, лѣтописи эти представляютъ собою источникъ немаловажнаго значенія для Сербской исторіи. Не рѣдко мы здѣсь находимъ очень вѣрныя указанія, опровергающія пристрастныя свидѣтельства иностранцевъ; не рѣдко также мы находимъ здѣсь то, чего нѣтъ у иностранныхъ хроникеровъ, кромѣ оффиціальныхъ документовъ—грамотъ [8]). Но все-таки пользоваться ими нужно осторожно: при заимствованіи свидѣтельства изъ Сербскихъ лѣтописей объ извѣстномъ событіи нужно предварительно принять въ соображеніе всѣ прочія обстоятельства, сопутствующія этому событію. И, вообще, слѣдуетъ сказать рѣшительно, что, на основаніи только однѣхъ этихъ лѣтописей, еще нельзя составить критическаго очерка Сербской исторіи, не прибѣгая на каждомъ шагу къ догадкамъ и гипотезамъ, такъ какъ составители Сербскихъ лѣтописей отмѣчали только тѣ событія, которыя, по ихъ мнѣнію, казались важными. То же самое можно сказать вообще о всѣхъ прочихъ Сербскихъ лѣтописяхъ. Такова лѣтопись Гобаровская, найденная проф. Григоровичемъ въ селѣ Гобаровѣ, что̀ близъ Филиппополя; издана имъ же въ 1859 году [9]). Лѣтопись эта входитъ въ сборникъ статей разнаго содержанія Сербской редакціи, въ которомъ имѣетъ слѣдующее заглавіе: «А се

---

[6]) Schafarik, «Památky», стр. 83 (1851 г.).

[7]) «Kniževnik—casopis za jezik i poviest Hrvatsku i Srbsku i prirodne znanosti». Годъ III (1866), часть III, стр. 123—126.

[8]) Укажемъ, напримѣръ, слѣдующее: лѣтописныя свѣдѣнія («Památky», стр. 79) о времени правленія Лазаря Юрьевича Бранковича вполнѣ подтверждаются неизданными грамотами Миланскаго архива, которыми мы имѣли возможность воспользоваться въ рукописныхъ «Monumenta Slavorum Meridionalium» проф. В. В. Макушева. Подобныхъ примѣровъ можно найти немало въ нашемъ трудѣ, нами приготовляемомъ къ печати, «Паденіе Сербскаго Царства по сказаніямъ иностранцевъ и пѣснямъ Сербовъ и Болгаръ».

[9]) Григоровичъ, «О Сербіи... Прибавленіе», стр. 47—59.

лѣтопись Срьбскыхъ господь и царь», она начинаетъ свою повѣсть не отъ Адама, а отъ времени написанія книгъ св. Кирилломъ Философомъ и учителемъ Славянскимъ (6360 — 852) и доводитъ до 1578 (7086) года. До 1564 года (7072) лѣтопись эта писана однимъ почеркомъ, а дальше слѣдуютъ замѣтки, писанныя разными почерками [1]), что̀ можетъ послужить доказательствомъ, что лѣтопись эта по 1564 г. писана была однимъ лицемъ и, очень вѣроятно, въ началѣ второй половины XVI вѣка. По характеру содержанія, Гобаровская лѣтопись не представляетъ ничего новаго сравнительно съ лѣтописями, изданными П. I. Шафарикомъ; нѣкоторое различіе развѣ въ томъ только, что эта лѣтопись, подобно лѣтописи, изданной въ «Гласникѣ» (св. I), не говоритъ о постройкѣ Сербскими государями церквей и монастырей, и что въ ней нѣкоторыя событія помѣчены годами, которыхъ не встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ, изданныхъ П. I. Шафарикомъ. Изъ содержанія этой лѣтописи видно, что составитель ея собралъ изъ бывшихъ у него подъ руками лѣтописныхъ источниковъ все, казавшееся ему самымъ важнымъ, и потому понятна чрезвычайная краткость ея, доходящая не рѣдко до лаконизма: «въ такомъ году вступилъ на престолъ, а въ такомъ умеръ».

«Лѣтописъ царемь Срьбскымь», изданный г. Николичемъ въ «Гласникѣ» (1847 года, св. I) [2]), входитъ въ составъ одного сборника неизвѣстнаго переписчика, въ которомъ помѣщены: 1) «Номоканоникъ сирѣчь Законикъ», 2) извѣстіе о томъ, какъ авторъ этой книги пріобрѣлъ «Типикъ» на Св. Горѣ и другія статьи и 3) самый важный для насъ вышеупомянутый лѣтописъ. Лѣтопись эта начинаетъ съ раздѣленія церквей и доводитъ повѣсть до 1513 года; по содержанію, она сходна съ прочими краткими лѣтописями, изданными П. I. Шафарикомъ.

Рукопись одной Сербской лѣтописи находится въ Вѣнской императорской библіотекѣ, о которой знаемъ изъ словъ г. Григоровича, что она доведена до 1469 (6987 года); изъ нея проф. Григоровичъ приводитъ только одну выписку при изданіи Гобаровской лѣтописи [3]).

Лѣтопись въ рукописи, принадлежащей Дерптскому университету, входитъ въ составъ сказочнаго «Житія» царя Александра Македонскаго, которое описано Востоковымъ [4]). Лѣтопись эта на-

[1]) Ibid. подстрочное примѣчаніе проф. Григоровича при изданіи этой лѣтописи. [2]) «Гласник.», св. I, стр. 163—169.

[3]) «О Сербіи... Прибавленіе», стр. 48.

[4]) А. Востоковъ, «Описаніе рукописей Румянц. музея», стр. 216—18.

чинаетъ свой разсказъ отъ Адама, говоритъ, затѣмъ, о крещеніи Руси, послѣ чего идетъ отдѣлъ «О Србскихъ царехь и кралехь и деспотехь и великихь князехь»; въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ событія доведены до 1687 года. На основаніи выписокъ изъ этой лѣтописи, приведенныхъ проф. Григоровичемъ при изданіи Гобаровской лѣтописи [5]), можемъ заключить, что она, по характеру содержанія, сходна съ лѣтописями, изданными П. І. Шафарикомъ, и лѣтописью, помѣщенною въ «Гласникѣ» (св. I за 1847 годъ) [6]).

«Лѣтопись царемь Срьбскымь», изданная проф. Бѣлградскаго университета г. Вукомановичемъ, сохранилась въ рукописи XVII в. [7]); лѣтопись эта обнимаетъ періодъ времени отъ вступленія на великожупанскій престолъ Стефана Немани до 1554 года. По содержанію своему она совершенно сходна съ лѣтописью, помѣщенною въ «Гласникѣ (за 1847 г. св. I), до 1466 (6974) года, сходство это чисто буквальное. Затѣмъ въ лѣтописи Вукомановича вставлено нѣсколько погодныхъ замѣтокъ, которыхъ мы не встрѣчаемъ въ лѣтописи, изданной въ «Гласникѣ» (св. I). На 1513 (7621) годѣ (годъ смерти епископа Максима) лѣтопись, помѣщенная въ «Гласникѣ», кончается; въ лѣтописи же Вукомановича смерть Максима отнесена къ 1516 (7024) г., и затѣмъ еще прибавлены погодныя замѣтки, доходящія до 1554 года, объ успѣхахъ Турокъ въ завоеваніи разныхъ христіанскихъ земель; въ концѣ прибавлены еще двѣ замѣтки о двухъ затмѣніяхъ солнца (1661 и 1663). Прибавленія эти въ лѣтописи Вукомановича, сравнительно съ лѣтописью, изданною въ «Гласникѣ», могутъ служить доказательствомъ, что первая писана позднѣе послѣдней: переписчикъ, переписавъ цѣликомъ древнѣйшій списокъ лѣтописи, добавилъ отъ себя свѣдѣнія о современныхъ ему событіяхъ. Въ такомъ дополненномъ видѣ лѣтопись эта вошла въ составъ одной старой Сербской книги, писанной, какъ полагаетъ г. Вукомановичъ [8]), въ XVII вѣкѣ.

«Родословіе Сербскихь царей» («Исторія цареи Сербски и племену и лози, и подреклу, от куда се бяше повела и оконча

---

[5]) Григоровичъ. «О Сербіи... Прибавленіе», стр. 47—54.

[6]) Срв. Карловачскую лѣт. («Рат.» стр. 58 и 68), лѣтопись въ «Гласникѣ» I, стр. 163—4) и лѣтопись Дерптскаго университета (Григоровичъ, стр. 48) о построеніи Неманемъ и его братьями церквей, — или Карловачскую («Рат.», стр. 69 и 59) и лѣт. въ «Гласникѣ» (I стр. 164) и лѣтопись Дерпт. унив. (Григоровичъ, «О Сербіи», стр. 48)—о поставленіи св. Саввою 12 епископовъ. [7]) «Гласникъ», св. XI, стр. 144—156.

[8]) Замѣчаніе г. Вукомановича при изданіи этой лѣтописи («Гласникъ», XI, стр. 157).

се», какъ самъ составитель ея въ концѣ озаглавливаетъ) [1]), издано въ «Гласникѣ» (за 1867, св. XXI) П. С. Сретковичемъ [2]). Изъ приписки въ концѣ этого «Родословія» мы узнаёмъ, что списокъ этой лѣтописи былъ въ 1764 году списанъ Стефаномъ проигуменомъ съ подлинника, хранившагося въ его время у Студеницкаго архимандрита Константина [3]). Лѣтопись эта, коснувшись вкратцѣ времени Кирилла и Меѳодія и изобрѣтенія ими азбуки, переходитъ къ исторіи Сербскихъ жупановъ, родъ которыхъ выводитъ отъ Константина Великаго чрезъ Ликинія, и заканчиваетъ событіями XVIII вѣка, когда проклятые Агаряне разрушили Крушедольскій монастырь и разсѣкли на части мощи св. Сербскихъ деспотовъ. Изъ заглавія этого произведенія видно, что составитель имѣлъ въ виду представить нѣчто въ родѣ критической исторіи Сербскихъ государей. Съ этою цѣлью, онъ пользуется разными источниками: изъ иностранныхъ, онъ ссылается на Корнелія Непота (Хорнилій) [4]), Кассіодора, писателя VI в. (480—575) [5]), Орбини [6]), Венгерскаго лѣтописца Бонфини [7]), и Готфрида [8]). Составитель этого «Родословія» долженъ былъ имѣть у себя подъ руками вышеупомянутыя сочиненія, ибо обозначаетъ точно и главы, и страницы, и книги, напримѣръ, на страницѣ 243-й означена книга и страница лѣтописи Венгерскаго лѣтописца Бонфини. Кромѣ того, онъ воспользовался и Сербскими источниками, напримѣръ, онъ прямо ссылается на «Родословъ» архіепископа Даніила II [9]). Изъ содержанія этой лѣтописи видно, что составитель ея воспользовался больше Сербскими источниками, быть можетъ, и народными преданіями, чѣмъ указанными выше источниками: ни Корнелій Непотъ, ни Бонфини не послужили ему примѣромъ, какъ слѣдуетъ обращаться съ историческимъ матеріаломъ. Поэтому въ «Родословіи» мы часто встрѣчаемъ вопіющіе абсурды, свидѣтельствующіе объ отсутствіи всякой критики въ составителѣ. Такъ, напримѣръ, составитель считаетъ жену Стефана Душана и мать Уроша V Роксанду сначала дочерью Іоанна Кантакузина, а затѣмъ нѣсколько дальше—родною сестрою краля Вукашина Мрнявчевича [10]); сооб-

[1]) «Гласникъ», XXI, «Родословіе.. », стр. 276. [2]) Ib. стр. 232—276.
[3]) Ib. стр. 276.
[4]) «Родословіе», стр. 246. [5]) Ib. стр. 270. [6]) Ib. стр. 233 и 267. [7]) Ib. стр. 243.
[8]) Настоящее имя этого писателя было Абелонъ, какъ замѣчаетъ Сретковичъ въ подстрочномъ примѣчаніи при изданіи этого «Родословія» (стр. 263),—и только въ 1662 г. произведеніе этого Абелона было издано съ именемъ автора Готфрида во Франкфуртѣ, въ XXI мъ томѣ.
[9]) «Родословіе», стр. 240. [10]) «Родословіе», стр. 249—250.

щаетъ невѣрное свѣдѣніе о намѣреніи Черноевичей выдать деспота Юрія I Бранковича Туркамъ въ Дубровникѣ, а о Варненской битвѣ и вовсе не упоминаетъ.

Но, при всемъ томъ, здѣсь мы находимъ также много интересныхъ подробностей, ненаходящихся въ другихъ Сербскихъ лѣтописяхъ. Такъ, въ этомъ «Родословіи» встрѣчаются свѣдѣнія: 1) о земляхъ, пріобрѣтенныхъ Стефаномъ Душаномъ отъ Византіи [11]; 2) о причинѣ, вызвавшей при Стефанѣ Душанѣ проклятіе Константинопольскаго патріарха Каллиста на Сербію [12]; 3) согласно съ Византійскимъ лѣтописцемъ Халкондиломъ, разсказываетъ довольно подробно о раздѣлѣ державы Душана между намѣстниками, но опускаетъ седьмаго намѣстника Плакида [13]; 4) согласно съ сохранившимся до-нынѣ преданіемъ о мѣстѣ убіенія Уроша V, «Родословіе» передаетъ, что тѣло убитаго Уроша V погребено было въ церкви Успенія Пресв. Богородицы, что̀ близъ Петрича, повыше Неродимли [14]; 5) о Косовской битвѣ сообщаетъ нѣсколько больше подробностей, сравнительно съ прочими Сербскими лѣтописями, кромѣ Троношской [15]; 6) передаетъ о возвращеніи Юрію I Бранковичу городовъ по Сегединскому миру [16]; 7) довольно вѣрно говоритъ о промѣнѣ Бѣлграда на Венгерскіе го́роды [17]; 8) сообщаетъ свѣдѣнія о Сербскихъ колонистахъ въ Венгерскихъ владѣніяхъ [18] и о дальнѣйшей судьбѣ потомковъ Юрія I Бранковича.

Лѣтопись Юрія II Бранковича (Chronica Serbica despotae Georgii Brankovic), послѣдняго Сербскаго деспота, издана Кукулевичемъ-Сакцинскимъ въ «Arkiv'ѣ za povjestn. Juhoslov.» (книга III, стр. 5—30). Деспотъ Юрій II Бранковичъ сдѣлалъ нѣкоторыя замѣтки по сторонамъ этой лѣтописи и воспользовался ею при составленіи своей «Исторіи Сербскаго народа», на которую такъ часто ссылается Раичъ въ своей «Исторіи разныхъ Словенскихъ народовъ». До сихъ поръ извѣстенъ только Латинскій переводъ этой лѣтописи, сдѣланный, по приказанію барона Пеячевича, неизвѣстнымъ лицемъ, при чемъ нѣкоторыя замѣчанія деспота Юрія II оставлены, а нѣкоторыя исправлены Пеячевичемъ [19]. Вообще, до-

---

11) Ib. стр. 246. Составитель «Родословія» воспользовался при этомъ свидѣтельствомъ «Житія» царя Стефана Душана объ этомъ предметѣ; онъ не распредѣлилъ этихъ пріобрѣтеній въ различные походы, а говоритъ только, что Душанъ пріобрѣлъ эти мѣстности отъ Византіи

12) Ib. стр 247. Причиною было изгнаніе Греческихъ епископовъ изъ Сербскихъ предѣловъ.

13) Ib. стр. 248. 14) Ib. стр. 249 15) Ib. 258—60. 16) Ib. стр. 265. 17) Ib. стр. 263. 18) Ib стр. 270—71. 19) Предисловіе Кукулевича-Сакцинскаго къ изданію этой лѣтописи («Ark.» III, стр. 3).

шедшая къ намъ Латинская редакція не представляетъ собою точнаго перевода первоначальнаго Славянско-Сербскаго источника. Имя составителя неизвѣстно.

Лѣтопись эта, въ отличіе отъ всѣхъ извѣстныхъ намъ Сербскихъ лѣтописей, послѣ краткаго извѣстія о происхожденіи разныхъ народовъ, говоритъ о крещеніи Болгаръ въ 863 (6371) году, о походахъ Игоря на Византію; затѣмъ идетъ статья «царство Асеня Івана царя блга», и наконецъ — исторія собственно Сербскаго государства, начиная со Стефана Немани до 1618 (7126) года. Подобно остальнымъ Сербскимъ лѣтописямъ, лѣтопись Юрія II Бранковича невѣрно выводитъ родъ Немани чрезъ Бѣло-Уроша отъ Константина Великаго. Неизвѣстный составитель воспользовался разными источниками, изъ которыхъ, при бѣгломъ прочтеніи ея, сами собою обнаруживаются лѣтописи: Карловачская, «Лѣтопись царемь Срьбскымъ» («Гласникъ», св. I) и нѣкоторыя лѣтописи, изданныя П. I. Шафарикомъ (въ «Изборѣ юго-Словянскыхъ достопамятностій»). Какъ на образчикъ такого сходства, мы укажемъ на слѣдующіе факты: 1) съ Карловачскою лѣтописью сходство обнаруживается относительно численности войска въ битвѣ на Марицѣ, которую невѣрно относитъ къ 1373 году [1]),—относительно именъ сыновей Лазаря [2]),—относительно освобожденія жены Баязета, сестры деспота Стефана Лазаревича, Тамерланомъ, изъ страха его передъ необыкновеннымъ мужествомъ деспота Стефана, выказаннымъ въ битвѣ на Анкирскихъ поляхъ [3]); 2) съ лѣтописями, изданными П. I. Шафарикомъ, и лѣтописью въ «Гласникѣ», св. I (срв. свидѣтельства этихъ лѣтописей о событіяхъ 1410—1428): если въ чемъ разнится лѣтопись Бранковича отъ лѣтописей, изданныхъ П. I. Шафарикомъ, то она сходна съ лѣтописью въ «Гласникѣ», и наоборотъ; далѣе, сопоставимъ свидѣтельства этой лѣтописи (стр. 21) съ свидѣтельствомъ лѣтописей Шафарика («Pam.» стр. 78) и въ «Гласникѣ» (стр. 168) о возстановленіи владѣній деспота Юрію I Бранковичу по Сегединскому миру, — о дочеряхъ князя Лазаря [4]) и смерти Милицы [5]). Если бы лѣтопись деспота Юрія II Бранковича сохранилась въ Славянскомъ текстѣ, то эти сходства оказались бы чисто буквальнымъ заимствованіемъ; да и при чтеніи Латинскаго текста замѣчается, нерѣдко, буквальный пересказъ [6]).

---

[1]) «Památky» стр. 61, и «Arkiv» III, стр. 15. [2]) «Pam.» стр. 62 и «Ark.», стр. 16. [3]) «Památky» и «Arkiv», III, стр. 17.

[4]) Срв. въ «Гласн.», I, стр. 166 и «Arkiv», III, стр. 16.

[5]) Срв. въ «Гласн.», I, стр. 167 и «Arkiv», стр. 17.

[6]) Срв. разсказъ этой лѣтописи о походѣ Баязета съ деспотомъ Стефа-

Кромѣ того, составитель лѣтописи Бранковича могъ пользоваться и другими источниками: такъ, на основаніи, вѣроятно, какого-то «Житія» сообщаетъ о перенесеніи мощей Іоанна Рыльскаго (1469 г.) [7]. Въ этой лѣтописи, какъ и во всѣхъ Сербскихъ лѣтописяхъ, хронологія и историческая критика страдаютъ: можно здѣсь встрѣтить столь неточное указаніе фактовъ, какое не встрѣчается въ другихъ Сербскихъ источникахъ (напримѣръ: лѣтопись невѣрно считаетъ Константина, сына Деанова, сыномъ Драгаши (его брата, противъ чего говорятъ Византійцы [8]) и прочія Сербскія лѣтописи); но, при всемъ томъ лѣтопись эта, сравнительно съ другими Сербскими лѣтописями, представляетъ нѣкоторыя особенности, подтверждаемыя Византійскими лѣтописцами; такъ, напримѣръ, согласно со свидѣтельствомъ Халкондила [9]), она вѣрно опредѣляетъ причину, побудившую деспота Юрія I Бранковича къ обмѣну Бѣлграда на Венгерскіе гóроды: «ipse despot tradidit (Бѣлградъ) regi Ungariae ob metum Turcarum» [10]).

Троношская лѣтопись, получившая свое названіе отъ имени монастыря въ Троношѣ (гдѣ она была найдена), издана проф. Янкомъ Шафарикомъ въ «Гласникѣ» (за 1853 годъ, св. V) [11]). Изъ предисловія къ этой лѣтописи [12]) видно, что она въ 1791 году была переписана монахомъ Троношскаго монастыря Іосифомъ, и въ этомъ видѣ дошла къ намъ [13]); подлинникъ же еще не обнародованъ, но, по времени своего написанія, онъ долженъ относиться къ первой четверти XVI вѣка, какъ полагаетъ проф. Янко Шафарикъ [14]). Лѣтопись эта носитъ слѣдующее заглавіе: «Родословіе Сербское»; обнимаетъ она періодъ времени отъ Стефана Немани до битвы при Могачѣ (1526).

Переписчикъ іеромонахъ Іосифъ не ограничился одною простою копировкою первоначальной древней лѣтописи, но внёсъ въ нее также свои замѣчанія, носящія на себѣ слѣды, повидимому, кри-

---

номъ на Тамерлана (1402 г.) и дальше—со словами лѣтописи Карловачской («Památky», стр. 62) или о судьбѣ сыновей Стефана Юрьевича слѣпого Георгія и Іоанна, господствовавшихъ въ Сремѣ, въ Купинникѣ («Pam.», стр. 64, и «Arkiv», III, стр. 23),—или разсказъ о событіяхъ съ 1463 года закоеваніе Босны Турками) до 1465-го буквально сходенъ съ разсказомъ лѣтописи въ «Гласникѣ» («Arkiv», III, стр. 22, и «Гласн.», св. I, стр. 169), а равно и разсказъ о событіяхъ съ 1465—1468 года («Pam.», стр. 81).

[7]) «Arkiv» III, стр. 22. [8]) Χαλχονδύλης, книга II, стр. 42.

[9]) Χαλχονδύλης, книга V, стр. 130. [10]) «Arkiv», III, стр. 19.

[11]) «Гласникъ», св. V, стр. 20—112. [12]) Ib. стр. 20.

[13]) Два списка этой же рукописи найдены А. Ѳ. Гильфердингомъ въ Ипекѣ (въ библіотекѣ Ипекскаго патріархата).

[14]) Предисловіе Я. Шафарика, «Гласникъ», стр. 17.

тической оцѣнки бывшихъ у него подъ руками лѣтописныхъ источниковъ, какъ это можемъ заключить изъ слѣдующихъ, напримѣръ, словъ самого же переписчика: «якоже явно есть изъ многихъ исторіахъ» [1],—или «много бо въ именахъ не слагаются историки» [2]—или «здѣ убо Мавро Урбинъ (Дубровницкій архіепископъ) лажетъ», [3])—или «объ этомъ (говоритъ Троношскій лѣтописецъ) свидѣтельствуетъ русоволъ (хрисовулъ) Хилендарскій, по которомъ и днесь даютъ по сто Венеціянскихъ дукатовъ». На основаніи этихъ-то свидѣтельствъ самой лѣтописи, мы вправѣ заключить, что іеромонахъ Іосифъ воспользовался, при составленіи своей рукописи, разными источниками. Сверхъ того, онъ сдѣлалъ свои добавленія по разсказамъ другихъ, какъ современникъ и очевидецъ событій изъ времени болѣе поздняго; напримѣръ, разсказывая о мощахъ и чудесахъ Сербскихъ святыхъ, онъ прибавляетъ, что мощи ихъ и доднесь почиваютъ и почитаются народомъ [4]—или что явилось новое чудо [5] отъ нихъ; сообщаетъ при этомъ о перенесеніяхъ мощей святыхъ угодниковъ, которыя совершались спустя долгое время послѣ написанія первоначальнаго подлинника этой лѣтописи; напримѣръ, перенесеніе мощей св. Саввы I Синанъ-пашею въ 1595 году, [6] и св. Лазаря (1669) въ Сремъ, на Фрушку гору [7],—перенесеніе мощей св. Уроша въ Сремъ (1716 г.) [8]. Иногда при этомъ лѣтописецъ выставляетъ всѣ обстоятельства, при которыхъ, или ради которыхъ совершалось это перенесеніе мощей; такъ, говоря о перенесеніи мощей Стефана Первовѣнчаннаго изъ Студеницы въ Бачку, въ монастырь свято-Ковильскій, [9], лѣтописецъ сообщаетъ, что Студеница была взята Турками въ 1490 году, вслѣдствіе измѣны Сербамъ Нѣмцевъ [10], именно: преемникъ Австрійскаго императора Іосифа-Леопольда, который увёлъ свое войско съ

---

[1] «Гласникъ», V, стр. 22. [2]) Ib. стр. 24. [3]) Ib. стр. 24, 60, 67 и друг.

[4]) Ib. стр. 43. Говоря о мощахъ Стефана Первовѣнчаннаго, Троношскій лѣтописецъ прибавляетъ: «многая чудеса творяще, цѣле и благоуханіе до лѣта господня 1790»; или, говоря о мощахъ краля Драгутина, прибавляетъ: «егоже и кости свидѣтельствоваша, еже мій исти видѣхомъ, откровену гробу его въ лѣту господню 1745 му» (стр. 52); или «кои монастырь и нинѣ зрится отъ приходящихъ, обаче запустѣлъ, и нинѣ приходящій болящи от тоя бани (у монастыря) здравіе почерпаютъ» (стр. 53).

[5]) «Гласникъ», стр. 34: «явися четвертое чудо (св. Симеона) въ наша времена, въ лѣто Господне 1758». [6]) Ib. стр. 48. [7]) Ib. стр. 92. [8]) Ib. стр 76 [9]) Ib. стр. 44.

[10]) Ib. стр. 43. Объ этомъ Троношскій лѣтописецъ такъ выражается: «Итако естъ пострадао и просуосе бѣдни Серблъ, вѣрують .. Ниемцу, не бросно естъ се изробио; тако изсѣчено несказано, церкве и монастыри есу не мало по цѣлой Сербіи опустили; и у мало времена трикратъ есу Немцы Сербскій народъ издавали, и Туркомъ подъ саблю предавали ..»

чій съ Турками, а Турки направились къ Студеницѣ [11]; ˇденицкаго монастыря, въ видахъ сохраненія мощей ѣнчаннаго отъ грабительства Турокъ, перенесли ч въ свято-Ковильскій монастырь. Въ свой раз- ˇѣтописецъ внесъ также народныя повѣрья и ѣдующихъ: «Константин же разоривъ весь ›лію посоли и прокле, да у нему никаковіе ‹да, аще и каковимъ начиномъ утвержда-

исловіи къ изданію этой лѣтописи [13], ..ль-переписчикъ этой лѣтописи воспользо- . Копривничскою и Карловачскою. Но изъ бли- ..иченія оказывается, что лѣтописецъ этотъ воспользо- . еще слѣдующими лѣтописями: 1) Бѣлградскою (хронографъ), 2) Вукомановича, 3) лѣтописью въ «Гласникѣ» (св. I), 4) нѣкоторыми лѣтописями, изданными П. I. Шафарикомъ въ «Památkah», и 5) лѣтописью въ рукописи Дерптскаго университета [14]. Какъ на образчикъ сходства Троношской лѣтописи съ вышеуказанными лѣтописями, приведемъ нѣсколько фактовъ. Въ Троношской лѣтописи (стр. 38) и Бѣлградской (стр. 260) сходно представлено чудо св. Саввы, совершонное предъ Мадьярскимъ королемъ Стефаномъ; Троношская лѣтопись сходна съ Бѣлградскою (стр. 265) и Карловачскою («Památky», стр. 61, ст. 15) относительно факта ослѣпленія Стефана Уроша, по повелѣнію его отца Милутина; сходство этой лѣтописи (стр. 28) съ лѣтописями, изданными П. I. Шафарикомъ (стр. 68), именно съ Сѣченичскою, относительно національности жены Стефана Немани Анны, дочери Французскаго короля; сходство Троношской лѣтописи (стр. 37) съ Карловачскою (стр. 59), лѣтописями Вукомановича (стр. 146), въ «Гласникѣ» (стр. 166), лѣтописями, изданными П. I. Шафарикомъ (стр. 69) и лѣтописью въ рукописи Дерптскаго университета (стр. 50)—относительно поставленія архіепископомъ св. Саввою 12 епископовъ въ Сербской землѣ; сходно съ Житомишличскимъ хронографомъ [15], Троношская

---

[11]) Троношская лѣтопись этого прямо не говоритъ, но можно предполагать это.

[12]) «Гласникъ», V, стр. 21,—или подобнаго же рода преданіе: «идѣже сказуютъ людіе, живяше некогда превеликій змій или діаволъ», также см. стр. 35. [13]) Ib. стр. 18.

[14]) Можно, конечно, принимать, что Троношскій лѣтописецъ воспользовался «Житіями», въ равной мѣрѣ, какъ и прочіе Сербскіе лѣтописцы; вслѣдствіе чего и произошло такое близкое сходство Троношской лѣтописи съ поименованными лѣтописями. [15]) «Гласникъ», XXXII, стр. 273, гл. 32.

лѣтопись сообщаетъ свѣдѣніе о раздачѣ деспотомъ Стефаномъ Лазаревичемъ ночью милостыни нищимъ, и какъ укорилъ его въ этомъ одинъ нищій. Изъ сличенія бывшихъ у насъ подъ руками Сербскихъ лѣтописей мы замѣтили, что эти факты передаются только лишь въ вышеуказанныхъ лѣтописяхъ, и потому имѣемъ право заключить объ ихъ сходствѣ. Послѣ этого, мы имѣемъ также, кажется, право счесть невѣрнымъ мнѣніе проф. Ягича [1]) о Троношской лѣтописи, что составитель ея пользовался «такими источниками, которые утратились, не оставивъ нигдѣ ни малѣйшаго слѣда»: указанныя выше черты сходства этой лѣтописи съ другими говорятъ противъ этого мнѣнія.

Въ трудъ Троношца Іосифа вкрались грубыя ошибки и невѣрности, невстрѣчаемыя ни въ одной изъ Сербскихъ лѣтописей, намъ доступныхъ, и явно опровергаемыя показаніями иностранныхъ источниковъ. Трудно предположить, чтобы онѣ были въ подлинномъ спискѣ этой лѣтописи. Троношская лѣтопись, какъ продуктъ сравненія и сопоставленія разныхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ, должна бы быть трудомъ критическимъ, особенно, если мы навѣрно знаемъ, что составитель ея пользовался лѣтописями Вукомановича, въ «Гласникѣ» и лѣтописями, изданными П. І. Шафарикомъ, въ которыхъ событія изложены, сравнительно, довольно точно и помѣчены годами вѣрно. Потому намъ непонятно, какимъ образомъ могло произойти въ Троношской лѣтописи смѣшеніе такого важнаго событія, какъ Варненская битва, и событій, слѣдовавшихъ за нею [2]),—или столь невѣрное показаніе объ участи короля Владислава подъ Варною (1444): «самъ же краль Владиславъ раненъ бѣгомъ спасеся» [3]). Подобную же невѣрность мы замѣчаемъ въ слѣдующихъ фактахъ: Стефанъ Душанъ, по свидѣтельству этой лѣтописи, женатъ былъ во второй разъ на сестрѣ Вукашина, отъ которой имѣлъ сына Уроша V, а его убилъ дядя его Вукашинъ [4]),—Албанію отдаетъ Душанъ во владѣніе незаконному сыну Владиміру, котораго убиваетъ Ѳома по наущенію жены Душана, а не брату Симеону [5]). Подобныхъ свѣдѣній мы не встрѣчаемъ ни въ одномъ изъ письменныхъ источниковъ какъ туземныхъ, такъ и иностранныхъ. Равно также, Троношская лѣтопись невѣрно считаетъ жену Лазаря Юрьевича внукою Гуніада [6]), а не дочерью Ѳомы Палеолога, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ Византійскій лѣтописецъ Франца [7]) и

---

[1]) Ягичъ, «Historia kniževn.» стр. 194. [2]) Срв. «Гласн.» V, стр. 106. [3]) Срв. «Гласникъ», V, стр. 106. [4]) Ib. стр. 69. [5]) Ib. [6]) Ib. стр. 103—4. [7]) Φραντζῆς гл. XIX, стр. 202.

другія Сербскія лѣтописи [8]); смерть деспота Юрія I Бранковича невѣрно отнесена къ 1453 [9]), вмѣсто 1456 года, какъ сообщаютъ остальныя Сербскія лѣтописи; вопреки тому же свидѣтельству, относящему смерть Лазаря Юрьевича къ 20-му января 1458 года, Троношская лѣтопись относитъ вступленіе его на деспотскій тронъ только лишь къ 1459 году [10]), — вслѣдствіе этого-то, и событія, слѣдовавшія за его смертью, невѣрно представлены [11]). Невѣрно также представлена смерть Григорія, старшаго брата деспота Лазаря Юрьевича: Троношская лѣтопись сообщаетъ объ этомъ, что его отравилъ Лазарь [12]), тогда какъ Карловачская лѣтопись свидѣтельствуетъ, что Григорій умеръ инокомъ, подъ именемъ Германа [13]). Такія противорѣчія, сравнительно со свидѣтельствомъ другихъ лѣтописцевъ, могли произойти отъ того, что нашъ лѣтописецъ воспользовался больше народными преданіями, нежели письменными источниками: этимъ послѣднимъ онъ предпочелъ народныя сказанія; отсюда понятны тѣ подробности въ этой лѣтописи о Косовской битвѣ (1389), за которыми нельзя не признать, подъ-часъ, доли исторической истины. Кромѣ того, мы замѣчаемъ также нѣкоторыя противорѣчія въ самой же лѣтописи: 1) На стр. 78-й читаемъ, что Лазарь былъ избранъ въ 1377 году въ великіе князья Сербіи, и тогда ему не подчинились только Алтоманъ и Марко Кралевичъ,—а затѣмъ, сейчасъ же продолжаетъ таже лѣтопись, что въ 1374 году Лазарь схватилъ Николая Алтомана и убилъ его [14]); точно также, напримѣръ, день Косовской битвы (1389) обозначенъ этою лѣтописью 13-мъ числомъ іюня [15]), а между тѣмъ, нѣсколько выше говорится, что наканунѣ битвы (14 іюня) [16]) была вечеря у великаго князя Лазаря. Такія противорѣчія иначе не могутъ быть объяснены, какъ только такимъ образомъ: или сама лѣтопись невѣрно издана, или переписчикъ (іеромонахъ Іосифъ) отнесся къ своему труду слишкомъ небрежно. Въ заключеніе скажемъ, что краткія Сербскія лѣтописи со своими лаконическими свѣдѣніями имѣютъ больше вѣрности и должны быть предпочтены пространному разсказу Троношской лѣтописи: Троношская лѣтопись передаетъ много частныхъ подробностей, но мы не можемъ отнестись къ нимъ всегда съ полнымъ довѣріемъ, ибо своею основою онѣ имѣютъ народное преданіе, уже обставленное во многомъ признаками легенды.

[8]) Schafarik, «Památky» стр. 78; «Гласникъ» I, стр. 168; XI, стр. 152. [9]) Ib. V, стр. 108. [10]) Ib. стр. 109

[11]) «Гласникъ», V, стр. 110. [12]) Ib. стр. 108. [13]) Schafarik, «Památky» стр. 63. [14]) «Гласникъ», V, стр. 78. [15]) Ib. стр. 91. [6]) Ib. стр. 86

б) Хронографы. Славянскіе хронографы не переведены съ готоваго уже Греческаго подлинника-хронографа, а составлены самостоятельно людьми Славянскаго происхожденія, которые, при составленіи, имѣли источниками Славянскіе переводы Манассіи, Амартола, Малалы и Зонары. Что дѣйствительно эти источники были въ Славянскомъ переводѣ,—видно, напримѣръ, изъ того, ка́къ монахъ Григорій исправилъ испорченный списокъ «мудрѣйшаго Зонары»: деспотъ Стефанъ Лазаревичъ, нашедши этотъ списокъ, поручилъ попу Тимоѳею отнести въ Хиландарскій монастырь для переписки; дѣло это взялъ на себя тамошній монахъ Григорій, который съ полнымъ пониманіемъ дѣла указалъ всѣ источники, которыми пользовался Зонара, на основаніи только Славянскихъ переводовъ, ибо Греческихъ подлинниковъ нигдѣ не могъ найти [1]. Изъ этого труда Григорія къ намъ дошло только извлеченіе, сравнительно, позднѣйшаго происхожденія—«отъ Зонары вкратцѣ». Эти Византійскіе источники въ Славянскомъ переводѣ послужили основаніемъ для общей части Славянскихъ хронографовъ; для Сербской же исторіи, кромѣ «Житій», служили существовавшія уже отдѣльныя лѣтописи Сербскія и, быть можетъ, Болгарскія [2]. На основаніи этихъ-то источниковъ, былъ составленъ у южныхъ Славянъ хронографъ, въ которомъ историческій разсказъ доведенъ до занятія Константинополя (1453) Амуратомъ. Въ такомъ видѣ этотъ хронографъ былъ занесенъ въ Россію, гдѣ подвергся пересмотру и дополненію, и извѣстенъ (въ «Обзорѣ хронографовъ Русской редакціи Попова»), подъ названіемъ «первой редакціи хронографа», съ

---

1) А. Поповъ, «Обзоръ хронографовъ Русской редакціи». (Москва, 1866 и 1869), часть II, стр. 9.

2) Существованіе Болгарскихъ лѣтописей — фактъ несомнѣнный; доказательствомъ можетъ служить слѣдующее выраженіе въ одномъ Номоканонѣ: «кождо рече якоже рече Іоаннъ Асѣнь царь, иже въ лѣтописци написано и въ послушество того приводсть, якоже тамо пише, якоже ложна глаголанія быша» (Григоровичъ «О Сербіи»); равно также Болгарскій царь Кало-Іоаннъ въ письмѣ къ папѣ Иннокентію III (1202) пишетъ: «in primis petimus ab ecclesia Romana, matre nostra, coronam et honorem tamquam dilectus filius, secundum quod imperatores nostri veteres habuerunt. Unus fuit Petrus, alius fuit Samuel et alii, qui eos imperio precesserunt, sicut in libris nostris invenimus esse scriptum». (Theiner, «Vetera monumenta Slavorum meridionalium», № XXVI); въ 1204 (6712) году онъ повторилъ свое требованіе и, между прочимъ, писалъ: «inquisivi antiquorum nostrorum scripturas et libros et beate memorie imperatorum nostrorum predecessorum leges, unde ipsi sumpserunt regnum Bulgarorum et firmamentum imperiale, coronam super caput eorum et patriarchalem benedictionem (ibidem, № XLIII). Послѣднее свидѣтельство впервые указано почтеннымъ профессоромъ В. В. Макушевымъ въ лекціяхъ, читанныхъ въ нынѣшнемъ году студентамъ Варшавскаго университета.

помѣтою 1512 года (это, говоритъ г. Поповъ [3]), годъ пересмотра этого хронографа въ Россіи).

По мнѣнію г. Попова [4]), Бѣлградская лѣтопись («повѣсть от битіа и о царствах васех родовь») составляетъ краткое извлеченіе изъ хронографа первой Русской редакціи. «Повѣсть» эта хранится нынѣ въ Бѣлградѣ, въ библіотекѣ Друштва Србске Словесности. Обществу этому подарилъ ее Ужицкій епископъ Іоанникій. Въ 1858 году она была издана профессоромъ Бѣлградскаго лицея Вукомановичемъ въ «Гласникѣ» (кн. X), при чемъ сдѣлано коротенькое описаніе этой «Повѣсти» съ внѣшней стороны.

Разсказъ свой «Повѣсть» начинаетъ отъ Адама, переходитъ, затѣмъ, къ разсказу о царствахъ: Израильскомъ, Римскомъ, Греческомъ и другихъ, и наконецъ «о Срьбских деспотехь начело». Въ этой послѣдней части «Лѣтопись» открывается разсказомъ о Стефанѣ Неманѣ, по образцу прочихъ Сербскихъ лѣтописей. Въ разсказъ этотъ внесены сказанія о св. Саввѣ, о взятіи Царьграда Латинами, — въ видѣ отдѣльнаго сказанія «Родословіе Сербскихъ деспотовъ» по двумъ линіямъ отъ Немани и Вукана, и затѣмъ, наконецъ, идутъ обыкновенныя лѣтописныя (погодно) замѣтки о Сербскихъ государяхъ и событіяхъ до 1517 года. Сравнительно съ прочими, намъ доступными, лѣтописями, «Повѣсть» эта представляетъ одно замѣчательное свѣдѣніе, невстрѣчаемое ни въ одной изъ разобранныхъ нами лѣтописей, это—свидѣтельство о построеніи Смедерева деспотомъ Юріемъ I Бранковичемъ (1429) [5]), и объ участи сыновей Іоанна Гуніада [6]). Важное также различіе этой «Повѣсти» (хронографа) отъ прочихъ Сербскихъ лѣтописей представляетъ невѣрная хронологическая помѣта важнаго для судьбы Сербскаго государства событія — смерти царя Стефана Душана, которую «Повѣсть» относитъ къ 1352 (6861) году [7]).

Въ XVII вѣкѣ въ Сербской литературѣ возникъ изъ того же первоначальнаго хронографа Житомишличскій хронографъ [8]),

---

[3]) «Обзоръ хронографовъ Русской редакціи» (Москва,1866 и 1869) часть II, стр. 22. [4]) Ib. стр. 23.

[5]) «Гласникъ», X, стр. 271; въ этомъ отношеніи «Повѣсть» сходна съ Византійскими лѣтописцами: срв. Δοῦκας, editio Bonnae MDCCCXXXIV, глава XXX, и Χαλκονδύλης, edit. Paris. MDCL, книга V, стр. 129.

[6]) Ib. стр. 273. [7]) Ib стр. 268

[8]) «Житомишличскимъ» хронографомъ памятникъ этотъ названъ издателемъ его, архимандритомъ Дучичемъ, по монастырю въ Житомишлехъ (въ Герцеговинѣ—въ 4-хъ часахъ пути отъ Мостара), въ которомъ онъ находился, какъ свидѣтельствуетъ слѣдующая приписка: «Сіе же книзе бысть настоятель проигумень Висаріонь оть монастира Житомислиħа, и бысть еи цена 800 аспри».

который является однимъ изъ самыхъ объемистыхъ трудовъ средневѣковой Сербской письменности. По своему составу, какъ хронографъ, письменный памятникъ этотъ дѣлится на общій отдѣлъ, въ которомъ идетъ пространный [1]) разсказъ отъ Адама, и Сербскій отдѣлъ «О Срьбьскыхь дѣспотѣхь начело». Изъ приписки къ рукописи этого хронографа («сія книга троѣдикь писа се вь лѣто 7142 (1634) вь земли богоспасаемо[му] Срѣму въ монастиру Хопову») [2]) обнаруживается и время, и мѣсто написанія этого памятника.

Житомишличскій хронографъ имѣетъ больше сходныхъ чертъ съ хронографомъ Русской редакціи, нежели «Повѣсть оть битіа и о царствахь васех родовь». Сравнивая эти два памятника между собою, мы, прежде всего, находимъ, что въ «Повѣсти» почти всѣ статьи Русской редакціи пропущены, и только случайно сохранившееся Русское выраженіе («а динь таланать држить 500 рублевь Русскихь» [3]) и статья «объ отложеніи мяса инокамъ» съ помѣтою 1512 года—свидѣтельствують, что «Повѣсть» произошла изъ хронографа первой Русской редакціи; напротивъ, въ Житомишличскомъ хронографѣ мы находимъ больше Русскихъ статей.

При болѣе обстоятельномъ сравненіи Житомишличскаго хронографа съ «Повѣстью» и хронографомъ Русской редакціи, оказывается, что въ Житомишличскомъ хронографѣ пропущена 13-я статья—царствованіе Нерона, въ «Повѣсти» же, согласно съ хронографомъ первой Русской редакціи, эта статья осталась (срав. также дальнѣйшія царствованія: хроногр. Житом., гл. 32, стр. 273, и «Повѣсть» стр. 227—8 и 230); Житомишличскій хронографъ опускаетъ также царствованіе Ставрикія, сына Никифорова [4]); въ отличіе отъ «Повѣсти», Житомишличскій хронографъ, какъ и хронографъ первой Русской редакціи [5]), имѣетъ статью «О Словеньскому езице и Рускомь» [6]); въ «Повѣсти» нѣтъ статьи «О кнезехь Рускыхь», которую находимъ въ хронографѣ Житомишличскомъ [7]) и въ хронографѣ первой Русской редакціи [8]); въ Житомишличскомъ хронографѣ нѣтъ статьи [9]) «Объ отложеніи меса иноком», которую мы встрѣчаемъ въ «Повѣсти» [10]) и хронографѣ первой Русской ре-

---

[1]) Какъ можно заключать изъ приведеннаго числа главъ при его изданіи въ «Гласникѣ» за 1871 годъ, книга XXXII.

[2]) «Гласникъ», XXXII, стр. 241. [3]) Ib., книга X.

[4]) Срв. хроногр. Житом., стр. 245, и «Повѣсть», стр. 252.

[5]) А. Поповъ, «Обзоръ хронографовъ Русск. ред.», часть I, стр. 164.

[6]) Житом. хроногр., стр. 76. [7]) Ib. стр. 245.

[8]) А. Поповъ, часть I, стр. 181.

[9]) Въ главахъ изъ общаго отдѣла хронографа, приведенныхъ архимандритомъ Дучичемъ, этой статьи не оказывается. [10]) «Гласникъ», X, стр. 252.

дакціи [11]). Въ «Начелѣ о деспотѣхь Срьбьскыхь» Житомишличскій хронографъ дословно повторяетъ слова «Повѣсти отъ битіа», начиная отъ Стефана Немани до возвращенія Стефана Дечанскаго изъ заточенія въ Константинополѣ; говоря о смерти Дечанскаго, Житомишличскій хронографъ повторяетъ слова «Повѣсти» тоже дословно, но только со вставкою нѣкоторыхъ добавленій, неимѣющихъ никакого значенія для исторіи: это—риторическія фразы, въ родѣ слѣдующихъ: «Олѣ, того не милосрдію и безьчловѣчію како не помиловавь отьчьскую утробу? Како не уштедри родительную старость?...». И затѣмъ опять слѣдуютъ слова «Повѣсти»: «и тако прѣдасть блаженну душу» [12]). Въ отличіе отъ «Повѣсти», хронографъ Житомишличскій вѣрно назначаетъ годъ смерти царя Душана—1355 [13]), а не 1352; о правленіи Вукашина и битвѣ на Марицѣ Житомишличскій хронографъ повторяетъ дословно изъ хронографа первой Русской редакціи, по эрмитажному списку [14]), съ тою только разницею, что принимаетъ число Сербскаго войска, участвовавшаго въ битвѣ на р. Марицѣ — 61,000 вмѣсто 60,000, какъ принимаетъ Русскій хронографъ; о правленіи князя Лазаря и появленіи Турокъ на Европейской территоріи, а равно и объ ихѣ происхожденіи Житомишличскій хронографъ повторяетъ слова «Повѣсти» [15]); о правленіи деспота Стефана Лазаревича Житомишличскій хронографъ сообщаетъ много подробностей, которыя не встрѣчаются въ «Повѣсти». «Повѣсть» же содержитъ много другихъ лѣтописныхъ сказаній, прибавленныхъ Сербскими переписчиками къ тексту хронографа Русской редакціи, чего нѣтъ въ Житомишличскомъ хронографѣ. О занятіи Бѣлграда Баязетомъ при деспотѣ Юріѣ I Бранковичѣ Житомишличскій хронографъ дословно повторяетъ хронографъ первой Русской редакціи [16]). Сербская часть Житомишличскаго хронографа представляетъ исключительно исторію Сербскихъ владѣтелей, умолчивая о всѣхъ дѣйствіяхъ сосѣднихъ государствъ на пользу Сербскаго народа: здѣсь, поэтому, мы не находимъ упоминанія ни о Варненской битвѣ (1444), ни о битвѣ на Косовомъ полѣ (1448) и о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ Венгер-

---

[11]) А. Поповъ, часть I, стр. 161.

[12]) Срв. «Повѣсть» въ «Гласникѣ» X, стр. 267—8, и хронографъ Житом., гл. 32, стр. 263.

[13]) Впрочемъ, нельзя сказать навѣрно, чтобы Житомишличскій хронографъ исправилъ ошибку «Повѣсти»; очень возможно, что въ «Повѣсти» сказалась ошибка переписчика

[14]) Поповъ, «Обзоръ хроногр. Русск. ред.», часть I, стр. 202—3.

[15]) Срв. Житом. хроногр., стр. 263—69, и «Повѣсть», стр. 268—270.

[16]) Срв. Житомишл. хрон., стр. 275, и А. Попова, часть I, стр. 211—12.

скихъ королей въ земляхъ южныхъ Славянъ противъ Турокъ; «Повѣсть» же всѣхъ этихъ событій касается.

Изъ вышеприведенныхъ указаній видно, что составитель Житомишличскаго хронографа имѣлъ подъ руками какъ «Повѣсть отъ битіа», такъ и хронографъ Русской редакціи; кромѣ того, онъ долженъ былъ воспользоваться другими источниками: за несомнѣнное [1]) принимаемъ, что онъ воспользовался «Житіемъ» деспота Стефана Лазаревича [2]).

Въ видѣ дополненія къ Сербскимъ лѣтописямъ, скажемъ нѣсколько словъ объ одной Румынской (Валашской) лѣтописи, пріобрѣтенной проф. Григоровичемъ въ Валахіи, въ Быстрицкомъ монастырѣ. Лѣтопись эта входитъ въ составъ хронографа, находящагося у почтеннаго профессора [3]). До 1105 года, лѣтопись эта составляетъ переводъ изъ Манассіи, а дальше слѣдуетъ сводъ свѣдѣній, сдѣланный монахомъ Моксомъ-Михаиломъ изъ разныхъ Славянскихъ источниковъ. Изъ краткаго витіеватаго предисловія Мокса-Михаила [4]) къ самостоятельной части своего труда, начинающейся съ 1105 года, видно, что она писана въ 1620 году для Рымникскаго епископа Θеофила. Составитель Мокса-Михаилъ положилъ въ основу лѣтописный разсказъ о Византійскихъ императорахъ, при чемъ представилъ лѣтописный сводъ о распространеніи османской силы на Балканскомъ полуостровѣ, что само собою приходитъ въ связь съ судьбами южно-Славянскихъ странъ. Извѣстія этой лѣтописи сведены въ самомъ сжатомъ видѣ и не всегда представлены съ надлежащею точностью; въ этомъ послѣднемъ отношеніи краткія погодныя Сербскія лѣтописи стоятъ выше. Какъ на образчикъ подобной неточности, мы укажемъ на то, что въ разсказѣ о Косовской битвѣ главные ея моменты (убіеніе Мурата Милошемъ Кобиличемъ и пораженіе Лазаря) раздѣлены другимъ извѣстіемъ— объ убіеніи Валашскаго воеводы Дана Болгарскимъ королемъ Шишманомъ [5]). Кромѣ того, Сербскія лѣтописи, по большей части, помѣчаютъ годомъ каждое событіе, такъ-что представляютъ намъ изъ

---

[1]) Основаніе для этого видимъ въ болѣе подробномъ изложеніи этого хронографа о правленіи деспота Стефана Лазаревича.

[2]) Непонятно, почему въ «Повѣсти» ничего не говорится о Стефанѣ Лазаревичѣ, хотя и она есть только сокращеніе Русскаго хронографа: въ «Повѣсти» должны бы быть повторены, по крайней мѣрѣ, тѣже слова о Стефанѣ Лазаревичѣ, что и въ Русскомъ хронографѣ.

[3]) Григоровичъ, «О Сербіи... Приб.», стр. 5—45.

[4]) Ib. стр. 6—7.

[5]) Ib. стр. 20.

года въ годъ свѣдѣнія о важнѣйшихъ событіяхъ, чего не находимъ въ Румынской (Валашской) лѣтописи.

Принявъ во вниманіе представленный выше краткій очеркъ Сербской письменности, кажется, не ошибемся, если назовемъ приговоръ [6]), произнесенный А. Ѳ. Гильфердингомъ о Сербской письменности слишкомъ строгимъ. Соглашаясь съ почтеннѣйшимъ славистомъ во всемъ прочемъ, мы не можемъ принять его сужденія, что Сербскія сказанія (лѣтописи и «Житія») «не объясняютъ нисколько ни древней жизни Сербскаго народа, ни даже историческихъ событій, и не имѣютъ хронологическихъ указаній». Достаточно прочесть одно «Житіе» Стефана Лазаревича, чтобы понять невѣрность такого сужденія А. Ѳ. Гильфердинга; а краткія Сербскія лѣтописи содержатъ иногда такія точныя историческія данныя, къ которымъ относишься съ полнымъ довѣріемъ послѣ того, какъ видишь, что онѣ подтверждаются иностранными источниками первой важности — грамотами. Равно и Сербскія «Житія» должны быть разсмотриваемы не только со стороны ихъ панегирическаго характера, но и по тѣмъ немногимъ чертамъ, разсѣяннымъ между высокопарными и пустыми фразами, на основаніи которыхъ можемъ

---

[6]) «Собраніе сочиненій А.Ѳ. Гильфердинга: томъ III—Боснія, Герцеговина и Старая Сербія». СПБ. 1873 г.: «Эти сказанія могутъ послужить свидѣтельствомъ, какъ мало было въ древнихъ Сербахъ способности къ историческому пониманію и представленію. Величайшее, самое поразительное и памятное событіе въ жизни ихъ народа не въ силу было внушить имъ здравую, фактическую рѣчь; оно расплывалось подъ ихъ перомъ въ какой-то жидкой, безсмысленной фразеологіи, которая не имѣетъ ничего подобнаго даже въ сочиненіяхъ Византійскихъ историковъ. Таковъ, дѣйствительно, характеръ всей старинной Сербской словесности: въ ней нѣтъ ни опредѣленнаго образа какого бы то ни было лица или событія, ни живаго, простаго слова. Все—изысканныя, мудрёныя фразы, все—общія мѣста, даже названія лицъ и мѣстъ обыкновенно избѣгали Сербскіе писатели, старавшіеся, по возможности, замѣнять ихъ неопредѣленными и общими словами Своего взгляда и сужденія они никогда не выражали. Вотъ почему всѣ историческія сказанія Сербскія, которыхъ дошло до насъ, однако, не мало (и все—весьма значительныхъ по объему), не объясняютъ нисколько ни древней жизни Сербскаго народа, ни даже историческихъ событій. Въ нихъ нѣтъ ни хронологическихъ указаній, ни извѣстій о дѣйствующихъ лицахъ и обстоятельствахъ времени. Какъ Русскіе лѣтописцы, какъ даже безтолковые Византійскіе историки кажутся привлекательными послѣ чтенія Сербскихъ историческихъ сказаній и «Житій». А эти сказанія и «Житія» суть единственныя произведенія древней Сербской письменности (за исключеніемъ переводовъ и оффиціальныхъ актовъ). Другая характеристичная черта этихъ сказаній. есть безобразная, лицемѣрная лесть. Она убивала въ древнихъ Сербскихъ писателяхъ не только свободу сужденія, но даже всякое нравственное чувство».

вѣрно опредѣлить годъ событія и, отчасти, бытовую сторону древняго Сербскаго общества.

По «Житіямъ» можно, напримѣръ, опредѣлить годъ совершеннолѣтія Сербскаго юноши въ древній періодъ, семейное и общественное устройство древней Сербіи, отношенія Сербскихъ великихъ жупановъ и кралей къ властелямъ и духовенству и т. п.

Владиміръ Качановскій.

РЕЗЬЯ И РЕЗЬЯНЕ.

Резья занимаетъ чрезвычайно маленькую, совершенно незамѣтную частичку земнаго шара. Славянскіе ученые и путешественники, хотя и писали кое-что о Резьѣ и Резьянахъ, но такъ немного и такъ давно, что для громаднаго большинства современныхъ образованныхъ людей эта земля и этотъ народъ вполнѣ неизвѣстны.

Въ географическомъ отношеніи положеніе Резьи опредѣляется слѣдующимъ образомъ: Резья лежитъ между 46° 18′ и 46° 23′ сѣверной широты и между 30° 53′ и 31° 4′ восточной долготы. Вся Резья (въ смыслѣ мѣстопребыванія людей, принадлежащихъ къ Резьянскому племени) распадается на двѣ части: сѣверную и южную. Сѣверная состоитъ изъ долины Резьянской (Резьи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова); южную же, несравненно меньшую, составляетъ долина Учейская. Обѣ эти долины принадлежатъ къ системѣ альпъ Юлійскихъ, которыя именно на западъ отъ Резьи граничатъ съ альпами Карнійскими. Такое разграниченіе этихъ двухъ горныхъ системъ принято, по крайней мѣрѣ, Итальянскими географами [1]), и оно обусловливается ихъ различіемъ и противоположностью во всѣхъ отношеніяхъ.—Прежде всего въ географическомъ отношеніи, Карнійскія альпы отдѣлены отъ альпъ Юлійскихъ Желѣзнымъ Каналомъ (Canale del Ferro) или Желѣзною Долиною (Valle del Ferro), служащею русломъ горнаго потока или рѣки Феллы (Fiume Fella, Рез. Féla), источники которой находятся въ Каринтіи на западъ отъ Тербижа (Tarvis), и которая сначала течетъ съ востока на западъ, затѣмъ у Понтебы (Pontebba, Pon-

[1]) Ср., между прочимъ, «Nomi propri orografici. Alpi Carniche e Giulie» per Giov. Marinelli, prof. di storia e geografia (Estratto dagli «Annali» del R. Istituto Tecnico di Udine dell'anno 1872), стр. 36 слѣд.

tafel, Рез. Poltábja) принимаетъ южное направленіе (съ сѣвера на югъ) и, наконецъ, обернувшись у Клюзы или Кьюзы (Chiusa, Рез. Klüže) и Раколяны (Raccolana) на юго-западъ, на сѣверъ отъ Венцоне (Venzone, Рез. Püšja vàs) вливается въ извѣстную рѣку Тальяменто (Tagliamento).—Но одно географическое отдѣленіе этихъ двухъ системъ горъ не имѣло бы само по себѣ ни малѣйшаго значенія, и не давало бы намъ прáва считать ихъ двумя различными системами; потому что во многихъ другихъ мѣстахъ мы встрѣчаемъ горные потоки, иногда гораздо значительнѣе потока Феллы, и все-же не считаемъ горъ, лежащихъ по ту и другую сторону этихъ потоковъ, какими-то особыми системами горъ: напротивъ того, онѣ обыкновенно дополняютъ другъ друга и, только вмѣстѣ взятыя, составляютъ одну цѣльную систему. Основное различіе и противоположность Юлійскихъ и Карнійскихъ альпъ обусловлены ихъ геологическими, зоологико-ботаническими и даже этнографическими особенностями.—Самый главный и рѣшающій моментъ здѣсь, конечно, особенности геологическія. И такъ, оставляя въ сторонѣ основное различіе наслоеній той и другой системы горъ, сейчасъ же на первый взглядъ можно замѣтить между ними громадное различіе во внѣшнемъ, формально-геологическомъ отношеніи. Карнійскія альпы являются въ видѣ конусообразныхъ, одиночныхъ, спорадическихъ возвышенностей: онѣ стоятъ на поверхности земли, точно громадныя головы сахара, несостоящія, повидимому, между собою ни въ какой связи. Напротивъ того, Юлійскія альпы, на всемъ своемъ протяженіи, представляютъ безпрерывныя цѣпи, безпрерывные кряжи горъ и холмовъ. Если, напримѣръ, изъ Удине (Udine, Рез. Wjydan) смотрѣть на находящіяся къ сѣверу отъ него горы, то, въ противоположность западнымъ конусообразнымъ альпамъ Карнійскимъ, восточныя Юлійскія альпы представляются взору какъ будто бы одною безпрерывною зубчатою стѣною. Съ этимъ связано различіе въ отношеніи возвышенностей той и другой системы къ свойственнымъ имъ долинамъ и углубленіямъ. На поверхность, покрытую Карнійскими альпами, нужно смотрѣть, какъ на одну большую равнину, изъ которой, точно грибы, выростаютъ отдѣльныя, обособленныя горы и пригорки; о долинахъ и углубленіяхъ въ строгомъ смыслѣ этого слова здѣсь и рѣчи быть не можетъ. Напротивъ того, Юлійскія альпы представляютъ будто бы одну безпрерывную возвышенность, прорѣзанную на различныхъ пунктахъ своей поверхности болѣе или менѣе значительными углубленіями и долинами. Эту формальную противоположность двухъ

системъ горъ можно сравнить съ противоположностью печатей выпуклой и вогнутой (сургучной) или т. п. Само собою разумѣется, что этимъ различіемъ формаціи двухъ системъ горъ обусловлено тоже различіе въ системѣ свойственныхъ имъ водъ, рѣкъ, потоковъ и вообще какихъ бы то ни было отливовъ. Тогда какъ рѣки и потоки, прорѣзывающіе долины Юлійскихъ альпъ, служатъ постояннымъ, правильнымъ отводомъ для тающихъ снѣговъ и др. т. п. только въ извѣстныя времена появляющихся водъ, и такимъ образомъ предохраняютъ ближайшія мѣстности отъ внезапныхъ наводненій,—мѣстности, лежащія у подножья Карнійскихъ альпъ, вслѣдствіе отсутствія правильнаго отлива, подвергаются очень часто опустошительнымъ наводненіямъ.

По увѣренію мѣстныхъ (Удинскихъ) натуралистовъ и, прежде всего, Тарамелли (Taramelli), подобное же основное различіе между Карнійскими и Юлійскими альпами замѣчается тоже въ зоологико-ботаническомъ отношеніи: фауна и флора Карнійскихъ альпъ совершенно разнится отъ фауны и флоры альпъ Юлійскихъ. Наконецъ, что̀ для насъ самое интересное, и въ этнографическомъ отношеніи замѣчается въ настоящее время полное различіе между названными системами горъ. Это, конечно, различіе, какъ говорится, «случайное», непредставляющее той неизмѣнности и даже незыблемости, какъ прочія выше упомянутыя различія; но тѣмъ не менѣе, теперешнее этнографическое различіе альпъ Юлійскихъ и Карнійскихъ есть фактъ неоспоримый и несомнѣнный.

Карнійскія альпы населены Романскимъ племенемъ, и именно частью Фурланъ (Рез. Láhi, ti Láški), которые, по всей вѣроятности, состоятъ изъ потомковъ древнихъ Карновъ (Carni), съ примѣсью восторжествовавшаго впослѣдствіи Романскаго или Латинскаго элемента. Юлійскія же альпы, со всѣми ихъ отлогостями, холмами и переходными возвышенностями отъ горной системы къ равнинѣ, можно сказать, принадлежатъ всецѣло Славянскому племени. Покуда отпрыски Юлійскихъ альпъ — до тѣхъ поръ и Славяне. Только на равнинахъ у подножья Юлійскихъ альпъ и въ альпахъ Карнійскихъ живетъ Романское племя. При этомъ нельзя не замѣтить, что Славянское народонаселеніе Юлійскихъ альпъ представляетъ, въ племенномъ отношеніи, самые разнообразные оттѣнки.

Чтобы дать примѣръ этого разнообразія, я представлю здѣсь краткую этнографическую топографію только той части Юлійскихъ альпъ, которая лежитъ по правую, западную сторону рѣки Сочи

(Isonzo, Рез. Soča), прорѣзывающей Горицкую землю съ сѣвера на югъ, и, послѣ соединенія съ потокомъ Теромъ или Торре (torrente Torre, Рез. Toèr), вливающейся, подъ общимъ названіемъ рѣки Здобы (Sdobba), въ Монфальконскій заливъ (Monfalcone) Адріатическаго моря. Эта часть Юлійскихъ альпъ занимаетъ весьма незначительное пространство, а между тѣмъ на ней живетъ нѣсколько Славянскихъ племенъ. Географически и, вмѣстѣ съ тѣмъ, политически эти разныя Славянскія племена раздѣлены, прежде всего, главнымъ хребтомъ занимаемаго ими отдѣла Юлійскихъ альпъ, тянущимся вообще съ сѣвера на югъ, болѣе или менѣе паралельнымъ съ Сочею, и въ южной своей части, то-есть тамъ, гдѣ начинаютъ уже появляться однѣ только небольшія возвышенности, вполнѣ теряющимъ свою выразительность. Этотъ главный хребетъ раздѣляетъ занимающій насъ теперь отдѣлъ Юлійскихъ альпъ на двѣ части, восточную и западную. Въ восточной части живутъ исключительно разныя Словинскія или Крайно-Словенскія, «Хорутанскія», племена, простирающіяся тоже и на лѣвомъ, восточномъ берегу рѣки Сочи. Одно изъ этихъ Крайно-Словенскихъ племенъ, особенностями своего говора рѣзко отличающееся отъ всѣхъ остальныхъ, занимаетъ, между прочимъ, почти весь югъ названнаго отдѣла Юлійскихъ альпъ, т. е. всѣ переходныя возвышенности какъ западнаго, такъ и восточнаго склона. Подвигаясь теперь по западному склону въ сѣверо-восточномъ направленіи, мы встрѣчаемъ, прежде всего, относительно-многочисленное племя св.-Петровцевъ (обитатели distretto di s.-Pietro), говоры которыхъ привели меня къ заключенію, что они, по своему происхожденію, Сербо-Хорваты, подвергшіеся довольно значительному Крайно-Словенскому вліянію. На сѣверо-западъ отъ св.-Петровцевъ живутъ чистые Сербо-Хорваты, «Чакавцы». Наконецъ на сѣверъ отъ этихъ послѣднихъ мы находимъ Резьянъ.—Только двѣ небольшія долины Юлійскихъ альпъ, лежащія къ сѣверу отъ Резьи, принадлежатъ теперь уже Романскому племени. Эти долины—Раколяна и Доня (Dogna). Онѣ прорѣзаны потоками, Раколяною и Донею, текущими, точно также какъ и потокъ Резья, съ востока на западъ, впадающими, какъ и Резья, въ рѣку Фелу Желѣзнаго Канала и дающими, подобно Резьѣ, названіе долинамъ, черезъ которыя протекаютъ. Эти долины, Раколяна и Доня, составляютъ каждая особую волость (comune), но главныя мѣста, столицы этихъ волостей, селенія Раколяна и Доня (Рез. Dúńa), лежатъ внѣ самихъ долинъ, на рубежѣ между Юлійскими и Карнійскими альпами, т. е. въ Желѣз-

номъ Каналѣ, Раколяна на лѣвомъ, восточномъ берегу рѣки Фелы, или въ сторону Юлійскихъ альпъ, Доня даже на правомъ, западномъ берегу той же рѣки, или въ сторону альпъ Карнійскихъ. 31 декабря 1871 г. въ волости Раколяна было на лицо 1687, въ волости же Доня — 1175, итого 2862 жителей. А такъ какъ на мѣстности, принадлежащія этимъ волостямъ и лежащія въ Желѣзной Долинѣ, нужно, по-моему, отсчитать, по крайней мѣрѣ 2/3 всего числа жителей, то на одну долину Раколяны придется около 550, на долину же Дони около 400, итого болѣе или менѣе 900—1000 жителей.

Что и долины Раколяны и Дони были прежде населены Славянами, и даже, по всей вѣроятности, Славянами, принадлежащими къ Резьянскому племени, на это наводитъ, прежде всего, народное преданіе и, затѣмъ, женскій костюмъ, сохраняемый до сихъ поръ нѣкоторыми, впрочемъ только старыми, женщинами названныхъ долинъ и совершенно похожій на такой же костюмъ Резьянокъ. Наконецъ, прежняя принадлежность Славянамъ этихъ двухъ долинъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми мѣстностями альпъ Карнійскихъ и нѣкоторыми мѣстностями, находящимися на рубежѣ между этими двумя системами горъ, доказывается многими мѣстными названіями, очевидно Славянскаго происхожденія. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ названій, списанныя съ карты Австрійскаго генеральнаго штаба [1]:

Въ долинѣ Раколяны: гора и горное пастбище Cregnedul (по всей вѣроятности, = Крайній Долъ), гора Gorinda (?), обитаемыя мѣстности Tamaroz (?, ср. Tapartamaro, т. е. tà par Tàmoru въ Учейской долинѣ Резьи), Sotto Medoni (?), Pezzeit (?), Chiout Cali (?, тоже потокъ того же имени), гора Usez (?), потокъ и обитаемая мѣстность Patoch (= Потокъ) и т. д. Въ долинѣ Дони: пастбище Radoda, гора, потокъ и пастбище Bieliga, потокъ и обитаемая мѣстность Plechiza (=Плечица, «Плачица» или т. п.), пастбища Rubadic (?), Moncinos (?), холмъ Colle Godis, гора Col della Baita (?) и т. д. Въ Желѣзной Долинѣ по лѣвую, восточную сторону Фелы: пастбище Mincigos (?), обитаемыя мѣстности Prerit (Prerit di sopra, Prerit di sotto), Cadremazzo (?, напоминаетъ Codromaz, то-есть, Kodrmac, въ чисто Славянской мѣстности, у рѣки Юдріи, Judrio, на границѣ между Австріею и Италіею, на во-

[1]) При этомъ необходимо замѣтить, что вѣрность названій мѣстностей, обозначенныхъ на картѣ генеральнаго штаба, весьма сомнительна, какъ я имѣлъ случай убѣдиться, сличая написанія этой карты съ настоящими названіями посѣщенныхъ мною мѣстностей, между прочимъ, и въ Резьянской долинѣ (см. ниже).

стокъ отъ Св.-Петра, S.-Pietro degli Schiavi), потокъ Mucilla (?=Мочила), обитаемая мѣстность Povizzi (вблизи Резьюты, Resiutta), Ravorada (?) и т. д. Въ Желѣзной Долинѣ по правую, западную сторону Фелы и въ Карнійскихъ альпахъ вообще: потокъ и обитаемая мѣстность Studena (неподалеку отъ Понтебы), горы Slenza (?), Zucco di Boor (?), Bellepeit (=Бѣлая Печь, т. е. Бѣлая Скала), обитаемыя мѣстности Vidali (?), Polizza (=Полица), потокъ и пастбище Patocco, пастбища Raunis, Dol, Ravni, Sacont (?), потоки Brezzi (?), Milon (?) и т. д.

Эти названія мѣстностей доказываютъ, что на западъ отъ Резьи, Раколяны и Дони въ прежнія времена жили Славяне, хотя бы впрочемъ только спорадически разбросанные и перемѣшанные съ Фурланами. О прежнемъ распространеніи Славянъ въ сѣверной Италіи вообще я скажу нѣсколько словъ въ примѣчаніяхъ къ статьѣ Вогрича «О Славянахъ въ Итальянскомъ королевствѣ».

Какъ я уже замѣтилъ, Резьяне живутъ въ двухъ долинахъ, Резьянской и Учейской. Обѣ эти долины берутъ названіе отъ потоковъ, прорѣзывающихъ ихъ во всю ихъ длину, Резьянская долина—отъ потока или рѣки Резьи, Учейская же долина—отъ потока Учьи (то-есть, «Волчвей»). Только Резьянская долина можетъ быть названа долиною въ полномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ она является довольно обширною равниною, въ которую постепенно переходятъ склоны горъ, ее окружающихъ. Учейской же долины по-настоящему вовсе нѣтъ. Берегá маленькаго потока Учьи такъ круты и потому такъ неприступны, что на нихъ невозможно построить рядомъ даже хотя бы только нѣсколько хижинъ. Учья, какъ населенная мѣстность, состоитъ изъ разбросанныхъ хатъ, построенныхъ въ разныхъ мѣстахъ, по мѣрѣ возможности, такъ-что у отдѣльныхъ обитателей Учейской котловины или Учейскаго оврага нѣтъ сосѣдей въ строгомъ смыслѣ этого слова. Только у самой Австрійской границы встрѣчается небольшая возвышенная плоскость, на которой построено нѣсколько обитаемыхъ домовъ рядомъ. Тамъ тоже стоитъ Учейскій постоялый дворъ или просто корчма (öštoerýa) [1]).

Рѣка Резья (по-Резьянски Bíla, то-есть, Бѣлая, или чаще всего просто wöda, т.-е. «рѣка»), собирающая въ себя всѣ горные потоки

---

[1]) Сочетаніемъ буквъ *oe* я обозначаю въ этой статьѣ единичный, простой гласный, соотвѣтствующій въ разрядѣ «темныхъ» гласныхъ гласному *e* разряда гласныхъ «ясныхъ». (См. «Опытъ фонетики Резьянскихъ говоровъ» §§ 13, 241, 242, 246).

Резьянской долины, впадаетъ у селенія Резьюты (по-Резьянски tà na Bili, т.-е. «тамъ на Бѣлой») въ рѣку Фелу. Такимъ образомъ Резьянская долина открыта только съ запада, т. е. въ сторону Фурланъ. Напротивъ того, потокъ Учья течетъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ, и, соединившись на самой Итальянско-Австрійской границѣ съ Бѣлымъ Потокомъ (rio Bianco), у Австрійской деревни Жаги (Saaga) впадаетъ въ Сочу. Потому Учейская котловина естественнымъ образомъ открыта съ востока, то-есть, въ сторону Австрійскихъ Словинцевъ. Хотя горныя тропинки по обоимъ берегамъ потока Учьи не особенно удобны и даже иногда не совсѣмъ безопасны, все-же Учейская котловина является однимъ изъ весьма немногочисленныхъ естественныхъ проходовъ въ горахъ, отдѣляющихъ въ настоящее время Италію отъ Австріи. Чтобы, пользуясь этимъ проходомъ, пробраться, напримѣръ, изъ Австріи въ Италію, стóитъ только доѣхать по Горицкому тракту до Жаги, и затѣмъ направиться на западъ вверхъ по теченію потока, впадающаго у Жаги въ Сочу. Перешедши Итальянскую границу и дошедши до мѣста, въ которомъ потокъ Учья сливается съ Бѣлымъ Потокомъ, можно слѣдовать въ Италію по двоякому пути: или подыматься вверхъ по теченію Учьи и взойти на возвышенную плоскость Карницу (Karníca, Carnizza), черезъ которую относительно весьма удобный путь ведетъ прямо въ Резьянскую долину, сначала по ровну, и затѣмъ все ниже и ниже, пока наконецъ, внизъ по теченію потока Бармана (rio Brumant), миновавъ нѣсколько незначительныхъ селеній, не достигнемъ большой деревни Нивы (Ńiwa, Gniva); или же можно вверхъ по теченію Бѣлаго потока дойти до долины Музацкой (valle ,de' Musi), въ западной части которой начинаютъ появляться небольшія селенія сѣверно-Итальянскихъ Сербо-Хорватовъ. Отъ этихъ селеній довольно сносный путь ведетъ внизъ по теченію потока Тера (Torre), въ направленіи съ сѣвера на югъ сначала въ другія селенія Сербо-Хорватовъ, и наконецъ на Фурланскую равнину (pianura del Friuli). Другимъ такимъ, относительно удобнымъ, естественнымъ проходомъ изъ Австріи въ Италію является путь, ведущій отъ Креды (Creda, на западъ отъ Кабо-рида, Caporetto) вверхъ по теченію рѣки Недижи (Natisone, Рез. Nadýža) къ Логу (Lonch), и затѣмъ отъ Лога въ Австріи по довольно широкой возвышенной плоскости въ Чянеболю (Canebola) въ Италіи. Это, конечно, естественные проходы, созданные природою безъ участія человѣка, и, само собою разумѣется, относительно удобства и легкости сообщенія, не могутъ даже приблизительно

быть сравниваемы съ шоссейнымъ трактомъ, ведущимъ изъ Кабо-
рида въ Австріи въ св.-Петро въ (S.-Pietro) въ Италіи.

Резьянская долина (tá Rozojánska dülýna, ta náša dulína и т. п., оффиціально Resia), какъ я уже сказалъ, открыта только съ запада; и впрочемъ, даже здѣсь входъ въ нее такъ узокъ, что ее безъ большой ошибки можно считать со всѣхъ сторонъ окруженною горами. Самая высокая изъ этихъ горъ, принадлежащихъ всецѣло къ системѣ альпъ Юлійскихъ, есть Канинъ или Чянинъ (Рез. Tjanìn, höra Tjanýnawa и т. п., оффиціально M. Canin, вышиною въ 2650 метровъ или $2650 \times 3{,}16 = 8374$ футовъ), вѣчно покрытый снѣгомъ и отдѣляющій долину Резьи и вмѣстѣ съ тѣмъ Италію отъ Австріи.

Затѣмъ, направляясь отъ Канина на сѣверо-западъ, по правую, сѣверную сторону рѣки Резьи мы встрѣчаемъ кряжъ горъ, составляющій естественную границу между долиною Резьи и долиною Раколяны. Этотъ кряжъ, идущій сначала въ сѣверо-западномъ направленіи, болѣе или менѣе на половинѣ незначительно изгибается и получаетъ направленіе вполнѣ западное или даже немножко юго-западное, пока наконецъ на югъ отъ горы св. Антонія (Рез. ta par sint Antónihu, на картѣ S. Antonio), у сѣвернаго подножья которой потокъ Раколяна впадаетъ въ рѣку Фелу, теряетъ свою выразительность и является естественною преградою между долиною Резьи и Желѣзною Долиною. Главными представителями этого кряжа горъ въ его гораздо болѣе значительной восточной части, отдѣляющей Резью отъ Раколяны, являются слѣдующія горы: Сартъ (Рез. Sart, на картѣ M. de Sarte), Индриница (Рез. Indrínica, ta na Indrínice, на картѣ M. Indrinizza), Пустой Грздъ (т. е. «пустой лѣсъ», Рез. Písti gözd, на картѣ M. Peloso?) и т. д.

У подножья горы Канина находятся, между прочимъ, слѣдующіе холмы и возвышенности: Долъ или подъ Жлѣбми (Dul, Dou, tá pod Zlebmi), Верхнее Бердо (tö horíñe Bèrdo), Межа (ta na Miji, Tanameja), Бердо (Bàrdo и т. п., Tonberdo) и т. д. Подвигаясь отъ этихъ возвышенностей на западъ, у подножья вышепоименованнаго кряжа горъ (Сартъ, Индриница и т. д.), мы можемъ назвать слѣдующія холмы и возвышенности: Равныя (ta na Rauníh и т. п., Naraune), Колкъ (т. е. «холмъ») (Kolk, Kouk и т. п., Colch), Влашскій Колкъ (т. е. «Фурланскій холмъ») (ta na Láškin Kólce и т. п., Laschicole), Влашское Бердо (tau Láškin bàrde, на картѣ нѣтъ), Стрѣла (tou Strile, ? Chiout), Ломичь (Lomètj и т. п., Lommig), Оседерокъ (Osrídak, tòu Osritce и т. п., Ofridach),

Глава (won s to Gláwo и т. п., на картѣ нѣтъ), Градъ (wona Gràd и т. п., на картѣ нѣтъ), Госло (tùu Guslì, ta wonè Hoslè и т. п., ? C. Gosto), ? (Polincicolch), Рущи (ta na Rúštjah и т. п., Rusces) (неподалеку отъ деревни Резьюты, у которой потокъ Резья вливается въ рѣку Фелу Желѣзнаго Канала) и т. д.

Горныя возвышенности Резьянской долины, находящіяся съ лѣвой, южной стороны рѣки Резьи, можно раздѣлить на двѣ части, западную и восточную. Западная часть служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ южною границею всей Резьи, состоящей, какъ я выше замѣтилъ, изъ долины Резьянской и Учейской (Волчьей) котловины. Восточная же часть южныхъ горныхъ возвышенностей Резьянской долины отдѣляетъ ее отъ рѣки Учьи и отъ прорѣзываемой этою рѣкою котловины или оврага. Естественнымъ предѣломъ между этими двумя частями только-что поименованныхъ горныхъ возвышенностей является потокъ Барманъ, текущій съ юга на сѣверъ и у деревни Нивы впадающій въ рѣку (потокъ) Резью. Этотъ, на сколько мнѣ кажется, главный притокъ рѣки Резьи беретъ начало на возвышенной плоскости Карницѣ, съ которой именно начинается юго-восточная, Учейская, часть Резьянской области.

Изъ первостепенныхъ горъ западной части только-что названной южно-Резьянской цѣпи можно указать на Форку или Форчю (т. е. «вилы» или «висѣлицу») (Fórtja и т. п., M. Forca), изъ которой течетъ Черный потокъ (Čárni pötök и т. п., Cernipotoch), одинъ изъ южныхъ притоковъ Резьи, на Куцеръ (Kücer и т. п., M. Cuzzer), возвышающійся по лѣвую, западную сторону потока Бармана, и т. д. Изъ другихъ же возвышенностей и возвышенныхъ плоскостей той же западной, обще-Резьянской, части южно-Резьянскаго кряжа горъ могутъ быть названы Планиница (tòu Planýnycy, Planinizza), Скала (tapöd Skálo, ? Fontanone), Стремецъ (tòu Stàrmace и т. п., на картѣ нѣтъ) и т. д.

Восточная часть южно-Резьянскаго кряжа горъ, отдѣляющая долину Резьи отъ котловины Учьи, значительно длиннѣе части западной и состоитъ, между прочимъ, изъ слѣдующихъ членовъ первоклассной величины: Стропъ (Strop, M. Strop), Низкая Глава («голова») или Низкое (Nyska Hláwa, Nyskoe, M. Nisca), Моронцанъ (Móroncan, на картѣ нѣтъ), Кила (Kila или Kyla, göra Kilina, M. Chila), Соновикъ (Sonovèk, M. Snovit), Гварда (Wárda, M. Guarda) и т. д. Отъ Гварды на сѣверъ лежатъ гора Баба (M. Babba), составляющая самую южную отлогость Канина или Чянина, и затѣмъ Жлѣбы, между Гвардою и Каниномъ.

Съ сѣверной стороны только-что описаннаго юго-восточнаго Резьянскаго кряжа горъ, въ сторону долины рѣки Резьи, мы встрѣчаемъ, между прочимъ, слѣдующіе холмы и вообще второстепенныя возвышенности: Трайное Бердо (Trájne Bàrdo и т. п.), у подножья горы Стропа Проналъ (Provalo), Штріёновъ Колкъ (т. е. «холмъ колдуновъ») (Štrijónou Kòlk, Kòuk), у подножья горы Килы Верхній Хлѣвецъ (té horíñi Hlívac, Clivaz di sopra), Нижній Хлѣвецъ (te zdulíñi Hlivac, Clivaz di sotto), Кутъ или Котъ (Kôt, на картѣ нѣтъ), Тупое Бердо (Tópe Bàrdo, Topeberdo), Черная Печь (т. е. «скала») (Čárna poetj, Cernapeg), Слатина (Slátina и т. п., Slatina), Яма (Jáma и т. п., Jame) и т. д. Четыре послѣднихъ возвышенности (Тупое Бердо, Черная Печь, Слатина, Яма) лежатъ у самой рѣки (потока) Резьи на ея лѣвомъ, южномъ берегу.

Переходимъ теперь къ горамъ и вообще возвышенностямъ, окружающимъ Учейскую котловину. Прежде всего, слѣдуетъ отмѣтить возвышенную плоскость Карницу, которая является естественнымъ соединителемъ Учейской котловины съ Резьянскою долиной, такъ какъ черезъ нее ведетъ довольно удобный путь, и такъ какъ собственно на ней берутъ начало и потокъ Учья, текущій на востокъ и впадающій въ Сочу, и потокъ Барманъ, текущій сначала въ сѣверо-западномъ, а потомъ въ сѣверномъ направленіи, и вливающійся въ рѣку Резью. Затѣмъ, на лѣвомъ, сѣверномъ берегу потока Учьи, то-есть, въ сторону Резьянской долины, мы встрѣчаемъ, идя съ запада на востокъ, отъ Карницы къ Австрійской границѣ, прежде всего южныя отлогости горъ, отдѣляющихъ долину Резьи отъ котловины Учьи, а именно южныя отлогости Низкой Главы, Килы, Соновика и т. д. Вслѣдствіе же близости названнаго кряжа горъ къ потоку Учьѣ нѣтъ выдающихся второстепенныхъ возвышенностей на раздѣляющемъ ихъ промежуточномъ пространствѣ. Только у самой Австрійской границы, гдѣ потокъ Учья изъ болѣе или менѣе восточнаго принимаетъ сначала юго-восточное и, затѣмъ, сгибаясь подъ угломъ приблизительно 120°, совершенно восточное направленіе, и гдѣ помѣщается общественный центръ Учьи, какъ населенной мѣстности, именно къ сѣверу отъ построенныхъ здѣсь домовъ и на югъ и юго-западъ отъ горъ Соновика и Гварды возвышается довольно значительная гора Калъ (Kal, Kau, M. Cal), отрѣзанная отъ Австріи Вовьею поточиной или Вовьимъ потокомъ (?, Wóvji pötök, Voipotoch), впадающимъ въ Учью съ сѣвера на самой Австрійской границѣ.

Перейдя у Австрійской границы рѣку Учью и подвигаясь по ея правому, южному берегу съ востока на западъ, мы сейчасъ же наталкиваемся на Бѣлый потокъ, по обѣимъ сторонамъ котораго возвышаются горы, составляющія крайній южный предѣлъ всей Резьянской области. На югъ отъ Бѣлаго потока, тоже вблизи Австрійской границы, виднѣется высокая гора Стремецъ, и у ея подножья, къ сѣверо-западу, между нею и Бѣлымъ потокомъ, возвышенность или возвышенности Межа или Межи (Moèa, tá na Mijì, Tanamea). На югѣ отъ этихъ горъ и возвышенностей простирается съ востока на западъ кряжъ горъ первоклассной величины, принадлежащій всецѣло къ области южныхъ сосѣдей Резьянъ или сѣверно-Итальянскихъ Сербо-Хорватовъ, въ восточной же своей части продолжающійся въ Австрію къ рѣкѣ Сочѣ и тѣмъ самымъ прорѣзывающій область Словинцевъ или Крайно-Словенцевъ.

Поднявшись же къ сѣверу отъ Бѣлаго потока, сначала между нимъ и потокомъ Учьей, и затѣмъ между Резьянскою областью вообще и Музецкою долиною, населенною сѣверно-Итальянскими Сербо-Хорватами, мы встрѣчаемъ безпрерывную цѣпь горъ, постепенно увеличивающихся и, наконецъ, въ западной своей части являющихся непроходимою исполинскою зубчатою стѣною съ вѣчно снѣжными вершинами. Имена отдѣльныхъ членовъ этой безпрерывной цѣпи горъ суть, между прочимъ, слѣдующія: Щитъ (wònа Štjit и т. п., на картѣ нѣтъ), Низкій Верхъ (Niski Warh, M. Nischivarche), Яворъ (tàu Jáwore, zá za Jáworon, M. Tasajavoram), Козарьевецъ (Kozarjúvac, на картѣ нѣтъ), и, наконецъ, Музецъ или Музецкія горы (Müzac, tápod Müscon и т. п., Monte de' Musi и M. Candin). Этотъ послѣдній рядъ горъ (Музецъ) и является только-что упомянутою непроходимою зубчатою стѣною съ вѣчно снѣжными вершинами. На сѣверо-западъ отъ Музца возвышается уже извѣстная намъ гора Форка или Форчя; на востокъ же отъ Форки на сѣверной отлогости Музецкихъ горъ берутъ начало многіе горные потоки и поточки, ручьи и ручейки, сливающіеся впослѣдствіи съ потокомъ Барманомъ и вмѣстѣ съ нимъ впадающіе въ рѣку Резью.

Гдѣ только на горахъ, принадлежащихъ Резьѣ, простирается болѣе или менѣе обширная равнина, покрытая травою и вообще зеленью, повсюду взбирается Резьянинъ и превращаетъ этотъ скудный подарокъ природы-мачихи въ луга и пастбища. Подобныя горныя пастбища называются полонинами (planína или planyna, множ. planíne или planyne). На полонинахъ вездѣ построены

хижины, въ которыхъ живутъ лѣтомъ пастухи и пастушки, до тѣхъ поръ, покамѣстъ холодъ и желтѣющая трава не заставляютъ ихъ возвращаться въ долину, вмѣстѣ со своимъ скотомъ. Само собою разумѣется, что мѣстъ, на которыхъ построены эти временные пастушескіе пріюты, нельзя никакъ считать населенными мѣстностями. Между тѣмъ ученые и путешественники, ознакомившіеся съ Резьею весьма поверхностно, приняли нѣкоторыя изъ «полонинъ» за деревни и изобрѣли такія Резьянскія селенія, какъ, напримѣръ, Руштисъ, или pod Rúštju (Ruscès), na Čarnym potoci, Hospodnyci, Auštis (!!), Poviey (!!) и т. п. Горныя полонины берутъ свои названія, по большей части, отъ горъ, холмовъ и возвышенныхъ плоскостей, на которыхъ или подъ которыми находятся. Такъ, напримѣръ, изъ упомянутыхъ выше названій горъ, холмовъ и возвышенныхъ плоскостей повторяются, какъ названія «полонинъ»: Бердо, Канинъ или Чянинъ, Колкъ, Равныя, Ломичь, Осередокъ, Рущи, Планиница, Скала, Провалъ, Хлѣвецъ, Слатина, Яма и т. д.

Изъ неназванныхъ же до сихъ поръ полонинъ Резьянской долины я называю слѣдующія: Планина (Planyna и т. п.) на горѣ Канинѣ, Клинъ (Klìn, Clin), Печная Равень (Pítjina rávan и т. п., Pigineravan) (обѣ у истоковъ рѣки Резьи и у подножья горы Канина), Сартная Равень (Sàrtna ravan и т. п., Sartnaravan) у самой рѣки Резьи на послѣднемъ склонѣ горы Сарта, Лугъ или Логъ (tá na Lóho) вблизи Столбицы, Дриница (Dríníca и т. п., Drinizna) у самой рѣки Резьи вблизи деревни Столбицы, Ломы (ta na Lömih и т. п., Lomme) на горѣ Пустой Гоздъ (? M. Peloso), Равница (tòu Rávance, на картѣ нѣтъ) на югѣ отъ деревни Осоянъ, и т.

Главнымъ же средоточіемъ Резьянскихъ полонинъ являются отлогости горъ и возвышенныя плоскости у истоковъ потока Учьи и на лѣвомъ берегу его. Прежде всего заслуживаетъ вниманія полонина Карница на громадной возвышенной плоскости, съ которой стекаетъ потокъ Учья. Эта полонина принадлежитъ жителямъ общины Нивы и распадается на нѣсколько меньшихъ полонинъ, между которыми можно отмѣтить Нивицу, названіе которой прямо указываетъ на ея принадлежность Нивѣ. Учейской полонины Карницы не слѣдуетъ смѣшивать съ другою Карницей, находящеюся въ долинѣ рѣки Резьи и принадлежащею, какъ полонина, жителямъ общины Столбицы. Изъ другихъ Учейскихъ полонинъ, лежащихъ по лѣвую, сѣверную сторону потока Учьи, и входящихъ въ составъ Учьи, въ противоположность Карницѣ, можно упомя-

нуть о слѣдующихъ: Печи (túp ti Patjáh, на картѣ нѣтъ), Испица (Jispíca и т. п., на картѣ нѣтъ), Межа (tá na Mijè и т. п., на картѣ нѣтъ), Таморъ (tápar Támoru и т. п., Tapartamaro) и т. д. На правомъ, южномъ берегу потока Учьи заслуживаетъ вниманія одна только полонина Расуха (tùu Rasühi и т. п., Rassuca), болѣе или менѣе напротивъ Тамора.

Вслѣдствіе постояннаго увеличенія народонаселенія и невозможности помѣщаться всѣмъ въ прежде основанныхъ деревняхъ, нѣкоторые изъ жителей этихъ деревень выселились и построили постоянныя жилища въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ прежде были только полонины или даже просто лѣса. Такимъ образомъ выходцами изъ деревни Осоянъ населилась прежде необитаемая Учейская котловина. Другія названія подобныхъ вновь основанныхъ селеній я сообщу впослѣдствіи, исчисляя населенныя мѣстности Резьянской волости.

Въ заключеніе этого описанія горной системы Резьянской территоріи, я исчислю здѣсь въ алфавитномъ порядкѣ названія тѣхъ горъ, холмовъ и возвышенныхъ плоскостей, вмѣстѣ съ «полонинами», положеніе которыхъ я по большей части не въ состояніи опредѣлить въ настоящее время, такъ какъ они вовсе не обозначены на топографической картѣ Австрійскаго генеральнаго штаба, и такъ какъ, кромѣ того, я записалъ ихъ безъ надлежащей точности. Вотъ эти названія: Бѣлая Печь (т. е. «бѣлая скала») (Bíla poétj), Бѣлый Плазъ (tá na Bílim plázu), Берегъ или Брѣгъ (Brìh), Ямница (tòu Jámnice), Ящерица (Jáštjarica), Карна (wòn s Kárno), Копица (Köpica и т. п.), Кочяца (Kótjaca, гдѣ-то между горою Низкимъ и деревнею Осоянами), Крочина (т. е. «жабина») (tóu Krótjinej), Ловище (tòu Luvíštje), Млынецъ (wònad Míncon и т. п., гдѣ-то неподалеку отъ деревни Столбицы и горы Пустаго Гозда), Плечице (Plétjice, Plétjace), Пологъ (Pölöh, tòu Pölözoè), Рубъ или Робъ (tou Róbo), Сальварджина (т. е. Salvaregina, Salvardjína), Столецъ (Stolàc), Студенецъ (Studanàc), Шия (Šíja, Šyja), Шиица (tá na Síjice), Шкарбина (Skarbína), Стожье (Štöšjoè), Чямурча печь (т. е. «козулина скала») (Tjamúrča poêtj) и т. д.

Перехожу теперь къ обозрѣнію водъ въ области, населенной Резьянами. Это обозрѣніе естественнымъ образомъ распадается на обозрѣніе рѣки Резьи и ея притоковъ и, затѣмъ, на обозрѣніе притоковъ потока Учьи.

Источники рѣки Резьи находятся на юго-западныхъ отлогостяхъ главной Резьянской горы Канина или Чянина и на за-

надныхъ отлогостяхъ горы Бабы. Изъ ручейковъ, стекающихъ съ этихъ горъ и сливающихся впослѣдствіи подъ общимъ именемъ рѣки Резьи, заслуживаютъ вниманія ручей Бѣлая, непосредственнымъ продолженіемъ котораго является впослѣдствіи главная артерія Резьянской долины, рѣка Резья, и затѣмъ Слажникъ (? Šlážinik, R. Lasnich). Изъ притоковъ рѣки Резьи, впадающихъ въ нее съ правой, сѣверной стороны, подвигаясь отъ ея источниковъ къ устью, мы встрѣчаемъ, между прочимъ, слѣдующіе ручьи и ручейки: Долъ (Dul, Dou, R. Duol), Сухой потокъ (Sühy pötök, R. Suipotoch), Ронкъ (R. Ronch), Сартный потокъ (Sártni pötök, R. Sartni), Влашскій (т. е. Фурланскій) потокъ (Láški pötök, R. Laschi), Ломичь (?) (R. Lommig), Маличинъ потокъ (Máličin pötök и т. п., R. Merecini), Церковный потокъ (Cirkúni pötök и т. п.) между Равенцею и Липовцемъ. Лѣвые, южные притоки Резьи превышаютъ въ общемъ своею величиною и значеніемъ притоки праваго, сѣвернаго берега, но за то ихъ меньше. Вотъ главные изъ нихъ: Свиной потокъ (?, Svíñi pötök, R. Slofigni potoch), Беричинъ потокъ (?, Béričin pötök и т. п., ? R. Poloch), Барманъ, начинающійся у водопада З а г о н и ч ь (?, Žahunèč, Žahonèč), и собирающій въ себя нѣсколько ручейковъ [какъ то Коровій потокъ (Kràuji pötök, наполняющійся водою только во время дождя, и текущій вблизи упомянутаго водопада Загонича), Лыщарскій потокъ (te Líštjarski pötök, ? R. Zucchi) и т. д.], Черный потокъ и т. д.

Притоки рѣки Учьи, берущей начало на поленинѣ Карницѣ и въ своемъ теченіи съ запада на востокъ образующей Учейскую котловину, весьма немногочисленны. Кромѣ уже извѣстныхъ намъ Б ѣ л а г о п о т о к а и В о в ь я г о п о т о к а, мнѣ удалось слышать еще только названіе Х у д о й п о т о к ъ (tá par Húdimu pötöku и т. п.), но я не нашелъ ничего подходящаго на картѣ и совершенно не въ состояніи опредѣлить положеніе этого потока.

Представивъ довольно подробную номенклатуру Резьянскихъ горныхъ возвышенностей и водяныхъ углубленій, я постараюсь познакомить читателей съ обитаемыми мѣстностями въ долинѣ рѣки Резьи и въ Учейской котловинѣ.

Если отъ Фурланской деревни Резьюты, у которой рѣка Резья впадаетъ въ Фелу, придерживаясь праваго, сѣвернаго берега Резьи, войти по довольно удобной шоссейной дорогѣ по-межъ горъ, окаймливающихъ Резьянскую долину, то мы очутимся въ узкомъ проходѣ, который тянется довольно долго и только неподалеку отъ

устья Чернаго потока въ рѣку Резью начинаетъ постепенно расширяться. На всемъ протяженіи этого узкаго прохода нѣтъ Резьянскихъ поселеній. И только недалеко отъ Резьюты по ту, то-есть, лѣвую, южную сторону рѣки Резьи замѣчается поселеніе Resartico, которое точно также какъ Резьюта и Povizzi (деревня, лежащая напротивъ Резьюты, тоже на лѣвомъ берегу Резьи), принадлежитъ Фурланскому племени.

Начиная однакожъ съ того мѣста, гдѣ узкій входъ въ Резьянскую долину принимаетъ уже полу-воронкообразную форму, у подножья полонины Рущи, появляются въ нѣсколькихъ мѣстахъ или отдѣльныя хаты или же даже по нѣскольку хатъ вмѣстѣ. Миновавъ же послѣднее уже болѣе значительное поселеніе подъ Кланцемъ и идя, конечно, все по той же шоссейной дорогѣ, мы входимъ, наконецъ, въ первую Резьянскую деревню, Бѣлую или св. Георгій (toù Bíle и т. п. въ языкѣ другихъ деревень, tùu Šan Džórče и т. п. въ языкѣ жителей самой этой деревни, оффиціально, на картахъ и въ спискахъ, S. Giorgio). Эту деревню называютъ тоже Деревнею по преимуществу (tòu Wasè и т. п.), что во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія. Это названіе, Деревня (toù Wasè и т. п.) присвоено еще только одной части деревни Столбицы; въ остальномъ же оно вовсе не встрѣчается.

На разстояніи 1—1½ версты отъ Бѣлой по той же шоссейной дорогѣ лежатъ три небольшія селенія вмѣстѣ, неимѣющія самостоятельнаго значенія въ административномъ отношеніи: Липовецъ (Lípavac, Lypavac, Lipovaz), Раванца (Rávanca и т. п., оффиціально Sul Prato, на картѣ ложно Resia), Крижацы (Krížaca, на картѣ нѣтъ). Со стороны Бѣлой ближе всѣхъ прочихъ—Липовецъ, который въ административномъ отношеніи и причисленъ къ Бѣлой (S. Giorgio). Если же мы только пройдемъ мостъ на Церковномъ потокѣ, то и очутимся въ Раванцѣ, которая является административнымъ и церковнымъ центромъ всей Резьянской волости, и которой, вслѣдствіе этого, по всей вѣроятности, присвоено на картѣ генеральнаго штаба названіе Resia. Въ Раванцѣ главная приходская церковь и волостное правленіе (municipio) Резьянъ. Пройдя весьма незначительное пространство позади Резьи, мы натыкаемся на Крижацы, про жителей которыхъ жители другихъ деревень и селеній разсказываютъ, что они распинали на крестѣ Спасителя (ni so krížali bòha), и поэтому и получили названіе Крижацевъ («крестовцевъ»).

У Раванцы оканчивается шоссейный путь, идущій изъ Резьюты, и соединяющій центры двухъ сосѣднихъ волостей, Резьюты и Резьи.

Такимъ образомъ путешествіе на лошадяхъ въ другія деревни и селенія чрезвычайно затруднено. И въ самомъ дѣлѣ, мнѣ не случалось видѣть, чтобы кто-нибудь изъ Резьянъ возилъ вещи далѣе Раванцы. Даже оселъ здѣсь не въ употребленіи, и все переносятъ на плечахъ и спинѣ.

Всѣ до сихъ поръ поименованныя населенныя мѣстности Резьянской долины лежатъ по правую, сѣверную сторону рѣки Резьи. Оставаясь на той же сторонѣ и подымаясь все выше и выше, мы, миновавъ нѣсколько незначительныхъ селеній, доходимъ наконецъ до деревни Столбицы, позади которой начинаются уже болѣе или менѣе крутыя отлогости горъ Сарта и Канина. Эта послѣдняя громадная гора кажется въ Столбицѣ весьма близкою, тогда какъ подножья главнаго центра ея, т. е. настоящаго Канина, отдалены отъ Столбицы по крайней мѣрѣ на какихъ-нибудь 4—5 верстъ.

На лѣвомъ, южномъ берегу рѣки Резьи лежатъ двѣ большія Резьянскія деревни, Нива и Осояне, отдаленныя другъ отъ друга меньше чѣмъ на версту (всего 10 минутъ ходьбы), и соединенныя съ Раванцею довольно сноснымъ путемъ. Нива лежитъ на правомъ, восточномъ берегу потока Бармана, въ верху почти прямаго угла, образуемаго этимъ потокомъ и рѣкою Резьей (Бѣлой). Съ другой же стороны этого потока, на небольшихъ возвышенныхъ плоскостяхъ, лежатъ два селенія, въ административномъ отношеніи причисленныя къ Нивѣ, и обязанныя своимъ происхожденіемъ выходцамъ изъ этой деревни, но географически составляющія въ настоящее время вполнѣ самостоятельныя единицы. Эти селенія: Гоздъ (Hözd, Gost) и Лыщацы или Лищацы (Líštjaca, Lisciaza).

Ознакомившись съ названіями мѣстностей, не мѣшаетъ тоже узнать, какія названія свойственны обитателямъ этихъ мѣстностей. И такъ, жители Бѣлой и Липовца имѣютъ названіе Бѣльскихъ (ti Bíski, tí tou Bíli ano tí tou Lípopce), жители Раванцы—тѣ на Раванцѣ (tí ta na Rávance), жители Столбицы—Столбичане или Столбицкіе (ti Šòlbaški, ti Šòubaški и т. п., Šolbičáni и т. п.), жители Нивы—Нивяне или Нивскіе (Ńívjani, ti Ńívaški), жители Осоянъ—Осояне или Осойскіе (Osojáni, Osoáni, tí Osójski) и т. д. Наконецъ обитатели Учейской котловины называются Учьярскими (ti Učjárski, tí tou Učjì и т. п.).

Кромѣ выше поименованныхъ болѣе или менѣе значительныхъ населенныхъ мѣстностей, въ Резьянской долинѣ имѣются еще слѣдующія поселенія, иногда состоящія изъ двухъ или даже одного дома: Дурунда (tá par Durúnde, ? Cernipotoch) (два дома, первые въ

Резьи со стороны Резьюты), Лазъ (tá na Lázu, Las), Кланецъ (tá pod Kláncon) (семь домовъ между Дурундою и Бѣлою), Мартыновъ Лазъ (Martíñi Laz, Martignilaz) (четыре дома между Крижцами и Маличинымъ потокомъ), Боровичье (Borovíčje) (три дома позади Мартынова Лаза), За Млынъ (za Mlín и т. п., Damelin), Хостье (höroè u Hóstje tá par Hudičánenih) (три дома), Постѣна (?, tòu Pöstoenoe и т. п.) (нѣсколько домовъ вблизи Гозда), Млынъ (tá za Mlínon tá par Opótovih и т. п.) (одинъ домъ), Илъ (Jèl tá na Líštjacih, tá na Jílu и т. п.), Учьякъ (Učják), Манилуя или Менилуя (Menilúja, Manilúja), Пелегриновы (tá par Pylyhrýnüvyh) (обѣ на пути изъ Нивы на Карницу), Лазъ (tá na Lázu) (вблизи Гозда, tá na Hözdoè, и Манилуи), Лончище (tá na Lúnčistje tá par Kárlino Pоporóco и т. п.) (нѣсколько домовъ), За Колкомъ (tá za Kòlkon tá par Jájinih и т. п.), Калище (Kalíštje, tá na Kalíštji и т. п., Calisgo) (вблизи Осоянъ), Блекъ (?, Blèk, tòu ti Bloecoè и т. п.) (одинъ домъ), Корыто (tá na Kürýtoe, tá na Kuríte, tá na Körytoe и т. п., Coritis), Ченгарлиновъ Млынъ (Cengarlínou mlìn и т. п.), Фулинецъ (Fulínac, tá za Fulíncen и т. п.) (мельница) и т. д.

Выше я сказалъ, что во многихъ мѣстахъ, гдѣ прежде были однѣ только полонины и стояли только временныя постройки пастуховъ, впослѣдствіи времени поселились навсегда нѣкоторые изъ обитателей главныхъ Резьянскихъ деревень, выстроивъ себѣ, конечно, соотвѣтственные дóмы. Такимъ образомъ произошли всѣ поселенія въ необитаемой прежде котловинѣ потока Учьи, какъ-то: Руи (tá pod Rumí), подъ Зорми (tá pod Zormí) (Зора, Zorá или Zóra, есть гора), Моцесины (tah Mocésinen), Маринклешичевы (tá par Marinkléšitjuvih) и т. д. Въ Резьянской же долинѣ подъ эту категорію можно бы подогнать, по всей вѣроятности, большинство выше поименованныхъ незначительныхъ мѣстностей. Кромѣ того, я укажу еще на слѣдующія теперь населенныя мѣстности, еще не такъ давно развившіяся изъ простыхъ полонинъ: Брайда (tòu Brájde и т. п.), Дриница, Лугъ или Логъ, Млынъ, (нижній) Хлѣвецъ (всѣ вблизи Столбицы), Корыто, Яма, Клинъ, Бердо, Слатина, Хлѣвецъ (эти шесть мѣстностей, съ Корыта по Хлѣвецъ, построены на Осойскихъ полонинахъ, и еще теперь въ административномъ отношеніи составляютъ одно цѣлое съ Осоянами), Ронкъ вблизи Корыта на границѣ между владѣніями деревень Столбицы и Осоянъ, Запусты, Бранъ или Забранъ и т. д.

Само собою разумѣется, что всѣ исчисленныя выше болѣе значительныя Резьянскія деревни и селенія распадаются на нѣсколько

частей съ совершенно особыми, самостоятельными названіями. Средоточіемъ подобныхъ частей является или площадь, или улица, или извѣстная возвышенность, или вообще что нибудь въ этомъ родѣ. Для примѣра назову здѣсь слѣдующія части главныхъ деревень: въ Бѣлой (S. Giorgio): Робида (tá pod Rubído); въ Раванцѣ (Sul Prato): Кальварія (Kalvárih, холмъ, на которомъ стоитъ церковь Раванская); мѣстности въ Столбицѣ: Гать (tá na Hátje), Ладина (tá na Ladýnoe), Долъ, Хостъ, Весь, Лазъ, за Церковью (ta strán Crkvé), Горица (т. е. «площадь») (tá na Hörýcoe), Прѣсаки (tá na Prísakih и т. п.), Бердо и т. д.; въ Нивѣ: Ледина (tá za Lydýno) и т. д.; въ Осоянахъ (Oseacco): у Креста (tá par Krížu) и т. д.

Изъ необитаемыхъ мѣстностей (урочищъ) Резьи замѣчательны, между прочимъ, слѣдующія: Господница (Góspödnica), мѣстность возлѣ деревни Бѣлой и селенія Кланца, на которой, по народному преданію, поселились первые Резьяне, и на которой, затѣмъ, стояла первая Резьянская церковь. Теперь же здѣсь никто не живетъ. Эту мѣстность, Господницу, называютъ тоже Кланцемъ, смѣшивая ее такимъ образомъ съ населенною въ настоящее время мѣстностью того же имени. У Крестовъ или Почивалица (т. е., мѣсто отдохновенія) (tá na Pučiwalce, Pučiwálca и т. п.). Эта мѣстность находится на половинѣ дороги изъ Нивы на «полонину» Карницу. Идущіе туда или сюда) изъ Нивы на Карницу или же наоборотъ) всегда здѣсь отдыхаютъ, и именно на большомъ камнѣ или же возлѣ него. Этотъ камень замѣчателенъ тѣмъ, что по двумъ его сторонамъ нарѣзаны два креста, съ которыми связано сообщенное въ концѣ этой статьи преданіе. Градъ (wòna Grâd, Hrâd и т. п.). Здѣсь, по народному преданію, стоялъ когда-то зáмокъ, слѣды котораго въ самомъ дѣлѣ до сихъ поръ замѣтны. Яма, оная Яма (jíta Jáma и т. п., то-есть, «яма» или «гротъ» по преимуществу). Народное преданіе гласитъ, что въ этомъ гротѣ есть золотая руда. Вблизи упомянутаго грота находится водопадъ Загоничь (Zagunìč), дающій начало потоку Барману. Возвышенность Муцово (Múcowo), на которой, согласно народному повѣрію, пляшутъ вѣдьмы и во время пляски производятъ градъ, противъ котораго единственное средство звонить въ колокола (zwunìt húdo úro). Ожгище (пожарище, погорѣлое мѣсто) (höroè pö Öžištje). Смрѣчье (Śmríčje и т. п.), т. е. мѣстность, покрытая соснами. Слапы (ta dòu Slapíh), т. е., водопады, — мѣстность въ рѣкѣ Бѣлой или Резьѣ, пониже моста между Раванцею и Нивою, гдѣ глубокая вода.

Все выше сказанное относится къ чисто географической сторонѣ Резьянской долины и Учейской котловины, составляющихъ вмѣстѣ Резью, какъ мѣстопребываніе людей Резьянскаго племени, независимо отъ политической принадлежности и административнаго раздѣленія этой географической единицы. Теперь взглянемъ на землю Резьянъ, какъ на часть извѣстнаго государства, и какъ на административную единицу, состоящую изъ еще меньшихъ единицъ.

Всѣмъ, знакомымъ хоть сколько нибудь съ очертаніями границъ Европейскихъ государствъ, извѣстно, что линія, составляющая сѣверную границу теперешней Италіи, и въ своей восточной части отдѣляющая ее, Италію, отъ Австрійскихъ владѣній, немного къ востоку отъ извѣстнаго намъ Желѣзнаго Канала или Желѣзной Долины, въ области уже Юлійскихъ альпъ, дѣлаетъ крутой поворотъ къ югу и въ этомъ направленіи, съ сѣвера на югъ, тянется до самаго Адріатическаго моря. Такимъ образомъ линія сѣверной границы Италіи съ линіею ея восточной границы образуетъ почти прямой уголъ. Въ самомъ верху этого угла лежитъ небольшая долина потока Дони, а къ югу отъ нея долина потока или рѣки Раколяны. Обѣ эти долины, какъ я выше сказалъ, принадлежатъ въ настоящее время Романскому племени, представителемъ котораго въ этой части Италіи являются Фурлане или Фріуляне (Friulani, по-Фурлански Furlans). Перебравшись черезъ горы, закрывающія съ юга долину Раколяны, мы очутимся въ долинѣ рѣки Бѣлой или Резьи, про которую, слѣдовательно, можно приблизительно сказать, что она лежитъ въ верху угла, образуемаго линіями сѣверной и восточной границы Италіи.

Итакъ, въ политическомъ отношеніи Резья принадлежитъ Италіи и находится на самой ея восточной границѣ. До окончательнаго присоединенія Венеціянской области къ Италіи въ 1866 г., Резья составляла частичку Австрійской Венеціянской области или Венеціянскаго генералъ-губернаторства (gouvernement von Venedig) или даже Венеціянскаго королевства (regno Veneto, Königreich Venedig), а до Австро-Французской войны 1859 г.—частичку Ломбардо-Венеціянскаго королевства (Lombardisch-Venetianisches Königreich). И въ настоящее время Венеція является въ нѣкоторомъ отношеніи центромъ для всѣхъ частей бывшей Венеціянской области Австріи.

Въ административномъ отношеніи вся Резья, какъ населенная мѣстность, составляетъ одну волость (comune), принадлежащую къ Мужацкому уѣзду (distretto di Moggio) и округу (circondario di

Moggio), столица котораго Мужацъ или Моджіо (Moggio, Рез. Múžac). Мужацкій же округъ составляетъ одинъ изъ округовъ Фріульской или Видемской (Удинской) провинціи (губерніи) (provincia del Friuli, provincia Udinese). Главный городъ этой провинціи Видемъ или Удине. Выборы въ палату депутатовъ Мужацкій округъ производитъ въ Тольмеццо или въ Тумьечѣ (Tolmezzo, Рез. Tumjèč), такъ-что избирательнымъ центромъ для Резьи является не Мужацъ, но Тумьечъ, большое село или, съ Русской точки зрѣнія, городъ, лежащій на западъ отъ Мужаца, у устья рѣчки Бутъ (But) въ рѣку Тальяменто.

Судъ первой инстанціи для Резьянской волости находится въ Мужацѣ, второй или трибуналъ — въ Тумьечѣ и, наконецъ, аппеляціонный судъ—въ Венеціи (Venezia, Рез. Bañitke). Эти три мѣстности составляютъ для Резьи судебные центры разныхъ степеней [1]).

Считаю нелишнимъ сообщить здѣсь разстоянія нѣкоторыхъ мѣстностей Резьи отъ только-что названныхъ административныхъ и судебныхъ центровъ. Разстоянія эти выражены въ километрахъ. Первая Резьянская деревня со стороны Резьюты, то-есть, Бѣлая, отстоитъ отъ Венеціи на 189,70 килом., отъ Тумьеча — на 24,10 килом., отъ Мужаца же—14,00 килом. Разстоянія деревни Нивы: отъ Венеціи—190,80 килом., отъ Тумьеча—24,90 килом., отъ Мужаца—14,80 килом. Деревня Осояне: отъ Венеціи—192,30 килом., отъ Тумьеча—26,70 килом., отъ Мужаца—16,60 килом. Деревня Столбица: отъ Венеціи — 194,80 килом., отъ Тумьеча — 29,20 килом., отъ Мужаца—19,10 килом. Разстоянія поселенія и полонинъ (горныхъ пастбищъ) Корыто: отъ Венеціи—201,89 килом., отъ Тумьеча—36,35 килом., отъ Мужаца — 26,27 килом. Поселенія и полонины, извѣстныя подъ общимъ именемъ Учьи: отъ Венеціи—205,59 килом., отъ Тумьеча—40,35 килом., отъ Мужаца — 29,97 килом. А вообще Резьянская волость: отъ Венеціи — 189,00 килом., отъ Тумьеча—23,40 килом., отъ Мужаца—13,30 километровъ [2]).

---

[1]) Ср. «Dizionario dei comuni del Regno d'Italia con la popolazione secondo il censimento del 1871 le circoscrizioni amministrativa, elettorale politica e giudiziaria e con indicazione dei comuni nei quali trovansi uffizi postali e telegrafici, stazioni ferroviarie e scali marittimi compilato e pubblicato coll' approvazione del ministero dell' interno». Seconda edizione. Roma 1873. См. подъ словомъ Resia (già S. Giorgio di Resia).

[2]) Ср. «Itinerario delle distanze chilometriche da ciascun Paese della provincia del Friuli ai Tribunali d'Appello in Venezia e Correzionale di Udine, Pordenone e Tolmezzo nonchè al corrispondente Mandamento Pretoriale». Другое заглавіе: «Stato delle distanze chilometriche da ciascun Paese della provincia del Friuli ai Tribunali d'Appello in Venezia, e Correzionale di Udine, Pordenone e Tolmezzo; nonchè al corrispondente Mandamento

Въ Резьѣ нѣтъ ни почтовой, ни телеграфной станціи. Ближайшія станціи, какъ почтовая для писемъ и вообще для корреспонденціи, такъ и телеграфная, находятся въ столицѣ уѣзда и округа, то-есть, въ Мужацѣ. Письма въ Мужацъ и обратно носитъ волостный посыльный (cursore comunale, по-Рез. künsör и т. п.), и за каждое письмо получаетъ съ отправителей и получателей по 5 чентезимовъ или сантимовъ (5 centesimi, по-Резьянски pet čentézimou), что̀ равняется болѣе или менѣе 1¼ копѣйкѣ. Такъ какъ почтовая и телеграфная станція находятся въ Мужацѣ, то и разстояніе отъ нихъ до начала Резьи можно опредѣлить приблизительно на 13—14 километровъ (срв. только-что сообщенныя разстоянія отдѣльныхъ Резьянскихъ мѣстностей отъ Венеціи, Тумьеча и Мужаца).

Какъ вездѣ въ Италіи, такъ и въ этомъ краѣ пассажирская почта не находится въ вѣдѣніи правительства, но сдана частнымъ лицамъ на откупъ. Это было сдѣлано Итальянскимъ правительствомъ съ цѣлью получить заразъ всѣ барыши, хотя, конечно, въ уменьшенныхъ размѣрахъ, и такимъ образомъ покрыть извѣстную часть ужасающаго дефицита казны. Съ тою же цѣлью сданы въ Италіи на откупъ подати, разныя пошлины и т. п. Станціи пассажирской почты не совпадаютъ со станціями почты пересылочной, и ихъ, разумѣется, больше, нежели этихъ послѣднихъ. Такъ, напримѣръ, уѣзжая изъ Резьи и желая воспользоваться ближайшею пассажирскою почтой, не нужно доѣзжать до Мужаца, но можно сѣсть въ почтовый омнибусъ въ первомъ не-Резьянскомъ селѣ, въ Резьютѣ. По особому соглашенію съ откупщиками пассажирскихъ почтъ, по трактамъ, лишеннымъ желѣзныхъ дорогъ, вся корреспонденція перевозится въ Италіи въ пассажирскихъ омнибусахъ.

Ближайшая для Резьянъ станція желѣзной дороги находится въ Удине. Со-временемъ, когда будетъ построена желѣзная дорога между Удине и Понтебою, съ соединительною вѣтвію въ Австрійскихъ владѣніяхъ отъ Понтафля до Тербижа, и когда сѣверная часть этой дороги по необходимости должна будетъ пройти черезъ Желѣзный Каналъ, такъ что одинъ изъ ея воззаловъ будетъ находиться или въ Резьютѣ или же въ Мужацѣ, тогда, конечно, и для Резьи настанутъ въ этомъ отношеніи лучшія времена. Тогда

Pretoriale». См. подъ словомъ S. Giorgio di Resia. Въ этой брошюрѣ, относительно Резьи, есть два промаха: во-первыхъ—Учья названа здѣсь, вслѣдствіе опечатки, Unca вм. Uccea; во-вторыхъ же—Корыто и Учьи приводятся, какъ самостоятельныя административныя единицы или общины (frazioni), между тѣмъ какъ по настоящему они составляютъ только части общины Осоянъ (см. ниже).

достаточно будетъ доѣхать на лошадяхъ или же дойти пѣшкомъ только до Резьюты или до Мужаца, чтобы сейчасъ же очутиться въ вагонѣ и ѣхать по желѣзной дорогѣ, куда захочется.

Резьянская волость, какъ и всѣ Итальянскія волости въ административномъ отношеніи является простѣйшею, недѣлимою единицей. Во главѣ ея стоитъ старшина (sindaco, Рез. šíndik), выбираемый каждые три года (по-Резьянски: wsáke tri líta sà pridíwa šíndika). Тѣмъ не менѣе должность старшины или синдика здѣсь по преимуществу почётная, и власть его болѣе номинальная, нежели существенная. Онъ, конечно, считается первымъ лицемъ въ волости, предсѣдательствуетъ на собраніяхъ волостныхъ выборныхъ или совѣтниковъ, но настоящая власть во всякой Итальянской волости сосредоточивается въ рукахъ волостнаго писаря или секретаря, назначаемаго правительствомъ. Въ этомъ отношеніи муниципальное устройство Италіи представляетъ полнѣйшее сходство съ муниципальнымъ устройствомъ Франціи.

Недѣлимость Итальянской волости имѣетъ мѣсто только съ чисто административной точки зрѣнія, то-есть, по всѣмъ тѣмъ вопросамъ, которые составляютъ принадлежность министерства внутреннихъ дѣлъ. Что̀ же касается взаимныхъ отношеній жителей волости, платимыхъ ими податей и другихъ повинностей, Итальянская волость не представляетъ недѣлимой, простѣйшей, крайней единицы, но распадается на нѣсколько меньшихъ, уже безусловно недѣлимыхъ единицъ, которыя по-Русски можно бы назвать общинами (frazioni, Рез. fracjúni). Такъ и Резьянская волость состоитъ изъ четырехъ общинъ: Сан-Джіорджіо, Нива, Осояне, Столбица. Въ составъ общины Сан-Джіорджіо входятъ слѣдующія деревни и селенія (borgo, мн. borghi, Рез. bork, мн. bòrkuvi): Бѣлая, Липовецъ (селеніе, состоящее изъ 15 домовъ), Дурунда (2 дома), Кланецъ (7 домовъ), 3 дома въ Раванцѣ. Деревни и селенія, составляющія общину (frazione) Нива, суть слѣдующія: Нива, Крижацы (11 домовъ), Гоздъ, Лончище, Колкъ, Лыщацы или Лищацы, Бранъ, 1 домъ въ Раванцѣ. Въ составъ общины Столбицы входятъ деревни и селенія: Столбица, Сартъ, часть Корыта, 2 дома въ Раванцѣ. Наконецъ, самая большая община Осояне состоитъ изъ слѣдующихъ деревень и селеній: Осояне, вся населенная Учья, остальная часть Корыта, Яма, Клинъ, Бердо, Слатина, Хлѣвецъ, Млынъ, 1 домъ въ Раванцѣ.

Причина принадлежности Учьи къ общинѣ Осоянамъ та, что Учья населена потомками выходцевъ изъ Осоянъ, выселившимися

туда, по мѣстному преданію, сто лѣтъ назадъ. Подобная же причина несамостоятельности и раздѣленія между всѣхъ четырехъ общинъ центральной Резьянской мѣстности, Раванцы. Вся эта мѣстность составилась изъ выселенцевъ изъ четырехъ большихъ деревень: Бѣлой, Нивы, Столбицы и даже изъ Осоянъ. Этотъ приливъ населенія изъ другихъ мѣстностей не кончился до сихъ поръ, такъ-что только въ пяти или шести Раванскихъ домахъ живутъ мѣстные уроженцы, остальные же до́мы построены вновь прибывшими изъ Столбицы и изъ Бѣлой.

По мѣстному преданію, на Раванцѣ начали селиться только тогда, когда выстроили церковь. Выстроили же церковь будто бы 1000 лѣтъ назадъ. Эта цифра, основанная на мнѣніи нѣкоторыхъ Резьянъ, между прочимъ, секретаря волости Буттоло, не имѣетъ, конечно, ни какого историческаго основанія. Въ настоящее время въ Раванцѣ помѣщаются какъ гражданскія, такъ и церковныя власти Резьянской волости: здѣсь канцелярія волостнаго правленія, здѣсь таможня, здѣсь приходская церковь, здѣсь живутъ всѣ священники (joèruvi), какъ приходскій (plaván), такъ и два капеляна (kapalán), здѣсь оба училища, мужское и женское, здѣсь, наконецъ, относительно самое значительное количество трактировъ и постоялыхъ дворовъ.

Всѣ Резьяне вѣроисповѣданія Римско-католическаго, и состоятъ въ вѣдѣніи Удинскаго или Видемскаго архіепископа. Но, на подобіе еще нѣкоторыхъ другихъ, впрочемъ весьма немногочисленныхъ, приходовъ сѣверной Италіи, Резьяне сами выбираютъ себѣ приходскаго священника, и архіепископъ не имѣетъ права навязывать имъ того, кого они не желаютъ. Въ выборахъ участвуютъ всѣ взрослые граждане мужескаго пола, и изъ нѣсколькихъ кандидатовъ считается избраннымъ тотъ, кто получилъ абсолютное большинство голосовъ. При послѣднихъ выборахъ, происходившихъ, кажется, въ 1871 г., было два кандидата въ приходскіе священники: природный Резьянинъ и весьма образованный человѣкъ (авторъ статьи о Резьянахъ, о которой я скажу впослѣдствіи нѣсколько словъ), Стефанъ Валенте (Don Stefano Valente), и ни чѣмъ незамѣчательный Славянинъ изъ св.-Петровскаго уѣзда. Избиратели раздѣлились на двѣ партіи: одна состояла по-преимуществу изъ болѣе зажиточныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе образованныхъ Резьянъ, ко второй же примкнули болѣе или менѣе всѣ бѣдные жители прихода. Первая партія желала имѣть приходскимъ свя-

щенникомъ своего земляка, Валенте, вторая же рѣшительно воспротивилась этому, и именно—принимая въ соображеніе его, Валенте, болѣзненность, вслѣдствіе которой онъ, по ихъ мнѣнію, не могъ бы поспѣть во-время ко многимъ умирающимъ и вообще не могъ бы, какъ слѣдуетъ, исправлять свои обязанности. При этомъ противники Валенте упускали изъ вида его добросовѣстность, и совершенно не обращали вниманія на то обстоятельство, что онъ вѣдь былъ бы не одинъ, а имѣлъ бы двухъ помощниковъ въ лицѣ приходскихъ капеляновъ. А такъ какъ бѣдняковъ вездѣ больше, то и въ настоящемъ случаѣ они получили перевѣсъ, и партія священника Валенте оказалась въ меньшинствѣ. Приходскимъ священникомъ былъ выбранъ его соперникъ, до августа 1873 г., т. е., втеченіе двухъ лѣтъ, невыучившійся по-Резьянски и говорящій проповѣди на такомъ языкѣ, котораго никто не въ состояніи понять. Потерпѣвъ неудачу на своей родинѣ, Стефанъ Валенте остался викаріемъ въ Платищахъ (въ области сѣверно-Итальянскихъ Сербо-Хорватовъ), гдѣ онъ прозябаетъ въ крайне бѣдственномъ положеніи [1]).

Покровителемъ (патрономъ) Резьи считается святый Георгій (Svéti Šan Džorč), церковь (církou) котораго находится въ деревнѣ Бѣлой. Но въ настоящее время главною, приходскою, церковью Резьи является не Бѣльская церковь св. Георгія, но церковь въ Раванцѣ, посвященная Богородицѣ (cirku od Maríje vérdjine), возлѣ которой стоитъ домъ приходскаго священника (kanönyha) и живутъ всѣ священники (joèrö, oèrö, множ. joèruvi), какъ плебанъ (plavân), такъ и два капеляна (kapalân). Кромѣ того, есть церкви въ Нивѣ, въ Осоянахъ и въ Столбицѣ, и въ извѣстные опредѣленные дни во всѣхъ этихъ церквахъ (костёлахъ), подобно тому какъ и въ Бѣльской церкви св. Георгія, совершается богослуженіе. Нивская церковь состоитъ подъ покровительствомъ св. Флоріяна («tá na Ňyvoe ni májo Florjána prōtoetörja»). Есть тоже маленькая деревянная церковь (часовня) на полонинѣ Карницѣ, построенная въ честь святой Анны, извѣстной подъ именемъ Кар-

[1]) Здѣсь разъ навсегда считаю долгомъ замѣтить, что факты, сообщаемые въ этой статьѣ, основаны на свѣдѣніяхъ, собранныхъ мною въ 1873 г., и мнѣ совершенно неизвѣстны событія, совершившіяся въ Резьѣ съ сентября мѣсяца 1873 г. по настоящее время. Такъ и въ этомъ случаѣ я не могу ручаться, все ли такъ, какъ было въ 1873 г., остается ли до сихъ поръ тотъ же приходскій священникъ, не замѣненъ ли онъ кѣмъ нибудь другимъ, можетъ быть даже Стефаномъ Валенте, не поступилъ ли этотъ послѣдній въ Резью учителемъ мужскаго училища, какъ это было его задушевнымъ желаніемъ, и т. д. Все это вопросы, на которые я пока не могу дать ни положительнаго, ни отрицательнаго отвѣта.

ницкой Богородицы («Ta mála cirkou, ta mála cyrkvýca; joè ta nútri svéta šinta A'na, ná ma jymoe Madóna *di* Karnica»). Въ этой часовнѣ разъ или два раза въ годъ совершается богослуженіе для пастуховъ и пастушекъ. Только Учья совершенно лишена церкви, и ея жители, принадлежащіе, конечно, къ приходу Резьи, должны ходить или на Раванцу, или же въ не столь отдаленныя церкви ближайшихъ Австрійскихъ деревень.—Только въ одной приходской церкви на Раванцѣ есть оргáны; но и здѣсь, за неимѣніемъ органиста, они совершенно безмолвствуютъ. Въ остальныхъ же, какъ кажется, болѣе древнихъ церквахъ оргáновъ нѣтъ и, по всей вѣроятности, никогда не было.

Кромѣ трехъ священниковъ, живущихъ въ Раванцѣ, и пяти церковниковъ (münih, мн. münihuvi), присматривающихъ за каждою изъ названныхъ выше главныхъ церквей, на Раванцѣ, въ Бѣлой, на Столбицѣ, на Нивѣ и въ Осоянахъ или въ Осояхъ, заслуживаетъ вниманія особая, какъ утверждаютъ Резьяне, исключительно Резьянская церковная должность, извѣстная подъ именемъ камерара (camerario, tjamarár). Обязанность камерара состоитъ въ собираніи суммы, нужной для украшенія церкви и содержанія ея въ надлежащемъ порядкѣ. Деньги эти камераръ собираетъ главнымъ образомъ по воскресеньямъ и праздникамъ, и именно съ лицъ присутствовавшихъ при совершеніи обѣдни и по окончаніи ея собравшихся на площади передъ церковью, и затѣмъ съ тѣхъ, кто, для веселаго препровожденія времени, отправляется послѣ полдня часахъ въ тотъ или другой трактиръ. Камераръ подходитъ къ каждому изъ присутствующихъ и обращается къ нему со стереотипною просьбой не забывать о храмѣ Божьемъ. Какъ говорятъ, въ прежнія времена каждая изъ пяти Резьянскихъ церквей имѣла своего камерара. Теперь же этотъ обычай сохранился только на Нивѣ. Въ 1873 г. камераромъ былъ здѣсь еще молодой (лѣтъ 30—35), но женатый человѣкъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ.

Какъ извѣстно, статистическія исчисленія даютъ самое вѣрное и точное понятіе о взаимныхъ отношеніяхъ какъ между народонаселеніемъ и обитаемою имъ страною, такъ и между отдѣльными категоріями самого населенія. Поэтому я сообщу подробную статистику Резьянской волости. Эта статистическая картина Резьи составлена мною по даннымъ, предупредительно сообщеннымъ мнѣ въ 1873 г. волостнымъ секретаремъ Резьи, Буттоло (Buttolo). На основаніи этихъ данныхъ, составленъ тоже оффиціальный статисти-

ческій отчетъ: «Bollettino № 7. Anno VII [1]). 1873. Prefettura della provincia di Udine».

Прежде всего, слѣдуетъ замѣтить, что поверхность Резьянской волости равняется 119,8 квадратнымъ километрамъ, изъ которыхъ, какъ мнѣ кажется, болѣе половины слѣдуетъ отсчитать на горы, овраги, пески и вообще совершонно безплодную почву.

Прямыхъ налоговъ эта волость платитъ 2608 франковъ.

Затѣмъ, по народной переписи, совершонной во всей Италіи въ ночь съ 31 декабря 1871 г. на 1 января 1872 г., состояніе народонаселенія Резьянской волости представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	Присутствовавшихъ.	Отсутствовавшихъ.	Изъ присутствовавшихъ: Мужчинъ.	Женщинъ.
Община (frazione) Бѣлая .	527	128	201	326
» Нива	495	122	206	289
» Осояне съ Учьею.	929	293	385	544
» Столбица	586	195	245	341
Итого	2537	738	1037	1500

Вмѣстѣ, присутствовавшихъ и отсутствовавшихъ:

$$2537 + 738 = 3275$$ человѣкъ.

Стало-быть, изъ 3275 всего населенія 738, то-есть, болѣе чѣмъ $^1/_5$ часть отсутствовала, то-есть, отправилась за заработкомъ въ другіе краи. Процентное отношеніе между присутствовавшими и отсутствовавшими выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: 22,5% отсутствовавшихъ и 77,5% присутствовавшихъ. Процентное отношеніе половъ между присутствовавшими есть слѣдующее: 41% мужчинъ и 59% женщинъ. Этотъ громадный перевѣсъ женскаго населенія надъ мужскимъ объясняется тѣмъ, что, относительно только, немногія женщины оставляютъ Резью и ищутъ заработковъ въ другихъ краяхъ, такъ-что значительное большинство между отсутствовавшими 31 декабря 1871 г. придется на долю мужчинъ.

Относительно различныхъ возрастовъ жителей, присутствовавшихъ въ Резьѣ 31 декабря 1871 г., они распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

[1]) Годъ *седьмой*, VII, считая съ 1866 г., какъ того года, въ которомъ Венеціянская область была присоединена къ Италіи.

1) Некончившіе одного года:

Мѣсяца.	Мужчины.	Женщины.	Вмѣстѣ.
1	2	4	6
2	4	6	10
3	3	5	8
4	1	4	5
5	4	3	7
6	6	3	9
7	7	3	10
8	4	3	7
9	4	5	9
10	5	6	11
11	1	4	5
Итого	41	46	87

2) Съ 1 года до 7 лѣтъ, то-есть, въ не-школьномъ возрастѣ (всѣ неграмотные):

Лѣта.	Мужчины.	Женщины.	Вмѣстѣ.
Кончившіе 1 годъ .	36	26	62
» 2 года .	34	24	58
» 3 » .	30	40	70
» 4 » .	45	36	81
» 5 лѣтъ .	39	39	78
» 6 » .	35	35	70
Итого	219	200	419

3) Съ 7 до 19 лѣтъ, то-есть, въ возрастѣ дѣтскомъ и юношескомъ до времени заключенія браковъ:

ВОЗРАСТЪ.	Мужчины.			Женщины.			Вообще.			Всѣхъ вмѣстѣ.		
	Читающіе.	Читающіе и пишущіе.	Неграмотные.	Читающія.	Читающія и пишущія.	Неграмотныя.	Читающіе.	Читающіе и пишущіе.	Неграмотные.	Мужчинъ.	Женщинъ.	И тѣхъ и другихъ вмѣстѣ.
Кончившіе:												
7 лѣтъ.	1	—	39	—	—	38	1	—	77	40	38	78
8 »	3	—	38	—	—	43	3	—	81	41	43	84
9 »	2	—	37	—	2	31	2	2	68	39	33	72
10 »	2	4	27	—	2	27	2	6	54	33	29	62
11 »	—	6	20	—	1	36	—	7	56	26	37	63
12 »	5	3	20	—	2	38	5	5	58	28	40	68
13 »	—	4	17	—	3	34	—	7	51	21	37	58
14 »	—	7	21	—	—	19	—	7	40	28	19	47
15 »	—	3	16	—	1	21	—	4	37	19	22	41
16 »	—	5	13	—	—	27	—	5	40	18	27	45
17 »	—	4	10	—	1	22	—	5	32	14	23	37
18 »	—	4	3	—	2	28	—	6	31	7	30	37
Итого .	13	40	261	—	14	364	13	54	625	314	378	692

Всѣ лица только-что поименованныхъ возрастовъ холостыя.

4) Съ 19 лѣтъ до самаго поздняго возраста.

Возрастъ.	Мужчины.							Женщины.							Обоихъ половъ.						
				Грамотность.							Грамотност.							Грамотность.			
	Холостые.	Женатые.	Вдовые.	Читающіе.	Читающіе и пишущіе.	Неграмотные.	Всѣхъ вмѣстѣ.	Незамужнія.	Замужнія.	Вдовы.	Читающія.	Читающія и пишущія.	Неграмотныя.	Всѣхъ вмѣстѣ.	Холостые.	Женатые и замужнія.	Вдовые.	Читающіе.	Читающіе и пишущіе.	Неграмотные.	ИТОГО.
Кончившіе:																					
19 лѣтъ .	12	—	—	—	3	9	12	25	1	—	—	—	26	26	37	1	—	—	3	35	38
20 » .	13	—	—	—	5	8	13	25	—	—	—	—	25	25	38	—	—	—	5	33	38
21 годъ. .	14	—	—	—	4	10	14	20	4	—	—	1	23	24	34	4	—	—	5	33	38
22 года. .	4	2	—	—	4	2	6	32	3	—	—	2	33	35	36	5	—	—	6	35	41
23 » .	10	1	—	—	4	7	11	16	8	—	—	—	24	24	26	9	—	—	4	31	35
24 » .	6	—	—	—	3	3	6	3	8	1	—	—	12	12	9	8	1	—	3	15	18
25 лѣтъ .	13	3	—	—	4	12	16	9	12	2	—	—	23	23	22	15	2	—	4	35	39
26 » .	3	4	—	—	3	4	7	9	7	—	—	—	16	16	12	11	—	—	3	20	23
27 » .	8	4	—	—	—	12	12	7	11	—	—	1	17	18	15	15	—	—	1	29	30
28 » .	5	4	—	—	1	8	9	9	17	—	—	—	26	26	14	21	—	—	1	34	35
29 » .	4	8	—	—	3	9	12	6	16	—	—	1	21	22	10	24	—	—	4	30	34
30 » .	4	9	—	—	1	12	13	6	13	—	—	1	18	19	10	22	—	—	2	30	32
31 годъ. .	2	7	—	—	2	7	9	6	13	—	—	—	19	19	8	20	—	—	2	26	28
32 года. .	6	11	—	—	6	11	17	6	19	—	—	—	25	25	12	30	—	—	6	36	42
33 » .	6	6	—	—	2	10	12	3	13	1	—	—	17	17	9	19	1	—	2	27	29
34 » .	3	7	2	—	4	8	12	5	15	—	—	—	20	20	8	22	2	—	4	28	32
35 лѣтъ .	1	6	1	—	1	7	8	5	15	1	—	—	21	21	6	21	2	—	1	28	29
36 » .	1	8	—	—	4	5	9	7	15	1	—	—	23	23	8	23	1	—	4	28	32
37 » .	—	6	1	—	1	6	7	2	22	1	—	3	22	25	2	28	2	—	4	28	32
38 » .	2	7	—	—	2	7	9	5	12	—	—	—	17	17	7	19	—	—	2	24	26
39 » .	1	6	—	—	2	5	7	—	12	2	—	1	13	14	1	18	2	—	3	18	21
40 » .	—	11	—	—	2	9	11	7	23	—	—	—	30	30	7	34	—	—	2	39	41
41 годъ. .	—	10	—	—	2	8	10	4	10	1	—	1	14	15	4	20	1	—	3	22	25
42 года. .	—	5	1	—	3	3	6	—	11	—	—	—	11	11	—	16	1	—	3	14	17
43 » .	—	7	1	—	3	5	8	1	8	—	—	—	9	9	1	15	1	—	3	14	17
44 » .	1	10	—	—	5	6	11	3	14	1	—	—	18	18	4	24	1	—	5	24	29
45 лѣтъ .	2	2	1	—	2	3	5	—	7	5	—	—	12	12	2	9	6	—	2	15	17
46 » .	—	9	1	—	3	7	10	—	10	2	—	—	12	12	—	19	3	—	3	19	22
47 » .	1	6	1	—	2	6	8	3	9	1	—	—	13	13	4	15	2	—	2	19	21
48 » .	1	6	1	—	2	6	8	3	10	1	—	—	14	14	4	16	2	—	2	20	22
49 » .	—	3	—	—	—	3	3	4	10	4	—	—	18	18	4	13	4	—	—	21	21
50 » .	1	6	—	—	2	5	7	2	15	5	—	—	22	22	3	21	5	—	2	27	29
51 годъ. .	—	5	—	—	2	3	5	2	7	1	—	—	10	10	2	12	1	—	2	13	15
52 года. .	1	6	1	—	3	5	8	3	16	5	—	—	24	24	4	22	6	—	3	29	32
53 » .	—	3	—	—	—	3	3	1	8	6	—	—	15	15	1	11	6	—	—	18	18
54 » .	—	4	—	—	—	4	4	1	3	2	—	—	6	6	1	7	2	—	—	10	10
55 лѣтъ .	1	3	—	—	1	3	4	1	4	3	1	—	7	8	2	7	3	1	1	10	12
56 » .	—	8	—	—	3	5	8	2	6	3	—	—	11	11	2	14	3	—	3	16	19
57 » .	1	3	—	1	1	2	4	1	7	4	—	—	12	12	2	10	4	1	1	14	16
58 » .	—	2	3	—	1	4	5	2	7	3	—	—	12	12	2	9	6	—	1	16	17
59 » .	—	5	—	—	1	4	5	—	5	2	—	1	6	7	—	10	2	—	2	10	12
60 » .	—	5	—	—	1	4	5	6	7	3	—	—	16	16	6	12	3	—	1	20	21

Возрастъ.	Мужчины.							Женщины.							Обоихъ половъ.						
				Грамотность.							Грамотност.							Грамотность.			
	Холостые.	Женатые.	Вдовые.	Читающіе.	Читающіе и пишущіе.	Неграмотные.	Всѣхъ вмѣстѣ.	Незамужнія.	Замужнія.	Вдовы.	Читающія.	Читающія и пишущія.	Неграмотность.	Всѣхъ вмѣстѣ.	Холостые.	Женатые и замужнія.	Вдовые.	Читающіе.	Читающіе и пишущіе.	Неграмотные.	ИТОГО.
61 годъ.	—	9	3	—	6	6	12	1	7	3	—	—	11	11	1	16	6	—	6	17	23
62 года.	1	3	—	—	—	4	4	2	10	4	—	—	16	16	3	13	4	—	—	20	20
63 »	—	11	2	—	1	12	13	1	3	9	—	—	13	13	1	14	11	—	1	25	26
64 »	—	2	1	—	1	2	3	—	6	2	—	1	7	8	—	8	3	—	2	9	11
65 годъ.	—	—	2	—	—	2	2	2	1	5	—	—	8	8	2	1	7	—	—	10	10
66 »	—	5	1	—	1	5	6	2	1	3	—	—	6	6	2	6	4	—	1	11	12
67 »	—	3	2	—	1	4	5	1	3	3	—	—	7	7	1	6	5	—	1	11	12
68 »	—	5	1	—	—	6	6	—	5	5	—	—	10	10	—	10	6	—	—	16	16
69 »	—	3	5	—	1	7	8	3	1	1	—	—	5	5	3	4	6	—	1	12	13
70 »	1	4	3	—	3	5	8	1	—	10	—	—	11	11	2	4	13	—	3	16	19
71 годъ.	1	4	4	—	3	6	9	—	1	2	—	—	3	3	1	5	6	—	3	9	12
72 года.	2	4	—	—	1	5	6	1	1	3	—	—	5	5	3	5	3	—	1	10	11
73 »	—	—	1	—	—	1	1	—	2	1	—	—	3	3	—	2	2	—	—	4	4
74 »	—	3	—	—	—	3	3	1	1	1	—	—	3	3	1	4	1	—	—	6	6
75 лѣтъ	—	1	1	—	1	1	2	—	1	3	—	—	4	4	—	2	4	—	1	5	6
76 »	—	1	1	—	—	2	2	—	—	4	—	—	4	4	—	1	5	—	—	6	6
77 »	—	1	—	—	1	—	1	—	1	1	—	—	2	2	—	2	1	—	1	2	3
78 »	—	—	2	—	1	1	2	—	—	1	—	—	1	1	—	—	3	—	1	2	3
79 »	—	1	2	—	1	2	3	—	—	1	—	—	1	1	—	1	3	—	1	3	4
80 »	—	1	3	—	—	4	4	—	1	2	—	—	3	3	—	2	5	—	—	7	7
81 годъ.	—	—	2	—	1	1	2	—	—	1	—	—	1	1	—	—	3	—	1	2	3
82 года.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	1	—	—	1	—	—	1	1
83 »	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
84 »	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	2	2	—	—	2	—	—	2	2
85 лѣтъ	—	—	1	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	1
86 »	—	—	—	—	1	—	1	—	—	1	—	—	1	1	—	—	2	—	1	1	2
87 »	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	1	—	—	1	—	—	1	1
ИТОГО.	132	729	52	1	123	339	463	267	478	131	1	13	862	876	399	757	183	2	136	1201	1339

И такъ, въ ночь съ 31 декабря 1871 г. на 1 января 1872 г. было на лице въ Резьѣ:

	Мужчинъ.	Женщинъ.	Итого.
неокончившихъ 1 года	41,	46,	87,
въ возрастѣ съ 1— 6 лѣтъ .	219,	200,	419,
» » » 7—18 » .	314,	378,	692,
» » » 19—87 » .	463,	876,	1339.
Итого	1037,	1500,	2537.

Предоставляя читателямъ дѣлать всевозможные выводы изъ сообщенныхъ мною статистическихъ данныхъ, я тѣмъ не менѣе не

могу отказать себѣ въ нѣкоторыхъ общихъ замѣчаніяхъ о взаимныхъ отношеніяхъ Резьянскаго народонаселенія.

Народная перепись, на которой основаны мои статистическія таблицы, была произведена въ ночь съ 31 декабря на 1 января, какъ мнѣ кажется, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, тогда именно кончался одинъ годъ и начинался новый, такъ-что народная перепись сводила, такъ-сказать, счеты только-что истекшему году; во-вторыхъ же, слѣдовало воспользоваться, съ одной стороны, зимою, какъ тѣмъ временемъ, въ которое самый меньшій процентъ мѣстнаго населенія ищетъ заработковъ въ чужихъ краяхъ, съ другой же стороны—праздниками Рождества, къ которымъ нѣкоторые изъ отсутствующихъ возвращаются на родину. Не смотря на все это, въ Резьянской волости процентъ отсутствующихъ оказался громаднымъ. Это потому, что родъ занятій многихъ Резьянъ, вмѣстѣ съ невозможностью существовать у себя дóма, заставляютъ ихъ иногда втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ скитаться по бѣлу свѣту, не заглядывая вовсе въ родную сторону. Есть, правда, между странствующими Резьянами значительный процентъ проводящихъ въ чужихъ краяхъ ежегодно только нѣсколько мѣсяцевъ, и на все остальное время возвращающихся на родину. Но вѣдь не всѣ удаляются въ одни и тѣ же мѣсяцы. И даже многіе изъ нихъ лѣто проводятъ въ Резьѣ, гдѣ пасутъ скотъ на полонинахъ и обработываютъ принадлежащія имъ поля, отправляются же на заработки именно зимою. Сюда принадлежатъ, напримѣръ, оптовые и мелочные торговцы фруктами, нѣкоторые подёнщики, работающіе по контракту, и т. д. Такимъ образомъ число отсутствующихъ Резьянъ постоянно уравновѣшивается и колеблется между maximum и minimum, почти равными другъ другу.

Народная перепись въ Италіи 1871 г. обратила должное вниманіе на различіе между присутствовавшими и отсутствовавшими жителями, и, назвавъ только общее число отсутствовавшихъ, опредѣляла подробно и точно отдѣльныя категоріи только между присутствовавшими. Между тѣмъ, предшествовавшая ей народная перепись, произведенная въ Венеціянской области 1862 г., т. е. еще во времена Австрійскаго владычества, не напирала, какъ слѣдуетъ, на это столь важное различіе (присутствующихъ и отсутствующихъ жителей), и выдвинула на первый планъ общее число, которое въ Резьѣ, напримѣръ, равнялось 3170, при чемъ, если не ошибаюсь, присутствовавшихъ было 2981, отсутствовавшихъ же 3170—2981=189, т. е., гораздо меньше, нежели въ 1871 г. (738 отсутствовавшихъ).

Упуская изъ вида это весьма важное различіе, т. е., различіе общаго числа жителей, какъ присутствующихъ, такъ и отсутствующихъ, и числа однихъ только присутствующихъ, нѣкоторые Итальянскіе ученые дѣлали совершенно ложные выводы. Такъ, напримѣръ, Иванъ Маринелли, профессоръ исторіи и географіи въ Удинскомъ техническомъ институтѣ, снабдившій меня драгоцѣнными указаніями и данными о всѣхъ вообще Славянахъ Венеціянской области, увѣрялъ, что число Резьянъ за послѣднія 10 лѣтъ, значительно уменьшилось (съ 3170 на 2537 или, можетъ быть, съ 2981 на 2537), и что, стало-быть, Резьяне представляютъ племя находящееся на степени полнаго и окончательнаго вымиранія.

Кто прочелъ со вниманіемъ мои замѣчанія о взаимныхъ отношеніяхъ Резьянскаго народонаселенія, тотъ сейчасъ сообразитъ, въ чемъ здѣсь кроется ошибка, и пойметъ, что выводъ Маринелли совершенно невѣренъ. При этомъ нельзя не замѣтить, что подобное чудовищное уменьшеніе населенія (съ 3170 на 2537) было бы возможно тогда, еслибъ въ Резьѣ втеченіе девяти лѣтъ число умершихъ превышало болѣе чѣмъ втрое число родившихся. Если же сравнить числа, выражающія все Резьянское населеніе въ 1862 и 1871 г., т. е., числа 3170 и 3275, то окажется, что число Резьянъ втеченіе этихъ девяти лѣтъ увеличилось на 105 душъ. Это, правда, увеличеніе небольшое, но во всякомъ случаѣ—увеличеніе. Постепенность этого увеличенія за 9 лѣтъ вполнѣ совпадаетъ съ данными, сообщенными мнѣ относительно движенія Резьянскаго населенія въ 1872 г.: въ этомъ году умерло 100, родилось же 113 человѣкъ, значитъ, въ окончательномъ результатѣ населеніе Резьянской волости увеличилось на 13 человѣкъ. Впрочемъ, за вѣрность этихъ чиселъ, выражающихъ убыль и прибыль Резьянскаго населенія въ 1872 г., я ручаться не могу, такъ какъ они были сообщены мнѣ только словесно.

По послѣдней переписи, число наличныхъ женщинъ съ 16-ти лѣтняго по 55-ти-лѣтній возрастъ превышало больше чѣмъ вдвое число наличныхъ мужчинъ того же возраста. Съ другой стороны— поразительно число незамужнихъ женщинъ, въ сравненіи съ замужними и вдовами и въ сравненіи съ холостыми мужчинами. Въ возрастѣ съ 19 лѣтъ до самого позднягo возраста въ ночь съ 31 декабря 1871 г. на 1 января 1872 г. было въ Резьѣ, съ одной стороны, изъ общаго числа женщинъ 876: 267 дѣвушекъ, 478 замужнихъ и 131 вдова, т. е. изъ всего наличнаго состава женскаго пола 30,5% дѣвушекъ, 54,5% замужнихъ и 15% вдовъ; съ дру-

гой же стороны, изъ общаго числа холостыхъ людей 399: 132 холостыхъ мужчинъ и 267 дѣвушекъ, т. е., 33% холостыхъ мужчинъ и 67% дѣвушекъ.

При этомъ не лишенъ интереса фактъ, что самая старшая изъ присутствовавшихъ въ Резьѣ 31 декабря 1871 г. незамужнихъ женщинъ имѣла 74 года, тогда какъ самой старшей замужней женщинѣ было 80 лѣтъ, а самой старшей вдовѣ 87 лѣтъ. Точно также въ мужскомъ населеніи самымъ старшимъ холостякамъ было по 72 года, самому же старшему женатому 80 и, наконецъ, самому старшему вдовцу 86 лѣтъ.

И такъ, число незамужнихъ Резьянскихъ женщинъ доходитъ—относительно—громадныхъ размѣровъ. Нужно, однакоже, принять во вниманіе, что, если между присутствовавшими женщинами самый большій процентъ приходится на долю дѣвушекъ, то за то между отсутствовавшими было относительно самое большое количество замужнихъ женщинъ, сопровождавшихъ своихъ мужей въ чужіе краи, тогда какъ одинокія вдовы и дѣвушки оставались по большей части на родинѣ. Съ другой стороны, несомнѣнно, что, если дѣвушки почти не удаляются изъ Резьи, то громадное большинство холостяковъ постоянно отсутствуетъ, такъ-что самый относительно большій процентъ странствующихъ Резьянъ мужескаго пола приходится именно на ихъ долю. Такимъ образомъ, еслибъ, при подробныхъ вычисленіяхъ, могли были быть приняты въ соображеніе тоже отсутствовавшіе жители Резьи, то процентныя отношенія незамужнихъ женщинъ къ остальнымъ частямъ населенія представились бы въ совершенно иномъ видѣ.

Сосчитаемъ теперь дѣвушекъ, перешедшихъ за 40 лѣтъ, т. е., вступившихъ въ тотъ возрастъ, въ которомъ женщинамъ, невышедшимъ до тѣхъ поръ за-мужъ, рѣдко удается найти себѣ жениха. Въ ночь съ 31 декабря 1871 г. на 1 января 1872 г. такихъ дѣвушекъ было въ Резьѣ:

между 40 и 50 годами	25,
» 50 » 60 »	15,
кончившихъ 60 лѣтъ	21.
Итого	61.

Слѣдовательно, по крайней мѣрѣ 4% всего количества Резьянскихъ женщинъ или приблизительно 7% Резьянскихъ женщинъ, достиг-

шихъ зрѣлаго возраста (начиная съ 19 лѣтъ), обречены на вѣчное безбрачіе.

Если же только-что поименованное число незамужнихъ Резьянскихъ женщинъ, перешедшихъ за 40 лѣтъ, т. е., число С1 сравнить съ числомъ замужнихъ женщинъ и вдовъ того же возраста,

между 40 и 50 годами . . .	112 замужнихъ,	15 вдовъ,
» 50 » 60 » . . .	78 »	34 »
кончившихъ 60 лѣтъ	52 »	73 »
итого	242 »	122 »

или всѣхъ вмѣстѣ, замужнихъ и вдовъ, 364, и если сообразить, что, по всей вѣроятности, процентное отношеніе незамужнихъ къ остальнымъ двумъ категоріямъ со-временемъ будетъ скорѣе увеличиваться, нежели уменьшаться; то окажется неизбѣжнымъ выводъ, что 14,5% и въ будущемъ останется приблизительно вѣрнымъ выраженіемъ числа жертвъ невольнаго оффиціальнаго дѣвства, тогда какъ за-мужъ будетъ окончательно выходить болѣе или менѣе 85%, изъ которыхъ приблизительно 29% придется рано или поздно переходить въ категорію вдовъ. При этомъ, конечно, нужно принимать во вниманіе, съ одной стороны—постоянное уменьшеніе черезъ смерть состава зрѣлыхъ лицъ женскаго пола, съ другой же стороны—его постоянное увеличеніе подростающими индивидумами младшаго возраста,—которыя, впрочемъ (какъ уменьшеніе, такъ и увеличеніе), распредѣляются болѣе или менѣе равномѣрно между всѣми тремя категоріями: дѣвушекъ, замужнихъ женщинъ и вдовъ.

Главная причина столь большаго количества старыхъ дѣвъ въ Резьѣ *) заключается въ томъ, что ихъ соотечественники мужскаго пола начинаютъ скитаться по бѣлу свѣту съ самаго ранняго возраста. Нѣкоторые, впрочемъ, весьма немногіе, изъ этихъ скитальцевъ-холостяковъ пережениваются въ чужихъ краяхъ, и довольно часто тамъ и остаются. Другимъ опять вовсе не удается обзавестись семьею, или вслѣдствіе крайней бѣдности, или же просто за неимѣніемъ времени для того, чтобы найти себѣ подходящую невѣсту. Правда, нѣкоторыя Резьянки выходятъ за-мужъ за иноплеменниковъ; но это, во-первыхъ, случается очень рѣдко, во-вторыхъ же, если онѣ выходятъ за иноплеменниковъ, то и поселяются на родинѣ

*) Не слѣдуетъ тоже упускать изъ вида того обстоятельства, что мужчинъ обыкновенно вездѣ бываетъ меньше, нежели женщинъ.

своихъ мужей, оставляя навсегда свою собственную родину и содѣйствуя увеличенію не Резьянскаго, а только иноплеменнаго населенія. Только весьма немногіе инородцы, женившіеся на Резьянкахъ, переселяются тоже въ Резью.

Ни Резьянъ, ни Резьянокъ нельзя никакъ упрекать въ природной безплодности. Резьянскія семьи въ 10—12 человѣкъ дѣтей вовсе не диковинка. Такъ, напримѣръ, у моего хорошаго пріятеля, Петра Голянды изъ Осоянъ, человѣка еще нестараго (въ 1873 г. ему было 54 года, а его женѣ 47 лѣтъ), было 12 человѣкъ дѣтей (5 сыновей и 7 дочерей), изъ которыхъ умерла только одна дочь, и осталось въ живыхъ 11 (5 сыновей и 6 дочерей). И такъ, мы видимъ, что, относительно половой производительности, Резьяне не то, что̀ Венгерцы, у которыхъ втеченіе двухъ лѣтъ, съ 1871 по 1873 г., народонаселеніе уменьшилось на 260000 человѣкъ, или болѣе или менѣе на 5%, и что о какомъ-то вымираніи Резьянскаго племени даже и рѣчи быть не можетъ.

Что̀ касается Резьянъ и Резьянокъ, отсутствовавшихъ въ ночь съ 31 декабря 1871 г. на 1 января 1872 г., то число ихъ, 738, никоимъ образомъ не можетъ считаться безукоризненно точнымъ. Ихъ, конечно, вовсе не считали, а только опредѣлили ихъ число по паспортнымъ спискамъ. Между тѣмъ, нѣкоторые изъ Резьянъ и Резьянокъ, значащихся въ паспортной книгѣ, могли умереть. Опять другіе могли родиться въ чужихъ краяхъ; такъ какъ вѣдь нѣкоторые изъ Резьянъ удаляются на заработки вмѣстѣ съ своими женами. Однимъ словомъ, на вѣрность названной цифры 738 нельзя никакъ полагаться и можно считать ее только приблизительною.

Отсутствіе столькихъ Резьянъ и Резьянокъ и ихъ постоянныя странствованія объясняются родомъ ихъ занятій. Почти всѣ они занимаются кустарною промышленностью, разными ремеслами, нанимаются въ подёнщики, иногда ведутъ даже довольно обширную торговлю, напримѣръ, фруктами, переписываясь при этомъ съ разными торговыми фирмами, и т. д. Подробное распредѣленіе различныхъ званій и рода занятій между отдѣльными жителями Резьянской волости, присутствовавшими въ ночь съ 31 декабря 1871 г. на 1 января 1872 г., видно изъ слѣдующей статистической таблицы. Я исчисляю эти званія въ алфавитномъ порядкѣ оффиціальныхъ Итальянскихъ названій:

	Мужчины.								Женщины.								
	Граждан. положеніе.			Возрастъ.					Граждан. положеніе.			Возрастъ.					
	Холостые.	Женатые.	Вдовцы.	Съ 0 до 15 л.	15—30 л.	30—60 л.	60 и т. д.	Итого.	Незамужн.	Замужнія.	Вдовы.	0—15 л.	15—30 л.	30—60 л.	60 и т. д.	Итого.	Итого мужчинъ и женщинъ.
Лудильщиковъ (Acconcia-Caldaje) . .	9	9	1	—	11	7	1	19	—	—	—	—	—	—	—	—	19
Земледѣльцевъ (Agricoltori) , ...	3	9	—	2	—	2	8	12	—	—	—	—	—	—	—	—	12
Точильщиковъ (Arruotieri).	6	3	1	1	3	5	1	10	—	—	—	—	—	—	—	—	10
Надзирателей работъ (Assistenti ai lavori).	1	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Дровосѣковъ (Boscajuoli)	16	14	4	—	12	16	6	34	—	—	—	—	—	—	—	—	34
? Угольщиковъ ? (Bracianti)	29	24	3	2	26	22	6	56	4	2	—	1	3	2	—	6	62
Таможенный бригадиръ (Brigadiere doganale)	1	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Сапожниковъ (Calzolaj)	—	3	1	—	—	4	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	4
Извощиковъ (Carretieri)	—	3	1	—	—	4	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	4
?Счетчиковъ? (Contabili)	—	1	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Волостныхъ посыльныхъ (Cursori comunali)	—	1	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Духовныхъ управителей (Ecconomi spirituali) *)	1	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Стекольщиковъ (Finestraj)	10	12	2	2	11	9	2	24	—	—	—	—	—	—	—	—	24
Подёнщиковъ (Giornalieri)	3	2	1	—	3	2	1	6	6	1	1	—	4	3	1	8	14
Лѣсныхъ сторожей (Guardie Boschive)	—	1	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Таможенной стражи (Guardie Doganali)	8	—	—	—	6	2	—	8	—	—	—	—	—	—	—	—	8
Извѣстниковъ (Manovali)	1	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Военныхъ (Militari)	3	—	—	—	3	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	3
Мельниковъ (Mugnai).	3	2	1	2	1	2	1	6	—	2	—	—	1	1	—	2	8

*) То-есть, исправляющихъ должность приходскаго священника.

	Мужчины.								Женщины.								
	Граждан. положеніе.			Возрастъ.					Граждан. положеніе.			Возрастъ.					
	Холостые.	Женатые.	Вдовцы.	Съ 0 до 15 л.	15—30 л.	30—60 л.	60 и т. д.	Итого.	Незамужн.	Замужнія.	Вдовы.	0—15 л.	15—30 л.	30—60 л.	60 и т. д.	Итого.	Итого мужчинъ и женщинъ.
Каменьщиковъ (Muratori)	3	19	1	—	9	14	—	23	—	—	—	—	—	—	—	—	23
Торговцевъ (купцовъ) (Negozianti)	2	6	1	—	2	5	2	9	—	—	—	—	—	—	—	—	9
?Садовниковъ? (Orti)	—	9	2	—	—	8	3	11	—	8	—	—	2	5	1	8	19
Пастуховъ (Pastori)	1	—	1	—	—	1	1	2	1	—	—	—	—	1	—	1	3
Маляровъ (Pittori)	1	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Владѣльцевъ (Possidenti)	6	65	13	—	3	49	32	84	20	77	33	1	24	86	19	130	214
?Ссудчиковъ? (Prestinaj)	—	1	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Священниковъ (Sacerdoti)	2	—	—	—	1	1	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Портныхъ (Sarti)	—	5	2	—	1	4	2	7	1	2	—	—	1	2	—	3	10
Волостныхъ писарей (Segretarj comunali)	—	1	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Безъ званія (Senza professione)	558	17	13	521	35	8	24	588	839	370	91	537	300	354	109	1300	1888
Слугъ (Servi)	1	—	—	1	—	—	—	1	11	—	—	2	3	4	2	11	12
Унтеръ-бригадиръ (Sotto-Brigadiere)	1	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
?Мясниковъ? (Strazzaj)	3	4	1	—	3	3	2	8	—	—	—	—	—	—	—	—	8
Скрипачей (Suonatori di violino)	1	1	—	1	—	1	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Каменотёсовъ (Tagliapietre)	1	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Ткачей (Tessitori)	1	1	—	—	1	1	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Мелкихъ торговцевъ (Trafficanti)	29	68	3	3	34	52	11	100	25	6	—	3	11	17	—	31	131
ИТОГО	704	281	52	535	170	228	104	1037	907	468	125	544	349	475	132	1500	2537

Считаю необходимымъ замѣтить, что данныя, сообщенныя въ этой таблицѣ, не совсѣмъ вѣрны. Это доказывается несовпаденіемъ ея итоговъ съ итогами основныхъ статистическихъ таблицъ, представленныхъ мною выше и выражающихъ подробныя взаимныя отношенія народонаселенія Резьянской волости по возрастамъ, гражданскому сословію и грамотности. Различія здѣсь хотя и не зна-

чительны, тѣмъ не менѣе не должны быть упускаемы изъ вида. Вотъ они:

1) По основнымъ таблицамъ холостыхъ мужчинъ должно быть (41 + 219 + 314 + 132 =) 706, здѣсь же ихъ 704, стало-быть, меньше 2-мя. За то число женатыхъ (281) больше на 2 числа женатыхъ (279) основныхъ таблицъ.

2) Въ основныхъ таблицахъ значится (46 + 200+378+267=) 891 дѣвушка, здѣсь же ихъ 907, или 16-ю больше. Этотъ излишекъ уравновѣшивается опять меньшимъ числомъ замужнихъ женщинъ и вдовъ, которыхъ, по основнымъ таблицамъ, должно быть 609 (478 замужнихъ+131 вдова), здѣсь же ихъ только 593 (468 замужнихъ+125 вдовъ).

3) По основнымъ статистическимъ таблицамъ, женщинъ въ возрастѣ съ 15—30 лѣтъ должно быть 350, въ возрастѣ съ 30 — 60 лѣтъ—476 и, наконецъ, въ возрастѣ свыше 60 лѣтъ—130. Здѣсь же первыхъ (15—30 лѣтъ) имѣется 349, вторыхъ (30—60 лѣтъ)—475, третьихъ (60 и т. д. лѣтъ)—132.

Не имѣя въ своемъ распоряженіи источниковъ первой руки, я не могу провѣрить отдѣльныхъ данныхъ и опредѣлить, гдѣ кроется ошибка.

Всѣ лица, вмѣщающіяся въ выше сообщенныхъ статистическихъ таблицахъ, родились въ Резьянской же волости, за исключеніемъ только слѣдующихъ, родившихся въ другихъ волостяхъ Итальянскаго государства:

Таможенныхъ бригадировъ	1
Духовный управитель или исправляющій. должность приходскаго священника	1
Таможенной стражи	1
Владѣльцевъ (женщина)	1
Портныхъ	1
Унтеръ-бригадировъ	1
Ткачей	1
Итого	7,

что̀, по отношенію къ общему числу наличныхъ жителей (2537) равняется почти нулю.

Такъ какъ національность не принималась вовсе въ разсчетъ при народной переписи, произведенной въ Италіи 31 декабря 1871, то, пользуясь одними только оффиціальными статистическими данными, безъ всякихъ дальнѣйшихъ соображеній, слѣдовало бы

прійти къ заключенію, что Резьяне чистѣйшіе Итальянцы, и во всякомъ случаѣ нельзя было бы ничего узнать объ ихъ этнографической принадлежности: они въ Италіи, стало быть, и составляютъ часть Итальянскаго племени. Но этнографическая принадлежность Резьянъ и ихъ племенная самостоятельность достаточно извѣстны и безъ оффиціальныхъ статистическихъ данныхъ, и это даетъ намъ возможность пополнить статистику Резьянской волости и въ этомъ отношеніи.

Всѣ жители Резьянской волости, родившіеся въ Резьѣ, принадлежатъ Резьянскому племени. А такъ какъ родившихся въ другихъ краяхъ, по народной переписи, было 7 человѣкъ, то число настоящихъ Резьянъ, присутствовавшихъ 31 декабря 1871 г., будетъ 2537 — 7 = 2530. Кромѣ того, всѣ отсутствовавшіе въ этотъ день несомнѣнно тоже чистые Резьяне. Такимъ образомъ 2530 + 738=3268 можно считать числомъ, выражающимъ minimum Резьянскаго населенія, частью живущаго на родинѣ, частью же разсѣяннаго по разнымъ краямъ Италіи, Австріи и даже Германіи.

7 человѣкъ инородцевъ распредѣляются по этнографическимъ національностямъ слѣдующимъ образомъ: 3 (или же 2) Итальянца, принадлежащіе къ таможенной стражѣ, 3 (или же 4) Фурлана (Фріуляна), портной, ткачъ, владѣлица и, можетъ быть, одинъ изъ таможенной стражи, 1 Славянинъ изъ св.-Петровскаго уѣзда Венеціянской области, именно, исправляющій должность приходскаго священника. Сверхъ того, я слышалъ о Крайно-Словенкѣ, вышедшей за-мужъ за Резьянина и поселившейся въ Резьѣ; но, такъ какъ она не принята въ соображеніе въ статистическихъ данныхъ, то, должно быть, вышла за-мужъ уже послѣ 1 января 1872 года.

Фурлане, населенные между Резьянами, выучиваются обыкновенно по-Резьянски, но, конечно, они никогда не въ состояніи произносить чисто, со всѣми оригинальными, исключительно Резьянскими особенностями Резьянскихъ говоровъ. Но даже не всѣ Фурлане снисходятъ до того, чтобы говорить по-Резьянски. Такъ, напримѣръ, жена трактирщика и владѣльца Джюсти, Фурланка изъ Резьюты, живетъ въ Резьѣ уже болѣе двадцати лѣтъ, и между тѣмъ только понимаетъ по-Резьянски, говоритъ же всегда по-Фурлански, такъ-что многія изъ Резьянскихъ женщинъ и дѣтей не въ состояніи понимать ее, или же понимаютъ ее съ грѣхомъ по поламъ.

Какъ бы то ни было, даже полное число жителей, приписанныхъ къ Резьянской волости, то-есть, число 3275 показываетъ скорѣе

меньше природныхъ Резьянъ, чѣмъ больше. Ибо, если 7 инородцевъ и приписаны къ Резьянской волости, то за то гораздо болѣе Резьянъ и Резьянокъ приписаны къ другимъ волостямъ, или въ Италіи, или же въ Австріи. Нѣкоторые переженились или же вышли за-мужъ, напримѣръ, въ городѣ Удине или же въ другихъ городахъ и деревняхъ, иные просто выселились, даже цѣлыми семьями, и черезъ два-три поколѣнія исчезнетъ въ ихъ семьяхъ всякій слѣдъ Резьянскаго происхожденія. Между тѣмъ въ числѣ отсутствующихъ показаны, конечно, только тѣ, которые берутъ паспорты изъ Резьи, и которые рано или поздно, но во всякомъ случаѣ намѣрены возвратиться на родину. Затѣмъ, отсутствовавшіе солдаты, кажется, вовсе не считались. Изъ Резьянъ же служитъ въ Италіянской арміи постоянно около 30 человѣкъ. Въ 1873 г., въ то время, когда я былъ въ Италіи, Итальянское военное министерство формировало такъ-называемыя «альпійскія роты», цѣль которыхъ знать всѣ горные проходы и, въ случаѣ войны, защищать ихъ противъ вторженія непріятелей. Эти роты стоятъ въ пограничныхъ горахъ, отдѣляющихъ Италію отъ Франціи, Австріи и Швейцаріи. Составляются же они по преимуществу изъ жителей горныхъ мѣстностей, изъ горцевъ. Такъ, напримѣръ, изъ Резьи было причислено къ «альпійскимъ ротамъ» въ 1873 г. 23 человѣка. Остальные же Резьянскіе солдаты служатъ, сколько мнѣ извѣстно, по большей части въ артиллеріи.

Статистика природныхъ недуговъ и недостатковъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

		Мужчины.	Женщины.	Итого.
Слѣпые на оба глаза	Отъ рожденія.	—	2	2
	Послѣ. . . .	1	—	1
Глухонѣмые	Отъ рожденія.	—	2	2
	Послѣ. . . .	—	—	—
Слабоумные и ума лишенные	Отъ рожденія.	2	1	3
	Послѣ. . . .	—	—	—
	Итого	3	5	8

Слѣдовательно, процентъ людей, лишенныхъ или одного изъ чувствъ, или же природнаго ума, въ Резьѣ весьма незначителенъ, и его можно считать равнымъ нулю. Кромѣ того, мнѣ разсказывали, что въ одной и той же Резьянской семьѣ родилось одно за другимъ 4 глухо-нѣмыхъ дѣтей; но теперь они уже умерли.

Особенно интересны статистическія данныя, относящіяся къ

грамотности Резьянъ и Резьянокъ. Поэтому я считаю нелишнимъ привести общіе итоги по этой части.

	Мужчинъ:				Женщинъ:				Всѣхъ вмѣстѣ:			
	Читающихъ.	Читающихъ и пишущихъ.	Неграмотныхъ.	Итого.	Читающихъ.	Читающихъ и пишущихъ.	Неграмотныхъ.	Итого.	Читающихъ.	Читающихъ и пишущихъ.	Неграмотныхъ.	Итого.
Съ 7 — 12 лѣтъ включительно. . . .	13	13	181	207	—	7	213	220	13	20	394	427
Съ 12 — 25 лѣтъ включительно. . . .	—	54	131	185	—	10	317	327	—	64	448	512
Съ 25 — 50 лѣтъ включительно. . . .	—	58	172	230	—	8	448	456	—	66	620	686
Съ 50 лѣтъ. . . .	1	38	116	155	1	2	248	251	2	40	364	406
Итого. . .	14	163	600	777	1	27	1226	1254	15	190	1826	2031
	177				28				205.			

При этомъ не слѣдуетъ забывать, что въ число вполнѣ грамотныхъ, то-есть, умѣющихъ читать и писать, въ возрастѣ 25 — 50 лѣтъ и, можетъ быть, отчасти тоже въ возрастѣ 12—25 лѣтъ, вошли 7 инородцевъ, получившихъ воспитаніе въ другихъ мѣстностяхъ Италіи. Если же не обращать вовсе вниманія на это обстоятельство, и кромѣ того лицъ полуграмотныхъ, то-есть, умѣющихъ только читать, считать вполнѣ грамотными или читающими и пишущими, то въ такомъ случаѣ процентныя отношенія грамотныхъ и неграмотныхъ въ Резьѣ представятся болѣе или менѣе въ слѣдующемъ видѣ:

съ 7—12 лѣтъ:	мужчинъ	грамотныхъ	12,5%,	неграмотн.	87,5%,
» » »	женщинъ	»	3%,	»	97%,
» » »	вообще	»	8%,	»	92%,
» 12—25 »	мужчинъ	»	29%,	»	71%,
» » »	женщинъ	»	3%,	»	97%,
» » »	вообще	»	12,5%,	»	87,5%;
» 25—50 »	мужчинъ	»	25%,	»	75%,
» » »	женщинъ	»	2%,	»	98%,
» » »	вообще	»	9,5%,	»	90,5%;
» 50 лѣтъ:	мужчинъ	»	25%,	»	75%,
» » »	женщинъ	»	1%,	»	99%,
» » »	вообще	»	10,5%,	»	89,5%.

Процентное отношеніе грамотныхъ къ неграмотнымъ вообще, начиная считать только съ 7-ми лѣтняго возраста, то-есть, съ того возраста, когда грамотность уже возможна, можно выразить слѣдующими цифрами:

мужчинъ	грамотныхъ	23%,	неграмотныхъ	77%,
женщинъ	»	2%,	»	98%,
вообще	»	10%,	»	90%.

Если же считать всѣхъ жителей, включая сюда всѣхъ малолѣтковъ между 0 лѣтъ и 7 годами, то въ такомъ случаѣ на 1037 мужчинъ окажется: 177 грамотныхъ и 860 неграмотныхъ; на 1500 женщинъ: 28 грамотныхъ и 1472 неграмотныхъ; наконецъ, на 2537 жителей вообще: 205 грамотныхъ и 2332 неграмотныхъ.

Выражая это въ процентахъ, мы получимъ:

мужчинъ:	грамотныхъ	17%,	неграмотныхъ	83%,
женщинъ:	»	2%,	»	98%,
вообще	»	8%,	»	92%.

Поразительная малограмотность женскаго пола весьма понятна, если принять во вниманіе, что вездѣ, нетолько въ Резьѣ, всякая наука считается для женщинъ совершенно лишнею игрушкой, и что, оставаясь по большей части дóма и занимаясь кухнею и полевыми работами, Резьянскія женщины, не смотря на искреннее желаніе многихъ, не имѣютъ ни времени, ни удобнаго случая для того, чтобы расширить свои знанія, и въ особенности выучиться грамотѣ. Если процентъ грамотности Резьянскихъ женщинъ совершенно ничтоженъ, то, и относительно образованія мужчинъ Резьянской волости, нельзя прійти къ особенно утѣшительнымъ выводамъ. А между тѣмъ Резьянская волость принадлежитъ въ этомъ отношеніи къ лучшимъ волостямъ Венеціянской области и Итальянскаго королевства вообще.

Весьма поучительно сравнить положеніе народнаго образованія въ сѣверо-восточныхъ окраинахъ Италіи съ народнымъ образованіемъ въ прилегающихъ къ нимъ Славяно-Австрійскихъ областяхъ. Когда въ этихъ послѣднихъ народъ довольно развитъ и образованъ, образованіе какъ Славянскаго, такъ и Романскаго народа сѣверной Италіи находится до сихъ поръ въ самомъ жалкомъ состояніи.

Причины этого различія, между прочимъ, слѣдующія: во-первыхъ, отношеніе Итальянской интеллигенціи къ подвластному ей народу было до сихъ поръ не совсѣмъ гуманное, и не можетъ рав-

няться съ заботливостью, напримѣръ, о Крайно-Словенскомъ (Словинскомъ) народѣ Австріи вышедшей изъ него же Крайно-Словенской интеллигенціи. Это различіе рѣзко бросается въ глаза въ Австрійской провинціи, извѣстной подъ именемъ Горицкаго графства, гдѣ живутъ рядомъ національности Славянская въ лицѣ Крайно-Словенцевъ и Романская въ лицѣ Фурланъ или Фріулянъ съ интеллигенціею, по своей образованности и общественнымъ преданіямъ принадлежащей всецѣло Итальянской націи: Крайно-Словенскій народъ болѣе или менѣе образованъ и свободенъ, народъ же Фурланскій находится въ состояніи относительнаго рабства и невѣжества. Во-вторыхъ: положеніе народныхъ учителей въ Австрійскихъ провинціяхъ, граничащихъ съ Австріею, вполнѣ обезпечено. Такъ, напримѣръ, въ Горицкой провинціи учитель, если не ошибаюсь, получаетъ отъ 400—1000 гульденовъ, болѣе или менѣе отъ 240—600 рублей въ годъ. Подобная плата, вмѣстѣ съ казенною квартирой, огородомъ и т. п., ставитъ учителя, въ матеріальномъ отношеніи, въ совершенно независимое положеніе и позволяетъ ему посвятить себя исключительно добросовѣстному исполненію своихъ обязанностей. И въ самомъ дѣлѣ: обученіе дѣтей идетъ здѣсь прекрасно. Учители дѣйствуютъ не только на собственную руку, не справляясь съ мнѣніемъ своихъ сотоварищей, но основываютъ педагогическія общества, цѣль которыхъ соединенными силами совершенствовать методъ преподаванія и сообщать другъ другу свои наблюденія и замѣтки. Въ Италіи же совершенно напротивъ. Учитель, получающій 400 франковъ (100 рублей) въ годъ, считается уже богачемъ; и поэтому трудно найти порядочнаго человѣка, который согласился бы служить за подобное вознагражденіе. Только горемыки-ксендзы, оставшіеся за штатомъ вслѣдствіе уничтоженія Итальянскимъ правительствомъ разныхъ ксендзовскихъ синекуръ, волей-неволей принимаютъ учительскія должности и, надо имъ отдать справедливость, исполняютъ ихъ по большей части добросовѣстно и безукоризненно. Въ-третьихъ, и это—относится исключительно къ мѣстностямъ, населеннымъ Славянами: въ Славянскихъ провинціяхъ Австріи преподаваніе въ народныхъ школахъ идетъ на родномъ языкѣ; такъ, напримѣръ, въ Крайнѣ и Горицкой землѣ на языкѣ Крайно-Словенскомъ (Словинскомъ, Хорутанскомъ). Учители, конечно, знаютъ этотъ языкъ въ совершенствѣ и въ высокой степени способствуютъ умственному развитію своихъ воспитанниковъ. Напротивъ того, Итальянскимъ Славянамъ не суждено пользоваться благами преподаванія на отечественномъ языкѣ. Въ то время,

какъ у ихъ единоплеменниковъ, живущихъ въ Австріи, есть настоящія народныя школы, они могутъ учиться только по-Итальянски въ Итальянскихъ школахъ у Итальянскихъ учителей. Это было бы еще ничего, еслибъ, по крайней мѣрѣ, всѣ эти учители и учительницы понимали родной языкъ своихъ учениковъ. Но ничуть не бывало. Теперешнее Итальянское министерство народнаго просвѣщенія (по крайней мѣрѣ, министерство, дѣйствовавшее въ 1872 и 1873 гг.), преслѣдующее учителей гимназій и другихъ чиновниковъ своего вѣдомства, подозрѣваемыхъ въ панславизмѣ(!), стремящееся во что бы то ни стало въ самомъ скоромъ времени объитальянить инородцевъ,—считаетъ однимъ изъ лучшихъ средствъ для достиженія этой высокой цѣли назначеніе въ чисто-Славянскія мѣстности учителей и учительницъ, непонимающихъ ни слова по-Славянски. Пусть-де вся волость выучивается, какъ знаетъ, языку одного пришлеца, который, въ силу высшихъ государственныхъ соображеній, не только можетъ обойтись безъ знанія мѣстнаго языка, но даже не долженъ его понимать. Вѣдь давно извѣстно, что не чиновники существуютъ для народа, а только народъ существуетъ для чиновниковъ!

Плоды всего этого на лицѣ. У Австрійскихъ Славянъ въ провинціяхъ, граничащихъ съ Италіею, считается 40% грамотныхъ, тогда какъ въ нѣкоторыхъ Славянскихъ волостяхъ Итальянскаго королевства грамотныхъ не больше, какъ $1^1/_2$% (въ отношеніи, конечно, ко всему населенію, со включеніемъ младенцевъ, стариковъ и пр.). У Австрійскихъ Славянъ на самой Итальянской границѣ вы встрѣтите вѣжливое обращеніе и, по отношенію къ чужимъ, нравственное гостепріимство. Но стóитъ вамъ только перейти Итальянскую границу, и вы наткнетесь на народъ грубый, неотёсанный и смотрящій волкомъ на каждаго неизвѣстнаго ему человѣка. А однакоже и тамъ, и здѣсь народъ, принадлежащій къ одному и тому же Славянскому племени, съ однѣми и тѣми же природными наклонностями и дарованіями. Только опускаясь внизъ, по направленію отъ Итальяно-Австрійской границы къ плодороднымъ Фріульскимъ равнинамъ, можно замѣчать постепенное смягченіе нравовъ, постепенное исчезновеніе природной грубости и общественнаго невѣжества, и это—помимо вліянія школъ, а единственно только подъ вліяніемъ проникшей сюда и все дальше и дальше проникающей Итальянской образованности и цивилизаціи.

Впрочемъ, Резьяне, по отношенію къ школьному дѣлу, находятся въ несравненно болѣе благопріятныхъ условіяхъ, нежели всѣ

остальные Славяне Итальянскаго королевства. Прежде всего, и учитель, и учительница—ихъ соотечественники. Учителемъ здѣсь одинъ изъ мѣстныхъ капеляновъ, молодой человѣкъ родомъ изъ Столбицы. Должность же учительницы исполняетъ относительно весьма образованная г-жа Джюсти, жена одного изъ трактирщиковъ селенія Раванцы, родившаяся на Раванцѣ же. Какъ учитель, такъ и учительница, для объясненія Итальянскихъ словъ прибѣгаютъ къ помощи Резьянскаго языка, и не только словесно, но и на письмѣ, примѣняя для Резьянскихъ словъ, конечно, Итальянское правописаніе. Вообще, можно сказать, что они пользуются отечественнымъ языкомъ для объясненія всего того, что безъ него осталось бы для дѣтей непонятнымъ, и черезъ постоянное сравненіе обоихъ языковъ дѣйствуютъ крайне благотворно на развитіе умственныхъ способностей своихъ молодыхъ воспитанниковъ. Кромѣ того, если не ошибаюсь, законъ божій преподавался здѣсь постоянно и преподается еще и теперь по-Резьянски. Слѣдствіемъ этого примѣненія отечественнаго языка въ педагогической практикѣ является замѣтный успѣхъ народнаго образованія въ Резьѣ.

Смягченію же нравовъ и поднятію уровня общей образованности Резьянъ способствуетъ въ высокой степени то обстоятельство, что почти всѣ они купцы и мелкіе торговцы, много путешествующіе, во время своихъ путешествій обогащающіе свой умъ разными полезными свѣдѣніями, и въ-замѣнъ за это теряющіе первоначальную грубость и невѣжество, на сколько, конечно, эти качества въ нихъ проявляются. Такое же благотворное вліяніе производитъ мелкая торговля и сопряженныя съ нею путешествія и на нѣкоторыхъ Славянъ св.-Петровскаго уѣзда.

Географическое и административно-политическое описаніе Резьянской волости познакомило насъ съ мѣстностью, на которой живетъ занимающій насъ народъ. Сопоставленіе же разныхъ статистическихъ данныхъ дало, такъ сказать, внѣшнее понятіе о самомъ народѣ. Но для надлежащаго ознакомленія съ такъ называемою внутреннею жизнью извѣстнаго народа, съ его обычаями, воззрѣніями, характеромъ и т. д., нельзя никакъ удовольствоваться ни географическимъ и административно-политическимъ описаніемъ занимаемой имъ земли, ни даже самымъ подробнымъ статистическимъ отчетомъ. Для этого нужно отправиться на родину этого народа, заглянуть въ его жилища, узнать, ка́къ онъ живетъ, ка́къ одѣвается, чѣмъ питается, ка́къ трудится, ка́къ отдыхаетъ, ка́къ

относится къ своимъ женщинамъ, въ какой степени способенъ быть рабомъ, какъ понимаетъ политическія учрежденія, на сколько проникнутъ фанатизмомъ, или же вѣротерпимостью, можетъ ли быть причисленъ къ народамъ способнымъ, или же къ слабоумнымъ, съ какими народами больше всего симпатизируетъ, доволенъ-ли своею теперешнею судьбою, какъ проявляется его литературное творчество, любитъ ли свой родной языкъ, что̀ думаетъ о своемъ происхожденіи, съ какими другими народами и племенами состоитъ въ ближайшемъ этнографическомъ родствѣ, какими общими свойствами отличается его языкъ, есть ли у него свои историческія преданія? И такъ далѣе. На нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ отвѣтила намъ уже отчасти статистика. Теперь же я постараюсь представить въ краткомъ очеркѣ подробную картину всѣхъ только-что названныхъ сторонъ народной жизни Резьянскаго племени.

Въ главныхъ Резьянскихъ селеніяхъ домы построены густо, одинъ возлѣ другаго, и между ними или вовсе нѣтъ свободнаго пространства, или же оно чрезвычайно узко. Въ этомъ отношеніи Резьянскія деревни слѣдуютъ примѣру всѣхъ населенныхъ мѣстностей Фріульскаго края и, кажется, сѣверной Италіи вообще. Въ особенности же эта тѣсная постройка домовъ поражаетъ въ деревнѣ Осоянахъ. Улицы здѣсь очень узки, хотя съ другой стороны ихъ довольно много. Между отдѣльными домами имѣются только узенькіе проходы (jindrúna, мн. jindrúne), или же они плотно примыкаютъ другъ къ другу. Вслѣдствіе этого деревня Осояне походитъ скорѣе на городъ, нежели на деревню. Поэтому Резьяне сравниваютъ Осоянъ съ Венеціею и поютъ про нихъ

na lípa ma Osójska wás,
ka tó joe tákoj na cità

(она хороша, моя Осойская деревня, которая смотритъ городомъ).

Постройка отдѣльныхъ домовъ въ Резьѣ совершенно та же, что̀ и вообще во Фріулѣ. Всѣ домы здѣсь каменные; только на полонинахъ выстроены деревянныя помѣщенія какъ для людей, такъ и для скота. Многіе домы двухъ-этажные: на верху спятъ, внизу же готовятъ кушанье, и собираются во время дня. Кухни, какъ и вездѣ во Фріулѣ, являются курными избами: дымъ выходитъ здѣсь не въ трубу, но въ двери и въ окна. Конечно, непривычному человѣку этотъ дымъ ѣстъ немилосердно глаза; но туземцы отлично съ нимъ уживаются и даже испытываютъ отъ него извѣстнаго рода пріятное ощущеніе.

Что касается чистоплотности и впечатлѣній обонянія, нельзя обвинять Резьянъ въ излишней разборчивости и причудливости. Мнѣ случалось нѣсколько разъ навѣщать одного изъ моихъ Резьянскихъ друзей, живущаго въ Осоянахъ. Мы всегда сиживали на дворѣ вблизи отхожаго мѣста, распространявшаго нестерпимую вонь, относиться къ которой равнодушно могъ, казалось бы, только или человѣкъ, лишенный обонянія, или же изслѣдователь народнаго языка и быта. Между тѣмъ ни одно изъ присутствовавшихъ и разговаривавшихъ со мною лицъ обоего пола даже не поморщилось. Обычай искать вшей въ головахъ дѣтей и другихъ родственниковъ довольно распространенъ. Изъ всего этого видно, что Резьяне не грѣшатъ любовью къ чистотѣ и свѣжему воздуху, но тѣмъ не менѣе они стоятъ въ этомъ отношеніи несравненно выше, нежели ихъ южные сосѣди, Сербо-Хорваты Джемонскаго и Тарчентскаго уѣздовъ, отличающіеся рѣшительнымъ отвращеніемъ къ чистому бѣлью, къ постелямъ безъ клоповъ и другихъ насѣкомыхъ и т. д. Само собою разумѣется, что всѣ мои замѣчанія относятся только къ большинству населенія той и другой области; ибо какъ между Резьянами, такъ же точно и между ихъ южными сосѣдями Славянскаго племени можно встрѣтить лицъ, неуступающихъ въ занимающемъ насъ теперь отношеніи самымъ цивилизованнымъ обществамъ.

У Резьянъ мужескаго пола нѣтъ особаго національнаго костюма. Они одѣваются, смотря по средствамъ и вкусу, въ обыкновенное партикулярное платье, встрѣчаемое вообще въ тѣхъ краяхъ, въ особенности-же въ Венеціянской области сѣверной Италіи. И даже костюмы Резьянскихъ мужчинъ представляютъ гораздо болѣе разнообразія, чѣмъ мужская одежда ихъ ближайшихъ сосѣдей какъ Романскаго, такъ и Славянскаго племени. Это происходитъ по преимуществу отъ того, что ни одно изъ смежныхъ съ Резьянами племенъ не совершаетъ среднимъ числомъ столь отдаленныхъ и продолжительныхъ путешествій, какъ именно они. Эта пестрота и фантастичность нарядовъ замѣтна въ особенности между молодыми Резьянами. Иной Резьянскій юноша надѣваетъ красное кепи; другой отпускаетъ длинные бакенбарды и, надѣвши на себя клѣтчатую пару, является въ нѣкоторомъ смыслѣ пародіею ходячаго типа Англійскаго туриста; третій, съ тонко закрученными усами и красивою эспаньолкой, въ своемъ черномъ или же коричневомъ пиджакѣ смахиваетъ на Французскаго парикмахера; у четвертаго гладко

выбритое лицо, на головѣ картузъ неопредѣленнаго свойства, на плечахъ же что-то въ родѣ блузы или же тиковаго кафтана голубаго цвѣта и т. д.

Но если Резьянскіе мужчины одѣваются кáкъ попало и во что попало, то за то изъ всѣхъ сѣверно-Итальянскихъ Славянъ только у Резьянъ женщины сохранили до сихъ поръ своеобразный народный костюмъ, который, впрочемъ, тоже начинаетъ мало-по-малу видоизмѣняться, пополняться въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ нарядами, заимствованными изъ болѣе или менѣе космополитическаго наряда ближайшихъ городовъ, селъ и иноплеменныхъ деревень, и само собою разумѣется, со-временемъ совершенно выведется и исчезнетъ, точно также какъ исчезли народные костюмы стольких племенъ, подвергшихся вліянію всеуравнивающей и нивелирующей цивилизаціи. У другихъ сѣверно-Итальянскихъ Славянъ этотъ процессъ подчиненія общегосподствующему обычаю тѣхъ краевъ уже совершился, и теперешнее взрослое поколѣніе только помнитъ своихъ матерей или даже только бабушекъ въ своеобразныхъ національныхъ костюмахъ.

Какъ молодыя, такъ и старыя Резьянки одѣваются одинаково. Ихъ костюму свойственъ исключительно черный цвѣтъ, безъ всякой примѣси какого-нибудь другаго цвѣта. Вслѣдствіе этого видъ тáкъ одѣтой Резьянки производитъ впечатлѣніе далеко не веселое и отчасти напоминаетъ Русскихъ монахинь. Сдѣлано же должно быть платье Резьянки все изъ шелковыхъ матерій; только, за неимѣніемъ шелка, прибѣгаютъ къ матеріямъ другаго рода, но во всякомъ случаѣ чернымъ. На короткую рубашку (srákica) Резьянская женщина надѣваетъ корсетъ (pet) съ пуговками подъ шею; сверхъ корсета же платье безъ рукавовъ (tjamažòt), перепоясанное широкимъ поясомъ (pâs). Изъ-подъ верхней части платья, отдѣленной поясомъ отъ нижней, и которой по преимуществу присвоено названіе tjamažòt, выходятъ рукава (rokáve) корсета. Нижняя часть или юбка (kótula) состоитъ изъ двухъ полосъ, сшитыхъ горизонтальнымъ швомъ приблизительно у колѣнъ. Все это чернаго цвѣта и, по возможности, шелковое. Точно также чернымъ шелковымъ платкомъ (facöloèt), повязаннымъ безъ всякихъ затѣй, покрыта голова Резьянки. Если же она и украшается иногда цвѣтнымъ или же бѣлымъ платкомъ, то это во всякомъ случаѣ составляетъ отступленіе отъ традиціоннаго народнаго обычая. На ногахъ у Резьянскихъ женщинъ чулки (hláče škofóne, им. пад. мн. ч. škofónavi) и башмаки (čríwje). Сверхъ корсета и платья надѣваютъ иногда,

особенно въ холодное и ненастное время, короткую кофту (džúpa, súknja). Въ ушахъ, подобно женщинамъ другихъ краевъ, Резьянки носятъ серьги (rintjínavi, вин. пад. rintjine). Впрочемъ, серьга въ одномъ ухѣ составляетъ здѣсь украшеніе тоже многихъ мужчинъ; и между старшимъ поколѣніемъ нѣтъ, кажется, ни одного безъ подобнаго украшенія. Это—общій обычай прежнихъ временъ не только въ Резьѣ, но во всѣхъ вообще странахъ этой части Европы.

Какъ меня увѣрялъ Стефанъ Валенте, природный Резьянинъ, и въ то время (1873 г.) викарій въ Платищахъ на Австрійской границѣ Италіи, Славянскія женщины (Сербо-Хорватки) Джемонскаго и Тарчентскаго уѣздовъ еще не такъ давно носили костюмъ, по покрою своему и составнымъ частямъ совершенно похожій на костюмъ Резьяновъ, но дающій предпочтеніе бѣлому цвѣту, тогда какъ въ Резьянскомъ костюмѣ господствуетъ цвѣтъ исключительно черный. Въ св.-Петровскомъ же уѣздѣ, населенномъ, какъ мнѣ кажется, Сербо-Хорватами, подвергшимися сильному Крайно-Словенскому вліянію, существовалъ тоже не особенно давно женскій костюмъ, вполнѣ отличный отъ Резьянскаго и по покрою своему, и по цвѣту. Мнѣ описывалъ его подробно викарій въ Ронцѣ св.-Петровскаго уѣзда, весьма образованный священникъ, Петръ Подрѣка и другіе старожилы тѣхъ краевъ; но я успѣлъ уже забыть всѣ эти подробности, въ своихъ же запискахъ не нашелъ ничего подходящаго. Помню, что св.-Петровскія женщины носили короткія юбки, тогда какъ юбки Резьяновъ длинны и кончаются у щиколокъ. Ни какого пояса у св.-Петровокъ не полагалось. И вообще, на сколько я могу судить по общему впечатлѣнію, оставшемуся въ моей головѣ отъ этихъ описаній, костюмъ св.-Петровскихъ женщинъ по своему типу очень смахивалъ на костюмъ Польскихъ или же мало-Русскихъ крестьянокъ многихъ мѣстностей. Въ немъ, по увѣренію тѣхъ же лицъ, сочетались всѣ три національныхъ Славянскихъ цвѣта: бѣлый, красный и голубой.

Я уже выше замѣтилъ, что въ долинахъ Раколяны и Дони, равно какъ и въ селеніи Клюжа или Кьюза, нѣкоторыя старухи носятъ еще теперь костюмъ, тожественный во всѣхъ отношеніяхъ съ костюмомъ Резьянокъ. Тотъ же костюмъ, какъ утверждаетъ Мужацкій деканъ Пасквале делля Стуа, можно до сихъ поръ видѣть въ нѣкоторыхъ Итальянскихъ деревняхъ у рѣки Тальяменто, и именно въ тѣхъ деревняхъ, которыя, и по другимъ соображеніямъ, были когда-то населены Славянами.

У Резьянъ есть свои особыя пѣсни, какъ слова, такъ и напѣвы, и есть тоже свой особый танецъ. Этотъ послѣдній совершенно оригиналенъ и составляетъ, кажется, исключительную принадлежность Резьянскаго племени. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось видѣть его въ полномъ разгарѣ, при соотвѣтствующей музыкѣ на обширной площади передъ тѣмъ или другимъ трактиромъ (ŏštoerÿja). Я былъ въ Резьѣ въ августѣ мѣсяцѣ 1873 г., а въ то время, изъ опасенія передъ холерою, свирѣпствовавшею въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ провинціяхъ Австріи и самой же Италія, Итальянскія власти строжайшимъ образомъ запретили всякую пляску и вообще забавы, могущія, по ихъ мнѣнію, способствовать появленію и распространенію этой болѣзни. Тѣмъ не менѣе, когда я отправился на горныя пастбища или полонины, извѣстныя подъ общимъ именемъ Карницы, то нѣкоторые молодые люди обоего пола, изъ желанія показать мнѣ свой оригинальный народный танецъ, рѣшились преступить этотъ запретъ, и при звукахъ имѣвшейся у одного изъ нихъ гармоники (rimónika) втеченіе какихъ-нибудь 20-ти минутъ позволили мнѣ любоваться граціозностью и извѣстнаго рода благородствомъ ихъ движеній. Такъ какъ видѣнный мною танецъ былъ только далеко неполнымъ отраженіемъ настоящей Резьянской пляски, то я заимствую описаніе этой послѣдней изъ статьи И. И. Срезневскаго, которому удалось наблюдать ее безъ всякихъ препятствій.

«Пляска Резіянъ (Резіянка) оригинальна и прекрасна. Танцующіе становятся въ два ряда, шагахъ въ 10 рядъ отъ ряда, мужчины противъ женщинъ, тѣ подбоченясь, эти сложа руки и опустивши голову; рядъ подходитъ къ ряду два раза; сошедшись въ третій разъ, пары кружатся на одномъ мѣстѣ; потомъ снова расходятся, но уже такъ, что въ правой рукѣ каждый мужчина держитъ женщину, и каждая пара подаетъ руки двумъ другимъ. Составивши кругъ, идутъ кругомъ сначала направо, потомъ налѣво; потомъ пары распускаются и идутъ шагомъ одна за другою, напѣвая пѣсню. Прошедши круга два-три, мужчины опять отдаляются отъ женщинъ, становясь одни противъ другихъ рядомъ, — и танецъ начинается снова» [1]).

Арія (напѣвъ) Резьянской пляски, насколько я могу судить, похожа на арію Хорватскаго «кола» (kolo), и она вмѣстѣ съ тѣмъ повторялась при всѣхъ, безъ исключенія, Резьянскихъ пѣсняхъ,

---

[1]) Измаилъ Срезневскій, «Фріульскіе Славяне» («Москвитянинъ», 1844, часть V, № 9, стр. 214).

которыя только мнѣ удалось слышать. Темпъ Резьянскаго напѣва, кажется, скорѣе, нежели темпъ напѣва Хорватскаго. Своею же монотонностью и повтореніемъ все однѣхъ и тѣхъ же весьма несложныхъ и незамысловатыхъ нотъ, Резьянскій напѣвъ легко можетъ навести уныніе и скуку. Какъ меня увѣряли, упомянутый напѣвъ поется не съ одинаковою скоростью, и потому не во всѣхъ деревняхъ съ одинаковою скоростью танцуютъ: скорѣе всего совершается-де то и другое въ деревнѣ Бѣлой, въ Осоянахъ нѣсколько медленнѣе, но тоже скоро, средняя скорость (по выраженію сообщавшихъ мнѣ эти подробности—«andante») свойственна Нивѣ, самою же значительною медленностью (il più adagio) отличаются обитатели Столбицы. Насколько я могъ замѣтить, эти будто-бы существующія различія въ скорости напѣва и пляски вполнѣ совпадаютъ съ общимъ среднимъ темпераментомъ жителей отдѣльныхъ деревень.

Резьяне вообще страстные и искусные плясуны, и вмѣстѣ съ св.-Петровцами пользуются у своихъ сосѣдей весьма почетною извѣстностью по этой части. И здѣсь сказывается ихъ относительная независимость отъ ксендзовъ и общественная самостоятельность. Выбираемые самими же Резьянами ксендзы не могутъ хозяйничать такъ, какъ ксендзы въ другихъ мѣстностяхъ, навязываемые безотвѣтнымъ прихожанамъ, можетъ быть, даже противъ ихъ воли и желанія. Дурныя послѣдствія подобнаго назначенія ксендзовъ одною только высшею церковною властью видны, между прочимъ, у южныхъ сосѣдей Резьянъ, т.-е. у Сербо-Хорватовъ Джемонскаго и Тарчентскаго уѣздовъ, которые, напримѣръ, относительно танца и другихъ совсѣмъ невинныхъ проявленій народнаго веселья, находятся въ самомъ жалкомъ положеніи. Дѣйствующіе въ ихъ средѣ священники (ксендзы) строго запрещаютъ всякое народное пѣніе и всякую народную пляску, способствуя такимъ образомъ въ высокой степени деморализаціи ввѣренной ихъ отеческому попеченію паствы. Въ этомъ стремленіи—уничтожать по мѣрѣ возможности всѣ народныя особенности Славянскаго народонаселенія—выражается, отчасти по крайней мѣрѣ, старинная ненависть и презрѣніе Фурланъ къ Славянамъ. Большинство священниковъ, живущихъ и дѣйствующихъ въ средѣ Сербо-Хорватовъ Джемонскаго и Тарчентскаго уѣздовъ, злѣйшіе враги Славянской національности и презираютъ ее отъ глубины души. Я нахожу подтвержденіе только-что высказаннаго предположенія (о вліяніи національной ненависти на враждебное отношеніе священниковъ къ народному пѣнію и народному танцу) въ томъ, что въ св.-Петровскомъ уѣздѣ ксендзы тоже на-

значаются епископомъ, и нигдѣ не выбираются народомъ, а между тѣмъ до сихъ поръ еще никто изъ нихъ не вздумалъ уничтожать народное пѣніе и пляску. Въ св.-Петровскій же уѣздъ до нынѣшняго времени назначались приходскими священниками (настоятелями), викаріями и капелянами одни только Славяне, и никогда не попадалъ туда на подобную должность Фурланскій «дѣятель». Впрочемъ, у Крайно-Словенцевъ Австрійскихъ провинцій Крайны, Штиріи, Хорутаніи и Горицы нѣкоторые (даже многіе) ксендзы ихъ же національности тоже старательно устраняютъ всѣ проявленія народной веселости, что̀, конечно, только самымъ дурнымъ образомъ отзывается на нравственности народа, испытывающаго подобный противоестественный гнетъ отъ невѣжественныхъ ксендзовъ.

Изъ народныхъ забавъ и гуляній, устроиваемыхъ въ опредѣленныя времена года, мнѣ довелось слышать только о маскарадѣ (máškere), который, какъ и въ другихъ краяхъ, устроивается на масляницѣ (püst). Резьяне и въ особенности Резьянки много разсказывали мнѣ про свой маскарадъ и приглашали непремѣнно посѣтить ихъ въ это время: «тогда-де очень весело, дѣвушки наряжаются мужчинами, пляшутъ, проказничаютъ» и т. д. И. И. Срезневскій былъ счастливѣе меня и ему удалось собрать довольно подробныя свѣдѣнія тоже о другихъ народныхъ праздникахъ. Вотъ его слова:

«На 1-е мая — въ день освященія главной приходской Успенской церкви, бываетъ у Резіянъ праздникъ — Майникъ (Majnyk). Въ прежнее время совершались въ этотъ день особенные обряды; но они мало-по-малу вліяніемъ священниковъ вытѣснены такъ, что теперь не позволены въ этотъ день, по крайней мѣрѣ на Равенцѣ, ни танцы, ни музыка, ни пѣнье. Въ каждой изъ четырехъ деревень бываетъ свой храмовой праздникъ, въ дни св. Юрія, Флоріяна, Вита и Карла. Особенно празднуются дни Витовъ и Юрьевъ. Вечеромъ бываютъ и танцы и пѣсни, что̀, впрочемъ, скрываютъ отъ священника. Резіяне ждутъ съ нетерпѣніемъ этихъ дней. Въ старину, въ день Юрьевъ деревянный ликъ этого святаго носился на высокомъ шестѣ, украшенномъ бумажными цвѣтами и лентами, по всѣмъ деревнямъ. Изъ Бѣлы, гдѣ празднуется этотъ день, послѣ обѣдни его несли въ Ниву, и тамъ ставили на полъ въ серединѣ между столами, за которыми всѣ собравшіеся вмѣстѣ обѣдали; потомъ въ Осеань и Солбицу, жители которыхъ должны были подчивать всѣхъ виномъ. Въ Солбицѣ ликъ становился въ церковь, а народъ пилъ, пѣлъ пѣсни, плясалъ до вечера; вечеромъ же при

свѣтѣ зажженныхъ хворостинъ ворочались всѣ съ ликомъ св. Юрія въ Бѣлу, и снова пили, ѣли, плясали до полуночи. Съ ударомъ полуночнаго колокола, пѣлась всѣми духовная пѣснь св. Юрію, и потомъ расходились по домамъ. Въ день Витовъ (15 іюня) было тоже что-то подобное, между прочимъ вили и вѣнки изъ плюща (tarpytyka). Теперь все это запрещено, и въ памяти осталось, вмѣстѣ съ свѣтлымъ образомъ народнаго праздника, сожалѣніе объ утраченныхъ радостяхъ. Наканунѣ Иванова дня по горамъ раскладываются огни (kres), молодежь сходится смотрѣть на огонь, болтать, но обрядовъ, ни даже пѣсенъ и пляски, уже нѣтъ. Передъ праздникомъ Рождества Христова (Winachty) празднуется коляда (koljida), но безъ особенныхъ обрядовъ» [1]).

О свадебныхъ обрядахъ мнѣ ничего не довелось слышать, а самъ я какъ-то забылъ распрашивать о нихъ. И. И. Срезневскій сообщаетъ о нихъ слѣдующее:

«При рожденіи, свадьбѣ и похоронахъ бывали также обряды, но теперь почти ничего не осталось, кромѣ печенія бѣлой булки, погача (pogač)» [2]). «Въ старину нарядъ невѣсты отличался узкимъ вѣнцомъ изъ зеленаго бархата, обвитаго золотою ниткой (wjinc), и сзади прикалывалась къ нему кисейная фата (petjina), длинная, широкая, такъ-что можно было обернуться ею какъ плащемъ; это уже вышло изъ обычая» [3]).

Говоря о народныхъ празднествахъ, увеселеніяхъ и гуляніяхъ, я нарочно оставилъ въ сторонѣ тѣ изъ нихъ, которыя носятъ на себѣ преобладающій церковный оттѣнокъ и сопровождаются или богомольемъ, или крестнымъ ходомъ, или вообще какимъ-нибудь церковнымъ торжествомъ.

Главные приходскіе церковные праздники, связанные съ богомольемъ, сопровождаются тоже ярмаркою и общимъ народнымъ гуляніемъ (míša). Въ эти дни многіе изъ отсутствующихъ и странствующихъ по бѣлу свѣту Резьянъ возвращаются на родину, или въ качествѣ купцовъ, или просто для того, чтобы повидаться со своими и опять отправиться въ чужіе краи. Тогда съѣзжаются въ Резью разные мелкіе торговцы, приходятъ богомольцы и богомолки даже изъ довольно отдаленныхъ мѣстностей, и вся долина оживляется какъ церковнымъ празднествомъ, также точно и торговымъ движеніемъ. Подобнаго рода богомоліе и сопряженная съ нимъ

[1]) Тамъ же, стр. 213—214. [2]) Тамъ же, стр. 214.
[3]) Тамъ же, стр. 213.

ярмарка продолжаются всегда нѣсколько дней, и доставляютъ самый значительный доходъ мѣстнымъ трактирщикамъ и содержателямъ гостинницъ.

Мнѣ удалось присутствовать на главномъ празднествѣ подобнаго рода, повторяющемся ежегодно на Успенскую Богородицу, 15 августа. Народа было очень много, и за недостаткомъ помѣщенія, пришлые торговцы и богомольцы должны были спать, гдѣ попало. Хозяинъ гостинницы, въ которой я жилъ, заставилъ меня принять къ себѣ на ночь двухъ Фурланскихъ торговцевъ.—Этотъ Успенскій праздникъ Резьяне называютъ Šmařna miša (то-есть, «богомоліе святой Маріи»).

Гораздо менѣе значенія имѣетъ богомолье въ день Рожденія Богородицы, 8-го сентября (mála miša), празднуемое по преимуществу въ деревнѣ Столбицѣ. Тогда даже нѣкоторые изъ Резьянъ отправляются въ Фурланское село Понтебу, лежащее у самой Австрійской границы, гдѣ въ этотъ именно день бываетъ главный годовый праздникъ.

Плодородной земли у Резьянъ относительно очень мало, и приносимыхъ ею плодовъ никогда не хватило бы на прокормленіе всѣхъ жителей волости, еслибъ они не занимались скотоводствомъ и не заработывали на свое содержаніе выше поименованными ремеслами и разнаго рода торговлею. При этомъ обработка незначительнаго куска земли, доставшагося въ удѣлъ Резьянину, стóитъ ему ужаснаго, тяжелаго труда. Все воздѣлывается здѣсь руками, съ помощью заступа, лопаты, мотыки и т. п. орудій, и вслѣдствіе этого можно съ полнымъ правомъ сказать, что въ Резьѣ нѣтъ полей, а есть только сады и огороды. Для плуга, сохи и пр. нѣтъ даже названій въ Резьянскихъ говорахъ, а есть только глаголъ, выражающій дѣйствіе «паханія»,—откуда и плугъ описываютъ фразою «tö, ka sa öra» (тò, чѣмъ пашутъ),—хотя, конечно, за неимѣніемъ подобныхъ земледѣльческихъ орудій, сами Резьяне никогда не пашутъ. Домашній рогатый скотъ содержится Резьянами вовсе не для хлѣбопашества, а только или для добыванія молока и производства молочнаго (масла, сыра и т. д.), или же для продажи мясникамъ. Сами же Резьяне почти никогда не ѣдятъ говядины, довольствуясь во время большихъ праздниковъ по преимуществу бараниной, курятиной и вообще мясомъ живности.

И такъ, мы видимъ, что сама природа не дозволила Резьянамъ сосредоточить свою дѣятельность на земледѣліи, но заставила ихъ

прибѣгнуть тоже къ двумъ другимъ отраслямъ народнаго производства, съ одной стороны къ скотоводству, съ другой же къ промышленности и торговлѣ.

Изъ хлѣбовъ и другихъ полевыхъ плодовъ Резьяне разводятъ по преимуществу кукурузу, картофель и бобы (фасоль). Пшеницу я встрѣчалъ не столь часто. Кромѣ того, сѣютъ они и другіе хлѣба, имѣющіеся вообще въ этихъ краяхъ, разводятъ разную зелень и т. д. Фрукты же въ Резьянской волости не удаются. Винная лоза, правда, ростетъ, но виноградъ никогда не успѣваетъ созрѣвать. Это происходитъ, главнымъ образомъ, отъ того, что обѣ части Резьянской долины, какъ долина Резьи, такъ и котловина Учьи, закрыты съ юга горами, мѣшающими солнцу въ утренніе и болѣе поздніе послѣполуденные часы согрѣвать землю и производить надлежащее благотворное вліяніе на фрукты вообще, а на виноградъ въ особенности. Вслѣдствіе того, что горы почти со всѣхъ сторонъ окружаютъ Резью, здѣсь даже лѣтомъ, можно сказать, преобладаетъ тѣнь, солнце выходитъ изъ-за горъ относительно довольно поздно, и опять прячется за горами относительно довольно рано. Поэтому для Резьянина на его родинѣ нѣтъ восхода солнца въ нашемъ смыслѣ этого слова, и онъ говоритъ только, что «солнце выходитъ, показывается изъ-за горы» (súnce viláža, sunce joe vyloèzlö, sunce má vyloèst). Точно также вы никогда не услышите въ Резьѣ о «закатѣ солнца», о томъ, что оно «ложится», а только вамъ скажутъ, что «солнце идетъ за гору» (sunce gré za göro), «солнце спрячется» (sunce se skryoe), «солнце входитъ» (sunce wláža).

Выше я замѣтилъ, что Резьяне и Резьянки должны весьма много трудиться для того, чтобы получить отъ своихъ полей все возможное. Не меньшій, и даже гораздо бо́льшій трудъ сопряженъ съ доставкою корма для скота. Трава ростетъ главнымъ образомъ на полонинахъ, на полонинахъ же ее косятъ, сушатъ и обращаютъ въ сѣно. Между тѣмъ полонины эти отдалены отъ мѣстожительства большинства Резьянъ на 4—5 часовъ ходьбы. За неимѣніемъ возовъ и даже просто за невозможностью, доставлять сѣно съ полонинъ въ долину на возахъ, вся эта процедура должна совершаться на собственной спинѣ, и для нея посвящается 8 — 10 часовъ, то-есть, почти цѣлый день. Резьяне, и въ особенности Резьянки отправляются утромъ на полонину, къ полуденнымъ часамъ прибываютъ туда, наваливаютъ на свои плечи и спину такое количество сѣна, что его хватило бы для лошади съ средними силами, и отправляются обратно внизъ, домой. Во время этихъ прогулокъ

туда и сюда отдыхают обыкновенно только один раз. Когда же Резьянскія женщины не носят сѣна, тогда у них на спинѣ почти постоянно большая корзина (kòrba, по-Итальянски gerlo) съ разнаго рода тяжестями. Само собою разумѣется, что подобный чрезмѣрный и постоянно повторяющійся труд не остается без слѣда на здоровьѣ и на общем сложеніи тружеников, не особенно сильных. Женщины, выходящія рано замуж,—и все-же таки обязанныя исполнять подобные тяжелые труды, не смотря даже на беременность и на кормленіе грудью младенца, обыкновенно очень рано хирѣют и старѣются. Точно также, этим чрезмѣрным напряженіем мускулов спины и общим истощеніем верхней части туловища я объясняю себѣ тот замѣчательный факт, что у громаднаго большинства Резьянок грудь совершенно плоска. Только нѣкоторыя Резьянскія красавицы, преимущественно в деревнѣ Нивѣ, могут похвастаться относительною полнотою и округленностью этих признаков их женственности.

Уваженіе к собственности в высокой степени развито в Резьянах. Кражи или же поврежденія посѣвов и вообще полей случаются здѣсь очень рѣдко. Тѣм не менѣе, для бережения полей от воров, в больших Резьянских деревнях существует особая выборная почетная должность полеваго сторожа (tjaštál), которую поручают, конечно, человѣку, пользующемуся общим довѣріем. В деревнѣ Осоянах в 1873 г. исполнял эту должность мой пріятель, Петр Деленарди Голянда, состоявшій вмѣстѣ съ тѣм церковником (müuyh) мѣстной церкви. Обязанность подобнаго «сторожа» состоит в присмотрѣ не только за полями, но тоже и за лѣсами. Кромѣ того, для всей Резьи существует особый правительственный лѣсничій, как, между прочим, видно и из сообщенной мною выше статистической таблицы.

По отношенію к пищѣ, Резьяне весьма невзыскательны Вообще они питаются точно тѣм же, чѣм и их сосѣди. Утром кофе, который (накрошив в него прежде бѣлаго хлѣба) ѣдят ложкою из мисочки. У кого же нѣт кофе, тот довольствуется молоком (mlíko), или же кипятком, в котором разбавлено немножко муки (тюрька). Это послѣднее кушанье называют просто кипятком (krop); если же в нем муки побольше, тогда оно величается уже именем «мучнаго супа» (múčnik). Обѣд и ужин, по мѣрѣ возможности, составляется почти всегда из салата, по преимуществу цикорнаго (цикорій—lidrèk, по-Итальянски radicchio), одного или двух яиц и мамалыги. У тѣх же, кто побогаче,

бываетъ, кромѣ того, густой супъ (miñéštra), преимущественно приготовляемый изъ риса, а иногда, напримѣръ, по праздникамъ, варятъ курицу или же что нибудь въ этомъ родѣ. Хлѣбомъ (krūh) могутъ запасаться далеко не всѣ. Онъ замѣняется приготовляемою изъ кукурузы мамалыгою (полентою, jid, joest, по-Итальянски polenta), которая составляетъ необходимую принадлежность всякаго кушанья жителей сѣверной Италіи. Хлѣбъ пекутъ здѣсь только пшеничный; ржаной же вовсе не въ употребленіи. Пастухи и пастушки, пробывающіе лѣтомъ со скотомъ на «полонинахъ», питаются почти исключительно мамалыгою и сывороткою; поэтому отъ всѣхъ нихъ, особенно же отъ дѣвушекъ, сильно отдаетъ сывороткой.

Самое любимое блюдо Резьянъ есть сыръ, пряженый (жареный) въ маслѣ въ сковородѣ или кострюлькѣ (soèr tùu pöndvoè, Итал. formaggio fritto). Особенно въ бѣдныхъ Резьянскихъ семьяхъ это блюдо считается лучшимъ блюдомъ на свѣтѣ.

Во время моего пребыванія въ Резьѣ, въ августѣ мѣсяцѣ 1873 года, во многихъ мѣстностяхъ Италіи и Австріи появилась холера. Въ Резьѣ ея не было. Тѣмъ не менѣе настоятель Резьянскаго прихода получилъ отъ папы изъ Рима приказъ, поручить своей паствѣ, во избѣжаніе холеры, ѣсть мясо по пятницамъ и субботамъ. Конечно, подобный приказъ «непогрѣшимаго» былъ не только неисполнимъ, но просто смѣшенъ тамъ, гдѣ мясо можетъ проявляться только въ праздничные дни, и то на столѣ далеко не всѣхъ жителей прихода. Впрочемъ, какъ мнѣ кажется, почти исключительно растительная пища Резьянъ, разнообразимая только сыромъ и яйцами, не приноситъ ни малѣйшаго вреда ихъ здоровью, а напротивъ того весьма для него полезна.

Въ заключеніе отдѣла объ яствахъ и вообще питаніи Резьянъ, считаю нелишнимъ замѣтить, что почти всѣ Резьяне, мужчины, женщины и дѣти, нюхаютъ табакъ, слѣдуя въ этомъ примѣру другихъ жителей сѣверной (а можетъ быть и всей вообще) Италіи. Вслѣдствіе громадныхъ пошлинъ, которыми Итальянское правительство сочло нужнымъ обложить не только табакъ, но даже соль, хлѣбъ и прочіе предметы первой необходимости, ввозимые въ Италію изъ-за границы, какъ табакъ, такъ и сигары проникаютъ въ Резью почти исключительно путемъ контрабанды. Курящихъ въ Резьѣ очень мало. Курятъ же они весьма плохія сигары или же трубки.

Главные періоды занятій Резьянъ по части сельскаго хозяйства были мнѣ описаны одною молодою Резьянкой въ слѣдующихъ сло-

вахъ: «Весною (tùulažej) мы начинаемъ копать (kopàt), сѣять (wsijàt) картофель (krampír), жито (žýtö). Потомъ мы косимъ (sa šiče). Потомъ, когда мы окончимъ работу съ сѣномъ, мы должны косить отаву (otáwo). Потомъ мы собираемъ фрукты (sâd). Затѣмъ собираются колосья кукурузы (panúle ut sirka), картофель, гречиха (éjda), рожь (ràž), рѣпа (roèpa). Собирается тоже по огородамъ (tùu wàrtih) сѣмя цикорія (soèmoe üd lydryka), салата (ot saláte)».

Преобладающій же торговый оттѣнокъ занятій Резьянъ видѣнъ изъ слѣдующихъ разсказовъ, которые мнѣ удалось слышать отъ двухъ жителей деревни Осоянъ: а) «въ Осоянахъ мы ходимъ къ Петрину, у котораго есть гостинница. Кто хочетъ, велитъ дать себѣ что нибудь пить (подать себѣ какое-нибудь питье). Тогда онъ долженъ пить и отдохнуть. Послѣ же, когда онъ уже кончилъ, онъ идетъ домой. Затѣмъ онъ отправляется по своимъ дѣламъ. Онъ идетъ совершать свои работы. Затѣмъ, вставши утромъ, онъ идетъ на полонину. Пришедши на полонину, онъ устроиваетъ тамъ свои дѣла. Потомъ идетъ на гору для того, чтобы приготовить себѣ кое-какую связку сѣна, если успѣетъ это сдѣлать до наступленія ночи. И затѣмъ онъ опять возвращается домой къ своему хлѣву (táh ńaha hliwu), туда, гдѣ у него есть своя полонина. И затѣмъ, устроивъ всѣ свои дѣла, онъ уходитъ (удаляется изъ Резьи) и старается что нибудь себѣ заработать. Заработавъ же себѣ что нибудь, и считая это достаточнымъ, возвращается на родину. Послѣ этого онъ опять нѣкоторое время живетъ на родинѣ, до тѣхъ поръ, пока опять не устроитъ своихъ дѣлъ. Потомъ онъ опять удаляется посмотрѣть, можетъ-ли онъ что нибудь себѣ заработать. Онъ пробуетъ всѣ ремесла (am prawáwa wsè mištírje), и которое ремесло ему лучше всего удается, того онъ и держится. Когда же онъ замѣтитъ, что дѣла его идутъ какъ слѣдуетъ, тогда онъ старается беречь. А затѣмъ, когда у него есть капиталъ, онъ заработываетъ хорошія деньги (dan lipi kràucer), если все идетъ надлежащимъ образомъ. И такой человѣкъ есть человѣкъ (múž) въ полномъ смыслѣ этого слова. Такого человѣка всѣ уважаютъ». б) «Когда я былъ молодъ, я всегда любилъ товаръ и деньги (ä si moèu rüdy amör tòu ròubo áno tòu béče). И я постоянно думалъ только о томъ, что я долженъ заработать (wudińàt) много денегъ, и что я долженъ сдѣлаться вслѣдствіе этого человѣкомъ, всѣми уважаемымъ. Я всегда слышалъ, что тѣ люди, у которыхъ много денегъ и много товара, вездѣ уважаются. У голяка (lump) же и пьяницы нѣтъ нигдѣ кредита, и вездѣ надъ нимъ смѣются. Куда бы ни пошелъ

человѣкъ съ такою дурною репутаціей, нигдѣ не найдетъ кредита. Чего ни потребуетъ, ничего ни отъ кого не получитъ, такъ какъ подобнаго голяка и пьяницу знаютъ повсюду, куда бы онъ ни пошелъ».

Какъ намъ уже извѣстно, сама природа родной почвы заставляетъ Резьянъ скитаться по бѣлу свѣту и искать заработка тѣмъ или другимъ способомъ. Какой громадный процентъ Резьянскаго населенія отсутствовалъ 31 декабря 1871 года (зимою), показали намъ сообщенныя выше статистическія таблицы. Тѣ же статистическія таблицы представили подробный перечень ремеслъ и промысловъ, которыми занимаются Резьяне обоего пола. Здѣсь же я позволю себѣ сказать на этотъ счетъ еще нѣсколько словъ.

Многіе Резьяне заработываютъ на свое существованіе въ качествѣ тряпичниковъ; при этомъ чинятъ разбитые горшки (связывая ихъ проволокой), лудятъ кострюли, котлы и т. п., однимъ словомъ исполняютъ всѣ тѣ же работы, что странствующіе Венгерскіе Словаки. Жители Учейской котловины, отличающіеся между всѣми Резьянами самымъ низкимъ умственнымъ развитіемъ и обладающіе духомъ предпріимчивости въ гораздо низшей степени, нежели обитатели самой Резьянской долины, являются въ чужихъ краяхъ почти исключительно только дровосѣками; ремёсла же и торговля, хотя-бы даже самая мелочная, какъ-то имъ не даются. Въ дровосѣки нанимаются тоже и нѣкоторые жители самой же долины рѣки Резьи. Многіе изъ этихъ послѣднихъ отправляются въ чужіе краи въ качествѣ ремесленниковъ, по преимуществу же каменьщиковъ. Такъ, напримѣръ, каменьщиковъ изъ Резьянъ можно встрѣтить въ Грацѣ, Марбургѣ и другихъ Австрійскихъ городахъ. Кромѣ мелочныхъ торговцевъ, есть между Резьянами и купцы, ведущіе оптовую торговлю, напримѣръ, фруктами, и переписывающіеся съ торговыми домами въ Тріестѣ, въ Германштадтѣ, Грацѣ, Пештѣ и т. д. Вести подобную переписку, и даже не на одномъ, а на нѣсколькихъ, по крайней мѣрѣ, двухъ языкахъ, Итальянскомъ и Нѣмецкомъ, Резьяне выучиваются какъ-то сами, безъ помощи школъ и учителей. Ибо замѣчателенъ тотъ фактъ, что Резьяне обыкновенно среднихъ школъ не посѣщаютъ и довольствуются или тѣмъ, что̀ Богъ далъ, или же, въ лучшемъ случаѣ, своею домашнею школой. Резьянъ, посѣщавшихъ хотя бы только гимназіи или же духовныя семинаріи, можно сосчитать по пальцамъ. Мнѣ сообщали о слѣдующихъ лицахъ, получившихъ высшее или же среднее обра-

зованіе: гимназическій учитель (professore) въ Тревизо и трое священниковъ: двое въ Резьѣ въ качествѣ капеляновъ, одинъ лѣтъ около 60-ти, другой около 30-ти, оба родомъ изъ Столбицы; наконецъ, уже нѣсколько разъ упомянутый мною Стефанъ Валенте Бобонъ, родомъ изъ Бѣлы, въ 1873 г. викарій или же капелянъ въ Платищахъ Тарчентскаго уѣзда.

Прежде существовалъ еще какой-то гимназическій учитель въ Штирійскомъ Марбургѣ (Мариборѣ), но онъ, кажется, уже умеръ, или же переселился въ Тревизо и есть одно и то же лице, что̀ вышеупомянутый «professore».

Въ настоящее время ни одинъ молодой Резьянинъ не учится ни въ гимназіи, ни въ семинаріи, не говоря уже объ университетѣ.

Въ обращеніи съ людьми, какъ своими, такъ и чужими, Резьяне являются полнѣйшими демократами. Коротко знакомые, друзья и т. п. говорятъ другъ другу «ты»; для всѣхъ же прочихъ существуетъ одно неизмѣнное «вы». Это признаніе полнаго равенства между всѣми людьми не позволяетъ Резьянину различить «господъ» и «не господъ».

Ко мнѣ, напримѣръ, нѣкоторые обращались съ «šjur Džwán» (господинъ Иванъ), другіе просто съ «Džwán» (Иванъ), иные опять съ «prö̈foesü̈r» (профессоръ); но затѣмъ всѣ строили свою рѣчь во 2-мъ лицѣ множ. числа (вы). Спрашивая меня, сколько часовъ, одинъ изъ болѣе образованныхъ Резьянъ сказалъ: «kylykö so ór, Džwán?» (сколько часовъ, Иванъ?). Только нѣкоторые, желая быть особенно вѣжливыми, вставляли въ свою рѣчь Итальянское «signor professore», и извинялись передъ мною, что ихъ языкъ не позволяетъ имъ дѣлать такого различія, какое, между прочимъ, возможно въ Итальянскомъ, гдѣ ella или lei (она) (замѣнившее мѣстоименнымъ образомъ древнее сочетаніе: signoria vostra, то-есть «ваша милость», «ваше благородіе») служитъ выраженіемъ утонченной вѣжливости и изящества въ обращеніи, voi (вы) же означаетъ обыкновенное, простое обращеніе, хотя и вѣжливое, но безъ всякаго изящества. Подобное же различіе, и даже гораздо болѣе прочное, представляютъ Нѣмецкое sie (они) и ihr (вы), и затѣмъ, развившееся по Нѣмецкому образцу Словенское (Крайнское) «oni» (они) (изгоняемое теперешними образованными Словенцами) и «vi» (вы). Только-что упомянутые Резьяне, желающіе быть особенно вѣжливыми, признавали въ этомъ отношеніи «превосходство»

языковъ Итальянскаго, Нѣмецкаго и Крайнскаго надъ ихъ роднымъ, Резьянскимъ.

Взрослыя Резьянскія дѣвушки и молодые люди, если нѣтъ между ними особенно короткаго знакомства или же дружбы, говорятъ другъ другу не «ты», но «вы», соблюдая при этомъ полное равенство, то-есть, не обращая вниманія ни на богатство или бѣдность, ни на зависимость одного отъ другаго, ни на какое бы то ни было постороннее обстоятельство. Это, во всякомъ случаѣ, свидѣтельствуетъ о высокой степени общественнаго развитія Резьянъ.

Итальянскимъ вліяніемъ слѣдуетъ объяснять обращеніе даже къ Богу, Спасителю, Богородицѣ и всѣмъ вообще святымъ и ангеламъ не съ «ты», но съ «вы». Примѣры подобнаго обращенія къ сверхъ-естественнымъ существамъ можно читать въ обнародованномъ мною «Резьянскомъ катихизисѣ» [1]).

Резьяне (конечно, обоего пола) вообще очень гостепріимны. Если зайдешь къ которому нибудь изъ нихъ, и если онъ не имѣетъ ничего противъ тебя по какимъ-либо причинамъ, онъ сейчасъ же старается угостить чѣмъ можетъ, и не хочетъ принять за это никакого вознагражденія. Такъ какъ мнѣ совѣстно было пользоваться гостепріимствомъ людей, которые едва сводятъ концы съ концами, то я старался, по мѣрѣ возможности, дарить соотвѣтственную сумму дѣтямъ хозяина или хозяйки. Само собою разумѣется, что все это не относится къ содержателямъ гостинницъ или трактировъ, цѣль которыхъ и состоитъ именно въ томъ, чтобы по возможности больше получить отъ своихъ гостей.

Если многіе частные Резьяне и Резьянки старались угощать меня, чѣмъ могли, то опять нѣкоторые жертвовали мнѣ своимъ временемъ, и не хотѣли принять за это никакого вознагражденія. Такъ, напримѣръ, церковникъ (münih) въ Бѣлой (S. Giorgio), Григорій Бортолотти Лукижъ втеченіе нѣсколькихъ часовъ показывалъ мнѣ особенности своей церкви, содержащіяся въ ней грамоты и рукописи, затѣмъ былъ неотступнымъ моимъ собесѣдникомъ и, наконецъ, провожалъ меня домой, то-есть на Раванцу, и за все это, кромѣ двухъ-трехъ стакановъ вина въ мѣстной (Бѣльской) гостинницѣ и моей благодарности, не хотѣлъ даже слышать о какомъ бы то ни было вознагражденіи. Точно также мой давнишній пріятель,

---

[1]) «Резьянскій Катихизисъ, какъ приложеніе къ «Опыту фонетики Резьянскихъ говоровъ», съ примѣчаніями и словаремъ издалъ И. Бодуэнъ-де-Куртенэ (J. Baudouin de Courtenay). Варшава. Петербургъ 1875. Стр. 4, 5 и т. д.

Петръ Деленарди Голянда, церковникъ и полевой сторожъ въ Осояхъ, посвятилъ мнѣ нѣсколько дней, и даже обидѣлся, когда я предложилъ ему вознагражденіе; онъ только просилъ меня подарить ему мою фотографическую карточку съ подписью. Весьма тоже любезны были для меня секретарь Резьянской волости, Антонъ Буттоло, Францискъ Копетти Кундія, сообщившій мнѣ рукописи «Резьянскаго Катихизиса», и многіе другіе. За то нанятые мною провожатые старались эксплоатировать мой карманъ безъ всякаго стѣсненія, хотя все же таки нельзя сказать, чтобы брали съ меня слишкомъ дорого.

Конечно, будучи лицемъ, прежде совершенно незнакомымъ въ Резьѣ, и занимаясь дѣломъ, для громаднаго большинства вполнѣ непонятнымъ, я долженъ былъ подвергаться иногда грубостямъ, хотя, спѣшу прибавить, подобные случаи были со мною въ Резьѣ чрезвычайно рѣдки. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые изъ болѣе развитыхъ жителей Столбицы, узнавъ, что я, между прочимъ, желаю слышать и записать по возможности болѣе народныхъ разсказовъ, посовѣтовали мнѣ обратиться къ одной женщинѣ ихъ же деревни, слывущей за отличную разсказчицу. Я къ ней и отправился, но, къ сожалѣнію, одинъ, такъ-что единственною рекомендаціей мнѣ могло служить мое собственное далеко неубѣдительное краснорѣчіе. Исходъ моего предпріятія былъ самый плачевный. Не смотря на всѣ мои доводы, названная женщина, никогда обо мнѣ прежде неслышавшая, сначала очень испугалась, затѣмъ выругала меня и въ заключеніе сказала: «tastoè, tastoè po wáši póti, my na známö nikár právit, já ni tjón moèt ninaha šáhti z wámi» (ступайте, ступайте своею дорогой, мы не умѣемъ ничего разсказывать, я не хочу имѣть никакого дѣла съ вами). Такимъ образомъ, мнѣ не оставалось ничего другаго, какъ волей-неволей послушаться ея совѣта. Какой-то молодой Резьянинъ въ черномъ сертукѣ и съ эспаньолкой, прибывшій на родину только временно къ празднеству Успенской Богородицы, отнесся ко мнѣ крайне недружелюбно и, называя меня презрительно «muj človoèk!» (мой человѣкъ! любезный!), публично въ весьма неделикатныхъ выраженіяхъ высказалъ мнѣ свои подозрѣнія на счетъ моей личности и моихъ занятій.

Хотя я и рѣдко подвергался подобнымъ для меня нелестнымъ и не особенно пріятнымъ подозрѣніямъ, но тѣмъ не менѣе подозрѣнія эти существовали, и ихъ можно свести къ двумъ главнымъ категоріямъ: 1) что я шпіонъ, 2) что слѣдствіемъ моей экскурсіи въ Резью будутъ новыя подати. Если же я старался разсѣять по-

добныя сомнѣнія и объяснялъ настоящую цѣль моихъ путешествій, то нѣкоторые, кажется, и повѣрили, но за то большинство оставалось при своемъ первоначальномъ мнѣніи. Сомнѣніе этихъ послѣднихъ въ истинѣ того, что я имъ разсказывалъ, выражалось краткимъ, но многозначащимъ восклицаніемъ: «komédja!» (вздоръ! шутки!).

Съ другой стороны дѣлались тоже весьма лестныя предположенія о цѣли моихъ странствованій. Такъ, напримѣръ, Францискъ Копети Кундія сравнивалъ меня съ апостолами: какъ-де апостолы ходили по свѣту, провозглашая новую вѣру, точно также и люди, мнѣ подобные, ходятъ съ цѣлію распространять истинный свѣтъ и истинную науку; какъ дѣянія апостоловъ остались въ памяти у всѣхъ народовъ всѣхъ временъ, точно также память людей, мнѣ подобныхъ, будетъ благословляться во всѣ времена всѣми народами. Понятно, что я молча принималъ все это на свой счетъ и вовсе не старался разувѣрять моего добраго заступника.

Я привожу всѣ эти сужденія обо мнѣ только потому, что, помоему, они не лишены интереса и съ болѣе общей точки зрѣнія, и во всякомъ случаѣ характеризуютъ степень и качество умственнаго развитія, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ лицъ, принадлежащихъ къ Резьянскому племени. Съ тою точно же цѣлію я позволю себѣ въ заключеніе этой главы указать на миѳъ, составившійся въ Резьѣ о моемъ происхожденіи. Хотя для одного только надлежащаго пониманія Резьянской рѣчи мнѣ нужно было посвятить цѣлую первую недѣлю моего пребыванія между Резьянами, втеченіе которой я только и дѣлалъ что вслушивался въ живой Резьянскій говоръ, но тѣмъ не менѣе по истеченіи двухъ недѣль я усвоилъ себѣ этотъ говоръ въ такой степени, что нѣкоторые Резьяне, и по преимуществу Резьянки, никакъ не хотѣли вѣрить въ мое иноплеменное происхожденіе, и утверждали, что я природный Резьянинъ, и именно «dan ńívaški» (родившійся въ деревнѣ Нивѣ). Мое же внезапное появленіе въ Резьѣ они объясняли себѣ слѣдующимъ образомъ: У упомянутаго мною выше Франциска Копетти Кундіи былъ сынъ, будто-бы очень на меня похожій. Этотъ сынъ до 1866 года служилъ въ Австрійской арміи, и именно въ Видемскомъ или Удинскомъ полку, который въ 1866 г. долженъ былъ драться противъ Пруссаковъ. Въ одномъ изъ сраженій сынъ Франциска Кундіи, тоже Францискъ, былъ, по всей вѣроятности, убитъ. Между тѣмъ вѣрующіе въ мое Резьянское происхожденіе Резьяне утверждали, что онъ живъ, и что онъ и я—одно и тоже лице, что я только отвыкъ отъ Резьянской рѣчи вслѣдствіе долгаго пребыванія въ чужихъ

краяхъ, что я только вру, что я Dżwán (Иванъ), и что, по-настоящему, я никто иной, какъ Францискъ Копетти Кундія, сынъ Франциска же Копетти Кундіи. Считаю нелишнимъ замѣтить, что самъ Францискъ Копетти Кундія нисколько не подозрѣвалъ меня въ столь близкихъ къ нему родственныхъ отношеніяхъ, и вмѣстѣ со мною смѣялся надъ сочинителями этого миѳа.

Въ своихъ отношеніяхъ, къ женщинамъ Резьяне являются точно такими же, какъ и всѣ жители тамошнихъ краевъ и, можно сказать, всѣ Европейскіе народы. Хотя женщины пользуются у нихъ извѣстною долею уваженія, но тѣмъ не менѣе онѣ, напримѣръ, устранены отъ разговоровъ мужчинъ между собою. Если во время мужскаго разговора присутствующая при немъ женщина дерзнетъ высказать свое мнѣніе или вообще только отозваться, почти всегда найдется въ числѣ этихъ мужчинъ какой нибудь блюститель порядка, считающій своимъ долгомъ въ довольно безцеремонныхъ выраженіяхъ напомнить женщинѣ о разстояніи, раздѣляющемъ ее отъ тѣхъ, кто имѣетъ право и думать, и разсуждать, и высказывать свое мнѣніе. Это презрительное отношеніе къ женщинамъ основано на томъ предубѣжденіи, что женщина, по своей природѣ, глупа и неспособна къ умственному развитію.

Резьяне, конечно, тутъ ни причемъ. Мнѣ случилось однажды обѣдать въ домѣ весьма образованнаго Итальянца въ одномъ изъ сѣверно-Итальянскихъ городовъ, и тутъ-то я имѣлъ случай наблюдать нравственную и общественную подчиненность женщины въ лицѣ хозяйки, жены и матери, насмѣшливое и даже презрительное отношеніе къ женщинамъ вообще и, стало-быть, и къ ней въ особенности, ея же сыновей, ея зависимость отъ этихъ послѣднихъ (т. е. сыновей) (такъ, напримѣръ, въ отсутствіе отца главою семейства считается въ Италіи не мать, но старшій сынъ, хотя-бы ему было только 10 лѣтъ). Видѣнное мною не составляло вовсе никакого исключенія; это общее устройство Итальянскихъ семействъ, какъ остатокъ древне-Римскихъ нравовъ, древне-Римскихъ добродѣтелей и древне-Римскихъ правъ и законовъ (jus Romanum).

Конечно, у народа «простаго», то-есть, у народа трудящагося и собственными руками воздѣлывающаго землю, эта подчиненность женщины проявляется въ болѣе грубыхъ формахъ. Такъ и Резьянинъ старается, если возможно, облегчить себѣ тяжесть своего труда тѣмъ, что значительную часть его взваливаетъ на женщину, ставя ее въ подобныхъ случаяхъ не многимъ выше домашняго скота.

Тѣмъ не менѣе молодые холостые Резьяне проявляютъ, по отношенію къ своимъ дѣвушкамъ, извѣстнаго рода учтивость, вѣжливость, любезность и предупредительность. Разговариваютъ они съ ними въ выраженіяхъ относительно весьма деликатныхъ, избѣгая всякаго неприличія. Во время же большихъ праздниковъ, сопровождаемыхъ ярмарками, или богомолій, считается обязанностью Резьянскихъ кавалеровъ подчивать своихъ дамъ пряниками и пирожками (ед. kolačitj, мн. kolačítjavi, вин. мн. kolacítje), покупаемыми у навѣщающихъ въ это время Резью торговцевъ и торговокъ.

Кромѣ упомянутыхъ мною выше разговорныхъ формъ, демократизмъ Резьянъ выражается еще и въ томъ, что ни одинъ Резьянинъ **не служитъ** внѣ предѣловъ своей родины. По статистическимъ даннымъ, 31 декабря 1871 г. было въ Резьѣ на лицо служащихъ 1 мужчина (некончившій еще 15 лѣтъ) и 11 женщинъ (разныхъ возрастовъ): это Резьянскій батракъ и дѣвушки, находящіеся въ услуженіи у другихъ же Резьянъ. Но нигдѣ нельзя найти **прислуги** изъ Резьянъ. Резьянинъ заработываетъ на свое содержаніе одними только свободными ремеслами или хотя бы даже самымъ ничтожнымъ промысломъ, но **служить** не умѣетъ. Между тѣмъ Крайно-Словинцы, равно какъ и св.-Петровцы и Сербо-Хорваты уѣздовъ Тарчентскаго, Джемонскаго и Чивидальскаго или Чидадскаго, служатъ весьма охотно, и напримѣръ въ Удине св.-Петровцы славятся, какъ поставщики лучшей прислуги, точно также какъ Лужичане въ Дрезденѣ и даже Берлинѣ, или же Альтенбуржане (Altenburg) въ Лейпцигѣ. А такъ какъ и Фурлане и ближайшіе Нѣмцы (въ Каринтіи или Хорутаніи) тоже не отказываются принимать на себя обязанности слугъ, то это отвращеніе къ подобнаго рода потерѣ личной свободы является въ тѣхъ краяхъ характеристическою чертою исключительно однихъ только Резьянъ, развившеюся, можетъ быть, вслѣдствіе того, что у Резьянъ никогда не было барщины. По крайней мѣрѣ, нѣтъ никакихъ, ни словесныхъ, ни письменныхъ преданій о существованіи здѣсь этой деморализирующей и унижающей человѣческое достоинство институціи. Можетъ быть, однакожъ, что отвращеніе къ **служенію** другимъ кроется глубже, а именно—въ племенномъ происхожденіи Резьянъ.

Не смотря на всю бѣдность Резьянъ, только очень рѣдко можно встрѣтить между ними нищаго или же нищую, и собирающій милостыню въ чужихъ краяхъ Резьянинъ или же Резьянка состав-

ляютъ совершенную рѣдкость. Въ самой же Резьѣ эту роль исполняютъ или бездомные горемыки, или же калѣки; но ихъ почти вовсе незамѣтно.

Такъ какъ иногда самый, повидимому, ничтожный и пустячный обычай можетъ бросить особый свѣтъ на характеръ народа и, вмѣстѣ съ другими обычаями, послужить основаніемъ для точнаго его опредѣленія, то я считаю нелишнимъ указать здѣсь на фактъ, что за обѣдомъ и за ужиномъ каждый Резьянинъ получаетъ особую тарелку и вообще особый приборъ, въ чемъ, такъ сказать, проявляется сильно-развитое чутье индивидуальности и чисто личной собственности. Между тѣмъ у Словенцевъ и св.-Петровцевъ всѣ ѣдятъ изъ одного блюда или же изъ одной миски. Во время моихъ путешествій мнѣ самому приходилось нерѣдко участвовать въ подобнаго рода трапезахъ: мнѣ давали только особую деревянную ложку, и я вмѣстѣ со всѣми собесѣдниками черпалъ этою ложкою изъ общей миски какую-нибудь смѣсь, состоявшую изъ воды, молока, крупъ, бобовъ, картофеля, рѣзанныхъ грушъ, крошенаго хлѣба и т. д., или же что нибудь другое въ томъ же родѣ.

Не смотря на свойственный имъ духъ равенства, Резьяне имѣютъ только весьма смутное понятіе о разныхъ формахъ правленія и, напримѣръ, почти всѣ смѣшиваютъ республику съ революціей и даже съ анархіею.

Хотя всѣ Резьяне римско-католическаго исповѣданія, тѣмъ не менѣе, по отношенію къ другимъ, они отличаются вообще полною вѣротерпимостью. Мнѣ довольно часто приходилось слышать отъ Резьянъ мнѣнія о религіозныхъ вопросахъ, чуждыя всякаго фанатизма. Между прочимъ, уже нѣсколько разъ упомянутый мною Пётръ Голянда, церковникъ въ деревнѣ Осоянахъ, думая, что я православный, въ присутствіи многихъ изъ своихъ сосѣдей сказалъ: «какъ христіанская (т.-е. католическая) религія, точно также религія Еврейская, или Лютеранская, или Кальвинская, или староверческая (т.-е. православная), или Греческая, или же вообще какая бы то ни была религія имѣетъ свои законы и достойна уваженія». Нѣкоторые изъ Резьянъ идутъ дальше обыкновенной вѣротерпимости и высказываютъ убѣжденія съ точки зрѣнія господствующей у нихъ религіи, далеко неодобрительныя, и вообще весьма враждебныя для духовенства. Помню, что однажды нѣсколько Резьянъ завели въ моемъ присутствіи рѣчь о гражданскомъ бракѣ, при чемъ я объяснилъ имъ различіе гражданскаго брака въ Италіи

(обязательность) и въ Австріи (только въ случаѣ невозможности или же нежеланія заключить церковный бракъ). Всѣ присутствовавшіе вполнѣ одобряли Итальянскій законъ относительно этого установленія (обязательность гражданскаго брака). Между Резьянами, впрочемъ, нѣтъ оффиціяльно признанныхъ liberi pensatori. Въ св.-Петровскомъ же уѣздѣ на 14051 человѣка всего населенія статистическая таблица показываетъ 13 мужчинъ и 2 женщины, подведенныхъ подъ категорію di altre religioni, т.-е., по настоящему, liberi pensatori. Какъ меня увѣряли, большинство этихъ liberi pensatori св.-Петровскаго уѣзда состоитъ изъ волостныхъ писарей. Подобное «свободомысліе» я встрѣчалъ не только у сѣверо-Итальянскихъ, но также и у Австрійскихъ Славянъ, и въ особенности у Крайно-Словенцевъ Горицкаго графства [1]). Мнѣніе же о томъ, что ксендзы не должны имѣть вліянія на общественныя дѣла волости и что, послѣдовательно, и папа въ свѣтскія дѣла государства вмѣшиваться не долженъ, можно слышать всего чаще между Горицкими Крайно-Словенцами. Не всѣ также Резьяне исполняютъ внѣшнія обрядности, которыя каждый истинный католикъ долженъ совершать по нѣскольку разъ въ день. Такъ, всѣ Австрійскіе Крайно-Словенцы (конечно, живущіе по деревнямъ) и почти всѣ св.-Петровцы во время того, когда звонятъ на Ave Maria, снимаютъ шляпы, крестятся и шепчутъ (или даже громко произносятъ) предписанныя молитвы; напротивъ того, многіе изъ Резьянъ продолжаютъ сидѣть или же стоять, какъ будто ничего не бывало. А такъ какъ я, для того, чтобы не оскорблять религіозныхъ чувствъ народа, между которымъ мнѣ приходилось вращаться въ данное время, старался исполнять всѣ его религіозные обряды и, напримѣръ въ данномъ случаѣ, по крайней мѣрѣ снималъ шляпу, то «либеральничающіе» Резьяне смотрѣли на меня глазами, выражающими удивленіе, какъ это «un professore» можетъ еще до такой степени быть «отсталымъ» и соблюдать формальности, которыя къ лицу развѣ какому нибудь старику или же женщинѣ, но никакъ не современному образованному человѣку.

Отсутствіе школьнаго образованія у Резьянъ вознаграждается главнымъ образомъ умственною, равно какъ и практическою изворотливостью. Резьяне и Резьянки вообще—народъ очень способный.

---

[1]) Считаю необходимымъ заявить, что мои замѣчанія относятся къ такъ называемому народу, то-есть, къ классу людей, соотвѣтствующихъ болѣе или менѣе нашимъ крестьянамъ. О такъ называемой интеллигенціи, въ особенности же о жителяхъ городовъ, я здѣсь вовсе не говорю.

Удивительна легкость, съ которою они усвоиваютъ себѣ чужіе языки. Резьянинъ, говорящій на четырехъ или же пяти иностранныхъ языкахъ, вовсе не диковинка. Впрочемъ, эту практически-лингвистическую способность Резьяне раздѣляютъ съ Крайно-Словенцами и св. Петровцами (Špiétarci), и даже эти послѣдніе успѣваютъ лучше, чѣмъ Резьяне, ибо произносятъ слова иностранныхъ языковъ совершенно правильно, тогда какъ въ выговорѣ Резьянина почти всегда слышится довольно сильный специфически-Резьянскій оттѣнокъ. Въ нѣкоторыхъ св.-Петровскихъ поселеніяхъ я встрѣчалъ людей, которые, странствуя по бѣлу свѣту въ качествѣ продавцевъ картинъ или т. п., выучились по-Фурлански, по-Италіянски, по-Нѣмецки, по Крайно-Словенски, по-Польски и даже по-Русски. Одинъ же изъ моихъ св.-Петровскихъ знакомыхъ, Иванъ Пагонъ, говоритъ хорошо почти на всѣхъ языкахъ Австрійской имперіи, т. е., на Нѣмецкомъ, Итальянскомъ, Фурланскомъ, Крайно-Словенскомъ, Сербско-Хорватскомъ, Чешскомъ, Польскомъ и Венгерскомъ. Простая Крайно-Словенская дѣвушка, пробывъ въ Тріестѣ какихъ нибудь три мѣсяца въ качествѣ служанки, выучивается отлично по-Италіянски; попавъ же въ одинъ изъ Нѣмецкихъ городовъ или, по крайней мѣрѣ, въ Нѣмецкую семью, та же дѣвушка втеченіе шести мѣсяцевъ преодолѣваетъ гораздо болѣе трудный Нѣмецкій языкъ. Какъ бы то ни было, Резьяне не уступаютъ въ этомъ отношеніи другимъ южнымъ Славянамъ, и даже, по числу лицъ, знающихъ иностранные языки, превосходятъ этихъ послѣднихъ; это потому, что больше всѣхъ прочихъ путешествуютъ, и находятся въ болѣе обширныхъ торговыхъ сношеніяхъ. Они не ограничиваются одною только живою рѣчью, и, когда нужно, въ скоромъ времени, можно сказать, сами, безъ помощи учителя, выучиваются читать и писать на разныхъ языкахъ. Благодаря этимъ неоцѣненнымъ способностямъ, нѣкоторые изъ нихъ, занимающіеся оптовою торговлею, ведутъ довольно обширную торговую переписку съ разными фирмами въ Италіи и въ Австріи на Итальянскомъ и на Нѣмецкомъ языкахъ.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ теперешній писарь Резьянской волости, Антонъ Буттоло. Вотъ его исторія, разсказанная мнѣ нѣкоторыми изъ его соотечественниковъ. Въ молодости онъ занимался тѣмъ же, чѣмъ и многіе другіе Резьяне, вязалъ горшки, лудилъ котлы и кострюли, и при всемъ этомъ бѣдствовалъ. Находясь одно время въ Штиріи, онъ былъ нанятъ землемѣрами, какъ обыкновенный подёнщикъ. Работы, производимыя землемѣрами,

возбудили его любопытство до такой степени, что, имѣя тогда уже около 30 лѣтъ и будучи совершенно безграмотнымъ, онъ взялся за книгу и въ скоромъ времени выучился читать и писать. Въ настоящее время онъ говоритъ и пишетъ по-Итальянски, по-Нѣмецки и по-Крайно-Словенски; кромѣ того говоритъ, конечно, по-Резьянски и по-Фурлански. Но что̀ самое удивительное, такъ это то, что онъ безъ помощи учителя выучился по-Французски и довольно правильно объясняется на этомъ языкѣ. Кромѣ знанія языковъ, онъ обладаетъ значительною массой свѣдѣній по исторіи, географіи, этнографіи, естественной исторіи и т. д., и вообще является вполнѣ образованнымъ человѣкомъ, съ которымъ можно весьма пріятно побесѣдовать о разныхъ предметахъ. Ему теперь около 60 лѣтъ, и, уже довольно давно состоя въ своей должности, онъ считается лучшимъ волостнымъ писаремъ во всемъ Мужацкомъ уѣздѣ.

Благодаря смѣтливости Резьянскаго народа, мнѣ почти не случалось, при записываніи Резьянскихъ словъ и выраженій, натыкаться на такого рода недоразумѣнія, которыя столь часты, напримѣръ, въ матеріялахъ для характеристики по-Лабскихъ говоровъ, и которыя состоятъ въ томъ, что спрашиваемый серьезно относится къ вопросу и, напримѣръ, на вопросъ «какъ говорится по вашему: вы ѣ л и?» отвѣчаетъ на своемъ языкѣ: «я ѣ л ъ» [1]). Въ Резьѣ мнѣ случилось нѣчто подобное всего только одинъ разъ. Дѣвушка никакъ не могла понять вопроса, какъ нужно сказать по-Резьянски «voi mangiate» (вы ѣдите, вы кушаете), не смотря на то, что смыслъ Итальянскихъ словъ былъ для нея понятенъ. Сначала я спросилъ ее: «káko se dí: voi mangiate?». Она же отвѣтила: «tji sta joèdly baj vý?» (ѣли ли вы?). Я повторилъ вопросъ. Отвѣтъ: «ńen mi hrémö jiśt» (теперь мы идемъ ѣсть). Наконецъ, я измѣнилъ форму вопроса, но, къ сожалѣнію, неудачно: káko mará wán ritjìt, ko vý jíta?» (кáкъ должно вамъ сказать, когда вы кушаете?), неудачно потому, что получилъ въ отвѣтъ, и, по правдѣ сказать, совершенно справедливо: «búh wan žéhnaj» (Богъ васъ благослови) (обыкновенная формула, замѣняющая собою пожеланіе хорошаго аппетита).

Резья принадлежитъ Италіи. Съ другой стороны, самая обширная часть Резьянской волости, т. е. долина рѣки Резьи, отдѣ-

---

[1]) См. «Laut und Formenlehre der Polabischen Sprache von August Schleicher». St.-Petersburg, 1871, стр. 12 слѣд., и мой разборъ этой книги, напечатанный въ «Журналѣ мин. народн. просв.» за августъ 1873 г.

ленная, можно сказать, непроходимыми горами отъ ближайшихъ по сосѣдству Славянъ (Словенцевъ Австріи и Сербо-Хорватовъ сѣверной Италіи) открыта только съ запада, въ сторону Романскаго племени Фурланъ. Такимъ образомъ, какъ политическія, такъ и географико-этнографическія условія вовсе не благопріятствуютъ сохраненію и процвѣтанію Славянской національности Резьянъ. Правда, Учейская котловина открыта главнымъ образомъ въ сторону Австрійскихъ Крайно-Словенцевъ, но, во-первыхъ, она въ политическомъ отношеніи все-же принадлежитъ къ Италіи и, во-вторыхъ, населена не больше какъ шестою частью всей массы Резьянскаго населенія, и притомъ частью самою необразованною и невліятельною. Какъ бы то ни было, сильный напоръ Романскаго элемента въ лицѣ Фурланскаго народа и Итальянскаго правительства, на Резьянскихъ Славянъ ясенъ и не требуетъ ни какихъ особенныхъ доказательствъ. Этому напору подвержены нетолько всѣ Славяне сѣверной Италіи, но тоже и Славяне пограничной полосы Австрійскихъ провинцій, по преимуществу же Горицкаго графства. Что̀ касается сѣверо-Итальянскихъ Славянъ, то только-что упомянутое Романское вліяніе проявляется не на всѣхъ ихъ съ одинаковою силою. Больше всѣхъ «фурланятся» Сербо-Хорваты уѣздовъ Джемонскаго и Тарчентскаго, во-первыхъ, подъ вліяніемъ презирающихъ ихъ Славянскую національность ксендзовъ Фурланскаго происхожденія и вообще всего Римско-католическаго церковнаго механизма, во-вторыхъ, вслѣдствіе принадлежности къ однимъ общимъ, даже самымъ мелкимъ, административнымъ цѣлымъ съ сосѣдними Фурланами, имѣющими и въ другихъ отношеніяхъ значительный и рѣшительный перевѣсъ, въ-третьихъ, наконецъ, вслѣдствіе всѣхъ вообще мѣстныхъ, географическихъ и культурно-историческихъ условій. Составляющіе особый цѣльный уѣздъ св.-Петровцы находятся, въ этомъ отношеніи, въ гораздо лучшихъ условіяхъ, и они, можно сказать, до сихъ поръ сохранили свою этнографическую національность въ неприкосновенномъ видѣ. Точно также въ лучшемъ, нежели жители Джемонскаго и Тарчентскаго уѣздовъ, положеніи оказываются Резьяне, не смотря на то, что ихъ главная родина, т. е., долина рѣки Резьи открыта только въ сторону Фурланъ.

Этому упорному сохраненію Резьянами ихъ этнографической индивидуальности способствуютъ: 1) ихъ географическая замкнутость и обособленность, 2) ихъ административное единство, т. е., то, что̀ они составляютъ особую, исключительно Резьянскую волость, 3) относительная церковная независимость и частная под-

чиненность имъ ихъ настоятеля (приходскаго священника), 4) довольно сильно развитое чутье особой народной индивидуальности, въ противоположность, какъ Романскимъ, такъ же точно и Славянскимъ, непосредственно съ ними соприкасающимся племенамъ. Если же они чувствують себя принадлежащими въ этомъ отношеніи къ болѣе обширному цѣлому, то, конечно, этимъ цѣлымъ являются не Романцы, но Славяне. Резьяне чувствуютъ себя и считаютъ себя Славянами.

Многіе изъ болѣе развитыхъ Резьянъ высказываютъ горячее и непритворное сочувствіе къ Австрійскимъ Словенцамъ (Крайно-Словенцамъ), къ устроиваемымъ ими «таборамъ» (митингамъ), къ ихъ народно-литературному движенію и ко всѣмъ вообще проявленіямъ ихъ народно-политической жизни. У нѣкоторыхъ Резьянъ я встрѣчалъ даже извѣстнаго рода шовинизмъ Резьянско-Славянскій. Довольно же часты здѣсь жалобы на полное исключеніе Резьянскаго языка изъ школы, при чемъ жалующіеся ссылаются на положеніе Австрійскихъ Славянъ, прежде всего Крайно-Словенцевъ. Въ Австріи, какъ извѣстно, южно-Славянскіе языки, между прочимъ и Крайно-Словенскій, пользуются извѣстною долею официяльнаго и общественнаго уваженія: какъ бы то ни было, ихъ не могутъ игнорировать теперь ни въ школѣ, ни въ администраціи. Резьянскіе патріоты завидуютъ Крайно-Словенцамъ, и выражаютъ желаніе, чтобы и въ ихъ школѣ учили не только по-Итальянски. но и по-Резьянски, или, если ужь преимущественно по-Итальянски, то, по крайней мѣрѣ, съ помощью Резьянскаго. Какъ я уже замѣтилъ, этотъ методъ практикуется отчасти теперешнимъ Резьянскимъ учителемъ и теперешнею Резьянскою учительницею, но онъ не только не одобряется оффиціальными органами Итальянскаго правительства, но даже просто осуждается, какъ ведущій къ сепаратизму и вообще неблагонамѣренный.

Въ связи съ только-что названными проявленіями Резьянскаго патріотизма находится языковый пуризмъ, заставляющій, по-крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ Резьянъ, заботиться о чистотѣ отечественнаго языка, избѣгать по возможности Фурланскихъ и другихъ иностранныхъ словъ, и, наконецъ, сожалѣть о многихъ Славянско-Резьянскихъ словахъ, украшавшихъ языкъ еще дѣдовъ и даже ихъ отцевъ, но затѣмъ совершенно вышедшихъ изъ употребленія. Не смотря, однакожь, на всѣ старанія нѣкоторыхъ пуристовъ, Резьянскіе говоры такъ и кишатъ заимствованными изъ говоровъ Фурланскихъ словами, выраженіями, оборотами и даже формами склоненія

и спряженія. Кромѣ этого главнаго Фурланскаго вліянія, можно замѣтить въ Резьянскихъ говорахъ вліяніе Нѣмецкое, Итальянское и даже, по-крайней-мѣрѣ въ молитвахъ и вообще въ произведеніяхъ церковнаго характера, Латинское.

Конечно, и симпатіи для другихъ Славянъ, и извѣстнаго рода шовинизмъ, и пуризмъ по отношенію къ отечественному языку встрѣчаются далеко не у всѣхъ Резьянъ. Многіе изъ нихъ совершенно равнодушны въ этомъ отношеніи; и даже нѣкоторые, руководствуясь практическими соображеніями, высказываютъ желаніе, чтобы поскорѣе совершилась ихъ полная фурланизація. Но тѣмъ не менѣе фактъ Резьянскаго патріотизма, сознательно и безсознательно противодѣйствующаго напору чужаго элемента, существуетъ и заслуживаетъ нашего вниманія.

Трудность окончательнаго слитія Резьянъ и другихъ Итальянскихъ Славянъ съ Фурланами въ пользу этихъ послѣднихъ обусловливается еще и тѣмъ, что до сихъ поръ не изгладилась старинная племенная ненависть, развившаяся когда-то въ этихъ странахъ, вслѣдствіе кровавыхъ столкновеній и другихъ проявленій борьбы за существованіе между южными Славянами, съ одной стороны, и между Фурланами и, хотя въ меньшей степени, Итальянцами, съ другой. Между св.-Петровцами и нѣкоторыми Крайно-Словенцами Горицкаго графства до сихъ поръ живетъ преданіе, что Фурлане родились изъ ослинаго кала [1]). У тѣхъ же Славянъ Фурланинъ считается олицетвореніемъ тупоум'я, преимущественно за свою неспособность къ изученію чужихъ языковъ. (Въ остальномъ же это мнѣніе основано на народномъ предубѣжденіи и ненависти, такъ какъ Фурлане, не смотря на низкую степень практически-лингвистическихъ способностей, принадлежатъ къ народамъ весьма способнымъ и даровитымъ). Зато и Фурлане, сообразно съ пословицею «долгъ платежемъ красенъ», не щадятъ Славянъ и, между прочимъ, однимъ изъ самыхъ обидныхъ ругательствъ считаютъ ругательство: «tu ses un Sclav!» (ты Славянинъ).

---

[1]) Вотъ главныя подробности этого преданія: Іисусъ Христосъ ходилъ по свѣту со своими учениками. Однажды онъ сказалъ имъ: «я все уже сотворилъ, не достаетъ только Фурлана». Говоря это, онъ толкнулъ ногою лежавшій на дорогѣ ослиный калъ. Вдругъ изъ этого кала выскакиваетъ парень и, махая ножемъ, злобно восклицаетъ: «son cà, sacra di vangeli!» (я здѣсь, чортъ меня побери!) (Проклятіе «sacra di vangeli!» дословно переводится: «святости евангелія!» или т. п.). Этимъ характеризуется вспыльчивость Фурланъ и ихъ наклонность—проклинать и ссориться. И въ самомъ дѣлѣ: между Фурланами довольно часты убійства, совершаемыя во время ссоръ, въ особенности же изъ-за женщинъ.

Весьма поучительно примѣненіе этнографическаго названія Славянъ для обозначенія рабовъ: по-Итальянски schiavo по-Фурлански sclav. Подобнаго рода переходъ собственныхъ именъ племенъ и народовъ въ разрядъ именъ нарицательныхъ не представляетъ ничего особеннаго. Такимъ образомъ произошло Польское szwajcar и затѣмъ Русское швейцаръ (равносильное собственному имени Швейцарецъ, въ значеніи привратника), Польское włoch (собств. Итальянецъ) въ значеніи продавца картинъ, Польское węgier (то-есть, Венгерецъ) въ значеніи скопителя и мелкаго странствующаго торговца, слово Karńél или Karńéu (собств. Карніецъ, Карнелъ, житель Фурланской Карніи), упрочившееся въ говорахъ сѣверо-Итальянскихъ Славянъ въ значеніи ткача и т. д. Льстиваго и хитраго попрошайку Поляки зовутъ cygan, Русскіе тоже цыганъ. Точно также слову еврей или жидъ не чуждо нарицательное значеніе. Весьма вѣроятно, что Русское исполинъ, польское olbrzym (тоже исполинъ,—будтобы отъ Obr, Обръ), нѣмецкое Held (герой,—будтобы отъ Kelt, Кельтъ) и т. п. обязаны своимъ происхожденіемъ названіямъ того или же другаго народа. Виновникомъ подобнаго примѣненія собственнаго этнографическаго названія является всегда или какое-нибудь выдающееся свойство или качество даннаго народа, какъ съ физической, такъ и съ нравственной стороны, или же извѣстное занятіе, которому въ особенности предаются, по-видимому, отдѣльные члены этого народа. Стало-быть, и обозначеніе рабовъ этнографическимъ названіемъ Славянъ могло произойти только отъ того, что самый большій контингентъ рабовъ въ ближайшія Романскія земли поставляли именно Славяне.

Что̀ касается спеціально Резьянъ, то, можно сказать, взаимная племенная ненависть между ними и Фурланами, сглаживаясь постепенно подъ вліяніемъ разныхъ цивилизующихъ факторовъ, въ настоящее время почти не существуетъ, то-есть, по крайней мѣрѣ, почти незамѣтна. Тѣмъ не менѣе, отъ поры до времени она сказывается. Вотъ одинъ случай, который можетъ быть объясненъ только невыгасшимъ до сихъ поръ племеннымъ антагонизмомъ.

Въ день Успенской Богородицы, 15 августа 1873 г., вечеромъ передъ Раванскою гостинницей старика Липы собралось нѣсколько человѣкъ, какъ домашнихъ, такъ и прибывшихъ на ярмарку изъ другихъ мѣстностей. Въ ихъ числѣ были Фурланскіе мелкіе торговцы, и Резьяне изъ Учейской котловины. Эти послѣдніе, будучи въ веселомъ расположеніи духа, начали пѣть свои родныя пѣсни.

Вдругъ съ одной телѣги, на которой улеглось двое или трое Фурланъ, послышались свистки и передразниванія. Это взбѣсило поющихъ Резьянъ, которые, переставъ пѣть, начали бранить Фурланъ и доказывать, что они имѣютъ полное право пѣть на своей родинѣ свои же родныя пѣсни. Завязалась ссора, суть которой состояла въ томъ, что Резьяне исчисляли обиды, причиняемыя имъ Фурланами, Фурлане же, ничуть не оправдываясь, старались убѣдить всѣхъ въ своемъ превосходствѣ и въ правѣ хозяйничать, не только у себя дóма, но и вездѣ; а такъ какъ Резьянскія пѣсни не нравятся имъ и мѣшаютъ имъ отдыхать, то они, молъ, своими свистками и передразниваніями и позаботились объ ихъ прекращеніи. Обиженные Резьяне не нашли защитника даже въ хозяинѣ гостинницы, который, хотя самъ Резьянинъ, впрочемъ, вовсе не особенно горячій, не хотѣлъ оскорбить Фурланскихъ торговцевъ, живущихъ въ его домѣ и, слѣдовательно, доставляющихъ ему довольно значительный заработокъ.

Гораздо чаще этихъ проявленій старинной международной ненависти, раздаются жалобы и сѣтованія Резьянъ на Италію и на Итальянцевъ, какъ на то политическое цѣлое, къ которому они принадлежатъ съ 1866 года. Громадное большинство Резьянъ повторяетъ: «съ тѣхъ поръ, какъ ушли Нѣмцы (то-есть, Австрійцы), у насъ нѣтъ ничего хорошаго». Это недовольство Резьянъ теперешнимъ (Итальянскимъ) ихъ правительствомъ совершенно понятно. Во-первыхъ, подати и пошлины въ Австріи несравненно меньше, нежели въ Италіи, гдѣ, сверхъ того, обложены высокою пошлиною самые необходимые для жизни предметы. Затѣмъ, Резьяне живутъ на самой Австро-Итальянской границѣ, а этого достаточно для возбужденія неудовольствія въ (пограничныхъ) жителяхъ государства, всѣми силами стѣсняющаго свободу торговли и введшаго у себя строжайшій таможенный контроль.

Какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, главными дѣятелями по части фурланизаціи и вообще романизаціи сѣверо-Итальянскихъ Славянъ являлись и являются Римско-католическіе священники или ксендзы. У южныхъ сосѣдей Резьянъ, то-есть, у Сербо-Хорватовъ Джемонскаго и Тарчентскаго уѣздовъ, большинство священниковъ Фурланскаго происхожденія, и только нѣкоторые изъ нихъ—Славяне. Но такъ какъ все-таки и у каждаго изъ этихъ послѣднихъ были Фурланскіе предшественники, проповѣдывавшіе и учившіе только по-Фурлански, то, даже при Славянскихъ ксендзахъ, многіе крестьяне предпочитаютъ Фурланскую проповѣдь и вообще

Фурланское ученіе. Такимъ образомъ, Славянскіе жители названныхъ уѣздовъ, хотя и сохранили до сихъ поръ свои Славянскіе говоры, не смотря на то легче понимаютъ Фурланскія церковныя бесѣды, молятся же по-Латыни, или же по-Фурлански. Мнѣ самому случалось видѣть маленькихъ дѣвочекъ, читавшихъ почти безъ всякаго коверканья Pater noster, qui es in coelis, или т. п., но, разумѣется, непонимавшихъ ни одного слова этихъ молитвъ, Подобное процвѣтаніе классицизма самымъ вреднымъ образомъ отзывается на умственномъ развитіи молодаго поколѣнія.

Резьяне молятся по-Резьянски, но поютъ въ церкви и во время крестныхъ ходовъ по-Латыни, конечно, тоже не понимая ни слова. Какъ меня увѣряли нѣкоторые, закону Божію (катихизису) обучаютъ дѣтей тоже по-Резьянски.

Проповѣди въ Резьѣ произносятся обыкновенно по-Резьянски. Но въ большіе праздники, когда въ Резью приходятъ люди изъ Фріуля, Резьянскій языкъ замѣняется Фурланскимъ или же Итальянскимъ. Та́къ, напримѣръ, бываетъ 15-го августа, въ праздникъ Успенской Богородицы (na Smàrno mìšo).

Изъ трехъ священниковъ, состоявшихъ въ Резьѣ въ 1873 г., могли проповѣдовать по-Резьянски, какъ слѣдуетъ, только двое капеляновъ, родомъ изъ Резьи же. Самъ же приходскій священникъ (настоятель), Славянинъ изъ св.-Петровскаго уѣзда, не смотря на то, что прожилъ въ своемъ приходѣ уже два года, говорилъ проповѣди на такомъ Резьянскомъ нарѣчіи, что его никто изъ Резьянъ не былъ въ состояніи понимать. Это тѣмъ болѣе удивительно, что до этого невыучившагося по-Резьянски Славянина настоятелемъ Резьянскаго прихода былъ покойный Францискъ Галиція (Francesco Galizia), Фурланецъ изъ Мужаца, который, не смотря на свое не-Славянское происхожденіе, усвоилъ себѣ въ совершенствѣ Резьянскую рѣчь, обучалъ Резьянъ на ихъ родномъ языкѣ и даже самъ переводилъ съ Итальянскаго на Резьянскій.

Относительно постепенной утраты Резьянами чистоты и неприкосновенности отечественнаго языка, считаю нелишнимъ указать на признаніе самихъ же Резьянъ, что, такъ какъ они живутъ на границѣ, то иногда, даже разговоривая между собою, употребляютъ не только Резьянскія или же обрезьянившіяся иностранныя слова, но тоже слова чисто Фурланскія; тѣ же, кто ходитъ по Германіи, мѣшаютъ въ свою рѣчь и Нѣмецкія слова. Это происходитъ, молъ, отъ того, что они знаютъ названія нѣкоторыхъ предметовъ только по-Нѣмецки и не знаютъ соотвѣтственныхъ Резьян-

скихъ выраженій. Поэтому-то прежніе старики, то-есть, старики тѣхъ временъ, когда теперешніе взрослые были дѣтьми, говорили, дескать, на гораздо болѣе чистомъ Резьянскомъ языкѣ.

Чистотѣ Резьянскаго нарѣчія наносятъ значительный вредъ тоже мелкіе Фурланскіе торговцы, посѣщающіе Резью во время ярмарокъ и почти всегда оставляющіе послѣ себя нѣсколько Фурланскихъ или же Итальянскихъ словъ, проклятій и т. п. Не лишено вліянія въ этомъ направленіи 23-хъ-лѣтнее пребываніе въ Резьѣ упомянутой уже мною Фурланки, которая, правда, понимаетъ по-Резьянски, но, отчасти вслѣдствіе презрѣнія для Резьянъ, отчасти же вслѣдствіе своей неспособности, говоритъ исключительно только по-Резьянски, такъ-что разговоръ между нею и Резьянами въ особенности же Резьянками, ведется обыкновенно на двухъ языкахъ, конечно, въ ущербъ чистотѣ Резьянскаго.

Результатомъ постояннаго Фурланско-Итальянскаго вліянія на Резьянскіе говоры является, между прочимъ, тотъ фактъ, что даже молодыя дѣвушки при всякомъ болѣе или менѣе подходящемъ случаѣ сыплютъ словами въ родѣ cazzo, mona, far si fotter и т. п., по Итальянскому обычаю.

Единственные извѣстные мнѣ письменные памятники Резьянской рѣчи, то-есть, двѣ рукописи съ отрывками катихизиса и молитвами, обнародованы мною въ книжкѣ, «Резьянскій Катихизисъ», какъ приложеніе къ «Опыту фонетики Резьянскихъ говоровъ», съ примѣчаніями и словаремъ издалъ И. Бодуэнъ-де-Куртенэ (I. Baudouin de Courtenay). Варшава. Петербургъ. 1875». Желающихъ узнать подробности объ этихъ памятникахъ я отсылаю къ предисловію только-что названнаго сочиненія. Другіе письменные памятники Резьянскихъ говоровъ мнѣ совершенно неизвѣстны, если, конечно, не считать памятниками какія-нибудь отдѣльныя Резьянскія фразы въ Итальянскихъ письмахъ Резьянъ къ ихъ женамъ и родственникамъ. Такъ, напримѣръ, письмо нѣкоего Пушки къ его женѣ, на которое я отвѣчалъ отъ ея имени, оканчивалось слѣдующею Резьянскою фразой, не совсѣмъ приличнаго свойства: «to baitelu te clin na to ne more bit igna». Если, вмѣсто Итальянскаго правописанія, примѣнить транскрипціонное, то получится: «tö ba ji toèlö te klìn, ma tö noe mö̀roe bit jiñàn» (хотѣлось бы..., но теперь нельзя). Характеристично при этомъ то обстоятельство,

что все письмо, трактующее о семейныхъ и другихъ т. п. дѣлахъ написано по-Итальянски въ весьма приличномъ тонѣ; для выраженія же своего супружескаго желанія и невозможности удовлетворить его, молодой Резьянинъ прибѣгаетъ къ отечественному языку.

Если письменныхъ памятниковъ у Резьянъ, можно сказать, почти нѣтъ, зато, само собою разумѣется, есть памятники народной словесности, сказки, пѣсни и т. п., хотя, впрочемъ, относительно весьма немногочисленные.

Резьянскія сказки не представляютъ ничего особеннаго. Самыми любимыми являются сказки о разныхъ животныхъ. Если сказки съ другимъ содержаніемъ дѣлаютъ по большей части впечатлѣніе заимствованныхъ, или изъ книгъ, или же отъ другихъ народовъ, зато сказки, героями которыхъ лисица, волкъ, медвѣдь и т. д., кажутся какъ будто-бы родившимися у самихъ Резьянъ и разсказываются ими, какъ говорится, con amore. Не берусь рѣшать, на сколько въ этихъ Резьянскихъ сказкахъ отражается обще-Аріо-Европейскій, въ особенности же Германскій, животный эпосъ (Thier-epos), то-есть, на сколько они составляютъ продуктъ самостоятельнаго творчества Резьянъ, и насколько заимствованы, и ограничусь приведеніемъ содержанія, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ варіантовъ.

1) Лисица (lisíca) служила въ дѣвкахъ у приходскаго священника (ксендза) (plavàn). Однажды, подметая комнату, она нашла два сантима (dwá centézima, по-Итальянски due centesimi), и рѣшила отправиться въ Римъ. На пути ей попался заяцъ (zec), который спросилъ ее: «куда вы идете, кума?» Лисица отвѣтила, что идетъ въ Римъ и пригласила зайца отправиться вмѣстѣ съ нею. Затѣмъ, они встрѣтили волка (ûk), и тоже его уговорили отправиться вмѣстѣ въ Римъ. Наконецъ, встрѣтившись съ котомъ (máčak), порѣшили, что онъ долженъ жениться на лисицѣ. Для того, чтобы устроить приличную свадьбу, лисица отправилась ловить курицъ-kȍkuš). Свадьба должна была совершиться за Полудникомъ (tà za Pulúdnikon) (такъ называютъ одну мѣстность въ Резьѣ). Ожидая возвращенія лисицы, заяцъ спрятался въ можжевельникъ (zmulíka), боровъ (prásac) между листьевъ (tù u lýstjoe), медвѣдь же на дерево (wùn na hrâst). Вдругъ прибѣжала мышь (miš), и всѣ они испугались: котъ скочилъ между листьевъ, и выцарапалъ волку глаза; медвѣдь отъ испуга упалъ съ дерева, заяцъ же съ испуга обоср..ся (ioè se ȍsral zá strahon). Потомъ они уже не женились, такъ какъ

всѣ боялись и разбѣжались всякій во свояси. (Очевидно дѣйствующія лица этой сказки перепутаны, и самъ разсказъ является только блѣднымъ и вялымъ отраженіемъ чего-то цѣльнаго и толковаго).

2) За Лединою (tá za Lydýno) (мѣстность въ деревнѣ Нивѣ) былъ хлѣвъ, въ которомъ держали свиней. Въ чуланчикъ же клали шпекъ (свиное сало) (špèh) съ тѣмъ, чтобы его сушить. Лисица и волкъ ходили вмѣстѣ. Лисица влѣзла туда сквозь окно, чтобы ѣсть шпекъ. Наѣвшись до сыта, она убѣжала. Затѣмъ, волкъ вошелъ тоже въ чуланчикъ и, наѣвшись, не могъ уйти. Люди услышали, что онъ тамъ, отправились съ палками и почти до смерти прибили (на половину умертвили) волка. Въ это время лисица, видя несчастіе, случившееся съ волкомъ, убѣжала и прибѣжала къ Типинымъ (horoè h Tjipinin (прозвище), убившимъ вола. Лисица окунулась въ кровь этого вола и пошла искать волка, который, весь изломанный, еле волочилъ ноги. Увидѣвъ лисицу всю въ крови, волкъ сказалъ: «о, кумушка! вы разбиты, вы совсѣмъ разстроены»! Затѣмъ онъ прибавилъ: «кумушка! вы не можете идти, я васъ понесу». Тогда она сѣла волку на спину. По пути же она вдобавокъ подсмѣивалась надъ бѣднымъ волкомъ, восклицая: «о! больный несетъ здороваго». Волкъ же постоянно несъ ее вблизи нивъ (полей). Лисица сказала: «что же мы теперь должны сдѣлать? мы голодны». «Знаете, что»? прибавила она, показывая волку пряжу (волокна) (lákno), «смотрите, вотъ тамъ есть курицы; ступайте и принесите ихъ сюда». Глупый волкъ отправился туда и захватилъ пряжу, считаемую имъ за курицъ. Лисица же въ то же самое время сбѣгала къ настоящимъ курицамъ и задавила нѣсколькихъ изъ нихъ. Затѣмъ они развели огонь. У волка хвостъ былъ переломанъ, и поэтому они вдвоемъ сплели ему другой хвостъ изъ пряжи. Тогда лисица сказала: «будемъ-те перескокивать черезъ огонь». Поднявши вверхъ свой настоящій хвостъ, лисица перепрыгнула черезъ огонь благополучно, не причинивъ себѣ ни малѣйшаго вреда. Сдѣланный же изъ пряжи хвостъ волка попалъ въ огонь и загорѣлся. Тогда лисица сказала: «ступай въ Барманъ (Barmàn, одинъ изъ Резьянскихъ потоковъ) и обмочи тамъ хвостъ». Но это было зимою и волковъ хвостъ примерзъ ко льду, такъ-что волкъ остался безъ всего. Затѣмъ они опять проходили мимо нивъ (полей) и были грустны. Лисица сказала волку: «я стара; посмотрите туда, я стану тамъ, вы же съ размаху ударите на меня и, столкнувъ въ пропасть, убьете». Лисица стала на краю обрыва, волкъ разбѣжался,

хотѣлъ попасть въ нее, но она посторонилась, и самъ волкъ, упавъ въ пропасть, убился. Вóроны же, почуявъ волково мясо, каркали въ воздухѣ: «кракъ! кракъ! дай мнѣ мяса». Одинъ изъ вóроновъ обратился къ лисицѣ: «дай мнѣ мяса, а я выучу тебя летать». Она согласилась, и вороны понесли ее на воздухъ. Спустя нѣсколько времени, лисица, думая, что уже умѣетъ летать, сказала вóронамъ: «пустите меня, я уже съумѣю сама летать». Когда они выпустили ее, она стремглавъ слетѣла внизъ. Завидѣвъ подъ собою пень, она крикнула ему: «бѣги, проклятый»! Пень, конечно, не тронулся съ мѣста, и лисица, ударившись объ него, убилась, и тоже была съѣдена вóронами.

3) За Лединою (ta dölo̊e za Lydýno, мѣстность) у Малышковыхъ (Malýškuvi, прозвище) былъ чуланчикъ. Люди ушли къ обѣднѣ. Пришли волкъ и лисица, залѣзли въ чуланчикъ и наѣлись шпека. Ехидная лисица ушла прежде, чѣмъ волкъ, который слишкомъ объѣлся. Люди вышли изъ церкви и побѣжали за Лидино съ вилами, большими деревянными молотами, съ лопатами, мотыками. Сытый же волкъ не могъ выбраться изъ чуланчика. Люди пришли и «убили его на половину». Но не здѣсь конецъ ехидствамъ лисицы. Типины (Tjipini, прозвище) убили волà. Лисица помазала себя его кровью, такъ что была вся въ крови. Потомъ она отправилась къ Маринымъ (hörо̊e h Márjenen), и встрѣтила волка совершенно разбитаго. Она же, здоровая, хотя и въ крови, сказала: «куда вы идете, куманекъ»? Волкъ ей пожаловался, что его колотили. Лисица сказала: «я вся поколочена». Волкъ сказалъ: «пойдите, кумушка». Лисица отвѣтила: «не могу, куманекъ! не могу идти! несите меня»! Волкъ, закинувъ ее, несъ ее на спинѣ. Ехидная же лисица повторяла: «смотрите, смотрите! больный несетъ здороваго». Волкъ спросилъ: «чтò вы говорите, кумушка»? Лисица отвѣтила: «несите меня потихоньку, ибо каждая косточка во мнѣ трясется». Такимъ образомъ они пришли за Колкъ (wòn za Kòlk, мѣстность), и тамъ, гдѣ находится большая лавина (te vylýky pláz), лисица сказала волку: «вотъ здѣсь поставьте меня, куманекъ, бѣгите вотъ туда на малый Колкъ и спуститесь внизъ; когда же сюда дойдете, толкните меня съ лавины долой; я убьюсь, а вы меня съѣдите, куманекъ». Волкъ пошелъ на малый Колкъ и спустился внизъ; но, когда приближался уже къ лисицѣ, она посторонилась; волкъ упалъ съ лавины долой, и лисица съѣла его.

4) Лисица и волкъ шли въ Барманъ (Barmàn), и видѣли отраженіе луны въ водѣ. Хитрая лисица скочила на камень и сказала:

«пойдите сюда, куманекъ». Хитрая лисица подняла хвостъ вверхъ: глупый же волкъ оставилъ хвостъ въ водѣ. Указывая на отраженіе луны въ водѣ, лисица сказала: «смотрите, какой большой сыръ, куманекъ». Опущенный въ воду волковъ хвостъ зацѣпился за скалу. Лисица же сказала: «тащите сыръ, куманекъ». И волкъ, хвостъ котораго зацѣпился за скалу, тянулъ его до тѣхъ поръ, пока онъ наконецъ не оторвался. Лисица сказала: «ступайте, куманекъ, въ деревню, а я сплету вамъ новый хвостъ». Потомъ она прибавила: «Я пойду за Ледину ловить курицъ; вы же ступайте туда, гдѣ бабы мнутъ коноплю за Пековою стѣною (tá za ti miron Poèkövyn). Когда бабы пойдутъ смотрѣть курицъ, украдите у нихъ пряжу (lákno), изъ которой я вамъ сплету хвостъ». Волкъ пошелъ. Когда бабы ушли смотрѣть курицъ, онъ хотѣлъ украсть пряжу. Но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ это сдѣлать, бабы вернулись и поколотили волка.

5) Была лисица, и она шла по старому пути. Она встрѣтила кума-волка, кума-медвѣдя и кума-кабана (dujâk). Она сказала имъ: «пойдите со мною на работу, куманьки». На Долиницѣ (ta na Döl'ŷnycoe) люди перекладывали кукурузу (sírak). Лисица закричала. «Что такое»? спросили ее товарищи. «Кумовья, куманьки! меня зовутъ крестить». Знала же она, гдѣ держатъ масло (mast) на Долѣ (мѣстность). Поэтому она пошла на Долъ (tá na Dòu) и наѣлась масла. Затѣмъ она вернулась на Долиницу, гдѣ ее ждали куманьки. Они спросили ее, ка́къ зовутъ ребенка, котораго она крестила. Она отвѣтила, что «начать» (načnèt), такъ какъ она начала ѣсть масло и насытилась имъ. Потомъ она опять ушла туда кушать масло и скушала половину всего. Товарищи спросили ее: «ка́къ зовутъ ребенка, котораго вы сегодня крестили»? Она сказала: на половину (na púu). На слѣдующій день, когда она съѣла уже все, на такой же вопросъ она отвѣтила: «его зовутъ, схватить, сожрать, сломать» (postrhàt, polokàt, polomàt).

6) Однажды лисица служила въ дѣвкахъ у Кауцовыхъ (ta p'r Kàucovih, прозвище) три мѣсяца. Три мѣсяца она подметала горницу. Вдругъ что-то зазвенѣло на полу, и оказался крайцаръ (kràucar, Австрійская мѣдная монета). Такъ какъ это было ночью, она побѣжала на Смрѣчинъ (höroè u Smríčin, названіе одного потока), и нашла тамъ ли́са (lesják). Она сказала: «я иду въ Римъ, хочешь ли ты отправиться туда вмѣстѣ со мною». Лисъ же возразилъ: «у меня нѣтъ денегъ». На это лисица ему отвѣтила: «Но у меня онѣ есть». Тогда они (лисъ и лисица) пошли въ Осояны.

Это было въ воскресенье, когда люди шли къ обѣднѣ. Въ одномъ хлѣвкѣ былъ убитъ боровъ. Лисица сказала: «ступай въ хлѣвокъ и подай мнѣ мясо». Лисъ залѣзъ въ хлѣвъ и началъ ѣсть, ибо онъ былъ голоденъ. Поэтому тоже онъ легко пролѣзъ сквозь окно. Наѣвшись, онъ выбросилъ лисицѣ одну ногу (убитаго борова). Когда онъ былъ уже сытъ, спросилъ лисицу, идутъ ли люди. Лисица сказала, что нѣтъ. Однакожъ, люди были уже на Ожгищѣ (dō na Ožyštjoe, одна изъ улицъ). Затѣмъ, когда люди были уже во Веси (tou Wasè, одна часть деревни Осоянъ), лисица сказала: «теперь уходи скорѣе, потому что люди уже здѣсь». Лисъ скочилъ въ окно, но, такъ какъ онъ былъ черезъ-чуръ сытъ (полонъ), то онъ не могъ пролѣзть сквозь окно. Люди начали колотить его, лисица же убѣжала. Лиса связали и выгнали его на дворъ, не переставая колотить. Тогда онъ притворился мертвымъ, такъ-что люди заключили, что онъ въ самомъ дѣлѣ околѣлъ. Когда люди ушли, онъ тоже убѣжалъ. У Голяндиныхъ (ta p'r Holándinih, прозвище) убили корову. Лисица прибѣжала и запачкалась въ крови. Затѣмъ она отправилась на Лугъ (höroè na Lóh, мѣстность), и опять нашла тамъ лиса. Она сказала: «куманекъ мой! несите меня на Морондзанъ» (wùn na Moroncan, большая гора). И такъ лисъ, не смотря на то, что былъ поколоченъ, лисица же была здорова, закинулъ ее на спину. Лисица говоритъ: «кумъ мой, несите меня потихоньку, ибо каждая косточка болитъ у меня, и я не гожусь болѣе для сего міра». Затѣмъ онъ принесъ ее на гору, на большую скалу. Она сказала: «я теперь не гожусь болѣе для сего міра; поэтому вы ступайте сто саженъ вверхъ, закройте глаза, чтобы вамъ не сдѣлалось дурно, разбѣжитесь и столкните меня внизъ». Этотъ бѣдный дуракъ послушался; пошелъ туда, и разбѣжался; когда же онъ поровнялся съ лисицей, она толкнула его, такъ-что онъ упалъ внизъ и околѣлъ. Тогда она сказала: «я, бѣдная вдова»! и опять отправилась въ Осояны служить въ дѣвкахъ (za díklo). Ночью пришелъ къ ней лисъ волокита, чтобъ любезничать съ нею (ухаживать за нею) (u wás). Она сказала: «теперь мы должны идти въ Римъ» (u Rím). Онъ сказалъ: «нужно намъ сдѣлать телѣгу». Тогда они ушли въ Дрикарцову долину (höroè u Dríkarcowo döíýno, мѣстность), и сдѣлали телѣгу (wuz) изъ рѣпъ (wòn z ríp). Затѣмъ они отправились въ лѣсъ (wùn u hözd) за прутиками (moedlykűvyca), нужными для постройки телѣги. Когда же они кончили телѣгу, лисица сказала: «мы должны пойти и украсть овцу». Лисъ пошелъ, укралъ овцу и принесъ. Лисица сказала: «ступай за водою». Онъ

ушелъ, лисица же выѣла мясо изъ овцы и наклала въ нее соломы. Затѣмъ она сказала: «разведемъ-те огонь и попробуемъ-те перепрыгивать черезъ него». Такъ и сдѣлали. Лисица подняла вверхъ хвостъ, лисъ этого не сдѣлалъ, и его хвостъ загорѣлся. Лисица сказала: «въ Барманъ, въ Барманъ, въ эту глубокую воду»! Лисъ ушелъ, но, прежде чѣмъ успѣлъ дойти, сгорѣлъ и околѣлъ на дорогѣ. Лисица прибѣжала къ нему и сказала: «кумъ мой, вы смѣетесь»? Затѣмъ она начала созывать вόроновъ и сказала имъ: «вόроны, несите меня, а я дамъ вамъ за это мяса». Вόроны, прилетѣли и съѣли лиса. Затѣмъ они схватили ее за ухо и понесли на воздухъ. Когда она была въ воздухѣ, она сказала: «пустите меня, потому что мнѣ это больно». Они пустили ее прямо на пни, и она околѣла. И теперь конецъ.

Довольно часто можно здѣсь слышать тоже охотничьи разсказы, преимущественно передающіе разныя приключенія Резьянскихъ охотниковъ съ медвѣдями, которые заходили въ Резью еще болѣе или менѣе тридцать лѣтъ назадъ, но теперь уже вовсе не появляются. У меня записано нѣсколько подобныхъ разсказовъ (одинъ даже съ точнымъ обозначеніемъ года — 1833), но они не представляютъ ничего интереснаго, и поэтому я не стану сообщать ихъ содержанія.

Существуетъ въ Резьѣ глухое преданіе о карликахъ (didaci, ni maji múžje), но я не могъ добиться о нихъ никакихъ подробностей.

Изъ обыкновенныхъ сказокъ, составляющихъ общее достояніе болѣе или менѣе всѣхъ не только Европейскихъ, но и Азіятскихъ народовъ, я приведу въ самомъ сжатомъ видѣ содержаніе слѣдующихъ:

1) У одного царя (короля kráj) было три сына: двухъ старшихъ онъ любилъ, младшаго же не могъ терпѣть. Царь заболѣлъ, и во снѣ ему кто-то сказалъ, что его можетъ вылѣчить (oštjapàt) только вода, находящаяся въ другомъ государствѣ (monárka). Сперва онъ послалъ за водою старшаго сына. По пути онъ зашелъ къ вѣдьмѣ (štríja), которая заманила его въ свою лачужку и прикосновеніемъ палочки превратила его въ деревянный столбъ. Такъ какъ онъ долго не являлся домой, то отецъ послалъ за водою средняго сына, съ которымъ повторилось то же, что̀ и съ первымъ. Тогда третій сынъ, нетерпимый отцемъ, просилъ позволенія отправиться за водою. Но отецъ не позволилъ, сказавъ, что если не вернулись до сихъ поръ умные братья, то тѣмъ паче не удастся

сдѣлать это ему, дураку. Тогда сынъ пошелъ къ мельнику (mulínar), пожаловался ему и просилъ ссудить его деньгами, такъ какъ у него самого ничего не было. Мельникъ далъ ему денегъ и хлѣба на дорогу, и царевъ сынъ отправился въ путь безъ вѣдома отца. Вѣдьма тоже приглашала его зайти къ ней; но, замѣтивъ два деревянныхъ столба, онъ отказался и только обѣщалъ зайти къ ней съ поклономъ на возвратномъ пути. Затѣмъ онъ зашелъ къ одному отшельнику (rimít) и, съ его позволенія, остался ночевать у него. Узнавъ, куда и зачѣмъ онъ собрался въ путь, отшельникъ объяснилъ ему обо всемъ и далъ надлежащія указанія. Ворота города, въ которомъ находилась желаемая вода, были охраняемы двумя львами; такъ-что никакъ нельзя были туда пробраться. Но съ 11-ти до 12-ти часовъ все въ городѣ засыпало, и тогда можно было войти и выйти изъ него совершенно безнаказанно. Царевъ сынъ повиновался вполнѣ указаніямъ отшельника. Ждалъ до 11-ти часовъ, и тогда сейчасъ же вошелъ въ городъ. Прежде всего, онъ отправился въ царскій дворецъ (rezidénca) и осмотрѣлъ колодецъ (trúmba) съ цѣлебною водою. Затѣмъ, такъ какъ у него оставалось еще много времени, онъ пошелъ осматривать царскіе покои. Въ одной комнатѣ сидѣлъ неподвижно самъ царь (kráj). Въ другой комнатѣ онъ увидѣлъ царицу (krajíca), будто бы шьющую, но немогущую шить. Наконецъ, ему захотѣлось видѣть царевну (principésa). Онъ нашелъ ее въ слѣдующей комнатѣ лежащею на кровати (toù kóve). Воспользовавшись ея волшебнымъ сномъ и неподвижностью, онъ сдѣлалъ съ нею, что̀ хотѣлъ. Насладившись, написалъ и оставилъ письмо, сообщивъ только, чей онъ сынъ, но не назвавъ себя по имени. Взявъ въ кухнѣ бутылку, онъ наполнилъ ее цѣлебною водою и торопливо удалился. Какъ только онъ успѣлъ выйти за городскія ворота, все проснулось и ожило. На возвратномъ пути онъ потребовалъ у вѣдьмы выдачи его братьевъ. Вѣдьма сначала притворилась, что ничего не знаетъ, но, наконецъ, дала ему палочку, съ помощью которой онъ вернулъ имъ жизнь. Послѣ чего они изрубили ее, какъ зелень.—Такимъ образомъ эти три брата шли вмѣстѣ и пришли въ одну гостинницу (трактиръ). Двое старшихъ говорили между собою: «Теперь у нашего брата есть вода, у брата, котораго нашъ отецъ терпѣть (видѣть) не можетъ, у насъ же нѣтъ ничего. Что намъ дѣлать? Напоимъ-те его и перемѣнимъ ему воду». Та́къ и сдѣлали: напоили брата, подмѣнили ему воду, наливъ въ его бутылку другой, заплатили трактирщику и ушли; брата же оставили. Когда этотъ послѣдній про-

снулся, ничуть не подозрѣвая продѣлки своихъ братьевъ, отправился въ путь. Прибывъ домой, онъ нашелъ отца уже здоровымъ, такъ какъ онъ уже выпилъ принесенной старшими сыновьями цѣлебной воды. Когда отецъ увидѣлъ своего младшаго сына, крикнулъ на него: «чего ты хочешь? болванъ! развѣ ты не видишь, что твои братья принесли воду, и что я уже здоровъ? ступай вонъ, потому что я не могу смотрѣть на тебя». Бѣдняжка пошелъ жаловаться мельнику, который, однакожь, никакъ не могъ пособить его горю. На слѣдующій день прислалъ царь мельнику приказъ, утопить его младшаго сына, чтобы онъ его больше не видѣлъ. Мельникъ огорчился, но тѣмъ не менѣе сказалъ: «я долженъ утопить тебя; а то я самъ буду наказанъ смертью». Тогда младшій царскій сынъ предложилъ ему сдѣлать куклу (bábac), одѣть ее въ его (сына) платье и утопить ее въ глубокой водѣ, такъ чтобы смотрящій изъ окна отецъ думалъ, что въ самомъ дѣлѣ утопили его сына. Между тѣмъ дѣвушка, съ которою онъ имѣлъ свое удовольствіе, была беременна (jè bíla nȍšajotj) и родила (na pȍvila). Но она не знала, отъ кого этотъ ребенокъ (utručìtj). Изъ письма узнала только, чей онъ сынъ, но не узнала его имени. Тогда она сказала своему отцу: «вы должны написать этому царю (королю), чтобы онъ послалъ сюда того сына, который былъ здѣсь въ тотъ и тотъ день и сдѣлалъ со мною то, что̀ хотѣлъ, потому что я хочу его видѣть». Царь сію же минуту написалъ тому другому царю, чтобы онъ послалъ своего сына, ходившаго туда за водою; если нѣтъ, въ такомъ случаѣ онъ будетъ воевать съ нимъ. Тотъ отецъ послалъ старшаго сына. Онъ отправился. И когда онъ уже приближался къ тому городу (terg), гдѣ была вода, они ожидали его, чтобы почтить его, какъ слѣдуетъ. Но, когда они замѣтили, что онъ ѣдетъ верхомъ (rájtina) по краю дороги, они сейчасъ узнали, что это не тотъ настоящій, и онъ долженъ былъ вернуться домой.—Царь получилъ еще болѣе грозное письмо, что онъ долженъ послать настоящаго сына. Тогда онъ послалъ втораго, но и съ этимъ случилось точно такъ же, какъ и съ первымъ. — Затѣмъ пришло еще болѣе грозное письмо, что если онъ не пошлетъ настоящаго сына, въ такомъ случаѣ тотъ царь немедленно пойдетъ на него войною. Получивъ подобное письмо, царь испугался, думая, что навѣрно тотъ сынъ, котораго онъ велѣлъ утопить, былъ настоящій; и теперь онъ уже мертвъ. «Что̀ мнѣ дѣлать? Тотъ царь сильнѣе меня; я лишусь своего царства, а сына нѣтъ какъ нѣтъ»! Затѣмъ онъ пошелъ жаловаться къ мельнику (mulínar). Спрятанный сынъ, услышавъ, что

отецъ жалуется, вышелъ изъ своей лазейки и сказалъ: «смотри на меня, отецъ, я живъ; это я принесъ воду». Тогда отецъ велѣлъ приготовить ему лучшую карету, лучшихъ лошадей и лучшее княжеское платье (wànt za prínciра). Затѣмъ сынъ поѣхалъ верхомъ (je šàl na kòńoè), а его невѣста (nuvíča) ждала его у городскихъ воротъ съ гвардіею, съ солдатами. И, когда они видѣли, что онъ ѣдетъ посреди дороги [1]), «вотъ» сказала она, «вотъ это есть настоящій». Когда же онъ доѣхалъ, самъ царь принялъ его съ большими почестями (zàz nin vilíkin gúšton). Затѣмъ онъ обнялъ свою невѣсту, и они поцѣловались. Потомъ они отправились въ городъ во дворецъ, и устроили свадьбу (žinítke). Обоихъ же старшихъ братьевъ убили. Такимъ образомъ это кончилось, а Доминикъ Лончино Тялябасъ (Domíne Longíno Tjalabás) изъ Бѣлы (Сан-Джорча) (toù San Džórče) разсказывалъ эту сказку.

2) У одной вдовы (wodòvýca) было трое сыновей. Они сказали ей: «матушка (máti), мы хотимъ уйти». Она сказала старшему: «идите, а ты, какъ старшій, наблюдай (d'rží kónt) за двумя твоими братьями». Итакъ они ушли. Пришли въ большій лѣсъ. Была ночь. Они взлѣзли на ель (smroèka): старшій братъ понесъ младшаго брата на верхушку (w'ršètj) ели, средняго помѣстилъ на серединѣ, а самъ помѣстился внизу (doù na konàc), на послѣднихъ вѣтвяхъ, чтобы, въ случаѣ, если который нибудь изъ младшихъ упадетъ, схватить его. Поздно ночью пришли три дѣвушки (htjoère) подъ ель. Это были три сестры (sastré), и вмѣстѣ съ тѣмъ три вѣдьмы (волшебницы) (štríje). Затѣмъ старшая сказала: «теперь у насъ всего довольно; недостаетъ только парня (мужчины) (sýn)». Тогда старшій братъ слѣзъ внизъ и сказалъ старшей: «я здѣсь». Средняя сказала: «еслибъ у меня былъ тоже одинъ». Слѣзъ средній братъ говоря: «я здѣсь». «Хорошо», сказала младшая, «у васъ обѣихъ есть уже; еслибъ у меня былъ тоже одинъ». Слѣзъ тоже младшій и сказалъ: «я здѣсь». И такъ они остались подъ елью до разсвѣта. Рано утромъ сказала старшая: «Теперь мы должны

[1]) Эта примѣта (ѣзда по краю дороги или же по ея серединѣ) въ нашей Резьянской сказкѣ совершенно непонятна. Но мы находимъ объясненіе ея въ подобныхъ же сказкахъ другихъ народовъ. Такъ, напримѣръ, въ Литовской сказкѣ «О царѣ и его трехъ сыновьяхъ», съ такимъ же болѣе или менѣе содержаніемъ, семилѣтній сынъ царевны, замѣтивъ, средняго брата, ѣдущаго по краю дороги, говоритъ своей матери: «это не мой отецъ; онъ щадитъ дорогу, стало-быть, и тебя пощадилъ бы». Когда же приближался младшій братъ, настоящій отецъ ребенка, этотъ послѣдній обратился къ своей матери со словами: «Матушка, вотъ ѣдетъ мой отецъ: онъ дороги не щадитъ, онъ и тебя не пощадилъ» (см. «Handbuch der Litauischen Sprache von August Schleicher. II. Lesebuch und Glossar. Prag, 1857», стр. 143, 144).

идти каждый своею доро́гой. Я подарю моему милому (sýn) шкатулку (štjátula). Когда онъ откроетъ эту шкатулку, его никто не увидитъ; онъ можетъ дѣлать, что̀ захочетъ». Средняя говоритъ: «Моему я подарю кошелекъ (táška, móšnica); чѣмъ больше онъ будетъ вынимать денегъ, тѣмъ больше ихъ будетъ въ кошелкѣ». Младшая сказала: «Я подарю моему трубочку (trumbéta); когда онъ затрубитъ, появится столько конницы (kavaloerýa) и пѣхоты (fantoerýa), сколько онъ захочетъ. Чѣмъ дольше будетъ трубить (bó trombatàu), тѣмъ больше ихъ будутъ появляться, такъ-что онъ выиграетъ всякое сраженіе». Затѣмъ они разстались, какъ братья, такъ и сестры. Братья шли сначала сквозь этотъ лѣсъ, вышли изъ него и увидѣли большій городъ. Старшій сказалъ двумъ остальнымъ: «вы идите по этой дорогѣ, а я пойду въ городъ посмотрѣть, что̀ тамъ новаго». Потомъ онъ сказалъ среднему брату: «дай мнѣ кошелекъ». Получивъ кошелекъ старшій братъ отправился въ городъ. Пришедши, спросилъ: «что имѣется новаго здѣсь у васъ?» Ему отвѣтили: «здѣсь нѣтъ ничего новаго, какъ только то, что дочь нашего царя со всякимъ, кто ни прійдетъ, охотно играетъ, и, хотя привозятъ деньги (béče) на возахъ, она всѣ выигрываетъ». Онъ сказалъ: «если это возможно, я хотѣлъ бы пойти играть съ нею». Ему сказали: «ступай и спроси ея слугу, пуститъ ли онъ и тебя во дворецъ». Онъ пошелъ и спросилъ. Слуга отвѣтилъ: «да» (djõ). Онъ вошелъ въ ея (царевны) комнату и заявилъ, что хотѣлъ бы играть съ нею. Она немедленно согласилась, и они начали играть (jihràt). Кошелекъ онъ положилъ на столъ (táwula). Чѣмъ дольше игралъ, тѣмъ больше у него было денегъ, хотя она постоянно (rúdi) выигрывала (wodaňáwala). «Какъ это (говоритъ) возможно? другіе привозили деньги на возахъ, и все-таки имъ въ концѣ не доставало; у тебя же одинъ только кошелекъ, и онъ никогда не исчерпывается. Объясни мнѣ, что̀ у тебя въ этомъ кошелкѣ, а я выйду за тебя, и ты будешь моимъ мужемъ». Онъ показалъ ей кошелекъ и объяснилъ ей, въ чемъ дѣло. Она взяла у него кошелекъ и крикнула лакеямъ (famoèj), что онъ хочетъ убить ее. Лакеи пришли, схватили его и вытолкали вонъ за двери. Послѣ онъ пошелъ искать своихъ братьевъ и нашелъ обоихъ. Онъ сказалъ младшему: «ты долженъ дать мнѣ эту трубочку, потому что я хочу силою получить обратно кошелекъ». Взявъ трубочку, онъ началъ трубить. Выходили всё солдаты, конница и пѣхота. Царь, увидѣвъ изъ окна, что идетъ столько солдатъ, вывѣсилъ бѣлый платокъ. «Пардонъ! кто бы ты ни былъ, перестань, ибо я хочу

дать тебѣ свою дочь, и ты будешь царемъ». Старшій братъ отправился во дворецъ, и царева дочь пришла къ нему, говоря: «покажи мнѣ эту трубочку». Онъ показалъ ей и объяснилъ, что когда онъ трубитъ, выходятъ солдаты изъ этой трубы. Кромѣ того, онъ показалъ ей шкатулку. Она отняла у него все вмѣстѣ.—Онъ ушелъ и пришелъ къ одному лѣсу, голодный (láčen) и утомленный (trúden). Ложился спать (отдохнуть) подъ деревомъ. Проснувшись, онъ посмотрѣлъ на дерево: оно было усыпано фигами (винными ягодами) (fýha), бѣлыми и черными. Онъ сказалъ: «я пойду поѣсть, пусть будетъ, что̀ будетъ, такъ какъ я голоденъ». Началъ ѣсть бѣлыя фиги. Вдругъ почувствовалъ что-то сзади. Посмотрѣлъ. У него выросъ хвостъ отъ бѣлыхъ фигъ. Онъ сказалъ: «пусть ростетъ столько, сколько хочетъ, я буду ѣсть тоже черныя». Когда началъ ѣсть черныя, хвостъ у него отпалъ. Тогда онъ сказалъ: «я долженъ нарвать ихъ немножко и понести въ городъ, бѣлыя я буду продавать дорого, такъ-что ихъ никто не купитъ кромѣ царевой дочери». Пришедши въ городъ, онъ закричалъ, что у него есть фиги для продажи. Царева дочь быстро прибѣжала и спросила, сколько онѣ стоятъ. Купивши фигъ, вернулась домой и начала ихъ ѣсть. Вдругъ у ней выросъ хвостъ. Царь, видя это, созвалъ изъ своего государства всѣхъ врачей; но ни одинъ изъ нихъ не рѣшался отрѣзать ей хвостъ. Между тѣмъ, продавшій фиги нарядился врачемъ, и закричалъ передъ дворцемъ, что онъ и есть настоящій врачъ, что онъ въ состояніи вылѣчить (oštjapàt) отъ всякой болѣзни (bul, buu). Его и позвали въ комнату царевны и обѣщали, въ случаѣ, если онъ ее вылѣчитъ, выдать ее за него замужъ, такъ-что онъ будетъ царемъ. Онъ согласился, но подъ условіемъ, что они, прежде всего, обвѣнчаются. Отецъ и дочь согласились, и ихъ оглашали въ церкви (stá se upýla). Когда пришло время вѣнчаться, она требовала, чтобы онъ ее, прежде всего, вылѣчилъ, потому что она стыдится людей идти съ хвостомъ въ церковь (církou). Онъ сказалъ: «надѣнь хвостъ и пусть два лакея (dwá selvitȍrja) держатъ его; когда же мы обвѣнчаемся передъ олтаремъ, хвостъ отпадетъ у тебя». Когда они были уже передъ олтаремъ и должны были вѣнчаться, она опять сказала: «вылѣчи меня, или же я не выйду за тебя». Онъ сказалъ: «молчи, молчи, ибо я вылѣчу тебя сейчасъ». Въ ту минуту, когда они должны были обвѣнчаться, онъ далъ ей съѣсть черную фигу. Хвостъ отпалъ. Они обвѣнчались, и онъ сдѣлался царемъ. Пьетръ Голянда (разсказчикъ) же былъ у нихъ лакеемъ (zá selvitȍrja).

3) Однажды были двѣ дѣвушки, и совершали всевозможныя скандальныя дѣла (škandalöüs reči). Одна изъ нихъ умерла, и пришла сказать своей подругѣ: «я мучусь (á se plántan) у Мужацкаго моста (tó p'r Múžaskomo mostò), и вода безпрестанно течетъ черезъ меня. Я прошу тебя, обратись (исправься) (obráti se), и не дѣлай болѣе такъ, какъ до сихъ поръ: это будетъ гораздо лучше для тебя. Прощай (z búham)». Черезъ четыре дня умерла тоже и другая. Она превратилась въ большую змѣю. Это продолжалось 200 лѣтъ (dwà čantanárja lít). Въ Бѣлѣ въ одномъ домѣ была старая женщина. Въ день Успенской Богородицы (te dín na šmárno míšo) эта старая женщина гнала свою дочку пасти корову. Дочка не хотѣла ради праздника. Тогда баба взяла палку и хотѣла ее колотить. Дочь ушла въ хлѣвъ и начала плакать; затѣмъ она погнала пасти эту корову на лужекъ. Вдругъ на одной скалѣ она увидѣла большую змѣю, величиною въ сосну. Дѣвушка побѣжала домой и разсказала. Пришелъ священникъ (oèrö) и двадцать четыре человѣка съ ружьями. Змѣя сказала: «зачѣмъ вы пришли?». Они спросили: «кто ты?». «Я была дѣвушкою и много нагрѣшила на моемъ вѣку; я мучусь уже 260 лѣтъ (dwá čantanárja áno trikradwújste lít), моя же подруга мучится уже 300 лѣтъ у Мужацкаго моста; черезъ три года мы будемъ обѣ освобождены (пойдемъ въ рай). Пусть никто не дѣлаетъ такихъ шалостей, какъ мы двѣ ихъ дѣлали».

Есть тоже отрывочныя сказанія о колдунахъ и колдуньяхъ (вѣдьмахъ), въ родѣ, напримѣръ, слѣдующихъ.

На склонѣ горы (klánac), называемомъ Муцово (tá na Múcovin, wò na Múcowo) танцуютъ (pléšeu) колдуньи (štríjè), и въ это время дѣлаютъ градъ (naréau tóčo), а бѣдный Голянда (разсказчикъ, церковникъ въ Осоянахъ) долженъ отзвонивать бурю (zwonèt hů do ůro), чтобы градъ не истребилъ посѣвовъ.—Съ Муцова дорога идетъ на Котяца (wòna Kótjaca), и затѣмъ на Бриковый (то-есть, таможенныхъ стражниковъ или вообще канцелярскихъ служителей) Путь (tá na Brýkowo pôt). Внѣ этихъ предѣловъ не могутъ уже появляться колдуньи и колдуны (štrijónuvi), потому что слѣдуетъ скала, съ которой они могли бы упасть.

На одной колдуньѣ былъ кожухъ (тулупъ, шуба, kožòf, kužůf) лѣтомъ, и въ такомъ видѣ нашла ее въ Гозду (т. е. въ «лѣсу») (tá wunoè u Hözdoè) Минка (т. е. Марія) Тюнкина (Mínka Tjúnkina). Онѣ пришли вмѣстѣ въ хлѣвъ. Колдунья спросила Минку, сварила-ли она сыворотку (zwára). Минка Тюнкина отвѣтила, что нѣтъ.

Тогда колдунья, та съ кожухомъ, сказала, что у нея въ лохани (въ ковшѣ, tùu súju) сыворотка.

Впрочемъ, подобные разсказы о колдунахъ и колдуньяхъ можно слышать въ Резьѣ весьма рѣдко.

У меня записаны два обширныхъ разсказа о какихъ-то двухъ святыхъ, Иванѣ (Djovanìn) и Далезіѣ (Sán Dalézjo), бросившихъ все свое богатство и родный домъ, отправившихся въ отдаленный монастырь и даже ко гробу Господню (sepúlkri di Djézu Krísto) въ Іерусалимѣ (Djorožolèm), возвратившихся затѣмъ въ качествѣ нищихъ на родину, наконецъ, умершихъ въ хлѣвѣ или же подъ лѣстницей родительскаго дома и узнанныхъ только послѣ смерти. Но всѣ подобные разсказы заимствованы изъ ходячихъ печатныхъ жизнеописаній святыхъ; и такъ какъ они не представляютъ ничего оригинальнаго, то достаточно будетъ о нихъ и этой общей краткой замѣтки.

Историческія преданія Резьянъ я сообщу въ концѣ статьи.

Загадки не въ большомъ ходу у Резьянъ. Изъ нихъ я приведу слѣдующія:

1) Одна баба (na bába) тащитъ (poejoè) внутренности (кишки) (mûlice) за собою.—Игла.

2) Волковъ хвостъ (wúkou rép) связанный.—Цѣпь (kétina).

3) Четыре пистолета (štíri pistóle) стрѣляютъ (stríjajo) въ одну поперечную доску (paradána).—Коровьи сосцы (kràuje puše).

4) Одинъ человѣкъ (da múž) тащитъ (noesoè) домъ (hýša) за собою.—Улитка (rúhać).

5) Одинъ человѣкъ (мужчина) несетъ огонь (ohòń) на головѣ (tá na hláve).—Пѣтухъ (pitilìn, petelèn).

6) Двое большихъ мужчинъ (dwa múža vylýka) и двѣ дѣвушки (dví htjiríce) идутъ скоро (hréjo najvijáne), и мужчины не въ состояніи (ni so kopàc) поймать (jét) дѣвушекъ.—Колеса (возъ) (kúle).

7) Плащъ, подбитый пуговицами (dàn tobár batúnou)? Звѣзды на сводѣ небесномъ (zvýzde tòu noèboe).

8) Лохань (sój) безъ дна (šánča ńínaha dná). Перстень (pàrsten).

9) У одной женщины (žanà) свѣча (lúč) въ животѣ (tùu tribûse). Фонарь (lümýn).

10) Идетъ, летитъ, безъ задницы (to nýma ríte) сидитъ.—Снѣгъ (snîh).

11) Двѣ насѣстки курицы (dví míte kukuší), и только одинъ пѣтухъ? Зубы (zóbe) и языкъ (jazìk, jazèk).

12) Двѣ дѣвушки, съ каждой стороны (tá na wsákin kráju) холма (kòlka) одна: чѣмъ больше онѣ хотятъ видѣть другъ друга, тѣмъ больше онѣ не могутъ этого сдѣлать.—Глаза (ȍči).

13) Вотъ въ овчарнѣ (ta nútru ni štáli, ta nútri u ninhlíve) полно овецъ (púnčako upcí), и только одна изъ нихъ блеётъ.—Въ церкви (tòp coerkvoè), когда священникъ (oèrö) служитъ обѣдню (гоečoè míšo), или же говоритъ проповѣдь (préditja).

14) Горшокъ масла (dàn lonàc,—lončètj máste) падаетъ внизъ и все-таки никогда не можетъ разбиться (se scípet).—Лещинный орѣхъ.

Поговорка, относящаяся къ обычаямъ:

Šmárna míša, santa ròk (san Rocco),
wsáka bába küha ńòk (gnocchi).

(Къ празднику Успенія и святаго Роха каждая баба готовитъ «ньёки» (родъ галушекъ, клёцекъ).

Кромѣ того, можно слышать, въ особенности отъ дѣтей, риѳмованныя изреченія о разныхъ мѣстностяхъ, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующихъ: Swa šlà dö na Bílo po no' zibílo, küpit no kubílo. Swa šlà táu Múžac, só mi dáli dàn nabúzac..... и т. д. (Мы пошли вдвоемъ въ Бѣлу за люлькою (колыбелью) (и за тѣмъ, чтобы, купить кобылу. Мы пошли въ Мужацъ, намъ дали буравъ).

Пѣсни (wíža, wjíža, wújža, úža, множ. wíže, úže) Резьянъ по большей части безсодержательны и, точно такъ же какъ и ихъ сказки, не представляютъ ничего особеннаго.

Между прочимъ, они поютъ про свои горы, и про разныя мѣстности Резьянской долины. Сюда принадлежатъ пѣсни про гору Килу:

göra Kílina mojà!
ná ma trísti počuwál
da, kój se príde nútu dnö,
ná ma trísti anu dnö!

(гора Килина моя! на ней тридцать мѣстъ для отдохновенія, такъ что, когда прійди на одно, у нея оказывается тридцать одно) (пѣсня довольно безсмысленная) и т. п.

Пѣсня про гору Канинъ или Гянинъ:

da, höra ma Tjanýnawa!
ž daloèčńaha jo výdywa;
nu, kój mi sè parblýžywa,
to mi parjá jo fès taknòt

(да, гора моя Канинова! издали ее видимъ; и, когда мы приблизимся, мнѣ кажется, что я до нея точно дотрогиваюсь).

Пѣсня про деревню Осояне:

na lípa mà Osöjska wás,
ka tö joe tákoj nà cità,
dá na kuncè da lípi hrâd,
koj poétjy zóbe kážejo.....и т. д.

(она хороша, моя Осойская деревня, похожая на городъ; въ концѣ ея красивый замокъ, гдѣ скалы зубы показываютъ.....)

Въ нѣкоторыхъ Резьянскихъ пѣсняхъ сказывается характеръ Резьянъ, какъ купцевъ и торговцевъ. Всё тамъ говорится о платкахъ и о разныхъ другихъ товарахъ, о подаркахъ дѣвушкамъ и т. п., подробно перечисляются товары разныхъ сортовъ, разнаго качества и разнаго достоинства. Вотъ отрывокъ одной пѣсни въ этомъ родѣ:

.....ánu te lípe kótule,
ti lípi facölöè tuvi,
nu tí ingléški pétuvi,
té moronájske (?) kótule,
di groèš saúne zá se umèt.
na lípo britwo zá se ubrèt
Da tjí na tjoè sè umužèt....

(.....и красивыя юбки, и красивые платки, и англійскія корсеты, «моронайскія» (?) юбки, изъ жира мыла для мытья, хорошую бритву для бритья. Хочетъ ли она выйти за мужъ.....)

Но, не смотря на всѣ прочіе второстепенные элементы, въ Резьянскихъ пѣсняхъ все-таки преобладаетъ любовный оттѣнокъ. Юноша поетъ про свою дѣвушку (htjí, htjý, собственно «дочь»: подобное примѣненіе этого слова произошло подъ вліяніемъ Итальянскаго и вообще Романскаго filia дочь и дѣвушка), про свою дорогую, милую, зазнобушку (lípa mojà rókica, собственно «хорошенькая моя ручка», или же lípa ma róžica=«хорошенькая моя роза», «хорошенькій мой цвѣтокъ») и т. п., дѣвушка же обращается къ своему парню (sin, syn, собственно сынъ=filius. Итал. figlio), къ своему милому, къ своему душкѣ, къ своему другу (lípi möj junák, собственно «хорошенькій мой молодецъ») и т. п.

Конечно, есть въ Резьѣ пѣсни шутливыя, насмѣшливыя, задѣвающія или отдѣльныхъ лицъ (по преимуществу вымышленныхъ), или же цѣлую категорію людей. Такъ, напримѣръ, неразвитость грудей Резьянскихъ женщинъ осмѣивается въ слѣдующей пѣснѣ:

líра moe htjoéry ńívaške!
tö škõda taha jímana,
ke ni so čénča výmana

(хороши мои дѣвушки Нивскія (то-есть, изъ деревни Нивы)! жалко для нихъ этого имени, такъ какъ онѣ безъ вымени).

Иронически описывается красота дѣвушекъ:

da htjoéry mi te ńívaške!
da né so lípe ž dolačà;
kóji sa prýdoe blízu h ńoèj,
na ma dan zmútjani kölör.

(да дѣвушки мои Нивскія! да, онѣ хороши издали: если же прійти близко къ ней, она имѣетъ мутный цвѣтъ (то-есть, цвѣтъ лица).

Хотя я прожилъ въ Резьѣ почти цѣлый мѣсяцъ, но тѣмъ не менѣе мнѣ ни разу не случалось здѣсь слышать похабныхъ пѣсень, и я почти готовъ утверждать, что ихъ здѣсь вовсе не существуетъ.

Религіозно-народныхъ пѣсень, можно сказать, теперь тоже нѣтъ. Мнѣ сообщали, правда, начало одной пѣсни въ этомъ родѣ:

te dín na só dni dín,
ké hörý svít anò wsì júdi.....

(въ день страшнаго суда, когда горитъ свѣтъ и всѣ люди), но больше мнѣ ничего не могли сказать и только утверждали, что пѣсня эта извѣстна нѣкоторымъ старикамъ, въ особенности же старухамъ.

Чтò касается пѣсенныхъ напѣвовъ, то ихъ въ Резьѣ только два: 1) одинъ веселый, похожій на тѣ простые мотивы, которые наигрываются Карпатскими горцами на волынкахъ, или же Савоярдами на ихъ оригинальныхъ инструментахъ; 2) грустный, меланхолическій, который я знаю только по сообщеніямъ нѣкоторыхъ Резьянъ, такъ какъ мнѣ самому не удалось его слышать. Подъ веселый напѣвъ Резьяне танцуютъ, и такимъ образомъ, танецъ ихъ, какъ совокупность напѣва и пляски, является, по моему, родственнымъ Хорватскому кóлу (kolo), Чешской бесѣды (beseda), Венгерскаго чардаша (csárdas), Польскаго краковяка (krakowiak), Галицкой коломыи или коломыйки, Малорусскаго козачка, Русскаго трепака, бычка и т. д.

Въ заключеніе этого отдѣла о народной словесности Резьянъ вообще, и о пѣсняхъ въ особенности, считаю нелишнимъ указать на замѣчательную способность нѣкоторыхъ Резьянъ—разсказывать и вообще говорить въ стихахъ. Постройка такихъ стиховъ осно-

вана не на созвучіи конечныхъ слоговъ или риѳмъ, но на опредѣленномъ и всегда одинаковомъ количествѣ слоговъ. Это тотъ же размѣръ, который служитъ основаніемъ постройки всѣхъ Резьянскихъ пѣсень, по-крайней-мѣрѣ, всѣхъ слышанныхъ мною, то-есть, всѣхъ съ веселымъ напѣвомъ. Примѣняя, конечно, только условно, къ подобнаго рода стихамъ—техническіе термины Латинско-Греческой метрики, Резьянскій стихъ, какъ стихъ пѣсни, такъ и простаго разсказа, можно считать составленнымъ изъ 4-хъ ямбовъ:

◡/ ◡/ ◡/ ◡/

Конечно, въ стихообразныхъ разсказахъ подобнаго рода попадается иногда и риѳма, но весьма рѣдко и непреднамѣренно, такъ что, главнымъ образомъ, они состоятъ изъ такъ-называемыхъ бѣлыхъ стиховъ строгаго 8-ми слоговаго размѣра.

Вотъ примѣръ подобнаго разсказа въ стихахъ:

Jińàn wodó tjowà pritèt,
da, ràuno tá par Támoro,
da, wödo tó ta ná Učjí,
ka já si fájfal dàn cigar,—
káku un loèpö mí fajfá!
ka mi ji dála lípa htjý,
ta htjý ot sakrutáriha..... и т. д.

(Теперь пройдемъ воду (рѣчку, потокъ), возлѣ самаго Тамора, да, воду эту въ Учьѣ, тамъ гдѣ я курилъ сигару, какъ хорошо она курится!—которую дала мнѣ хорошенькая дѣвушка, дочь секретаря.....)

Точно такимъ же образомъ построено слѣдующее обращеніе къ скрипачу:

da citirávac múj te líp!
loepö zacitirájte mì,
ki tjón döbrö wa zaplatìt:
ku náše ŏpce zdílajo,
wsáka dvi čàrne jáńate,
ja tjó wan dàt no jáńace.

(Скрипачъ мой хорошенькій! хорошо мнѣ сыграйте, а я хорошо вамъ заплачу: когда наши овцы объягнятся, каждая двумя черными ягненками, я вамъ дамъ одного ягненка).

Если ускорить произношеніе подобнаго рода стиховъ и при этомъ обыкновенную, немузыкальную рѣчь замѣнить самымъ простымъ речитативомъ или напѣвомъ, то самъ собою получается переходъ къ общегосподствующему веселому напѣву Резьянскихъ пѣсенъ и Резьянской пляски. Поэтому можно бы приблизительно

сказать, что Резьяне танцують, поють и говорять стихи подъ осьмислоговый ямбическій размѣръ:

˘ˊ ˘ˊ ˘ˊ ˘ˊ

— —

Трудно рѣшить, какого происхожденія названіе Резья (Resia) (рѣка и долина), и затѣмъ производныя отъ него Резьяне, Резьянскій и т. д. Кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ эти слова не могутъ быть объяснены съ помощью Славянскихъ языковъ, и этимъ отрицательнымъ замѣчаніемъ мы должны пока довольствоваться.

Въ названіяхъ мѣстностей сѣвернаго и сѣверо-восточнаго побережья Адріатическаго моря можно отличать три главныхъ наслоенія: 1) названія, упроченныя еще въ древнія времена Римскаго господства до прибытія въ эти края Славянъ: сюда принадлежатъ по преимуществу названія самыхъ значительныхъ горъ, рѣкъ, городовъ и т. д.; 2) народныя Славянскія названія, отчасти вытѣснившія прежнія названія древняго (Кельтскаго, Романскаго и т. п.) происхожденія, отчасти употребляющіяся одновременно съ ними, отчасти же, наконецъ, присвоенныя или мѣстностямъ, прежде неимѣвшимъ названія, или же вновь построеннымъ селеніямъ, деревнямъ и городамъ; 3) названія, обязанныя своимъ происхожденіемъ Нѣмецко-Австрійскому господству. Названіе Резьи принадлежитъ, какъ мнѣ кажется, къ 1-ой категоріи, то-есть оно является только позднѣйшимъ фонетическимъ видоизмѣненіемъ какого-нибудь древняго названія, присвоеннаго Резьянской долинѣ Карнами, Кельтами или др. т. п. древними жителями тѣхъ краёвъ. Само собою навязывается сравненіе съ древними названіями Rhaetia (Raetia, Rhetia), Rhaeti, Rhaeticum и т. п.

Какъ бы то ни было, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что не Резьяне дали названіе странѣ, ими обитаемой, но, наоборотъ, имя Резьянскаго народа заимствовано отъ мѣстности, или, другими словами, оно является не этнографическимъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, но чисто географическимъ.

Южные сосѣди Резьянъ, то-есть, Сербо-Хорваты Джемонскаго и Тарчентскаго уѣздовъ, называютъ ихъ не Резьянами, но Бѣлянами (Biéjańe), отъ Славянскаго имени потока Резьи, Бѣлая (Biéla Резьян. Bíla). Св. Петровцы же заимствовали названіе Резьянъ отъ Фурлань и говорятъ Rezjáni и т. п.

На Резьянскомъ языкѣ выраженіе (фраза) «говорить по-Резьянски» замѣняется выраженіемъ «говорить по нашему» (rumunìt po nàs и

т. п.). Но вмѣстѣ съ тѣмъ употребляются тоже выраженія («rumunit po nàs и т. п.). Но вмѣстѣ съ тѣмъ употребляются тоже выраженія rumunit po Rozoánskin» или т. п.

Какъ у самихъ Резьянъ, такъ и у ихъ сосѣдей, очень распространено мнѣніе, что родоначальники теперешнихъ Резьянъ прибыли изъ Россіи (tàz Rúšje), и что, стало-быть, Резьяне суть Русскіе, а Резьянскій языкъ есть Русскій языкъ. Съ этимъ убѣжденіемъ о Русскомъ происхожденіи связано въ Резьянахъ сочувствіе къ Россіи и къ Русскимъ. Когда на вопросъ одной женщины: откуда я пріѣхалъ? я отвѣтилъ, что изъ Россіи, у нея, считавшей меня, конечно, чистокровнымъ Русскимъ, вырвалось миновольное восклицаніе, въ которомъ сказывалось тоже пріятное изумленіе: «a, própjo náše krí!» (а, именно нашей крови!). Иногда же разговоривавшими со мною высказывалось предположеніе, что они потому только меня понимаютъ, что я изъ Россіи, или, что я, стараясь говорить по-Резьянски, говорю собственно по-Русски. Конечно, высказывавшіе подобное предположеніе, уже не думали, что я сынъ Франциска Копетти Кундіи, скитавшійся гдѣ-то съ 1866 года.

Сказаніе о Русскомъ происхожденіи Резьянъ и о началѣ теперешней Резьи передается въ различныхъ варіантахъ. Я сообщаю здѣсь тѣ изъ нихъ, которыя мнѣ удалось слышать или въ самой Резьѣ, или же внѣ ея.

1) «Какъ мы слышали отъ нашихъ отцевъ, первые люди, прибывшіе сюда, были бѣглые солдаты (дезертиры) (dižoertórje), которые укрылись въ нашихъ краяхъ, когда здѣсь были только пущи (dižértove) и лѣсы (hözdóvoe). Первый пришелъ на Бѣлу, другій сюда на Столбицу, и затѣмъ произошли четыре деревни, Санъ-Джоччъ или Бѣла, Столбица, Осояне, Нива».

2) «Въ войнахъ, бывшихъ въ древнія времена (prít týmpyh) были два бѣглыхъ солдата (dwa dižoertórja), въ Резьѣ же были одни только лѣсы (wsoè hozdúwje). И оба эти солдата бѣжали сюда. Это были Русскіе. И они начали строить домы и женились. И отъ нихъ произошли мы, Резьяне (Rozojánove). Первый же домъ, какъ говорятъ люди, былъ выстроенъ подъ Робидою (tá pöd Rübýdo). Потомками этихъ двухъ населились четыре деревни. И теперь нашъ край зовутъ Резьею» (ná se pýšoe Rézja).

3) «Здѣсь сказываютъ, что мы населились (остались) (mý sömö ostále) въ Фурланскомъ краѣ (túp tin láškin pajízu), и что нашъ народъ есть Русскій (náša nacjún oe rušjánska). Этимъ наши ста-

рики (náši tì stári) хотятъ сказать, что около осьмисотъ лѣтъ назадъ (to bó ōsan čantanárju lít) была война (wéra) между Франціей и Россіей (tra Fránča ánu Rúšja). И Россія должна была отступить, такъ какъ она проиграла. И эти Русскіе (jse Rušjánove) остались здѣсь въ этомъ краѣ. Въ то время здѣсь было всё дико (wsé duvjí), всё лѣсы. Отъ этихъ же людей, отъ этихъ Русскихъ осталось какихъ нибудь десять или двѣнадцать человѣкъ (so ostále doèsa dwánejst murzòu и т. п.). И они размножили этотъ народъ (ni só multiplikáli jsí pòpol). У нихъ были Фурланскія жены (ní so moèly te láške žené). Такъ разсказываютъ, но мы не можемъ знать, правда (rísan) ли это, или же нѣтъ. Мы слышали тоже, что здѣсь было озеро, которое, прорвавшись (se e bílo prédirlo), уничтожило значительную часть населенія. И въ самомъ дѣлѣ: встрѣчаются (se trofíwao) слѣды старыхъ зданій (te stáre fábrike, híše), построенныхъ въ древнія времена (prí po týmpyh), болѣе или менѣе шестьсотъ лѣтъ назадъ (ne šéjs čantanárju lít). Прежде у насъ былъ приходъ въ Бѣлой (ta dōloe u Bíle). Послѣ же, когда населеніе увеличилось (j kréšinou pópul), наши предки (náše ti stáre) устроили приходъ на Раванцѣ. И теперь у насъ полагается одна волость (dén komún) и четыре общины» (štíri fracjúne).

4) «Однажды были большія войны (na voelýke wére). Въ нихъ принимали участіе Русскіе (Rošjáni), часть которыхъ бѣжала. Затѣмъ они пришли въ Резью, гдѣ были одни только лѣсы. Пришедшихъ же было семь человѣкъ. И они отправились въ одинъ лѣсъ (hözd), начали копать (kopàt) и сѣяли картофель (ní so sjáli krampír). И они начали строить домъ. Затѣмъ двое изъ нихъ женились. Затѣмъ, мало-по-малу (počásu no počásu) населеніе возросло до ста человѣкъ (stú judí). Тогда они отправились на открытыя мѣста (nútu u ráune) и начали строить дóмы. Прежде всѣхъ начали строить деревню Столбицу, и именно ту часть ея, которую зовутъ Весью» («деревней») (tòu Wasè) и т. д.

5) Этотъ варіантъ я слышалъ внѣ Резьи, отъ одного портнаго въ селѣ Толминъ или Тминъ (Tolmin, Tolmein, Tolmino) Горицкой земли. Вотъ его суть: «Когда-то давнымъ-давно нѣсколько Русскихъ генераловъ составили заговоръ противъ государя, съ цѣлью убить его и завладѣть властью. Одинъ изъ этихъ генераловъ, чувствуя угрызенія совѣсти, сообщилъ куда слѣдуетъ объ этомъ заговорѣ. Тогда, чтобы поймать остальныхъ, отправили царскую карету на мѣсто, гдѣ ея поджидали заговорщики, но, вмѣсто самого государя, посадили изображавшую его куклу. Заговорщики

выстрѣлили по ней, но сейчасъ же спохватились и, замѣтивъ свою неудачу, спаслись бѣгствомъ. Долго они бѣжали и, наконецъ, добрались до Резьи, покрытой въ оное время непроходимыми лѣсами. Здѣсь и поселились бѣжавшіе Русскіе генералы, и отъ нихъ-то и происходитъ весь Резьянскій народъ.

Это наивное преданіе или же сказаніе (легенда) очень напоминаетъ шутливое, анекдотическое сказаніе о томъ, что прародитель (праотецъ) рода человѣческаго, Адамъ, былъ бѣглый солдатъ Китайской имперіи. Для меня не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что, не смотря на свой, повидимому, чисто народный характеръ, преданіе о Русскомъ происхожденіи Резьянъ выдумано какимъ нибудь мѣстнымъ ученымъ, и, кромѣ того, относительно въ весьма недавнее время. Всего вѣроятнѣе, эта мысль могла зародиться въ головѣ того или другаго ученаго въ концѣ прошлаго столѣтія, и именно въ то время, когда Русскія войска, подъ предводительствомъ Суворова, навѣщали Италію. Конечно, Резьянамъ не трудно было понимать Русскихъ солдатъ, хотя, съ другой стороны, едвали, эти послѣдніе могли понимать Резьянъ. Внѣшнее же сходство названій **Russia** (Россія) и **Resia** (Резья) было убѣдительнымъ аргументомъ для любаго изъ ярыхъ историковъ-этимологовъ [1]).

---

[1]) Предположеніе о столь недавнемъ происхожденіи упомянутаго сказанія (о ближайшемъ родствѣ Резьянъ съ Русскими) подтверждается еще и тѣмъ что, напримѣръ, графу Потоцкому, посѣщавшему Резью, кажется, въ началѣ девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія, оно было совершенно неизвѣстно. Вотъ что̀ говорится о Резьянскихъ преданіяхъ въ запискѣ Потоцкаго:

«Я не буду продолжать этого извлеченія (изъ Резьянскаго рукописнаго катихизиса) и перехожу къ преданіямъ Резьянъ. Я уже сказалъ, что, по ихъ мнѣнію, они другаго происхожденія, нежели Хорутанскіе Славяне (Slaves de Carinthie). Одинъ изъ нихъ разсказывалъ мнѣ, что покойный Петръ Дзимоло (Zimolo), докторъ правъ и адвокатъ въ Джемонѣ, заѣзжалъ одинъ разъ въ ихъ долину и сказалъ, что весь ихъ народецъ происходитъ отъ одного человѣка изъ свиты Аттилы. Онъ поселился въ этой долинѣ и его мѣстопребываніе называлось Господицей (Hospodizza). Но докторъ Дзимоло не сказалъ, откуда онъ почерпнулъ исторію этого человѣка изъ свиты Аттилы, и свою тайну унесъ съ собою въ могилу. Во времена Аттилы склоны Карпатъ и берега Тисы (Teiss) были уже населены Славянами, которые на Пеутингеріянской картѣ (tabula Peutingeriana) носятъ названіе Венадовъ-Сарматовъ (Venadi Sarmatae). Эти Славяне повиновались Аттилѣ, и какой нибудь Славянинъ могъ весьма легко находиться въ его свитѣ, когда онъ осаждалъ Аквилею. Но Резьяне говорятъ несомнѣнно на одномъ изъ поднарѣчій Хорутанскаго діалекта (dialecte Carinthien). («Die Slaven im Thale Rhesia») въ «Barth. Kopitars, Kleincre Schriften etc., herausg. v. Fr. Miklosich», I, Вѣна, 1857, стр. 327).

«Pietro Zimolo, docteur en droit à Gemona et avocat, disoit avoir des preuves historiques ou documents, qui prouvoient que les (Résianiens) venoient d'une seule famille, arrivée vert avec Attila. Il démanda où étoit un lieu appelé Hospodizza; on lui montra une masure, qui portoit effectivement ce nom» (Тамъ же, стр. 328).

Интересно, что многіе Резьянскіе руссофилы, отожествлявшіе Резьянъ съ Русскими, смѣшивали однакожь Россію съ Пруссіей (Prüšja) и, стало быть, Русскихъ съ Пруссаками. Между прочимъ, считая меня своимъ Русскимъ родственникомъ, въ одно и тоже время видѣли во мнѣ Пруссака. Русскій языкъ они называли попеременно то Прусскимъ (prušjánski langàč), то Русскимъ (rúsouski). Впрочемъ, мы не должны особенно удивляться подобному географическому смѣшенію со стороны людей, неполучившихъ почти никакого систематическаго образованія, если примемъ въ соображеніе, что, напримѣръ, настоятель Резьянской церкви (приходскій священникъ, не былъ въ состояніи отличать «христіанъ» отъ «католиковъ», такъ-что, по его мнѣнію, только католики есть христіане, а другихъ христіанъ вовсе не полагается.

Упомянутое мною преданіе о ближайшемъ родствѣ Резьянскаго языка съ Русскимъ, или Резьянскихъ говоровъ съ говорами Русскими, вполнѣ противорѣчитъ истинному положенію вещей. Еслибъ Резьянскіе говоры принадлежали къ Русской семьѣ говоровъ Славянскихъ, въ такомъ случаѣ имъ должно бы быть свойственно, между прочимъ, исключительно русское полногласіе то-есть, словá въ родѣ borodà, golowà или kolowà, koròj, moròz, woróna, korówa, gólos или hòlos, kòlos, wòlos, berèza, seredà, bèreg и т. п., а не bráda (борода), gláwa или hláwa (голова), kraj (король), mraz (морозъ), wrána (ворона), kráwa (корова), glas или hlas (голосъ), klas (колосъ), wlas (волосъ), broèza (береза), srída (середа), brih и т. п. Затѣмъ первичныя Славянскія или основно-Славянскія сочетанія согласныхъ *tj* и *dj*, въ случаѣ Русскаго происхожденія Резьянъ, должны бы измѣниться въ Резьянскихъ говорахъ въ č и ž (или dž), какъ это имѣетъ мѣсто въ Русскихъ говорахъ, а не, какъ на самомъ дѣлѣ въ Резьянскихъ,

---

Стало быть, ни слова о Русскомъ происхожденіи Резьянъ, а скорѣе намеки на ихъ происхожденіе отъ Гунновъ или же отъ чего нибудь подобнаго.

И Шафарикъ былъ того мнѣнія, что легенда о Русскомъ происхожденіи Резьянъ была пущена въ ходъ только послѣ того, какъ Русскія войска посѣщали Италію. Вотъ слова Шафарика: «О происхожденіи Резіяновъ и Фурлянскихъ Словиновъ, равно какъ и о времени, когда они поселились на теперешнихъ своихъ мѣстахъ жительства, ничего съ достовѣрностію утверждать нельзя. Недавно, именно послѣ того, какъ Русское войско, во время войнъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, было въ ихъ странѣ, появилось у нихъ мнѣніе, что они выходцы изъ Россіи и должны правильнѣе называться Резіянами или Россіянами; но это не подтверждено никакими доказательствами». («О Резіянахъ и Фурлянскихъ Словинахъ», статья П. I. Шафарика въ двухъ-язычномъ журналѣ «Денница, литературная газета, посвященная Славянскимъ предметамъ и издаваемая Петромъ Дубровскимъ. Часть I. Варшава. 1842. Годъ первый», стр. 113).

въ *tj* и *j*, то есть: Резьяне должны бы говорить nuč, sviča, očà, molož или т. п., а не nutj (ночь), svítja (свѣча), otjà (отецъ), mlaj (новолуніе) и т. д. Уже эти двѣ особенности являются рѣшающими и ни коимъ образомъ не позволяютъ подгонять Резьянскіе говоры подъ категорію говоровъ Русскихъ. И всѣ остальныя, какъ фонетическія, такъ и морфологическія свойства Резьянскихъ говоровъ, въ своей совокупности ставятъ ихъ въ самое близкое генетическое родство съ Сербо-Словенскою группою Славянскихъ говоровъ, въ противоположность всѣмъ остальнымъ группамъ между прочимъ, тоже въ противоположность группѣ Русской.—Трудно окончательно рѣшить, ближе ли Резьянскіе говоры къ говорамъ Сербо-Хорватскимъ, или же къ говорамъ Словинскимъ. Желающихъ ближе ознакомиться съ относящимися сюда частными вопросами я отсылаю къ §§ 291—293 моего «Опыта фонетики Резьянскихъ говоровъ». Кажется, однакожъ, что, если уже поставить вопросъ о томъ, кого считать самыми близкими этнографическими родственниками Резьянъ, Крайно-Словенцевъ ли, или же Сербо-Хорватовъ, нужно будетъ отдать предпочтеніе этимъ послѣднимъ.

Всѣ эти и имъ подобные вопросы вращаются въ кругу спеціальностей чисто-Славянскихъ, и притомъ такихъ, что онѣ повторяются порознь и въ другихъ группахъ южно-Славянскихъ говоровъ. Между тѣмъ, главную характеристическую особенность Резьянскихъ говоровъ составляетъ нѣчто такое, чего никакъ нельзя считать непосредственнымъ продолженіемъ фонетическихъ особенностей основно-Славянскаго періода развитія Славянскихъ языковъ, и что̀, вслѣдствіе этого, дѣлаетъ эти говоры совершенно особою, самостоятельною группою, которая гораздо болѣе отличается даже отъ говоровъ южныхъ сосѣдей Резьянъ, нежели эти послѣдніе отъ всѣхъ отдѣльно взятыхъ частей всей Сербо-Хорватской и даже всей Сербо-(Хорвато)-Словенской языковой области.

Эта чрезвычайно важная особенность, между всѣми языками Славянскими встрѣчаемая, сколь мнѣ извѣстно, въ однихъ только Резьянскихъ говорахъ, состоитъ въ такъ-называемой гармоніи (созвучіи) гласныхъ. Гармонія (созвучіе) гласныхъ основывается на противоположности, съ одной стороны, темныхъ и ясныхъ гласныхъ, съ другой же стороны—на противоположности гласныхъ широкихъ и узкихъ. Ясными гласными являются *e*, *i*, *o*, *u*, соотвѣтствующими же имъ темными *oe*, *y*, *ö*, *ü*. Къ узкимъ гласнымъ принадлежатъ *i*, *u*, *y*, *ü*, *e*, къ соотвѣтствующимъ имъ широкимъ *e*, *ə*, *oe*, *ö*, *a*. Проявляется же этотъ законъ гармоніи гласныхъ

слѣдующимъ образомъ: Если въ слогѣ господствующемъ есть согласный темный, то и подверженные вліянію гармоніи гласныхъ гласные слоговъ подчиненныхъ должны быть темными; напротивъ того, гласный ясный въ слогѣ господствующемъ является виновникомъ ясности согласныхъ въ слогахъ подчиненныхъ. Узкій гласный господствующаго слога съуживаетъ гласные слоговъ подчиненныхъ; отъ широты же гласнаго въ слогѣ господствующемъ зависитъ тоже широта гласныхъ въ подчиненныхъ слогахъ. Господствующимъ или руководящимъ является обыкновенно гласный въ слогѣ ударенномъ (произносимомъ съ удареніемъ), все равно, предшествуетъ ли онъ другимъ слогамъ, или же слѣдуетъ за ними. И такъ, мы имѣемъ въ Резьянскомъ žanà (жена) рядомъ съ дат. пад. ед. ч. žoenoè, родит. множ. žiní и т. п. Въ этихъ различныхъ формахъ одного и того же слова первичный Славянскій гласный *e* перваго неудареннаго и, стало быть, по отношенію къ гармоніи гласныхъ подчиненнаго слога измѣняется или въ ясное и широкое *a*, или въ темное и широкое *oe*, или же, наконецъ, въ ясное и узкое *i*, смотря по тому, какой гласный является въ слѣдующемъ ударенномъ и, вслѣдствіе этого, господствующемъ или преобладающемъ слогѣ. Въ словѣ otjà (отецъ) съ ясностью и широтою гласнаго *a* удареннаго и, слѣдовательно, господствующаго слога связана ясность и широта гласнаго *o* слога подчиненнаго; въ дательномъ же падежѣ того же слова, utjì, мы видимъ въ первомъ слогѣ ясный и узкій гласный *u* потому, что такимъ же является гласный *ì* слѣдующаго удареннаго, преобладающаго слога. Точно такою же зависимостью гласныхъ слоговъ подчиненныхъ отъ гласныхъ въ слогахъ господствующихъ слѣдуетъ объяснять: рядомъ съ имен. ед. rič (вещь) творит. ед. račjó, творит. мн. račjámi, родит. мн. ričí и т. д., затѣмъ, неокончательныя наклоненія nistìt (нести), ritjìt (сказать) и т. п., рядомъ съ причастіями прошедш. врем. муж. р. noèsal (нёсъ), roèkal (сказалъ) и т. п., жен. р. naslà (несла), raklà (сказала) и т. п., повелит. накл. nisì (неси), ricì (скажи) и т. д., настоящ. (будущ.) вр. noesoè (несетъ), roečoè (скажетъ) и т. д. Вліяніе гласнаго предшествующаго удареннаго слога на гласный слѣдующаго слога неудареннаго сказывается, напримѣръ, въ словахъ žoeloèzö (желѣзо) (темное широкое *ö*, обусловленное темнымъ же широкимъ *oè*), moèstö (мѣсто), bòhöwö или т. п. (божье) и т. д. (съ темными гласными во всѣхъ слогахъ), рядомъ съ málo (мало), jábalko (яблоко) и т. д. (ясные гласные во всѣхъ слогахъ). Это влія-

ніе гласныхъ удáренныхъ на неудáренные такъ сильно, что оно дѣйствуетъ не только на гласные въ непосредственно соприкасающихся слогахъ, но и на гласные слоговъ самыхъ отдаленныхъ, даже черезъ слоги, которымъ свойственъ гласный нейтральный, то-есть, неподдающійся уподобляющему вліянію гласнаго въ слогѣ господствующемъ, напримѣръ: bòhöwo (божье), òpartö и т. п. (отперто) (гдѣ темный гласный перваго слога, не производя ни какого вліянія на гласный втораго слога, является виновникомъ темноты гласнаго въ третьемъ слогѣ) и т. д. и т. д.

Кромѣ этого главнаго направленія гармоніи гласныхъ, выражающагося вліяніемъ удáреннаго гласнаго на гласные неудáренные, можно отмѣтить въ Резьянскихъ говорахъ еще другое направленіе, основывающееся на вліяніи даже неудáренныхъ конечныхъ гласныхъ (если они принадлежатъ къ такъ называемому грамматическому окончанію) на гласные предшествующихъ слоговъ. Такъ, напримѣръ, рядомъ съ родит. пад. ед. ч. муж. и средн. р. прилагательныхъ kríwaga или kríwaha (криваго), stáraga или stáraha (стараго) и т. д. (гдѣ *e* предпослѣдняго слога перешло въ *a* подъ вліяніемъ конечнаго *a*), имѣется дательн. пад. ед. ч. krívimu (кривому), stárimu (старому) и т. д. (гдѣ то же *e* предпослѣдняго слога перешло въ узкое *i* подъ вліяніемъ узкаго же конечнаго *u*. Точно такъ же рядомъ съ именит. пад. ед. ч. máti (мать) мы встрѣчаемъ родит. ед. mátere, дат. ед. mátiri, творит. ед. mátarjo и т. д., рядомъ съ именит. пад. ед. ч. жен. р. pûštjana (пущенная, оставленная)—именит. мн. муж. pûštjini (пущенные, оставленные) и т. д.

Этихъ нѣсколькихъ общихъ замѣчаній о Резьянской гармоніи гласныхъ будетъ болѣе, чѣмъ достаточно въ настоящей популярной статьѣ; подробныя же указанія можно найти въ §§ 212—248, 294, 295 и въ дополненіи къ §§ 232, 233, 243, 244, 255 (стр. 128) моего «Опыта фонетики Резьянскихъ говоровъ».

Подобное построеніе звуковаго механизма на полной зависимости гласныхъ подчиненныхъ слоговъ отъ гласнаго въ слогѣ господствующемъ чуждо всѣмъ языкамъ Аріо-Европейскимъ (Индо-Европейскимъ), въ этомъ числѣ и Славянскимъ, но зато оно составляетъ главную фонетическую особенность Туранскихъ (Финскихъ и Тюркскихъ) языковъ. Гармонія гласныхъ въ Туранскихъ языкахъ служитъ, такъ сказать, цементомъ, соединяющимъ или связывающимъ слоги въ слова. Въ Аріо-Европейскихъ языкахъ эту роль соединенія слоговъ въ слова играетъ (по крайней мѣрѣ,

въ основный, синтетическій періодъ развитія этихъ языковъ), прежде всего удареніе. Въ многосложныхъ словахъ Аріо-Европейскихъ языковъ одинъ слогъ выдается, усиливается свойственнымъ ему удареніемъ, остальные же слоги, хотя и лишены той силы, чтò слогъ съ удареніемъ, все-таки сохраняютъ свои индивидуальныя особенности и не мѣняютъ ихъ, въ угоду слогу господствующему. Напротивъ того, въ Туранскихъ языкахъ подчиненные слоги уподобляются слогу господствующему, то есть, подчиняются ему въ полномъ смыслѣ этого слова. Въ Аріо-Европейскихъ языкахъ до тѣхъ поръ нельзя говорить о цѣльныхъ словахъ, пока отдѣльные слоги и сочетаніе звуковъ, корни, суффиксы и вообще приставки, окончанія и т. д. не соединены въ одно цѣлое свойственнымъ одному изъ нихъ удареніемъ. Точно такъ же и сложеніе двухъ словъ (основъ, темъ) въ одно слово совершается здѣсь черезъ лишеніе одного изъ нихъ свойственнаго ему ударенія и черезъ подчиненіе его, такимъ образомъ, одному общему ударенію, сопровождающему одинъ изъ слоговъ другаго слова. Въ Туранскихъ языкахъ отдѣльные слоги и комплексы (сочетанія) звуковъ нужно считать самостоятельными словечками, если они въ извѣстномъ выраженіи сохраняютъ свойственные имъ гласные, вопреки закону гармоніи гласныхъ. Если же они склеены цементомъ гармоніи (созвучія) гласныхъ, въ такомъ случаѣ, вмѣсто нѣсколькихъ односложныхъ словъ, образуютъ одно многосложное слово. Точно тѣмъ же путемъ подчиненія гласныхъ въ отдѣльныхъ слогахъ втораго слога гласному въ первомъ слогѣ слòва предшествующаго совершается сложеніе двухъ Туранскихъ словъ въ одно сложное слово. Въ поясненіе этого закона Туранскихъ языковъ, я приведу здѣсь нѣсколько примѣровъ:

Въ Тюркскихъ нарѣчіяхъ южной Сибири и Дзунгарской степи (въ Алтайскомъ, Телеутскомъ, въ нарѣчіи Черныхъ Киргизовъ и т. д.) одно и то же окончаніе является въ четырехъ видахъ, смотря по тому, какій гласный господствуетъ въ первомъ, коренномъ слогѣ. И такъ—

окончаніе множественнаго числа принимаетъ, по отношенію ко входящему въ его составъ гласному, четыре различныхъ вида, тар или лар, тäр или läр, тор или лор, тöр или löр, напримѣръ: ат-тар (лошади), iт-тäр (собаки), от-тор (травы), кöк-тöр (кукушки) и т. п.;

окончаніе дательнаго падежа ka, кä, ko, кö, напримѣръ, ат-ка (лошади), iт-кä (собакѣ), от-ko (травѣ), кöк-кö (кукушкѣ) и т. д.

Приведемъ теперь примѣры сочетанія нѣскольких суффиксовъ (аффиксовъ, приставокъ) съ отдѣльными корнями въ значеніи глагола (то-есть, съ корнями, выражающими извѣстное дѣйствіе). Пусть будутъ глагольные корни ал (съ основнымъ значеніемъ брать, взять, а еще точнѣе хвать, цапъ), тол (наполнять, наполнить), kä̈l (приноровить, приноровливать), öl (убивать, убить), тур (стоять, стать) и т. п. Съ другой стороны, возьмемъ суффиксы (аффиксы, приставки):

1) со значеніемъ «заставлять (или заставить) дѣлать то, что выражается корнемъ», суффиксъ заставительный (factitivum), тожественный этимологически съ только-что приведеннымъ глагольнымъ корнемъ тур, значащимъ стать, стоять, ставить, но, какъ суффиксъ (аффиксъ, приставка), являющійся въ различныхъ видоизмѣненіяхъ: тыр, дыр, тір, дір, тур, дур, тур, дур и т. п.;

2) приставка (суффиксъ аффиксъ), выражающая взаимное дѣйствіе въ совокупности (reciprocum): ыш, іш, уш, ус, и т. п

3) приставка прошедшаго времени (praeteritum): ты, ды ті, ді, ту, ду и т. п.;

4) приставка 1-го лица множественнаго числа быс, (пыс), біс, (піс) и т. п.;

5) приставка 3-го лица множ. числа лар и т. п.

Сочетанія этихъ приставокъ съ выше-названными глагольными корнями даютъ, между прочимъ слѣдующія слова:

ал-дыр-ыш-ты-быс (мы вмѣстѣ заставили взять),

тол-дыр-ыш-ты-быс (мы вмѣстѣ наполнили),

kä̈l-іш-тір-ді-біс (мы приноровили),

öl-дӳр-ӳш-тӳ-біс, или, öl-дӳр-ӳш-ті-біс (мы вмѣстѣ убили),

тӳр-ӳш-ты-лар (они вмѣстѣ убили) и т. п. [1]).

---

[1]) Вышеприведенные примѣры взяты из рукописнаго, еще ненапечатаннаго сочиненія В. В. Радлова о Тюркскихъ нарѣчіяхъ южной Сибири и Дзунгарской степи. Какъ видно изъ этихъ примѣровъ, для обозначенія Тюркскихъ звуковъ примѣненъ В. В. Радловымъ Русскій алфавитъ съ нѣкоторыми неизбѣжными видоизмѣненіями и дополненіями. Такъ, напримѣръ, мы встрѣчаемъ здѣсь буквы *ä*, *ö*, *ӳ*, для выраженія гласныхъ, сходныхъ болѣе болѣе или менѣе съ Нѣмецкими *ä*, *ö*, *ü* (или французскимъ *u*). Рядомъ съ Русскимъ *к* употреблено тоже Латинское *k*, а рядомъ съ Русскимъ *л*—латинское *l*; *к* и *л* обозначаютъ согласные твердые, болѣе глубокіе, сочетающіеся съ широкими или твердыми гласными *а*, *о*, *у*, *ы*; напротивъ того, *k* и *l* сочетаются съ узкими, нёбными или мягкими гласными, *ä*, *ö*, *ӳ*, *і*, и. сообразно съ этимъ, произносятся тоже болѣе мягко или болѣе впереди нёба. Гласный, обозначаемый буквою *ы* (еры), имѣетъ особый, своеобразный звукъ, но все-таки онъ весьма сходенъ съ велико-Русскимъ *ы* въ большинствѣ случаевъ. — Относительно одного только Алтайскаго языка, ср. тоже

То же самое имѣетъ мѣсто въ Якутскомъ [2]), въ Татарскомъ [3]), въ Чувашскомъ [4]), въ Венгерскомъ или Мадьярскомъ [5]), въ Мокша-Мордвинскомъ [6]) и т. д. и т. д.

Эта зависимость качества гласныхъ подчиненныхъ слоговъ отъ качества гласнаго господствующаго слога, или, это уподобленіе гласныхъ въ слогахъ, подчиненныхъ гласному слога господствующаго, встрѣчаемое въ языкахъ Туранскихъ, очень сходно, по своему общему характеру, съ такимъ же уподобленіемъ или гармоніею (созвучіемъ) гласныхъ въ Резьянскихъ говорахъ. А такъ какъ въ этихъ послѣднихъ гармонія гласныхъ не могла, по-моему, развиться ни изъ чисто-Славянскихъ, ни вообще изъ чисто-Аріо-Европейскихъ особенностей, то я считаю себя въ правѣ эту не-Славянскую и не-Аріо-Европейскую особенность Резьянскихъ говоровъ приписать Туранскому или же какому нибудь другому подобному же инородческому вліянію.

Высказывая эту мысль въ моемъ «Опытѣ фонетики Резьянскихъ говоровъ» я смущался, однакожь, тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Туранскихъ языкахъ господствующимъ бываетъ всегда первый слогъ слова, являющійся вмѣстѣ съ тѣмъ почти всегда корнемъ или кореннымъ комплексомъ (сочетаніемъ) звуковъ, тогда какъ слѣдующіе за нимъ и подчиненные ему слоги играютъ роль суффиксовъ (афиксовъ, приставокъ), и это преобладающее значеніе свойственно тамъ первому, коренному слогу, не смотря на то, сопровождается ли онъ удареніемъ, или же нѣтъ. Но уже тогда я старался устранить отчасти это возраженіе замѣчаніемъ, 1) что въ нѣкоторыхъ языкахъ Туранскаго племени, между прочимъ, въ Венгерскомъ удареніе (то-есть, возвышеніе или усиленіе голоса) свойственно

«Грамматику Алтайскаго языка, составленную членами Алтайской миссіи. Казань 1869», §§ 2, 5, 6, 7 (стр. 2, 6—8). Эта грамматика составлена главнымъ образомъ Н. И. Ильминскимъ.

[2]) «О языкѣ Якутовъ», О. Бётлинга («Ученая записка императорской академіи наукъ по первому и третьему Отдѣленіямъ», I. С. П Б. 1853, стр. 377—446). «Ueber die Sprache der Jakuten. Grammatik, Text und Wörterbuch. Von Otto Boehtlingk. Besonderer Abdruck des dritten Bandes von Dr. A. Th. von Middendorff's «Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens. St. Petersburg. 1851».

[3]) См., между прочимъ, (Николай Остроумовъ). «Первый опытъ Словаря народно-Татарскаго языка по выговору крещеныхъ Татаръ Казанской губерніи. Казань. 1876» стр. 18—19.

[4]) «Замѣтки для ознакомленія съ Чувашскимъ нарѣчіемъ Н. Золотницкаго». Выпускъ I. Отдѣлъ звуковый. Казань. 1871», §§ 2 — 7 (стр. 1—3).

[5]) «Magyarische Grammatik von Anselm Mansvet Riedl. Wien. 1858».

[6]) «Versuch einer Mokscha-Mordwinischen Grammatik nebst Texten und Wörterverzeichniss von Dr. August Ahlquist, etc. St. Petersburg 1861», §§ 13—18 (стр. 2—4).

именно этому первому, коренному слогу, и 2) что—въ случаѣ, если, какъ я полагаю, Резьянская гармонія гласныхъ обязана своимъ происхожденіемъ Туранскому вліянію,—эта Туранская фонетическая особенность привита здѣсь на Славянской почвѣ, гдѣ, во время совершенія предполагаемой мною фонетической смѣси, удареніе было подвижнымъ, и гдѣ, во всякомъ случаѣ, ударенный слогъ чувствовался слогомъ преобладающимъ, такъ какъ именно удареніе соединяетъ въ Аріо-Европейскихъ языкахъ извѣстный комплексъ слоговъ въ одно нераздѣльное цѣлое, чувствуемее единичнымъ словомъ. Такимъ образомъ, подвергшееся этому чужому вліянію Славянское племя усвоило себѣ внѣшнее проявленіе закона гармоніи гласныхъ, но безъ усвоенія его главнаго внутренняго смысла, состоящаго въ подчиненіи суффиксовъ (аффиксовъ, приставокъ) коренному комплексу (сочетанію) звуковъ. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что другая органическая цѣль, присущая гармоніи гласныхъ, достигается и въ Резьянскихъ говорахъ: эта цѣль состоитъ именно въ соединеніи отдѣльныхъ слоговъ въ живыя слова, которыя и являются цѣльными словами только на столько, на сколько ихъ составныя части, то-есть слоги, подчинены названному закону уподобленія (гармоніи гласныхъ). Слѣдовательно, въ Резьянскихъ говорахъ скрещиваются оба способа образованія цѣльныхъ словъ изъ простыхъ слоговъ, Аріо-Европейское удареніе и Туранская гармонія гласныхъ. Другими словами, въ Резьянскихъ говорахъ слоги, какъ части словъ, склеены двойнымъ цементомъ, состоящимъ изъ сочетанія Аріо-Европейскаго цемента, ударенія, съ Туранскимъ цементомъ, гармоніею гласныхъ.

Затѣмъ, уже здѣсь, въ Казани, я получилъ блестящее подтвержденіе моей гипотезы о Славяно-Туранскомъ происхожденіи Резьянъ. Знаменитый лингвистъ и одинъ изъ лучшихъ знатоковъ Туранскихъ языковъ, В. В. Радловъ, сообщилъ мнѣ весьма интересныя въ этомъ отношеніи данныя изъ изслѣдованныхъ имъ нарѣчій Тюркскихъ племенъ южной Сибири и Дзунгарской степи. Сообщенія В. В. Радлова я заимствую частью изъ его рукописи — грамматическаго очерка названныхъ нарѣчій, — частью же изъ разговоровъ съ нимъ. Вотъ главные пункты, на которые необходимо обратить вниманіе.

Во многихъ словахъ, заимствованныхъ изъ Арабскаго, господствующимъ по отношенію къ гармоніи гласныхъ, то-есть, по отношенію ко вліянію на сочетающіяся съ подобнымъ словомъ приставки (аффиксы), является не первый слогъ, какъ въ словахъ

чисто-Тюркскихъ, но слогъ послѣдній: гласный этого слога рѣшаетъ о природѣ гласныхъ во всѣхъ приставкахъ, служащихъ выраженіемъ извѣстныхъ словообразовательныхъ отношеній, въ которыхъ выступаетъ представленіе, обозначаемое кореннымъ слогомъ.

Русскія слова составлены по большей части изъ слоговъ, гласные которыхъ въ своей совокупности совершенно противорѣчатъ законамъ гармоніи гласныхъ Тюркскихъ нарѣчій. Поэтому при ихъ усвоиваніи этими послѣдними необходима ихъ передѣлка и приноровливаніе къ общегосподствующимъ законамъ. Это приноровливаніе совершается слѣдующимъ образомъ:

Одинъ изъ гласныхъ усвоиваемаго Русскаго слова, по обыкновенію уда́ренный (произносимый съ удареніемъ), считается главнымъ, господствующимъ, а всѣ остальные гласные приноровливаются къ нему или подчиняются ему. Такъ, напримѣръ, слово Аграфена (въ произношеніи) Сибирскихъ Русскихъ крестьянъ Аграфёна усвоивается Тюркскими племенами въ видѣ Огрöпöнö, при чемъ перевѣсъ получаетъ уда́ренный гласный *о́* (сопровождаемый смягченіемъ предшествующаго согласнаго) третьяго слога, переходящій въ Тюркскомъ въ *ö*, гласные же всѣхъ остальныхъ слоговъ ему уподобляются. Еслибъ это слово было усвоено сообразно съ законами гармоніи гласныхъ, свойственными природнымъ, незаимствованнымъ Тюркскимъ словамъ, въ такомъ случаѣ господствующимъ долженъ бы быть гласный *а* перваго слога, и все слово должно бы принять видъ Аграпана или т. п. Точно такъ же изъ Русскаго Петрушка произошло Тюркское Пöтушкä, а не Пäтішкä, изъ Русскаго исправникъ произошло Тюркское ыспраіныk вмѣсто іспрäінік или т. п., изъ здорово—тороба вмѣсто тараба или т. п., изъ повозка — пöуöскö вмѣсто пауаска или т. п., изъ котелъ—кöтöl вм. kатал или т. п., изъ купецъ—кöпöс вм. kупас или т. п. Въ тѣхъ усвоиваемыхъ изъ Русскаго словахъ, въ которыхъ дѣйствіе гармоніи гласныхъ въ только-что упомянутомъ направленіи совпадаетъ съ обыкновенною гармоніею гласныхъ незаимствованныхъ словъ, нельзя, конечно, отыскать настоящій источникъ измѣненія гласныхъ. Такъ, напримѣръ, гласные Тюркскихъ Пöдöр, kубырнатор (или кубыр) и т. д., развившихся изъ Русскихъ Өёдоръ, губернаторъ и т. д., могли принять такой видъ или подъ вліяніемъ гармоніи гласныхъ выходящей отъ перваго слога, или же подъ вліяніемъ гармоніи гласныхъ, руководимой слогомъ уда́реннымъ (который, впрочемъ, напримѣръ, въ словѣ Өёдоръ является вмѣстѣ съ тѣмъ первымъ слогомъ).

Подобнымъ же видоизмѣненіямъ подвержены гласные Тюркскихъ словъ, заимствованныхъ изъ языковъ Арабскаго и Персидскаго.

Сверхъ того, даже въ нѣкоторыхъ чисто-Тюркскихъ сложеніяхъ (то-есть, въ словахъ, составленныхъ изъ двухъ словъ), по отношенію къ гармоніи гласныхъ, слово предшествующее приноровливается къ слѣдующему, а не наоборотъ, не слѣдующее къ предшествующему. Такъ, напримѣръ, изъ сложенія мѣстоименія п у (этотъ) и существительнаго к ӱ н (день) выходитъ нарѣчіе п ӱ г ӱ н (сегодня), а не п у г у н, изъ о l (оный) и к ӱ н (день) — ӧ г ӱ н (послѣ завтра), а не о г у н, и т. п.

Самымъ важнымъ является при этомъ законъ усвоенія Тюркскими нарѣчіями Русскихъ и другихъ иноплеменныхъ словъ состоящій въ томъ, что гласные неудáренныхъ слоговъ подчиняются гласному слога удáреннаго, не смотря на его положеніе въ словѣ [1]. Сопоставляя этотъ частный звуковый законъ Тюркскихъ нарѣчій съ общимъ закономъ гармоніи (созвучія) гласныхъ въ Резьянскихъ говорахъ, мы должны будемъ прійти къ заключенію, что въ сущности оба эти звуковые законы вполнѣ тожественны, и все различіе между ними есть чисто количественное, то-есть, оно сводится къ относительному богатству словъ усвоенныхъ изъ чужихъ языковъ. Въ Тюркскихъ нарѣчіяхъ южной Сибири и Дзунгарской степи такихъ заимствованныхъ словъ весьма немного; въ Резьянскихъ же говорахъ, въ случаѣ, если мое предположеніе о происхожденіи Резьянъ изъ смѣси Славянъ съ Туранцами вѣрно, — заимствованными (съ Туранской точки зрѣнія) являются всѣ или, по крайней мѣрѣ, почти всѣ до настоящаго времени сохранившіяся слова.— Предположимъ, что какое нибудь Тюркское племя смѣшивается постепенно съ извѣстною частью какого либо Русскаго племени въ пользу этого послѣдняго, такъ-что, наконецъ, оно лишается мало-по-малу своего прежде роднаго языка и начинаетъ говорить исключительно по-Русски. Если при этомъ оно все-таки будетъ соблюдать законъ гармоніи гласныхъ, то усвоиваемыя имъ Русскія слова, замѣняющія собою и постепенно вытѣсняющія Тюркскій запасъ словъ, будутъ принимать видъ, обусловленный именно этимъ звуковымъ закономъ (гармоніи гласныхъ), дѣйствующимъ по направленію, свойственному вообще словамъ, заимствованнымъ изъ Русскаго языка, то-есть, по направленію отъ удáренныхъ слоговъ, импонирующихъ непривычному къ

[1]) То же самое имѣетъ мѣсто и въ Чувашскомъ языкѣ, какъ мнѣ сообщилъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ и изслѣдователей этого языка, Н. И. Золотницкій.

нимъ Тюркскому уху и чувству своею силою и выразительностью, къ слогамъ неудáреннымъ, а не, какъ это имѣетъ мѣсто въ чисто-Туранскихъ словахъ, отъ перваго слога къ слогамъ слѣдующимъ. Если мало-по-малу Тюркскія или Туранскія слова въ предполагаемомъ нами смѣшанномъ нарѣчіи выйдутъ изъ употребленія, то это вновь образованное смѣшанное нарѣчіе будетъ состоять исключительно изъ усвоенныхъ словъ, измѣнившихъ свои гласные по только-что названному направленію гармоніи гласныхъ. А — хотя бы даже и остались еще кое-какіе остатки отъ прежняго Тюркскаго или Туранскаго языковаго матеріала, то-есть, чисто Тюркскія слова, то они все-таки, очутившись въ значительномъ меньшинствѣ, должны бы, во-первыхъ, по аналогіи большинства словъ принять на одномъ изъ слоговъ выразительное Русское удареніе, и затѣмъ, тоже по аналогіи преобладающаго большинства, видоизмѣнить свои гласные по закону гармоніи гласныхъ, основанному на господствѣ удáреннаго слога. И тогда получится не болѣе, не менѣе, какъ такое точное же звуковое строеніе, какое мы встрѣчаемъ въ Резьянскихъ говорахъ.

Моя гипотеза о Славянско-Туранскомъ происхожденіи Резьянъ можетъ показаться многимъ читателямъ не только странною, но даже просто невѣроятною. Этихъ читателей я попрошу обратить вниманіе на происходившія въ началѣ среднихъ вѣковъ переселенія народовъ. Правда, нѣкоторые не вѣрятъ въ существованіе переселеній и, должно быть, думаютъ, что всѣ теперешніе Европейскіе народы живутъ въ тѣхъ же мѣстахъ, которыя были отведены имъ Провидѣніемъ еще при сотвореніи міра. Но мало ли какіе историческіе факты не удостоиваются признанія со стороны подобнаго рода скептиковъ, которые въ иныхъ случаяхъ вовсе не прочь повѣрить самымъ неправдоподобнымъ разсказамъ о разныхъ событіяхъ, противорѣчащихъ какъ здравому смыслу, такъ и извѣстнымъ законамъ природы. Для насъ же частныя переселенія народовъ представляютъ несомнѣнный и неизбѣжный результатъ того броженія Европейскихъ и Азіятскихъ народовъ и племенъ, и того, съ одной стороны, разлагающагося стараго, съ другой-же стороны, еще неустановившагося новаго государственнаго и общественнаго строя, которыми ознаменовалось начáло такъ-называемыхъ среднихъ вѣковъ. Въ числѣ этихъ переселяющихся, борющихся за свое существованіе и куда-то стремящихся народовъ и народцевъ, мы встрѣчаемъ тоже многіе народы и народцы Туранскаго или Тюрко-Финскаго племени, имена которыхъ сохранились въ историческомъ преданіи. Теперь спроси-

вается: куда дѣлись всѣ тѣ разные народы и народцы, непосредственныхъ потомковъ или продолжителей которыхъ мы не находимъ ни въ Азіи, ни въ Европѣ, ни въ Африкѣ? Неужели они такъ и пропали безъ вѣсти? Неужели всѣ они «погыбоша акы Обре», не оставивъ послѣ себя ни малѣйшаго слѣда своего существованія? На эти и этимъ подобные вопросы слѣдуетъ ожидать приблизительно вѣрныхъ отвѣтовъ уже не отъ исторіи, но отъ языковѣдѣнія или лингвистики (глоттологіи), и именно отъ тщательнаго, добросовѣстнаго и строгонаучнаго изслѣдованія разныхъ въ настоящее время живущихъ нарѣчій и говоровъ тѣхъ краевъ, черезъ которые проходили и въ которыхъ могли исчезнуть, то есть, лишиться своей этнографической національности куда-то затерявшіяся племена и народы. Діалектологія можетъ, хотя-бы только отчасти, оказать въ этомъ такую же услугу исторіи и этнологіи, какую изъ палеонтологіи извлекаетъ біологія, какъ совокупность генетической зоологіи и генетической ботаники.

Относительно участія Туранскаго элемента въ образованіи Резьянскаго народа, историческія соображенія, основанныя на преданіяхъ современниковъ, вовсе не отрицаютъ вѣроятности этой гипотезы, а, напротивъ того, подтверждаютъ возможность факта, ею предполагаемаго. На дняхъ я получилъ рецензію моего «Опыта фонетики Резьянскихъ говоровъ» и «Резьянскаго Катихизиса», написанную знаменитымъ Словенскимъ ученымъ археологомъ, миѳологомъ и лингвистомъ, Мартыномъ (Даворииномъ) Търстенякомъ, и напечатанную въ Мариборскомъ (Марбургскомъ) журналѣ «Zora» (štev. 7, dne 1 aprile 1876, то-есть, N 7, 1 апрѣля 1876) п. з.: «Ruskoslovansko slovstvo. Naznanja Davorin Trstenjak». Вотъ что̀ сказано въ этой книгѣ по поводу моей гипотезы о Туранскомъ вліяніи на образованіе Резьянскаго народа:

«....Въ первой книгѣ (то-есть, въ «Опытѣ фонетики Резьянскихъ говоровъ») авторъ высказываетъ важную мысль, что Резьяне представляютъ смѣсь Славянъ, что на нихъ вліялъ Туранскій (Монгольско-Татарско-Алтайскій) элементъ, точнѣе говоря, что Резьяне суть ославянившіеся Туранцы. Это возможно доказать тоже исторически. Обры (Авары) были друзьями Лонгобардовъ и съ самаго начала, когда еще жили съ ними въ дружескомъ союзѣ, часто посылали свои отряды на помощь Лонгобардамъ въ ихъ войнахъ съ Византійцами. Впослѣдствіи эта дружба порвалась, и Обры дрались съ Лонгобардами, поселившись въ верхней Италіи. Такъ, напримѣръ, Павелъ Діаконъ

(Paulus Diaconus) (l. IV. cap. 19) упоминаетъ, что въ 663 году Обры прибыли на просьбу короля Гримоалда, чтобы наказать его невѣрнаго полководца, мятежника Лупа. Каканъ, предводитель Обровъ, прибылъ съ большою арміей, и Лупа сражался три дня съ Каканомъ «in loco, qui Fluvius dicitur».

«Что уже тогда Славяне жили въ Карньолѣ (Carniola) и Фріулѣ (Forum Julii), извѣстно изъ того же Павла Діакона, поэтому я считаю этотъ fluvius рѣкою Резьей, и утверждаю, что слова Резья (Rezia) и Резьянъ (Rezjan), подъ вліяніемъ Венето-Итальянскаго языка, измѣняющаго согласный *c* (ч) въ *s* (с) (то-есть, z, з) (напримѣръ, ose—voce, osello—ucello), произошло изъ Reka и Rečan. Первоначальное Славянское произношеніе было затемнено и исковеркано Венето-Итальянскимъ [1]). Въ то время какой-нибудь отдѣлъ Обровъ или Обро-Славянъ могъ тамъ остаться; и опять изъ этихъ остатковъ могъ развиться Резьянскій народецъ и языкъ».

Въ присланномъ мнѣ экземплярѣ названной рецензіи г. Търстенякъ прибавилъ къ этому мѣсту слѣдующее рукописное примѣчаніе:

«Резьяне могутъ быть тоже остаткомъ Болгаръ (Болгаровъ), которые присоединились къ Лонгобардамъ и вмѣстѣ съ ними отправились въ Италію, какъ и говоритъ Павелъ Діаконъ (II, 26): ceterum est Alboin multos secum ex diversis, quos vel alii reges, vel ipse ceperat, ĝentibus ad Italiam adduxisse, unde usque hodie, in quibus habitant, vicos Gepidos, Bulgares, Sarmatas, Panonios, Suavos, Noricos appellamus (впрочемъ, Албоинъ привелъ съ собою въ Италію многихъ, которые были набраны или другими королями, или имъ же самимъ; по этому мы до сихъ поръ называемъ мѣстности, въ которыхъ они живутъ, Гепидами, Болгарами, Сарматами, Панонійцами, Свавами, Нориками).

Нѣкоторые лингвисты отрицаютъ подобное, фонетическое вліяніе однихъ языковъ на другіе, и все иностранное вліяніе на извѣстный языкъ сводятъ почти исключительно къ запасу словъ,

---

[1]) Въ этомъ ни коимъ образомъ нельзя согласиться съ Търстенякомъ. Слово Резья не могло развиться изъ слова рѣка (reka), которое въ Резьянскомъ должно бы принять форму ríka (ср. «Опытъ фонет. Резьян. гов.», §§ 120, 154). Упоминаемая же Павломъ Діакономъ мѣстность «Fluvius» относится, по всей вѣроятности, или къ рѣкѣ Недижѣ (Natisone), прорѣзывающей, между прочимъ, св.-Петровскій уѣздъ, или же къ одному изъ ея притоковъ. Въ настоящее время одинъ изъ этихъ притоковъ и носитъ прямо имя Рѣка (Rieka).

то есть, къ заимствованнымъ и усвоеннымъ словамъ. Но тѣмъ не менѣе тѣ же лингвисты весьма охотно допускаютъ вліяніе на языкъ со стороны климата, почвы, пищи и т. д.; à priori приписываютъ громадное значеніе, по отношенію къ развитію языка, тому, что извѣстный народъ потребляетъ значительное количество картофеля, выпиваетъ столько-то и столько пива или же вина, живетъ вблизи моря, или же вдали отъ него, на горахъ, или же въ долинахъ и т. п., хотя, впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ они на дѣлѣ не въ состояніи показать, какимъ это именно образомъ эти физическіе факторы проявляютъ предполагаемое дѣйствіе на тотъ или же другій изслѣдуемый языкъ. Конечно, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ этихъ физическихъ факторовъ имѣютъ довольно важное значеніе и должны быть принимаемы въ соображеніе. Но мнѣ кажется, что, во всякомъ случаѣ, гораздо необходимѣе допустить существенное, фонетическое и морфологическое, вліяніе на извѣстный языкъ другихъ языковъ, или сосѣднихъ ему, или же замѣненныхъ имъ, вслѣдствіе этнографическаго поглощенія говорившихъ на нихъ племенъ племенемъ, которому свойственъ именно извѣстный, въ данное время изслѣдуемый языкъ. Вѣдь языкъ и языкъ представляютъ величины гораздо болѣе соразмѣрныя, нежели языкъ и питье пива, или же языкъ и обиталище народа въ горахъ или же въ долинахъ. А чѣмъ соразмѣрнѣе извѣстныя величины, тѣмъ легче и тѣмъ вѣроятнѣе ихъ взаимодѣйствіе и обусловливаніе одной вліяніемъ другой.

При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ вида, что Резьяне живутъ въ точно такихъ же климатическихъ, географическихъ, гигіеническихъ и экономическихъ условіяхъ, какъ и ихъ южные Славянскіе сосѣди. Средняя температура ихъ долины, по всей вѣроятности, та же, что̀ и многихъ Славянскихъ мѣстностей въ уѣздахъ Джемонскомъ, Тарчентскомъ, Чидадскомъ (Чивидальскомъ) и св.-Петровскомъ. Почва, на которой живутъ и тѣ и другіе, то-есть, Резьяне и прочіе Славяне сѣверной Италіи, болѣе или менѣе одинакова, воздѣлывается одинаково и приноситъ одни и тѣ же плоды. Въ связи съ этимъ находится тожество средней пищи всѣхъ жителей этой части сѣверной Италіи. Высокія горы свойственны какъ родинѣ Резьянъ, такъ же точно и родинѣ ихъ Славянскихъ единоплеменниковъ, живущихъ въ Видемской (Удинской) провинціи б. Ломбардо-Венеціанскаго королевства. Родъ занятій во всѣхъ этихъ краяхъ одинаковъ и онъ сводится, главнымъ образомъ, къ хлѣбопашеству, совершаемому и здѣсь, и тамъ одинаковымъ образомъ,

къ скотоводству и, наконецъ, къ мелкой торговлѣ. Однимъ словомъ, нельзя ни коимъ образомъ установить опредѣленное различіе между внѣшними вліяніями, которымъ подвергаются Резьяне, и внѣшними вліяніями, дѣйствующими на Сербо-Хорватовъ сѣверной Италіи и на св.-Петровцевъ.

Чему же, слѣдовательно, приписать громадное различіе между говорами тѣхъ и другихъ, состоящее въ гармоніи (созвучіи) гласныхъ, свойственной Резьянскимъ говорамъ и совершенно чуждой говорамъ всѣхъ прочихъ сѣверо-Итальянскихъ Славянъ, равно какъ и всѣмъ остальнымъ Славянскимъ говорамъ и нарѣчіямъ? Неужели его слѣдуетъ приписать исконному, существенному различію происхожденія этихъ Славянскихъ племенъ, обусловленному тѣмъ, что они являются отпрысками двухъ уже давно обособившихся племенъ, отличавшихся и отличающихся другъ отъ друга рѣзкими особенностями, но тѣмъ не менѣе обоихъ чисто-Славянскихъ и чуждыхъ всякой иноплеменной или инородческой примѣси? Къ несчастію, это объясненіе не можетъ быть ни коимъ образомъ принято въ виду двухъ слѣдующихъ, весьма важныхъ, обстоятельствъ:

Во-первыхъ, въ своихъ чисто-Славянскихъ особенностяхъ Резьянскіе говоры вообще весьма сходны съ говорами южныхъ Славянскихъ сосѣдей Резьянъ, или, Сербо-Хорватовъ Джемонскаго и Тарчентскаго уѣздовъ; то-есть, Резьянскіе говоры, по своимъ чисто-Славянскимъ особенностямъ, сводятся къ тому же ближайшему началу, что̀ и говоры названныхъ южныхъ сосѣдей Резьянъ, въ противоположность другимъ группамъ Славянскихъ говоровъ. А однакоже упомянутая уже столько разъ гармонія (созвучіе) гласныхъ создаетъ между тою и другою группою говоровъ, то-есть, между говорами Резьянъ и говорами ихъ южныхъ сосѣдей, въ нѣкоторомъ отношеніи цѣлую пропасть.

Затѣмъ, выводъ этой специфически-Резьянской особенности изъ особенностей чисто-Славянскихъ, свойственныхъ болѣе древнимъ періодамъ развитія Славянскихъ языковъ, по-моему, просто немыслимъ. Мало того, на всемъ пространствѣ земнаго шара, занимаемомъ разнообразными Славянскими племенами, нельзя найти ни одного до сихъ поръ извѣстнаго племени, на говоръ котораго можно бы указать какъ на источникъ, изъ котораго съ теченіемъ времени, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства, могло бы развиться то, что̀, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ считать главною отличительною особенностью Резьянскихъ говоровъ, то-есть, гар-

монія гласныхъ. Нѣтъ тоже ни одного извѣстнаго Славянскаго говора, обладающаго фонетическою особенностью, которая могла бы быть сведена къ одному общему знаменателю съ Резьянскою гармоніею гласныхъ и считаться ея фонетическимъ эквивалентомъ.

Словомъ, какъ ни подходи къ Резьянской гармоніи гласныхъ, какъ ни старайся связать ее съ чисто-Славянскими и съ чисто-Аріо-Европейскими особенностями, не останавливаясь ни передъ какими натяжками, все-таки въ концѣ концевъ, долженъ будешь сознаться въ своемъ научномъ безсиліи и, затѣмъ, заявить, что безъ иностраннаго вмѣшательства тутъ ничего не подѣлаешь.

Впрочемъ, насъ не долженъ смущать этотъ отрицательный результатъ всѣхъ попытокъ, обойтись безъ иностраннаго вмѣшательства и вывести Резьянскую гармонію (созвучіе) гласныхъ изъ чисто-Славянскихъ началъ, неоскверненныхъ соприкосновеніемъ съ иностранною жизнью. Вѣдь разбираемый нами случай не представляетъ ничего исключительнаго, диковиннаго, выходящаго изъ ряда вонъ. Вѣдь къ подобному же объясненію посторонннимъ вліяніемъ извѣстныхъ фонетическихъ особенностей нужно прибѣгать не только при говорахъ Резьянскихъ, но и при изслѣдованіи многихъ другихъ языковъ, нарѣчій и говоровъ. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые пункты Французской, Англійской и т. п. фонетики остались бы темными, если бы не допустить при нихъ именно подобнаго смѣшенія или скрещенія фонетическихъ особенностей двухъ разнородныхъ языковыхъ индивидумовъ. Изслѣдованная знаменитымъ Итальянскимъ лингвистомъ, Г. И. Асколи (G. J. Ascoli) Ладинская полоса (Zona Ladina), состоящая изъ Швейцарскихъ Гриджіоновъ, Тирольскихъ Ладиновъ и Фурланъ (Фріулянъ), представляетъ, по его мнѣнію, результатъ реакціи языка какого-то исчезнувшаго племени на языкъ поглотившаго это племя племени Романскаго, или, въ ней (то-есть, въ Ладинской полосѣ) отражается какое-то однородное иноплеменное вліяніе на Романское племя, вліяніе, сходное отчасти съ иноплеменнымъ вліяніемъ на Романскую языковую почву, давшимъ, по мнѣнію же Асколи, начало Провенсальскимъ и Французскимъ говорамъ [1]).

Все это, однакожь, однѣ только гипотезы. Между тѣмъ у насъ на лице есть примѣры подобнаго смѣшенія языковъ, то есть, факты самымъ неоспоримымъ образомъ доказывающіе возможность суще-

[1]) См.. «Archivio glottologico Italiano, diretto da G. J. Ascoli. Volume primo, con una carta dialettologica. Roma, Torino. Firenze, Ermanno. Loescher. 1873.»

ственнаго фонетическаго вліянія одного языка на другій, при чемъ вліяющій языкъ исчезаетъ, вслѣдствіе именно того, что его носители, то-есть, говбрящее на немъ племя лишается своей этнографической національности въ пользу племени, языкъ котораго и сохраняетъ въ себѣ слѣды этого иностраннаго вліянія. Такъ, напримѣръ, мною изслѣдована группа Крайно-Словенскихъ (Словинскихъ) говоровъ, развившихся въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ прежде, болѣе или менѣе 50—60 лѣтъ назадъ, жили исключительно Нѣмцы, теперь же сыновья и внуки этихъ Нѣмцевъ не понимаютъ ни слова на когда-то мѣстномъ Нѣмецкомъ нарѣчіи и говорятъ исключительно по-Крайно-Словенски (Словински). Но теперешніе Крайно-Словенскіе говоры, свойственные этимъ ославянившимся Нѣмцамъ, не смотря на весь свой Славянскій строй и составъ, въ высокой степени отражаютъ въ себѣ особенности южно-Нѣмецкой фонетики. Это показываетъ, что то поколѣніе, которое въ названныхъ мѣстностяхъ явилось носителемъ переходнаго періода отъ Нѣмецкой этнографической національности къ Славянской, отнеслось ко всѣмъ словамъ усвоеннаго имъ Славянскаго говора, какъ къ словамъ иностраннымъ или заимствованнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, оно не могло отнестись иначе. Потому этотъ онѣмеченный Славянскій языкъ ославянившихся Нѣмцевъ въ окончательномъ результатѣ дѣлаетъ впечатлѣніе Славянскаго языка въ устахъ Нѣмцевъ: Нѣмцы эти забыли, такъ сказать, свой родный языкъ, стали говорить по-Славянски, но тѣмъ не менѣе съ чисто Нѣмецкимъ произношеніемъ. Конечно, со-временемъ вліяніе школы, церкви и сношеній съ сосѣдями чисто-Славянскаго происхожденія будутъ мало-по-малу сглаживать всѣ рѣзко выдающіяся особенности упомянутыхъ говоровъ, обусловленныя Нѣмецкимъ происхожденіемъ ихъ носителей, такъ-что, наконецъ, эти Нѣмецкія особенности сведутся до minimum'а, и почти нельзя будетъ отыскать хотя бы даже самые незначительные ихъ слѣды. Но допустимъ что упомянутые мною ославянившіеся Нѣмцы окружены, на подобіе Резьянъ, непроходимыми горами, что у нихъ нѣтъ школы, что священники проповѣдаютъ имъ и обучаютъ ихъ или на ихъ родномъ нарѣчіи, или же на какомъ либо иноплеменномъ, положимъ, Итальянскомъ или же Фурланскомъ языкѣ. Съ другой стороны, можно себѣ представить случай, что подобные ославянившіеся Нѣмцы, усвоившіе себѣ онѣмеченный Славянскій языкъ, или выселяются на какій нибудь островъ, или же мало-по-малу окружаются иноплеменниками, не-Славянами. Не подлежитъ сомнѣнію, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ они сохра-

нили бы свой ново-развившійся языкъ, который черезъ какихъ нибудь 500 лѣтъ, съ исчезновеніемъ историческаго преданія о когда-то совершившейся этнографической смѣси, сдѣлался бы настоящею загадкой для изслѣдующихъ его лингвистовъ.

Сопоставляя только-что названные Славянскіе говоры, отличающіеся Нѣмецкою фонетикой, съ говорами Резьянскими, можно по аналогіи предположить, что, какъ Нѣмцы, лишившіеся своего роднаго Нѣмецкаго говора и замѣнившіе его однимъ изъ говоровъ Славянскихъ, отнеслись ко всѣмъ словамъ усвоиваемаго ими Славянскаго говора, такъ же точно, во время совершенія предполагаемой мною этнографической смѣси Славянъ и Туранцевъ, давшей начало племени Резьянъ, Туранцы, вошедшіе въ составъ этого племени, могли отнестись ко всѣмъ словамъ усвоеннаго ими Славянскаго говора или же говоровъ: они стали говорить по-Славянски, но сохраняя нѣкоторыя чисто Туранскія фонетическія особенности.

Кромѣ фонетическихъ особенностей Резьянскихъ говоровъ, достойны вниманія Резьянскіе типы или Резьянскія физіономіи, въ сравненіи съ типами ихъ южныхъ сосѣдей. Конечно, ни краніологія, ни общее впечатлѣніе, производимое типами физіономій извѣстной мѣстности не могутъ считаться прочнымъ основаніемъ для антропологическихъ и этнографическихъ выводовъ: почва здѣсь чрезвычайно шатка, строгій методъ не выработанъ и вообще открыто поле для всевозможныхъ какъ честно-научныхъ увлеченій, такъ и шарлатанско-тенденціозныхъ натяжекъ. Но если на разстояніи нѣсколькихъ миль живутъ рядомъ два племени, говорящія, по видимому, на одномъ и томъ же языкѣ, и, казалось бы, вообще тѣсно связанныя другъ съ другомъ, а, тѣмъ не менѣе отличающіяся одно отъ другаго совершенно своеобразными и весьма несходными физіономіями,—то, во всякомъ случаѣ, подобный фактъ замѣчателенъ и заслуживаетъ самаго тщательнаго вниманія и добросовѣстнаго изслѣдованія. Важность подобнаго различія увеличивается, если нѣкоторыя фонетическія особенности создаютъ ничѣмъ неустранимую пропасть между говорами того и другаго племени. А именно нѣчто подобное имѣетъ мѣсто у Резьянъ, въ противоположность ихъ южнымъ сосѣдямъ Сербо-Хорватамъ Тарчентскаго и Джемонскаго уѣздовъ. Эти послѣдніе отличаются по преимуществу продолговатыми овальными лицами, бѣлымъ цвѣтомъ лица, бѣлокурыми волосами, голубыми глазами и вообще всѣми тѣми признаками, которые въ совокупности считаются принадлеж-

ностью Славянскаго племени. Этотъ Славянскій типъ въ особенности замѣтенъ у молодыхъ дѣвушекъ съ робкимъ, меланхолическимъ выраженіемъ глазъ и всего лица. Сохраненіе голубыхъ глазъ и бѣлокурыхъ волосъ тѣмъ удивительнѣе, въ виду того, что отличающееся ими племя живетъ въ довольно жаркомъ климатѣ, что другія племена, населяющія тѣ краи, лишены подобныхъ признаковъ и являются чистыми южанами, что южные Славяне вообще не принадлежатъ къ разряду народовъ бѣлокурыхъ и голубо-глазыхъ, и т. д. и т. д. Между тѣмъ, Резьяне, не смотря на попадающіяся между ними чисто Славянскія физіономіи, смахиваютъ по большей части на Венгерцевъ, или же на другіе имъ подобные народы. Скулы выдавшіяся, курчавые волосы, оливковый цвѣтъ лица, темные глаза и т. д.—вотъ отличительные признаки какъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, такъ и цѣлыхъ семей Резьянскихъ. Круглыя лица, вздернутые носы, прищуренные глаза, болѣе или менѣе обезьяньи физіономіи и т. д., господствуютъ въ самой отдаленной отъ входа въ Резьянскую долину деревнѣ Столбицѣ, населенной самыми некрасивыми Резьянами и Резьянками. Самыми благородными и самыми интелигентными физіономіями отличаются жители Бѣлой, самые же красивые люди, въ особенности же женщины—въ Нивѣ. Наконецъ, Осояне и Учья замѣчательны громаднымъ ростомъ своихъ обитателей и обитательницъ, впрочемъ, тоже нелишенныхъ въ общемъ извѣстной красоты. Конечно, какъ я уже замѣтилъ, не-Славянскіе типы перемѣшаны съ чисто-Славянскими. Это объясняется очень просто тѣмъ, что вѣдь, по-моему, Резьяне состоятъ изъ потомковъ не однихъ только Туранцевъ, но изъ потомковъ Туранцевъ и Славянъ. Необходимымъ слѣдствіемъ подобной этнографической смѣси, является наслѣдственность какъ типа, такъ и душевныхъ качествъ, въ трехъ главныхъ направленіяхъ: или преобладаетъ типъ Туранскій, или перевѣсъ на сторонѣ типа Славянскаго, или же оба они скрещиваются и, соединяясь въ одно гармоническое цѣлое, даютъ начало чему-то третьему, стоящему по серединѣ между тѣмъ и другимъ. Поэтому-то у Резьянъ можно встрѣтить даже цѣлую семью, которую съ трудомъ отличишь отъ прочихъ Славянъ тѣхъ краевъ; зато, съ другой стороны, есть семьи, производящія впечатлѣніе Венгерцевъ, Цыганъ или же вообще чего-нибудь подобнаго.

Относительно слабое Туранское и вообще инородческое вліяніе на образованіе Резьянскаго племени, кромѣ только-что упомянутаго довольно частаго появленія между ними чисто-Славянскихъ

типовъ, сказывается тоже въ языкѣ. Оно отразилось въ Резьянскихъ говорахъ одною только гармоніей (созвучіемъ) гласныхъ. При болѣе сильномъ Туранскомъ вліяніи, въ Резьянскихъ говорахъ были-бы совершенно невозможны многія сочетанія (группы) согласныхъ, (напримѣръ, *st*, *zd* и т. п.), произносимые Резьянами безъ всякаго затрудненія [1]), и т. п. Однимъ словомъ, не смотря на всю силу Туранскаго вліянія, привившаго Резьянскимъ говорамъ гармонію гласныхъ, противодѣйствіе со стороны чисто-Славянскихъ особенностей, было тоже весьма сильно и явилось виновникомъ сохраненія Резьянскими говорами ихъ преимущественно Славянскаго характера.

Резюмируя все вышесказанное, я ставлю окончательно слѣдующую гипотезу: Резьяне представляютъ смѣсь Славянъ съ какимъ-то отпрыскомъ Туранскаго племени (или, по крайней мѣрѣ, съ чѣмъ-то подобнымъ), или, точнѣе говоря, они произошли изъ смѣси Славянъ съ ославянившимися Туранцами [2]).

Указанное мною сходство Резьянскихъ говоровъ съ нарѣчіями Туранскаго племени, сознаётся отчасти и нѣкоторыми болѣе интеллигентными Резьянами. Такъ, напримѣръ, учительница мѣстнаго женскаго училища г-жа Джюсти, въ Раванцѣ, разговоривая со мною о трудностяхъ письменной передачи Резьянскихъ звуковъ, высказала, между прочимъ, мнѣніе, что «ta úndjarska gramátika ba bíla najbújša za nàš langàč» (Венгерское правописаніе было-бы самое подходящее для нашего языка) [3]).

Само собою разумѣется, что не всѣ Резьяне говорятъ на одномъ и томъ же говорѣ, и что, напротивъ, почти каждой мѣстности свойственъ особый, своеобразный говоръ. Сами Резьяне насчитываютъ десять слѣдующихъ видоизмѣненій своего роднаго нарѣчія: 1) въ Ра́ванцѣ, 2) въ Крижацахъ, 3) въ Липовцѣ, 4) въ Бѣлой, 5) въ Нивѣ, 6) въ Гоздѣ, 7) въ Лыщацахъ, 8) въ Осояхъ, 9) въ Учьѣ, 10) въ Столбицѣ. Но не всѣ видоизмѣненія одинаково важны и значительны. Всѣ они сводятся къ четыремъ главнымъ типамъ,

[1]) См. «Опытъ фонетики Резьянскихъ говоровъ», §§ 49—73.
[2]) Ib., § 296.
[3]) Не лишено интереса приведенное мною выше утвержденіе Джемонскаго адвоката Дзимоло, сообщенное графомъ Потоцкимъ въ его запискѣ о Резьянской долинѣ, а именно: что Резьяне происходятъ изъ семьи какого-то одного человѣка изъ свиты Аттилы.

различающимся въ значительной степени другъ отъ друга, а именно—къ говорамъ: 1) Липовско-Бѣльскому, 2) Нивскому, 3) Столбицкому и 4) Осойско-Учьярскому. Кромѣ того, нѣкоторыя общія черты роднятъ между собою говоры Нивскій и Столбицкій, въ противоположность двумъ остальнымъ.

Такъ какъ центральная Резьянская мѣстность, Раванца, составлена изъ выселенцевъ изъ Бѣлой, изъ Столбицы и изъ Нивы, то и говоръ, свойственный ея жителямъ, имѣетъ смѣшанный характеръ: въ немъ есть черты Бѣльскаго, Столбицкаго и Нивскаго говоровъ, но самостоятельныхъ, исключительно Раванскихъ чертъ, можно сказать, вовсе не имѣется. Сверхъ того, нѣкоторые недавно переселившіеся жители Раванцы говорятъ просто по Липовско-Бѣльски, другіе по-Столбицки, иные опять по-Нивски и т. д.

Характеристическія черты отдѣльныхъ Резьянскихъ говоровъ разобраны довольно подробно въ §§ 284—289 и въ §§ 297—298 моего «Опыта фонетики Резьянскихъ говоровъ», куда я и отсылаю любопытныхъ, ограничиваясь здѣсь этою общею замѣткой. Тѣмъ не менѣе я позволю себѣ обратить вниманіе на одно обстоятельство, весьма важное не только въ лингвистическомъ, но и вообще въ этнографическомъ отношеніи. Это обстоятельство состоитъ въ слѣдующемъ:

Между тремя группами Резьянскихъ говоровъ, группою Липовско-Бѣльскою, Нивско-Столбицкою и Осойско-Учьярскою, имѣются различія, слишкомъ значительныя дя того, чтобы можно было объяснять ихъ однимъ только своеобразнымъ развитіемъ одного и того же общаго когда-то всѣмъ Резьянамъ цѣльнаго говора. Такъ, напримѣръ, между Нивою и Осоянами меньше чѣмъ 1½ версты (не больше 10-ти минутъ) разстоянія, при чемъ они не раздѣлены ни рѣкою, ни горою, ни какою бы то ни было естественною преградой, а однако же между говорами жителей той и другой мѣстности мы видимъ относительно-громадное различіе. Подобныя различія я объясняю себѣ тѣмъ, что теперешнее Резьянское племя составилось изъ частей нѣсколькихъ Славянскихъ племенъ уже въ то время отличавшихся извѣстными, хотя и незначительными, діалектическими особенностями, и затѣмъ подвергшихся одинаковому инородческому, и именно Туранскому, вліянію.

Особенно интересенъ въ этомъ отношеніи Бѣльскій или Липовско-Бѣльскій говоръ, стоящій особнякомъ между всѣми остальными и выказывающій совершенно своеобразныя фонетическія черты, какъ со стороны чисто-Славянскихъ особенностей, такъ и со сто-

роны предполагаемаго мною Туранскаго вліянія, выразившагося, главнымъ образомъ, въ гармоніи (созвучіи) гласныхъ. Темные гласные и основанная на ихъ противоположности гласнымъ яснымъ гармонія гласныхъ проявляются въ Бѣльскомъ говорѣ въ гораздо меньшей степени, чѣмъ въ другихъ Резьянскихъ говорахъ. Поэтому мнѣ кажется, что предполагаемое мною чужое вліяніе только слегка коснулось Бѣльскаго говора, и не отпечатлѣлось въ его звуковомъ составѣ такъ сильно, какъ въ звуковомъ составѣ другихъ говоровъ. Это слѣдуетъ объяснить или тѣмъ, что процентъ предполагаемыхъ иноплеменниковъ былъ въ Бѣлѣ меньше, нежели въ остальныхъ деревняхъ, или же тѣмъ, что предки теперешнихъ обитателей Бѣлы поселились въ Резьѣ позже, чѣмъ остальные Резьяне, и, принесши съ собою уже съ самого начала существенно различное нарѣчіе. какъ будто бы только немножко заразились отъ прочихъ говоровъ привитою имъ чужою болѣзнью. Это послѣднее предположеніе кажется очень вѣроятнымъ въ виду того, что Бѣла лежитъ собственно у входа въ обитаемое пространство Резьянской долины, пользуется же пастбищами («полонинами», «планинами») самыми отдаленными и, стало-быть, самыми неудобными, расположенными по обѣимъ сторонамъ Учейской котловины какъ-то: Межами, Расухою, Испицею, Таморомъ и т. д., тогда какъ всѣ болѣе близкія и болѣе удобныя пастбища, Нивица, Карница и др.. заняты жителями Нивы и другихъ деревень. Несправедливость подобнаго раздѣла сознаётся всѣми Резьянами и, даже, для ея оправданія, существуетъ преданіе, съ которымъ я постараюсь ознакомить читателей.

Приблизительно на половинѣ дороги, ведущей изъ Нивы на полонину Карницу, стоитъ большій камень, приспособленный къ тому, чтобы на немъ можно было удобно усѣсться и отдохнуть. И въ самомъ дѣлѣ: всѣ или взбирающіеся на полонины, или же спускающіеся въ долину, останавливаются въ этомъ мѣстѣ, и отдыхаютъ, чтобы запастись силами для дальнѣйшаго путешествія. Оттого этому мѣсту и присвоено названіе Почивалица (Počiwálca, Pučiwálca). Все это, конечно, не представляетъ ничего особеннаго. Но на лицевой (обращенной къ тропинкѣ) сторонѣ этого камня, по обоимъ краямъ его, вырѣзаны два креста, наклоненные къ горизонтальной линіи болѣе или менѣе подъ 45°, и обращенные другъ къ другу верхушками. Когда и кѣмъ были вырѣзаны эти кресты неизвѣстно. Только въ устномъ преданіи живетъ слѣдую-

щее объясненіе ихъ происхожденія, которое я сообщу въ двухъ варіантахъ.

1) «Въ древнія времена, когда только Резья начала населяться, были два брата: у одного былъ домъ въ Бѣлой, у другаго же въ Нивѣ. У нихъ завязался въ гостинницѣ споръ (kontrášt) изъ-за полонины. Такъ какъ они не могли согласиться на счетъ этой полонины, то и условились, въ пьяномъ видѣ, что тотъ, кто на слѣдующее утро встанетъ раньше и въ извѣстномъ мѣстѣ и на извѣстномъ камнѣ сдѣлаетъ крестъ, тотъ и завладѣетъ первою, лучшею полониной на Карницѣ. На слѣдующее утро (zútra dín), когда Бѣльскій братъ пришелъ на условленное мѣсто, онъ засталъ тамъ Нивскаго брата, успѣвшаго уже сдѣлать крестъ на камнѣ. Такимъ образомъ Нивскій братъ получилъ первую, ближайшую полонину, Карницу».

2) «У Крестовъ («при Крижахъ», ta dǒloe par Križíh) (другое названіе Почивалицы) въ древнія времена были два брата, одинъ Бѣльскій (te bíski), другой — Нивскій (te ńývašky и т. п.). Они условились (tö sa rumunýlö), что тотъ, кто встанетъ раньше, долженъ сдѣлать крестъ (kríž) на камнѣ (tòu jití pitjè). Нивскій всталъ раньше (böj zhúda), и, когда Бѣльскій пришелъ, Нивскій уже сдѣлалъ крестъ. И первый крестъ завладѣлъ первою полониной, второй же крестъ—второю полониной (to sohónt planýno) Первая полонина носитъ названіе Карницы, вторая же — Учьи или же Тамора. Эти два брата были, вмѣстѣ съ тѣмъ, двумя первыми Резьянами.

Въ связи съ этимъ преданіемъ находится тоже преданіе (легенда) о мѣстности Господница, которое отчасти сообщено выше при исчисленіи населенныхъ и ненаселенныхъ мѣстностей и урочищъ Резьи, отчасти же будетъ приведено послѣ, гдѣ я вообще говорю о преданіяхъ и сказаніяхъ, касающихся происхожденія и исторіи Резьянъ.

Замѣчательно и, можетъ быть, не лишено значенія для вопроса о разноплеменности Резьянъ то обстоятельство, что деревнѣ Бѣлой присвоено тоже названіе Весь (tùu Wasè), то есть деревня по преимуществу, тогда какъ остальнымъ деревнямъ совершенно чуждо упомянутое названіе. Только еще одну часть деревни Столбица зовутъ тоже Весь.

Какъ бы то ни было, я думаю, что уже одни чисто лингвистическія соображенія даютъ мнѣ право сдѣлать слѣдующій гипотетическій выводъ:

Резьянскую долину, вмѣстѣ съ частью Учейской котловины, населяють три различныя, изъ разныхъ мѣстностей и, можетъ быть, даже въ разное время пришедшія Славянскія племени. Одному изъ нихъ свойственъ Бѣльскій говоръ съ его видоизмѣненіями. Второе племя населяетъ Ниву, Столбицу и т. д. Наконецъ, третьему племени обязаны своимъ происхожденіемъ Осояне, Учья и т. д. Общія различія между свойственными этимъ племенамъ говорами должны были быть въ началѣ даже больше, чѣмъ въ настоящее время, или, по крайней мѣрѣ, они носили въ себѣ зародыши гораздо бо́льшихъ различій. Но эти различія были сглажены, съ одной стороны, одинаковымъ чужимъ, Туранскимъ или т. п., вліяніемъ, придавшимъ всѣмъ Резьянскимъ говорамъ отпечатокъ одной общей индивидуальности, съ другой же стороны постоянными взаимными сношеніями, географическою общностью и чутьемъ принадлежности къ одному и тому же Резьянскому племени, считаемому самими Резьянами чѣмъ-то совершенно особымъ, въ противоположность какъ Романскимъ, такъ же точно и Славянскимъ, непосредственно съ ними соприкасающимся племенамъ [1]).

Даворинъ (Мартынъ) Търстенякъ (Davorin Trstenjak), въ упомянутой выше рецензіи моихъ сочиненіяхъ о Резьянскихъ говорахъ [2]), соглашаясь вполнѣ съ этимъ моимъ выводомъ, прибавляетъ къ нему еще слѣдующее предположеніе:

«Я объяснилъ бы себѣ это обстоятельство такимъ образомъ: въ этой мѣстности (то есть въ Резьѣ) живутъ соединенные остатки древнихъ Венетовъ, древнихъ Славянскихъ Норичанъ и Хорватско-Сербскихъ отрядовъ, прибывшихъ туда въ VI-мъ столѣтіи послѣ Рождества Христова. Вѣдь самъ авторъ утверждаетъ, что Славянскіе обитатели Джемонскаго, Тарчентскаго и Чивидальскаго уѣздовъ принадлежатъ не къ Словенскому, но къ Сербо-Хорватскому племени, и именно къ его западной, приморской или Чакавской отрасли. Точно также въ св.-Петровскомъ уѣздѣ авторъ нашелъ Сербо-Хорватскій говоръ, подвергшійся, однакожъ, вліянію Словенскаго языка».

Это предположеніе Търстеняка заходитъ слишкомъ далеко, называя по имени Славянскія племена, населившія будто бы Резьянскую долину. Кромѣ того, Търстенякъ ставитъ въ этомъ случаѣ исходною точкой совершенно неизвѣстныя и неопредѣленныя вели-

---

[1]) Ср. «Опытъ фонетики Резьянскихъ говоровъ», §. 299 и § 300. (Положенія).

[2]) Въ Словенскомъ журналѣ «Zora», № 7, 1 апрѣля 1876 года.

чины. Такими неизвѣстными и неопредѣленными величинами являются здѣсь «древніе Венеты» и «древніе Славянскіе Норичане». Прежде всего слѣдуетъ доказать, что Венеты и Норичане были Славянами, и доказать это неоспоримыми фактами и безукоризненно-точными дедуктивными соображеніями. Затѣмъ нужно показать, съ какимъ изъ извѣстныхъ Славянскихъ племенъ находились въ ближайшемъ этнографическомъ родствѣ упомянутые Венеты и Норичане, и какими свойствами отличались языки и нарѣчія, на которыхъ они говорили. Только когда все это будетъ сдѣлано, можно будетъ вводить въ кругъ лингвистическихъ и этнографическихъ изслѣдованій признанные Славянскими Венетскіе и Норицкіе языки и племена. Пока же слѣдуетъ довольствоваться отрицательными выводами и совершенно общими, неопредѣленными гипотезами и предположеніями.

Вообще можно замѣтить, что тѣ краи, въ составъ которыхъ входитъ Резья, принадлежатъ къ самымъ интереснымъ въ этнографическомъ и этнологическомъ отношеніи. Здѣсь несомнѣнно происходили различныя разновременныя наслоенія одноплеменныхъ народовъ, прежде всего—Славянскихъ. Здѣсь смѣшенія и скрещиванія разнородныхъ этнографическихъ элементовъ могли дать начало такъ-называемымъ смѣшаннымъ національностямъ и языкамъ [3]).

Возвращаясь еще къ спеціальному вопросу разноплеменности Резьянъ и разнообразія Резьянскихъ говоровъ, считаю нелишнимъ привести мнѣніе самихъ Резьянъ объ ихъ отдѣльныхъ говорахъ. И такъ, между прочимъ, Бѣльскій говоръ они считаютъ самымъ чистымъ, и утверждаютъ, что онъ болѣе всѣхъ прочихъ годится для письменнаго употребленія. Нивскій же говоръ, отличающійся особенною мягкостью и своеобразною шепелявостью, считается самымъ элегантнымъ и, вслѣдствіе этого, является-де самымъ пригоднымъ для разговора: устранивъ изъ него только одинъ звукъ (носовое ę), можно бы, по мнѣнію нѣкоторыхъ Резьянъ, пользоваться имъ, какъ общимъ разговорнымъ языкомъ всей Резьи.

Съ разнообразіемъ Резьянскихъ говоровъ связанъ мѣстный, деревенскій патріотизмъ и взаимныя насмѣшки жителей отдѣльныхъ деревень. Въ каждой деревнѣ думаютъ, что они говорятъ лучше всѣхъ остальныхъ; хотя, впрочемъ, напримѣръ, Петръ Голянда считалъ свой родный, Осойско-Учейскій говоръ самымъ «грубымъ». Довольно часты взаимныя обвиненія жителей отдѣльныхъ деревень

---

[3]) Ср. «Опытъ фонетики Резьянскихъ говоровъ», § 300, Положеніе 2.

въ невнятномъ произношеніи, и т. д. Въ Нивѣ мнѣ довелось слушать слѣдующее изреченіе: «ti šolbaški rumuníjo rúšpíh, ánu ti ńívaški rumuníjo dòlč, mílna bisída» (жители Столбицы говорятъ грубо, неотесанно, а жители Нивы говорятъ нѣжно, съ пріятнымъ произношеніемъ).

Что касается легкости усвоенія себѣ чужихъ языковъ, жители Нивы и Бѣлой слывутъ, какъ лучше остальныхъ говорящіе по-Нѣмецки; по-Итальянски и по Фурлански легче всего выучиться-де жителямъ Столбицы; наконецъ, жители Осоянъ не въ состояніи будтобы выучиться правильно говорить по-Нѣмецки, но зато они легче всѣхъ прочихъ усвоиваютъ себѣ Словенскій языкъ.

О различіи общаго типа физіономій въ отдѣльныхъ деревняхъ я говорилъ выше.

Фонетическія особенности Резьянскихъ говоровъ изложены мною въ «Опытѣ фонетики Резьянскихъ говоровъ». На нѣкоторыя же особенности морфологическія (склоненіе, спряженіе и образованіе словъ) и синтаксическія я указываю въ «Резьянскомъ Катихизисѣ». Поэтому, отсылая къ названнымъ сочиненіямъ всѣхъ тѣхъ, кто интересуется подобными вопросами [1]), считаю нелишнимъ сказать и здѣсь нѣсколько словъ объ отличительныхъ свойствахъ Резьянскихъ говоровъ, и, такимъ образомъ, хотя-бы только въ самыхъ

---

[1]) Для того, чтобы дать руководящую нить при употребленіи этихъ двухъ книгъ, я позволю себѣ указать на слѣдующія ихъ стороны: Новыя, прежде неизвѣстныя подробности можно найти въ каждомъ §-ѣ «Опыта фонетики Резьянскихъ говоровъ», такъ какъ помѣщенное въ немъ изслѣдованіе основано на матеріалѣ, о которомъ ученые, изучающіе Славянскіе языки и нарѣчія, имѣли только весьма смутное и неопредѣленное понятіе. О нѣкоторыхъ спеціально-Резьянскихъ звукахъ и различіяхъ звуковъ говорится въ §§ 11, 12. 18, 29 и т. д. Раздѣленіе согласныхъ на новыхъ началахъ даетъ § 1.—Новые способы объясненія нѣкоторыхъ фонетическихъ явленій, измѣненій и соотвѣтствій звуковъ и т. п. сообщены въ §§ 22, 30—32, 74—76, 77, 79, 83 (ср. дополненіе на стр. 127), 88, 89 слѣд., 100, 103, 124, 128, 129, 249, 260 и т. д. Въ области гласныхъ новымъ является сопоставленіе качественныхъ измѣненій и различій гласныхъ съ разными оттѣнками Сербо-Хорватскаго ударенія и долготы (§§ 104 слѣд.). Законы Резьянскаго ударенія сообщены въ §§ 151—168, законы, касающіеся преимущественно отношеній долготы и краткости,—въ §§ 195—205, интересный случай такъ-называемаго подъема гласныхъ въ § 210 и т. д. Фактъ гармоніи (созвучія) гласныхъ, придающей Резьянскимъ говорамъ свой особый отпечатокъ, въ противоположность всѣмъ остальнымъ нарѣчіямъ Славянскимъ, изложенъ въ §§ 211—248 (ср. тоже дополненіе на стр. 128). Вліяніемъ аналогіи и народнаго словопроизводства объясняются разныя звуковыя явленія въ §§ 267—283. Общимъ выводамъ посвящены §§ 284—299. Новые взгляды на этнографическое родство другихъ Славянъ сѣверной Италіи и т. д., на классификацію языковъ вообще и т. д. можно читать въ § 300, то-есть, въ «Положеніяхъ».

общихъ чертахъ, познакомить съ ними читателей, которые никогда не заглянутъ ни въ «Опытъ фонетики Резьянскихъ говоровъ», ни въ «Резьянскій Катихизисъ». Сверхъ того, мнѣ хочется сообщить здѣсь нѣсколько данныхъ, о которыхъ я вовсе не упоминаю въ названныхъ только-что сочиненіяхъ, и которыя отчасти не лишены интереса даже для образованной публики вообще, потому что они затрогиваютъ психическую, историческую и такъ-называемую бытовую сторону жизни Резьянскаго народа. Вслѣдствіе этого, сообщаемыя здѣсь лингвистическія подробности распадаются на двѣ части: однѣ изъ нихъ являются только извлеченіемъ изъ напечатаннаго уже въ «Опытѣ фонетики Резьянскихъ говоровъ», другія же не были еще вовсе обнародованы. Къ первой категоріи принадлежитъ коротенькая табличка Резьянскихъ звуковъ съ показаніемъ ихъ произношенія въ Русской транскрипціи и, по крайней мѣрѣ, при нѣкоторыхъ изъ нихъ, съ физіологическимъ объясненіемъ этого произношенія, ко второй же—все остальное.

I. Таблица Резьянскихъ звуковъ.

1. Согласные.

p произносится болѣе или менѣе какъ Русское *п*.
b » » » » » » *б*.
m » » » » » » *м*.

w есть чистое губное *v* (Русское *в*), выражаемое точно такъ же, то-есть, буквою *w*, между прочимъ, въ Англійскомъ алфавитѣ.

f произносится болѣе или менѣе какъ Русское *ф*.
v » » » » » » *в*.
t » » » » » » *т*.
d » » » » » » *д*.
n » » » » » » *н*.
s » » » » » » *с*.
z » » » » » » *з*.
r » » » » » » *р*.

l является среднимъ, ни твердымъ, ни мягкимъ согласнымъ. Такое *l* свойственно Романскимъ и Германскимъ нарѣчіямъ вообще, а въ Славянской области говорамъ Сербо-Хорватскимъ, Крайно-Словенскимъ, живущимъ вблизи Романскаго племени, Чешскимъ почти исключительно и т. д. Въ Резьянскихъ говорахъ нѣтъ ни твердаго Русскаго *лъ*, ни мягкаго Русскаго *ль*.

k произносится болѣе или менѣе какъ Русское *к*.
g » » » » » » *г*.
š » » » » » » *ш*.
ž » » » » » » *ж*.
j » » » » » Сербское, Хорватское, Чешское, Польское и т. д. *j* (Русское *й* или же *я*, *е*, *ю* и т. д., на сколько этими буквами обозначается въ началѣ слоговъ сочетаніе именно этого согласнаго *j* съ гласными *а*, *э*, *у* и т. д.).

tj (въ «Опытѣ фонетики Резьян. гов.» ђ) произносится болѣе или менѣе какъ Сербское ћ (Хорватское ć) то-есть, нѣчто среднее между *ть* и *чь*, впрочемъ ближе къ *ть*, нежели *чь*).

dj (въ «Опытѣ фонетики Резьян. гов.» ђ) произносится болѣе или менѣе какъ Сербское ђ (Хорватское *dj* или *gj*) то-есть, нѣчто среднее между *дь* и *джь*, впрочемъ, ближе къ *дь*, нежели къ *джь*.

Оба эти согласные, *tj* и *dj*, произносятся совершенно такъ же, какъ соотвѣтствующіе имъ согласные западно-Сербскихъ (преимущественно же «чакавскихъ») говоровъ (обозначаемые въ Сербскомъ алфавитѣ черезъ ћ и ђ, въ Хорватскомъ же черезъ ć и *dj* или *gj*). Сущность этого произношенія состоитъ въ томъ, что одновременно съ уложеніемъ языка, свойственнымъ согласному *j*, на переднемъ краѣ этого поверхностнаго приближенія передней части языка къ нёбу образуется линейное сжатіе или закрытіе (замкнутіе), производящее само по себѣ нѣчто въ родѣ *t* или же *d*. Слѣдовательно, это мягкое *t* или же *d*, входящее въ составъ *tj* или же *dj*, не есть обыкновенное Резьянское *t* или же *d*, образуемое концемъ языка, но *t* или же *d*, порождаемое сближеніемъ передняго края средней поверхности языка съ нёбомъ.

ń произносится болѣе или менѣе какъ Русское мягкое *н* или *нь*, Сербское *нь* (Хорватское *nj*), Польское ń и т. д.

h Резьянскихъ говоровъ не есть ни Русское *х* (обозначаемое въ азбукахъ Нѣмецкой, Чешской, Польской и т. д. сочетаніемъ буквъ *ch*, въ Хорватской же и Словинской—буквою *h*), ни мало-Русское *г* (въ Чешской азбукѣ *h*), но чисто зѣвное придыханіе (spiritus), въ томъ же родѣ, какъ Нѣмецкое *h* или же Французское «*h* aspiré». Но способъ произношенія этого Резьянскаго *h* разнится отъ способа произношенія Нѣмецкаго и Французскаго. Однакожь, я не могу сказать, въ чемъ состоитъ эта разница, такъ какъ это есть именно единственный Резьянскій согласный, не совсѣмъ понятный для меня.

c произносится болѣе или менѣе какъ Русское *ц*.

č „ „ „ „ „ „ *ч*.

dž (въ «Опытѣ фонет. Резьян. гов.» ž) (только въ иностранныхъ словахъ) произносится болѣе или менѣе, какъ *жд*, то-есть, какъ Русское *ж* въ словахъ ѣзжу, поѣзжай, разъѣзжать и т. п., или какъ Польское dž въ ježdžę, drožd že и т. д., то-есть, оно находится точно въ такомъ же отношеніи къ č (*ч*), въ какомъ находятся š (*ш*) къ ž (*ж*), *s* (*с*) къ *z* (*з*), и т. п.

dz (тоже только въ иностранныхъ словахъ) произносится болѣе или менѣе какъ дз (но совершенно слитно); это есть звонкій согласный для глухаго *c* (*ц*) распадаются, прежде всего, на два отдѣла, ясные или звонкіе и темные или глухіе. Между ясными можно различать чистые и носовый.

2. Гласные.

Ясными (звонкими) чистыми являются *a*, *o*, *e*, *u*, *i*,
Яснымъ носовымъ „ ẽ,
Темными (глухими) „ *ö*, *œ*, *ü*, *y*.

Гласные ясные чистые (*a*, *o*, *e*, *u*, *i*) не требуютъ ни какого объясненія. Они болѣе или менѣе тожественны съ гласными другихъ Славянскихъ нарѣчій, обозначаемыми въ Латино-Славянскомъ алфавитѣ тѣми же буквами. Въ Русской транскрипціи ихъ можно бы передать начертаніями *а*, *о*, *э*, *у*, *и* или *i* (но безъ выраженія смягченія предшествующаго согласнаго, или же безъ выраженія сочетающагося съ гласнымъ *i* согласнаго *j* или даже *ы* (въ сочетаніи, напримѣръ, съ предшествующимъ *ц* или т. п.).

Носовый гласный ẽ свойственъ одному только Нивскому говору, и развился въ немъ подъ вліяніемъ согласныхъ *m*, *n* или ń. Но этотъ носовой гласный не принадлежитъ вовсе къ категоріи носовыхъ гласныхъ свойственнымъ, напримѣръ, языкамъ Польскому и Французскому. Французскіе или же Польскіе носовые гласные начинаются чистымъ гласнымъ, который, затѣмъ, сопровождается носовымъ отзвукомъ, длящимся иногда еще послѣ уничтоженія гласнаго раствора и въ сочетаніи со слѣдующими взрывными согласными, развивающимся въ настоящій носовый согласный *m* (*м*), *n* (*н*) и т. д. Напротивъ того, носовый отзвукъ, свойственный Резьянскому ẽ, начинается и окончивается вмѣстѣ съ составляющимъ его гласную сущность чисто-гласнымъ элементомъ *e*.

Темные или глухіе гласные *ö*, *œ* (въ «Опытѣ фонетики Резьянскихъ говоровъ» для него придуманъ особый знакъ, состоящій изъ слитія въ одно начертаніе начертаній *o* и *e*, то-есть, *œ*)

ŭ, *у*, составляютъ главную трудность Резьянской фонетики. Я не въ состояніи описать съ надлежащею точностью физіологическія условія, результатомъ которыхъ являются эти звуки, и долженъ ограничиться слѣдующими, далеко не удовлетворительными соображеніями:

Во время произношенія этихъ гласныхъ кадыкъ (Адамово яблоко) опускается по возможности ниже, вся гортань удлиняется и напрягается, а конецъ языка высовывается впередъ между верхними и нижними зубами. Отъ такого своеобразнаго уложенія гортани и своеобразнаго напряженія голосовыхъ связокъ происходитъ тотъ глухій звукъ, который всѣмъ этимъ гласнымъ придаетъ характеръ гласныхъ, произносимыхъ глухонѣмыми. И въ самомъ дѣлѣ: слыша Резьянъ изъ далека и не будучи прежде ознакомленнымъ съ ихъ языкомъ, можно иногда подумать, что это говорятъ глухонѣмые. Отъ высовыванія же конца языка между обоими рядами зубовъ зависитъ тотъ особенный оттѣнокъ англійскаго *th* или ново-Греческаго δ, свойственный согласнымъ сочетающимся съ разсматриваемыми здѣсь гласными. Противовѣсъ этимъ низкимъ, темнымъ, глухимъ гласнымъ составляютъ обыкновенные гласные чистые, при которыхъ кадыкъ только немного удаляется отъ нормальнаго своего положенія, языкъ же не совершаетъ никакихъ особенныхъ движеній. Если смотрѣть на шею говорящаго Резьянина, можно замѣтить постоянный переходъ отъ возможно глубокаго опущенія кадыка къ его относительно высокому поднятію. На противоположности этихъ двухъ категорій гласныхъ, ясныхъ (звонкихъ) и темныхъ (глухихъ), основана, между прочимъ, характеристическая фонетическая черта Резьянскихъ говоровъ, гармонія (созвучіе) гласныхъ, о которой я говорилъ, разбирая вопросъ о происхожденіи Резьянскаго народа.

Что касается т е м н ы х ъ гласныхъ въ отдѣльности, то, кромѣ только-что описаннаго общаго имъ всѣмъ уложенія кадыка и языка, они образуются слѣдующими растворами полости рта:

ŏ растворомъ, свойственнымъ приблизительно Нѣмецкому ö или же Французскому *eu*.

œ растворомъ, среднимъ между уложеніемъ полости рта для *е* и ея уложеніемъ для *о*, но болѣе близкимъ къ *е*, нежели къ *о*.

ŭ растворомъ Нѣмецкаго ü или же, еще точнѣе, Французскаго *u*, наконецъ

u растворомъ гласнаго *i*, образуемаго, между прочемъ, сближеніемъ задней части языка и нёба, то-есть, растворомъ съ уложеніемъ губъ, какъ для *i*, и уложеніемъ языка, какъ для *u* (*у*);

вслѣдствіе этого Резьянскій гласный *у* смахиваетъ въ этомъ отношеніи на Русскій *и*.

Разумѣется, что описанные здѣсь основные гласные моменты далеко не исчерпываютъ всего богатства разныхъ качественныхъ оттѣнковъ гласныхъ, существующихъ въ самомъ дѣлѣ въ Резьянскихъ говорахъ. Съ одной стороны, въ одномъ и томъ же говорѣ слышны разныя болѣе или менѣе значительныя видоизмѣненія основныхъ гласныхъ, или, разные переходные гласные, съ другой же стороны, одинъ и тотъ же гласный разнообразится въ отдѣльныхъ говорахъ. Къ первой категоріи принадлежатъ, напримѣръ, широкое, среднее и узкое *е*, широкое, среднее и узкое *о* и т. п., встрѣчаемые рядомъ въ одномъ и томъ же говорѣ, и т. д. Ко второй категоріи, слѣдуетъ причислить, между прочимъ, тотъ фактъ, что въ Бѣльскомъ говорѣ характеристическіе Резьянскіе гласные далеко не такъ выразительны, какъ въ другихъ говорахъ, въ особенности же въ Осойско-Учейскомъ и т. д.

Кромѣ качественныхъ различій и оттѣнковъ Резьянскихъ гласныхъ необходимо принимать во вниманіе и ихъ различія и оттѣнки количественные, состоящіе или въ противоположности долготы и краткости, то-есть, въ противоположности болѣе краткаго и болѣе продолжительнаго произношенія, или же въ противоположности гласныхъ удáренныхъ и неудáренныхъ, то-есть, въ произношеніи нѣкоторыхъ слоговъ съ бóльшимъ напряженіемъ, нежели другихъ.

Для обозначенія разныхъ оттѣнковъ ударенія и временнаго количества гласныхъ, я принялъ слѣдующіе знаки:

` (напримѣръ, à, è, ì и т. д.) рѣшительно краткое, отрывистое, усѣченное удареніе,

^ (напримѣръ, â, ê, î и т. д.)—рѣшительно долгій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, удáренный гласный,

´ (напримѣръ, á, é, í и т. д.) обозначаетъ вообще удареніе, но, относительно количества, я не могу въ данномъ случаѣ сказать, есть ли тáкъ обозначенный гласный долгъ, или же кратокъ.

II. Нѣкоторыя особенности Резьянскихъ говоровъ и Резьянской рѣчи вообще, неупомянутыя ни въ «Опытѣ фонетики Резьянскихъ говоровъ», ни въ «Резьянскомъ Катихизисѣ».

1. Особенности, характеризующія, главнымъ образомъ, міросозерцаніе и вообще психическую сторону жизни Резьянскаго народа.

а) Цвѣта голубой вмѣстѣ съ синимъ и зеленый не различаются въ Резьянскихъ говорахъ. Для нихъ существуетъ одно только общее слово, тожественное этимологически съ Русскимъ зеленый и съ соотвѣтствующими ему словами другихъ Славянскихъ языковъ, нарѣчій и говоровъ. О предметѣ голубомъ, синемъ или же зеленомъ, говорятъ въ неопредѣленной, существительной формѣ zoeloèn (мужескаго рода), zalanà (женскаго р.), zoeloenö (средняго р.), въ опредѣленной же формѣ zoeloény (муж.), zoeloéna (жен.), zoeloénö (средн.). Если же хотятъ опредѣленно назвать цвѣтъ, свойственный атмосферѣ или небесному своду, тогда говорятъ «цвѣтъ воздуха» (kölör di ájer).

б) Какъ я уже выше замѣтилъ, географическія условія Резьянской долины и Учейской котловины заставляютъ Резьянъ говорить не о восхожденіи и закатѣ солнца въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, а только употреблять выраженія въ родѣ «солнце идетъ за гору» (súnce gré za göro) и др. т. п.

в) Для отдѣльныхъ возрастовъ человѣческихъ существуютъ у Резьянъ особыя названія. Къ сожалѣнію, я не могу привести ихъ здѣсь, потому что куда-то затерялъ листъ, на которомъ записалъ ихъ во время моего пребыванія въ Резьѣ. Помню только навѣрно, что мужчину между 20 и 30 годами называютъ «хорошимъ», красивымъ мужчиною (lip muž), послѣ же 30-ти лѣтъ, кажется, просто «мужчиною» (muž).

г) Говоря о малыхъ дѣтяхъ, чаще называютъ мать, нежели отца. Такъ, напримѣръ, чаще можно слышать «сынъ моей невѣстки (жены брата)» (mi kuňáde sýn), нежели «сынъ моего брата» (míha brátra sýn) и т. д. Такимъ образомъ, называя мать, а не отца, Резьяне никогда не рискуютъ сдѣлать ошибку. Подобное обозначеніе дѣтей не по отцу, а по матери было предлагаемо нѣсколько лѣтъ тому назадъ во Франціи, если не ошибаюсь, Эмилемъ Жирарденомъ. Еслибъ это предложеніе было принято и узаконено, въ такомъ случаѣ фамиліи переходили бы къ дѣтямъ не отъ отцевъ, но отъ матерей. Это въ высокой степени способствовало бы уничтоженію различія въ соціальномъ положеніи такъ-называемыхъ «законнорожденныхъ» и такъ-называемыхъ «незаконнорожденныхъ» дѣтей.

2. Особенности Резьянскихъ говоровъ, проливающія нѣкоторый свѣтъ на ихъ родственныя связи и отношенія къ другимъ нарѣчіямъ Славянскимъ.

а) На подобіе Крайно-Словенскихъ и многихъ преимущественно

западныхъ, Сербо-Хорватскихъ говоровъ, Резьянскимъ говорамъ, какъ въ склоненіи, такъ и въ спряженіи, свойственны особыя формы для двойственнаго числа, въ противоположность числу единственному и множественному.

б) Причастіе прошедшаго времени, играющее роль окончательнаго глагола (verbum finitum) того же времени (ср., напримѣръ, Русскія шелъ, шла, шло, плакалъ, плакала, плакало и т. п.), относясь къ существительному въ двойственномъ числѣ или же къ двумъ существительнымъ единственнаго числа, является въ формѣ не двойственнаго числа, но числа единственнаго средняго рода. Точно также и настоящій окончательный глаголъ (verbum finitum), согласуясь съ подобными существительными, равно какъ и мѣстоименіе, ихъ замѣняющее, ставится въ единственномъ числѣ. Примѣры:

Въ сказкѣ о трехъ братьяхъ, сыновьяхъ больнаго царя, говорится о дѣйствіяхъ двухъ старшихъ братьевъ противъ младшаго:

Kój to ga upjánilo, tö mu zminilu wödo ánu djálo drúgo nútar; ánu tadìj tö oe záplatilo uštírja, ánu to šlö, ánu ńagà to pústilu jitù. (Въ дословномъ переводѣ: Когда то его напоило, то ему подмѣнило воду и налило другой внутрь; и затѣмъ то заплатило трактирщику, и то шло, и его то оставило тамъ). (Въ настоящемъ переводѣ: Когда они его напоили, они подмѣнили ему воду и налили другой; затѣмъ они заплатили трактирщику, и ушли, оставивъ тамъ его, то-есть, младшаго брата).

Подобная постройка предложеній, сколько мнѣ извѣстно, свойственна тоже говорамъ южныхъ сосѣдей Резьянъ, то-есть, Сербо-Хорватовъ Джемонскаго и Тарчентскаго уѣздовъ. У Крайно-Словенцевъ нѣтъ ничего подобнаго: тамъ и глаголъ, и мѣстоименіе ставятся въ подобныхъ случаяхъ въ двойственномъ числѣ. Поэтому и нѣкоторые Резьянскіе старики, много путешествовавшіе по Крайно-Словенскимъ землямъ и, вслѣдствіе этого, подвергшіеся сильному Крайно-Словенскому вліянію, употребляютъ въ подобныхъ сочетаніяхъ словъ попеременно то свою родную, Резьянскую, то опять заимствованную, Крайно-Словенскую конструкцію, и говорятъ или «tö oe snítilo ohón» и т. п., или же «ní sta snìtila ohòń» (они развели огонь).

в) Въ Резьянскихъ говорахъ живетъ до сихъ прошедшее простое, являющееся, съ формальной стороны, отраженіемъ старо-Славянскаго прошедшаго преходящаго (imperfectum), и въ послѣднее время подвергшееся, по крайней мѣрѣ, въ 1-мъ лицѣ, аналогіи

настоящаго. Прошедшее простое, соотвѣтствующее старо-Славянскому аористу, было, но исчезло; его скудные остатки отмѣчены мною въ «Резьянскомъ Катихизисѣ» (§ 327). Примѣры прошедшаго простаго Резьянскихъ говоровъ даетъ, напримѣръ, слѣдующій отрывокъ изъ сказки о больномъ царѣ и его трехъ сыновьяхъ:

na boéšoe, ká na šíwaše, ma na ni mõroéšoe šíwat jito ȍgo (Дословно: она была, какъ будто бы она шила, но она не могла шить въ тотъ часъ). (Или: она казалась шьющею, но она не могла шить въ то время).

Прошедшее простое теперь совершенно чуждо какъ Крайно-Словенскимъ говорамъ, такъ и говору св.-Петровскому сѣверной Италіи. Но зато оно встрѣчается въ говорахъ Сербо-Хорватскихъ, въ сѣверной же Италіи—у южныхъ сосѣдей Резьянъ, то-есть у Сербо-Хорватовъ Джемонскаго и Тарчентскаго уѣздовъ.

г) Будущее время (futurum) составляется въ Резьянскихъ говорахъ преимущественно съ глаголомъ хочу [ед. 1 tjon, 2 tjoeš, 3 tjoe, мн. 1 tjoemȍ, 2 tjatà (говоря ко многимъ) или tjoetoè (обращаясь почтительно къ одному лицу), 3 tjejo, tjeo или т. п., двойств. 1 tjowà, 2 3 tjatà], напримѣръ, ja tjón te ubuèt и т. п. («я хочу тебя убить», то-есть: «я тебя убью»), na tjoè prìt и т. п. («она хочетъ придти», то-есть, «она придетъ»), to se tjoè ruvinàt («это хочетъ испортиться», то-есть, «это испортится» и т. п. Подобное образованіе будущаго времени свойственно тоже говорамъ Сербо-Хорватовъ Джемонскаго и Тарчентскаго уѣздовъ, какъ и вообще всѣмъ Сербо-Хорватскимъ говорамъ. Въ говорахъ же Крайно-Словенскихъ и подвергшихся Крайно-Словенскому вліянію говорахъ св.-Петровцевъ господствуетъ исключительно будущее, составленное изъ глагола «буду» и т. д. и причастія прошедшаго времени (въ родѣ того, какъ если бы по-Русски сказать: «я буду писалъ», «онъ будетъ видѣлъ» и т. п., вмѣсто «я буду писать», «онъ будетъ видѣть» и т. д.). Въ этомъ отношеніи Крайно-Словенскіе говоры вполнѣ сходны съ говорами Польскими, въ которыхъ имѣется точно такимъ же образомъ слагаемое будущее время.

д) Восклицательная частичка *da!* (да!), повторяющаяся безъ всякаго опредѣленнаго значенія во многихъ Резьянскихъ пѣсняхъ, встрѣчается тоже въ пѣсняхъ другихъ Славянскихъ народовъ, между прочимъ, Поляковъ, Русскихъ и др.

3. Нѣкоторыя особенности Резьянской рѣчи, находящіяся, повидимому, въ связи съ исторіею Резьянскаго племени.

a) Достойны вниманія Резьянскія числительныя, преимущественно же сложныя. Они бываютъ:

Во-первыхъ, простыя, тожественныя этимологически съ числительными другихъ Славянскихъ нарѣчій:

1. dan (муж.), dna, na (жен.), dnö, nö (средн.); 2. dwa (муж.), dvi (жен.); 3. tríjì, trýjy и т. п. (муж.), tri, try (муж., жен., средн.); 4. štíri; 5. pet; 6. šest, šejst и т. п.; 7. soèdan; 8. ôsan; 9. doèvat; 10. doèsat; 100. stu и т. д.

Во-вторыхъ, съ 11—19, происшедшія изъ сложенія простыхъ, 1—9, съ предлогомъ *na* (на) и съ числительнымъ 10:

11. dánajst, dánijst и т. п.; 12. dwánijst и т. п.; 13. trínijst и т. п.; 14. štírnijst и т. п.;

Въ-третьихъ, десятки, происшедшія точно также, какъ Русскія двадцать, тридцать и т. д., то-есть, изъ сопоставленія и затѣмъ плотнаго слитія числительныхъ два, три и т. д. и десяти.

20. dwájsti, dwújsti и т. п.; 30. trísti, tríste и т. п. Сочетаніе этихъ числительныхъ съ единицами совершается съ помощью союза anu, nu (и), напримѣръ, dwújsti nu dàn («двадцать и одинъ», 21), dwújsti nu doèvat (29), trísti nu pét (35) и т. п.

Въ-четвертыхъ, въ подобнаго рода сопоставленіяхъ или сложеніяхъ слово «десять» замѣняется словомъ «рядъ» (red). Такимъ образомъ произошли:

40. štrédi, štréde (сокращеніе изъ *štíri rédi, то-есть, «четыре ряда»); 50. paterdû («пять рядовъ»). Съ названіями единицъ эти числительныя сочетаются точно такъ же, какъ и предшествующая категорія: štrédi nu dnö («сорокъ и одно», 41, средн. р.), paterdû nu dwá («пятьдесятъ и два», 52, муж. р.) и т. п.

Наконецъ — и это самая замѣчательная категорія Резьянскихъ числительныхъ — названія двухъ чётныхъ или парныхъ десятковъ, 60 и 80, состоятъ изъ умноженія 20 и на 3 и 4. Стало-быть:

tríkrat dwájsti, tríkradwájsti, tríkradwújsti, tríkradwjísti и т. п. (дословно «три раза двадцать», то-есть, 60); štírikrat dwájsti, štirkradwjíste и т. п. («четыре раза двадцать», 80).

Для выраженія числительныхъ съ 61 по 79 и съ 81 по 99, эти числительныя сочетаются, опять при помощи союза anu, nu (и), съ числительными 1—19, напримѣръ:

tríkradwújsti nu dàn («три раза двадцать и одинъ», 61), tríkradwújsti nu ôsan («3 раза 20 и 8», 68), tríkradwújsti nu doèsat («3 раза 20 и 10», 70), tríkradwújsti nu dwánijst («3 раза 20 и 12», 72), tríkrat dwájsti anu ôsanajst, tríkradwújsti nu ôsanijst («3 раза

20 и 18», 78), štírkradwújste nu pét («4 раза 20 и 5», 85), štírkradwjíste nu doèsat («4 раза 20 и 10», 90), štirkradwájsti nu ȍsanijst («4 раза 20 и 18», 98) и т. п.

Кромѣ того, названія чиселъ, близкихъ къ 80 и 100, могутъ образоваться черезъ вычитаніе, напримѣръ: štírikrat dwájsti mańi dwá («4 раза менѣе 2», «4 раза 20 безъ 2-хъ», 78), stû mańi dàn («100 менѣе 1», «100 безъ 1-го», 99) и т. п.

Самою интересною является послѣдняя категорія, то-есть, категорія числительныхъ, отражающихъ въ себѣ не децимальный (десятичный), но вигезимальный (двадцатичный) способъ счисленія. Происхожденіе Французскаго quatre-vingts (80), составленнаго на тѣхъ же началахъ, равно какъ и образованіе всѣхъ Французскихъ числительныхъ съ 61 — 99, служащихъ въ сущности выраженіемъ такого же взгляда на систему чиселъ (soixante-dix 70, soixante-douze 72, soixante-dix-sept 77, soixante-dix-huit 78, soixante-dix-neuf 79, quatre-vingt-dix 90, quatre-vingt-quinze 95 и т. д.), приписывается вліянію какого-то чужаго, не Романскаго, скорѣе всего, Кельтскаго языка. Весьма вѣроятно, что и Резьянскія числительныя, составленныя тѣмъ же способомъ, представляютъ слѣды какого нибудь чужаго вліянія. Не слѣдуетъ забывать, что именно въ этихъ мѣстахъ жили древніе Карны (Carni) и другія племена, черезъ отраженіе вліянія которыхъ на Романскую языковую почву произошли, по мнѣнію Асколи (Ascoli), нарѣчія такъ-называемой Латинской полосы (Zona Ladina), какъ-то: нарѣчія Гриджьоновъ въ Швейцаріи, Ладиновъ въ Тиролѣ и Фріулянъ или Фурланъ въ сѣверо-восточной Италіи и граничащей съ нею Австрійской провинціи Горицѣ (Gorizia, Görz).

Счисленіе по-Резьянски мало-по-малу выводится въ Резьѣ и замѣняется иностраннымъ. Только женщины и дѣти считаютъ еще преимущественно по-Резьянски; мужчины же по-Итальянски, или же по-Фурлански. «My zladûwamö mákuj dárdu trísti po rozoánskih; dȍpö to hré po láških» (мы считаемъ только до тридцати по-Резьянски; затѣмъ это идетъ по-Фурлански), говорилъ мнѣ одинъ Резьянинъ. Но тѣмъ, не менѣе еще всѣ Резьяне знаютъ свои Резьянскія названія чиселъ.

Фурланизація и вообще романизація Резьянскихъ числительныхъ проявляется, сверхъ того, и въ другихъ отношеніяхъ. Такъ, напримѣръ, числительныя pet (5), šest и т. п. (6), soèdan (7) и т. д. вовсе не склоняются и во всевозможныхъ сочетаніяхъ употребляются въ одной только этой окостенѣвшей формѣ. Точно такъ же не

склоняется числительное stû (100), все равно, стоитъ ли оно особнякомъ, или же входитъ въ составъ другихъ сотенъ (200, 300....), напримѣръ pét stû («пять сто», 500) ȍsan stû («восемь сто», 800) и т. п.

Впрочемъ, Резьянско-Славянское stû почти вовсе не употребляется и замѣняется усвоеннымъ изъ Романскихъ нарѣчій склоняемымъ существительнымъ čantanár. Въ особенности въ сложеніяхъ съ единицами, выражающихъ слѣдующія сотни, господствуетъ почти исключительно это послѣднее, Романское по происхожденію, слово: dwá čantanárja (200), trí čantanárje и т. п. (300), pét čantanárju (500), ȍsan čantanárju (800) и т. п. Только старики прежнихъ временъ говорили tri stû (300), pet stû (500), ȍsan stû (800) и т. п. — «Тысячу» (1000) Резьяне называютъ Романскимъ словомъ mijár.

б) Во взаимныхъ поздравленіяхъ Резьянъ при встрѣчѣ другъ съ другомъ отражается, прежде всего, Латино-христіанское вліяніе. Одинъ изъ встрѣчающихся говоритъ «laudátu Iéžu Kríšto» (laudatus Iesus Christus), или «lobdáto zu Krýsto» или «š lodátu Djéžu Kríštu» (Итальянское: sia lodato Giesu Cristo), или «so lodá Djéžu Kríštu» или т. п. (пусть будетъ прославленъ Іисусъ Христосъ), а другой ему отвѣчаетъ: «sémpre sía lodátu», sémpre š laudátu», «sémpre ši lodátu», «sémpe šíja lodátu», «sémpri š lodátu», «šo lodátu» или т. п. (Латинское semper sit laudatus, sit laudatus, Итальянское sempre sia lodato, sia lodato, пусть вѣчно будетъ прославленъ, пусть будетъ прославленъ). Къ этому часто прибавляютъ слово hȍtar или т. п. (кумъ), hȍtarčitj (куманекъ), или же hȍtra (кума), hȍtrica (кумушка) и т. п., напримѣръ: «laudátu Iéžu Kríšto, hȍtar!» (прославленъ Іисусъ Христосъ, кумъ!), «sémpre sía lodátu, hȍtar!» (вѣчно пусть будетъ прославленъ, кумъ!).

Въ новѣйшее время, вмѣсто этого христіанскаго привѣтствія, Резьяне стали употреблять обще-Итальянское bun dí! (buon buon giorno) (хорошій день) или т. п.

в) Резьянское названіе «священника», joèrö, oèrö, иностраннаго происхожденія. Оно обязано своимъ возникновеніемъ, по всей вѣроятности, или Греческому ἱερός (святый, Богу принадлежащій и т. п.), ἱερεύς (жрецъ, священникъ) и т. д., или же Латинскому herus (хозяинъ, баринъ, господинъ). Въ пользу втораго предположенія говоритъ, во-первыхъ, удареніе, во-вторыхъ—отожествленіе въ одномъ словѣ представленій «господинъ» и «священникъ, напри-

мѣръ, у Крайно-Словенцевъ (gospod — «господинъ» и «ксендзъ»). Если же Резьянское jоѐrö или оеrö Греческаго происхожденія, въ такомъ случаѣ этотъ фактъ намекаетъ на сильное вліяніе Греческой цивилизаціи и Греческой церкви на нѣкоторыя южно-Славянскія племена. Не лишено значенія то обстоятельство, что нетолько у Резьянъ, но и въ нѣкоторыхъ деревняхъ Джемонскаго и Тарчентскаго уѣздовъ (дистриктовъ) священника зовутъ jéro.

г) Названія мѣсяцевъ у Резьянъ всѣ заимствованы: džanár (январь), fawrár (февраль), marč (мартъ), avrу̊l (апрѣль), maj (май), jòń (іюнь), šеželadör (іюль), av̊óšt (августъ), setémber (сентябрь), otóber (октябрь), novémber (ноябрь), dečémber (декабрь).

д) Фамиліи Резьянъ, большею частью, чисто Итальянскія. Это, конечно, относительно происхожденія и этнографической принадлежности ничего не доказываетъ, и объясняется просто тѣмъ, что Резьяне приняли постоянныя, изъ рода въ родъ переходящія фамиліи во время Итальянскаго господства и подъ сильнымъ Итальянскимъ давленіемъ. Извѣстно, напримѣръ, что у громаднаго большинства Польскихъ Евреевъ фамиліи чисто Нѣмецкія. Это вовсе не доказываетъ, что будто бы Евреи въ этнографическомъ отношеніи ближе къ Нѣмцамъ, нежели къ Полякамъ, а только является результатомъ весьма позднихъ историческихъ событій: до паденія Польши, независимое Польское правительство совершенно равнодушно относилось къ Еврейскому населенію и не позаботилось о томъ, чтобы присвоить ему постоянныя, юридически-опредѣленныя фамиліи, такъ-что этотъ процессъ образованія Еврейскихъ фамилій совершился только уже послѣ раздѣла Польши, во время Нѣмецкаго, Прусскаго и Австрійскаго владычества. Для примѣра я приведу здѣсь нѣкоторыя Резьянскія фамиліи въ томъ видѣ, какъ онѣ записаны въ книгахъ народонаселенія:

Barbarino, Bellina, Bortolotti, Buttolo, Brida, Bobaz, Beltrame, Billiani, Clemente, Colussi, Chinese, Copetti, Coss, Cuss, Di Biasio, Del Negro, Di Battista, Danelutto, Di Floreano, Di Lenardo, Falladore, Fabbrici, Giusti, Gallizia, Lettig (Létitj), Longhino, Lach, Lenarduzzi, Micelli, Madotto, Moznich (Móčnik), Morandini, Naida (Nájda), Negro, Paletti, Pusca (Púška), Pantocco, Peresutti, Pielich, Piani, Piazza, Quaglia, Siega, Saria, Serna, Trancon, Valente, Zanetti, Zuzzi.....

е) Крёстныя имена Резьянъ тоже носятъ на себѣ отпечатокъ Итальянскаго и вообще Романскаго вліянія. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Мужскія: Batèšt (Battista, Креститель), Bep (Beppo), Coek (Francesco), Doméni или Doméne, или Méne (Domenico), Dürýh (Odorico), (Teodorico), Djéñjo (Eugenio), Djíldo (Ermenegildo), Džwan, уменьшит. Džwánčitj (Giovanni), Fydoèl и т. п. (Fidele), Filèc и т. п. (Felice), Groegör (Gregorio), Jákom, Jákum (Giacomo), Južéf (Giuseppe), Luídji (Luigi), Méni, Méne и т. п. (Domenico), Múndo (Sigismondo) Nácjo или Vináncjo (Venanzio), Pjoéry, Pjéri, Pjerín и т. п., уменьшит. Pjoérinčitj и т. п. (Pietro), Riko (Erico), Šándro (Alessandro), Šimún (Simone), Štífan (Stefano), Títe (Tito), Týta и т. п. Džwan, Tóni или Tóne (Antonio), Valantýn, Tenk, Týnac, Týnytj и т. п. (Valentino), Varóniko (Veronico), Vyt и т. п. (Vito), Vitör, Vitörjö (Vittore, Vittorio) и т. д.

Женскія: Agata (Agata), Ana и т. п. (Anna), Blankésa (Bianca, Bianchessa), Dalína (Nadalina), Djíñja (Eugenia), Djuéla и т. п. (Gioella), Djudíta (Giuditta), Djuljana и т. п. (Giuliana), Džwána (Giovanna), Flaména или Filaména (Flaminia? Filomena), Karulína (Carolina), Katarýna и т. п. (Caterina), Léna (Elena), Luídja, Luýdja и т. п. (Luigia), Maríja, Marýja, Marýa и т. п., или Marjána и т. п. (Maria, Marianna), Mínka (Domenica), Páska (Pasqua), Pépa (Peppa?), Ridjínica (Regina), Terézja (Teresa), Týna и т. п. (Valentina), Vérdzina (Vergine?), Virdjíñja, Verdjíñja (Verginia) и т. д.

ж) Кромѣ общей фамиліи и личныхъ именъ, у каждой Резьянской семьи есть своя особая кличка или прозвище (sopracognome), которое на офиціальномъ языкѣ сопровождается словомъ detto («сказанъ», «названъ», «по прозванію»), или detta (для женщинъ). Между прочимъ, въ общинѣ Бѣлой фамилія Barbaríno распадается по прозвищамъ на слѣдующія вѣтви: Baštján или tá per Baštjáno и т. п., tá p'r Gožáto и т. п., Húdac, Matjón, Matjáš, Mišín, Tjaljár, Ždraš или tá per Ždrášavih и т. д.; фамиліи Bellína свойственно прозвище Paskulìn или tá per Paskulínavih, фамиліи Bortolótti-прозвища: Lúkež или tá per Lúkežavih, tá per Múniho и т. п., tá per Fadadéjowaven и т. п., tá per Tígaven, tá per Poéjinu и т. п.; фамиліи Búttolo — прозвища: tá per Gáždjinen, tá per Krášine и т. д.; фамиліи Bobàc или Bóbac— прозвище: Öboèd или tá per Öboédu и т. п.; фамиліи Kleménte—tá per Kuzifrínu и т. п.; фамиліи Kolúsi — tá per Matjášu; фамиліи Bjázjo — прозвища: tá per Bajóte и т. п., tá per

Patúhu, tá per Griguritje, tá per Fúku, tá per Mińínu; фамиліи Létitj—Wojávac или tá per Wojápcaven; фамиліи Longíno—прозвища: tá per Peceníģu, tá per Bargulínu, tá per Tjalabásu; фамиліи Mičéli—tá per Vecétu, tá per Tlítavih; фамиліи Nájda—прозвище tá per Marínu; фамиліи Paléti—tá per Múnihu, tá per Línitju, tá per Bírtulavih; фамиліи Púška—tá per Tjoláte, или tá per Tjolátaven или Tjoláta, tá per Kécu; фамиліи Négro и Del Negro—tá per Kasíge; фамиліи Valénte—tá per Bobónu; фамиліи Dzanéti—прозвища: tá per Pelénu или tá per Pelénoven, tá per Samalínu, tá per Kopétu, tá per Lúje или Lúja, tá per Vagu или Vágo......

Примѣры полнаго названія, состоящаго изъ имени, фамиліи и прозвища (клички): синдика (волостнаго старшину) зовутъ šjúr (изъ Фурланскаго sior, Итальян. signore, «господинъ») Doméniko Bútolo Šáša (оффиціяльно Domenico Buttolo detto Sassa), секретаря волости (secretario municipale) Tóni Bútolo Gáždjin (или, ta per Gáždjinen) (оффиціяльно Antonio Buttolo detto Gasdin), церковника въ Осоянахъ—Pjéri Delenárdi Holánda (или Holándin) (оффиціяльно Pietro Di Lenardo detto Golanda), церковника въ Бѣлой—Groegőr Bortolóti Lúkiž (или, Lúkež) (оффиціяльно Gregorio Bortolotti detto Luchis), торговца фруктами, сообщившаго мнѣ рукописи Резьянскаго Катихизиса—Coèk Kopéti Kűndija (Francesco Copetti detto Cundia), викарія въ Платищахъ Тарчентскаго уѣзда, родомъ изъ Резьянской Бѣлы, Štífan Valénte Bobón (или Babón) (Don Stefano Valente detto Bobon), извѣстную разказчицу въ Столбицѣ Marýja Létitj Baštjánawa Maria Lettig detta Bastian) и т. п.

Въ обыденной жизни фамиліи обыкновенно не употребляются, и, говоря о какомъ нибудь Резьянинѣ или же Резьянкѣ, называютъ ихъ только по имени и прозвищу. Напримѣръ, Toni Pőjda (Антонъ по прозванію Пойда), Vitőr Hrýha (Викторъ по прозванію Грига), A'na Čéjna (Анна по прозванію Чейна), Luídja Čéjna (Луиза по прозванію Чейна), Marýja Lísacawa (Марья по прозванію Лисацова или Лысацова) и т. п.

Въ 1873 году старѣйшіе люди Резьянской долины были слѣдующіе: Marýja di Bjázjo Pitjikésa (Maria di Biasio) (89 лѣтъ), Fortunat di Bjázjo Sjík (Fortunato di Biasio) (въ Бѣлой) (88 лѣтъ), Tóni Bútolo Hudičánen (Antonio Buttolo) (въ Столбицѣ), Jákob Kartel (въ Столбицѣ) и т. д.

4. Резьянскія названія разныхъ народовъ, племенъ, странъ и мѣстностей—

могутъ иногда представлять интересъ или для лингвиста, или для этнографа, или же для историка, и поэтому я приведу здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ.

а) Названія племенъ, народовъ и странъ:

Benečàn (Славянинъ Видемской или Удинской провинціи бывшаго Венеціянскаго королевства, а еще прежде Венеціянской республики, кромѣ, конечно, Резьянъ); отсюда rumunìt po benečánsko (говорить на одномъ изъ Славянскихъ говоровъ б. Венеціянскаго королевства, кромѣ, конечно, говоровъ Резьянскихъ).

Cýngarje и т. п. (Цыганы).

Furlàn (Фурланъ, по-Итальянски Friulano), множ. ч. Furlánave и т. п. Ср. Lah, Láški.

Ingloéški и т. п. (Англійскій).

Karatàn (Хорутанія), мѣстн. пад. tá wunó Karatáne и т. п.

Kráňac (Крайнецъ, Словинецъ).

Lah (Влахъ, Фурланъ). Ср. Furlàn.

Láški (прилагательное, сдѣлавшееся существительнымъ) (Фурланъ, иногда тоже Италіянецъ), родит. пад. ед. ч. Láškaha и т. п., множ. ч. именит. пад. ti Láški и т. п. Z Láškaha (род. пад. ед. ч. средн. р.) (изъ Фріуля, di Furlania, или, изъ Италіи, di Italia). Ср. Furlàn, Taljàn.

Nešteràjh (Австрія), мѣстн. пад. tá na Nešterájhu.

Níški (Нѣмецкій); ńíški langàč (Нѣмецкій языкъ); pu ńíšken, и т. п. (по-Нѣмецки); род. ед. муж. сред. ńíškaha и т. п. Tu Níškin, tu Níšken, tá unom Níšken, и Níškin и т. п. (въ Австріи) и т. д.

Rošiàn и т. п. (Россіянинъ, Русскій). Ср. Rùš, Rušja.

Rumuňéški langàč (Румунскій языкъ). Ср. Volóški.

Rùš, Ròš (Русъ, Русскій). Ср. Rošiàn, Rúšja.

Rúšja, Rűšja (Россія). Ср. Rùš, Rošiàn.

Slavín (Славянинъ). Slavínski (Славянскій); slavínsko (Славянско); po slavínski и т. п. (по-Славянски). Ср. Šklàf.

Šklàf: te Šklàf. (Славяне по-Итальянски gli Schiavi, по-Фурлански Sclav). Ср. Slavín.

Štrašalváňja (Трансильванія).

Taljàn (Итальянецъ); dàn taljánski (одинъ Италіянскій, Итальянецъ); tí taljánski (эти Итальянскіе, Италіянцы). Ср. Láški.

Undjarski (Венгерскій); ta úndjarska hospodà (Венгерскіе господа) и т. д.

Volóški langàč (Волошскій языкъ). Ср. Rumuńéški.

И т. д. и т. д.

б) Названія городовъ и вообще мѣстностей.

Нѣкоторыя изъ этихъ названій сообщены мною въ предыдущихъ главахъ. Здѣсь же я привожу слѣдующія:

Bańítke (Венеція, Итальян. Venezia).

Bjàk (Бѣлякъ, по-Нѣмецки Villach, въ Хорутаніи или Каринтіи); мѣстн. пад. 'tu Bjáci и т. п.

Gumín, Humýn и т. п. (Глемона или Джемона, Gemona, столица одного изъ дистриктовъ или уѣздовъ сѣверной Италіи); мѣстн. пад. tùu Humýne и т. п.

Húdice и т. п. (Фурланская деревня вблизи Мужаца, по-Итальянски Piani, по-Фурлански Plans).

Púšja Vàs, Pűšja Vàs (Фурланское село на пути изъ Мужаца въ Джемону, по-Итальянски Venzone).

Rím (Римъ, Roma).

Ritéń (Фурланская деревня Artegna на югѣ отъ Джемоны).

Spitál (деревня Ospetaľetto вблизи Джемоны); мѣстн. пад. tú Špitále.

Wjýdan и т. п. (Видемъ, Удине, Udine).

Wráta (Фурланская деревня Portis къ сѣверу отъ Венцоне, Venzone); род. пад. z Wrát; мѣстн. пад. tu Wrátih и т. п.

И такъ далѣе.

5. Факты Резьянской рѣчи, находящіеся въ связи съ бытовою стороною жизни Резьянскаго народа.

Сюда относятся, между прочимъ, фамиліи, прозвища и еще нѣкоторые другіе вышеприведенные факты.

Сверхъ этого, въ этомъ отдѣлѣ слѣдуетъ упомянуть о тайномъ языкѣ Резьянъ. Этотъ языкъ принадлежитъ къ той же категоріи тайныхъ, «условныхъ» языковъ, что̀, напримѣръ, языкъ офеней, языки мошенниковъ у разныхъ народовъ и т. п. Ка́къ произошелъ этотъ тайный Резьянскій языкъ—совершенно неизвѣстно. По всей вѣроятности, его образованію и сохраненію способствовало то обстоятельство, что Резьяне по большей части странствующіе торговцы и иногда нуждаются въ такомъ органѣ взаимнаго общенія, который составлялъ бы ихъ исключительную собственность. Впрочемъ, я не могу сказать объ этомъ языкѣ ничего опредѣленнаго, потому что мнѣ удалось слышать только нѣсколько фразъ ему принадлежащихъ и, главнымъ образомъ, состоящихъ изъ

обыкновенныхъ Резьянскихъ словъ въ иносказательномъ, переносномъ смыслѣ. Кажется, что до настоящаго времени отъ упомянутаго тайнаго языка Резьянъ дошли только отдѣльныя фразы или выраженія; а можетъ быть, онъ никогда не составлялъ ничего цѣльнаго и всегда сводился только къ подобнаго рода отрывочнымъ фразамъ или выраженіямъ. Какъ бы то ни было, эта недоступность тайнаго языка Резьянъ въ связи съ непонятностью даже ихъ обыкновеннаго языка (обыкновенной рѣчи), дѣлаютъ то, что, если только они захотятъ, ихъ никто нигдѣ не понимаетъ.

Не сюда относится, а все таки для непосвященныхъ совершенно непонятно вопросительное выраженіе «káko báj, si bíla u Rim, si vídala pápiža?» (какъ тамъ, ты была въ Римѣ, видѣла папу?), которымъ встрѣчаютъ женщину, только-что оправившуюся отъ родовъ.

Нѣтъ вовсе положительныхъ историческихъ свѣдѣній о времени населенія Резьянъ на ихъ теперешней родинѣ, и затѣмъ объ ихъ дальнѣйшихъ судьбахъ, какъ одного цѣльнаго особаго народа или племени. Мнѣ извѣстны только отдѣльныя грамоты (документы) юридическаго свойства, которыя, конечно, не безъ значенія и для внутренней, бытовой исторіи Резьянъ.

Древнѣйшая и до сихъ поръ сохранившаяся грамота, прямо относящаяся къ Резьѣ, относится, по увѣренію нѣкоторыхъ, къ 1333 году. Но никто не могъ мнѣ сказать, гдѣ она находится.

Изъ печатныхъ сборниковъ я могу указать на слѣдующіе:

1. Собраніе грамотъ, напечатанныхъ около 100 лѣтъ назадъ по поводу тяжебнаго дѣла (процесса) между Фурланскою общиною Резіутой и Резьянскою общиною Осоянами. Въ Осойской церкви я нашелъ одинъ только экземпляръ, безъ начала (сколько мнѣ помнится, безъ одного только заглавнаго листа), безъ конца и безъ многихъ листовъ въ серединѣ. In foglio, стр. 1—44. Въ этомъ экземплярѣ уцѣлѣли грамоты:

а) Грамота 1393 г., 23 марта, въ Мужацѣ, въ Мужацкомъ монастырѣ (Actum Motij in Monasterio Mosacensi). Между прочимъ въ ней исчисляются владѣнія общины Осоянъ и, вслѣдствіе этого, попадается, какъ и въ другихъ грамотахъ, значительное количество Резьянскихъ собственныхъ именъ въ древнемъ написаніи. Эта грамота составлена на Латинскомъ языкѣ.

б) 1393 г., 22 іюня, въ Мужацѣ. По-Латыни.

в) 1497 г., 22 іюля, въ Резьѣ (in Resia, ante Cimiterium Beatae Mariae). По-Латыни.

г) 1657 г., 29 іюля, въ Резіутѣ. По-Итальянски.

д) 1683 г., 18 іюля, въ Резіутѣ. По-Итальянски.

е) 1685 г., 22 іюня, въ Мужацѣ. По-Итальянски.

ж) 1685 г., 12 августа, въ Резьѣ, въ Столбицѣ (in Resia in Cassa di mis Marin Serne di Stuluizza). По-Итальянски.

з) 1685 г., 22 августа, въ середу (mercordì). По-Итальянски.

и) 1685 г., 15 сентября. По-Итальянски. Между прочимъ, одинъ изъ свидѣтелей даетъ показаніе о границахъ между общинами Резіутой и Осоянами.

і) 1685 г., 20 октября, въ субботу. По-Итальянски.

к) 1686 г., 9 января, въ суботу. По-Итальянски. Опредѣленіе границъ Резіуты и Осоянъ.

л) 1686 г., 14 августа. По-Итальянски.

м) 1690 г., 10 сентября, въ Резіутѣ. По-Итальянски.

н) 1721 г., 6 марта, въ четвергъ (giorno di giovedì), въ Резіутѣ. По-Итальянски.

2. Нѣсколько листовъ, оставшихся въ Осойской церкви отъ экземпляра книги, напечатанной въ прошломъ столѣтіи, и заключающей въ себѣ, какъ кажется, документы, относящіеся къ состоянію Резьи въ разныя времена. In foglio [1]) находится окончаніе какой-то грамоты, а на стр. 44-й: 42-хъ страницъ недостаетъ. Затѣмъ, на стр. 43-й находится Sommario d' investiture fatte per li magnifici signori governatori di Moggi notate per me Bernardino Andreussio, cancelliere di Moggio. (Перечень инвеституръ, сдѣланныхъ господами Мужацкими губернаторами и записанныхъ мною, Бернардиномъ Андреуссіо, Мужацкимъ регистраторомъ). Слѣдуетъ подробный перечень инвеституръ, пожалованныхъ а) 1561 г., 21 сентября; б) 1594 г., 20 августа; в) 1594 г., 18 іюня; г) 1604, 20 іюля; д) 1609, 27 марта; е) 1609, 29 іюня; е) 1639, 17 сентября (стр. 44—45). Послѣ этого перечня на стр. 45-й мы встрѣчаемъ инвентарь (Cattastico Arsenal), а на стр. 46-й слѣдующіе «Допросы» (Esami) (всѣ по-Итальянски): а) 1733 г., 26 іюня; б) 1733 г., 27 іюня; в) 1733, 27 іюня (безъ окончанія). Затѣмъ стр. 49—60 недостаетъ. На стр. же 61-й, послѣ окончанія какого-то документа, слѣдуетъ

а) Грамота 1764 г., 17 іюля, въ Резьѣ въ домѣ священника,

---

[1]) Въ настоящее время этотъ экземпляръ находится у меня.

въ которой настоятель Резьянскаго прихода, Андрей Косъ (Pre Andrea Cos), свидѣтельствуетъ о бѣдствіяхъ, постигшихъ въ 1763 году общину Осояне, вслѣдствіе чего жители этой общины, чтобы не умереть съ голода, принуждены были въ 1764 году оставить свою родину и просить милостыню въ ближайшихъ провинціяхъ, Каринтіи (Carintia) и Крайнѣ (Cargnolia). Бѣдствія эти состояли, главнымъ образомъ, въ огромной бурѣ, разорившей жителей Осоянъ и уничтожившей весь ихъ хлѣбный сборъ (l'anno passato 1763 una gran tempesta li rovinò, e desolò tutto il raccolto, che pendeva nella loro piccola, e ristretta tavella). Эти несчастные должны были тоже сбыть весь свой рогатый скотъ, потому что имъ запрещено было правительственными коммиссарами собирать сѣно тамъ, гдѣ они это прежде дѣлали. Изъ этой грамоты узнаёмъ, что въ 1764 году община Осояне состояла изъ 130 семей и изъ 656 душъ (конечно, обоего пола).

б) На стр. 63—65: Грамота 1764 г., 21 сентября, въ Резіутѣ, Affittanza Avversaria di Lesenich.

в) Стр. 65: Письменное свидѣтельство о налогахъ 1770 г., 12 апрѣля, въ Удине.

г) «Laus Deo semper», 1770 г., 18 апрѣля, въ Резьѣ: «Я, нижеподписавшійся настоятель прихода свидѣтельствую подъ присягой, дотрогиваясь груди по священническому обычаю (con giuramento tacto pectore more sacerdotali), что четыре деревни Резьи, то-есть, Осояне, Бѣлая, Нива и Столбица, составляющія этотъ мой приходъ (cotesta mia cura), запасаются хлѣбомъ продажнымъ (pane vendibile) въ общинѣ Резіутѣ, потому что продажный хлѣбъ (хлѣбъ, предназначенный къ продажѣ) не печется въ названныхъ четырехъ деревняхъ, а только въ упомянутой общинѣ Резіутѣ».

Г. Вольфъ, профессоръ Нѣмецкаго языка въ Удинскомъ техническомъ институтѣ (Wolf, professore della lingua tedesca nell' Istituto tecnico di Udine), указалъ мнѣ на слѣдующія рукописи, въ которыхъ, можетъ быть, есть какія нибудь данныя, относящіяся къ Резьѣ:

Въ Марчянской библіотекѣ въ Венеціи (Biblioteca Marciana in Venezia), въ отдѣлѣ Abazia di Moggio, рукописи (codici manoscritti), classe Italiana V, 34, Rotti Giulio—Краткое описаніе возникновенія и территоріи Мужацкаго аббатства (Breve compendio dell' origine e ragioni dell' Abaria di Moggio). Classe Latina XIV, № 156. Johannes de Purciliis Gubernator Monasterii Mosacensis locat

Leonardo Babich petiam pascui in villa Resia et unum molendinum, pretio XII solidorum. Mosii 5 Mai 1470.

Въ капитульномъ архивѣ въ Удине (nell'Archivio Capitolare di Udine): Raccolta Bini vol. XXX. XXXII Varia.—LXIV e LXV.

Сверхъ того, можно бы ожидать матеріаловъ для исторіи Резьянъ въ архивѣ нотаріяльномъ въ Удине (Archivio notarile di Udine) и въ архивѣ претуры въ Чивидале (Archivio della pretura di Cividale).

Я не успѣлъ изслѣдовать ни упомянутой библіотеки въ Венеціи, ни тоже нотаріяльнаго архива въ Удине. Но зато я просматривалъ названныя рукописи какъ въ Удинскомъ капитульномъ архивѣ [1]), такъ же точно и въ архивѣ города Чивидале. Хотя въ этихъ рукописяхъ довольно часто упоминаются другіе сѣверо-Итальянскіе Славяне, но о Резьянахъ я не нашелъ въ нихъ ни однаго слова.

Я обращался тоже къ печатному изданію—

(Joseph Bianchi) «Thesaurus ecclesiae Aquileensis jopus saeculi XIV quod cum ad archiepiscopalem sedem nuper restitutam Zacharias Bricito primum accederet typis mandari jussit civitas Utini. 1847»,

но и здѣсь не нашелъ ничего подходящáго.

Недостатокъ времени не позволилъ мнѣ просмотрѣть со вниманіемъ сочиненія—

«Documenti per la storia del Friuli etc. dall' ab. Giuseppe Bianchi» etc. (2 тома.) Udine 1844, 1845.

«Србски споменици Млетачкогъ Архива. Acta Archivi Veneti, spectantia ad historiam Serborum et reliquorum Slavorum meridionalium. Collegit et transcripsit Dr. Joannes Schafárik, etc. Belgradi 1862 ss.».

«Documenta ad Forumjulii Patriarchatum Aquileiensem Tergestum Istriam Goritiam spectantia inde a recessiore tempore usque ad medium seculum XV regesta collegit Prof. A. S. Minotto etc. Venetiis MDCCCLXX (1870) ss.»,

но я убѣжденъ, что въ этихъ сборникахъ ни разу не упоминается о Резьянахъ.

Самымъ естественнымъ при отысканіи грамотъ, относящихся къ Резью, мнѣ казалось изслѣдованіе архива мѣстности, составля-

---

[1]) Въ 1873 году этотъ архивъ состоялъ въ вѣдѣніи священника Паузати (Don Pausati), который предупредительно помогалъ мнѣ отыскивать желаемыя рукописи.

ющей центръ уѣзда или дистрикта, къ которому принадлежитъ Резья. Но, къ несчастію, подобнаго архива въ Мужацѣ вовсе не оказалось. Прежде онъ существовалъ, но теперь уничтоженъ и хранившіяся въ немъ рукописи переведены отчасти въ Венецію въ библіотеку Фрари (Frari), отчасти въ Чивидале, отчасти, наконецъ, въ Санъ-Даніеле (S. Daniele). Мужацкій аббатъ делля Стуа увѣрялъ меня, что въ то время, когда въ Мужацѣ еще существовалъ архивъ, онъ видѣлъ грамоту 1100 г., принадлежащую Мужацкому аббатству (abbazia di Moggio) и, между прочимъ, упоминающую о Резьѣ.

Если, какъ мы только-что видѣли, не открыты до сихъ поръ настоящіе историческіе источники для исторіи Резьянскаго народа, то точно такъ же нѣтъ у Резьянъ историческихъ преданій въ строгомъ смыслѣ этого слова. Событія, о которыхъ сохранилось у Резьянъ устное преданіе, совершились такъ недавно и при томъ же они по большей части такъ ничтожны, что ни коимъ образомъ не могутъ быть причислены къ категоріи фактовъ историческихъ.

Сказанія о двухъ крестахъ на большомъ камнѣ и о дѣлежѣ пастбищъ («полонинъ») между двумя братьями, изъ Нивы и изъ Бѣлой, сообщены мною выше. Точно также я уже прежде намекалъ на нѣкоторыя изъ преданій, которыя намѣренъ сообщить въ этомъ отдѣлѣ моей статьи.

а) Вблизи деревни Бѣлой лежитъ мѣстность Господница. На ней, по одному народному преданію, поселились первые Резьяне. По другому же варіанту этого преданія, здѣсь была построена первая Резьянская церковь, какъ увѣряютъ нѣкоторые изъ доморощенныхъ историковъ, 1000 лѣтъ назадъ.

б) Вблизи деревни Столбицы имѣются будто-бы слѣды какого-то зáмка. Эта мѣстность и называется «Зáмкомъ» (hrad). Народное преданіе же гласитъ, что здѣсь въ древнія времена стоялъ зáмокъ, называемый страннымъ именемъ Rémorafísta (?).

в) Ежегодно въ день св. Августина, 28 августа, и на слѣдующій день, 29 августа, въ Резьянскомъ приходѣ совершается больщій крестный ходъ (процессія) по всѣмъ Резьянскимъ церквамъ. Начало этого обычая объясняется слѣдующимъ преданіемъ:

«Въ прежнія времена, около ста лѣтъ назадъ, упалъ красный снѣгъ (sníh te čerñéli) на колосья кукурузы. И вслѣдствіе этого установленъ былъ праздникъ въ оба дня (двухдневный праздникъ) (ní so djále fjoéšto óbadwa dní), въ день св. Августина (zá siu

Uštín, S. Augustino) и въ день св. Данiила (zá sin Danéu и т. п., S. Daniele, 28 и 29 августа). Поэтому ежегодно мы ходимъ съ крестнымъ ходомъ (mi hódymö pušišjún и т. п.) на Раванцу (tá na Rávanco). Тамъ служатъ обѣдню (miša). Затѣмъ послѣ обѣдни мы идемъ опять назадъ съ крестнымъ ходомъ сюда домой (soè híši). Изо всей Резьи собираемся вмѣстѣ на Раванцѣ, всѣ четыре общины» (wse štiri fracjúni) (Разсказано въ Осоянахъ).

г) Существуетъ тоже преданіе о наводненіи (pówadań), разрушившемъ нѣкогда много Резьянскихъ домовъ и даже одну церковь.

д) Не лишенъ интереса разсказъ о погребеніи мертвыхъ Резьянской волости:

«Въ прежнее время (prí po týmpyh) здѣсь въ Резьѣ мертвыхъ носили хоронить въ Нимисъ (dólu Nímis) (Nimis), село, отдаленное отъ Тарчента на два часа (ka tö oé dvi óre ta strán Tarčéta). Изъ Резьи же мы считаемъ (mý krokolámö), что это будетъ какихъ нибудь двѣнадцать часовъ пути. Мѣстность, гдѣ они именно хоронили, носитъ названіе Осоровашъ (?, Osórovaš) по ту сторону потока Тера» (prijtìt Toér и т. п.).

Имѣвшіяся до сихъ поръ свѣдѣнія о Резьянахъ и Резьянскомъ нарѣчіи весьма скудны и, кромѣ того, большинство изъ нихъ поражаетъ отсутствіемъ всякой точности и совершенно противорѣчитъ истинному положенію вещей.

Лучшую статью объ отношеніяхъ Резьянскихъ говоровъ къ другимъ нарѣчіямъ Славянскимъ написалъ, сколько я знаю, Стефанъ Валенте (Don Stefano Valente или Pre Stefano Valente), родомъ изъ Резьянской Бѣлы, стало-быть, самъ же Резьянинъ, въ настоящее время (по крайней мѣрѣ, въ 1873 г.) капелянъ въ Платищахъ въ Тарчентскомъ уѣздѣ или дистриктѣ Видемской провинціи. Эта статья напечатана въ фельетонѣ газеты «Giornale di Udine», 1868, № 293, 9 декабря подъ заглавіемъ «Sul linguaggio Slavo della Valle di Resia in Friuli.

Валенте самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергаетъ преданіе о Русскомъ происхожденіи Резьянъ, и утверждаетъ, что въ Резьянской долинѣ живетъ одинъ изъ говоровъ Крайно-Словенскаго языка (un dialetto dello Slavo Cragnolino e Carinsiano). Соглашаясь вполнѣ съ первою, отрицательною, частью этого положенія, я, по выше изложеннымъ причинамъ, не могу признать доказаннымъ ближайшее этнографическое родство Резьянъ съ Крайно-Словенцами. При томъ же доводы, на которыхъ основывается мнѣніе Стефана Ва-

ленте, далеко неубѣдительны, хотя нельзя отрицать, что точно такими же доводами мотивируется большинство общепризнанныхъ системъ дѣленія разныхъ группъ родственныхъ языковъ и нарѣчій, между прочимъ, всѣхъ языковъ и нарѣчій Славянскихъ. Доводы эти состоятъ, съ одной стороны, въ ссылкахъ на разныхъ авторитетныхъ ученыхъ, съ другой же стороны, въ сопоставленіи и сравненіи отдѣльныхъ словъ и другихъ мелкихъ фактовъ, слишкомъ ничтожныхъ для того, чтобы на нихъ можно было основывать классификацію и теоретическія сближенія какихъ бы то ни было языковъ.

Весьма вѣрныя и мѣткія замѣчанія о нѣкоторыхъ свойствахъ Резьянскихъ говоровъ и даже объ ихъ разнообразіи сообщены въ статьѣ Станка Враза (Stanko Vraz) «Dopis prijateljski iz Mletačkoga» (въ журналѣ «Dânica Ilirska». 1841. Broj 29. U subotu, 17 Serpnja 1841).

Станко Вразъ самъ посѣщалъ Резью. Приблизительно въ то же самое время посѣщалъ Резью И. И. Срезневскій и описалъ ее и ея жителей въ статьяхъ: «Славянскія Извѣстія. Фріульскіе Славяне (Резіяне и Словины)». («Москвитянинъ», 1844, V. 207—234, § 1. Резіяне, стр. 207—215) и «Zpráwa o Rezianech» (Dopisy I. Sreznewského a P. Preisa W. Hankowi) (въ Чешскомъ журналѣ «Časopis Českého Museum». Patnactý ročnjk. W Praze, 1841, стр. 341—344).

Резьянскому же нарѣчію посвящено нѣсколько словъ въ статьѣ И. И. Срезневскаго—«О нарѣчіяхъ Славянскихъ» («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», XXXI. 1841. II, стр. 153).

Въ настоящее время Измаилъ Ивановичъ перепечаталъ въ академическомъ изданіи свою Русскую статью о Резьянахъ, дополнивъ ее отрывками изъ писемъ къ своей матери, и приложивъ къ ней тоже статью Враза.

До Срезневскаго и Враза, писали о Резьѣ и Резьянахъ два Славянскихъ путешественника, Польскій графъ Янъ Потоцкій, и Чешскій ксендзъ Пишели, состоявшій капеляномъ въ Австрійской арміи.

Рукопись графа Потоцкаго (hrabia Jan Potocki) довольно долго хранилась ненапечатанною въ библіотекѣ Оссолинскихъ во Львовѣ, гдѣ она, вѣроятно, и теперь находится. Потоцкій посѣщалъ Резью еще въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія, а между тѣмъ только въ 1816 году его записки были переведены съ Французскаго на Нѣмецкій Копитаромъ и, вмѣстѣ съ примѣчаніями этого послѣдняго, помѣщены въ «Vaterländische Blätter für

den österreichischen Kaiserstaat. Jahrg. IX. 1816», стр. 176—180, п. з. «Die Slaven im Thale Resia». Затѣмъ эта статья была перепечатана Миклошичемъ въ обнародованномъ имъ сборникѣ мелкихъ статей Копитара, «Barth. Kopitars, Kleinere schriften sprachwissenschaftlichen, geschichtlichen, ethnographischen und rechtshistorischen, inhalts. Herausgegebon von Fr. Miklosich. Erster theil. Wien. 1857», стр. 323—330.

Сборникъ Резьянскихъ словъ, и краткія замѣтки о самихъ же Резьянахъ, сообщенныя Пишелимъ (A. Pišely) Добровскому въ письмѣ отъ 14 апрѣля 1801 г., появились въ «Славинѣ» п. з. «Ueber die Slawen im Thale Resia» (»Dobrowsky's Slavin. Bothschaft aus Böhmen an alle Slawischen Völker oder Beiträge etc. Zweite etc. Auflage. Von Wenceslaw Hanka» etc. Prag. 1834, стр. 118—124).

Въ запискѣ Потоцкаго, кромѣ нѣсколькихъ фантастическихъ предположеній по части этнологіи и исторіи, встрѣчается еще довольно много Резьянскихъ словъ въ совершенно невѣрной передачѣ, и даже отчасти въ этомъ видѣ несуществующихъ и созданныхъ, по видимому, самимъ же Потоцкимъ, по аналогіи другихъ словъ той же категоріи. Сюда, между прочимъ, относятся нѣкоторыя числительныя и т. п. Но зато нѣтъ здѣсь такихъ географическихъ. статистическихъ и лингвистическихъ ошибокъ, неточностей и недоразумѣній, какія украшаютъ другой источникъ для свѣдѣнія о Резьянахъ въ прежнія времена, то-есть, письмо Пишели къ Добровскому. Пишели насчиталъ 7000 жителей въ Резьянской долинѣ, тогда какъ въ то время ихъ не могло быть даже 3000. Деревни Rustis (или Ruštis), названная тоже Austis (или Auštis), Poviey (или Powiey) и т. д., потоки Risatik, Puto, и т. п. въ Резьѣ никогда не существовали и обязаны своимъ происхожденіемъ или недоразумѣнію, или же творческой фантазіи ксендза Пишели. Нѣкоторыя Резьянскія горы перемѣщены Пишелимъ и поставлены въ другія мѣста, нѣкоторыя же изъ приведенныхъ будто бы Резьянскихъ словъ совсѣмъ исковерканы, и т. д. и т. д.

Нѣсколько словъ о Резьянахъ можно найти въ статьѣ Ст. Коціянчича, профессора Горицкой семинаріи, «Odgovori na vprašanja družtva na jugoslavensko povestnico od Stepana Kociančiča», и именно въ главѣ «Od Benečanskih Slovencov» («Arkiv za povjestnicu jugoslavensku. Knjga III. Uredio Jvan Kukuljević Sakcinski. etc. U Zagrebu. 1854. Стр. 306—309).

Краткое, но добросовѣстное описаніе Резьи и Резьянъ принад-

лежитъ перу того же автора: «Rezija in Rezijani. Spisal Stef. Kocijančič (въ «Cvetnik, berilo za slovensko mladino vredil Anton Janežič, etc. Drugi del. V Celovcu 1867», стр. 66, № 59—и въ «Slovenisches Sprach- und Uebungsbuch für Anfänger zum Schul- und Privatunterrichte. Von Anton Janežič. 8 Auflage, Laibach, 1872», стр. 237—238).

Коціянчичъ не посѣщалъ самъ Резьи, но имѣлъ возможность познакомиться съ нею и съ ея жителями довольно основательно.

Резьянскимъ нарѣчіемъ занимался покойный Георгій Цафъ (Oroslav Caf), но, къ сожалѣнію, не оставилъ объ этомъ предметѣ, сколько мнѣ извѣстно, ничего цѣльнаго, а только въ его довольно многочисленныхъ лингвистическихъ статьяхъ встрѣчаются отрывочныя замѣчанія и сравненія Резьянскихъ словъ со словами другихъ языковъ.

Статьи Осипа Бергмана:

«Das Thal Resia und die Resianer in Friaul» (приложенная къ разсужденію «Historische Untersuchungen über die sogenannten Cimbern in den Sette-Comuni. Von Joseph Bergmann» въ «Anzeige-Blatt für Wissenschaft und Kunst», N CXXI., стр. 46—50, составляющемъ приложеніе къ «Jahrbücher der Literatur. Hundert ein und zwanzigter Band. 1848. Januar. Februar. März—Wien.») и

«Das slavische Resia Thal» (какъ часть разсужденія «Topographie der VII und XIII Comuni in den venetianischen Alpen, nebst zwei Kärtchen. Mitgetheilt von Joseph Bergmann» въ «Archiv für Kunde österreichischer Geschichts Quellen. Herausgegeben von der zur Pflege vaterländischer Geschichte anfgestelten Commission der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Dritter Band» или «Zweiter Jahrgang. 1849. Zweiter Band». Wien 1849, стр. 253—256)—

представляютъ, главнымъ образомъ, извлеченіе изъ записокъ Потоцкаго и Пишели. Кромѣ того, первая изъ этихъ статей начинается исчисленіемъ названій Резьянскихъ мѣстностей, отмѣченныхъ на картѣ Австрійскаго генеральнаго штаба и, не совсѣмъ удачно, объясненныхъ Миклошичемъ. Сообщеніямъ же И. И. Срезневскаго, представляющимъ самыя достовѣрныя данныя, отведено здѣсь относительно меньше мѣста. Зато гораздо точнѣе компиляція Шафарика, основанная преимущественно на Чешской статьѣ Срезневскаго и на статьѣ Станка Враза (см. выше). Компиляція Шафарика была переведена съ Чешскаго рукописнаго подлинника на языки Русскій (Ѳ. Евецкимъ) и Польскій (А. Кухарскимъ) и п. з. «О Резіянахъ и Фурлянскихъ Словинахъ. Статья П. I. Шафарика»

или «O Rezjanach i Furlańskich Słowinach przez Pawła Józefa Szafarzyka» помѣщена въ двухъ-язычномъ журналѣ «Денница, литературная газета, посвященная Славянскимъ предметамъ и издаваемая Петромъ Дубровскимъ. Часть первая. Варшава 1842. Годъ первый» или «Jutrzenka, pismo literackie, poświęcone przedmiotom Słowiańskim, wydawane przez Piotra Dubrowskiego. Część pierwsza. Warszawa. 1842. Rok piérwszy» № 9, стр. 109—113.

На статьяхъ Бергмана основывались Біонделли и, затѣмъ, Асколи, говоря о Резьянахъ въ своихъ сочиненіяхъ:

«Studii linguistici di B. Biondelli» etc. Milano MDCCCLVI (1856), стр. 55—56 (въ III-ей статьѣ, озаглавленной «Prospetto topografico-statistico delle colonie straniere d'Italia»).

«Studj critici di G. I. Ascoli, etc. I. Cenni sull'origine delle forme grammaticali—Saggi di dialettologia italiana—Colonie straniere in Italia—Frammenti Albanesi—Gerghi». (Dagli Studj orientali e linguistici, Fasc. III). Milano. Lipsia. Trieste. Tipografia Paternolli in Gorizia. 1861, стр. 46—47.

Въ Словенской (Крайно-Словенской) газетѣ «Novice», 1862, list 24, 11 junija, стр. 197, напечатана церковная пѣснь «Stabat Mater» будто бы по-Резьянски; въ самомъ дѣлѣ же она можетъ дать только вполнѣ превратное понятіе объ особенностяхъ Резьянскаго нарѣчія.

Книги и статьи, относящіяся какъ къ Резьѣ, такъ и къ ея окрестностямъ, исчислены въ «Bibliografia del Friuli. Saggio di Giuseppe Valentinelli» etc. (Edizione sovvenuta dall'Imp. Accademia delle Scienze di Vienna). Venezia, 1861. Изъ этой «Библіографіи» я выписываю здѣсь еще слѣдующія заглавія.

(Valussi, Pacifico) «Rapporto della Camera di commercio e d'industria della provincia del Friuli, ull' ecc. i. r. Ministero del commercio, dell'industria e delle pubbliche costruzioni, sullo stato dell' industria e del commercio della propria provincia negli anni 1851 e 1852. Udine, 1853 (стр. 7, 24, 31). На это сочиненіе постоянно ссылается Асколи въ своихъ «Studj critici».

Stampa di Pontieba, Dogna, Chiusa, Resia contro Moggio, in punto diritto di formar parte del giudizio giurisdizionale de' Giurati 1795.—S. d., 4o.

Gli ospiti di Resia. Romanzetto.—Udine, 1827, Pecile, p. 87, 16o. Seconda edizione.—Стефанъ Валенте въ своей вышеупомянутой статьѣ о Резьянскихъ говорахъ авторомъ этой книжки называетъ нѣкоего Вивіяни (sig. Viviani).

Бергманъ («Archiv für Kunde österreichischer Geschichts-Quellen». 1849. II. 254) приводитъ слѣдующую историческую книгу, которая тоже упоминаетъ о Резьѣ, и которую я напрасно искалъ у Валентинелли.

«Descrittione della nobil-ma Patria del Friuli etc. di Hercole Partenopeo». In Vdine 1604.

Древняя географія Резьи сообщается, какъ можно предполагать, въ сочиненіи «Della geografia antica del Friuli etc. del signor Paolo Fistulario» etc. in Udine MDCCLXXV (1775).

Сюда можно причислить тоже межевую карту Резьи и ея окрестностей, составленную въ 1743 году.

Небольшая географическая карта Резьи приложена къ названной статьѣ Бергмана въ «Archiv für Kunde österreichischer Geschichts-Quellen». Кромѣ того, подробную топографію Резьи, хотя, впрочемъ, со многими ошибками, относительно мѣстныхъ названій, представляетъ карта Австрійскаго генеральнаго штаба.

«Fogli della carta topografica del Regno Lombardo-Veneto componenti il Governo di Venezia», или по-Нѣмецки «Blätter der to, pographischen Karte des Lombardisch-Venetianischen Königreiches welche das Gouvernement von Venedig bilden», листы (fogli, Blätter) H 2 и G 2.

Номенклатуру географическихъ собственныхъ именъ Резьи даетъ, между прочимъ, книжка «Nomi propri orografici. Alpi Carniche e Giulie per Giovanni Marinelli, prof. di Storia e Geografia». (Estratto degli «Annali del R. Istituto Tecnico di Udine» dell'anno 1872).

Въ заключеніе я позволю себѣ привести свои сочиненія: «Опытъ фонетики Резьянскихъ говоровъ» 1875. «Резьянскій Катихизисъ какъ приложеніе къ Опыту фонетики Резьянскихъ говоровъ, съ примѣчаніями и словаремъ», 1875 [1]).

И. Бодуэнъ-де-Куртенэ.

(I. Baudouin-de-Courtenay).

Казань, апрѣль 1876

---

[1]) По поводу «Резьянскаго Катихизиса» не безъинтересны слѣдующія слова въ приведенной выше запискѣ графа Потоцкаго: «Здѣсь слѣдуетъ начало христіанскаго ученія (закона божія), которое написалъ самъ настоятель и подарилъ мнѣ, не оставивъ у себя ни какого списка. Этотъ подлинникъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими отрывками того же рода, я предназначилъ для библіотеки графа Максимиліяна Оссолинскаго». (См. Barth. Kopitars, «Kleinere Schriften etc. herausgegeben von Fr. Miklosich. Erster Theil». Wien 1857, стр. 326—327).

ИЗЪ ИСТОРІИ ВИЗАНТІИ ВЪ XII ВѢКѢ.

Южно-Итальянская война [1]).

(1156—1157).

Возвращеніе южной Италіи съ давняго времени составляло главную цѣль политики Мануила. Онъ не отказался отъ нея и по смерти своего союзника, короля Конрада III (15 февраля 1152), на котораго онъ такъ много разсчитывалъ. Онъ не изъявилъ готовности примириться съ Норманами и послѣ смерти Рожера (26 февраля 1154), хотя его преемникъ, король Вильгельмъ, самъ сдѣлалъ первый шагъ къ миру, отправивъ въ Византію посольство и предлагая возвратить все то (людей и имущество), что захватилъ Рожеръ въ Ѳивахъ, Коринѳѣ и Корфу.

Фридрихъ I Барбарусса, будущій разоритель городовъ Ломбардскихъ, по наружности поддерживалъ сначала добрыя отношенія со дворомъ Византійскимъ и даже, казалось, готовъ былъ содѣйствовать планамъ Мануила. Онъ принялъ обязательства такого рода еще при жизни своего дяди, когда вмѣстѣ съ нимъ былъ въ Константинополѣ, на возвратномъ пути изъ крестоваго похода. Конрадъ, по собственному сознанію Фридриха, завѣщалъ своему наслѣднику быть въ дружбѣ и тѣсномъ союзѣ съ Византійскимъ императоромъ [2]). Идя на встрѣчу желанію, выраженному въ письмѣ Мануила, о взаимномъ укрѣпленіи дружбы, Барбарусса уже въ мартѣ 1153 года заговорилъ о брачномъ союзѣ съ одною изъ Византійскихъ принцессъ, хотя для этого ему прежде нужно было развестись со своею первою женою. Это, по его словамъ, послужило бы къ бо́льшему скрѣпленію согласія и къ приращенію (вла-

[1]) Статья эта служитъ непосредственнымъ продолженіемъ отрывка, напечатаннаго во II томѣ «Славянскаго Сборника», и необходима для связи съ послѣдующими главами, въ которыхъ Венгерскія и Славянскія отношенія выступаютъ снова на первый планъ.

[2]) «Monum. Corbeiens.», p. 518.

дѣній) той и другой имперіи [3]). При этомъ онъ извѣщалъ о своемъ намѣреніи при наступленіи лѣта предпринять походъ на Апулію и Калабрію. Аббатъ Вибальдъ, который приписывалъ себѣ проектъ брачнаго союза короля Гейнриха — теперь умершаго — съ Византійскою принцессой, увѣрялъ Мануила въ своей преданности и въ своемъ настойчивомъ желаніи достигнуть осуществленія своей мысли, склонивъ въ ея пользу Фридриха [4]).

Въ сентябрѣ 1153 года Фридрихъ отправилъ въ Константинополь торжественное посольство, возвѣщенное гонцами, привезшими его письмо (писанное въ мартѣ). Во главѣ посольства былъ знаменитый Ансельмъ Гавельбергскій (въ Брауншвейгѣ), который уже разъ посѣтилъ Византію при Кало-Іоаннѣ и Лотарѣ II; его сопровождалъ Александръ Гравина, Норманскій владѣтель изъ южной Италіи, перешедшій въ Византію вслѣдствіе преслѣдованій короля Рожера и уже служившій нѣсколько разъ посредникомъ между двумя имперіями. Послы должны были вести рѣчь о бракѣ и достигнуть соглашенія относительно войны противъ короля Сицилійскаго [5]). Что касается брака, то невѣстою императора была Марія, дочь севастократора Исаака, племянница Мануила, славившаяся своею красотой, а относительно военнаго соглашенія Византійскіе источники утверждаютъ, что послы Фридриха заявили о готовности своего государя исполнить прежде данныя вмѣстѣ съ королемъ Конрадомъ обязательства — содѣйствовать Грекамъ въ пріобрѣтеніи Италіи, т. е. Апуліи и Калабріи [6]). Если эти обѣщанія были дѣйствительно теперь вновь высказаны, то едва-ли на этотъ разъ съ полною искренностью. По-видимому, Фридрихъ Барбарусса игралъ въ двойную игру. Столько-же, сколько Византійскій императоръ, и даже гораздо болѣе, ему нуженъ былъ въ дѣлахъ Итальянскихъ папа Евгеній III. Онъ долженъ былъ имѣть въ виду — пріобрѣтеніе императорской короны, получить которую можно было только въ Римѣ. Правда, ему представлялась нѣкоторая возможность обойтись и въ этомъ случаѣ безъ Римскаго первосвященника. Поолѣдова-

[3]) Ad augmentum firmioris concordiae et incrementum utriusque imperii: Wibaldi epistol. № 410 («Monum. Corbeiens.», pag. 548).

[4]) Instanter persuadere non cessavi, quatinus — — dominus meus Fridericus imperator cum constantissimo imperio vestro fedus amicitiae iniret et de sanguine vestro uxorem duceret. — Благодаритъ за присланный бѣлый аксамитъ (pro examito albo). № 411, pag. 550.

[5]) Otton Frising. «Gesta», p. 110 (шк. изд.). Quam pro hoc negocio (ducenda alia uxore), quam pro G w i l l e g e l m o Siculo — utriusque imperii invasore d e b e l l a n d o. — Имя Вильгельма, который умеръ только въ концѣ февраля 1154-го года, стоитъ здѣсь ошибочно. [6]) Cinnam, pag. 135: ἐπὶ τῆς Ἰταλίας καταχτήσει Ῥωμαίοις ὑπηρετήσειν ὑπέσχοντο.

тели Арнольда Брешіанскаго—Римская республика и сенатъ—присвоивали право избранія императоровъ Римскихъ самому Римскому народу, помимо духовенства и монаховъ, смѣшивающихъ въ своемъ ученіи Божеское и человѣческое. Но такія демократическія притязанія вовсе не гармонировали съ высокимъ представленіемъ Барбаруссы о достоинствѣ императорской власти, и должны были казаться для него лично оскорбительными. Вмѣсто Римской республики, онъ вступилъ въ союзъ съ папою Евгеніемъ III. Фридрихъ обязался не заключать мира съ Римлянами безъ согласія и воли Римскаго престола, но покорить ихъ власти папской, какъ это было прежде. Съ другой стороны, король Германскій, будущій императоръ, и папскій престолъ взаимно обязались противодѣйствовать утвержденію Грековъ по эту сторону моря; если Византійскій императоръ сдѣлалъ нашествіе на какую-либо область Италіи, то какъ Фридрихъ, такъ и папа употребятъ всѣ усилія для его изгнанія [1]). Этотъ договоръ былъ заключенъ въ мартѣ 1153 года, почти въ то самое время, когда начались переговоры въ Константинополѣ,—и, безъ сомнѣнія, мѣшалъ искреннему и прямому соглашенію между двумя императорами.

Послы Византійскаго императора, отправленные въ концѣ ноября 1153 года изъ Пелагоніи, для утвержденія предположенныхъ союзныхъ условій, нашли, что Фридрихъ Барбаруссa говоритъ вовсе не въ томъ тонѣ, какъ они ожидали, что, по выраженію Византійскаго источника, онъ питалъ намѣренія вовсе нездравыя. Ничего не сдѣлавъ, они воротились назадъ, взявъ только обѣщаніе съ Барбаруссы, что онъ отправитъ второе посольство для продолженія переговоровъ [2]). Это второе посольство, рекомендованное письмомъ Вибальда къ Мануилу, 1154 года [3]), не принесло удовлетворительныхъ предложеній, или принесло такія, которыя не могли

[1]) Любопытный документъ, относимый Яффе къ январю или февралю 1153-го года: «Monum. Corbeiens.», pag. 547.—Regi autem Grecorum ex ista parte maris terram non concedet (papa); quod si ille (Визант. импер.) invadere presumpserit, domnus papa viribus beati Petri cum ejicere curabit.—Документъ этотъ представляетъ проектъ договора съ папской стороны; самая договорная грамота заключаетъ, впрочемъ, неважныя для насъ измѣненія. См. Pertz, «Monum. Germ. Leges» II, 92. Она относится къ марту мѣсяцу. Относительно Грековъ обязательство со стороны Фридриха выражено такъ: Graecorum quoque regi nullam terram ex ista parte maris concedet, quod si forte ille invaserit, pro viribus regni, quantocius poterit ipsum ejicere curabit.

[2]) Cinnam, pag. 135. Βασιλεὺς δὲ τοὺς λόγους ἀποδεξάμενος πρέσβεις καὶ αὐτὸς ἐπὶ Φρεδερίκον ἔπεμψεν ἐμπεδοῦν τὰ δεδογμένα κελεύσας. ἀλλ' ἐκεῖνοι — μηδὲν ὑγιές βεβουλεῦσθαι τὸν ἄνδρα διαγνόντες ἄπρακτοι, ἐκεῖθεν ἀπηλλάττοντο, δευτέρᾳ πρεσβείᾳ πρὸς βασιλέα χρῆσθαι αὐτὸν ἀναπείσαντες.

[3]) Wibaldi epist. № 432. monum. Corbeiens. pag. 568.

быть приняты Мануиломъ [4]). Въ Константинополѣ, однако, знали, что Фридрихъ уже готовится къ походу въ Италію. Если тамъ хотѣли дѣйствовать, то не слѣдовало терять времени, — потому что обстоятельства были въ высшей степени благопріятны.

Въ южной Италіи господствовало всеобщее волненіе и неудовольствіе противъ новаго короля, прозваннаго Вильгельмомъ Злымъ. Бароны Норманскіе были оскорблены въ своей феодальной гордости тѣмъ, что король далъ управлять собою какому-то Майо, человѣку, принадлежавшему къ племени покоренному; они помнили, что отецъ его нѣкогда торговалъ масломъ на улицахъ города Бари [5]). Человѣкъ такого низкаго происхожденія завладѣлъ теперь довѣренностью короля, достигъ званія великаго эмирва—первый санъ въ королевствѣ, — и съ ненавистью плебея преслѣдовалъ всѣхъ вельможъ и даже родственниковъ короля. Графъ Робертъ Лорителли (Бассавилла), двоюродный братъ Вильгельма, заподозрѣнный въ намѣреніи овладѣть трономъ, опасаясь за свою свободу, отказалъ въ повиновеніи канцлеру Анскотину, которому было ввѣрено управленіе Апуліей. и удалился въ Абруццы, сопровождаемый своими вассалами [6]).

Въ туземномъ населеніи существовало глухое, но тѣмъ не менѣе сильное раздраженіе противъ Норманской власти. Не были еще изглажены и слѣды Греческаго господства; уничтоженіе монастырей Греческихъ, преслѣдованіе Греческаго духовенства возбуждало ропотъ въ Греческомъ населеніи Апуліи и Калабріи, обращало его сочувствіе къ Византіи. Слухъ о смерти короля, пущенный въ ходъ противниками Майо, произвелъ взрывъ, поднявшій всю Апулію. «Тогда, говоритъ Гуго Фалкандъ, современный авторъ исторіи «О тираніи Сицилійской», — непостоянный народъ Апулійскій задумалъ возвратить себѣ свободу, которой онъ никогда не умѣлъ сохранять за собою. Жалкое племя, которое не имѣетъ достаточно мужества для войны и не хочетъ, однако, жить въ спокойствіи, хватается за оружіе, составляетъ тайныя общества (societates contrahit), начинаетъ укрѣплять замки» [7]).

---

[4]) Cinnam, pag. 135: ἧς καὶ αὐτῆς ἀποψηφισθείσης.

[5]) Hugon. Falcandi histor.: Murator. VII, 265. Barensem humili ortum genere: ibid., pag. 261.

[6]) Anscotinus у Гугона Фалканда: Murator. VII, 213. Ascittinus: Romuald. Salernit.: Pertz, SS. XIX. Asclentino: Annales Casin. ibid. pag. 311.

[7]) Murator. VII, 264. Оттонъ Фрейзингенскій (Gesta, pag. 156) прямо говоритъ о существованіи всеобщаго расположенія къ Византійцамъ. Praeterea totus pene populus in civitatibus oppidisque manens, eo quod jam diu Gwillehelmi hujus ut pridem patris sui tyrannia premeretur, tanquam

Ссора короля Сицилійскаго съ папою Адріаномъ IV, который только-что вступилъ на папскій престолъ (въ декабрѣ 1154), еще болѣе усиливала затрудненія Норманскаго правительства. Папа Адріанъ IV не хотѣлъ признать за королемъ Вильгельмомъ королевскаго титула, который онъ носилъ еще при жизни отца, бывъ коронованъ безъ вѣдома и согласія Римскаго престола,—и въ своемъ посланіи наименовалъ его только «господиномъ Сициліи» [1]). Вильгельмъ отослалъ назадъ папскаго посла и кардинала, который принесъ ему папскую грамоту не съ надлежащимъ титуломъ. Неудовольствовавшись такимъ поступкомъ, взволновавшимъ всю папскую курію, онъ далъ своему канцлеру приказаніе вступить въ область Беневентскую, входившую въ составъ наслѣдія св. Петра. Жители Беневента упорно защищались, они убили даже своего архіепископа, который былъ на сторонѣ Норманновъ. Въ самомъ лагерѣ Норманновъ они нашли себѣ помощниковъ и союзниковъ. Нѣсколько бароновъ, недовольные правительствомъ (быть можетъ, возмущенные въ своей совѣсти войною противъ папы), вошли въ городъ и присоединились къ его защитникамъ; другіе, оставивъ войско, разошлись по домамъ. Осада рушилась сама собою. Но тѣмъ не менѣе папа Адріанъ долженъ былъ опасаться на слѣдующую весну еще болѣе рѣшительныхъ дѣйствій со стороны Вильгельма, которыя, въ самомъ дѣлѣ, не долго замедлили [2]).

Въ виду опасности, папа Адріанъ IV, посовѣтовшись съ кардиналами, прибѣгнулъ къ обычному оружію папской политики. Король Вильгельмъ былъ подвергнутъ церковному отлученію; его недовольные подданные получили поощреніе и прямое приглашеніе къ возстанію противъ своего государя. Папа вошелъ въ сношеніе не только съ Робертомъ Лорителли, но и съ другими знатными изгнанниками, призывая ихъ поднять оружіе противъ короля и своимъ «первосвященническимъ словомъ» обѣщая имъ непремѣнную и

---

de jugo tam gravi liberari optans, illis (Graecis) adhaerebat. Ср. также Robert de Monte (продолжатель Сигиберта): Pertz, SS. VI, 505. Cives illius (urbis Bar) Graecis faventes. Киннамъ (pag. 141) говоритъ о какомъ-то Норманскомъ владѣтелѣ (Ричардѣ, владѣтелѣ города Антро), что онъ отличался крайнею жестокостью; лишеніе рукъ и ногъ было у него обычнымъ наказаніемъ. Ненависть, которую населеніе питало къ этому феодалу, выразилась страшнымъ образомъ (pag. 144). Священникъ, убившій его въ сраженіи съ Греками, вырвалъ у него внутренности и вложилъ ихъ ему въ ротъ, какъ знакъ его кровожадности.

[1]) Romuald Salernit. Pertz, SS. XIX, 428. Histor. Pontific. Pertz, SS. XX, 539.—Вильгельмъ, какъ объяснено въ послѣднемъ источникѣ, былъ коронованъ епископомъ Панорма, безъ вѣдома и согласія папы.

[2]) Romuald. Salernit. Pertz, SS. XIX, 428.

неизмѣнную помощь Римской церкви [3]). Въ то-же время Адріанъ IV не усомнился вступить въ сношеніе и съ болѣе отдаленнымъ, но наиболѣе надежнымъ врагомъ Норманскаго владычества. Хотя договоръ Евгенія III съ Барбаруссой былъ обязателенъ и для его преемника, но Адріанъ IV имѣлъ полное право объяснять его такъ, какъ объяснялъ король Фридрихъ, т. е. что онъ не запрещаетъ призывать Византійскаго императора въ Италію на помощь, а только обязываетъ не давать ему возможности утвердиться въ ней.

Поэтому Адріанъ IV не прочь былъ вступить въ союзъ не только съ Фридрихомъ Барбаруссою, но и съ самимъ императоромъ Византійскимъ. Сомнѣнія могутъ быть только относительно момента, когда этотъ союзъ былъ заключенъ. Но мы имѣемъ полное право думать, что уже теперь, въ 1154 году, положено основаніе соглашенію, которое обнаружилось въ слѣдующемъ (1155) году.

Нетрудно замѣтить, что, не смотря на колебанія и постоянно, по-видимому, смѣняющіяся комбинаціи, очень простые и постоянные принципы проявляются въ политикѣ державъ, заинтересованныхъ въ дѣлахъ Итальянскихъ. Византійскій императоръ, папскій престолъ, глава Священной Римской имперіи Германскаго народа, Венеціанская республика—вступаютъ въ союзы, взаимно враждуютъ, но самою природой вещей опредѣлены ихъ существенные, неизмѣнные интересы.

Папство очень много было обязано Норманамъ и вовсе не имѣло интереса уничтожать ихъ власти на югѣ Италіи. Кого-бы иначе оно могло противопоставить Нѣмецкимъ императорамъ? Но необходимо, чтобы Норманы были покорными слугами и вассалами Римскаго престола. Получивъ корону отъ Рима, они должны быть вѣрными папской тіарѣ. Всякій разъ, какъ Норманы уклоняются отъ своего призванія, вступаютъ во вражду съ престоломъ папскимъ, Римская курія противопоставляетъ имъ притязанія той или другой имперіи, или обѣихъ вмѣстѣ. Восточная и западная имперія одинаково имѣли притязанія на господство въ Италіи, но для одной важнѣе было господство на югѣ полуострова, для другой — на сѣверѣ его. Между ними возможно было, слѣдовательно, временное соглашеніе, пока ни та, ни другая сторона не достигла своей ближайшей цѣли; но, при одномъ только признакѣ ея достиженія, начиналось взаимное соперничество, и опасность для Нормановъ проходила благополучно. Когда гроза со-

---

[3]) Vita Adriani: Murator., t. III, pars I, 442, Cp. Guillelmi Tyrensi, lib. XVIII, cap. 2 (Migne Patrol. 201, 709).

биралась съ той или съ другой стороны, Норманы обращались съ раскаяніемъ къ своимъ естественнымъ покровителямъ и покорно становились на колѣна предъ намѣстниками св. Петра; тѣ, въ свою очередь, опирались на нихъ, чтобы не допустить Византіи или Германіи утвердиться прочно въ Италіи. Будущая владычица морей и Европейской торговли, умная Венеціанская республика была естественною союзницей Византіи, пока дѣло шло о томъ, чтобы не допускать господства Норманов южной Италіи на Адріатическомъ морѣ, не позволять имъ утвердиться въ Албаніи или на островахъ Іоническихъ, когда Византія дарила имъ Далматинское побережье и открывала привилегированные рынки въ предѣлахъ своей имперіи. Но Венеціанцамъ вовсе не было желательно, чтобы Византія утверждалась въ самой Италіи; это было бы для нихъ тоже самое, если бы Норманы утвердились на другомъ берегу Адріатики: оба берега—въ рукахъ одной державы.

Намѣреніе Грековъ утвердиться въ Италіи заставляло Венеціанцевъ опасаться за свои привилегіи, торговыя и политическія. Мы видѣли, что, когда Мануилъ, послѣ сдачи Корфу, велѣлъ своему адмиралу занять на другомъ берегу моря городъ Анкону, — Венеціанцы помѣшали исполненію этого плана. По тѣмъ же самымъ причинамъ въ 1154 году, когда Мануилъ рѣшительно готовился перенести свою борьбу съ Норманами въ южную Италію, прежняя союзница оставила его. Венеція въ томъ-же самомъ (1154) году заключила союзъ съ Вильгельмомъ I, получивъ конечно большія торговыя выгоды въ торговлѣ съ Сициліей [1]).

Но у Венеціи тоже были соперницы. Генуя и Пиза завидовали тѣмъ выгодамъ, которыя Венеція извлекала изъ дружбы съ Византіей, и готовы были воспользоваться благопріятнымъ случаемъ для пріобрѣтенія подобныхъ же преимуществъ. Если Венеція была за Нормановъ, то Византіи не представлялось особенной трудности склонить на свою сторону Геную и Пизу.

Лѣтомъ 1155 года, изъ Византіи отправлены были въ Италію два знатные посла—Михаилъ Палеологъ и Іоаннъ Дука, оба носившіе высокій титулъ «севастовъ»; ихъ сопровождалъ уже извѣстный намъ Александръ Гравина. Послы повезли съ собою въ Ита-

---

[1]) Договоръ въ изданіи Таѳеля: «Fontes rerum Austriac.» XII. 135 (№ LVI) Danduli Chron. Murat. XII, 286. Dominicus Mauroceno—pacis fervidus, cum Guilielmo rege ad pacem devenit, terrasque Venetorum a Ragusio infra et eos similiter, exceptis illis, quos in favorem Constantinopolitani imperatoris inveniret, securos reddidit, et immunitates plurimas in suo regno negotiatoribus Venetis indulsit.

лію большія груды Византійскаго золота. Мимоходомъ они побывали въ Генуѣ, надавали здѣсь щедрыхъ обѣщаній относительно торговыхъ правъ въ Константинополѣ и положили начало союзу Генуи съ Имперіей, который былъ потомъ скрѣпленъ осенью того же года Дмитріемъ Макремволитомъ [2].

Главное назначеніе пословъ, однако, было не въ этомъ. Они получили наказъ представиться императору Фридриху Барбаруссѣ, который, лѣтомъ 1155 года, совершилъ свой Итальянскій походъ, оказалъ папѣ большую услугу, предавъ сожженію знаменитаго предводителя республиканской и антипапистской партіи Арнольда Брешіанскаго, получивъ за то императорскую корону, которой не успѣлъ надѣть на себя его предшественникъ. Въ инструкціи посламъ было сказано, если они найдутъ еще Фридриха въ Италіи, по ту сторону Альпъ, то имъ обоимъ слѣдовало представиться ему; если же они услышатъ, что Фридрихъ оставилъ Италію, то Михаилъ Палеологъ съ деньгами долженъ идти въ Италію, а Дука Іоаннъ одинъ явиться къ Фридриху. Въ томъ и другомъ случаѣ, послы, конечно, должны были склонять Фридриха къ походу на югъ въ пользу Византіи; но, не достигнувъ цѣли, что̀ было особенно вѣроятно во второмъ случаѣ—если Фридрихъ измѣнитъ обѣщаніямъ [3],—послы должны были дѣйствовать на свой страхъ, и медлить имъ не было нужно. Въ ихъ рукахъ были деньги, позади ихъ были Византійскіе корабли и союзники. Въ августѣ мѣсяцѣ, въ окрестностяхъ Анконы, только-что высадившись на сушу, послы узнали о близкомъ присутствіи Фридриха Барбаруссы, возвращавшагося послѣ своей коронаціи въ Германію. Совершивъ въ честь Римскаго престола жестокую казнь надъ ученикомъ Абеляра, поссорившись съ Адріаномъ за стремя, которое императоръ не хотѣлъ подержать, когда папа сходилъ съ коня,—Барбарусса возвращался назадъ, не исполнивъ тѣхъ надеждъ, которыя на него возлагались. Папа надѣялся, что Фридрихъ возвратитъ ему земли апостольскаго престола, занятыя королемъ Сицилійскимъ. Бароны, возставшіе противъ Майо и своего короля, также разсчитывали на вмѣшательство Фридриха въ дѣла южной Италіи. Барбарусса, дѣйствитель-

[2]) Договоръ заключенъ Димитріемъ Макрополитомъ, какъ онъ названъ въ грамотѣ (Demetrius Macropolites) 12-го ноября 1155-го года. Но въ документѣ этого Димитрія есть ссылка на предшествовавшіе переговоры: Si vero Paleologus vel subitus (sevastus?) promiserit vobis specialem embolum et speciales scalas, dominus meus sanctissimus dabit vobis easdem. Договоръ напечатанъ: Sauli «Colonia dei Genovesi in Galata», II, 181. Buchon, «Nouvelles récherches», volume II, partie I, pag. 10.

[3]) Κἂν ἐκεῖνος τῶν δεδογμένων ἀμελήσῃ. Cinnam, p. 135.

но имѣлъ намѣреніе предпринять походъ въ Апулію и Калабрію— это доказывается его требованіемъ, обращеннымъ къ Пизанцамъ, которые вышли ему на встрѣчу еще при походѣ къ Риму; — онъ велѣлъ имъ приготовить свои корабли противъ Вильгельма Сицилійскаго [1]).

Надѣясь на содѣйствіе Германскаго императора, папскіе союзники, князья Апуліи и Калабріи, всѣ изгнанники Норманскіе собрались въ Римѣ; нѣкоторые изъ нихъ — Робертъ князь Капуи, Андрей Рупе-канина — отправились впередъ въ свои прежнія владѣнія; гóроды и зáмки сдавались имъ безъ сопротивленія, потому что жители ожидали въ слѣдъ за ними появленія самого императора. Но Фридрихъ ушелъ назадъ. Его войско не могло долѣе бороться со страшными, сильными жарами Кампаніи и не хотѣло идти далѣе [2]).

Дука Іоаннъ, ничего не достигнувъ въ лагерѣ Фридриха, возвращался назадъ; по дорогѣ онъ встрѣтился съ послами Роберта Лорителли, которые также были у Фридриха, предлагали ему всю Италію и Сицилію, если онъ воротится назадъ и вступитъ въ союзъ съ ихъ господиномъ; но также получили отказъ [3]). Александръ Гравина, сопровождавшій Дуку, вступилъ въ разговоръ со своими земляками, узналъ, зачѣмъ они были въ Анконѣ, и кáкъ они ничего не достигли.

— Друзья мои, замѣтилъ Александръ, теперь близко тотъ человѣкъ, который поможетъ вамъ достигнуть цѣли посольства.

— Кто это такой?

— Императоръ Римскій.

Александръ объяснилъ при этомъ, что здѣсь, въ Италіи, неподалеку находится Михаилъ Палеологъ, лицо самаго высокаго сана, а главное съ большимъ количествомъ денегъ, и что цѣль его прибытія—пріобрѣтеніе южной Италіи для Византійскаго импера-

[1]) Otton. Frising. «Gesta Frider.», pag. 131.

[2]) Otton. Frising. «Gesta Frider.», pag. 114: inter haec princeps Capuae, Andreas Apuliae comes caeterique eiusdem provinciae exules, Campaniam et Apuliam cum legatione imperatoris ingredientes, civitates, castella, caeteraque quae olim habebant sine contradictione recipiunt и т. д.

[3]) Inde euntes versus Anconam, Paliologum nobilissimum principem Graecorum et Maro—ducam socium ejus cum caeteris nunciis Constantinopolitani obvios habuimus. Qui ut in Apuliam iremus, et hostem utriusque imperii Willehelmum potentia virtutis nostrae conterere vellemus, infinitam pecuniam nobis dare spoponderunt. Quia vero militia nostra propter multos labores et bella nimis attrita fuit, placuit magis principibus redire, quam in Apuliam descendere. Sicque nobis redeuntibus et Graecis cum superbia multitudinis suae et copiosa pecunia in Apuliam euntibus Paliologus post adeptum Barum и т. д. Письмо Фридриха къ Оттону Фриз.: «Gesta», pag. 4.

тора. Послы Роберта Лорителли не замедлили вступить въ сношенія съ Палеологомъ [4]). Устроено было свиданіе въ городѣ Вести; соглашеніе было легко достигнуто. Въ союзѣ съ Робертомъ Лорителли, въ болѣе или менѣе явномъ союзѣ съ папою, который, со своей стороны, окруженный недовольными и изгнанниками Норманскими, вторгнулся въ Беневентскую область,—началъ свои дѣйствія въ Италіи императоръ Византійскій.

Первыя дѣйствія Палеолога и Дуки въ южной Италіи были очень успѣшны. Въ городѣ Вести, который былъ занятъ безъ всякаго сопротивленія Греками, Палеологъ имѣлъ свиданіе съ Робертомъ Лорителли, при чемъ былъ заключенъ формальный договоръ о союзѣ. При взятіи крѣпости, въ которой командовалъ мѣстный Итальянскій урожденецъ (не Норманъ?), Мануилъ въ первый разъ былъ провозглашенъ государемъ жителями южной Италіи. И въ другихъ мѣстахъ туземное населеніе, спасая свои поля, легко признавало власть Византійскую и дружелюбно встрѣчало Грековъ. Первое сопротивленіе встрѣтилось подъ городомъ Трани, жители котораго объявили, что они не сдадутся до тѣхъ поръ, пока этого не сдѣлаетъ Бари, Палеологъ отправился къ этому послѣднему городу.

Многолюдный Бари—знаменитая столица Апуліи—казался неприступнымъ и съ суши, и съ моря [5]). Высокія стѣны опоясывали его на сушѣ, сильный гарнизонъ находился внутри и состоялъ повидимому, изъ Нормановъ и Сарациновъ [6]). Первая попытка Грековъ приблизиться къ городу (съ моря) была встрѣчена тучею камней, пущенныхъ съ городскихъ стѣнъ, и градомъ стрѣлъ—снизу. Но мѣстное населеніе, по крайней мѣрѣ, значительная часть его, вовсе не была такъ враждебно настроена къ Грекамъ, чтобы не слушать льстивыхъ рѣчей Палеолога и Александра Гравины. Палеологъ обѣщалъ большія блага не только въ будущемъ, но непосредственно сейчасъ въ настоящемъ, если жители передадутъ городъ Византійскому императору. На эти рѣчи къ Грекамъ перебѣжало значительное количество народа: одни выѣхали на лоша-

---

[4]) «Hugon. Falcandi histor.», Murator. VII, 265. Sic ubique re turbata, tumultuque exorto,———comes Lorotelli plerasque maritimas occupat civitates. Imperator etiam Graecorum à comite rogatus auxilium, spequeductus recuperandi Apuliam, nobilissimos et praepotentes viros cum maxima pecunia mittit Brundusium. Ср. «Romuald. Salern.», Pertz, SS. XIX, 428.

[5]) Бари имѣлъ тогда населеніе въ 50,000 жителей: «Falcon. Beneventan.», Murator. V, 128. Barum civitatem valde munitam... quadringentos enim milites princeps civitatis detinebat, praeter cives quinquaginta millia habitantium.

[6]) Cinnam, p. 138. βαρβάρων στρατία, а выше: ἀνήρ Ἰταλός.

дяхъ, другіе моремъ на лодкахъ; они приглашали Грековъ войти въ городъ въ незатворенныя ворота. Но едва только приблизился одинъ корабль къ городу, на зубцахъ городской стѣны показались вооруженные люди. Прежде чѣмъ они взялись за оружіе, Александръ Гравина выскочилъ съ корабля и, вынимая изъ-за пазухи Византійское золото, кричалъ обращаясь къ верху: «кто любитъ свободу и деньги, иди къ намъ». Неизвѣстно, что̀ болѣе соблазняло Барійцевъ—свобода, или деньги; но цѣлая толпа ихъ вышла изъ города и принесла присягу въ вѣрности Византійскому императору. Другая часть населенія, преданная Норманской власти, увидѣвъ измѣну и не имѣя возможности защищать городъ, удалилась въ за̀мокъ. Но, кромѣ главной цитадели въ Бари, было другое укрѣпленіе, въ которомъ находился храмъ св. Николая. Палеологъ овладѣлъ имъ ловкою хитростью: нарядивъ нѣсколько человѣкъ въ черное монашеское платье, онъ отправилъ ихъ рано утромъ къ воротамъ укрѣпленія; ворота безъ труда открылись передъ мнимыми монахами, которые оказались вооруженными солдатами. и укрѣпленіе попало въ руки Грековъ. Главная цитадель держалась все-таки цѣлыхъ семь дней послѣ этого, пока не пришелъ на помощь къ Грекамъ Норманскій баронъ Лорителли; вѣроятно, не столько силы военныя, имъ приведенныя, сколько его вліяніе заставило и другую часть населенія вмѣстѣ съ гарнизономъ согласиться на сдачу.

Ненавистная туземному промышленному и торговому Греко-Итальянскому населенію твердыня Норманскихъ бароновъ и властителей, за̀мокъ города Бари былъ разрушенъ жителями и сравненъ съ землею, несмотря на просьбы Греческаго стратега, несмотря на его денежныя обѣщанія и готовность выкупить для императора такую полезную добычу [1]). Городъ Трани передался Грекамъ немедленно послѣ взятія Бари; точно также Жіовенацко [2]).

Попытка Норманскаго канцлера—воротить назадъ Трани неожиданнымъ нападеніемъ — кончилась неудачей. Палеологъ призвалъ къ себѣ на помощь Дуку, который на дорогѣ отразилъ при Барлеттѣ (тутъ былъ и канцлеръ) нападеніе Норманскаго владѣтеля мѣстечка Антро; и потомъ, вмѣстѣ съ Палеологомъ, пошелъ противъ Антро, гдѣ укрылся Норманъ Ричардъ. Греки были уже разбиты и едва держались за каменною оградой, которою, по мѣстному обычаю, огражденъ былъ по дорогѣ находившійся лугъ, но

[1]) «Annal. Casin.», Pertz. SS. XIX, 311.

[2]) Γιβενάντζιον, Giovenazzo.

смерть Норманскаго предводителя, убитаго камнемъ, пущеннымъ рукою одного Греческаго священника изъ Трани, разстроила Нормановъ и дала верхъ Грекамъ. Антро и еще нѣкоторые пункты были заняты ими; Монополи на мѣсяцъ получилъ перемиріе.

Успѣхи Грековъ были уже значительны и обѣщали быть еще значительнѣе, такъ какъ вскорѣ Палеологъ и Дука получили сильныя подкрѣпленія: Іоаннъ Ангель приплылъ изъ Греціи съ флотомъ, на которомъ посажена была «Массагетская» и Французская конница [3]). Папа Адріанъ изъявилъ готовность дѣйствовать заодно съ Греческими вождями. Его послы явились въ Бари и требовали, чтобы Дука и Палеологъ, либо одинъ изъ нихъ, явился въ Римъ для самыхъ важныхъ переговоровъ, такъ какъ папа собралъ большія силы и желаетъ соединить свое оружіе съ Византійскимъ противъ Нормановъ [4]). Греческіе вожди сами отказались идти, они послали только одного изъ царскихъ секретарей, по имени Василаки, съ порученіемъ нанять на деньги нѣсколько всадниковъ. Они, очевидно, хотѣли уже дѣйствовать вполнѣ самостоятельно, имѣя въ виду только свои интересы. Это очень ясно доказывалось ихъ поведеніемъ въ отношеніи къ Роберту Лорителли. Получивъ отъ него письмо, что войска королевско-Сицилійскія грозятъ ему опасностью, Палеологъ и Дука сначала не хотѣли идти къ нему на помощь. «Мы пришли не для того, чтобы помогать Роберту Бассавиллѣ, а для того, чтобы, при содѣйствіи Роберта, покорить для нашего императора южную Италію». Только усиленныя просьбы Роберта, повторенная клятва быть вѣрнымъ союзу съ Греками склонили вождей къ тому, чтобы помочь Норману. При Малфеттѣ Византійская армія встрѣтилась съ девятью Сицилійско-Норманскими графами, во главѣ которыхъ стоялъ канцлеръ, какъ главный вождь вассаловъ королевскихъ. Благодаря преимущественно личной храбрости Іоанна Дуки, Греки одержали еще одну побѣду,

---

[3]) Cinnam, pag. 148. Μασσαγετῶν τε καὶ Γερμανῶν ἱππέων καὶ δὴ κα Ῥωμαίων. — Подъ Массагетами у Византійцевъ разумѣются Кавказскіе народы: то Абхазы, то Аланы. Tzetzes chiliad. V, vers. 586 (pag. 179). Μητρὸς ἦν (говоритъ о себѣ) Μασσαγετίδος, ἤγουν ἐξ Ἀβασγίδος. Ἴβηρες δὲ καὶ Ἀβασγοὶ καὶ Ἀλανοὶ ἓν γένος. Cp. Niceph. Gregor. I, 204. Въ 1300 году эти Массагеты или Аланы, желая переселиться въ предѣлы имперіи, прислали посольство Андронику старшему: τῳ βασιλεῖ πέμπουσί τινες τῶν ὑπὲρ τὸν Ἴστρον Μασσαγετῶν λαθραίαν πρεσβείαν, Ἀλανοὺς ἡ κοινή τούτους καλεῖ διάλεκτος.

[4]) Cinnam, p. 146. ἤδη γὰρ (ἔφασαν) θυνάμεις ὡς πλείστας αὐτὸς ἠθροικὼς Ῥωμαίοις συμμαχήσειν ἐν παρασκευῇ γέγονεν.

взяли Малфетту и съ торжествомъ воротились въ Бари [1]). По всей Италіи распространились слухи о необыкновенныхъ успѣхахъ Грековъ; имя Норманововъ теряло всякое обаяніе [2]).

Среди такого торжества неожиданнымъ и тяжелымъ ударомъ была смерть одного изъ главныхъ вождей — Палеолога. Заболѣвъ изнурительною лихорадкой, онъ умеръ, постригшись въ монахи, и завѣщалъ своему товарищу Дукѣ дѣятельно продолжать такъ счастливо начатое завоеваніе Италіи [3]). Дука, оставшись одинъ, перенесъ свои дѣйствія далѣе на югъ, къ Тарентскому заливу. Взявъ Полимили (Πολυμόλιον), Мазафру (Мазафра въ трехъ миляхъ отъ Тарента), едва не захвативъ крѣпкаго Молизе, отразивъ одного изъ Норманскихъ вождей, называемаго Фламандцемъ (Φλάμιγγος),— онъ подошелъ къ самому Таренту и, не видя возможности взять городъ, воротился назадъ, но съ богатою добычей. Византійскій историкъ [4]) говоритъ, что эти мѣста представляли въ то время страну въ высшей степени богатую, счастливую, обильную всякими благами. Византійскіе солдаты продавали десять быковъ за одинъ золотый статиръ; столько-же брали они за 130 овецъ.

Вмѣсто Тарента Дука снова обложилъ Монополи, которому дано было прежде мѣсячное перемирье съ условіемъ, что жители сдадутся, если до окончанія этого срока къ нимъ не придетъ помощь. Помощь не пришла, но, надѣясь теперь на близость ея (Фламинга), граждане Монополи показали нѣкоторое упорство. Видно, впрочемъ, что и здѣсь было двѣ партіи или два класса жителей: одни болѣе держались Норманововъ, другіе не чувствовали такого отвращенія къ Грекамъ, какъ первые. Греческая партія довольно скоро согласилась сдать городъ и крѣпость и признать Византійскую власть; она уступила даже требованію Дуки принять Византійскій гарнизонъ—въ наказаніе за неисполненное обѣщаніе сдать городъ черезъ мѣсяцъ. Другая сторона, которая была противъ Грековъ, послала тайкомъ призывъ къ Фламандскому предводителю Сицилійцевъ, который стоялъ недалеко. Тотъ обѣщалъ скоро придти на помощь, а пока отрядилъ сто всадниковъ, которые, хотя и успѣли пробраться въ городъ, но немного могли помочь ему, не могли даже доставить торжества Норманской партіи.

[1]) Cinnam. pp. 147, 149—150.

[2]) Otton. Gesta, p. 156. Diffamabatur non solum per vicinas regiones, sed et ad nos usque pervenit, Gwillehelmum vel vitam finisse vel ex vi morborum sensum amisisse, Graecos jam omnes illas provincias obtinere.

[3]) Cinnam, p. 151. Otton. Gesta, p. 156. Mortuus fuit ibi Palologus et ad terram suam deportatus. Ср. письмо Фридриха... Paliologus post adeptum Barrum———obiit. [4]) Cinnam, p. 154.

При первомъ угрожающемъ движеніи Дуки, большинство горожанъ стало молить о пощадѣ, увѣряя, что Норманы призваны безъ общаго согласія [5]). Дука, позволивъ себѣ нѣсколько постращать виновныхъ своимъ гнѣвомъ, скоро простилъ ихъ и занялъ городъ. «Фламингъ» былъ только въ двадцати стадіяхъ, когда Греки взяли его; увидѣвъ царскія знамена на башняхъ, онъ воротился назадъ.

Была уже весна 1156 года, и съ ея появленіемъ нужно было ожидать рѣшительныхъ дѣйствій со стороны короля, который успѣлъ укротить возстаніе на островѣ Сициліи. Было извѣстно, что онъ собираетъ большое войско въ Сициліи. Предвидя опасность, Іоаннъ Дука послалъ въ Константинополь письмо къ императору Мануилу, прося подкрѣпленій въ виду предстоящей борьбы. Силы его были, какъ онъ пишетъ, достаточны для покоренія и удержанія (всей) Италіи, но благоразуміе требовало обезпечить имъ успѣхъ и на будущее время [6]). Между тѣмъ, около Пасхи (15-го апрѣля) Дука началъ осаду Бриндизи, послѣ Бари самаго важнаго пункта на Апулійскомъ берегу Адріатики. Стѣны города, сохранившіяся еще отъ древности Римской или даже Греческой, поражали современниковъ Киннама своею необычайною прочностью. Штурмовать ихъ стѣнобитными, камнеметательными машинами оказалось дѣломъ совсѣмъ безполезнымъ. Но не такъ безполезными оказались камни, метаемые черезъ стѣны въ городъ. Едва жертвою ихъ пала на улицѣ одна старуха, которой камнемъ разможжило голову,—невоинственные граждане подняли крикъ и стоны. Каждому казалось, что надъ нимъ, какъ надъ Танталомъ «виситъ камень», по выраженію Византійскаго писателя. Граждане сейчасъ-же заговорили о сдачѣ, скоро рѣшили этотъ вопросъ утвердительно, а военный гарнизонъ убѣжалъ въ зáмокъ (акрополь) [7]). Чрезъ нѣсколько времени въ виду Бриндизи явились корабли Сицилійскіе и успѣли-было пройти въ гавань, но немногочисленная эскадра Греческая изъ 14 судовъ, обнадеженная и обманутая мнимымъ царскимъ письмомъ, въ которомъ Мануилъ будто-бы извѣщалъ о немедленномъ прибытіи помощи, сражалась такъ храбро, что непріятель ушелъ назадъ,

---

[5]) ''Ανευ κοινῆς γνώμης. Cinnam, pag. 157. [6]) Письмо у Киннама, p. 158.

[7]) Вильгельмъ Турскій, XIII, cap. 7 (Migne, p. 715). Constantinopolitanus imperator violenter invaserat, ita ut postquam dominus patriarcha (Іерусалимскій) cum suis ab Hydronto usque Brundusium pervenisset, domini imperatoris familia urbem praedictam, tradentibus eam civibus, iam recepisset in suam potestatem, solo pracsidio civitatis in quo pauci crant, in fidelitate domini regis perseverante.

выбравшись изъ гавани съ большимъ урономъ. Но зато всѣ попытки Іоанна Дуки принудить къ сдачѣ гарнизонъ акрополя, разбились о крѣпкія стѣны, «сросшіяся какъ будто въ одинъ камень»: ни стѣнобитныя орудія, ни подкопы внизу не могли сдѣлать большаго вреда имъ.

Просьба о подкрѣпленіяхъ, посланная Дукой Мануилу, не была оставлена безъ вниманія. Алексѣй Вріенній (Комнинъ), сынъ Анны Комнины, носившій званіе великаго адмирала, получилъ приказаніе собрать сухопутныя и морскія войска и отправиться въ Италію. Вріенній (Комнинъ) не успѣлъ, однако, собрать всѣ морскія силы, какія указалъ ему императоръ; слухи о близкой опасности, которая грозила Дукѣ, заставила его поспѣшить [1]).

Положеніе Дуки, дѣйствительно, становилось неблагопріятнымъ; въ виду грозы, надъ нимъ собиравшейся, его начинали оставлять союзники. Робертъ Лорителли еще и прежде не пользовался особенною довѣренностью Грековъ; они подозрѣвали его въ измѣнѣ. Еще при жизни Палеолога, онъ потребовалъ въ займы десять тысячъ золотыхъ монетъ; когда Палеологъ прислалъ ему только четыре тысячи, и не въ видѣ займа, а въ видѣ подарка отъ императора, Робертъ оскорбился и оставилъ Греческій лагерь. По смерти своего товарища, Дука счелъ за лучшее удовлетворить вполнѣ требованія Нормана, и съ тѣхъ поръ тотъ раздѣлялъ съ Греками всѣ опасности, участвовалъ во всѣхъ предпріятіяхъ. Теперь, видя, что дѣла Грековъ принимаютъ неблагопріятный ходъ, что они не могутъ взять Бриндизійскаго замка, а между тѣмъ приближается король Вильгельмъ, Робертъ оставилъ своихъ союзниковъ; онъ объявилъ, что отправляется набирать новыя войска, съ которыми потомъ и придетъ къ нимъ на помощь. Самъ-же, между тѣмъ, ушелъ въ Беневентъ къ папѣ. Всадники изъ Марки Анконской потребовали двойнаго жалованья и, неполучивъ его, ушли домой. Наконецъ, уже въ виду врага, предъ самымъ сраженіемъ, наемный Французскій отрядъ перешелъ къ Норманамъ [2]).

Распоряженія Греческихъ вождей не отличались достаточнымъ благоразуміемъ. Предложеніе отступить заблаговременно въ Бари было отвергнуто, какъ постыдное доказательство трусости; между тѣмъ, попытка принудить къ сдачѣ цитадель въ Бриндизи кончилась снова неудачей. Король Вильгельмъ рѣшился запереть Гре-

[1]) Cinnam, p. 165.

[2]) Μοῖρά τις Κελτῶν οὐκ ἀγεννὴς μισθοῦ Ῥωμαίοις δουλεύουσα. Cinnam, p. 167.

ковъ со всѣхъ сторонъ—и на сушѣ, и на морѣ. Сицилійскіе корабли уже стояли противъ Бриндизійской гавани у одного островка въ нѣсколькихъ стадіяхъ отъ Греческаго флота и гавани: послѣ этого можно было предвидѣть, что неудача на сухомъ пути предастъ Грековъ совершенно въ руки Сицилійцевъ, если они не откроютъ себѣ заблоговременно выхода въ море. Въ ожиданіи помощи изъ Константинополя, Дука и Алексѣй Комнинъ оставались въ бездѣйствіи, теряя драгоцѣнное время. Они принуждены были принять сраженіе при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, когда Вильгельмъ подошелъ къ городу со всѣми своими силами, далеко превосходившими своею численностью Византійскую армію. Разбитые на сухомъ пути, въ виду самаго города, Византійцы нигдѣ не могли найти себѣ убѣжища, крѣпость былавъ рукахъ Норманновъ, узкій выходъ изъ гавани былъ запертъ Сицилійскими кораблями. Вся армія, оба полководца—Комнинъ и Дука—попались въ плѣнъ королю Вильгельму; весь флотъ, большая казна были добычею непріятеля. Это случилось 22 мая 1156 года [3]) Вильгельмъ отправилъ Греческихъ полководцевъ въ Палермо, и страшно наказалъ бароновъ Апуліи, взятыхъ въ плѣнъ; одни изъ нихъ были повѣшены, другихъ лишили зрѣнія.

Послѣ взятія Бриндизи, король Сицилійскій направился къ городу Бари. Страшная участь постигла столицу Апуліи. Беззащитное населеніе вышло къ нему на встрѣчу, моля о пощадѣ. Но король, указывая на развалины своего замка, разрушеннаго горожанами, объявилъ, что онъ поступитъ съ ними на основаніи строгой

[3]) Cinnam, p. 168. Ср. «Hugo Falcand.» Murator VII, 165. Rex Brundusium venit; ubi cum Graecis conflicturus, ad pugnam jubet milites expediri. Graeci vero, ubi comitis Roberti, cujus praestolabantur adventum vident se defraudatos auxilio, fortunam eligunt experiri. Anceps in principio pugna fuit, inde Graeci non valentes hostiles impetus sustinere, fusi caesique sunt, magna pars eorum cum ducibus Panormum transuecti.—Также «Romuald. Salernitan.», Pertz, SS. XIX, 428. Rex Wilhelmus, prout melius potuit per mare et terram congregavit exercitum, et recto itinere Brundusium venit. In quo Sebasto et Cominiano (Комнинъ) et reliquos potentes Grecorum cum multo exercitu et stolio congregatos invenit, qui castrum Brundusii et gentem regis vehementer impugnabant. Comes autem Robbertus, adventu regis cognito, Brundusium reliquid et Beneventum se contulit. Rex vero Wilhelmus per mare et per terram Brundusium potenter obsedit, et per mare et terram viriliter impugnando, in hore gladii debellavit, cepit Grecorum nobiles, et stolium et pecuniam multam, et plures de baronibus et hominibus Apulie, qui ei rebelles extiterant, de quibus multos suspendi ex excecari fecit. «Annales Casinens.», ibid. XIX, 314. A. 1156: Wilhelmus rex Siciliae venit Brundusium, et cepit illud mense Maii die 28.—«Otton. Gesta», pag. 156. Marangone, «Annales Pisani», Pertz, SS. XIX, 242. Ходили слухи, едва ли, впрочемъ, заслуживавшіе вѣроятія, что Византійцевъ пало 40 тысячъ. См. «Annales Salisburgens.», Pertz, SS. X. 776.

справедливости: «вы не пощадили моего до́ма, я не намѣренъ щадить вашихъ домовъ. Но я позволяю вамъ свободно удалиться съ вашимъ имуществомъ». Два дня срока дано было жителямъ для сборовъ къ выселенію. По истеченіи ихъ, стѣны были разрушены до самаго основанія, самый городъ сравненъ съ землей. «Такимъ образомъ, говоритъ современникъ Гуго Фалкандъ, могущественная столица Апуліи, знаменитая своею славою, сильная своимъ богатствомъ, гордая благороднымъ и знатнымъ происхожденіемъ своихъ гражданъ, предметъ общаго удивленія по красотѣ своихъ зданій,—лежитъ теперь обращенная въ груду камней» [1]. Вильгельмъ двинулся отсюда къ Беневенту, гдѣ находился другій его непріятель, папа Адріанъ IV.

Папа Адріанъ IV, какъ извѣстно, рѣшился на сближеніе съ Греками, раздраженный противъ короля Сицилійскаго, который въ 1154 году осаждалъ Беневентъ, а въ маѣ и іюнѣ 1155 года разорилъ нѣсколько городовъ въ Кампаніи. Онъ съ тѣмъ большею готовностью могъ протянуть руку Греческимъ вождямъ, Дукѣ и Палеологу, что Фридрихъ Барбарусса не исполнилъ своихъ обѣщаній и, кромѣ того, оказался человѣкомъ строптивымъ и неуступчивымъ. Когда Барбарусса ушелъ въ обратный путь, ничего не сдѣлавъ противъ Сицилійскаго короля, папа предоставленъ былъ собственнымъ силамъ и средствамъ. Желая поднять противъ Вильгельма движеніе въ собственныхъ его владѣніяхъ, Адріанъ IV вошелъ въ сношеніе со всѣми недовольными, со всѣми изгнанниками Норманскими, которые были лишены своихъ владѣній Рожеромъ и Вильгельмомъ. По его увѣщаніямъ, Робертъ Сорренто, бывшій князь Капуи, Андрей Рупе-Канина, братъ бывшаго графа и герцога Апуліи Райнульфа, Ричардъ de Aquila, графъ Фонди вторгнулись въ разныя области Норманскія и заняли владѣнія, на которыя они имѣли наслѣдственныя правà. Когда Греки дѣйствовали въ Апуліи, Робертъ Сорренто занялъ все княжество Капутанское до Неаполя и Салерно. Графъ Андрей захватилъ графство Алифу. Графъ Ричардъ взялъ Теано и Суессу. Неизвѣстно, въ какихъ отношеніяхъ стоялъ къ папѣ Робертъ Лорителли. Но, во

---

[1] «Hugo Falcan.». Murat. VII, 268, 269. Ita praepotens Apuliae civitas — — jacet nunc in acervos lapidum conversa. — Ср. «Annal. Ceccanens.», Pertz, SS. XIX, 284: Guillelmus — — venit Barim et dextruxit eum, et fecit ex eo villas. «Annales Casinens.», ibid., pag. 311: destruxit Barum Marangone, ibid., pag. 243. — Любопытна замѣтка въ «Annal. Palidienses», Pertz, SS. XVI, 89: Barum civitatem, quia Graecis praesidio fuit, eliminatis plebibus monachorum solummodo habitationem esse precepit.

всякомъ случаѣ, дѣйствія папы и его союзниковъ въ Кампаніи, и въ области рѣкъ Гарильяно и Вултурно — шли рука объ руку съ завоеваніями Грековъ на восточномъ берегу; папа дѣйствовалъ, какъ союзникъ Грековъ. Вслѣдъ за Византійскими и своими (Норманскими) союзниками двинулся и самъ папа Адріанъ, и вошелъ въ Беневентъ.

Здѣсь въ Беневентѣ нашелъ его король Вильгельмъ; Робертъ Лорителли, оставившій Грековъ въ Бриндизи, графъ Андрей и другіе враги короля окружали папу. Папа увидѣлъ невозможность противиться королю Сицилійскому, и заключилъ съ нимъ миръ, пожертвовавъ своими союзниками, которые отчасти имъ самимъ были вовлечены въ возстаніе. Они были выключены изъ мирнаго договора, но, по ходатайству папы, имъ позволено было безопасно оставить владѣнія короля, на которыя они имѣли притязанія и которыя теперь находились въ ихъ рукахъ. Услышавъ объ этомъ, князь Капуи Робертъ Сорренто бѣжалъ изъ области, но, захваченный на рѣкѣ Гарильяно своимъ прежнимъ союзникомъ графомъ Ричардомъ и преданный въ руки королевскихъ чиновниковъ, онъ былъ отправленъ въ Палермо, брошенъ въ тюрьму и тамъ ослѣпленъ. Графъ Робертъ Лорителли ушелъ въ Абруццы, Андрей тоже бѣжалъ въ Анкону. Послѣ многихъ переговоровъ, устроено было свиданіе короля и папы. Король преклонилъ покорно свои колѣна предъ Адріаномъ, призналъ себя его вассаломъ, былъ благосклонно принятъ намѣстникомъ св. Петра, и получилъ отъ него инвеституру, т. е. три знамени—одно королевства Сициліи, другое—герцогства Апуліи, третье—княжества Капуи [2]).

Примирившись самъ съ Вильгельмомъ, Адріанъ IV предлагалъ, повидимому, свое посредничество своему союзнику, императору Мануилу [3]). Императоръ Мануилъ былъ сильно огорченъ извѣстіями о судьбѣ, постигшей его полководцевъ при Бриндизи. Дѣло возстановленія Византійской власти въ Италіи, стоившее такихъ большихъ издержекъ (говорятъ, истрачено около 300 кентинаріевъ [4]), было разрушено однимъ ударомъ. Однако, онъ не пришелъ

---

[2]) «Annales Casinens.», Pertz, SS. XIX, 311. «Annales Ceccanens.», ibid. pag. 284.

[3]) Никита Хоніатъ (pag. 128), замѣтивъ, что Мануилъ желалъ мира, продолжаетъ: οὐχ ἀηδῶς τοίνυν ἀλλ᾽ἀσμένως δεξάμενος τὴν τοῦτο ἐπισκήπτουσαν πρεσβείαν τοῦ τῆς πρεσβυτέρας Ῥώμης προέδρου—καὶ ὡς Ἄγγελον εὐξύμβουλον ασπασάμενος.

[4]) Nicet. pag. 127. Кентинарій—сто литръ, литра около 250 рублей; слѣдовательно, около семи милліоновъ съ половиною.

въ отчаяніе и рѣшился сдѣлать еще одну попытку поправить дѣло. Въ Анкону, которая была главнымъ операціоннымъ базисомъ Византійской политики и военныхъ предпріятій въ Италіи, отправленъ съ большими деньгами протостраторъ (т. е. оберъ-шталмейстеръ) Алексѣй, сынъ великаго доместика Аксуха, человѣкъ, отличавшійся и военными знаніями, и большимъ искусствомъ въ переговорахъ [1]). Смотря по обстоятельствамъ, Алексѣй могъ дѣйствовать переговорами, или военными средствами, если онъ ихъ найдетъ на Византійскую казну. Алексѣй скоро успѣлъ собрать значительное наемное войско среди Итальянцевъ. Графъ Андрей Рупе-Канина явился его помощникомъ въ этомъ дѣлѣ и важнѣйшимъ орудіемъ Византійской политики въ дальнѣйшихъ предпріятіяхъ [2]). Въ сопровожденіи Контостефана, Норманскій графъ явился и въ Римѣ, вербуя вездѣ охотниковъ на Византійское золото и враговъ Сицилійскимъ Норманамъ. Папа Адріанъ хотѣлъ быть вѣрнымъ своему договору съ Вильгельмомъ [3]) и принялъ гостей неблагосклонно,— онъ не хотѣлъ дозволить имъ явиться на улицахъ Рима съ знаменемъ Византійскаго императора. Но знатные и вліятельные друзья Византіи, которыхъ Мануилъ считалъ полезнымъ имѣть во всѣхъ важныхъ пунктахъ Италіи, взволновали Римское населеніе, которое при Арнольдѣ Брешіанскомъ отвыкло, а теперь еще не привыкло вновь быть покорнымъ папѣ; знамя Византійскаго императора принято было съ почетомъ и Контостефанъ получилъ возможность нанимать кого-хочетъ въ Византійскую службу. Адріанъ IV, по свидѣтельству Киннама, подвергнулъ Римское населеніе церковному отлученію [4]).

Теперь онъ считалъ неестественнымъ и невозможнымъ союзъ стараго Рима съ новымъ, указывалъ народу на преступность сочувствія и пособія схизматическому императору. «Вы должны скорѣе помогать королю Сицилійскому; онъ членъ одной съ вами церкви; грѣхъ оставить его безъ помощи въ борьбѣ съ болѣе сильнымъ соперникомъ» [5]). Увѣщанія папы подѣйствовали мало. Когда одинъ дворянинъ Римскій, испугавшись отлученія, измѣнилъ своимъ обяза-

[1]) Cinnam, p. 129. Nicet, p. 128.

[2]) Cinnam, p. 170. Ἀνδρέαν κόμητα πόλεως Ἰταλικῆς.

[3]) Ibid. ὁ Ῥώμης ἀρχιερεὺς Γιλιέλμῳ φιλίαν ἤδη ὁμολογήσας.

[4]) Cinnam, p. 171. Ἐπιτιμίῳ τὸν δῆμον καθυποβάλλει. Въ хроникѣ, Дандоло тоже говоритъ объ интердиктѣ, наложенномъ на городъ около этого времени, хотя поводъ къ тому указываетъ нѣсколько иначе. Murator., XII, 287. Hadrianus — — propter vulnerationem unius cardinalis usque ad condignam satisfactionem urbem supposuit ecclesiastico interdicto.

[5]) Cinnam, p. 171.

тельствамъ въ отношеніи къ императору Византійскому, толпа казнила его in effigie». Ея угрожающее положеніе заставило Адріана снять отлученіе съ города Рима. Римляне потомъ дѣйствительно участвуютъ въ предпріятіяхъ Грековъ и графа Андрея, направленныхъ противъ Нормановъ. Въ хроникѣ одного монастыря записано, что въ ноябрѣ 1156 года графъ Андрей пришелъ съ Греками и Римлянами, завоевалъ всю область графа Фонди, сожегъ Trajectum, захватилъ земли монастыря Монтекассинскаго, нѣсколько городовъ и мѣстечекъ предалъ пламени [6]. Въ январѣ 1157 года эти предпріятія продолжались съ возрастающею смѣлостью. Греки и Римляне одержали побѣду надъ воинами короля Сицилійскаго при Санто-Жермано, 200 человѣкъ взяли въ плѣнъ, взяли самый городъ, преслѣдовали бѣгущихъ Сицилійцевъ до монастыря Монте-Кассино, взяли самую гору Монте-Кассино и владѣли ею до начала марта (9 марта) [7].

Въ Константинополѣ очень гордились такими успѣхами, которые въ сущности принадлежали болѣе Византійскому золоту, чѣмъ какимъ-либо доблестямъ Грековъ. Много хвастовства и еще болѣе лести нужно было для того, чтобы, за подвиги наемныхъ кондотьери, прославлять императора завоевателемъ Италіи. Византійскіе историки говорятъ о тридцати Итальянскихъ городахъ, покорившихся Восточной имперіи. Имена ихъ можно было читать на стѣнахъ дворца Влахернскаго, на которыхъ подвиги императора были изображаемы въ великолѣпныхъ мозаическихъ картинахъ [8]. Не даромъ самъ императоръ жаловался на безобразную лесть, которую допустили художники. Гораздо болѣе идетъ къ дѣлу похвала, высказан-

---

[6]) «Annales Ceccanenses», Pertz, SS. XIX, 281. A. 1157, ind. 5: Mense novembris venit comes Andreas cum Romanis et Graecis et aliis multis. Aquisivit totam terram Fundanam, et cremavit Trajectum. Pro vindicta principis acquisivit terram sancti Benedicti.... Ср. «Annales Casinens.», ibid. pag. 311.

[7]) Cinnam, pag. 171. Πόλιν τε οὖν ἣ ἀπὸ Γερμανοῦ τοῦ ἐν ἁγίοις τὴν προσηγορίαν ἔχει, πολέμῳ παρεστήσαντο. «Annal. Casinens.», Pertz, SS. XIX, 311. A. 1158. Comes Andreas sexto die mense ianuario cepit Sanctum Germanum — — — Terra autem sancti Benedicti reddidit se prefato comiti Andreae, qui sequenti die ascendit Casinum, et acriter pugnavit, sed nihil profecit .. Ср. «Annal. Ceccanens.», ibid. pag. 284. Ann. 1158, ind. 6 (= 1157). Hoc anno in festivitate Innocentium, feria quarta post epiphania, perrexit comes Andreas super civitatem Sancti Germani, et pugnavit cum militibus regis, et devicit eos, apprehendit ex illis plus quam ducentos et omnia spolia eorum; alii fugerunt ad monasterium sancti Benedicti, et comes misit civitatem in suo jure, et ascendit in montem, et possedit monasterium usque in festo quadraginta martyrum, dimisit omnem terram, et ivit Anconam Ср. также Hugo Falcand. p. 273.

[8]) Cinnam, p. 172. Nicet. p. 269. Eustath. Thessalonic. Opusc. p. 419.

ная въ надгробной рѣчи императору, знаменитымъ Евстаѳіемъ Солунскимъ. «Не было другаго, кто бы лучше его разумѣлъ ту сторону военнаго искусства, которая состоитъ въ томъ, чтобы, безъ всякаго пролитія крови подданныхъ, доставлять имъ величайшіе военные трофеи, чтобы побѣждать враговъ врагами. Этотъ драконъ Сицилійскаго острова—δράκων ὁ νησιωτικός, который думалъ изрыгать пламя своего гнѣва выше кратеровъ Этны, много разъ былъ укрощаемъ оружіемъ императора, а еще болѣе былъ обуздываемъ домашними врагами, которыхъ возбуждало противъ него искусство самодержца» [1].

Слѣдуетъ полагать, что въ глазахъ самого Мануила военныя дѣйствія, продолжавшіяся въ Кампаніи и въ области Неаполитанской, не имѣли другой цѣли, какъ только занять короля Сицилійскаго дома, чтобы онъ не отмстилъ за Апулію и Калабрію вторженіемъ въ предѣлы имперіи по слѣдамъ Роберта, Боэмунда и Рожера. Въ 1158 году, лѣтомъ, Мануилъ все еще не могъ считать себя обезпеченнымъ въ этомъ отношеніи. Между тѣмъ, страшная туча собиралась надъ Италіей, которая грозила затопить ее отъ самыхъ Альпъ до южнаго конца и острова Сициліи включительно. Императоръ Мануилъ не располагалъ такими средствами въ Италіи, чтобы самостоятельно дѣйствовать въ виду готовящихся или уже начинающихся событій. Фридрихъ Барбарусса, не смотря на свои торжественныя увѣренія, вовсе не думалъ содѣйствовать Грекамъ въ пріобрѣтеніи Апуліи и Калабріи. Въ своемъ письмѣ къ Оттону Фрейзингенскому онъ насмѣшливо и полупрезрительно говоритъ о Грекахъ, встрѣтившихъ его въ Анконѣ, которые, надѣясь на свое множество и деньги, шли въ Апулію; ихъ деньги, по его словамъ, всецѣло достались Вильгельму. Тѣмъ не менѣе онъ считалъ нужнымъ продолжать съ ними переговоры, хотя уже не могло болѣе идти и рѣчи о бракѣ, такъ какъ Барбарусса нашелъ себѣ жену гораздо ближе Византіи.

Послѣ Анконскаго свиданія, въ августѣ 1155-го года, онъ отправилъ въ Константинополь знаменитаго аббата Вибальда, который получилъ наконецъ возможность лично увидѣть императора, которому заочно онъ такъ былъ преданъ. Можно думать, что Вибальдъ дѣйствовалъ въ пользу союза Византіи съ Барбаруссой. Папа Адріанъ IV писалъ послѣ, что онъ не вѣритъ тѣмъ, которые говорятъ, будто аббатъ Вибальдъ дѣйствовалъ въ Греціи про-

[1]) Eustath. Opuscula, ed. Tafel, pag. 199.

тивъ папы и святой Римской церкви. Но, не вѣря, онъ, однако, требовалъ отъ него, чтобы онъ доказалъ свою вѣрность будущимъ своимъ поведеніемъ; поэтому Вибальдъ впредь долженъ былъ противодѣйствовать совѣтникамъ Фридриха, враждебнымъ папству [2]). Въ 1156 году Вибальдъ воротился изъ посольства, сопровождаемый Греческими послами. Этихъ пословъ Барбаруссa не хотѣлъ допустить къ себѣ, даже хотѣлъ наказать ихъ, какъ измѣнниковъ [3]) Императоръ Германскій былъ въ высшей степени недоволенъ на своихъ Греческихъ друзей за ихъ успѣхи въ южной Италіи, которые молва еще преувеличивала, «хотя онъ и ненавидѣлъ Вильгельма, говоритъ Оттонъ, однако вовсе не хотѣлъ, чтобы посторонніе люди захватили то, что̀ входило въ границы его имперіи и было несправедливо захвачено неистовою тираннiей Рожера [4]). Онъ обвинялъ Грековъ въ томъ, что они завоевали Апулію собственно обманомъ, говорилъ о какихъ-то письмахъ съ его печатью, которыя они получили отъ него въ Анконѣ воровскимъ способомъ (per surreptionem), которыми они потомъ воспользовались для того, чтобы заставить себѣ сдаться приморскіе го́роды; «показывая письма, Греки лгали, будто самъ императоръ Германскій уступилъ имъ эти го́роды». Легко догадаться, что письма въ самомъ дѣлѣ были даны, и очень возможное дѣло, что, согласно съ прежними увѣреніями, Фридрихъ уступалъ ими въ пользу Грековъ Апулію и Калабрію. Но онъ не разсчитывалъ, что его письма такъ хорошо подѣйствуютъ (въ его глазахъ именно они все сдѣлали) и былъ раздраженъ. Раздраженіе его доходило до такой степени, что онъ на сеймѣ въ Вюрцбургѣ (іюнь 1166-го года), взялъ съ князей имперіи клятвенное обязательство слѣдовать за нимъ въ походъ, предпринимаемый «по причинѣ нашествія Грековъ въ Апулію» [5]).

Итакъ, вмѣсто похода противъ Норманновъ въ союзѣ съ Греками, рѣшенъ былъ походъ на Грековъ, который, во всякомъ случаѣ, обратился бы въ пользу Норманскаго короля. Однако, эти воинственныя рѣшенія какъ неожиданно были приняты (неожиданно, по крайней мѣрѣ, для Византійскихъ пословъ, прибывшихъ съ полномочіями для окончательнаго скрѣпленія брачнаго договора Барбаруссы съ родственницей Мануила), такъ же скоро были оставлены. Въ іюнѣ 1156-го года Барбаруссa совѣщался о томъ, ка́къ слѣ-

---

[2]) Iaffê, »Monum. Corbeiens.«, pag. 585.
[3]) Ottonis Frising., «Gesta Frider.», p. 156. [4]) ibid.
[5]) Propter invasionem Graecorum in Apuliam: «Gesta», pag. 157.

дуетъ поступить съ послами Мануила—предать-ли ихъ казни, какъ измѣнниковъ, или съ безчестіемъ отпустить назадъ; а чрезъ мѣсяцъ, на сеймѣ въ Нюренбергѣ, эти послы были допущены предъ лице императора, и грамоты, ими принесенныя, были приняты. Отвѣтъ на предложенія Мануила, конечно, не могъ быть удовлетворительнымъ, потому что бракъ Фридриха съ Беатрисою Бургундскою былъ уже совершившимся фактомъ; а на просьбу о помощи противъ Венгріи, съ которою Византія желала возобновить борьбу, не смотря на заключенный миръ, послѣдовалъ прямый отказъ [1]). Тѣмъ не менѣе, Фридрихъ отправилъ съ своей стороны новое посольство въ Константинополь. Порученія, данныя послу, которымъ былъ капелланъ Германскаго государя, по имени Стефанъ, намъ неизвѣстны; но, во всякомъ случаѣ, самое рѣшеніе отправить его свидѣтельствовало, что открытый разрывъ съ наслѣдственнымъ Византійскимъ союзникомъ былъ или устраненъ, или отсроченъ. Угадать причину новаго поворота въ настроеніи государя, въ такой степени твердаго и стойкаго въ своихъ рѣшеніяхъ, было бы очень легко, если бы даже она не была намъ прямо указана. Въ промежуткѣ между двумя сеймами, іюньскимъ и іюльскимъ, получены были новыя извѣстія о ходѣ дѣлъ въ южной Италіи, т. е. о майскомъ пораженіи Византійцевъ при Бриндизи королемъ Сицилійскимъ Вильгельмомъ, что̀, по выраженію самого Барбаруссы, равнялось совершенному искорененію Грековъ изъ Апуліи [2]). Вотъ почему далекая экспедиція на югъ полуострова, всегда непріятная Нѣмецкимъ князьямъ, предполагалась ли она противъ Норманновъ, или противъ Грековъ,— могла быть спокойно отсрочена. Другая, ближайшая задача выступала на первый планъ. Честь и права̀ имперіи, по убѣжденію Фридриха и его совѣтниковъ, гораздо болѣе страдали въ сѣверной Италіи, чѣмъ въ южной. Го́роды Ломбардіи, гордые своимъ богатствомъ, могуществомъ и образованностью, давно относились къ власти имперской, какъ къ пустому призраку; изъ своего Римскаго похода для коронаціи—Барбарусса вынесъ впечатлѣнія, оскорблявшія его наиболѣе задушевныя и наиболѣе глубокія убѣжденія и

[1]) «Gesta Frider.», II, cap. 31. Praedicti nuncii non solum ob firmandum connubium ad imperatorem venerant, sed etiam ad vindicandam suam de Ungaris—injuriam; in utroque frustrati sunt. — Объ отправленіи капеллана Стефана здѣсь же.

[2]) «Gesta Frider.», II, cap. 30 (pag. 156 школ. изд.) Non multo tamen post, ex quo cognovit Gwillehelmum, fusis Graecis, Apuliam et Calabriam recepisse, consilium mutavit. Ср. письмо къ Вибальду, въ мартѣ 1157 года. Monum Corbeiens. p. 588 № 456. Ex quo Graecorum gentem de Apuli exterminatam esse cognovimus.

понятія, и борьба, которая должна была наполнить цѣлыя тридцать лѣтъ его дальнѣйшаго царствованія, уже была рѣшена въ его суровой и непреклонной душѣ. На первомъ сеймѣ, который Фридрихъ держалъ послѣ своего возвращенія въ Германію (октябрь 1155 въ Регенсбургѣ), уже шла рѣчь о походѣ противъ города Милана, подвергнутаго заранѣе имперской опалѣ, и представители общины Веронской обязались принять въ немъ участіе: Въ 1156-мъ году Чешскій государь Владиславъ, носившій до сихъ поръ титулъ князя или герцога, получилъ отъ императора королевскую корону; цѣною высокаго титула была полная и безусловная помощь императору въ походѣ на Миланъ. Наконецъ, въ концѣ марта 1157-го года, принято было окончательное рѣшеніе, по которому весна 1158-го была опредѣлена какъ срокъ движенія Германскихъ дружинъ за Альпы [3]). Результатомъ похода въ Польшу, совершоннаго въ промежуткѣ (августъ 1157-го года), было то, что̀ и Болеславъ Польскій, по примѣру Чешскаго князя, далъ клятвенное обѣщаніе принять участіе въ Ломбардской экспедиціи.—Пока гроза собиралась надъ сѣверною Италіей, Византійцы успѣли отчасти поправить свои дѣла въ южной, и все еще держались въ средней. Несовсѣмъ они были искоренены и въ Апуліи, а въ Маркѣ Анконской укоренились такъ прочно, что отсюда могли расширять свои происки во всѣ стороны. Союзъ Мануила съ Ломбардскими городами не былъ невозможностью, какъ это доказали послѣдующія событія. Преданія о власти Восточнаго императора крѣпко держались въ бывшемъ Равенскомъ экзархатѣ, и особенно—въ самой Равеннѣ, наполненной памятниками Византійскихъ намѣстниковъ. Здѣсь, прежде всего, могли встрѣтиться притязанія обѣихъ имперій. Такимъ образомъ, возможность столкновенія между ними не была устранена и послѣ отмѣны Барбаруссою похода въ южную Италію. Чѣмъ болѣе грозны и величавы были приготовлены Фридриха, тѣмъ менѣе онъ былъ расположенъ допускать чужія притязанія. Болѣе, чѣмъ когда-либо, проникнутый гордымъ сознаніемъ своего могущества, высокимъ представленіемъ о своей императорской власти, для осуществленія которой онъ поднималъ міръ Германскій и Славянскій, Барбарусса принялъ новое посольство Мануила,

[3]) Вышеуказанное письмо къ Вибальду: Scire te volumus, quod expeditionem, quam apud Würzburg in Apuliam indiximus — — — principibus duximus relaxandam. Inde est, quod die Palmarum (24 марта) Fulde ex consilio principum expeditionem indiximus Mediolanum proxima vigilia pentecosten futura usque annum Ulme promovendam. Ср. «Annal. Colon. maximi»: Pertz, SS. XVII, 709.

прибывшее осенью 1157-го года. Не смотря на богатые дары, присланные ему союзникомъ, не смотря на родственныя напоминанія, которыми озаботилась императрица Ирина, Византійскіе послы встрѣтили опять самый дурный пріемъ; было усмотрѣно, что ихъ рѣчи, надутыя и запутанныя, дышатъ Греческою надменностью и не выражаютъ прямо уваженія, подобающаго Римскому государю и властителю города и міра [1]). Ясно, что дѣло шло объ императорскомъ титулѣ. Мы знаемъ, что послѣ Фридрихъ хвалился предъ однимъ изъ преемниковъ Мануила, Исаакомъ Ангеломъ, будто бы покойный и славный предшественникъ Исаака всегда, именно даже во время враждебныхъ отношеній, именовалъ его подобающимъ образомъ и не отрицалъ въ немъ его императорскаго сана [2]). Это одинъ изъ случаевъ, доказывающихъ, что, не смотря на возвышенность своего характера, Барбарусса иногда способенъ былъ извращать истину. Именуя себя Римскимъ императоромъ, Мануилъ не могъ давать того же титула своему сопернику [3]). То, что̀ можно было терпѣть прежде, казалось невыносимымъ и оскорбительнымъ теперь, когда, во имя идеи, обозначаемой желаннымъ титуломъ, осуждены были на гибель и разореніе цвѣтущіе го̀роды Ломбардіи, когда въ Грекахъ, все остающихся въ Анконѣ, Барбарусса расположенъ былъ видѣть соперниковъ и, пожалуй, союзниковъ Ломбардскимъ общинамъ, тоже отрицавшимъ его права̀. Говорятъ, что только просьбами и слезами вымолили себѣ снисхожденіе послы Византійскаго императора, и допущены были, изъ уваженія къ императрицѣ Иринѣ и къ памяти Конрада III, присутствовать при посвященіи въ рыцари племянника первой и Конрадова сына, Фридриха, какъ этого желала тетка, сдѣлавшая такій наказъ посламъ и приславшая на сей торжественный случай свои подарки [4]). Отношеніе между двумя имперіями все-таки остались мало пріязненными.

Въ іюлѣ 1158-го года Фридрихъ Барбарусса перешелъ Альпы,

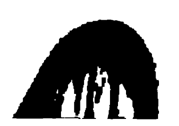
---

[1]) «Gesta Frider.», III, c. 6 (pag. 168, 169). Fastum regalem et Graecum in subornato sermone videbantur sapere tumorem... Spernentes ampullosa, non nisi eam quam deceret Romanum principem et Urbis ac Orbis dominatorem, reverentiam suis salutationibus apportarent.

[2]) «Chronic. magni Presbyteri», Pertz, SS. XVII, 510. Antecessor vero ipsius, piae recordationis, Emanuel, et quando inimici eramus ad invicem, nomen nostrum expresse posuit in literis suis, nec in aliquo dignitatis nostrae majestatis derogavit.

[3]) Кромѣ сейчасъ приведеннаго случая (см. «Gesta Frider.», IV, cap. 76, pag. 339), гдѣ говорится тоже, повидимому, несовсѣмъ вѣрно, что будто Барбарусса склонилъ Мануила называть себя самого императромъ новаго Рима: но уже изъ этихъ словъ слѣдуетъ, что Мануилъ нѣкоторое время называлъ себя просто императоромъ Рима.

[4]) «Gesta Frider.», III, cap. 6., pag. 169.

ведя за собою самое многочисленное войско, какое только собиралось когда-либо впродолженіе среднихъ вѣковъ. Византійцы съ своими отвлеченными имперскими притязаніями, опиравшіеся на политическую интригу, на золото, расточаемое наемнымъ кондотьери, осуждены были, во всякомъ случаѣ, играть жалкую роль въ виду этой грозной тучи, бросавшей свою тѣнь до самыхъ южныхъ оконечностей полуострова. Имъ не пришлось воспользоваться всеобщимъ смущеніемъ Италіи, чтобы привести въ малонадежную пристань Восточной имперіи напуганную добычу. Двое изъ высшихъ сановниковъ Германскаго императора, канцлеръ Рейнальдъ и пфальцъ-графъ Оттонъ были имъ отправлены впередъ для возстановленія имперскаго авторитета и для приведенія къ присягѣ городовъ Италіи, нежелающихъ раздѣлить судьбы, на которую былъ обреченъ Миланъ. Они прибыли въ Равенну и, принятые съ большимъ почетомъ архіепископомъ города и его 14-ю епископами, хотѣли приступить къ исполненію даннаго имъ порученія. Но, къ величайшему своему неудовольствію, они узнали, что всѣ городскія власти, которыхъ слѣдовало привести къ присягѣ, и во главѣ ихъ самъ подеста, ушли къ Грекамъ въ Анкону. Присягу, которой требовалъ для себя черезъ своихъ уполномоченныхъ Фридрихъ Барбарусса, представители Равенской общины, въ числѣ 300 человѣкъ, хотѣли принести другому императору, предъ Византійскимъ сановникомъ, который находился въ Анконѣ, обѣщалъ имъ много золота и за то получилъ обязательство оказывать ему защиту противъ кого бы то ни было. Послѣ нѣсколькихъ дней напраснаго ожиданія, канцлеръ и пфальцъ-графъ, не скрывая своего гнѣва, оставили Равену и направились по дорогѣ къ Анконѣ. На пути они встрѣтили Равенскаго подесту и его свиту, состоявшую изъ трехъ сотъ человѣкъ; путешественники возвращались, обремененные будто-бы Византійскимъ золотомъ и тѣмъ болѣе безпомощные противъ вооруженныхъ Нѣмецкихъ рыцарей, хотя число послѣднихъ и было совершенно ничтожно. Духъ мужества осѣнилъ канцлера Рейнальда, какъ онъ самъ объ этомъ послѣ свидѣтельствовалъ, и надѣясь на Господа, онъ бросился самъ-двѣнадцатый на мирную толпу друзей Византіи; произошла схватка, въ которой подеста, его сынъ и шесть наиболѣе знатныхъ гражданъ Равенны были захвачены въ плѣнъ, а остальные бѣжали. Отдавъ своихъ плѣнниковъ подъ стражу властямъ города Римини, Нѣмцы направились далѣе; страхъ, наведенный на всѣ сосѣднія общины ихъ энергическимъ дѣйствіемъ съ Равеннатами, былъ такъ великъ, что приморскіе гóроды: Пезавро, Фано,

Синигалья и другіе, безпрекословно отворяли имъ ворота и объявляли покорность западному Цезарю. Только Анкона, гдѣ находился центръ Византійскаго вліянія и лично пребывалъ протостраторъ Алексѣй, хотѣла сохранить вѣрность Восточному императору, и не выслала имъ на встрѣчу депутаціи съ приглашеніемъ вступить въ городъ. Канцлеръ Рейнальдъ Дассель узналъ теперь, если этого онъ не зналъ прежде, что въ городѣ находится Византійскій «логоѳетъ», что открытая цѣль его пребыванія здѣсь—есть наборъ наемныхъ воиновъ, называемыхъ солдатами (soldarii), а дѣйствительная—покореніе приморскихъ сосѣднихъ городовъ силою, или хитростью. Слѣдовало навести страхъ на Анконитанцевъ, и сдѣлать это было нетрудно: съ разныхъ сторонъ собраны были пѣшія и конныя войска, и расположились лагеремъ на морскомъ берегу, угрожая осадою, приступомъ, разореніемъ всего, что̀ находилось внѣ городскихъ стѣнъ. Напуганные жители, приступили къ Византійскому агенту Мануила, чтобы онъ спасъ ихъ отъ угрожающей бѣды и укротилъ Нѣмецкую ярость. Устроено было свиданіе въ Нѣмецкомъ лагерѣ, куда явился Алексѣй Аксухъ въ сопровожденіи своихъ навербованныхъ воиновъ и былъ принятъ при звукѣ трубъ и подъ сѣнью Нѣмецкихъ знаменъ. Канцлеръ Барбаруссы и пфальцъ-графъ Оттонъ угрожающимъ тономъ спрошивали Византійцевъ, какъ они осмѣлились, безъ согласія законнаго императора, распоряжаться въ Италіи, говорили объ извѣстной хитрости Данаевъ и вѣроломствѣ Грековъ; такъ какъ они теперь уличены во враждѣ къ Римской имперіи, то за оскорбленіе величества — pro crimine lesae majestatis — подлежатъ смертной казни. На это Византійцы, съ неменьшею ученостью и съ соотвѣтствующимъ силѣ угрозъ трепетомъ, возражали, что они сами знаютъ Юліевъ законъ о величествѣ (ex Iulia majestatis), но что онъ неприложимъ къ нимъ, и что обвиненіе во враждебныхъ намѣреніяхъ противъ Германскаго императора не имѣетъ ни какого основанія. Замѣчательно, что, по словамъ самого Оттона Фрейзингенскаго, Греки не могли быть уличены въ какомъ-либо обманѣ—съ нихъ взяли большіе подарки и позволили имъ воротиться въ отечество. Анкона, а за тѣмъ и Равена принесли присягу на вѣрность Фридриху Барбаруссѣ [1].

[1] Весь разсказъ о событіяхъ въ Равеннѣ и Анконѣ основанъ на письмѣ канцлера Рейнальда (см. Sudendorf, «Registrum», II, 131), который почти буквально повторенъ въ «Annales Colonienses maximi» (Pertz, SS. XVII, 767). Разсказъ Оттона Фрейзингенскаго или Рагевина, его продолжателя («Gesta Frider.», III, cap. 20, pag. 190), въ сущности согласенъ во всемъ, кромѣ нѣкоторыхъ мелочныхъ подробностей.

Полу-комическая сцена въ Анконскомъ предмѣстьѣ имѣла, однако, важное значеніе для Византійской политики. Сдѣлалось до очевидности яснымъ, что Германскій союзникъ вовсе не намѣренъ дѣлиться чѣмъ бы то ни было въ Италіи съ другою имперіею. Съ потерею Анконы утраченъ былъ главный базисъ Византійскаго вліянія и Византійскаго дѣйствія на полуостровѣ, такъ какъ городъ Бари лежалъ въ развалинахъ, а успѣхи въ Норманской Кампаніи не представляли прочнаго и серьёзнаго пріобрѣтенія—уже по самой ихъ отдаленности отъ восточнаго берега Адріатики. Сверхъ того, они были достигнуты при помощи союзниковъ, которые теперь стали измѣнять; та́къ поступилъ, по крайней мѣрѣ, графъ Андрей Рупе-Канина, перешедшій на службу къ Барбаруссѣ. Въ довершеніе всего приходилось снова познакомиться съ опасностями Норманскаго морскаго нашествія, причемъ нельзя было разсчитывать на флотъ Венеціанской республики, заключившей съ Вильгельмомъ выгодный для себя договоръ. Въ іюнѣ 1158 года, слѣдовательно, почти въ одно время съ событіями въ Равеннѣ и Анконѣ, Норманскія галеры, въ числѣ 140, и 24 быстроходныхъ судна, снаряженныя еще прошедшимъ лѣтомъ, явились въ водахъ Византійскихъ, подъ начальствомъ адмирала Стефана; безпрепятственно подошли они къ Негропонту, гдѣ стояла Византійская эскадра и нанесли ей пораженіе; за тѣмъ Норманы взяли, ограбили и сожгли городъ Негропонтъ, направились отсюда въ заливъ Воло къ городу Алмиру и сдѣлали съ нимъ тоже самое; здѣсь, между прочими зданіями, сгорѣла церковь святаго Іакова, принадлежавшая Пизанскимъ купцамъ; нѣсколько другихъ приморскихъ городовъ также пострадали; говорятъ, что сорокъ наиболѣе быстрыхъ судовъ проникли въ самый Босфоръ, и хотя ничего не могли сдѣлать серьёзнаго, а только дали возможность пустить нѣсколько серебряныхъ и позолоченныхъ стрѣлъ во Влахернскую церковь—въ честь и отъ имени короля Вильгельма, но все-таки это нашествіе навело большій страхъ на житслей столицы [2]).

[2]) Наиболѣе подробный и вполнѣ достовѣрный разсказъ о Норманскомъ нашествіи 1158 года въ «Annales Pisani» (Pertz, SS. XIX, 243). Guilielmus rex Ciciliae kalendis Aprelis usque ad kalendas Octubres fecit stolum 140 galearum et 24 dermonum (= δρόμωνες), qui dermones portaverunt 400 milites. Quem stolum rex Guilielmus in mense Iunio misit cum suo amirato et cum multis de suis baronibus super imperatorem Constantinopolitanum; qui stolus pervenit ad Negropo, ubi erat exercitus imperatoris Constantinopolitani et magnus stolus de mari. Amiratus regis Guilielmi bellum viriliter incepit in mari et in terra, eosque devicit et superavit, et totum stolum imperatoris Constantinopolitani retinuit, et civitatem Negropo pugnando fortiter cepit, destruxit et expoliavit, et multam pecuniam inde atracxit, civitatem et sto-

Все это вмѣстѣ взятое дѣлало необходимымъ заключеніе мира съ королемъ Сицилійскимъ. Напрасно было мечтать о пріобрѣтеніи Апуліи или Кампаніи, когда союзникъ, на котораго разсчитывали для достиженія подобныхъ результатовъ, помѣшалъ удержаться даже въ Анконѣ. Легко было предвидѣть, что еслибы Грекамъ въ самомъ дѣлѣ удалось утвердиться въ южной Италіи вопреки Норманамъ, то имъ пришлось бы потомъ имѣть дѣло съ Германскимъ императоромъ. Задачею Византійской политики теперь должно было сдѣлаться противодѣйствіе стремленіямъ Гогенштауфеновъ, а не союзъ съ ними. Фридрихъ Барбарусса считалъ себя государемъ всей Италіи и былъ намѣренъ вынудить признаніе своей власти въ Капуѣ, Апуліи, Калабріи и Сициліи, въ чьихъ бы рукахъ ни были эти владѣнія. Во время борьбы съ Ломбардскою лигою онъ дѣйствительно замышлялъ походъ съ этими цѣлями на югъ полуострова.

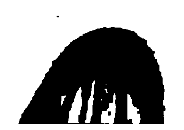
Лѣтомъ 1158 года заключенъ былъ миръ между Вильгельмомъ Сицилійскимъ и Мануиломъ [1]). Этотъ миръ означалъ отреченіе отъ блестящихъ плановъ, долго лелѣемыхъ въ Византіи. Онъ означалъ также разрывъ дружбы и союза между двумя имперіями, завязанныхъ еще при Лотарѣ и Кало-Іоаннѣ и еще болѣе скрѣпленныхъ личными отношеніями Конрада и Мануила, и вмѣсто того подготовилъ союзъ Мануила съ Александромъ III и Ломбардскими городами противъ Фридриха Барбаруссы. Но Византійскія вооруженныя силы уже не видали болѣе Италіи.

В. Васильевскій.

---

lum maris in continenti igne combussit. Mox etiam civitatem Almyro audacter aggressus est, eamque civitatem et sanctum Iacobum Pisanorum cum turre cepit et expoliavit eamque igne incendit. Postea magnam partem Romanie devastavit et expoliavit... Флотъ воротился въ сентябрѣ... У Ромуальда Салернитанскаго (Pertz, SS. XIX, 499) говорится только о разореніи Егрипа (Негропонта) и сосѣднихъ городовъ. О появленіи эскадры предъ самою столицею упоминаетъ Византійскій источникъ (Nicet., pag. 130). Киннамъ молчитъ совершенно объ этомъ фактѣ, какъ и вообще о Сицилійской экспедиціи 1158 года.

[1]) «Annal. Casinens.», Pertz, SS. XIX 311, Sub ann. 1158. Imperator Constantinopolitanus fecit pacem cum rege Siciliae usque ad triginta annos. Ср. «Annal. Romuald. Salernit.» ibid. p. 499. Киннамъ (pag. 172 и сл.) представляетъ побужденія Мануила къ заключенію мира въ такомъ видѣ, который мало соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію вещей. Приводимая имъ переписка Мануила и короля Вильгельма поражаетъ своимъ страннымъ тономъ и всего скорѣе есть поддѣлка, едва ли не вышедшая изъ Византійской канцеляріи.

ОТДѢЛЪ ВТОРЫЙ.

КРАКОВСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ.

(Историко-библіографическій очеркъ).

I.

Краковская академія наукъ образовалась изъ бывшаго Ученаго Общества. Намѣреваясь представить здѣсь обзоръ трудовъ академіи, мы должны прежде сказать нѣсколько словъ о бывшемъ Ученомъ Обществѣ, дѣятельность котораго, втеченіе 56-ти-лѣтняго существованія, была далеко небезплодною.

Въ лѣтописи ученыхъ обществъ, существовавшихъ въ Польшѣ, первое мѣсто принадлежитъ обществу Sodalitas literaria Vistulana, основанному въ Краковѣ извѣстными учеными Каллимахомъ и Цельтесомъ во второй половинѣ XV столѣтія. Съ того времени, какъ въ Краковѣ, такъ и въ другихъ городахъ, учреждались разныя общества съ опредѣленными научными цѣлями; но существованіе ихъ вообще было непродолжительно.

Древнѣйшимъ изъ ученыхъ обществъ, и нынѣ существующихъ, считается Societas litteraria Jabłonoviana, основанное въ Липскѣ (Лейпцигѣ) княземъ Іосифомъ Яблоновскимъ въ 1768 году. Въ «Запискахъ» этого Общества помѣщалось много статей не только по Польскимъ, но и вообще по Славянскимъ вопросамъ. Съ 1780 года направленіе его совершенно измѣнилось, и нынѣ оно ни по языку, ни по духу не имѣетъ ничего общаго съ Польшею.

Первая мысль объ основаніи высшаго Ученаго Общества въ Краковѣ, подъ наименованіемъ Института, съ програмою, соотвѣтствовавшею тогдашнимъ требованіямъ академій наукъ, принадлежитъ главнокомандующему Польскими и Галицко-Французскими войсками, князю Іосифу Понятовскому, который, 18 декабря 1809 года, утвердилъ статутъ Института Политическія смуты и перевороты не дозволили осуществить это предположеніе. Когда-же, въ 1815 году, Краковъ объявленъ былъ вольнымъ городомъ, съ принадлежащимъ къ нему округомъ, тогда въ средѣ профессоровъ

Ягеллонскаго университета возникла мысль осуществить прежнее предположеніе, хотя не со столь обширною программою. 24 іюля составленъ былъ уставъ Общества, а 9 декабря послѣдовало утвержденіе онаго коммиссарами трехъ покровительствующихъ державъ (Россіи, Пруссіи и Австріи). Общество состояло въ непосредственной связи съ университетомъ. Ректоръ университета былъ, въ тоже время, и предсѣдателемъ Общества. Въ составъ Общества могли, однако, поступать и посторонніе лица, непринадлежащія къ университету. Дѣйствія Общества открыты 25 февраля 1816 года. Первымъ предсѣдателемъ былъ ректоръ Валентинъ Литвинскій, секретаремъ—профессоръ Павелъ Чайковскій; членовъ было: почетныхъ 49, дѣйствительныхъ 49 и корреспондентовъ 19. Весь доходъ Общества изъ добровольныхъ пожертвованій и отъ продажи изданій, съ 1816 по 1840 г., составилъ всего 7,130 рублей, такъ-что Общество среднимъ числомъ получало ежегоднаго дохода около 300 рублей.

Съ 1840 года Общество было преобразовано: уставъ нѣсколько расширенъ, доходы увеличены ежегодною субсидіею въ 150 руб., собственно на изданія. Изъ другихъ же источниковъ доходъ до такой степени былъ ничтоженъ, что съ 1840—1848 поступило едва около 600 рублей.

Въ 1848 году политическія смуты на-время пріостановили дѣйствія Общества; однако, въ томъ же году они возобновились. Уставъ былъ вновь пересмотрѣнъ, явились новые дѣятели, увеличились и средства, такъ-что съ этого года и по 1852-й Общество располагало суммою въ 8000 рублей и могло заняться возстановленіемъ нѣкоторыхъ полуразрушенныхъ, или совсѣмъ разрушенныхъ пожаромъ памятниковъ. Кромѣ того, Общество снабжало на свой счетъ народныя училища книгами и брошюрами элементарнаго содержанія.

Между тѣмъ политическіе перевороты опять гибельно повліяли на судьбу Общества: вольный городъ уже не существовалъ, онъ достался Австріи; назначенъ былъ попечитель округа. Правительство потребовало уставъ для пересмотра, и Общество съ 1852 по 1856-й годъ оставалось въ бездѣйствіи.

Съ этого же времени начинается новая эра въ жизни Общества: оно стало независимымъ отъ университета. Предсѣдателемъ былъ избранъ бывшій Польскій кастеланъ графъ Францъ Венжикъ, а послѣ него—нынѣшній предсѣдатель академіи, профессоръ Іосифъ Майеръ. Общество нашло средства построить собственный домъ. Постепенно учреждались спеціальныя коммиссіи: бальнеологическая, физіографическая, библіографическая, которая начала издавать труды Эстрейхера. Наконецъ, образовалась и историческая коммиссія, занявшаяся исключительно собраніемъ древнихъ актовъ и грамотъ. Общество находилось въ постоянныхъ сношеніяхъ съ 47 учеными обществами и нѣкоторыми академіями; издало много полезныхъ книгъ по части естествознанія и др. (Botanika, Wykład filozofii, Matematyka, Prelekcye o filologii, Prawo spadkowe, Flora Tatrzańska и мн. др.); содѣйствовало изданію важныхъ и полезныхъ сочиненій, какъ напримѣръ, этнографіи Кольберга, историческихъ сочиненій профессора Валевскаго и др.; учредило преміи довольно значительныя (въ 1,500 гульденовъ) за лучшія сочиненія, какія будутъ изданы въ пятилѣтніе періоды по исторіи и естествознанію; снаряжало экспедиціи съ науч-

ною цѣлью; возстановляло древніе памятники. Такъ неуклонно дѣйствовало Общество съ 1856 по 1872 годъ!

Ежели съ одной стороны Общество много обязано Венжику за его старанія по постройкѣ дома на счетъ добровольныхъ приношеній, зато быстрое развитіе и широкое научное направленіе были дѣломъ Майера, занявшаго мѣсто предсѣдателя въ 1857 году. Но нельзя не обратить вниманія и на то, что такіе успѣшные результаты достигнуты собственными средствами, ежегодными взносами членовъ и пожертвованіями частныхъ лицъ. Самоотверженная любовь къ наукѣ предсѣдателя и членовъ Общества достойны большой похвалы и доказали, какъ много можно сдѣлать съ весьма небольшими (конечно, относительно) средствами, но при умномъ направленіи, при единодушномъ дѣйствіи и, конечно, при той подготовкѣ для научныхъ цѣлей, которую могъ дать Краковъ, много вѣковъ славившійся своими учеными профессорами. Какъ предсѣдатель, такъ и члены Общества трудились совершенно безкорыстно: за все время существованія Общества, никто не получалъ никакого жалованья; никому не платили гонорара за статьи; а между тѣмъ трудящіеся, за небольшими исключеніями, были все люди бѣдные, живущіе небольшимъ жалованьемъ, какъ извѣстно—весьма ограниченнымъ, какое здѣсь получаютъ даже профессоры университетовъ.

Кромѣ отдѣльныхъ сочиненій, выпущенныхъ Обществомъ, оно издавало ежегодно свои «Записки» (Roczniki). Съ 1817 по 1872 г. вышло всего 44 тома. Нѣтъ ни одной отрасли знаній, въ которой бы Общество не имѣло достойныхъ представителей и не содѣйствовало, съ своей стороны, къ ея развитію. Во всѣхъ 44 томахъ помѣщено статей—744. Изъ нихъ нѣкоторыя и въ настоящее время не лишены интереса и научнаго значенія (См. прим. 1).

II.

Положеніе, которое заняло Краковское Ученое Общество въ послѣднія двѣнадцать лѣтъ, не могло не обратить вниманія, какъ со стороны ученыхъ, такъ и вообще просвѣщенной публики. И когда въ средѣ самого Общества возникла мысль о преобразованіи онаго въ академію, она была встрѣчена общимъ сочувствіемъ. Мысль эту долго лелѣялъ достойный предсѣдатель Майеръ и нашелъ сильную поддержку въ членѣ онаго, предсѣдательствующемъ въ Отдѣленіи археологіи и изящныхъ искусствъ, а также попечителѣ института Оссолинскихъ во Львовѣ, князѣ Юріѣ Любомирскомъ, извѣстномъ славянофилѣ, другѣ Чеховъ и Русиновъ, игравшемъ значительную роль на Славянскомъ съѣздѣ въ Прагѣ. Какъ аристократъ и членъ палаты господъ, онъ имѣлъ обширныя связи и значеніе въ Вѣнѣ. Предсѣдателемъ цислейтанскаго кабинета министровъ былъ въ то время графъ Альфредъ Потоцкій (нынѣшній намѣстникъ Галиціи), а послѣ него графъ Гогенвартъ. Въ кабинетѣ послѣдняго министромъ народнаго просвѣщенія былъ доблестный мужъ, Чехъ Иречекъ. Слѣдовательно, обстановка была вполнѣ благопріятная для успѣха дѣла. Графъ Потоцкій первый доложилъ императору объ общемъ желаніи и той пользѣ, какую бы прі-

обрѣла наука отъ преобразованія Краковскаго Ученаго Общества въ академію наукъ.

2 мая 1871 года императоръ, въ рескриптѣ на имя министра Иречка, выразилъ слѣдующее:

«Я желаю, чтобы въ Краковѣ была основана академія наукъ. Почему поручаю вамъ войти въ сношенія съ тамошнимъ Ученымъ Обществомъ, котораго полезную дѣятельность я одобряю, на тотъ конецъ, чтобы преобразовать оное въ академію. Предположенія же по этому предмету представить на мое утвержденіе».

Переписка объ этомъ преобразованіи длилась долго, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ: Общество въ полномъ составѣ, разсматривало и одобрило представленный предсѣдателемъ статутъ академіи, что заняло не мало времени. Потомъ, когда послѣдовало утвержденіе статута (16 февраля 1872), прежніе же члены Общества въ полномъ составѣ избрали первыхъ членовъ академіи. Поэтому, хотя собственно дѣйствія академіи начались еще въ 1872 году, торжественный актъ открытія оной, подъ предсѣдательствомъ брата императора эрцъ-герцога Карла-Лудовика, въ присутствіи нѣкоторыхъ высшихъ сановниковъ и многочисленной публики, послѣдовалъ только 7 мая 1873 года.

Такимъ образомъ старѣйшее изъ Польскихъ ученыхъ обществъ, на 56 году своей жизни преобразовано въ академію. Князю Юрію Любомирскому, много поработавшему на пользу этого высшаго учрежденія, не суждено было присутствовать на торжественномъ актѣ открытія: онъ умеръ 24 мая 1872.

Академія состоитъ подъ покровительствомъ самого императора. Попечителемъ ея назначенъ эрцъ-герцогъ Карлъ-Лудовикъ, вице-попечителемъ—графъ Альфредъ Потоцкій, предсѣдателемъ—бывшій предсѣдатель Ученаго Общества Іосифъ Майеръ, генеральнымъ секретаремъ—профессоръ Польской исторіи въ университетѣ, Іосифъ Шуйскій.

Академія состоитъ изъ трехъ Отдѣленій: 1) Филологическаго, 2) Историко-философскаго и 3) Математико-естественнаго. Директоромъ перваго избранъ былъ заслуженный профессоръ и ученый Карлъ Мехержинскій; послѣ него, въ 1875 г. извѣстный Польскій писатель Лукіянъ Сѣменскій; втораго Отдѣленія — профессоръ философіи, извѣстный эстетикъ Іосифъ Кремеръ, а послѣ его смерти въ 1875 году заслуженный профессоръ Іосафатъ Зеленацкій; третьяго Отдѣленія—заслуженный профессоръ, членъ палаты господъ въ Вѣнѣ и президентъ города Кракова, Іосифъ Дитль. Секретарями Отдѣленій выбраны слѣдующія лица: перваго — Карлъ Эстрейхеръ, втораго—І. Шуйскій, третьяго—профессоръ Степанъ Кучинскій.

Отдѣленія Академіи распадаются на Коммиссіи соотвѣтственно предметамъ; коммиссіи же—на секціи. Въ члены коммиссій и секцій, кромѣ ординарныхъ и экстраординарныхъ академиковъ, могутъ быть избраны и лица, непринадлежащія къ составу академіи, но спеціально занимающіяся тою или другою наукою. Эта мѣра весьма полезна. Она устраняетъ замкнутость академіи и открываетъ широкое поприще дѣятельности для молодыхъ ученыхъ, посвятившихъ себя избранному предмету.

Каждая коммиссія и каждая секція состоятъ подъ управленіемъ избираемыхъ ими: первыя—предсѣдательствующихъ, а вторыя—директоровъ.

Исчисленіе всѣхъ коммиссій и секцій нагляднымъ образомъ познакомитъ читателя съ тѣми научными задачами, которыя преслѣдуетъ Краковская академія наукъ.

И такъ, въ Отдѣленіи Филологическомъ существуютъ коммиссіи: I) Библіографическая подъ предсѣдательствомъ орд. ак. К. Эстрейхера; II) Исторіи изящныхъ искусствъ подъ предсѣд. орд. ак. Л. Сѣменскаго; III) Языкознанія, подъ предсѣд. орд. ак. Ф. К. Скобеля. — Въ Историко-Философскомъ Отдѣленіи: I) Философская состояла подъ предсѣд. орд. ак. I. Кремера; II) Историческая, собственно—археографическая, подъ предсѣд. сначала орд. ак. профессора Валевскаго, а потомъ орд. ак. I Шуйскаго. Она распадается на три главныя секціи: I) Палеографическую, директоромъ которой членъ ком. Ф. Пекосинскій; 2) Древнихъ актовъ и грамотъ (съ 1507—1795)—директоромъ тотъ же Шуйскій; 3) Историко-географическаго описанія Краковской епархіи (на основаніи капитульныхъ актовъ)—директоромъ экстр.-орд. ак. каноникъ графъ Сципіо-дель-Кампо; III) Археологическая, подъ предсѣд. орд. академика I. Лепковскаго. Она состоитъ тоже изъ трехъ Секцій: 1) раскопокъ (первобытныхъ древностей)—директоромъ экстр.-орд. ак. А. К. Киркоръ; 2) Энциклопедическаго лексикона древностей, директоромъ экстр.-орд. ак. А. Кремеръ; 3) Музейная, директ. экстр.-орд. ак. В. Серединскій. IV) Законовѣдѣнія подъ предсѣдательствомъ орд. ак. I. Дунаевскаго. При ней состоитъ особый комитетъ, подъ руководствомъ экстр.-орд. ак. дѣйств. тайн. совѣтника Копфа, наблюдающій за точностью переводовъ государственныхъ законоположеній съ Нѣмецкаго на Польскій языкъ. — Въ Математико-естественномъ Отдѣленіи: I) Физіографическая, подъ предсѣдательствомъ орд. ак. С. Кучинскаго. О многосторонней и полезной дѣятельности этой коммиссіи мы еще поговоримъ подробнѣе. Она состоитъ изъ пяти секцій и въ составъ ея входятъ 92 трудящіеся члена секціи: 1) Метеорологическая — директоръ орд. ак., проф. астрономіи Карлинскій; 2) Геологико-орографическая — директоръ, орд. ак., проф. геологіи, Альтъ; 3) Ботаническая — директоръ, орд. ак., проф. ботаники, Червяковскій; 4) Зоологическая — директоръ, орд. ак. проф. зоологіи Новицкій и 5) Химическая — директоръ, орд. ак., проф. химіи Чирнянскій. II) Антропологическая подъ руководствомъ предсѣдателя академіи Майера. Она состоитъ изъ трехъ секцій: 1) Антропологико-археологической, директоръ, орд. ак. Альтъ; 2) Физической антропологіи, директоръ, орд. ак. Тейхманъ и 3) Этнологической, директоръ, извѣстный О. Кольбергъ. III) Бальнеологическая, подъ предсѣдательствомъ Дитля.

Управленіе академіи составляетъ: предсѣдатель, три директора отдѣленій и генеральный секретарь. Академики раздѣляются на ординарныхъ и экстраординарныхъ (zwyczajnych i nadzwyczajnych). Къ первымъ причи-

слены также и корреспонденты. Почетныхъ членовъ нѣтъ. Предсѣдателемъ, директорами, генеральнымъ секретаремъ и предсѣдателями коммиссій могутъ быть только Австрійскіе подданные, постоянно жительствующіе въ Краковѣ.

Въ числѣ членовъ академіи, какъ мѣстныхъ, такъ и заграничныхъ, есть нѣсколько именъ, пользующихся громкою извѣстностью, нѣкоторыя—даже Европейскою. Желая однако быть безпристрастными, мы не станемъ увѣрять, что каждый академикъ—знаменитость. На первыхъ порахъ попали въ академическія кресла и такія личности, которыя еще очень мало заявили свои права на столь почетную ученую награду. Въ числѣ академиковъ есть молодые люди, которые еще могли бы подождать лѣтъ съ десятокъ. Есть и такіе, которые ровно ничего не писали и потому не могли даже дать повода къ оцѣнкѣ своихъ ученыхъ трудовъ, или же написали двѣ-три книженки, хотя и научнаго содержанія, но вовсе незаключающія въ себѣ особенныхъ достоинствъ. Неудачные, или не совсѣмъ безпристрастные выборы преимущественно относятся къ мѣстнымъ Краковскимъ академикамъ и объясняются тѣмъ, что въ небольшомъ городѣ, хотя и университетскомъ, трудно было набрать требуемое число (24) изъ мѣстныхъ жителей, Австрійскихъ подданныхъ, какъ для занятія разныхъ ученыхъ должностей, такъ и для административныхъ засѣданій. Но, повторяемъ, мѣстныя обстоятельства извиняютъ многое. Такъ, напримѣръ, избранъ одинъ академикъ вовсе не писатель; но онъ—профессоръ, человѣкъ дѣйствительно ученый и замѣчательный, краснорѣчивый ораторъ.

Мы укажетъ на болѣе выдающіяся личности изъ числа академиковъ. Начнемъ съ маститаго предсѣдателя академіи, Іосифа Майера. Какъ профессоръ физіологіи и авторъ 48-ми разныхъ сочиненій, преимущественно по части физіологіи и антропологіи, Майеръ давно занимаетъ почетное и видное мѣсто въ ряду ученыхъ. Предсѣдателемъ сперва Общества, а потомъ академіи—онъ состоитъ съ 1857 года. Заслуги его, какъ руководителя и администратора, велики и давно снискали ему признательность соотечественниковъ. Какъ человѣкъ, онъ отличается такими благородными чертами характера, такою возвышенностью и ясностью взгляда, которыя даютъ ему право на глубокое уваженіе общества. Не менѣе важная заслуга Майера и та, что въ странѣ, гдѣ политическія страсти всегда играли и играютъ большую роль во всѣхъ сферахъ и въ каждомъ предпріятіи, гдѣ столько партій всевозможныхъ оттѣнковъ, Майеръ съумѣлъ поставить академію на такую высоту, что до нея недоступны никакія политическія броженія. Такое направленіе усвоено всѣми руководителями отдѣльныхъ частей, такъ-что не было малѣйшаго случая нарушенія общаго настроенія. Трудъ, наука, легальность—вотъ знамя академіи. Майеръ и Шуйскій публично высказываютъ такое убѣжденіе; они заявляютъ во всеуслышаніе, что трудъ и наука—самыя свѣтлыя стороны патріотизма, что только этимъ путемъ Поляки могутъ доказать свое существованіе и право на уваженіе ихъ народности. Майеръ, несмотря на свои 68 лѣтъ, еще бодръ, необыкновенно дѣятеленъ и трудолюбивъ.

Затѣмъ мы укажемъ на такія почтенныя личности, какъ извѣстные филологи. б. профессоръ и ректоръ Львовскаго университета Антонъ Малецкій и ксёндзъ Фр. Кс. Малиновскій (въ Познани), авторъ Санскритской грамматики и другихъ филологическихъ сочиненій;

на заслуженнаго профессора Карла Мехержинскаго, автора нѣсколькихъ сочиненій по части исторіи Польской литературы; на одного изъ замѣчательнѣйшихъ Польскихъ писателей и поэта Лукіяна Сѣменскаго, переводчика Краледворской рукописи, Одиссеи Гомера, автора народной Польской исторіи, дождавшейся уже одиннадцатаго изданія, и многихъ другихъ сочиненій, отличающихся талантомъ и большими знаніями, особенно Славянскаго міра и по части изящныхъ искусствъ; на проф. Фр. Каз. Скобеля, автора многихъ сочиненій по разнымъ предметамъ; на плодовитѣйшаго Польскаго писателя, хорошо знакомаго и Русской читающей публикѣ по многимъ переводамъ І. И. Крашевскаго, автора болѣе 400 разныхъ сочиненій, въ томъ числѣ нѣкоторыхъ пользующихся общею извѣстностью по части исторіи и археологіи (напр. «Исторія Вильны» 4 т., «Исторія Литвы» 3 т., «Искусство у Славянъ», «Иконопись» и др.); наконецъ, на Славянскихъ ученыхъ, Іосифа Иречека, бывшаго Австрійскаго министра народнаго просвѣщенія и исповѣданій, автора 73 сочиненій, большею частью на Чешскомъ языкѣ; Франца Миклошича, профессора Славянскихъ литературъ въ Вѣнскомъ университетѣ; Александра Ходзька, профессора Славянскихъ литературъ въ Collège de France въ Парижѣ; Неринга, профессора Славянскихъ языковъ въ Вроцлавѣ, автора нѣсколькихъ сочиненій по части языкознанія и литературы Польской.

По историко-философскому Отдѣленію мы укажемъ на имена заслуженныхъ Славянскихъ историковъ: Августа Бѣлёвскаго и Франца Палацкаго; на извѣстнаго основателя новой школы политической экономіи Іосифа Супинскаго, на археологовъ графа А. С. Уварова, проф. І. Лепковскаго и Эссенвейна; на ученыхъ, графа Августа Цѣшковскаго и Луд. Воловскаго.

Къ этому числу надобно прибавить почтенныхъ дѣятелей во Львовѣ по возрожденію и развитію Галицко-Русской народности: священника Антонія Петрушевича, проф. Исидора Шараневича, Перемышльскаго каноника (уніата) Фр. Павловскаго.

Въ математико-естественномъ Отдѣленіи много лицъ съ громкими именами: медицина и естествознаніе имѣютъ въ Ягеллонскомъ университетѣ достойныхъ представителей. Мы уже исчислили эти имена, говоря о секціяхъ, въ которыхъ они состоятъ директорами, или предсѣдательствующими въ коммиссіяхъ. Прибавимъ къ нимъ проф. Бесядецкаго, извѣстнаго анатома; замѣчательнаго математика, Львовскаго профессора Жмурка и, наконецъ, извѣстнаго геолога, ректора Чилійскаго университета въ Сантъ-Яго, Игнатія Домейка.

Мы упомянули здѣсь о нѣкоторыхъ только ординарныхъ академикахъ. Объ экстраординарныхъ мы не говоримъ, хотя, конечно, и между ними есть полезные дѣятели.

Намъ могутъ замѣтить, почему въ нашемъ исчисленіи нѣтъ многихъ Славянскихъ знаменитостей, нѣтъ даже такихъ Польскихъ ученыхъ, живущихъ въ предѣлахъ Россіи и царства Польскаго, какъ напр. тайный совѣтникъ Р. Губе, А. В. Мацѣёвскій, К. Войцицкій, А. Тышинскій; нѣтъ даже знаменитаго, уже покойнаго Либельта, бывшаго предсѣдателя Познанскаго Общества Любителей Наукъ и др. Въ этомъ не виноваты ни

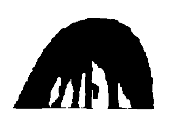
бывшее Ученое Общество, избиравшее первый составъ академиковъ, ни академія. Многія Славянскія знаменитости были избраны, но почему-то утвержденія ихъ въ званіи академиковъ со стороны Австрійскихъ властей до сихъ поръ еще не послѣдовало.

Средства академіи, въ сравненіи, напримѣръ, съ Петербургскою, ничтожны. Годичный доходъ ея непревышаетъ 40,000 гульденовъ (около 24,000 рублей). Пособія отъ правительства академія получаетъ 12,000; сеймъ жертвуетъ 15,000. На эти деньги академія пріобрѣла небольшой домъ, смежный съ зданіемъ академіи и перестроиваетъ его. На эти же деньги производятся всѣ расходы по академическимъ изданіямъ, на ученыя изысканія въ краѣ, на жалованье предсѣдателю, секретарю, чиновникамъ канцеляріи и проч. Члены, пріѣзжающіе на засѣданія академіи, Австрійскіе поданные — получаютъ проѣздныя и столовыя деньги. Больше никто никакого жалованья не получаетъ. За статьи академія платитъ отъ 20 — 25 гульденовъ за листъ (т. е. отъ 13—17 руб.).

III.

Разсмотримъ теперь изданія академіи со времени ея окрытія, т. е. съ 1873 г., по каждому Отдѣленію особо.

Первыя два Отдѣленія, т. е. филологическое и историко-философское издаютъ общій «Pamiętnik». До сихъ поръ вышли два тома (in 4°, въ I т. 249 стр., во II-мъ 284 стр.). Въ первомъ заключаются: Сиг. Самолевича: «Studyja platońskie. I. Hippias większy», ученое разсужденіе, въ которомъ авторъ старается отличить дѣйствительные діалоги Платона отъ поддѣльныхъ. Болѣе живаго интереса представляетъ замѣчательная статья В. Кентржинскаго: «O narodowości Polskiéj w Prusiech zachodnich za czasow Krzyżackich, studyjum historyczno-etnograficzne». Ученый и добросовѣстный авторъ коснулся довольно щекотливаго въ настоящее время для Нѣмцевъ вопроса: о народности коренныхъ жителей западной Пруссіи. Извѣстно, что Нѣмецкіе писатели стараются доказать, что предки этихъ жителей были Нѣмцы, а ужь потомъ потомки ихъ ополячѣли. Авторъ, съ неумолимою логикою, доказываетъ противное. Онъ почерпаетъ матеріалъ изъ вѣрныхъ источниковъ, изъ актовъ Торнскаго, Гданскаго, Мальборгскаго и нѣкоторыхъ другихъ архивовъ, лично и всесторонне имъ изслѣдованныхъ. Кромѣ того, онъ черпалъ матеріалы изъ старинныхъ рукописей XIV и XV столѣтія, хранящихся въ разныхъ архивахъ и библіотекахъ въ западной Пруссіи, изъ судебныхъ актовъ и, наконецъ, изъ всѣхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ новѣйшихъ печатныхъ источниковъ. Почтенный авторъ не пренебрегалъ даже эпитафіями. Онъ приводитъ нѣсколько сотъ названій разныхъ городовъ и другихъ поселеній, коихъ древность и Польское начáло доказываются актами и другими непреложными свидѣтельствами. Всѣ эти названія искажены потомъ въ Нѣмецкія. Тоже самое совершалось и съ фамиліями древнѣйшихъ дворянскихъ родовъ, искони здѣсь поселившихся. Фамиліи эти до такой степени искажены, что теперь нельзя почти узнать ихъ первоначальнаго названія. Собственныя имена, приводимыя авторомъ, относятся къ XIII—XVI столѣтіямъ. Онѣмеченіе страны началось тотчасъ же послѣ прихода рыцарей. Первымъ ихъ дѣломъ было передѣлывать на-

званія мѣстностей и фамиліи лицъ на Нѣмецкій ладъ. Даже на старинныхъ картахъ названія уже Нѣмецкія. Кто, напримѣръ, узнаетъ, что Jocusch zucleyne Bewelan — значитъ Якушъ Бялоблоцкій; Heinrich Stibur vom Lantrichter — Генрихъ Циборскій изъ Варденгова; Woythke von Keyntheyen—Войтехъ Китновскій; Glauke v. d. Brusse—Клавко Бржезинскій; Jocusch von Fredaw—Якушъ Славковскій; Nicelis Poleschky von Elsenau — Николай Поляскій изъ Ельзанова?! И множество другихъ. Тоже самое—съ названіями мѣстностей. Кто узнаетъ, что Sorgennsee—это Дзѣржгонь; Riesenwalde — Станко; Grasnitz — Гразимово; Wachsmuth—Колодзѣе; Guhringen—Горынь; Kuzendorf — Коньчевице?! И множество въ этомъ родѣ. Вѣковыя усилія Нѣмцевъ не привели ихъ, однако, къ желаемымъ результатамъ. Нѣмецкіе писатели, незнающіе Польскаго языка, могутъ заблуждаться, встрѣчая Нѣмецкія названія и прозвища еще въ XIII столѣтіи; но народъ не поддался вліянію Нѣмцевъ: онъ и доселѣ сохранилъ родныя имена неискаженными. Для Славянскаго этнографа, западная Пруссія представитъ утѣшительное явленіе, если онъ, не придерживаясь названій мѣстностей, обозначенныхъ въ географіяхъ и на картахъ, изслѣдуетъ ихъ на мѣстѣ и провѣритъ съ древними актами и грамотами. Повторяемъ, въ исторіи многовѣковой борьбы германизма съ славянствомъ, трудъ Кентржинскаго — явленіе весьма знаменательное. Да и самъ Кентржинскій своею личностью неопровержимо, фактически доказываетъ Нѣмецкую немощь, въ виду сильнаго возрожденія Славянскаго духа въ Пруссіи: онъ родился Нѣмцемъ; мать его говорила немного по-Польски, отецъ же—ни слова. Далѣе Кентржинскій воспитывался въ Нѣмецкихъ школахъ и университетѣ и уже былъ докторомъ философіи, когда, подъ вліяніемъ общаго настроенія, пробудилось въ немъ сознаніе собственной народности. Это было въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, а теперь онъ принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ Польскихъ историковъ-этнографовъ. Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что Кентржинскій вовсе не одиночное явленіе въ этомъ родѣ.

Въ первомъ же томѣ напечатана статья С. Венцлевскаго: «O poezyjach Andrzeja Krzyckiego». Трудъ добросовѣстный, но имѣющій исключительный интересъ для Польско-Латинской литературы XVI вѣка.

Во второмъ томѣ напечатанъ замѣчательный трудъ Лукіяна Малиновскаго, ученика знаменитаго Шлейхера, давно заявившаго свои лингвистическія способности и глубокое знаніе. Трудъ его озаглавленъ: «Modlitwy Wacława. Zabytek języka Polskiego z wieku XV, odkryty i skopijowany przez Aleksandra hr. Przezdzieckiego». Рукопись этихъ «Молитвъ» найдена извѣстнымъ историкомъ и неутомимымъ изыскателемъ библіографическихъ и археологическихъ достопамятностей, покойнымъ гр. А. Пржездзецкимъ въ 1870 въ Пештѣ, въ университетской библіотекѣ. Рукопись, на пергаменѣ въ 16 д., заключаетъ въ себѣ 292 страницы, но внутри нѣкоторыхъ не достаетъ. Первыя 60 страницъ гр. Пржездзецкій самъ переписалъ, остальныя же, по его порученію, переписалъ Адріанъ Рингъ, оффиціалъ Венгерской академіи наукъ. Въ концѣ рукописи сказано: «Dokonaly sie godziny o wloszny m angele przes pysarza Waczlawa, vbogiego Waczlawa». На этомъ основаніи рукопись и озаглавлена «Молитвы Вацлава». Въ ней списаны разныя молитвы: Отче Нашъ, Богородица, Вѣрую,

антифоны и другія, переведенныя съ Латинскаго. По мнѣнію профессора Сухецкаго и Малиновскаго, переводъ составленъ въ XIV столѣтіи, но самая рукопись относится къ XV вѣку. Малиновскій представилъ подробный и весьма отчетливый разборъ рукописи, на основаніи положеній современной науки. Въ концѣ приложены: сравненіе выраженій, употребленныхъ въ извѣстномъ Флоріянскомъ псалтырѣ, съ такими же въ «Молитвахъ Вацлава», показывающими нѣкоторую разницу; далѣе словарь словъ, обращающихъ на себя вниманіе по ихъ формѣ и особенному значенію, далеко несоотвѣтствующему нынѣ употребляемымъ формамъ и выраженіямъ, и наконецъ—словарь иностранныхъ словъ, употребленныхъ въ «Молитвахъ». Нѣкоторыя изъ приведенныхъ словъ весьма любопытны. Онѣ являютъ близкое родство съ древне-Славянскимъ и даже нынѣшнимъ Русскимъ. Напримѣръ: pyrwy czasz—т. е. первый часъ, вмѣсто нынѣ употребляемаго выраженія pierwsza godzina; czystota—чистота, нынѣ czystość; czso—что (co); kazni — дисциплины, покорности (pokory, posłuszeństwa); lycz—ликъ (oblicze); myrz—миръ (pokoj); krasza—краса (piękność); kromie—кромѣ (oprócz); ktokoli—кто нибудь (ktokolwiek); sleza—слеза (łza); zszmyernoscz—смиреніе (pokora); sramyayф—срамять (zawstydzać) и мн. др. Вообще трудъ Малиновскаго принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ по части Славянской филологіи *).

Въ этомъ же томѣ помѣщена статья маститаго историка Авг. Бѣлёвскаго «Szymon Szymonowicz», заключающая біографическій очеркъ этого писателя XVII ст., съ присовокупленіемъ ненапечатанныхъ его стихотвореній.

Наконецъ, въ I и II томахъ «Pamiętnika» напечатано объемистое сочиненіе орд. акад. графа Маврикія Дзѣдушицкаго «Rys dziejow kościoła katolickiego w Szwecyi». Авторъ принадлежитъ къ числу трудолюбивыхъ историковъ, съ клерикальнымъ оттѣнкомъ. Какъ вѣрная картина дѣяній католической церкви въ Швеціи, книга его заслуживаетъ уваженія; но почему она попала въ первые томы «Записокъ» академіи и какая связь между ею и выдающимися учеными задачами академіи наукъ — рѣшить трудно.

* * *

Кромѣ «Записокъ», каждое Отдѣленіе издаетъ особые сборники «Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń». Филологическое Отдѣленіе издало уже три тома такого Сборника. Въ первомъ томѣ помѣщена статья проф. Малецкаго: «O zadaniach wydzialu filologicznego». Авторъ въ подробности разсматриваетъ основныя задачи, которыя должно усвоить Отдѣленіе и осуществлять таковыя по мѣрѣ возможности. По статуту, къ этому Отдѣленію присоединена исторія изящныхъ искусствъ. Ученый Малецкій находитъ, что этотъ предметъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ основнымъ задачамъ Отдѣленія, съ чѣмъ нельзя не согласиться. Поэтому, онъ полагаетъ, что Отдѣленію слѣдуетъ постоянно стремиться къ тому, чтобы исторія литературы, исторія языка, грамматика, изданія, обогащающія лексикографію,—перестали,

*) Подробный разборъ профессора Казанскаго университета И. А. Бодуэна-де-Куртенэ см. въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1875 годъ.

наконецъ, казаться идеалами, до которыхъ въ дѣйствительности достигнуть невозможно; чтобы всѣ эти отдѣлы обогащались сочиненіями, соотвѣтствующими современнымъ требованіямъ науки. На второмъ планѣ оно ставитъ труды языкознанія, какъ Польскаго, такъ и старо-Славянскаго, а на третьемъ сравнительное языковѣдѣніе, филологію и теорію литературъ прочихъ Славянскихъ языковъ, а также и иностранныхъ. Надъ исторіею Польской литературы работало уже много ученыхъ: сочиненія Бентковскаго, Лукашевича, Вишневскаго, Мацѣёвскаго, Войцицкаго, Кондратовича, Бартошевича Неринга, Мехержинскаго, Маіоркевича, Рихарскаго, Поля, Сѣменскаго, Здановича, Совинскаго и др., собственно же по части библіографіи Іохера, Эстрейхера и пр.—достойны всякаго уваженія. Польская литература въ этомъ отношеніи богаче даже другихъ Славянскихъ литературъ. Но всѣхъ этихъ трудовъ нельзя назвать законченными, предметы далеко не исчерпаны.

Вотъ почему, по мнѣнію профессора Малецкаго, только академія наукъ можетъ собрать достаточное количество матеріаловъ, только академія можетъ составить глубоко обдуманный планъ и принять на себя руководство въ исполненіи его. Между прочимъ, авторъ полагаетъ необходимымъ собирать и печатать біографическія монографіи, издавать сочиненія уже исчерпанныя и несуществующія въ продажѣ, поощрять къ составленію отдѣльныхъ критическихъ очерковъ литературы разныхъ спеціальныхъ знаній. Малецкій въ особенности настаиваетъ, чтобы академія приступила къ печатанію сочиненій стараго времени, по крайней мѣрѣ, до 1500 года. Этимъ только путемъ можно возстановить множество словъ, нѣкогда общеупотребительныхъ, а потомъ заброшенныхъ. Авторъ замѣчаетъ весьма основательно, что мало-Польское нарѣчіе пріобрѣло правà гражданства, сдѣлалось письменнымъ и книжнымъ, не потому, чтобы оно было богаче другихъ Польскихъ нарѣчій, но потому, что здѣсь была столица всего края, что сюда преимущественно стекались писатели изъ другихъ провинцій. Великая Польша, Мазовія, Пруссія, Силезія, съ теченіемъ времени усвоили этотъ языкъ, какъ письменный; но въ домашнемъ быту не переставали употреблять своихъ собственныхъ нарѣчій, существующихъ хотя и доселѣ, но для литературы почти недоступныхъ. Вотъ почему необходимо воспользоваться этими отдѣльными нарѣчіями для обогащенія письменнаго языка, тѣмъ болѣе, что въ этихъ народныхъ говорахъ сохранилось такъ много чисто-Славянскихъ словъ.

Отдѣленіе раздѣлило, въ главныхъ пунктахъ, взглядъ Малецкаго: многое уже и предпринято для осуществленія его программы. Занятія по этой части, главнѣйшимъ образомъ, сосредоточиваются въ коммиссіи языкознанія, подъ руководствомъ проф. Скобеля. Въ этой коммиссіи составлена и принята въ руководство программа изданія «Словаря Польскаго языка» въ самомъ широкомъ объемѣ. Въ этотъ «Словарь» войдутъ слова, кромѣ всѣхъ помѣщенныхъ въ «Словаряхъ» Линде, Виленскомъ Оргельбранда и Рыкачевскаго (см. прим. 2), какъ вообще языка письменнаго, всѣ провинціальные Польскіе говоры, всѣ спеціальныя слова, употребляемыя ремесленниками, мастеровыми, торговцами и промышленниками всевозможныхъ оттѣнковъ; далѣе: слова употребляемыя при мореплаваніи, судоходствѣ, въ горномъ дѣлѣ, охотничьи и т. д.; слова и термины математическіе, физическіе, химическіе, ботаническіе, минералогическіе, медицинскіе и вообще всѣхъ отраслей математическихъ и естественныхъ наукъ. Причемъ постановлено, недожидаясь

окончанія такого громаднаго труда, издавать по мѣрѣ подготовки «Матеріалы для Словаря», такъ напр., словарь словъ, употреблявшихся въ книгахъ и рукописяхъ до половины XVI столѣтія; словари провинціальныхъ говоровъ и т. д. Кромѣ постоянныхъ членовъ коммиссіи, съ любовью занимающихся этимъ дѣломъ, многія постороннія лица стали присылать матеріалы. Явленіе довольно любопытное, что въ этой коммиссіи съ особеннымъ усердіемъ посвящаютъ свои труды языкознанію медики, естественники и другіе спеціалисты иныхъ знаній. Такъ, напримѣръ, директоромъ коммиссіи—профессоръ фармакологіи Скобель (о которомъ мы уже говорили), авторъ нѣсколькихъ высоко цѣнимыхъ медицинскихъ сочиненій, но, въ то же время, въ цѣломъ ряду изданныхъ имъ книгъ по языкознанію — неутомимый преслѣдователь каждаго искаженія языка, въ особенности многочисленныхъ германизмовъ. Далѣе, Майеръ, предсѣдатель академіи, профессоръ физіологіи, но и авторъ нѣсколькихъ статей по языкознанію принимающій въ коммиссіи живое участіе. Къ ней же принадлежатъ медики, профессоры: Этингеръ (Еврей) и Яниковскій; экстр.-орд. академики и д-ра мед. Варшауеръ (Еврей) и Александръ Кремеръ, проф. правовѣдѣнія Боярскій и др. Въ ряду спеціалистовъ первое мѣсто принадлежитъ Карлу Витте, знатоку языка и референту коммиссіи по самымъ сложнымъ вопросамъ. Въ коммиссіи участвуютъ также: извѣстный библіографъ Эстрейхеръ, Вислоцкій, Серединскій, писатель Бельциковскій (секретарь коммиссіи) и др.

Въ I томѣ, кромѣ указанной нами статьи Малецкаго, помѣщено еще 7 статей, имѣющихъ мѣстный интересъ, но въ общемъ малозанимательныхъ. Профессоръ Лепковскій сообщилъ извѣстіе о найденномъ имъ въ университетской библіотекѣ въ Монахіумѣ (Мюнхенѣ) «Молитвенникѣ Сигизмунда». Г. Лущкевичъ сочинилъ какого-то небывалаго живописца, котораго иконы сохранились въ одномъ изъ Краковскихъ храмовъ и который назывался Гансъ Кнодереръ, придворный живописецъ императора Максимиліана; но проф. Лепковскій, съ документами въ рукахъ, доказалъ ему, что это—иконы XVI ст. Ганса Суэса фонъ-Кульмбаха. Въ этомъ же томѣ помѣщено извѣстіе о Польскихъ рукописяхъ богословскаго содержанія, хранящихся въ Петербургской публичной библіотекѣ, составленное б. членомъ духовной коллегіи, прелатомъ Ант. Мошинскимъ.

* * *

Въ II томѣ помѣщены двѣ большія статьи: «Andrzeja Morsztyna niewydane poezyje, objaśnił i uwagami opatrzył d-r Wł. Seredyński». Андрей Морштынъ принадлежитъ къ числу поэтовъ XVII вѣка. Онъ не пользовался громкою славою, потому что при жизни не всѣ его сочиненія были напечатаны; къ тому же, было нѣсколько Морштыновъ, и имена ихъ перепутали. Между тѣмъ, въ архивѣ академіи, а также въ институтѣ Оссолинскихъ во Львовѣ нашлись рукописи, заключающія стихотворенія, несомнѣнно принадлежащія перу Андрея Морштына. Серединскій, по порученію Отдѣленія, составилъ біографію поэта, исчерпавъ для этого всѣ достовѣрные матеріалы, оцѣнилъ достоинство произведеній и вообще предоставилъ ему подобающее мѣсто въ ряду Польскихъ поэтовъ того времени. Затѣмъ напечатаны самыя стихотворенія, въ числѣ 254.

Вторая статья представляетъ живой интересъ для всѣхъ вообще лингвистовъ. Это цѣлое сочиненіе (241 стр.) Ивана Карловича: «O ięzyku Litewskim». Можно сказать съ увѣренностью, что никто еще и нигдѣ не исчерпалъ такъ, какъ Карловичъ, предмета о Литовскомъ языкѣ и съ такою опредѣлительностью не указалъ того мѣста, которое онъ долженъ занимать въ семьѣ Арійскихъ языковъ. Извѣстно, что еще въ 1806 г. Богушъ напечаталъ свое сочиненіе о началѣ народа и языка Литовскаго. Черезъ шесть лѣтъ митрополитъ Сестренцевичъ въ сочинѣніи своемъ: «Recherches historiques sur l'origine des Sarmates, des Esclavons et des Slaves», тоже говоритъ много о Литовцахъ. Извѣстно также, что еще около 1580 г. Ласицкій сочинилъ цѣлый олимпъ Литовскихъ боговъ. Эти три сочиненія долгое время считались единственными руководителями къ изученію Литовской старины. Изъ нихъ почерпали извѣстія какъ о происхожденіи Литовцевъ, такъ о ихъ языкѣ и миѳологіи. Къ сожалѣнію, и новѣйшіе историки, какъ Нарбутъ, Крашевскій, Ярошевичъ и др., слѣдовали тому же примѣру. Даже О. И. Сенковскій считалъ Ласицкаго главнѣйшимъ руководителемъ по Литовской миѳологіи. Никто не станетъ отрицать заслугъ этихъ заслуженныхъ дѣятелей на поприщѣ Литовской исторіи. Безъ Нарбутта, надъ которымъ, впрочемъ, нѣкоторые дозволяютъ себѣ глумиться, едва ли бы мы имѣли послѣдующія сочиненія о Литвѣ съ болѣе критическимъ взглядомъ. Но, въ отношеніи языка и миѳологіи, Богушъ и Ласицкій всѣхъ вводили въ заблужденіе. Отсюда-то явились легіоны Литовскихъ боговъ, порожденныхъ воображеніемъ Ласицкаго и недостаточностью лингвистическихъ знаній Нарбута. Карловичъ фактически доказываетъ, что всѣ эти писатели плохо знали по-Литовски, отчего и явились недоумѣнія, неточности и ложные выводы, не говоря уже про замашки Богуша и Сестренцевича, въ духѣ того времени, выводить Литовцевъ отъ Римлянъ, смѣшивать съ Герулами, Аланами, Эстами, Куронами и т. д. Авторъ опровергаетъ категорически мнѣнія всѣхъ этихъ писателей, указываетъ на болѣе крупныя ихъ ошибки и потомъ исчисляетъ всѣхъ писателей, какъ Польскихъ и Литовскихъ, такъ и заграничныхъ, которые писали о Литвѣ. Онъ хвалитъ Коссаковскаго, автора единственной грамматики Жмудскаго нарѣчія, изданной въ 1832 г., но видитъ въ ней крупные недостатки, главное же—то, что онъ два нарѣчія, Литовское и Жмудское, смѣшиваетъ въ одно и заставляетъ какъ Литовцевъ, такъ и Жмудиновъ, руководствоваться однѣми и тѣми же правилами. Авторъ высоко цѣнитъ Лудовика-изъ-Покева (А. Л. Юцевича) за его «Литву», въ которой онъ доказалъ, что отлично понималъ и оцѣнилъ по достоинству знаменитаго Литовскаго поэта Донaлейтиса. Въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, какъ извѣстно, самые пытливые умы занялись сравнительнымъ языкознаніемъ. Шлегель предсказалъ бытіе этой науки, а Боппъ, Гриммъ, Поттъ и др. создали ее. Литовскій языкъ не былъ забытъ. Къ нимъ подоспѣлъ знаменитый Шафарикъ, и Литовскій языкъ получилъ права гражданства въ семьѣ Индо-Европейскихъ языковъ. Но вотъ является геніальный Шлейхеръ, и за нимъ цѣлая фаланга изыскателей и усердныхъ тружениковъ: Максъ Миллеръ, Куршатъ, Нессельманъ, Лотнеръ и др. Изъ природныхъ Литовцевъ авторъ упоминаетъ о Довмонтѣ, К. А. Коссаржевскомъ, Акелевичѣ, Полуянскомъ, Микуцкомъ, Юшкевичѣ и др. Карловичъ указываетъ на основные выводы каждаго изъ приведенныхъ лицъ; но

самъ преимущественно раздѣляетъ убѣжденіе Шлейхера. Выработанная и признанная теорія въ отношеніи Литовскаго языка извѣстна: Санскритскій языкъ считается старѣйшимъ, не отцемъ однако, а скорѣе братомъ другихъ языковъ въ такой послѣдовательности: Санскритскій, Зендскій, Греческій, Латинскій, Кельтскій, Славянскій, Литовскій и Готскій. Въ группѣ Арійскихъ языковъ, Литовскій имѣетъ самое близкое родство не съ Санскритомъ, какъ думалъ Боппъ, не съ Греческимъ и Латинскимъ, какъ думали другіе,—но со Славянскими и Германскими, и въ особенности—со Славянскими. Затѣмъ авторъ переходитъ къ собственнымъ выводамъ, стараясь разъяснить со строгою послѣдовательностью степень родства Литовскаго языка со Славянскимъ, Германскимъ и другими Арійскими, знакомитъ насъ, какъ съ языкомъ, такъ и съ каждымъ нарѣчіемъ, указываетъ на особенности говоровъ въ каждой выдающейся мѣстности отдѣльно, представляетъ характеристическія черты Литовской грамматики въ цѣломъ рядѣ морфологическихъ очерковъ. Въ заключеніе онъ приводитъ краткую Литовскую библіографію и указываетъ на нѣкоторыя болѣе замѣчательныя рукописи. Намъ остается пожелать: чтобы для Польской публики (точно также и для Русской), какъ можно скорѣе изданы были словари Нессельмана и Куршата, существующіе теперь только для Нѣмцевъ; чтобы сдѣлано было новое изданіе словаря Ширвида; чтобы напечатана была Литовская христоматія со словаремъ; наконецъ, чтобы были изданы старинные памятники языка, проповѣди Ширвида, Даукши, Библія, собраніе пѣсенъ, преданій, пословицъ, сборники собственныхъ Литовскихъ именъ, прозвищъ, названія мѣстностей, строго придерживаясь во всѣхъ этихъ изданіяхъ ороографіи Шлейхера.

Менѣе любопытенъ III томъ. Здѣсь помѣщено семь статей по части библіографіи и исторіи литературы. Между прочимъ, Целиховскій сообщилъ двѣ неизвѣстныя до сихъ поръ библіографическія рѣдкости изъ Курникской библіотеки гр. И. Дзялынскаго, по мнѣнію Целиховскаго относящіяся къ 1527 году; Александръ Петровъ—дѣльную замѣтку—«Głosowania dolno-Łuzyckiego języka»; Влад. Вислоцкій нелишенную интереса статью: «Kazania niédzielne i swiąteczne w języku Lacinskim i Czeskim z początku XV wieku, podług kodeksa biblioteki hr. Tarnowskich w Dzikowie»; наконецъ, Коперницкій: «Spostrzeżenia nad własćiwośćiami językowemi w mowie Górali Bieskidskich, z dodatkiem slówniczka wyrazow Góralskich».

Г. Петровъ въ предисловіи обѣщаетъ современемъ издать вторую часть грамматики, а также «Словарь Нижне-Лужицко-Польско-Русскій». Авторъ говоритъ о Лужичанахъ, живущихъ въ четырехъ уѣздахъ въ Пруссіи, а именно: Гродковскомъ (Spremberg), Калавскомъ (Kalan), Хотебузкомъ (Kottbus) и Жоровскомъ (Sorau).

IV.

Обратимся теперь къ трудамъ втораго Отдѣленія, т. е. историко-философскаго.

Прежде всего, мы должны замѣтить, что именно въ этомъ Отдѣленіи болѣе всего сосредоточиваются такіе предметы, которые весьма легко

могли бы подать поводъ къ политической тенденціозности. Это не было бы даже странно въ краѣ, гдѣ политическимъ страстямъ данъ такой широкій разгулъ, ничѣмъ нестѣсняемая свобода мысли и слова. Но, къ чести втораго Отдѣленія, надобно сказать, что оно, съ самаго начала, съумѣло оградить себя отъ какихъ бы то ни было постороннихъ вмѣшательствъ и вліяній, несоотвѣтствующихъ призванію высшаго ученаго учрежденія. Строго преслѣдуя исключительно научныя цѣли, оно заботится только о возможно-большемъ развитіи и преуспѣяніи наукъ историческихъ и археологическихъ, философскихъ знаній, законовѣдѣнія, о постепенномъ распространеніи круга своей дѣятельности и увеличеніи числа трудящихся. Были уже случаи, являлись личности съ воображаемою Европейскою славою, желавшія внести въ сферу онаго борьбу страстей; но оно отшатнулось и съ достоинствомъ отвергло тенденціозныя стремленія. Мы уже замѣтили выше, что такое строгое научное направленіе не составляетъ исключительно принадлежности одного втораго Отдѣленія: оно общее для цѣлой академіи. Но мы считали нужнымъ обратить вниманіе на то, что именно въ этомъ Отдѣленіи, по роду занятій онаго, могли бы скорѣе, нежели въ другихъ Отдѣленіяхъ, пріютиться пристрастіе и искаженія и разъиграться политическія страсти.

Второе Отдѣленіе издало уже четыре тома «Rozpraw i sprawozdań z posiedzeń». Разсмотримъ каждый изъ нихъ отдѣльно.

Въ первомъ томѣ мы укажемъ на слѣдующія статьи: А. Соколовскаго: «Projekt rozbioru Polski w XV w». Проектъ раздѣла Польши въ XV вѣкѣ родился въ головѣ императора Сигизмунда въ то время, когда Чехи приглашали на престолъ великаго князя Литовскаго Витовта; но онъ, какъ извѣстно, отправилъ туда Сигизмунда-Корибута. Князь Болеславъ Цѣшинскій, какъ и всѣ въ Силезіи, сочувствовали этому. Рыцари не могли еще опомниться послѣ Грунвальдскаго погрома и съ ужасомъ видѣли окончательную свою гибель. Витовтъ уговорилъ Ягайлу жениться на дочери Андрея Ивановича, князя Гольшанскаго и Вяземскаго, и тогда вліяніе его на Ягайлу стало сильнѣе, хотя Олесницкій и другіе оставались врагами Витовта. Послѣдній не былъ еще въ то время въ близкихъ отношеніяхъ къ Сигизмунду. Таково было положеніе дѣлъ, когда Поляки стали собираться въ походъ на рыцарей. Тѣ обратились къ Сигизмунду, прося защиты. Вслѣдствіе этого, въ іюлѣ 1422 Сигизмундъ предпринялъ крестовый походъ противъ Литвы и Польши. Въ этомъ походѣ должны были принять участіе князья и электоры Нѣмецкіе, король Датскій, князья Силезскіе, союзные города Лужицкіе; надѣялись также на участіе Венгріи. Рыцарство, имѣя во главѣ императора Сигизмунда, рѣшило, что Поляки съ Литвою должны быть жестоко наказаны за то, что князь Корибутъ покровительствовалъ Гусситамъ. Въ январѣ 1423 Сигизмундъ составилъ такой планъ раздѣла Польши: Венгрія получитъ часть Галиціи, Молдавію, Подолію и Muschin'у *); Орденъ получитъ Куявы, земли Ленчицкую и Добржинскую, все остальное предполагалось раздѣлить между союзниками. О Литвѣ и Руси ничего прямо не

---

*) Muschin'a, Мушина, деревня, пограничная съ Венгріею, недалеко отъ Криницы.

сказано; но въ договорѣ ожесточенно бранятъ Витовта, какъ главнаго виновника бѣдствій Ордена. Акты, относящіеся къ этому времени напечатаны Грюнгагеномъ въ первый разъ въ «Scriptores rer. Silesicar.», томъ VI, «Geschicht-Quellen der Hussitenkriege». Изъ нихъ и изъ другихъ малоизвѣстныхъ источниковъ авторъ почерпалъ свѣдѣнія. Послѣдствія извѣстны: Витовтъ спасъ Польшу. Онъ вошелъ въ сношенія съ Татарами, повліялъ на примиреніе ихъ съ Турками, чтобы, въ случаѣ надобности, вмѣстѣ напасть на Венгрію; самъ же, съ Поляками и Литовцами, при дружномъ содѣйствіи Чешскихъ Гусситовъ и Татаръ, предполагалъ напасть на рыцарей и Силезскихъ князьковъ. Великій магистръ, узнавъ о планахъ Витовта, пришелъ въ ужасъ. Онъ хорошо зналъ, что̀ можетъ сдѣлать Витовтъ. Онъ зналъ, что весь крестовый походъ не одолѣетъ Витовта съ Гусситами, да еще съ Татарами. Венгрія тоже испугалась. Обратились съ новыми просьбами къ императору: замять дѣло и содѣйствовать заключенію мира съ Литвою и Польшею. Венгрія же торжественно протестовала противъ всякаго участія въ войнѣ съ Поляками и Литовцами. Такимъ образомъ достаточно было Витовту только принять свои мѣры и сдѣлать предварительныя распоряженія, какъ и крестовый походъ и планъ раздѣла Польши рушились сами собою. А, вѣдь, откажись Витовтъ, могло бы быть плохо Польшѣ! Впослѣдствіи, какъ извѣстно, этотъ же Сигизмундъ является сильнымъ сторонникомъ Витовта и ѣдетъ къ нему въ Луцкъ для переговоровъ о коронованіи великаго князя королемъ Литовскимъ. Сигизмундъ до самаго конца не измѣнилъ Витовту и корону выслалъ; но Олесницкій перехитрилъ его.

Статья Соколовскаго очень любопытна. Хотя главные матеріалы заимствованы имъ изъ приведеннаго нами выше изданія Грюнгагена, не менѣе того онъ съумѣлъ пополнить ихъ и разнообразить изъ другихъ источниковъ.

Коль скоро дѣло касается Витовта, у большей части Польскихъ историковъ, онъ обыкновенно стушевывается, а самое видное и первое мѣсто всегда предоставляется Ягайлѣ. Что̀ дѣлать: Витовта все еще не жалуютъ! У Соколовскаго онъ выступаетъ какъ будто нѣсколько рельефнѣе; но, конечно, все-таки на заднемъ планѣ.

Одинъ изъ самыхъ талантливыхъ и дѣятельныхъ членовъ исторической коммиссіи Михаилъ Бобржинскій въ этомъ же томѣ напечаталъ прелюбопытную статью: «Wiadomości o uchwałach zjazdu Piotrkowskiego, 1406 и 1407». Статья эта имѣетъ большой интересъ, вопервыхъ, потому что о самомъ существованіи Пётрковскаго съѣзда въ 1406 г. никому не было извѣстно, а во вторыхъ, обстановка и программа съѣзда невольно обращаютъ на себя особенное вниманіе. Дѣло въ томъ, что, во-первыхъ, съѣздъ въ Пётрковѣ 17 октября 1406 г. совершился въ отсутствіи короля и духовенства; во вторыхъ, на этомъ съѣздѣ предметомъ разсужденій, главнѣйшимъ образомъ, было—несоотвѣтствіе силы и власти католической церкви въ отношеніи государства.

Постановленія сейма имѣютъ высокое значеніе и хорошо свидѣтельствуютъ о тогдашнихъ Польскихъ дѣятеляхъ. Эти постановленія, ставя государственную идею выше тѣхъ стремленій, какія присвоила себѣ церковь въ Польшѣ въ началѣ XV ст., указываютъ путь къ огражденію

независимости свѣтскихъ сословій отъ іерархическихъ притязаній. Съѣздъ этотъ былъ въ родѣ конфедераціи. Постановленія его, конечно, не удостоились утвержденія. Понятно также, почему они не нашли мѣста въ «Volumina Legum» и въ другихъ извѣстныхъ сборникахъ; но въ архивѣ академіи нашлась точная копія постановленія изъ рукописи Сендзивоя Чехеля, бывшая въ рукахъ извѣстнаго правовѣда-историка А. Гельцеля, который, однако, не счелъ удобнымъ воспользоваться ею для своихъ научныхъ цѣлей. Подлинность же ея подтверждается подобнымъ актомъ съѣзда, повторившагося въ томъ же Пётрковѣ въ слѣдующемъ 1407 г., актомъ, найденнымъ проф. Шуйскимъ въ «Liber privilegiorum antiquus» Краковскаго капитула. Духъ и содержаніе этого втораго акта вполнѣ соотвѣтствуетъ направленію съѣзда 1406 года. Бобржинскій приводитъ и другія доказательства, убѣждающія, что въ то время, независимо отъ Длугошевскаго теократизма, существовала сильная партія людей свободномыслящихъ, имѣющихъ нѣкоторое соотношеніе къ направленію Гусситовъ. Нельзя не благодарить Бобржинскаго и профессора Шуйскаго за то, что они, во имя исторической истины, изъ-подъ спуда Длугошевскихъ и разныхъ другихъ казуистическихъ преданій добываютъ болѣе отрадныя, болѣе свѣтлыя явленія народной жизни. Явленія эти, какъ извѣстно, повторялись много разъ, казалось даже созрѣвали во времена Уханскаго, въ царствованіе Сигизмунда-Августа, пока ихъ совсѣмъ не одолѣла и не проглотила темная сила въ царствованіе Сигизмунда III.

Не менѣе важна, но не для всѣхъ интересна статья профессора Шуйскаго: «Przyczynek do dziejow ustawodawstwa Polskiego XIV wieku». Она касается внутренняго устройства въ Малой Польшѣ, въ междуцарствіе послѣ смерти Лудовика Венгерскаго.

Профессоръ Мехержинскій помѣстилъ въ этомъ же томѣ статью «O wizycie akademii Krakowskiej odbytej w r. 1766 przez x. Kajetana Sołtyka, biskupa Krakowskiego». Послѣдній король Польскій, Станиславъ Августъ, поручилъ Краковскому епископу Солтыку произвести подробную ревизію Краковской академіи (т. е. университета). Епископа встрѣтили въ академическомъ костелѣ св. Анны, гдѣ почіютъ останки св. Яна-Канты и привѣтствовали рѣчью въ духѣ того времени. Ораторъ вошелъ въ такой паѳосъ, что заявилъ во всеуслышаніе: «Какъ нѣкогда, заслышавъ голосъ привѣтствія, дитя Іоаннъ подскочило въ лонѣ матери; такъ и въ эту минуту, слыша, какъ мы привѣтствуемъ тебя, достойный пастырь, шевельнулись отъ радости останки св. Яна-Канты». Отчетъ Солтыка, представленный имъ королю, рисуетъ намъ академію въ печальномъ положеніи. Велика, однако, была еще любовь къ наукѣ тогдашнихъ профессоровъ, когда они не покидали своихъ занятій, живя почти въ нищетѣ. По медицинскому факультету было только два профессора, получавшихъ въ годъ на свое содержаніе и на всѣ вообще расходы 270 Польскихъ злотыхъ (40 р. 50 к.). Философскій факультетъ состоялъ изъ 16 профессоровъ и еще изъ нѣсколькихъ докторовъ, неживишихъ въ коллегіи, а всѣ они получали 1650 злотыхъ Польскихъ (247 р. 50 к.). Но еще любопытнѣе бюджетъ математической школы, состоявшей при томъ же факультетѣ: въ ней было 12 профессоровъ, а всѣ они вмѣстѣ получали 111 зл. п., т. е. по 9 злот. $7^1/_2$ грошей, или на наши деньги по 1 р. $38^3/_4$ коп. въ годъ. Вотъ каково

было тогда положеніе старѣйшаго въ Европѣ университета, подарившаго міру Коперника и многихъ славившихся въ свое время ученыхъ и писателей! Жили, однако, и тогда люди и работали, и были между ними замѣчательные труженики науки. Такое неудовлетворительное содержаніе получала академія не потому, чтобы она не имѣла опредѣленныхъ, довольно значительныхъ доходовъ; но потому, что среди общаго хаоса въ государствѣ доходы эти до нея не доходили.

Б. Калицкій напечаталъ статью: «Przyczynek do historyi dziejopisarstwa Polskiego w XVII wieku». Калицкій сообщилъ переписку архіепископа М. Лубенскаго съ гетманомъ С. Конецпольскимъ по поводу изданія сочиненій епископа Станислава Лубенскаго. Для исторіи литературы—матеріалъ не безъинтересный. Я. Н. Садовскій помѣстилъ въ этомъ же томѣ нелишенную научнаго значенія статью о бронзахъ: «Obecny sposob zapatrywaniasię na zabytki z epoki spiżowej». Авторъ въ подробности разсматриваетъ теоріи Нильсона и другихъ извѣстныхъ археологовъ, пополняя иностранныя извѣстія свѣдѣніями о богатыхъ коллекціяхъ бронзы въ императорскомъ эрмитажѣ въ Петербургѣ и въ б. Виленскомъ музеѣ древностей. Къ сожалѣнію, бронзы эти Нильсону, Смиту и другимъ ученымъ неизвѣстны. Въ заключеніе г. Садовскій указываетъ на пути, которыми въ древности привозились къ Славянамъ и вообще въ Европу бронзы. Впрочемъ, эта статья служитъ только какъ бы вступленіемъ къ большому сочиненію того же автора, на дняхъ напечатанному въ изданіяхъ академіи, о которомъ современемъ мы поговоримъ подробнѣе.

Проф. Боярскій представилъ: «Dwa zabytki Polskiego sądownictwa karnego z wieku XVI». Въ архивѣ гр. Потоцкихъ въ Виляновѣ хранится дѣло, заключающее двѣ уголовныя тяжбы. Первая по случаю убійства Томаша Любранскаго, кастелана Брестскаго, въ 1537 году. Убійцею былъ Николай Русоцкій, кастеланъ Бѣховскій, староста Равскій. Второе уголовное дѣло заведено было по случаю убійства того же Н. Русоцкаго Іаковомъ Држевицкимъ въ 1548 году. Оба убитые были послами и ѣхали на сеймъ въ Брестъ. По тогдашнимъ законамъ, убійство посла считалось наравнѣ съ посягательствомъ на жизнь короля, ибо король—голова, а послы—члены сейма: если отнять одинъ членъ, страдаетъ все тѣло. Дѣло разсматривалось и судилось на сеймѣ; вдова убитаго Любранскаго падала на колѣни и молила о наказаніи убійцы. Убійца же, разумѣется, молилъ о прощеніи. У него были друзья и заступники. Ему прочли предлинное наставленіе, какой страшной казни онъ долженъ подвергнуться, какому поруганію и посрамленію должно подвергнуться даже все его нисходящее потомство—и, послѣ всего этого, преступникъ былъ прощенъ. Судьба его, однако, не миновала. Черезъ 11 лѣтъ, онъ былъ убитъ. Въ дѣлѣ имѣется подробное описаніе его смерти. Држевицкій и его 40 служителей напали на него на дорогѣ, кололи его, били, ругались даже надъ трупомъ. Дѣйствительная причина убійства неизвѣстна. Предлогъ тотъ, что Русоцкій въ письмѣ къ Држевицкому не назвалъ себя его другомъ, что при встрѣчѣ не подалъ ему руку, другой разъ не снялъ шляпу. Съ Русоцкимъ ѣхала жена его. И ее страшно избили. Къ сожалѣнію, въ дѣлѣ нѣтъ приговора, и чѣмъ оно рѣшено—неизвѣстно. Но изъ протоколовъ сейма 1548 года («Scriptores rerum Polonicarum», 257 стр., т. I) заключить можно, что преступникъ тоже избѣжалъ на-

казанія; казненъ только одинъ изъ участниковъ, нѣкто Кержинскій *). Эти два дѣла послужили профессору Боярскому темою для ученаго разсужденія, въ которомъ онъ весьма подробно и отчетливо разрѣшаетъ вопросъ о примѣненіи Римскихъ законовъ къ Польскимъ.

Наконецъ въ этомъ же томѣ помѣщены двѣ мои статьи «Badania archeologiczne w okolicach Babic i Kwaczaty». По порученію академіи, на мою долю выпало первое со стороны академіи археологическое изслѣдованіе. Послѣдствія онаго были довольно обильны; открыто: нѣсколько доисторическихъ кладбищъ; станція выдѣлки кремневыхъ издѣлій; озерное жилище (палафитъ) и нѣсколько до того времени неизвѣстныхъ древнихъ городищъ. Музей академіи по этому случаю обогатился добытыми древностями въ числѣ 167 предметовъ, состоящими изъ погребальныхъ урнъ съ пепломъ и недожженными косточками, разныхъ глиняныхъ древнихъ сосудовъ, бронзовыхъ украшеній, значительнаго числа кремневыхъ издѣлій и т. д. Изъ озернаго же жилища добыто нѣсколько сотъ предметовъ каменнаго вѣка, кремневыя орудія и разныя другія издѣлія, каменные сѣкиро-молоты съ отверстіями, стрѣлы, ножи, скребки и многія др., очень много грубой ручной работы разбитой посуды изъ глины смѣшанной съ пескомъ, угли, орѣхи, зубы зубра, нѣсколько звѣриныхъ костей, очень много гороху и пр. (Къ статьѣ приложены рисунки древностей).

* * *

Второй томъ не такъ богатъ содержаніемъ и не столь разнообразенъ. Здѣсь преобладаетъ законовѣдѣніе. Профессоръ Цолль (нынѣшній ректоръ университета) написалъ статью: «O pojęciu zobowiązania z szczególnem uwzględnieniem nowej teoryi Brinza»; Іосафатъ Зеленацкій — «Zastosowanie ustaw pod względem czasu» въ двухъ частяхъ. Далѣе: Вл. Вислоцкій: «Kodex Pilznieński ortylow Magdeburskich». Рукопись XV ст., принадлежавшая Августу Бѣлёвскому, писанная по-Нѣмецки, такъ какъ Pilzno (Pilzen) пользовалось Магдебургскимъ правомъ и было населено значительнымъ числомъ Нѣмецкихъ выходцевъ. Для исторіи городскаго устройства того времени добросовѣстный трудъ Вислоцкаго не лишенъ значенія.

Александръ Семковичъ затронулъ вопросъ, который считался долгое время весьма щекотливымъ. Статья его: «Krytyczny rozbior IX księgi Długosza Historyi Polskiej» имѣетъ много интереса. Было время, когда Длугошъ считался непогрѣшимымъ; историки, приводя цитаты изъ Длугоша, думали, что уже оградили себя отъ всякаго нареканія въ лицепріятіи и подозрѣнія въ искаженіи фактовъ. Всѣ руководствовались Длугошемъ, но никто почти не думалъ заглянуть въ источники, изъ которыхъ самъ Длугошъ почерпалъ извѣстія. Время это прошло. Рёпель, Гельцель, Шайноха, Каро, Зейссбергъ и другіе указали не на одну ошибку Длугоша и искаженіе истины. Г. Семковичъ полагаетъ, что и этого недостаточно: слѣдуетъ подробно и критически разобрать каждую книгу Длугоша. Онъ такъ и дѣлаетъ съ IX-ю книгою, знакомитъ насъ со всѣми ошибками и ложными выводами, какія заключаются въ этой книгѣ. Вотъ почему трудъ г. Семковича, какъ сводъ открытыхъ доселѣ

*) «exekucyę rzkomo czyniąc morderstwom, jednego Kierzyńskiego ściąć dali, więcej ich wolno przepuszczając już osądzone i prawem przeparte, okrutne morderce, żony mężow swych zabijacze, in favorem partium wypuszczali, jawne gwałtowniki domow szlacheckich opuszczając już osądzone».

авторомъ и другими учеными несообразностей, сопоставленныхъ съ другими источниками — очень полезенъ и даже необходимъ для каждаго занимающагося исторіею Польши, Литвы и Западной Руси, хотя бы только въ хронологическомъ отношеніи.

Украшеніемъ этого тома безспорно служитъ статья заслуженнаго Львовскаго профессора Малецкаго: «Karta z dziejow uniwersytetu Krakowskiego». Она была читана на публичномъ актѣ академіи. Почтенный авторъ коснулся той распутицы въ высшей католической іерархіи, когда послѣ смерти Григорія XI въ 1377, въ слѣдующемъ году въ Римѣ избранъ былъ папою Урбанъ VI, а вслѣдъ затѣмъ въ Авиньонѣ Климентій VII, когда духовенство и паствы раздѣлились на два лагеря, когда образовались двѣ группы ненавидящихъ другъ друга кардиналовъ, когда папы взаимно прокляли одинъ другаго, предали анаѳемѣ и всѣхъ тѣхъ, которые слушались того или другого папы. Такимъ образомъ, проклятіе повисло надъ цѣлымъ католическимъ міромъ, а вѣдь анаѳема въ то время значила не то, что нынѣ. Теперь проклятые, Викторъ-Эммануилъ, Гарибальди и много другихъ, спятъ себѣ спокойно. Тогда не то было. Сорокъ лѣтъ, именно съ 1378 по 1417 г. существовали двое папъ, а съ ними и проклятія, не разъ возобновляемыя, тяготѣли надъ міромъ. Видя, что дѣло плохо: что Франція отказалась отъ повиновенія не только Римскому, но и своему Авиньонскому папѣ, что ея примѣру послѣдовали многіе университеты, игравшіе въ то время важную роль,—обѣ группы кардиналовъ, помимо папъ, въ 1409 году созвали соборъ въ Пизѣ. Папами въ то время уже были Григорій XII въ Римѣ и Бенедиктъ XIII въ Авиньонѣ. Они не явились на соборъ, и потому ихъ обоихъ низвергли, объявили отступниками, схизматиками. На мѣсто ихъ избранъ былъ всею коллегіею кардиналовъ папа Александръ V. Но прежніе папы протестовали, и нельзя сказать, чтобы не имѣли къ тому основаній: соборъ можетъ быть созванъ только папою; безъ папы католическій соборъ не имѣетъ никакой силы. Такимъ образомъ, положеніе дѣлъ еще ухудшилось: вмѣсто одного, теперь явилось трое папъ. Александръ, однако, успѣлъ пробраться въ Римъ, но черезъ годъ умеръ, а на его мѣсто кардиналы избрали Іоанна XXIII, снискавшаго такую громкую и печальную извѣстность. Императоръ Сигизмундъ заставилъ послѣдняго созвать соборъ въ Констанцѣ (1415). Съѣхалось болѣе 100,000 человѣкъ. Прибылъ и Іоаннъ XXIII. Соборъ предложилъ, чтобы, до окончательнаго разрѣшенія вопроса, всѣ трое папъ сложили съ себя достоинство первосвященниковъ. Іоаннъ на это согласился и даже буллою оповѣстилъ всенародно. Но черезъ нѣсколько дней, перетянувъ на свою сторону семь кардиналовъ, бѣжалъ съ ними изъ Констанца. Тогда на соборѣ постановлено: что соборъ, правильно созванный и канонически открытый, дѣлается судьею даже и надъ папою. На этомъ основаніи Іоанна XXIII низвергли, Григорій XII добровольно сложилъ съ себя тіару, но Бенедиктъ XIII долго еще мутилъ и упорствовалъ. Едва въ 1417 году заочно онъ былъ низвергнутъ, и тогда единогласно избрали папою Мартина V, котораго всѣ католическія государства признали въ этомъ достоинствѣ. Въ слѣдующемъ году, т. е. 1418, соборъ былъ закрытъ. Въ 1423 Мартинъ V созвалъ новый соборъ сперва въ Павіи, потомъ въ Сіенѣ; но, вслѣдствіе появившейся чумы, пришлось распустить соборъ. Папа, однако, обѣщалъ черезъ семь лѣтъ созвать новый. До этого срока онъ не дожилъ и умеръ въ 1431 г. На его

мѣсто избрали Евгенія IV. Соборъ дѣйствительно состоялся и былъ открытъ въ Базиліи. Папа желалъ перенести его въ Болонью и вообще круто повернулъ дѣло. Кардиналы озлобились и избрали новаго папу Феликса V.

Во все это время Краковскій епископъ и вообще Польское духовенство играло видную роль на соборахъ и принимало живое участіе во всѣхъ смутахъ и переворотахъ. Университеты, а въ томъ числѣ и Краковскій, стояли на первомъ планѣ. Краковскій епископъ Збигнѣвъ Олесницкій съ духовенствомъ признавали папою Евгенія IV. Послѣдній сдѣлалъ даже Збигнѣва кардиналомъ. Но и Феликсъ отправилъ отъ себя посольство въ Краковъ и отъ себя пожаловалъ епископа кардиналомъ. Изворотливый Збигнѣвъ метался то въ одну, то въ другую сторону, университетъ же окончательно призналъ папою Феликса. Король Владиславъ, напротивъ, не признавалъ Феликса и держался Евгенія. Когда Владиславъ палъ на поляхъ Варны и на престолъ избранъ былъ Казимиръ Ягеллонъ, великій князь Литовскій,— въ 1447, въ Краковъ пріѣхали два нунція, одинъ отъ Феликса, другой отъ Николая V, избраннаго на мѣсто умершаго Евгенія. Король и всѣ свѣтскіе чины единогласно признали послѣдняго, но университетъ не слушался короля и упорно держался Феликса. Краковскіе ученые упорствовали до тѣхъ поръ, пока всѣ университеты не отказались отъ Феликса, и пока самъ Феликсъ въ 1449 не сложилъ съ себя тіары, покорившись Николаю V. Тогда только и Краковскій университетъ призналъ его главою церкви. Характеристика Олесницкаго и разныхъ лицъ изъ университетской корпораціи, сцены при дворѣ, аудіенціи у короля, переписка съ университетами, обрисованы живо. Конечно, нашлись и недовольные: зачѣмъ, дескать, избирать предметомъ разсужденія такое щекотливое положеніе церкви!

* * *

Въ III томѣ помѣщены двѣ статьи и графа Казимира Стадницкаго: «Synowie Gedymina: Monwid, Narymunt; synowie Narymunta»; вторая же: «Synowie Gedymina: Jewnuta; synowie Jewnuty i potomstwo». Первая изъ этихъ статей была напечатана еще въ 1849 г.; потомъ въ 1853 г. вышли дополненія къ ней, что̀ вмѣстѣ составило два тома. Нынѣ напечатанная значительно распространена и исправлена. Въ 1867 году этотъ же авторъ издалъ: «Bracia Władysława Jagiełły», а въ 1870: «Olgierd i Kejstut». Такимъ образомъ, гр. Стадницкій избралъ своею спеціальностью Гедиминовичей. Это дало ему въ Польской исторической литературѣ довольно видное мѣсто, не потому, чтобы онъ вносилъ въ исторію Западной Руси и Литвы что̀-нибудь новое— новые взгляды, или даже новые матеріалы, но потому, что въ средѣ Польскихъ заграничныхъ ученыхъ, а преимущественно Краковскихъ, явился чуть не первымъ, который сталъ знакомить съ Русскими источниками, именно съ Русскими лѣтописями, съ актами Западной Руси и другими Русскими источниками, кромѣ Бѣлёвскаго и немногихъ историковъ, для большинства совершенно недоступными. Краковское Ученое Общество, сознавая пользу и необходимость изученія Русскихъ источниковъ, такъ высоко оцѣнило заслугу гр. Стадницкаго, что присудило ему высшую премію кн. Любомирскаго, какъ за лучшее историческое сочиненіе, изданное въ пятилѣтній періодъ.

Гр. Стадницкій излагаетъ родословную Гедиминовичей, приводя только такіе, большею частью, историческіе факты, которые могутъ подтвердить его генеалогическіе выводы. Онъ, конечно, не ограничивается одними Русскими источниками, но пользуется также какъ Польскими, такъ Нѣмецкими и другими. Разногласія и противорѣчія, происходящія отъ сопоставленія этихъ источниковъ, онъ не всегда можетъ разъяснить критически, отчего происходятъ иногда своеобразные выводы и даже ошибки. Тѣмъ не менѣе, труды его важны потому, что они въ первый разъ знакомятъ Польскую публику съ Русскими источниками, какъ мы уже сказали, для большинства совершенно недоступными.

Нельзя, наконецъ, не замѣтить, что гр. Стадницій далеко не зараженъ ультра-католическимъ патріотизмомъ. Онъ не подражаетъ нѣкоторымъ Польскимъ историкамъ и, согласно съ Нарбуттомъ, признаетъ не только Ягайлу съ братьями, но даже и Ольгерда—православными, разумѣется, до перехода перваго въ католичество *).

Такъ какъ сочиненія гр. Стадницкаго ничего новаго для Русскихъ читателей не вносятъ въ извѣстные уже историческіе матеріалы для Литвы и Западной Руси, то мы и не станемъ входить въ подробный разборъ его трудовъ, повторяемъ, достойныхъ всякой похвалы.

Въ этомъ же томѣ помѣщена интересная замѣтка—«Najdawniejsza księga ziemska Krakowska i trzy pozniejsze z wieku XIV i początku XV». Извѣстный историкъ Гельцель, полагалъ, что древніе акты Кракова начинаются 1388 годомъ. Между тѣмъ нынѣ отыскалась цѣлая книга, заключающая 322 листа подлинныхъ актовъ съ 1384 по 1786 и далѣе. Акты писаны по-Латыни, но есть и Польскіе. Гельцель привелъ примѣръ языка, употреблявшагося въ подобныхъ земскихъ книгахъ съ 1398 года; здѣсь же нашелся и Польскій текстъ съ 1397 года. Интересно будетъ познакомиться съ тогдашнимъ Польскимъ языкомъ, и потому для примѣра выписываемъ слѣдующія строки:

«yaco prawe wemy i szwaczimi esz Msciwoyow cum uxore clara derszi silam mocza to czo se dzalem i lozem sze dostala Swantoczne zene Andree Nayman dom szedlisco y ogrod».

Буквальный переводъ на нынѣшній Польскій языкъ: «jako pewnie wiemy i oświadczamy, iż Mściwojow cum uxore clara dzierży siłą, mocą, to co się działem i losem się dostało Swiętochnie, żonie Andrzeja Nayman: dom, siedlisko i ogrod».

Профессоръ исторіи Львовскаго университета Лиске сообщилъ статью «Zjazd w Poznaniu w roku 1510». Матеріаломъ къ ней послужила рукопись (Liber legationum), отысканная въ архивѣ института Оссолинскихъ. Авторъ свѣрилъ ее съ другими источниками и составилъ отчетливое описаніе съѣзда. Послѣ мира съ Орденомъ въ 1466 году, великіе магистры дѣлались, какъ извѣстно, вассалами Польши и обязывались не только присягою на вѣрность королямъ Польскимъ, но и доставлять войска во время войны. Нѣкоторое время условія эти исполнялись. Но когда послѣ смерти великаго магистра Тиффена избранъ былъ Фридрихъ Саксонскій,—онъ, подстрекаемый импера-

*) См. «Olgierd i Kiejstut», 1870, стр. 123 и др.

торомъ Максимиліаномъ, который тоже считалъ его своимъ вассаломъ, отказался отъ исполненія договора 1466 года. Между тѣмъ въ это самое время король Александръ Ягеллонъ требовалъ, чтобы магистръ выслалъ отрядъ для совмѣстной войны съ Московскимъ государствомъ; но тотъ отказалъ, объясняя, что ему это воспрещено императоромъ. Сигизмундъ I, вступивъ на престолъ, принялъ рѣшительныя мѣры къ возстановленію правъ своихъ. Съ этою-то цѣлью и назначенъ былъ съѣздъ въ Познани въ 1510 году, въ которомъ приняли участіе, кромѣ Польши, уполномоченные отъ императора, отъ Венгріи и отъ Ордена. Уполномоченные послѣдняго заговорили уже не объ исполненіи договора, но объ отобраніи отъ Польши земель, когда либо (хотя бы временно) принадлежавшихъ Ордену. Собраніе съѣзда продолжалось съ 5-го по 22-е іюля и не привело ни къ какимъ результатамъ. Въ слѣдующемъ году повторился съѣздъ въ Торунѣ, тоже безуспѣшный, а въ 1519 г. вспыхнула ожесточенная война, послѣдствія которой извѣстны.

Наконецъ, въ этомъ же томѣ помѣщена юридическая статья профессора Буржинскаго—«O uprawnieniu dzieci nieślubnych według prawa Polskiego». Конституціонныя законоположенія Австріи въ отношеніи незаконорожденныхъ, идущія въ совершенный разрѣзъ съ Французскими, въ главныхъ основаніяхъ несогласны и съ каноническими правилами. Отсюда проистекаютъ разныя препирательства, что̀ и заставило профессора Буржинскаго, а впослѣдствіи и профессора Гейцмана, исчерпать и разъяснить этотъ вопросъ до мельчайшихъ подробностей.

* * *

Въ четвертомъ томѣ двѣ только большія статьи. Первая—Бобржинскаго: «O założeniu wyższego i najwyższego sądu prawa Niemieckiego na zamku Krakowskim». Статья эта даетъ богатый матеріалъ для исторіи Магдебургскаго права въ Краковѣ, а также въ королевскихъ городахъ Бохнѣ Величкѣ, Новомъ Сончѣ, Олькушѣ, Вольбромѣ и др., и кромѣ того нѣкоторыхъ монастырскихъ мѣстечекъ и деревень, пользовавшихся особыми привилегіями. Кромѣ актовъ Краковской магдебургіи, начинающихся съ 1392 года, здѣсь указаны и многія другія древнія актовыя книги, начиная съ XIII столѣтія.

Вторая статья Станислава Смольки: «Archiwa w w. ks. Poznańskiem i w Prusiech wschodnich i zachodnich. Sprawozdanie z podróży odbytej z polecenia kommissyi historycznej w lecie 1874». Въ этой статьѣ заключаются подробныя описанія архивовъ: капитульныхъ: Познанскаго съ XIII ст. и Гнѣзненскаго съ XII ст.; Гнѣзненской консисторіи; библіотеки Гнѣзненскаго капитула; Познанскаго правительственнаго архива съ XIII ст.; городоваго архива въ Торунѣ съ XIII ст.; архива Прусскихъ земель (Tabularium terrarum Prussiae) и городоваго архива Гданска (Данцига) съ XIV вѣка. Понятно, какое богатство историческихъ матеріаловъ заключается въ этихъ архивахъ.

* * *

При «Rozprawach» въ каждомъ томѣ помѣщается «Лѣтопись засѣданій» (Sprawozdania) Отдѣленій академіи и принадлежащихъ къ онымъ академическихъ коммиссій. Во имя безпристрастія, мы не можемъ сказать, чтобы эта «Лѣтопись» была ведена со строгою послѣдовательностью, и даже не

всегда въ хронологическомъ порядкѣ. Къ тому же объ однихъ засѣданіяхъ говорится слишкомъ пространно, о другихъ же такъ коротко, что не всякій пойметъ даже, въ чемъ дѣло. Между тѣмъ, отчеты эти или «Лѣтописи» весьма важны. Изъ нихъ мы узнаёмъ о тѣхъ задачахъ, которыя преслѣдуютъ Отдѣленія и коммиссіи, равно и о степени ихъ осуществленія. Краткія статьи, читаемыя въ засѣданіяхъ въ видѣ отчета по исполненію даннаго порученія, напримѣръ, когда требуется мнѣніе о какомъ либо новомъ сочиненіи, также печатаются при «Лѣтописяхъ». Такъ, по первому Отдѣленію при «Лѣтописи» напечатана статья по языкознанію К. Витте «О трудахъ Ф. Ф. Славинскаго».

По второму же Отдѣленію обращаетъ на себя вниманіе помѣщенный въ «Лѣтописи» краткій отчетъ объ ученомъ диспутѣ извѣстнаго Духинскаго, непринадлежащаго къ составу академіи, но которому, въ качествѣ гостя, дозволено было на двухъ засѣданіяхъ историко-филологическаго Отдѣленія прочесть отчетъ о трудахъ своихъ по введенію придуманной имъ исторіософической системы раздѣленія человѣческаго рода на двѣ группы, именно на людей власти и людей свободы. Характеристическія черты первой группы: патріархальность, коммунизмъ, проявляющійся въ общинномъ владѣніи, и сосредоточеніе власти въ однѣхъ рукахъ; второй же группы: семейныя основы, личная собственность, раздѣлъ власти между многими лицами. Европа по Днѣпръ и Финляндія составляютъ группу людей свободы, за Днѣпромъ же живутъ люди власти. Къ послѣдней группѣ Духинскій причисляетъ также Евреевъ, хотя они и разсѣяны по цѣлой Европѣ. Первая группа принадлежитъ къ Туранской, а вторая къ Арійскимъ расамъ. Хотя и есть различіе между Москалемъ, Арабомъ, Монголомъ и Китайцемъ, но всѣ они составляютъ одну группу, принадлежатъ къ народамъ власти, къ коммунистамъ. Въ характерѣ, въ стремленіяхъ, даже нравахъ и обычаяхъ, Духинскій видитъ большое сходство и расовое родство между Россіею, Китаемъ, Персіею и т. д. Такова теорія Духинскаго, которую онъ называетъ, неизвѣстно почему, Кіевскою школою (только не въ Кіевѣ, а въ Парижѣ), а себя величаетъ ея основателемъ. Духинскій находилъ сторонниковъ и хвалителей во Франціи и въ Швейцаріи; теорія его казалась тамъ вполнѣ вѣроятною; онъ находилъ поддержку въ Катрфажѣ и Гамѣ, которые шагнули даже дальше, ибо не только Россію, но и всѣхъ Славянъ вообще, а также Пруссаковъ, причислили къ Туранской расѣ. Извѣстна ихъ борьба изъ-за этого съ знаменитымъ Вирховомъ. Но Духинскій, вообразивъ, что въ Краковѣ онъ стяжаетъ новые лавры, жестоко ошибся. Изъ вѣжливости ему, какъ гостю, позволили изложить его теорію; но еще вѣжливѣе дали почувствовать, что отвергаютъ ее, что не хотятъ даже имѣть съ нимъ дѣло. По этому предмету въ годичномъ отчетѣ генеральнаго секретаря академіи сказано, что «чтенія г. Духинскаго, какъ по содержанію, такъ и по употребляемымъ имъ пріемамъ изложенія признаны несоотвѣтствующими такому изложенію, которое бы могло породить пренія и заставить высказать мнѣніе объ основѣ его теоріи; только соблюдая гостепріимство, Отдѣленіе допустило возбужденіе нѣкоторыхъ сомнѣній, отнюдь не касаясь вопроса о признаніи самой теоріи и согласія съ его выводами, какъ лишенными научной точности и обстоятельнаго, спокойнаго изложенія; къ такимъ пріемамъ академія вовсе не привыкла».

Упомянутыя здѣсь сомнѣнія возбуждены были директоромъ Отдѣленія Кремеромъ, профессорами Шуйскимъ, Брандовскимъ, Цолемъ и другими. Шуйскій высказалъ свои сомнѣнія съ историко-этнологической точки зрѣнія. Цоль замѣтилъ, между прочимъ, что доказывать будто бы признаніе государственной власти выше закона принадлежитъ исключительно Туранской расѣ—противорѣчило бы законамъ Юстиніана, въ которыхъ сказано: princeps legibus solutus est. Онъ также напомнилъ прелегенту, что нынѣшнее законодательство Россіи, вполнѣ соотвѣтствующее Западному, вовсе не доказываетъ, чтобы Россія была отдѣлена отъ Европы такою рѣзкою чертою. Кремеръ напомнилъ ему, что Поляки дѣйствительно шли въ разрѣзъ съ Русскими, ибо, когда послѣдніе, подъ покровомъ единовластія, собирали земли, Поляки заботились о личной (шляхетской) свободѣ и довели ее до крайнихъ предѣловъ, до liberum veto.

Пораженный въ самое сердце, Духинскій отвѣчалъ афоризмами, путаясь въ искусственно-созданныхъ аксіомахъ.

V.

Во второмъ Отдѣленіи особенною плодотворною дѣятельностью отличаются коммиссіи: археологическая и историческая. Эта ихъ дѣятельность въ особенности можетъ интересовать Русскихъ читателей, и потому мы полагаемъ необходимымъ указать на основныя цѣли, преслѣдуемыя этими двумя коммиссіями.

Въ Краковѣ, гордящимся своимъ многовѣковымъ существованіемъ и своими богатыми историческими древностями, много лѣтъ уже и много ученыхъ посвящали свои труды изслѣдованію ихъ и подробнымъ описаніямъ. Едва ли есть другой Славянскій городъ, который бы представлялъ такое обиліе монографій. На этомъ поприщѣ въ особенности отличились маститый Грабовскій, епископъ Лентовскій, Карлъ и Іосифъ Кремеры, Жебравскій, Мучковскій, Лепковскій, Екельскій, Лущкевичъ и другіе. Вообще литература по части искусствъ и историческихъ памятниковъ въ Краковѣ и окрестностяхъ его очень богата, хотя, конечно, не всѣ изъ этихъ трудовъ соотвѣтствуютъ современнымъ требованіямъ науки. Проф. Лепковскій, не ограничиваясь одною археологіею, коснулся и этнологіи страны, въ нѣсколькихъ очеркахъ разработавъ весьма отчетливо преданія, легенды, нѣкоторые обычаи, связанные съ историческими преданіями.

Но зато археологія первобытныхъ временъ оставалась въ совершенномъ запустѣніи. Кабинеты и музеи наполнялись такъ-называемыми достопамятностями, а равно случайно находимыми въ землѣ древностями. Правильныхъ же раскопокъ и изслѣдованій вовсе не было.

Изученіе первобытныхъ древностей въ краѣ и систематическія работы начались только со времени учрежденія академіи наукъ, при второмъ ея Отдѣленіи, именно въ археологической коммиссіи. При ней образовалась особая секція раскопокъ (sekcyja wykopalisk) изъ спеціалистовъ по этой части. Задачи и планы секціи весьма пространны. Кромѣ изслѣдованія разныхъ мѣстностей чрезъ нарочно командируемыхъ съ этою цѣлью членовъ секціи, она преслѣдуетъ весьма важную задачу: составить самое подробное указаніе въ алфавитномъ порядкѣ уцѣлѣвшихъ памятниковъ первобытныхъ древно-

стей въ великомъ княжествѣ Краковскомъ, въ Галиціи, въ великомъ княжествѣ Познанскомъ, въ восточной и западной Пруссіи, въ обѣихъ Силезіяхъ, въ царствѣ Польскомъ, въ сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ Россіи и т. д., подвигаясь все дальше, чтобы захватить въ свой археологическій раіонъ, какъ можно больше Славянскихъ земель, понимая, что только такимъ путемъ возможно правильное и успѣшное изученіе Славянской первобытной археологіи, и что изученіе одной только страны, или нѣсколькихъ Славянскихъ мѣстностей ни въ какомъ случаѣ не можетъ привести къ положительнымъ результатамъ. Благодаря особенному усердію членовъ секціи: Бэма, Коперницкаго, Пржибыславскаго, Садовскаго, графа М. Солтана, графа Струтынскаго, Уминскаго, Шнейдера, а отчасти и моимъ посильнымъ трудамъ, — имѣется уже описаніе болѣе тысячи мѣстностей, заключающихъ въ себѣ первобытныя древности, съ библіографическими указаніями, съ объясненіями, гдѣ отысканные предметы находятся, съ соотвѣтственными алфавитными указателями авторовъ и археологовъ, занимавшихся изслѣдованіями и описаніями памятниковъ древностей, а равно предметовъ, въ нихъ найденныхъ. Такимъ образомъ, сюда вошли: древнія городища, пещеры, озерныя жилища, кремневыя станціи, языческія кладбища, курганы;— затѣмъ предметы изъ нихъ добытые: урны, пепельницы, разные сосуды изъ глины и изъ металловъ, каменныя, кремневыя, костяныя, янтарныя, бронзовыя и желѣзныя издѣлія, а равно предметы изъ стекла, золота, серебра и т. д. Одновременно съ этимъ, собираются рисунки этихъ древностей и составляются археологическія карты.

Что касается до изслѣдованій на мѣстахъ и раскопокъ, то со времени открытія академіи изслѣдованы и описаны ближайшія окрестности Кракова по теченію рѣкъ Вислы, Вилги, Скавины, южная часть Галиціи, такъ-называемое Покутье, пограничное съ Буковиною, и нѣкоторыя мѣста восточной Галиціи.

Независимо отъ этого труда, археологическая коммиссія въ особой секціи предприняла другой тоже весьма обширный трудъ. Это—изданіе «Энциклопедическаго Словаря» по всѣмъ отраслямъ археологическихъ знаній. По плану и программѣ, составленнымъ орд. акад. І. И. Крашевскимъ, собрано двѣ тысячи предметовъ, которыхъ описаніе должно войти въ составъ «Словаря». Программа и эти 2 тысячи заглавій напечатаны и разосланы къ разнымъ ученымъ и литераторамъ, приглашеннымъ къ содѣйствію.

* * *

Обратимся теперь къ дѣятельности исторической коммиссіи. Она получила начало еще во время существованія Ученаго Общества. Дѣятельность коммиссіи, какъ мы увидимъ, далеко небезплодна.

До начала 1876 года коммиссіею изданы особыми книгами:

1) «Starodawne prawa Polskiego pomniki (Correctura sta tutorum et consuetudinum regni Poloniae anno MDXXXII decreto publico per Nicolaum Taszycki, Bernardum Maciejowski, Georgium Myszkowski, Benedictum Izdbieński, Albertum Policki et Nicolaum Koczanowski confecta et conventioni generali regni anno MDXXXIV proposita)». 1874, 4°, XXVI, 290 стр., съ индексами.

Извѣстно, что еще въ 1856 и 1870 годахъ покойный историкъ-законовѣдъ А. С. Гельцель издалъ первые два тома «Памятниковъ древне-Поль-

скаго права». Нынѣ же изданъ коммиссіею оставшійся послѣ Гельцеля ненапечатаннымъ томъ III; редакція поручена была Михаилу Бобржинскому, исполнившему этотъ трудъ весьма тщательно и обогатившему изданіе руководящимъ предисловіемъ и соотвѣтствующими примѣчаніями. Въ концѣ приложены: Index legum et constitutionum, Index locorum et personarum и Index verborum Polonicorum.

Въ этомъ III-мъ томѣ напечатанъ такъ-называемый статутъ Ташицкій, относящійся къ первой половинѣ XVI столѣтія, т. е. ко временамъ Сигизмунда I. На сеймѣ 1532 г. назначена была кодификаціонная коммиссія изъ шести членовъ (поименованныхъ въ заглавіи), для собранія въ одно цѣлое судебныхъ законоположеній, выясненія встрѣчающихся недоразумѣній и примѣненія въ нужныхъ случаяхъ къ народнымъ обычаямъ, существующимъ въ разныхъ Польскихъ областяхъ. Въ статутъ этотъ вошли всѣ постановленія, помѣщенныя въ извѣстномъ статутѣ Ласкаго, и затѣмъ послѣдующія, до 1532 года включительно. Документы историческаго содержанія совсѣмъ пропущены, напримѣръ, договоры и трактаты съ Литвою и Пруссіею, папскія буллы, а также уставы высшихъ Магдебургскихъ судовъ; но зато прибавлены эдикты Сигизмунда I противъ Лютеранъ и ихъ сочиненій, въ другихъ статутахъ непомѣщенные. Статутъ былъ напечатанъ и предложенъ на сеймѣ 1534 года. Напрасны, однако, были всѣ старанія короля, а также его делегата Бернарда Мацѣёвскаго, одного изъ составителей статута: сеймъ не утвердилъ этого собранія законоположеній.

2) «Starodawne prawa Polskiego pomniki, tom IV» (1875, in 4° XVI и 288). Этотъ четвертый томъ заключаетъ въ себѣ: Statuta synodalia episcoparum Cracoviensium XIV et XV saeculi e codicibus manuscriptis typis mandata, additis statutis Vielunii et Calissii a 1420 conditis. Томъ этотъ изданъ подъ редакціею проф. Гейцмана.

3) «Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia», томъ I (1874, in 4°, стр. XIX и 375), съ приложеніемъ алфатитныхъ указателей лицъ и мѣстностей и одиннадцати палеографическихъ снимковъ. Книга эта напечатана подъ редакціею способнѣйшаго изъ здѣшнихъ палеографовъ Франца Пекосинскаго; она заключаетъ въ себѣ дипломатическій кодексъ Краковскаго каѳедральнаго собора, съ 1166 по 1366 г., состоящій изъ 241 грамоты, за время тринадцати епархіальныхъ епископовъ. Капитульный архивъ очень богатъ: въ немъ болѣе тысячи грамотъ и документовъ на пергаменѣ, а еще болѣе внесенныхъ въ книги: Libri privilegiorum, Libri archivi, Acta actorum, Liber antiquus и т. д. Историческая коммиссія не думаетъ ограничиться изданіемъ одного этого тома.

4) «Scriptores rerum Polonicarum». Подъ этимъ общимъ заглавіемъ вышло до сихъ поръ три большихъ тома. Первый томъ изданъ еще во время существованія Ученаго Общества, въ 1872 г., подъ редакціею профессора Шуйскаго (больш. in 8°, XVI и 311 стр.). Онъ заключаетъ въ себѣ дневники Коронныхъ сеймовъ 1548, 1553 и 1570 годовъ. Къ изданію приложены обстоятельныя примѣчанія и объясненія редактора.

Въ Польской исторической литературѣ долгое время Сигизмунду-Августу предоставляли жалкую роль, считая его изнѣженнымъ сластолюбцемъ, неспособнымъ нести бремя правленія. Кажется, первый изъ Польскихъ историковъ, Іуліанъ Бартошевичь подвергъ его дѣянія болѣе справедливой, хотя

и суровой исторической критикѣ, находя въ немъ, какъ въ государѣ, такія достоинства, какими отличались далеко не всѣ короли Польскіе. Съ этой точки смотритъ на него и проф. Шуйскій, хотя для него не всегда ясны и удобопонятны тѣ отношенія, которыя связывали Сигизмунда-Августа съ его любимою и родною, какъ онъ самъ называлъ, Литвою. Проф. Шуйскій, конечно, оцѣниваетъ его съ Польской точки зрѣнія; но выводы его и заключенія весьма логичны, потому что основаны на непреложныхъ данныхъ, какія доставляютъ неизвѣстные доселѣ дневники сеймовъ и другіе документы, напечатанные въ этомъ томѣ.

Благодаря усиліямъ графа Дзялынскаго, графа Вл. Красинскаго, братьевъ князей Любомирскихъ, едва въ послѣдніе годы, сеймы 1554, 1558, 1562, 1563, 1565 и 1569 (причисляя къ послѣднему и изданіе М. О. Кояловича) сдѣлались доступными для исторіи и обнаружили совершенно новыя черты изъ дѣяній короля, принужденнаго бороться съ интригами, своеволіемъ и тщеславіемъ магнатовъ. Настоящее изданіе прибавляетъ къ этимъ матеріаламъ еще три сейма (1548, 1553 и 1570), бросающіе новый свѣтъ на эпоху. Передъ нами рисуется ожесточенная борьба партій, политическихъ, религіозныхъ, соціальныхъ, и мы видимъ, какъ король, вышколенный съ-дѣтства въ Итальянской политикѣ матери, долженъ изворочиваться; сколько надобно было ума, ловкости, твердости и силы воли, чтобы обуздывать волнующееся шляхетское море, отклонять самыя злостныя затѣи и интриги коварной матери Боны, поддерживать достоинство монарха среди людей, открыто возстававшихъ противъ его власти, дерзавшихъ даже посягать на семейное счастье своего короля.

Сеймъ 1548 года особенно любопытенъ тѣмъ, что открываетъ передъ нами даже полемическую сторону борьбы между Сигизмундомъ-Августомъ и послами. Въ этой полемикѣ король принимаетъ личное участіе, и самъ пишетъ замѣчательное воззваніе къ народу (reces), которое доселѣ было неизвѣстно; энергически и краснорѣчиво передаетъ онъ на судъ всей націи дѣянія сейма. Оппозиціонная же партія пишетъ отвѣтъ королю, оправдываясь въ каждомъ пунктѣ взводимыхъ на нее обвиненій.

Не лишены интереса (а нѣкоторыя—и значенія) примѣчанія и обширныя объясненія самого проф. Шуйскаго, почерпнутыя изъ архивовъ въ Вѣнѣ, въ Курникѣ графа Дзялынскаго, во Львовѣ института Оссолинскихъ и др. Эти примѣчанія, доказывающія необыкновенное трудолюбіе издателя и умѣнье пользоваться совершенно неизвѣстными доселѣ источниками, придаютъ изданію особенно важное значеніе. Такъ, между прочимъ, изъ примѣчаній къ сейму 1553 года мы узнаёмъ про любопытную переписку съ Римомъ о коронованіи и признаніи императоромъ Руси Ивана Грознаго; о созваніи народнаго собора и о многихъ другихъ неизвѣстныхъ, или мало извѣстныхъ сторонахъ политической и общественной жизни народа.

Объемъ статьи не дозволяетъ намъ распространиться о содержаніи этой интересной книги. Мы укажемъ только еще на нѣкоторые, болѣе выдающіеся предметы. На первомъ планѣ борьба короля, которую онъ долженъ былъ вести, чтобы отстоять свою супругу, возлюбленную Варвару (урожденную Радивиловну). Далѣе, богатые матеріалы къ современной исторіи церкви; о возведеніи Александра, прозваннаго Стольникомъ, на Молдавское господарство; переписка короля съ Яномъ Ходкевичемъ по дѣламъ Инфлянтскимъ и много

другихъ. Изъ особой замѣтки о сенаторахъ оказывается, что, по источникамъ Вѣнскаго архива, на Варшавскомъ сеймѣ 1570 г. въ числѣ сенаторовъ было 70 католиковъ, а именно 55 свѣтскихъ и 15 епископовъ; 58 еретическихъ сенаторовъ и 2 схизматика, а именно: Кіевскій воевода (князь Константинъ Острожскій) и Новогродскій кастелянъ (князь Павелъ Соколинскій). Вѣнская замѣтка пропустила князя Александра Чорторыйскаго, тоже православнаго, воеводу Волынскаго, котораго помѣстила въ числѣ еретиковъ; но, кажется, авторъ замѣтки перепуталъ еретиковъ съ схизматиками. Это исчисленіе сенаторовъ невольно напоминаетъ намъ, что черезъ 16 лѣтъ послѣ этого, именно въ 1587 г. въ одномъ Литовскомъ сенатѣ засѣдало, изъ числа 39 сенаторовъ, только 7 католиковъ, всѣ же остальные были православные, Кальвины, Лютеране, Аріане. А черезъ 46 лѣтъ, въ 1632 году Сигизмундъ III, умирая, гордился тѣмъ, что не оставляетъ въ сенатѣ ни одного диссидента. Вообще первый томъ «Scriptores» дѣлается необходимою книгою для каждаго занимающагося исторіею Западной Руси XVI вѣка.

5) Второй томъ «Scriptores» (1874, XXX и 353 стр.) заключаетъ послѣднюю часть «Kroniki Bernarda Wapowskiego z Radochoniec, kantora katedry Krakowskiej»,—эпоху съ 1480—1535, невошедшую уже въ исторію Длугоша. Томъ этотъ изданъ академіею, подъ редакціею того же проф. Шуйскаго, съ его примѣчаніями и біографіею Ваповскаго, почерпнутою изъ актовъ капитула и другихъ современныхъ документовъ. Бернардъ Ваповскій родился въ окрестностяхъ Перемышля; былъ товарищемъ Коперника въ Краковской академіи; умеръ въ 1535. Онъ былъ королевскимъ секретаремъ, славился своею ученостью и всю жизнь писалъ «Хронику» съ древнѣйшихъ временъ, доведенную до конца его жизни. «Хроника» его не была издана. Кромеръ, Бѣльскій пользовались оставленными имъ рукописями. Существуетъ даже мнѣніе, что Кромеръ, присвоивъ себѣ хронику Ваповскаго, сжегъ даже самую рукопись. Уцѣлѣли, однако, копіи съ оной. Изъ этихъ копій ученый Николай Малиновскій издалъ три тома въ Вильнѣ, въ переводѣ съ Латинскаго на Польскій, обогативъ многими примѣчаніями. Малиновскій довелъ свой трудъ до 1463 года. Профессоръ же Шуйскій призналъ полезнымъ напечатать Латинскій подлинникъ, начиная съ 1480 г., т. е. время невошедшее въ исторію Длугоша. «Хроника» Ваповскаго имѣетъ громадное значеніе и для Литовской исторіи. Жаль только, что періодъ съ 1463 г. по 1480 и доселѣ остается неизданнымъ.

6) Третій томъ «Scriptores» (1875, XXV и 526 стр.) представляетъ наиболѣе интереса для Русскихъ читателей. Въ этомъ томѣ напечатана: «Stefana Franciszka z Prószcza Medekszy, sekretarza Jana Kazimierza, sędziego ziemskiego Kowieńskiego — Księga pamiętnicza wydarzeń zaszłych na Litwie 1654—1668», съ предисловіемъ и алфавитными указателями. Нельзя не благодарить экстр.-орд. академика, секретаря исторической коммиссіи, Влад. Серединскаго за добросовѣстное исполненіе этого труда. Ему было поручено изданіе по рукописямъ, переданнымъ академіи потомками означеннаго Медекши. Рукописи эти были въ самомъ жалкомъ положеніи, и Серединскому стоило не мало труда составить изъ нихъ стройное цѣлое. Главный интересъ въ «Запискахъ» Медекши представляютъ его поѣздки въ Москву въ 1655, 1657, 1658 и 1662 годахъ. Кромѣ веденія «Записокъ», Медекша тщательно собиралъ и всѣ документы, относящіеся къ дѣлу. Такъ, напримѣръ, здѣсь

помѣщены: инструкція, данная ему гетманомъ Гонсѣвскимъ при отправленіи въ Москву; инструкція на случай задержанія его въ Москвѣ; рѣчи Медекши, произнесенныя передъ царемъ въ 1658 и 1662 гг.; переговоры съ царскимъ канцлеромъ Алмазовымъ; посланіе къ царю отъ Литовскаго войска; переписка съ Артищевымъ, Алмазовымъ и кн. Долгорукимъ; письма къ царю и царицѣ; грамота, представленная Медекшею царю отъ Іоанна Казиміра; письма царскихъ коммиссаровъ къ гетману Гонсѣвскому; письма царскихъ совѣтниковъ къ Литовскому гетману; письма къ маршалу Жеромскому и много другихъ документовъ, характеризующихъ эпоху и отношенія Польши, а еще болѣе Литвы и Западной Руси къ Московскому государству.

Если бы мы захотѣли ближе познакомить съ содержаніемъ «Księgi pamiętniczej», пришлось бы написать цѣлую книгу. Мы ограничимся только двумя-тремя эпизодами.

8-го августа 1665 года Вильна была взята войсками Алексѣя Михайловича. Виленскій воевода и великій гетманъ Литовскій князь Янушъ Радивилъ бѣжалъ съ частью войска въ принадлежащій ему городъ Кейданы и затѣмъ тайно вошелъ въ переговоры съ королемъ Шведскимъ Карломъ Густавомъ, котораго войска заняли Жмудь. Тайные замыслы Радивила открываетъ другой гетманъ, полевой (polny) и Литовскій подскарбій, Викентій-Корвинъ-Гонсѣвскій. Въ это же время къ обоимъ гетманамъ прибылъ гонецъ отъ Алексѣя Михайловича для переговоровъ—Василій Никитичъ Лихаревъ. Гонсѣвскій открылъ Лихареву замыслы Радивила—предать Литву и Польшу Шведамъ. «Не лучше ли намъ, говоритъ Гонсѣвскій, заключить миръ и вмѣстѣ идти на заморскаго Шведа? Съ вами у насъ похожая вѣра, языкъ и хожденіе».—«Хорошо, отвѣчаетъ Лихаревъ, посылай ты своего до государя, а государь на все соизволитъ, что̀ ты сказуешь, пожалованье великое отъ государя имѣть будешь».

Медекша былъ близкимъ человѣкомъ къ Гонсѣвскому. Онъ и рѣшился послать его для переговоровъ, взявъ клятву, что никому не откроетъ, зачѣмъ ѣдетъ. Придумали, что лучше всего ему ѣхать съ Лихаревымъ; но при послѣднемъ состоялъ отъ Радивила приставомъ Станиславъ Орда. Надобно было и его одурачить. Медекша является къ нему и увѣряетъ, что у него братъ въ плѣну въ Москвѣ, и что поэтому онъ бы желалъ туда отправиться. Орда соглашается, а Лихаревъ прибавилъ: «и я тебя беру на свою руку». Такъ они и поѣхали.

Чрезъ Ковну, Жижморы, Троки пріѣхали они въ Ваку (близъ Вильны), гдѣ стоялъ лагеремъ князь Черкасскій. Наши путешественники въ опустошенномъ войною краѣ страшно голодали. Когда дали знать о ихъ пріѣздѣ, Черкасскій сейчасъ же прислалъ имъ хлѣба, 3 барановъ, корову, 12 гарнцевъ мёду и два гарнца водки. Затѣмъ посѣтилъ ихъ Андрей Матвѣевичъ Власьтевъ (Власьевъ?), который прежде былъ въ плѣну у Поляковъ. Онъ имъ отъ себя привезъ угощеніе. Ночью уже прислано «пожалованье» отъ имени царя: икру, осетра, бѣлаго хлѣба, Венгерскаго вина и еще водки. На слѣдующій день назначенъ былъ пріемъ у Черкасскаго. Князь сидѣлъ въ палаткѣ за столомъ; по лѣвую отъ него руку сидѣлъ князь Никита Ивановичъ Одоевскій, а по правую князь Борисъ Алексѣевичъ Рѣпнинъ. Бояре приняли ихъ милостиво, прочли привезенныя къ нимъ письма, дозволили

продолжать путешествіе, а на дорогу нагнали еще столько скота, прислали мёду, анисовой водки и т. п., что, кажется, на полгода хватило бы.

Лихаревъ, переговоривъ съ княземъ Черкасскимъ и объяснивъ ему и боярамъ цѣль пріѣзда Медекши, послѣ совѣщаній объявилъ послѣднему, что царь согласенъ на переговоры о мирѣ, что отправляетъ къ королю своего посла Ѳедора Михайловича Хрищева (Хрущева?) и приметъ королевскаго посла. Бояре ласкали Медекшу, разговаривали съ нимъ откровенно въ особой палаткѣ, чтобы не слышалъ Орда, и Черкасскій пожаловалъ ему отъ царя сорокъ соболей.

Изъ Ваки Медекша поѣхалъ уже съ Хрущевымъ, котораго сопровождала свита изъ 29 человѣкъ. Они ѣхали чрезъ Ганушишки, Дусьмяны, Меречъ, Кринки, Олынку и такъ далѣе до Бреста. Посолъ былъ очень набоженъ; передъ праздникомъ, онъ ничего не ѣлъ и почти всю ночь молился. Въ Меречѣ они гуляли съ посломъ до глубокой ночи, на-единѣ, желая поговорить отъ души. Посолъ говорилъ Медекшѣ, что Московскіе старшины (?) недовольны боярами, что бояре тиранятъ народъ; что, изъ боязни гнѣва Господня, они не совѣтовали царю воевать съ Литвою. «Если бы не унія, говорилъ посолъ, которую король поддерживаетъ, а нашу старую вѣру преслѣдуетъ, что и Хмельницкаго побудило стать въ защиту ея, еслибы онъ не подговорилъ царя къ войнѣ, никогда бы ея не было; ссорясь, ничего вы не выиграете; правда, вы люди военные и храбрые,—но когда у васъ нѣтъ короля, поэтому не ждите вы хорошаго конца съ такимъ королемъ; потому что онъ, несчастный, въ грѣхѣ обрѣтается, живетъ со своею свояченицею. Какъ же ожидать, чтобы Господь его благословилъ? Говорятъ, что онъ уѣхалъ во Францію. Не даромъ, вѣдь, Радивилъ вздумалъ возвести на престолъ Шведа; но мы его прогонимъ, вамъ же слѣдовало бы нашего царя избрать. Если бы унія съ Литвою состоялась, тогда нашъ царь присягнулъ бы сохранить ваши вольности, въ то время мы и для себя стали бы добиваться вольностей, мы бы вамъ помогали, а вы бы не измѣняли намъ и давали намъ совѣты».

Подъ Гродной у Медекши разболѣлась голова; посолъ принесъ нѣсколько сортовъ водокъ и заботливо лѣчилъ его. Въ Каменцѣ они разстались со слезами. Посолъ подарилъ ему бахмата, а Медекша послу—Польскую лошадь z rządzikiem.

Въ такомъ тонѣ продолжаетъ Медекша свой разсказъ. Онъ обладаетъ наблюдательною способностью и не пропускаетъ ни малѣйшаго случая, чтобы не познакомить насъ съ новыми лицами, ихъ обычаями и образомъ жизни. Конечно, многое ему могло представляться въ ложномъ свѣтѣ, могутъ быть преувеличенія; но почти всѣ болѣе важные факты, имѣющіе историческое значеніе, подтверждаются приложенными документами, письмами, грамотами, инструкціями и т. д.

Изъ всѣхъ поѣздокъ Медекши въ Москву, самая любопытная 1662 года. Получивъ 29 іюня 1662 наставленія и грамоты, Медекша 4 августа былъ въ Смоленскѣ, 17-го же вручилъ лично Алексѣю Михайловичу свои грамоты. Царь не хотѣлъ принять грамоту въ свои руки; тогда Медекша произнесъ рѣчь, въ которой доказывалъ, что король всегда принимаетъ царскія грамоты въ собственныя руки; это подѣйствовало, и царь взялъ грамоту. Послѣдствія его поѣздки были весьма благопріятны: онъ выхлопоталъ обмѣнъ

плѣнныхъ. Тогда возвратились въ Москву князь Петръ Ивановичъ Хованскій, князь Григорій Козловскій, Иванъ Павловичъ Окинфьевъ и многіе другіе. Медекшѣ, какъ онъ объясняетъ въ своемъ донесеніи, царь пожаловалъ 17 плѣнныхъ, изъ этого числа шесть въ видѣ подарка, а 11 въ обмѣнъ голову за голову, чинъ за чинъ. Медекша разсказываетъ, что князь Хованскій, князь Козловскій челомъ ему били, принося благодарность за благодѣянія и ласковое обращеніе Литовскихъ чиновъ, во время нахожденія ихъ въ плѣну. Князья, однако, прибавили, что, благодаря Литовцевъ, они не могутъ отнестись также къ Коронньмъ Польскимъ панамъ, которые обращались съ ними грубо и немилосердно, и что поэтому, какъ они, такъ и всѣ въ Москвѣ, желали бы лучше заключить миръ съ одною только Литвою и вмѣстѣ съ нею дѣйствовать противъ Польши. Тоже самое говорили ему князь Долгорукій, Артищевъ и другіе, прося уговаривать Литовцевъ и даже доложить объ этомъ королю.

Медекша, между прочимъ, разсказываетъ, что передъ пріѣздомъ его въ Москву происходило тамъ народное волненіе противъ бояръ, а также нѣкоторыхъ приближенныхъ и царскихъ родственниковъ, которыхъ дома были разграблены. Возстаніе было потушено стрѣльцами и виновные наказаны.

Едва только Медекша возвратился изъ Москвы, какъ взбунтовавшееся войско въ Литвѣ, составившее военную конфедерацію, присвоившую себѣ право взимать подати для возмѣщенія незаплаченнаго жалованья, въ декабрѣ 1662 г. приговорило и его къ смерти. Событіе это до сихъ поръ не было достаточно разъяснено. «Записки» же Медекши и собранные имъ акты ближе уясняютъ эту любопытную страницу царствованія Яна-Казиміра. Возставшіе составили-было даже протестъ противъ уніи Польши съ Литвою. Гетманъ и подскарбій Литовскій Викентій-Александръ Корвинъ-Гонсѣвскій, четыре года пробывшій въ плѣну въ Москвѣ, возвратясь на родину, принялъ мѣры для воспрепятствованія распространенія мятежа и приведенія войска къ повиновенію. Тогда бунтовщики, обвинивъ своего гетмана, а также войсковаго маршала Жеромскаго въ измѣнѣ, 21 ноября 1662 въ Вильнѣ приговорили ихъ къ смерти. 25 ноября толпа вооруженныхъ людей, предводимыхъ Богданомъ Хлѣвинскимъ, напала на домъ гетмана въ Вильнѣ, схватила его и тайно вывезла изъ города. Въ Лидскомъ уѣздѣ, вблизи мѣстечка Острыня, 29 ноября, гетманъ былъ разстрѣлянъ. Ему не позволили даже пріобщиться св. тайнъ. Первый выстрѣлилъ нѣкто Новошинскій. Главнымъ подстрекателемъ къ этому преступленію былъ войсковой намѣстникъ (substytut), Мозырскій маршалъ, Котовскій. Жеромскій тоже былъ разстрѣлянъ, Медекша успѣлъ спастись. Войска, однако, скоро были приведены въ повиновеніе, слѣдствіе и дѣло долго тянулись. Едва въ 1664 году на основаніи сеймоваго приговора Котовскій и другіе зачинщики были четвертованы.

«Записки» Медекши доведены до отреченія отъ престола Яна-Казиміра въ 1668 году; но изъ составленнаго имъ же отчета о его дѣяніяхъ на пользу отечества, видно, что онъ жилъ еще въ 1688 году.

Медекша — типъ Литовскаго шляхтича XVII вѣка. Онъ благороденъ, смѣлъ, рѣшителенъ, самоотверженъ; но, въ то же время, легкомысленъ, часто увлекается; какъ дитя своего вѣка, не свободенъ и отъ другихъ слабостей. Онъ, конечно, выше образованіемъ многихъ своихъ современниковъ. Какъ Литовецъ, онъ до того типиченъ, что на каждомъ шагу такъ и бро-

сается въ глаза рѣзкая черта, отдѣляющая Литвина и Русина отъ истаго Поляка, черта, которую цѣлыя столѣтія и до сихъ поръ не могли вполнѣ изгладить. Эта черта замѣтна въ великихъ и маленькихъ дѣятеляхъ, въ людяхъ, посвятившихъ себя однѣмъ и тѣмъ же цѣлямъ. Кто не замѣтитъ, ка́къ мало общаго по характеру, склонностямъ и направленію ума между Литовскимъ или Бѣлорусскимъ простолюдиномъ, и Кракусомъ или Мазуромъ, и точно также—между образованными сословіями этихъ народовъ, конечно, за исключеніемъ, большею частью, аристократіи, которая въ цѣломъ мірѣ составляетъ одну семью. Ка́къ провести, напримѣръ, характерную грань между Мицкевичемъ и Красинскимъ, между Костюшкой и Хржановскимъ; или же въ прежнее время между Олельковичами, Гедройцями, Острожскими, Гарабурдами, и Конецпольскими, Гурками, Тарновскими и т. д.?

* * *

Такимъ образомъ, историческая коммиссія, впродолженіе трехлѣтняго своего существованія, кромѣ поименованныхъ нами статей, помѣщенныхъ въ «Rozprawach», издало уже шесть большихъ томовъ (заключающихъ въ себѣ 2326 страницъ убористой печати), много печатаетъ въ настоящее время, а еще болѣе подготовила матеріаловъ, и если не издаетъ, то только потому, что средствъ не хватаетъ. Плодотворная дѣятельность коммиссіи тѣмъ болѣе должна быть цѣнима, когда мы вспомнимъ, что лица, посвящающія себя археологическимъ трудамъ, какъ извѣстно, требующимъ, кромѣ многостороннихъ знаній и особенной подготовки, большой усидчивости, работаютъ единственно изъ любви къ наукѣ, не получая за то ни какого вознагражденія. Большая заслуга предсѣдателя коммиссіи, профессора Шуйскаго, заключается въ томъ, что онъ умѣетъ отыскивать людей, способныхъ и вполнѣ приготовленныхъ къ этого рода занятіямъ. Замѣчательно и то, что собственно въ Краковѣ, изъ числа принимающихъ особенно дѣятельное участіе въ коммисіи, одинъ только проф. Шуйскій—ординарный академикъ; главные же двигатели дѣла—не академики, а только члены коммиссіи. Они-то и служатъ ручательствомъ блестящей будущности коммиссіи. Такіе труженики, какъ Вислоцкій, Серединскій, Пѣкосинскій, Бобржинскій, Соколовскій доказали уже на дѣлѣ свои способности и умѣнье работать, а кромѣ ихъ, не мало и другихъ усердныхъ дѣятелей. Наконецъ, надобно еще прибавить, что историческія семинаріи, существующія при Ягеллонскомъ университетѣ, по своему устройству, направленію и научнымъ пріемамъ, стоятъ наравнѣ съ лучшими изъ подобныхъ учрежденій въ Европѣ. Поэтому можно надѣяться, что онѣ подготовятъ новыхъ еще дѣятелей для археографическихъ трудовъ.

Академическая историческая коммиссія имѣетъ еще свою секцію во Львовѣ, состоящую подъ дирекціею знаменитаго Августа Бѣлёвскаго. Она дѣйствуетъ по направленію Краковской коммиссіи, представляетъ ей отчеты о своихъ занятіяхъ и печатаетъ свои труды на счетъ академіи. Плодомъ трудовъ этой секціи есть печатающійся уже третій томъ «Monumenta Poloniae historica».

VI.

Третье Отдѣленіе, т. е. математическо-естественное, издало по сіе время два тома «Pamiętnika» (in 4°, въ 1-мъ 227 стр. съ IX табл. рис.; во

2-мъ 191 стр. съ XI табл. рис.) и два тома «Rozpraw i Sprawozdań» (in 8°, въ 1-мъ 256 и CV стр. съ IV табл. рис.; во 2-мъ 193 и CXIX стр. съ V табл. рис.). Эти четыре тома заключаютъ статьи по части астрономіи, физики, ботаники, геологіи, патологической анатоміи и пр. Всего 19 статей въ «Pamiętnikach» и 18-ть въ «Rozprawach». Особенно примѣчательныя статьи написаны орд. акад. Бесядецкимъ по части анатоміи; орд. акад. Жмурко математическія; орд. акад. Альтомъ—геологическія; орд. акад. Карлинскимъ астрономическія; чл. кор. проф. Скиба по части физики. Особенное вниманіе обращаютъ на себя статьи молодаго профессора, снискавшаго громадную извѣстность, Янчевскаго по части анатоміи растеній.

Всѣ эти статьи, конечно, могутъ имѣть большое значеніе по естествознанію. Для насъ же представляетъ болѣе интереса антропологическая статья д-ра И. Коперницкаго—«Czaszki z kurhanow Pokuckich, jako materyjał do antropologii przedhistorycznej ziem Polskich». Вторая половина этого заглавія едва ли выдержитъ строгую критику: развѣ въ предъисторическое время могли существовать отдѣльныя Польскія земли?

Въ 1874 г. по порученію академіи я производилъ археологическія изслѣдованія и раскопки на югѣ Галицкой Руси, на Покутьѣ, пограничномъ съ Буковиною. Представленный мною отчетъ ограничивается извѣстіями и выводами по части археологіи и этнологіи; Коперницкій же составилъ антропологическое обозрѣніе и измѣреніе череповъ, добытыхъ мною изъ Покутьскихъ кургановъ. Выводы наши, т. е. археологическіе и антропологическіе, оказались совершенно противоположными. Принимая во вниманіе какъ наружное, такъ и внутреннее устройство могилъ, положеніе скелетовъ, видимые признаки погребальныхъ обычаевъ и соображая таковые со многими могильными курганами въ разныхъ мѣстахъ Руси и другихъ Славянскихъ земель; наконецъ, соображаясь съ древними памятниками, сохранившимися на Покутьѣ, какъ вещественными, такъ равно нѣкоторыми обрядами, имѣющими миѳологическое значеніе,—я пришелъ къ заключенію, что могилы эти и почивавшіе въ нихъ скелеты должны были принадлежать къ Славянской расѣ. Напротивъ, антропологическіе выводы Коперницкаго привели его къ заключенію, что скелеты эти не Русскіе и не Славянскіе, потому что черты ихъ длинноголовые, слѣдовательно, принадлежащіе къ Арійской расѣ; Славяне же, дескать, должны быть короткоголовые, т. е. не Арійцы, а какъ объясняютъ Катрфажъ и др., Туранской или Монгольской расы. Д-ръ Коперницкій основываетъ свое заключеніе на опытахъ измѣренія Славянскихъ череповъ, произведенныхъ Ретціусомъ, Вейсбахомъ, фонъ деръ-Гебеномъ и имъ самимъ, Коперницкимъ. Онъ соглашается, однако, что не всѣ же измѣренные ими черепы оказались короткоголовыми; были между ними и длинноголовые, что̀ доказывается также опытами проф. Богданова и другихъ Славянскихъ антропологовъ.

Намъ кажется, что въ настоящее время окончательные выводы по этому предмету еще преждевременны. Наука еще не опредѣлила, есть ли черепное строеніе у разныхъ народовъ постоянное, никогда неизмѣняющееся ни подъ вліяніемъ природы, ни подъ вліяніемъ смѣшенія съ другими племенами, ни подъ вліяніемъ измѣняющагося образа жизни; или же оно можетъ съ теченіемъ времени подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ условій измѣняться. Утверждать, что черепный типъ былъ вѣчно, неколебимо неизмѣняемъ—

противорѣчило бы самому основному факту или закону общей измѣняемости въ природѣ; если же допустить, что типъ черепа подверженъ измѣненіямъ, то самъ собою рушится поводъ доказывать, что короткоголовые — Славяне, не Арійцы; ибо сіи послѣдніе должны быть длинноголовые. Поэтому рѣзкое, самоувѣренное черепное распредѣленіе, пока мы еще считаемъ лишеннымъ строго научныхъ основаній, и археологъ, уважающій науку, долженъ относиться къ нимъ съ большою осторожностью. Не соглашаясь съ главными выводами Копернацкаго, мы не можемъ, однако, не заявить, что во всемъ остальномъ трудъ его составленъ прекрасно и доказываетъ глубокое изученіе предмета.

* * *

Антропологическая коммиссія, состоящая подъ предсѣдательствомъ самого предсѣдателя академіи, д-ра Майера, существуетъ съ небольшимъ полтора года. Она, какъ мы уже сказали, распадается на три главные отдѣла или секціи. Каждая секція начертала программу будущихъ дѣйствій въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Предметы основныхъ ея занятій: 1) археологическо-антропологическія изслѣдованія пещеръ, кургановъ, скелетовъ и череповъ въ нихъ находимыхъ, а равно и другихъ первобытныхъ древностей; 2) Наблюденія и собственно антропологическія (физическія) изслѣдованія надъ живыми людьми (возрастъ, ростъ, цвѣтъ кожи, волосъ и глазъ; формы головы, лица и глазъ; измѣренія лица и головы); 3) Статистико-антропологическія изслѣдованія, имѣющія своею задачею: а) опредѣлить условія возрожденія извѣстной группы населенія; б) причины и условія, порождающія физическую немощь и послѣдствія ея—въ большей или меньшей степени—вырожденіе и в) движеніе населенія. Само собою разумѣется, что для точныхъ выводовъ по этимъ тремъ пунктамъ требуются самые точные и подробные статистическіе матеріалы. Наконецъ 4) этнологія края. Такимъ образомъ, антропологическая коммиссія совмѣщаетъ въ себѣ: археологію первобытныхъ временъ; изученіе физическихъ свойствъ живущаго населенія, или собственно-антропологію; статистику и этнологію съ этнографіею. Какъ придаточныя знанія, сюда же входятъ отчасти исторія, какъ уясненіе по лѣтописнымъ свидѣтельствамъ племенъ и расъ, заселяющихъ данную мѣстность и отчасти также языкознаніе для распредѣленія и изученія народныхъ говоровъ. Изъ этого мы видимъ, что задача антропологической коммиссіи колоссальная, требующая для осуществленія своихъ цѣлей много труда и времени. Нельзя сказать, чтобы уже и теперь не замѣчались результаты дѣятельности коммиссіи. Собрано уже болѣе 4000 антропологическихъ изслѣдованій, сдѣланныхъ надъ живыми людьми. Производятся самыя точныя, по всѣмъ правиламъ современной науки, пещерныя и курганныя раскопки и т. д.

Этнологическая секція находится въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Директоромъ ея, главнымъ двигателемъ и руководителемъ состоитъ извѣстный ученый Оскаръ Кольбергъ, самый плодовитый и заслуженный Польскій этнографъ, издавшій уже десять большихъ томовъ подъ общимъ заглавіемъ «Lud», заключающихъ этнографическія изслѣдованія разныхъ мѣстностей, съ пѣснями, нотами, рисунками [1]). Кольбергъ не только ученый этно-

[1]) Изданные по сіе время десять томовъ «Ludu» заключаютъ въ себѣ этнографію земель: Судомирской, Куявской, Краковской и Великой Польши,

графъ, но и знатокъ и большій любитель музыки. Это обстоятельство дозволило ему избѣжать того рѣзкаго пробѣла, который замѣчается у другихъ этнографовъ, именно: онъ не только записываетъ народныя пѣсни, но и кладетъ ихъ на музыку, строго придерживаясь народныхъ напѣвовъ. Независимо отъ трудовъ Кольберга, печатающихся при содѣйствіи академіи (на половину ея иждивеніемъ), секція предприняла иллюстрированное изданіе народныхъ костюмовъ разныхъ мѣстностей, съ этнографическими объясненіями. Кромѣ многочисленнаго собранія рисунковъ и фотографій самого Кольберга, въ этомъ предпріятіи приняли участіе извѣстнѣйшіе Польскіе артисты.

По всѣмъ поименованнымъ нами отдѣламъ антропологическихъ трудовъ разосланы къ разнымъ лицамъ печатные листы съ вопросами для вписыванія отвѣтовъ, а также программы съ подробными инструкціями, рисунками и т. п.

* * *

Физіографическая коммиссія, поставившая своею задачею самое подробное изученіе великаго княжества Краковскаго, восточной и западной Галиціи въ естественномъ отношеніи, существуетъ съ 1865 года. Еще въ 1862 году Майеръ составилъ подробную библіографію физіографическихъ сочиненій, заключающихъ описаніе по тому или другому предмету естествознанія той или другой Польской области. Трудъ этотъ представляетъ 1280 заглавій отдѣльныхъ сочиненій и разныхъ статей по этой части. Библіографія Майера послужила какъ бы разсадникомъ для будущей дѣятельности коммиссіи. Въ 1867 году она издала первый томъ, а въ 1875 — девятый томъ своихъ трудовъ подъ общимъ заглавіемъ: «Sprawozdanie Komisyi Fizyjograficznej, oraz materyjaly do fizyjografii Galicyi», съ приложеніемъ многихъ рисунковъ и таблицъ [1]). Въ этихъ томахъ много драгоцѣнныхъ матеріаловъ для самаго подробнаго изученія края. Коммиссія состоитъ изъ 95 членовъ въ разныхъ мѣстахъ въ Галиціи, изъ которыхъ почти каждый принимаетъ участіе въ ея трудахъ. Независимо отъ этого, обезпеченная лучше другихъ коммиссій въ матеріальномъ отношеніи, ибо получаетъ довольно значительную субсидію отъ народнаго сейма,—коммиссія ежегодно командируетъ на свой счетъ членовъ - спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ естественныхъ знаній во-внутрь края для изслѣдованій и содержитъ 20 метеорологическихъ станцій. Въ послѣднее время устроивается при ней физіографическій музей, который бы наглядно знакомилъ съ богатствомъ края по всѣмъ отдѣламъ естествознанія. Музей уже и теперь можетъ назваться богатымъ.

Академія наукъ вправѣ гордиться плодотворною дѣятельностью ком-

---

т. е. великаго княжества Познанскаго. Особо же издано «Собраніе народныхъ польскихъ пѣсень». Независимо отъ этого, приготовлены къ печати и постепенно дополняются: Галиція, Горцы (Górale), царство Польское, Волынь, Подолье, Украйна, Литва, Полѣсье, что все вообще составитъ, съ изданными уже, тридцать объемистыхъ томовъ. Кольбергъ—человѣкъ не молодый; на случай его кончины—матеріалы, накопленные имъ трудами и усиліями цѣлой жизни, распредѣлены такъ, что по нимъ академія будетъ имѣть возможность продолжать изданіе.

[1]) Во всѣхъ девяти томахъ 469 статей и 3,810 страницъ убористой печати, въ большую осьмушку.

миссіи. Наиболѣе труда положилъ предсѣдательствующій въ оной, д-ръ Кучинскій, съ самаго ея основанія принимающій близкое и постоянное участіе въ ея трудахъ. Въ особенности же слѣдуетъ его благодарить за устройство музея, состоящаго подъ ближайшимъ и особеннымъ его попеченіемъ.

* * *

Кромѣ физіографическаго музея, при академіи существуетъ еще археологическій музей. Кромѣ разныхъ тамъ называемыхъ достопамятностей, а равно памятниковъ временъ историческихъ,—въ немъ помѣщается колонна идола, найденнаго въ Збручѣ, признаннаго Святовитомъ, довольно значительное количество предметовъ, добытыхъ изъ языческихъ кладбищъ, кургановъ, озерныхъ жилищъ и т. д.; каменнаго и кремневаго оружія и издѣлій немного, но есть замѣчательные экземпляры, точно также какъ и въ числѣ бронзовыхъ оружій и издѣлій. Кромѣ того, есть желѣзныя, янтарныя, серебряныя и другія издѣлія.

Нумизматическій кабинетъ тоже не очень богатъ. Въ академической библіотекѣ слишкомъ двадцать тысячъ томовъ, въ томъ числѣ много библіографическихъ рѣдкостей. Библіотека пополняется постоянно добровольными приношеніями; на собственныя средства академія не въ состояніи пріобрѣтать значительное число книгъ, ограничиваясь только крайне необходимыми. Для ученыхъ занятій подспорьемъ служитъ богатая Ягеллонская библіотека, точно также, какъ университетскія: астрономическая обсерваторія, химическая лабораторія, ботаническій садъ и разные кабинеты. Главные дѣятели одни и тѣже, какъ въ академіи, такъ и въ университетѣ.

Представивъ этотъ краткій обзоръ дѣятельности Краковской академіи наукъ за время трехлѣтняго ея существованія, мы не думаемъ, чтобы насъ могли обвинить въ пристрастіи. По крайней мѣрѣ, мы старались быть правдивыми, придерживаясь фактической стороны дѣятельности и совершенно независимаго взгляда. Всякій согласится съ нами, что, при ограниченныхъ матеріальныхъ средствахъ, академія едва ли могла больше сдѣлать. Можно, однако, надѣяться, что съ постоянно возрастающимъ общественнымъ сочувствіемъ къ этому ученому учрежденію увеличатся и средства онаго. Тогда, несомнѣнно, и ученая дѣятельность академіи будетъ еще плодотворнѣе. Всредѣ академіи много дѣйствительно ученыхъ, много и свѣжихъ силъ, съ одушевленіемъ и безкорыстіемъ подвизающихся на избранномъ поприщѣ. Мы старались уяснить направленіе академіи, ея научныя цѣли и стремленія, безкорыстную любовь къ наукѣ и строго исполняемое правило: неподдаваться никакимъ постороннимъ вліяніямъ. При такихъ условіяхъ можно расчитывать на полнѣйшій успѣхъ. Можно надѣяться, что съ развитіемъ ея дѣятельности, она внесетъ посильную лепту въ сокровищницу не одной только Польской, но и обще-Славянской науки.

А. Киркоръ.

Краковъ, 7 (19) мая 1876 года.

ПРИМѢЧАНІЯ.

I.

Считаемъ нелишнимъ указать на нѣкоторыя болѣе выдающіяся статьи, помѣщенныя въ «Rocznikach» за все время его изданія:

Томъ I. 1817. J. S. Bandtkie: «Rzecz krótka o przymierzu handlowem Hansa wielka, czyli Hansa Teutońska, z dodatkiem, czy i Krakow kiedy do tego należał».

T. II. 1817. «O dziesięcinach»—Jgn. Miączyńskiego.

T. III. 1818. «Merkuryusz Polski, pièrwsza gazeta Polska, 1661 r. in 4°, XX NN».

T. IX. 1824 и T. X. 1825. Adama Powstańskiego—«Wiadomość o archiwum krajowem królestwa Polskiego». Статья эта въ археографическомъ отношеніи и теперь не лишена значенія.

T. XI. 1826. «Rozprawa wykazująca, iż Szląsk był częścią Polski, tudzież, iż Niemiecka poezya winna jest wykrzesanie swoje geniuszowi na Wrocławiu panującego Piasta», napisana przez prof. Pawła Czajkowskiego. Пястомъ этимъ былъ одинъ изъ шести Генриховъ, всего вѣроятнѣе Генрихъ IV, который нѣкоторое время былъ королемъ Польскимъ послѣ Болеслава Стыдливаго.

T. XII. 1827. «Wiadomść o najstarszym (może) Psałterzu Polskim w rękopiśmie pergaminowym w klasztorze ś. Floryana kanonikow regularnych zakonu ś. Augustyna w Wyższej Austryi, nie daleko od miasta Linz i Ens» *).

T. XVI. 1841. «Rys życia metropolity Siestrzencewicza» przez Stachowicza.

T. XIX. 1849. «Wiadomość o synodach Polskich i zbiorach ich statutow» przez Jabczyńskiego.

T. XX. 1851. «Ustęp z historyi Szląska», przez d-ra W. Kulawskiego.

«Skazówka w poszukiwaniach archeologicznych», въ виду современнаго развитія науки, неимѣющая уже ни какого значенія.

T. XXIII. 1852. «O bożyszczu Słowiańskim u Zbruczu znalezionym», Potockiego i Żebrawskiego. Рѣчь идетъ объ идолѣ, котораго Лелевель и другіе ученые признали Святовитомъ. Въ этомъ же томѣ: I. Łepkowskiego: «Spawozdanie z podróży archeologicznej po Sądeczyznie».

Съ возобновленіемъ изданія въ 1856 году, «Roczniki» заключаютъ въ себѣ

*) Этотъ «Псалтырь» изданъ впослѣдствіи Нерингомъ.

весьма много статей, важныхъ въ историческомъ, археологическомъ и другихъ отношеніяхъ, а также по части естествознанія. Мы укажемъ только на нѣкоторыя:

Томъ XXIV. 1858. «Broń sieczna wogóle i w Polsce, uważana archeologicznie»—J. Łepkowskiego.

T. XXVIII. 1861. Przegląd zabytko w przeszłości w okolicach Krakowa»—J. Łepkowskiego.

T. XXX. 1862. «Literatura fizyografii ziemi Polskiej» — d-ra J. Majera.

T. XXXVI. 1868. «Dzieje Polski za Jana Kazimierza» — prof. Walewskiego.

T. XXXIX. 1870. «Postać Kazimierza Wielkiego według wymiarow przy przekładaniu szczątkow jego oznaczona»—d-ra J. Majera.

T. XL. 1870. «Rzecz o dijalektach mowy Polskiej» przez W. Pola.—«Wykopalisko na wyśpie jeziora Lednicy pod Gnieznem» — Aleks. Przezdzieckiego.—«Rękopisma Tow. Nauk. Krak.»—Wł. Seredyńskiego.

T. XLI. 1870. «Jan Łasicki: Zrodło mitologii Litewskiej» — A. Mierzyńskiego.

T. XLIII. 1872. «Kongres antropologicnzy w Bononii 1871 r.» — Aleks. Przezdzieckiego.—«O kamieniach runicznych Miekorzyńskich»—его же.

Изъ отдѣльныхъ сочиненій, изданныхъ Обществомъ, мы упомянемъ слѣдующія: «Miscellanea Cracoviensia nova», 1829.—«Statuta nec non liber promotionúm philosophorum ordinis in universitate Jagiellonica ab anno 1402; ad a. 1849» edidit J. Muczkowski, 1849. — «Jakóba Michałowskiego księga pamiętnicza z rękopismu hr. L. Morsztyna», wydana pod red. A. Z. Helcla, 1864.—«Monumenta antiquae artis Cracoviensia», 1872.—A. Z. Helcla: «Starodawne prawa Polskiego pomniki», 1870. — «Monografija opactwa Cystersow we wsi Mogile». 2 тома, съ политип. 1867. — «Dzieje zakładow Uniwersyteckich w Krakowie», 1864.

Въ числѣ членовъ ученаго Общества изъ Русскихъ были: Романъ Четыркинъ, врачъ, съ 1839; Алексѣй Коростовцевъ, съ 1839; Павелъ Мухановъ, съ 1845; Околовъ, съ 1817; графъ Николай Румянцевъ съ 1818; Осипъ Сенковскій (баронъ Брамбеусъ) съ 1826; Иванъ Симоновъ, основатель Казанской астрономической обсерваторіи, съ 1827; генералъ-адъютантъ Николай Сипягинъ съ 1818; графъ Сергѣй Уваровъ, министръ народнаго просвѣщенія съ 1846; князь Петръ Вяземскій, съ 1818; Яковъ Вилье, лейбъ-медикъ.

II.

Ф. Ф. Славинскій въ 1873 г. издалъ въ Варшавѣ любопытную брошюру, доказывающую до какихъ крайнихъ предѣловъ могутъ простираться усидчивость и терпѣніе человѣка. Г. Славинскій поставилъ себѣ задачею сосчитать всѣ слова, заключающіяся въ трехъ главныхъ «Словаряхъ» Польскаго языка, именно Линде, такъ-называемомъ Виленскомъ (Оргельбранда) и Рикачевскаго. И онъ исполнилъ эту задачу.

По этому исчисленію оказалось, что въ Словарѣ Линде (изданіе института Оссолинскихъ во Львовѣ 1854 — 1860, 6 томовъ, страницъ 4602) всѣхъ словъ 58,739.

Въ Виленскомъ словарѣ (составленномъ трудами А. Здановича, М. Богуша-Шишки, Я. Филипповича, В. Томашевича, Ф. Чепелинскаго, В. Коротынскаго, при участіи Б. Ф. Трентовскаго, 2 тома (нонпарелемъ), стр. 2,278 и изданномъ въ Вильнѣ М. Оргельбрандомъ въ 1861 г.), всѣхъ словъ 108,513.

Наконецъ въ «Словарѣ» Е. Рикачевскаго (2 части, стр. 1154 въ Берлинѣ и Познани, 1866), всѣхъ словъ 49,774.

Неутомимый г. Славинскій не довольствовался однимъ исчисленіемъ словъ, онъ прибавилъ еще отъ себя 424 слова, пропущенныя въ Виленскомъ словарѣ, указалъ разныя несообразности въ другихъ «Словаряхъ», исчислилъ сколько словъ начинается каждою буквою, сколько существительныхъ, прилагательныхъ, глаголовъ и т. д., распредѣляетъ слова по научнымъ званіямъ, напр. сколько зоологическихъ, ботаническихъ, вообще прилагаетъ девять статистическихъ таблицъ. По его исчисленіямъ оказывается, что болѣе всего словъ въ Польскомъ языкѣ начинается (по Виленскому Словарю) буквою *P* (русское П), именно 18,698; далѣе буквою *W* (рус. В) 11,895; буквою *Z* (рус. З) 10,318; буквою *E* (Е) только 817; *I* (И)—761; Ż (Ж)—721. Буквами J. U. Q (q) X (иксъ) — только по одному слову. Въ брошюрѣ всего 36 страницъ, а сколько она стоила труда!

ИНСТИТУТЪ ОССОЛИНСКИХЪ

во Львовѣ.

Замѣтка [1].

Ревнитель просвѣщенія, князь Іосифъ Максимиліанъ Оссолинскій втеченіе всей своей жизни собиралъ библіографическія рѣдкости, рукописи, архивные документы, разные акты и грамоты. Книгохранилище его находилось въ Вѣнѣ. Въ 1804 году особою записью онъ завѣщалъ всѣ свои собранія книгъ и рукописей Замойской ординаціи въ Замостьѣ; но потомъ измѣнилъ намѣреніе и, въ 1818 году, основалъ Институтъ (Zakład narodowy imienia Ossolińskich) во Львовѣ. Статутъ утвержденъ Австрійскимъ императоромъ 14 октября 1818 года. Оссолинскій завѣщалъ Институту свои имѣнія, приносившія 6000 гульденовъ дохода; затѣмъ послѣдовали записи и приношенія другихъ лицъ, такъ-что въ настоящее время Институтъ владѣетъ неприкосновеннымъ капиталомъ въ 156,435 гульденовъ, недвижимымъ и движимымъ имуществомъ на сумму 479,479 гульденовъ. Ежегодный доходъ, получаемый Институтомъ, около 22 тысячъ.

Въ настоящее время Институтъ Оссолинскихъ состоитъ: 1) изъ библіотеки, въ которой считается 69,721 сочиненіе; 4,142 дубликата; 1,966 рукописей; 2,632 автографа; 727 актовъ; 70 копій; 615 картинъ; 21,492 гравюры 1,044 атласа и карты; 2) минцъ-кабинета, въ которомъ 10,447 монетъ и медалей, въ томъ числѣ 1,697 Польскихъ; 3) археологическаго музея, въ которомъ разныхъ древностей и достопамятностей 1,476, и особо—весьма богатая коллекція оружія, подаренная княземъ Юріемъ Любомирскимъ, въ числѣ 578 экземпляровъ, и 4) естественнаго кабинета, въ которомъ 10,383 предмета.

Втеченіе года (съ октября 1874 по 12 октября 1875) въ рабочемъ кабинетѣ библіотеки занималось 1,078 человѣкъ. Истребовано ими рукописей 429, сочиненій 2,008 въ 4,848 томахъ. Кабинетъ былъ открытъ для занятій втеченіе 222 дней. Кромѣ того, въ общей читальной залѣ, которая была

---

[1]) Подробная библіографическая статья обѣщана авторомъ для слѣдующаго тома. *Ред.*

открыта для публики втеченіе 182 дней, пользовалось книгами 5,532 человѣка. Слѣдовательно, всего читающихъ было 6,610. Кромѣ того, книги были выдаваемы на домъ въ числѣ 1,548 сочиненій въ 2,384 томахъ. Посѣтителей музея было 1,508 человѣкъ.

Въ 1828 году Институтъ началъ издавать «Czasopism naukowy», ежегодно по четыре выпуска. Сборникъ этотъ издавался по 1841 годъ. Главнымъ редакторомъ былъ извѣстный ученый Ф. Сярчинскій. Всего вышло 7 томовъ или 28 выпусковъ. Въ особенности въ первыхъ томахъ помѣщено много историческихъ статей. Въ 1842 году, какъ продолженіе предъидущаго, появилась «Biblioteka, pismo poswięcone dziejom, bibliografii, rozprawom i wiadomościom naukowym». Вышло всего по 1848 годъ 15 томовъ подъ редакціею А. Клодзинскаго (послѣдніе 3 тома, при соредакторствѣ извѣстнаго поэта, профессора В. Поля). Съ 1850 года началось изданіе еженедѣльника—«Pamiętnik literacki» (редакторъ Шляхтовскій). Съ 1862 и по 1869, подъ редакціею Августа Бѣлёвскаго, вышло XII томовъ «Biblioteki Ossolińskich» (pismo historyi, literaturze, umiejętnościom i rzeczom narodowym poświęcone).

Независимо отъ этого, съ 1851 по 1860 издавались «Sprawozdania», т. е. отчеты о дѣятельности Института. Такіе же отчеты издаются ежегодно съ 1870 года. Кромѣ указанныхъ нами «Сборниковъ» и «Отчетовъ», Институтомъ изданы разныя книги, напримѣръ: «Словарь Польскаго языка» Линде (1854—1861 въ шести томахъ), «Исторія короля Михаила Вишневецкаго», соч. гр. Сальванди, «Историческія записки о древней Польшѣ» и др.

Изъ изданій Института особенное вниманіе обращаетъ на себя «Dyplomataryusz klasztoru Tynieckiego», трудъ весьма важный для мѣстной археографіи. Монастырь въ Тынцѣ (подъ Краковомъ) основанъ въ X столѣтіи. Здѣсь поселились монахи Бенедиктинцы, прибывшіе изъ Праги, и здѣсь совершали литургію на Славянскомъ языкѣ. Богатства ихъ и значеніе были весьма велики. Тынецкая библіотека славилась древними рукописями. Бенедиктинцы, какъ извѣстно, были лучшими переписчиками въ свое время. Втеченіе столѣтій обогащалась ихъ библіотека, архивъ же заключалъ много драгоцѣнныхъ древнѣйшихъ грамотъ и актовъ. Въ 1817 и 1827 годахъ библіотека и архивъ были перевезены во Львовъ и сложены въ университетской библіотекѣ. Однѣхъ грамотъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ, считалось болѣе 4,000. Директору библіотеки было строжайше воспрещено выдавать кому бы то ни было рукописи и акты. Не смотря на это, ученый Александръ Батовскій, страстный библіографъ, по дружбѣ съ директоромъ находилъ возможность пользоваться архивными сокровищами, переписывалъ грамоты, снималъ факсимиле и т. д., начавъ съ древнѣйшихъ временъ и постоянно продолжая свой трудъ. Въ 1848 г. бомбардированіе Львова разрушило университетское зданіе, погибла и библіотека съ архивомъ. Такимъ образомъ, копіи и самыя описанія Батовскаго получили высокую цѣну, какъ единственные документы. Но дѣлà его разстроились, и онъ не въ состояніи былъ предпринять изданіе на свой счетъ. Послѣ его смерти, Институтъ Оссолинскихъ въ 1865 году пріобрѣлъ отъ его брата рукописи и приступилъ къ изданію. Въ 1871 году вышелъ томъ первый. Нынѣ же изданъ вторый томъ, дополненный многими Тынецкими документами, отысканными въ Ягеллонской библіотекѣ въ Краковѣ, въ замѣчательномъ древлехранилищѣ, гр.

Вл. Дзѣдушицкаго во Львовѣ, и нѣкоторыми другими. Нашлись также два большихъ тома копій Тынецкихъ документовъ съ XVII столѣтія, которыми и воспользовались издатели. Первый томъ изданъ подъ редакціею Влад. Скржиделки, а второй — Адальберта Кентржинскаго и Стан. Смольки.

Къ ежегоднымъ «Отчетамъ» Институтъ прилагаетъ особыя изданія историческихъ матеріаловъ. Такъ, къ отчету за 1874 годъ приложены были «Записки князя Антона Яблоновскаго», а нынѣ, къ отчету за 1875 годъ, любопытная автобіографія: «Ierzego Ossolińskiego, kanclerza wielkiego Koronneg autobiografija, obejmująca pierwszych 26 lat jego życia».

Юрій Оссолинскій принадлежитъ къ числу знаменитѣйшихъ Польскихъ дѣятелей временъ Сигизмунда III и Владислава IV. Получивъ отличное образованіе, онъ славился своимъ краснорѣчіемъ, отличался трудолюбіемъ и былъ честнѣе многихъ своихъ современниковъ. Какъ великій канцлеръ, какъ чрезвычайный посланникъ Польши въ Англію въ 1621 г. и въ Римъ къ папѣ Урбану VIII въ 1633, онъ доказалъ на дѣлѣ свои замѣчательныя государственныя способности, хотя, опутанный сѣтью интригъ, не всегда успѣвалъ дѣйствовать съ пользою. Онъ описываетъ свою жизнь почти съ дѣтскаго возраста. Оссолинскій разумѣется воспитывался у іезуитовъ, потомъ слушалъ лекціи въ разныхъ академіяхъ за границею, и на 21-мъ году своей жизни вступилъ въ службу къ королевичу Владиславу, въ качествѣ придворнаго, Онъ разсказываетъ про экспедицію королевича на Дорогобужъ, Вязьму. Стародубъ, Можайскъ въ Москву. 26-ти лѣтъ онъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ посломъ въ Лондонъ, съ цѣлью склонить короля Іакова принять участіе въ войнѣ съ Турками. Въ Лондонѣ его принимаютъ торжественно, король его ласкаетъ, любимецъ короля Букингамъ съ нимъ дружится, и Оссолинскій успѣваетъ на столько, что король соглашается отправить на войну 5,000 человѣкъ на собственный счетъ до Гданска, а далѣе на счетъ Польши. Оссолинскій отправляетъ курьера, требуетъ 120,000 золотыхъ и дѣлаетъ соотвѣтственныя распоряженія. Курьеръ долженъ привезти отвѣтъ, а между тѣмъ Оссолинскаго угощаютъ и развлекаютъ. Наконецъ, возвращается курьеръ и не привозитъ не только ни какихъ приказаній послу, но даже отвѣта на письмо короля Іакова. Авторъ объясняетъ, что въ то время— канцлера епископа Липскаго не было при дворѣ, а подканцлеръ Лещинскій любилъ напиваться! Озабоченный юноша-посолъ долженъ былъ дипломатически изворочиваться передъ королемъ и Букингамомъ. Этимъ и оканчивается автобіографія Оссолинскаго. Впрочемъ редакція обѣщаетъ со-временемъ напечатать продолженіе, такъ какъ въ архивѣ Института имѣется рукопись, заключающая описаніе послѣдующей дѣятельности канцлера. Книга эта хотя и не представляетъ новыхъ данныхъ но, какъ характеристика тогдашнихъ нравовъ и лицъ, игравшихъ главныя роли, какъ вѣрная картина тѣхъ интригъ, клеветы и злословія, которыя водились при дворѣ Сигизмунда III, наконецъ, какъ мастерски обрисованныя черты характера Владислава, — изданіе Института заключаетъ въ себѣ весьма много любопытнаго.

А. К.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ *).

Отзывъ Поляка о Герцеговинскомъ возстаніи и о Герцеговинцахъ. — Элизе Реклю о Босніи и Герцеговинѣ.—Еще о Турецкихъ Сербахъ.—Воспоминанія о Бѣлградѣ.—Отзывъ Поляка о Болгарахъ.—Древняя республика Дубровницкая.—Новое изданіе Болгарскихъ народныхъ пѣсенъ.—Новый трудъ: «Введеніе въ исторію Славянской литературы». — Проектъ Энциклопедіи Польскихъ древностей.—Этнографическое изслѣдованіе Оскара Кольберга о Краковякахъ. — Латино-Польскій Словарь реченій Магдебургскаго права.—Черты общественной жизни въ современной Чехіи.—Карлъ Либельтъ.—О современномъ состояніи языковѣдѣнія у Поляковъ.

Отзывъ Поляка о Герцеговинскомъ возстаніи и о Герцеговинцахъ. Нѣкто А. І. помѣстилъ въ «Польской Газетѣ» рядъ статей о Герцеговинцахъ. Возстаніе Герцеговинцевъ началось, по мнѣнію А. І., не вслѣдствіе ихъ вражды ко власти султана и къ исламу, а въ силу соціальныхъ причинъ. Ничтожную роль въ немъ играла идея южно-Славянскаго единства, равно какъ и велико-Сербскія стремленія; не имѣлось, въ сущности, въ виду даже полной провинціальной автономіи. Люди, взявшіеся за оружіе, требовали только облегченія своей участи, особенно въ отношеніи къ представителямъ мѣстной администраціи; доведенные до крайности, они возстали противъ Турокъ. Подъ этимъ именемъ Герцеговинцы разумѣютъ не султана и Османлисовъ, а своихъ соплеменниковъ, своихъ родовыхъ дво-

*) Большинство предлагаемыхъ «Замѣтокъ» посвящено Польской литературѣ о Славянахъ, на основаніи соображенія слѣдующаго. Знать то, чтò пишутъ въ настоящее время Поляки о Славянахъ, важно для правильнаго заключенія и безпристрастнаго вывода объ отношеніяхъ Поляковъ къ славянству вообще. Изъ помѣщаемыхъ здѣсь «Замѣтокъ» и цѣлой массы другихъ статей оказывается, что Поляки, повидимому, знакомы съ современными фактами Славянской жизни, но даютъ имъ нѣсколько своеобразное объясненіе, освѣщеніе; напримѣръ, они, совсѣмъ уже не въ мѣру, утверждаютъ, что Боснійскіе, Герцеговинскіе, Болгарскіе Турки суть тѣ же Славяне, тѣ же Болгаре или Сербы, и между ними разница нестолько религіозная и политическая, сколько соціальная: одни представляютъ высшее, привилегированное, дворянское сословіе, другіе—простонародье. Предупреждая о такомъ воззрѣніи и другихъ близкихъ къ нему взглядахъ, мы уже не будемъ оговаривать ихъ въ текстѣ «Замѣтокъ», составленныхъ П. А. Червяковскимъ. *Ред.*

рянъ, которые приняли исламъ, для удержанія за собою своихъ привилегій. Это высшее, привилегированное сословіе тяжело давитъ на народъ, помимо всякихъ султанскихъ танзиматовъ и не смотря на упадокъ своего могущества послѣ Али-паши Ризванъ-беговича, послѣдняго представителя необузданнаго самоуправства. Эти-то люди,—аги, беги, крупные и мелкіе землевладѣльцы, кадіи—они и есть тѣ Турки, противъ которыхъ возсталъ народъ. Между тѣмъ, они считаютъ себя за лучшихъ представителей Славянской народности и за настоящихъ гражданъ и помѣщиковъ. Зависимость отъ нихъ поселянъ слишкомъ велика, не смотря на то, что барщина уничтожена. Настоящая борьба Славянъ съ Турками началась, слѣдовательно, по причинамъ соціальнаго характера, хотя и являлась народною и религіозною. Соціальныя, племенныя и религіозныя отношенія страны весьма мѣтко и выразительно отмѣчены въ народныхъ поговоркахъ, этой сокровищницѣ народной мудрости. Поэтому очень кстати заглянуть въ эту сокровищницу, съ цѣлью освѣтить событія свѣтомъ народнаго самосознанія. Выходящее въ Вѣнѣ иллюстрированное изданіе «Сербадія» даетъ намъ цѣлую группу (90) поговорокъ, собранныхъ въ Герцеговинѣ извѣстнымъ археологомъ Вукомъ Врчевичемъ, Австрійскимъ консуломъ въ Требиньѣ. Большая часть этихъ поговорокъ, ведя свое происхожденіе отъ древнѣйшихъ временъ, касается самой больной стороны Герцеговинскаго народа, именно его соціальныхъ отношеній. Въ Герцеговинскихъ поговоркахъ и присказкахъ вѣетъ духъ фаталистической рѣшимости, окрыляемой отчаяніемъ и удалью. И неудивительно. Въ повседневномъ быту Герцеговинецъ не знаетъ выхода изъ горькаго положенія. На вопросъ сосѣда, Далматскаго помора: «а каково-то у васъ поютъ»,—Герцеговинскій райя съ отчаяніемъ отвѣчаетъ: «не знаю я другой пѣсни, кромѣ стона и кручины». А если въ окатоличенномъ Дубровникѣ спросятъ гриштьянское (православнаго исповѣданія) дитя изъ Герцеговины: «боишься ли ты св. Тройцы?»—оно отвѣтитъ рѣшительно: «Четверицы даже боюсь: аги, кадія, зулумчара и заптіевъ», т. е. барина, судьи, притѣснителя и стражника. Что Турокъ, то притѣснитель. Однажды Черногорецъ спрашивалъ райю: «найдется ли Турокъ, который не былъ бы насильникомъ»,—и получилъ печально-загадочный отвѣтъ: «на сто одинъ, на тысячу ни одного». Подобнымъ образомъ райя, спрошенный другимъ райею, изъ другаго мѣста: «кто у васъ тамъ хуже: аги, или простые Турки»?—увѣренно отвѣчаетъ: «всѣ злы, и самые первые—самые злые, и учатъ своихъ подчиненныхъ—мучить насъ возможно злѣе».—Турки созданы для господства и власти, а невѣрные гяуры—для рабства и неволи: такъ, по словамъ деревенскаго муфтія, написано въ священной книгѣ Китабъ. «А не написано ли тамъ, что и райя можетъ удостоиться рая?» спрашиваетъ «чипчія» (поселянинъ) агу. «Именно, утѣшаетъ его ага, но только тогда, когда онъ сначала вѣрно прослужитъ втеченіе 40 лѣтъ Турку, а потомъ Турокъ его изрубитъ». Вообще все предназначено для Турка. Спрашиваетъ одинъ кадій другаго: «а что, какъ твоя райя?» Важный судья отвѣчаетъ: «отъ жирной овцы мнѣ остается шерсть, а отъ худой—хоть мѣра молока»!—«А для чего, «бабо», ты отдалъ Турку этого ягненка?»—«Э, мой сынъ,—отвѣчаетъ старикъ—лучше дать по доброй волѣ одного, какъ по принужденію двухъ».—Даже свобода дѣвицъ не безопасна. «Зачѣмъ, ага, ты потурчилъ мою дочь»? жалуется въ кручинѣ «чипчія».—«Эхъ, недогадливъ ты: не-

взрачная, некрасивая—ваша, а молодая и красивая наша»—объясняетъ ага Крѣпостные люди терпятъ необузданныя и безнаказанныя притѣсненія. Вотъ спрашиваетъ ага поселянское дитя: «А знаешь за что я тебя бью?»—«За то, что ты ага»,—отвѣчаетъ мальчикъ. «Кто же сказалъ тебѣ это?»—«Дѣдъ и отецъ».—Или спрашиваетъ сынъ своего отца, поселянина: «Бабо», будетъ ли по старому угнетать насъ ага, когда вернется изъ Мекки?»—и получаетъ безнадежно-увѣренный отвѣтъ: «будетъ, сынъ, и бить, и гнести».—Собственность ничѣмъ не гарантирована. «Скажи, эфенди, спрашиваетъ кнезъ (сельскій староста)—когда вернешь мнѣ долгъ?»—«О, непремѣнно возвращу, когда случится двѣ пятницы на одной недѣлѣ».—Бѣдный не имѣетъ почти ничего, что могъ-бы назвать своимъ исключительнымъ добромъ. «Имѣемъ-ли мы что либо такое, что не было бы собственностью аги?» спрашиваетъ сынъ отца.—«Да, имѣемъ двѣ такихъ вещи—отвѣчаетъ послѣдній—душу и откормленнаго борова».—Сколько тутъ горькой ироніи надъ своей горькой долей! Зато Турки вездѣ благоденствуютъ. Побратимецъ спрашиваетъ побратимца: «что всего чаще можно видѣть въ свѣтѣ?» И по ироническому выраженію побратимцевъ оказывается, что «убогаго Турка и тощаго борова».—Въ судахъ нѣтъ никакой справедливости: тамъ царствуетъ организованное взяточничество, безъ всякаго снисхожденія. Уже по словамъ Марка Кралевича, этого богатыря Сербскихъ пѣсенъ, «къ кадію идутъ съ полнымъ карманомъ, а возвращаются съ тощимъ». Самъ кадій также удостовѣряетъ, что «у кого неудача, а у него всегда урожай». А женѣ, спрашивающей его, «почемъ продается масло на базарѣ», онъ оскорбленно отвѣчаетъ: «развѣ я когда покупалъ масло за деньги?»—Спрашиваетъ однажды райя кадія: «вѣдь харамъ (грѣхъ) употреблять въ пищу ворованнаго ягненка?»—«Очевидно», отвѣчаетъ кадій. «А я вчера одного укралъ, говоритъ крестьянинъ, и вотъ его-то и приношу тебѣ». «Иное дѣло—ворованный, иное—подаренный: оставь же его тутъ»—рѣшилъ кадій. Деморализація самая полная. Райя съ трудомъ можетъ допроситься принадлежащаго ему. «Уплатишь ли мнѣ, эфенди, за это сѣно?» напоминаетъ поселянинъ кадію.—«Больно ты прытокъ—замѣчаетъ на это судья: въ этой комнатѣ не даютъ, а берутъ».—Безправіе самое безотрадное. «Зачѣмъ ты взялъ мою струку (плэдъ), а оставилъ свою?» обращается поселянинъ къ Турку. «Вотъ, развѣ не видишь, что твоя новая, а моя старая»,—отвѣчаетъ Турокъ и спокойно уходитъ.—Нѣтъ ни суда, ни свидѣтелей. «Видишь ли, ага, спрашиваетъ крестьянинъ, кто тамъ гонитъ мою корову?»—«Это не Влахъ (правосл. крестьянинъ), отвѣчаетъ ага, а о Туркѣ меня не спрашивай».—Ни здоровье, ни жизнь крестьянина не обезпечены. Говоритъ однажды ага другому агѣ: «клянусь диномъ, святою вѣрою, вѣдь этотъ Влашенокъ окапываетъ твою кукурузу при лунѣ». «Чтожъ?—отвѣчаетъ другой—это житъ къ большему посрамленью креста».—Или гаджія, набожный пилигримъ, спрашиваетъ сына: «Муіо, кто это тамъ дерется на базарѣ?»—«Ничего тамъ нѣтъ—отвѣчаетъ сынъ—только Влахи подрались другъ съ другомъ». «Пусть псы грызутся!» заключилъ гаджія.—Никто не смѣетъ рѣшительно выступить противъ беззаконій. Спрашиваютъ поселяне своего попа: «Почему ты не хочешь намъ ничего сказать?»—«Поймите же—отвѣчаетъ священникъ—что лжи я не смѣю говорить—ради Бога, а правды—ради кадія».—Но нерѣдко и попы не лучше кадіевъ. «Кого тебѣ труднѣе принять въ домъ: калугера (монаха) или агу?» спрашивали селянина.—«Я не желалъ бы ихъ ви-

дѣть и передъ избою, а тѣмъ болѣе въ избѣ», отвѣчаетъ тотъ.—Какъ-то спросили калугера: «отчего и вы не женитесь?» Калугеръ отвѣчалъ: «хотя не женимся, однако времени не теряемъ». А когда спросили попа — даетъ ли онъ кому что либо за душу?—онъ отвѣчалъ: «одною рукой беру, другою благословляю, а третьей у меня вѣдь нѣтъ». Однимъ словомъ – бѣда отовсюду и выхода нѣтъ. «Почему же вы сносите зулумъ, Турецкую неволю?» спрашиваетъ Черногорецъ Герцеговинца. «Богъ высоко, царь далеко, и мы ужь привыкли къ нашей неволѣ», отвѣчалъ послѣднiй. «А что еслибы тебѣ пришлось побывать въ Которской тюрьмѣ (въ Австрiи)?» спрашиваетъ въ свою очередь Герцеговинецъ Черногорца. «Справедлива и благословенна Турецкая сабля!» рѣшительно отвѣтилъ послѣднiй. Впрочемъ, и дѣвушки цѣнятъ Турокъ; онѣ цѣнятъ себя такимъ образомъ: каждая изъ нихъ отъ 14 до 16 лѣтъ говоритъ: «я достойна бы выдти за султана, отъ 16 до 18—за визиря, и только отъ 18 до 20 онѣ говорятъ: «кто будетъ—то будетъ, только бы мужская голова».—Но всему долженъ быть конецъ. Настанетъ онъ и для Турецкаго «зулума». По выраженiю одного муфтiя, когда Влахи станутъ пить кофе, а Турки ракью (водку), тогда наступитъ «кiяметъ» (конецъ) господству ислама. Повидимому, этотъ «кiяметъ» уже наступилъ.

Елизэ Реклю о Боснiи и Герцеговинѣ. Въ «Новой Всеобщей Географiи» Елизэ Реклю, вышедшей передъ началомъ Герцеговинскаго возстанiя, содержатся небезъинтересныя свѣдѣнiя о Боснiи и Герцеговинѣ. Передадимъ важнѣйшiя изъ этихъ свѣдѣнiй. Населенiе Иллирiйскихъ Альповъ вообще Славянское, за исключенiемъ Евреевъ, Цыганъ, а также малаго числа Турецкихъ купцовъ, чиновниковъ и солдатъ, проживающихъ по большимъ городамъ Боснiи. На границѣ съ Австрiйскою Крайною—населенiе Хорватское, мало отличающееся отъ сосѣднихъ Боснiйскихъ Сербовъ и Рашцовъ, т. е. Сербовъ-же, живущихъ въ Рашкѣ, составляющей Новобазарскiй санджакъ. Рашка — классическая страна пѣсенъ и преданiй, хранящихъ драгоцѣнное народное наслѣдiе Сербовъ. Жители Герцеговины особенно хорошо сохранили свой отличительный типъ и племенныя особенности. Они происходятъ, вѣроятно, отъ выселенiя над-Вислянскихъ Славянъ, пришедшихъ сюда въ VII вѣкѣ. Подобно Черногорцамъ, они отличаются бо́льшею живостью рѣчи, чѣмъ Босняки. Въ ихъ языкъ проникло не мало Итальянскихъ словъ. Нераздѣльные по племенному происхожденiю, Босняки различаются между собою по религiи; въ этомъ главная причина ихъ печальнаго политическаго положенiя. На первый разъ непонятно, почему Босняки не съумѣли сбросить мусульманскаго ярма, подобно Сербамъ. Поселенiя Босняковъ болѣе удалены отъ столицы государства и, главное, защищены твердынею опоясывающихъ ихъ недоступныхъ горъ; климатъ здѣсь суровѣе, чѣмъ въ какомъ либо другомъ мѣстѣ полуострова, по причинѣ наклоненiя возвышенныхъ плоскостей къ сѣверу и прегражденiя горными кряжами теплыхъ (южныхъ) воздушныхъ теченiй. Не смотря на такiя выгодныя условiя, всѣ возстанiя противъ Турокъ оканчивались здѣсь неудачей. Причина этого явленiя лежитъ во взаимной ненависти мусульманъ и Боснiйскихъ христiанъ, а также въ крайне враждебныхъ отношенiяхъ между православными и католиками. Боснiйскiе мусульмане суть тѣже Славяне, говорятъ по-Сербски, хотя ихъ языкъ испорченъ множествомъ Турецкихъ словъ. Это потомки дворянства, принявшаго исламъ въ концѣ XV и началѣ XVI в.

въ видахъ сохраненія своихъ феодальныхъ привилегій. Нѣкоторые изъ нихъ происходятъ отъ разбойниковъ, принявшихъ исламъ, чтобы безнаказанно грабить по оврагамъ и дебрямъ. Отступничество дворянъ укрѣпило ихъ помѣщичью власть надъ крестьянами. Вслѣдствіе кастовой и религіозной ненависти, они вскорѣ превзошли фанатизмомъ самихъ истыхъ Османлисовъ и положили на христіанъ ярмо самой гнетущей неволи. До сихъ поръ у воротъ Сараева показываютъ дикую грушу, на которой вѣшали несчастныхъ райевъ. Боснійскіе мусульмане, беги и спаги—самый неблагонадежный элементъ въ цѣлой имперіи. Не разъ, особенно-же въ 1851 г., сами Оттоманы вынуждены были выступать съ оружіемъ противъ своихъ единовѣрцевъ, для блага подвластныхъ имъ христіанъ. Сараево, состоя въ вѣдѣніи самой султанши-матери, пользовалось такими чрезвычайными привилегіями, что составляло какъ-бы государство въ государствѣ и притомъ болѣе ненавистное для христіанъ, чѣмъ сама Порта. И нынѣ Боснійскіе мусульмане владѣютъ обширными помѣстьями. Земля здѣсь подѣлена на спагилики, переходящіе по наслѣдству, но не по праву старшинства, а скорѣе по выбору. Родъ выбираетъ изъ своей среды или старшаго по возрасту, или способнѣйшаго въ военномъ дѣлѣ. Поселяне-христіане работаютъ на господъ мусульманъ, но не въ качествѣ крѣпкихъ землѣ, а въ качествѣ наемниковъ. Подавляемые тяжестью труда, они оставляютъ земледѣліе и бросаются въ торговлю. По большимъ городамъ торговля, равно и ростовщичество остаются въ рукахъ Испанскихъ Евреевъ, которые сохранили здѣсь свою исключительность; говорятъ по-Испански и съ сыновнею любовью вспоминаютъ страну, изъ которой вышли. Число мусульманъ въ Босніи составляетъ третью часть всего населенія. Магометанскій элементъ коснѣетъ въ застоѣ, между тѣмъ какъ христіанское населеніе постоянно увеличивается. Всѣ Босняки, помимо разницы вѣръ и исповѣданій, отличаются тѣми-же качествами душевными, какъ и единоплеменные Сербы. Они отличаются простотою и гостепріимствомъ, отвагой на войнѣ, старательностью въ трудѣ, бережливостью, любовью къ поэзіи, вѣрностью въ чувствахъ дружбы и любви. Семейная жизнь у нихъ въ великомъ почтеніи, даже Боснійскіе мусульмане не допускаютъ дозволеннаго кораномъ многоженства; женщины пользуются относительною свободою; только въ сѣверной Босніи онѣ скрываются отъ взгляда чужаго человѣка и, выходя изъ дома, такъ плотно завертываются въ бѣлое покрывало, что кажется болѣе напоминаютъ призраки, чѣмъ людей. Рядомъ съ природными добрыми качествами, здѣсь очень много темноты, предразсудковъ и варварства, и у магометанъ, и у христіанъ. Постоянныя войны, тиранія съ одной и рабство съ другой стороны, не могли не оказать своего дѣйствія на нравы жителей. Обособленные отъ остальнаго свѣта горами и лѣсами, лишенные почти всякихъ путей сообщенія, Босняки до сихъ поръ очень мало чувствовали вліяніе цивилизаціи. У нихъ вовсе нѣтъ школъ, только кое-гдѣ монастырь даетъ пріютъ малолѣтнимъ ребятамъ. Если присоединить къ этому злоупотребленіе ракіею, то для насъ станетъ понятно жалкое состояніе интеллектуальнаго развитія у этихъ людей. Высчитано, что каждый обыватель Босніи выпиваетъ ежегодно 130 литровъ ракіи. Тѣмъ не менѣе въ этой варварской странѣ есть городы, отличающіеся дѣятельностью и движеніемъ, благодаря тому обстоятельству, что богатство естественныхъ произведеній страны не-

обходимо должно было вызвать къ жизни внутреннюю торговлю. Обособленные отъ другихъ народовъ, Босняки ведутъ свое хозяйство, какъ умѣютъ: мелютъ зерно въ изобрѣтенныхъ ими мельницахъ, выдѣлываютъ оружіе, ткутъ ткани для одежды, куютъ разныя желѣзныя орудія: отсюда-то и зародилось нѣкоторое промышленное движеніе по городамъ, особенно въ Сараевѣ. Баньялука, благодаря желѣзному пути, связывающему ее съ Австріею, обмѣниваетъ свои естественныя произведенія съ Хорватіею. Тузла вывариваетъ соль въ богатыхъ соляныхъ варницахъ; Зворникъ служитъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ для Сербіи и Босніи; Новый-Базаръ ведетъ торговлю съ Албаніею, Мостаръ и Требинье получаютъ продовольственные матеріялы изъ Далмаціи. Все вообще населеніе Босніи и Герцеговины составляетъ 1,150,000 жителей; въ томъ числѣ 378 т. мусульманъ, 590 т. православныхъ, 164 т. католиковъ, 12,300 Цыганъ и 5,700 Евреевъ.

Еще о Турецкихъ Сербахъ. Для болѣе яснаго представленія о Турецкихъ Сербахъ, много даютъ «Воспоминанія о Герцеговинѣ», принадлежащія перу того-же г. А. I. Въ нихъ живо изображается какъ ландшафтъ страны, такъ нравы и соціальный бытъ ея обитателей. Вотъ отрывокъ изъ этого очерка. «Великолѣпное утро разгорѣлось надъ планинами и полями Герцеговины, 18 сентября 1871 года. Я привѣтствовалъ наступающій день на пути въ столичный Мостаръ. Наканунѣ, въ тихій вечеръ, я оставилъ знаменитый въ народныхъ преданіяхъ Столацъ; затѣмъ, въ ясную ночь, я проѣхалъ по прекраснымъ планинамъ Дубравы, оживленнымъ какою-то таинственною прелестью тѣней, и, на разсвѣтѣ, спустился верхомъ на крѣпкомъ горскомъ конѣ въ обширную долину Неретвы. Чудный ландшафтъ былъ у меня передъ глазами! Это не была ни дикая величавость грозно-нагроможденныхъ скалъ уходящаго въ высь Вергораца, ни суровая, пустынная краса горъ, отдѣляющихъ Требинье отъ Дубровника, которые соприкасаются другъ съ другомъ далеко, у манящаго синяго моря; нѣтъ—это было уже широкое раздолье поля... Прямо передо мною, въ глубинѣ картины виднѣлась луговина, оживленная потокомъ Буной; съ правой стороны, въ отдаленіи замыкала горизонтъ планина Бѣлаго-Стока; съ лѣвой—съ каждымъ шагомъ коня, все яснѣе и яснѣе выступали побережья Неретвы, матери водъ Герцеговины; въ цѣломъ, видъ страны представлялся чрезвычайно очаровательнымъ, призывающимъ обитателей къ тихому труду и тихому счастью... Товарищами пути отъ Столаца были у меня два сына этой страны: католикъ Іованъ и мусульманинъ Ризванъ-ага. Первый былъ поселянинъ изъ окрестной страны и служилъ мнѣ, съ парою верховыхъ лошадей, въ качествѣ извощика; второй принадлежалъ къ земской стражѣ, какъ «заптія», и сопровождалъ меня не столько для безопасности, сколько для пущей важности... Наканунѣ случилась со мною маленькая неожиданность. Отъ Требинья у меня были договорены лошади только до Столаца; о дальнѣйшемъ пути я совсѣмъ не позаботился. Пріѣхавъ въ Столацъ, я остановился въ «касабѣ», нижнемъ городѣ, рядомъ со знаменитымъ «градомъ», замкомъ, въ постояломъ дворѣ или «ханѣ». Предупредительный хозяинъ, «крсцьянинъ», т. е. мой единовѣрецъ, распросивъ меня торопливо о Римѣ и Вѣнѣ и о многихъ любопытныхъ для него вещахъ, слѣдовательно, сразу ставъ въ дружескія отношенія со мною,—объявилъ мнѣ впередъ, безъ всякихъ оговорокъ, что въ данное время въ городѣ нельзя нанять лошадей, — всѣ «кираджійскія»

въ разгонѣ или работаютъ на дальнихъ пашняхъ, а другихъ ни за какія деньги нельзя достать. Что тутъ дѣлать? «Буюрульты» или подорожной на полученіе лошадей стоичныхъ земскихъ у меня не имѣлось; дожидаться отправленія почты—жаль было времени, я спѣшилъ... Куда не кинь, все клинъ. «Хаджи (хозяинъ), какъ вамъ не стыдно—не имѣть въ славномъ Столацѣ лошадей для путешественниковъ?»—обращаюсь къ моему единовѣрцу. «О, напрасно это говорите,—есть у насъ лошади, да еще какія!..» — отвѣчаетъ хаджи. «За чѣмъ-же дѣло?» — Но все это у беговъ и аговъ—«све беговско, па агинско добро».—«А они не дадутъ»? — «Напротивъ, съ величайшимъ удовольствіемъ, — они крайне предупредительны!» — И такъ, отправляюсь къ первому, ближайшему бегу,—рѣшаю я. Но тутъ хозяинъ, съ толпою любопытныхъ, которые осматривали меня со всѣхъ сторонъ, разразились самымъ искреннимъ и добродушнымъ смѣхомъ, такъ-что я недоумѣвалъ, въ чемъ тутъ дѣло...—«Вѣдь тебѣ необходимо поскорѣе?»—спрашиваютъ они. «Именно, поскорѣе». Они снова залились истерическимъ смѣхомъ, замѣчая: «видно, что ты чужестранецъ, хотя и говоришь по нашему». Это замѣчаніе сколько задѣло, столько и заинтересовало меня; я никакъ не могъ взять въ толкъ, въ чемъ тутъ дѣло. Наконецъ хозяинъ, увлеченный въ словоохотливость отличнымъ расположеніемъ духа, разъяснилъ мнѣ все это: «Беги исключительно для такихъ, какъ ты, путешественниковъ — привѣтливы, гостепріимны, услужливы и крайне предупредительны. Но знаешь ли, что̀ случилось бы съ тобою, еслибы ты пожаловалъ, вонъ, въ ту прекрасную усадьбу?» говоритъ мнѣ хаджи, указывая вдали потонувшую въ садахъ, большую дворянскую усадьбу. «Очень любопытно знать!»—«Теперь, какъ разъ все уже убрано у насъ съ поля, даже сборъ винограда оконченъ, плодовъ въ этомъ году пропасть и гроздья на славу, всего вдоволь. А по старой поговоркѣ: гость въ домъ—Богъ въ домъ (хотя бы этотъ богъ былъ Аллахъ). И такъ, теперь самая пора угощать гостей. Ступай, господинъ, если тебѣ благоугодно, я готовъ тебя провожать, ибо и на мою долю достанется что либо отъ милости «спагія», за то, что я привелъ въ его домъ гостя; но ты жестоко ошибаешься, если думаешь, что тебя отпустятъ оттуда ранѣе, чѣмъ чрезъ недѣлю! Правда, тотчасъ послѣ перваго угощенія, тебѣ покажутъ конюшню и предложатъ тебѣ выбрать для себя верховую лошадь, на которой захочешь поѣхать въ Мостаръ; но тутъ-то и начнется исторія. Вслѣдъ за тѣмъ велятъ убрать твои вещи и вьюки и спрячутъ ихъ въ сохранномъ мѣстѣ, и затѣмъ—гуляй душа! Ужь тутъ не спасешься, не отмолишься! По первому зову соберутся въ этой прекрасной усадьбѣ спагіи всего околодка. Явится къ услугамъ все, что̀ радуетъ душу — и гусли и «руйно» (буйное) вино».—«А адэтъ, а шаріатъ?» перерываю разсказщика. — «Шаріаты и адэты, предписанія святаго закона и обычая, ничего не значатъ»,—замѣтилъ кто-то изъ толпы.—«А ты, господинъ—продолжалъ хаджи—въ качествѣ гостя, пей и разсказывай что̀ угодно о Френгистанѣ или Легистанѣ, о «Швабахъ» — обо всемъ... Будете и пѣть, и стрѣлять въ цѣль, и гарцовать на конѣ, но не уйдешь отъ нихъ безъ своихъ вьюковъ, — а впрочемъ и не захочешь: они, хотя и Турки, но къ хорошему гостю сердечно расположены,—ничего не значитъ, что онъ гяуръ, только бы не Швабъ. И пойдетъ потѣха, отъ одной усадьбы до другой, по очереди: сосѣди не дадутъ себя въ обиду.... За то, по прошествіи 7 — 10 дней, они всѣмъ обществомъ проводятъ тебя

въ Мостаръ. Но и тутъ не конецъ: еще дня три будете «байрамствовать», пока наши спагіи серьезно не соскучатся по домахъ».—Автору было вовсе неподходящее дѣло терять время, и онъ, по совѣту того же хаджи, отправился къ каймакаму, съ цѣлью выпросить у него лошадей. Каймакамъ жилъ въ высокомъ «градѣ». Замокъ Столачъ самымъ своимъ названіемъ даетъ указаніе на свой отличительный характеръ. Онъ громоздится, словно на каменномъ престолѣ, на исполинской скалѣ, почти отвѣсно уходящей въ высь среди обширной долины Брегавы. Это что-то въ родѣ Аѳинскаго акрополя: но на вершинахъ его грознѣе торчатъ оборонительныя башни, и внутри зáмка напрасно, даже увлекаясь фантазіею, стали бы вы искать слѣдовъ какого-либо пареенона. Здѣсь вездѣ пахнетъ только духомъ военной казармы. Столацъ былъ искони гнѣздомъ одного могущественнаго рода Герцеговинскихъ беговъ. Вся окрестная страна зависѣла отъ господъ, владѣющихъ высокимъ скалистымъ Столацомъ, передъ ними все преклонялось; даже намѣстникамъ и представителямъ власти падишаха приходилось считаться съ ними. Въ послѣднее время они стали зваться Ризванъ-беговичами. Чтобы расположить къ себѣ этихъ чрезвычайно могущественныхъ ленниковъ, высокая Порта не разъ вынуждена была ввѣрять имъ верховную власть надъ цѣлою страною. Нечего поэтому удивляться, что когда настали новые порядки и изъ Стамбула предписано подчиниться имъ, то именно здѣсь, въ Столацкомъ замкѣ, угрожаемое могущество мусульманскихъ вельможъ-владѣльцевъ нашло себѣ послѣдній тронъ и послѣднюю опору. Въ борьбѣ Босніи и Герцеговины со Стамбуломъ за областное самоуправленіе, 26 лѣтъ назадъ, все мѣстное дворянство собралось подъ знамя Али, Столацкаго владѣльца. Онъ былъ естественнымъ его представителемъ и предводителемъ помимо своего достоинства Герцеговинскаго паши, дарованнаго ему передъ тѣмъ султаномъ. Результатъ, однако, борьбы для дворянства долженъ былъ оказаться роковымъ. Столацъ заняли Турки, гордый Али покорился и погибъ... Нынѣ каймакамомъ въ Столацѣ—Арнаутъ. «Молодой Арнаутъ встрѣтилъ меня съ холоднымъ почтеніемъ, не выказывая особой предупредительности къ гяуру. Но когда, послѣ моего вступительнаго «аффуюрунъ», извинясь, что я не особенно силенъ въ Турецкомъ краснорѣчіи, я отчетливо объяснилъ ему, кто я такій и что мнѣ надо, чело правовѣрнаго чиновника вдругъ разъяснилось. «Хошъ гельдынъ», «отуръ рагатъ»,—милости просимъ, прошу садиться! Сейчасъ же явились кофе, шербетъ и т. д. Дѣло уладилось, и автору обѣщали немедленно дать хорошихъ коней. Онъ остался одинъ въ «селамлыкѣ», одной изъ залъ зáмка. «Эта зала обширна, кругомъ обставлена вплотную диванами, и притомъ почти пустая. Съ трехъ сторонъ залы многочисленныя окна въ амбразурахъ чрезвычайно толстыхъ стѣнъ. А какой оттуда видъ! Цѣлые почти полчаса я наслаждался имъ, передвигаясь по дивану отъ однаго окна къ другому... У подошвы замка разстилалась въ даль плодородная долина Брегавы, несущей свои воды на юго-западъ къ Неретвѣ. На сѣверѣ, черезъ дорогу къ Мостару, тянулись оживленныя зеленью волнистыя взгорья Дубравы-планины; направо, съ востока, горизонтъ замыкался цѣпью планины Видуши; на югъ открывалась знакомая уже мнѣ дорога на Чрноглаво къ Любинью; на западѣ, въ блескѣ потухающаго солнца скрывалась дальняя низменность Неретвы, повернувшей къ Габеллѣ. Въ этомъ ландшафтѣ была какая-то дикая краса; самый «селамлыкъ»

съ замкомъ казался какимъ-то соколинымъ гнѣздомъ, изъ котораго далеко кругомъ легко слѣдить за добычей»... Наконецъ явились лошади и проводники. «И вотъ мы очутились въ сѣдлахъ; на отъѣздѣ услышали еще разъ: «добаръ путь, сретьянъ путь». И такъ, въ путь. «Гайдмо», ѣдемте! Мы двинулись, полегоньку спускаясь съ возвышенностей замка къ городу. На протяженіи семи верстъ пути онъ виднѣлся намъ въ потухающемъ блескѣ заходящаго солнца, фантастически разбросанный по низменности, со всею восточною небрежностью, со всею сельскою Славянскою свободою, небольшій, насчитывающій едва 3000 жителей, болѣе чѣмъ на половину мусульманъ. По каменному мосту мы переѣхали на правую сторону Врегавы — и затѣмъ въ поле... Это быстрая горная рѣчка вытекаетѣ, въ двухъ только часахъ пути отсюда, изъ нагорья Трушины, на сѣверовостокъ отъ Столаца; до этого мѣста она течетъ въ глубокой скалистой долинѣ, и далѣе уже болѣе широкимъ русломъ направляется къ Неретвѣ. Но, скромная въ эту пору, она бурливо вздымается весною, грозно мчась къ низменностямъ».

Воспоминанія о Бѣлградѣ. Не лишены интереса и воспоминанія о Бѣлградѣ того же г. А. І., помѣщенныя въ 37—42 №№ «Польской Газеты» 1875 года. Воспоминанія относятся къ 1860 году, и даютъ нѣкоторое понятіе о томъ, какъ сильно измѣнился Бѣлградъ за минувшіе 16 лѣтъ; кромѣ того, авторъ сказалъ въ нихъ нѣсколько словъ о Караджичѣ и Сербской эпической поэзіи. «15 лѣтъ назадъ, на высокой скалѣ, возвышающейся при сліяніи Савы съ Дунаемъ, смѣло уходили къ облакамъ верхушки бѣлыхъ минаретовъ, гордо развѣвалась у замковой башни зеленая хоругвь пророка; на ихъ мѣстѣ нынѣ спокойно и непобѣдимо сіяетъ св. крестъ. Минареты рухнули въ пропасть забвенія, а св. крестъ осѣнилъ своими раменами не мало такихъ святыхъ вещей, что передъ тѣмъ ненапрасно просили для себя простора и жизни... Передъ моими глазами (осенью 1860 г.), широко развернулся Бѣлградъ по холмамъ и долинамъ, во всей своей восточной красѣ». (Но восточный характеръ города не былъ въ диковинку автору). «Не приковали къ себѣ моего вниманія ни мечети, ни минареты; меня занималъ городъ въ своемъ цѣломъ, меня занимали люди. Не заставилъ меня задуматься, не привлекъ къ себѣ даже вниманія видъ оттоманскаго войска по гауптвахтамъ, торчащаго въ своихъ безстыдно-оборванныхъ мундирныхъ лохмотьяхъ, но тѣмъ не менѣе гордо, съ вызывающимъ видомъ,—со всѣмъ этимъ я ознакомился раньше. Не останавливала меня и толпа народа, тѣснящагося къ берегу привѣтствовать пароходъ. Одно съ грустью высказанное мнѣ на прощанье замѣчаніе моего спутника Босняка: «эво ти наша братья—сирома!» составляло самый важный и нераздѣльный предметъ моихъ мыслей, устраняющій все остальное. Замѣчаніе относилось къ шумно толпящимся у парохода носильщикамъ. «Эво ти, эво, погани Турки»! подтвердилъ стоявшій тутъ же другій спутникъ мой—Черногорецъ. Дѣло вотъ въ чемъ. Эти носильщики, эти большею частью молодые люди, ловкіе, одѣтые въ потертое кармазиновое платье, эти «братья» для Боснійскаго бега и «Турки» для сына Черной Горы, это—послѣдніе остатки могущественнаго Сербскаго дворянства, «властелей, великашей, племства»! Нестойкая на Коссовомъ полѣ, эта «сирома», по примѣру братьевъ Босняковъ, почти вся потурчилась и страшнымъ бременемъ тяготѣла надъ своими же соплеменниками, забывшись до отступничества. Зато, когда пробилъ ея послѣдній

часъ, — народъ, въ свою очередь, не знаетъ надъ ней человѣческой жалости: Кара-Джурджи (Георгій Черный) и Милошъ истребляютъ своихъ беговъ и аговъ, гдѣ только можно, — бѣшеная соціальная вражда господствуетъ при этомъ надъ религіозною, политическою и народною борьбой. Османлисы, Порта играютъ тутъ весьма второстепенную роль—дворянство гибнетъ! И вотъ—послѣдыши его, грубые и неспособные къ порядочному труду, если не состоятъ на султанской службѣ, отталкивающей, презрѣнной, предпочитаютъ лучше носить тяжести, чѣмъ уступить. Печальная судьба! Не умѣло Сербское племство руководить народомъ, продало его врагамъ крови и вѣры, само загубивши въ себѣ народное чувство,—и народъ отрекся отъ него, и правнуки Душана кончили тѣмъ, что на своихъ дворянскихъ спинахъ таскали товары Жидовъ и Нѣмцевъ изъ Беча (Вѣны). Жаль было смотрѣть на эту молодежь, представляющую одинъ изъ красивѣйшихъ Славянскихъ типовъ на югѣ, — вѣдь все это должно погибнуть въ качествѣ Турокъ...» Вотъ общій видъ Бѣлграда, какъ онъ схваченъ авторомъ съ холма около цитадели. «Какой чудесный видъ — говоритъ авторъ — представился оттуда передо мною! У ногъ моихъ двѣ широкія, свѣтлыя ленты водъ Савы и Дуная, которыя здѣсь величественно соединяются въ своемъ теченіи, а за ними въ недоступной для глаза глубинѣ горизонта, исчезаетъ словно безграничная равнина Воеводины, тянущаяся куда-то въ даль, къ Венгерскимъ «пустамъ». Нѣсколько ближе, надъ самымъ Дунаемъ, бѣлѣли стѣны Австрійской крѣпости—Землина, весело улыбались разбросанныя по долинѣ городскія поселенія Военной Границы. Съ противной стороны, къ юго-западу, съ прибрежной высоты Турецкой твердыни, словно, скотывался по волнистымъ холмамъ къ низменности Савы и далѣе—новый «Сербскій» Бѣлградъ, ихъ возлюбленный «Београдъ». Отъ Турецкаго «града» его отдѣляла обширная площадь, называвшаяся Кали-майданъ (красная площадь — Греческо-Турецкое названіе). Это былъ образъ нѣсколько-вѣковой борьбы двухъ міровъ—Востока и Запада, христіанъ и исповѣдниковъ ислама, Славянъ— и чаще всего Славянъ же, только въ чужомъ, враждебномъ лагерѣ, все равно какъ бы ни назывались они оффиціально—янычары ли, спаги, или деліи. Это—арена, пресыщенная человѣческою кровью. Почти тутъ же при Кали-майданѣ — наиболѣе выдающаяся часть города, усиливающаяся принять Европейскій видъ, двѣ мощеныхъ улицы, нѣсколько лучшихъ каменныхъ построекъ, и среди ихъ каменная церковь, лицей, гостинница и т. д. Пониже, на самой важной улицѣ, скромный «конакъ» — княжескій дворецъ, военная школа, казармы. А дальше за этимъ—обширныя части города, напоминающія малое мѣстечко или Славянское село—Врачанъ и другія. Еще далѣе, по низменности, къ Савѣ огороды, виноградники, рощи и среди темной сѣни деревьевъ—Топчидеръ, загородная дача князя Милоша, въ которой старикъ-богатырь (старый волкъ Шумадійскій) уже догораетъ, хотя тѣнь его держитъ еще народъ въ страхѣ. Высшую вершину скалы, господствующую надъ всею окрестностью, занимаетъ крѣпость, «градъ», и при ней такъ-называемая Турецкая, мусульманская часть города, какъ всегда тѣсная, плохая и грязная. Когда я, не стѣсняясь, на извѣстномъ разстояніи сталъ попристальнѣе разсматривать крѣпостныя стѣны и выглядывающія изъ-за нихъ минареты, меня неожиданно разбудилъ отъ моей созерцательности окликъ Турецкаго солдата: «напрасно, гяуръ, не дождетесь вы того,

чтобы завладѣть этою крѣпостью».—«Богъ великъ»! отвѣчалъ я, приготовляясь къ рѣшительному отпору въ случаѣ нападенія со стороны солдата, чтò тогда бывало не рѣдкостью. Но взглянувъ въ глаза моему Турку, я увидѣлъ, что и онъ братъ Славянинъ. Два-три слова дальнѣйшаго разговора убѣдили меня, что я имѣю дѣло съ честнымъ Помакомъ, — я узналъ это по его рѣчи... Я знаю, чтò за народъ Помаки: кровь ихъ—чисто-Славянская, а ихъ исламизмъ болѣе чѣмъ проблематиченъ. Нѣтъ у нихъ ни многоженства, ни строгаго исполненія предписаній корана. Въ Европейской части города Бѣлграда все выглядывало по-Азіятски—и мѣсто, и люди. Рядомъ съ нововоздвигнутыми каменными постройками, свидѣтельствующими о новыхъ потребностяхъ, о болѣе живыхъ надеждахъ,—съ сельскою незамысловатостью тянулись, почти въ безпорядкѣ, ряды усадебъ, деревянныхъ домовъ и даже мазанокъ. Приличнѣйшій магазинъ, устроенный по-Европейски, пропадалъ въ лабиринтѣ погребовъ и лавченокъ, не многимъ отличающихся отъ Турецкихъ. Повсюду, рядомъ съ кипучею энергіею жизни, проглядывала какая-то неувѣренность, сомнительность, несмѣлость». Когда авторъ спросилъ своего пріятеля, обучавшагося въ Кіевѣ Серба, о причинѣ такого явленія, тотъ напомнилъ ему, что Турки по-своему зовутъ Бѣлградъ «Дар-эль-джигадъ», чтò съ Арабскаго значитъ—«домъ святой войны», и замѣтилъ, что «пока городъ будетъ домомъ св. войны для Турокъ, а не для Сербовъ, до тѣхъ поръ онъ не можетъ подняться и не поднимется». «Кто тутъ захочетъ строиться подъ грозою бусурманскихъ пушекъ, кто рѣшится на чтò бы то ни было затратить капиталъ? Вотъ, нежданно-негаданно, можетъ быть—завтра, быть можетъ—послѣ завтра, мы бросимся другъ на друга—Турки на насъ, и мы на Турокъ. Какъ же тутъ еще затѣвать чтò-либо: надо удивляться, что Бѣлградъ и-то уже значительно подвинулся впередъ!.. А наши сосѣди, христіане-то, Австрійскіе Нѣмцы, пріятели, покровители,—знаете ли въ какія условія они поставили себя по отношенію къ намъ? Вѣдь всякій Австрійскій подданный, живущій въ Бѣлградѣ, свободенъ отъ всякихъ городскихъ повинностей. Между тѣмъ, надо знать, сколько тутъ есть цесарскихъ подданныхъ, не считая Воеводинцевъ! Даже Нѣмецкій консулъ, по принципу, предупреждаетъ своихъ земляковъ, чтобы они не дѣлали и добровольныхъ взносовъ въ пользу города! Какъ же при этихъ условіяхъ городъ можетъ подняться! Мы совершенно убогіе—с и р о м а х и! Однако, не видать было этого по людямъ, толпящимся по городскимъ улицамъ. Воинственной наружности мужчинъ гармонически отвѣчалъ бывшій тогда почти въ общемъ употребленіи Азіатско-Славянскій костюмъ. Ловко сидящія темносинія куртки, отороченныя чернымъ шелкомъ или вышитыя серебромъ, красивыя суконныя куртки того же цвѣта; при этомъ нерѣдко короткіе лисьи мѣхà, такъ же покрытые сукномъ темно-синяго цвѣта, такъ-называемые «ціюрчи»; того же цвѣта широкіе панталоны, плотно обхватывающіе голень; на ногахъ цвѣтистые Шумадійскіе «чарапы» и «папучи»; голова всегда одѣта въ красный фесъ съ богатою шелковою кистью. Мы забыли еще только поясъ, — а это цѣлое богатство, а часто цѣлый арсеналъ Серба; за этимъ шелковымъ поясомъ покоятся его «пиштули», ятаганъ и все необходимое для обороны. Женщинъ видно было мало, и они одѣвались на мужскій манеръ, по-Азіятски; лучшимъ ихъ украшеніемъ служили фески, со дномъ нерѣдко цѣликомъ вышитымъ дукатами,

и спадающія изъ-подъ него у молодыхъ дѣвицъ двѣ пышныя косы; впрочемъ, недурны были и хорошо отдѣланныя куртки».... «Какъ-то странно поражалъ воображеніе пришельца видъ святилища Европейской науки среди обстановки, отличающейся сельскою простотой и Азіатскою дикостью. Оно казалось уединеннымъ, выдвинутымъ впередъ редутомъ гражданственности, съ цѣлью нападенія изъ него на варварство. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время передъ зданіемъ лицея разстилалось обширное, голое, пустопорожнее мѣсто, а за нимъ тянулся запутанный лабиринтъ грязныхъ переулковъ Турецкаго города, да и у самыхъ стѣнъ лицея, съ одной и другой стороны, лѣпились жалкія лавченки въ Азіатскомъ вкусѣ и еще болѣе жалкіе домишки. Но варварство должно было уступить, и нынѣ, по выходѣ Турокъ изъ крѣпости, на привилегированномъ мѣстѣ ихъ жалкой дѣятельности, возникла весьма порядочная Европейская часть города, а по обѣ стороны величественнаго зданія университета возвышаются и тянутся до самой Терапіи ряды прекрасныхъ каменныхъ домовъ съ богатыми магазинами. Пустопорожнее мѣсто выровнено, засажено деревьями и составляетъ нынѣ одно изъ красивѣйшихъ мѣстъ въ Бѣлградѣ..... Въ то время зданіе лицея не вполнѣ еще было окончено. Постройка его начата въ 1851 г. и продолжалась до 1862 г. Это зданіе величественно, но чрезвычайно эклектическаго стиля — Византійско-Романско-ренессансоваго; своимъ фронтомъ и массивностью оно напоминаетъ пышныя Венеціянскія постройки. Широкая, прекрасная лѣстница ведетъ во внутрь зданія на террасу, которая возвышается на 120 футъ надъ уровнемъ площади и представляетъ одинъ изъ лучшихъ пунктовъ для обозрѣнія однимъ взглядомъ всего Бѣлграда и его окрестностей. Постройка стоила 100 т. рублей. Но, что̀ особенно достойно замѣчанія, это зданіе воздвигнуто не на счетъ казны. Это—патріотическій даръ, сдѣланный Сербіи однимъ изъ почтеннѣйшихъ ея гражданъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ золотая надпись надъ портикомъ: «Миша Атанасьевичъ своей отчизнѣ».... Въ зданіи лицея имѣется библіотека и крайне занимательный народный музей. Библіотекаремъ былъ молодый, пользующійся очень большимъ уваженіемъ д-ръ Янко Шафарикъ. Это—двоюродный братъ извѣстнаго Павла-Іосифа Шафарика, автора «Славянскихъ древностей»; оба они—Венгерскіе Словаки. Жизненныя задачи заставили Іосифа поселиться въ Прагѣ, между тѣмъ Янко принялъ приглашеніе жаждущихъ просвѣщенія побратимцовъ Сербовъ. Основавшись на Сербской землѣ, онъ всецѣло посвятилъ себя своему новому отечеству и своими неутомимыми трудами оказалъ ей чрезвычайныя услуги въ дѣлѣ просвѣщенія и воспитанія. Въ качествѣ профессора лицея, онъ первый читалъ Сербамъ Славянскую исторію и литературу, отовсюду собиралъ матеріалы для исторіи Сербіи, посѣтилъ съ этою цѣлью иностранные архивы (Венеціянскіе и Миланскіе), привелъ въ образцовый порядокъ библіотеку и музей, однимъ словомъ — своими трудами онъ далъ своимъ побратимцамъ примѣръ добросовѣстной и энергической научной дѣятельности, въ Европейскомъ смыслѣ. Въ настояшее время Сербскій народный музей особенно богатъ древними Римскими драгоцѣнностями и украшеніями, добытыми изъ раскопанныхъ кладбищъ и, сверхъ того, предметами бронзоваго вѣка. Сто̀итъ вниманія также собраніе древне-Греческихъ монетъ. Но богаче всѣхъ другихъ собраніе Римскихъ монетъ, состоящее изъ 6,312 экземпляровъ. Кол-

лекція Сербскихъ монетъ, очевидно, единственная въ свѣтѣ. Народная библіотека состоитъ: изъ печатныхъ книгъ, въ количествѣ 27,655 томовъ, старо-Славянскихъ и особенно Сербскихъ рукописей, относящихся большею частью къ среднимъ вѣкамъ; между ними есть уники и цѣнныя рѣдкости; собраніе Сербскихъ инкунабулъ и образцовъ старинной печати, съ коллекціею картъ и рисунковъ. Очень привлекаетъ вниманіе собраніе стариннаго оружія и галерея историческихъ портретовъ съ изображеніями славнѣйшихъ Сербскихъ патріотовъ, отличившихся въ войнѣ за независимость. Нынѣ, Бѣлградскій лицей, фактически возвысившійся на степень университета, рядомъ съ новымъ Загребскимъ университетомъ, служитъ святилищемъ народнаго просвѣщенія, открытымъ для всѣхъ Балканскихъ Славянъ». Авторъ на третій день своего пребыванія въ Бѣлградѣ посѣтилъ стараго Вука Караджича. У него онъ засталъ Герцеговинцевъ, съ которыми познакомился на пароходѣ и которые прибыли издалека къ Вуку за совѣтомъ по важному дѣлу. Они были сердиты на автора за то, что онъ, на пароходѣ же, подружился съ молодымъ Туркомъ, разсматривая его, съ своей точки зрѣнія, какъ Славянина-дворянина. «Эво го пріятеля Турка»! сердито замѣтилъ Герцеговинецъ при входѣ автора къ Вуку. Вукъ понялъ, въ чемъ дѣло и изрекъ авторитетно: «Пане мой, говорити: брате — остави го съ миромъ, — то е нашъ человѣкъ»! Этого было довольно, чтобы унять расходившагося побратимца. Наконецъ, автору удалось ознакомиться и съ Сербскою пѣснью. «Удивительное впечатлѣніе производитъ Сербская юнацкая пѣснь: ритмъ ея съ каданціями, речитативный, имѣетъ въ себѣ нѣчто сурово-гомерическое, а гусли еще усиливаютъ ея рапсодичный тонъ. Гусли—инструментъ изъ бѣлаго липоваго дерева, въ родѣ большой скрипки, только объ одной струнѣ. Звуки, вызываемые изъ этой струны смычкомъ, прекрасно гармонируютъ съ воинственнымъ строемъ пѣнія гусляра. И этотъ музыкальный дуэтъ — пѣнія и гуслей — несказанно усиливаетъ и рельефно выказываетъ содержаніе боевой былины. Кто впервые слышитъ Болгарскую пѣснь Серба, того поражаетъ въ ней нѣчто чуждое, словно Азіятское; но вслушайтесь подольше—и это впечатлѣніе совершенно изгладится. (Авторъ, впрочемъ, не отвергаетъ воздѣйствія Турецкаго элемента на Сербскую пѣсню). Въ области поэтическаго творчества Славянскаго міра, Сербская пѣсня отличается совершенно своеобразнымъ характеромъ. Это своеобразіе становится еще осязательнѣе при сравненіи съ народною поэзіей другихъ Европейскихъ народовъ. Въ ней есть та свѣжесть, свобода, то раздолье, какія мы обыкновенно замѣчаемъ въ народной поэзіи въ пору патріархальнаго быта; въ ней есть какъ бы внутренняя сила нескончаемаго возрожденія. Я убѣдился въ этомъ весьма осязательно. Случилось мнѣ быть единственнымъ гостемъ изъ далекой страны въ кружкѣ пирующихъ; хозяевамъ хотѣлось дать мнѣ возможность ближе ознакомиться съ ихъ духовными сокровищами; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, имъ хотѣлось и почтить гостя. У самого пѣвца это особенно лежало на сердцѣ, вслѣдствіе нашего предыдущаго разговора. И вотъ, какъ бы въ завершеніе всего пиршества, онъ всталъ молчаливо, поднесъ мнѣ склянницу «руйнаго» вина, взялъ гусли и— какъ пріударитъ голосомъ къ небу, казалось, что гробы задрожатъ и мертвые встанутъ,—такъ дико-величественно раздался его гимнъ! Звучали въ немъ и наши «берда» Татрскіе, и «градъ» старый, свѣтлый за ними, и рѣка

«бѣлая», и море «бѣлое», и поля, и боры; дикимъ вихремъ пронеслись въ немъ чубы бритыхъ лбовъ изъ-подъ Виддинской Лысой горы, промелькнули багряныя оплечья, затѣмъ завыла дикая месть Швабамъ и Туркамъ, и весь этотъ гимнъ или эта рапсодія закончились однимъ вскрикомъ, однимъ возгласомъ: «слога»,—согласіе со своими. Удивленію моему не было конца: оставляю въ сторонѣ содержаніе, силу и выразительность пѣсни, — меня особенно поразила эта легкость импровизаціи. Это была для меня неожиданность изъ неожиданностей. Я готовъ былъ видѣть въ этомъ проявленіе чрезвычайнаго творчества. «Бога ми, брате! откуда у тебя эта поэтическая сила, откуда этотъ даръ уносящей импровизаціи?» — «Откуда каждому Сербу»,—отвѣчалъ мнѣ гусляръ самымъ наивнымъ образомъ. «Истина—Богъ!» — подтвердилъ весь кружокъ. Когда авторъ выразилъ недоумѣніе, почему такой пѣсни нѣтъ у Болгаръ, то на это ему отвѣчали: «Булгаринъ башъ юнакъ ни е, Болгаринъ — градинаръ», т. е. Болгаринъ садовникъ, а не юнакъ. Авторъ убѣдился, что пѣсенное творчество Серба объясняется, отчасти, довольно просто. «Молодой Сербъ, одаренный нѣсколько болѣе пылкою фантазіею, чѣмъ другіе, нѣсколько сильнѣе полюбившій народную поэзію, знаетъ наизустъ столько пѣсенъ, столько рапсодій,—съумѣетъ, по волѣ своего воображенія, вызвать въ памяти столько готовыхъ картинъ жизни и природы, столько формъ, образовъ, красокъ, символовъ, что, задавшись какою-либо мыслью, ему стоитъ только, такъ сказать, протянуть руку въ неисчерпаемую сокровищницу пѣснотворчества, чтобы облечь данную мысль въ самую пышную одежду народной поэзіи». «Характеристическую особенность юнацкихъ пѣсенъ — героическихъ, богатырскихъ, военныхъ, составляетъ ихъ предметность, пластичность и солидная простота. Поэтъ представляетъ въ нихъ воспѣваемый предметъ такимъ, каковъ онъ есть, со всѣмъ, почти осязательнымъ, реализмомъ»... Всѣ юнацкія пѣсни, взятыя вмѣстѣ, составляютъ нѣчто неразрывное цѣлое: это какъ бы единичныя рапсодіи одного великаго народнаго эпоса. Вездѣ тутъ одинъ строй, одинъ характеръ, одинъ стиль. Начиная отъ цикла пѣсенъ о царѣ Лазарѣ, онъ однообразно проходитъ чрезъ всѣ «гайдуцкія», «ускокскія» пѣсни, чрезъ циклъ Кара-Георгія и Милоша, до новѣйшихъ Черногорскихъ. Это однообразіе простирается до того, что пѣсни самаго новѣйшаго времени, равнымъ образомъ, носятъ общія архаическія черты.

Отзывъ Поляка о Болгарахъ. Тотъ же неутомимый г. А. И. и въ той же газетѣ (см. Приложеніе къ № 166) сообщаетъ характеристическія черты Болгарскаго народнаго возрожденія. «Болгары изъ всѣхъ родственныхъ народовъ, имѣющихъ, замершее уже, славное историческое прошлое и возрождающихся нынѣ къ новой жизни, представляютъ самый исключительный характеръ въ своей грустно-сосредоточенной, ожесточенной борьбѣ за самостоятельно-народную жизнь. Кто знаетъ военную горячность Серба и выдержанную силу отпора Хорвата, тому не въ домёкъ, что Болгаринъ, искони занимающій смежную съ ними страну, дѣйствительно можетъ составлять съ ними во всемъ такое рѣзкое противорѣчіе. Кажется, словно бы Болгаре — народъ инаго происхожденія, иной крови, иной сферы дѣятельности: такъ рѣзко они отличаются отъ всѣхъ другихъ Славянъ вообще. А между тѣмъ это народъ Славянскій насквозь, и напрасно усматриваютъ въ немъ только ославянившееся чуждое племя, и преимущественно

Туранское, какъ это обыкновенно говорится. Нынѣ, изъ всѣхъ Славянскихъ народовъ это самый тихій, покладливый, осторожный, чрезвычайно подозрительный, неувѣренный и замкнутый въ себѣ, наконецъ, наименѣе воинственный. До такой степени тяжкая неволя втеченіе нѣсколькихъ вѣковъ переиначила первобытную свободную Славянскую натуру. (Авторъ разумѣетъ не только Турецкую неволю, но и политическій гнётъ безсердечной Византіи, и порабощеніе ордою Болгаръ Урало-Финновъ). Предводительствуемый своимъ военнымъ Туранскимъ дворянствомъ, Славянскій народъ, назвавшійся Болгарами, не всегда былъ такимъ смирнымъ, какъ нынѣ. Не только дикіе Аспарухъ и Крумъ (въ VII и VIII в.), но и христіанскіе уже цари Борисъ и Симеонъ (въ IX и X в.) были ужасомъ для сосѣдей; передъ ними дрожала Византія.... Трудно сомнѣваться въ томъ, въ чемъ заключается главная причина нынѣшней покладливости Болгаръ. Посмотрите на горца, или на мусульманскаго Помака, которые умѣли закрыться «планиною» или «кораномъ»,—такъ ли они уступчивы, какъ обыкновенно—обитатели долинъ? Извѣстно также, что Балканскіе гайдуки, въ борьбѣ за Греческую независимость, равнялись смѣлостью всякимъ «клефтамъ» и «канджаліямъ». Знаменитый богатырь этой борьбы Ботцарисъ — былъ Македонскій Болгаринъ—Бочаръ. Сербы были въ гораздо болѣе благопріятныхъ условіяхъ, будучи защищаемы горами и сосѣдствомъ Европы. Ихъ воинственное дворянство, уцѣлѣвшее въ значительнѣйшей части, благодаря принятію исламизма, совсѣмъ не потеряло народности; напротивъ, поддерживало ее, развивая народный языкъ и своеобразную поэзію». «Надо еще помнить, что Болгаре въ географическомъ отношеніи не составляютъ однороднаго цѣлаго, не отличаясь и совершенно одинаковымъ характеромъ. Въ этомъ отношеніи видна замѣтная разница между Болгарами, живущими по сю и по ту сторону Балкановъ, и между горцами, отличающимися совершенно другимъ, болѣе энергическимъ характеромъ. Что касается постороннихъ вліяній, то Туранское вліяніе можно находить развѣ у устьевъ Дуная; во Ѳракійскомъ же и Македонскомъ «Загорьѣ» искони чуялось вѣяніе Греческаго духа. Но, въ концѣ концовъ, взаимодѣйствіе всѣхъ историческихъ причинъ сдѣлало преобладающею особенностью Болгарина — расположенность къ тихой обособленной семейной жизни, со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями. Для Болгарина нѣтъ на свѣтѣ ничего дороже семейной жизни. Его жена и его поле—вотъ чѣмъ занята его душа. За предѣлами труда и «дорогаго добра» (нѣжное имя, которое онъ даетъ своей подругѣ), ничто не въ состояніи его взволновать. Онъ ищетъ счастья единственно въ домашней жизни. Въ своемъ домѣ онъ дѣйствительный господинъ. Но и женщина, какъ мать, какъ жена, занимаетъ здѣсь также не послѣднее мѣсто; она—товарка и совѣтница мужчины во всемъ, между тѣмъ какъ Греческая женщина есть только первое дитя въ домѣ мужа. Родственная любовь между членами семьи—велика; авторитетъ отца семейства — непоколебимъ. «Болгаринъ — говоритъ одинъ изслѣдователь жизни Востока—напоминаетъ Еврея среднихъ вѣковъ, который, встрѣчая только преслѣдованія въ обществѣ, ослѣпленномъ темнотою и фанатизмомъ, искалъ пріюта и утѣшенія у семейнаго очага, гдѣ становился опять, въ глазахъ возлюбленной жены и дѣтей, полныхъ почтенія къ нему, сыномъ Іуды наслѣдникомъ обѣтованій, данныхъ Іеговою патріархамъ. Такъ и Болга-

ринъ, презираемый и угнетаемый Туркомъ, на полосѣ земли, орошенной его пѣтомъ, у очага дома, дающаго пріютъ дорогимъ для него существамъ, преображается въ истиннаго господина, имѣющаго право приказывать всѣмъ членамъ семьи, въ качествѣ ихъ достойнаго начальника. При этомъ, какъ исповѣдникъ св. креста, онъ черпаетъ силу въ надеждѣ, что, по благодати Христа, послѣ дней испытанія, назначеннаго ему волею неба, онъ подниметъ чело свое, такъ долго поникшее подъ гнетомъ исламизма! Очевидно, что выраженіемъ этой, такъ опредѣленно сложившейся жизни — должны были сдѣлаться спокойствіе, разсудительность и осторожность, и при этомъ выносливый трудъ, копотливая заботливость, бережливость, скромность и простота. Съ этимъ неизбѣжно соединились и нѣкоторыя отрицательныя свойства: недостатокъ высшаго полёта мысли и воли, боязливость и страдательная рѣшимость, подозрительность, скрытность и близорукая хитрость; иногда бережливость простирается до скупости и безполезности. Тѣмъ не менѣе честный Болгаринъ не обращаетъ вниманія на недоброжелательство и остроты своихъ ближайшихъ сосѣдей, хотя они его рѣшительно не щадятъ. Турокъ самымъ безнаказаннымъ образомъ злоупотребляетъ его кротостью; Грекъ смѣется надъ его великою простотою и безъ церемоніи называетъ его «кондрокефали», тупая голова; Арнаутъ насмѣхается надъ его осторожностью; родственный Сербъ недоволенъ его тихою покорностью бусурманской силѣ и постоянно потчуетъ его прозваніемъ «кукавица»—трусъ, считая себя за юнака; даже темный Румунъ, по примѣру своего офранцуженнаго боярства, считаетъ его стоящимъ ниже себя. Но и Болгаринъ не остается въ долгу у своихъ сосѣдей и отплачиваетъ имъ сугубо, особенно мнимымъ потомкамъ Трояна и Ѳемистокла, и спокойно идетъ своею дорогою». Въ связи съ этимъ характеромъ Болгаръ авторъ ставитъ ихъ занятія и ихъ стремленія къ возрожденію путемъ народнаго образованія и автокефальности народной церкви. Извѣстно, что Болгары добились независимости своей церкви отъ Грековъ. Что касается образованія, то авторъ даетъ слѣдующія цифры школъ и учащихся. Въ 1870 г. въ Филиппопольскомъ округѣ было 25 приготовительныхъ школъ и 108 начальныхъ, въ томъ числѣ 18 для дѣвочекъ. Въ 1867 г. изъ этого же округа было въ ученіи за границей 5 чел. въ Парижѣ, 4 въ Вѣнѣ, 7 въ Россіи, 2 въ Англіи, 40 въ Цареградѣ.

Древняя республика Дубровницкая. Въ іюльской книжкѣ «Варшавской Библіотеки» за 1875 годъ помѣщена довольно подробная статья г. Казиміра Пулавскаго о Дубровникѣ, его исторіи, управленіи и гражданственности. Въ основаніе этой статьи легли изслѣдованія Любича, Рачкаго, Матковича Парича, Ягича, Кукулевича-Сакцинскаго и другихъ, въ томъ числѣ и иностранцевъ, напр. Энгеля, Гебгарда, Дюммера, Петтера. Двигаясь съ Сѣвера къ берегамъ Адріатическаго моря, Славяне заселили въ первой половинѣ VI в. (630—640), между прочимъ, узкую полосу земли, лежащую между Босніей и Герцеговиной—съ одной стороны, и Адріатическимъ моремъ—съ другой. Пришельцы, т. е. Хорваты и Сербы, подѣлили занятую землю на жупанства, завели Славянскій общинный порядокъ, который, однако, скоро долженъ былъ уступить мѣсто учрежденіямъ совсѣмъ другаго рода. Самое продолжительное сопротивленіе оказывали Славянамъ прибрежные города: Рагуза (впослѣдствіи—Дубровникъ) Трогиръ, Сплѣтъ и другіе, гдѣ, во время

нашествія Славянъ искали убѣжища туземцы, потомки Римскихъ колонизаторовъ. Черезъ нихъ Римскій элементъ долженъ былъ впослѣдствіи оказать сильное вліяніе на славянство. Тѣмъ не менѣе онъ самъ долженъ былъ уступать пришельцамъ, хотя Рагуза и другіе прибрежные гброды только къ XI-му столѣтію успѣли преобразиться въ Славянскіе. Но и при ославяненіи городовъ, Римскій элементъ продолжалъ все-таки существовать въ нихъ, и даже успѣшно, а иногда и побѣдоносно боролся со славянствомъ. Заброшенные на самый юго-западный край тогдашняго Славянскаго міра, эти племена подверглись сильному вліянію сосѣдней Италіи и, вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ и условій своего быта и исторіи, выработали свой особенный характеръ и особенное міровоззрѣніе, въ отличіе отъ другихъ Славянъ; даже рѣчь ихъ сильно удалилась отъ первоначальнаго нарѣчія Сербскаго, а католицизмъ еще рѣзче обособилъ ихъ отъ православныхъ единоплеменниковъ. Нынѣшняя Далматія, со времени занятія ея Славянами, дѣлилась на двѣ части: сѣверную или собственно Хорватію, которая управлялась сначала народными королями а потомъ поддалась Венеціи и затѣмъ Венграмъ, и южную, столицею которой былъ славный въ исторіи южныхъ Славянъ Дубровникъ. Его учрежденія, образованность и особенно литература и въ частности поэзія, развившаяся на Итальянскихъ образцахъ, являются лучшимъ цвѣтомъ умственнаго развитія южныхъ Славянъ, рѣзко отличаясь по своему міровоззрѣнію и характеристическимъ особенностямъ отъ литературы другихъ Славянъ. Дубровникъ со своимъ округомъ составлялъ независимую республику, и пережилъ всѣ политическія бури; съ одной стороны—нападенія Турціи, съ другой—давленіе Венеціи; не разъ приходилось ему признавать надъ собою верховную власть или опеку того, или другаго могучаго сосѣда; но до самаго начала нынѣшняго столѣтія онъ сохранилъ неприкосновенными свои установленія и законы, а также свободу своей торговли, и оставилъ въ исторіи слѣды своей политической и умственной жизни. Старинное Rausium возникло на мѣстѣ древняго Эпидавра, разрушеннаго варварами, затѣмъ заселено Славянами и названо у Грековъ и Латинянъ Рагузой, у Славянъ Дубровникомъ. Оно образовало независимую, славную и могущественную республику, соперницу Венеціи и Генуи на южныхъ моряхъ, не разъ прозывавшуюся Славянскими Аѳинами по своей торговлѣ, внутреннимъ учрежденіямъ и умственному развитію, стоявшему на высокомъ уровнѣ въ вѣкъ возрожденія. Первыми поселенцами Рагузы были Греческіе и Римскіе бѣглецы разрушенныхъ варварами городовъ Эпидавра и Салоны, а потому отъ основанія этого города (какъ полагаютъ, въ VII вѣкѣ) до самаго IX вѣка здѣсь господствовалъ Латинскій языкъ, вытѣсненный съ этого времени Сербскимъ нарѣчіемъ, вслѣдствіе наплыва въ городъ и численнаго преобладанія въ немъ Славянъ. Первыя республиканскія формы въ жизни Дубровника сокрыты, вмѣстѣ съ подробностями тогдашняго его быта, въ туманѣ неизвѣстности; догадываются только, что, не смотря на произведенный Славянами переворотъ, здѣсь сохранились соціальныя формы и обычаи Римлянъ. Наслѣдіе Римлянъ—патриціатъ, а равно много иныхъ установленій, понятій и обычаевъ были усвоены Славянами тѣмъ легче, что ихъ поселеніе въ этомъ городѣ совершилось не вдругъ, а мало-по-малу. Однако, въ договорахъ съ Пизою и Которомъ (1169 и 1181 гг.) находимъ слѣды участія всего народа въ упра-

вленiи городомъ, что могло быть слѣдствiемъ принесенной Славянами общины и временнаго ея торжества; но скоро она уступила мѣсто аристократическому патрицiату. «Древняя Дубровницкая республика—по словамъ Антона Соркочевича—въ началѣ своей жизни была аристократично-демократическою, затѣмъ измѣнилась въ чистую аристократiю, по образцу Венецiи, и такъ какъ всякое зло старѣясь возростаетъ, то аристократiя перешла, наконецъ, въ чистую олигархiю». Послѣ паденiя Эпидавра, Дубровникъ, наравнѣ съ другими сосѣдними городами, признавая верховную власть Византiя, находился въ непосредственномъ вѣдѣнiи Равенскаго экзарха, который назначилъ для управленiя этимъ краемъ проконсула, имѣющаго пребыванiе въ Зарѣ. По уничтоженiи экзархата Франками и Лонгобардами, зависимость Дубровника отъ Византiи ограничивалась уплатой опредѣленной дани и поставкою извѣстнаго числа военныхъ кораблей; въ X вѣкѣ Дубровникъ освободился отъ этой зависимости, но, послѣ кратковременной свободы, долженъ былъ признать надъ собою опеку Венецiи (около 998 г., при Венецiанскомъ дожѣ Петрѣ II Урсеоло); однако, власть осталась въ рукахъ муниципальнаго управленiя, и Дубровничане уплачивали Венецiи только малую дань, въ качествѣ «подарка республики». Сначала дань эта состояла изъ полосы серебра, въ 9 марокъ, которую они ежегодно представляли Венецiанскому морскому коменданту, при объѣздѣ имъ Адрiатическаго моря; впослѣдствiи эта дань значительно увеличилась. Какъ торговая республика, Дубровникъ рѣдко брался за оружiе, развѣ въ случаѣ крайней необходимости самообороны, или по настоятельному требованiю своихъ союзниковъ. Въ IX в. Дубровничане напрягаютъ силы, защищаясь отъ грозныхъ Сарациновъ; въ X в., послѣ временнаго сопротивленiя Венецiянцамъ, соединяются съ ними для борьбы съ морскими разбойниками, подстерегающими ихъ корабли въ южныхъ моряхъ и ведутъ серьёзную войну съ Болгарскимъ царемъ Самуиломъ. Въ IX в. союзъ съ Робертомъ Гвискари, которому они доставляли военные корабли, втянулъ ихъ въ тяжелую войну съ Византiею и Венецiей; а въ XII в. вызываютъ ихъ на войну несогласiя съ Боснiей. Тогдашнiй Боснiйскiй банъ Барихъ сталъ со значительнымъ войскомъ подъ Дубровникомъ, но былъ вынужденъ къ миру; и обезпечивъ Дубровничанамъ торговлю съ Боснiей, въ знакъ дружбы ежегодно представлялъ имъ въ подарокъ извѣстное количество бѣлыхъ коней. Въ первыхъ годахъ XIII столѣтiя Дубровникъ вынужденъ стать въ еще болѣе значительную зависимость отъ Венецiи, выбирая въ свои правители Венецiанскихъ патрицiевъ знатнаго рода; впрочемъ, эти послѣднiе не посягали на его права и привилегiи, оставляя почти всю власть въ рукахъ муниципальнаго управленiя. Такая подчиненность въ отношенiи къ Венецiи явилась слѣдствiемъ внутреннихъ раздоровъ и несогласiй. Именно, правители республики были выборные и избирались на годъ; но одинъ изъ нихъ Дамьянъ Iуда, по истеченiи года своего ректорства, успѣлъ остаться въ этомъ званiи на другiй, и затѣмъ на третiй, желая быть пожизненнымъ и неограниченнымъ начальникомъ Дубровника. Многiе воспротивились этимъ стремленiямъ Дамьяна, и во главѣ непокорныхъ возстала извѣстная фамилiя Бобали. Но Бобали были подвергнуты заключенiю и только бѣгствомъ могли спастись изъ него. Тогда одинъ изъ среды негодующаго дворянства, зять Дамьяна Бенешицъ предложилъ сенату принять покрови-

тельство Венеціи надъ Дубровникомъ, тѣмъ болѣе, что Венеціанцы, занявшіе Зару, серьезно угрожали этому послѣднему. Сенатъ согласился на это предложеніе, и самъ Бенешицъ, строго сохраняя тайну, былъ отправленъ съ нимъ въ Венецію. По силѣ этого предложенія, Дубровничане обязывались выбирать своихъ правителей изъ среды Венеціанскихъ патриціевъ, съ тѣмъ, чтобы выбранные строго сообразовались со старинными законами и установленіями Дубровницкой республики. Венеціанцы отправили къ Дубровнику двѣ вооруженныя галеры; посолъ ихъ Морозини остановился у островка Лакромы и, увѣряя, что отправляется въ Константинополь, заманилъ къ себѣ въ гости Дамьяна и увезъ его; обманутый честолюбецъ съ досады разбилъ себѣ голову о стѣну корабля. Тогда выбранъ былъ въ правители патрицій Лоренцо Кверини, присланный Венеціанскою сеньёріей, въ 1204 году. Преемникъ Кверини, Жанъ Дандоло (1216) вооружилъ противъ себя Дубровничанъ своею гордостью и самоуправствомъ. Но усилія ихъ свергнуть съ себя опеку Венеціи повели только къ тому, что заключенъ былъ новый договоръ съ этою послѣднею, по силѣ котораго Дубровничане вновь подтвердили свою зависимость отъ Венеціи (1232 г.) и, возобновляя свои обязательства относительно ея каждыя 10 лѣтъ, должны были еще уплачивать опредѣленную дань, снаряжать для Венеціи нѣсколько военныхъ кораблей и имѣть въ ней, въ качествѣ заложниковъ, шестерыхъ своихъ знатнѣйшихъ гражданъ.—Цѣлыхъ полтора вѣка, съ небольшими перерывами, просуществовалъ Венеціанскій протекторатъ надъ Дубровникомъ; наконецъ, въ 1357 г., пользуясь войною Венеціи съ Людовикомъ Венгерскимъ, войскà котораго заняли Далматинское побережье, Дубровничане свергли опеку Венеціи и подчинились покровительству Венгріи. По силѣ договора 27 мая 1358 г., Дубровничане должны были платить Венгерскому королю 500 дукатовъ золотомъ, Сербскому—2,050 перперовъ и Боснійскому бану 500 перперовъ [1]; на Дубровницкихъ корабляхъ долженъ развѣваться Венгерскій флагъ; правитель Дубровника утверждается въ своемъ санѣ Венгерскимъ королемъ и обязывается помогать послѣднему, въ случаѣ надобности, опредѣленнымъ количествомъ военныхъ судовъ; въ случаѣ прибытія въ Дубровникъ, Венгерскому королю долженъ быть устроиваемъ торжественный пріемъ и, независимо отъ этого, три раза ежегодно ему должна быть воспѣваема «слава» въ каѳедральной церкви Дубровника. За то, въ свою очередь, Венгерскій король обязывался охранять республику отъ всѣхъ ея враговъ. Съ этого времени начинается блестящая пора въ исторіи Дубровника; въ особенности развилась его торговля. Корабли его заходили въ порты дальняго Востока, посѣщали всѣ приморскіе города Италіи и Испаніи, а также прибрежья Африки. Главными торговыми пунктами того времени были Константинополь и Венеція; здѣсь-то Дубровницкіе корабли нагружались товарами Востока и Запада и развозили ихъ отсюда по другимъ городамъ. Торговля составляла источникъ богатства и силы маленькой республики; насчитывая въ самыя счастливыя времена едва 70 съ небольшимъ тысячъ жителей на всей своей небогатой государственной территоріи, Дубровникъ самъ доходилъ до 30-ти тысячнаго населенія, благодаря торговой дѣятельности. Въ видахъ свободы и безопасности своей торговли, Дубровникъ за-

[1]) Изъ 11 унцій серебра и 1 унція мѣди чеканили 14 перперовъ.

ключалъ дружественные союзы и договоры съ сосѣдними государствами, а въ томъ числѣ и съ могущественными Османлисами, съ которыми крошечная республика нерѣдко договаривалась, какъ равный съ равнымъ. Такъ, въ XII вѣкѣ, Дубровницкій сенатъ нарядилъ посольство къ Урхану, который владѣлъ Геллеспонтомъ, Пропонтидой и входомъ въ Черное море; его морское могущество было тѣмъ больше, что Греки, со времени Андроника, уже не имѣли флота, а Генуэзцы, Венеціане и островитяне Средиземнаго моря нерѣдко промышляли грабежемъ беззащитныхъ торговыхъ кораблей. По договору съ Урханомъ, Дубровничане обязывались ежегодно уплачивать ему по 500 цехиновъ; но зато корабли ихъ были свободны отъ пошлинъ и пользовались покровительствомъ султана. Въ XVI в. (1521) Солиманъ еще болѣе расширилъ торговыя привилегіи Дубровничанъ и позволилъ имъ закупать хлѣбъ въ своемъ государствѣ, подъ условіемъ впрочемъ новой дани, или, по выраженію Дубровничанъ, «подарка». Дубровникъ обезпечилъ свою торговлю договорами съ Египтомъ и Сиріею, и Венгріею, Франціею, Англіею и Испаніею. Въ XV в. Дубровничане имѣли триста военныхъ кораблей. У нихъ были факторіи въ Цареградѣ, Адріанополѣ, Силистріи, Рущукѣ, Софіи, Бѣлградѣ, Александріи, Каирѣ, Бруссѣ, Смирнѣ, Флоренціи, Генуѣ, Мессинѣ, Сиракузахъ, Палермо и въ другихъ городахъ. При каждой факторіи былъ консулъ, церковь съ кладбищемъ, госпиталь и свой торговый судъ. Дубровницкіе корабли нерѣдко служили для военныхъ цѣлей. Еще Константинъ Багрянородный отмѣчаетъ (въ IX в.), что они перевозили значительное количество войска въ Апулію. Въ XV в. Дубровникъ помогалъ князю Феррары въ борьбѣ его съ Венеціею; въ отместку за это, послѣдняя стѣснила торговлю Дубровника со своими владѣніями; но это заставило Дубровничанъ расширить свою торговую дѣятельность на Востокѣ; а для обезопасенія себя отъ Венеціи, они построили крѣпость Мало, остатки которой видны до сихъ поръ. Въ XVI вѣкѣ 4 Дубровницкіе корабля участвовали въ экспедиціи Карла V въ Тунисъ и вернулись оттуда съ богатою добычею. Менѣе удаченъ былъ походъ Карла V на Алжиръ: изъ 11 Дубровницкихъ кораблей совершенно уничтожено 5, и домой вернулось только 6.—Мадьярско-Хорватскимъ протекторатомъ Дубровникъ пользовался только до тѣхъ поръ, пока возросшее могущество Турціи не ослабило политическаго значенія Венгріи, особенно послѣ знаменитой битвы подъ Могачемъ, гдѣ погибъ король Людовикъ (1526). Тогда Дубровникъ опять признаётъ надъ собою покровительство Венеціи, стараясь, въ тоже время, задобрить деньгами Турокъ и сохранить такимъ образомъ свою независимость. По завоеваніи Константинополя, Дубровникъ, вмѣсто 1500 дукатовъ, долженъ былъ платить 3000, за то что давалъ у себѣ убѣжище бѣглымъ Турецкимъ христіанамъ. Въ 1474 Дубровницкая дань возвышена до 8000. Наконецъ, въ послѣднее время своей зависимости отъ Турціи, Дубровничане уплачивали по 40,000 піастровъ, но зато имѣли право снабжать солью Боснію и Герцеговину, что̀ доставляло имъ большій барышъ.—Республиканская свобода выразилась въ жизни Дубровника, между прочимъ, нѣсколькими фактами радушнаго гостепріимства какъ въ отношеніи къ людямъ могучимъ и извѣстнымъ, такъ и къ несчастнымъ и гонимымъ. Въ 1192 г. здѣсь гостилъ Ричардъ Львиное Сердце; въ 1396 г., Венгерскій король Сигизмундъ, послѣ пораженія, понесеннаго подъ Никополемъ, спасшійся самъ-

другъ съ архіепископомъ Гранскимъ, втеченіе 9-ти дней пользовался самымъ широкимъ гостепріимствомъ Дубровничанъ. Послѣ покоренія Константинополя, Дубровникъ далъ пріютъ фамиліямъ Палеологовъ, Кантакузеновъ, Ласкарисовъ, Комненовъ и другихъ, въ томъ числѣ и ученыхъ, уносившихъ съ собою отъ варварской орды побѣдителей сокровища древне-Греческой образованности и нашедшихъ затѣмъ не менѣе гостепріимный пріютъ у Лаврентія Медичи.—Дубровникъ утратилъ свою политическую независимость только въ послѣдніе годы XVIII столѣтія, вслѣдствіе Бонапартовскаго погрома.—Въ 1221 г., при посѣщеніи Дубровника Францискомъ Ассизскимъ, тамошній сенатъ, по преданію, спрашивалъ его о продолжительности существованія республики; Францискъ отвѣтилъ, что Дубровникъ до тѣхъ поръ будетъ независимъ, пока не откроетъ воротъ своихъ иновѣрію. Подобное же пророчество приписывается и святому Джакомо-делля-Марка Дубровницкій сенатъ свято хранилъ въ памяти эти предостереженія и не терпѣлъ въ своемъ городѣ чужихъ вѣръ. Напрасно Сербы просили позволенія имѣть въ Дубровникѣ православную церковь! Но, наконецъ, въ 1780 году, въ силу соглашенія, заключеннаго съ Россійскимъ консуломъ, стали строить православную церковь на предмѣстьѣ Пилле, на маленькой площадкѣ, окруженной каменною стѣною. Екатерина II щедро снабдила церковь всѣмъ необходимымъ. Вскорѣ затѣмъ дѣйствительно насталъ конецъ независимости Дубровника. Послѣ занятія Французами Іоническихъ острововъ въ 1797, въ Дубровницкомъ портѣ появились два военные Французскіе корабля, и Французскій коммиссаръ потребовалъ отъ сената ссуды въ милліонъ ливровъ. Не смѣя отказать, сенатъ поспѣшилъ собрать, что оказалось возможнымъ, и вручилъ коммиссару, не заводя и разговора о возвратѣ. Это сильно пошатнуло финансы республики; сдѣлано распоряженіе объ обязательной закупкѣ обывателями изъ правительственныхъ магазиновъ соли, съ цѣлью пополнить этимъ косвеннымъ налогомъ казну; но это вызвало неудовольствіе и смуты. Для водворенія спокойствія, сенатъ вынужденъ былъ просить воинской команды изъ Вѣны; она не замедлила явиться, и спокойствіе возстановилось. Насталъ 1806 годъ. Французы заняли всю Далматію. Русскіе, завладѣвъ Корфу, заняли своимъ флотомъ Которскую бухту и нѣсколько прибрежныхъ мѣстъ и хотѣли войти въ городъ. Сенатъ протестовалъ противъ этого намѣренія, боясь мести Французовъ, которые и не замедлили войти въ Дубровникъ, 27 мая. Тогда одинъ патріотъ, по имени Карбоґа, предложилъ сенату проектъ, чтобы всѣмъ Дубровничанамъ сѣсть на корабли и на одномъ изъ Греческихъ острововъ основать новый Эпидавръ. Но скоро подступили Русскіе и осадили Французовъ въ Дубровникѣ. Осада была долгая и тяжелая; генералъ Молиторъ пришелъ на выручку Лористону и освободилъ его; но городъ потерпѣлъ убытокъ на много милліоновъ, его благосостояніе и слава были подсѣчены въ корень. Два года республика влачила еще свое существованіе; наконецъ, декретомъ 8 января 1808 г. она уничтожена, и въ слѣдующемъ году Дубровникъ и вся Далматія включены въ составъ королевства Иллиріи. Затѣмъ 29 января 1814 г. Дубровникъ занятъ Австрійскими войсками, и съ тѣхъ поръ составляетъ одинъ изъ 4-хъ округовъ Далматіи. Такова была политическая судьба Дубровника, съумѣвшаго сохранить свою независимость втеченіе столь

долгаго времени, при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, и пережившаго гораздо могущественнѣйшія республики, какъ, напримѣръ, Пизу и Геную.—Послѣдуемъ далѣе за авторомъ и сдѣлаемъ очеркъ внутренняго быта Дубровника, его учрежденій и образованности.—Въ Дубровникѣ, подобно какъ и въ Венеціи, всѣ учрежденія были аристократическія. Богатое, могущественное и хорошо образованное дворянство, оказывая подавляющее вліяніе на другіе слои населенія, держало въ своихъ рукахъ всѣ привилегіи и прерогативы и все управленіе. Внутреннее управленіе сосредоточивалось въ Дубровникѣ въ большомъ совѣтѣ, сенатѣ и маломъ совѣтѣ. При республиканскомъ строѣ Дубровника, между его сословіями, однако, была непроходимая бездна. Народъ находился въ приниженномъ и угнетенномъ состояніи. На главной городской площади народу воспрещено было ходить по панелямъ, по которымъ ходили патриціи. Оскорбленіе дворянина считалось государственнымъ преступленіемъ. Положеніе поселянъ было весьма печально,—они были тоже, что plebs misera у Римлянъ. Крестьянинъ не владѣлъ землею, которую обработывалъ и на которой жилъ, а только временно пользовался ею. Поселяне отбывали барщину за свои избы и огороды и уплачивали десятину натурою, козами, ягнятами, пѣтухами, яйцами и т. д. Исключенія составляли островокъ Лагоста и половина острова Меледы, пользовавшіеся муниципальными учрежденіями. Тѣмъ болѣе чести для Дубровника, что, не смотря на этотъ соціальный порядокъ, въ 1416 году въ немъ воспрещена торговля рабами подъ страхомъ денежнаго штрафа и шестимѣсячнаго заключенія. Въ 1466 г. этотъ законъ подтвержденъ, при чемъ постановлено торговцамъ рабами выкалывать глаза, а въ случаѣ недѣйствительности и этой мѣры—вѣшать ихъ.—На Дубровникѣ лежитъ рѣзкая печать Итальянскаго вліянія. Венеція еще въ IX и X вѣкахъ заняла въ Далматіи нѣсколько городовъ и съ тѣхъ поръ постепенно усиливала на этомъ побережьѣ, особенно же въ Дубровникѣ, свое политическое и торговое вліяніе. Опека Венеціи была полезна для Дубровника, какъ по своему цивилизующему вліянію, такъ и потому, что послѣ покоренія Турками Сербіи, Босніи и Герцеговины, она служила охраною отъ Турецкаго ярма; но, съ другой стороны, необходимымъ слѣдствіемъ этой опеки является устраненіе народнаго, Славянскаго элемента изъ общественной жизни, администраціи и церковной іерархіи. Вотъ почему въ Трогирѣ, съ XV в., дѣловымъ языкомъ является языкъ Латинскій или Итальянскій, а Славянскій съ 1472 года воспрещено употреблять въ оффиціальныхъ бумагахъ. Но, рядомъ съ Итальянскимъ начальникомъ, въ Далматскихъ городахъ стояло городское вѣче и, благодаря ему, Славянская народность не потеряла окончательно своего значенія, а напротивъ—возродилась въ XVI и XVII столѣтіяхъ, путемъ литературы.—Однимъ изъ главныхъ узловъ, связывавшихъ Дубровникъ и вообще Далматію съ Италіею, было Римско-католическое исповѣданіе. Христіанство пришло сюда изъ Италіи и въ IX в. распространилось по всему побережью. Отсюда—наплывъ въ Далматію Римскаго духовенства, принесшаго съ собою Латинскій языкъ и письмо и Латинскую литургію, столкнувшіяся съ кириллицей и Славянскою литургіею, занесенными сюда восточными Славянами. Въ X в. Славянская литургія распространилась по всему побережью и продолжала существовать на немъ въ XI в., не смотря на положительное ея воспрещеніе папой Іоанномъ X, соборомъ 925 г., опредѣленіями Далматскаго

короля Томислава, Сплѣтскаго (1059 г.) и Салонскаго (1064 г.) соборовъ и другихъ. Наконецъ, римскому духовенству удалось совсѣмъ вытѣснить Славянскую литургію, но кириллица и послѣ того продолжала существовать въ Далматіи и употреблялась Дубровничанами въ сношеніяхъ съ Сербіей и Босніей до самаго времени покоренія ихъ Турками (1456 г.). Оставшіеся отъ того времени документы, писанные кириллицей, представляютъ очень важный матеріалъ для исторіи Дубровника. Но бо́льшее значеніе, по мнѣнію автора, имѣли глаголица и буквица. Когда и гдѣ возникла глаголица — до сихъ поръ остается спорнымъ вопросомъ. Глаголитскіе священники приписываютъ ея изобрѣтеніе блаж. Іерониму; но здравая критика не можетъ признать основательности этого мнѣнія. Добровскій и Шафарикъ утверждаютъ, что глаголица изобрѣтена въ Далматіи въ XIII вѣкѣ и быстро распространилась среди тамошнихъ Славянъ и на сосѣднихъ островахъ, а затѣмъ во всей Истріи и Хорватіи. Новѣйшіе ученые, принимая это мнѣніе, полагаютъ, что побужденіемъ къ изобрѣтенію глаголицы было желаніе католическаго духовенства противодѣйствовать распространенію кириллицы. Въ XV—XVIII вв. глаголица была въ довольно большомъ употребленіи. Главнымъ образомъ она употреблялась въ костёлахъ, богослужебныхъ книгахъ, духовныхъ сочиненіяхъ, а также въ оффиціальныхъ книгахъ, сборникахъ законовъ, въ договорахъ и постановленіяхъ. Древнѣйшій памятникъ глаголицы—псалтырь 1220 года. Въ 1483 г. изданъ первый глаголитскій служебникъ и затѣмъ глаголитскій алфавитъ получилъ большое распространеніе. Глаголицы держались Пражскіе Бенедиктинцы (до 1436 г.). Съ половины XVIII в. глаголица стала клониться къ упадку, а въ 1819 г. Славянскій служебникъ отпечатанъ въ Фіуме уже Латинскимъ алфавитомъ. Нынѣ существуетъ глаголицкая каѳедра только въ семинаріи Задрской; занимающій эту каѳедру Янъ Берчичъ составилъ глаголитскую грамматику. Глаголицею написанъ Винодольскій статутъ 1280 г., статутъ острова Керка 1388 г. и нѣсколько другихъ. Глаголицею писана лѣтопись попа Дуклянскаго, извѣстная, впрочемъ, только въ Латинскомъ переводѣ Марка Марули, Дубровницкаго поэта XVI вѣка (Regum Dalmatiae et Croatiae gesta). Буквица — была только кое въ чемъ видоизмѣненная кириллица. Она употреблялась въ Босніи и Далмато-Хорватскомъ краѣ и имѣла бо́льшій кругъ примѣненія, чѣмъ глаголица. Буквицею писанъ Полицкій статутъ (рукопись XVI в.), Наука премудраго Акира, Легенда о св. Катеринѣ, поэта Матв. Дивковича изъ Босніи († 1631 г.). Кириллица, глаголица и буквица важны были потому, что содѣйствовали сохраненію Славянской народности и общенію южныхъ Славянъ съ восточными.

Новое изданіе Болгарскихъ народныхъ пѣсенъ. Недавно Каницъ издалъ «Donau-Bulgarien und der Balkan» [1]). Конст. Иречекъ въ Прагѣ издаетъ обширную исторію Болгаріи подъ заглавіемъ: «Děje narodu Bulharskiego». Въ Вѣнѣ, въ прошломъ году, вышелъ томъ «Пѣсенъ Болгарскихъ» подлинный текстъ съ переводомъ Огюста Дозона. Пѣсни эти не представляютъ ничего общаго съ тѣми, которыя помѣщены въ «Ведѣ Болгарской» Верковича, ибо они записаны не у Родопскихъ горъ, а въ части Болгаріи, смежной съ Сербіей. Тутъ много пѣсенъ разбойничьихъ и пастушескихъ; много

---

[1]) Переводъ одной главы изъ этого сочиненія Каница, см. ниже, въ отдѣлѣ третьемъ. *Ред.*

также любовныхъ и бытовыхъ. Въ разбойничьихъ пѣсняхъ разсказывается, между прочимъ, кáкъ смѣлыя женщины-воеводки Мича, Сирма, Бояна ведутъ гайдуковъ въ ущелья Балкановъ, кáкъ прекрасная Пенка наканунѣ своей свадьбы одѣваетъ мужскую одежду, беретъ мечъ и ружье, садится на коня и спѣшитъ въ горы, съ цѣлью добыть подарки для дружекъ и сватовъ. Печально, однако, представляется здѣсь судьба женщины. Горемычная жена жалуется въ пѣснѣ, что мужъ запрягаетъ ее въ плугъ и погоняетъ кнутомъ, заставляя ее работать, пока отдохнутъ утомленные волы. Въ другой пѣснѣ молодая жена, предвидя, что мужъ собирается продать ее на базарѣ, старается убѣдить его, что холодный металлъ не замѣнитъ для него ея любящаго сердца.—Одна пѣсня о молодомъ Кончѣ, вопреки волѣ матери помолвившемъ прекрасную Павунку, чрезвычайно близко напоминаетъ малороссійскую пѣсню: «Не ходы, Грицю, на вэчорныци». Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ вѣетъ духъ Греческой идилліи, какъ, напр., въ той, гдѣ описывается споръ дѣвицы съ соловьемъ. Въ нѣсколькихъ замѣчаемъ веселый юморъ, выражающійся въ фантастической формѣ, напримѣръ, въ пѣснѣ, изображающей споръ комара съ мухой. Во введеніи, предпосланномъ сборнику, Дозонъ, между прочимъ, сравниваетъ поэзію трехъ смежныхъ народовъ: Болгаръ, Сербовъ и Ново-Грековъ. Въ Сербской поэзіи, по его мнѣнію, преобладаетъ эпичность, въ Ново-Греческой—драматизмъ; Болгарская, занимая середину между ними, составляетъ какъ бы ихъ синтезъ.

Новый трудъ: „Введеніе въ исторію Славянской литературы“. Въ пѣсняхъ Славянскихъ народовъ, рядомъ съ событіями и фактами недавняго прошлаго, хранятся слѣды сѣдой старины. Для ознакомленія съ этою стариной представляетъ хорошее пособіе «Einleitung in die slavische Literaturgeschichte und Darstellung ihrer älteren Perioden von Dr. Gregor Krek, Professor der slavischen Philologie und Literatur an der Universität Gratz. Erster Theil. Einleitung in die slavische Literaturgeschichte. Gratz. 1874. Verlag von Leuschner und Lubensky», 8°, VIII, 336. Авторъ, желая составить исторію литературы Славянъ въ древнѣйшую эпоху ихъ жизни, считаетъ нужнымъ подготовить себѣ выполненіе этой задачи обработкою свѣдѣній о первобытно-политическомъ и гражданскомъ бытѣ Славянъ, чтò и составляетъ содержаніе его «Введенія». Оно дѣлится на двѣ книги. Первая книга содержитъ въ себѣ важнѣйшія свѣдѣнія о языкѣ, судьбахъ и степени развитія древнихъ Славянъ, добытыя изъ лингвистической палеонтологіи и изъ древнихъ писателей. Примѣненіе лингвистическихъ изслѣдованій къ разъясненію первобытной, такъ называемой доисторической эпохи жизни человѣчества, а также къ разъясненію раздѣленія Арійской вѣтви на отдѣльные народы, равно какъ и результаты такого примѣненія, достигнутые въ половинѣ настоящаго столѣтія, авторъ излагаетъ въ трехъ послѣдовательныхъ отдѣлахъ 1-й книги. Въ 1-мъ отдѣлѣ авторъ говоритъ о Славянахъ, какъ вѣтви племени, пріурочиваемаго къ Арійской прародинѣ. Тутъ занимательно изображены общія черты жизни Арійцевъ, дается представленіе о мѣстѣ ихъ жительства, языкѣ, культурѣ, обычаяхъ, семейной, общественной и интеллектуальной жизни. Во 2-мъ отдѣлѣ, носящемъ заголовокъ: «Славяне по отдѣленіи ихъ отъ общаго Арійскаго корня»,—говоря о выдѣленіи Славянъ изъ общей Арійской семьи, авторъ изображаетъ раздѣленіе древнихъ Арійцевъ на отдѣльныя племена. Арійцы, по

теоріи, которой держится авторъ, распались на восточныхъ и западныхъ; отъ восточныхъ пошли Иранскіе и Индійскіе народы, отъ западныхъ произошли группы Литовско-Славянско-Нѣмецкая и Греко-Итало-Кельтская, которыя затѣмъ, съ теченіемъ времени, раздробились на отдѣльные народы, играющіе болѣе или менѣе видную роль въ Европейской исторіи. При этомъ авторъ знакомитъ читателя и съ другими теоріями происхожденія Арійскихъ языковъ, напр., съ теоріею Іоганна Шмидта, изложенной въ его «Die Verwandschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen». (Weimar. 1872). Въ отдѣлѣ 3-мъ идетъ рѣчь о Славянахъ, по раздѣленіи ихъ на отдѣльные народы. Тутъ авторъ говоритъ: а) о распаденіи общей пра-Славянской рѣчи на отдѣльные языки. Изъ общаго языка прежде всего выдѣлились двѣ вѣтви: сѣверо-восточно-южная и западная. Отъ этой послѣдней раньше другихъ выдѣлилось нарѣчіе по-Лабское, а затѣмъ Сербо-Лужицкое, Чешское и Польское. Первая выдѣлила изъ себя нарѣчіе сѣверо-восточное, т. е. велико — и мало-Русское, и южное, которое съ теченіемъ времени распалось на Болгарско-Словенское и Сербо-Хорватское нарѣчія, или на языки: Болгарскій, Словенскій и Сербскій. Затѣмъ, б) авторъ сообщаетъ географико-историческія свѣдѣнія о Славянахъ, дѣлая при этомъ критическій разборъ письменныхъ памятниковъ. Наконецъ, в) авторъ изображаетъ культуру и обычаи древнихъ Славянъ; тутъ, на основаніи иностранныхъ писателей, даетъ любопытное изображеніе характера Славянъ, ихъ занятій, семейной и общественной жизни, религіозныхъ и нравственныхъ понятій. Свѣдѣніями о письмѣ древнихъ Славянъ авторъ заключаетъ первую книгу своего «Введенія». Вторая книга озаглавливается: «Общія замѣчанія объ устной Славянской литературѣ и отношеніе ея къ исторіи культуры и къ миѳологіи». Устную словесность Славянъ авторъ разсматриваетъ съ ея формальной и реальной стороны. Отсюда вторая книга дѣлится на двѣ части. Первая часть разсуждаетъ о формальной сторонѣ устной словесности Славянъ,—въ частности: 1) о языкѣ и 2) обычаяхъ Славянъ; тутъ авторъ даетъ объясненіе значенія и происхожденія многихъ Славянскихъ реченій и разныхъ древнихъ Славянскихъ обрядовъ. Во второй части авторъ занимается реальною стороною устной словесности. Тутъ довольно связно разсматриваются: 1) народныя Славянскія сказки и повѣсти, 2) присловья, суевѣрія, заклинанія и загадки, и 3) пѣсни.—«Введеніе» г. Крека отличается какъ строго научнымъ методомъ, такъ и ясностью и полнотою изложенія и заслуживаетъ перевода на Русскій языкъ.

Проектъ Энциклопедіи Польскихъ древностей. Извѣстный Польскій писатель, плодовитѣйшій изъ авторовъ, I. I. Крашевскій напечаталъ въ Краковѣ «Projekt Encyklopedii Starożytności Polskich» (т. е. Проектъ Энциклопедіи Польскихъ древностей). «Проектъ» этотъ занимаетъ 39 печатныхъ страницъ. Въ началѣ его авторъ говоритъ: «Всѣ мы чувствуемъ, что переживаемъ переходное время, эпоху перелома, когда натискъ новыхъ идей разрываетъ нити, связывающія насъ съ прошедшимъ, хоронитъ преданія, уничтожаетъ слѣды пережитаго; всѣ мы убѣждены также, полагаю, въ томъ, что истинное и здоровое движеніе впередъ, къ новой жизни можетъ развиваться согласно съ природою народнаго духа только на основѣ пережитаго. Достояніе прошлаго, работа десяти вѣковъ—не могутъ и не должны пропасть безслѣдно. Мы, изъ устъ отцевъ почерпнувшіе свѣдѣнія о нашемъ еще жи-

вомъ прошломъ, обязаны завѣщать память о немъ нашимъ потомкамъ». Такъ начинаетъ Крашевскій свой «Проектъ». Этотъ «Проектъ» вызванъ приглашеніемъ, полученнымъ Крашевскимъ отъ проф. Лепковскаго, къ участію въ изданіи «Словаря» Польскихъ древностей. Крашевскій предпосылаетъ своему проекту «Энциклопедіи» обширное введеніе, гдѣ обстоятельно разсматриваетъ данный предметъ и заканчиваетъ спискомъ реченій, занимающимъ тринадцать листовъ въ два столбца. К. Вл. Войцицкій, сочувственно разсуждая объ этомъ проектѣ въ іюньской книжкѣ «Варшавской Библіотеки» за 1875 годъ, указываетъ на разницу между Энциклопедіей и Словаремъ и предлагаетъ совмѣстить въ проектируемомъ изданіи форму энциклопедичную со словарною, такъ-чтобы оно давало не свѣдѣнія о Польскихъ древностяхъ отрывочныя, а возможно связныя, и, въ тоже время, было удобно для справокъ. Указывая всю трудность предпріятія, Войцицкій выражаетъ надежду, что для выполненія его найдется достаточно силъ, тѣмъ болѣе, что Польскія древности уже хорошо разработаны въ трудахъ Луки Голембёвскаго (Lud polski, Ubiory, Domy i Dwory, Gry i Zabawy), Андр. Морачевскаго (Starożytności Polskie. Poznań. 2 t.), I. Бандтке, Суровецкаго. Амвр. Грабовскаго, Сиг. Глогера, Ал. Пржездзецкаго, Эд. Раставецкаго, въ изданіяхъ Карла Байера, С. Оргельбранда (Encyklopedja powszechna въ 28 том.), Нѣсецкаго (Herbarz), Линде (Словарь), К. Эстрейхера (Bibliografia Polska) и много другихъ. Археологическая коммиссія Краковской академіи наукъ приняла проектъ Крашевскаго и приглашаетъ компетентныхъ людей къ участію въ изданіи «Энциклопедіи Польскихъ древностей». Съ своей стороны, мы можемъ выразить только полнѣйшее сочувствіе предпріятію Польскихъ ученыхъ и пожелать ему полнаго успѣха. Если какая отрасль знанія разработывается Поляками, то именно отечественная исторія; если чѣмъ особенно дорожатъ они, то своимъ прошлымъ, своею древностью. Чѣмъ серьёзнѣе они будутъ ее изучать, тѣмъ болѣе выиграетъ ихъ національное и Славянское самосознаніе, и тѣмъ лучше, надо надѣяться, они съумѣютъ помирить завѣты минувшей десяти-вѣковой жизни своей съ задачами исторической жизни Славянскихъ народовъ въ настоящемъ.

Этнографическое изслѣдованіе Оскара Кольберга о Краковякахъ Отличный матеріалъ для «Энциклопедіи Польскихъ древностей» (см. выше), даетъ Оскаръ Кольбергъ въ своемъ сочиненіи «Lud. Jego zwyczaje, sposób życia, mowa, podania, przysłowia, obrzędy, gusła, zabawy, pieśni, muzyka i tańce. Przedstawił Oskar Kolberg, członek kor. akademii umiejętności w Krakowie, oraz towarzystw naukowych w Paryżu, Petersburgu i muzycznego we Lwowie. Serya VIII, z rycinami i drzeworytami wedle rysunku W. Gersona, Tadeusza Konopki i fotografii Rzewuskiego. Krakowskie. Część czwarta: Powieści, Przysłowia i Język; wydana z pomocą funduszu księcia Jerzego Romana Lubomirskiego pod zarządem akademii umiejętności w Krakowie. Kraków. W drukarni Dr. L. Gumplowicza, 1875. in 8-vo, VII, 368». Изъ этого длиннаго заглавія видимъ, что Кольбергъ одному Краковскому краю посвятилъ четыре части своего объемистаго историко-этнографическаго изслѣдованія. Въ настоящемъ, четвертомъ томѣ, авторъ разсматриваетъ народные обычаи, бытъ, рѣчь, преданія, поговорки, обряды, суевѣрные обычаи, забавы, пѣсни, музыку и танцы. Однихъ чисто народныхъ поговорокъ и пословицъ собрано авторомъ 1080 въ предѣлахъ Краковскаго княжества; по

этому можно судить объ обстоятельности и добросовѣстности его труда. Разсмотривая рѣчь Краковяковъ, авторъ даетъ словарикъ мало-употребительныхъ выраженій, а также прозвища, даваемыя людямъ по извѣстнымъ качествамъ, дѣйствіямъ или обстоятельствамъ, равно и родовыя прозванія поселянъ 77-ми селъ и деревень Краковской земли. Въ окрестностяхъ Кракова и только въ трехъ деревняхъ авторомъ записано 190 повѣстей. Матеріалъ весьма богатый, но, очевидно, еще неполный.

Латино-Польскій словарь реченій Магдебургскаго права. Чисто археологическій интересъ имѣетъ изданный Сигизмундомъ Целиховскимъ «Słowniczek Lacinsko-Polski wyrazów prawa Magdeburskiego z wieku XV, przedruk homograficzny z kodeksu Kórnickiego objaśnił Dr. Zygm. Celichowski. Poznań. Nakladem biblioteki Kórnickiej», 1875. (in 8-vo, 16 стр. текста и 12 стр. снимк.). Въ Курникской библіотекѣ хранится древній кодексъ Магдебургскаго права, очень важный для изученія древняго Польскаго законодательства: въ немъ содержится также одно изъ древнѣйшихъ толкованій Вислицкаго статута. Извѣстный польскій палеографъ Ант. Малецкій относитъ рукопись этого кодекса къ 1460 году. Собственникъ Курникской библіотеки, гр. Ив. Дзялынскій велѣлъ гомографически отпечатать этотъ кодексъ и помѣщенный въ немъ «Словарикъ Латино-Польскій выраженій Магдебургскаго права». С. Целиховскій, объяснивъ и снабдивъ предисловіемъ этотъ словарикъ, издалъ его. Онъ содержитъ 180 реченій и выраженій, расположенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ. Для сравненія и поясненія самого словарика, авторъ при нѣкоторыхъ реченіяхъ даетъ параллельныя формы, взятыя изъ другихъ источниковъ. Къ словарику приложено объявленіе, что скоро выйдутъ въ гомографической перепечаткѣ слѣдующіе памятники древности: 1) Prawa Polskie wykladane przez «Mystrza y doctora Swanthosława Swoczyesszyna», а также «Xanschanth Mazoweskych przez Maczieja z Rozana», по кодексу, писанному przez Mykolaya Suleda (съ Пулавской пергаменной рукописи 1449 и 1450 г.); 2) Statut Wiślicki въ Польскомъ переводѣ съ Курникской рукописи 1460 г.; 3) Psalterz królowéj Jadwigi съ Порыцко-Пулавской рукописи.

Черты общественной жизни въ современной Чехіи. Въ «Газетѣ Польской» Адольфъ Сморчевскій помѣстилъ весьма интересныя письма о Чехіи, изъ которыхъ мы дѣлаемъ извлеченіе. Опоясанная цѣпью горъ, возвышающихся со всѣхъ сторонъ, въ качествѣ природной ограды, земля Чеховъ занимаетъ лежащую между ними долину въ 120 квадр. миль; тутъ, по берегамъ Лабы (Эльбы), сосредоточивается свеклосахарная промышленность, требующая обширныхъ свекловичныхъ полей, доведенныхъ образцовою обработкою до высшей степени плодородія. Надъ обширною при-Лабскою (при-Эльбскою) плоскостью, со стороны Баваріи, господствуетъ на протяженіи 500 квадр. миль большая возвышенность, прорѣзанная глубокими оврагами, среди которыхъ текутъ быстрыя рѣки; онѣ питаютъ величественную Лабу, но часто опустошаютъ свои собственныя узкія побережья. Самый главный притокъ Лабы съ этой стороны—Молдава (Влтава), въ своемъ длинномъ и извилистомъ теченіи собирающая воду со всей лѣсистой Шумавы, изобилующей ключами. Съ Молдавою сливается непостоянная Берунка, производящая великія опустошенія. Прага, Будѣевичи, Пильзно служатъ центрами жизни, развившейся по Молдавѣ и Берункѣ. Въ этихъ трехъ большихъ городахъ соеди-

няются силы и трудъ обширныхъ фабрично-земледѣльческихъ округовъ, отличающихся рѣзкими признаками. Долины правыхъ притоковъ Лабы—Сазавы, Изеры и Орлицы, по границѣ Моравской и Силезской, составляютъ отдѣльные подгорные мірки. Отдѣленный отъ Берунки цѣпью лѣсистыхъ горъ, паралельно ей пробивается сквозь высоты Эгеръ, лѣвый притокъ Лабы, ближайшій къ Саксоніи; въ извивахъ его долины ютятся космополитическіе притоны, славные цѣлебными водами, какъ Теплицъ, Эгеръ, Франценсбадъ, Карлсбадъ. Эти городы сильно онѣмечены. Зато на многочисленныхъ отлогостяхъ той же возвышенности гнѣздятся десятки истинно-Чешскихъ городовъ, стоющихъ нашего вниманія. Изъ нихъ и сосѣднихъ деревень безпрерывно притекаетъ къ большимъ центрамъ страны оживляющая народная сила и выносливый, мужественный духъ, отличающій Чешскій народъ. Изъ небольшихъ горныхъ рѣчекъ составляется величавая Лаба. Подобно этому, Славянская Прага питается постояннымъ притокомъ способныхъ людей, приносящихъ изъ своихъ родимыхъ горъ и долинъ крѣпкую рѣшимость споспѣшествовать своимъ трудомъ и энергіей усиленію Славянскаго начала и Чешской народности, чтобы придать ей надлежащее значеніе. Возстановленіе Славянскаго начала въ Чехіи и въ ея столицѣ, Прагѣ, явилось результатомъ усилій одного поколѣнія. До сихъ поръ живетъ еще нѣсколько человѣкъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ умственномъ движеніи, изъ котораго возникло обновленіе Чешскаго народа. Тридцать лѣтъ назадъ, въ Чехіи безраздѣльно господствовалъ Нѣмецкій языкъ. Дѣти слышали его въ школахъ, онъ же царилъ въ канцеляріяхъ, поглощавшихъ почти всю Чешскую интелигенцію. Потомки старой Чешской шляхты жили въ гордомъ уединеніи, преданные Вѣнскимъ министрамъ и устраняясь отъ родичей. Мѣщане старались уподобляться Нѣмцамъ, а запуганный поселянинъ во всѣхъ Нѣмцахъ видѣлъ господъ, а въ Нѣмецкомъ языкѣ — нѣчто высшее, ведущее къ свѣту и почестямъ. Но вдругъ среди Славянъ повѣялъ новый духъ. «Дщерь славы» Кóларя явилась первою вѣстницею народнаго пробужденія. Съ радостью и торжествомъ встрѣчена была случайно открытая Краледворская рукопись, повѣствующая о побѣдахъ надъ Нѣмцами Забоя и Славоя. Вѣнскіе чиновники не знали чтò думать о пробудившейся въ Чехахъ любви къ археологіи. Въ литературныхъ кружкахъ въ Прагѣ и въ другихъ Чешскихъ городахъ появлялись подражанія древне-Славянской поэзіи, велись оживленные споры объ образѣ и особенностяхъ начертанія открытой рукописи, о новоизмышленныхъ Чешскихъ выраженіяхъ, Закоренѣлый пуристъ Неѣдлый предавалъ анаѳемѣ Юнгмана за то, что онъ не признавалъ неизмѣняемости Чешской рѣчи, на подобіе Латинской или Греческой, и дѣлалъ нововведенія. Юнгманъ, ссылаясь на примѣръ Мильтона, доказалъ, что Чешская рѣчь, если развить ее этимологически и усовершенствовать на строгихъ лингвистическихъ основаніяхъ, обогатится и будетъ удовлетворять новымъ потребностямъ выраженія мысли, не отступая отъ Славянскихъ корней, количество которыхъ очень обильно. Прежде всего, нашелъ Юнгманъ сочувственный отзывъ на свои выводы въ средѣ молодежи въ университетѣ и духовныхъ семинаріяхъ. Опираясь на высокое покровительство архіепископа Пражскаго, князя Вацлава Хлумчанскаго, который гордился происхожденіемъ отъ древней Чешской фамиліи, Юнгманъ имѣлъ возможность свободно развить свою систему возсозданія и усовершенія род-

ной рѣчи. Одновременно съ этимъ, основаніе гр. Штернбергомъ Чешскаго музея, какъ хранилища памятниковъ народной жизни, и изданіе сообразно съ этимъ новыхъ сочиненій иждивеніемъ ученаго товарищества, сблизило и сдружило обособленныхъ работниковъ науки и повело къ возсозданію цѣлой чешской общественности. Рѣшено—по-Чешски говорить, пѣть, давать возможно болѣе любительскихъ спектаклей на Чешскомъ языкѣ, съ цѣлью фактически освободить Чешскую мысль отъ Нѣмецкихъ путъ. На это поприще выступило множество дѣятелей, съ твердою увѣренностью въ успѣхѣ. Всѣ воодушевились желаніемъ замѣнить иноземщину твореніями на родномъ языкѣ, въ убѣжденіи, что Чешская мысль, сбросивъ съ себя чуждыя формы и облекшись въ собственную одежду, явится въ новомъ блескѣ и силѣ. Побѣда давалась не легко. Страна была насквозь пропитана чужеземщиной, и Нѣмецкій языкъ былъ единственнымъ, принятымъ въ обществѣ. Съ цѣлью поднять значеніе Чешскаго языка и доказать способность его къ изящной отдѣлкѣ, были заведены въ одномъ Чешскомъ кружкѣ общія Бесѣды, сопровождаемыя такъ-называемымъ вѣночкомъ, т. е. танцами съ пѣснями и небольшими сценическими представленіями. Первая такая Бесѣда состоялась въ заговины въ 1835 году. Нанято было подходящее помѣщеніе въ столовой и смежныхъ комнатахъ упраздненнаго Пражскаго монастыря оо. Каетановъ, приглашенъ былъ ближайшій ресторáторъ и все устроено чрезвычайно удобно и дешево. Кто былъ знакомъ съ семействами, гдѣ имѣлись дѣвицы — любительницы танцевъ, долженъ былъ пустить въ ходъ все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить родителей, что дѣти ихъ найдутъ удовольствіе въ общей Бесѣдѣ. Комитетъ, завѣдывавшій устройствомъ Бесѣды, превзошелъ свои ожиданія. Весело загремѣла музыка; собрались профессоры; ученые съ увлеченіемъ пустились въ плясъ. Только трудновато было разговориться. Дѣвицы прикидывались непонимающими по-Чешски, и молодежь, на попытки говорить съ ними возсозданнымъ усиліями ученыхъ языкомъ, слышала отвѣтъ: «ich nicht böhmisch kennen»,—это значило, что дѣвицы не хотѣли унижаться до холопской рѣчи. Но живая полька, бойкая четверилька (родъ кадриля), ученыя па и ловкіе Чешскіе разговоры въ нарочно для этого придуманномъ танцѣ—взяли верхъ, и Нѣмецкій вальсъ eins, zwei, drei палъ во мнѣніи дѣвицъ. Веселый хоровый напѣвъ привлекъ обладательницъ пріятныхъ голосковъ, а любительскій театръ заманилъ тѣхъ, которыя чувствовали, что, въ роли Любуши или Ванды; въ краснорѣчивыхъ монологахъ или діалогахъ, онѣ явятся еще прекраснѣе и вызовутъ удивленіе и рукоплесканія молодежи. Люди старшаго возраста пользовались въ общей Бесѣдѣ почтительнымъ вниманіемъ. Естественно, поэтому, что внушительный кругъ родителей отозвался съ похвалой объ ужинѣ, приготовленномъ со вкусомъ и знаніемъ дѣла. Молодые хозяева Бесѣды предупреждали желанія, развлекали веселымъ разговоромъ, оказывали почтеніе возрасту и сану. Лица важныхъ гофратовъ и осторожныхъ купцовъ разрумянились. Почтенныя совѣтницы и жены отставныхъ капитановъ и маіоровъ находили, что молодежь, играющая въ чехизмъ, рекомендуетъ себя съ лучшей стороны и отлично устроиваетъ забавы. Скоро Бесѣды распространились по всему среднему кругу въ городахъ и селахъ. Возникли сотни и тысячи подобныхъ кружковъ, которые мало-по-малу не только прониклись идеальными стремленіями ученыхъ руководителей Чешскаго общества, но стали колыбелью экономическаго развитія, поднявшаго

Чешское населеніе надъ Нѣмецкимъ наплывомъ. Для разъясненія этого, довольно сказать, что, благодаря общимъ Бесѣдамъ, возникло до шестисотъ ссудныхъ кассъ съ оборотомъ въ 400 милліоновъ гульденовъ. Въ общія Бесѣды собираются люди, болѣе или менѣе сходные между собою по воспитанію и привычкамъ, такъ-что каждый чувствуетъ себя здѣсь свободно и хорошо. Имя Бесѣдъ стало моднымъ и въ настоящее время наивысшая Чешская аристократія, какъ фамиліи Шварценберговъ, Рогановъ, Кроц, Турнтаксисовъ, Ностицовъ, Лебедуровъ, принадлежатъ къ Пражской католической Бесѣдѣ. Президентъ этой Бесѣды гр. Шёнборнъ, а вицепрезидентъ Гарлахъ, каноникъ Вышеградскаго капитула. Болѣе серьёзный характеръ Чешскія Бесѣды получаютъ съ 1848, но особенно развиваются съ 1867. По силѣ закона 15 ноября, всякое общество изъ обывателей страны имѣетъ право на существованіе въ качествѣ законной корпораціи, если только дѣятельность его не нарушаетъ программы, представленной ближайшему начальству и одобренной управленіемъ намѣстника. § 6 гласитъ: «если намѣстничество не наложитъ, втеченіе 4-хъ недѣль, мотивированнаго veto, корпорація признана законною». Отдѣльныя Бесѣды, запасшись надлежащими, утвержденными правительствомъ, уставами, стали группироваться въ общихъ бесѣдныхъ домахъ. Новоустрояющіяся Бесѣды, обыкновенно нанимаютъ скромное помѣщеніе и, основывая одновременно съ тѣмъ ссудосберегательную кассу, дожидаются пока накопленіе въ ней процентовъ дастъ возможность пріобрѣсти мѣсто и выстроить на немъ домъ, или пріобрѣсть готовое зданіе для Бесѣды. Кассы принимаютъ вклады изъ 6% и дѣлаютъ ссуды изъ 8%; при большомъ оборотѣ, 2% прибыли скоро даютъ возможность накопить значительный капиталъ. Самая молодая Пражская католическая Бесѣда, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ существованія, имѣетъ годичный оборотъ въ 5 мил. гульденовъ, и пріобрѣла себѣ домъ въ 140 тыс. гульд., гдѣ помѣщается Бесѣда, съ ея конторою и христіанскій музей (въ немъ выставляются и продаются художественныя произведенія, проникнутыя христіанскимъ духомъ). Древнѣйшая изъ Пражскихъ Бесѣдъ, такъ-называемая мѣщанская, владѣетъ громаднымъ домомъ съ двумя дворами, множествомъ разнаго рода помѣщеній, имѣетъ подъ своею крышею двѣ ссудосберегательныя кассы, пѣвческое общество Глаголъ и артистическую (umielecka) Бесѣду. Садъ при домѣ мѣщанской Бесѣды окруженъ галереею, обросшею вьющимся виноградомъ; она раздѣлена на отдѣльные, открытые съ фронта кабинеты, которые служатъ лѣтними столовыми для близкихъ между собою семействъ. Два раза въ недѣлю здѣсь собираются многочисленные посѣтители, слушаютъ отличную музыку, играющую въ эти дни, и весело ужинаютъ среди вьющейся зелени. Въ непогоду и зимою собираются во внутреннихъ помѣщеніяхъ; тутъ же устроиваются концерты и танцовальные вечеры, одинъ разъ въ недѣлю. Во время карнавала устроиваются многочисленные костюмированные балы. Газовое освѣщеніе въ залахъ и саду стоитъ 2,400 гульденовъ въ годъ. Каждое семейство вноситъ ежегодно плату только въ 10 гульденовъ. Кушанье дешевле, чѣмъ въ ресторанахъ, а комитетъ внимательно наблюдаетъ за доброкачественностью припасовъ. Слѣдуетъ еще вспомнить о Бесѣдѣ въ городѣ Тржебонѣ, на границѣ Австрійскаго эрцгерцогства. Имѣя только около 10,000 жителей, оно помѣстило свою ссудосберегательную кассу въ старомъ полуразвалившемся зданіи надъ городскими воротами, гдѣ передъ тѣмъ водились

однѣ совы. Черезъ восемь лѣтъ, благодаря кассѣ, настолько улучшились въ этой мѣстности ремёсла и земледѣліе, что Бесѣда на свои прибыли соорудила большій двухъ-этажный домъ, въ которомъ помѣщается и любительскій театръ. Существуютъ Чешскія Бесѣды и въ Вѣнѣ, и въ другихъ городахъ, сильно способствуя охраненію и развитію Чешской національности среди Нѣмецкаго населенія.

Бесѣды оказали благотворное вліяніе и на низшій классъ населенія, особенно на поселянъ, собирающихся на Пражскихъ базарахъ. Послѣ трудовъ и страды, простонародье собиралосье въ пивныя и корчмы, окружающія базарную площадь, и тамъ, по примѣру Нѣмцевъ, усаживалось около столиковъ, разговаривая въ полголоса о своихъ дѣлахъ. Выслужившіеся резервисты, побывавшіе въ Венеціи и Италіи, также собирались здѣсь, подъ хмѣлькомъ безобразно гнуся Нѣмецкія солдатскія пѣсни. Съ вызывающимъ видомъ расхаживали эти молодцы между столиками, наступая на ноги боязливымъ парнямъ и нагло заглядывая въ глаза стыдливымъ дѣвицамъ. Нѣмецкая пѣсня, казарменныя ухватки, вальсъ съ присѣданіемъ, да трубки въ зубахъ—вотъ обычныя примѣты этихъ бывалыхъ кавалеровъ. Теперь же, при Бесѣдахъ, подобныя явленія почти немыслимы: нахалы получаютъ отпоръ со стороны мѣщанъ, и довольно серьёзный.

Карлъ Либельтъ. 9 іюля 1875 года, 68 лѣтъ отъ рода, скончался извѣстный Польскій писатель Карлъ Либельтъ. Эта недюжинная личность вполнѣ заслуживаетъ упоминанія на страницахъ «Славянскаго Сборника». Свѣдѣнія о немъ заимствуемъ изъ «Газеты Польской». Карлъ Либельтъ родился въ 1807 году въ Познани; окончивъ тамъ гимназическій курсъ, онъ отправился продолжать свое образованіе въ Берлинъ, куда его, наравнѣ съ другими ровесниками, влекла громкая въ ту пору извѣстность Гегеля. Умственное и нравственное развитіе Либельта совершилось подъ сильнымъ вліяніемъ романтизма. Въ Польшѣ, на литературномъ горизонтѣ сіяли новыя романтическія свѣтила, покоряя себѣ всѣ молодые умы, жаждущіе знанія, жизни и движенія впередъ. Разнообразіе и своеобразіе творцовъ новой поэзіи придавало этой послѣдней такую силу, какой раньше того нельзя было и предчувствовать, а ихъ даровитость сообщала ей могущественное вліяніе. Отъ тихихъ и ласкающихъ звуковъ Веслава до могучихъ и страстныхъ тоновъ Конрада Валенрода и Каневскаго Замка—поэзія раздавалась сильнымъ и стройнымъ хоромъ. Кто имѣлъ счастье быть юношей въ это десятилѣтіе (1818—1828 г.), тотъ всякій годъ могъ зачитываться все новыми и новыми образцами творческаго вдохновенія въ глубоко-прочувствованныхъ поэтическихъ произведеніяхъ, выходившихъ изъ-подъ пера Бродзинскаго, Фредро, Мицкевича, Залѣскаго, Гощинскаго. (Пусть читатель вспомнитъ соотвѣтствующую эпоху русской жизни). Духъ раскрывался быстро, фантазія росла и достигала исполинскаго развитія, облекая каждую мысль въ эстетическій конкретный образъ. Теперь мы едва въ состояніи вообразить себѣ то движеніе, горячность, энтузіазмъ, которыми волновался въ ту пору каждый болѣе способный юноша, чувствующій избытокъ силъ. И если въ этомъ движеніи было много преувеличеннаго, много безполезнаго шума, много противныхъ разуму фантазій, то эти недостатки оказались только впослѣдствіи, а между тѣмъ, пока, молодежь съ избыткомъ упивалась изъ живительнаго ключа чувства и фантазіи. Въ тоже время за границей, въ

Берлинѣ, взошла звѣзда Гегеля, который, въ 1818 — 1831 г.г., уловлялъ въ свои діалектическія сѣти юношество со всѣхъ образованныхъ странъ Европы. Онъ не отличался плавностью и изяществомъ изложенія, но могучій духъ, сила убѣжденія и послѣдовательность логическихъ выводовъ приковывали къ его каѳедрѣ вниманіе слушателей и возбуждали въ нихъ сильную любовь къ его выводамъ и взглядамъ. И хотя его направленіе могло казаться противнымъ направленію романтической поэзіи, противопоставляя господство ума господству чувства, провозглашаемому романтизмомъ, тѣмъ не менѣе въ его системѣ были такіе пункты, которые какъ разъ соотвѣтствовали широкому размаху фантазіи въ романтической поэзіи. Такова была, прежде всего, эта безусловная вѣра въ мощь нашего духа, претендующаго понять, разгадать, даже создать все въ мірѣ. Съ этою вѣрою вполнѣ гармонировала мысль Польскаго поэта: «мѣряй силу предпріятіемъ, а не предпріятіе силою»; и Гегель самоувѣренно думалъ, что о природѣ слѣдуетъ судить не по явленіямъ природы, а по философіи. Богъ, природа, всеобщая исторія, всякая вѣтвь человѣческаго знанія—находили у Гегеля послѣднее, безусловное, абсолютное разъясненіе, добытое не путемъ мелочныхъ и копотливыхъ изслѣдованій надъ каждою изъ этихъ наукъ, но силою индивидуальнаго мышленія, опирающагося на діалектическій методъ. Сдѣлаться господиномъ міра черезъ познаніе его путемъ своихъ индивидуальныхъ взглядовъ, которымъ не трудно было усвоить титулъ абсолютныхъ, — развѣ это не заманчивая и не увлекательная вещь? Вотъ откуда происходило глубокое и горячее почтеніе къ автору столь чудесной науки, которая давала ключъ для рѣшенія каждой, хотя бы самой запутанной загадки! Мало кто осмѣливался тогда противорѣчить Берлинскому царю мысли, и молодежь въ каждое его слово вѣрила, какъ въ святыню. Присоединимъ къ этому поэтическую мысль соединенія и совокупленія всѣхъ явленій Божьяго міра, жизни природы и человѣка въ исполинскомъ развитіи абсолютной идеи, и мы будемъ имѣть нѣкоторый намёкъ на то, чѣмъ завлекала философія Гегеля сильные умы. Либельтъ былъ однимъ изъ тѣхъ счастливцевъ, которые слышали слова божественной науки изъ устъ самого ея учителя. Одаренный живымъ чувствомъ, могучею фантазіею и необыкновеннымъ умомъ, Либельтъ проникся Гегелевскою наукою и, черезъ два года по вступленіи въ университетъ, въ 1829 г. написалъ разсужденіе на степень доктора «О пантеизмѣ въ философіи», гдѣ старался оправдать отъ обвиненія въ матеріальномъ пониманіи всебожества не только философію Гегеля, но и Спинозы. Это разсужденіе, кромѣ степени доктора, удостоилось золотой медали. Въ томъ же году молодый философъ познакомился съ Мицкевичемъ, который въ это время проѣзжалъ черезъ Берлинъ и велъ съ нимъ споры, защищая свою любимую науку, къ которой Мицкевичъ еще и тогда чувствовалъ нерасположеніе и отвращеніе. Объ этомъ передаетъ Цибульскій въ своихъ «Чтеніяхъ о Польской поэзіи» (т. I, стр. 211 — 215), но въ слишкомъ общихъ чертахъ, такъ-что изъ его словъ нельзя видѣть философской точки зрѣнія обоихъ противниковъ. Вскорѣ затѣмъ, въ томъ же году, Либельтъ, въ видахъ ознакомленія со свѣтомъ и расширенія своихъ знаній, посѣтилъ Парижъ. Затѣмъ, поселившись въ Олейнѣ, въ Средскомъ повѣтѣ, женился на дѣвицѣ Шуманъ и (до 1840 г.) предался земледѣльческимъ занятіямъ, перемѣшивалъ ихъ отъ времени до времени съ литературными работами, которыя помѣщалъ въ «Литератур-

номъ Еженедѣльникѣ» (Tygodnik literacki). Кромѣ разсужденія «Филологія, философія и математика», въ которомъ очерчены взаимное отношеніе этихъ наукъ и значеніе ихъ въ нашемъ образованіи, стóитъ еще вниманія то обстоятельство, что Либельтъ первый обратилъ вниманіе на Нѣмецкія сочиненія извѣстнаго Польскаго философа Бронислава Трентовскаго (1837 и 1840 г.) и, хотя и непрямо, содѣйствовалъ тому, что онъ сталъ писать по-Польски. Въ 1840 году, онъ поселился въ Познани, основалъ частный пансіонъ и широко развернулъ свою литературную дѣятельность. Рѣдко можно встрѣтить человѣка, преданнаго наукѣ, который бы съ такимъ жаромъ и умѣньемъ занимался публицистикой, въ видахъ важности и необходимости популяризаціи, какъ Либельтъ. Въ это именно время, о которомъ мы говоримъ, онъ поставлялъ статьи въ «Домашній Дневникъ» и «Годъ», которые самъ редактировалъ, въ «Ходатай» (Orędownik), «Варшавскую Библіотеку», «Варшавское научное обозрѣніе» и другіе. Количество помѣщенныхъ въ этихъ изданіяхъ статей было такъ велико, что позже, именно въ 1849 и до 1860 г., изъ нихъ составилось 6 томовъ «Мелкихъ сочиненій». Между ними особеннаго вниманія заслуживаютъ статьи: «О воспитаніи народовъ», «Объ исторической миссіи народовъ», «Мысль, слово и дѣло (философская рѣчь о проявленіи духа въ фактической дѣйствительности)», «Разборъ чтеній А. Мицкевича во Французской коллегіи» и большое число другихъ. Рядомъ съ публицистическою дѣятельностью и педагогическими занятіями, плодомъ коихъ явилось «Изложеніе математики для школъ» (Познань, 1844 г. 2 тома) Либельтъ въ 1841 г. составилъ рядъ чтеній объ эстетикѣ и Нѣмецкой литературѣ. Въ эстетикѣ, какъ сознаётся самъ Либельтъ и какъ можно убѣдиться изъ отрывка его чтеній, напечатаннаго въ «Варшавской Библіотекѣ» 1842 г., онъ слѣдовалъ еще за Гегелемъ, превосходя его достоинствами изложенія. Въ «Чтеніяхъ о Нѣмецкой литературѣ» авторъ доказывалъ упадокъ поэзіи въ Германіи, указывая на то, что тогда тамъ не было ни одного истиннаго поэта. Отсюда онъ заключалъ, безъ сомнѣнія—очень поспѣшно, что источникъ въ Германіи изсякъ и никогда ужь не явится вновь, что, вмѣсто него, далѣе, на Востокѣ, явились свѣжіе и лучшіе ея источники. Тутъ мы видимъ начало того умственнаго переворота, который стремился уничтожить неограниченное господство Нѣмецкой философіи, тутъ есть уже слѣды убѣжденія, что пальма духовнаго первенства должна перейти въ руки Славянъ. Таково было необходимое требованіе духовнаго развитія Либельта и времени, въ которое онъ жилъ. По смерти Гегеля (въ 1831), ученики его раздѣлились на три партіи, и каждая изъ нихъ считала себя представительницею истиннаго гегеліянства; между тѣмъ, со стороны начались нападки на неприступныя, повидимому, позиціи Берлинскаго философа,— стали указывать недостатки въ діалектическомъ построеніи міра и невозможность примиренія философскихъ выводовъ съ признанною религіею. Твердость и опредѣленность убѣжденій стала колебаться и затемняться; начинался хаосъ самыхъ разнородныхъ понятій. Мысли, направленныя къ примиренію и соединенію разрозненныхъ учениковъ, не находили отклика въ ихъ душѣ, каждый хотѣлъ своеобразнымъ путемъ дойти до первопричины сущаго. Самовластіе разума, выразившись въ системѣ Гегеля, начинало терять почву изъ-подъ ногъ и должно было кончиться умственнымъ банкротствомъ. Въ дѣлѣ потрясенія духовнаго могущества Гегеля приняли уча-

стіе и Польскіе философы. Первый возсталъ противъ прославленнаго философа Трентовскій, требуя для пренебреженной матеріи равныхъ правъ съ духомъ, затѣмъ Цѣшковскій выступилъ противъ ученика Гегеля Мишле съ защитою личности Бога и безсмертія души,—двухъ идей, ставшихъ камнемъ преткновенія для сторонниковъ Гегеля. Мицкевичъ вмѣшался въ борьбу, въ качествѣ защитника чувства.—Елеонора Земенцкая и Стан. Холоневскій, какъ вѣрные исповѣдники католичества. И хотя масса Польской молодежи, недавно познакомившейся съ Гегелемъ, не могла еще бросить его и бороться противъ него, но главныя и вліятельныя въ наукѣ и литературѣ личности уже начинали видѣть прорѣхи въ столь сильной, повидимому, системѣ. Она не была еще совершенно уничтожена и существуетъ въ измѣненномъ видѣ и до сихъ поръ, но уже не имѣла того волшебнаго обаянія, какъ 15 лѣтъ назадъ. Между тѣмъ Польская литература развивалась все болѣе и болѣе. Между прочимъ, тогда возникъ мистицизмъ, предсказываніе будущаго, соединенное со стремленіемъ дѣятельно осуществить предсказываемое. Одни ограничивались предѣлами народности, другіе же мечтали о соединеніи всѣхъ Славянскихъ народовъ. На Германію стали смотрѣть, какъ на страну прошлаго, омертвѣлую, а молодая Славянщина казалась вожделѣнною вѣстницею будущаго. Кругозоръ надежды расширялся и разъяснялся. Среди такихъ обстоятельствъ Либельтъ выступилъ съ первымъ философскимъ трудомъ болѣе обширныхъ размѣровъ и издалъ въ 1845 г. первый томъ «Философіи и критики», въ которомъ нападалъ на неограниченное господство разума и опредѣлялъ «признаки Славянской философіи». Чѣмъ была «Польская литература XIX вѣка» Маврикія Мохнацкаго по отношенію къ развитію Польской поэзіи, тѣмъ было названное сочиненіе Либельта въ отношеніи къ развитію Польской философіи. Значеніе его до сихъ поръ не оцѣнено достаточно. Либельтъ, показавъ несостоятельность разума въ вопросѣ о личности Бога и безсмертія души, и показавъ, что чистый разумъ не исчерпываетъ собою дѣятельности нашего духа,—представилъ послѣдніе результаты идеализма въ системахъ Картезія, Спинозы, Лейбница, Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля и его школы, доказывая, что, въ концѣ концовъ, они подкопываютъ основы религіи и народности, и предсказывая, что таже участь ожидаетъ и политику. Это пагубное вліяніе идеализма служитъ мостомъ, по которому Либельтъ переходитъ къ характеристикѣ Славянской философіи, останавливаясь на философахъ и публицистахъ, составляющихъ переходъ къ ней.—Изъ разсматриванія Славянскаго характера Либельтъ выводитъ свой «Декалогъ или десять заповѣдей» народной философіи. Вотъ эти заповѣди: 1) Въ началахъ своихъ Славянская философія не должна отрицать единства міра видимаго съ невидимымъ міромъ, сообразно съ народными понятіями Славянъ; напротивъ, связь этихъ двухъ міровъ должна служить основою. 2) Отвергнувъ самовластіе разума, слѣдуетъ поставить наравнѣ съ нимъ внутреннее непосредственное постиженіе правды. 3) Духъ слѣдуетъ понимать въ смыслѣ личности. 4) Существо духа должно состоять въ жизни, дѣятельности и дѣйствительности. 5) Нѣтъ мѣста никакому дуализму: зло уступаетъ передъ добромъ, темнота передъ свѣтомъ. 6) Всякое добро матеріальное происходитъ отъ Бога, а не отъ людей. Въ этомъ заключается облагороженіе матеріи и преображеніе частной собственности въ Божій даръ (ленъ), полученный человѣчествомъ отъ Бога. 7) Братство

всѣхъ единицъ, составляющихъ народъ, основывается на единствѣ Божественной мысли, представляемой народомъ; соціальная разница между людьми, или іерархія, основывается на возможности заслугъ единичныхъ лицъ въ осуществленіи Божественной мысли. 8) Власть есть Божественная мысль, воплотившаяся въ личность въ видахъ возможности своего осуществленія. 9) Религія Христа есть религія Славянская. Однако, это—религія прогресса; этимъ она отличается отъ доселѣшняго окаменѣвшаго католицизма. 10) Наука и въ особенности философія до сихъ поръ была схоластическою, отнынѣ должна сдѣлаться популярною, соединяясь съ Божьею мыслію, живущею въ людяхъ, и развивая ее въ дѣятельности. Это «Десятословіе» Либельта Викентій Поль назвалъ «поворотнымъ пунктомъ въ исторіи Польской философіи».— Опредѣливъ такимъ образомъ значеніе Нѣмецкой философіи и задачу Славянской, Либельтъ разсматриваетъ творенія Польскихъ философовъ: Цѣшковскаго, Трентовскаго, автора «Философіи матеріальной экономіи человѣческаго общества», Бохвица, Кроликовскаго, Вронскаго и Букатаго, показывая превосходство ихъ въ пониманіи самыхъ высшихъ проблемъ человѣчества передъ всѣми Нѣмецкими философами (?). Затѣмъ авторъ останавливается надъ значеніемъ мистицизма въ философіи и разбираетъ поэмы Красинскаго, курсы литературы Мицкевича и «Бесѣды» Товянскаго. Полагая въ основу Славянской философіи объединеніе видимаго и невидимаго міровъ, разума съ созерцаніемъ или постиженіемъ, авторъ придаетъ большое значеніе этимъ мистическимъ произведеніямъ Польской литературы, хотя и относится со строгою критикою къ мистическимъ крайностямъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, Тышинскій, идя по слѣдамъ Либельта, вновь разсмотрѣлъ произведенія Польскихъ философовъ, судя объ ихъ достоинствѣ съ точки зрѣнія католичества; при этомъ о трудахъ Либельта онъ сдѣлалъ снисходительный отзывъ, считая ихъ написанными поспѣшно и, быть можетъ, даже «непросмотрѣнными». Въ 1849 г. появился первый томъ «Эстетики», а въ 1850 г. два тома «Системы умозрительной философіи» (Systemu umnictwa). Слѣдующіе два тома эстетики появились въ 1853 г., а въ 1852 г. явилось собраніе очерковъ меньшей важности подъ заглавіемъ «Humor i Prawda». (Настроеніе духа и Правда). Держась въ этихъ сочиненіяхъ Гегелевскаго метода, въ содержаніи ихъ авторъ отклоняется отъ Берлинскаго философа, сообразно съ требованіями своего «Десятословія». Затѣмъ, до самаго 1866 г. Либельтъ замолкъ, не выступая съ новыми сочиненіями по философіи. Причина этого молчанія Либельта, равно какъ двухъ современныхъ ему философовъ: Трентовскаго и Кремера, заключалась въ наступившей реакціи противъ спекулятивной философіи, въ недостаткѣ вниманія къ ней со стороны общества. Въ 1866 г. Либельтъ опять появляется на литературномъ поприщѣ, съ новымъ характеромъ. Времена перемѣнились. Труды Дарвина, Бокля, Конта произвели броженіе въ умахъ, стремившихся все измѣнить и преобразовать до основанія. Настало господство реализма въ искусствѣ, наукѣ и жизни. Это движеніе дошло и до Польскаго общества. Либельтъ отнесся къ этому движенію довольно сочувственно. Хотя онъ самъ и не сталъ реалистомъ, но слѣдовалъ за духомъ времени и оправдывалъ его стремленія. Въ 1866 г. во Львовѣ онъ выступилъ съ публичнымъ чтеніемъ «Два брата Снядецкіе». Въ 1868 г., на публичномъ чтеніи во Львовѣ, онъ выразился, что «пора покончить съ мечтаніями и основать науку на реальной основѣ». Около этого

времени появилась его статьи: «Союзъ капитала и труда», «О кометахъ и падающихъ звѣздахъ», «Доисторическій человѣкъ», «Научныя общества». Послѣднимъ трудомъ Либельта было изданіе «Пантеона человѣческаго знанія» Трентовскаго. Онъ также сильно хлопоталъ объ установленіи однообразной Польской ороографіи и, въ качествѣ предсѣдателя Познанскаго Общества Любителей Просвѣщенія, содѣйствовалъ ороографическому съѣзду.

О современномъ состояніи языковѣдѣнія у Поляковъ. Въ первой книгѣ «Извѣстій Казанскаго Университета» за 1876 г. профессоръ того же университета И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ, сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о современномъ состояніи языковѣдѣнія въ Краковскомъ университетѣ и Краковской академіи наукъ. Ученый авторъ почерпалъ свои свѣдѣнія на мѣстѣ, изъ первыхъ источниковъ, проведши около мѣсяца въ Краковѣ, во время своей командировки за границу въ 1872 году. Заключеніе, выведенное г. Бодуэномъ-де-Куртенэ о состояніи языкознанія у Поляковъ, слѣдующее: у нихъ «новой, строго-научной лигвистики, можно сказать, нѣтъ; есть только отдѣльныя, весьма рѣдкія, попытки усвоить эту науку, но и онѣ, по большей части, искажены желаніемъ удовлетворить чисто мѣстнымъ, національнымъ потребностямъ и гоненіемъ (т. е. гоньбою, погонею) за національною оригинальностью». Единственнымъ представителемъ языковѣдѣнія въ Краковѣ, во время посѣщенія авторомъ этого города, былъ Генрихъ Сухецкій, б. профессоръ Ягеллонской вшехницы (т. е. университета) и Краковскаго ученаго Общества. Сухецкій занимался тогда въ университетѣ 1) теоріею и системою спряженій, 2) объясненіемъ Краледворской рукописи въ филологическомъ отношеніи и 3) исправленіемъ погрѣшностей въ Польскомъ литературномъ языкѣ. Чтенія по двумъ первымъ предметамъ «посѣщались двумя, много—тремя слушателями, и только послѣдній предметъ, практическій, привлекалъ въ аудиторію профессора до 20 студентовъ. Это зависѣло какъ отъ сухости и невнимательности чтеній Сухецкаго, такъ и отъ общаго равнодушія Краковскихъ студентовъ не только къ языковѣдѣнію, но и ко всякой теоріи вообще. Что касается печатныхъ трудовъ Сухецкаго, то въ фонетической части его изслѣдованій есть, по мнѣнію Бодуэна, довольно мѣткія замѣчанія, но, къ сожалѣнію, они не всегда отличаются надлежащею объективностью. Лучшій отдѣлъ трудовъ Сухецкаго составляютъ сочиненія, посвященныя синтаксису; но и здѣсь онъ грѣшитъ педантизмомъ, дробленіемъ и излишнимъ категорированіемъ. Сухецкій «имѣлъ только весьма смутное понятіе о генетическомъ разсмотриваніи языка»; «онъ не признавалъ такъ-называемыхъ вторичныхъ звуковыхъ процессовъ, равно какъ и аналогіи и вообще вторичнаго безсознательнаго обобщенія». Между прочимъ, по мнѣнію Сухецкаго, Польскія kark, targ и т. п., по отношенію къ коренному гласному, древнѣе, нежели соотвѣтствующія имъ старо-Славянскія кръкъ, тръгъ и т. д. Въ своихъ изслѣдованіяхъ языка Сухецкій хлопочетъ не о правильномъ теоретическомъ выводѣ, а исключительно о практическомъ примѣненіи свѣдѣній по исторіи языка къ правописанію, синтаксису и т. п. Въ связи съ этими замѣчаніями о состояніи языковѣдѣнія у Краковскихъ ученыхъ, г. Бодуэнъ-де-Куртенэ сообщаетъ свѣдѣнія о Микоржинскихъ камняхъ надгробныхъ, найденныхъ въ 1855 г. въ дер. Микоржинѣ въ Познани, и покрытыхъ какими-то надписями, которыя были провозглашены Славянскими рунами и сильно волновали Польскихъ ученыхъ. Составлялась

даже особая Рунографическая коммиссія. Предсѣдатель ея г. Лепковскій обратился къ г. Бодуэну съ просьбою изслѣдовать эти надписи со стороны языка. Авторъ, послѣ изученія начертаній на Микоржинскихъ камняхъ, пришелъ къ совершенно отрицательному результату, т. е. положительно отвергъ подлинность этихъ рунъ и призналъ ихъ поддѣлкою, составленною съ цѣлью одурачить «почтенныхъ, но легковѣрныхъ ученыхъ». Замѣчанія г. Бодуэна по поводу противорѣчивыхъ и произвольныхъ объясненій и толкованій этихъ начертаній Польскими учеными отличаются ѣдкою ироніею и безпощаднымъ изобличеніемъ лингвистическаго невѣжества. Вотъ чтенія одной надписи разными изслѣдователями:

1) Пржиборовскій: Prowe sbir k' bel (t. j. bel bog; Prowe (bóstwo);—sbir= zwir (по Лелевелю), t. j. wszechswiat; bel=biały, zam. bel bog);

2) Лелевель: Zbir k' bel Prove (=zbór, zebranie ku wielkiemu Prowe; «Jestto tedy obraz ludu, podnoszącego symbol powszechnego zebrania»):

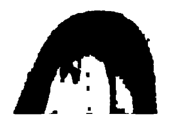
3) Цыбульскій: Smir kmet Prowe (Pojednanie kmieci Prowe).

4) К. Рогавскій: Smir Prowe cezt (Pokój! Prowemu cześć);

5) Петрушевичъ: Smir kmet Prowe (смьр кмет=скончался кметъ);

6) Пржездзецкій: Smir kmetu Prowe (Paix au serviteur de Prowe) или: Smir—kmet—Prowe.

Весьма курьёзны объясненія этой предполагаемой надписи, дѣлаемыя поименованными учеными. Такъ, напр., Лелевель мнимое слово bel объясняетъ въ смыслѣ великій, отъ корня боль въ словѣ большой. «Самое любопытное въ этой исторіи то—замѣчаетъ авторъ—что всѣ эти господа думаютъ, что въ старо-Польскомъ или же старо-по-Лабскомъ языкѣ не было вовсе измѣненій именъ, и что для выраженія всѣхъ надежей употреблялась форма именительнаго. Иначе нельзя объяснить глубокомысленнаго предположенія, что безобразный конгломератъ буквъ Sbir k bel Prowe означаетъ «собраніе къ великому Прову» и т. п. Стало быть, Славянскіе языки до XII ст. стояли на болѣе поздней степени развитія, нежели стоятъ въ настоящее время, такъ какъ въ настоящее время они обладаютъ еще чутьемъ склоняемыхъ формъ». Вотъ чтенія второй надписи: 1) Sbir. woin. bogdan. luawoi. s. 2) Boch. dan. sl. na woi (Boże daj siłę na wojnę: 3) Svir Bog Odin Voin Lutuoi: 4) Smir woin s. l. na woi Bohdan (Przymierze wojownikow. Słowian Lachów na wojnę. pod wodzą Bohdana: и т. п. По поводу чтенія Boch. авторъ замѣчаетъ: «Почтенные наивные чтецы, неимѣющіе понятія объ исторической послѣдовательности звуковъ въ языкахъ вообще. а въ Славянскихъ въ особенности, относясь къ лингвистическимъ вопросамъ хозяйственнымъ образомъ, думали, что это именно будетъ признакомъ великой древности надписи, если найдутъ въ ней Boh, а не Bog»; между тѣмъ «до XII ст. ни въ одномъ Славянскомъ языкѣ не было еще h, а вездѣ только g».—«А что это за смѣлость, ни на что неозирающаяся въ комплексѣ буквъ, соотвѣтствующихъ-де Латинскимъ sl, видѣть слово siła»! «Ничего же нѣтъ прелестнѣе, какъ въ буквѣ s видѣть Słowian, въ l—Lachów и т. п. «Я не кончилъ бы—говоритъ авторъ,—еслибы хотѣлъ исчислять всѣ безсмыслицы, свойственныя чтеніямъ такъ-называемыхъ руническихъ надписей на Микоржинскихъ камняхъ».

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Этнографическій очеркъ Болгаръ.

(Глава изъ сочиненія Ф. Каница «Дунайская Болгарія») [1].

Борьба за существованіе въ области этнографіи.—Германизація Лужицкихъ Сербовъ.—Переселеніе Фино-Болгаръ. — Различныя мнѣнія о ихъ происхожденіи. — Фино-Болгарское нарѣчіе и письменность.—Государственныя, соціальныя и религіозныя отношенія Фино-Болгаръ.—Принятіе христіанства.—Кириллица.—Поселенія древне-Болгарскихъ Славянскихъ племенъ.—Теперешнее распространеніе Болгаръ.—Территоріальныя уступки враждебнымъ элементамъ.—Выселенія.—Этнографическая карта.—Статистика.—Этнологическія замѣтки.—Старо- и ново-Болгарскій языкъ.—Его сходство съ Великорусскимъ и Сербскимъ.—Народная одежда.—Костюмы и образъ жизни Болгарскихъ горожанъ.—Загородныя удовольствія.—Пляски, пѣсни и музыка.—Болгарская женщина.—Домъ и дворъ.—Гостепріимство.—Наклонность къ комфорту—. Различное положеніе женщины у Болгаръ и Сербовъ.—Мнѣніе о характерѣ Болгаръ.—Пробужденіе національнаго чувства.—Равенство состояній.—Занятія.—Вліяніе Турецкаго хозяйничанья на прилежаніе и трудъ.—Климатъ.—Полеводство.—Скотоводство.—Промыслы.—Художественная талантливость въ мастерствахъ.—Недостатокъ образовательныхъ стремленій.—Поддержка со стороны Русскихъ и ихъ стремленія.—Народное воспитаніе.—Суевѣрія.—Праздники и посты.—Новогодніе поздравленія.—«Попова коледа».—Крещенскіе обряды.—«Бабинъ день».—Сырная недѣля.—«Чистый Понедѣльникъ».—«Өедорова Суббота».—«Баба Марта».—Почитаніе змѣй.—Великіе посты.—«Лазаревъ день».—Вербное воскресенье.—Великій Четвертокъ.—Пасха.—Георгіевъ день.—1 Мая.—«Пеперудо-рудоле».—Праздникъ «самовилъ» (фей).—Праздникъ на солнцеворотъ (Ивановъ день).—Горячіе дни.—Успеніе Пресв. Богородицы.—Димитровъ день.—Волчьи праздники.—Андреевъ день.—Игнатьевъ день.—Рождество.—Сильвестровъ день.—Новый годъ.—Праздники Святыхъ.—Несчастные дни.—Обряды и обычаи при рожденіи, крещеніи, обрученіи, свадьбѣ, вдовствѣ и смерти.—Поминовеніе умершихъ.—Вампиры.—Духи «таласами».—Вѣдьмы.—Духи источниковъ.—Духи хранители.—Лѣшіе.—Наклонность къ мистицизму.—Печальное вліяніе монастырей.—Просвѣтительныя стремленія юной Болгаріи.

Съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ народы, этнографическая область представляетъ картину постоянной борьбы за существованіе, въ которой національности поглощаются другими высшими, какъ въ духовномъ, такъ и въ физическомъ отношеніяхъ.

---

[1]) «Donau-Bulgarien und der Balkan. Historisch-geographisch-ethnographische Reisestudien aus den Jahren 1860—1875. 1 Band, Mit 20 Illustrationen im Texte, 10 Tafeln, einem Gebirgsprofil und einer Karte, von F. Kanitz. Leipzig. 1875».—Каницъ, въ позапрошломъ году издавшій столь-же подробное описаніе Сербіи, можетъ быть названъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ юго-Славянскаго міра. По политическимъ убѣжденіямъ, онъ—Австро-Венгерскій патріотъ, и естественно, что въ глазахъ его Дунайскіе Славяне составляютъ неизбѣжную добычу дуалистической имперіи, которая должна заранѣе подготовить и себя, и ее къ мирному политическому сліянію, можетъ быть, въ очень недалекомъ будущемъ. Извѣстно, что Каницъ поддерживалъ

Въ Америкѣ, Австраліи и даже въ Европѣ, уже на нашихъ глазахъ, этому продолжительному процессу перерожденія или уничтоженія подверглись многочисленныя слабѣйшія племена. Они поднимаются еще изъ враждебной, поглощающей ихъ стихіи, подобно островамъ, оставшимся на мѣстѣ исчезнувшихъ материковъ. Но гибель ихъ неизбѣжна: грозныя и враждебныя волны неустанно подмываютъ ихъ берега, и скоро только одно преданіе будетъ гласить о ихъ быломъ существованіи. Подобнаго рода явленіе представляютъ Лужицкіе Сербы, которые неотвратимо и быстро идутъ къ германизаціи, не смотря на всѣ попытки разными внѣшними искусственными мѣрами продолжить ихъ существованіе.

Но, съ другой стороны, исторія знаетъ и такіе народы, которые, какъ завоеватели, покорили себѣ обширныя земли, и, не смотря на то, впродолженіе немногихъ вѣковъ были сами поглощены покореннымъ туземнымъ элементомъ, такъ что, не будь лѣтописей,— едва-ли бы сохранилось о нихъ какое либо воспоминаніе.

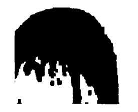
Къ такимъ народностямъ, исчезнувшимъ съ историческаго поприща и такъ много занимавшимъ филологовъ и этнографовъ, принадлежатъ и Фино-Уральскіе Болгары, переброшенные народными волненіями изъ Азіи въ Европу.

Выходцы съ побережьевъ Волги, Болгары, овладѣвъ правымъ Мизійскимъ берегомъ Дуная, нашли тамъ Славянскія племена, населявшія земли вверхъ отъ Добруджи, къ западу до Савы. Дикіе завоеватели смѣшались со Славянами, занимавшимися земледѣліемъ и скотоводствомъ и, усвоивъ ихъ языкъ, религію и нравы, совершенно утратили отличительныя черты своего собственнаго національнаго характера, такъ что, уже къ концу IX столѣтія, побѣдители и побѣжденные составили одинъ народъ, получившій отъ покоренныхъ свой индивидуальный отпечатокъ, отъ завоевателей же— названіе «Болгары», сохранившееся и донынѣ.

Этотъ любопытный процессъ слiянія двухъ народностей, вполнѣ разнородныхъ по племени, по происхожденію и по нравамъ, совершился въ такое удивительно-короткое [1]) время, что, вопреки всѣмъ неопровержимымъ историческимъ свидѣтельствамъ, многіе

соединеніе Австро-Венгріи съ Турецко-Славянскими землями желѣзно-дорожною сѣтью.... Этимъ Австро-Венгерскимъ патріотизмомъ и этими стремленіями объясняется русофобство, которое весьма рѣзко просвѣчивается во всѣхъ его трудахъ, и въ предлагаемой читателямъ главѣ, и, можетъ быть, даже въ нерасположеніи къ Болгарскимъ «попамъ» и монахамъ, которыхъ онъ клеймитъ повально упреками въ невѣжествѣ и своекорыстіи. Но, не смотря на эти недостатки, нашему изслѣдователю нельзя отказать въ наблюдательности и даже въ своего рода сочувствіи къ Юго-Славянскимъ племенамъ. Это сочувствіе понятно въ серьезномъ наблюдателѣ, который не могъ не замѣтить въ ихъ простомъ, подавленномъ тяжкими вліяніями, бытѣ сильные задатки умственнаго и общественнаго развитія. *Переводчица.*

[1]) Вотъ это-то «удивительно короткое» время и есть одно изъ важныхъ доказательствъ Славянскаго происхожденія Болгаръ, о чемъ въ нашей исторической наукѣ имѣется превосходное изслѣдованіе Д. И. Иловайскаго. Оно уже вторично вошло въ составъ недавно изданныхъ (въ Москвѣ, 1876) «Разысканій о началѣ Руси»—того же автора. *Ред.*

изслѣдователи не хотятъ признать за Волжскими Болгарами Финскаго происхожденія, а считаютъ ихъ за Славянъ. Въ томъ, что Волжскіе Болгары безспорно Финнскаго происхожденія—едва-ли можно сомнѣваться, послѣ неопровержимыхъ выводовъ Шафарика и Миклошича, которыхъ едва-ли кто заподозритъ въ анти-Славянскомъ направленіи. Въ самомъ дѣлѣ: именно, въ этомъ смыслѣ Шафарикъ вполнѣ опровергъ своихъ предшественниковъ, равно какъ и мнѣніе, основанное на Никифорѣ Григорѣ, что Болгары получили будто-бы свое названіе отъ рѣки Волги, ибо и другія, дошедшія до насъ названія Фино-Уральскихъ народовъ, показываютъ связь съ gari, guri [2]) и т. д., какъ напр. Ungari, Uturguri [3]) и пр. Такимъ образомъ, мы признаёмъ въ нынѣшнихъ Болгарахъ (Болгаръ въ единственномъ числѣ, Болгаре—во множественномъ) Славянское племя, которое, двѣнадцать столѣтій назадъ, смѣшалось съ своими Азіатскими поработителями, приняло отъ нихъ очень малую долю Финнской крови и унаслѣдовало ихъ имя. Этотъ фактъ не представляетъ самъ по себѣ ничего необыкновеннаго. Онъ повторялся часто въ жизни народовъ. Вспомнимъ только совершенно аналогическія явленія въ Сѣверной Италіи, Россіи, Франціи и т. д.

Фино-Уральскіе Болгары не оставили по себѣ ни какихъ письменныхъ памятниковъ на своемъ родномъ языкѣ. Пока еще держался ихъ языкъ, они не были, какъ кажется, знакомы съ искусствомъ письма. Даже послы ихъ къ Византійскому двору, какъ свидѣтельствуетъ Прокопій, только устно отправляли порученія своихъ князей. Немногія реченія въ нынѣшнемъ Болгарскомъ языкѣ да еще сохранившіяся у Греческихъ лѣтописцевъ имена князей и бояръ первой Фино-Болгарской эпохи (VII-ое и X-ое столѣтія), каковы, напр., имена [4]) вождей: Котрагъ, Аспарухъ, Умаръ, Крумъ, Борисъ и др., далѣе—названія нѣкоторыхъ мѣстностей, напр.: Болгаръ, Челматъ, Брагимъ и др.,—все это, вмѣстѣ взятое, представляетъ филологамъ немногіе исходные пункты къ изъясненію происхожденія тѣхъ Фино-Болгаръ, которые, по историческимъ изслѣдованіямъ Шафарика, жили до своего переселенія на дальнемъ сѣверѣ, между Славянами и Финами.

Профессоръ Рёсслеръ [5]), опираясь на рядъ иноязычныхъ словъ въ нынѣшнемъ Румынскомъ (Валахскомъ) языкѣ, причисляетъ Финскихъ Болгаръ къ Самоѣдскому племени. Но, вопреки ему, другой филологъ, профессоръ Фридрихъ Миллеръ [6]) высказывается такимъ образомъ: «при недостаточности извѣстнаго теперь запаса словъ изъ Финскихъ нарѣчій, мы считаемъ пока этотъ вопросъ неподлежащимъ обсужденію».

Но если нельзя опредѣлить вполнѣ ясно настоящую колыбель

[2]) О значеніи этихъ окончаній см. у Д. И. Иловайскаго («Разысканія», стр. 349—350). *Ред.*
[3]) Объ Утургурахъ и Кутургурахъ см. тамъ же, 351—359. *Ред.*
[4]) Ibid., стр. 389—394. *Ред.* [5]) «Romänische Studien» 1871, стр. 259.
[6]) «Allgemeine Ethnographie», 1873, стр. 352.

выходцевъ съ Волги—Болгаръ, то, съ другой стороны, почти несомнѣнно, что языческіе Болгары, на пути къ Дунаю, и всего вѣроятнѣе въ VIII столѣтіи, обратились къ исламу и его учрежденіямъ. По отношенію къ Волжскимъ Болгарамъ, это неопровержимо доказано Френомъ [1]); что же касается Болгаръ Дунайскихъ, то у нихъ язычество было, по меньшей мѣрѣ, сильно перепутано съ исламскою обрядностью. Доказательствомъ тому служитъ въ высшей степени важный памятникъ, почти единственный, по которому можно составить, хотя и отрывочное, понятіе о нравахъ, складѣ ума и жизни и о нѣкоторомъ государственномъ устройствѣ Финно-Уральскихъ Болгаръ. Это—«Вопросы», предложенные по дѣламъ вѣры Болгарами въ 866 году Римскому папѣ, которые, въ своемъ первоначальномъ видѣ, обнародованы въ «Acta Conciliorum» (V), вмѣстѣ съ отвѣтами, данными на нихъ папою Николаемъ I.

Оставляя въ сторонѣ чисто-религіозные вопросы, я постараюсь свести и собрать въ одно цѣлое самое важное и интересное относительно князей, государства, войны, правосудія и нравовъ Финно-Дунайскихъ Болгаръ.

Вопросы, предложенные папѣ, свидѣтельствуютъ довольно ясно и опредѣленно о томъ, что Болгарскіе князья управляли почти неограниченно. Отъ окружающихъ они отдѣляли себя строгимъ церемоніаломъ и тѣмъ возвышали значеніе своего достоинства. «Когда нашъ государь (гласитъ одинъ вопросъ), сообразно съ обычаемъ, садится въ свое кресло за обѣденный столъ, то никто не садится съ нимъ рядомъ, даже и супруга его; мы же всѣ сидимъ и ѣдимъ на полу. Какъ поступать въ такомъ случаѣ?» Папа отвѣчалъ: «это не относится къ церковнымъ дѣламъ; впрочемъ, этотъ обычай нехорошъ». Слѣдующій вопросъ «какъ надо поступать съ тѣмъ, кто возстанетъ противъ повелителя» показываетъ, съ другой стороны, что вельможи часто пытались сломить суровую власть кагана.

Измѣна отечеству считалась однимъ изъ самыхъ тяжкихъ преступленій. Это доказываютъ вопросы: «какъ надо судить свободнаго человѣка, который будетъ пойманъ въ бѣгствѣ изъ отечества»? Затѣмъ: «по нашему обычаю, на рубежѣ нашей земли содержится постоянная стража, и если бы рабъ или свободный вздумалъ бѣжать за рубежъ, то стража предаетъ его немедленной смерти. Что думаете вы объ этомъ?» Любовь къ родинѣ свѣтится въ вопросѣ: «Можно ли убитыхъ на войнѣ, если того пожелаютъ ихъ родственники или знакомые, предавать землѣ на ихъ родинѣ?»

Военные законы были крайне строги. На это указываютъ вопросы: «У насъ въ обычаѣ, что передъ битвой государь поручаетъ мужу, испытанной вѣрности и опытности, осматривать оружія, лошадей и все нужное для битвы. Если у кого найдется что̀ въ безпорядкѣ, тотъ подлежитъ смертной казни. Что̀ дѣлать въ такомъ случаѣ»? Дальше: «какъ надо поступать съ тѣмъ, кто обра-

[1]) «Mém. de l' Académie de St. Pétersbourg», sér. VI., t. I.

тится въ бѣгство передъ битвой, или кто, получивъ приказъ о выступленіи въ походъ, окажетъ неповиновеніе»? Болгары носили въ битвахъ вмѣсто знамени лошадиный хвостъ,—папа совѣтывалъ замѣнить его крестомъ. Передъ битвой были въ обычаѣ заклинанія, пѣсни и толкованія разныхъ предзнаменованій, послѣ чего слѣдовало уже нападеніе.

Болгары, кромѣ правилъ насчетъ ихъ отношеній къ сосѣднимъ христіанскимъ и языческимъ народамъ, насчетъ войны и мира, требовали также отъ папы и мірскихъ распорядковъ. Вопросы, поставленные ими по этимъ дѣламъ, показываютъ, что уже въ то время у нихъ былъ сильно развитъ юридическій смыслъ. Они спрашиваютъ: какъ судить отцеубійцу? какъ судить невольнаго убійцу? какъ судить того, кто ранилъ или убилъ кого нибудь въ пьяномъ видѣ? Какъ судить того, кто оскопилъ кого нибудь? кто похитилъ тайно мужчину или женщину? кого застали съ чужою женой? кто уличенъ въ кровосмѣшеніи? Какъ поступить съ женщиной, которая злоумышляетъ противъ мужчины, говоритъ или поступаетъ скверно? Какъ поступать со лживыми обвинителями? Что дѣлать съ тѣмъ, кто совершитъ смертный грѣхъ? Или съ тѣмъ преступникомъ, который будетъ искать убѣжища въ церкви?—Отвѣты папы постоянно стремятся смягчить правосудіе, потомучто обычаи Болгаръ были крайне жестоки. «Если поймаютъ вора или другого какого либо преступника, и онъ не сознается въ винѣ, то, по нашему обычаю, судья бьетъ его палкой по головѣ и колетъ желѣзною спицею въ бокъ, до тѣхъ поръ, пока тотъ не сознается. Что дѣлать въ такомъ случаѣ? Папа отвѣчалъ: «этотъ обычай надо совсѣмъ искоренить; сознаніе должно быть добровольное».

Если не раньше, то, во всякомъ случаѣ, вмѣстѣ съ вліяніемъ магометанства, появилась у Болгаръ и наклонность къ многоженству. Они спрашиваютъ папу: надо-ли имѣть двухъ женъ? Какую степень родства надо наблюдать при вступленіи въ бракъ? Нужно ли по прежнему положенію давать въ приданое за женщиной золото, серебро, воловъ и лошадей?

Что рабство было въ обычаѣ у Финскихъ Болгаръ, это доказываютъ вопросы: какъ поступать съ рабомъ, который станетъ злословить своего господина, убѣжитъ отъ него, но снова добровольно къ нему возвратится? и т. д.

Клятвы произносились надъ мечемъ, который втыкали въ землю передъ присягавшимъ. «Чѣмъ надо клясться?» спрашиваютъ они папу.—«Богомъ и Евангеліемъ», отвѣчалъ папа Николай I.

Такое глубокое смѣшеніе язычества съ магометанствомъ дѣлало ихъ обращеніе въ христіанство нелегкою задачею для проповѣдниковъ, посылавшихся къ нимъ изъ Рима и Византіи (гл. I, IV). Только послѣ продолжительной борьбы христіанство получило къ нимъ доступъ. Вмѣстѣ съ нимъ Болгары, уже въ IX столѣтіи, почти совершенно слившіеся съ мѣстнымъ Славянскимъ населеніемъ, получили и Кирилловскую азбуку, взамѣнъ скудныхъ письменныхъ знаковъ, состоявшихъ изъ черточекъ, зарубокъ, Римскихъ

и Греческихъ буквъ, и съ тѣхъ поръ Славянскій языкъ становится общимъ письменнымъ языкомъ Болгаръ.

***

Шафарикъ, заслуженный славистъ, которому мы обязаны многими разъясненіями насчетъ переселенія и мѣста жительства древнихъ Славянъ, даетъ намъ въ своихъ замѣчательныхъ ученыхъ изслѣдованіяхъ нѣсколько разрозненныхъ данныхъ о разселеніяхъ древне-Славянскихъ Болгарскихъ племенъ *). Дополнить и разработать въ большихъ размѣрахъ эти данныя—составилобы благодарную задачу для изслѣдователей-славистовъ. Можетъ быть, она и будетъ рѣшена въ скоромъ времени юными Болгарскими историками. По дошедшимъ до насъ скуднымъ и разрозненнымъ даннымъ очень трудно сдѣлать что̀-нибудь, кромѣ поверхностнаго топографическаго очерка разселенія древне-Славянскихъ Болгарскихъ племенъ, къ которому мы и приступимъ.

Какъ кажется, вся восточная половина нынѣшняго княжества Сербіи была въ X столѣтіи заселена тремя часто упоминаемыми Славянскими племенами: Тимочіанами, Кучанами и Браничевцами. Въ сосѣдствѣ ихъ, между Сербскою и Болгарскою Моравою находилась облась Морава (Нижняя Моравія). Одинъ изъ ея городовъ назывался Морависдосъ и упоминается у Киннама подъ 1018 годомъ. Отдѣльные округи составляли область Никаву (Нишаву), съ главнымъ городомъ Нишомъ. Многіе города и мѣстечки, и теперь еще процвѣтающіе на Дунаѣ, были извѣстны и тогда; такъ, напр., Бѣлградъ, Браничево (теперь Костолацъ), Храмъ (Рама), Бьдинъ (Видинъ), Дристра (Силистрія); далѣе—много городовъ внутри области: Преславъ (теперь Ески Стамбулъ), Козлиджа (Козлуджа), Трновъ, (Тирново) и другіе.

Въ собственно-Ѳракіи лежали мѣстности Загорье (на ю-в. склонѣ Гемуса) съ приморскими городами: Анхіоли (Ahiolu) и Мезембріей (Мизиврія), которые перешли подъ власть Болгаръ отъ Византіи, потомъ округъ Драговица, на рѣкѣ того же имени, съ древнимъ епископскимъ стольнымъ городомъ Филиппополемъ (Филибе), далѣе Морра и на склонѣ Родопса Берзиція. На рубежѣ Ѳракіи и Македоніи, по рѣкѣ Мстѣ лежала область Смолени, на верхнемъ Вардарѣ округъ Пологъ, а на Перимъ - Дагѣ область Загорье. Это областное названіе встрѣчается очень часто и въ Ѳессаліи. Древніе писатели упоминаютъ не рѣдко Славянскія племена — Вайюнитовъ и Рунхиновъ. Многіе изъ ихъ городовъ существуютъ и до нынѣ, напр. Прилѣпъ (Прилипе), Велесъ, Битоль (Битолія—монастырь) и другіе. Точно также, уже въ отдаленныя времена, разрозненныя Славянскія племена были разселены въ восточной Ѳессаліи и Албаніи, напримѣръ, Велегериты, племя, славившееся своимъ земледѣліемъ. Къ ихъ городамъ причислялись: Охрида на озерѣ того же имени, Бѣлградъ (Арнаутъ-Бератъ), Струга и др.

*) «Slavische Alterthümer», стр. 196—236.

Древнія свидѣтельства, а также изслѣдованія Фаллмерайера доказали, что даже самый сѣверъ теперешній Греціи былъ когда-то заселенъ Болгарскими Славянскими племенами. Главныя племена ихъ были: Миленцы и Езерцы. О первыхъ упоминается еще въ началѣ XIII столѣтія, когда они были покорены Вильгельмомъ, сыномъ Виль-Хардуина.

Сравнивъ обозначенныя здѣсь линіи, которыми ограничивалась область, занятая древне-Славянскими племенами на востокѣ и югѣ Иллирійскаго полуострова, съ территоріею, которую занимаютъ нынѣшніе Болгарскіе Славяне, мы съ удивленіемъ видимъ, что послѣдніе, не смотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, не смотря на непрерывный и сильный наплывъ со стороны Турокъ, утратили сравнительно весьма незначительную часть своей прежней области. Дѣйствительно: если оставить въ сторонѣ окраины, захваченныя Сербами, Греками, Албанцами и Турками, то можно утверждать, что Болгарскій народъ донынѣ удержалъ за собою въ полной неприкосновенности тѣ мѣста, которыя были заняты имъ до завоеванія Турокъ.

Болгарскій народъ живетъ сплошными массами, и только кое-гдѣ перемежаясь съ инородцами, отъ Сербской границы до Янтры, Болгарской Моравы, и до средняго теченія Марицы,—далѣе—по склонамъ Западнаго Балкана. Внѣ этой области, Болгары переходятъ еще къ западу Марицы до Охридскаго озера, гдѣ они многочисленнѣе своихъ сосѣдей Турокъ, Албанъ и Грековъ, но, кажется, только въ недавнее время съ усиленіемъ національнаго чувства и отреченіемъ отъ всего Греческаго, положены предѣлы ихъ перерожденію въ этихъ областяхъ. Вѣрные древне-Византійскимъ преданіямъ, Греки, эти торговцы-спекулянты, старались, по мѣрѣ возможности, оттѣснять Болгаръ отъ морскаго побережья. Они достигаютъ моря только у Варны и Салоникъ, гаваней, важныхъ по своему торговому и политическому значенію.

Еще больше пространства отняли у нихъ въ этомъ столѣтіи на Западѣ, спускаясь со своихъ скалистыхъ горъ, воинственные Албанцы. Они исподоволь водворились въ плодородныхъ долинахъ Топлицы, на верхнемъ Вардарѣ до Болгарской Моравы. Многія мѣста носятъ тамъ Болгарскія названія, но Славянское населеніе мало-по-малу вытѣсняется физически-сильнѣйшею Албанскою стихіею. Старо-Турецкое правительство не имѣло причинъ защищать ихъ; напротивъ, оно съ удовольствіемъ видѣло поступательное движеніе своихъ воинственныхъ и единовѣрныхъ союзниковъ противъ христіанскихъ райевъ и ихъ эманципаціонныхъ стремленій.

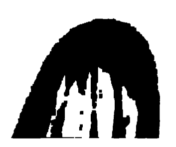
Почти 15-ть лѣтъ, Порта старается, по обдуманному плану, путемъ колонизаціи крымскихъ Татаръ и воинственныхъ Черкесовъ, вынуждаемыхъ къ переселенію изъ Россіи, загонять крѣпкіе клинья въ тѣло великаго Болгарскаго народа. Она постоянно покровительствовала поселеніямъ по Болгарскому берегу Дуная даже выходцевъ изъ Румыніи, неумѣвшихъ помириться съ Валашско-боярскимъ хозяйничаньемъ.

Тѣснимый, такимъ образомъ, отовсюду враждебными элементами, Болгарскій народъ, подобно переполняющемуся озеру, требовалъ стока. Онъ ищетъ и находитъ его съ различныхъ сторонъ. Уже съ давнихъ временъ, а въ послѣдній разъ—въ началѣ нашего столѣтія, многочисленные Болгары, кажется, вслѣдствіе религіознаго угнетенія со стороны Греческаго духовенства, перебрались въ Венгрію и Румынію. Позднѣе, когда Сербія достигла независимости, ея Дунайское порубежье оказало магическую притягательную силу на райю, недовольную порядками пашей и фанаріотовъ. Еще въ недавнее время перешли туда сотни семействъ. Впрочемъ, въ Сербіи, Болгары, родственные туземному населенію по происхожденію и языку, поплатились своею національностью. Только немногія поселенія, какъ: Бугаръ-Корито и Вратарница въ Княжевацкомъ, Великій Изворъ въ Зайчарскомъ, Шарбановцы и Милюшинцы въ Алексинацкомъ округѣ сохранили свой отечественный языкъ. По этой причинѣ юные Болгары стараются препятствовать выселенію въ Сербскія земли. Въ 1874 году они открыто протестовали противъ того, что Сербія въ послѣдніе годы старалась поддерживать всевозможными средствами сильную агитацію на своихъ южныхъ границахъ отъ Чернаго Дрина до Тимока, въ видахъ усиленія своей національности на счетъ Болгаръ.

Точно также весьма многочисленны были переселенія и на Валашскій берегъ. Трудолюбивые и опытные хлѣбопашцы, Болгары встрѣчали тамъ постоянно радушный пріемъ со стороны правительства и бояръ. Но и здѣсь ихъ постигаетъ такая же участь, что̀ и въ Сербіи: они исчезаютъ въ массѣ Румынскаго народа, который съ давнихъ поръ отличается большою способностью втягивать въ себя Славянскую кровь. Послѣднее большое выселеніе (10,000 душъ) послѣдовало за прежними въ 1861 году въ Крымъ. Причины и результатъ этой драмы, напоминающей великое переселеніе народовъ, объяснены во 2-й книгѣ, въ главѣ IX-й.

Вся эта борьба, длившаяся нѣсколько столѣтій, и территоріальныя перемѣны, неминуемо вызванныя ею, не достаточно ясно выражены ни на этнографической картѣ Европейской Турціи консула Лежана, ни на картѣ Южныхъ Славянъ профессора Брадаски. Этимъ почтеннымъ трудамъ, появившимся въ «Географическихъ Сообщеніяхъ» Петерманна, недостаетъ точныхъ и подробно-выработанныхъ данныхъ. Какъ, однако, трудно собрать ихъ, я убѣдился самъ въ своихъ путешествіяхъ! Моя совершенно новая этнографическая карта Дунайской Болгаріи и Балканъ, представитъ впервые вполнѣ ясно для большей части Турціи національныя отношенія, на основаніи данныхъ, собранныхъ для каждой отдѣльной деревни на мѣстѣ, и, какъ можно надѣяться, будетъ одинаково полезна и для науки, и для практическихъ цѣлей политики.

Такая же неточность, какъ и относительно этнографіи Турецкаго государства, замѣчается во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ, для рѣшенія которыхъ требуются точныя статистическія данныя. Напрасно было бы искать эти данныя въ многочисленныхъ канцеляріяхъ

Высокой Порты или провинціальнаго управленія. Донынѣ неизвѣстна даже общая цифра народонаселенія, и само собою разумѣется, относительно численности отдѣльныхъ народностей приходится ограничиться лишь догадками и расчетами по налогу. При своеобразной Турецкой податной системѣ, для казенныхъ интересовъ, женщины и дѣти ничего не значатъ въ глазахъ султанскаго правительства, и оффиціальная статистика ведется исключительно въ такомъ именно направленіи, и въ высшей степени неудовлетворительна.

При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, очень трудно, даже приблизительно, опредѣлить численность отдѣльныхъ народностей. Эта численность уменьшается и увеличивается до невѣроятной степени, сообразно съ интересами партій. Въ этомъ случаѣ даже чиновники и духовные, у которыхъ, прежде всего, можно было бы доискаться правды, не составляютъ исключенія, такъ какъ и они дѣлятся на партіи. Если принять цифры, которыя представляютъ патріоты: Турки, Сербы, Болгары, Греки, Цинцары, Албанцы и Армяне, каждый для своей народности, то Турція оказалась бы населеннѣйшею страною изъ всѣхъ Европейскихъ земель. Но, какъ сказано, до этого еще далеко. Даже въ княжествахъ, гдѣ производятся точныя переписи, въ настоящее время приходится среднимъ числомъ на 1 квадратную милю не болѣе 1800, а въ Сербіи даже 1400—1500 душъ. И едва ли и въ Европейской Турціи можно предположить болѣе густое населеніе. Въ концѣ этого труда я надѣюсь уяснить, на основаніи своихъ излѣдованій, затронутые здѣсь вопросы, въ области этнографіи и статистики, по крайней мѣрѣ, относительно Дунайской Болгаріи. Вообще, число всѣхъ живущихъ въ Турціи Болгаръ доходитъ до 5 милліоновъ. Сами-же Болгары считаютъ обыкновенно до 6, даже до 7 милліоновъ,—цифра, которую, на основаніи многочисленныхъ данныхъ, я долженъ признать черезъ-чуръ высокою.

* *
*

Самаго точнаго и неподдѣльнаго выраженія Болгарскій типъ достигаетъ въ области Западнаго Балкана, гдѣ Болгаринъ изстари и исключительно удерживалъ за собою землю, гдѣ не-Славянскіе посёлки попадаются крайне рѣдко, и гдѣ такимъ образомъ осталось вполнѣ чистокровное Болгарское населеніе.

Болгаринъ обыкновенно ниже ростомъ Румына или Грека. Сложенъ онъ мускулисто. Между ними встрѣчается больше худыхъ, чѣмъ полныхъ людей. Форма черепа различна, но чаще съужена къ затылку. Лицо овальное, лобъ нѣсколько выдающійся, носъ чаще прямой, чѣмъ загнутый, вѣки раздвинуты уже, чѣмъ у другихъ южныхъ Славянъ, отчего глаза у Болгарина кажутся нѣсколько малы. Согласно съ его миролюбивымъ, по преимуществу, характеромъ, взглядъ его выражаетъ болѣе добродушія, чѣмъ мужества и энергіи. Брови сильно развиты, волосы гладкіе, бѣлокурые и рѣдко переходятъ въ болѣе темный цвѣтъ. Выраженіе лица обнаруживаетъ вообще умъ, иногда даже несовсѣмъ обыкновенный, но

всегда серьезность и настойчивость,—свойства, которыя Болгаринъ проявляетъ съ поразительною силой въ земледѣліи, промышленности и ремеслѣ. Въ скулахъ, выдающихся нѣсколько рѣзче обыкновеннаго и въ узкихъ прорѣзахъ глазъ, можно замѣтить весьма вѣроятный слѣдъ ихъ кровной смѣси съ Фино-Уральскими завоевателями.

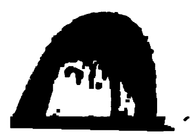
Женскій полъ—средняго роста, въ лѣтахъ помоложе—съ миловидными чертами лица, а въ нѣкоторыхъ областяхъ, напримѣръ, въ округахъ между Видомъ и Огустомъ—даже красавицы и съ роскошными формами. Жаль только, что восточный обычай румяниться—много портитъ ихъ отъ природы свѣжій, нѣсколько смуглый цвѣтъ лица; но съ замужествомъ эта врожденная привлекательность пропадаетъ подъ гнетомъ тяжкаго физическаго труда, который у Болгаръ, какъ вообще у всѣхъ южныхъ Славянъ, лежитъ на женщинахъ. Формы ихъ скоро теряютъ свою округленность, и только быстрая эластичная походка напоминаетъ въ 20-ти-лѣтней женщинѣ, чѣмъ была она дѣвушкою въ семнадцать лѣтъ.

* * *

Въ языкѣ Болгаръ отъ помѣси съ Финскимъ племенемъ осталось еще меньше слѣдовъ, чѣмъ въ наружности и складѣ тѣла. Финско-Болгарскій и Славянскіе языки принадлежатъ къ столь же разнороднымъ корнямъ, какъ Арабскій и Испанскій. По общему естественному закону, какъ здѣсь, такъ и тамъ, изъ помѣси этихъ двухъ языковъ нельзя было возникнуть какому либо новому нарѣчію. Не находя посредствующей стихіи, они оставались каждый при своемъ, безъ всякаго вліянія другъ на друга.

Совершенное исчезновеніе нарѣчія Болгарскихъ завоевателей, выходцевъ съ Урала, передъ языкомъ побѣжденныхъ Славянъ представляетъ въ высшей степени замѣчательное явленіе, которое показываетъ, какъ мало сама-по-себѣ способна этимологія къ разработкѣ вопросовъ народной физіологіи. Этимъ оправдываются сомнѣнія во многихъ выводахъ, которые въ послѣдніе годы были сдѣланы слишкомъ самоувѣренно нѣкоторыми филологами, и потверждается мнѣніе, высказанное другими, болѣе проницательными изслѣдователями, что этнографическія проблемы могутъ быть рѣшены только на основѣ исторіи и этнологіи.

Болгарская письменность, созданная Славянскими апостолами при нѣкоторыхъ князьяхъ, благорасположенныхъ къ просвѣщенію, и именно при Симеонѣ, сынѣ перваго христіанскаго князя Бориса, получила сильное, многообѣщающее развитіе и существенно способствовала тому, что Фино-Болгарское нарѣчіе было совершенно вытѣснено изъ употребленія. По отзывамъ самыхъ компетентныхъ Славянскихъ лингвистовъ, грамматическій строй этого древне-Болгарскаго Славянскаго письменнаго языка ближе всего подходитъ къ Великорусскому. Однако, съ паденіемъ Болгарскаго царства, онъ потерялъ свою первоначальную чистоту. Какъ и Болгарская земля, онъ былъ наводненъ Сербскими, Греческими, Римскими, Албански-

ми и Турецкими стихіями, и даже этимологу будетъ, въ настоящее время, весьма трудно узнать въ немъ языкъ Славянскихъ первоучителей.

При всемъ этомъ, не смотря также и на то, что Болгарское нарѣчіе во многомъ отличается отъ другихъ Славянскихъ нарѣчій, напримѣръ, недостаткомъ неокончательнаго наклоненія, употребленіемъ члена и т. д., — тѣмъ не менѣе оно, дѣйствительно, принадлежитъ къ нимъ, и столь облюбленная прежде теорія—о принадлежности его къ Финско-Татарскимъ идіомамъ—опирается только на полнѣйшее незнаніе его. Какъ ни часты были перемѣны, которымъ подвергался ново-Болгарскій языкъ, о литературѣ котораго я поговорю въ другомъ мѣстѣ, все-же онъ остался въ ближайшемъ родствѣ съ Русскимъ языкомъ, и даже Сербамъ и Болгарамъ, послѣ нѣкоторой практики, легко понять другъ друга. Въ послѣднее время появились различные учебники Болгарскаго языка, но, по большей части, они страдаютъ тѣмъ общимъ недостаткомъ, что мало принимаютъ во вниманіе народный языкъ и стараются подвести его подъ законы языковъ Сербскаго или Русскаго. Впрочемъ, утверждаютъ, что въ области Калоферской у Балкана говорятъ самымъ чистымъ Болгарскимъ языкомъ.

* * *

Болгары отличаются отъ своихъ Сербскихъ сосѣдей не только языкомъ, физіономіей, складомъ характера и понятій, но и одеждою. Вмѣсто феса, который въ общемъ употребленіи у Сербовъ въ деревняхъ, у нихъ «чубара» шапка, въ родѣ колпака изъ темной или свѣтлой овечьей шерсти, изъ-подъ которой падаютъ волосы, или расчесанные во всю длину, или заплетенные сзади въ косу. Пожилые Болгары, какъ и старые Турки, выстригаютъ голову, оставляя на темени длинный чубъ. Этотъ обычай былъ также въ ходу у Финскихъ Болгаръ, Венгровъ и до сихъ поръ еще сохранился у Морлаковъ, Албанцевъ, Черногорцевъ и у пожилыхъ Сербскихъ крестьянъ.

Болгаринъ носитъ рубашку съ широкими рукавами, расшитую по разрѣзу на груди и по наплечьямъ чрезвычайно красивымъ пёстрымъ узоромъ, — свѣтлые широкіе шаровары, лѣтомъ изъ полотна, зимою изъ бѣлаго сукна, которые подъ колѣномъ завязываются красными шерстяными тесёмками или кожанными ремешками,— красный поясъ, на которомъ съ лѣвой стороны виситъ въ ножнахъ ножъ, годный на всякое дѣло. Въ холодное время состоятельные люди носятъ или куртку, расшитую черными шнурками, или длинный кафтанъ, и то и другое изъ сукна, въ суровую же зиму—баранью шубу, плащъ и толстый пледъ. На ногахъ носятъ, по большей части, башмаки собственнаго издѣлія на ремешкахъ или «бабуши», Турецкіе башмаки. Впрочемъ, каждый округъ представляетъ въ крестьянской одеждѣ свои особенности. Костюмъ городскихъ Болгаръ низшаго класса отличается отъ вышеописаннаго болѣе темнымъ цвѣтомъ матеріи и фесомъ. Купцы, врачи, учители

также какъ вообще всѣ, принадлежащіе къ образованному классу, усвоили себѣ Европейское платье.

Особенно поразительно разнообразіе во внѣшности женскаго Болгарскаго населенія. Почти каждый округъ имѣетъ, какъ увидимъ дальше, свою особенную одежду. Вообще же Болгарскія женщины заплетаютъ роскошные волосы, составляющіе ихъ особенность, и очень часто искусственно подкрашенные въ темный цвѣтъ, въ большія косы, которыя онѣ очень ловко украшаютъ цвѣтами, монетами и лентами. У дѣвицъ и женщинъ этотъ головной уборъ разнообразится, смотря по мѣстности. Съ особенною заботливостью онѣ собственноручно расшиваютъ пестрою шерстью или шелкомъ грудь, плечи и края рукавовъ своихъ бѣлыхъ рубахъ, съ широкимъ прорѣзомъ и постоянно опрятныхъ; эти вышивки по разнообразію и красотѣ рисунка могли бы служить неисчерпаемымъ образцемъ орнаментаціи дла самаго изобрѣтательнаго Европейскаго художника. Платье изъ толстой, съ цвѣтными полосками, шерстяной матеріи собственнаго тканья, лежитъ узкими складками; поверхъ его, спереди, и часто сзади надѣвается точно такой же передникъ, обшитый бахромою. Часто этотъ фартукъ надѣвается безъ платья, прямо на низко-спущенную рубаху, что превосходно обрисовываетъ формы у хорошо сложенныхъ дѣвушекъ. Платье и фартукъ перетягиваются вокругъ таліи поясомъ, который обыкновенно украшенъ большими круглыми или продолговатыми пряжками, металлическими или перламутровыми. Часто эти вещи переходятъ по наслѣдству; онѣ вылиты изъ массивнаго серебра, или же сдѣланы изъ финифти и выложены камнями, замѣчательно изящной отдѣлки. Болгарка любитъ и другія украшенія, простыя и цѣнныя, какъ-то: браслеты, серьги, кольца; она увѣшиваетъ себя всѣмъ, чѣмъ только можно, — цвѣтами, монетами, бусами, и почти всегда—съ инстиктивнымъ вкусомъ и изяществомъ, что даетъ право предполагать въ ней врожденное пониманіе красокъ и формъ.

Иное дѣло — женская одежда въ городахъ: тамъ она сплошь представляетъ неутѣшительную помѣсь національнаго и Турецкаго покроя съ Европейскими модами. Съ головнымъ уборомъ еще можно кое-какъ помириться, онъ очень похожъ на Сербскій, — также какъ и съ короткою курткою, вышитою золотомъ, часто опушенною мѣхомъ. Но широкіе, на подобіе мѣшковъ, шаровары, въ которыхъ прячутся ноги, въ высшей степени неграціозны. Эта, чисто мусульманская часть платья, доходитъ до самыхъ лодыжекъ и стѣсняетъ всякое сколько нибудь свободное движеніе. Молодое поколѣніе, воспитавшееся въ Пештѣ, Вѣнѣ и Парижѣ, уже порѣшило со стариною. Благодаря ему, Европейская мода съ каждымъ днемъ больше и больше расширяетъ область своего господства, и скоро Вѣнскія модныя мастерскія будутъ считать Болгарскихъ красавицъ своими лучшими покупательницами. Въ болѣе богатыхъ семьяхъ родители еще чтутъ національный или, вѣрнѣе, восточный обычай; молодежь же обоего пола, руководимая Нѣмецкими и Фран-

цузкими воспитателями, эмансипируется во всемъ, и часто даже черезчуръ, отъ старыхъ патріархальныхъ преданій и нравовъ.

Во многихъ домахъ открытъ доступъ Французскому роману. Рядомъ съ классическою музыкой и гораздо чаще, раздаются мотивы Страуса и Оффенбаха. Молодые люди играютъ Французскія и переведенныя на Болгарскій языкъ иностранныя пьесы. Въ кофейняхъ въ большомъ ходу билліардъ и карточная игра, и въ при-Дунайскихъ городахъ Чешскимъ пѣвицамъ и музыкантамъ рѣдко не удается привлечь благосклонную публику. Вообще же въ городскихъ Болгарскихъ кружкахъ господствуетъ благотворное серьёзное направленіе, которое поддерживается вліяніемъ Нѣмецкой литературы, пользующейся постоянно возрастающимъ сочувствіемъ, и, составляя рѣзкій контрастъ съ тѣмъ направленіемъ, которое начинаетъ проявляться въ общественной жизни по ту сторону Дуная, на Валашскомъ побережьѣ, показываетъ людямъ, даже мало знакомымъ съ дѣломъ, какъ глубоко различіе въ національномъ характерѣ Славянъ и Румыновъ.

Болгарскій горожанинъ обнаруживаетъ особенную склонность къ наслажденіямъ деревенской жизни. Чуть только у него выдается свободное время, онъ отправляется, чаще всего съ семействомъ и добрыми друзьями, за городъ въ окрестные сады. Тамъ, среди виноградниковъ и фруктовыхъ деревьевъ, въ прохладной тѣни кіоска, или расположившись въ лѣсу на зеленомъ лугу, у шумящаго ручья, онъ съ неподдѣльнымъ весельемъ отдается играмъ, пѣнію или танцамъ. Всюду найдется волынка, скрипка или флейта («свирка»), а между членами семейства всегда есть и музыкантъ.

Самый любимый танецъ въ городахъ и деревняхъ — старинная народная хороводная пляска «хоро». Онъ очень сходенъ съ Греческимъ танцемъ «лабиринтъ» и Сербскимъ «коло», и по обыкновенью танцуется на свѣжемъ воздухѣ. Дѣвушки и парни смыкаются сперва въ цѣпь. Она походитъ на пеструю ленту, которая постоянно подвигается, дѣлая два шага впередъ и одинъ назадъ. Темпъ постепенно ускоряется и оба крыла стараются сойтись, постоянно ускоряя шаги. Наконецъ они сходятся въ кругъ, который черезъ нѣсколько времени опять разрывается и снова оба крыла стараются сойтись. Главная прелесть пляски заключается въ красивомъ измѣненіи фигуръ, которыя образуетъ цѣпь и въ эластичности, съ которою слѣдуютъ ритму музыки. Есть также танецъ для одного (solo), въ родѣ полонеза, который исполняется одною танцовщицей; еще—танецъ для двухъ, который исполняется ускореннымъ темпомъ. Далѣе нѣсколько - нелѣпый медвѣжій танецъ «рачиница»: дюжій парень одѣвается въ медвѣжью шкуру и голосомъ и движеніями изображаетъ медвѣдя, а вокругъ съ криками и шутками прыгаютъ, задирая его, плясуны.

Еще до нынѣ медвѣдь — постоянный обитатель Болгарскихъ горъ. Его шкура считается трофеемъ и даже въ древне-Болгарской народной пѣснѣ, напримѣръ, въ героической «Іованко Кримъ-Пеливанко» онъ играетъ большую роль. И въ этомъ, какъ и въ

другихъ прославленіяхъ народныхъ героевъ, напримѣръ, знаменитаго «Дели Марка», почти исключительно воспѣвается побѣда грубой силы. Такъ, у «Царевой Нивы» Систова показываютъ камень, который Дели Марко бросилъ туда съ розмаху изъ Никополи. Всѣ эти героическія сказки проникнуты самымъ широкимъ матеріализмомъ; въ нихъ незамѣтно, какъ увидитъ читатель изъ нижеприводимыхъ данныхъ, никакихъ идеалистическихъ стремленій; въ Болгарскихъ пѣсняхъ нѣтъ того почитанія женщинъ, которое наполняетъ наши средневѣковыя и даже Сербскія героическія пѣсни.

Въ недавнее время въ долинахъ Ѳракійскаго Деспото-Дага, у тамошнихъ Помаковъ (омусульманенныхъ Болгаръ, которые сохранили свой Славянскій родной языкъ) открытъ цѣлый рядъ древнихъ, сохранившихся по преданію пѣсенъ, которыя, какъ напримѣръ, «свадьба прекрасной Вулканы съ солнцемъ», своимъ высоко-поэтическимъ содержаніемъ, почерпнутымъ изъ весьма отдаленной языческой эпохи, являются почти единственными въ этомъ родѣ во всей юго-Славянской народной поэзіи. Здѣсь древне-Славянская миѳологія перепутывается съ легендами классическихъ народовъ. Рядомъ со Славянскою в и л о ю (духомъ лѣсовъ и источниковъ) выступаетъ пѣвецъ Орфей и т. д. Но эти открытія еще слишкомъ новы, и приговоръ надъ ними еще не произнесенъ.

Новѣйшія Болгарскія народныя пѣсни вообще болѣе лирическаго и веселаго содержанія. Это—пастушескія и любовныя пѣсни, въ которыхъ воспѣвается жизнь въ лѣсахъ и поляхъ, радости и печали любви. Въ послѣднее время замѣчается весьма характеристическое явленіе. Непосредственно передъ Сербскою войною за независимость, въ Болгарію проникли такъ называемыя «гайдуцкія» пѣсни. Въ нихъ воспѣваются и прославляются недавніе неудавшіеся подвиги Хаджи Димитри, Караджа, Филиппа Тота и другихъ вождей. Поддерживая о нихъ свѣжую память, эти пѣсни должны оживлять въ молодомъ поколѣніи воинственный духъ. Но эпоса, который у Сербовъ достигаетъ такого высокаго развитія, въ которомъ такъ неподдѣльно и такъ сильно выразилась любовь къ родинѣ и свободѣ, тѣхъ превосходныхъ пѣсенъ, въ которыхъ воспѣваются слава, подвиги, жизнь и смерть великихъ кралей, царей и народныхъ вождей,—которыя народною памятью передаются изъ рода въ родъ и закаляли духъ Сербовъ въ самыя горькія эпохи униженія, — такихъ пѣсенъ почти совсѣмъ нѣтъ у Болгарскаго народа. Точно также нѣтъ и однострунныхъ гуслей, подъ звуки которыхъ въ Сербіи поются эти полныя образовъ, многострофныя героическія пѣсни. Ихъ замѣняютъ многострунные инструменты, заимствованные у Турокъ, главнымъ образомъ «гаида».

* * *

Если Болгаринъ воспѣваетъ въ своихъ пѣсняхъ дѣвушку, свою избранницу,—то, какъ замужняя женщина въ домѣ мужа, она играетъ весьма незавидную роль. Обремененная работою, она ни одной минуты не остается безъ дѣла. Если не въ полѣ, то вы застаете ее

дома, постоянно окруженною дѣтьми: то она кормитъ груднаго въ короткія минуты отдыха и заправляетъ старшими, то полощется у колодца, то краситъ, бѣлитъ холстъ, или готовитъ обѣдъ для другихъ членовъ семьи, которые на работѣ въ полѣ или въ лѣсу, то она за прялкою или за шитьемъ и починкой платья, то осматриваетъ изгороди, ухаживаетъ за крупнымъ и мелкимъ скотомъ, доитъ.... Даже при постройкѣ дома, женщина помогаетъ мужчинамъ, особенно же при постановкѣ «колибы», шалаша, укрѣпленнаго на сваяхъ и сплетеннаго изъ вѣтвей. Замазка щелей глиною, бѣленье домовъ, при чемъ куски овечьей шкуры замѣняютъ наши кисти, все это— почти исключительно ея работа. На ней лежатъ также заботы и о домашнемъ садикѣ. Рѣдкій домъ обходится безъ него, такъ какъ цвѣты составляютъ существенный элементъ въ женскомъ туалетѣ и даже молодые люди съ удовольствіемъ втыкаютъ ихъ въ платье и шляпу, когда собираются въ поле или даже въ церковь, на праздникъ и танцы. Разводятся обыкновенно розы, гвоздики, «рыцарскія шпоры» и макъ; а въ тимьянѣ и ночной фіалкѣ никогда нѣтъ недостатка.

Мусульманскія деревни, пожалуй, перещеголяютъ христіанскія наружною миловидностью. Но если заглянуть внутрь дворовъ, то вліяніе древне-Славянскаго семейнаго быта сказывается и у Болгарскихъ крестьянъ. Этотъ бытъ отпечатывается на всемъ—большимъ трудолюбіемъ, достаткомъ и благоденствіемъ. Въ противоположность мертвой тишинѣ мусульманскихъ дворовъ, тамъ всюду царитъ жизнь; оравы дѣтей кишатъ, играя на травѣ, и вездѣ видна родительская и дѣтская любовь, братская любовь. Какъ и въ Сербіи, вокругъ дома старѣйшины, главы семейства, выстроеннаго изъ лучшаго матерьяла и по большей части крытаго черепицей или желѣзомъ, группируются домы поменьше—женатыхъ сыновей, а также округлыя или вытянутыя въ длину «колибы», въ родѣ свайныхъ построекъ, въ которыхъ сберегаются плоды и хлѣбные запасы, или же загоняется скотъ. Этотъ семейный городокъ окруженъ плетнемъ изъ молодыхъ вѣтвей. Онъ оберегается огромными дикими собаками, и было бы очень смѣло для чужаго человѣка — войти во дворъ безъ провожатаго изъ домашнихъ.

Болгаринъ вообще гостепріименъ. Онъ считаетъ большою честью дать пріютъ въ своемъ домѣ чужому человѣку, и чтобы угостить его, предложитъ все, что есть у него лучшаго. Но, при всемъ томъ, онъ не совсѣмъ свободенъ отъ нѣсколько-спекулятивныхъ побужденій и рѣдко откажется отъ подарка, въ чемъ представляетъ совершенную противоположность своему сосѣду мусульманину. Часто онъ заходитъ даже дальше, представляя гостю при отъѣздѣ формальный счетъ, въ томъ случаѣ, если гость настолько наивенъ, что, понадѣявшись на прославленное восточное гостепріимство, не догадается самъ, по собственному побужденію, вознаградить его прилично.

Постройка и внутреннее убранство Болгарскаго дома въ горахъ и равнинѣ очень часто имѣютъ характерное отличіе. На нихъ, какъ

на многія другія подробности, я укажу позднѣе, перейдя къ разсказу о своихъ странствованіяхъ. Но, гдѣ бы я ни посѣщалъ Болгарскій домъ, всюду я замѣчалъ, если не стремленіе къ комфорту и неособенно большую любовь къ порядку, то, обыкновенно, стремленіе накоплять у себя въ домѣ возможно больше всякаго рода вещей, и особенно ковровъ. Нагроможденные въ углу роскошной комнаты, убранной множествомъ образовъ, масляныхъ лампъ, кружекъ, тарелокъ, они говорятъ объ изумительной хозяйственной дѣятельности и прилежаніи Болгарскихъ женщинъ, которыя съ понятною гордостью дѣлаютъ постель для изумленнаго иностранца изъ своихъ пестро-раскрашенныхъ одѣялъ и подушекъ. Дѣйствительно, трудно сказать, кто выше по прилежанію, проворству и трудолюбію—женская, или мужская половина Болгарскаго населенія? Обыкновенно, оба пола раздѣляютъ между собою домашнія занятія.

* * *

Какъ во многихъ другихъ отношеніяхъ, такъ и въ положеніи жены относительно мужа, у Болгаръ, если сравнить съ положеніемъ женщинъ въ Сербіи и Черногоріи, мы видимъ рѣзкую противоположность. Въ Черногоріи жена — домашнее рабочее животное: на ней лежатъ всѣ труды; между тѣмъ какъ мужъ, на правахъ родившагося воиномъ, держитъ себя вдали отъ всякой работы. Въ Сербіи отношенія между двумя полами и раздѣленіе между ними труда дома и въ полѣ — несравненно лучше; но извѣстные обычаи, напримѣръ, обязательный для женщины поцѣлуй руки у мужчины, вставанье при его входѣ и т. д., показываютъ во многихъ областяхъ Сербіи, что вообще женщина занимаетъ относительно мужчины во многомъ подчиненное положеніе, конечно, если оставить въ сторонѣ отношенія сестры къ брату. Напротивъ того, у Болгаръ господствуетъ рѣдкое равенство между женою и мужемъ, матерью и сыномъ. При мягкомъ характерѣ Болгарина, я встрѣчалъ больше энергіи и предпріимчивости на сторонѣ женщинъ. Въ этомъ, именно, и состоитъ весьма любопытная въ этнографическомъ смыслѣ черта различія между двумя главными юго-Славянскими народами, Сербами и Болгарами.

Хотя Сербы, Турки и Румыны далеко уступаютъ Болгарину въ качествахъ, необходимыхъ для выработки городскаго, ремесленнаго и промышленнаго быта, тѣмъ не менѣе они, къ удивленію, ославили его глупымъ,—мнѣніе, распространившееся, какъ весьма вѣроятно, по преданію, единственно вслѣдствіе излишней терпѣливости, съ какою Болгаринъ переносилъ, въ болѣе раннее время, всякую несправедливость, и имѣвшее вліяніе на сужденіе о немъ многихъ поверхностныхъ путешественниковъ.

«Ausland», газета, которая, повидимому, болѣе другихъ журналовъ способна распространять основательныя этнографическія понятія, представила въ 1860 году (стр. 257) характеристическое описаніе, которое высказываетъ въ этомъ отношеніи вещи крайне

неправдоподобныя. Между прочимъ, тамъ говорится: «въ нравственномъ отношеніи Болгаринъ стоитъ низко, очень низко (!), ниже всякаго другаго народа въ Турціи». У него отрицается всякая склонность къ земледѣлію и городскимъ занятіямъ; онъ питаетъ отвращеніе къ труду; «если онъ можетъ утолить свой голодъ, не напрягая своихъ колоссальныхъ мускуловъ, онъ такъ и дѣлаетъ; очень часто можно встрѣтить здоровенныхъ молодцевъ безъ всякихъ физическихъ недостатковъ, занимающихся нищенствомъ». У Болгаръ нѣтъ любви (!) къ дѣтямъ, нигдѣ не подкидываютъ столько дѣтей; дѣти эти принимаются добродушными (!!) Турецкими семействами, которыя воспитываютъ (?) ихъ и обращаются съ ними, какъ съ родными (?!). Нигдѣ не встрѣчается столько обращеній къ исламу. Всякое притѣсненіе Болгаръ со стороны господствующей расы отрицается. Болгаринъ знаетъ только одну страсть, страсть къ деньгамъ, и даже самый послѣдній оборванецъ носитъ ихъ на голомъ тѣлѣ. И это тотъ народъ, которому панслависты вручаютъ будущность Востока! Macte-animo!

Десять лѣтъ тому назадъ этнографическія отношенія Турціи, были еще меньше извѣстны, чѣмъ теперь. Въ 1862 году, когда я уже напечаталъ мою первую статью въ «Аугсбургской Всеобщей Газетѣ», о Болгаро-Греческомъ церковномъ спорѣ, на который тогда въ Европѣ обращали такъ мало вниманія,—одинъ Вѣнскій профессоръ исторіи спросилъ меня совершенно серьёзно: «къ какимъ народамъ причисляютъ Болгаръ—къ Славянскимъ, или Романскимъ»? И еще въ 1870 году профессоръ Гиртль выразился въ письмѣ ко мнѣ: «мы знаемъ объ островахъ южнаго океана больше, чѣмъ о народахъ Европейской Турціи».

Поэтому нечего и удивляться, что редакція газеты «Ausland» напечатала, безъ всякой оговорки, приговоръ, по всей вѣроятности, почерпнутый изъ Греческаго источника. Къ счастію, въ томъ же самомъ году, въ той же уважаемой газетѣ, явился, въ опроверженіе перваго, другой безпристрастный и весьма благопріятный отзывъ о Болгарахъ, который совершенно разбиваетъ грубую Византійскую ложь. Мы читаемъ тамъ:

«Гораздо больше Румынъ доктору Вутцеру понравились Болгары, страну которыхъ онъ проѣхалъ до самой Варны. Относительно Румынъ можно еще сомнѣваться, дѣйствительно ли принесетъ имъ пользу освобожденіе изъ-подъ несправедливаго ига, или же существеннымъ препятствіемъ къ развитію служитъ ихъ собственная лѣнь? Напротивъ, относительно Болгаръ совершенно ясно, что злоупотребленія со стороны Османовъ, долговременное рабство, безсовѣстная эксплуатація ихъ Греческимъ духовенствомъ служатъ помѣхою матерьяльному ихъ благосостоянію; ибо, по единодушному свидѣтельству своихъ сосѣдей, Болгаринъ—отличный селянинъ, превосходный садоводъ, и въ полеводствѣ своею превосходною системой орошенія вызываетъ общее одобреніе. Изъ всѣхъ народовъ Европейской Турціи, Болгары выказываютъ особенное трудолюбіе и терпѣніе. Къ несчастію, это послѣднее качество слѣдуетъ поста-

вить имъ скорѣе въ укоръ, чѣмъ въ заслугу. Каждый изъ нихъ, отдѣльно взятый, превосходитъ физически каждаго отдѣльно взятаго мусульманина. Ихъ всего пять милліоновъ, или больше, такъ что численностью они далеко превосходятъ Европейскихъ мусульманъ. Будь у нихъ поменьше флегмы и хоть искра мужества ихъ Сербскихъ собратьевъ, они сами по себѣ давно порѣшили бы восточный вопросъ. Точно также они давно бы выгнали изъ своей земли Греческое духовенство, и, подобно Сербамъ, основалибы свою собственную національную церковь».

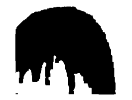
Мнѣніе Боннскаго профессора Вутцера, предпринявшаго въ 1856 г. путешествіе по Европейскому Востоку и Западной Азіи для изслѣдованія мѣстныхъ гигіеническихъ условій и господствующихъ болѣзней, отличается отраднымъ безпристрастіемъ. Но существенная темная сторона Болгарскаго характера, на которую указываетъ докторъ Вутцеръ, именно черезчуръ большая зависимость отъ Турецкаго и Греческаго элементовъ, имѣетъ свои причины [1], и должна быть извинена. Впрочемъ, кто только слѣдитъ за политическими событіями въ Турціи, никогда не станетъ отрицать, что въ послѣднія пятнадцать лѣтъ у Болгаръ пробудилось, наконецъ, національное сознаніе, такъ долго неподававшее жизни, и даже больше, чѣмъ того желали бы Турки и Греки. Болгарская національная церковь—уже совершившійся фактъ. Переворотъ въ умахъ совершается безъ шума, но безъ остановки. Стремленіе пополнить въ народномъ образованіи пробѣлы, произведенные гнётомъ фанаріотовъ, съ каждымъ днемъ усиливается, и надо надѣяться, что результаты этого стремленія обнаружатся въ недалекомъ будущемъ и, конечно, во всемъ образованномъ мірѣ возбудятъ сочувствіе къ энергическому Болгарскому народу.

Какъ у Сербовъ, такъ и у Болгаръ господствуетъ полнѣйшее равенство сословій. Турки совершенно уничтожили привилегіи отдѣльныхъ классовъ, за исключеніемъ духовенства. Всѣ замкнуты въ одинъ огромный классъ «райя» (безоружное стадо). Они постепенно привыкали безразлично цѣловать руку, которая ихъ карала. Но прежде могло быть и иначе. Демократическій духъ, болѣе или менѣе свойственный всѣмъ вообще Славянамъ, и несомнѣнно врожденный Болгарамъ, но затерявшійся у нихъ благодаря многочисленнымъ перемѣнамъ, которымъ подвергался этотъ народъ, обнаруживается въ поговоркѣ «царь и овчаръ равны послѣ смерти».

Болгары въ при-Дунайскихъ городахъ, по большей части, купцы, мелкіе торговцы и ремесленники. Учителей, врачей и адвокатовъ очень мало, чиновниковъ еще меньше, но тѣмъ больше священниковъ и монаховъ. По нагорьямъ и въ при-Балканскихъ городахъ Болгаринъ занимается скотоводствомъ и промыслами, въ равнинахъ же онъ—почти исключительно хлѣбопашецъ. Но полевое хозяйство

[1]) Они разъяснены авторомъ въ 1-й главѣ книги, стр. 24.

страдаетъ отъ непоправимо-запутанныхъ правовыхъ отношеній, которыя тяжело ложатся на землевладѣльцевъ. Я думаю разобрать ихъ подробнѣе въ особенной главѣ, посвященной народному хозяйству. Отсутствіе всякаго кадастра, такъ какъ земля до сихъ поръ еще не размежевана, сборъ податей натурой, дурные пути сообщенія—вотъ что̀ стѣсняетъ земледѣліе.

Для морскаго и рѣчнаго судоходства Турецкое правительство не дѣлаетъ почти ничего. По классическому Гебру (Марицѣ), орошающему богатую равнину Адріанополя и Филиппополя можно сплавлять только на плотахъ. Его русло также запущено, какъ и гавань Эносъ, которая будетъ скоро совсѣмъ занесена пескомъ. Сплавъ хлѣба внизъ по теченію отъ Филиппополя до Эноса обходится 35 піастровъ ($3^1/_2$ гульдена Австрійскою монетою) съ 1 кило (=$1^1/_3$ центнера) и тянется цѣлую недѣлю. Этому могла бы помочь Адріанопольско-Эносская дорога. Но, не говоря уже о томъ, что Адріанопольскій намѣстникъ вздумалъ наложить двойную пошлину на хлѣбъ, привозимый изъ Эноса, этотъ вновь открытый рельсовый путь тогда только окажетъ благотворное вліяніе на большую плодородную Ѳракійскую равнину, когда сѣть хорошихъ дорогъ сдѣлаетъ возможнымъ подвозъ къ нему ея произведеній. Но, къ сожалѣнію, здѣсь производители—Болгары, до благосостоянія которыхъ такъ мало дѣла Турецкимъ чиновникамъ!..

Поэтому Болгаринъ воздѣлываетъ немногимъ больше того, сколько ему нужно для собственнаго обихода. Большая часть черноземной, необычайно плодородной земли остается, къ сожалѣнію, необработанною. Даже и теперь эта плодороднѣйшая область очень часто покрыта, на сколько можно окинуть глазомъ, густымъ кустарникомъ. Она могла бы прокормить втрое большее населеніе.

Двѣ трети обработанной земли отведены подъ маисъ, который составляетъ главную пищу Болгаръ. Кромѣ того, воздѣлывается пшеница, рожь, рисъ, табакъ, хлопчатая бумага и вино. Изъ овощей чаще всего—бобы, лукъ и чеснокъ. Чеснокъ съ длинными зелеными листьями составляетъ особенно любимое кушанье, а лукъ играетъ роль нашего картофеля, который въ Болгаріи едва знаютъ.

Изъ хлѣбныхъ растеній особенно славится пшеница изъ Ески-Сагры. Она почти вся вывозится. Молотятъ быками или лошадьми, которыхъ гоняютъ кругомъ по разложенному хлѣбу. Они тащатъ за собой широкое бревно, въ которое съ нижней стороны вколочены остро-выточенные кремни: цѣль та, чтобы въ то же время рѣзать солому на сѣчку. Перемолъ хлѣба производится столь же первобытнымъ способомъ. Въ послѣднее время во многихъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Белѣ, Тирновѣ и др. появились мельницы, которыя доставляютъ превосходную муку, Добытая при молотьбѣ сѣчка идетъ на кирпичное производство. Здѣсь есть очень большіе кирпичные заводы какъ напр. въ Кучинѣ у Расграда. Дренажныя трубы для водопроводовъ, которые своимъ искуснымъ устройствомъ возбуждаютъ удивленіе даже въ западно-Европейцѣ, Болгаринъ

изготовляетъ безъ всякихъ машинъ. Вообще онъ умѣетъ разумно пользоваться самымъ незначительнымъ теченіемъ воды.

Климатъ Болгаріи очень мягокъ. Даже въ августѣ термометръ рѣдко переходитъ за 30° по Реомюру, а зимою холодъ едва достигаетъ 18°. Самыя высокія вершины Балкана покрываются снѣгомъ уже въ октябрѣ. Тогда онѣ представляютъ превосходный контрастъ съ долинами и равнинами, покрытыми растительностью, въ полномъ блескѣ свѣжести. Климатъ вообще здоровъ, и чужеземецъ легко свыкается съ нимъ. Только низменности по Дунаю въ окрестностяхъ Видина и Силистріи, а также на рѣкѣ Марицѣ пользуются дурною славою, и особенно въ жаркое лѣтнее время опасны своими лихорадками. Жалобы на ревматизмъ и подагру повсемѣстны; но причинъ этихъ болѣзней надо искать не въ быстрыхъ перемѣнахъ погоды, а скорѣе—въ привычкѣ спать на утоптанномъ глиняномъ полу.

Умѣренный климатъ благопріятствуетъ шелководству. Оно распространено почти по всей Болгаріи; центральные его пункты—Тирново и Адріанополь. Болгарскій шелкъ, усовершенствованный мало-Азійскимъ и Персидскимъ, покупается Итальянскими купцами по высокимъ цѣнамъ. Тѣмъ не менѣе правительство, конечно, могло бы еще многое сдѣлать для улучшенія шелководства, которое было сильно распространено здѣсь еще во времена Византіи. а при императорѣ Юстинѣ получило даже монополію.

Разведеніе сарацинскаго пшена перенесено изъ Египта сперва въ Станимахъ (Греческій оазисъ у Филиппополя), а оттуда уже въ Болгарію. Въ настоящее время оно составляетъ самый значительный промыслъ Каза-Базарджика. Посѣвъ начинается въ сентябрѣ и поспѣваетъ въ 2½ мѣсяца. Ежегодный сборъ составляетъ 1½ мил. окъ (1 око 2¼ ℔).

По Вардару и въ другихъ годныхъ къ тому мѣстахъ, Болгары воздѣлываютъ много табаку. Сборъ дѣлается обыкновенно въ сентябрѣ. Разведеніе рѣпы постоянно возростаетъ. Марена красильная, ленъ и хлопчатая бумага, какъ растенія фабричныя, имѣютъ впереди большую будущность. Жаль, что въ послѣднее время, во многихъ пашалыкахъ подать на винодѣліе возвышена несоразмѣрно. Уже во многихъ мѣстахъ оно постепенно падаетъ, а въ другихъ совсѣмъ прекратилось. Очень хорошіе виноградники встрѣчаются у Тимока, Османъ-Базара. Чатука. Папаскёй. Тирнова, Ниша, на Вардарѣ и Марицѣ.

Производство розоваго масла на южномъ склонѣ Балкана составляетъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, о которыхъ я поговорю ниже, очень благодарную отрасль промышленности. Масло выдѣлывается на великолѣпныхъ полянахъ, заросшихъ розами, а добываемые тамъ же духи, въ жидкомъ видѣ, разлитые въ маленькія стклянки—хорошо извѣстной формы, распродаются во всей Европѣ по дорогимъ цѣнамъ. Огромный сборъ Грецкихъ орѣховъ составляетъ другой важный источникъ доходовъ въ этихъ округахъ. Ежегодный доходъ съ нихъ считается свыше 3 милліоновъ піастровъ. Орѣховыя де-

ревья достигаютъ здѣсь такой величины и красоты шатра, какія рѣдко можно встрѣтить въ Малой Азіи. Стволъ покупается, главнымъ образомъ, Французскими эбенистами, и оплачивается дорого. Въ послѣднее время производство розоваго масла пострадало отъ слишкомъ высокаго налога (gölshagi): въ иныхъ мѣстахъ паши, отъ которыхъ вообще зависитъ опредѣленіе размѣра податей, обложили тяжелымъ налогомъ даже сборъ Грецкихъ орѣховъ: онъ доходитъ иногда до 24 паръ (4 коп.) на око.

Балканскія горы покрыты до самыхъ вершинъ почти исключительно букомъ и дубомъ и только въ рѣдкихъ мѣстахъ хвойными деревьями. Вообще растительность сильнѣе на сѣверной сторонѣ, чѣмъ на южныхъ склонахъ. Орѣшникъ, шелковица и фруктовыя деревья распространены по всей странѣ. Сливное дерево пользуется особеннымъ уходомъ, потому что оно доставляетъ Болгарамъ любимый напитокъ раки (водку). Производство водки и спирта, между прочимъ, и изъ дикихъ яблокъ, идетъ въ большихъ размѣрахъ. Во Ѳракіи и Македоніи ведется значительная торговля строевымъ лѣсомъ. Въ Рилостокѣ, въ области истоковъ Искера, Стримона, Корасу и Марицы находятся великолѣпныя лиственныя и хвойныя деревья, которыя идутъ на постройку желѣзныхъ дорогъ и доставляются Болгарами, по большей части, зимой на саняхъ. Доставка скота не требуетъ издержекъ и особаго труда, поэтому скотоводство играетъ большую роль въ Болгаріи. Внутри страны путешественникъ встрѣчаетъ огромныя караваны рогатаго и мелкаго скота. Она изобилуетъ лошадьми, буйволами, быками, овцами, козами и всякаго рода домашнею птицею. Рогатый скотъ и лошади—мелкой породы. Для перевозки тяжестей повсемѣстно, съ незапамятныхъ временъ употребляютъ буйвола: онъ кротокъ и послушенъ и свезетъ втрое больше вола. Но его медленность и необыкновенное упрямство во время большихъ жаровъ представляютъ при этомъ довольно чувствительныя невыгоды. Въ сухомъ климатѣ буйволъ требуетъ особеннаго ухода. Лѣтомъ проводятъ воду въ широкія ямы, въ которыхъ животныхъ купаютъ по нѣсколько разъ въ день; а зимой приходится предохранять ихъ отъ чрезмѣрной стужи попонами и кормить дубовыми листьями. Для этого осенью съ дуба срубаютъ вѣтви съ листьями, и этотъ запасъ складывается въ кучу. Буйволъ легко откармливается, но мясо его жестко; корова даетъ жирное молоко, но немного; рога, кости и всѣ другія части, которыя могли бы пойти на варку клея, бросаются обыкновенно безъ всякой пользы.

Козы въ Болгаріи, какъ и вездѣ, заклятые враги лѣсовъ; но, не смотря на то, онѣ разводятся съ особеннымъ усердіемъ. Каждою весною, въ сопровожденіи исполинскихъ собакъ, съ запасомъ всевозможныхъ котловъ и посуды для приготовленія сыра, пастухъ гонитъ свои стада на возвышенныя роскошныя луговины Болгарскихъ горъ. Вершины деревьевъ или небольшой шалашъ изъ вѣтвей служитъ ему кровомъ; хлѣбъ, молоко и сыръ составляютъ его пищу. Нерѣдко онъ подвергается опасности со стороны разбойни-

ковъ,—и только позднею осенью снова видитъ свою долину. Если стада возвращаются домой благополучно, тогда онъ всею грудью играетъ на флейтѣ, своей неразлучной спутницѣ, звуки которой отрадно раздаются въ меланхолической тишинѣ Балканскихъ лѣсовъ.

***

Болгарія очень богата минеральными ключами. Теплые источники до 47° по Цельзію встрѣчаются весьма часто. Ея почва скрываетъ огромныя металлическія богатства, еще неразработанныя, едва только тронутыя. Извѣстны желѣзныя залежи въ Самоковѣ, но онѣ разработываются первобытнымъ способомъ. Даже новѣйшаго устройства доменныя печи не имѣютъ ничего общаго съ нашимъ раціональнымъ горнозаводскимъ дѣломъ.

***

Изобиліе богатыхъ гидравлическихъ силъ благопріятствуетъ промышленнымъ предпріятіямъ въ Болгаріи, и опыты съ ними тамъ повсемѣстны. Причины, по которымъ они такъ рѣдко увѣнчиваются прочнымъ успѣхомъ, я объясню въ другомъ мѣстѣ. Кто изучаетъ Турецкія отношенія не издалека, и не по туркофильскимъ источникамъ, тотъ не удивится этому; скорѣе его удивитъ, что промышленность держится еще въ нѣкоторыхъ Болгарскихъ городахъ довольно успѣшно. Во многихъ областяхъ, напримѣръ на Балканѣ, куда не заходила еще нога Турка, гдѣ отдѣльные города какъ Габрово, Травна и Калоферъ, пользуются довольно самостоятельнымъ самоуправленіемъ, тамъ ремесленность постоянно возрастаетъ. И если бы не Русско-Турецкая война 1828 г. промышленность, безъ сомнѣнія, достигла бы тамъ цвѣтущаго состоянія. Сильная эмиграція въ Бессарабію, бывшая послѣдствіемъ этой войны, нанесла ей ударъ, отъ котораго она не оправилась и донынѣ.

Въ своемъ мѣстѣ я поговорю о той промышленной отрасли, въ которой, по собраннымъ мною во время моихъ путешествій даннымъ, Болгаринъ выказалъ неоспоримое призваніе, къ художественнымъ мастерствамъ и техническимъ искусствамъ. Предпочитая искать средствъ къ жизни въ промышленности, онъ тѣмъ самымъ выгодно отличается отъ торговыхъ и воинственныхъ Сербовъ. Онъ не только обнаруживаетъ пониманіе формъ и красокъ, ловкость въ ручныхъ работахъ и прилежаніе, но, кромѣ того, обладаетъ замѣчательнымъ строительнымъ талантомъ, который выказывается въ постройкѣ домовъ, но особенно въ сооруженіи водоподъемныхъ машинъ, мостовъ и храмовъ. Великолѣпнѣйшій мостъ въ Болгаріи Янтраскій, близъ Белы, построенъ двумя первобытными зодчими Балкана. Церкви и даже мечети и синагоги въ большихъ городахъ съ ихъ смѣло-выведенными куполами, минаретами и т. д.—также произведенія необразованныхъ Болгаръ, едва умѣющихъ владѣть карандашемъ.

Какъ въ сельскомъ хозяйствѣ, такъ и въ промышленности, Болгары не имѣютъ со стороны государства никакого поощренія къ

раціональному способу производства — не имѣютъ необходимыхъ школъ и учрежденій, благодаря которымъ у насъ ремесла и художества достигли такой высокой степени развитія. Но если при всѣхъ этихъ пробѣлахъ многообразное производство первобытной промышленности Болгаръ, напримѣръ, ихъ серебряныя и желѣзныя издѣлія, ихъ ковры, шитье, кисеи, рѣзьба на деревѣ возбуждаютъ справедливое удивленіе, тѣмъ больше надо сожалѣть, что несчастныя государственныя отношенія Турціи мѣшаютъ этому даровитѣйшему изъ юго-Славянскихъ племенъ войти въ ближайшее соприкосновеніе съ Европейскою цивилизаціею и развить задатки своихъ неоспоримыхъ художественныхъ талантовъ.

Правда, Россія, можетъ быть, скорѣе (!) изъ политическихъ, чѣмъ гуманныхъ видовъ, постоянно и въ самыхъ широкихъ размѣрахъ открывала свои школы родственнымъ ей по племени Болгарамъ. Но, не говоря уже о томъ, что это дѣлалось въ высшей степени односторонне и, весьма естественно, приносило пользу только очень немногимъ, — 1854 годъ нанесъ Русскому вліянію, прежде всемогущему, на Турецкую раю, сильный ударъ, послѣдствія котораго только теперь начинаютъ исчезать. Задачею слѣдующихъ отдѣловъ моего труда будетъ указать значительныя перемѣны, послѣдовавшія въ этомъ отношеніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ уяснить положеніе, которое занимаетъ фанаріото-Греческое духовенство по отношенію къ Болгарскому народу и въ которомъ именно слѣдуетъ искать причинъ низкой степени его образованія.

***

Въ послѣднія десять лѣтъ народное образованіе сдѣлало значительный шагъ впередъ. Но богатыя отъ природы дарованія Болгаръ только тогда разовьются, какъ должно, когда будутъ преобразованы ихъ школы, учители и духовенство, и когда число ихъ будетъ увеличено. Теперь же масса народа въ высшей степени суевѣрна и невѣжественна. Къ этому слѣдуетъ прибавить немножко фанатизма, заимствованнаго отъ Турокъ,—тогда какъ монахи дѣлаютъ съ своей стороны все, чтобы извлечь выгоды изъ этихъ печальныхъ обстоятельствъ.

Европейскій образованный врачъ не пользуется у нихъ ни малѣйшимъ значеніемъ; Болгары ходятъ къ Святымъ мѣстамъ, въ скрытые по горнымъ ущельямъ монастыри, съ тѣмъ, чтобы вымолить тамъ себѣ исцѣленіе отъ недуговъ, а для излѣченія глазныхъ и другихъ болѣзней посѣщаютъ источники, посвященные святымъ.

Надъ людьми, одержимыми падучею болѣзнею, пробуютъ заклятія, возлагая нѣсколько разъ сряду больному на грудь раскаленный металлическій крестъ, или влагая его (?) въ такія части тѣла, которыя не совсѣмъ удобно обозначить ближе. На свѣжую могилу часто втыкаютъ три веретена, чтобы не дать на нее сѣсть злому духу. Гдѣ не помогаютъ попы и монахи, тамъ прибѣгаютъ къ таинственному искусству «бабы», къ мудрѣйшей женщинѣ въ де-

ревнѣ, а въ болѣе сомнительныхъ случаяхъ къ магометанскому хаджи, чтò, впрочемъ, можетъ повести за собою отлученіе отъ причастія въ случаѣ, если бы это дошло до попа. Къ всесильной деревенской ворожеѣ, которая водится съ духами (остатками язычества), духовное лицо питаетъ—весьма нерѣдко безграничное—уваженіе; мало того—въ особенныхъ случаяхъ оно само прибѣгаетъ къ ней за совѣтомъ,—а между тѣмъ Турецкихъ собратовъ своихъ оно ненавидитъ всѣми силами души.

Съ тѣхъ поръ, какъ Болгары подпали подъ власть Турокъ и фанаріотовъ, надъ ними тяготѣетъ средневѣковое отчужденіе отъ церкви. Болгаринъ, почти незатронутый нравственнымъ содержаніемъ христіанскаго ученія, которое если и извѣстно его духовенству, то едва ли только не по внѣшнимъ формамъ, коснѣетъ въ преданіяхъ и обычаяхъ древне-Славянскаго язычества. Съ ними онъ вступаетъ въ жизнь; они вліяютъ на кругъ его нравственныхъ понятій и на его практическую дѣятельность; они провожаютъ его до самой могилы, и даже за могилу, ибо и почитаніе умершихъ у нихъ сильно перемѣшано съ суевѣрными обычаями. Они составляютъ, такъ сказать, его вторую религію, которая держитъ его въ крѣпкихъ оковахъ, тогда какъ та религія, которую Болгаринъ исповѣдуетъ оффиціально, къ сожалѣнію, едва только коснулась его своимъ глубокимъ внутреннимъ содержаніемъ, но зато своими темными сторонами пала на него всею тяжестью.

Нѣтъ сомнѣнія, что многочисленнымъ церковнымъ праздникамъ, которые проводятся въ тупой бездѣятельности, и продолжительнымъ постамъ слѣдуетъ въ значительной мѣрѣ приписать то, что вообще восточные народы, а съ ними и Болгары, не смотря на богатыя отъ природы дарованія, идутъ такъ медленно путемъ цивилизаціи.

Но политическіе и церковные интриганы да не увидятъ въ этихъ словахъ какого либо косвеннаго намека, будто бы я хочу рекомендовать Иллирійскій треугольникъ, какъ благодарное поприще для ихъ пропагандистской дѣятельности. Напротивъ, какъ я и укажу въ свое время, по моему мнѣнію, здѣсь затрата капитала и труда съ ихъ стороны принесла бы весьма скудные проценты. Востокъ принадлежитъ разъ и навсегда православію, и надо предоставить времени и неумолимымъ требованіямъ измѣнившихся хозяйственныхъ отношеній—устранить постепенно замѣчаемые на немъ болѣзненные наросты,—и тогда безчисленные праздники и посты, столь враждебные западно-Европейскому прогрессу, исчезнутъ сами собою, вслѣдствіе внутренней необходимости, какъ то уже было въ другихъ христіанскихъ церквахъ...

Читателя, который заинтересовался бы ритуальною обрядностью восточной церкви при крещеніи, бракѣ и смерти, а также и въ важнѣйшихъ годовыхъ праздникахъ, я отсылаю къ моей книгѣ «Сербія». Здѣсь же я намѣренъ описать лишь тѣ изъ многообразныхъ Болгарскихъ обычаевъ и нравовъ, измѣняющихся подобно народной одеждѣ, смотря по мѣстности, въ которыхъ силь-

нѣе замѣчается помѣсь христіанскихъ и древне-языческихъ преданій, и которые, по этой причинѣ, интереснѣе для этнографа, такъ какъ они даютъ драгоцѣнный и отчасти совершенно новый матеріалъ, для сравненія съ обычаями и нравами у другихъ народовъ и для обсужденія нравственныхъ свойствъ великаго Болгарскаго народа.

***

Начнемъ съ перваго праздника по Юліанскому календарю.

Болгаринъ празднуетъ первый день новаго года («сурова година»), осыпая знакомыхъ поздравленіями. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ всякаго встрѣчнаго трогаютъ вѣтвью («суркавница») дерноваго дерева («дреново дрво») а въ другихъ яблочною вѣткою, приговаривая: «сурвакамъ» (поздравляю). Это считается очень полезнымъ для здоровья. Въ сѣверной области Балкана и на Дунаѣ тоже дѣлается со слѣдующимъ приговоромъ:

Сурва, сурва година,
Големъ класъ на нива,
Големъ гроздъ на лозѣ,
Цървена ябалка въ градина,
Живо, здраво до година!

(Счастливаго года, полныхъ колосьевъ на пашнѣ, обильныхъ гроздій на лозѣ, красныхъ яблокъ въ садахъ, и здоровья на весь годъ!)

Цѣлый день проходитъ во взаимныхъ посѣщеніяхъ и поздравленіяхъ друзей. Подобные же повѣрья и обычаи господствуютъ и въ Албаніи, съ тою только разницею, что тамъ все это дѣлается утромъ 1-го марта. Къ югу отъ Балканъ вѣтка разломывается на небольшіе куски, которые обозначаютъ различныя отрасли хозяйства, каждый кусокъ называется поимѣнно,—и потомъ ихъ запекаютъ въ пирогъ, который и съѣдается всѣми домашними. Въ окрестностяхъ Казана Василевъ панъ (вѣтка Св. Василія) сжигается торжественно вечеромъ.

На попову коледу (5-го января) священникъ ходитъ отъ двора ко двору, благословляетъ и кропитъ святою водою все помѣщеніе, за что получаетъ небольшіе подарки, а вечеромъ въ меньшихъ только размѣрахъ – повторяется бадній вечеръ, съ обрядами, которые будутъ описаны ниже.

На праздникъ трехъ королей (богоявленіе или водокрестье) 6-го января въ при-Дунайскихъ областяхъ мать старается раннимъ утромъ и совершенно невзначай натереть грудь своихъ дѣтей снѣжными катушками, что̀, по народному повѣрью, должно сохранять ихъ въ добромъ здоровьѣ. Около Варны взрослые люди обливаютъ другъ друга водою. Кто хочетъ избавиться отъ этого невольнаго купанья, даетъ выкупъ, который вечеромъ и пропивается сообща въ деревенскомъ шинкѣ. Въ окрестностяхъ Шумлы недавно оженившіеся мужчины отправляются, въ сопровожденіи музыкантовъ изъ друзей и знако-

мыхъ, къ рѣкѣ или чешмѣ (колодцу) и при восклицаніи «влачугамъ»—т. е. «обливаемъ» молодаго супруга, ихъ окачиваютъ водой. На южныхъ склонахъ Балкана, около Копривштцины всѣ иконы святыхъ, находящіяся въ домѣ, въ этотъ день обмываются въ рѣкѣ, и старѣйшина, т. е. отецъ семейства, водитъ недавно вышедшую замужъ невѣстку къ рѣкѣ. Тамъ она кланяется ему три раза въ ноги, входитъ въ воду и затѣмъ цѣлуетъ ему руку. Старикъ даритъ ей что-нибудь, а она съ своей стороны отдариваетъ его платкомъ. Въ городахъ по южному Балкану эта церемонія ограничивается небольшимъ возліяніемъ воды на голову, что дѣлается, однако, дома и обыкновенно на «бабинъ день».

8-е января называется бабинъ день (бабушкинъ день). Во многихъ деревняхъ, при рѣкѣ Камчикѣ, его празднуютъ своего рода сатурналіями. Женщины проходятъ по мѣстечку съ веселыми криками и плясками и ломаются самымъ непристойнымъ образомъ,—обычай тѣмъ болѣе странный, что въ обыкновенное время танцы считаются неприличными для замужнихъ женщинъ. У Татаръ-Базарджика женщины, незадолго передъ тѣмъ разрѣшившіяся отъ бремени, берутъ богато убранные золотыми блёстками букеты, потомъ разнаго рода подарки, блюдо съ водою, полотенце и мыло и отправляются къ деревенской бабѣ; при передачѣ подарковъ цѣлуютъ у ней руки, моютъ и вытираютъ ихъ, и за это получаютъ, съ разнаго рода приговорами, цѣлебныя красныя шерстинки, хлѣбъ съ солью,—и чѣмъ кто быстрѣй проглотитъ эти талисманы, тѣмъ легче будутъ для нея слѣдующіе роды. Часто мать приноситъ съ собою младшихъ дѣтей; баба кладетъ имъ на голову бѣлую шерсть, для того, чтобы они доживали до сѣдыхъ волосъ; если же это дѣти мужскаго пола, то и подъ губы, чтобы въ зрѣломъ возрастѣ у нихъ лучше росла борода. Въ этотъ день около Шумлы, шутовски переряженые мужчины хватаютъ какую-нибудь старуху (бабу) и бросаютъ ее въ ручей, или окачиваютъ водой. На «бабинъ день» повсемѣстно пьянствуютъ.

Въ первый вечеръ большой сырницы или сырнаго заговѣнья, у Копривштицы парни уходятъ за деревню, разводятъ большой костеръ, потомъ, прикрѣпивъ къ жердямъ зажженные пучки соломы, машутъ ими кругомъ, пока они не погаснутъ въ дождѣ искръ. Это называется у нихъ «самодивскій огонь», т. е. огонь для заклятія злыхъ духовъ. Въ слѣдующій за тѣмъ «чистый понедѣльникъ» переряживаются: наступаетъ веселая масляница. Въ Ловецѣ и въ его окрестностяхъ убираютъ маскарадный костюмъ маленькими колокольчиками. Со зрителей и прохожихъ сбираютъ деньги, которыя и идутъ на общее узеселенье. Около Варны на первыхъ дняхъ масляницы всѣ дворовыя собаки подвергаются жестокимъ побоямъ, въ видахъ предохраненія ихъ отъ водобоязни, что сопровождается ужаснѣйшимъ воемъ.

Въ «Чистый Понедѣльникъ», т. е. въ первый понедѣльникъ послѣ масляницы, начинается строгій постъ. Вся посуда вычищается и выскребается; воздерживаются отъ всякой пищи, или,

по крайней мѣрѣ, ничего не варятъ, такъ какъ это можетъ принести засуху и помѣшать плодородію фруктовыхъ деревьевъ.

Въ Тудорову (Ѳедорову) субботу на южныхъ склонахъ Балкана молодые люди садятся на лошадей и скачутъ по полямъ и лугамъ. Это очень полезно для здоровья. Въ при-Дунайскихъ же областяхъ вѣрятъ, что этимъ животныя предохраняются отъ злокачественныхъ болѣзней.

Въ воскресенье на второй недѣлѣ поста празднуется задушница (задушный день). На могилы умершихъ ставятъ кушанья и напитки, и для возбужденія въ покойникахъ хорошаго аппетита, въ Камчикѣ женщины ходятъ съ зажженными восковыми свѣчами изъ дома въ домъ. Въ виду такихъ благочестивыхъ обрядовъ, которые обыкновенно соблюдаются и вслѣдъ за смертью,—нельзя сомнѣваться, что Болгары вѣрятъ не только въ безсмертіе души, но и въ дальнѣйшую физическую жизнь умершихъ,—чтó д-ръ Вильсонъ признаетъ и за древними Бретонцами.

Мартъ заступаетъ въ Болгаріи мѣсто апрѣля нашихъ широтъ. Онъ причудливъ и непостояненъ, непогодливъ и похожъ на май. Можетъ быть, по этому-то онъ и называется у Болгаръ «бабой Мартой» (бабушка Мартъ), и считается единственнымъ женскимъ мѣсяцемъ. Онъ посвященъ женскому полу, который втеченіе его отдыхаетъ отъ годовой работы и получаетъ въ домѣ нѣкоторый перевѣсъ надъ мужчинами. На южной сторонѣ Балкана женщины празднуютъ отъ великаго четверга передъ Пасхой до Спасова дня (Вознесенье) каждый четвергъ, воздерживаясь отъ всякой работы. Если въ эти дни женщины стали бы прясть, мыть, бѣлить полотно и т. д., то надо ждать града, засухи и другихъ бѣдъ отъ «бабы Марты». 1-го марта навязываютъ на сгибы руки красныя нитки, носятъ ихъ такимъ образомъ втеченіе нѣсколькихъ дней, потомъ кладутъ ихъ подъ камень и, по истеченіи извѣстнаго времени, смотрятъ, какія насѣкомыя заведутся подъ нимъ,—и, судя по породѣ, предсказывается, что̀ выпадетъ на долю текущаго года.

Праздникъ Благовѣщенія имѣетъ для Болгаръ, занимающихся землецѣліемъ и работающихъ въ поляхъ и лѣсахъ, большое значеніе. По ихъ понятіямъ, въ этотъ день, 25-го марта отдыхаетъ вся природа, даже ласточки и пчелы, ибо это—праздникъ рождающейся весны. Однѣ только змѣи покидаютъ свои темные притоны и справляютъ свой шабашъ. Поэтому на южныхъ склонахъ Балкана, еще задолго до солнечнаго восхода, женщины берутъ металлическіе тазы и, бѣгая по двору, бьютъ въ нихъ деревянными ложками и поютъ «бѣгите прочь, змѣи, ящерицы» и т. д. Горе тому, кто осмѣлился бы убить въ этотъ день хотя одну изъ этихъ страшныхъ гадинъ. Въ этотъ годъ онъ будетъ непремѣнно ужаленъ,—повѣрье распространенное на Камчикѣ. У Албанцевъ и Сербовъ этотъ праздникъ стоитъ точно также въ связи со змѣями, хотя и въ другомъ отношеніи. Вечеромъ въ Болгарскихъ деревняхъ (около Варны), зажигаютъ три большихъ костра. У одного собираются женатые мужчины и пускаютъ въ круговую чутуры,

бутылки съ водкою (раки) или виномъ, у другаго садятся замужнія женщины, прядутъ и болтаютъ, вокругъ третьяго, подъ звуки гайды, танцуютъ молодые парни и дѣвушки. Если день начинается тихо, зато оканчивается шумно. Не подлежитъ, конечно, ни какому сомнѣнію, что въ этихъ обычаяхъ мы встрѣчаемся съ остатками языческаго весенняго праздника равноденствія.

Шестинедѣльный постъ, предшествующій Пасхѣ, соблюдается очень строго. Только на Благовѣщеніе разрѣшается рыба, что̀ стоитъ въ связи съ преданіемъ, относящимся къ императору Константину Палеологу, хотя и не объясняется имъ. По строгости, съ этимъ постомъ равняется только Петровскій постъ въ іюнѣ. Въ оба поста, слѣдовательно втеченіе 10-ти недѣль употребляется, главнымъ образомъ, растительная пища, приправленная постнымъ масломъ. Къ болѣе легкимъ постамъ, во время которыхъ разрѣшается ѣсть молоко, сыръ и рыбу, причисляютъ слѣдующіе: Успенскій 14-ть дней, Воздвиженія животворящаго креста Господня 14-ть дней, Покровъ Пресвятой Богородицы 8-мь дней, Архангела Михаила 8-мь дней и, наконецъ, шестинедѣльный Рождественскій постъ. Если прибавить къ этимъ 22-мъ недѣлямъ поста 30-ть пятницъ, а для крестьянъ и сѐреды, которыя считаются у нихъ также постнымъ днемъ, то на долю восточныхъ христіанъ низшихъ классовъ выпадаетъ такая масса средствъ къ удрученію плоти, какой не знаютъ теперь другія христіанскія церкви.

За день до Лазарева дня (въ Лазареву Субботу) по деревнямъ ходятъ цыганки, съ плясками и пѣснями «Лазарицы». Въ самый день св. Лазаря маленькія дѣвочки, живущія въ мѣстечкѣ, одѣтыя по праздничному, ходятъ изъ дома въ домъ, и гдѣ есть неженатые парни или невѣсты, — поютъ разныя подходящія къ дѣлу, серьёзныя или веселыя пожеланія благополучія, за что̀ получаютъ подарки. Около Ловеца это происходитъ 14-ю днями раньше. При этомъ дѣвушки пристёгиваютъ встрѣчнымъ къ плечу пёстрый платокъ, и за это получаютъ отъ нихъ небольшіе подарки. При этомъ поется: «о приди, приди Лазарь, яйца разбиты» и т. д.

Въ Вербное воскресенье посѣщаютъ могилы родныхъ и справляютъ на нихъ поминки. Остатки кушанья и напитковъ оставляютъ мертвымъ, и многіе изъ Болгаръ твердо убѣждены, что ночью они съѣдаются. Вербы, освященныя въ этотъ день, кладутъ (около Камчика) на животъ,—собственно для предотвращенія боли въ спинѣ, а на другой день изъ нихъ плетутъ вѣнки и вѣшаютъ на образа.

На цвѣтной недѣлѣ, какъ называется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Вербное воскресенье (близъ Копривштицы), дѣвушки собираются у ручья и валькомъ бросаютъ куски хлѣба въ воду. День проходитъ вездѣ въ пѣсняхъ и пирушкахъ.

Въ великій четвергъ красятъ яйца, и мать съ благословеніемъ натираетъ ими щеки дѣтей, приговаривая: «дай Богъ, чтобы вы цѣлый годъ были такъ красны, какъ эти яйца». На Дунаѣ исключительно въ этотъ день готовятъ «кузонаци» (куличи).

На Пасху (Свѣтлое воскресенье) еще до разсвѣта торопятся съ

восковою свѣчою въ рукахъ въ церковь и больше всего боятся пропустить ту минуту, когда священникъ, по выходѣ изъ царскихъ вратъ, съ горящимъ трикиріемъ въ рукѣ и благословляя народъ, провозглашаетъ: «пріимите Духъ Святъ». Каждый торопится и тѣснится, чтобы зажечь заранѣе приготовленную на этотъ случай свѣчу освященнымъ пламенемъ и всѣми средствами старается ухитриться донести ее горящею домой, гдѣ освѣщаютъ ею всѣ углы, чтобы разогнать гадинъ и злыхъ духовъ. Всѣмъ встрѣчнымъ восклицаютъ: «Христосъ воскресе!» и получаютъ въ отвѣтъ: «воистину воскресе»! Бѣдныхъ по сосѣдству одѣляютъ яйцами и пирогами, а въ понедѣльникъ на Свѣтлой недѣлѣ носятъ крашеныя яйца на могилы покойниковъ. Отъ Пасхи до Юрьева дня и отъ Параскевы Пятницы до Дмитріева дня свадебъ не бываетъ. Но зато на Пасху молодые люди сватаются и объясняются въ любви. Послѣ обѣда и вечеромъ пляшутъ подъ звуки волынки и флейты, и вообще время проводится весело.

День св. Георгія, какъ день истребителя дракона, высоко чтится Болгарами. Какъ въ Сербіи, такъ и здѣсь его справляютъ ягненкомъ, и до этого дня не ѣдятъ молодыхъ животныхъ. Кожи убитыхъ ягнятъ, а если случится въ нихъ недостатокъ, то и молодыхъ телятъ, достаются попамъ. Въ этотъ день заключаются контракты на цѣлый годъ владѣльцевъ стадъ съ пастухами, съ ремесленниками, работниками, прислугою и т. д.

Раннимъ утромъ 1-го мая, въ областяхъ къ югу отъ Балкана. болѣзненныя и неплодородныя женщины выходятъ на зеленѣющія луга и раздѣтыя катаются по росистой травѣ. Въ этотъ же день на Дунаѣ пьютъ для поправленія здоровья свѣжее молоко и особенный родъ майскаго напитка (пелинашъ) полыновую настойку, абсентъ.

Если весною случится бездождье, то устроиваются такія же, какъ у Сербовъ процессіи; но здѣсь онѣ называются не «додола», а «пеперудо» (бабочка). Обнаженныя цыганки, прикрытыя зелеными вѣтвями, ходятъ отъ одного двора къ другому съ пѣснями, посвященными богинѣ дождя, обыкновенно такого содержанія: «о пеперудо рудоле! низведи росу, о рудоле! дай дождя, чтобы богато уродилась пшеница, маисъ и пшено, о рудоле! умножь пчелъ, о рудоле! рудоле»! и т. д. Послѣ этого, дѣвушекъ обливаютъ водою и дарятъ. Прежде этотъ обходъ съ «пеперудою» дѣлался дѣвушками деревенскими уроженками, но съ нѣкотораго времени и въ Болгаріи духовенство начинаетъ ратовать противъ всѣхъ этихъ языческихъ обрядовъ во время засухи. Около Шумлы такое обыкновеніе: убираютъ листьями куклу, называемую «германчо» и въ присутствіи всѣхъ деревенскихъ жителей бросаютъ ее въ ручей и т. д.

Со Спасова дня (Христово вознесенье) 17-го мая начинаются «самовильскіе» праздники, продолжающіеся восемь дней и устроенные въ честь фей, которыя пользуются уваженіемъ даже у Сербовъ, и по ихъ повѣрью живутъ въ поляхъ, лѣсахъ, рощахъ, ручьяхъ и лугахъ. Тутъ больше чѣмъ гдѣ либо обнаруживаются языческіе обряды и самое названіе «розаліа», которымъ обозначаются въ на-

родѣ мистеріи этихъ суевѣрныхъ обычаевъ, указываетъ на ихъ единое происхожденіе и связь съ подобными же явленіями у древнихъ народовъ. Впродолженіе этихъ «самовильскихъ» праздниковъ, которые во многихъ странахъ продолжаются до наступленія дождей,—больныхъ, одержимыхъ меланхоліей, помѣшательствомъ, падучею болѣзнью и другими неизлѣчимыми недугами, отводятъ или отвозятъ на такія прочисти въ лѣсу, гдѣ растетъ роза, любимая пища «самовилъ» и тамъ оставляютъ ихъ на всю ночь, въ полномъ убѣжденіи, что феи соберутся около нихъ, пропляшутъ свои «хоро» и рѣшатъ ихъ участь. Какъ ни любитъ Болгарка украшать себя цвѣтами, но розы она никогда не вплететъ себѣ въ волосы; роза можетъ принести несчастье, если фея какъ нибудь коснулась ее ногою. Сороки («сърака») и орлы («оре»), по повѣрью Болгаръ, состоятъ у фей на особой службѣ. На Ильинъ день (20-го іюля) сороки слетаются на «харманъ» (гумно) и молотятъ «розы» (подсолнечники) для самовилъ, а такъ какъ при этомъ онѣ запрягаются въ ярмо, то оттого у нихъ такъ мало перьевъ на шеѣ. У орловъ голая шея оттого, что ихъ запрягаютъ въ колесницы фей, которыхъ они возятъ по воздуху. По повелѣнію ихъ, эти страшныя птицы наносятъ даже градъ на засѣянныя поля, и потому, когда находятъ градовыя тучи, обыкновенно стрѣляютъ въ воздухъ, чтобы спугнуть приближающагося орла. Если во время грома и молніи на дворѣ случится незакрытая посудина съ водою, то дѣвушки и парни не смѣютъ умываться этою водою, иначе — пожалуй въ нихъ влюбится «змай» (драконъ) и принесетъ бѣду. На сѣверной (а можетъ быть, и на южной) сторонѣ Балкана, а также на Дунаѣ во время «розалій» не смѣютъ купаться въ ручьяхъ и источникахъ, по той причинѣ, что «вилы» любятъ плясать во влажной стихіи и жестоко мстятъ за каждую помѣху. Въ Систовѣ, Ловецѣ и другихъ мѣстахъ, впродолженіе осьми дней, считая съ Духова дня, женщины покидаютъ всякую работу. Въ противномъ случаѣ, феи (розаліи) разсердятся и виновныя, навѣрное, не избѣжатъ дурныхъ послѣдствій.

Праздникъ солнечнаго поворота справляется въ Болгаріи въ день Рождества св. Іоанна Крестителя (на Іоанъ, Янавъ, Иванъ или Енувъ день) 24-го іюля, причемъ въ этотъ день на вершинахъ горъ разводятся огромные костры. Дѣвушки развлекаются въ этотъ день всевозможными играми. По разнымъ примѣтамъ, при чемъ большую роль играютъ кольца, стараются всячески угадать свою судьбу на счетъ замужества. Около Ловеца, дѣвушки ходятъ рано утромъ на Осму, теченіе которой тамъ очень быстро, и бросаютъ въ нее вѣнки, сплетенные еще съ вечера. Та дѣвушка, чей вѣнокъ поплыветъ впереди всѣхъ, обязана на ближайшій Петровъ день устроить своимъ подругамъ праздникъ, который справляется съ угощеніемъ, музыкой и плясками *). Въ при-Дунайскихъ обла-

*) Авторъ имѣлъ случай видѣть такого рода праздникъ—въ 1871 г., въ Ловецѣ, въ домѣ Пенчу-Абаджи и опишетъ его подробнѣе во II части этого сочиненія.

стяхъ за три дня до Иванова дня шесть по-праздничному одѣтыхъ дѣвушекъ, предводительница которыхъ съ «колпакомъ» (мѣховою шапочкою) на головѣ, вооружена мечомъ, ходятъ съ музыкою по деревнѣ. Онѣ останавливаются у каждаго дома. Дѣвушки пляшутъ и поютъ, а предводительница машетъ по воздуху мечомъ, какъ будто отсѣкая кому голову. Это должно напоминать усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи. Собственно обычай этотъ принадлежитъ Румынамъ, поселившимся на Болгарскомъ берегу Дуная, занесенъ съ другаго Валашскаго берега и называется «драгайка».

Съ Петрова дня 29-го іюня, который, какъ мы уже упоминали, подаетъ поводъ ко всяческимъ играмъ и попойкамъ, — Турецкіе христіане и мусульмане снова начинаютъ ѣсть мясо. Этотъ день, преимущественно въ Ловецѣ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ церкви освящены во имя этого великаго апостола, празднуется, какъ приходскій праздникъ, большимъ «зборомъ».

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, во многихъ областяхъ на южной сторонѣ Балкана, празднуются «горешницы» (три жаркихъ дня), на которые прекращаются всякія работы на полѣ.

Успеніе Божіей Матери, «Света Богородице», особенно знаменательно для молодаго поколѣнія. Если надо, чтобы дѣтямъ была во всемъ удача, то въ этотъ день которому нибудь изъ святыхъ должна быть принесена жертва ягнятами, виномъ, медомъ и т. д. Выборъ святаго происходитъ такъ: передъ тремя образами святыхъ зажигаются три восковыя свѣчи, приносятъ маленькаго ребенка, и та свѣча, за которую онъ сперва возьмется, указываетъ святаго, котораго благоволеніе обѣщаетъ наибольшее благополучіе. Присутствующіе пьютъ и приносятъ ему дары съ слѣдующимъ приговоромъ: «эта жертва въ честь твою, святой (Михаилъ)»! Затѣмъ закалываютъ ягненка и съѣдаютъ его, потомъ пьютъ и съѣдаютъ остальныя жертвы за общею праздничною попойкою.

На «Петковъ день» (св. Петка) 14-го октября въ деревняхъ около Ловеца устроиваются сборища, пируютъ и пьютъ въ честь и память причисленной къ лику святыхъ Петки (Параскевы Пятницы), побѣдившей своимъ геройскимъ мужествомъ Грековъ въ какомъ-то сраженіи. Также устроиваютъ скачки на лошадяхъ по лугамъ и полямъ, родъ военныхъ игрищъ.

На Димитровъ день (26-го октября) въ конюшняхъ и хлѣвахъ зажигаютъ освященныя восковыя свѣчи, для того, чтобы злые духи не вредили домашнимъ животнымъ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ начинаются «влци празницы» (волчьи праздники). Въ эти дни на южномъ склонѣ Балкана жены пастуховъ накрѣпко завязываютъ ножницы, которыми стригутъ овецъ, ягнятъ и козъ; этимъ завязывается волчья пасть,—такъ что волки уже не могутъ вредить животнымъ. На всѣ эти восемь дней женщины бросаютъ всякое рукодѣлье; но особенно остерегаются шить платье своимъ мужьямъ, такъ какъ такое платье неминуемо привлечетъ волковъ, и пастухъ будетъ разорванъ.

Наканунѣ 30-го ноября или дня Андрея Первозваннаго (30-го

ноября), у Ловеца варятъ вмѣсто кушанья всевозможные сорты зерноваго хлѣба и восклицаютъ: «какъ эти зерна разбухли, такъ пусть растетъ все въ слѣдующемъ году». На южной сторонѣ Балкана варятъ пшеницу. Передъ ужиномъ, мужчины, которые работаютъ въ полѣ, берутъ каждый полную ложку пшеницы и бросаютъ ее въ дымовую трубу, приговаривая: «пускай такъ высоко колосится рожь». Послѣ чего остальное съѣдается.

Съ Игнатьева дня, т. е. съ 20-го до 25-го ноября по вечерамъ поютъ: «Пресвятая Дѣва Марія чувствовала муки отъ Св. Игната до Коледы (Рождества), и знала что она народитъ Бога». «Тебѣ, хозяйка дома, поемъ мы, у тебя сынъ (слѣдуютъ по очереди имена всѣхъ дѣтей мужескаго пола), воспитай его хорошо, чтобы онъ былъ набоженъ и уменъ, чтобы онъ учился читать и писать, чтобы онъ сдѣлался баномъ, сталъ бы королемъ». Около Ловеца тотъ, кто первый встанетъ на Игнатьевъ день, долженъ носить что нибудь въ рукѣ, кружку съ водою или что другое. Дѣти приносятъ пожеланія, чтобы въ домѣ разводились куры, гуси, утки и т. д.; взрослые желаютъ другъ другу хорошаго года, богатой жатвы, урожая винограда и т. д. До 25-го ноября не ѣдятъ чеснока: кто съѣстъ, тотъ поглупѣетъ,—повѣрье, распространенное по преимуществу на Балканѣ.

Съ 24-го декабря до 6-го января ночью боятся изъ-за злыхъ духовъ выходить со двора. Въ это время слабый смертный наиболѣе подверженъ вліянію демоническихъ силъ природы. «Кара кончу» (черныя лошадки), несущія погибель, «змаи» (драконы), заколдованные медвѣди и волки дѣлаютъ лѣсъ небезопаснымъ. Злые демоны приносятъ съ собою зимнія бури. Около Варны боятся оставлять пустою посуду, даже нагружаютъ повозки, иначе онѣ будутъ унесены. Короче, передъ Рождествомъ, какъ у Болгаръ, такъ и у всѣхъ южныхъ Славянъ, христіанскіе обряды, больше чѣмъ когда либо оттѣсняются на задній планъ языческими, и древне-Славянская фея «коледа» празднуетъ повсемѣстно свое торжество. Всюду поминаютъ ее, въ честь ея поются пѣсни, и гдѣ только звучитъ Славянская рѣчь, отъ рѣки Савы до Чернаго моря, всюду до дня Рождества нашего Искупителя слышны пѣсни и напѣвы съ вѣчно однимъ и тѣмъ же припѣвомъ: «о коледа, о коледа!» Въ моей «Сербіи» я описалъ довольно подробно значеніе и обряды рождественскихъ праздниковъ. Сообщенное тамъ относится и къ Болгаріи. Въ дополненіе я привожу здѣсь обычаи, принадлежащіе собственно Болгарамъ.

Въ сочельникъ (коледа), по Болгарскимъ деревнямъ ходятъ взрослые мальчики съ небольшими палками («коледарками») въ рукахъ. Они подходятъ къ каждому двору и стучатъ палками по землѣ съ громкими восклицаніями: «Богъ се роди коледо!», за что отдариваются караваями («краваи»). Около Ловеца они поютъ: «замечиса Божа матка, отъ Игната до каледа да се роди Христо бога, станание господине» (т. е. Пресвятая Дѣва Марія чувствовала муки со дня Св. Игнатія до Рождества, да родитъ Христа Бога, Господь народился!), а въ окрестностяхъ Карлова: «похвалилъ са-

добаръ юнакъ» и т. д. (т. е. похвалился добрый молодецъ: я видѣлъ вчера вечеромъ въ веселомъ кругу, что есть у него добрые кони, которые лучше самаго яснаго солнца, о коледа!» и т. д.). Въ сочельникъ ѣдятъ обыкновенныя постныя кушанья; только въ муку, изъ которой пекутъ хлѣбъ и пироги, втыкаютъ зажженное полѣно и ждутъ, пока оно само не погаснетъ. Это полѣно бережно сохраняется втеченіе слѣдующаго года; его зажигаютъ въ случаѣ, если кто изъ домашнихъ будетъ «ославленъ». Въ большой Рождественскій пирогъ («бадни пита») запекаютъ монету. Его ставятъ на убранный обѣденный столъ, укрѣпивъ на верхней коркѣ зажженную восковую свѣчку, а подъ столъ кладутъ солому и орѣхи на блюдѣ. Затѣмъ хозяинъ обходитъ весь домъ, обкуриваетъ кадиломъ всѣ жилые покои, конюшни и овчарни, вѣшаетъ кадило передъ св. иконами, разламываетъ, благословясь, пирогъ, и первый кусокъ посвящаетъ Пресвятой Дѣвѣ Маріи, а остальные членамъ семьи и разнымъ частямъ хозяйства, какъ-то: дому, полю, винограднику, лѣсу, мельницѣ и т. д. Тотъ изъ семейства, кому достанется запеченая монета, будетъ счастливѣе всѣхъ въ слѣдующемъ году и тѣмъ самымъ обязуется оказывать остальнымъ особенную помощь въ случаѣ опасности. Остатки ужина вѣшаются передъ иконою Богородицы со словами: «Пресвятая Дѣва Марія, поужинай и ты»,—и только на слѣдующій день убираютъ ихъ. Въ день Рождества Христова берутъ солому, которая наканунѣ («на бадни вечеръ») лежала подъ столомъ и обвертываютъ ею фруктовыя деревья, ради большаго плодородія; а орѣхи сберегаются въ сохранности, такъ какъ они весьма полезны въ сыпныхъ болѣзняхъ. Сыпь проходитъ скорѣе, если потереть ее этими орѣхами, послѣ чего они тотчасъ же забросываются на крышу, а съ ними вмѣстѣ исчезаетъ и болѣзнь. На Рождество ходятъ другъ къ другу въ гости съ обоюдными поздравленіями и пожеланіями всевозможныхъ благъ.

Послѣдній день декабря проходитъ въ большихъ пирахъ. Чаще всего пекутъ «царскіе пироги» («царска пита») изъ муки, масла, яичныхъ желтковъ, обливаютъ сверху медомъ, и кусками раздаютъ ихъ бѣднымъ. Студень изъ свиной головы или жаркое изъ свинины составляютъ необходимую принадлежность обѣденнаго стола. Когда обѣдъ подходитъ къ концу, берутъ (на южныхъ склонахъ Балкана) терновую вѣтку («дренъ»), насыпаютъ на блюдо немного пшеницы и подносятъ къ огню, у котораго собираются всѣ домочадцы. По числу членовъ семейства срываютъ ягоды съ вѣтки и бросаютъ порознь на разогрѣтое желѣзное блюдо, называя поименно всѣхъ членовъ семьи. Если ягода развернется, то тотъ, на кого она загадана, навѣрно будетъ здоровъ во весь годъ. Тоже самое дѣлается потомъ и съ пшеничными зернами: если они разбухнутъ, то тому на чье имя они брошены, во всемъ будетъ удача. Вѣтка тотчасъ-же по окончаніи этого обряда навѣшивается подъ крышу дома. У Копривштицы передъ ужиномъ кладутъ на желѣзный лемешъ плуга горячіе уголья, а по окончаніи ужина осматриваютъ ихъ съ большимъ интересомъ. Если помѣшать уголья,

и отъ нихъ будутъ еще сыпаться искры, то, значитъ, будетъ плодородный годъ; а если искръ совсѣмъ не будетъ, то дурной, и тогда много потребуется «пеперудо» (процессій). Въ Панаюриштѣ, передъ закатомъ солнца, на открытое мѣсто собираются дѣвушки, наливаютъ въ чанъ воды и бросаютъ въ него, каждая для себя, немного ячменя и букетъ, къ которому привязывается кольце; замужнія же женщины кладутъ пучекъ цвѣтовъ и браслетъ. Затѣмъ онѣ всѣ вмѣстѣ ходятъ кругомъ чана и поютъ: «собирайтесь, маленькія и большія дѣвушки, будемъ славить кольца». Послѣ чего выступаетъ изъ круга замужняя женщина и восклицаетъ: «кто изъ дѣвушекъ будетъ такъ счастлива, что выйдетъ замужъ за пригожаго, богатаго и молодаго человѣка? кто выйдетъ за купца? кто за вдовца? кто за пьяницу? кто останется въ дѣвкахъ? кто изъ женщинъ пойдетъ въ Іерусалимъ? кого Господь благословитъ? кто выйдетъ въ другой разъ замужъ?» Предлагаются и другіе вопросы, одинаково интересные для замужнихъ и незамужнихъ. Дѣвушка, которая наливала чанъ водою, вынимаетъ и жеребья, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ они исполнятся непремѣнно.

На Новый годъ («сурова година») раннимъ утромъ, молодой парень, изъ домашнихъ, приноситъ изъ-подъ крыши терновую вѣтку, насыпаетъ немного пшеницы во всѣ углы и восклицаетъ: «да придетъ сюда радость и св. Василій!» Послѣ этого онъ подходитъ къ иконамъ, которыя составляютъ необходимую принадлежность каждаго дома, ударяетъ три раза вѣткою по образамъ и потомъ поочередно членовъ семьи, которые между тѣмъ собираются, и поетъ, напримѣръ, у Систова, тотъ приговоръ, который сообщенъ мною выше. Попозже дѣти и взрослые ходятъ до самаго вечера изъ дома въ домъ съ поздравленіями, при чемъ собираютъ подарки и угощаются ими на слѣдующій день за общею праздничною пирушкою.

Кромѣ означенныхъ здѣсь праздничныхъ и постныхъ дней, Болгары считаютъ праздниками тѣ дни, которые посвящены святымъ, пользующимся у нихъ наибольшимъ уваженіемъ. Сюда принадлежатъ дни св. Николая, «архангеловъ день» и др. Въ такіе дни рѣжутъ ягнятъ, козлятъ и т. п. и задаютъ пиры, гдѣ главную роль играетъ вино и ракѝ, а молодые люди поютъ и пляшутъ подъ звуки гаиды.

Съ другой стороны есть дни и мѣсяцы, бѣдственные для слабаго смертнаго. Изъ такихъ на первомъ мѣстѣ стоятъ вторникъ и пятница. Въ эти дни не слѣдуетъ отправлятъся въ дорогу, ни начинать сколько нибудь важнаго дѣла, ни обручаться, ибо, въ противномъ случаѣ, кто нибудь изъ молодыхъ скоро овдовѣетъ. Вечеромъ, наканунѣ пятницы, женщины не смѣютъ прясть, ибо отъ этого портятся глаза. Изъ мѣсяцевъ самый несчастный февраль, втеченіе котораго не слѣдуетъ давать никакихъ обязательствъ и не обручаться.

* * *

Какъ я уже не разъ имѣлъ случай указывать, изъ праздничныхъ обычаевъ, которые здѣсь описаны весьма ясно, что склонность къ семейной жизни укоренилась у Болгаръ также глубоко, какъ вообще у всѣхъ Славянскихъ народовъ. Гнетъ, тяготѣвшій надъ ними до послѣдняго времени со стороны господствующей расы, и полное отрѣшеніе отъ политическо-административной дѣятельности государства, отъ участія въ которой они постоянно устранялись гораздо больше, чѣмъ Греки и Армяне,—все это, вмѣстѣ взятое, ограничило ихъ чувства и стремленія тѣснымъ домашнимъ очагомъ и укрѣпило въ нихъ родственную любовь, чувство, которымъ вообще отличаются всѣ Славяне.

Болгарскіе браки, въ сравненіи съ Турецкими и даже Греческими, необыкновенно плодовиты. Вновь появляющійся членъ семейства встрѣчается всею семьею, какъ въ высшей степени желанный гость, а безплодіе женщины считается величайшимъ несчастіемъ, непремѣннымъ слѣдствіемъ тайнаго колдовства. Со всевозможною заботливостью и всяческими талисманами стараются уберечь родильницу и дитя отъ дурного глаза, и ребенокъ еще во чревѣ матери поручается попеченію таинственнаго духа, съ которымъ «баба» стоитъ въ такихъ короткихъ отношеніяхъ, и который впослѣдствіи поведетъ будущаго гражданина міра по жизненному пути черезъ опасный лабиринтъ земной юдоли, столь ненадежной отъ господства въ ней злыхъ духовъ.

Въ южныхъ областяхъ Балкана (въ окрестностяхъ Татаръ-Базарджика) Болгарка, какъ только почувствуетъ приближеніе родовъ, старается достать при посредствѣ «бабы» отъ «хаджики», набожной женщины, ходившей въ Іерусалимъ, кусокъ веревки, которою монахи обмотываютъ знаменитый камень, на который когда-то опиралась Богоматерь, внезапно почувствовавъ боли. Торговля этимъ цѣлебнымъ вервіемъ составляетъ въ высшей степени прибыльный источникъ дохода восточныхъ монастырей Обѣтованной Земли, ибо если повязать ею вокругъ крестца, то роды будутъ счастливы. Еще больше облегчаетъ роды какой-то корень, который «баба», съ таинственнымъ приговоромъ, бросаетъ въ блюдо съ водою. Какъ только мужъ догадается о наступленіи роковаго часа, онъ окунаетъ руки въ воду, послѣ чего даетъ ее пить женѣ. Тоже самое дѣлаютъ всѣ домашніе и дѣти, провѣдавъ тайну, которая такъ тщательно скрывается у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ.

Какъ только Болгарка счастливо разрѣшится отъ бремени при помощи «бабы», эта послѣдняя принимаетъ мѣры къ предохраненію новорожденнаго и его матери отъ всякаго рода сверхъ-естественныхъ вліяній, для чего (въ области рѣки Камчика) при различныхъ заговорахъ, она натираетъ ихъ солью и обкуриваетъ помѣщеніе. Сверхъ того (на южныхъ склонахъ Балкана) она втыкаетъ въ волосы родильницы кусокъ чеснока и кольце, кладетъ ей на подушку красную луковицу и кочергу, и закрываетъ ей лице до самаго рта бѣлымъ платкомъ, что̀ предохраняетъ ее отъ «уруки», оговоровъ, клеветы. Счастливое приращеніе семьи ознаменовывается

поздравленіями, которыя дѣлаются отовсюду родильницѣ и ея ребенку. Въ областяхъ на Дунаѣ, напримѣръ, въ Систовѣ, младшія дѣти пляшутъ вокругъ пылающаго костра изъ соломы, которая лежала подъ подушкою родильницы, въ память о ясляхъ Спасителя; но предварительно мать три раза обходитъ его. Кромѣ того, на притолокѣ двери пишется красный крестъ, за дверьми на 40 дней кладется кусокъ желѣза, и по захожденіи солнца никто не смѣетъ ни входить, ни выходить изъ дома. Ворота наглухо запираются.

На третій день послѣ рожденія (около Татаръ-Базарджика) крёстная мать приноситъ бутылку вина, сахара, кружку масла, пшеницы, листокъ «амаранта» (бархатника) и съ помощью «бабы» приготовляетъ «третину», цѣлительное купанье. Она натираетъ ребенка масломъ, бросаетъ нѣсколько монетъ въ воду, приготовленную для купанья, которыя послѣ идутъ «бабѣ», и день заключается небольшимъ пиромъ, на который заходятъ сосѣдки со своими поздравленіями.

Послѣ церковнаго обряда крещенія (у Татаръ-Базарджика) крёстная мать приноситъ ребенка къ отцу, который дожидается его на порогѣ дома, съ новою рубашечкою въ рукахъ, и передаетъ ему съ такимъ приговоромъ: «ты отдалъ мнѣ своего ребенка язычникомъ, а я приношу ёго христіаниномъ». Затѣмъ слѣдуетъ праздничный пиръ, на который приглашенныя приходятъ съ подарками для родильницы. Крёстная мать и «баба» получаютъ въ подарокъ отъ хозяина вино, кушанья и два хлѣба, а отъ родильницы каждая по куску хорошей матеріи, которые онѣ тутъ-же привязываютъ къ поясу. Впродолженіе 40 слѣдующихъ дней (около Татаръ-Базарджика) ребенка купаетъ «баба». На сороковый день родильница съ «бабою» и ребенкомъ идетъ въ первый разъ въ церковь. Священникъ читаетъ очистительную молитву, послѣ чего родные и знакомые навѣщаютъ крёстную мать. При уходѣ ребенокъ получаетъ отъ нея яйцо или кусокъ сахара, а родильница бѣлый хлѣбъ и соль; наливаютъ ей также воду въ башмаки для того, чтобы у ней было больше молока. Въ заключеніе крёстная мать благодаритъ «бабу» за понесенные труды и цѣлуетъ у нея руку. Но надо еще предохранить ребенка отъ дурнаго глаза и наговора. Для этого, «баба» пришиваетъ, какъ у Албанцевъ, кусокъ чеснока къ шапочкѣ мальчика и нѣсколько монетъ къ чепчику дѣвочки.

Дѣти остаются нерѣдко до трехъ и пяти лѣтъ при груди матери, а затѣмъ ихъ покидаютъ на произволъ судьбы. Какъ ни нѣжно любитъ мать ребенка, тѣмъ не менѣе она совсѣмъ не умѣетъ ухаживать за нимъ. Смертность между дѣтьми страшно велика. Тѣ-же, которыя переживаютъ нѣжный дѣтскій возрастъ, обязаны единственно своему крѣпкому сложенію, потому что «бабьи» лѣкарственныя средства и талисманы рѣдко оказываютъ желанное дѣйствіе, а врачи въ деревняхъ и небольшихъ городахъ Турціи совершенно неизвѣстны. Тѣмъ не менѣе, все-таки есть своего рода помощь. Напримѣръ, когда ребенокъ испугается,—бросаютъ горячіе уголья въ блюдо съ водою, и даютъ ему пить изъ него, при-

чемъ «баба» произноситъ какіе-то заговоры. Это заклинаніе называется «баени». Любимыя игры мальчиковъ подростковъ: мячикъ, бросаніе камней, бѣганье взапуски и игра въ войну. Дѣвочки занимаются куклами, игрою въ жмурки и т. д.

***

Въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, въ длинные зимніе вечера, дѣвушки сходятся къ одному очагу. За работою, чаще всего за пряжею, онѣ поютъ любовныя и другія пѣсни. Приходятъ и парни. Время идетъ за шутками и росказнями и расходятся нерѣдко только позднею ночью. Очень часто здѣсь начинается интимное сближеніе, которое иной разъ приводитъ и къ алтарю. Но обыкновенно поэзія, какою на западѣ подернуто ухаживанье за любимою дѣвушкою и будущею женою, у Болгарскаго парня разрѣшается въ высшей степени пошлымъ матеріализмомъ.

Выборъ новаго члена семейства считается не личнымъ дѣломъ, но касается цѣлой семьи, и особенно по деревнямъ родители имѣютъ сильное вліяніе на выборъ невѣсты. Главныя качества, которыя при этомъ требуются, составляютъ физическая сила и трудолюбіе; на красоту избранницы обращается мало вниманія. Обыкновенно дѣвушки выходятъ замужъ отъ 16-ти до 20-ти лѣтъ. Въ двадцать пять лѣтъ дѣвушка считается уже засидѣвшеюся, и во многихъ округахъ можетъ разсчитывать выйти только за вдовца. Парни женятся въ 20-ть и 25-ть лѣтъ. Нѣсколько постарше и переступившіе за 30-ть лѣтъ женятся обыкновенно на молодыхъ вдовахъ. Переговоры съ родителями дѣвушки ведутся сначала интимно, домашнимъ образомъ; условливаются въ точности на счетъ ея приданаго, а также «вѣна» [1]), за которое женихъ какъ бы выкупаетъ ее. Когда все это уладится, тогда уже дѣлается формальное сватовство черезъ «сватовъ» и происходитъ обмѣнъ колецъ. Затѣмъ женихъ и невѣста даютъ цвѣты дѣвушкамъ близкихъ семействъ, и тѣ носятъ ихъ нѣсколько дней въ волосахъ, какъ украшеніе. Въ по-Дунайскихъ городахъ за интимнымъ сватовствомъ и сговоромъ слѣдуетъ оффиціальный сговоръ, въ присутствіи попа, обыкновенно завершающійся большимъ хороводомъ.

Но случается такъ, что родители выбранной дѣвушки отказываются дать согласіе на сдѣланное предложеніе, даже еслибъ сама невѣста была согласна. Въ такомъ случаѣ дѣвушка по доброй волѣ уходитъ съ молодымъ парнемъ въ домъ его родителей, разводитъ на очагѣ огонь, и если затѣмъ ее пригласятъ сѣсть, то значитъ— родители жениха согласны принять ее въ семью. Но ни она, ни ея родители не получаютъ тогда подарковъ, а за то и женихъ уже ни въ какомъ случаѣ не можетъ требовать, чтобы она воротилась назадъ въ родительскій домъ. Такой бракъ называется «пристанкою».

Когда уже произойдетъ обмѣнъ колецъ и пересылка букетовъ, въ домѣ родителей невѣсты, въ присутствіи ближайшихъ родственниковъ и друзей, празднуется веселымъ пиромъ обрученье. Въ раз-

---

[1]) Въ подлинникѣ: das Kopfgeld—подушное. *Перев.*

ныхъ углахъ пьютъ круговую: тамъ — особо дѣвушки и парни, здѣсь—женатые люди и замужнія женщины провозглашаютъ приличные случаю тосты; раздаются пѣсни. Музыка и танцы составляютъ необходимую принадлежность подобнаго пира. Въ числѣ подарковъ, которые въ этотъ день подноситъ молодой человѣкъ своей невѣстѣ, особенно-точной оцѣнкѣ подлежитъ ожерелье изъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ, уже заранѣе выговоренное. Если оно понравится отцу невѣсты, также какъ и головной уборъ, браслеты, серьги, пряжка къ поясу и туфли, то молодые люди могутъ считаться обрученными. Подарки выставляются на показъ всѣмъ гостямъ, а тѣ пьютъ за здоровье жениха и невѣсты. Уже на слѣдующій день деревенская красавица—невѣста, является во всемъ блескѣ этихъ новыхъ подарковъ. Та́къ она наряжается каждое воскресенье и каждый праздникъ до самой свадьбы и счастлива, если подарки такъ же богаты, а женихъ такъ же красивъ, какими ихъ ворожила ей на святочныхъ гаданьяхъ, деревенская колдунья.

Свадьба играется раньше нѣсколькихъ мѣсяцевъ—рѣдко, а иногда даже, если обрученные еще слишкомъ молоды, она затягивается на нѣсколько лѣтъ. Отецъ жениха, по мѣрѣ силъ, помогаетъ сыну при постройкѣ домика, который ставится на общемъ семейномъ дворѣ, а также при обзаведеніи парою воловъ и необходимою домашнею скотиною. Когда все готово, къ родителямъ невѣсты идутъ сваты, объясняютъ положеніе дѣла и просятъ поскорѣе назначить день свадьбы. По обыкновенію, свадьба откладывается до поздней осени, когда меньше работы, такъ какъ празднества затягиваются на нѣсколько дней, и играется въ воскресенье.

Торжество начинается за недѣлю до свадьбы пляскою дѣвушекъ передъ домомъ невѣсты и молодыхъ парней передъ домомъ жениха. Въ среду женихъ посылаетъ своей нареченной различные наряды и «кана», чѣмъ у юго-Славянъ женщины красятъ въ темный цвѣтъ волосы и брови. Тутъ же приходятъ близко-знакомыя женщины,—каждая изъ нихъ вплетаетъ по монетѣ въ волосы невѣсты, раздѣланные въ безчисленныя косы; вечеромъ невѣста въ въ сопровожденіи подружекъ отправляется въ баню, послѣ чего женщины пируютъ, поютъ и пляшутъ. Въ пятницу выставляется въ домѣ родителей приданое невѣсты. Сама она посылаетъ жениху прекрасную рубаху и пирогъ, который онъ съѣдаетъ вмѣстѣ съ дружками, воротившись изъ бани, въ которую они также его сопровождаютъ. Въ субботу въ домѣ невѣсты общій пиръ, танцы и пѣсни.

Церковный обрядъ совершается въ воскресенье въ церкви, а если ея нѣтъ въ мѣстечкѣ, то въ домѣ родителей жениха. Съ церковной церемоніи процессія изъ родственниковъ и гостей (при чемъ у мущинъ палки украшены плодами и цвѣтами) отправляется на свадебный пиръ торжественнымъ ходомъ, во главѣ котораго идутъ сваты, «кръсникъ» и «кръсница» (крестные отецъ и мать) деверья, «байрактаръ» (знаменосецъ). На порогѣ дома свекровь осыпаетъ новобрачныхъ хлѣбными зернами (около Варны), послѣ

чего молодая цѣлуетъ у ней руку, а также и у всѣхъ замужнихъ женщинъ, которыя за этотъ почетъ отдариваютъ ее небольшими подарками. Въ областяхъ на Дунаѣ, новобрачной у порога дома даютъ подъ мышки двѣ ковриги хлѣба; затѣмъ, въ комнатахъ, въ нихъ вставляютъ двѣ зажженыя восковыя свѣчки, и на колѣни молодой сажаютъ ребенка,—символическій знакъ ея материнскаго назначенія въ будущемъ. По ту сторону Балкана (къ югу) свекровь даетъ новобрачной коврigу хлѣба въ правую руку, а въ лѣвую—стаканъ вина, и вмѣстѣ съ деверемъ ведетъ молодую чету, предварительно обвязавши ее однимъ поясомъ, въ домъ по разостланному полотну, которое тотчасъ же вслѣдъ за ними свертываютъ. Тутъ начинается веселый пиръ, при чемъ для новобрачной сбираютъ деньги, а затѣмъ молодая чета, тихомолкомъ и въ сопровожденіи «бабы», удаляется въ свой домикъ. Обязанность «бабы»—принести остающимся за столомъ гостямъ вѣсть о совершившемся бракѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ доставить ближайшимъ родственникамъ положительное удостовѣреніе дѣвственности новобрачной; извѣстіе это встрѣчаютъ поздравленіями, тостами и пистолетными выстрѣлами. На слѣдующій день оно передается всѣмъ близкимъ семействамъ, которымъ посылаютъ при этомъ цвѣты. Но когда «баба» принесетъ нерадостную вѣсть, то веселье внезапно умолкаетъ, и пиръ прекращается. Виновную подвергаютъ немедленному тщательному разслѣдованію и, смотря по обстоятельствамъ, ее отвергаютъ, т. е. отсылаютъ назадъ къ родителямъ, которые обязаны въ такомъ случаѣ возвратить всѣ подарки, а бракъ считается недѣйствительнымъ. Въ южныхъ областяхъ Балкана, нерѣдко дѣло заходитъ еще далѣе, и о проступкѣ молодой женщины объявляется черезъ «бабу» гласно, по цѣлой деревнѣ.

При счастливомъ исходѣ дѣла, новобрачные не раньше нѣсколькихъ дней покидаютъ свой домъ. Прежде чѣмъ молодая окончательно причислится къ замужнимъ женщинамъ, новобрачной четѣ въ первые дни послѣ свадьбы предстоитъ пройти черезъ разныя формальности. Въ по-Дунайскихъ областяхъ, утромъ, въ извѣстный день, на дворъ является музыка и играетъ подъ окнами. Послѣ того приходитъ «кръстница» съ родною матерью молодой женщины, и въ сопровожденіи женатыхъ мужчинъ и замужнихъ женщинъ ее отводятъ къ заранѣе приготовленному мѣсту посреди двора, гдѣ надѣваютъ на нее женскій головной уборъ, какой принятъ въ деревнѣ (каждая область имѣетъ свой собственный оригинальный уборъ); при этомъ играетъ музыка.

Около Лесковаца «кръсница» и родная мать новобрачной приходятъ, каждая въ сопровожденіи двадцати женщинъ, и отводятъ молодую чету подъ однимъ покрываломъ подъ тѣнь молодаго дерева. Молодые цѣлуютъ руки у «кръсницы», а мальчики подъ веселые звуки «гаиды» наломанными съ дерева вѣтвями поднимаютъ съ молодыхъ супруговъ покрывало, вѣшаютъ его на дерево и пляшутъ вокругъ него. Въ среду ведутъ молодую женщину съ музыкою къ колодцу, у котораго она насыпаетъ въ корыто и у всѣхъ

четырехъ угловъ пшено, въ благодарность за то, что источникъ утолялъ жажду ея мужа, а со-временемъ будетъ поить ея дѣтей. При этомъ деверь, который тутъ всегда бываетъ, набираетъ полное ведро воды, а жена бросаетъ туда монеты, затѣмъ опрокидываютъ ведро, что̀ выражаетъ желаніе постояннаго обилія въ домѣ, а монеты расхватываютъ дѣти. У воротъ двора молодой даютъ «кобильцу» (коромысла), на которой Болгарская дѣвушка и женщина носятъ вёдра. Она беретъ изъ рукъ свекрови ведро съ водою, дѣти бросаютъ туда землю, траву и пшеницу, въ знакъ благосостоянія, которое молодая должна внести въ домъ, а затѣмъ она отдаетъ коромысла и, въ знакъ будущей покорности свекрови, цѣлуетъ у ней руку. За этимъ слѣдуетъ послѣдній танецъ «хоро», и свадебныя празднества окончиваются.

Почти во всѣхъ краяхъ Болгаріи, первый выходъ новобрачной всегда къ колодцу. У Варны молодую ведутъ къ нему всѣ деревенскія замужнія женщины; въ сопровожденіи самыхъ старшихъ изъ нихъ, она три раза обходитъ вокругъ колодца, набираетъ изъ него два ведра воды и этою водою ее окачиваютъ. Она цѣлуетъ руки по-очереди у всѣхъ женщинъ, получаетъ въ подарокъ плоды, посѣщаетъ родителей и родственниковъ, и, по исполненіи всѣхъ этихъ формальностей, навсегда принимается въ число замужнихъ женщинъ.

Нравственность Болгарской дѣвушки всюду цѣнится высоко, и, за исключеніемъ нѣкоторыхъ округовъ, о которыхъ въ этомъ отношеніи идетъ худая молва, ею славится вообще вся Болгарія,—и супружеская вѣрность жены также строго требуется и не менѣе строго соблюдается. Вдо̀вы очень рѣдко выходятъ въ другой разъ замужъ. Въ городахъ можно встрѣтить много женщинъ въ траурѣ, который онѣ не снимаютъ до самой смерти, хотя «адетъ» (обычай) полагаетъ только годъ срока трауру. Въ деревняхъ (около Варны) вдова выворочиваетъ на-изнанку все свое платье; въ городахъ по Дунаю она снимаетъ съ себя всѣ украшенія и покрываетъ голову бѣлымъ платкомъ, который не моется впродолженіе сорока дней. Къ югу отъ Балкана вдова носитъ столько же дней черный платокъ. Если умираетъ жена, то вдовецъ сорокъ дней не брѣется и прикалываетъ къ своей шапкѣ кусокъ темнаго сукна. Когда вдовецъ вторично вступаетъ въ бракъ, то, въ день свадьбы, онъ отправляется на могилу умершей жены и поливаетъ ее виномъ, такъ какъ есть повѣрье, что отъ этого сгораютъ кости. Дѣти отъ перваго брака не должны оставаться дома во время брачной ночи,— иначе ихъ неизбѣжно постигнетъ какое нибудъ несчастіе.

* * *

Когда Болгаринъ почувствуетъ приближеніе послѣдняго часа своей земной жизни, когда деревенская «баба» объявитъ ему, что ея врачебное искусство, талисманы, заговоры безсильны противъ природы, тогда онъ со стоическимъ самоотверженіемъ предается неотвратимой судьбѣ. Пока у него хватаетъ еще силъ, онъ угово-

ривается и торгуется съ попомъ насчетъ своего погребенія и обсуждаетъ съ домашними поминки, которыя придется устроивать послѣ его смерти, при этомъ его нисколько не смущаютъ женскіе вопли. Замѣчательный фатализмъ, сопровождающій его во всю жизнь, не покидаетъ и въ послѣднія минуты жизни; онъ вполнѣ увѣренъ, что оставшіеся будутъ чтить его память и не допустятъ, чтобы по смерти его тѣло и душа въ чемъ нибудь терпѣли нужду.

Болгаринъ убѣжденъ, что въ предсмертной агоніи умирающій видитъ ангеловъ. Ему даютъ въ руки горящую восковую свѣчку, обвязываютъ накрѣпко щеки платкомъ и закрываютъ глаза. Лишь только прекратится послѣднее біеніе пульса у умершаго, то (около Варны) торопятся перевернуть вверхъ дномъ всю, какая только есть въ домѣ, посуду, кружки, котлы и т. д., для того, чтобы отходящая душа не могла въ нихъ укрыться и впослѣдствіи не безпокоила бы оставшихся. Затѣмъ покойника раздѣваютъ, обмываютъ, кладутъ, одѣвши въ лучшее платье, на особое мѣсто, лицемъ къ востоку, въ головахъ и ногахъ ставятъ зажженныя свѣчи, и тѣ, кто этимъ распоряжается, кадятъ трупъ. Умершимъ попамъ эти послѣднія услуги оказываетъ ближайшее духовенство, а умершимъ «хаджи» такіе же, какъ они, паломники, ходившіе въ Іерусалимъ. Послѣ того тушатъ зажженныя свѣчи, складываютъ покойнику руки на̀-крестъ и вставляютъ въ нихъ зажженную свѣчу; затѣмъ надѣваютъ ему чулки и башмаки, связываютъ ноги, кладутъ на грудь икону, ставятъ въ головахъ на стулѣ горящую лампу, а рядомъ подсвѣчникъ съ длинною восковою свѣчею и убираютъ голову покойника цвѣтами. Вскорѣ комната наполняется близкими друзьями покойнаго. Они выражаютъ ему свое уваженіе, мужчины, принося восковыя свѣчи, а женщины, кромѣ того, и цвѣты. Всѣ цѣлуютъ икону и покойника въ лицо, въ знакъ примиренія, забвенія всякой вражды, претерпѣнныхъ и нанесенныхъ обидъ. Во все время непрерывно раздаются жалобныя причитанія близкихъ родственниковъ, и даже самымъ раздирающимъ сердце образомъ. Покойникъ прославляется образцемъ всяческихъ добродѣтелей, а если это мужъ и отецъ, то жена и дѣти разражаются отчаянными жалобами, какъ будто вмѣстѣ съ нимъ уносится въ могилу все благополучіе и будущность дома. Они взываютъ съ воплями:

О Миланъ!
Кто будетъ за насъ пахать?
О Боже мой! Боже!
Кто будетъ возить въ городъ хлѣбъ?
О Боже мой! Боже!
Кто будетъ рубить дрова въ лѣсу?
О Боже мой! Боже!
Кто будетъ съ такою любовью, какъ ты, заботиться о насъ?
О Боже мой! Боже!

И такъ далѣе. Когда умираетъ замужняя женщина, то мужъ спрашиваетъ ее, можно ли ему будетъ, ради дѣтей, жениться въ

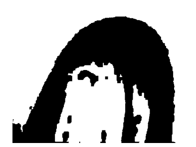
другой разъ? Рѣдко случается, чтобы жена отказала въ формальномъ согласіи; тогда мужъ надѣваетъ ей на правую руку кольцо, съ которымъ ее и хоронятъ.

До похоронъ обращаютъ большое вниманіе на то, чтобы ни человѣкъ, ни животное, въ особенности же кошка или собака, не переступили черезъ трупъ; въ противномъ случаѣ, умершій можетъ обратиться въ вампира и принести несчастіе дому и деревнѣ.

Черезъ нѣсколько часовъ тѣло умершаго несутъ въ церковь, отпѣваютъ и предаютъ землѣ. Нерѣдко безъ дальнѣйшихъ священническихъ проводовъ его отвозятъ въ «арабѣ» (телѣгѣ), запряженной двумя волами, на скромное кладбище, гдѣ и зарываютъ въ могилу, глубиною не свыше 2-хъ футовъ. Присутствующимъ раздаютъ блюдо пшеницы, и всѣ бросаютъ на могилу по горсти земли. Если семья зажиточная, то заказываетъ попу нѣсколько заупокойныхъ обѣденъ. Даромъ онъ едва-ли бы это сдѣлалъ, но, во всякомъ случаѣ, считаетъ своимъ долгомъ быть на поминкахъ, которые въ тотъ же день справляются въ домѣ покойника. Поминки проходятъ въ глубокой тишинѣ, и присутствующіе довольствуются нѣсколькими стаканами ракѝ, которые опорожняются за упокой души умершаго.

На другой день послѣ похоронъ, женщины отправляются на могилу, поливаютъ ее виномъ и водою, раздаютъ кушанья и напитки нищимъ, какіе тутъ случатся, и снова начинаютъ жалобныя причитанья. На могилу ставятъ также глиняную лампочку подъ деревянной покрышкой и заботятся о томъ, чтобы въ ней всегда было масло и чтобы она горѣла втеченіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ. Родственники посѣщаютъ могилу на третій, девятый, двѣнадцатый, двадцатый и сороковой дни, потомъ черезъ три мѣсяца, полгода, девять мѣсяцевъ и черезъ годъ. На сороковой день на могилу приносятъ сорокъ свѣчей и остатки тѣхъ, которыя зажигались при погребеніи. Въ каждое изъ этихъ посѣщеній, жёны умершихъ ставятъ на могилу покойниковъ блюда съ разварною пшеницей, рисомъ и кружки съ виномъ или ракѝ. Мужъ же только на «задушный» день носитъ кушанья и напитки на могилу жены. Въ такихъ поминальныхъ посѣщеніяхъ принимаютъ участіе всѣ родственники, а также и попъ, если только онъ есть въ деревнѣ. Существуетъ общее повѣрье, что тутъ присутствуетъ душа умершаго и благосклонно принимаетъ оказываемый почетъ.

«Задушница» въ нѣкоторыхъ краяхъ Болгаріи справляется три раза въ годъ, а въ другихъ пять разъ и всегда по субботамъ: передъ «архангеловымъ» днемъ, передъ мясопустною недѣлею, передъ Страстною, передъ Ѳоминою и передъ Пятидесятницою. Въ эти дни, на «поминанья», вверху котораго ставится большой крестъ, пишутъ по порядку имена умершихъ родственниковъ, какіе остались еще въ памяти, и наконецъ имена лицъ, принадлежащихъ къ послѣднему поколѣнію. Это поминанье прочитывается священникомъ на большой эктеніи въ церкви, въ присутствіи всѣхъ родныхъ умершихъ, въ то-же время священникъ освящаетъ «колево», поминовенное блюдо, громадный

пшеничный пирогъ, обсыпанный орѣхами, пряностями и сахаромъ, съ крестомъ изъ того-же матеріяла. Этотъ пирогъ относятъ на могилы усопшихъ, и при многочисленныхъ возгласахъ «Богъ да прости!» съѣдаютъ, при чемъ одѣляютъ имъ и нищихъ. Во многихъ мѣстахъ, напримѣръ въ Желѣзникѣ, нищіе, смотря по покойнику, будетъ ли то мужъ, или жена, мальчикъ, или дѣвочка, получаютъ маленькіе подарки, стаканы съ водою, блюда, кружки или чашки, при чемъ наблюдается, чтобы возрастъ бѣдняка вполнѣ отвѣчалъ возрасту покойника. Вѣрятъ, что это доставляетъ умершимъ облегченіе.

Какъ видно, у Болгаръ, и даже больше, чѣмъ у другихъ послѣдователей Восточной церкви, распространено суевѣрное убѣжденіе, что мертвыхъ надо кормить, не давать имъ ни въ чемъ чувствовать недостатка и всячески показывать, что ихъ по-прежнему любятъ и помнятъ.

Очень часто на этой церемоніи, начало которой, конечно, коренится въ языческой древности, можетъ быть, въ затерянныхъ преданіяхъ почитанія Димитры и Діониса,—присутствуетъ и попъ, проникнутый тѣми же идеями. Древніе отцы церкви напрасно ратовали противъ этихъ исконныхъ обычаевъ, и въ концѣ концевъ были принуждены войти въ соглашеніе съ народною вѣрою, которая гораздо меньше заботится о будущей жизни души и раѣ, чѣмъ о матерьяльномъ благосостояніи усопшихъ. Такимъ образомъ поминки сдѣлались терпимы. Церковь, съ своей стороны, употребляла всѣ средства поставить ихъ въ связь съ христіанскими религіозными понятіями, хотя и не могла уничтожить ихъ языческаго происхожденія. Вѣра въ непреходимость матерьяльныхъ потребностей умершихъ такъ сильна у Болгаръ, что когда жена увидитъ во снѣ своего покойнаго мужа, это считается сверхъестественнымъ знаменіемъ того, что онъ голоденъ, жаждетъ и требуетъ себѣ пищи и питія.

Черезъ три года, кости умершаго выкопываются, обмываются, складываются въ полотняный мѣшокъ и приносятся къ епископскому сѣдалищу, которое устроивается ради такого случая, даже въ самыхъ маленькихъ сельскихъ церквахъ; священникъ снова благословляетъ ихъ, и онѣ, какъ бы обновленныя, опять предаются землѣ. По совершеніи этого вторичнаго погребенія, уже только ближайшая родственница покойнаго ходитъ на его могилу по пятницамъ вечеромъ и по субботамъ утромъ, и зажигаетъ на ней восковую свѣчку.

Немедленное, тотчасъ же по смерти, погребеніе умершихъ не разъ бывало причиною, что преждевременно хоронили мнимо-умершихъ. Но такъ какъ насыпь на могилѣ невысока и убита неплотно, а тѣло кладется безъ гроба, то нерѣдко случалось, что мнимый покойникъ внезапно появлялся среди своего семейства, не возбуждая, впрочемъ, ни въ комъ подозрѣнія, что онъ вампиръ.

Какъ вездѣ въ юго-Славянскихъ земляхъ, вѣра въ вампира распространена въ Болгаріи повсемѣстно. Въ Сербіи его называютъ

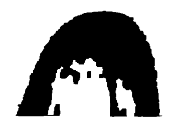
«вукодлакъ», а здѣсь «вампиръ» («липиръ» и т. д.). Вампиризмъ признается наслѣдственныхъ въ нѣкоторыхъ семействахъ, но другіе имѣютъ къ нему лично особое предрасположеніе, такъ что можно сдѣлаться вампиромъ нежданно-негаданно по злому навожденію. Чаще всего, это бываетъ когда какой-нибудь злобный каменьщикъ въ началѣ постройки дома сниметъ шнуркомъ мѣрку съ тѣни прохожаго и замуруетъ ее въ капитальную стѣну. Уже черезъ сорокъ дней эта тѣнь обращается въ злаго духа («таласама») и по ночамъ до первыхъ пѣтуховъ безпокоитъ мирнымъ обитателей всякою нечистью.

Черезъ девять дней послѣ погребенія, вампиръ покидаетъ свою могилу, нерѣдко, подобно Нѣмецкому «кобольду», онъ забавляетъ добродушно, только пугая людей, но не причиняя никакого вреда. Но часто онъ обманомъ вызываетъ съ мягкой постели изъ дома и бьетъ до синяковъ. Свою досаду онъ изливаетъ страшнымъ шумомъ и вознею. Затѣмъ, какъ тѣнь, онъ носится по лугамъ и доламъ, оставляя за собой слѣды крови, или пачкая грязью иконы святыхъ; онъ вызываетъ на бой самыхъ сильныхъ парней въ селѣ, и тѣ въ борьбѣ съ невидимою силою ломаютъ себѣ кости.

Безчинствуя сорокъ дней, какъ тѣнь, — Болгарскій вампиръ затѣмъ самъ выходитъ изъ своей могилы, принимаетъ плоть и кровь, и даже нерѣдко женится, гдѣ нибудь въ чужомъ мѣстѣ, гдѣ его никто не знаетъ и не подозрѣваетъ въ немъ вампира. По-видимому, онъ весьма дружелюбно обходится съ женою и домашними. Но по ночамъ онъ покидаетъ свою постель, справляетъ всѣ работы, чиститъ улицы, пожираетъ павшихъ воловъ и быковъ, высосываетъ кровь у всѣхъ больныхъ коровъ. Только до человѣческой крови Болгарскій вампиръ не такой охотникъ, какъ его другіе юго-Славянскіе собратья.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что подобнаго «кровопійцу» стараются всѣми средствами сдѣлать безвреднымъ. Часто это достигается при помощи зелья, приготовленнаго деревенскою знахаркою, но чаще, и даже донынѣ, его сжигаютъ. Разрываютъ также могилу «липира» и забиваютъ ему гвоздь или колъ глубоко въ грудь. Часто прострѣливаютъ его трупъ пистолетными пулями, потомъ снова засыпаютъ могилу и плотно утоптываютъ землю. Но легче всего избавиться отъ вампира, если его подкараулить въ засадѣ, и когда онъ будетъ проходить мимо, выйти къ нему на встрѣчу съ освященнымъ образомъ. Онъ понесется тогда черезъ крыши и всякія преграды; если гнаться за нимъ, какъ можно скорѣе, съ образомъ въ рукахъ, то можно загнать душу вампира въ бутылку, которая для этого должна быть заранѣе приготовлена и наполнена любимыми его яствами. Бутылка тогда быстро закупоривается пробкою съ частичкою освященной иконы, и немедленно сжигается.

Въ деревнѣ Пештерѣ, разсказываетъ Василь Чолаковъ, которому мы обязаны многими драгоцѣнными свѣдѣніями объ обычаяхъ около Татаръ-Базарджика, недавно, при постройкѣ дома, упалъ съ

подмостковъ каменьщикъ. Его похоронили. Но уже черезъ нѣсколько дней послѣ его смерти, въ домѣ его хозяина стало нечисто. Посовѣтовавшись съ подмастерьями, отправились сообща на могилу пострадавшаго товарища, сдѣлавшагося уже, какъ всѣ были убѣждены, вампиромъ, открыли ее, дѣйствительно нашли трупъ подозрительно вздутымъ, но еще нисколько неразложившимся. Тогда въ виду такихъ несомнѣнныхъ признаковъ вампиризма, стали стрѣлять въ трупъ изъ пистолетовъ, пока онъ не обратился въ рѣшето, а для пущей безопасности сожгли его на кострѣ изъ терновыхъ вѣтвей».

На заборныхъ кольяхъ Болгарскихъ дворовъ нерѣдко можно видѣть натыканные черепы павшихъ лошадей. Это дѣлается для того, что «таласами», которыя часто являются людямъ, то какъ тѣни въ бѣлыхъ одеждахъ, то въ видѣ заколдованныхъ собакъ, куръ съ цыплятами, и т. д. охотно садятся на эти черепа и затѣмъ уже не переступаютъ черезъ заборъ.

Но особенно боятся умершихъ старухъ, чтобы онѣ не обратились въ «вѣштерицъ» (вѣдьмъ), которыя принимаютъ видъ бабочекъ красноватаго цвѣта и сосутъ кровь у маленькихъ дѣтей. Поэтому, гдѣ только появится такая бабочка, на нее устроивается охота, и не успокоятся до тѣхъ поръ, пока она не будетъ убита.

Фея источниковъ, которая въ повѣрьяхъ всѣхъ народовъ занимаетъ самое видное мѣсто, у Болгаръ является въ различныхъ видахъ. Она принимаетъ образъ бѣлой кошки, бѣлой козы, бѣлой лошади и т. д., и если кто, по несчастью, будетъ оцарапанъ ею или получитъ отъ нея ударъ, тотъ умираетъ. Молодымъ же людямъ она является въ видѣ бѣлой женщины очаровательной красоты. Горе тому, кто воспламенитъ въ ней любовь: ея поцѣлуй неотразимо убиваетъ.

Но разсчетливый Болгаринъ не такъ добивается объятій мертвенныхъ волшебницъ, какъ кладовъ, которые зарыты еще во времена краля Марка, императора Константина и короля Александра, въ пещерахъ, подъ деревьями и въ развалинахъ старинныхъ замковъ, и которые охраняются разнаго рода привидѣніями. Чтобы добыть такой кладъ, Болгаринъ не побоится никакихъ ночныхъ похожденій. Очень трудно пріобрѣсть благосклонность жертвами, или прогнать талисманами и заговорами этихъ исполинскихъ негровъ, фей и т. д., охраняющихъ клады. Но, все-таки, подчасъ это удается.

Болгарское суевѣріе населяетъ лѣсъ не только русалками [1]), но и заколдованными животными; такъ, есть медвѣди, въ которыхъ собственно скрываются такіе Турки, которые во всю жизнь ни разу не попробовали свинины. Ѣдешь черезъ лѣсъ, и вдругъ бойкія лошади или буйволы отказываются идти дальше. Они едва могутъ двинуться съ мѣста, а все оттого, что русалкѣ захотѣлось пошутить съ крестьяниномъ и невидимкою усѣсться рядомъ съ нимъ всею своею

---

[1]) Въ подлинникѣ Waldfrauen. *Перев.*

исполинскою тяжестью. Точно также кошемары, припадки ревматизма и подагры Болгаринъ приписываетъ вліянію злыхъ духовъ и ищетъ противъ него амулетовъ и врачебныхъ средствъ у поповъ, «бабъ» и «хаджи».

***

Во всемъ этомъ слишкомъ явно обнаруживается большая склонность Болгарина къ мистицизму, его стремленіе объяснять сверхъестественнымъ вліяніемъ все, выходящее изъ ряду обыкновеннаго, все, что́ пріятно или мучительно затрогиваетъ его. Но суевѣріе Болгарина слишкомъ существенно отличается отъ суевѣрія Серба или западно-Европейца. Какъ мы уже видѣли, у него вовсе нѣтъ поэтическихъ струнъ, онъ исполненъ грубаго матеріализма, который коренится въ народной религіи, подпавшей вліянію Турецкаго воззрѣнія, по которому смерть переноситъ человѣка въ другой міръ, гдѣ онъ продолжаетъ жить своею прежнею физическою жизнью,— не болѣе.

Вѣрно и то, что это заблужденіе встрѣчало до сей поры весьма слабое противодѣйствіе со стороны нисшаго духовенства. Да иначе и не могло быть. Множество грубыхъ и необразованныхъ монаховъ приносятъ еще больше вреда въ Болгаріи, чѣмъ въ Сербіи, такъ какъ здѣсь вліяніе ихъ не парализуется въ извѣстной мѣрѣ народными школами,—въ Сербіи, относительно говоря, довольно многочисленными. Съ другой стороны, Болгарскіе монастыри гораздо многолюднѣе Сербскихъ. На предгорьяхъ и въ ущельяхъ Балкана, гдѣ гнѣздится такъ много монастырей, мы находимъ, напримѣръ, на разстояніи одного часу пути отъ Тирновы, на правомъ берегу Янтры, монастырь св. Троицы съ сорока или пятьюдесятью монахами. Тѣмъ не менѣе, супротивъ его, находится второй монастырь еще многолюднѣе, нѣсколько ближе къ городу третій и четвертый, а по дорогѣ въ Елену, лежащую въ разстояніи 6-ти часовъ пути еще пять другихъ монастырей. Не смотря на то, что Болгарія и безъ того богата монастырями, въ недавнее время основанъ, при поддержкѣ со стороны Русской благотворительности, еще новый монастырь въ Казанлыкѣ на 20-ть монахинь, хотя въ сосѣднемъ Калоферѣ есть уже женскій монастырь съ 40 или 50 монахинями. Въ ущельѣ Родопса лежитъ Бачково, самый большой монастырь въ Филиппопольскомъ пашалыкѣ, доходы котораго превышаютъ 100,000 драхмъ, а въ высшей степени романтической тѣснинѣ Рилостока знаменитѣйшій изъ всѣхъ Болгарскихъ монастырей св. Рила, въ которомъ до 120-ти монаховъ и 30 послушниковъ, и въ которомъ на праздникъ Всѣхъ Святыхъ находятъ пріютъ тысячи народа.

Число монаховъ и монахинь, которые сознательно или безсознательно содѣйствуютъ такому суевѣрному и извращенному направленію Болгарскаго народа, какъ можно заключить изъ этихъ немногихъ, но совершенно достовѣрныхъ данныхъ,—къ сожалѣнію,— легіонъ! Неудивительно поэтому, что въ настоящее время въ

городахъ и лучшихъ классахъ общества чувствуется потребность дать подростающему поколѣнію, на которомъ основываются всѣ національныя надежды, болѣе серьезное воспитаніе, выше обыкновеннаго элементарнаго обученія. Но, къ сожалѣнію, для этаго въ самой Болгаріи нѣтъ надлежащихъ средствъ, и богатыя семейства и общины посылаютъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ болѣе даровитыхъ членовъ своихъ въ заграничныя гимназіи и университеты.

Въ этихъ же кружкахъ находятъ поддержку первые начатки юно-Болгарской литературы и періодической печати. Самый солидный изъ Болгарскихъ журналовъ «Будущность» умеръ вмѣстѣ съ своимъ издателемъ-патріотомъ, талантливымъ Раковскимъ. Изъ остальныхъ 5-ти или 6-ти, болѣе выдающееся мѣсто занимаютъ «Македонія» и «Право», хотя они и подвергаются иногда преслѣдованіямъ со стороны Турецкой цензуры, по вліянію Греческаго патріархата. Болгарскіе журналы и изданія Браильскаго литературнаго Общества, вызванные къ жизни Стояновичемъ, не мало способствовали возрожденію національнаго самосознанія, которое теперь съ каждымъ днемъ возростаетъ и съ глубокимъ пониманіемъ и жаромъ отстоивали учрежденіе автономической Болгарской церкви. Они отличаются съ весьма выгодной стороны отъ тѣхъ листковъ, наполненныхъ самымъ несообразнымъ шовинизмомъ, которые издаются Болгарскими эмигрантами въ Бухарестѣ, и которые, какъ орудія агитаціи, находятъ иногда съ Сербской и Русской стороны не одну только нравственную поддержку. Стремленій и плановъ этой широко мечтающей Бухарестской фракціи Юной Болгаріи я уже коснулся въ 1-й главѣ, и при дальнѣйшемъ изложеніи не разъ еще намъ представится случай говорить о ея дѣятельности.

Перевела Е. П. Барсова.

О МАЗУРАХЪ [1])

A czy znasz ty, bracie młody,
Te pokrewne twoje rody?

Еслибъ я пожелалъ, любезный читатель, чтобы ты мнѣ добросовѣстно и откровенно признался, что̀ тебѣ извѣстно о Полякахъ, пребывающихъ вдали отсюда въ восточной Прусіи, что̀ тебѣ извѣстно о Мазурахъ, живущихъ въ одномъ съ тобою государствѣ, подъ однимъ скипетромъ, — то ты, вѣроятно, пожалъ бы плечами, прибавляя, что, кромѣ названія, ничего болѣе не знаешь; или же, если ты случайно былъ когда нибудь въ Кролевцѣ (Кенигсбергѣ) по дѣламъ, или посѣщалъ тамошній университетъ, то ты отвѣтилъ бы мнѣ, вѣроятно, что ты ихъ видѣлъ, но что они—Нѣмцы.

Такое незнаніе нашихъ, почти домашнихъ, отношеній господствуетъ у насъ!

Едва минуло нѣсколько лѣтъ, какъ мы покинули пагубный принципъ, по которому каждая Польская земля жила сама по себѣ, занимаясь только собою, вовсе не заботясь о судьбѣ сосѣднихъ земель! Едва минуло нѣсколько лѣтъ, какъ мы расширили кругозоръ и съ удивленіемъ узнали, что, кромѣ насъ, есть еще много Поляковъ въ Прусскомъ краѣ; что не только въ земляхъ Хелминской и Михаловской Польская народность живетъ и развивается, но что даже въ Поморьѣ она крѣпко держится, и что наши почтенные Кашубы—не Нѣмцы, какъ прежде полагали, но доброе Польское племя! Нынѣ, слава Богу, прошло уже это время, и всѣ прониклись убѣжденіемъ въ необходимости дѣйствовать общими силами для общихъ интересовъ. Но чѣмъ болѣе расширяется нашъ кругозоръ, чѣмъ далѣе смотритъ наше око за обыкновенныя границы, тѣмъ лучше замѣчаемъ, что княжество Познанское и восточная Пруссія—не однѣ только въ Прусскомъ государствѣ Польскія земли, что за ними еще живетъ огромное множество Польскаго народа какъ бы въ сторонѣ. А такъ какъ въ настоящее время всякому извѣстно, что и количество играетъ важную роль въ политической жизни, что безопаснѣе и прочнѣе будетъ наше положеніе относительно поглощающаго насъ Нѣмецкаго элемента, чѣмъ больше насъ

---

[1]) «O Mazurach. Napisał d-r Wojciech Kętrzyński. Poznań, 1872». Съ Польскаго перевелъ для «Славянскаго Сборника» кандидатъ Варшавскаго университета В. Недзвецкій. О Кентржинскомъ и его позднѣйшемъ трудѣ («O narodowości Polskiej w Prusiech zachodnich») см. выше, во II-мъ отдѣлѣ, стр. 8—9. *Ред.*

здѣсь будетъ,—а потому уже часто въ послѣднее время обращали вниманіе на забытыхъ братьевъ въ Шлёнскѣ (Силезіи), въ Варминскомъ княжествѣ и въ Мазурской землѣ, и думали какъ бы вывести ихъ изъ нѣскольковѣковаго летаргическаго состоянія, призвать къ жизни и движенію народному, избавить отъ деморализаціи, въ которой они погрязли вслѣдствіе невѣжества, соединить ихъ съ нами узами общей всѣмъ намъ народности и общихъ интересовъ. Это — вопросы, которые нынѣ очень занимаютъ интеллигентную часть нашего общества, и могу надѣяться, что дороги будутъ всѣмъ эти краткія свѣдѣнія, которыя я здѣсь сообщаю о Мазурахъ, потому что онѣ ведутъ къ лучшему познанію этого народа и его положенія.

То, что здѣсь сообщаю, я беру не изъ книгъ, но изъ жизни, какъ очевидецъ, родившійся среди этого народа и среди него проведшій свои дѣтскіе годы; знаю тамъ почти всякое село и всякій городокъ, потому что я тамъ учился и въ лѣтнее время часто посѣщалъ Мазурскую землю.

Проведи, читатель, линію отъ Голдапи, начиная въ прямомъ направленіи на Венгоборекъ, Расьцибожъ (Растенбургъ), Щенсно (Sehsten), Бискупецъ, Пасынь, къ Домбровѣ и Дзялдову, и получишь болѣе или менѣе точную сѣверную границу Мазурской земли, хотя Польское населеніе простирается мѣстами еще значительно выше на сѣверъ, даже къ Реселю, Гейльсбергу, Вормдитамъ, — но это уже княжество Варминское, а о немъ я не намѣренъ здѣсь распространяться. Съ другой же стороны Мазурская земля окружена царствомъ Польскимъ отъ Пржеросла къ Млавѣ. Среди этихъ-то границъ живетъ такъ-называемый Мазурскій народъ, хотя одной крови, но не одной вѣры съ сосѣдями по ту сторону границы. Подобно тому какъ въ Царствѣ населеніе Польское занимаетъ свою землю испоконъ вѣковъ, точно также и Мазуръ есть первородный сынъ своей, борами поросшей и озерами покрытой, земли, вопреки давнишнему утвержденію нашихъ цивилизаторовъ, всегда и вездѣ отказывающихъ намъ Славянамъ въ каждой пяди земли и присвоивающихъ ее себѣ,—утвержденію, что Мазуры—пришельцы съ той стороны границы, укрывавшіеся здѣсь отъ религіознаго преслѣдованія и гнёта пановъ. Почти тоже самое утверждаетъ еще Тёппенъ въ своей «Мазурской Исторіи», принимая, что Поляки—поселенцы, пришельцы въ землѣ Мазурской; хотя онъ признаётъ, что Польская народность уже въ XIV и XV вѣкахъ составляла въ этихъ странахъ большинство [2]) народонаселенія, а уже въ XVI вѣкѣ «homagium» было приносимо на Польскомъ языкѣ гросмейстеру Нѣмецкихъ рыцарей.

Но гипотеза объ этой Польской колонизаціи лишена всякаго основанія! Это—чисто Польскія земли, которыя, по прихоти судь-

---

[2]) Toeppen, «Gesch. Masurens. Danzig, 1870», стр. 116: «Das die polnische Nationalität in Masuren schon im vierzehnten und fünfzehnten Jahrshundert sehr stark vertreten war, wird nach den obigen Mittheilungen keineweiteren Beweises bedürfen».

бы, въ историческія времена никогда не принадлежали непосредственно Польшѣ: еще задолго до Конрада, князя Мазовецкаго, они были завоеваны Судавитами или Ядзвингами и подпали, вмѣстѣ съ ними, подъ господство Нѣмецкихъ крестоносцевъ, какъ это, въ прекрасномъ своемъ разсужденіи «О значеніи прежней Пруссіи», уже давно доказалъ покойный Доминикъ Шульцъ. Что Мазуры—первобытные жители (аборигены) своихъ земель, объ этомъ свидѣтельствуютъ тамошнія городища со своими валами и замковыми горами; на это указываютъ преимущественно названія селъ; значительное большинство ихъ чисто Польское; селенія Нѣмецкихъ колонистовъ относятся къ позднѣйшимъ временамъ; чисто Литовскія названія встрѣчаются чаще только на границѣ Прусской Литвы и Мазуровъ; внутри страны слѣды пребыванія Литовцевъ и ихъ господства надъ туземцами слишкомъ рѣдки.

Какъ восточная Пруссія относительно своей поверхности имѣетъ большое сходство съ западною, точно также и Мазурская земля заключаетъ въ себѣ всѣ качества, которыми славятся Тухольскіе лѣсы и страна Кашубовъ: тамъ и здѣсь почва большею частью рыхловатая, песчаная и холмообразная, много земли остается еще необработанною, нетронутою плугомъ; вездѣ огромные лѣсы и боры, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны Яновскіе. Боровъ много, а озеръ еще больше! Достаточно взглянуть на карту, чтобы убѣдиться въ этомъ. Между озерами немало и такихъ, гдѣ противоположнаго берега невидно, въ сравненіи съ которыми наше Гопло кажется озеркомъ. Упомяну только озеро Снярдвы или Снярдлы, озера Невотынскія и Неболинскія, по которымъ ходятъ пароходы и на которыхъ во время бури бываютъ волны почти морскія. Гдѣ находятся горы, лѣса и озера, тамъ обыкновенно нѣтъ недостатка въ замѣчательно-красивыхъ мѣстностяхъ, и романтическихъ мѣстъ въ Мазурской землѣ—очень много. Очарователенъ для меня всегда былъ видъ озера Ленкупкаго подъ Орловомъ съ водою, прозрачною какъ хрусталь: оно окружено съ одной стороны холмами, которые глубоко входятъ въ озеро и которыхъ вершины, покрытыя елями, пихтами и березами, отражаются въ зеркальной поверхности; на противоположной сторонѣ—Ленкуцкій дворъ, дубравы, а за зелеными лугами — Орловская церковь со своею стройною башенкою. Недалеко оттуда лежитъ Лазьно (Haschnen) среди зеленѣющихъ лѣсовъ и озеръ; это село считается самымъ красивымъ во всей окрестности. И городъ Элкъ, какъ бы Мазурская столица, лежитъ въ прекрасной мѣстности, съ развалинами стараго замка среди озера.

Сообразно съ почвою, ея внѣшнимъ видомъ и качествами, народъ раздѣляетъ всю землю Мазуровъ на три части: песчаную (подъ Щитномъ), каменистую и горбатую или холмообразную (подъ Голдопемъ). Хотя мѣстами нѣтъ недостатка въ хорошей почвѣ, но есть, однако, не мало мѣстностей, гдѣ встрѣчаются всѣ три помянутыя выше подраздѣленія.

Польское и Нѣмецкое населеніе въ Мазурской землѣ простиралось, по оффиціальнымъ статистическимъ даннымъ отъ 3 декабря

1867 года, слишкомъ до 400,000 жителей [1]). Сколько изъ этого числа Нѣмцевъ, сколько Поляковъ—мнѣ неизвѣстно съ точностью; но мы узнаёмъ объ этомъ, сравнивая соотвѣтственныя цифры 1837 года [2]):

въ Венгоборскомъ	уѣздѣ	было	тогда	8,994 Поляк.,	и 20,834	Нѣмцевъ.
» Голдапскомъ	»	»	»	3,333 »	» 25,516	»
» Яновскомъ	»	»	»	29,386 »	» 3,695	»
» Лецкомъ	»	»	»	21,207 »	» 3,086	»
» Лэцкомъ	»	»	»	27,718 »	» 3,635	»
» Маргграбовскомъ	»	»	»	22,074 »	» 6,266	»
» Сенсборскомъ	»	»	»	27,958 »	» 4,921	»
» Щитницкомъ въ	1848 г.	было		42,827 »	» 5,581	»

О Нидборскомъ уѣздѣ подробныхъ цифръ того времени нѣтъ у меня; народонаселеніе его простиралось въ 1867 году до 50,340, а такъ какъ онъ весь Польскій, то можно считать, по крайней мѣрѣ, 45,000 Поляковъ.

Уменьшивъ соотвѣтственно двѣ послѣднія цифры, получимъ для 1873 года около 210,000 Поляковъ и 77,000 Нѣмцевъ въ 9-ти уѣздахъ.

Исключивъ же уѣзды Венгоборскій и Голдапскій, которыхъ небольшую только часть населяютъ Поляки, получимъ въ 7-ми уѣздахъ около 200,000 Поляковъ и 32,000 Нѣмцевъ.

Принимая и въ настоящее время тоже самое отношеніе, будетъ въ 9-ти уѣздахъ около 260,000 Поляковъ и 140,000 Нѣмцевъ, или въ 7-ми уѣздахъ около 250,000 Поляковъ и 70,000 Нѣмцевъ. Это количество—немалое, которое бы значительно увеличило наше политическое вліяніе въ Пруссіи, еслибы братья Мазуры соединились съ нами, еслибъ они захотѣли идти вмѣстѣ объ руку.

Наружность и характеръ Мазуровъ почти тѣже самые, какъ и всего Польскаго народа. Мазуръ обыкновенно средняго роста, откуда и произошло его названіе, такъ какъ въ Литовскомъ языкѣ «mazuras» обозначаетъ человѣка небольшаго роста, коренастаго, призёмистаго. Черты лица—умныя, часто и особенно у женщинъ даже очень нѣжныя и красивыя. Мазуръ нрава веселаго, а потому онъ любитъ общество и преимущественно шумное:

Więc my w drodze, czy to w rynkach,
Czy na polu, czy w kościele,
Na dograbkach, na obżynkach,
Wszędzie razem ludu wiele,
Przy zabawie, czy przy pracy,
Wszędzie razem pieśnią, mową,
Wszędzie jedni i jednacy
Czy do pitki, czy do bitki,
Czy do szklanki, czy do tanki и т. д.

[1]) «Altpreussische Monatsschrift», VI томъ, вып. V и VI, стр. 546—547.
[2]) Toeppen, «Gesch. Masurens», стр. 510 и слѣд.

А такъ какъ Мазуръ веселъ и общителенъ, любитъ свой кружокъ, то онъ отличается гостепріимствомъ, радъ гостямъ и любитъ угощать, и потому охотно принимаетъ чужаго въ свою хату, желая узнать отъ него, что̀ слышно на свѣтѣ, и спросить своего гостя о всѣхъ его приключеніяхъ. При встрѣчѣ съ чужимъ, послѣ обыкновеннаго «добрый день» (dobry dzień) на что отвѣчаютъ: «Bóg zapłać» (спасибо), непремѣнно слѣдуетъ вопросъ: «a skielä (skąd) wäść?» (А откелева вы?).

У Мазура сердце доброе, даже добродушное, и онъ всегда готовъ подѣлиться съ тобою послѣднимъ кускомъ хлѣба или послѣднею рюмкою водки.

Мазуръ—протестантъ, но набоженъ. Замѣчательно, однако, что, во время богослуженія на Нѣмецкомъ языкѣ, церкви бываютъ пусты или не совсѣмъ полны, а когда на Польскомъ, то онѣ переполнены.

При томъ, Мазуръ немного упрямъ и довольно сварливъ. Воздержность ему вовсе неизвѣстна: несчастная водка не одного ежегодно лишаетъ имущества и здоровья; отсюда—часто шумныя ссоры и драки по корчмамъ, рынкамъ и ярмаркамъ.

Одежда Мазура проста: лѣтомъ длинная темносиняя сукма́на и шляпа, похожая на ту, которую носятъ Курпи [1]), зимою—тулупъ и мѣховая шапка или колпакъ, галстухи и платки красные или другого яркаго цвѣта.

Женская одежда не представляетъ ничего особеннаго: дѣвушки ходятъ съ непокрытою головою; цвѣтъ волосъ почти русый. Замужнія женщины и старыя дѣвы обвиваютъ голову шелковымъ платкомъ по особенному способу; цвѣтъ платка—не красный, какъ въ Кувяхъ. Узелъ платка, похожій на мотыльковыя крылья, завязывается на лбу.

Kędy wzgórek, to i dworek,
Kędy wioska, tam i woda.

Эти слова нашего поэта вполнѣ примѣнимы и къ Мазурамъ: Мазуръ любитъ жить вблизи воды, а этой стихіи тамъ вдоволь; его сёла и мѣстечки, состоящія обыкновенно изъ одной, часто очень длинной улицы, лежатъ почти всѣ надъ озерами и нерѣдко окружаютъ вѣнцомъ не одно озеро. Деревянныя хаты покрыты соломою (потому что дерево не слишкомъ дорого), не высоки, но широки; окна маленькія; въ комнатѣ огромная печь (зимы бываютъ долгія и холодныя), а при стѣнахъ, по стѣнамъ и подъ потолкомъ собрана вся домашняя утварь. Богатство и зажиточность рѣдки, потому что земля Мазура—песокъ, не слишкомъ урожайный. Мазуру недостаетъ хорошаго порядка въ хозяйствѣ и бережливости. Хозяйственныя строенія малы, скотъ ничтоженъ. Лошади малорослы, худы, покрыты длинными волосами, но довольно крѣпки; волы и коровы также малорослы и худощавы; овцы же, гдѣ онѣ имѣются,

[1]) Такъ называется область Конгресовки и ея жители. *Перев.*

всѣ доморощенныя. На своемъ полѣ Мазуръ воздѣлываетъ картофель, гречиху, лёнъ и рожь, рѣдко—овесъ и ячмень.

Въ городахъ же Мазуръ является ремесленнымъ пролетаріемъ, борющимся съ постоянною бѣдою и недостаткомъ, или просто рабочимъ на всѣ руки.

Многіе Мазурскіе обычаи имѣютъ еще чистый Польско-Славянскій характеръ. Какъ вездѣ у насъ, такъ и тамъ совершается праздникъ по окончаніи жатвы. Какъ только привезли послѣдній снопъ, крестьяне украшаютъ себя, косы и грабли цвѣтами и вѣнками и идутъ (впереди крестьянка съ большимъ вѣнкомъ, предназначеннымъ для господъ)—будто крестный ходъ какой—съ пѣніемъ къ барскому двору. Когда къ нему приближаются, начинаютъ ту пѣсню, которую услышишь отъ Буга до Одры, отъ Балтійскаго моря до Карпатъ—

Plon niesiemy plon
Ze wszystkich stron и т. д.

Какъ только вѣнокъ отданъ, парни и дѣвицы, уже того ожидающіе, начинаютъ пришедшихъ обливать водою, не стаканами, но горшками и ушатами, и приходится ловко увертываться, чтобы не быть облитымъ съ ногъ до головы.

Какъ въ западной Пруссіи, такъ и въ Мазурской землѣ—одни и тѣже свадебные обряды. Еще задолго до вѣнчанія, дружка въ праздничной одеждѣ, разукрашенный красными, бѣлыми и голубыми лентами, а часто и шарфами, выѣзжаетъ верхомъ къ кумовьямъ и сосѣдямъ цѣлой окрестности, чтобы пригласить ихъ на свадьбу. Во время приглашенія, дружка не сходитъ съ лошади; если же домикъ не слишкомъ низокъ и дверь довольно высока, то въѣзжаетъ верхомъ въ комнату, чтобы тамъ справить свое посольство. Дружка говоритъ собравшимся стихами, которые обыкновенно начинаются словами: «prose, prose na wesele» (прошу, прошу на свадьбу) и въ которыхъ онъ представляетъ, какое угощеніе ожидаетъ приглашенныхъ, ка́къ красива невѣста и ка́къ щедръ женихъ, что пива и водки вдоволь, что музыканты, «какъ говорятъ», изъ самого Кролевца (Кенигсберга). Въ день свадьбы молодые съ дружками и сватами, всѣ разукрашенные вѣнками и лентами, ѣдутъ на телѣгахъ въ церковь; впереди ихъ—двое пестро-одѣтыхъ дружекъ, которые громкими восклицаніями очищаютъ путь молодымъ. Послѣ вѣнчанія слѣдуетъ обильный пиръ или годы (gody), затѣмъ пляска, что̀ продолжается иногда нѣсколько дней.

Немало удивило меня то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сохраняется чисто-Польскій и католическій обрядъ коляда (kolęda), хотя Мазуры уже цѣлые вѣка какъ покинули католическую церковь и присоединились къ ученію Лютера. Какъ въ западной Пруссіи, такъ и здѣсь — этотъ обрядъ совершается пасторомъ и органистомъ, въ періодъ отъ Новаго года до Пасхи.

* * *

Министръ народнаго просвѣщенія господинъ Mühler, въ извѣстномъ своемъ приказѣ отъ 24-го ноября 1865 г. о Польскихъ первоначальныхъ училищахъ въ западной и восточной Пруссіи, призналъ два языка, Польскій и Мазурскій, другъ отъ друга отличными (!!). Онъ грубо ошибся, и далъ намъ новое доказательство, какъ мало даже высшія Прусскія власти знакомы съ нашими дѣлами, и какъ далеки вообще Нѣмцы отъ той основательности знанія и зрѣлости въ сужденіяхъ, которыми они всегда такъ охотно хвастаются! «Мазурскій языкъ», это—вздоръ, потому что такого языка нѣтъ! Что Мазуры говорятъ по-Польски—самымъ лучшимъ доказательствомъ служитъ каждая Мазурская книга, печатанная Нѣмецкими буквами: даже и правописаніе въ ней—Польское!

Извѣстно каждому изъ насъ, что произношеніе братьевъ Мазовшанъ и Мазуровъ нѣсколько отлично отъ произношенія жителей Великой Польши; но эту разницу составляетъ именно то, что мы привыкли называть «мазуризмомъ» (mazurzeniem), а именно: нёбные согласные звуки *cz*, *sz*, *ż*, *dż*, переходятъ въ свистящіе *c*, *s*, *z*, *dz*; плавный же согласный звукъ *rz* произносятъ до сихъ поръ чисто. Есть, однако, исключенія, которыя противорѣчатъ этому общему правилу и о которыхъ стóитъ здѣсь упомянуть. Такъ, Мазуры произносятъ *ż*äbä, *sz*ubienicä (лягушка, висѣлица), а не *z*äbä, *s*ubienicä, мѣстами же *sz*ärnä вмѣсто *s*ärnä. Другія же различія происходятъ отъ того, что Мазуры, будучи отдѣлены отъ общаго нашего отечества, уже цѣлые вѣка живутъ подъ вліяніемъ чужой народности и чужаго языка. Потому неудивительно, что языкъ принялъ много чужихъ словъ въ свой составъ, и что само произношеніе нѣсколько испортилось.

Такъ, напримѣръ, наиболѣе поражаетъ Польское ухо *ch*, выговариваемое по-Нѣмецки; *mi* произносится обыкновенно *mni*, напр. *mni*łość; иногда *m* переходитъ въ *n* напр.: *n*iech = *m*iech, re*n*ie= ra*m*ię, ke*n*ień=ka*m*ień; *ł* иногда скрадывается во рту говорящаго, иногда произносится какъ *u* или *v*, напр.: mni*u*je=miłuję, s*v*ysys= słyszysz.

Мазуры сохраняютъ до сихъ поръ въ своей рѣчи *a* чистое, которое въ ихъ устахъ звучитъ, почти какъ *e* или *ä*, напр.: łäskä= łaska; pan, panä, pänu, pänie, pänowie gädäłäm (я говорила), gadälim = gadaliśmy, mäly, tä, sämä, sänowäna (уважаема). Во многихъ случаяхъ чистое *a* вполнѣ перешло въ *e*, такъ что нынѣ незамѣтно ни какой разницы, напр.: r*e*dä=r*a*da; *je*wor=*ja*wor; *je*rząb= *ja*rząb (голубь); k*e*nień=k*a*mień; r*e*nie=r*a*mię и т. д,

e часто звучитъ какъ *é* [1]) или *y*, напр.: śerce, ć*y*mno.

ę (ѫ) произносится почти постоянно какъ *in* или *én*, а на концѣ словъ всегда какъ *e*. Чувствуютъ это сами Мазуры; даже тотъ изъ нихъ, кто не особенно знакомъ съ Польскою грамматикою, пишетъ постоянно sierotk*ie* вм. sierotk*ę*; matk*ie* вм. matk*ę*.

---

[1]) То есть: *e* сжатое, произношеніе котораго приближается къ *u* или *ы*. *Перев.*

Носовое *ą* (*ñ*) точно также не произносится чисто; оно звучитъ иногда какъ *um*, напр.: d*um*b=dąb; иногда какъ *ó*, напр.: wz*iół*=wz*iął*, а когда стоитъ на концѣ, то звучитъ совершенно какъ *o* [1]).

y очень часто произносится отчетливо какъ *i*, напр.: cz*i*sty, z*i*łä=ż*y*ła.

ó сжатое (pochylone) находишь чаще всего тамъ, гдѣ у насъ его уже нѣтъ, напр.: z*ó*na,=ż*o*na, zw*ó*ń=dzw*o*ń (звони).

Тутъ я долженъ упомянуть еще о любопытномъ для филологовъ звуковомъ явленіи относительно звуковъ *wi*. Подъ Венгоборкомъ *wi* произносятъ чисто и говорятъ: *wi*no, *wio*snä, *wie*cór, какъ и мы. Подъ Лецомъ же, Орловомъ, Марграбовою, Элкомъ, Яновомъ, Сонсборкомъ вмѣсто *wi* произносятъ *ji*, напр.: *ja*dro—*wia*dro *jé*m=*wie*m, *je*cór=*wie*czór, *ji*dły=*wi*dły, *ji*lk=*wi*lk, *jo*sna=*wio*sna, o*je*s=o*wie*s, mo*je*=m*ówię*, (говорю); вмѣсто ojc*u* или лучше ojc*owi* иногда слышимъ ojco*ju*. Въ Нидборскихъ же мѣстностяхъ говорятъ, какъ увѣряли меня, вм. *wi*=*zi*, напр., *z*iór—*w*iór (стружекъ); *z*ino=*w*ino; *z*iecor=*w*ieczor, а иногда даже *wz*ino, *wz*iecor.

Обращаю, наконецъ, вниманіе читателей еще на нѣкоторыя особенности Мазурскаго говора, о которыхъ я во время послѣдняго моего пребыванія въ этихъ странахъ имѣлъ случай узнать.

Когда *dz* стоитъ въ началѣ слова, то въ разговорной рѣчи услышишь только *z*, напр.: *z*wóń—*dz*woń, *z*ban—*dz*ban.

Вмѣсто *gwo*żdż говорится *go*żdż; вмѣсто kartofle говорятъ тамъ bulwy или gulby.

Вмѣсто *chw*ała говорится *wch*ała и вмѣсто *chw*alić—*f*alić; вм. *f*igiel часто можно услышать *ch*igiel (шутка). Вмѣсто drzwi говорятъ drji, drwi,-dżwierze

Koniczyna (дятлина, трилистникъ), называется у нихъ konikiem, а grzyby—bedłkami, потому что у нихъ есть только одинъ этотъ родъ грибовъ (родъ сыроѣжекъ).

Собственно литературы у Мазуровъ нѣтъ, такъ какъ у нихъ не появилось ничего другаго, кромѣ книжекъ духовнаго содержанія, писанныхъ по-Польски. Въ рукахъ Мазура обыкновенно нѣтъ другихъ книгъ, кромѣ библіи, перепечатанной съ Данцигскаго изданія 1632 года, сборника церковныхъ пѣсней и календарчика, уже нѣсколько лѣтъ издаваемаго Гершемъ, членомъ городскаго совѣта въ Лецѣ. Календарчикъ расходится въ 8,000 экземплярахъ. Въ обширномъ и богатомъ сборникѣ церковныхъ пѣсней есть оригинальныя и переводныя пѣсни. Объ авторахъ этихъ пѣсней написалъ хорошую статью, учитель Kuehnasl (нынѣ въ Квидзынѣ), напечатанную въ отчетѣ Расциборской гимназіи.

Мазуры, какъ и вообще всѣ Поляки, любятъ пѣсню. Ихъ народная поэзія проникнута тѣмъ же самымъ духомъ, которымъ отличается вся поэзія нашего народа. Сборника Мазурскихъ пѣсенъ до сихъ поръ у насъ нѣтъ; хотя уже покойный Гезевій, евангелическій пасторъ въ Остродѣ, первый изъ Мазуровъ, который лю-

---

1) То есть: *о* сжатое, имѣющее звукъ, средній между *о* и *у*. *Перев.*

билъ свой языкъ и свою народность, первый, который поднялъ народное знамя въ своемъ изданіи «Przyjaciel Łecki» (1843 г.),—собралъ эти пѣсни. Его рукопись, считавшаяся до сихъ поръ пропавшею, нынѣ находится въ Варшавѣ, въ рукахъ Оскара Кольберга, извѣстнаго собирателя и издателя народныхъ пѣсенъ.

Въ настоящее время собираніемъ Мазурскихъ народныхъ пѣсенъ занимается Пелка, пасторъ Польско-евангелической церкви въ Кролевцѣ, человѣкъ почтенный, любящій Польскую рѣчь. Его старанія объ основаніи въ Кролевцѣ Польской библіотеки изъ книгъ духовнаго содержанія для богослововъ-Мазуровъ увѣнчались хорошимъ успѣхомъ. Уже нѣсколько лѣтъ назадъ, во время моего посѣщенія, у него было собрано болѣе 300 пѣсенъ. Дай Богъ, чтобы намъ не пришлось слишкомъ долго ожидать изданія этого почтеннаго сборника.

Довольно значительное собраніе пѣсенъ имѣетъ названный выше Гершъ въ Лецѣ [1]).

Чтобы дать болѣе ясное представленіе о говорѣ Мазуровъ, ихъ нравахъ и обычаяхъ, ихъ народномъ поэтическомъ геніѣ, я печатаю въ концѣ нѣсколько десятковъ пѣсенъ, которыя записаны, большею частью, мною въ прошломъ (1871) году въ окрестностяхъ Леца и Орловскаго прихода.

Что касается журналистики, то положеніе Мазуровъ въ этомъ отношеніи самое плачевное во всемъ свѣтѣ. Хотя и тамъ издаются газеты, но онѣ издаются только для Нѣмцевъ, для образованнаго народа, а о бѣдномъ Мазурѣ никто не заботится. Съ того времени, когда «Przyjaciel Łecki», издававшійся вышеупомянутымъ пасторомъ Гезевіемъ, и «Kurek Mazurski» (Мазурскій Пѣтушекъ) прекратились,—нѣтъ у Мазуровъ ни какого періодическаго изданія. Холмскій же «Przyjaciel Ludu» только изрѣдка заглядываетъ подъ Мазурскую стреху, а еще рѣже другія газеты.

Единственное Польское періодическое изданіе для Мазуровъ, выходящее въ Кролевцѣ подъ заглавіемъ «Pruski Przyjacel Ludu», не заслуживаетъ даже упоминанія, потому что всегда было и есть ничтожнымъ только переводомъ реакціоннаго журнала «Preussischer Volkfreund». Этотъ журналъ не имѣетъ на Мазуровъ ни какого вліянія, потому что народъ его не читаетъ; подписываются на него только люди, состоящіе подъ различными вліяніями, каковы содержатели корчемъ и учители. Этотъ журналъ не принесетъ, конечно, большаго вреда, такъ какъ читающему нужно близкое знакомство съ Нѣмецкимъ языкомъ, чтобы понять что-либо въ этой чепухѣ (takiéj bazgraniny).

[1]) Гершъ принадлежитъ къ тому небольшому числу образованныхъ Мазуровъ, которые отлично владѣютъ Польскимъ языкомъ и занимаются имъ съ любовью. Въ настоящее время Гершъ трудится надъ словаремъ и грамматикою Мазурскаго говора. Имъ же составленъ списокъ всѣхъ Мазурскихъ мѣстностей, при чемъ имя каждаго урочища приведено по-Польски и по-Нѣмецки; слѣдовало бы желать, чтобъ этотъ трудъ былъ обнародованъ Познанскимъ Обществомъ Любителей Наукъ (Towarzystwo przyjaciół nauk), въ его изданіяхъ.

Та́къ, по крайней мѣрѣ, было нѣсколько лѣтъ назадъ.

Старанія нѣкоторыхъ почтенныхъ Нѣмецкихъ гражданъ объ основаніи либеральнаго Польскаго журнала, имѣющаго печататься Латинскими буквами, который могъ бы оказать благотворное вліяніе на успѣхи просвѣщенія и на нравственность этого бѣднаго племени, — эти старанія разбились и ни къ чему не привели, вслѣдствіе закона о печати, 1 іюня 1863 года. Намѣреніе это до сихъ поръ не возобновлено.

Повидимому, Мазуры пользуются большею благосклонностью и расположеніемъ правительства и административныхъ властей, чѣмъ западная Пруссія. Единство вѣры, можетъ быть, было до нѣкоторой степени причиною, но не единственнымъ поводомъ того расположенія, котораго такъ напрасно домогались доселѣ Поляки западной Пруссіи. Уѣздные «Еженедѣльники» (Tygodniki) издаются уже много лѣтъ съ точнымъ Польскимъ переводомъ; на всѣхъ таблицахъ, наклееваемыхъ на столбахъ при мостахъ, городскихъ и въ другихъ мѣстахъ—вездѣ встрѣчаешь Польскія и Нѣмецкія надписи. Не одинъ добродушный Нѣмецъ изъ Мазурской земли удивился, что депутаты изъ западной Пруссіи добиваются отъ правительства того, чѣмъ у нихъ каждый пользуется.

Но Мазуръ—существо почти умирающее: надо его сколько нибудь поласкать, чтобы онъ спокойно скончался, чтобы онъ не пробудился отъ летаргическаго сна. Отсюда-то—эта благосклонность это расположеніе. Въ западной же Пруссіи Польскій духъ воскресъ и усиливается, а потому дѣйствія правительства послѣдовательны и логичны.

Состояніе просвѣщенія у Мазуровъ, какъ всякій можетъ догадаться, на самой низкой ступени. Не мало содѣйствуютъ этому правительственныя стремленія къ германизаціи. Эти цѣли правительство преслѣдуетъ здѣсь тихо, медленно, но съ неумолимымъ постоянствомъ. Самымъ главнымъ средствомъ къ исполненію этихъ намѣреній служатъ школы и военная служба на что не обратили вниманія первыя, то навѣрно довершитъ послѣдняя.

Въ городскихъ училищахъ преподаютъ только по Нѣмецки, и Польскій языкъ не входитъ даже въ число предметовъ преподаванія, какъ это еще было въ прошломъ вѣкѣ, когда во всѣхъ Мазурскихъ школахъ преподаваніе шло исключительно на Польскомъ языкѣ. Только въ 1804 году, военное и гражданское восточно-Прусское управленіе, распорядилось, чтобы не назначались въ учители тѣ, которые не знаютъ Нѣмецкаго языка, по крайней мѣрѣ, читать и писать на немъ.

Духовная и школьная депутація отъ восточно-Прусской области, въ циркулярѣ отъ 31 августа 1811 года, ничего больше не требовала, какъ только того, чтобы Нѣмецкихъ дѣтей учили по Нѣмецки, а Польскихъ, по ихъ собственной охотѣ, или по желанію ихъ родителей.

Въ 1830 году, Кролевецкое областное управленіе уже приказало, чтобы въ училищахъ преподавался Нѣмецкій языкъ по два

часа или болѣе въ недѣлю, для ознакомленія съ нимъ учениковъ.

Въ 1832 году, та же самая власть приказала, чтобы 8 часовъ въ недѣлю посвящалось въ Польскихъ училищахъ изученію Нѣмецкаго языка.

Распоряженіе Гомбинскаго областнаго управленіе отъ 5 іюня 1834 года почти тоже, чтò и нынѣшнія распоряженія министра Mühler'a, т. е. чтобы всѣ ученики, безъ исключенія и не обращая вниманія на то, на какомъ языкѣ говорятъ дóма, учились Нѣмецкому языку и упражнялись въ немъ. Въ одноклассныхъ училищахъ нисшее отдѣленіе должно было посвятить на это 12 часовъ въ недѣлю, среднее отдѣленіе 8, и высшее, по крайней мѣрѣ, 6 часовъ. Благодаря этому, въ сельскихъ училищахъ нѣметчина уже давно торжествуетъ, потому что учители по большей части Нѣмцы, или такіе Мазуры, которые свой отечественный языкъ забыли уже въ школахъ. Въ учительскихъ семинаріяхъ въ Венгоборкѣ и Караленѣ на Польскомъ языкѣ ничего не преподается, но даже, сколько мнѣ извѣстно, онъ не составляетъ и предмета преподаванія. И вотъ, такіе-то люди, совсѣмъ ничего, или мало знающіе по-Польски, должны просвѣщать народъ, поднять его нравственно и сдѣлать изъ него людей и гражданъ?!

Нынѣ Польскій языкъ совсѣмъ исключенъ изъ сельскихъ училищъ, вслѣдствіе министерскаго приказа отъ 24 ноября 1865 года. И это — въ XIX вѣкѣ! Отечественный языкъ Польскихъ дѣтей терпится только въ самомъ нисшемъ классѣ; употребленіе его допускается не какъ средство къ просвѣщенію, но какъ необходимое средство для обученія Нѣмецкому языку. Не о наукѣ и о просвѣщеніи здѣсь заботятся (наука и просвѣщеніе существуютъ для Нѣмцевъ!), но о Нѣмецкомъ языкѣ, о скорѣйшей германизаціи нашего народа!! Какія отсюда проистекаютъ послѣдствія, всѣ мы знаемъ объ этомъ по собственному опыту. Изъ такъ устроенныхъ сельскихъ училищъ выходитъ обыкновенно Мазуръ, незнающій хорошо ни по-Польски, ни по-Нѣмецки и пребывающій въ величайшемъ невѣжествѣ, немогущій развить ни съ помощью одного, ни съ помощью другаго языка своихъ природныхъ способностей. Понятно: Мазуръ, въ такомъ положеніи, всецѣло предается страстямъ, и преимущественно—несчастной водкѣ! Да и что же другое, кромѣ этого, могло бы его прельщать?

По городамъ германизація уже вполнѣ достигла своей цѣли: нынѣ тамъ уже нѣтъ Мазуровъ, говорящихъ по-Польски, кромѣ бѣдныхъ ремесленниковъ и городскаго пролетаріата. А эта германизація совершилась въ поразительно-короткое время, на нашихъ глазахъ. Хорошо и теперь помню, что, 20 слишкомъ лѣтъ назадъ, почти въ каждомъ домикѣ моего роднаго города говорили по-Польски, и это были — зажиточные горожане, владѣльцы домовъ и земель. Ихъ дѣти еще и теперь, по большей части, знаютъ хорошо Польскій языкъ. Но онъ служитъ имъ средствомъ объясненія съ крестьянами на рынкѣ и съ работниками; дóма же и въ семей-

ствѣ вытѣснилъ его Нѣмецкій языкъ. Нынѣ потомки стыдятся языка своихъ отцевъ! И это неудивительно: когда въ училищахъ преподаютъ только по-Нѣмецки и толкуютъ о Нѣмецкомъ отечествѣ; когда съ пренебреженіемъ вспоминаютъ о народномъ языкѣ; когда даже въ учебникахъ, которые еще нынѣ находятся въ рукахъ дѣтей, попадаются мѣста, въ родѣ слѣдующаго, которое привожу изъ такъ названнаго «Kleiner Heinel» [1]), покоторому я самъ учился Прусской исторіи.

«А потому—несогласно съ истиною и нелѣпо называть Судавскую и Голэндскую земли—страною Мазуровъ. Эти земли никогда не принадлежали къ Мазовіи. А что касается того, что Польскій языкъ, къ сожалѣнію, еще и до сихъ поръ имѣетъ въ этихъ странахъ перевѣсъ, то это грустное явленіе можетъ быть объяснено только сосѣдствомъ Поляковъ. Пора, давно пора, чтобы жители Судавской и Голэндской земли перестали называть себя Мазурами (это имя, дѣйствительно, не приноситъ имъ никакой чести) и предпочли, наконецъ, истинно-благородную Нѣмецкую рѣчь подлой Славянской, которою говорятъ. Да и развѣ прилично Пруссаку, живущему на Нѣмецкой землѣ, оставаться, хотя бы только по языку, и впредь Полякомъ?»

Или вотъ еще: «эта рѣчь (Мазурская) есть Славянскій пришлецъ, котораго мы на Прусской землѣ не должны терпѣть».

* * *

У Мазуровъ три гимназіи: въ Элкѣ, Расьциборѣ и Ольштынкѣ, въ которыхъ Польскому языку, не смотря на многочисленность Мазурскаго населенія, не предоставлено, конечно, мѣста. Курсъ въ гимназіяхъ, какъ извѣстно, довольно долгъ, и всякій Мазуръ, посвящающій себя наукамъ, и здѣсь долженъ забыть свой родной языкъ. Окончивъ гимназическій курсъ и поступивъ въ университетъ, онъ на-столько уже проникся Нѣмецкою цивилизаціей, что съ пренебреженіемъ смотритъ на своихъ земляковъ, говорящихъ по-Польски, и часто не въ состояніи понять своихъ собственныхъ родителей, которые не знаютъ Нѣмецкаго языка. А такихъ случаевъ я знаю много! Смѣло можно сказать, что каждый учащійся юноша пропалъ для своей народности! Академическое Общество въ Královцѣ (такъ называемый Korpus Mazurski) не имѣетъ никакихъ сношеній съ народомъ; это—чисто Нѣмецкое учрежденіе, точно также какъ «Оботриты», «Лютичи» и т. п. при другихъ университетахъ. Посвящающіе себя изъ Мазуровъ или Нѣмцевъ изученію евангелическаго богословія должны въ академіи снова учиться по-Польски, такъ какъ знаніе Польскаго языка нужно для того, чтобы получить извѣстныя стипендіи, а потомъ мѣсто въ Мазурской землѣ. Студентъ, обыкновенно, не имѣетъ столько времени, чтобы, приготовляясь къ экзамену, могъ выучиться основательно чужому языку. Получивъ же мѣсто, многіе переводятъ свои проповѣди съ

---

[1]) «Gedrängte Uebersicht der vaterländischen Geschichte von d-r Edward Heinel, Prediger in Koenigsberg».

Нѣмецкаго языка, при помощи словаря, такъ-что иногда трудно отгадать содержаніе проповѣди. И цѣлые годы проходятъ, пока пасторъ настолько усвоитъ себѣ Польскій языкъ, чтобы могъ говорить кое-какъ съ народомъ.

Богослуженіе совершается въ каждый воскресный день въ деревняхъ и въ мѣстечкахъ по-Нѣмецки и по-Польски. Съ 9 до 11 часовъ обыкновенно бываетъ Нѣмецкое богослуженіе, съ 11 до 1 часу Польское для Мазуровъ [1]).

* * *

Здѣшніе крестьяне находятся въ весьма несчастномъ положеніи; здѣсь крайне мало заботятся объ истинномъ ихъ просвѣщеніи; здѣсь школы и гимназіи не приносятъ туземцамъ никакой пользы, а только Нѣмцамъ, господствующему племени. Поэтому-то въ здѣшнемъ крестьянствѣ весьма много безобразныхъ обычаевъ и суевѣрій. Въ подтвержденіе приводимъ нѣсколько фактовъ, характеризующихъ все сельское населеніе, прибавляя, что все то, что̀ мы намѣрены разсказать, случилось въ послѣдніе годы и почерпнуто нами изъ Орловской церковной современной лѣтописи, въ которой почтенный пасторъ Kiehl, до сихъ поръ (1872) еще здравствующій, помѣщалъ свои наблюденія надъ обычаями и суевѣріями тамошняго народа.

Когда старшина какого нибудь села нанимаетъ кузнеца или пастуха, то должны они угостить всѣхъ хозяевъ этого села нѣсколькими квартами (1/4 гарнца) водки, смотря по условію, и только послѣ этого сдѣлка имѣетъ законную силу.

Дѣвушки, утратившія дѣвственность, не лишаются чрезъ это уваженія и также легко выходятъ замужъ, какъ и добропорядочныя. Существуетъ нынѣ обычай, довольно распространенный между Мазурами, по которому всякая чета, намѣревающаяся вступить въ бракъ, живетъ вмѣстѣ нѣкоторое время еще до вѣнчанія, для пробы (na próbę).

Когда у зажиточнаго хозяина умираетъ жена, сейчасъ же приходитъ къ нему на сожительство какая нибудь женщина, которая присвояетъ себѣ всѣ права жены въ отношеніи къ мужу. Это случается часто въ самый день погребенія. Какой-то молодой вдовецъ изъ деревни Петрашей, собственникъ, такимъ образомъ нашелъ себѣ молодую, богатую дѣвушку изъ дер. Ковалевской, которая считалась до тѣхъ поръ честною дѣвушкою. Но, однако, передъ переходомъ на квартиру, къ своему жениху, она отправилась, вмѣстѣ съ будущею тещею, женщиною ловкою, имѣющею слишкомъ 300 талеровъ, къ священнику, чтобы получить отъ него дозволеніе. Священникъ рѣшительно воспротивился этому, но—тщетно. Нѣсколько дней спустя, она перешла къ будущему своему мужу, и

---

[1]) Первая Нѣмецкая проповѣдь была сказана въ Элкѣ въ 1584 году по распоряженію правительства. Toeppen, «Geschichte», стр. 151.

хотя онъ часто ее билъ и выгонялъ изъ дома, она, однако, съ мужествомъ дождалась вѣнчанія.

Здѣсь рѣдко найдешь вдову, которая бы, по прошествіи нѣскольких недѣль по смерти мужа, оставалась незамужнею.

Въ четвергъ, послѣ ужина, нельзя носить воды или мыть домашнюю утварь. Нельзя также прясть и кормить лошадей. Но Богъ добродушенъ и позволяетъ себя обманывать: чтобы не потерять нѣсколькихъ трудовыхъ часовъ, подаютъ ужинъ уже послѣ десяти часовъ вечера.

Въ субботу, послѣ обѣда, нельзя ни пахать, ни вообще работать въ полѣ. Когда, однакоже, окажется нужнымъ, то обѣдъ подаютъ только послѣ шести часовъ. Ни подъ какимъ предлогомъ нельзя въ это время стирать или мыть бѣлье, потому что градъ непремѣнно перебьетъ хлѣбъ въ полѣ. Кто упомянутыми выше занятіями оскверняетъ вечерніе часы четверга, у того скотъ погибнетъ: мара (mara), передушивъ лошадей, колтуномъ сплететъ ихъ гривы и хвосты.

Отъ Рождества Христова до Новаго года нельзя варить гороха и чесать ленъ: иначе, у того, кто это сдѣлаетъ, скотъ ослѣпнетъ.

Кто шьетъ въ эти дни, тотъ зашиваетъ задъ ягнятамъ, которыя имѣютъ родиться; а если прясть въ эти дни, то овцы одеревянѣютъ.

Съ 1 мая по 24 августа нельзя трепать или мять ленъ, во избѣжаніе градобитія; а день св. Войтеха постятъ, и въ день св. Ивана не работаютъ.

Кто въ первый день Рождества Христова идетъ въ церковь, тотъ хорошо сдѣлаетъ, взявъ съ собою по немногу всякаго рода хлѣба, чтобы, возвратившись, накормить имъ куръ; отъ этого онѣ приносятъ больше яицъ.

Первое насѣкомое [2]), которое кто нибудь найдетъ на головѣ своего ребенка, должно убить на молитвенникѣ, такъ какъ отъ этого дитя получитъ хорошій и пріятный голосъ.

Когда курица поетъ, это предвѣщаетъ несчастіе; чтобы предотвратить бѣду, бабы совѣтуютъ слѣдующее: измѣрь курицею всю избу отъ стѣны, стоящей насупротивъ дверей, къ самымъ дверямъ. Если при послѣднемъ поворотѣ хвостъ курицы лежитъ на порогѣ, то его отрѣзать; если же голова, то отрѣзать голову. И хорошій супъ (rosół) щедро вознаградитъ тебя за потерю курицы.

Собаку нельзя бить метлою, потому что отъ этого у нея заведутся глисты; вообще неслѣдуетъ дотрогиваться до скотины метлою: иначе—она исчахнетъ.

Кошку нельзя бить кнутомъ: если, послѣ того, ударишь этимъ же кнутомъ лошадь, то она исчахнетъ, хотя бы получала тройную мѣру овса.

---

[2]) Въ подлинникѣ owadek. Этимъ общимъ именемъ Поляки называютъ пчелъ, жучковъ, мотыльковъ и т. п. *Ред.*

Кошку не возятъ съ собою на телѣгѣ: въ такомъ случаѣ и самыя крѣпкія лошади измучатся, во избѣжаніе чего нужно въ корзину, въ которой лежитъ кошка, положить еще камень.

Не слѣдуетъ класть ножа остріемъ вверхъ: иначе—дитя родственнаго семейства, далеко или близко живущаго, заболѣетъ судорогами.

На порогѣ и на углу печки не остри ножа, потому что отъ этого у твоего скота будетъ бѣльмо на глазахъ.

Тѣ же самыя послѣдствія бываютъ, когда кто нибудь вонзитъ иглу въ окно.

Пастухъ, если желаетъ защитить свое стадо отъ волка, пусть идетъ въ церковь за пескомъ. Возвратившись, пусть помолится и разсыплетъ его вокругъ стада.

Пастушка, выгоняющая утромъ скотъ изъ дома, должна всегда (это должно соблюдать круглый годъ) имѣть на себѣ передникъ и чепецъ на головѣ. Если этимъ пренебрежетъ, то выгнанный скотъ непремѣнно станетъ добычею волка.

Кто отправляется въ поле на посѣвъ, тотъ долженъ взять съ собою сталь, хлѣбъ, коліандръ [1]) и чеснокъ. Имѣющій при себѣ эти вещи можетъ быть увѣренъ, что посѣвъ будетъ превосходенъ.

Стали боится болѣе всего дьяволъ. Положи кусочекъ стали въ пелены новорожденнаго дитяти, и чортъ не будетъ имѣть надъ нимъ никакой власти. Если не позаботиться объ этомъ, то часто случается, что чортъ похищаетъ дитя и оставляетъ подкидыша (odmianek), который потомъ причиняетъ своимъ родителямъ не мало хлопотъ и затрудненій. Послѣ крещенія діаволъ не можетъ вредить ребенку.

Стальное огниво охраняетъ конюшню и сарай не только отъ чорта, но и отъ колдуней, въ которыхъ вѣритъ еще народъ. Пастору К. показывали одну изъ нихъ: у нея были красные, воспалившіеся больные издавна глаза; она отнимала молоко у коровъ, которыя отелились, и отдавала его своей, еще неотелившейся коровѣ. Такъ же г-жу Соколовскую изъ деревни Щибалъ, жену учителя, подозрѣваютъ въ колдовствѣ, потому что уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ у нея опухла рука. Такая чародѣйка не войдетъ въ сарай, если положить подъ порогъ кусочекъ ртути, или три стальные крестика, или же вонзить стальную иглу въ рогъ той коровы, за молокомъ которой чародѣйка приходитъ.

Трудно сказать, каковъ способъ чарованія, потому что, конечно, никто при немъ не былъ; но нашлись слѣды, о которыхъ стоитъ упомянуть для характеристики.

Крестьянинъ-собственникъ Пржислюпа изъ деревни Гайлювки, 33-хъ лѣтъ, нашелъ при уборкѣ или при молотьбѣ своего хлѣба въ одномъ снопѣ пять лягушекъ и семь мышей, вмѣстѣ связанныхъ. Находилъ онъ также, время отъ времени, куски сѣры на

[1]) Растеніе, дающее сѣмя (coriandrum sativum).

своей землѣ, которые попали туда, конечно, не случайно. Пржислюпа полагаетъ, что сосѣдъ его Клось хорошо знаетъ, какимъ образомъ все это попало въ снопъ и на землю.

Крестьянинъ-собственникъ Шевчикъ изъ деревни Юхи нашелъ яйце въ крышѣ своей хаты; это послужило ему очевиднымъ доказательствомъ, что кто-то намѣренъ очаровать его домъ.

Чародѣйствомъ легко можно себѣ присвоить большую часть доходовъ чужой земли. Много находится людей, которые знаютъ это искусство. Видѣли такихъ, которые, безъ одежды обходя свое или сосѣднее поле, бросаютъ зерна.

Мазуръ ни на одну минуту не сомнѣвается, что болѣзни, хотя бы самыя тяжкія и самыя опасныя, могутъ быть излѣчены знахарскимъ заклятіемъ; знахарей надо искать между дѣдами и бабами. Лѣкаря рѣдко приглашаютъ на помощь, и на сто больныхъ 99 выздоровливаетъ отъ волхвованія.

Жена учителя Ольхъ въ деревнѣ Петрашахъ страдала сильною болью зубовъ: противъ этого. жена крестьянина-собственника Самуила Сегая, изъ деревни Доброволи, совѣтовала ей сказать мѣсяцу, глядя на него, когда онъ впервые въ новолуніе покажетъ свои роги, слѣдующее причитаніе: «Есть на небѣ мѣсяцъ, есть въ озерѣ камень, есть въ бору дубъ; когда эти три братья сойдутся вмѣстѣ, тогда пусть у меня болитъ зубъ» (Jest nä niebie księżyc, jest w jezierze kenień, jest na boru dąb; kiedy te trzy braciä gdziekolwiek się znéjdo, tedy niech mie boli ząb).

Противъ воровъ употребляются тоже различныя волшебства и заклятія. Часто случается, что обокраденный проклинаетъ страшными проклятіями вора на каждомъ углу улицы. Часто можно услышать пожеланія, чтобы воръ на смертномъ одрѣ не нашелъ покоя, чтобы высохъ и въ судорогахъ скорчился.

Когда недавно въ деревнѣ Липовѣ украли лошадей, обокраденный, какъ только замѣтилъ бѣду, сейчасъ же поставилъ столъ ногами вверхъ. Въ ту же самую минуту воръ съ лошадьми не могъ двинуться съ мѣста, а преслѣдующіе имѣли достаточно времени догнать его.

Столь же хорошо другое средство. Если у тебя украли лошадей, спусти сейчасъ же на веревкѣ подкову одной изъ украденныхъ лошадей въ озеро или колодезь; этимъ задержишь уходящаго съ лошадьми вора, такъ какъ лошадь у него околѣетъ или задержитъ его жандармъ.

Когда же украли у тебя платье, бѣлье, полотно и проч., то можешь страшнымъ образомъ отомстить вору, если найдешь какой нибудь кусокъ той матеріи, изъ которой было сшито платье или что-нибудь другое. Этотъ кусокъ надо отнести на кладбище и тамъ зарыть. Съ того времени, какъ кусокъ начнетъ гнить, воръ станетъ сохнуть и скоро умеретъ. Но это дѣло не легкое, даже опасное. Идущій по этому дѣлу на кладбище долженъ остерегаться собственной тѣни, которая всегда должна быть за нимъ; ибо, въ противномъ случаѣ, вся бѣда, которую онъ хочетъ накликать на

вора, постигнетъ его же самого. Во избѣжаніе, можно идти задомъ. Но и это еще не всегда лишено опасности, по крайней мѣрѣ, дѣтямъ не надо позволять этого, такъ какъ дитя, идя задомъ, поведетъ родителей въ адъ.

Кто болтаетъ ногами, тотъ возитъ дрова въ адъ.

Въ ночь на св. Ивана слѣдующимъ образомъ можно добыть талеръ, который всегда возвращается къ своему владѣтелю. Въ 12 часовъ ночи надо обойти три раза церковь съ кошкою, въ крѣпко завязанномъ мѣшкѣ; когда въ третій разъ приблизишься къ тому мѣсту, съ котораго ты началъ свой обходъ, встрѣтишь маленькаго старика въ сѣромъ платьѣ, который спроситъ тебя: «что это у тебя въ мѣшкѣ?» На это отвѣчай: «у меня заяцъ, котораго я хочу продать за талеръ». Узнавъ объ этомъ, онъ дастъ тебѣ талеръ и раскроетъ мѣшокъ, чтобы посмотрѣть зайца. Сейчасъ-же нужно бѣжать домой и запереть за собою дверь, такъ какъ старикъ, убѣдившись, что онъ купилъ не зайца, а домашнюю кошку, побѣжитъ за тобою, и если обгонитъ тебя подъ открытымъ небомъ, то поплатишься за эту продѣлку жизнью.

* * *

Всѣ имѣнія находятся въ рукахъ Нѣмецкихъ граждань или онѣмечившихся Поляковъ, которые мало обращаютъ вниманія на судьбу бѣднаго нашего народа, хотя, впрочемъ, обыкновенно знаютъ настолько Польскій языкъ, что могутъ объясняться съ подмастерьями и работниками. Но и въ этомъ случаѣ, нѣсколько лѣтъ назадъ, было иначе: гораздо лучше для насъ, чѣмъ для жителей Поморья. Для характеристики положенія обѣихъ Польскихъ земель въ первые десятки лѣтъ настоящаго столѣтія сообщаю слѣдующій любопытный фактъ.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, бывши въ землѣ Кашубовъ, я нашелъ альбомъ, заведенный въ первой половинѣ настоящаго столѣтія, въ который почти одни только Поляки и Польки записали свои имена и стихи. Въ немъ можно было найти Шиллера и Гёте, а также другихъ извѣстныхъ Нѣмцевъ; но тщетно ты искалъ-бы отрывковъ изъ Польскихъ поэтовъ! Были, правда, тамъ и сямъ Польскія надписи; но онѣ совершенно исчезли въ этомъ морѣ нѣметчины и скрылись, какъ-бы стыдясь просвѣщеннаго общества. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, я былъ въ землѣ Мазуровъ, гдѣ посѣтилъ своихъ знакомыхъ, живущихъ въ селѣ. Тамъ показали мнѣ семейный альбомъ, который самъ хозяинъ завелъ въ молодости. Я пересмотрѣлъ съ любопытствомъ это собраніе именъ, нравоученій и стиховъ и съ удивленіемъ увидѣлъ, что бо́льшая часть страницъ этой книжки была написана по-Польски, и весьма хорошо, а все это были Нѣмцы, которые писали въ ней, ибо не помню, чтобы я тамъ нашелъ какое нибудь Польское имя. Таково было тогда положеніе дѣлъ въ землѣ Мазуровъ, когда еще не началась германизація [1]). И теперь еще можно найти престарѣлыхъ Нѣм-

[1]) Точно тоже, кажется, было уже въ XVII в.; это видно изъ того, что напримѣръ, Фридрихъ-Вильгельмъ Великій, Бромбергскій (Бранденбургскій)

цевъ, которые лучше владѣютъ Польскимъ, нежели Нѣмецкимъ языкомъ, и не одинъ ревностный Нѣмецъ-академикъ сознался мнѣ, что его бабушка или дѣдушка не говорили обыкновенно дóма по-Нѣмецки, потому что знали только языкъ Польскій. Но школьное насиліе—отличное средство для германизаціи, и слѣды польщины (polskość) все больше и больше исчезаютъ въ восточной Пруссіи. Подобно тому, какъ ополяченные Нѣмцы снова онѣмечились (wypolszczyli), точно также онѣмечились Мазурско-Польскіе граждане, потому что въ землѣ Мазуровъ никогда не было ни духа, ни сознанія народнаго, и нынѣ къ ревностнымъ Нѣмцамъ принадлежатъ нѣкогда Мазурскіе роды: Лэнскіе, Пржиборовскіе, Дембовскіе, Отерскіе, Саковскіе, Парчевскіе, Радивилы, Бржоски, Тышки, Костки, Рогаль-Биберштейны, Морштины, Рутковскіе, Висневскіе, Гизевіи, Герши и многіе другіе.

Мазуры, находясь въ такомъ положеніи, живя среди такихъ обстоятельствъ, угнетаемые чужою народностью и сами погрязшіе въ невѣжествѣ, могутъ ли быть чѣмъ нибудь другимъ, какъ только слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ правительства или какой нибудь политической партіи? Сами они, не имѣя никакого гражданскаго или народнаго сознанія, безсознательно подаютъ голосы на выборахъ въ пользу того кандидата, котораго рекомендовалъ или помѣщикъ, или пасторъ, или какой-нибудь чиновникъ. Самъ Мазуръ никогда до сихъ поръ не домогался, чтобы выбранный имъ депутатъ обращалъ вниманіе на его положеніе; съ другой стороны, ни одинъ изъ депутатовъ не позаботился узнать нужды своихъ Польскихъ избирателей, чтобы улучшить ихъ положеніе,—довольно того, что они голосовали въ его пользу, такъ какъ самъ онъ, будучи занятъ великою Нѣмецкою политикою, не имѣетъ времени заняться ими. А къ тому же das Vaterland muss grosser sein! Нынѣ цѣлый народъ погруженъ въ летаргическій сонъ,—но вѣчно ли будетъ такое положеніе? Не встанетъ ли Мазуръ изъ могилы, подобно Лазарю? Я полагаю, что это будетъ, и при томъ не въ далекомъ времени.

Уже тамъ и сямъ, и преимущественно по городамъ, я замѣтилъ, что ремесленники сознаютъ вредъ такихъ школъ и получаемаго въ нихъ воспитанія; уже слышатся нареканія. Каждый Мазуръ-отецъ, конечно, долженъ скорбѣть, видя, что дѣти, вмѣсто образованія души и сердца, учатся только болтать на чужомъ языкѣ, забывая свой родный, на которомъ говорятъ ихъ родители; отцы хорошо знаютъ, что кто пренебрегаетъ языкомъ родителей, тотъ, наконецъ, и своихъ родителей будетъ стыдиться.

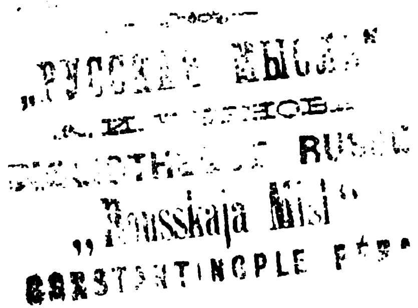
Я долженъ здѣсь сообщить о другомъ проявленіи народнаго сознанія, котораго я самъ былъ свидѣтелемъ. Случается иногда, что Мазуръ, «mądry może po szkodzie», не хочетъ принять квитанціи, писанной чиновникомъ по-Нѣмецки, но домогается Польской.

электоръ, писалъ Овербеку, извѣстному въ нашей исторіи по тяжбѣ съ Калькштейномъ,—грамоты, въ которыхъ онъ жалуетъ ему имѣніе въ Эйхмедіенѣ, въ восточной Пруссіи, и другія привилегіи по-Латыни и по-Польски, а не по-Нѣмецки. См. «Altpreus. Monatsschrift», томъ VI, вып. III, стр. 228.

Борьбы за языкъ, какую мы видимъ, напримѣръ, въ великомъ княжествѣ Познанскомъ, тамъ еще не существуетъ, и потому чиновникъ склоненъ еще на уступки, и послѣ долгаго спора приготовливаетъ Польскую квитанцію, или, если самъ не знаетъ по-Польски, поручаетъ это дѣло знакомому. Бывши однажды свидѣтелемъ, я весьма хвалилъ Мазура за его домогательство природныхъ правъ.

Хотя Мазуръ знаетъ и самъ сознаётъ, что онъ говоритъ по-Польски, однакоже, рѣдко изъ его устъ услышишь, что онъ Полякъ. Онъ скорѣе отвѣтитъ, что онъ Прусакъ; потому что онъ не любитъ Поляковъ за вѣроисповѣданіе, не имѣетъ къ нимъ ни какого влеченія. Различныя вліянія, о которыхъ ненужно распространяться, стараются поддержать это отвращеніе. Проявляли Мазуры свое отвращеніе и во время послѣдняго возстанья, хотя не могутъ отрицать, что возстаніе это и на Мазуровъ кое-гдѣ оказало хорошее вліяніе. Грустно, что Мазуръ не сочувствуетъ братьямъ Полякамъ. Но старались ли мы пріобрѣсть его расположеніе и уничтожить предубѣжденіе противъ насъ? Однако, и съ другой стороны слѣдуетъ признать, что Мазуръ не очень сочувствуетъ и Нѣмцамъ, въ чемъ я самъ не разъ убѣждался, о чемъ знаютъ и сами Нѣмцы, которые осуждаютъ въ характерѣ Мазура лицемѣріе и притворство.

Но довольно о Мазурахъ, о ихъ положеніи и дѣлахъ, объ ихъ духѣ и расположеніи. Здѣсь, можетъ быть, читатель спроситъ меня: на сколько можно разсчитывать на успѣхъ соединенія Мазуровъ съ при-Вислянскими братьями? На это отвѣчу, что всякая агитація, имѣющая свое начало внѣ Мазурской земли, будетъ встрѣчена съ недовѣріемъ Мазурами, у которыхъ Поляки не пользовались до сихъ поръ довѣріемъ и любовью. А нашимъ противникамъ не трудно было бы внушить Мазурамъ то убѣжденіе, что мы заботимся не о самомъ народѣ и его народности, о его благосостояніи и нравственности, но о вѣрѣ, о католицизмѣ. Напротивъ, еслибъ толчекъ къ этому вышелъ изъ среды самаго народа, то не трудно было-бы пробудить народный духъ въ Мазурахъ, такъ какъ нынѣ еще есть къ тому матеріалъ. Но недостаетъ тамъ прежде всего журнала въ родѣ Хэлминскаго «Przyjaciela Ludu», который, еслибъ былъ издаваемъ въ евангелическомъ духѣ, могъ бы благотворно вліять на народный духъ и просвѣщеніе, на нравственность и благосостояніе. Нынѣ еще время не ушло, обстоятельства благопріятствуютъ. Но черезъ годъ, черезъ десять лѣтъ будутъ ли обстоятельства лучше,—кто угадаетъ?

ОБРАЗЦЫ НАРОДНАГО ТВОРЧЕСТВА И НАРѢЧІЯ МАЗУРОВЪ.

* * *

Wyleciălă rybkă z bystrego jeziora,
Plăkălă dziewcynă z rana do wiecoră,
I przyjechal Janek wnet z cudzéj krăiny,
Rozmówil dziewcyne do swojéj rodziny.
Dziewcynă nie tăka, namówić sie dălă
Swe brcnne koniki zăprzęgăć kazălă;
Koniki zărżăly, z miejscă ujść nie chciăly,
Bo o jéj niescęściu dawno juz wiedziăly,
Juz ci ujechăli stopięćdziesiąt mili —
Jeden do drugiego slowkă nie mówili.
I mówilă Kăsiă slowecko do Jasiă:
Oj Jasiu, oj Jasiu! gdzie rodzină năsă?
Nie pytaj, dziewcyno, o mojéj rodzinie,
Będzies ty plywălă w Dunăju we trzcinie.
A widzis, dziewcyno, on nă morzu kenień,
Kiedy będzie plywal, to ty będzies mojă.
Ă widzis, dziewcyno, ono staro lipe,
Ă kiedy mnie nie chces, to cie tăm obwiesc

* * *

W ciemnym lăsu, w ciemnym
Slowiki spiewăjo;
Memu nnmilsemu
Konikă siodlăjo...
Usiadl juz nă siodle...
Pod nim konik skace,
Skace konik skace,
Dziewcynecką plăce.
Cicho dziewce nie plăc,
Cicho nie lamentuj;
Przyjoze ci jeblko
Z podolskiego dworu.
Nimă jeblusecką,
Nimă cărnéj jiśni,
Nimă tu nikogo,
Który o mnie myśli.
Wysly rybki, wysly,
Tylko okuń zostal;
Proś Bogă, dziewcyno,
Coby ja cie dostal.

* * *

Ă z porănă w niedziele
Poslă pănă nă ziele,
Nă zielicką drobnego (sic)
Do ogródka swojego.
I poslă wianki wić
Ă o Bogu niemyśleć.
Zăjăchal jéj z Rusi Pan
Z pieklă rodem sătan:
«Dobry dzień, dziewecką,
Cworă dziătek mătecką »
Pan Bóg zăplăć ci pănie
Z pieklă rodem sătanie.
«Po cem tyś mie poznălă,
Coz mie tăkim năzwălă?»

Po koniku wronym,
Po siodełku smoloném:
«Stąpaj, dziewcyno nă kenień,
Z kenieniă nă mój koń;—
Otworz, brăcie, nowy dwór,
Joze pănne nă wybór.»
Co tă pănnă dziăłălă
Co sie tutaj dostălă?

«Cworo dziătek străcilă,
Ă o piątem myślilă.
Jedno lezy pod krusko,
Zădusone podusko.
Drugie lezy pod miedzo,
O tém ludzie nie wiedzą.
Trzeciem świnie kărmilă,
Ă ewarte w piecu spalilă.

* * *

A w niedziele răniusienko
Descyk poronia,
Tăm dziewcynă, dziewcyneckă,
Byśki wygania.
I wygnălă, przezegnălă,
Idzie do domu,
Zălecial ją, zălecial
Janek z polă
Nă bronnym koniu:
Pytam ze sie, ma năjmilsa,
Coz ză gościă mas,
Ze tăk răno, răniusienko
Byśki wyganias?
«Oj nimam ja, nimam ja
Gościă zadnego,
Tylko ciebie sie spodziewam—
Jankă mojego.»

Ă ja ciebie, dziewce, niechce,
Cărne nogi mas.
«Ă ja ciebie, śurku *) niechce,
Bo w kărty grywas.»
Choć ja sto tălărków przegram,
To mi niewiele,
Ă tyś głowe niecesălă
Áz trzy niedziele.
«Ă coz tobie, a coz tobie
Do mojéj głowy;
Obsiodłaj ty twego koniă
I jedź do wdowy.
Bo u wdowy chleb gotowy
I troje dzieci—
Temu skibkă, temu glónek—
Chlebek wyleci.

* * *

A pod borem bujna trawkă roslă,
Tăm dziewcynă pstrego byśkă păslă.
Trącilăś go w ogonek niechcąca,
Poleciaś jéj po boru rycący,
Onă ză nim, ăz sie uznoilă:
Suka wody, by sie ochłodzilă;
I spotkał jo tăm piękny młodzieniec;
Oto dziewce do wody gościniec
Ă od wody cterynaście grosy.
Ă on chciał tlo iść z nio w zle roskosy.
Ăle ona wnet go omămilă,
Obiecując sie powrócić tăm go ostăwilă.

* * *

*) Łotrze.

КРЕСТЬЯНЕ ВЪ ПОЛЬШѢ

наканунѣ послѣдняго ея раздѣла.

(Польская политическая брошюра 1790 года [1]).

Предисловіе.

Въ настоящее время,—когда стараются излѣчить въ современномъ человѣчествѣ язвы невѣжества и лжезнанія,—когда просвѣщеніе, проблуждавъ по кривымъ и окольнымъ путямъ, выходитъ, кажется, на прямую дорогу,—когда разумъ долженъ, наконецъ, освободиться отъ темноты грубыхъ чувствъ,—въ это-то время мы завалены проектами, мечтательными планами, грёзами, и притомъ—въ области самыхъ необходимыхъ наукъ и предметовъ. Одни изъ этихъ сочиненій потворствуютъ страстямъ и льстятъ имъ; другія—дѣйствуютъ болѣе на чувства, стараются угодить имъ; третьи—плохо понимая въ чемъ суть дѣла, дышатъ ненавистью къ писателямъ изъ противнаго лагеря; одни, вдаваясь въ частности, упу-

[1]) «Uwagi praktyczne o poddanych Polskich, względem ich wolności i niewoli. W Warszawie, w drukarni p. Dufour, kons. nad. I. K. Mci, dyr. druk. Korp. Kadetow. MDCCXC». Имя гуманнаго автора этой брошюры неизвѣстно; но изъ той же типографіи и въ томъ же году вышли еще двѣ брошюры, трактующія о томъ же предметѣ; въ самомъ концѣ ихъ стоитъ: «Jezierski, kasztelan Łukowski, do poprawy czytelnikowi oddaje» (см. Мацѣёвскаго, «Historya włościan», стр. 393). О Польскихъ крестьянахъ было очень много писано въ Польской литературѣ. Попытку—собрать все это воедино—сдѣлалъ извѣстный Вацлавъ-Александръ Мацѣёвскій, издавшій въ 1874 году свою «Historię włościan». Но это произведеніе хотя и очень почтенно и полезно, но далеко не отвѣчаетъ своему громкому заглавію: тяжелыя, мрачныя судьбы Польскаго крестьянина, попрежнему, не имѣютъ еще своего историка, а слѣдовательно—и изданной исторіи. И это тѣмъ удивительнѣе, что для будущаго историка этого вопроса собранъ весьма обширный матеріалъ и замѣчательно разносторонній, благодаря своему полемическому характеру: факты, мнѣнія, доводы за и противъ чередуются и смѣняютъ другъ друга, такъ-что изслѣдователю представляется каждый разъ прекрасный случай выслушать обѣ стороны и взаимно провѣрить и оцѣнить. Крестьянинъ въ Польскомъ государствѣ всегда былъ забытымъ пасынкомъ, безгласнымъ и безправнымъ, и потому не могъ вынести на своихъ плечахъ отечество, когда оно переживало трудныя и роковыя

скаютъ изъ вида связь ихъ съ цѣлымъ, а другіе видятъ только одно цѣлое и не различаютъ частностей, изъ которыхъ это цѣлое составляется. Однимъ словомъ: всѣ эти писанія являются послѣдствіемъ увлеченія случайно мелькнувшею мыслью, безъ всякаго обращенія вниманія на связь ея съ другими мыслями, съ подробностями задуманнаго дѣла, съ порядкомъ общественной жизни. Говорить ли о цѣляхъ?... Одинъ пишетъ для удовлетворенія своего тщеславія; перомъ другаго водитъ ненависть; этотъ изливаетъ на бумагу свою злобу, а тотъ, движимый личнымъ интересомъ, старается выдать ложь за истину и т. д. У рѣдкаго изъ пишущихъ хватитъ смѣлости и силы провѣрить свои ощущенія, сообразить ихъ, объяснить цѣлое анализомъ частностей, стать выше буквы и подчинить свои вожделѣнія разсудку. Между тѣмъ, это—всего нужнѣе въ дѣятельности государственной. Если въ теоретическихъ вопросахъ заблужденіе является причиною споровъ, то въ дѣлахъ государственныхъ оно служитъ причиною несчастія милліоновъ людей. Ученому писателю, когда онъ становится судьею предмета, о которомъ берется разсуждать, слѣдовало бы имѣть въ виду присягу, даваемую Польскими судьями: онъ долженъ писать, не увлекаясь частнымъ интересомъ, безъ ненависти, безъ корыстной надежды, безъ интриги, безъ снисхожденія къ пріятелю, но—по справедливости. Я не имѣю въ виду осуждать здѣсь кого либо. Моя цѣль: не увлекаясь посторонними спорами, выяснить для всѣхъ и

годины: это обстоятельство (унизительное положеніе Польскаго крестьянина-раба) было, разумѣется, одною изъ главныхъ причинъ разложенія и паденія Польскаго государства. Н. И. Костомаровъ, въ своей прекрасной монографіи «Послѣдніе годы речи-посполитой» (2-е изд., стр. 25—26), перечисляя причины паденія Польши (въ числѣ ихъ—и упоминаемую нами), не вполнѣ соглашается съ ними и говоритъ, что эти причины «не столько въ тѣхъ дурныхъ сторонахъ, которыя были въ нравахъ націи, сколько въ отсутствіи хорошихъ». Но этотъ тезисъ весьма общъ и мало опредѣляетъ дѣйствительныя причины: конечно, чѣмъ больше хорошаго, тѣмъ меньше дурнаго, тѣмъ оно менѣе видно, менѣе вредно. Еслибы Н. И. Костомаровъ, съ его талантомъ и умѣніемъ, взялся за написаніе исторіи Польскаго крестьянина, тогда бы и онъ самъ, и его многочисленные читатели увидѣли, что одною изъ самыхъ главныхъ, самыхъ рѣшительныхъ и несомнѣнно гибельныхъ причинъ паденія Польши было систематическое угнетеніе народныхъ массъ, чудовищное совмѣщеніе въ одной и той же странѣ представительнаго начала для господъ и самаго тяжкаго рабства для крестьянъ.

Имѣвъ случай, нѣсколько лѣтъ назадъ, ознакомиться съ нѣкоторыми изъ помянутыхъ выше брошюръ, мы остановились на одной, которая, по нашему мнѣнію, особенно выдается: во-первыхъ, она представляетъ образчики подобныхъ же сочиненій изъ двухъ противоположныхъ литературно-политическихъ лагерей, во-вторыхъ, описываетъ положеніе крестьянина въ Польшѣ и Литвѣ со временъ древнѣйшихъ и до 1790 года; въ-третьихъ, приводитъ извлеченія изъ Польскаго законодательства о крестьянахъ, и наконецъ, предлагаетъ нѣкоторые практическіе выводы. Помимо гуманнаго отношенія къ дѣлу, терпимости къ противоположному мнѣнію, брошюра эта важна, какъ свидѣтельство очевидца, въ какомъ положеніи и состояніи перешелъ подъ власть Россіи Польскій крестьянинъ. Переводъ этой брошюры съ экземпляра, принадлежащаго Виленской публичной библіотекѣ, сдѣланъ магистромъ Петербургской духовной академіи П. А. Червяковскимъ. Краткое извѣстіе объ этой брошюрѣ находится и у Мацѣёвскаго (стр. 379—380). *Ред.*

каждаго, насколько это возможно въ дѣлѣ государственнаго свойства, истину о положеніи Польскихъ крестьянъ.

Чтобы трудъ мой не стоялъ отдѣльно, безъ связи съ другими, я, прежде всего, разсмотрю три книги: первая изъ нихъ — философское и моральное сочиненіе «О крестьянахъ» (O poddanych), изданное въ 1788 году; вторая — сочиненіе богословское, проникнутое духомъ христіанской кротости, «Прибавленіе къ книгѣ о Польскихъ крестьянахъ» (Dodatek do xięgi o poddanych Polskich), напечатанное въ 1789 году; третья — сочиненіе стараго закала и взгляда, противоположное двумъ первымъ, изданное въ 1790 года [1]. Сущность этихъ сочиненій я изложу вкратцѣ, не роняя чести ихъ авторовъ: всякое стремленіе къ общему благу похвально, хотя не всякое удобопримѣнимо къ дѣлу.

Во-вторыхъ, я опишу положеніе Польскихъ крестьянъ въ Коронѣ и Литвѣ, каково оно было при короляхъ неограниченныхъ, при короляхъ, увеличившихъ свободу народа, и каково оно теперь.

Въ-третьихъ, я приведу постановленія и законоположенія о земледѣльцахъ, относящіяся къ ихъ личному и имущественному обезпеченію.

Въ-четвертыхъ, я постараюсь сопоставить и разсмотрѣть со всѣхъ этихъ точекъ зрѣнія жалобы на ихъ рабство, и свойство ихъ свободы.

Отдѣлъ I.

Изложеніе содержанія трехъ книгъ о Польскихъ крестьянахъ [2].

§ 1. Книга о Польскихъ крестьянахъ 1788 года.

Во вступленіи представлены самые похвальные примѣры гуманности въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ: Коронняго подканцлера Замойскаго, Литовскаго экс-референдарія Бржостовскаго, Литовскаго подканцлера Хребтовича, Литовскаго подскарбія князя Станислава Понятовскаго. Я прибавлю къ нимъ Виленскаго бискупа — князя Игнатія Масальскаго, который въ 1774 году освободилъ, съ обя-

---

[1]) Изъ помянутыхъ трехъ книгъ, первыя двѣ приписываются Давиду Пильховскому (Лукашевичъ, «Rys dziejów itd.», 2-е изд. стр. 451, Собещанскій, «Вс. Энц.», XX, стр. 711), а именно: «O poddanych Polskich». Краковъ, 1788. 8°, и «Odpowiedź na pytanie: izali nieczułość w wyższych wiekach ku poddanym tak była opanowała serce Polaków, iż uczeni nią nawet zarażeni zostali? Czyli dodatek do xięgi o poddanych Polskich». Вильна (по опредѣленію одного только Лукашевича), 1789, 8°, 147 стр. Авторомъ этой книги Мацѣёвскому (стр. 350) называли, но безъ всякихъ доказательствъ, Ф. М. Карпя. Третья книжка написана ксендзомъ Игнатіемъ, ордена тринитаровъ св. Маріи de-Mercede, въ январѣ 1790 года: «Dopytanie się u przodków czułości ku poddanym autorowi Odpowiedzi czyli Dodatku do xięgi o poddanych Polskich» (объ этой брошюрѣ см. у Мацѣёвскаго, стр. 340—341). *Ред.*

[2]) Авторы позволятъ мнѣ вставлять по мѣстамъ мои собственныя мысли, не съ цѣлью критики, а для того, чтобы собрать подъ одну точку зрѣнія вещи, находящіяся въ связи.

зательствомъ уплаты чинша, Игуменское графство, а затѣмъ и другія имѣнія: Солокъ, Замочекъ (Zameczek) и т. д. Можно бы указать еще многихъ, отличающихся такою же гуманностью дворянъ въ Коронѣ и Литвѣ, которые въ настоящее мудрое царствованіе Станислава-Августа освобождаютъ крестьянъ и по-одиночкѣ, и цѣлыми деревнями.

1. О неосновательности закрѣпощенія крестьянъ: они получили во владѣніе свои участки не какъ рабы, захваченные побѣдителями на полѣ битвы. Мечиславъ въ 1063 году возвратилъ Вратиславу взятыхъ въ плѣнъ Чеховъ. И въ Литвѣ Ольгердъ не обратилъ Польскихъ плѣнниковъ въ земледѣльцевъ, а употребилъ для работъ по перекопкѣ Вилейки и возвратилъ Казиміру Великому съ дочерью Алатоною. А Витовтъ, захвативъ въ плѣнъ Татаръ, побѣжденныхъ при Синихъ Водахъ, значительнѣйшимъ изъ нихъ далъ имѣнія въ Трокскомъ и Виленскомъ повѣтахъ, а простыхъ поселилъ на Снипишкахъ и Лукишкахъ. Есть универсалы, поощряющіе земледѣліе даже увольненіемъ на нѣсколько лѣтъ отъ общественныхъ податей: Сигизмунда I — для опустошенной войною Пруссіи, Стефана Баторія—для Инфлянтъ. Если справиться въ мирныхъ договорахъ, то окажется, что плѣнники, взятые на войнѣ, всегда были возвращаемы [1]). Янъ Ходкевичъ, при Сигизмундѣ III, захвативъ въ плѣнъ Татаръ, распредѣлилъ ихъ по полкамъ и городамъ.

Далѣе авторъ, прекраснымъ языкомъ и съ философскимъ пониманіемъ дѣла, объясняетъ, что, по раздѣленіи земли на мою и твою, нужда поселила земледѣльцевъ на владѣльческихъ земляхъ и, конечно, принимала ихъ на эти земли; хвалитъ Римлянъ, которые, покоряя народы, дѣлали изъ нихъ не рабовъ, а согражданъ и союзниковъ (cives et socios). Впослѣдствіи испорченность нравовъ и изнѣженность, вкравшаяся съ Востока, привела къ нимъ тысячи рабовъ, а, кажется, вмѣстѣ съ ними и упадокъ государства. Указываетъ (авторъ) на Саксонцевъ и, на основаніи свидѣтельства Тацита, на Германцевъ: у тѣхъ и другихъ правленіе было общинное, и завоеватели покоряли земли, а не людей, подтверждали ихъ законы и давали новыя льготы [2]). Откуда же рабство у Поляковъ? О значеніи рабства и свободы скажемъ ниже въ отдѣлѣ IV-мъ, а во II-мъ — о положеніи земледѣльцевъ. Ѳ безчувственности къ крестьянамъ въ старыя времена даетъ намъ понятіе вторая книга [3]).

2. Разъяснивъ далѣе, какъ земледѣльцы обратились въ крѣпостныхъ, авторъ замѣчаетъ, что рабы живутъ несообразно съ правами природы, а потому становятся ничтожными, не имѣютъ мужества; отсюда дѣлаетъ переходъ къ недостаткамъ закрѣпощенныхъ по неволѣ: нелюбви къ господамъ, ненависти, пьянству, нищетѣ.

3. Затѣмъ — о повинностяхъ. Авторъ беретъ загродника [4]),

[1]) См. «Codicem diplom.» Догеля, томъ I, IV, V.

[2]) См. «Subiekcye», «Inkorporacye», «Unie» Польскихъ областей.

[3]) См. ниже, § 2. *Ред.*

[4]) Zagrodnik—крестьянинъ съ однимъ только огородомъ, безъ поля, нетяглый. Zagrodnik, въ противоположность кмету, появляется въ началѣ XV

имѣющаго въ пользованіи 300 загоновъ (zagonów), высчитываетъ его панщину и прибыль, какую онъ могъ бы имѣть, если бы былъ обязанъ только платить чиншъ; рядомъ съ панщинными днями, перечисляетъ иныя его обязанности, какъ-то: сторожить, пасти стадо въ очередь, копать овощи, сушить пряжу, трепать и прясть лёнъ, быть на дальнихъ посылкахъ, отбывать свою праздничную очередь на барскомъ дворѣ; а въ Литвѣ: работать по цѣлой недѣлѣ двумъ бабамъ и двумъ мужикамъ. Сюда относятся еще оброкъ (daniny), чиншикъ (czynszyk), оправы (oprawy), куры, яйца, ссыпки; въ Литвѣ: отдача половины мёда, приносъ орѣховъ, хмѣля.

4. Далѣе ведетъ рѣчь о необразованности крестьянъ и перечисляетъ возникающія отсюда худыя послѣдствія: не получая воспитанія смолода, они пасутъ скотъ и проводятъ время, пригодное для обученія, въ лѣсу; учатся красть, оскорблять пановъ, не считая это преступленіемъ; становятся строптивыми и упрямыми; не понимаютъ своихъ обязанностей, не знаютъ, что̀ такое справедливость; живутъ неопрятно; упорны въ своихъ обычаяхъ, особенно въ Литвѣ, менѣе — въ Великой Польшѣ; не слышатъ наставленія даже въ праздники, отправляясь, во время богослуженія, или на базаръ, или на пастьбу господскаго скота, или за орѣхами и грибами.

5. Вслѣдствіе этого — что̀ теряютъ паны? Будучи несостоятельными, крестьяне должаютъ господамъ безъ отдачи; продаютъ скотъ или имѣютъ плохій, и сами становятся слабыми; они все чаще выпрашиваютъ вспомоществованіе, которое всегда пропадаетъ, или бросаютъ свои хаты, а ото всего этого — убытокъ пану. Вотъ почему половина земли остается безъ обработки въ Подлясьѣ и Полѣсьѣ, а въ Литвѣ—пустоши и лѣсъ.

6. Что̀ теряетъ страна? Крѣпостное состояніе—причина малонаселенности. Квадратная миля, по вычисленію Англичанина Юма (Hum), можетъ прокормить 1390 душъ [5]). Польша и Литва имѣютъ 15,000 квадратныхъ миль, а населенія—8.500,000, считая въ томъ числѣ пановъ и Жидовъ и т. д.; между тѣмъ въ нихъ должно бы быть, сообразно съ тѣмъ, сколько они могутъ пропитать—20,850,000; а отсюда, принимая, что десятый обязанъ военною службою, въ нихъ могло бы быть 208,500 человѣкъ войска. Полагая по 5 злотыхъ податей на человѣка, авторъ собираетъ 140,000,000 и замѣчаетъ, что такое населеніе было бы въ состояніи содержать 208,000

вѣка (Ленчицкія конституціи 1418 и 1419 г., см. Бандтке, «Ius Polonicum»); окончательно освобожденъ отъ крѣпостной зависимости 19 февраля 1864 года. *Ред.*

[5]) Если авторъ беретъ милю въ 120 шнуровъ, то въ одной квадратной милѣ будетъ 14,400 шнуровъ; по раздѣленіи одной пахатной мили на 1,390 земледѣльцевъ, каждый изъ нихъ имѣлъ бы почти по $10^1/_2$ шнуровъ, т. е. по 4 неполныхъ морга. Такъ какъ въ крестьянскихъ халупахъ гнѣздится по 6 человѣкъ, то каждая изба имѣла бы по 24 морга земли, если бы страна была населена такъ, какъ желаетъ авторъ. Но и озёра, рѣки, лѣсы также занимаютъ мѣсто; вся земля не можетъ быть занята нивами. Притомъ въ указанную цифру населенія входятъ и мѣщане, которыхъ часто бываетъ на одну милю тысячъ по 80, какъ, напримѣръ, въ Варшавѣ.

вόйска, принимая въ соображеніе, что 18,000 стόитъ одинъ милліонъ. Но можетъ ли быть теперь многолюдна наша страна? Избы курныя и вонючія; матери, отёкшія отъ вина, помѣщенія холодныя, голодныя, вѣчныя неудобства, полусырыя кушанья, невыпеченный хлѣбъ, побитое морозомъ яровое, особенно въ Литвѣ [1]).

7. Страна не обнаруживаетъ прибыльной экономіи въ земледѣліи, ни по отношенію къ торговлѣ, ни относительно потребленія. Хлѣбная торговля съ Гданскомъ и Кролевцемъ и торговля волами съ Шлёнскомъ—скорѣе приносятъ убытокъ, чѣмъ пользу; а крестьяне не имѣютъ и этого! Поэтому авторъ совѣтуетъ собрать черезъ сборщиковъ ссыпку отъ поселянъ и лучше устроить въ странѣ запасные склады. Нѣтъ разсчетливой экономіи и въ ремёслахъ, которыя не совершенствуются Затѣмъ авторъ показываетъ, что убытки отъ крѣпостнаго состоянія неблагопріятно отражаются на земледѣліи, ремёслахъ, торговлѣ, арміи и казнѣ.

8. Худо также и самовластнымъ панамъ: закрѣпощеніе крестьянъ несправедливо, а слѣдствія несправедливости ужасны. Власти пановъ подобаетъ почтеніе; но кáкъ безобразно молодый наслѣдникъ унижаетъ эту власть! Экономы, угождая помѣщикамъ панамъ, мучатъ крестьянъ, тиранятъ, не даютъ имъ помощи, жестоко наказываютъ, особенно въ Литвѣ. Шляхтичъ, гоняясь за доходами, забываетъ обязанности, сопряженныя съ его властью, а между тѣмъ, въ тоже время, принимаетъ участіе въ совѣщаніяхъ о государственныхъ дѣлахъ! Можетъ ли быть прокъ отъ его участія?! развѣ по отношенію къ его личному и имущественнону обезпеченію? Внушивъ своимъ крестьянамъ нерасположеніе къ себѣ, онъ долженъ имъ довѣряться, пользоваться хлѣбомъ изъ ихъ рукъ, и проч.

9. Какую же свободу слѣдуетъ предоставить крестьянамъ? Не участвовать имъ въ сеймахъ и совѣтахъ; но имъ должно быть предоставлено: 1) право отдавать своихъ дочерей замужъ въ чужія сёла и деревни, а парнямъ позволять жениться, гдѣ они пожелаютъ; 2) право выхода съ имуществомъ; 3) имъ нужно имѣть такія учрежденія, гдѣ бы по справедливости разбирались дѣла ихъ съ панами и между собою; 4) а для этого необходимо сеймовое постановленіе, опредѣляющее власть пановъ и гарантирующее общественныя права; 5) крестьянамъ нужно образованіе. Въ этомъ заключается ихъ свобода.

10. Какъ же допустить эту свободу? Мало-по-малу. Сначала обучать молодыхъ крестьянъ при помощи сельскихъ священниковъ. Затѣмъ—объявить имъ, что они свободны во владѣніи имѣніемъ, въ продажѣ и куплѣ, въ выходѣ съ мѣста; по крайней мѣрѣ, ихъ движимое имущество считать ихъ собственностью.

11. Они не уйдутъ, однако, со своихъ мѣстъ, ибо родина мила, а переходъ со движимостью затруднителенъ; не сопьются съ круга, только бы устранить Жидовъ отъ арендаторства, какъ это сдѣлано въ Сѣрадзскомъ повѣтѣ въ 1786 году, а въ 1787 утверждено постановленіемъ сеймика, подъ опасеніемъ штрафа въ 500 гривенъ

[1]) См. ниже, отдѣлъ II.

и шестинедѣльнаго заключенія. На тò же указываетъ авторъ въ королевскихъ и духовныхъ (xiężyznach) имѣніяхъ.

12. Чтобы сдѣлать болѣе компетентными помянутыя (см. выше, пунктъ 9) крестьянскія учрежденія, авторъ совѣтуетъ усилить ихъ контролемъ господъ и священниковъ; тогда крестьянскій судъ пріобрѣтетъ болѣе знакомства съ законами.

13. Тоже говоритъ авторъ о воспитаніи крестьянъ, высказывая, что образованіе пріобрѣтается смолода, служитъ основаніемъ счастія, рождаетъ одинаковость убѣжденій; но только чтобы эта одинаковость была хорошаго, а не худаго свойства. Ихъ слѣдуетъ учить читать, писать и считать (при чемъ авторъ указываетъ пользу отъ этихъ знаній). Къ этому слѣдуетъ присоединить нравоученіе и необходимыя познанія о вѣрѣ христіанской, о власти государя, о почитаніи господъ, родителей; слѣдуетъ также разъяснить различіе сословій въ отношеніи къ управленію государствомъ. Учителями должны быть иноки; въ школахъ должна быть дисциплина. Дѣвочекъ воспитывать вмѣстѣ съ мальчиками, тѣхъ и другихъ въ возрастѣ 5—11 лѣтъ; тѣмъ и другимъ сообщить ученіе о бракѣ.

14. Чтò государство должно узаконить относительно крестьянъ? Оно должно обезпечить имъ свободу. Хорошо было бы, если бы всѣ паны рáзомъ освободили всѣхъ крѣпостныхъ. Воспитаніе крестьянъ подчинить надзору народной коммиссіи. Учредить для поселянъ собственный судъ, въ ближайшихъ мѣстечкахъ, изъ шляхты, мѣщанъ и земледѣльцевъ, при чемъ два сословія должны являться защитниками обижаемыхъ, а третье—играть роль посредника; но это умѣстно послѣ распространенія образованія въ массахъ. Установить награды для образцовыхъ хозяевъ и для воспитывающихъ своихъ дѣтей, кáкъ сдѣлали въ Краковѣ филантропы въ 1787 году. Уравнить повинности крестьянъ, чиншъ сноповый (czynsz snopowy), третій или четвертый снопъ. За этимъ должны наблюдать экономы, какъ приниматели хлѣбной подати (iak wytykacze dziesięcin) [2]).

15. Какая прибыль отъ этого была бы для пановъ? Ихъ крестьяне, при образованности, будутъ къ нимъ почтительнѣе, будутъ имѣть чистый доходъ, получатъ сокращенія въ установленныхъ податяхъ; урожаи будутъ значительнѣе, крестьяне лучше ознакомятся со своею землею, народонаселеніе увеличится, пропинація станетъ прибыльнѣе, въ крѣпостныхъ людяхъ проснется мужество къ оборонѣ и пана, и государства; панъ найдетъ сбытъ для своихъ продуктовъ, которые будутъ обработываться крестьянами по найму; въ деревняхъ поселятся ремесленники.

§ 2. Книга вторая: «Отвѣтъ на вопросъ: правда-ли, что безчувственность старыхъ временъ къ положенію крестьянъ такъ овладѣла сердцами Поляковъ, что и ученые люди были заражены ею? Прибавленіе къ первой книгѣ: «О крестьянахъ» Odpowiedź na pytanie: izali nieczułość w wyższych

[2]) wytykać dziesięcinę—выбирать, получать натуральную пóдать, главнымъ образомъ, хлѣбную. *Ред.*

wiekach ku poddanym tak opanowala serca Polakow iż uczeni byli nią zarażeni? Czyli dodatek do xięgi pierwszey: O poddanych).

Тутъ помѣщено письмо къ пріятелю, въ которомъ авторъ, показавъ сначала, что древніе Поляки умѣли и думать, какъ Замойскій, Фредро, Любомірскій, Гозій, Кромеръ, Любенскій, Пясецкій,—и говорить, какъ Скарга, Горницкій, Оржеховскій, Варшевицкій, Томицкій, Тчинскій, Осецкій, —и воевать, какъ Тарновскій, Жолевскій, Хеодкевичъ, Сапѣга, Чарнецкій,—доказываетъ, что они не забывали думать и объ облегченіи судьбы крестьянъ. При этомъ высказывается похвала первой книгѣ, какъ труду разумному, основательному, проникнутому прекраснымъ чувствомъ и полезному. Затѣмъ указывается:

1. Уставъ Болеслава Храбраго 1019 г., который учредилъ 12 судей и рѣчниковъ (rzecznikow) [1]; онъ самъ и судилъ и защищалъ землепашцевъ, по извѣстіямъ Бѣльскаго и Кромера.

2. Въ 1180 году Казиміръ Справедливый (пріѣхавъ изъ Лэнчицы) и Польскіе епископы объявили, что, причиняющіе поселянамъ убытки, грабители будутъ предаваемы анаѳемѣ.

3. Въ 1370 году Казиміръ Великій самъ выслушивалъ жалобы крестьянъ, ласково обращался съ ними, населялъ пустопорожнія мѣста Нѣмцами; онъ былъ самымъ внимательнымъ къ простонародью и прозванъ отцемъ земледѣльцевъ, какъ свидѣтельствуетъ Прусскій лѣтописецъ Мариній. Были даже сеймовыя постановленія относительно ихъ свободы, хотя ксёндзъ Скржетульскій и доказываетъ, будто втеченіе двухъ послѣднихъ (передъ Казиміромъ Великимъ) вѣковъ забыли о крестьянахъ.

4. И при Сигизмундѣ-Августѣ, хотя поселяне и стали стонать подъ ярмомъ рабства, однако, появились въ ихъ защиту сочиненія Андрея Модржеевскаго и гуманные примѣры великаго Короннаго гетмана Яна Тарновскаго, и Виленскаго воеводы и великаго Литовскаго гетмана Льва Сапѣги. Модржеевскій писалъ къ королю, сенату и дворянскому сословію о человѣчности къ крѣпостнымъ людямъ и о томъ, подобаетъ ли пану отнимать что̀ либо у своихъ крестьянъ? Почему бы крестьянину не считать своею собственностью ту землю, которую онъ обработываетъ, состоя въ крѣпостной зависимости отъ пана? Панамъ принадлежитъ только владѣніе, чиншъ или трудъ, тѣмъ болѣе, что они не добыли себѣ крестьянъ мечемъ, какъ рабовъ, но по наслѣдству или пожалованію; притомъ же у христіанъ—и завоеватели не ругаются надъ побѣжденными, да и у Нѣмцевъ нѣтъ рабовъ. Справедливо ли же отнимать у своихъ крестьянъ землю и имущество? продавать ихъ какъ скотъ? воспрещать имъ выходъ? самовольно распоряжаться личностью и заработками ихъ?

5. Яковъ Пржилускій, писарь Краковской земли, современникъ Модржеевскаго, совѣтуетъ, въ «Собраніи Статутовъ» 1553

[1] Стряпчій, адвокатъ, ходатай по дѣламъ. Въ Словарѣ Оргельбранда rzecnik поясняется тáкъ: mówca, orator, krasomówca. Отсюда образовалось сложное: rzeczomówca. *Ред.*

года [2]), требовать съ кротостью панщины отъ крестьянъ и отдать имъ ихъ земли въ собственность, какъ пріобрѣтенныя покупкою, и даровать имъ свободу.

6. Христофоръ Варшевицкій, въ книгѣ «О наилучшемъ состояніи свободы» (O naylepszym stanie wolności), изданной въ 1598 году, доказываетъ, что поселяне имѣютъ право не быть презираемыми: земледѣльцами держатся города, сёла и замки, ими удовлетворяются всѣ потребности; войско набирается изъ нихъ. За что̀ же они должны находиться въ угнетеніи и выносить ежедневное звѣрство пановъ? жить въ убожествѣ, внѣ покровительства государства? безъ короля? а иногда и безъ религіи, будучи принуждаемы работать въ праздничные дни? Почему не могутъ они просить у короля облегченія своей участи, при своей нищетѣ, если отъ земледѣлія возростаютъ и крѣпнутъ королевства? Къ этому онъ присоединяетъ примѣры Казиміра Великаго и королевы Ядвиги съ Ягайлою.

7. Каменецкій бискупъ того же времени, Мартинъ Бялобржескій сѣтуетъ на то, что крестьяне—рабы своихъ господъ; послѣдніе мучатъ ихъ, какъ Фараонъ Жидовъ; по ничтожнымъ причинамъ губятъ ихъ; обременяютъ работами, говоря: «такъ хочу, такъ велю, такова моя воля, я господинъ, я приказываю, это въ моей власти, я имѣю право, могу сдѣлать, что̀ хочу». Неужто для управленія людьми нѣтъ ни закона, ни разума, ни человѣчности, а есть одинъ только произволъ.

8. Іезуитъ Мартинъ Смигельскій [3]), въ книгѣ «О ростѣ, перекупѣ, чиншахъ» (O lichwie, wyderkaffach, czynszach) доказываетъ, что панъ долженъ платить своему крѣпостному крестьянину, если послѣдній работаетъ для него больше, чѣмъ обязанъ; ибо крестьянинъ — не рабъ, а рабочій по контракту, все равно что̀ наемный землепашецъ; онъ имѣетъ собственность по уставу Казиміра Великаго 1368 года. Панъ не имѣетъ ни какого права на его заработки и утварь; крестьянинъ—крѣпостный на столько, на сколько получилъ отъ своего господина; онъ получилъ ниву, домъ съ принадлежностями, и за это служитъ. На какомъ же правѣ, эти несносныя, далекія посылки!? требованіе складчины на сватьбы и путешествія? чрезвычайныя подати? На какомъ основаніи, выживаютъ ихъ изъ хатъ. Вѣдь они у насъ не рабы, а какъ были у Римлянъ, adscriptitii glebae, крѣпостные (приписные) землепашцы.

[2]) Здѣсь подразумѣвается изданіе Пржилускаго «Leges seu statuta ac privilegia regni Poloniae omnia», неудостоившееся, какъ извѣстно, сеймовой санкціи, потому что представляло сборъ статей закона и собственныхъ домысловъ издателя, касавшихся философіи, религіи и поэзіи (sic). *Ред.*

[3]) Вѣрнѣе—Смиглецкій, а не Смигельскій, какъ это видно изъ подписи на многочисленныхъ его сочиненіяхъ: Martinus Smiglecius. Сочиненіе его «O lichwie itd.», распадающееся на 27 отдѣловъ, крайне любопытно, отличается здравыми и гуманными взглядами; несмотря на семь изданій (всѣ въ Краковѣ, первое—1604, седьмое 1640 года), сочиненіе это относится къ числу библіографическихъ рѣдкостей. Припомнимъ, что Смиглецкій занимаетъ весьма видное мѣсто между полемистами противъ православной церкви въ Западной Руси; Вишневскій («Ист. Польск. лит.», VIII, стр. 93) видитъ въ немъ автора извѣстной брошюры «Synod Brzeski», 1597 года. *Ред.*

9. Философъ Севастьянъ Петрицій, около 1605 года [1]), говоритъ, что слѣдовало-бы назначить конечный срокъ рабству кметовъ и купленныхъ слугъ; это было бы наградою за работу и вмѣстѣ побужденіемъ къ ней. Несправедливо, что общественныя подати платятъ хлопы, а не паны. Рудавскій въ «Исторіи Яна Казиміра» [2]), говоря объ этомъ, сѣтуетъ, что, хотя и всегда дѣлаемы были попытки облегчить повинности крѣпостныхъ, но противодѣйствіе дворянства дѣлало ихъ тщетными; теперь (прибавляетъ авторъ), дворянство, по добровольному самопожертвованію, великодушно и милостиво приняло на себя тяжесть податей. Петрицій доказываетъ также, что крестьянъ сдѣлали рабами: 1) они не имѣютъ права отойти отъ своего пана; 2) ихъ жизнь и смерть въ рукахъ послѣдняго; 3) безопасность ихъ имущества и дóма ничѣмъ не ограждена; ихъ головы оцѣниваются по таксѣ; если шляхтичъ убьетъ хлопа, отниметъ у него жену, обезчеститъ дѣвицу,—противъ него нѣтъ истца (delatora), даже въ королевскихъ имѣніяхъ; а если бы кто и обратился въ судъ, то найдетъ ли скорую справедливость? Отсюда рождается сомнѣніе: «большею ли свободою пользуется хлопъ въ королевскихъ имѣніяхъ, особенно, если принять во вниманіе, что онъ болѣе шляхетскихъ хлоповъ обремененъ солдатскими стоянками и постоями (stacye, leże) таможенными пошлинами (cła, myta), подводами.

10. Доминиканецъ Фабіанъ Бирковскій, славный проповѣдникъ, около 1628 года [3]), соболѣзнуетъ угнетенію крестьянъ, которыхъ-де берутъ въ аренду, закладываютъ, грабятъ, держатъ въ оковахъ, обременяютъ работами, безъ суда и расправы убиваютъ; хлоподёры (odrzychłopscy) заставляютъ хлоповъ покупать у себя (т. е. у пановъ) то, въ чемъ они не нуждаются, и по возвышенной цѣнѣ; мѣряютъ скупо и продаютъ имъ никуда негодное зерно. Такому положенію крестьянъ соболѣзновалъ также іезуитъ Андрей Рудомина [4]), который замѣчалъ, что угнетатели крѣпостныхъ скорѣе достойны названія тирановъ, а не пановъ. А Бирковскій, перечисляя другіе виды притѣсненія, говоритъ, что паны требуютъ,

---

[1]) Здѣсь разумѣются переведенныя хорошимъ Польскимъ языкомъ «Polityki Arystotelesa, to jest rządu rzeczypospolitej, z dokładem, ksiąg osmiorc» (Краковъ, 1605). Послѣ каждаго отдѣла помѣщены примѣчанія и объясненія ученаго переводчика, а послѣ каждой книги—обширныя статьи, въ видѣ приложеній. *Ред.*

[2]) «Historiarum Poloniae ab excessu Vladislai IV ad pacem Olivensem usque libri IX» (посмертное изданіе, 1755). На Польскій языкъ это сочиненіе переведено г. Владиміромъ Спасовичемъ, и издано Маврикіемъ Вольфомъ (Петербургъ, 1855). *Ред.*

[3]) Здѣсь подразумѣваются «Kazania» Бирковскаго, вторый томъ которыхъ вышелъ въ 1628 году. «Библіотека Польская» Туровскаго переиздала всѣ историческія проповѣди (przygodne i pogrzebowe) этого замѣчательнаго проповѣдника. *Ред.*

[4]) Рудомина перевелъ одно сочиненіе («De mutatione regnorum») на Польскій: «O odmianie państw»; оно напечатано послѣ его смерти, въ 1652 году въ Вильнѣ; тамъ же вышло и второе изданіе (1738) подъ заглавіемъ: «Fortuna państw i panujących». *Ред.*

чтобы хлопы покупали для нихъ за грошъ пѣтуха, когда къ нимъ въ домъ придетъ гость. Подобныхъ пановъ онъ называетъ разбойниками, согласно съ опредѣленіемъ пророка Давида; сравниваетъ ихъ съ ворами, забравшимися въ чужую кладовую; напоминаетъ, что хлопъ обязанъ работать на пана, а панъ защищать его, а не посягать на его суму (kaleta, калита), клѣть и хлѣвъ (obora); паны также слуги Божьи: за что-же, молъ, они своихъ слугъ грабятъ, сдираютъ съ нихъ кожу? гонятъ съ ихъ земельныхъ участковъ, отнимаютъ все? Это свойственно не панамъ, а тиранамъ, не отцамъ, а разбойникамъ, и т. д.

11. Познанскій воевода Христофоръ Опалинскій, жившій нѣсколько позже, именно—при Янѣ Казимірѣ, въ сатирѣ [5]) осмѣиваетъ жестокость къ крѣпостнымъ. Разогнавъ своихъ крестьянъ, паны требуютъ, чтобы восемь человѣкъ исполняли ту работу, которая дѣлалась двадцатью; гдѣ выходило на работу по одному, тамъ выходитъ по два, три и четыре человѣка; гдѣ служили два дня, тамъ не оставлено ни одного свободнаго дня. Отняли у нихъ «вольные» кабаки и заставляютъ пить пиво, отъ котораго отравился бы самъ дьяволъ. Грабятъ хлопскіе хлѣвы въ пользу панской кухни, вымогаютъ у нихъ хлѣбное зерно на пиво, грабятъ ихъ убогій кошелекъ за небывалыя вины, унавоженныя поля отнимаютъ для фольварковъ. А правительство что̀ дѣлаетъ? Оно за бездѣлицу позволяетъ повѣсить хлопа, нерѣдко и само казнитъ, налагаетъ клейма (piątnuie), засѣкаетъ на смерть, гноитъ въ тюрьмѣ (w tarasie), сѣчетъ розгами почтенныхъ старцевъ, если они не соглашаются пить въ корчмѣ; вынуждаетъ крестьянскія семьи пріобрѣтать недоброкачественные напитки, селедки, соль, муку, крупу, овощи. И при этомъ хлопъ долженъ давать и ксендзу, и республикѣ, и пану, и солдату, и чиновникамъ, и звонарямъ-учителямъ (klechom [6]), и панскимъ слугамъ, и гайдукамъ, и козакамъ, женамъ и дѣтямъ ихъ. Далѣе авторъ описываетъ хлопскіе бунты.

12. Жившій въ томъ же столѣтіи Краковскій каноникъ Симонъ Старовольскій, въ книгѣ «Реформа нравовъ Поляковъ» (Reforma obyczaiow Polakow [7]), доказавъ, что крестьяне не суть рабы, ибо

---

[5]) «Satyry albo przestrogi do poprawy rządów i obyczajów w Polsce». 1652. Второе изданіе (1689) озаглавлено «Iuvenalis redivivus, to jest satyry», третье (1698): «Icon amicorum, albo źwierciadło». *Ред.*

[6]) Клехъ—явленіе довольно старинное въ Польской жизни. Собственно, это—слуга костёльный: онъ звонитъ, смотритъ за порядкомъ въ костёлѣ, замѣняетъ дьячка, сопутствуетъ ксендзу при обходѣ крестьянскихъ хатъ съ кропиломъ и водою, исправляетъ должность писаря у пана, лѣчитъ крестьянъ, обучаетъ ихъ дѣтей, и пр. Подробности см. у К. Вл. Войцицкаго «Stare gawędy i obrazy». *Ред.*

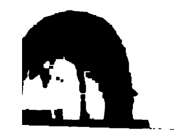
[7]) Въ длинномъ ряду произведеній этого плодовитаго писателя нѣкоторыя изъ нихъ содержатъ въ себѣ строгую и вполнѣ честную критику тогдашнихъ Польскихъ порядковъ, наприм.: «Votum o naprawie» (Краковъ, 1625), «Poprawa niektórych obyczajow» (тамъ же и тогда же), «Zguba ojczyzny, stacye wojskowe» (безъ года и мѣста), и особенно—«Reforma obyczajów Polskich» (безъ мѣста и года). Это послѣднее сочиненіе выдержало нѣсколько изданій, изъ которыхъ лучшимъ считается изданіе Ст. Витвицкаго (Варшава,

на это нѣтъ закона ни отъ Бога, ни отъ короля, ни отъ республики, осуждаетъ пановъ за то, что они не любятъ видѣть хлопа сильнымъ, мужественнымъ, состоятельнымъ, расторопнымъ и, если замѣчаютъ, что онъ стремится перейти на вольное житье въ городъ, притѣсняютъ его. Предки Поляковъ называли своихъ крестьянъ дѣтьми, не увеличивали ни ихъ чиншей, ни работъ, не выдумывали преступленій и штрафовъ (grzywien); ибо они знали, что имъ не принадлежитъ absolutum dominium. Затѣмъ авторъ объясняетъ, какимъ образомъ крестьяне дошли до теперешняго состоянія, выражаетъ желаніе, чтобы республика установила законъ, воспрещающій панамъ убивать подданныхъ, грабить, отнимать у нихъ земли, обременять ихъ принудительными работами, — чтобы они были освобождены, какъ въ другихъ странахъ, гдѣ они отдаютъ половину прибыли съ поля, сада, огорода, прудовъ, или платятъ опредѣленный чиншъ, и поставляютъ извѣстное количество дровъ, сѣна, хлѣба, овощей. Наконецъ, желаетъ, чтобы паны обратили свою расточительность въ пользу крестьянъ. И авторъ «Прибавленія» (Dodatek), заимствуя мысль у Старовольскаго, замѣчаетъ, что сословіе земледѣльцевъ, безъ опеки государства, должно было подпасть все болѣе и болѣе жестокимъ притѣсненіямъ шляхты, злоупотребляющей плохо понятою свободою.

13. Въ томъ же столѣтіи профессоръ законовѣдѣнія (prawa) въ Виленской академіи Александръ Олизаровскій въ книгѣ «О политической связи между людьми» (O politycznym ludzi związku) разсуждалъ о томъ, рабы ли крѣпостные, и доказалъ, что они свободны, такъ какъ панамъ не предоставлено прáва имѣть ихъ рабами, а дано только начальство (zwierzchnictwo) надъ ними. Привилегіи на шляхетское достоинство не заключаютъ въ себѣ рабства хлоповъ, которое противно законамъ Божескимъ, законамъ природы и народовъ; а обычай, вошедшій въ силу въ давнія времена, вопреки естественной справедливости, ни въ какомъ случаѣ не есть законъ. Равнымъ образомъ, крестьяне не продали себя въ рабство, но пользуются землею какъ бы по наемному контракту, на правахъ аренды или эмфитевзиса [1]. Справедливо ли же, что крестьянскія головы оцѣниваются по таксѣ, и они пропадаютъ, какъ собаки? Авторъ же «Прибавленія» (Dodatek) замѣчаетъ еще что крестьяне гибнутъ въ наѣздахъ (zaiazdach), науськиваемые на это панами, въ видахъ самоуправнаго отыскиванія панскихъ правъ, гибнутъ отъ голода. Между тѣмъ, они обременены чрезвычайными работами, у нихъ отнимаютъ даже половину ихъ медовыхъ сотовъ.

1692). Старовольскій посвящаетъ эту книгу тѣмъ, у которыхъ «biale jest czarnem, dobre zlem, potęga sprawiedliwością, wola prawem, upor swiątobliwością, utrata pochwalą, obżarstwo grzecznością», и т. д. *Ред.*

[1]) ἡ ἐμφύτευσις—отдаваніе имѣнія на откупъ, отъ ἐμφυτεύω—насаждаю, прививаю, врождаю. Отсюда и вышло право владѣнія и пользованія чужою собственностью, съ обязательствомъ улучшенія ея и вноса извѣстной платы. Подробности см. у И. В. Бандтке, «Prawo prywatne Polskie», Варшава, 1851. *Ред.*

14. Авторъ «Исторіи» Рудавскій [2]), повидимому, издѣвается надъ пораженіемъ, которое Поляки потерпѣли отъ козаковъ подъ Корсунемъ, и предлагаетъ прекрасный способъ смягченія жестокости Поляковъ къ крѣпостнымъ, именно—плѣнъ у Татаръ.

15. Въ XVII вѣкѣ, Латеранскій регулярный каноникъ [3]), Яцекъ Либерій, современникъ королей Михаила и Яна, жалуется [4]) на то, что крестьянъ паны грабятъ: ежегодно увеличиваютъ чинши, работу, повинности; распредѣляютъ для слугъ своихъ квартиры по деревнямъ; безплатно берутъ для своей кухни воловъ, барановъ, гусей, куръ; велятъ своимъ крѣпостнымъ продавать по кабакамъ панскія селедки, рыбы, вина. Луцкій епископъ Витвицкій, въ книгѣ «Собраніе обязанностей христіанина» (Zbior powinności chrześciańskiey) [5]), также доказываетъ, что крѣпостные—не рабы.

16. Проповѣдникъ Августа II, іезуитъ Антоній Ширма [6]) доказываетъ, что причина обѣднѣнія королевства заключается въ угнетеніи и обирательствѣ крестьянъ. Подобнымъ же образомъ историкъ Веспасіанъ Коховскій [7]) выставляетъ причиною козацкаго бунта—угнетеніе простонародья.

17. Мартинъ Курженецкій, въ изданномъ въ 1752 году «Разговорѣ сельскаго священника съ паномъ» (Rozmowa kapelana z panem), сопоставляетъ угнетенное состояніе крестьянъ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что съ Жидами паны обращаются, какъ со свободными. Обращались бы тáкъ и съ хлопами, еслибы эти послѣдніе имѣли право свободнаго выхода, еслибы имѣли право позвать шляхтича на судъ и еслибы находили легкій доступъ къ суду, а на судѣ неумытную справедливость.

Далѣе нашъ авторъ сѣтуетъ, что паны насильно, безъ согласія родителей, берутъ изъ избъ въ услуженіе дѣтей и не платятъ, или

---

[2]) О немъ см. выше, въ п. 9-мъ. *Ред*

[3]) Регулярный каноникъ въ собственномъ смыслѣ—соборный монахъ. Съ давнихъ уже поръ canonici regulares отличались отъ свѣтскихъ, canonici saeculares. Называются они еще и Латеранскими потому, что первоначально помѣщались во дворцѣ, нѣкогда выстроенномъ Римскимъ сенаторомъ Плавтомъ Латераномъ. *Ред.*

[4]) Проповѣдническіе труды Либерія считаются важными для исторіи Польскихъ нравовъ, а изъ нихъ особенно—«Kolęda gospodarska» (1-ое изд. 1649, 2-ое 1650). *Ред.*

[5]) Первое изданіе въ 1684, второе—1757, оба въ Варшавѣ. *Ред.*

[6]) Іохеръ (II, 383–381) указываетъ на двѣ книги проповѣдей Антонія Ширмы: «Dni skarbowe» (Вильна, 1719, 1098 стр.) и «Rok skarbowy» (ib., 1722, 678 стр.). *Ред.*

[7]) «Annales Poloniae» (Cracoviae, 1683, 1688, 1698) Коховскаго обнимаютъ двадцатипятилѣтіе (1648—1673); въ свою очередь, двадцатипятилѣтіе раздѣлено на «седмилѣтія» (climacteres); ихъ вышло три, а четвертый «климактеръ» остался въ рукописи, и только въ 1853 году появился въ Польскомъ переводѣ А. Мосбаха (собственно докончившаго трудъ неизвѣстнаго переводчика), подъ заглавіемъ «Klimakterów Kochowskiego tom IV» (Липскъ). «Сжатый» переводъ первыхъ трехъ «климактеровъ» изданъ гр. Э. Рачинскимъ въ двухъ томахъ: «Hist. panow. Iana-Kazim. przez nieznanego autora (Познань, 1840), а этотъ «неизвѣстный авторъ» и есть Веспасіанъ Коховскій. *Ред.*

отнимаютъ работниковъ, велятъ дѣлать складчины; панщину, прерванную ненастьемъ, навёрстываютъ работою на слѣдующій день; долго держатъ на работахъ, не позволяютъ отдыхать, требуютъ отдачи въ свою пользу половины грибовъ, орѣховъ, ягодъ, мёда, а другую половину покупаютъ за бездѣлицу.

И Польскій Златоустъ Петръ Скарга не преминулъ говорить въ проповѣдяхъ объ облегченіи участи крестьянъ. Онъ часто соболѣзнуетъ ихъ рабству и притѣсненіямъ: крестьянъ грабятъ даже въ королевскихъ имѣніяхъ, они не находятъ ни справедливости, ни облегченія, развѣ въ смерти своихъ грабителей; ихъ отдаютъ въ аренду, продаютъ; крестьяне во власти Жидовъ, какъ овцы у волковъ; наконецъ, обираютъ ихъ и тайно при томъ же Жидовскомъ посредствѣ.

Авторъ упрекаетъ конституцію страны за то, что она дѣлаетъ крестьянъ рабами, даетъ надъ ними шляхтѣ supremum dominium, между тѣмъ какъ они не куплены и не захвачены въ плѣнъ, а нѣчто въ родѣ наемниковъ. Гдѣ же основаніе для права на ихъ жизнь и здоровье?

Авторъ сѣтуетъ, что нѣтъ государства, гдѣ бы пахари находились въ большемъ угнетеніи, что разгнѣванный землевладѣлецъ можетъ не только ограбить ихъ, но и убить.

Вмѣстѣ съ пророкомъ Исаіею, авторъ возвышаетъ голосъ противъ несправедливыхъ законовъ, по которымъ бѣдные кметы въ рабствѣ у пановъ, а между тѣмъ судъ сопряженъ съ волокитою и издержками, и потому преступленія владѣльцевъ остаются безнаказанными.

Наконецъ, авторъ «Прибавленія» (Dodatek), воздавъ похвалу сочинителю первой книги, представляющей благодѣтелей человѣчества, замѣчаетъ, что въ прежнія времена человѣколюбіе воздвигало академіи, общественныя школы, бурсы, конвикты для бѣдной шляхты, сельскія школы, госпитали разнаго рода, человѣколюбивыя общества, montes pietatis и т. д.

Затѣмъ, нисходя къ частностямъ, авторъ говоритъ о фундушѣ въ 15,000 злотыхъ съ имѣнія Яновичи въ Судомірскомъ повѣтѣ,— пожертвованномъ въ 1647 году Яномъ Липницкимъ съ цѣлью уплаты податей за бѣдныхъ крестьянъ.

Хелминскій епископъ, Коронный подканцлеръ Янъ Малаховскій пожертвовалъ 180,000 злотыхъ на уплату за крестьянъ «гиберны» (za hybernę) [1]).

Канцлеръ Юрій Оссолинскій отдавалъ нищимъ свой доходъ на пошлину за приложеніе печати и основалъ въ Климентовѣ госпиталь для престарѣлыхъ крестьянъ.

Краковскій епископъ Яковъ Задзикъ завѣщалъ въ пользу крестьянъ 20,000 корцевъ хлѣба.

---

[1]) Hiberna имѣетъ два значенія: 1) зимнія квартиры для войска, и 2) подать, платимая съ имѣній за освобожденіе отъ зимняго постоя, contributio hibernalis, chleb zimowy. *Ред.*

Краковскій епископъ Петръ Гембицкій подарилъ имъ долгъ въ 200 тысячъ злотыхъ.

Въ видахъ поощренія христіанскихъ и гражданскихъ добродѣтелей, авторъ упоминаетъ о похвальныхъ пожертвованіяхъ хлѣбомъ и сложенія денежныхъ недоимокъ, отпущенныхъ Коронным подканцлеромъ Андреемъ Боболею, Анною Любомирскою (изъ дома Браницкихъ), Катериною Радивиловою (изъ дома Собѣскихъ).

Далѣе авторъ перечисляетъ, въ видѣ примѣровъ человѣколюбія, разные филантропическіе фундуши для выкупа рабовъ, для воспитанія нищихъ; не забываетъ и военныхъ людей, оборонителей простонародья, которые, среди военнаго пламени, охраняли крестьянъ своими распоряженіями. Авторъ заключаетъ свою книгу описаніемъ подвиговъ героическаго служенія человѣчеству во время повальныхъ болѣзней, при чемъ болѣе ста іезуитовъ пожертвовали своеюжизнью.

§ 3. «Допытываніе у предковъ о ихъ сострадaніи ко крестьянамъ, въ отвѣтъ автору Отповѣди» (Dopytanie się u przodkow czulości ku poddanym, autorowi Odpowiedzi odpowiadaiące). Акростихъ указываетъ автора этой книги въ ксендзѣ И. Грабовскомъ, R. T. mp., а въ концѣ книги онъ оказывается ксендзомъ Игнатіемъ a S. Maria de Mercede, тринитаромъ, писавшимъ въ январѣ 1790 года.

Какимъ образомъ авторъ третьей книги доискался существованія крѣпостныхъ людей отъ сотворенія міра? Повидимому, изъ «Конкорданціи», т. е. изъ списка библейскихъ словъ! Но онъ не могъ почерпнуть этого извѣстія изъ самаго источника священнаго писанія. Авторъ заглянулъ въ «Конкорданцію», гдѣ нашелъ слово «subditus», означающее то подданнаго, то подчиненнаго, то послушнаго,—и сдѣлалъ Евву крѣпостною крестьянкою Адама, между тѣмъ какъ она была женою изъ ребра его. Почему же онъ не вспомнилъ тутъ о Каинѣ, который былъ пахаремъ? Потому что онъ называется земледѣльцемъ, а не подданнымъ! Далѣе авторъ выводитъ генеалогію крѣпостныхъ отъ Хама. Это такъ же справедливо, какъ извѣстіе талмуда, что Евва отъ діавола произвела Ееіоповъ, отъ ангела—христіанъ, отъ Адама—Евреевъ. Слугъ и служанокъ Авраама авторъ произвелъ въ крѣпостные, между тѣмъ какъ они были домочадцами, viri domus illius; Исава сдѣлалъ крѣпостнымъ Якова, тогда какъ Исаакъ отдалъ Якову только право первородства, и Яковъ, возвращаясь отъ Лавана, дрожалъ передъ могуществомъ Исава. Затѣмъ нашъ авторъ порицаетъ сочинителя «Прибавленія» (Dodatek) за то, что онъ не имѣлъ и не желалъ имѣть, подобно ему, этихъ столь важныхъ свѣдѣній. Очень справедливо! Далѣе достается отъ него и автору «Dodatka», и Моисею. Онъ допрошиваетъ послѣдняго, и догадывается, что въ заповѣдяхъ скрижалей слуги и служанки означаютъ крѣпостныхъ, но упускаетъ изъ вида воловъ и ословъ. Впадаетъ въ сомнѣніе, что̀ думать о купленныхъ и что̀ о крѣпостныхъ, и натыкается на мѣсто, гдѣ говорится, что и купленныхъ Богъ заповѣдалъ освобождать на седьмый годъ, исключая тотъ случай,

если они сами, изъ любви къ господину, захотятъ остаться при немъ. Что̀ же выводитъ отсюда авторъ? — Что жена, купленная господиномъ и выданная за купленнаго мужа, оставалась крѣпкою землѣ со своими дѣтьми и, слѣдовательно, была вѣчною крѣпостною (poddanką). Отсюда-то и убѣждается авторъ въ существованіи крѣпостнаго права искони, отъ временъ до-Моисеевскихъ. Но Богъ заповѣдалъ правителямъ объявлять, кто хочетъ оставаться при господинѣ; отчего же авторъ не заключилъ отсюда, что Богъ предписалъ этотъ порядокъ ради благочинія, чтобы не было по угламъ праздношатающихся, а не ради рабства, тѣмъ болѣе, что и купленнаго раба заповѣдалъ освобождать. Но слово subditus убѣждаетъ автора, что и Христосъ до 30 лѣтъ былъ подданнымъ Іосифа и Маріи, а не только послушнымъ имъ; и св. Петръ былъ не просто подчиненнымъ, а крѣпостнымъ кесаря, такъ какъ платилъ ему общую подать. Авторъ приводитъ велѣніе Павла, въ посланіи къ Галатамъ—служить взаимно любовію духа. Что-же, служить изъ любви тоже значитъ быть крѣпостнымъ? Предписаніе Римлянамъ—покоряться властямъ—тоже означаетъ покорность крѣпостнаго? Но что же св. Павелъ имѣлъ тутъ въ виду? Вотъ что̀: отдавать должную дань, честь, страхъ, почтеніе. Неужто и это надо считать прикрѣпленіемъ личности и имущества?

Далѣе авторъ утверждаетъ, что св. Павелъ велѣлъ Титу, чтобы онъ ставилъ пресвитеровъ не изъ крѣпостныхъ. Это ужь совсѣмъ не такъ, ибо въ текстѣ посланія къ Титу (ст. 5 и 6) читаемъ, что епископы должны быть хорошими хозяевами, умѣющими удержать въ послушаніи своихъ дѣтей, filios subditos. Доказавъ столь прекрасно, на изнанку объясненными текстами и ихъ обрывками существованіе крѣпостнаго права, авторъ переходитъ къ оглавленію (do paratytii) [1]) Юстиніанскаго кодекса—и утверждаетъ, будто слова: кметы и крѣпостные означаютъ тоже, что̀ въ св. писаніи—слуги, доказывая это изъ исторіи Юдиѳи и Олоферна. «Сирійскіе короли (говоритъ) и военачальники изъявили вѣрноподданство (poddaństwo) царю Навуходоносору и военачальнику Олоферну». Неужто эти короли были кметы? Неужели они изъявляли вѣрноподданство, чтобы быть крѣпостными землепашцами? Развѣ не разсѣяли они Навуходоносоровыхъ войскъ послѣ обезглавленія Олоферна? Не шуткою слѣдовало-бы отвѣтить здѣсь автору, который истолковываетъ въ пользу рабства и вообще лжесвидѣтельствуетъ на св. писаніе, вездѣ защищающее свободу человѣка. Никто, даже талмудъ и еретики не находили въ немъ основанія для рабства! Но авторъ имѣетъ извиненіе: онъ пользовался не св. писаніемъ, а «Конкорданціей», т. е. реестромъ слова св. писанія.

Для подтвержденія своихъ мнѣній, авторъ беретъ статью Литовскаго статута, въ которой крестьянскія усадьбы называются

---

[1]) Paratitia—(orum)—краткое изложеніе или содержаніе главъ въ законныхъ книгахъ. *Ред.*

службами, что̀ хочетъ подтвердить также сеймами, бывшими до уніи (постановленій коихъ не приводитъ). Но значитъ ли это «отдать въ рабство крестьян»ъ, если написано въ привилегіи: «отдаю службы крестьянъ», т. е. ихъ повинности, но не личности? Относительно этихъ послѣднихъ ниже мы увидимъ законы совсѣмъ инаго рода. Однако, авторъ приходитъ къ заключенію, что «передъ принятіемъ христіанства, и послѣ, было воспрещено возобновлять уставы о выходѣ крестьянъ съ ихъ участковъ», какъ будто при этомъ имѣлось въ виду рабство, а не порядокъ! Отсюда онъ дѣлаетъ такій выводъ: «издавна, когда рождалось у Поляковъ желаніе освободить крѣпостныхъ, тогда они менѣе разумно управлялись». Хорошо сказано! Автору нужно было попрекнуть пановъ, теперь освобождающихъ крестьянъ отъ панщины! Наконецъ, авторъ, надоумленный сочинителемъ «Прибавленія» (Dodatek), обращается къ уставамъ 1496 года при Янѣ-Альбрехтѣ, которыми сеймъ подтвердилъ права обывателей. Но авторъ ничего въ нихъ не нашелъ! А между тѣмъ тамъ говорится о выходѣ кметовъ: дозволяется, jure et licite, ежегодно выходить одному, а если панъ вздумаетъ воспрепятствовать, то платитъ штрафъ, установленный земскимъ обычаемъ. Сверхъ того, кметъ имѣетъ право отпустить одного сына для обученія наукамъ или ремеслу, со свидѣтельствомъ пана, и это какъ въ королевскихъ, такъ въ духовныхъ и земскихъ имѣніяхъ. Но объ уставахъ рѣчь впереди.

Затѣмъ авторъ напускается на сочинителя «Прибавленія» (Dodatek), по тому поводу, что «въ 1507 году не было сейма въ Быдгощѣ, а въ 1520 въ Торунѣ». А слѣдовало бы автору, какъ юристу, знать, что Сигизмундъ I, послѣ коронаціи въ Краковѣ въ 1507 году (потому что племянникъ (siestrzan) [2]) его магистръ Крестоносцевъ Альбертъ отказывался принести присягу на ленную зависимость Пруссіи) ходилъ къ Быдгощу и дѣлалъ, вмѣстѣ съ сенатомъ, распоряженія; а въ 1520 году былъ сеймъ и въ Быдгощѣ, и въ Торунѣ, гдѣ изданъ Торунскій статутъ о шляхтѣ, сидящей безъ дѣла по городамъ, причемъ работы крестьянъ, взбунтовавшихся вслѣдствіе ученія Лютера, ограничены по меньшей мѣрѣ—днемъ. Но авторъ все-таки заключаетъ, обращаясь съ вопросами къ своимъ предшественникамъ, что и на этихъ, и на другихъ сеймахъ были возобновляемы уставы, направленные противъ свободы крестьянъ. Прежде всего, онъ спрашиваетъ автора «Прибавленія» (Dodatek): «для кого Болеславъ Храбрый учредилъ двѣнадцать судей и рѣчниковъ [3])? Для королевскихъ крестьянъ (говоритъ онъ) были суды войтовскіе, референдарскіе, ассессорскіе, а для шляхетскихъ—сеймы только подтверждали неограниченное пра̀во пановъ». Но при Болеславѣ Храбромъ не было еще сеймовъ законодательныхъ, были только сеймы, занимавшіеся избраніемъ управителей изъ князей-дѣдичей; не было также референдарскихъ и ассесорскихъ судовъ.

---

[2]) Siestrzan, siestrzanek, siestrzyn, siostrzyn, siostrzeniec—сынъ сестры, племянникъ. *Ред.* [3]) Было объяснено выше. *Ред.*

Далѣе, приводя изъ ксендза Конарскаго [1]) о повинностяхъ крестьянъ, авторъ доказываетъ этимъ ихъ рабство, какъ будто владѣть личностью значитъ тоже, что̀ получать хлѣбъ, овесъ, пѣтуховъ, курятъ, гусей, яйца! Затѣмъ, авторъ обращается къ Казиміру Великому; и такъ какъ сочинитель «Прибавленія» (Dodatek) ведетъ объ немъ рѣчь въ возвышенномъ тонѣ, то нашъ авторъ желаетъ послушать, ка̀къ вторитъ ему ксендзъ Конарскій. «Казиміръ запретилъ брать у поселянъ насильно». Что̀ же отсюда? «То̀, что этимъ запретомъ онъ не имѣлъ въ виду жестокости пановъ и шляхты». Но чью же жестокость онъ предупреждалъ? И самъ не знаетъ. Однако, авторъ не хочетъ признать, что Казиміровъ уставъ 1347 года, дающій кметамъ собственность, освобождающій ихъ женъ и дочерей отъ насилія и отъ пана, невнимательнаго къ церковнымъ установленіямъ, имѣлъ въ виду освободить крѣпостныхъ отъ подавляющей силы пановъ. Авторъ думаетъ, что этотъ «король, хлопоталъ не объ освобожденіи крѣпостныхъ, а вообще о свободѣ». Отлично сказано! Освобожденіе и свобода развѣ не одно и тоже? Видно, что иначе не могъ выйти изъ противорѣчія! Даже и объ извѣстной благосклонности короля къ крестьянамъ не сказалъ ничего положительнаго, ни да, ни нѣтъ. Впрочемъ, и за это спасибо: всѣ лѣтописи и уставы свидѣтельствуютъ объ этой благосклонности.

Далѣе авторъ приводитъ обрывки сеймовыхъ уставовъ, вопреки обязанности юристовъ изучать все уложеніе цѣликомъ. Но объ этомъ—ниже. На основаніи этихъ обрывковъ, нашъ писатель обвиняетъ автора «Прибавленія» (Dodatek), будто онъ вооруженъ противъ пановъ, хотя самъ укоряющій явно возстаетъ противъ добраго и разумнаго поведенія пановъ, рекомендуя имъ тиранское обращеніе и называя неразумными тѣхъ изъ нихъ, которые освобождаютъ своихъ крестьянъ. Нашъ авторъ, во что̀ бы то ни стало, хочетъ всѣ законоположенія, начиная отъ Казиміра Великаго и до Сигизмунда I, изъяснить въ смыслѣ, противномъ свободѣ крестьянъ. Между тѣмъ, изъ конституціи извѣстно, что крестьяне уже издавна имѣли свой солтысскій судъ съ правомъ апелляціи въ мѣстную магдебургію. Казиміръ Великій учредилъ въ Краковѣ изъ магистрата апелляціонный судъ, на основаніи Магдебургскаго права; Ягайло велѣлъ судить по Польскому праву за убійство и раны; Янъ-Альбрехтъ предоставилъ самимъ панамъ разбирать дѣла́ о долгахъ ихъ крестьянъ, стараясь пресѣчь этимъ злоупотребленія городскихъ судовъ, которые отнимали у крестьянъ за долги скотъ; Сигизмундъ I подчинилъ панскому суду дѣла́ о воровствѣ крестьянъ на Подольѣ, а Сигизмундъ-Августъ предоставилъ панскимъ дворамъ весь судъ по уголовнымъ преступленіямъ, какъ это ведется въ Инфлянтахъ.

И такъ, доказавъ (столь же основательно, какъ порою съ ам-

[1]) Не подразумѣвается ли здѣсь одно изъ сочиненій Конарскаго: «Rozmowa ziemianina z sąsiadem o nieszczęściach ojczyzny, pochodzących z fakcyj priwatnych» (Варшава, 1733)? *Ред.*

вона) свои положенія сильнымъ возвышеніемъ голоса и пригнаннымъ къ случаю словцомъ писанія, авторъ, конечно, могъ пренебречь Модржевскимъ и примѣрами Тарновскаго и Сапѣги, выражая еще при этомъ сожалѣніе, что панъ неосмотрительно попалъ въ сообщество ученаго Модржевскаго. Прекрасный пріемъ — ласкательствовать передъ панами, ругая ихъ въ тоже время за то, что они неразборчиво связываются съ учеными! Заканчиваетъ авторъ тѣмъ, что Модржевскій не написалъ ничего зрѣлаго и дѣльнаго. Но зрѣло ли и дѣльно ли — фальсификовать чужія сочиненія и законоположенія? Авторъ вооружается также противъ Пржилускаго, защищаетъ Сигизмунда-Августа и, опять вспоминая Модржевскаго, смѣло утверждаетъ, что ежегодное усиленіе податей не было обремененіемъ хлоповъ, ибо это равнымъ образомъ падало и на шляхту. Но подати платила только та шляхта, которая сама пашетъ.

Обращается нашъ писатель къ іезуиту Яну Ковальскому, называетъ его Торунскимъ приходскимъ проповѣдникомъ и хочетъ чтобы онъ жилъ и съ Модржевскимъ въ 1560 году, и съ авторомъ «Прибавленія» (Dodatek) въ 1789 году. Заводитъ рѣчь о Лютерѣ: Ковальскій-де говорилъ, что самъ Лютеръ на упреки, что отъ его ученія возникаютъ смуты и войны, отвѣчалъ, что онъ пришелъ принести не миръ, а мечъ. По этому поводу, описавъ возникшія вслѣдствіе ученія Лютера бунты Ротердамскихъ крестьянъ, хочетъ заключить, что и философы, совѣтующіе гуманность, и богословы, научающіе христіанской кротости, — бунтовщики! Но не болѣе ли благопріятствуетъ мятежу тотъ, кто совѣтуетъ жестокость? Для подкрѣпленія своихъ мыслей, авторъ снова хватается за конституцію по смерти Сигизмунда-Августа, и находитъ, что безъ королей Поляки боялись свободы крестьянъ, хотя конституція 1573 года говоритъ только о начальственныхъ правахъ (zwierzchności) пановъ разной вѣры, а не о рабствѣ крестьянъ. Однако, авторъ подкрѣпляетъ свое доказательство, приводя дисциплинарныя постановленія о бѣглецахъ и Литовскій статутъ, который, какъ увидимъ ниже, воспрещаетъ брать въ рабство, если бы даже кто и захотѣлъ продаться.

Нападая на уставы, гарантирующіе неприкосновенность усадьбы, имущества и жизни крестьянъ, какъ, напримѣръ, на уставъ 1588 года (изданный при коронаціи Сигизмунда III), — авторъ, для ясности своихъ доказательствъ, называетъ Петриція, Старовольскаго, Олизаровскаго и усердныхъ проповѣдниковъ «учеными, расписывающими тò, чтò имъ привидѣлось, и школьными философами», какъ будто философію должно почерпать въ темныхъ углахъ и изъ татарщины, а не изъ наукъ и просвѣщенія!

Говоритъ, что прозорливость государственныхъ людей речи посполитой не благопріятствуетъ шатанію людей по слободáмъ, бездѣльничанью, доводящему до воровства и разбоя; но забываетъ, что эти постановленія направлены не противъ хлоповъ только, а противъ всѣхъ, кто бездѣльничаетъ и воруетъ; есть даже подобныя постановленія церковныхъ синодовъ противъ духовныхъ, и противъ

монаховъ также, которые таскаются по угламъ съ наговорами и подущеніями. Не будучи, однако, въ состояніи отдѣлаться отъ истины, авторъ повторяетъ далѣе тоже самое, что говорили философы и проповѣдники, именно: что панъ не имѣетъ права на жизнь и смерть хлоповъ, и подтверждаетъ это конституціею 1588 года и 31-мъ артикуломъ, II отдѣла Статута—о разбояхъ, чинимыхъ шляхтою. Точно также противорѣчитъ себѣ, говоря, что крестьяне пользуются неприкосновенностью домовъ и имущества, по уставамъ Казиміра Справедливаго, Казиміра Великаго, Александра и Литовскаго Статута (отдѣлъ VIII, арт. 9). Но исполняется ли это на дѣлѣ?

Разбирая затѣмъ Старовольскаго, находитъ, что его возница безъ возжей правитъ умомъ, что у него пастухъ безъ палки загоняетъ стадо. Какъ будто можно править возжами въ сумасшествіи, и развѣ всегда необходимо загонять овецъ палкою? Пусть приглядится къ тѣмъ овчарамъ, отъ которыхъ овцы привыкли не отходить, и вспомнитъ слова евангелія о добромъ пастырѣ.

Нападаетъ на Торунскій статутъ, гдѣ Пруссакамъ опредѣляется отбывать одинъ день панщины. Но ниже мы увидимъ, что по разнымъ мѣстамъ существуетъ и полдневная барщина. Затѣмъ авторъ недоумѣваетъ, «единственно ли отъ угнетенія крестьянъ произошли бунты Павлюковъ, Наливайковъ»? Могъ бы прочитать, что, при Сигизмундѣ III, Кіевскій митрополитъ, архіепископъ Михаилъ Рогоза принялъ унію съ Римскою церковію, что Цареградскій патріархъ Іеремія проклялъ его и взбунтовалъ Русь; что протосингелъ Никифоръ, опираясь на авторитетъ князя Константина Острожскаго, затѣвалъ бунты съ дизунитскими епископами: Львовскимъ — Гедеономъ Балабаномъ, и Перемышльскимъ — Михаиломъ Копыстенскимъ. Въ этихъ смутахъ принимала участіе не одна только чернь, но и шляхта. Есть и постановленія, современныя тому же королю, противъ бунтовъ и даже противъ старостъ и цѣлыхъ управленій (urzędow). Могъ бы прочитать декреты и противъ козака Наливайки, обезглавленнаго въ Варшавѣ, и эдиктъ противъ протосингела Никифора, по которому этотъ послѣдній долженъ былъ удалиться изъ страны.

Что касается Хмельницкаго, то, конечно, его побудила къ бунту несправедливость гетмана Конецпольскаго, который, отнявъ у него хуторъ, отдалъ его своему слугѣ; но имѣли тутъ значеніе также подстреканія схизмы и сосѣдей.

Относительно половины плодовъ, или извѣстнаго чинша съ земли—мы увидимъ ниже мѣстные обычаи, выразившіеся въ контрактовыхъ договорахъ.

Читатель пусть сообразитъ здѣсь, хорошо ли авторъ разбиваетъ Олизаровскаго [1]), называя его «козацкимъ агитаторомъ, ибо онъ хотѣлъ, чтобы крѣпостные были крѣпостными, а не рабами»?

Вступаетъ въ разсужденіе политическаго свойства о томъ, что

---

[1]) См. выше, во 2-мъ §, пунктъ 13. *Ред.*

паны получаютъ свое достоинство отъ рода, а не отъ доблестей (z rodowitości, nie z cnoty), забывая постановленія о нобилитаціяхъ и индигенатахъ, по которымъ даются шляхетскія правà за доблестное мужество въ защитѣ, доблестныя услуги странѣ въ военномъ дѣлѣ, за вспомоществованіе казнѣ своимъ имуществомъ. А Пястъ развѣ былъ королемъ по достоинству рода, а не по личной доблести? Конечно, есть древнія фамиліи; но если возьмемъ для доказательства до-Моисеевское время, то ясно, что всѣ произошли отъ одного отца Адама; только одинъ изъ его потомковъ съ утра пересталъ пахать, другій—съ полудня, а третій все еще пашетъ. Но, по мнѣнію автора, «у хлоповъ кровь не та, что въ шляхтѣ». Не слишкомъ ли много пришлось бы спорить объ этомъ: о кушаньяхъ и напиткахъ, возобновляющихъ кровь, о жарахъ, сожигающихъ ее, и зимахъ, сдавливающихъ, о кýфляхъ, волнующихъ ее? Чтобы удостовѣриться какая у кого кровь, пришлось бы апеллировать къ цирюльнику, чтобы онъ открылъ кровь. Однако, авторъ замѣчаетъ, что «не слѣдуетъ отнимать господства надъ рабами у доблести, такъ какъ это было бы оскорбленіемъ ея». Но позволитъ ли доблесть имѣть рабовъ? Авторъ не вѣритъ, что Божескіе, естественные и народные законы возбраняютъ рабство. Тутъ опять оказывается, что онъ не читалъ ни библіи, развѣ только «Конкорданціи», ни естественнаго права, хотя оно есть и въ св. писаніи (см. 1—9 гл. Бытія) и часто повторяется, примѣрно хоть у св. Θомы Аквината.

Сказываетъ, что «у насъ крестьянинъ — не рабъ, ибо имѣетъ право защищать свою жизнь и имущество». Кто сомнѣвается въ этомъ? Но дѣло въ томъ, что это право не осуществляется, и мудрые авторы, на которыхъ нападаетъ de-Mercede, ни о чемъ больше не хлопочатъ, какъ только объ осуществленіи этихъ правъ, а осуществленіе ихъ усматриваютъ въ освобожденіи крѣпостныхъ отъ преступленій противъ нихъ пановъ. А это развѣ не справедливо? Сказываетъ, что «слѣдуетъ панамъ защищать свои земельные участки посредствомъ крѣпостныхъ», что «позволительно подвергать опасности ихъ жизнь для защиты справедливости». А между тѣмъ позабылъ тѣ постановленія, которые велятъ защищаться жалобою, протестомъ, закономъ и, для возстановленія своего права, употреблять не хлоповъ, но—какъ было въ старину—brachium regale—старость, администрацію, а теперь, наконецъ—militare. Впрочемъ, это — несвоевременное ученіе. Обдукціи и презентаціи [1]) въ канцеляріяхъ означаютъ у автора состраданіе къ судьбѣ убитаго. Но бóльшею было бы человѣчностью, еслибы не было ни этихъ обдукцій, ни презентацій. Для этого, повидимому, еще требуется и болѣе философіи, и болѣе сильное устройство управленія.

Затѣмъ нашъ авторъ переходитъ къ пятидневной и шестидневной панщинѣ и требуетъ инквизиціи на это. Объ этомъ рѣчь бу-

---

[1]) Обдукція—осмотръ убитаго тѣла, или нанесенныхъ ранъ; презентація—явка. *Ред.*

детъ ниже. Шутитъ надъ тѣмъ, что хлопамъ его предшественники-авторы присвоютъ мёдъ, а не вино; доказываетъ, что мёдъ принадлежитъ панамъ, ибо зёмли-де не хлопскія, а королевскія, земскія или шляхетскія и духовныя, а слѣдовательно, и произведенія, получаемыя съ нихъ, должны принадлежать собственникамъ, а не хлопамъ. Но какія же произведенія земли достаются безъ труда? Неужели весь трудъ, употребляемый на землю, долженъ принадлежать панамъ? И потому ли «ученые — родня хлоповъ», что не совѣтуютъ обирать ихъ безъ законнаго основанія? Но на то и есть законы, какъ увидимъ ниже, гдѣ будетъ рѣчь о государственной экономіи страны. Да и самъ авторъ не совѣтуетъ брать мёдъ изъ ульевъ, стоящихъ на землѣ хлоповъ, за которую они отбываютъ панщину. Увидимъ, какой гдѣ обычай.

Послѣ всего этого, нашъ авторъ торжествуетъ, думая, что онъ разбилъ, сокрушилъ и уничтожилъ своими отвѣтами, заимствованными изъ до-Моисеевскаго времени, всѣхъ своихъ противниковъ: автора «Прибавленія» (Dodatek), ученыхъ ораторовъ, говорящихъ о свободѣ выхода крѣпостныхъ, о необезпеченности ихъ жизни и здоровья, о свободѣ браковъ, о медахъ, о несообразности Польскихъ законовъ, подвергшихся порицанію ксендза Скарги. Далѣе авторъ спрашиваетъ:

1. «Почему не слѣдуетъ отпускать крестьянъ изъ вотчинъ на волю»? Сверхъ уже приведенныхъ сильныхъ доводовъ о Еввѣ, отвѣчаетъ: «это непозволительно, несообразно и невозможно. Непозволительно потому, что это было бы отнятіемъ шляхетской собственности, освященной вѣками, запечатлѣнной присягою на унію (государственную), укрѣпленной инструкціями сеймовыхъ депутатовъ, обезпеченной актомъ нынѣшней конфедераціи, — это было бы беззаконіемъ». Но ни одинъ изъ авторовъ и не совѣтуетъ отнимать собственность; они только разсуждаютъ, въ чемъ состоитъ рабство, и можетъ ли быть рабство человѣка собственностью. «Непозволительно освобождать, ибо это было бы двойною потерею—и крѣпостнаго, и спокойствія. Пану пришлось бы разбираться съ крѣпостнымъ и Богъ вѣсть гдѣ». Тутъ дѣлаетъ вскользь замѣчаніе, что «не школьнымъ учителямъ пристало испытывать права шляхетской собственности». Но кому же пристало? Ужь не монахамъ ли? Автору хотѣлось бы и человѣческій разумъ захватить въ рабство подъ клобукъ, такъ какъ крѣпостные—«это, молъ, пойманные бѣглецы и бунтовщики, захваченные въ рабство». Много ли же ихъ поймано у Валаховъ, Турокъ, Татаръ, и много ли поселено у Русскихъ (Rusinow), у козаковъ? Напротивъ, имѣются фундуши на выкупъ плѣнныхъ, а не на захватъ. Но если крѣпостные—плѣнники, то какъ же доказать это, вопреки мирнымъ трактатамъ, которыми всегда оговаривается размѣнъ и возвратъ сторонамъ взятыхъ въ плѣнъ? «Они получены по наслѣдству, съ вотчинами, отъ предковъ, выслужены отважнымъ дворянствомъ у монарховъ, пріобрѣтены куплею, сдѣлались рабами за оказанныя имъ вспоможенія». Но авторъ забываетъ, что всѣ, имъ самимъ приведенные, законы

воспрещаютъ рабство; привилегіями давались только службы, земли, владѣніе, а не рабство; что же касается панскихъ вспоможеній, то они имѣли цѣлью улучшить хозяйства, но никакъ не посредствомъ рабства. Авторъ гнѣвается и на Статутъ за то, что онъ названіе «рабы» измѣнилъ на «отцовская, материнская дворная челядь». Основательный гнѣвъ! И до Литовской уніи была человѣчность, даже не было терпимо самое слово «рабство», однако это не подрывало властительскихъ правъ. Но авторъ говоритъ: «несообразно освобождать крѣпостныхъ, ибо это значило бы размножать лѣнтяевъ, бездѣльниковъ, воровъ и разбойниковъ». А куда же дѣвались бы суды и законы противъ лѣнтяевъ и бездѣльниковъ? Прекрасно также сравненіе крѣпостныхъ «съ цыганами, бурлаками, (burłakami), Филипонами (Filiponami), съ баловниками поповичами». Авторъ требуетъ отъ сочинителя «Прибавленія» (Dodatek) ручательства, что освобожденные крѣпостные «не станутъ поповичами». Очень легко поручиться. Однако, должно быть, надоѣли нашему автору поповичи, ибо ниже онъ что-то намекнулъ касательно церковныхъ земель... «Несообразно освобождать крѣпостныхъ, ибо свободный хлопъ избѣжитъ закона и сдѣлается дерзкимъ», т. е. не станетъ падать въ ноги, не будетъ цѣловать ни сандалій, ни шкаплеровъ. «Онъ будетъ летать, какъ ястребъ съ добычей». Итакъ, вотъ новые аэростаты! Не надо Бланшара, довольно хлопской свободы! съ нею лучше будетъ летать, такъ какъ при этомъ полетѣ будетъ и направленіе, и добыча! Но «онъ будетъ воровать, заводить драки на ярмаркахъ, должать, и уйдетъ, какъ жидокъ или мѣщанинишка, а въ его избу залѣзетъ кредиторъ, и кредитъ государственной казны станетъ непрочнымъ?»—А куда же дѣнутся государственныя власти?—«Невозможно освободить крѣпостныхъ, ибо хлопы не выплатятъ чинша, разопьются и обнищаютъ; торговыхъ мѣстностей мало; они не въ состояніи ни заниматься сплавомъ, ни продать скота, и ревизіи, произведенныя королевскими камерами, опытомъ доказали невозможность очиншеванія». Увидимъ ниже, въ отдѣлѣ IV. «Невозможно (продолжаетъ авторъ), ибо вновь образуются рабы изъ нищихъ», что̀, по свидѣтельству автора, было въ королевскихъ имѣніяхъ, «ибо Польскіе краи — не Ханаанская земля, ибо есть множество крестьянъ, которые пашутъ не своимъ скотомъ, не своею сохою, сѣютъ не свое зерно, живутъ въ панскихъ хатахъ, нуждаются во вспоможеніи, выплачиваютъ панскою копѣйкою подымное, состоятъ въ долгахъ за неоплаченныя вспоможенія». Ради этихъ-то именно причинъ, еслибы авторъ пораздумалъ, и слѣдуетъ сдѣлать облегченіе крестьянамъ: имъ слѣдовалобы имѣть постоянное вспоможеніе въ свободѣ.—«Не слѣдуетъ освобождать крѣпостныхъ, ибо тамъ отечество, гдѣ хорошо»,—это для имѣющихъ хлѣбъ отъ фундушей, а не для живущихъ по деревнямъ въ трудѣ и рабствѣ. «Цѣлыя деревни станутъ пусты». Напротивъ, таковы онѣ теперь, при рабствѣ.

2 вопросъ: «Отчего нельзя дать хлопамъ земельнаго наслѣдства»? Отвѣтъ: «Оттого, что земля—панская». Ниже увидимъ, что

и на панскихъ земляхъ существуетъ земельное крестьянское наслѣдство, обусловленное повинностями относительно пановъ. «Оттого, что хлопъ отдалъ-бы свою землю кому-либо другому, или продалъ-бы свое солтысство [1]), свое право на мельницу, на землю». Какой же убытокъ отсюда для пана, если купившій будетъ выплачивать тотъ же, или и бо́льшій чиншъ? «Оттого, что хлопъ сталъ бы крѣпостнымъ другаго пана». Съ какой стати, когда́ вездѣ равная свобода? притомъ же какое значеніе при этомъ имѣлъ бы законъ? «Оттого, что хлопское владѣніе землею было-бы небезопасно для панскихъ земель, все равно какъ плацы или земли церковныя (вотъ они гдѣ, поповичи-то!) и надѣленныя костёламъ». Прекрасно! и такъ, не слѣдуетъ надѣлять! А если и слѣдуетъ, то «не безъ своевременной предусмотрительности», какъ самъ говоритъ. Но въ такомъ случаѣ слѣдуетъ дать земельные надѣлы и хлопамъ «съ тою же своевременною предусмотрительностью»? «Оттого, что земли не измѣрены». Но откуда же въ Коронѣ ланы, въ Литвѣ, на Руси, Подляськѣ уволоки, жеребьи, слѣды (ślady) [2]), а въ Инфлянтахъ—унки (unki)?

3 вопросъ: «Почему слѣдуетъ возобновить постановленія относительно свободнаго выхода замужъ хлопскихъ дочерей?»—«Свобода замужества, какъ панская, такъ и хлопская, не была предоставлена волѣ пановъ; въ Коронѣ—шляхетская свобода замужества была несомнѣнна, а хлопская обезпечена двумя конституціями 1347 и 1511 годовъ; въ Литвѣ же—конституція 1413 года и Статутъ смотрятъ безразлично на свободу замужества крестьянокъ». Что̀-жь это значитъ,—свободно и несвободно? И откуда это безразличіе, когда Ягайло, сдѣлавшись христіаниномъ, обязался въ 1413 году предоставить свободу па́нямъ, паннамъ и дочерямъ, и Статутъ подтвердилъ это? И вотъ послѣ множества противорѣчій, доказательствъ, выводовъ, сильныхъ, какъ только они бываютъ у него сильны, авторъ, наконецъ, самъ приходитъ къ убѣжденію, что слѣдуетъ разработать законы о крестьянахъ, и предлагаетъ —

4 Вопросъ: «Въ чемъ обстоятельнѣе слѣдуетъ развить законъ относительно уголовныхъ дѣлъ (spraw krwawych) хлоповъ съ панами?» Отвѣчаетъ: «Въ крестьянскомъ быту практикуются уставы 1726 и 1768 годовъ, которые направлены не только противъ сосѣдей, но и противъ собственнаго пана». Правда. Однако, нашъ авторъ не преминулъ выразить свое неудовольствіе противъ сочинителя «Прибавленія» (Dodatek): ему приписывается слабость въ заключеніяхъ, такъ какъ онъ сѣтуетъ объ убійствѣ крестьянъ на спорныхъ земляхъ. Неужели лучше убивать, нежели рѣшать споры по закону, безъ ċмертоубійства? «И такъ (говоритъ нашъ авторъ) сочиненіе академика представляетъ собраніе неправдъ, составленное съ цѣлью униженія пановъ». Но въ чемъ заключается это униженіе—не объясняетъ, ибо христіанскія истины и разумъ не имѣ-

[1]) Право, званіе, должность деревенскаго судьи. *Ред.*

[2]) Полевая мѣра, нѣчто въ родѣ загона. Словарь Оргельбранда относитъ эту мѣру къ Великой Польшѣ. *Ред.*

ютъ въ виду униженія пановъ. Желаетъ, «чтобы паны постарались выработать судебный уставъ для тяжбъ съ ними крѣпостныхъ. Избрать двухъ судей въ каждомъ повѣтѣ для веденія «тактоваго реестра»[3]), возлагая издержки на имѣніе обвиненнаго, хотя бы убійство было случайное, для чего долженъ быть и инстигаторъ[4]), даже если дѣло идетъ о смерти подъ плетьми, объ изувѣченіи, обезчещеніи (szelmowanie), тѣлесномъ сообщеніи съ крестьянками». Однако! Существуютъ и законы, и уголовный судъ, и судьи, какъ духовные такъ и свѣтскіе, но исполненія приговоровъ для крѣпостныхъ нѣтъ какъ нѣтъ!

Вслѣдъ затѣмъ авторъ высчитываетъ, что «быть несвободнымъ не значитъ терпѣть угнетеніе», хотя это и есть самое наибольшее угнетеніе. «Держать на панщинѣ или прикóнѣ (przykonie), а не на чиншѣ»; да это есть основаніе неволи! «Не давать въ вѣчное владѣніе земли», это, значитъ, отнять собственность у труда и побужденіе къ нему. «Обмѣнивать унавоженныя пахатныя земли на неунавоженныя», это—гибель земледѣльца. «Подвергать заключенію и наказывать, только бы не до изувѣченія», это—безчеловѣчно, такъ какъ наказываютъ не по закону. «Отбывать еженедѣльно одинъ мужскій, одинъ женскій день на уволоку (z włoki)[5]) и четыре дня «пóмочи» (gwałtu) въ лѣсу»; видно, авторъ владѣетъ песками, ибо ему отбываютъ пять и шесть дней на уволоку, смотря по качеству почвы; есть земли, съ которыхъ получаютъ по 10 злотыхъ чинша съ одного морга. «Сторожить одну ночь въ три мѣсяца, давать лѣсныя и медовыя дани, платить подымное». «Но будетъ угнетеніемъ (говоритъ авторъ)—не уменьшать панщины за отбываніе дорожной повинности, перемѣнить прикóнъ (przykon) на чиншъ, обработывать дворскіе ланы вынужденною общею пóмочью (hurmem gwałtownym); обмолочивать гуртовою работою, собирать чиншъ; брать къ панскому двору крестьянскихъ сыновей, дочерей и не платить; требовать приноса яицъ, курицъ, птицы, сливокъ и сметаны, льна, пеньки, сѣмени, полотенъ и не вознаграждать; требовать продажи продуктовъ только арендатору, принуждать не пить пива и водки, взятыхъ въ другомъ мѣстѣ, а не у арендатора, позволять Жидамъ обшаривать повозки, налагать на избы напитки, дозволять арендаторамъ экзекуцію для возврата ссудъ, отдавать въ аренду панщину». Тутъ уже авторъ угадалъ въ чемъ дѣло, потому что —

Согласился отчасти и съ философомъ, и съ богословомъ, хотя все-таки взываетъ противъ сочинителя «Прибавленія (Dodatek).

---

[3]) Объясненія и подробности обо всѣхъ этихъ реестрáхъ termini tacti, officii, fisci, incarceratorum и пр. и пр., словомъ обо всемъ Польскомъ судопроизводствѣ—можно найти въ книгѣ «Processus judiciarius», а также въ ея переводѣ «Process sądowy» (XVI—XVIII в.). Эта, теперь уже весьма рѣдкая, книга, безусловно необходимая при пользованіи западно-Русскими актами, особенно—прошедшихъ трехъ столѣтій, къ сожалѣнію, досихъ поръ еще не переведена на Русскій языкъ. *Ред.* [4]) Нѣчто въ родѣ прокурора. *Ред.*

[5]) Въ уволокѣ 30 морговъ: Литовскій моргъ равняется 1564 кв. саженямъ, Польскій=1229 кв. саж. *Ред.*

противъ проповѣдниковъ и особенно іезуитовъ, которыхъ уже нѣтъ. Свой судебный проектъ признаётъ новымъ угнетеніемъ для крестьянъ. И такъ, что же дѣлать? Усовѣщиваетъ духовныхъ «быть усердными». Что же, они должны усердно поддерживать рабство? Удостовѣряетъ, что, «благодаря проповѣдямъ іезуитовъ, возникли благотворительные фундуши». Почему-же іезуиты худы? Авторъ не хочетъ, «чтобы проповѣдники сравнивали угнетеніе крестьянъ съ угнетеніемъ Евреевъ въ Египтѣ, ибо Евреямъ велѣно было не молиться и велѣно топить ихъ дѣтей, а крестьяне имѣютъ приходы, костёлы, и женятся». Имѣютъ, но времени у нихъ нѣтъ посѣщать костёлы, а дѣтей ихъ берутъ къ панскимъ дворамъ.

Но брань автора на этомъ не кончилась. Онъ принимается за первое сочиненіе «О крестьянахъ» (O poddanych), соблазняется примѣрами человѣчности и филантропіи, и полагаетъ, что «это философское произведеніе скорѣе имѣетъ предметомъ низкія и омерзительныя дѣла, чѣмъ похвалу дѣлъ, достойныхъ любви и благодарности», хотя сознаётся, что «не понимаетъ этого творенія». Отсюда-то, повидимому, и происходитъ весь гнѣвъ! Называетъ «sobiemowstwem, что фундуши для облегченія участи крѣпостныхъ ставятся выше кровавыхъ побѣдъ». Неужели драться—лучше, чѣмъ благотворить?

При этомъ авторъ пускается въ похвалы дворянству за то, что «встарину одна только шляхта служила на войнѣ» (это правда); «имѣла плѣнниковъ» (но которыхъ отдавала королю). Въ заключеніе называетъ шляхту «скорѣе слугами и стражами хлоповъ, чѣмъ панами»; правда, что имъ дана власть для управленія, но не для порабощенія. «Хлопы не имѣли Магдебургскаго права»: авторъ, вѣроятно, не читалъ текста устава Казиміра Великаго (хотя и приводитъ его изъ «Инвентаря»[1]) уставовъ, а тобы онъ зналъ, что земледѣльцы были двухъ родовъ: пользовавшіеся Польскимъ правомъ и пользовавшіеся Тевтонскимъ. По какой-же причинѣ авторъ отрицаетъ Магдебургское право? По той, повидимому, что въ Магдебургскомъ правѣ дѣлается различіе между рабами и землепашцами.

Подходя затѣмъ къ концу своей рѣчи, авторъ еще разъ поминаетъ Евву, Ассирійскихъ королей, Исава, Хама, которые всѣ, по его мнѣнію, были кметами; а по поводу законовъ разныхъ народовъ и странъ, приводимыхъ имъ въ обрывкахъ и съ кривотолкомъ, торжественно заявляетъ, что онъ «съ холоднымъ безпристрастіемъ собралъ ихъ, чтобы обнаружить, голосомъ-ли разума является гу-

[1]) Польская литература изобилуетъ юридическими «Инвентарями» и «Суммаріями», которые, въ смыслѣ skorowidzów, должны быть сочтены очень полезными для предварительнаго ознакомленія съ литературою Польскаго законодательства вообще и въ частности о крестьянахъ. Первый «Inwentarz constitucij koronnych» (1570—1628) составилъ Войтехъ Мадалинскій (1-е изд. Львовъ, 1630; 2-е Варшава, 1632, посвящено «Петру Могилѣ, воеводѣ Молдавскому»). Продолжателемъ труда Мадалинскаго былъ Дзенгелёвскій (Варшава, два изд. 1644 и 1661 г.). *Ред.*

манность у автора «Прибавленія»? голосомъ-ли религіи—его христіанская кротость? можно-ли вмѣнить облегченіе участи крѣпостныхъ въ обязанность дворянству?» И наконецъ, чтобы показать, что онъ постоянно читаетъ, слѣдя за книгами и науками, приводитъ статью Португальской Лисабонской газеты о манифестѣ королевы, чтобы власти поддерживали спокойствіе въ странѣ, и подписывается «m. p.»

Подъ своимъ произведеніямъ дѣлаетъ приписку, наносящую «послѣдній ударъ (dobitek) доказательствамъ ученыхъ защитниковъ свободы крестьянъ: св. Павелъ (1 посл. къ Тимоѳею, гл. 6, ст. 1, 2, 3, 4, 5) велитъ рабамъ чтить своихъ господъ». Авторъ не замѣтилъ, что это свидѣтельство—противъ него: въ началѣ христіанства, рабы, служившіе у язычниковъ, понимали Христово ученіе въ томъ смыслѣ, что оно не допускаетъ рабства, какъ это въ дѣйствительности и есть; а св. Павелъ, успокоивая ихъ недоумѣніе, говоря, что они должны считать своихъ господъ достойными всякой чести и терпѣть, пока они не сдѣлаются христіанами. Ибо таковъ былъ духъ христіанства, что послѣдователи его предпочитали побѣждать всѣ напасти добродѣтелью. Тотъ же апостолъ увѣщеваетъ христіанъ не презирать рабовъ, ибо они суть братья, соучастники дара вѣры и служатъ честно и съ любовью. Кто же тутъ окажется гордымъ, сообразно съ мыслью св. Павла? Кто явится ничего незнающимъ, зараженнымъ страстью къ состязаніямъ или словопреніямъ, отъ которыхъ рождаются—ненависть къ духовенству, богохульство отъ отчаянія рабства, злыя подозрѣнія, происходящія отъ превратнаго пониманія науки? Кто будетъ человѣкомъ, ищущимъ прибытка отъ благочестія? Кто? Читатель самъ замѣтитъ.

Теперь, прежде чѣмъ сопоставить защиту рабства авторомъ третьей книги съ философскою гуманностью, христіанскою кротостью, съ управленіемъ страны и правами крестьянъ,—разсмотримъ, не дѣлая никакихъ выводовъ, состояніе крѣпостныхъ во всѣхъ его отношеніяхъ.

Отдѣлъ II.

Состояніе крѣпостныхъ въ Коронѣ, Литвѣ и провинціяхъ, въ отношеніи 1) къ государственной экономіи, 2) къ управленію страны, 3) къ ихъ государственнымъ повинностямъ, и 4) къ ихъ частнымъ обязанностямъ.

§ 1. Государственная экономія.

Ничего не можетъ быть въ странѣ такого, что не происходило бы или изъ ея земель, и водъ, или отъ промышленности, обработывающей произведенія земли, для лучшей пригодности ихъ къ употребленію, для прибыльнаго обмѣна ихъ съ другими народами. Барыши отъ военной добычи и насилія рѣдки и невѣрны. И поэтому дально-

видное правительство Польской земли всегда обращало самое заботливое вниманіе на земледѣліе, какъ на основу народнаго богатства.

1. О количествѣ землепашцевъ свидѣтельствуютъ трактаты, мирныя условія съ царями, Венгерскими и Чешскими королями, съ Бранденбургскими маркграфами, съ Прусскими и Инфлянтскими крестоносцами, съ Московскимъ княжествомъ, съ Валахами и Турками, всегда обезпечивавшіе возвратъ бѣглыхъ крестьянъ, и статуты страны, напримѣръ, 1496 года [1]). При Янѣ-Альбрехтѣ, пограничнымъ старостамъ отдано было приказаніе не пропускать въ Шлёнскъ и Пруссію рабочихъ людей, но ловить ихъ и обращать къ полевымъ работамъ. Есть подобныя постановленія и относительно Валахіи. Тутъ дѣло шло о земледѣліи страны, а не о рабствѣ, ибо происхожденіе этого постановленія о жнецахъ относится къ тому времени, когда въ странѣ было довольно работы, между тѣмъ населеніе отвлекалось отъ нея погонею за предосудительными прибылями. Къ тому же направлено постановленіе Ягайлы 1420 года о солтысствахъ, по которому панъ можетъ отнять солтысство, если оно не приноситъ пользы. Но какъ отнять?—Пріискать покупщика на него, или обратиться къ земству, чтобы оно избрало изъ своей среды двухъ лицъ для оцѣнки, сообразно съ которою панъ и уплатитъ [2]). Таже забота о земледѣліи диктовала Сигизмунду I его универсалы относительно заселенія землепашцами опустошенной войною Пруссіи,—снарядила, при Сигизмундѣ-Августѣ, въ силу конституціи 1569 года, люстрацію пустошей въ Кіевскомъ воеводствѣ и на Подольѣ, для раздачи ихъ въ ленное владѣніе,—издала при Стефанѣ Баторіѣ въ 1582 году, въ Неполомицахъ, эдикты, созывающіе на жительство въ Инфлянты землепашцевъ, ремесленниковъ, купцовъ, надѣляя ихъ усадьбою и обезпечивая свободное пользованіе втеченіе десяти лѣтъ безъ всякихъ чиншовъ, взиманій (exakcyi) и податей, и предоставляя впослѣдствіи добровольному соглашенію опредѣленіе дальнѣйшей платы [3]). Таже забота при Сигизмундѣ III вызвала постановленіе 1590 года, чтобы не оставлять безъ обработки земель въ Малороссіи (Kozaczyznie), у Терехтимировскаго (Czerechczymerowskiego) монастыря надъ Днѣпромъ, у Борисполя съ посадомъ (siedliskiem) Ивановскимъ, у дворища Володарки (Włodiereckiego), у Великой Слободы въ Зволодьѣ надъ Росью и Рокитною [4]), у Хорোща и Слѣпорода надъ рѣкою Неустьемъ, на Московской границѣ. Не потому же ли побужденію были собираемы коммиссіи, въ 1601 году на Украинѣ, съ цѣлью раздачи пустопорожнихъ мѣстъ, и въ 1677 году при Янѣ III и много другихъ?

2. То же заботливое вниманіе было обращено и на полевыя работы, вслѣдствіе чего и конституція 1576 года, и Литовскій ста-

---

[1]) См. «Cod. Dipl.» Догеля, томъ I, IV, V.

[2]) См. ниже, что такое «солтысы».

[3]) Универсалъ 19 января 1582 года въ «Cod. Dipl.» Догеля, подъ словомъ «Livonia».

[4]) «Konstytycye», volum. 3.

тутъ (въ 3-мъ отдѣлѣ) опредѣлили строгое наказаніе тому, кто бы побилъ или изранилъ на работѣ шляхтича или крестьянина.

3. Уставы обезпечивали и цѣлость полевыхъ продуктовъ. Въ статутѣ 1347 года положены наказанія за потраву, дозволено самосудное отнятіе (są pozwolone grabieże) похищеннаго хлѣба съ поля, или сѣна съ луговъ, и увеличены въ 1368 году, какъ значится и въ Литовскомъ статутѣ (отдѣлы 3, 5, 14).

4. Скотъ, какъ статья въ высшей степени необходимая для земледѣлія и хозяйства, также огражденъ, для охраны его даже отъ загона и самосуднаго отнятія, уставомъ 1505 года, Мазовецкими обычаями [5]) 1576 и 1588 года и Литовскимъ статутомъ (отд. 3, арт. 11; отд. 13, арт. 1, 2, 4; отд. 9, арт. 22, 23; отд. 10, арт. 4; отд. 14, арт. 26).

5. Устроены пастбища въ 1347 году, даже и сборъ жолудей для боровъ (Статутъ, отд. 13, арт. 1; отд. 3, арт. 5—13; отд. 14, арт. 25).

6. Королевскимъ декретомъ 1602 года обезпечена даже уплата владѣльцемъ стоимости хозяйственныхъ построекъ, сооруженныхъ арендаторами земель.

7. Разведеніе садовъ, огородовъ и хмѣльниковъ поощряется уставомъ 1368 года и Литовскимъ статутомъ (отд. 10, арт. 10 и 16).

8. Рыбная ловля въ озерахъ и рѣкахъ обезпечена уставомъ 1347 года и Литовскимъ статутомъ (отд. 10, арт. 4, 7, 9; отд. 2, арт. 21).

9. Лѣсы, боры и пущи охранены отъ поджоговъ уставами 1347, 1420 и 1607 годовъ, даже съ разграниченіемъ сортовъ деревьевъ (Литовскій статутъ, отд. 9, арт. 19; отд. 10, арт. 3, 5, 17).

10. Обращено вниманіе и на пчелъ, относительно вырѣзанія сотовъ и медовой дани (статутъ 1347 года, конституціи 1420, 1538, 1550 гг. и Литовскій статутъ, отд. 10, арт. 6, 13, 14).

11. Воспрещены ловы и охоты въ тѣ времена года, когда они бываютъ вредными для полей, звѣрей и даже птицъ (уставъ 1420 и 1557 г., Литовскій статутъ, отд. 3, арт. 47; отд. 9, арт. 30; отд. 10, арт. 2, 8, 11, 12).

12. Не оставлены безъ вниманія и нѣдра земли: владѣльцамъ (possessorom) предоставлено заботиться о копяхъ и металлахъ.

13. Изданы также уставы о мельницахъ, рудокопняхъ и заводахъ съ цѣлью поощренія промышленности, но безъ ущерба интересамъ земледѣлія и хозяйства.

Я бы наскучилъ читателямъ, еслибы сталъ откопывать изъ уставовъ всѣ постановленія, обезпечивающія земледѣліе и хозяйство. Довольно и того, что я на столько указалъ ихъ цѣли и виды, чтобы было ясно—служитъ ли земледѣльческое состояніе, въ своемъ нынѣшнемъ устройствѣ, на пользу государственной экономіи.

Даже дикое невѣжество не можетъ усмотрѣть рабства крѣпостныхъ крестьянъ во всѣхъ этихъ уставахъ, которыми правительство страны хотѣло гарантировать численность земледѣльцевъ, охрану

[5]) Мазовецкія consuetudines terrarum можно найдти у Гельцля, Мацѣёвскаго («Histor. prawodaw.», т. VI, и Бандтке («Pomniki dawne prawa Polsk.»). *Ред.*

полевыхъ работъ, посѣвовъ, луговъ, лѣсовъ, озеръ, рѣкъ, пчелъ, надлежащей прибыли отъ всего этого и промышленности, безъ ущерба заводамъ, ловлямъ и охотамъ.

Но насколько этому содѣйствовало государственное управленіе страны?

§ 2. Крестьяне въ отношеніи къ управленію страны.

Не подлежитъ сомнѣнію, что, во времена язычества, перенимались отъ Грековъ и Римлянъ—какъ религія, такъ и обычаи. Въ это время могли быть въ Польшѣ и Литвѣ плѣнники (роуmańcy), какъ илоты въ Аѳинахъ, рабы, какъ servi въ Римѣ, которые впослѣдствіи могли быть освобождаемы князьями и королями и даже принимаемы въ кліенты. Отсюда servi, liberti, clientes въ «Паратитлѣ».

Coloni (земледѣльцы, rolnicy), glebae adscriptitii (пахари, oracze), навѣрно не были ни въ оковахъ, ни подъ военною стражею, но жили въ своихъ избахъ и культивировали страну земледѣліемъ. И такъ какъ страна была раздѣлена на зáмковыя юрисдикціи, то они были подъ дозоромъ и судомъ каштеляновъ и старостъ, которые были назначаемы на извѣстное время князьями и королями; нерѣдко же внимательные и добрые короли, проѣзжая по странѣ, сами замѣчали обиды земледѣльцевъ и чинили расправу.

И въ Литвѣ земледѣльцы въ нѣкоторыхъ повѣтахъ были приписаны къ зáмкамъ и обязаны были починять гати, мосты, дороги, оборонять зáмки и находиться въ вѣдѣніи зáмковаго суда [1]).

Съ принятіемъ христіанства—въ Коронѣ въ X вѣкѣ, а въ Литвѣ въ XIV-мъ—было введено у насъ Римское гражданское право, и правители подражали Константинамъ, Юстиніанамъ и Ѳеодосіямъ, что̀ подтверждаетъ Казиміръ Великій въ предисловіи къ уставамъ [2]).

Извѣстно, что императоры не только сами находили въ христіанской кротости побужденіе освобождать на волю рабовъ въ извѣстные праздники, но дозволяли освобождать и епископамъ въ церквахъ [3]).

Человѣчность выходила вмѣстѣ къ свѣту вѣры [изъ мрака язычества] и изъ оковъ рабства. Потому-то около 1019 года Болеславъ Храбрый учредилъ судей и рѣчниковъ (rzeczników), которые должны были безмездно защищать на судѣ простыхъ людей и которыхъ содержалъ самъ король [4]); потому-то въ 1180 году Казиміръ Справедливый и бискупы уничтожили несогласные съ христіанствомъ языческіе обычаи, оповѣщая, что кто повредитъ земледѣльцу въ пастбищѣ, живности, въ скотѣ, тотъ будетъ преданъ проклятію [5]); вмѣстѣ съ этимъ, поселяне уволены отъ поставки лошадей для казенныхъ посылокъ, въ случаѣ неожиданнаго нападенія непріятеля, также отъ поставки куръ и ссыповъ (zsepow), которые были дѣлаемы для короля во время его путешествій. А когда—

[1]) Читай Кояловича, писавшаго на основаніи Русскихъ и Рыцарскихъ (т. е. Прусскихъ и Ливонскихъ) лѣтописцевъ. [2]) Vol. 1, «Konst.»
[3]) Читай Исторію императоровъ и Церкви. [4]) Бѣльскій. [5]) Кромеръ.

Въ 1211 году Татарская орда, подъ предводительствомъ Батыя, произвела кровопролитное опустошеніе на Руси, въ Польшѣ, Шлёнскѣ и Венгріи и забрала много народа въ плѣнъ, Шлёнскій князь Генрихъ и Краковскій князь Болеславъ Стыдливый призвали на пустыя пашни Нѣмцевъ-земледѣльцевъ, дозволяя имъ управляться по Магдебургскому праву, сообразно съ которымъ они и платили подати, имѣли своихъ войтовъ, солтысовъ, разбиравшихъ и судившихъ ихъ дѣла, совмѣстно съ двумя избранными къ нимъ старцами (starcami) [6].

Апостольскій престолъ также обнаруживалъ вниманіе къ свободѣ поселянъ. Въ 1212 году папа Иннокентій III писалъ изъ Сигніо idibus augusti къ Польскимъ и Поморскимъ князьямъ, чтобы на завоеванныхъ и новообращенныхъ Пруссаковъ они не налагали невольничьей службы, поручая при этомъ Гнѣзненскому архіепископу подвергать церковнымъ наказаніямъ нарушителей сего распоряженія [7].

И такъ, земледѣльцы управлялись въ Польшѣ двояко: по Тевтонскому и по Польскому праву. Владѣльцы изъ духовныхъ лицъ въ данныхъ имъ имѣніяхъ вводили Тевтонскіе порядки, какъ благопріятные свободѣ, о чемъ свидѣтельствують оставшіяся до сихъ поръ имена солтыствъ и войтовствъ. И свѣтскіе господа, получая отъ короля вотчины, устроивали ихъ подобнымъ же образомъ. Единоличной власти надъ рабами уже не было, развѣ въ добродѣйствахъ (dobrodzieystwach).

Если возникало дѣло между крестьяниномъ и помѣщикомъ, особенно уголовное, обиженная сторона изъ Польскаго крестьянства избирала троихъ сосѣдей-шляхтичей, для разбирательства; одинъ изъ нихъ былъ судьею, другій подсудкомъ, а третій писаремъ [8]. Королевскіе крестьяне подлежали суду каштеляновъ и короля. Духовные же крестьяне, съ Тевтонскимъ правомъ, судились у своихъ солтысовъ, съ апелляціей ко своимъ господамъ владѣльцамъ.

Существованіе этого двоякаго крестьянства подтверждается фундушемъ, учрежденнымъ на Прусское епископство Мазовецкимъ княземъ Конрадомъ въ Ловичѣ, nonis augusti 1222 года [9], и еще яснѣе актомъ перваго Прусскаго епископа Христіана 1230 года, которымъ онъ отдаетъ свой фундушъ въ завѣдываніе крестоносцевъ, подъ своимъ верховнымъ управленіемъ. Въ этомъ актѣ различаются плуги Польскіе и Нѣмецкіе [10]. А ясное дѣло, что Тевтонское управленіе въ духовныхъ помѣстьяхъ существовало на основаніи привилегіи, данной духовенству въ 1241 году Мазовецкимъ княземъ Болеславомъ, которою онъ освобождаетъ крестьянъ отъ свѣтскихъ каштелянскихъ судей, подчиняя ихъ суду назначаемыхъ владѣльцами солтысовъ и предоставляя имъ аппелляцію [11].

[6]) Коронный подканцлеръ Станиславъ Лубенскій, впослѣдствіи Плоцкій епископъ de-Sculteliis, свидѣтельствуетъ, что видѣлъ древнія привилегіи на это.

[7]) «Codex Dipl.» Догеля, подъ словомъ «Borussia». [8]) Тотъ же Лубенскій, тамъ же. [9]) «Codex Dipl.» Догеля, подъ словомъ «Borussia», томъ IV.

[10]) Тамъ же. [11]) Хелминскій суффраганъ Ростковскій извлекъ эту привилегію изъ Плоцкаго діэцезальнаго архива и издалъ въ «Clypeo Regni Pol.».

У христіанъ не было невольничьихъ кандаловъ даже для плѣнниковъ, взятыхъ на войнѣ. Каждый можетъ прочитать объ этомъ въ декретѣ Папскаго легата въ Пруссіи, Леодійскаго архидіакона Якова, данномъ на Пескѣ при островѣ Фабри въ 1249 году [1]). Этимъ декретомъ дозволяется Пруссакамъ, покореннымъ Крестоносцами, и новокрещеннымъ, или имѣющимъ креститься, покупать имѣнія на себя и для передачи потомству, даже въ побочныхъ линіяхъ, на основаніи каноновъ; только въ случаѣ неимѣнія наслѣдниковъ—имѣніе переходитъ къ магистру Ордена; дозволяется дѣлать завѣщанія касательно движимаго имущества, съ прибавленіемъ, что, въ случаѣ записи его на костёлъ, роднымъ — первымъ предоставляется право втеченіе года выкупить; дозволяется заключать законные браки, быть прокураторами по дѣламъ въ духовныхъ и свѣтскихъ судахъ, а шляхтѣ — быть клериками, и носить саблю и судиться по Польскому праву; безъ суда ни у кого ничего не отнимать; назначать приданое за дочерьми, вступать въ бракъ безъ разрѣшенія—въ родствѣ ниже четвертой степени. Но воспрещается продавать и покупать сыновей и дочерей, имѣть много женъ, приносить жертву богу Курхѣ (Kurche), восхвалять казненныхъ за преступленія, бросать и убивать дѣтей.

Эта свобода крестьянъ возростала подъ вліяніемъ христіанства, особенно съ 1285 года, когда Лешекъ Черный изъявилъ желаніе не только имѣть въ собственномъ управленіи Нѣмецкихъ земледѣльцевъ, но дать и Польскимъ управленіе, независимое отъ пановъ, даруя всѣмъ Средское, т. е. Магдебургское право [2]). Вездѣ дѣло шло къ свободѣ крестьянъ.

Въ 1300 году папа Григорій IX запретилъ своею буллою Инфлянтскимъ рыцарямъ обращать въ рабство завоеванныхъ Леттовъ или Латышей [3]). И въ 1308 году Бонифацій VIII, между иными пунктами противъ рыцарей, назначилъ по этому поводу слѣдствіе (inkwizycyę) [4]); а въ 1309 году тоже снова подтвердилъ Климентъ V буллою, данною въ Авиньонѣ 19 іюня.

Результатомъ той же правительственной системы относительно крестьянъ является Вислицкій статутъ Казиміра Великаго 1374 года, въ которомъ онъ обозначилъ и свободу крестьянъ, и несообразности, вкравшіяся въ ихъ суды, и преступленія пановъ, и двойственность устройства земледѣльцевъ по Тевтонскому и Польскому праву. Крестьянству съ Тевтонскимъ правомъ — воспретилъ апелляціи въ магдебургіи, чтобы солтысы не брали за это по восьми фертоновъ [5]), и сосредоточилъ судъ по Магдебургскому праву въ Краковскомъ за́мкѣ, назначая изъ магистрата судей по апелляціоннымъ дѣламъ; сдѣлалъ также распоряженіе, по которому крестьянинъ, подсудный Магдебургскому праву, можетъ продать свой наслѣдственный участокъ, при засѣянныхъ нивахъ оставить на свое мѣсто новаго хозяина и выйти, но не убѣгать. Въ случаѣ

[1]) «Codex Diplom.» Догеля, томъ IV.
[2]) Кромеръ и другіе. [3]) «Codex Diplom.» Догеля, томъ V.
[4]) Тамъ же. [5]) Фертонъ стоилъ 7 злотыхъ и 6 гривенъ теперешнихъ.

же, если бы онъ убѣжалъ ночью, все, оставшееся въ его домѣ, обращается въ собственность пана, и каждый обязанъ задержать и возвратить его, подъ опасеніемъ пени пятнадцатидесятой (pięt-nastodziesta) [6]. Этимъ уставомъ король не имѣлъ въ виду наложить на крестьянъ ярмо неволи, и хотѣлъ предотвратить несообразности, какія могли происходить отъ скрытнаго бродяжества: даже относительно вольныхъ людей онъ предписалъ, что если кто изъ нихъ возьметъ во владѣніе домъ и захочетъ затѣмъ выйти, то обязанъ отслужить столько, сколько пользовался имъ свободно, а по Тевтонскому праву — уплатить соотвѣтственное этому количество чинша и оставить на своемъ мѣстѣ другаго, въ равной мѣрѣ добропорядочнаго хозяина. А касательно крестьянъ подъ Польскимъ правомъ—постановилъ, что втеченіе года не можетъ выйти изъ села, безъ соизволенія пана, болѣе одного или двухъ человѣкъ; но въ случаѣ изнасилованія дочери или жены, или когда кто обираетъ именемъ пана, или панъ находится подъ церковною клятвою, всѣ имѣютъ право выйти втеченіе года. Однако вышедшій кметъ до тѣхъ поръ не имѣетъ права избрать себѣ новую осѣдлость, пока это не станетъ извѣстнымъ пану; и если послѣдній не заявитъ претензіи втеченіе года, тогда становится свободнымъ, уплативъ три гривны и годовый чиншъ [7]. Изъ этого видно, что тутъ предупреждено и угнетеніе крестьянъ дарованіемъ имъ права свободнаго выхода, и предотвращены бунты запрещеніемъ выходить скопомъ всѣмъ вмѣстѣ, исключая случаевъ уголовныхъ преступленій пана, если онъ изнасилуетъ, если отличается расточительностью и попираетъ религію; ради несостоятельности крестьянъ, воспрещенъ тайный выходъ; ограждены интересы владѣльца обязательствомъ для выходящаго уплатить чиншъ; затрудненъ выходъ несостоятельныхъ уплатою трехъ гривенъ; не велѣно занимать новой осѣдлости безъ вѣдома пана, чтобы и онъ имѣлъ время размыслить о исправленіи или оправдаться, а его крестьянинъ могъ указать причины своего выхода. Послѣ этого, можно ли сказать, что помѣщичьи крестьяне не пользовались попеченіемъ правительства?

Гдѣ же тутъ рабство, описываемое третьимъ авторомъ (т. е. Грабовскимъ)? Не скорѣе ли это свидѣтельствуетъ о предусмотрительности, направленной противъ рабства и преступленій? Въ томъ же году и тотъ же король особымъ уставомъ обезпечилъ шляхетскія вотчины. Можетъ ли, послѣ этого, уставъ о крестьянахъ быть противнымъ ихъ свободѣ въ панскихъ вотчинахъ?

Какимъ же образомъ упразднилось это устройство быта помѣщичьихъ крестьянъ? Благородные рыцари всегда были надобны и для обороны страны, и для исполненія правосудія. Правители награждали ихъ мужество дарованіемъ имъ вотчинъ и

[6]) Питнадцатодесятая (piętnastodziesta) равнялась 3 гривнамъ, а гривна 48 грошамъ, а 14 такихъ грошей составляли червонный злотый; слѣдовательно, эта пеня равнялась 13½ червонныхъ злотыхъ: Сарницкій, Гебдовскій опатъ ксендзъ Вырвичъ. [7]) «Vol. I Legum», въ началѣ.

привилегіями. Раздача Кривоустымъ удѣловъ сыновьямъ, породивъ усобицы за первенство въ управленіи и въ опредѣленіи количества рыцарей, увеличила и вольности послѣднихъ. Но еще при Казимірѣ Великомъ, именуясь воинами (milites), рыцари со своими помѣстьями и крестьянами, оставались подъ управленіемъ законовъ и властью короля. Людовикъ, для обезпеченія престола за своею дочерью Ядвигою, въ 1374 году въ Кашовѣ, сдѣлалъ постановленіе — гόроды въ Малой и Великой Польшѣ раздавать только рыцарству (дворянству); вотъ—первая привилегія шляхтѣ на занятіе административныхъ пόстовъ, сверхъ владѣнія вотчинами. Ягайло былъ такъ щедръ въ раздачѣ своихъ помѣстій, что часто однимъ словомъ, безъ записи, жаловалъ ихъ въ пожизненное и вѣчное владѣніе.

Страннымъ можетъ показаться, что апостольскій престолъ интересовался цѣлостью королевскихъ имѣній. Папа Мартинъ V призналъ незаконною раздачу Ягайлою своихъ имѣній, и поручилъ Львовскому архіепископу обратить на это вниманіе. Однако, помимо той причины, что Ягайло допустилъ subsidium папѣ отъ духовенства, св. отецъ могъ имѣть въ виду то же, что̀ имѣли касательно помѣщичьихъ крестьянъ Иннокентій III и Григорій IX.

Получатели королевскихъ имѣній болѣе заботились о своихъ прибыляхъ, чѣмъ о потребностяхъ края, и мало, кажется, было такихъ, которые мало-по-малу не присвоили бы себѣ надъ ними королевскаго самовластія.

Всѣ земли въ странѣ подѣлились затѣмъ на королевскія, духовныя и земскія.

Въ земскихъ помѣстьяхъ прекратилась судебная власть солтысовъ и власть каштеляновъ; въ духовныхъ — остались лишь по имени; только въ королевскихъ крестьяне могли апеллировать отъ своихъ судей къ референдарскимъ судамъ — въ Коронѣ, къ ассессорскимъ — въ Литвѣ, и о своихъ обидахъ доводить до свѣдѣнія короля. То-же слѣдуетъ разумѣть и относительно Литвы. Литовскій статутъ, различая виды крестьянъ, перечисляетъ путныхъ, панцырныхъ, бояръ, земянъ и тяглыхъ. Остались также, особенно въ духовныхъ имѣніяхъ, названія сельскихъ судей: старцевъ, тивуновъ, войтовъ, лавниковъ. Безъ сомнѣнія, они не обязаны своимъ происхожденіемъ ни предписанію Литовскаго статута 1530 года, при Сигизмундѣ, ни творчеству нашего времени. Это былъ старинный укладъ сельскаго управленія [1]).

Затѣмъ у обоихъ народовъ, когда пожалованныя вотчины объявлены состоящими въ вѣчномъ владѣніи: въ Коронѣ—въ 1347 г., въ Литвѣ—въ 1400, въ Пруссіи—въ 1454, въ Инфлянтахъ—въ 1561, когда за дальнѣйшими пожалованіями сдѣланными наслѣдственными князьями, въ Литвѣ, Подлясьѣ, на Волыни, Подольѣ,

[1]) До сихъ поръ на Руси, въ духовныхъ имѣніяхъ, волость обыкновенно избираетъ себѣ старца; но это лице нынѣ имѣетъ обязанность дозора за помѣщичьимъ дворомъ, а власть суда надъ поселянами присвоили себѣ, изъ корыстныхъ видовъ, управляющіе (gubernatorowie).

Украинѣ до уніи 1569 года, а въ Мазовіи до 1576 года укрѣплено право вѣчнаго же владѣнія, — мало-по-малу почти во всѣхъ имѣніяхъ наступили перемѣны въ повинностяхъ крестьянъ, сообразно съ волею владѣльцевъ, а вслѣдъ за этимъ власть пановъ расширилась на ихъ имущество, а потомъ и на жизнь, особенно при Сигизмундѣ I, когда возникшее въ Нѣмецкой землѣ новшество въ вѣрѣ породило крестьянскіе бунты. Это побудило Сигизмунда-Августа признать за шляхтою полную власть, absolutum dominium, надъ крестьянами, какъ увидимъ ниже по отношенію къ Инфлянтамъ. Очень много содѣйствовало этому то обстоятельство, что изъ шляхетскихъ вотчинъ по необходимости выдѣлялись сукцессіи (наслѣдственные участки) въ земскихъ имѣніяхъ; были производимы раздѣлы между братьями и родными, заклады, аренды, продажи, купли и разграниченія на участки чрезъ избираемыхъ подкоморниковъ; вслѣдствіе всего этого, крестьяне должны были подпасть подъ безусловную юрисдикцію пановъ, хотя на это и не было опредѣлительнаго закона. Такъ и Сигизмундъ-Августъ, принимая подданство Инфлянтъ въ 1561 году и подтверждая удѣльнымъ актомъ права̀ тамошней шляхты, всѣ гражданскія и уголовныя дѣла крестьянъ подчинилъ дворскому суду ихъ пановъ [2]). Можно догадаться, что этотъ обычай уже вошелъ въ силу въ Коронѣ и Литвѣ.

Что касается королевскихъ имѣній, то они еще оставались подъ управленіемъ королей. Владиславъ III заложилъ Судомірскій повѣтъ; однако, Казиміръ IV, послѣ долгаго сопротивленія, въ 1454 году сдѣлалъ постановленіе не закладывать безъ совѣта (rady), и предоставить шляхтѣ данные ей въ пользованіе державы (dzierżawy). Дворянство старалось выхлопотать себѣ доступъ къ нимъ (wstępy do nich i wręby) и привилегіи на разные доходы съ нихъ, даже пожизненныя привилегіи (expektatywy); сообразно съ этимъ, появлялись и уставы, напримѣръ, 1510 года, по которому привилегіи должно понимать сообразно со сдѣланными въ нихъ подробными разъясненіями; 1564 года: пожизненныхъ привилегій (expektatyw) не давать; 1526 года: ограниченъ доступъ къ пользованію озёрами; 1564 года: опредѣлены случаи, когда имѣнія, пожалованныя шляхтѣ, освобождались отъ податей на оборону страны, и установлена четвертая часть (kwarta) доходовъ съ королевскихъ имѣній, для чего были снаряжаемы ревизіи изъ королевскихъ дворянъ или сенаторовъ (z koła). А по смерти послѣдняго наслѣдственнаго государя Короны и Литвы Сигизмунда-Августа, королевскія имѣнія поступили въ полное почти распоряженіе дворянскаго сословія; однако, при Баторіѣ, въ 1581 году, они изъяты изъ вѣдѣнія земскихъ судовъ и оставлены въ вѣдѣніи ассессорскихъ королевскихъ; а при Сигизмундѣ III, когда было замѣчено уменьшеніе королевскихъ доходовъ, воспрещено давать ихъ вмѣсто жалованья (iurgielt) и помѣщать пенсіи и долги. Въ 1588 году обращено вниманіе на то, чтобы не были обижаемы (въ матеріальномъ

[2]) «Codex Diplom.» Догеля, томъ V.

отношеніи) тѣ, кому короли свидѣтельствовали свое благоволеніе. и въ 1589 г. королевскія имѣнія раздѣлены на столовыя и пенсіонныя (chleb zasłużonych), какъ они названы при Августѣ II. Въ 1632 году воспрещено увеличивать экономію въ пользу королей; въ 1633—воспрещено давать духовнымъ имѣнія въ администрацію, и предписано Владиславу IV распоряжаться имѣніями сообразно съ закономъ, а въ 1641—поручено подскарбіямъ заботиться о королевскихъ имѣніяхъ; заключены контракты, уничтожены привилегіи на уволоки, сёла, пожизненныя владѣнія. Затѣмъ уже и управленіе королевскихъ имѣній перешло къ государству. Администрація ихъ поручена шляхтѣ; коммиссіи для опредѣленія границъ и разбора дѣлъ о убыткахъ были назначаемы сеймомъ. А въ 1764 году сдѣлано постановленіе, чтобы администраторы судили крестьянъ въ столовыхъ имѣніяхъ. Послѣ этого, крестьяне этихъ имѣній поставлены въ зависимость отъ власти государственной и отъ юрисдикціи шляхетской администраціи, гораздо болѣе, чѣмъ при Баторіѣ, когда было сдѣлано постановленіе, чтобы короли не снаряжали коммиссій по крестьянскимъ жалобамъ.

Подобнымъ же образомъ всѣ староства, войтовства, солтысства обращены въ пенсіонныя (na chleb zasłużonych); при этомъ, однако, крестьянамъ предоставлено право, въ случаѣ обидъ, обращаться со жалобами въ референдарію или ассессорію, и гарантирована нѣкоторая доля свободы посредствомъ частыхъ люстрацій и составленія инвентарей, при чемъ было обращаемо вниманіе на уменьшеніе крестьянъ и доходовъ, вслѣдствіе случавшихся освобожденій (libertacyj) нѣкоторыхъ крѣпостныхъ при пособіи поссессоровъ. Но не малое количество ихъ обращено въ вотчинныя имѣнія, а тѣ, которыя не вошли въ разрядъ этихъ послѣднихъ, обременены военными постоями (стаціями), зимними квартирами (гибернами) и другими отъ войска тягостями, между тѣмъ какъ столовыя королевскія имѣнія, равно какъ духовныя и земскія, были освобождены отъ всего этого.

Съ 1454 года всѣмъ владѣльцамъ и поссессорамъ предоставлено право требовать возвращенія бѣглаго крестьянина съ его женою, дѣтьми, скотомъ и имуществомъ, уже безъ всякаго вниманія къ причинамъ его выхода. Между тѣмъ, изъ устава 1420 года, при Ягайлѣ, обнаруживается, что тогда было еще обращаемо вниманіе на поссессіи кметовъ. Послѣ этого устава, если кметъ или солтысъ выйдетъ отъ пана, послѣдній—три раза и ex superabundanti четыре—вызываетъ его in judicio bannito, приглашая вернуться на свою дѣдину (do swey dziedziny); если не вернется, панъ можетъ посадить на его мѣсто другаго; въ случаѣ же, еслибы бѣглецъ сталъ дѣлать угрозы новопосаженному, учинить надъ нимъ расправу долженъ тотъ панъ, который далъ ему усадьбу [1]).

Духовныя имѣнія подчинены тѣмъ же властямъ и обычаямъ, что и земскія, такъ какъ уставами и конституціями сравнены съ этими послѣдними въ податяхъ и другихъ государственныхъ повинностяхъ.

[1]) «Volum.» I, fol. 79.

И съ тѣхъ поръ вездѣ стали свободно совершаться измѣненія въ давнишнихъ повинностяхъ и устройствѣ крестьянскаго быта, по волѣ поссессоровъ.

Съ переходомъ управленія страною изъ-подъ власти королей къ речи-посполитой, измѣнились и обычаи, связанные съ давнишними правами крестьянъ. Ниже увидимъ, что они могли бы остаться безъ перемѣны къ бо́льшей пользѣ и владѣльцевъ, и страны. Но прежде мы взглянемъ на государственныя и частныя повинности крестьянъ.

§ 3. Государственныя повинности крестьянъ.

Когда крѣпостные или крестьяне состояли подъ непосредственною властью князей и королей, всѣ повинности ихъ, можно сказать, были государственныя, состоявшія въ услугахъ правителямъ, или въ удовлетвореніи потребностямъ страны.

Прежде всего, при Мечиславѣ, костёльные фундуши и десятины, слѣдовавшія съ нихъ князьямъ, были обращены на удовлетвореніе надобностей духовенства и на поддержаніе вѣры и нравственности, какъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ дипломъ на викаріатство Познанскаго епископства, данный въ 1067 году, на горѣ въ Шлёнскѣ, во вторникъ послѣ недѣли Jubilate [2]), Болеславомъ Рафаилу, тетрарху Іерусалимской милиціи, сражавшемуся въ войскѣ папы Николая II противъ язычниковъ, жившихъ надъ рѣкою Одрою [3]), и актъ Мазовецкаго князя Конрада, 1230 года, которымъ онъ Прусскому епископу Христіану жалуетъ свои имѣнія, съ княжескою властью [4]); также привилегія того же Конрада, 1239 года, данная въ Серадзѣ Плоцкому епископу Петру; она поясняетъ, какія были повинности крестьянъ, или службы ихъ въ пользу князя, которыя онъ уступаетъ въ пользу епископа, то-есть: пошлину (cło), водныя и сухопутныя мыта, штрафы и пени, перевозы, княжескіе и военные постои, подводную повинность, назначеніе въ воинскую службу (удержанное за княземъ только на случай общаго ополченія, powszechne ruszenie), постройку за́мковъ, службу въ проводникахъ при военныхъ экспедиціяхъ, содержаніе княжескихъ сокольниковъ, кормленіе соколовъ, также бобровничихъ и ловчихъ [5]). Еще яснѣе и подробнѣе перечисляются повинности крестьянъ въ привилегіи, данной въ 1303 году, въ Варшавѣ, Мазовецкимъ княземъ Казиміромъ Тарчинскому костёлу; она освобождаетъ крестьянъ отъ подводной повинности, отъ военныхъ экспедицій, отъ вымогательства (exakcyi), отъ хлѣбныхъ ссыповъ, отъ жестокости (obrzazu), отъ нараза (narzazu) [6]), отъ боровов, барановъ, коровъ, отъ позывнаго [7]), отъ годна (godnego) [8]), или сватебнаго, отъ про-

[2]) Iubilate (Ликуйте) dominica—4-я недѣля по Пасхѣ. *Ред.*

[3]) «Cod. Dipl.» Догеля, томъ I, подъ словомъ «Silesia».

[4]) Тамъ же, подъ словомъ «Borussia».

[5]) Хелминскій суффраганъ Ростковскій въ «Clypeo Regni».

[6]) Naraz, narasz, naroz, narez, porcus alias narzasch («Volum. Legum», I, 362)—дань равнымъ скотомъ королю, во время его путешествія. См. у Мацѣёвскаго, «Hist. Włośc.», 176—177; у Бандтке, «Starożytności Polskie», II. *Ред.*

[7]) Пошлина, платимая за доставленіе «позыва» въ судъ. *Ред.*

[8]) Godne, на Подольѣ гостинна—подарки деньгами или скотомъ,

водничества (od przewodow), отъ соколинаго, отъ псоваго, отъ коллектъ [1]), отъ строенія замковъ, отъ каштелянскихъ судовъ, отъ платежа по нимъ головщины и штрафовъ (nawiązków) [2]).

Тоже повторяютъ и другія привилегіи. Надо думать, что въ этомъ же родѣ были привилегіи на вотчины свѣтскимъ панамъ, исключая только то, что̀ относилось къ судамъ и военной службѣ. Какими повинностями замѣнены указанныя, увидимъ при обзорѣ частныхъ; государственныя же повинности остались на крестьянахъ. По отношенію къ казнѣ (skarba)—

До Казиміра Великаго всѣ безъ исключенія платили по 12-ти грошей [3]) съ лана, давали коллекты, въ случаѣ нужды, приношенія общія и особенныя.

Въ 1347 году, Людовикъ освободилъ Кашовскимъ актомъ отъ всего этого, назначая только по два гроша, т. е. по девять зло̀тыхъ съ лана. Тоже подтвердилъ Ягайло въ 1423 году, въ Едльнѣ (Jedlna). И съ такимъ доходомъ казны отъ королевскихъ имѣній еще можно было покрывать издержки и короля, и обороны, хотя Ягайло уже просилъ согласія у папы Мартина V на пособіе отъ духовенства. Казиміръ IV въ 1451 году воспретилъ брать «записное» [4]) отъ этой подати, а въ 1454 году возложилъ и на Прусаковъ ту же подать, что̀ въ Коронѣ,—пять галинсовъ или два гроша. Это повторялось въ уставахъ до 1496 года, до Яна Альбрехта. Надо припомнить, что Владиславъ III вынужденъ былъ заложить Судомиръ Яну изъ-Рытвянъ, для покрытія расходовъ на Турецкую войну. Послѣ тароватыхъ сыновей и внуковъ Ягайловыхъ, Сигизмундъ I, также внукъ Ягайлы, имѣя со всѣхъ сторонъ войну, при уменьшеніи доходовъ казны, вслѣдствіе множества пожалованій, вынужденъ былъ въ 1527 году послать коммиссіи во всѣ земскія и духовныя имѣнія, и назначить съ нихъ сборъ по 18 грошей съ лана [5]). На кого же легъ этотъ сборъ? на сёла, на крестьянъ, на корчмы, на мельницы, сообразно съ тарифомъ, и на шляхту, которая сама обработывала землю. Крестьянамъ велѣно отдавать этотъ сборъ панамъ, а паны должны были передавать его сборщикамъ. Сигизмундъ-Августъ увеличилъ этотъ сборъ до 20 грошей съ лана, а для бѣдной шляхты, неимѣвшей крестьянъ, уменьшилъ до 12 грошей.

Эти подати повторялись до Люблинской уніи 1569 года, когда они распространены и на Литву съ Инфлянтами. А въ 1578 году они уменьшены по стоимости денегъ, хотя въ количествѣ увели-

---

приносимые панамъ въ болѣе важные праздники. Та́къ у Бандтке; но въ Словарѣ Виленскомъ и у Мацѣёвскаго (стр. 101—105)—объясненія иныя. *Ред.*

[1]) По словарю Оргельбранда,—складчина вообще, и въ частности—на нищихъ. *Ред.* [2]) Ростковскій, въ «Clypeo Regni».

[3]) Грошъ равнялся четыремъ съ половиною злотымъ (był półpiąta złotego), слѣдовательно—всего выходило 54 злотыхъ.

[4]) Плата за запись. *Ред.*

[5]) Тогдашній грошъ равнялся теперешнимъ 1 злотому и 6 грошамъ, а 13 грошей равнялись 21 злотому и 28 грошамъ.

чены до 30 грошей для крестьянъ, и на половину—для шляхты-пахарей [6]).

Я вспомнилъ здѣсь объ этомъ только потому, что подати всегда тяжело ложились на крестьянъ. Конечно, были облагаемы ими и другія сословія; но купцы и ремесленники умѣли навёрстывать ихъ повышеніемъ цѣнъ на товары, продаваемые нуждающемуся въ нихъ земледѣльцу; панскіе дворы также не умѣли извлекать экономію изъ своихъ полей. Духовные были привлечены къ платежу пособія (subsidium) изъ своихъ доходовъ, и только при Михаилѣ, въ 1673 году, въ первый разъ обложены общимъ поголовнымъ сборомъ государственные чины и паны, магнаты и шляхта; но при этомъ не минули и крестьянъ. Однако, это продолжалось недолго, хотя и въ это время государственные люди, учреждая «чоповый» [7]) сборъ, выражали желаніе, чтобы речь-посполитая была освобождена отъ поземельныхъ податей; признаны онѣ обременительными и при Августѣ II; а конвокаційный сеймъ 1764 года отсрочилъ уничтоженіе поголовной и подымной подати въ Коронѣ и Литвѣ до сейма 1766 года, предоставивъ право уничтожать ихъ скарбовымъ коммиссіямъ. Но о казнѣ (skarbie) слѣдовало бы написать отдѣльное сочиненіе. Довольно, что на крестьянъ падаютъ и сборы, и подати. Что касается вóйска—

Дворяне (rycerze) были защитниками страны, пріобрѣтая себѣ за это наслѣдственныя помѣстья; гóроды поставляли подводы, а крестьяне—коней для посылокъ и отправляли conductum ad expeditionem bellicam.

Казиміръ Великій первый воспользовался крестьянами для дѣланія окоповъ въ лагерѣ подъ Пиздрами; и послѣ вошло въ обычай, что они служили въ войскѣ подъ начальствомъ солтысовъ, о чемъ имѣются уставы. И для народнаго ополченія (pospolite ruszenie) крестьяне изъ духовныхъ и земскихъ имѣній поставляли подводы, а въ 1475 году опредѣлено брать отъ крестьянъ по одному пѣшему на повозку; королевскія сёла обязаны снаряжать рекрутовъ и стрѣлковъ съ вольныхъ уволокъ; въ 1655 году постановлено набирать лановое войско съ земскихъ и духовныхъ имѣній. Потомъ, когда въ условіяхъ, договоренныхъ съ Баторіемъ, народное ополченіе ограничено только двухнедѣльнымъ срокомъ, тогда уже владѣльцы земель рѣдко являлись лично для обороны, войну вело регулярное (zaciągowe) войско, на деньги, получаемыя отъ поземельныхъ податей. Еще раньше, 50 полковъ, которые Ягайло выставилъ противъ крестоносцевъ въ 1410 году, состояли по большей части изъ отрядовъ, набранныхъ у епископовъ и пановъ, изъ ленныхъ имѣній Слёнскихъ, Поморскихъ, Валахскихъ, и 8,000 Литовскаго войска. Въ 1580 году Баторій велъ противъ Москвы отряды, набранные въ чужихъ земляхъ, — въ Германіи и

[6]) Въ этомъ году червонный злотый стоилъ 54 гроша, а грошъ равнялся 10 нынѣшнимъ грошамъ; слѣдовательно, сборъ доходилъ до 10 злотыхъ съ лана, уволоки, плуга, панщиннаго участка (służby).

[7]) Пошлина съ напитковъ всякаго рода. *Ред.*

Седмиградьѣ. Позже стали поставлять изъ земскихъ имѣній «ординацкіе» отряды. Замки и крѣпости также оборонялись старостами съ подвластнымъ имъ людомъ. Изъ конституцій каждый можетъ узнать, что при Сигизмундѣ III только родовитые паны выступали на войну въ Инфлянтахъ противъ Шведовъ, напримѣръ, князь Радивилъ, князь Лёвъ Сапѣга содержалъ на свой счетъ полкъ, по свидѣтельству конституціи 1652 года. Трокскій воевода Пацъ при Янѣ-Казимірѣ укрѣпилъ Кричевъ и содержалъ въ немъ на свой счетъ гарнизонъ. Потоцкій дѣлалъ издержки на оборону страны. Любомірскій овладѣлъ Торунемъ при помощи своей собственной артиллеріи. Тышкевичъ дѣлалъ расходы на войско изъ собственныхъ средствъ; Немѣржицъ содержалъ 1,000 чел. пѣхоты. Юдицкій, собравъ своихъ людей, подалъ помощь Ляховичамъ. И конституція 1670 года дозволила каждому помогать речи-посполитой своимъ войскомъ подъ командою гетмановъ. Въ это время князья Сапѣги дали сборнымъ отрядамъ вспоможеніе въ 200,000 злотыхъ. При Янѣ Собѣсскомъ, великій Коронный гетманъ Станиславъ Яблоновскій, согласно съ конституціею 1683 года, давалъ изъ своихъ средствъ жалованье войску. Такимъ образомъ, и въ отношеніи къ оборонѣ страны, крестьяне составляли большую часть пѣхоты. Они давали по одному пѣхотинцу съ 15 уволокъ, или съ 20—21 лановъ, сверхъ того, что забирали паны на подводы и на сборные отряды.

Посмотримъ еще на частныя повинности крестьянъ, во всѣхъ отношеніяхъ.

§ 4. Частныя повинности крестьянъ.

Если гдѣ, то, конечно, въ Польшѣ и Литвѣ земледѣліе служитъ основаніемъ народнаго богатства; въ этихъ земляхъ ни торговля, ни мануфактура, ни удобство управленія, ни государственная казна—безъ изобилія земныхъ плодовъ, не въ состояніи удовлетворить всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ потребностей страны.

Иныя страны пріобрѣтаютъ богатство или перевозкой товаровъ, или отъ обмѣна ихъ, или отъ морскаго лова, или отъ серебряныхъ и золотыхъ рудниковъ, или отъ обширныхъ колоній въ другихъ частяхъ свѣта, или, наконецъ, путемъ дикихъ набѣговъ и добычею отъ побѣжденныхъ. Нашъ край, не имѣя ничего этого, можетъ привлекать въ себя и металлы, и украшенія только хлѣбомъ и земледѣліемъ,—этою, говоря по справедливости, наилучшею и самою важною добычею.

Мы не должны жаловаться на пески и безплодную почву. Есть у насъ разныхъ родовъ суглинистыя почвы, красныя, сѣрыя, голубовато-сѣрыя, синеватосѣрыя; есть супески стальные, пепельные, бѣловатые, образовавшіеся отъ рѣчнаго ила и наносу; есть глины бѣлыя и красныя; есть черноземы, кажущіеся сѣрыми, если ихъ сжать, и во время жары—словно потянутые сверху селитрою; есть скалистые, мѣловые, гипсовые; есть и пески желтые, бѣлые, красные, хрящи и сыпучіе; есть почвы каменистыя, скалистыя, обильныя кварцемъ; есть известковыя съ разными примѣсями; есть за-

тянутыя пескомъ поля съ рудою, сѣроватыя, высохшія въ порошокъ отъ солнечнаго жара; есть глины, твердыя на солнечномъ припёкѣ и мягкія въ ненастье; есть и холодная глина, насыщенная влажностью и водой.

Качества почвъ подробно опредѣлены даже свидѣтельствомъ депутатовъ всѣхъ воеводствъ и повѣтовъ на сеймѣ 1773 и 1775 годовъ. Въ Коронѣ почвою наилучшаго качества отличаются воеводства: Краковское, Познанское, Судомірское, Калишское, Велюнская земля, Острешовскій повѣтъ и половина Сѣрадзскаго, въ поляхъ; хорошаго качества почву имѣютъ воеводства: Иновлоцлавское, Волынское съ Владимірскимъ и Кременецкимъ повѣтами, отъ Буга до Кременца, Подольское, Люблинское, Плоцкое, Подлясское, земли Дрогичинская и Бѣльская, воеводства Гнѣзненское, Русское: Посредственнаго достоинства земля—въ повѣтахъ Лелёвскомъ, Хэнцинскомъ, Опочинскомъ, Конинскомъ, въ лѣсной половинѣ Сѣрадзскаго, въ Шадовскомъ, Пётрковскомъ, Радомскомъ, въ воеводствѣ Лэнчицкомъ и Бресто-Куявскомъ, Кіевскомъ, въ Добрынской землѣ и остальной части Русскаго воеводства, т. е. въ землѣ Холмской, Красноставскомъ повѣтѣ, также въ остальной части Волынскаго воеводства, на Волынскомъ Полѣсьѣ, въ Луковскомъ повѣтѣ, въ Завскрынской землѣ, Скрынскомъ повѣтѣ, Млавскомъ, Недзборскомъ, Серпскомъ, въ воеводствѣ Мазовецкомъ, въ Мельницкой землѣ, въ повѣтахъ Брянскомъ, Тыкотинскомъ, Суражскомъ, въ воеводствахъ Равскомъ, Брацлавскомъ, въ повѣтѣ Гнѣзненскомъ со стороны Конина.

Въ великомъ княжествѣ Литовскомъ наилучшимъ качествомъ почвы отличаются княжество Жмудское и Курляндія; хорошаго достоинства земля—въ повѣтахъ Ковенскомъ и Браславскомъ; нѣсколько похуже—въ воеводствахъ Брестскомъ, Виленскомъ, Трокскомъ, въ повѣтахъ Ошмянскомъ, Лидскомъ, Оршанскомъ, Гродненскомъ, въ воеводствѣ Минскомъ, въ Волковыскомъ повѣтѣ, въ воеводствѣ Новогрудскомъ; посредственную почву имѣютъ воеводство Полоцкое, повѣты Рѣчицкій, Мозырскій и половина Пинскаго. Отсюда надо сдѣлать слѣдующія исключенія: половина Вилкомірскаго повѣта отъ Вилкоміра до Вильны имѣетъ почву посредственную, равно какъ и часть Браславскаго повѣта отъ Полоцкихъ границъ къ Видзамъ на нѣсколько миль въ длину, а въ ширину—по рѣкѣ Диснѣ до города Дисны; часть Виленскаго воеводства отъ Утянъ до Лынпинянъ отличается почвою хорошаго достоинства; а въ краѣ Запущанскомъ въ Трокскомъ воеводствѣ, отъ Онишекъ, Ухіи, Крагополя, на протяженіи всей Олитской экономіи, до самой Русской границы въ направленіи къ Вистинцу, а съ другой стороны по границѣ староства Бинскаго съ Волковыскомъ до Сурвинтишекъ Прусскихъ — почва наилучшаго качества [1]); въ направленіи къ

---

[1]) Изъ наблюденій ксендза Карповича, доктора богословія, Смоленскаго архидіакона, профессора богословія и священнаго писанія въ Виленской академіи, который на послѣднемъ юбилеѣ произносилъ проповѣди противъ

Живинтамъ идетъ клинъ посредственнаго достоинства; такого же достоинства почва въ Ошмянскомъ около Евья и Трабъ. Нѣсколько нисшаго качества—Новогрудское Полѣсье къ Пинской границѣ и за Медвѣдицами (Niedźwiedzicami) къ Щарѣ, а также Брестское Полѣсье со стороны Волыни.

2. Если на всѣхъ этихъ земляхъ считается восемь милліоновъ пятьсотъ тысячъ жителей, то, отбросивъ изъ этого количества, по крайней мѣрѣ, два милліона духовенства, шляхты, городскаго населенія, Евреевъ, Татаръ и т. д., слугъ, бродягъ, останется настоящаго работящаго люда лишь 6,500,000; все остальное населеніе относится къ категоріи потребителей, ничего непроизводящихъ.

Какъ подѣлены земли между этими шестью милліонами? Всѣ поля дѣлятся на дворныя (панскія усадьбы) и крестьянскія. Дворныхъ не можетъ быть болѣе седьмой части, остальное принадлежитъ крестьянамъ.

3. Въ Коронѣ есть кметы, огородники (zagrodniki), халупники, коморники, остались также, по старому обычаю, особенно въ духовныхъ и королевскихъ имѣніяхъ, чиншевники. Кметы, подобно тому, какъ въ Судомірскомъ и Краковскомъ воеводствахъ, держатъ ланы, которые, по древнему размѣру, содержатъ три поля, каждое въ четыре стадіи, а стадія длиною въ 150 футовъ, коихъ три равняется двумъ Краковскимъ локтямъ, а шириною—въ 24 загона, въ 4 локтя каждый; такимъ образомъ, всѣ три поля вмѣстѣ составятъ 28,800 квадратныхъ локтей, между тѣмъ какъ Хелминская уволока содержитъ тѣхъ же локтей 51,901, а Мазовецкая, по конституціи 1576 года, въ 30 морговъ, имѣетъ 50,625 локтей. Слѣдовательно, кметскій ланъ составитъ нѣсколько болѣе полуволоки; а на Литовскую мѣру (такъ какъ Литовскій локоть на $^1/_{11}$ болѣе) сказанный ланъ составитъ пол-уволоки.

Огородники въ разныхъ мѣстахъ бываютъ разные: четверодневные, тридневные, дву-и однодневные и полдневные; сообразно съ этимъ, они имѣютъ въ пользованіи опредѣленное, извѣстное число загоновъ, или питаются отъ одного лишь огорода. Халупники сидятъ въ халупахъ, нерѣдко безъ огорода, питаясь заработками. Коморники служатъ у кметовъ помощниками. Въ Краковскомъ воеводствѣ за Вислою и въ Русскихъ земляхъ кметы имѣютъ въ пользованіи по уволокѣ, часто нѣсколько большей, чѣмъ Литовская. Въ Великой Польшѣ, къ Прусской границѣ, ланы равняются Хелминской уволокѣ, а ближе къ Краковской границѣ они уменьшаются въ разныхъ размѣрахъ. Огородники также имѣютъ участки съ пропорціональнымъ количествомъ загоновъ, мѣстами по 300.

Въ Литвѣ есть тяглые крестьяне, отбывающіе панщину, есть и

угнетенія крестьянъ, отличающіяся какъ слогомъ, такъ и пониманіемъ священнаго писанія и натуральнаго права.

«Kazania i inne dzieła» Карповича, вмѣстѣ съ его біографіею, издавались въ Варшавѣ, начиная съ 1807 года. Это послѣднее изданіе состоитъ изъ 11-ти томовъ. *Ред.*

чиншевые, бояре, земяне, особенно въ королевскихъ, духовныхъ и панскихъ имѣньяхъ; въ шляхетскихъ же и дробныхъ волостяхъ—наиболѣе тяглыхъ; они, особенно земяне, имѣютъ по уволокѣ и болѣе земли, тяглые же по полууволокѣ, особенно въ лѣсахъ и на пескахъ; но въ лучшихъ пахатныхъ мѣстахъ они неодинаково надѣлены, имѣя пашни въ четверть, въ шестую, а часто и въ восьмую часть уволоки.

Въ Коронѣ и Литвѣ, есть и крестьяне, владѣющіе издавна купленными землями которыя, подъ условіемъ или службы, или чинша, переходятъ по наслѣдству къ роднымъ, даже въ женской линіи и, вслѣдствіе привязанности крестьянъ къ собственности, обыкновенно, никогда не остаются безъ хозяина. Та́къ ведется въ Краковскомъ воеводствѣ въ Болеславскомъ и Желиховскомъ ключахъ и въ королевскихъ имѣніяхъ передъ и за кордономъ, равно и въ Литвѣ, въ имѣніяхъ Виленскаго капитула. Полагаю, что тоже было и въ другихъ мѣстахъ, но время и перевѣсъ силы пановъ изгладили это пріобрѣтеніе земельныхъ участковъ на правѣ эмфитевтическомъ (zakupieństwo), это единственное побужденіе заботиться о своей землѣ.

4. Каковы постройки и жилища этихъ крестьянъ? Въ Коронѣ всѣ—панскія. Панъ долженъ дать лѣса на брусья (przyciesi), на столбы, на стропила (płatwy), на колья, а крестьянинъ, при помощи панщины, облѣпитъ глиною; а гдѣ есть лѣса, тамъ панъ долженъ дать и дрова, построить избёнку (chałupę) и гумно, крестьянину остается только сколотигь кое-какую клѣтушку для скота (dla obory [1]) swoiey). Однако, чиншевые хозяева (czynszowi gospodarze) обыкновенно сами строятся, съ разрѣшенія пана и изъ его лѣса, удобнѣе и опрятнѣе.

Въ Литвѣ паны строятъ хаты для тяглыхъ крестьянъ при помощи панщины, или должны на нѣкоторое время освобождать крестьянина отъ его службъ, для занятія постройкою.

Въ Коронѣ ведется обыкновеніе ставить халупы съ трубами, въ Литвѣ онѣ курныя (okopciałe, закоптѣлыя. отъ дыма), и почти вездѣ тѣсныя, словно тюрьмы, съ хлѣвами въ углу, такъ-что въ одной избѣ (izbie) вмѣстѣ съ хозяиномъ, особенно зимой, помѣщаются овцы, телята и птицы. Но отсюда, все-таки, надо выключить чиншевыхъ, бояръ, земянъ, которые живутъ съ бо́льшими удобствами.

5. На сколько удобно эти крестьяне одѣваются? Въ Коронѣ—въ сукману (sukmanę, сермяга, зипунъ) и кожухъ (kożuch, тулупъ), нерѣдко изодранные, а дѣти во многихъ мѣстахъ, за неимѣніемъ рубахъ, бѣгаютъ нагишомъ, пока не будутъ въ состояніи сами для себя заработать; однако, крестьянскія ноги защищены кожаными сапогами или ходаками (chodaki, сапоги и лапти).

---

[1]) Obora значитъ собственно—хлѣвъ, скотный дворъ; но имѣетъ и другое, переносное значеніе—рогатый скотъ, животина. *Ред.*

Въ Литвѣ весь костюмъ состоитъ изъ сермяги (siermięga) и кожуха, а не рѣдко—изъ одного рубища. Лапти (łapcie) и апостолы (apostoły) лишая лозы лучшихъ жизненныхъ элементовъ, служатъ причиною частыхъ болѣзней крестьянъ, недостаточно защищая ноги отъ промоченія. Впрочемъ, на Жмуди одѣваются иногда приличнѣе, чѣмъ въ Коронѣ, особенно чиншевые, наряжаясь нерѣдко въ жупаны и контуши; на Руси также крестьяне имѣютъ опрятные жупаны или сермяги.

6. **Какими же средствами располагаютъ крестьяне въ своихъ скотныхъ дворахъ для обработки всѣхъ своихъ пашенъ и для унавоженія не менѣе семи частей страны?**

Въ Коронѣ мѣстами пашутъ рядовыя (rzedzinne) почвы шестеркою воловъ, мѣстами — четверкою и парою; при этомъ, паны должны дать всю запряжку. Правда, они ее называютъ вѣчною, а все-таки бываетъ необходимо или замѣнять старыхъ воловъ новыми изъ своего скотнаго двора, или, въ случаѣ падежа ихъ у крестьянина, давать ему новыхъ; при томъ прикупить гдѣ четыре, а гдѣ двѣ лошади, по обычаю, и если кметъ не промотаетъ старыхъ, поставлять ему новыхъ.

Въ Литвѣ пашутъ сохою (socha) въ два вола, на Руси—одною лошадью, и крестьянинъ старается имѣть, по крайней мѣрѣ, такую запряжку собственную; но если онъ не въ состояніи, панъ, нуждаясь въ его трудѣ, долженъ дать, чего ему не хватаетъ, и во всякомъ случаѣ паны должны имѣть надзоръ за тѣмъ, чтобы крестьяне имѣли запряжку и были въ состояніи ее содержать. У чиншевыхъ упряжный скотъ всегда свой и пользуется лучшимъ уходомъ.

Въ Коронѣ считается уже богатою та халупа, которая, сверхъ панской запряжки, имѣетъ собственный одинъ-другой плугъ и хотя бы упряжи на половину для фурналки (furnalka) [1]. Въ Литвѣ хата считается состоятельною, если въ ней двѣ пары воловъ, три коровы, телятъ штукъ пять, овецъ съ двадцать, свиней хоть три. Но это рѣдко случается. Много есть крестьянъ съ однимъ воломъ и теленкомъ, полученнымъ отъ ухода (z przechowu) за панскимъ скотомъ.

Стараясь предотвратить истощеніе почвы и обѣднѣніе крестьянъ, а еще болѣе—расходы на пособія, паны даютъ крестьянамъ на уходъ (na przechów) своихъ коровъ до третьяго теленка. Но это дѣлаютъ благодѣтели, сами завѣдывающіе хозяйствомъ въ своихъ имѣніяхъ. Ни экономъ, ни заимодавецъ (zastawnik), ни арендаторъ (dzierżawca) не догадаются сдѣлать подобное.

Въ горахъ (w gorach, горы, рудокопни) былъ старосвѣтскій обычай давать крестьянамъ, для вѣчнаго содержанія и ухода, овецъ, подъ условіемъ извѣстной платы или подати шерстью (wełną, волною). Не мѣшаетъ напомнить здѣсь о томъ вредѣ для

---

[1]) Furnalka, fornalka — четвероконная деревенская фурманка. *Ред.*

экономическаго благосостоянія страны, который причиняютъ арендаторы скотныхъ дворовъ, дворники; они болѣе хлопочутъ о прибыляхъ отъ молока, чѣмъ о приплодѣ отъ скота, а особенно Жиды, дорого платящіе за кошеръ.

7. Какія земледѣльческія орудія? Въ Коронѣ— плуги, косули (radła, рала), желѣзныя бороны, телѣги окованныя или неокованныя — все панское, а часто и самую починку приходится производить на ихъ средства.

Въ Литвѣ крестьянинъ самъ пріобрѣтаетъ себѣ сóхи, лемехи, косы, серпы, но часто при этомъ входитъ въ долги панамъ, или Жиду, или сосѣду-ростовщику.

8. Какія повинности и службы связаны съ пользованіемъ земельными участками? Въ Коронѣ кметы за полууволоку лучшей земли служатъ по 4, 5 и 6 дней съ шестёркою воловъ или съ четвёркою лошадей, а при возкѣ навоза это количество упряжнаго скота раздѣляется на двѣ телѣги; держатъ работниковъ (komornice—наемники, жильцы, квартиранты), которые втеченіе всей жатвы содержатся на панскій счетъ, получая отъ «двора» небольшое количество хлѣба, сыра, масла; платятъ чинши (czyńszyki—мелкая инвентарная повинность), даютъ извѣстную часть отъ полотенъ (холста), яйца, куръ, отправляютъ работы сверхъ-положеннаго, изъ-за чести (powaby poczostkowe) [2]), обратившіяся въ повинность, по шести и восьми разъ въ годъ. Огородники— пѣшіе отработываютъ свои дни, тамъ, гдѣ имъ укажутъ. Въ счетъ панщины и службы за запряжку, занимаются возкою продуктовъ къ морскимъ портамъ (до fryoru) и на базары, а также возкою изъ лѣса, перевозкою изъ однаго фольварка въ другій.

Въ Литвѣ также различно отбываютъ повинности, служа по 6, 5, 4 и 3 дня съ панскою запряжкой; на половину обязательныя пóмочи (gwałty) тоже различны продолжаясь 12, 8 и 6 дней сообразно съ панщиною; есть и дани (daniny) по мѣстамъ—хмѣля, грибовъ, орѣховъ; есть зерновыя ссыпки по осьминѣ, дякла съ хлѣбовъ и сѣна; въ лѣсныхъ мѣстностяхъ даютъ извѣстную часть и съ охоты,—медвѣдей, лосей, рысей, волковъ, соболей, куницъ, кабановъ, бобровъ, выдръ.—на разныхъ условіяхъ: или прямо отдавая половину, или выплачивая извѣстную сумму. Что касается медовой дани, то мѣстами даютъ половину, мѣстами—цѣлая волость сообща приноситъ чашами (miednicami) [3]) даже и отъ домашнихъ (chatnych) пчелъ. Индѣ платятъ полѣсовое (polesne) и лыковое (łykowe); индѣ даютъ ленъ, пеньку, ссыпы льняные и конопляные. И эти дани различны, примѣнительно къ мѣстностямъ, смотря по тому, гдѣ что есть въ

[2]) Словарь Оргельбранда объясняетъ, что такія работы назывались powabami и oprawami. См. у Мацѣевскаго, 174, 122, 124, 154. *Ред.*

[3]) По свидѣтельству Чацкаго, miednica или czasza была въ Литвѣ мѣрою сотоваго (przaśnego, прѣснаго, сырца) мёда, заключавшею въ себѣ 12 простыхъ или 6 печатныхъ (cechowych) гарнцевъ. Уже въ Литовскомъ Статутѣ видна заботе, чтобы miednice, а также и kwarty, были во всемъ государствѣ одной мѣры. *Ред.*

изобиліи и какъ заведено прежними панами. Есть и помочи (szarwarki) для исправленія дорогъ, для постройки избъ, для устройства мельничныхъ плотинъ. Есть и даровщины (daremnice),[1] для удовлетворенія надобностей панскихъ усадьбъ. Обязанность сторожевая—дневная, ночная и недѣльная—также исполняется крестьянами, а жены ихъ (strożówki) втеченіе сторожевой недѣли опредѣляются къ разнымъ работамъ. Паны повыдумывали еще толоки (tłoki), повабы (powaby), принудительный наёмъ для хлѣбной жатвы, притомъ почти вездѣ крестьяне платятъ за право пастьбы, между тѣмъ какъ въ старину владѣльцы снабжали сёла пастьбищами, какъ можно видѣть изъ древнихъ привилегій.

9. **И вотъ среди исполненія этихъ повинностей панскихъ и среди хлопотъ около собственнаго дома наступаютъ полевыя работы.** Весною возка къ пристанямъ (do fryorów), часто поспѣшныя нагрузки, выборъ крестьянъ, не безъ слезъ матерей и женъ, для службы на судахъ. приготовленіе кольевъ и хвороста для городьбы, приведеніе въ порядокъ земледѣльческихъ орудій; затѣмъ слѣдуетъ пахать поднятую (zpokładana) пашню подъ яровое, вздвоить (radlenie), заборонить (zawlekanie) сперва на панскихъ поляхъ, и подъ присмотромъ экономовъ — глубже, рыхлѣе, въ свое время и съ тройною перепашкой, а на своей нивѣ—урывками, измученнымъ уже скотомъ, особенно, когда и на работу выгоняютъ рано и держатъ на ней до поздней поры. Тоже и въ посѣвахъ: панъ сѣетъ чистое и отборное зерно; крестьянинъ, нерѣдко не имѣя хлѣба на весну, одолжаетъ у ростовщика, у Жида, или у эконома съ обязательствомъ отдачи изъ новаго хлѣба въ полтора раза или съ прибавкою, часто подъ условіемъ извѣстнаго количества работы, или продажи по уменьшенной цѣнѣ воза сѣна, при чемъ еще приходится брать зерно плохое, ненадежное ко всходу, смѣшанное съ мякиною, вялое,—особенно у Жидовъ.

Послѣ посѣвовъ, въ Коронѣ, нѣсколько времени занимаются копаніемъ канавъ, въ Литвѣ—городьбою и приготовленіемъ огородовъ, расчисткою луговъ въ заросляхъ; а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—панскіе огороды и сады, фиговыя насажденія, оранжереи—поглощаютъ все рабочее время. Затѣмъ наступаетъ косьба и подъемъ (spokładanie) пашни подъ озимь. Панъ выбираетъ для себя дни ведряные, а ненастные оставляетъ крестьянамъ, а надсмотрщики (dozorcy) своимъ выборомъ дней часто портятъ все время; для крестьянъ косьба соединяется съ жатвою на такихъ же условіяхъ. Торопясь съ уборкою своихъ хлѣбовъ, часто при помощи принудительнаго найма, панъ препятствуетъ крестьянину въ своевременной и надлежащей уборкѣ. Отъ повабъ и толокъ крестьянскіе домы крестьянъ стоятъ пусты, и хозяйство въ самую горячую пору остается безъ призора. Тоже слѣдуетъ сказать объ ози-

[1]) Daremnica, daremszczyzna—одинъ изъ видовъ панщины. Мацѣёвскій, въ нѣсколькихъ мѣстахъ (243, 262, 376), говоритъ объ этомъ видѣ, который называется также весьма выразительно—darmocha. *Ред.*

мыхъ посѣвахъ: обязанный панщиною, крестьянинъ всегда опоздываетъ и не успѣваетъ заборонить свои посѣвы до морозовъ. Зимняя молотьба, просѣванiе (arfowanie), вѣянье держатъ поселянина въ панскомъ дворѣ, такъ-что для себя на хлѣбъ ему приходится молотить ночью. Многолюдность въ халупахъ, многосемейность крестьянскихъ дворовъ предохраняютъ ихъ отъ этихъ потерь и непосильныхъ трудовъ; но вѣдь не всѣ домы семьянистые. Между тѣмъ изъ многочисленныхъ семей панъ выбираетъ для себя лакея, кучера (stangreta) повара, поварёнка (kuchcika), батрака-погонщика (fornala), пастуха, гардеробныхъ паней, горничныхъ (dzewki), экономовыхъ мамокъ (ekonomowa mamki), нянекъ.

10. Такимъ образомъ увѣковѣчивается нужда и страда крестьянъ; они вынуждены вести жизнь хуже домашняго скота; хлѣбъ ихъ на половину съ мякиной, кушанья почти всегда постныя, нѣтъ скота, нѣтъ и молочныхъ продуктовъ; нѣтъ навоза, нѣтъ и обильныхъ урожаевъ; нечѣмъ откормить борова, куръ, и яйца онъ долженъ отдавать на панскiй дворъ, а самъ, при постоянномъ трудѣ, долженъ пробиваться голодомъ и мякиной. Впрочемъ, въ Коронѣ, на Жмуди и на Руси крестьяне питаются лучше.

11. Посмотримъ еще на домашнiе расходы крестьянина. Въ Коронѣ кметъ, если онъ не многосемейный, долженъ содержать паробка, фурманщика (fornala) и кое-гдѣ погонщика (poganiacža), дѣвку, пастуха и кутника, долженъ платить пьяницѣ-кузнецу за починку плуга или сохи, отточиванiе косъ и серповъ, при чемъ, сверхъ обычной кружки вина, часто приходится разсчитываться, за неимѣнiемъ денегъ, хлѣбомъ. Они вынуждены подъ опасенiемъ поджога, снабжать пищею, отнятою отъ собственнаго рта, бродягъ, шатающихся по краю, должны принять, а часто снабдить, чѣмъ надо, и каждаго путника. Присоединимъ сюда случайные расходы земледѣльца. Есть у него жалоба—онъ долженъ нести поклоны (pokłony) коммиссарамъ, управляющимъ, экономамъ, часто дѣлая для этого долги. Случатся похороны или сватьба — онъ долженъ платить ксендзу и костельной прислугѣ, а пану давать подати; а отъ него вытягиваютъ еще на коляду и на волочебное! Все это заставляетъ его должать Жидамъ, которые всегда болѣе начтутъ, чѣмъ дадутъ. Проходятъ солдаты,— крестьяне несутъ тяжкое бремя. Перемѣняется панъ, вслѣдствiе ли смерти, или продажи, или аренды, или заклада, или раздѣла,— они опять подвергаются новымъ измѣненiямъ въ повинностяхъ, въ службахъ, въ посылкахъ, новымъ вымогательствамъ, сильно тревожащимъ крестьянъ. Особенно это тяжело имъ при недавно изобрѣтенномъ на гибель страны способѣ торговли имѣнiями, по которому одно и тоже имѣнiе въ одномъ и томъ же году послѣдовательно и покупается, и продается, и закладывается, и отдается въ аренду: развѣ не даетъ это повода грабить крестьянина кто ка́къ можетъ?

12. Присоединимъ къ этому коммиссаровъ, управителей, нерѣдко по винѣ пановъ, сильно притѣсняющихъ, которые тогда

довольны своею службою, когда получаютъ больше доходовъ, не разбирая ихъ источниковъ; а этими источниками обыкновенно служитъ угнетеніе,—или отнятіе у сёлъ ихъ пастбищъ, или обмѣнъ унавоженныхъ пашенъ на неунавоженныя, или стѣсненіе свободы въ продажѣ, или изобрѣтеніе новыхъ налоговъ. А арендаторы или державцы (dzierżawcy), платя деньги владѣльцу, развѣ не дѣлаютъ всевозможныхъ усилій не только возвратить ихъ съ процентами, и имѣть для себя, часто при многочисленномъ семействѣ, богатое содержаніе, да еще нажить барыши? и на жалобы крестьянъ, противъ новыхъ тягостей развѣ не отвѣчаютъ они: «я, молъ, отдалъ деньги и долженъ ихъ возвратить»? Нерѣдко они пускаются на пагубный для владѣльческаго хозяйства промыселъ выговаривая себѣ у владѣльца право на подводы, на вывозъ лѣса, на кирпичныя (strycharske) работы и иныя. А заимодавцы развѣ заботятся объ охраненіи интересовъ поселянъ, а не пренебрегаютъ ими?

13. Присоединимъ къ этому еще тѣхъ безчеловѣчныхъ спекулянтовъ, какіе недавно у насъ завелись, которые, оставляя крестьянина крайне нуждаться даже въ плохой пищѣ, всѣхъ обращаютъ въ батраковъ, и засѣвая ихъ земли гуртомъ въ пользу двора, кормятъ ихъ, какъ скотину, въ корытахъ, притомъ въ часы, назначенные ихъ тиранскою волею.

14. Присоединимъ еще сюда насильное принужденіе крестьянъ пріобрѣтать залежалые плохіе дворскіе товары, напитки, селедки, косы, лемехи, къ чему прибѣгаютъ паны, чтобы сдѣлать прибыльнѣе для себя отдачу въ аренду корчемъ.

15. Присоединимъ еще запретъ продавать ту малость, какую можетъ продать хлопъ, въ другомъ мѣстѣ, а не своимъ Жидамъ, своему арендатору, который, будучи обезпеченъ контрактомъ, конечно, съумѣетъ и надуть хлопа, и взять съ него лишнее, особенно задобривъ подаркомъ эконома или державцу. Что же сказать объ обязательствѣ уплаты чиншовъ товарами, льномъ, сѣменемъ, мёдомъ, на дворную мѣру и дворные вѣсы, которые, въ рукахъ экономовъ, писарей, офиціантовъ, все увеличиваются и наростаютъ?!

16. Присоединимъ еще легкость, съ какою Жиды получаютъ отъ двора согласіе на экзекуцію съ хлоповъ. Жидъ, объѣзжая по осени хозяевъ, сначала какъ-бы съ бутылью горѣлки, кромѣ того, что выманиваетъ у нихъ первые обмолоты, — все зарубаетъ на биркѣ, что только есть у хозяина на гумнѣ, на скотномъ дворѣ, сколько у него мёда, льна, пеньки, приплода, затѣмъ, нашептывая пану или эконому, что они могутъ скупить все это за безцѣнокъ отъ своихъ крестьянъ, могутъ взять за ростовщическія пособія,— развѣ не разоряетъ онъ крестьянъ?

17. Присоединимъ еще право присѣва на поляхъ хлоповъ, выманиваемое то Жидами, то экономами, а иногда и грабителями-арендаторами.

Не правда ли, что цѣлый адъ жадности и грабительства, плу-

товства и мошенничества, насилія и принужденія стакнулся на гибель крестьянина?

18. Но взглянемъ еще на положеніе ихъ относительно городовъ. Правда, что сосѣдство городовъ и мѣстечекъ придаетъ крестьянамъ болѣе старанья извлекать пользу изъ скота, изъ земныхъ плодовъ,—но это—только при значительности городовъ, при существованіи въ нихъ купцовъ, но не при Жидовскомъ населеніи. И-то, только тамъ крестьяне пользуются лучшимъ благосостояніемъ, гдѣ Жиды не служатъ факторами при панскихъ дворахъ, какъ подлѣ Варшавы, Риги, Кролевца, Клайпеды, Вильны, Гданска, Торуня и т. д. Но всегда приходится крестьянину сожалѣть о безвыгодности продажи тамъ, гдѣ города—частью, а мѣстечки—цѣликомъ заселены Жидами, которые, относительно молочныхъ продуктовъ, соблюдаютъ кошеръ, а въ торговомъ отношеніи—стараются пріучить къ пьянству жадное къ напиткамъ простонародье. Жиды обыкновенно болѣе платятъ водкою и дачею въ заемъ, чѣмъ деньгами, тѣмъ болѣе, что, употчивавъ хлопа, они имѣютъ возможность дать ему меньшую цѣну и часто заставляютъ совсѣмъ забыть объ ней во хмѣлю. Присоединимъ къ этому еще обманъ въ деньгахъ, такъ какъ хорошія деньги Евреи промѣниваютъ за границу, а оттуда получаютъ дурныя, и благодаря этому, при всѣхъ уплатахъ крестьянинъ терпитъ убытокъ еще на курсѣ (redukcyi) монеты.

Вотъ—положеніе и повинности крестьянъ!

Отдѣлъ III.

Уставы и конституціи о неприкосновенности чести, здоровья, имущества и жизни крестьянъ.

1. Уставы Польскаго государства забыли оградить честь бѣднаго пахаря, если только Нѣшавскій уставъ Казиміра IV (1454)—объ оскорбленіяхъ—не понимать въ общемъ смыслѣ. Напротивъ, оскорбленія отъ нищихъ, неразвитыхъ (nieumiejętnych) людей Литовскій статутъ велитъ ставить ни во что. Однако, Прусскіе уставы, изданные курфирстомъ Бранденбургскимъ Іоахимомъ, велятъ искать за оскорбленія и на простыхъ людяхъ и наказывать ихъ, по приговору судей денежною пеней, заключеніемъ или изгнаніемъ, воспрещаютъ попрекать естественными недостатками, дѣлать угрозы, бить кулакомъ или палкой, рвать волосы, несправедливо требовать отдачи долга, сгонять крестьянина съ пастбища, бросать на домъ грязью, преслѣдовать тѣлодвиженіемъ или кривляньемъ (отд. 6, арт. 1 и 2).

2. Относительно поддержанія здоровья. Для городовъ есть уставы 1523 года о докторахъ и аптекахъ; но что касается селъ, то только при добромъ Станиславѣ-Августѣ конституція 1763 года хотѣла помочь этому дѣлу медицинскою академіей и воеводскими

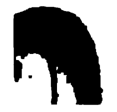
госпиталями, а эдукаціонная коммиссія дѣлаетъ похвальныя усилія распространить науку о сохраненіи здоровья. До тѣхъ поръ здоровье поселянъ было предоставлено суевѣрію бабъ, мошенничеству Жидовъ, цирюльниковъ, надувательству бродягъ и отравѣ продаваемыхъ Жидами напитковъ.

3. Что касается ранъ и побоевъ поселянъ, то Казиміръ Великій, желая оградить этихъ послѣднихъ, постановилъ въ 1347 году, что за побои и раны кмета — двѣ части пени платятся пану, а одна самому обиженному, и что шляхтичъ за нанесеніе удара кмету подлежитъ штрафу въ гривну [1]). Въ 1576 году подтверждены и Мазовецкіе обычаи: если кто въ остервененіи отсѣчетъ кмету палецъ или какой либо членъ, долженъ заплатить вдвое (sowito) 10 гривенъ; а Краковская конституція 1588 года — изувѣченіе руки, ноги, ослѣпленіе или отнятіе носа оцѣниваетъ въ полголовы. Литовскій Статутъ ограждаетъ даже отъ укушенія собаки или вредной скотины (отд. 3). Но онъ уже дозволяетъ пану искать за увѣчье крестьянина, не воспрещая, впрочемъ, и роднымъ. Прусское право назначаетъ плату даже за увѣчье крестьянскаго скота.

4. Относительно жизни. Уставъ Яна-Альбрехта 1496 года предписываетъ пеню даже за случайное убійство, равно и конституція 1588 года, Литовскій статутъ—даже за убійство при защитѣ (отд. 11), а артикулъ 20-й предписываетъ шляхтичу очиститься присягою.

Что касается намѣреннаго убійства, то уставъ Казиміра Великаго (1347) назначаетъ убійцѣ кмета пеню въ 6 гривенъ его женѣ, и въ 4 пану [2]). Напрасно иностранцы смѣялись надъ этимъ, потому что это было и во Франціи, какъ видно изъ тит. 43, 44, 45 ихъ законовъ 1356 года. Уставъ Казиміра IV (1454) велитъ судить убійство кмета въ королевскихъ городахъ по Польскому праву. Уставъ Яна-Альбрехта воспрещаетъ мировыя сдѣлки въ уголовщинѣ. Конституція 1543 года предписывала воеводамъ и каштелянамъ дѣлать разслѣдованіе объ убійствѣ, а въ 1532 году уничтожена давность (preskrурсуа) за убійство, и Литовскій статутъ предписываетъ на этотъ случай собрать сходку изъ селъ на двѣ мили кругомъ отъ того мѣста, гдѣ окажется убитый. Конституція 1576 года предупреждаетъ убійство хлопа при нападеніи на домъ. Въ 1581 году постановлено, что шляхтичъ за убійство своего крестьянина платитъ 30 гривенъ; а простой человѣкъ—за простаго подлежитъ смертной казни. Постановленіе 1588 года велитъ карать смертью шляхтича, который убьетъ или изобьетъ своего крестьянина, и предписываетъ панамъ быть истцами (обвинителями). Тоже и въ Литовскомъ Статутѣ (отд. IV). Въ 1631 году пеня за уголовщину простаго человѣка увеличена до ста гривенъ, а также и въ 1638 году. Въ 1726 году постановлено для Короны и Литвы, что каждый можетъ быть обвинителемъ въ случаѣ смерто-

[1]) 216 нынѣшнихъ злотыхъ. [2]) «Volum.» I, fol. 253.

убійства; воспрещены мировыя сдѣлки въ уголовщинѣ, подъ страхомъ заключенія на годъ и шесть недѣль; присутственнымъ мѣстамъ предписано брать виновныхъ въ уголовщинѣ по доносу и безъ доноса, передъ осужденіемъ и послѣ осужденія, а въ 1768—воспрещено панамъ осуждать крѣпостнаго на смертную казнь.

5. Относительно имущества. По общему закону, всѣ уставы и конституціи слѣдуетъ понимать въ благопріятномъ для обвиняемаго смыслѣ, если въ нихъ нѣтъ прямаго указанія. А потому уставы—ничего не отнимать у кого либо безъ пра́ва, сыновья свободно наслѣдуютъ родителямъ и роднымъ, каждый можетъ пользоваться средствами заработывать по своей волѣ—имѣютъ наченіе не только для шляхты, но и для крестьянъ. Уставъ 134з7 года ясно говоритъ, что наслѣдство по кметахъ принадлежитъ близкимъ родственникамъ, а не панамъ, даже опредѣляетъ, что̀ слѣдуетъ дать на костелъ: чашу въ полторы гривны. Конституція 1573 года подвергаетъ пана за ограбленіе крестьянина гродскому суду. Конституціи о безнаслѣдныхъ имуществахъ (o kadukach) относятся не только къ панамъ, а ко всѣмъ; и хотя кадуки послѣ крестьянъ уступаются ихъ панамъ, но съ прибавкою: «salvo jure proximiorum». Правда, что конституція 1668 года постановляетъ, что не самъ крестьянинъ, но его панъ ищетъ за его обиды, равно какъ и въ случаѣ обидъ отъ крестьянина, противъ него ищетъ панъ же, подвергая его аресту. Однако, позднѣйшія конституціи и Литовскій Статутъ во всемъ подчиняютъ крестьянъ суду и юрисдикціи пановъ. Постановленіе 1511 года дозволяетъ крестьянамъ отказывать духовнымъ завѣщаніемъ третью часть въ пользу костёла, а двѣ части наслѣдникамъ.

Но такъ какъ судебныя мѣста недоступны крестьянамъ по своей отдаленности, и владѣльцы имѣній, извлекая выгоды изъ пожалованныхъ имъ земель и службъ, возложили на крестьянъ, по своей волѣ, разныя повинности, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, они по праву стали для нихъ судьями и, вмѣсто охраны, которую должны были оказывать имъ, какъ ихъ начальники, присвоили себѣ безъ всякаго пра́ва власть надъ ихъ здоровьемъ, а часто и жизнью, и полную неограниченность — надъ ихъ имуществомъ. Приведенные уставы остались безъ исполненія относительно самихъ владѣльцевъ, или оказывали изрѣдка свое дѣйствіе лишь относительно посторонней шляхты. А нерѣдко не только шляхтичъ, но и Жидъ, опираясь на протекцію пана, помыкалъ здоровьемъ и жизнью бѣднаго крестьянина. Конечно, надо сдѣлать исключеніе для добрыхъ пановъ. Неужто это крестьянское сословіе, единственный, въ строгомъ смыслѣ, производитель въ странѣ, не достойно во всѣхъ отношеніяхъ облегченія? Къ рѣчи объ этомъ послѣднемъ мы и перейдемъ, сводя воедино всѣ приведенные факты, чтобы выяснить, въ чемъ должна состоять свобода этого сословія.

———

Отдѣлъ IV.

Выводы изъ предыдущихъ истинъ.

Еслибы владѣльцы имѣній позволили крестьянамъ предстать передъ трономъ и передъ государственными чинами, то, конечно, крестьяне держали бы такую рѣчь:

«Наияснѣйшій король! Свѣтлѣйшій сенатъ и дворянство, государи наши!

«Вашей мудрости и добротѣ, наияснѣйшій государь, и вашей свѣтлости, знаменитые потомки, мы обязаны тѣмъ, что наконецъ-то раздались въ нашу пользу голосы благодѣтельной науки и св. вѣры въ ученомъ сочиненіи «О крестьянахъ» (O poddanych) благодѣтельнаго философа и въ книгѣ доблестнаго учителя академіи, собравшаго мнѣнія старинныхъ писателей, которые издавна скорбѣли о нашемъ убожествѣ.

«Мы предстаемъ предъ вами не съ духомъ мятежа, который возникаетъ изъ безнадежнаго положенія (ибо наше отчаяніе заглушено и рабствомъ, и необразованностью), но съ просьбою о милосердіи къ нашему положенію, ибо сердца наши чувствуютъ ваши добрыя намѣренія въ мысляхъ о насъ.

«Свидѣтельствуемъ нашу благодарность двумъ мудрымъ авторамъ, и да явитъ Господь свое милосердіе надъ третьимъ, нашимъ противникомъ. Вмѣсто того, чтобы, по долгу, выкупать рабовъ и плѣнниковъ, онъ хотѣлъ бы насъ, не военноплѣнныхъ, а осѣдлыхъ земледѣльцевъ, вѣшать, заковавъ въ цѣпи рабства, для чего —какъ мы слышали—извращаетъ смыслъ слова Божія и правительственныхъ уставовъ, усиливаясь кривотолкованіями заставить ихъ служить увѣковѣченію нашего рабства. А отъ нашихъ сельскихъ священниковъ мы научены, что священное писаніе велитъ наблюдать справедливость, не взирая на лица.

«Сердце радуется, когда видимъ, какъ вы, государи наши, свѣтите міру и высокою мудростью, и драгоцѣннѣйшею свободою, и промыслительнымъ руководительствомъ въ дѣлахъ государственныхъ и частныхъ, и саномъ, и достоинствомъ. И мы, униженные, дерзаемъ просить у васъ только о правѣ на человѣколюбивое вниманіе. Мы слышимъ, что вы дѣлаете усилія положить основы для надеждъ будущаго счастія страны, распространяя и науку, и добродѣтели, созидая и человѣка, и христіанина, и гражданина, уничтожая предосудительный частный интересъ и предоставляя всѣмъ судъ и справедливость. И мы нищенски умоляемъ, чтобы нами правили не насиліе, принужденіе и грабительство, а законъ. Вы радѣете о силѣ государства, чтобы всѣмъ обезопасить жизнь и имущество отъ нападенія и грабежа непріятелей,—и мы просимъ не оставлять насъ жертвою насилія Жидовскихъ плутней, безчеловѣчныхъ изувѣченій и убійствъ.

«Вѣдь земледѣліе и хозяйство, эта основа всѣхъ богатствъ и

украшеніе страны,—въ вашемъ управленіи и въ нашихъ рукахъ. Мы обработываемъ ваши полевые сборы, снабжаемъ ваши дворы, правимъ вамъ службу и почетъ, выносимъ тягости казны и войска, наполняемъ ваши полки и свиту, сплавляемъ ваши продукты къ гаванямъ и вывозимъ ваши товары, возрощаемъ ваши лѣса, добываемъ ваши ископаемыя и металлы, служимъ вамъ для украшенія и для излишества,—и мы просимъ васъ только о томъ, чтобы вы благосклонно сообразили все убожество нашей жизни, нашихъ нравовъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ всѣ простекающія отсюда потери для хозяйства цѣлой страны и для вашихъ пользъ, чтобы вы подумали объ облегченіи нашего положенія и, ради блага отечества и вашего собственнаго, дали намъ огражденіе той власти страны, какою гордились наши предки.

«Мы—сословіе, въ рукахъ котораго ежегодно возрождаются и ваши жатвы, и ваши сборы—возносимъ руки съ мольбою о милосердіи. Милліоны землепашцевъ—населеніе, оберегающее основы народнаго богатства—мы ведемъ нищенскую жизнь, перебиваясь полгода мякиною, и полгода голодомъ, живемъ—только въ курныхъ шалашахъ, одѣваемся—только въ рубище, сѣемъ—только зерномъ, занятымъ у ростовщиковъ, пашемъ—только измученнымъ, плохо откормленнымъ скотомъ, собираемъ—только наработавшись вдосталь на панскихъ нивахъ и украдкой на своихъ неунавоженныхъ, истощенныхъ пашняхъ, молотимъ—только для уплаты барышникамъ для грабежа со стороны панскихъ дворовъ и Жидовъ, воспитываемъ дѣтей въ голодѣ и слезахъ, не на помощь себѣ, а на панскую службу, и находимъ утѣшеніе, только отравляясь продаваемыми Жидами напитками.

«Нѣтъ у насъ отечества, ибо нѣтъ собственности, хотя мы безъустали работаемъ; нѣтъ для насъ общества, ибо прерваны съ нами связи благотворительности; нужда не привязываетъ насъ къ нашему очагу; можно ли любить голодъ и угнетеніе, плачъ и стоны? Стѣснены для насъ арендами продажа и купля: если, отрывая что либо ото рта, мы пожелаемъ вымѣнять на грошъ, или для удовлетворенія насущной потребности,—вмѣсто денегъ мы вынуждены получать или горѣлку, или мошенническій разсчетъ. Хозяйничанье вашихъ надсмотрщиковъ (dozorców), коммиссаровъ, экономовъ—разоряетъ насъ отнятіемъ пастбищъ, или захватомъ унавоженныхъ пашенъ, или изнуряющею дорожною повинностью. Безустаннымъ трудомъ мы не въ состояніи добыть себѣ пропитаніе: если знаемъ какое ремесло—работаемъ на панскіе дворы, всего чаще безъ всякаго вознагражденія; если имѣемъ какій приплодъ онъ нашего плохаго скотнаго дворишка—рѣдко онъ идетъ впрокъ: онъ расходится на чинши, подати, «поклоны» (pokłony), лишая землю питательнаго навоза, а упряжный скотъ—подмоги. Этотъ скотъ, плохо откормливаемый, за отдачею сѣна и кормовъ барышникамъ за долги да на «дякла», изнуренный работою на панскомъ полѣ,—можетъ ли онъ работать на насъ, да еще при отсутствіи у насъ свободнаго времени? А потому, хотя мы нерѣдко живали въ обширныхъ лѣсахъ и въ

тѣнистыхъ заросляхъ, однако, находимся вынужденными обрабатывать самые легкіе пески, чтобы полегче было скоту, уставшему отъ дневной работы. Мало собираемъ,—и то отнимаютъ у насъ, въ нуждѣ дожидаемся новаго хлѣба и должаемъ панскимъ дворамъ, арендаторамъ, а часто и барышникамъ. Сверхъ настоящихъ нашихъ повинностей, мы дѣлаемъ имъ приношенія рыбою, съ луговъ желудями, грибами, орѣхами, дровами и хворостомъ; мы теряемъ сначала наполовину, а часто вдвое противъ того, что собираемъ съ нашихъ плохихъ посѣвовъ. Экономъ, арендаторъ (dzierżawca), заимодавецъ (zastawnik) или барышникъ дорого оцѣниваетъ одолженный зимою хлѣбъ, а осенью получаютъ обратно по дешевой, сравнительно съ тою, цѣнѣ и требуютъ еще присыпки.

«Все сговорилось противъ насъ, чтобы не выпускать насъ изъ крайней нужды: мы уплачиваемъ чинши, подымное (podymne) и дымовое (dymowe) сряду послѣ уборки съ поля, и потому сбываемъ жатву за безцѣнокъ. Обыкновенно арендаторы получаютъ за насъ уплату, и ужь, конечно, они умѣютъ взять съ насъ лишнее, оказывая намъ благодѣяніе въ самомъ обирательствѣ.

«Для покрытія долговъ мы въ самую страдную пору даемъ жнецовъ и косарей, а на нашихъ хлѣбахъ зерно осыпается и погребается въ землѣ.

«Притомъ, можно ли еще сомнѣваться, что мы задолживаемъ не для улучшенія хозяйства, а на непроизводительныя затраты,— на чинши, подымное, «дармохи» (poczostki), крестинное (chrzestne), свадебное (weselne), погребальное (pogrzebowe), на трезвонъ (dzwony), на ксендзовъ, на поклоны (pokłony), на утоленіе гнѣва пановъ, экономовъ; а все это, не принося пользы земледѣлію, затрачивается безвозратно. Жиды, даже не начитывая на насъ болѣе, чѣмъ сколько мы должны, за промѣнъ денегъ, за дожиданіе, и безъ того имѣютъ тысячи иныхъ способовъ высосывать наши худые достатки легкостью займовъ и дворскою экзекуціей. Чуть первая молотьба,—они бѣгутъ къ нашимъ гумнамъ и житницамъ (do gumien i stodoł), ѣздятъ по осени, какъ будто для «почестки» (poczestki) [1]), а на самомъ дѣлѣ, по пальцамъ разсчитываютъ наши снопы, скотные дворы и бѣдные пожитки, чтобы и самимъ выманивать, и нашёптывать двору, что можно у насъ взять.

«И удивительно ли, что, впадши въ нищенство, мы не въ состояніи выйти изъ него? Неурожайный годъ всегда влечетъ за собою для насъ голодъ.

«Конечно, бываютъ удовлетворительные сборы съ панскихъ полей, но они—не для насъ. Мы пользуемся развѣ бракованнымъ хлѣбомъ; собранное отправляется къ портамъ, перегоняется въ горѣлку. Жиды и перекупщики другъ передъ другомъ хлопочутъ о вывозѣ нашего пропитанія и оставляютъ насъ безъ хлѣба, часто привозя панамъ, вмѣсто избытка, мыльные пузыри (bomble).

---

[1]) По Словарю Оргельбранда, poczostka, poczestka, poczestne, poczesne— небольшій подарокъ въ знакъ уваженія, pokłon. *Ред.*

«Чтобы поддержать свое существованіе, мы отдаемъ въ панскую службу нашихъ сыновей и дочерей, но и тутъ плата за трудъ часто невѣрна при нашемъ невольничествѣ. Мы закладываемъ послѣднюю одежду, и не имѣемъ достаточно шерсти, чтобы выткать новую.

«Встрѣчаются, правда, между нами, хотя и рѣдко, состоятельные люди, имѣющіе хлѣбъ и кое-какую одежду; но и тѣ, боясь притѣсненія отъ пана, а еще болѣе — отъ его надсмотрщиковъ (dozorców), должны прикидываться несостоятельными по своему жилищу, одеждѣ, образу жизни и, наравнѣ съ самыми бѣдными, для вида—дѣлать займы и платить барыши, и—что̀ хуже—въ видахъ утайки своего плохаго имущества, должны убаюкивать ласкательствомъ Жидовъ и дворскихъ наушниковъ, должны дѣлиться съ ними полевымъ сборомъ или прислуживаться имъ, давать въ долгъ; а одолженное отчасти пропадетъ, отчасти станетъ поводомъ къ попойкѣ (piiatyki).

«При всей этой нуждѣ, мы еще не обезопашены въ нашихъ заработкахъ отъ посягательствъ жадности, въ нашемъ здоровьѣ— отъ порывовъ гнѣва, въ нашемъ человѣческомъ достоинствѣ—отъ оскорбленій со стороны надменности, въ нашей жизни — отъ безчеловѣчія. А нужда, на-вѣки закрѣпленная и переходящая отъ отца къ сыну, развѣ не принижаетъ насъ до состоянія звѣрей? Чувствуя себя обремененными во всемъ цѣпями рабства, можемъ ли думать о смягченіи нравовъ, а не предаваться отчаянію? Жертва грѣховъ насилія, можемъ ли знать имя добродѣтели? Пріучаетъ ли насъ рабство къ искренности, взаимопомощи, справедливости, когда панская плата не вознаграждаетъ нашихъ трудовъ, когда пользуемся подмогою, связанною съ обирательствомъ, когда мы вынуждены скрывать даже свои мысли, умѣемъ только пресмыкаться предъ сильнымъ, подличать, выпрошивая милостыню, обмануть неосторожныхъ, завлечь неосмотрительныхъ, обнаруживать дикость и безчеловѣчіе въ мщеніи? Отнятіе собственности заставляетъ насъ желать чужаго; подавленное желаніе разжигаетъ ненависть къ панамъ; безполезность для насъ трудовъ нашихъ располагаетъ насъ къ апатичности и косности; въ лѣнь насъ погружаетъ недостатокъ пищи, одежды, слабость силъ и суровость лицъ, требующихъ исполненія нами нашихъ повинностей.

«Боже Милостивый! и на Тебя мы едва не смотримъ, какъ на тирана, но ты даешь намъ усладу въ нашихъ мученіяхъ, подавая надежду на облегченіе по смерти въ небѣ. Не имѣемъ ни сукманы, ни сермяги, и срамъ нищеты не допускаетъ насъ воздавать Тебѣ честь въ храмѣ, утѣшаться въ соотвѣтственномъ нашей природѣ обществѣ; мы должны оставаться безъ товарищескаго обмѣна мыслей и понятій, должны заключиться, словно какія-то особенныя животныя, въ своемъ кругу, и тутъ для насъ весь свѣтъ—въ нашей халупѣ, въ полѣ и лѣсахъ.

«Но вотъ мы, занявъ одежду, являемся къ божественной службѣ; что̀ же тамъ слышимъ отъ нашихъ ксендзовъ? Они говорятъ, что надменная гордость не должна наступать людямъ на шею,—и мы

за шею хватаемся съ плачемъ. Они выводятъ передъ нами отвратительные призраки грабительства изъ-за обиды, неугомоннаго безпокойства изъ-за отнятія чужаго труда, и мы стонемъ, что и намъ наши паны не позволяютъ извѣдать сладости плодовъ нашего собственнаго труда. Они описываютъ намъ вспыльчивость, послѣдствія гнѣва, рисуютъ блѣдный образъ бѣшенства съ пѣной у рта, и мы дрожимъ при одномъ взглядѣ нашихъ надсмотрщиковъ (dozorców). Они обличаютъ унижающую до скотства похотливость въ поблѣднѣвшемъ трупѣ, потерявшемъ сознаніе между чувственностью и слабостью,—и мы ломаемъ руки, глядя на обезчещеніе нашихъ дочерей и на развращеніе на лакейской службѣ сыновей. Ксендзы даютъ намъ почувствовать въ жертвахъ обжорства и прожорливости тяжелое дыханіе, гнилость крови—источникъ болѣзни, гибель ума, потерю здоровья, поруганіе человѣчества,—и мы плачемъ, погибая отъ голода и нездоровой пищи и находя отраду только въ отравѣ горѣлкою. Они возбуждаютъ къ трудолюбію, которымъ пріобрѣтаются достатки, удаляется нищета, получаются выгоды, услаждающія тяжелые труды,—и мы, глотая слезы, стонемъ, что при невольничествѣ трудъ не даетъ собственности.

«Удивляйтесь послѣ этого, паны, что намъ не хватаетъ ума,—мы разучились разсуждать, сообразуясь съ волею пановъ, а не съ нашимъ разумѣніемъ! Осуждайте наше суевѣріе, — а мы, жаждая облегченія, хватаемся и за пустыя слова, какъ утопающій за бритву. Мы не понимаемъ нашихъ выгодъ, ибо наши выгоды—ваши. Мы боимся тишины у гробовъ, ибо все насъ пугаетъ. Страшимся силы шепота (нашептываній, szeptów), ибо находимся въ крайней зависимости у всѣхъ. Наши умственныя способности — въ угнетенномъ состояніи, наша нравственная сила парализована. Природа производитъ насъ безразличными относительно доблестей и пороковъ; обстоятельства жизни направляютъ человѣка къ тѣмъ и другимъ. Научаетъ ли насъ доблести наше рабство и вашъ надсмотръ за нами посредствомъ наемниковъ? Служатъ ли школою добродѣтели жадность, обирательство, жестокость? Просвѣщеніе (polor) есть свойство ума открытаго, у насъ же онъ забитъ нашимъ невольничествомъ. Добродѣтель есть мѣра въ пользованіи, но для пользованія у насъ нѣтъ собственности.

«Нужда, сверхъ побужденія къ воровству, порока апатичности, ненависти къ безплодному труду, злобы къ панамъ, даетъ намъ еще поводъ къ пьянству, какъ средству нѣсколько забыть ее.

«Однако, мы желали бы познавать, на сколько это возможно, Благодѣтеля Творца, почувствовать долгъ признательности къ нашимъ панамъ, имѣть добрую привычку поддерживать здоровье, оказывать помощь ближнему, имѣть свѣдѣнія, необходимыя для облегченія нашего труда и услажденія тяжелой работы, вмѣсто того чтобы быть обвиняемыми въ нечеловѣческихъ преступленіяхъ, находясь въ безчеловѣчномъ рабствѣ. Мы желали бы быть осѣдлыми землепашцами, между тѣмъ какъ теперь отчаяніе заставляетъ насъ бросаться въ бродяжничество, воровство, мошенничество. Мы желали

бы руководствоваться разсудкомъ, вмѣсто управляющей нами теперь наемнической жадности экономовъ и надсмотрщиковъ. Мы желали бы быть состоятельными для уплаты владѣльцамъ, а не служить, какъ теперь, жертвою обирательства для арендаторовъ, державцевъ, заимодавцевъ, барышниковъ и Жидовъ. Мы желали бы работать для пріобрѣтенія собственности, а не на излишества пановъ, чтò часто бываетъ теперь. Мы желали бы обратить вниманіе на развитіе скотоводства для пользы страны, а не на муки барщины и уплату за попойки, какъ теперь. Паны наши! пока не будетъ свободы, единственной побудительной причины труда и промысла, пока не разовьется любовь къ собственности, до тѣхъ поръ напрасны будутъ попытки пробудить въ странѣ охоту къ труду и просвѣщенію!

«Пока будетъ находиться въ пренебреженіи земледѣльческое населеніе, имѣющее свѣдѣнія о почвѣ изъ самаго близкаго опыта, до тѣхъ пòръ ничего не помогутъ ни стоющія милліоновъ академіи, ни книги, отличающіяся самымъ свѣтлымъ пониманіемъ дѣла, ни выдумки, изобрѣтенныя заграничными хозяйствами, ни самое искреннее доброжелательство къ отечеству, ни примѣры самыхъ прибыльныхъ посѣвовъ на пашняхъ и лугахъ. Черное принужденіе заставитъ насъ остаться во мракѣ, нужда—въ неохотѣ, недостатокъ—въ гибельномъ состояніи, и страна будетъ пребывать въ дикомъ невѣжествѣ и горемычной долѣ.

«Ваши экономы и надсмотрщики не болѣе ли хлопочутъ о средствахъ самимъ сдѣлаться панами, и не гораздо ли менѣе у нихъ охоты, умѣнія, или досмотра относительно хозяйства? Вы часто испытываете безплодность вашихъ стараній въ заведеніи прибыльныхъ скотныхъ дворовъ. И издержки, и заботливость пана съ трудомъ могутъ принести пользу, когда зараза жадности ищетъ добычи путемъ одной лести и распространяется отъ предшественниковъ къ преемникамъ. Напрасно они думаютъ противодѣйствовать этому злу путемъ дневниковъ (dyaryusze), инструкцій (instruktarze), регистратуръ (regestratury), независимыхъ секретарей (pisarze udzielne), зарубокъ (karby) на биркахъ и присягъ: наемники такъ ловко промышляютъ для своей прибыли, что, лишь только ихъ чтò либо въ самой незначительной степени тяготитъ, они самоскорѣйшимъ образомъ это узнáютъ, и узнавши находятъ разумнымъ устранить.

«При нашемъ рабствѣ и необезопашенности имущества, — не разгорѣться повсюдному въ странѣ свѣту просвѣщенія, уже столь дорого стоющаго! Безполезно чтить правà природы одними устами, когда они пренебрегаются на дѣлѣ въ примѣненіи къ цѣлому нашему народу. Рукодѣлья (мануфактура) не находятъ усовершенствованія среди нищеты. Казна всегда будетъ пуста. Торговля постоянно убыточна. Правительство, стѣсненное экономическою несостоятельностію, всегда недѣйствительно. Народъ, уже отъ одного развращенія Жидовскими приманками, станетъ безнравственнымъ. Паны, среди излишествъ, все-таки не узнаютъ истин-

наго наслажденія. Разсудокъ всегда будетъ затемненъ безпорядочностью. Отечество безъ благосостоянія и патріотизма останется безъ защиты, науки не разовьются на отечественной народной почвѣ, придавленной нуждою на пашняхъ и въ усадьбахъ.

«Но сообразите же, паны наши, какая польза отъ нашей нужды для васъ и для страны. Панскія пособія и дворскій надзоръ не дѣлаютъ раба производительнымъ; онъ ни о чемъ не помышляетъ, какъ только объ облегченіи своей участи; ваши пособія дѣлаются черезъ наемниковъ, а наша нужда дѣлаетъ жестокосердыми и Жидовъ, особенно при ихъ внушеніяхъ, что дворъ помогаетъ намъ не ради насъ, а ради себя самого.

«Сосчитайте, паны, сколько вы расходуете на пособіе намъ, по уставу, на постройку нашихъ хатъ, на ихъ починку, на снабженіе насъ упряжнымъ скотомъ, а часто и на его прокормленіе, на взносъ за насъ податей, за принятіе нашихъ долговъ арендаторамъ? что теряете изъ остатковъ отъ прежнихъ лѣтъ (w pozostałych remanentach), отъ неисправности нашей въ работахъ, отъ расхищенія вымолотовъ и кормовъ, отъ опустошенія лѣсовъ, отъ потравы полей и луговъ, отъ платежей вороватымъ экономамъ и жаднымъ надсмотрщикамъ? Сосчитайте, и узнáете, что немного пользы отъ рабства! Вы увидите ваши потери, которыя только, по привычкѣ, кажутся незначительными, особенно въ обширныхъ имѣніяхъ, ибо и въ меньшихъ, гдѣ владѣтель—самъ очевидецъ и надсмотрщикъ, все-таки оказывается справедливою пословица: «Матвѣй сдѣлалъ, Матвѣй съѣлъ» (Maciek zrobił, Maciek i ziadł).

«И повидимому вы знаете это, паны наши, и отдаёте имѣнія въ аренду, чтобы имѣть отъ нихъ чистый доходъ, безъ этихъ убытковъ. Однако, не истощаютъ ли доходности вашихъ имѣній и державцы (dzierżawcy), усиливаясь возвратить съ процентами свои деньги, хорошо прокормить себя, и еще пріобрѣсть прибыль?

«Примите также въ разсчетъ, что вы отдаете державцамъ ваши имѣнія за три и рѣдко за четыре зерна. Неужто такъ скудно вознаграждается страдная полевая работа? Колосья показываютъ, что изъ однаго зерна родилось сорокъ, а смѣты вашихъ доходовъ противорѣчатъ этому. Не кроется ли причина этой потери въ торопливости жатвы, въ перезрѣваніи хлѣба на корню, въ неохотной работѣ серпомъ невольничьихъ рукъ, въ складываніи въ копны (kopy), въ долгомъ пребываніи сжатаго хлѣба на полѣ, въ бросаньѣ на телѣги безъ той осторожности, какую мы наблюдаемъ у себя? Не околочиваютъ ли вашей жатвы? не плѣсневѣютъ ли ваши хлѣбà въ скирдахъ (stertach)? не разлетаются ли ихъ зёрна отъ цѣповъ? Удивительно, кáкъ еще и три зерна могутъ уцѣлѣть подъ невольничьею рукой!

«Если теперь вы хотите обработывать ваши пашни посредствомъ батраковъ (parobkami), то къ вамъ идутъ или изъ бѣдныхъ хатъ, или по принужденію, или, наконецъ, бродяги, ищущіе чѣмъ поживиться, вѣрнѣе—что̀ украсть, которые не только менѣе дѣлаютъ, чѣмъ стоютъ, но почти болѣе портятъ и воруютъ, чѣмъ при-

носятъ пользы. Въ бѣдныхъ хатахъ уже въ дѣтствѣ пріобрѣтается навыкъ, вставши рано поутру, ничего не дѣлать; потому что тамъ нѣтъ ни кудели для дочерей, ни молотьбы для сыновей, между тѣмъ природа, требуя пищи, прежде всего, внушаетъ имъ, нуждающимся, мысль добывать себѣ изъ чужихъ гуменъ и амбаровъ то пропитаніе, котораго не могутъ найти въ своихъ; а незначительный трудъ надъ ничтожнымъ хозяйствомъ пріучаетъ ихъ къ лѣни и мѣшкотности (opieszałości). Если подобнымъ людямъ дворъ и дастъ возможность извлекать выгоды изъ труда, то и это не заставитъ ихъ быть старательнѣе въ работѣ, а скорѣе еще болѣе погрузитъ ихъ въ привычную апатію.

«Но вы, паны, служите лучшими свидѣтелями всѣхъ вашихъ потерь отъ нашего рабства, при которомъ мы не можемъ съ пользою трудиться ни для васъ, ни для себя.

«Много теряете отъ этого вы, но еще болѣе теряетъ страна. Ни одинъ дворъ, ни одинъ владѣлецъ, при самыхъ лучшихъ прибыляхъ отъ хозяйства, не въ состояніи вознаградить тѣхъ потерь, которыя происходятъ отъ истощенія сельскихъ пашенъ. Пустыни и заброшенныя пустоши (odłogi), ничтожные сборы въ деревняхъ, жалкая и несвоевременная обработка пашенъ, промышленность зачахлая подъ гнётомъ рабства, искаженная имъ природа, конечно, не вознаграждаются переполненными панскими гумнами. Мы, пахари, занимаемъ не менѣе семи частей пахатныхъ полей страны, и на нихъ—рождается нужда.

«А развѣ мало есть пановъ, которые менѣе заботятся объ улучшеніи своихъ имѣній и цѣнятъ только доходы съ нихъ, употребляемые на излишества? Мало ли такихъ, что разоряютъ свои имѣнія, обременяютъ долгами, подвергаютъ раздѣламъ (exdywizye) между заимодавцами? Конечно, тамъ для богатства страны не можетъ быть постоянной прибыли, а развѣ только временная; между тѣмъ какъ наши пашни подвергаются тамъ постоянному ограбленію. И пожизненное владѣніе, при нашемъ рабствѣ, не улучшаетъ имѣній для преемниковъ въ пользованіи ими, а только истощаетъ ихъ эксплоатаціею.

«Мало ли также случается обстоятельствъ, которыя вынуждаютъ нашихъ владѣльцевъ разорять насъ, или когда молодые наслѣдники хотятъ найти источники для покрытія легкомысленныхъ расходовъ, или когда поддерживающіе высокій тонъ въ обществѣ захотятъ найти средства на свои барскія затѣи, или старики захотятъ удовлетворить своей скупости.

«И почти всѣ, когда мы свидѣтельствуемъ объ упадкѣ имѣній, или, пресыщенные излишествами, лѣнятся разобрать наши жалобы, или поручаютъ уладить дѣло нерасположеннымъ къ намъ наемникамъ, или, по слабости, поддаются на сплетни и нашептыванья.

«Остановите, паны, ваше вниманіе на этомъ, спросите у отечества, какій совѣтъ оно вамъ дастъ относительно себя и насъ.

— «Глядя на ваши поля, радуюсь—сказало бы оно—дѣти мои, что васъ согрѣваетъ духъ земледѣлія, хозяйства, торговли, кото-

рый уже съ давнихъ поръ оживляетъ всю Европу; что ваша промышленность въ значительной степени развиваетъ жизненныя силы страны, посредствомъ надлежащей обработки полей, посредствомъ выгодныхъ способовъ сѣва, путемъ разведенія питательнѣйшихъ травъ, размноженія прибыльнѣйшихъ скотныхъ дворовъ, экономическаго распредѣленія пастбищъ, заселенія лѣсовъ, гдѣ они не служили выгодѣ жителей и не давали прибыли владѣльцамъ,—разведенія садовъ, дающихъ прохладу,—возвышенія цѣны пчельниковъ и хмѣльниковъ,—открытія желѣзныхъ соляныхъ и металическихъ рудниковъ,—посредствомъ увеличенія вашихъ доходовъ для моей обороны и красы. Одно только не можетъ меня радовать. Въ каждомъ фольварковомъ ключѣ (klucz) [1]) пашни вашихъ крестьянъ обширнѣе дворскихъ; отсюда ясно, что, при наибольшей прибыльности панскихъ полей на счетъ запущенности и пренебреженія крестьянскихъ, для меня во всякомъ случаѣ болѣе убытка, чѣмъ пользы. Больно мнѣ еще и то, что ваши дворскіе полевые сборы по большей части расходуются на излишества, вмѣсто того чтобы служить къ болѣе и болѣе щедрому возврату землѣ ея жизненныхъ элементовъ, для улучшенія вашихъ пашенъ.

— «Почти все высшее сословіе далеко отъ мысли о такомъ возвратѣ и оставляетъ земледѣліе въ состояніи неспособности къ прогрессивному возвышенію урожаевъ, которымъ природа не полагаетъ предѣла. Отъ экипажей до лошадей, отъ одежды до украшенія комнатъ, отъ кухни до погреба—все гонитъ жизненные элементы полей за границу; страна работаетъ, чтобы оставаться въ нуждѣ, и взамѣнъ получаетъ блестящія бездѣлки. Могло ли бы это быть, еслибы продукты страны оставались въ вольныхъ рукахъ земледѣльца? не употреблялъ ли бы онъ ихъ, прежде всего, на увеличеніе своихъ прибылей отъ хозяйства? А панъ, имѣя чистый доходъ, не былъ ли бы умѣреннѣе въ своихъ расходахъ?

— «Притомъ, хотя бы предшественники оставили вамъ имѣнія съ плодородною землею, съ обильными кормами, съ богатыми огородами и несомнительными прибылями, то не случается развѣ часто, что невнимательный и недальновидный наслѣдникъ доводитъ все до упадка и негодности? Дѣйствительнѣе всякаго закона противъ расточительности и нехозяйственности было бы то, если бы имѣніями всегда пользовались люди заинтересованные въ нихъ,—тогда, при перемѣнахъ владѣльцевъ, хозяйство должно было бы улучшаться.

— «Какъ бы то ни было, на дворскихъ хозяйствахъ въ большей части держится внутренняя и внѣшняя торговля страны, хотя вороватость завѣдующихъ ими и хозяйственныя хлопоты рождаютъ нерасположеніе къ нимъ и часто измѣняютъ ихъ къ худшему.

— «Думаютъ-ли державцы объ улучшеніи вашихъ вотчинъ, а не о томъ, какъ бы скорѣе нажиться? Не пугаютъ ли своимъ

---

[1]) Klucz—область, земля, помѣстье; рядъ деревень, принадлежащихъ одному помѣщику. *Ред.*

запустѣніемъ выходящія изъ ихъ рукъ имѣнія? и не требуютъ ли отъ васъ, на первыхъ же, обыкновенно, порахъ, издержекъ на строенія, орудія, упряжный скотъ, удобреніе? Вамъ удалось добиться отъ нихъ повышенія таксы, а они цѣною разоренія вернули свои деньги, умѣя обойти контракты и условія, покрыться видимостью, или оправдаться при помощи пріятельской, а иногда и подкупленной судебной власти. Потери страны не вознаграждаются тѣмъ, что державецъ разоряетъ свои имѣнія; тутъ никогда не бываетъ пропорціональности между доходомъ и разореніемъ.

— «Неожиданные долги или потребности вынуждаютъ васъ заложить имѣнія. Не тѣхъ же ли правилъ держится заимодавецъ, что̀ и арендаторъ? Не принимая даже въ разсчетъ процента съ капитала, тутъ двоякая потеря: владѣльца—отъ уменьшенія доходовъ, страны —отъ разстройства хозяйства.

— «Я (отечество) горевало о недавно-заведенномъ обычаѣ торговать имѣніями: покупать и въ томъ же году продавать изъ-за извѣстнаго барыша. Если бы онъ распространился, отечеству пришелъ бы конецъ. При такомъ порядкѣ не заботятся о хозяйствѣ и земледѣліи, скорѣе — и то, и другое разоряютъ и грабятъ. Не ведутъ ли страну также къ гибели тѣ ваши промышленные разсчеты, съ которыми вы заселяете Жидами мѣстечки? Обманомъ и горѣлкой они вредятъ сборамъ вашихъ жатвъ и парализуютъ силы земледѣльцевъ въ трудѣ и промышленную предпріимчивость. Не обольщайтесь тѣмъ, что они, повидимому, содѣйствуютъ потребленію: это—крысы, все поѣдающія и ничего непроизводящія. Но еще хуже, что они выносятъ изъ страны деньги путемъ обмѣна, и заражаютъ христіанскіе нравы.

— «Вотъ моя рѣчь о вашихъ обработываемыхъ панщиной и угнетеніемъ поляхъ, хозяйствомъ и портовою торговлею которыхъ вы гордитесь.

— «Взгляните же на обширныя пространства вашихъ имѣній, и плачьте со мною! Какъ много пустопорожнихъ мѣстъ въ экономическихъ, старостьихъ, державчьихъ, духовныхъ и шляхетскихъ имѣніяхъ, гдѣ старинные законы среди строевыхъ лѣсовъ свидѣтельствуютъ о давнишнемъ заселеніи и взываютъ къ вамъ о трудолюбивой рукѣ. Есть довольно зарослей, каналовъ (kopaniny), корчеванныхъ мѣстъ (trzebieży), пустошей (odłogow), но привлечете ли вы населеніе къ труду надъ ними?

— «Въ состояніи ли вашъ рабъ воздѣлать надлежащимъ образомъ и тѣ пашни, которыя онъ держитъ, не имѣя хорошихъ орудій? Можетъ ли своевременно засѣять при разбросанности работы и унавозить при малочисленности скотнаго двора? Можетъ ли, при несостоятельности, размножить скотъ? Можетъ ли собрать деньги при многочисленныхъ уплатахъ и ничтожныхъ урожаяхъ?

— «И хозяйство семи частей страны находится въ жалкомъ положеніи, которому нельзя помочь тщеславіемъ и временною прибылью. Ваши крестьяне становятся тяжестью для страны; ибо хотя они сидятъ по хатамъ, однако, живутъ только въ долгъ и

выпрашиваніемъ милостыни, воспитываютъ дѣтей жить только дворскимъ или поданнымъ Христа-ради хлѣбомъ. Многіе изъ нихъ, страшась угнетенія, пускаются сами въ бродяжничество. И еще раньше чѣмъ рѣшиться на это, пускаютъ дѣтей по этой дорогѣ, обрекая ихъ на бездѣльничанье, воровство, и нерѣдко на развратъ при службѣ у Жидовъ. А бездѣльники и нищіе развѣ не бременятъ собою страну, заставляя часто бояться разбоевъ, поджоговъ, ограбленія амбаровъ? Но сохраняете ли вы, владѣльцы, рабочія руки для обработки пашенъ? Вы берете крестьянскихъ сыновей въ лакеи, кучера, повара, камердинеры, которые, будучи исторгнуты вашею роскошью изъ родительской семьи, наглядѣвшись на излишества и насилія, привыкши точить лясы и сидѣть безъ дѣла въ переднихъ, не постоянно ли лишаютъ поля рабочихъ рукъ?

— «Можетъ ли быть богатою ваша казна при нищетѣ страны? Могутъ ли быть сильными ваши войска при подавленіи духа рабствомъ? Сбродъ пьяныхъ бродягъ или распущенной молодежи не будетъ ли служить болѣе къ отягощенію страны, чѣмъ къ ея оборонѣ?

— «Сдѣлайте всѣхъ гражданами (obywatelami), пусть каждый работаетъ для пріобрѣтенія себѣ собственности, употребите Жидовское населеніе для удобренія пустошей, [1]) и край оживетъ въ богатствѣ, могуществѣ и красѣ.

— «Поэтому надо считать фальшивымъ макіавелизмомъ, когда оставляютъ крестьянъ въ убожествѣ на томъ основаніи, что изъ своихъ достатковъ они не украшаютъ страну пирамидами, какъ въ Египтѣ, дворцами, большими зданіями, подъ которыми слышится плачъ и звукъ цѣпей, излишествами и скукою пановъ, развлеченіями на чужой счетъ и разореніемъ собственности. Они украшаютъ страну заселеніемъ ея, оживленіемъ и благополучіемъ. Нынѣ ваша страна слыветъ у чужихъ людей дикою по дикости вашихъ крестьянъ и обращенія съ ними. Характеръ Польши не можетъ быть оцѣниваемъ по нѣсколькимъ стамъ тысячъ образованныхъ владѣльцевъ, имѣющихъ притомъ случайный характеръ, сообразно съ образованіемъ, полученнымъ среди тѣхъ или другихъ народовъ; масса населенія, составляя силу страны, даетъ ей также и лоскъ образованности».—

«И мы, паны наши, не добиваемся расшатать ваши вотчинныя владѣнія, обезпеченныя столь многими уставами, не стремимся къ тому, чтобъ въ нихъ не было наслѣдованія по закону, раздѣла между братьями и родными, а при нуждѣ — заклада и аренды, купли и продажи. Пусть все это существуетъ сообразно съ правами шляхты и владѣльцевъ. Мы просимъ только, чтобы въ вотчинахъ мы были земледѣльцами, а не рабами, чтобы намъ было обезпечено пользованіе пріобрѣтеннымъ посредствомъ труда, чтобъ переходъ помѣстій по наслѣдству не вредилъ хозяйству,

---

[1]) Въ подлинникѣ: «obróćcie Żydowską ludność na pognoienie odłogów», т. е.: «обратите Жидовское населеніе на унавоженіе пустошей». *Ред.*

какъ нашему, такъ и страны, чтобъ заклады и аренды не разоряли насъ, чтобы продажи и купли не измѣняли нашего положенія относительно нашихъ обязанностей и повинностей.

«Возвратите намъ, какъ было три вѣка назадъ, правительственное о насъ попеченіе, солтысскіе и полюбовные суды съ панами, апеляцію къ королевскимъ судамъ. Если ужь немыслимо для насъ увидать царственное око, во время путешествій короля по управляемой имъ странѣ, то пусть бы каждый сеймъ наряжалъ коммиссіи, составленныя изъ лицъ, живущихъ въ чужихъ, не нашихъ повѣтахъ, для разслѣдованія претерпѣваемыхъ нами обидъ и окончательнаго рѣшенія по нашимъ жалобамъ. Если давно существующіе, но бездѣйствующіе законы страны о неприкосновенности нашего здоровья, жизни, имущества и усадьбы, получатъ силу, то мы съ радостью удовольствуемся этимъ, безъ дальнихъ споровъ о нашихъ правахъ.

«Дайте намъ земельную собственность, подъ условіемъ извѣстной наслѣдственной повинности, въ видѣ закупничества (zakupieństwa) [2], какъ это съ давнихъ поръ практикуется въ разныхъ мѣстахъ; деньги отъ закупничества можете обратить или въ казну, или въ пользу владѣльцевъ; разложите ихъ на сроки и доли (raty), мало-по-малу мы или выплатимъ, или отработаемъ ихъ. Дайте намъ право закупать каждому столько, сколько онъ въ состояніи.

«Вы имѣете обстоятельныя свѣдѣнія о качествѣ земель въ цѣлой странѣ, можете распредѣлить сколько мы должны платить съ нихъ панамъ; а если это трудно, назначьте коммиссіи, которыя, по всестороннемъ разсмотрѣніи дѣла, опредѣлили бы по мѣсту и почвѣ наши чинши съ лана, съ уволоки, съ жеребья, слѣда (ślad) [3], съ полянокъ, съ морговъ и съ сѣножати, съ лѣсовъ, пчелъ, рѣкъ, озеръ; установили бы, до какой степени мы имѣемъ право копать, корчевать, осушать болота, и въ какіе сроки какую должны взносить плату. Ограничьте владѣльцевъ, чтобъ они не возвышали плату иначе, какъ съ согласія сейма, по истеченіи опредѣленнаго числа лѣтъ, напримѣръ, черезъ 30 или болѣе лѣтъ, когда или пашни станутъ лучше, или измѣнится цѣнность монеты.

«Велите имѣть въ виду при очиншеваніи насъ, что нельзя отнять у земледѣльца, безъ разоренія его и земледѣлія страны, его засѣвовъ, его прокормленія, его средствъ снабжать себя одеждою и хозяйственными принадлежностями, а равно и его упряжнаго скота и права на пособіе: напротивъ, слѣдуетъ оставить ему кое-какій запасъ на случай неурожая, или на какіе либо иные несчастные случаи, которые слишкомъ часты у простонародья, а, наконецъ, и на его промыслы, которые должны возникнуть, когда

---

[2]) Zakupieństwo, zakupne prawo граничитъ съ правомъ леннымъ, emfiteutycznym, dzierżawnym (см. у Мацѣёвскаго, стр. 299). Словарь Оргельбранда такъ комментируетъ: «mamy całe prowincje, gdzie rolnik za kontraktem posiada ziemię, nabywa jéj przez zakupieństwo, i umówiony czynsz spłaca». *Ред:*

[3]) Полевая мѣра, нѣчто въ родѣ загона. *Ред.*

у него явятся достатки. Оставляя крестьянину потребную для этого часть его продуктовъ, слѣдуетъ еще выдѣлить изъ нихъ долю на общественныя подати; такимъ образомъ, въ доходъ владѣльца можетъ быть записано только то, что останется за удовлетвореніемъ всѣхъ этихъ надобностей. Слѣдуетъ также при очиншеваніи обращать вниманіе на качество почвы, на продажную ея цѣну (na cenę odbytu), на условія, благопріятныя торговлѣ.

«Послѣ этого паны получатъ возможность, съ бо́льшею пользою, чѣмъ теперь, обработывать свои земли не по принужденному найму, дать намъ примѣры сельскохозяйственныхъ промысловъ, спасать насъ въ несчастіяхъ и имѣть право на нашу признательность, быть нашими благодѣтелями, начальниками и защитниками, но ограниченными въ правѣ уменьшать нашу собственность и посягать на нашъ трудъ. Неспособныхъ къ платежу чинша пахарей паны могутъ держать въ качествѣ своихъ батраковъ (parobków,) поселенныхъ въ хатахъ, на подобіе Прусскихъ помощниковъ и служебниковъ при мужикахъ (gburów) [1]; если земледѣльцамъ будетъ представлена такая свобода, то она, конечно, привлечетъ къ поселенію въ странѣ и заграничныхъ колонистовъ; а при этомъ не явится ли конкуренція на земли и не возникнетъ ли отсюда новый выигрышъ для пановъ?

«Когда земледѣльцы будутъ владѣть свободною и крѣпкою собственностью, когда они будутъ пользоваться своими наслѣдственными закупными участками, когда ихъ здоровье, жизнь и имущество будутъ обезпечены,—тогда праздность измѣнится въ трудолюбіе, апатичность въ старательность, принудительный трудъ станетъ вольнымъ и прибыльнымъ, безплодная работа замѣнится обезпеченными заработками, барыши отъ пашенъ пойдутъ на удобреніе ихъ. Вскорѣ затѣмъ расчистятся (wykopią się) безполезныя заросли, что послужитъ къ обилію пахатныхъ полей; будутъ осушены болота, чрезъ что улучшится качество жатвы, безъ издержки со стороны владѣльца; пески и пустоши (odłogi) будутъ удобрены путемъ увеличенія скота. Поселяне вздохнутъ свободнѣе, станутъ заниматься вольнымъ промысломъ, будутъ лучше питаться, жить въ болѣе удобныхъ помѣщеніяхъ, теплѣе одѣваться, охотнѣе примутся за работу, станутъ предпріимчивѣе, полюбятъ добродѣтель. Достатокъ и удобства вызовутъ нестѣсняемую, свободную мысль поведутъ къ свѣту разумѣнія, возбудятъ любознательность и желаніе извлекать пользу изъ образованія владѣльцевъ и ихъ знаній, доставятъ ремесленникамъ обильный матеріалъ, умножатъ прибыльную торговлю, усилятъ армію руками, испытанными въ трудѣ, вдохнутъ ей мужество къ оборонѣ милыхъ родныхъ усадебъ, легче наполнятъ казну податями, облегчатъ осуществленіе правительственныхъ предначертаній, наградятъ владѣльцевъ — вѣрностью доходовъ и благосостояніемъ ихъ людей, поведутъ къ открытію въ родной землѣ новыхъ богатствъ и сокровищъ.

[1]) См. у Мацѣёвскаго на стр. 300-й. *Ред.*

«Тогда предусмотрительности высшей власти останется только обратить вниманіе на то, чтобы всеобщее благосостояніе не повело къ излишнимъ прихотямъ. Счастливый богатствомъ народа, корабль, повинуясь движенію кормила, легко направлялся бы къ дальнѣйшему благополучію.

«Разсудите, паны наши, основательны ли наши просьбы и справедливы ли заключенія, и поймите, каково значеніе нашей свободы, если она можетъ улучшить благосостояніе и порядокъ въ странѣ.

«Опытъ показываетъ, что едва ли уплата чиншовъ возможна во всѣхъ мѣстностяхъ страны, особенно-же тамъ, гдѣ денежный курсъ ниже, а способы сбыта труднѣе, по обилію продуктовъ и удаленности городовъ или сплавовъ. Поэтому, тамъ трудъ въ пользу пана для отработки оцѣночной платы былъ бы чѣмъ неправильнѣе, тѣмъ хуже.

«Для такихъ мѣстностей, когда въ странѣ, водворится старинный порядокъ оцѣнки товаровъ, конечно, слѣдовало бы по-старинному назначать обрѣзы (obrzazy) и нарѣзы (narzazy) [2]), т. е. ссыпки отъ извѣстнаго количества земли. Затруднительность для владѣльца сбывать ихъ куда либо безъ панщины, кажется, должна привести къ соглашенію между нимъ и крестьянами, при освобожденіи послѣднихъ, по которому они обяжутся поставлять ему извѣстное количество подводъ для вывоза.

«Пусть никто не обманывается Жидовскимъ потребленіемъ (konsumpcya). Пусть дворы заглянутъ въ счеты; хотя они имѣютъ нѣкоторую власть надъ Жидами, однако, всегда найдутъ много убытковъ отъ нихъ въ пустыхъ реестрахъ.

«Но должна ли наша свобода ограничиваться освобожденіемъ отъ повинностей, оставаясь прикрѣпленною къ мѣсту?

«Наше правительство, статутъ и конституціи не желаютъ имѣть въ краѣ бродягъ. Но можетъ ли поселянинъ бросить безъ крайней необходимости свою усадьбу, имѣя отъ тѣхъ пашенъ, гдѣ онъ родился и воспитался, весь достатокъ, получая отъ владѣльца и свѣтъ, и защиту. Только тѣмъ людямъ свойственно бросаться въ странствованіе на удачу, которые бѣдны и ничтожны или по своей лѣности, или по причинѣ притѣсненій. Но у насъ, у хозяевъ, если прибыль отъ труда будетъ принадлежать намъ, конечно, никто не захочетъ оставаться празднымъ отъ дѣтства до старости. А если бы и нашелся такій выродокъ, то вы, паны, возобновите уставы и конституціи противъ праздношатающихся и бродягъ.

«Удивляетъ и насъ, простыхъ, то обстоятельство, что въ то время, когда столько уставовъ преслѣдуютъ праздношатающихся и неимѣющихъ опредѣленныхъ занятій, велятъ ихъ брать и принуждать къ работамъ,—голыши-Жиды (kapcani Żydzi) безъ имущества, безъ работы, обремененные дѣтвой, таскаются по странѣ, ни къ

[2]) Объясненіе см. выше, на стр. 105-й. *Ред.*

кому не принадлежа, и задаромъ пропитываясь на счетъ налоговъ и прикагалковъ, сносятся между собою для истребленія продуктовъ земли.

«Въ закупничествѣ усадебъ и очиншеваніи, которое до сихъ поръ сохранилось по разнымъ мѣстамъ, вы имѣете примѣръ, что свобода не поведетъ насъ къ бродяжеству. Развѣ теперь бросаютъ закупныя земли, если бы даже наслѣдниками оставались малыя дѣти? Ихъ опекуны держатъ ихъ наслѣдство, чтобы отдать имъ, когда они выростутъ; а если бы легкомысліе внушило кому-либо бросить земледѣліе, то безъ хозяина земля не останется свободною отъ притѣсненія.

«Еще обусловлена ли наша свобода освобожденіемъ насъ отъ дворскаго суда?

«Тяжелъ для насъ судъ, потому что онъ производится наемниками, комиссарами, экономами и панами, нерѣдко лѣнивыми въ разсмотриваніи нашихъ жалобъ; но мы не можемъ жаловаться на внимательныхъ и справедливыхъ судей. Но за что же не будутъ имѣть хода наши жалобы на собственныя наши обиды? почему мы лишены инстанціи для жалобъ на пановъ? Или пусть разсмотрѣніе нашихъ обидъ отъ угнетателей нашихъ предоставлено будетъ учрежденной ими инстанціи изъ чужихъ людей.

«Знаемъ, что наша необразованность, при свойственномъ свободѣ желаніи независимости, а со стороны пановъ — при сознаніи ихъ превосходства, нашла бы поводы къ ссорамъ и разбирательствамъ, которыя, до сихъ поръ въ каждой странѣ будучи пагубны для сторонъ, находящихся въ распрѣ, тѣмъ болѣе были бы пагубны у насъ, при адвокатскихъ уловкахъ и при преобладаніи формальной стороны надъ справедливостью. Много причинили бы они затрудненій, при чемъ, вѣроятно, были бы пренебрегаемы обязанности земледѣльца. Поэтому мы просимъ, чтобы суды были у насъ, по давнему обычаю, близкіе къ первой инстанціи, состоящіе притомъ изъ людей, незаинтересованныхъ въ нашей гибели и въ обирательствѣ насъ, безъ отсрочекъ по разнымъ случаямъ (bez dylacyi akcessoryow), но съ назначеннымъ срокомъ (taktowym terminem), или, какъ у купцовъ, скорые, гостинные. Въ прошеніи мы излагаемъ жалобы; на основаніи нашего прошенія и отвѣта противной стороны постановляется приговоръ. Въ дѣлахъ запутанныхъ слѣдуетъ поставить условіемъ, чтобы не было болѣе трехъ представленій (przełożeń) и отзывовъ (odpisów). Наши апелляціи не должны идти далѣе, какъ въ прежнее время, ближайшихъ гродскихъ судовъ, къ стражничьей, ревизіонной коммиссіи, которая должна быть выбираема каждые два года. Затѣмъ мы не желаемъ иной свободы, кромѣ обезпеченія, со стороны надзора и юрисдикціи страны, нашей личной неприкосновенности и имущества, увольненія насъ отъ работы на пановъ, дозволенія перехода на чинши, съ уплатою ссыпкою или деньгами, смотря по мѣстности, отдачи земель въ вѣчное владѣніе подъ условіемъ справедливыхъ обязанностей, чтобы отцы могли заботиться о пашняхъ для дѣтей.

Мы просимъ основать наши права на контрактовыхъ договорахъ между нами и панами. Въ нихъ слѣдуетъ сдѣлать шагъ впередъ, для улучшенія нашего положенія безъ обиды для владѣльцевъ. Тогда исчезнетъ безчеловѣчіе и нужда.

«Если вы дадите намъ такую свободу, мы не только обработаемъ пустоши и корчевники, но и размножимъ скотъ и улучшимъ нашу скудную почву; внимательно ухаживая за нашею собственностью, необремененною рабствомъ, мы легко сумѣемъ примѣнить къ дѣлу свѣдѣнія, добытыя изъ опыта; наши силы, при удобствахъ жизни, будутъ требовать труда, а трудъ, движимый увѣренностью въ неприкосновенномъ пользованіи добытыми результатами, найдетъ въ нихъ побужденіе для себя.

«Вотъ тогда-то мы восхвалимъ Господа за щедрость природы; съ охотою окажемъ вспоможеніе ближнему изъ нашихъ достатковъ; если будемъ воинами, распалимся гнѣвомъ на враговъ, возмущающихъ наше спокойствіе, и въ этомъ гнѣвѣ, конечно, выскажется горячая заботливость о цѣлости отечества. Прійдется ли намъ говорить, мы искренно будемъ высказывать наши мысли, ибо исчезнетъ побужденіе искать путемъ лжи облегченіе, которое мы будемъ имѣть въ вѣрномъ вознагражденіи нашего труда природою. Будемъ ли гордиться, то—единственно прибыльностью нашего труда, и самая гордость будетъ новымъ побужденіемъ къ нему для сосѣдей.

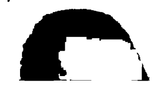
«Владѣлецъ, въ случаѣ надобности, найдетъ въ насъ болѣе доброжелательную помощь, чѣмъ въ заимодавцѣ. Отечество будетъ имѣть болѣе искренно-любящихъ дѣтей. Правительство будетъ имѣть возможность расширить свою дѣятельность, не боясь неосуществленія своихъ мѣръ. Безпрепятственно распространятся общественныя добродѣтели, благодаря возстановленію нашей связи съ обществомъ; преступныя дѣянія не въ состояніи будутъ парализовать своимъ вредомъ плоды истинныхъ доблестей. Тогда мы узнаемъ и гуманность философовъ, и степени совершенства человѣка и благодѣянія Божественнаго Промысла.

«По всей вѣроятности, должно исчезнуть и взяточничество теперешнихъ нашихъ начальниковъ; излишества будутъ ограничены пропорціональностью расходовъ съ чистымъ доходомъ владѣльцевъ и перестанутъ уже быть таковыми.

«И такъ какъ населенность страны зависитъ отъ изобилія продуктовъ земли, а изобиліе отъ употребленія ихъ на улучшеніе плодородія пашень, то, несомнѣнно, увеличится и населеніе, кромѣ того, что свобода, неприкосновенность имущества и справедливость суда вызовутъ наплывъ переселенцевъ изъ-за границы.

«У насъ легче и внимательнѣе будетъ нашъ личный надсмотръ за цѣлымъ хозяйствомъ, чѣмъ чужій надзоръ въ панскихъ дворахъ.

«Все усовершенствуется, двигаясь постепенно, сообразно съ требованіями природы, безъ насилія ея. Природа учитъ людей опытомъ, а польза ведетъ къ усовершенствованію, хотя медленному, но всегда очевидному, болѣе цѣлесообразному, нежели иныя необычно-хитрыя выдумки.

«При свободѣ и неприкосновенности нашихъ пріобрѣтеній, мы оставимъ предубѣжденія, особенно пользуясь хорошими наставленіями нашихъ пастырей, примѣрами пановъ. И служа нынѣ позоромъ для страны, по нашимъ дикимъ нравамъ, загрубѣлымъ отъ крѣпостнаго труда, станемъ украшеніемъ отечества, сдѣлавшись, путемъ пріобрѣтенія и опыта, отличными хозяевами.

«Такими мы начнемъ становиться, когда пашни будутъ нашею наслѣдственною собственностью, когда будемъ работать только для себя, безъ потери во времени и въ способѣ веденія хозяйства, когда изъ рабовъ сдѣлаемся полезными земледѣльцами.

«Мы позаботимся объ улучшеніи производительности нашихъ полей, и такъ какъ она вполнѣ зависитъ отъ удобренія, будемъ просить владѣльцевъ и общественную власть о вспоможеніи намъ въ покупкѣ скота; это вспоможеніе, безъ барышнической жадности, современемъ сдѣлаетъ плодородными всѣ земли отчизны.

«Въ нашемъ сбытѣ осуществятся уставы страны о тайной торговлѣ (o pokątnych handlach). Мы не будемъ имѣть интереса ни въ ложной утайкѣ имущества, ни въ лѣнивой работѣ; узнáемъ, въ чемъ для насъ польза и въ чемъ потеря.

«Достаточная жатва не позволитъ коснѣть въ лѣности ни намъ, ни нашимъ дѣтямъ; челядь будетъ оплачиваема хорошо и своевременно, и оплаченная—будетъ стараться отблагодарить насъ, содѣйствуя нашей пользѣ возможною акуратностью въ службѣ и навыкомъ въ хозяйствѣ.

«Всѣ будемъ взаимно поддерживать другъ друга состояніемъ, добрыми качествами и знаніемъ. Въ нашихъ дикихъ жилищахъ отрутся слёзы, и печаль замѣнится радостью. Этому будутъ содѣйствовать и браки, которые, при старательномъ воспитаніи дѣтей, увеличатъ количество полезнаго населенія; матери не будутъ, загоняемыя на панщину, оставлять въ люлькахъ спелёнатыхъ ребятъ, при чемъ они или надрываются отъ плача и увѣчатся, или опиваемыя маковымъ ядомъ и погружаемыя при его помощи въ сонъ, подобный смерти, ослабляютъ съ дѣтства свой организмъ и становятся раздражительными до изступленія.

«Кормилицы не будутъ бросать ихъ, отвлекаемыя крѣпостною работой, на поляхъ, гдѣ они подвергаются опасности быть задушенными отъ ужей и жабъ.

«За ними будутъ ухаживать хозяйки, остающіяся дóма для досмотра, и это не помѣшаетъ имъ заниматься въ тоже время своими огородами, въ видахъ улучшенія ихъ, какъ для потребностей собственнаго стола, такъ и для пользы цѣлаго края.

«Вольные хозяева, ставъ предпріимчивыми, насадятъ въ этихъ огородахъ молодыя деревца, улучшатъ вкусъ плодовъ прививкою и, такимъ образомъ, пустынныя нынѣ сёла зацвѣтутъ роскошною растительностью.

«При обиліи рукъ въ избахъ, будетъ кому напрясть, для удобства и для украшенія, и когда прійдетъ праздникъ, въ костёлахъ

не только можно будетъ видѣть здоровыя лица, но и всѣ будутъ прилично и удобно одѣты.

«Тогда-то, наконецъ, дѣйствительно наступитъ древній, всѣми желанный, золотый вѣкъ! Крѣпкія лошади, здоровые волы, многочисленные скотные дворы, богатыя молокомъ коровы, обиліе пищи, достаточность одежды, цвѣтущее здоровье, обезопашенное отъ ярости надсмотрщиковъ, имущество, неприкосновенное для разоренія расточительности,—все это украситъ страну, и она зацвѣтетъ радостью и весельемъ, обогатится населеніемъ при помощи частыхъ браковъ, и укрѣпится хозяйственностью своихъ обывателей. Есть тому примѣры, благодаря филантропіи знаменитыхъ владѣльцевъ, нашихъ вѣковъ; намъ необходимо населеніе, которое, при угнетеніи, не можетъ увеличиваться.

«Благосостояніе сообщится отъ селъ городамъ, поведетъ къ усовершенію ремеслъ, ибо вольный земледѣлецъ не удовлетворится покупкою какихъ-ни-есть, плохихъ издѣлій, въ родѣ пріобрѣтаемыхъ теперь отъ арендаторовъ; благодаря обилію, расширится торговля, для казны облегчится сборъ податей, и правительство страны исполнится гордаго сознанія, что оно управляетъ счастливымъ народомъ.

«Помните, паны, что наука, наблюденія, изобрѣтенія, внѣшній блескъ и полезныя примѣненія обязаны своимъ происхожденіемъ стремленію человѣка къ личной пользѣ; стараться уничтожить этотъ законъ природы—значитъ стремиться возвратить ее (природу) къ темному хаосу.

«Наша свобода возвыситъ цѣнность земли и улучшитъ ея плодородіе; плодородіе дастъ обильное прокормленіе, это послѣднее поведетъ къ увеличенію населенія, къ оживленной торговлѣ и мануфактурной промышленности. Такимъ образомъ, наша свобода будетъ полезна для всѣхъ сторонъ жизни страны. Она ведетъ къ постепенному увеличенію богатствъ края: безъ нея скорѣе можно портить и разорять страну, чѣмъ помогать ей.

«При свободѣ, подъ нашимъ надзоромъ лучше размножатся скотные дворы, чѣмъ въ панскихъ имѣніяхъ подъ наемническимъ надсмотромъ, и всякій изъ насъ назначалъ бы къ продажѣ только излишекъ, остающійся за удовлетвореніемъ собственныхъ потребностей, и раньше позаботился бы о своемъ содержаніи и поддержаніи хозяйства, чѣмъ о горѣлкѣ.

«При размноженіи домашняго скота, мы имѣли бы, сверхъ жатвы, молоко и сыры, и наше здоровье было-бы охранено отъ употребленія неподходящей пищи. Теперь дворы досадуютъ даже на своихъ батраковъ, что, по ходатайству снисходительныхъ пастырей, имъ дозволено употреблять молочное въ постные дни. У насъ чувствуется недостатокъ въ молокѣ, а что̀ есть въ дворахъ—то не для насъ.

«При благосостояніи, котораго не можетъ быть безъ свободы, науки легко принесутъ ту пользу, какую имѣетъ въ виду народное просвѣщеніе.

«Свобода земледѣльца, ограничивъ излишества владѣльцевъ, воспользуется этимъ для возвышенія земледѣлія. Обширныя пустыни наполнятся овчарнями, стадами и скотными дворамя, а гóроды станутъ обработывать изъ нихъ тѣ продукты, которые теперь получаются съ кораблей за дорогую цѣну.

«Просвѣщеніе и образованность отъ сословія правительственнаго и промышленнаго сообщатся богатымъ и многочисленнымъ земледѣльцамъ, и наша страна перестанетъ быть дикою.

«Теперь мы имѣемъ плохую шерсть съ овецъ, валяющихся въ навозѣ; при состоятельности, она у насъ будетъ чистая и нѣжная, пригодная для фабрикъ.

«Природа совершенствуется только подъ рукою состоятельныхъ хозяевъ. При состоятельности и предпріимчивости найдутся руки для хорошей пряжи, и гóроды будутъ болѣе полны фабрикантами, чѣмъ теперь праздношатающимися.

«Не думайте, паны, что старинное Польское массивное серебро, чаши, бокалы были пріобрѣтены, какъ добыча побѣдителей; нѣтъ, они были наполняемы Голландскими и Испанскими талерами; а исторія показываетъ, что Голландія не знала другой добычи, кромѣ добычи отъ обмѣна полевыхъ плодовъ.

«Въ рукахъ хозяевъ деньги не пойдутъ на заграничныя бездѣлки, а на улучшеніе страны, на ознакомленіе съ богатствами, сокрытыми въ землѣ, на прибыльную эксплоатацію земель, водъ, лѣсовъ, горъ, рудъ, лѣкарственныхъ растеній, скотныхъ дворовъ, овчарень, на удержаніе обывателей при выгодахъ отъ прибыльнаго труда и отъ искренняго довольства республиканскими обычаями- такъ-что всѣ будутъ благодарить небо за его благодѣянія землѣ.

«Наши теперешнія болѣзни проистекаютъ отъ подрыва силъ чрезмѣрнымъ трудомъ, отъ простуды, досады, промоченныхъ лаптей, отъ обремененія живота мякиной, отъ курныхъ хатъ, отъ ядовитой, продаваемой Жидами горѣлки. Всѣ онѣ прекратятся, когда не будетъ крѣпостнаго труда, когда народное благосостояніе увеличится.

«Какъ только мы почувствовали бы достаточность средствъ, то, прежде всего, улучшили бы наши жилища, такъ-что они стали бы удобны, а потомъ и украсились бы, по заграничному подобію. Панскія понужденія и расходы не столько могутъ содѣйствовать этому, какъ дѣйствительное благосостояніе крестьянъ.

«Посмотрите, что̀ дѣлаютъ свободные земледѣльцы около Гданскихъ и Эльблёнгскихъ ни́зинъ (żuław), какими валами они удерживаютъ Ногатъ и Вислу, гдѣ у владѣльцевъ не хватило бы милліоновъ; они осушаютъ низменности, при помощи вѣтряныхъ мельницъ выгоняя изъ нихъ воду, и дѣлая такимъ образомъ плодородною землю, бывшую подъ водой.

«Вѣроятно, при свободѣ, даже ваши обширныя Пинскія болота не были бы такъ безполезны; плодородныя долины у ихъ береговъ не заростали бы верескомъ для звѣрей, а колосились бы хлѣбами для людей. Это доказываютъ вамъ ваши закупники и чиншев-

ники-бояре. Имѣются и блистательные примѣры того, какъ владѣльцы, побѣдивъ предубѣжденіе, освобождаютъ крестьянъ, дозволяя имъ перейти на чиншъ, и тѣмъ не менѣе пользуются большимъ доходомъ, а по крайней мѣрѣ—не меньшимъ, чѣмъ имѣли, и притомъ безъ угнетенія, безъ обирательствъ чрезъ экономовъ и надсмотрщиковъ, въ которыхъ и не будетъ надобности, развѣ для полученія въ сроки доходовъ.

«Если затѣмъ не побудитъ васъ освободить насъ изъ рабства наша нищета, пусть убѣдитъ васъ въ этомъ ваша собственная вѣрнѣйшая польза, бóльшее благосостояніе вашего отечества, а наконецъ, пусть послужитъ для васъ побужденіемъ къ этому и слава: вы сдѣлаете счастливыми людей, выведете дикость изъ страны и положите прочную основу для ея процвѣтанія!»

УКАЗАТЕЛЬ*.

Лица.

---

*) Римскія цифры, стоящія передъ Арабскими, означаютъ отдѣлы тома.

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

I

К

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Э

Я

Мѣста.

А

Б

B

В

V, W

Г

G, H

Д

D.

Е

Ж

З

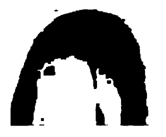
И

I

К

C, CHI, K

Л

L

М

M

Н

N

О

O

П

P

Р

S

Т

T

У

U

Ф

F

Х

Ч

C, Č

Ш

S

Щ

Э

Ю

Ju

Я

Ja

КОНЕЦЪ.

